

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГАОУ ВО «КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО»
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ
СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО
«КФУ имени В. И. Вернадского»

МАТЕРИАЛЫ VIII МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО КОНГРЕССА
ФИЛОЛОГИЯ.
СОЦИАЛЬНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
Симферополь, 7 – 8 апреля 2023 г.

Симферополь
2023

УДК: 81-119:575.82

ББК: 81.40-00

М 341

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: Петренко А. Д., д.филол.н., профессор, ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь)

Редактор: Полховская Е. В., к.филол.н., доцент, ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь)

Состав Редакционного Совета:

Безверхняя А. И., ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь)

Верзун Е. Н., ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь)

Вовк Н. А., ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь)

Мазина Е. Н., ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь)

Радченко Т. А., ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь)

Сборник печатается в авторской редакции. За содержание статей, достоверность цитат, имен, названий и данных ответственность несут авторы публикаций. Редакционный совет не всегда разделяет мнения авторов.

М 341 Филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы : материалы VIII Международного научного конгресса, Симферополь, 7 – 8 апреля г. / ред. Е. В. Полховская. – Симферополь, Издательский дом КФУ, 2023. – 770 с.
ISBN 978-5-6050230-8-1

В сборнике представлены статьи по докладам участников VIII Международного научного конгресса «Филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы», который проходил в г. Симферополь 7 – 8 апреля 2023 г. В представленных публикациях рассматриваются актуальные проблемы социолингвистики, социофонетики и фоностилистики, индоевропеистики, литературоведения, языкознания и корпусной лингвистики, коммуникативистики и прагмалингвистики, лингводидактики, библиотечного обслуживания, диалога культур и полилингвального общества, тюркологии, тюркского языкознания, тюркского литературоведения, культурных кодов славянских языков, семиотики и семантики языковых единиц на современном этапе, преподавания русского языка как иностранного в цифровой среде, художественного текста как объекта научного осмысления и художественного текста в поликультурном коммуникативном пространстве.

УДК: 81-119:575.82

ББК: 81.40-00

ISBN 978-5-6050230-8-1

© ФГАОУ ВО «КФУ им.

В. И. Вернадского», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Абдулятифова Ф. И. ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА КРЫМСКОТАТАРСКИХ ЛЕГЕНД «АЛТЫН БЕШИК» И «КЪАРАСЕВДА» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК.....	16
Александрова И. В., Казарян Н. С. МОТИВ РАЗДЕЛА ИМУЩЕСТВА В КОМЕДИЯХ Н. В. ГОГОЛЯ «ТЯЖБА» И А. Ф. ПИСЕМСКОГО «РАЗДЕЛ»	20
Аржанцева Т. В. ЭЛЕКТРОННЫЕ ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ МОДЕЛИРОВАНИЯ И ПРЕЗЕНТАЦИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ.....	25
Артемова О. А. ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ДЕЙКСИСА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО- СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ	34
Аштиани М. К. Наргес ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА С РУССКОГО ЯЗЫКА НА ПЕРСИДСКИЙ В ИРАНСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ГОРЬКОГО «СЛУЧАЙ С ЕВСЕЙКОЙ»).....	39
Байрамова Ф. О., Щенникова Е. В. ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ ЯЗЫКОМ ОБЪЯВЛЕНИЙ.....	42
Банах Л. С. ОТГОЛОСКИ МАЛОАЗИЙСКОЙ ТРАГЕДИИ В СОВРЕМЕННОЙ ГРЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	46
Бекирова Л. И. ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МОДАЛЬНЫХ СЛОВ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ	52
Беловенцева М. В., Вовк Н. А., Потапова М. А. ТИПЫ РЕАЛИЙ В БРИТАНСКОЙ И НИГЕРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	57
Бурдина А. С. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ АННЫ АХМАТОВОЙ)	64
Васильева Е. А. ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФОРИЕНТАЦИОННЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У КУРСАНТОВ МОРСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ДЛЯ ПРОХОЖДЕНИЯ ТЕСТОВ ТИПА MARLIN'S TEST И CES_5.1	72
Васильева О. А., Борзова И. А., Гулакова И. А. АКТИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕТОД ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ОБУЧАЮЩИМСЯ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В ВУЗЕ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ).....	77
Верзун Е. Н. DECONSTRUCTION OF MEDIA MYTHS IN HUNTER S. THOMPSON'S NONFICTION NOVEL <i>HELL'S ANGELS</i>	81
Вечканова Э. Ю., Вовк Н. А., Аметова Р. К. ЭРГОНИМЫ В МЕДИАТЕКСТАХ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	87

Влищева Э. Л., Бондаренко Л. В. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ КОДЫ В РОМАНЕ С. КИНГА «ПОД КУПОЛОМ».....	91
Вовк Н. А., Пенерджи Е. С. ПРОЦЕССЫ ТЕЛЕСКОПИИ В АНГЛИЙКОМ ЯЗЫКЕ	97
Гладкая И. С., Пелипась Н. И. МІЖТЕКСТОВА ВЗАЄМОДІЯ ІНСКРИПТІВ (НА ПРИКЛАДІ ОСОБИСТОЇ БІБЛІОТЕКИ ПРОФЕСОРА О. І. ГУБАРЯ).....	101
Гриняк О. А. ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ИСТОКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИМПЛИЦИТНОГО СМЫСЛА (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА)	105
Гришина С. А. СВОЕОБРАЗИЕ ЛИРИЧЕСКОГО СЮЖЕТА КНИГИ СТИХОВ К. Д. БАЛЬМОНТА «БУДЕМ КАК СОЛНЦЕ»: СТРУКТУРА И ФОРМИРОВАНИЕ	110
Громова А. В., Головачева Е. С. ИРАНО-КОРЕЙСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ: ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ НОВЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ-КОРЕИЗМОВ В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ	117
Губарь Р. П. ЯЗЫКОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	123
Дехтярева Е. В. ЩОДО ОСОБЛИВОСТЕЙ ВИКОРИСТАННЯ ДІАЛЕКТНИХ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ У ХУДОЖНІХ ТВОРАХ	128
Джапарова А. Р. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ТЕКСТЕ БРИТАНСКОГО РЕКЛАМНОГО СООБЩЕНИЯ.....	132
Доминенко Н. В., Вовк Н. А., Веселова А. А. НЕОЛОГИЗМЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПЕРИОДИКЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	138
Емельянова. Т. А., Шапошник Н. А. БОЖЕСТВЕННАЯ ЦВЕТОМУЗЫКА О. МЕССИАНА.....	142
Забашта Р. В. СИСТЕМА СИЛЬНЫХ ПОЗИЦИЙ ТЕКСТА В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ	146
Завалишина А. А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОРОКОВ ЧЕЛОВЕКА В РУССКИХ И УКРАИНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ	154
Зубенко Н. В. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИДЕИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ	159
Капустина С. В. ЛЕКСИЧЕСКИЕ НОРМЫ В РЕЧИ ЭКСКУРСОВОДА: «СОБЛЮСТИ НЕЛЬЗЯ НАРУШИТЬ».....	164

Кириллова И. И. СПЕЦИФИКА ОТБОРА ЛЕКСИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ДЛЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ЛАТИНСКОМУ ЯЗЫКУ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ	169
Козыкина А. А. ГЕНДЕРНО-МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА И ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ТРИЛОГИИ ЛЮКО ДАШВАР «БИТЫЕ ЕСТЬ»).....	174
Конкова А. М., Никитина Ю. А. ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	179
Коновалова Е. А. СТРУКТУРА СЕМАНТИЧЕСКОГО ГЕШТАЛЬТА «ЦАРЬ» (НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНЫХ СЛОВАРЕЙ).....	183
Костинская Д. С. КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ	189
Кравинская Ю. Ю., Чиковани Т. В. ПРЕЗЕНТАЦИЯ ГИБРИДНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МАОРИ В ДИСКУРСИВНОМ ПОЛЕ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОСТИ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ	193
Кривенко О. В. ПРОЕКЦІЇ ФОЛЬКЛОРНОГО ХРОНОТОПУ «ІНШИЙ-СВІТ» (НА ПРИКЛАДІ МУЛЬТФІЛЬМУ «КОРАЛІНА У СВІТІ КОШМАРІВ»)	197
Курьянов С. О. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ СВЕРХТЕКСТА	203
Курьянов С. О., Ильницкая А. А. К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО МИФА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XIX ВЕКА.....	209
Курьянова В. В. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АФОРИЗМА «ВСЕ СЧАСТЛИВЫЕ СЕМЬИ ПОХОЖИ ДРУГ НА ДРУГА...» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА	214
Лазариди С. А. ЛЕКСИКО-ФОНЕТИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОНТИЙСКОГО ДИАЛЕКТА.....	218
Левцкий А. Э., Бибер С. ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА С ПОЗИЦИЙ ЛИНГВО- И ЭТНОСОЦИУМОВ	225
Лесова-Юзефович Н. С., Веденина А. И. НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В XXI ВЕКЕ	229
Литвиненко Д. В. ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ЯЗЫКА ИДИШ И ЕГО СОВРЕМЕННЫЙ СТАТУС	233

Литвинчук И. Н. МОТИВАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОСВОЕНИИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ЛИНГВО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КУРСОВ.....	237
Лихачёв Э. В. РИСКИ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОЦИОЛЕКТЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО СЕГМЕНТА ИНТЕРНЕТА	242
Ломакина И. Н. ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОЙ МИФОЛОГИЗАЦИИ В РОМАНЕ ВИКТОРИИ ХИСЛОП «ОСТРОВ».....	247
Магаметов А. Р. СЛЕДСТВЕННЫЙ СОЮЗ «ФА» И ЕГО ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В АРАБСКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТА КОРАНА.....	251
Майборода С. В. КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРИЁМЫ «ОБРАТНОЙ СВЯЗИ» В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ	255
Меджитова Э. Н. СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ВИДОВ РУССКОГО ГЛАГОЛА ПРИ ПЕРЕДАЧЕ НА КРЫМСКОТАТАРСКИЙ ЯЗЫК	260
Мележик К. А., Вершицкая Е. Р. E-LEARNING FOR STUDENTS' COMMUNICATION STUDY COMPETENCES	265
Меметов И. А., Мустафаева Э. С. СКАЗКИ КАК ЖАНР ТУРЕЦКОГО ФОЛЬКЛОРА И АВТОРСКИЕ СКАЗКИ НА ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	270
Меметова Э. Ш. ЛЕКСИКО-ФОНЕТИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА НАСТАВИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ «Фукарәниң карысы»	276
Миколайчик М. В. СОЗДАНИЕ ТЕСТОВ С ВЛОЖЕННЫМИ ОТВЕТАМИ В СИСТЕМЕ MOODLE: ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА	281
Новикова Е. А., Чернявская О. Г. ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА СПОРТИВНОГО ИНТЕРВЬЮ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	286
Норец М. В. ПРОБЛЕМА ВАРИАТИВНОСТИ В ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА	289
Онищенко Ю. В. РЕАЛИЗАЦИЯ ФОНЕМЫ [Т] В РЕЧИ БРИТАНЦЕВ-УЧАСТНИКОВ КОМЕДИЙНОГО ТОК-ШОУ	292
Орехов В. В. ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Ф. Ж. ДЕ БАЗАНКУРА КАК ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	297
Орехова Л. А. К ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ КРЫМА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА.....	302

Пантелеенко О. А. РОДНОЙ ЯЗЫК И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ИТАЛЬЯНЦЕВ	307
Перепечкина С. Е., Анисеева Е. А. НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЕ СООБЩЕСТВО БЕЛЬГИИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ	311
Петренко А. Д., Петренко Д. А., Вовк Н. А. НИГЕРИЙСКИЙ ВАРИАНТ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ.....	317
Петренко А. Д., Хренова Т. С. РЕГИОНАЛИЗМЫ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА.....	322
Петренко Д. А., Вовк Н. А., Афанасьева Б. А. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИДЕОЛОГЕМЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ОСНОВЕ СТАТЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ)	327
Полховская Е. В., Мазина Е. Н. БИБЛЕЙСКИЙ СЮЖЕТ В СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ДРАМАТУРГИИ: «ИОНАДАВ» ПИТЕРА ШЕФФЕРА	333
Пономарёва А. В., Воронцова Н. К. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ЭКОНОМИИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В ЭТНОСОЦИОЛЕКТЕ «КАНАКИШ»	339
Прайд О. Ю. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИГРЫ: ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОДИДАКТИКА.....	344
Радченко Т. А. МИФИЧЕСКОЕ В РОМАНЕ Д. МИТЧЕЛЛА <i>GHOSTWRITTEN</i>	348
Рыжикова М. Д. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ: К ВОПРОСУ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ.....	353
Савичева Д. Э. ПРОЦЕСС ТРАНСОНИМИЗАЦИИ ПОЭТОНИМА <i>АССОЛЬ</i> (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКОВ).....	357
Самойленко Н. Б., Георгиади А. А. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО ФИЛОЛОГА К МЕЖКУЛЬТУРНОЙ МЕДИАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ	362
Сдобнова С. В., Погрибняк Д. Н. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС- АНАЛИЗА НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ (на примере статьи «Neue Berechnungen zeigen Belastungen von Familien mit niedrigen Einkommen»).....	367
Сегал Н. А., Диброва С. М. ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ <i>РАСКОЛЬНИКОВ</i> В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ СМИ: СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА, ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ	372
Силин В. В. СВЯЗНОСТЬ И ЦЕЛОСТНОСТЬ ТЕКСТА.....	376
Сирица Е. А. SOCIO-LINGUISTIC ASPECTS OF INDIAN ENGLISH IN DELHI.....	381
Скляренко А. В. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕСЕННОГО ДИСКУРСА СОВРЕМЕННЫХ ФРАНЦУЗСКИХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ	387

Службина А. Г., Вовк Н. А., Черненко В. О. ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	392
Стрембицкая Н. С., Стрембицкая Л. И. ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ ДЛЯ РАБОТЫ В СФЕРЕ ТУРИЗМА И ГОСТЕПРИИМСТВА.....	396
Таткало Н. И., Саркисян И. Р. КОМПЕТЕНЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РКИ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ, СОЗВУЧНЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XXI ВЕКА.....	401
Титаренко Ж. А., Бондаренко Л. В. ОБРАЗЫ СУПЕРГЕРОЕВ В АМЕРИКАНСКОМ КИНОДИСКУРСЕ.....	409
Умерова К. Э. АНТРОПОНИМИЧЕСКОЕ ПОЛЕ АРАБСКОЙ РУКОПИСИ СОБРАНИЯ СКАЗОК «ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ»: СОЦИАЛЬНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ АРАБСКОГО ВОСТОКА	415
Халитова А. З., Кубединова Л. Ш. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ РЕАЛИЙ В РОМАНЕ «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» (ЧАСТЬ ПЕРВАЯ) М. Ю. ЛЕРМОНТОВА НА АНГЛИЙСКИЙ И КРЫМСКОТАТАРСКИЙ ЯЗЫКИ	420
Хлыбова Н. А., Вовк Н. А., Роженцова К. И. ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В АНГЛИЙСКОМ НОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ ...	428
Холодняк О. С., Вовк Н. А., Овчинникова Е. Е. ПРОПАГАНДА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	433
Храбскова Д. М., Вовк Н. А., Агиевич А. С. ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ПОВЕСТИ ДЖОНА ФАУЛЗА «БАШНЯ ИЗ ЧЕРНОГО ДЕРЕВА»: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	440
Чабаненко Т. С. КАК СООТНОСЯТСЯ РАЗЛИЧНЫЕ КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ РАЗРЯДОВ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ	444
Чернобай С. Е., Бут Е. С. СЕМАНТИКА АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ИМЕНАМИ СОБСТВЕННЫМИ	448
Чернобай С. Е., Ибрагимова Т. И. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	453
Чернышова М. В., Петрова Ю. А. ПРИМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «BUSUU» В ПРАКТИКЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ	458
Чернышова Т. Г., Жужулина Е. А. АСТРОНОМИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В ЦИКЛЕ РОМАНОВ СЕРГЕЯ ЛУКЪЯНЕНКО «СОГЛАШЕНИЕ».....	463
Чернышова Т. Г., Родивилов С. О. ОСНОВЫ ЭФФЕКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ И СЛЕНГ В ИТ.....	467

Чернышова Т. Г., Шеремет А. В. ИЗУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЕТЬМИ ПОСРЕДСТВОМ ОБУЧЕНИЯ ПРОГРАММИРОВАНИЮ	471
Швец В. С. ІНТЕРПРЕТАЦІЯ ТЕКСТУ ДАВНЬОРУСЬКОЇ ДРАМИ «МИЛОСТЬ БОЖА» ЛЮДМИЛОЮ СТАРИЦЬКОЮ-ЧЕРНЯХІВСЬКОЮ: ТРАДИЦІЇ ТА НОВАТОРСТВО	474
Шевель В. Г. КОНЦЕПЦИЯ КОИДЕНТИФИКАЦИИ ГОВОРЯЩИХ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОФОНЕТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ	480
Шевченко Н. В., Вовк Н. А., Охотникова М. А. БРЕНДЫ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ...	485
Шиманович А. Н., Аванесова Л. Г. REFLECTION OF EXISTING ETHNIC STEREOTYPES IN THE LEXICAL SYSTEM OF MODERN ENGLISH	489
Щербачук Л. Ф., Андрейченко О. И. МЕТАФОРИЗАЦИЯ ЭМОЦИИ <i>ГНЕВ</i> В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ КАК КОГНИТИВНЫЙ ПРОЦЕСС	493
Юнусов Ш. Э. АЙДЕР ОСМАННЫНЪ ЭДЕБИЙ-ТЕНКЪИДИЙ БАКЪЫШЛАРЫНЫНЪ ХУСУСИЕТЛЕРИ	501
Ягенич Л. В. ДИСКУРСИВНАЯ СТРУКТУРА МЕДИЦИНСКОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ДИССЕРТАЦИЙ XIX ВЕКА)	506

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Абсеметова Э. С., Шибеева И. В. Лингвистические особенности интернет-коммуникации на страницах СМИ ...	513
Александрова В. В. PSYCHOPHYSIOLOGICAL FEATURES OF EMOTIONAL RESPONSE	516
Алмазова Э. А. ФОРМИРОВАНИЕ ФОНЕТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ С ПРИМЕНЕНИЕМ МЕДИАТЕХНОЛОГИЙ У УЧАЩИХСЯ 5-6 КЛАССОВ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	518
Аметова П. М. МИФ О ЛЕДЕ И ЛЕБЕДЕ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ У. Б. ЙЕЙТСА	521
Андреева Т. М. КОГНИТИВНИЙ АСПЕКТ ДОСЛІДЖЕННЯ ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЬ НА ПОЗНАЧЕННЯ ІНТЕЛЕКТУАЛЬНИХ ЗДІБНОСТЕЙ ЛЮДИНИ	523
Асанова М. Р. PSYCHOLOGICAL PORTRAITS OF HAZEL AND AUGUSTUS IN THE NOVEL <i>THE FAULT IN OUR STARS</i> BY JOHN GREEN	525
Ахтемова А. Э. ОБРАЗЫ ЖИВОТНЫХ В СКАЗКАХ КРЫМСКИХ ТАТАР	528

Бабенко К. В. GENRE PECULIARITIES IN THE TRANSLATION OF FICTION (BASED ON THE NOVEL <i>WINTER PEOPLE</i> BY JENNIFER MACMAHON)	530
Баранова С. А. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ В 7 КЛАССЕ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ.....	532
Баталова Э. Р. ЮСУФ БОЛАТНЫНЪ «АЛИМ» РОМАНЫНДА КЪАРАМАНЛАР СИСТЕМАСЫ ВЕ ЭСЕРНИНЪ ПРОБЛЕМАТИКАСЫ.....	535
Бахолдина О. А. PRAGMATIC ASPECTS OF TRANSLATION OF YOUNG ADULT LITERATURE	537
Безверхняя А. И. РОМАН Д. МИТЧЕЛЛА «ОБЛАЧНЫЙ АТЛАС» В КОНТЕКСТЕ ПОНИМАНИЯ И ПЕРЕДАЧИ АВТОРСКОГО СТИЛЯ НА РУССКИЙ ЯЗЫК	539
Бекиров Р. А. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И НЕМОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАНИЯ ГЛАГОЛА ЕГИПЕТСКОГО ДИАЛЕКТА	541
Бекирова З. С. OCCASIONALISMS AND PECULIARITIES OF THEIR TRANSLATION.....	544
Беспалова Е. К. РОМАН С. ИНГ «ВСЕ, ЧЕГО Я НЕ СКАЗАЛА» И ТРАДИЦИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ПРОЗЫ: ПОЭТИКА УМОЛЧАНИЯ	546
Билялова Э. Д. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ	548
Вагапова З. Л. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕДИАДИСКУРСА НОВОЗЕЛАНДСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	552
Вознюк А. В. ЗАГАДКА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	554
Гаркавенко А. В. АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ КАК МОДЕЛЬ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО АКТУАЛИЗИРОВАННОЙ ЧАСТИ ЛЕКСИКОНА	557
Георгиади А. К. ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОГНИТИВНОГО КОМПОНЕНТА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ.....	560
Германенко В. О. ФЕНОМЕН РЕКЛАМЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ.....	563
Гриценко В. Ф. РОЛЕВАЯ ИГРА В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ОНЛАЙН.....	566
Гришина С. А. ПЕРСПЕКТИВЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОБЛЕМЫ СВЕРХТЕКСТА КАФЕДРЫ РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ...	570

Демидова Д. А. МОСКВА КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ И КОНЦЕПТ В РОМАНЕ Н. ФОН ШИРАХА «BLASSE HELDEN»	573
Дюсекеева М. Р. ПОСТМОДЕРНИСТСКОЕ ВИДЕНИЕ ПРОБЛЕМ БЫТИЯ В ПЬЕСЕ ТОМА СТОПΠΑРДА «ТРУДНАЯ ЗАДАЧА»	576
Ермолаева Э. К. ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО РОМАНА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ Д. ТАРТТ)	579
Звонникова В. В. ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ А. А. АХМАТОВОЙ)	582
Зеленская А. А. ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ДЕТСКОГО ФЭНТЕЗИ НА ПРИМЕРЕ ЦИКЛА КНИГ КОРНЕЛИИ ФУНКЕ «ЧЕРНИЛЬНАЯ ТРИЛОГИЯ»	585
Зябрева Г. А., Ишин А. В. ПОЭМА А. БЛОКА «ДВЕНАДЦАТЬ»: СОЦИАЛЬНОЕ И ФИЛОСОФСКОЕ Зябрева Г. А., Шмигельская Л. Р. «ВЕЛИКОЕ ПЯТИКНИЖИЕ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО КАК ТЕКСТОВОЕ ЕДИНСТВО	588
Ибраимова З. С. МЕМЕТ НУЗЭТНИНЪ ЭСЕРЛЕРИНДЕ ШИВЕ ХУСУСИЕТЛЕРИ («КЪЫРЫМНЫНЪ ЧЁЛЬ АЯТЫНДАН» ШИИРИ ЭСАСЫНДА)	590
Ибраимова Ф. А. ПОТЕНЦИАЛ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИАДИСКУРСА КАК ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОГО РЕСУРСА В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА РУССКОЯЗЫЧНЫМ СТУДЕНТАМ	593
Иванова Н. П. ГРИНОВСКИЙ ТЕКСТ В РУССКОЙ ЛИРИКЕ XX ВЕКА КАК ПЕРСОНИЧЕСКИЙ СВЕРХТЕКСТ	595
Ильясова К. Р. ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПОРТРЕТИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРВЬЮ С РУССКОЯЗЫЧНЫМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ЭТНОСОВ КРЫМА)	598
Келембетов Д. В. ИССЛЕДОВАНИЕ ЖАНРА КОМЕДИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В РАБОТАХ И. В. АЛЕКСАНДРОВОЙ	602
Колодий М. И. РУССКИЕ РЕАЛИИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ «ИЗ РОССИИ С ЛЮБОВЬЮ» ЯНА ФЛЕМИНГА	605
Корниук Д. Д. ЭРРАТИВЫ КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ПЕРЕДАЧИ ВЕРБАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В МЕМЕ	608
Кохан О. Н. ТОПОГРАФИЯ ЛОНДОНА В НЕОВИКТОРИАНСКОЙ ПРОЗЕ САРЫ УОТЕРС	611
	614

Кривенко Ю. Ю. СЛОГАН КАК РЕГУЛЯТИВНАЯ ЕДИНИЦА (НА ПРИМЕРЕ РЕКЛАМНЫХ НОМИНАЦИЙ РОССИЙСКИХ КИНОФИЛЬМОВ)	617
Крутиков А. П. ОСОБЛИВОСТІ ІНТЕРПРЕТАЦІЇ НАРОДНОМАГІЧНОГО ХРОНОТОПУ В СУЧАСНІЙ ПОПУЛЯРНІЙ КУЛЬТУРІ (НА ПРИКЛАДІ МУЛЬТИПЛІКАЦІЙНОГО ФІЛЬМУ «КОРАЛІНА У СВІТІ КОШМАРІВ»)	619
Кудишин Г. А., Шibaева И. В. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТРАНСФОРМИРОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЛИТЕРАТУРНЫХ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)	622
Кудусова Э. Р. АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТ Т. В. АРЖАНЦЕВОЙ)	626
Купченко Д. О. СПЕЦИФИКА ДИСКУРСА ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРВЬЮ	630
Курбанова Н. М. СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ЛИЧНОСТИ-АЙДОЛА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЛАЙФСТАЙЛ ДИСКУРСЕ	633
Кутсова В. В. THE ROLE OF FUNCTIONAL ASYMMETRY OF THE BRAIN IN THE FORMATION OF SOCIAL BEHAVIOUR OF PRESCHOOL CHILDREN	637
Кучер А. М. ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ СТРУКТУРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА ПОВЕСТИ В. С. МАКАНИНА «ЛАЗ»	639
Лапин Д. В. ЖАНРОВЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКИХ МУЗЫКАЛЬНЫХ РЕЦЕНЗИЙ	642
Левченко С. И. ВІДОБРАЖЕННЯ ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЬ З КОМПОНЕНТОМ «ЖИТТЯ» У ХУДОЖНІХ ТВОРАХ УКРАЇНСЬКИХ ПИСЬМЕННИКІВ	645
Лиховидова И. В. СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С НУМЕРАТИВНЫМ КОМПОНЕНТОМ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	647
Лободина Ю. В. РЕЧЕВЫЕ НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКИЕ ЭТИКЕТНЫЕ ФОРМУЛЫ С ЛЕКСМОЙ «СВЕТ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	650
Люшин И. П. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «ГРЕЧЕСКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ» (НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОПЛОЩЕНИЯ ОБРАЗА ИОАННА КАПОДИСТРИИ)	652
Мамедлаева А. Ф. ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА СЕМАНТИЧЕСКОГО ДИФФЕРЕНЦИАЛА ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ МОТИВАЦИОННЫХ УСТАНОВОК ПОТРЕБИТЕЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ)	655

Марченко Э. С. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ИДИОМАТИЧНЫХ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ В. И. ДАЛЯ)	658
Масель Е. И. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С АНТРОПОНИМИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В ПЕРИОДИКЕ	661
Минин В. А. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК СКАЗКИ «МАХПАРЕ»	664
Минчик С. С., Козлова Д. Д. ОТ -МАНИИ ДО -СФЕРЫ: ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФАМИЛИИ ГРИБОЕДОВ.....	667
Михайлова Ю. С. МИФОЛОГЕМА СУДЬБЫ В ПОЭЗИИ ЯННИСА РИЦОСА	670
Некрасова К. Д. СИСТЕМА УПРАЖНЕНИЙ, НАПРАВЛЕННАЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С ПРИМЕНЕНИЕМ ГЕЙМИФИКАЦИИ.....	672
Онуфриев Д. С. ЧЕРТЫ АНГЛИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ОБРАЗЕ ДЖЕЙМСА БОНДА В РОМАНЕ ЯНА ФЛЕМИНГА «КАЗИНО РОЯЛЬ»	675
Оскома Л. П. АРХЕТИПНИЙ СИМВОЛ «ДОЛЯ» У ФРАЗЕОЛОГІЧНІЙ СИСТЕМІ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ	678
Павлухина А.-М. Н. ПРИЁМ КОНТРАСТА В РАССКАЗАХ Д. Г. ЛОУРЕНСА.....	681
Палеева М. С. ИРОНИЯ И ГРОТЕСК В ПОЭЗИИ А. А. ВОЗНЕСЕНСКОГО	683
Петренко Д. А., Соловьева К. К. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА В ГЕРМАНИИ	686
Потапова Р. К., Потапов В. В., Горбунов П. И. К ОПЫТУ ХРАНЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ С ПОМОЩЬЮ ОБЛАЧНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	689
Приходько Ю. А. САКРАЛЬНОЕ И ПРОФАННОЕ В ПОЭМЕ «ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН» В. МАЯКОВСКОГО.....	691
Рейнова А. В. ПЕРЕВОД СЛОЖНОСОСТАВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ОБРАЗНОЙ СЕМАНТИКОЙ.....	693
Рейнова А. В. ИССЛЕДОВАНИЕ ИГРЫ СТИЛЕЙ В РАБОТАХ Е. Н. МАЗИНОЙ И Е. В. ПОЛХОВСКОЙ.....	696
Рудяков Л. А. СОЦИОФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО ГОРОДСКОГО	699

ПРОСТОРЕЧИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА КЁЛЬН).....	
Семейкина И. С.	
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА ХРИСТИАНСКИХ САЙТОВ ШВЕЙЦАРИИ.....	701
Семенова А. С.	
АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «УСПЕХ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ КРЫМСКИХ ВУЗОВ.....	703
Симоненко А. В.	
ОЦЕНОЧНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «МИГРАНТ» В РОМАНАХ ДЖ. ЛАНЧЕСТЕРА “CAPITAL” И С. ФОЛКСА “A WEEK IN DECEMBER”	706
Слушаенко Д. Р.	
ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В РЕЧИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ	710
Соборова К. В.	
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТ Т. В. АРЖАНЦЕВОЙ)	712
Спиридонов И. В.	
NATIONAL REPRESENTATIONS IN AMERICAN SONG GENRE	714
Султанова Д. В.	
АПЕЛЛЯТИВАЦИЯ АНТРОПОНИМОВ (НА ПРИМЕРЕ ФАМИЛИЙ ЗВЕЗД СОВРЕМЕННОЙ ЭСТРАДЫ)	716
Тарасевич А. Р.	
THE PROBLEM OF ADEQUACY OF POETIC TRANSLATION FROM RUSSIAN INTO ENGLISH	718
Тимошенкова С. А.	
ЧИЛИЙСКИЙ ВАРИАНТ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	720
Толстова А.С., Валеева Л.В.	
МОДЕЛИРОВАНИЕ КОМПРЕССИИ КАК СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАГОЛОВКОВ РОССИЙСКИХ СМИ).....	722
Усеинов Т. Б.	
СОЗДАНИЕ СБОРНИКОВ КРЫМСКОТАТАРСКИХ ПОСЛОВИЦ: ИСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИЙ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ	725
Усеинова А. Л.	
ЮСУФ БОЛАТНЫНЪ ИКЯЕЛЕРИНДЕ ЭМОЦИОНАЛЬ-ЭКСПРЕССИВ РЕНКЛИ ЛЕКСИКАНЫНЪ КЪУЛЛАНУВЫ.....	728
Хаванская Э. А.	
ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА В ПУБЛИКАЦИЯХ ЭКС-ПРЕЗИДЕНТА США ДОНАЛЬДА ТРАМПА В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ “TWITTER”	730
Харченко М. А.	
ПРОБЛЕМА ПРЕДМЕТНО-ЯЗЫКОВОГО ИНТЕГРИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ (CLIL - CONTENT AND LANGUAGE INTEGRATED LEARNING) В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ	733

Хлус А. Б. ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК РОДНОМУ И КАК ИНОСТРАННОМУ (НА МАТЕРИАЛЕ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИХ РАБОТ Т. В. АРЖАНЦЕВОЙ)	736
Хребтович К. А. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ РЕМАРОК В ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛЕСИ УКРАИНКИ	740
Челебиев Д. Э. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ.....	742
Чеченева О. А. DISCLOSURE OF SONMI'S IMAGE IN FICTION (BASED ON D. MITCHELL'S NOVEL <i>CLOUD ATLAS</i>)	745
Швец К. Н. ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПЬЕСЫ КРИСТОФЕРА МАРЛО «ДОКТОР ФАУСТ»	748
Шемякина Е. В. ОСКОРБЛЕНИЕ КАК ОСНОВНОЕ СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ЯВНОЙ ИНВЕКТИВЫ	750
Шерфединова Л. Р. МЕМЕДЕМИН ЯШАРНЫНЪ ШИИРЛЕРИНДЕ ПОЭТИКА ХУСУСИЕТЛЕРИ	753
Широколава А. А. ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ ГОВОРЕНИЯ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В 7 КЛАССЕ В ШКОЛЕ С УГЛУБЛЕННЫМ ИЗУЧЕНИЕМ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ	756
Шиян М. В. ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ЛИНГВИСТИКЕ.....	759
Щербачук Л. Ф., Мухаммаднабиева О. Б. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АНТИЧНОЙ МИФОЛОГИИ В ТЕКСТАХ СМИ.....	761
Эбасан С. Р. АСАН ЧЕРГЕЕВНИНЪ «АДЖЫ ИСЛЯМ МОЛЛА» ПЬЕСАСЫНЫНЪ ТАЛИЛИ: (ФОНЕТИК, МОРФОЛОГИК ВЕ ЛЕКСИК АСПЕКТЛЕРИ)	764
Юрченко В. Ю. ЭМПАТИЯ И КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В РАМКАХ КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНОГО ПОДХОДА К ПРЕПОДАВАНИЮ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТ И. Н. ЛИТВИНЧУК)	767

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА КРЫМСКОТАТАРСКИХ ЛЕГЕНД «АЛТЫН БЕШИК» И «КЪАРАСЕВДА» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Ф. И. Абдулятифова,

*обучающаяся 4-го курса кафедры английской филологии, Институт
филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В данной статье автором рассматриваются трудности перевода крымскотатарских легенд «Алтын бешик» и «Къарасевда» на английский язык. Актуальность исследования обусловлена значимостью исследуемых единиц для понимания особенностей менталитета крымскотатарской культуры для представителей других национальностей и улучшения процесса межкультурной коммуникации. Научная новизна работы заключается в том, что впервые предпринята попытка исследования трудностей передачи крымскотатарских реалий и фразеологизмов на английский язык. Целью исследования является выявление реалий и фразеологических единиц и их анализ.

Ключевые слова: крымскотатарская легенда, реалия, фразеологическая единица, межкультурная коммуникация, этнографическая ценность.

Summary. In this research the author considers the difficulties of translating Crimean Tatar legends “Altyn Beshik” and “Qarasevda” into English. The relevance of the study is due to the importance of the studied units for understanding the specifics of the Crimean Tatar mentality for the representatives of other nationalities and improving the process of intercultural communication. The scientific novelty of the work consists in the fact that for the first time an attempt has been made to study the difficulties of the transmission of Crimean Tatar realities and phraseological units into English. The aim of the study is to identify realities and phraseological units and their analysis.

Key words: Crimean Tatar legend, reality, phraseological unit, intercultural communication, ethnographic value.

Произведения устного народного творчества, такие как сказки и былины, легенды и мифы, которые широко представлены практически в каждой культуре и которые со временем приняли письменную форму, являются богатой основой для лингвистического исследования. Лингвисты с разных точек зрения изучают языковые особенности, присущие, например, тексту легенды, что позволяет проследить формирование языка того или иного народа, а через призму языка – его понимание мира. Одним из самых распространенных и интересных фольклорных жанров для исследования с точки зрения лингвистики является легенда. История легенды насчитывает тысячи лет, но до сих пор она не потеряла своей актуальности, будучи прекрасным источником рассказа о прошлом. Как отмечал С. И. Ожегов: «Легенда – поэтическое предание о каком-н.

историческом событии» [6, с. 528]. Таким образом, легенда – недостоверное повествование о фактах реальной действительности.

В ходе анализа крымскотатарских легенд мы выяснили, что трудностями перевода являются перевод реалий и фразеологизмов.

В лингвистике существует несколько определений реалий. Однако мы придерживаемся точки зрения болгарских переводоведов С. Влахова и С. Флорина. В их понимании реалии – это «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу на общих основаниях, требуя особого подхода» [3, с. 47]. С. Влахов и С. Флорин выделяют классификацию, согласно которой реалии следует делить по их «коннотативным значениям», то есть в зависимости от местного и временного колорита. Также они выделяют предметную, временную и местную классификации реалий. В данной работе мы более подробно рассмотрим группу реалий, входящих в предметное деление, согласно которому, все реалии делятся на географические, этнографические и общественно-политические.

А термин «фразеологическая единица» мы определяем вслед за советским лингвистом, В. В. Виноградовым: «Фразеологическая единица (фразеологизм или фразеологический оборот) – это лексически неделимое, устойчивое в своём составе и структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы» [1, с. 140].

Источником материала для данного исследования послужили крымскотатарские легенды «Алтын бешик» и «Къарасевда». Оригиналы легенд, по мнению ученых, вероятно, скрыты в библиотечных архивах, однако до этого времени ведутся споры об этом. Конечно же, есть варианты легенд, написанные на русском языке в конце XX и начале XXI веков. Но стоит отметить, что данные легенды адаптированы к русскоязычной культуре, т.е. некоторые крымскотатарские реалии и фразеологизмы заменили другими словами, вследствие чего они утратили свою этнографическую ценность и национальный колорит. Для анализа были взяты версии легенды на крымскотатарском языке и на русском.

В результате исследования первой легенды «Алтын бешик» для перевода на английский язык были отобраны следующие реалии и фразеологические единицы:

- Географические реалии: *яйла* (название места) – *yaula*.
- Этнографические реалии: *зурна* (деревянный духовой музыкальный инструмент) – *zurna*, *сантур* (струнный ударный музыкальный инструмент) – *santur*; *чабан* (человек труда) – *shepherd*; *дервиш* (почтительное название суфийского проповедника) – *dervish*; *къош* (национальное название для загона овец) – *kjosh*; *джинн* (дух) – *jinn*; *Иблис* (злой дух) – *Iblis*; *юрт* (вид жилища) – *jurt*; *къумыс* (вид напитков) –

kumiss, буза (вид напитков) – *boosa*; *куреш* (национальный вид борьбы) – *kuresh*; *кизил* (название ягоды, которая растет только в пределах Кавказа и Крыма) – *dogwood*; *джез къазан* (название посуды из латуни) – *jeez kazan*; *аркан* (толстая веревка с петлей на конце) – *arcap*.

- Общественно-политические реалии: *хан* – *khan*, *хан-заде* – *khan zadeh* (наследник престола), *падишах* (титул) – *radishah*, *халиф* (титул) – *khalif*; *орда* (войско) – *horde*.

- Фразеологические единицы: *козь янъыгъы* (досл. боль для глаз) – *rain for the eyes*. Нами было подобрано словосочетание на английском языке с подходящим значением, но оно не передает культурные особенности данной фразеологической единицы. Так как в древние времена на Крымском полуострове шли войны с большими потерями, вследствие чего разрушались города и рушились судьбы, людям была присуща жестокость. Это легло основой для данного фразеологизма, ведь всё, что видели люди, было болью для их глаз.

Вследствие анализа второй легенды, «Къарасевда», для перевода на английский язык были отобраны следующие реалии и фразеологические единицы:

- Географические реалии: *Таракъташ* – *Taraktash*, *Къуш-къая* – *Kush-Kaya*, *Алчакъ-къая* – *Alchak-Kaya*, *Судакъ* – *Sudak*, *Къоз кою* – *Koоз кою*, *Девлет дере* – *Devlet dere*, *Къутакъ* – *Kyutak*, *Къанысхор* – *Karyushor*, как названия местности.

- Этнографические реалии: *буза* (вид напитка) – *buzа*; *могедек* (вид транспорта) – *cart*; *давул* (музыкальный ударный инструмент) – *davul*, *даре* (музыкальный ударный инструмент) – *dare*; *нишанлы* (засватанная девушка, которой принесли подарки) – *engaged*; *йигит* (молодой неженатый крепкий парень) – *jigit*; *дайы* (брат матери, дядя) – *uncle*; *уйбе* (название дорожной сумки) – *road bag*; *айдамакъ* (разбойник) – *highwayman*; *къылыч* (вид оружия) – *sabre*; *къайтарма* (название крымскотатарского народного танца) – *haytarma*.

- Общественно-политические реалии: *алтын* (золотая монета, денежная мера) – *golden coin*, *капик* (копейка, денежная мера) – *kapik*.

- Фразеологические единицы: *сыджакъ сѣз* (досл. горячее слово) – *passionate speech*, *баш язысы* (досл. надпись на голове) – *every bullet has its billet*, *устъ-башы уръян-пурьян* (досл. один-одинешенек) – *all alone*. Нами были подобраны словосочетания или фразеологические единицы с подходящим смыслом или соответствующим значением, но национальные особенности оригинальных словосочетаний все равно были утрачены. Например, происхождение фразеологизма «*сыджакъ сѣз*». Его можно трактовать по-разному, как изливание души, горячий порыв. Но в данном случае он исходит от эмоций парня, который хотел жениться на любимой девушке, но она уже была замужем. Он был разъярен и расстроен и высказал всё, что думает. То есть подобранный перевод не передает крымскотатарского колорита.

Мы выяснили, что к некоторым реалиям из данных легенд мы можем подобрать английский эквивалент. Однако при этом, среди отобранных нами реалий, присутствуют реалии общеизвестные во всем мусульманском и восточном мире и за пределами его (например, хан – khan, дервиш – dervish, зурна – zurna, юрт – jurt, кьюмыс – kumiss, джинн – jinn, Иблис – Iblis, давул – davul, йигит – jigit), которые были заимствованы в английский язык и имеют зафиксированную форму написания в словарях английского языка. Вместе с тем, часть реалий ограничена только ареалом Крыма и Турции (нишанлы, дайы, кьайтарма и др.) и неизвестна широкой публике. При переводе данных реалий был использован прием транскрипции. Данный прием позволит передать звуковой или графический облик слова. Недостаток же такого приема заключается в том, что на первых порах они могут быть непонятны носителям принимающего языка, особенно если контекст или ситуация не выявляют значения. Однако именно с помощью такого метода будет передан национальный колорит.

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что трудностями при переводе данных легенд является перевод реалий и фразеологизмов. Анализ нашей работы позволяет говорить о необходимости сохранения в переводе национального и исторического колорита оригинала, а для этого нужно знание реалий и фразеологических единиц родного языка. Познав содержание языка, мы проникаем в образ мышления нации, в способ видения мира, начинаем понимать особенности менталитета носителей данной культуры, и вся совокупность фоновых знаний приводит нас к достижению адекватности, полноценности и эквивалентности художественного перевода.

Список использованных источников

1. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке : Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – Москва : Наука, 1977. – 161 с.
2. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение / В. С. Виноградов. – Москва : Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
3. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – Москва : Международные отношения, 1980. – 408 с.
4. Зарубин, А. Г. Сказки и легенды крымских татар : Фольклорный сборник № 1 / А. Г. Зарубин, В. Г. Зарубин. – Симферополь : Дар, 1991. – 108 с.
5. Легенды Крыма / под ред. Г. Таран. – Симферополь : Крымиздат, 1961. – 252 с.
6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов. – Москва : Азбуковник, 1999. – 1376 с.
7. Солодуб, Ю. П. Теория и практика художественного перевода : учебное пособие для студентов лингвистического факультета высшего учебного заведения / Ю. П. Солодуб, Ф. Б. Альбрехт, А. Ю. Кузнецов. – Москва : Академия, 2005. – 304 с.

8. Эдемова, У. Эфсанлер ве дестанлар / У. Эдемова. – Симферополь : Таврия, 2004. – 340 с.

УДК 821.161.1

**МОТИВ РАЗДЕЛА ИМУЩЕСТВА В КОМЕДИЯХ
Н. В. ГОГОЛЯ «ТЯЖБА» И А. Ф. ПИСЕМСКОГО «РАЗДЕЛ»**

И. В. Александрова¹, Н. С. Казарян²,

¹доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Ранние комедии А. Ф. Писемского нередко становились объектом исследования с точки зрения связи их поэтики с комедийной поэтикой Н. В. Гоголя. Цель работы – выявить общие и индивидуальные черты репрезентации мотива раздела имущества в комедиях драматургов. В работе использованы метод целостного анализа художественного текста, культурно-исторический и герменевтический методы. Сделан вывод о том, что Писемский продолжает традиции гоголевской «общественной комедии»: сюжеты рассматриваемых пьес не предполагают наличие любовной интриги, основаны на страсти к наживе, раздел имущества сопровождается духовным размежеванием действующих лиц, причем заглавное событие не находит реализации в комедийном действии. В противовес «эскизности» гоголевской одноактной пьесы более крупная форма позволяет Писемскому нарисовать широкую картину хищничества дворянства, падения его нравов.

Ключевые слова: комедия, мотив, раздел, тяжба, Гоголь, Писемский, несостоявшееся событие.

Summary. The early comedies of A. F. Pisemsky often became the object of research from the point of view of the connection of their poetics with the comedic poetics of N. V. Gogol. The work purpose is to identify common and individual features of the motive of property division representation in the comedies of both playwrights. The method of holistic analysis of the literary text, the cultural and historical, the hermeneutic methods are used in the work. It is concluded that Pisemsky continues the traditions of Gogol's "public comedy": the plots of the considered plays do not imply the presence of a love affair, they are based on a passion for profit, the division of property is accompanied by the characters' spiritual separation, and the title event does not find implementation in a comedy action. In contrast to the "sketchiness" of Gogol's one-act play, the

larger form allows Pisemsky to draw a broad picture of the nobility's predation, the decline of its morals.

Key words: comedy, motive, section, litigation, Gogol, Pisemsky, failed event.

А. Ф. Писемский является последователем гоголевской реалистической художественной системы, что было отмечено еще критиками 1850-х гг. (Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев) [6, с. 82]. И. И. Иванов даже отмечает, что Писемский по ширине охвата будничной жизни стоит выше Н. В. Гоголя [4, с. 103]. У обоих писателей, по меткому замечанию Ю. И. Айхенвальда, «эстетически живы почти только мертвые, а живые эстетически мертвы» [1, с. 266]. Ранние комедии А. Ф. Писемского («Ипохондрик», «Раздел») нередко сравнивали с комедиями Гоголя «Женитьба» и «Ревизор» в аспекте сюжетно-тематических переключек [3, с. 20]. Однако сопоставление комедии «Раздел» с гоголевской «Тяжбой» до сих пор не привлекало внимания литературоведов. Цель статьи – выявить общие и индивидуальные черты репрезентации мотива раздела имущества в комедиях драматургов.

«Тяжба» представляет собой самостоятельную сцену наравне с «Утром делового человека», «Лакейской» и «Отрывком». Эти произведения, в которых отражен «гнусный мирок ничтожных честолюбцев» [9, с. 320], составляют не реализованный Гоголем замысел комедии «Владимир 3-й степени».

В пьесе затевается тяжба Христофора Петровича Бурдюкова с родным братом, Павлом Петровичем, и первый просит заступничества в ней у Пролетова, обер-секретаря сената. При этом Христофор Петрович не считает нужным в связи с тяжбой помнить о сестре: она «и без того получила следуемую ей часть» [2, с. 112]. Выясняется, что перед смертью тетушки Павел Петрович переезжает к ней в дом и «распоряжается, как настоящий хозяин» [там же], а когда Христофор Петрович предлагает тетушке распорядиться относительно раздела имущества, то узнает от брата, что она «уже распорядилась» [там же]. Христофор Петрович подозревает, что истинной причиной смерти тетки было то, что его брат «подсунул ей чего-нибудь» [там же]. По духовному завещанию родовое имение «в Устюжском уезде» [2, с. 113] переходит во владение Павлу Петровичу, сестре Бурдюковых достается деревня «изо ста душ» [там же], а Христофору Петровичу тетушка завещает «три штаметовые юбки и всю рухлядь, находящуюся в амбаре <...> пуховика два, посуду фаянсовую, простыни, чепцы» [там же]. Острый комизм сцены обусловлен категорическим несоответствием этого «движимого имущества» тому, что досталось брату, и совершенной бесполезностью завещанного «добра» для Христофора Петровича: «на что мне штаметовые юбки? Что я с ними буду делать? Разве себе на голову надену!» [там же]. А поскольку тетка под завещанием вместо своего имени «Евдокия» «нацарапала» «Обмокни» [2, с. 114], это обстоятельство становится поводом к подаче Христофором

Петровичем прошения об уничтожении документа. Мотив раздела имущества сопровождается мотивом подложного завещания: возможно, оно подделано Павлом Петровичем.

А. Ф. Писемский следует за Гоголем в создании драматического сюжета, который основывается не на любовном конфликте, а на честолюбии, стремлении достать выгодное место, страсти к наживе [5, с. 128]. «Не более ли теперь имеют электричества чин, денежный капитал, выгодная женитьба, чем любовь?» [2, с. 142], – задавался вопросом автор «Ревизора». Эти его поиски в области сюжетосложения комедии поддержаны и Писемским.

В комедии «Раздел» умирает дядя Михаил Евграфыч Манохин. Для наследования имущества в его усадьбе собирается многочисленная родня. По словам Анны Ефремовны, двоюродной сестры, в разделе имущества все намерены «действовать единодушно» [7, с. 106]. Родственники консолидируются против воспитанника хозяина, Богданова, который, по свидетельству старой горничной Матвеевны, «еще за два дня до смерти барина шкатулку спровадил» [7, с. 110] с деньгами покойного Манохина. Она также сообщает, что Богданов со старостой с утра до поздней ночи ревизовали барское добро в сундуках и кладовых. В «Разделе», как и в «Тяжбе», причем тоже на уровне допущения, разрабатывается мотив сомнительного завещания, искажения воли умершего: возможно, Матвеевна, обиженная воспитанником Манохина, обманывает родственников. Богданов же в ответ на обвинения Ивана Прокофьяча в том, что опечатывал имение он, а не полиция или родственники покойного, оправдывается: «...это была воля умирающего» [7, с. 117].

В пьесах обнаруживаются текстуальные совпадения. Сходно поведение перед смертью тетушки в «Тяжбе» и дяди в «Разделе». Тетушка «лежит на карачках и только глазами хлопает (...) не может уже языком поворотить» [2, с. 112]. Дяде «сказать что-то хочется, а молвы нет, только глазами обводит всех» [7, с. 112]. Иван Прокофьяч спрашивает у Матвеевны: «Язык, что ли, у него отнялся?» [там же]. Но в «Разделе» содержится и иная трактовка поведения дяди накануне смерти: Богданов говорит о том, что Манохин «до последней минуты не утратил рассудка и выражал свои мысли и желания очень ясно» [7, с. 118].

Если в «Тяжбе» заглавное событие – раздел имущества – происходит между братьями, то у Писемского раздел оспаривается не только родственниками, с одной стороны, и воспитанником и старостой Манохина – с другой, дележ начинается и между самими родственниками. Изначально они объединяются против Богданова и старосты, Фаддея Сидорова, которые, по свидетельству Матвеевны, «раскрывали все барские сундуки и комоды, пересматривали все вещи, из которых много похитили» [7, с. 14]. Иван Прокофьяч, намереваясь разыскать расхищенное, заявляет: «мы будем утруждать начальство» [7, с. 120], что синонимично поведению Бурдюкова, «утруждающего» Пролетова своей тяжбой. Союз родственников против родственников дяди при разделе имущества сопровождается лицемерной

репликой Анны Ефремовны: «мы должны дать друг другу слово быть истинными друзьями с этой минуты» [7, с. 121].

Осложнение действия, по сравнению с «Тяжбой», обусловлено тем, что «раздел» у Писемского касается не столько вещей, сколько самих персонажей. Объединенные ситуацией раздела родственники не только не получают имущества, но и разъединяются морально, ведя интриги за спинами своих родных. Так, Анна Ефремовна сговаривается с Сергеем Васильичем против Ивана Прокофьяча, а затем пытается склонить последнего на свою сторону. При чтении Иваном Прокофьячем документа о разделе каждый ожесточенно спорит, считая, что ему выделили недостаточную часть имущества. Окончательную точку в распределении родственников ставит Иван Прокофьяч, который «схватывает вдруг палку и начинает ею колотить по столу, на котором были расставлены фарфор, хрусталь, серебро и прочие лучшие вещи» [7, с. 156].

В. В. Прозоров, анализируя названия комедий Гоголя, отмечает любопытную особенность: в «Ревизоре» на сцене нет настоящего ревизора, в «Женитьбе» женитьба так и не состоялась, «Игроки» на самом деле обманщики. Создается эффект обманутого ожидания как персонажей, так и читателей [8, с. 72]. М. В. Строганов называет комедии Гоголя «рассказами о несостоявшемся событии» [10, с. 51]. На первый взгляд, «несостоявшееся событие» необязательно в «Тяжбе», поскольку данная комедия является сценой из неосуществленного замысла. Однако в драматургической системе Гоголя разделение пьес на комедии с развернутым сюжетом («Ревизор» и «Женитьба») и «отдельные сцены» («Игроки» и «Утро делового человека», «Тяжба», «Лакейская», «Отрывок») оказывается внешним, учитывающим лишь объем. Все комедии Гоголя объединяет «мотив события не-события» [10, с. 51]. Действительно, «тяжбы» между братьями не происходит, Христофор Петрович только намеревается обвинить брата в подделке завещания. Название комедии Писемского подхватывает эту традицию: раздел, который служит поводом для съезда гостей, так и не состоится.

В пьесе Писемского находит воплощение лишь «раздел» духовный, спровоцированный разделом имущества. В «Тяжбе» об этом говорит Пролетов: «Ведь вот родной брат, узы крови, связи, а ведь не пощадил! На брата – процесс» [2, с. 111]. Может показаться, что разрыв духовных связей между братьями из-за дележа наследства Пролетову видится кощунственным, однако он сам чрезвычайно рад подвернувшемуся случаю «насолить» Павлу Петровичу: «С большим наслаждением, признаюсь, нагадил бы ему, хоть сию минуту, да вот до сих пор нет, а и нет случая» [2, с. 110]. Для персонажей «Раздела» духовная общность родственников реализуется лишь в их словах, но не в поступках. В первом действии Анна Ефремовна прославляет крепость родственных уз: «...Наше родство служило и будет служить примером согласия» [7, с. 106]. Кирило Семеныч солидарен с нею: «Именно, наше родство может служить примером» [там же]. На самом деле родство не является препятствием для хищнической

борьбы за имущество, в которой каждый думает лишь о своей материальной выгоде. Показательны в этом отношении слова Эмилии Петровны: «я хочу, чтобы вы Анне Ефремовне и Сергею Васильичу как можно меньше дали» [7, с. 153]. В финале подводится горький итог: «...мы не только что обедать, мы имени слышать друг друга не можем» [7, с. 155].

Лейтмотивом пьесы Писемского является понятие «правда». Это слово входит в речевую партию буквально каждого из персонажей – и все лгут. Анна Ефремовна провозглашает: «правда яснее солнца, а ложь не поможет» [7, с. 106], но при этом плетет интриги. Староста клянется: «...мы за собой никакого не знаем плутовства» [7, с. 119], но Матвеевна аттестует его как отъявленного лжеца, который «в глазах проведет хоть кого» [7, с. 121]. Старуха-горничная заверяет: «какая ни на есть правда, а перед господами не скрою» [7, с. 118], но в ее стремлении обличить Богданова явно чувствуется желание мести за то, что ее заслуги не оценены им по достоинству в денежном эквиваленте. В пьесе не находится ни одного честного человека, и единственным положительным героем, как и у Гоголя, оказывается смех.

Мотив раздела имущества в комедиях Гоголя и Писемского имеет общие черты, что свидетельствует о продолжении Писемским традиций гоголевского реализма. Автор «Раздела» использует те же сюжетные события, обнажающие в героях страсть к наживе: съезд родственников в поместье покойного; хозяйское самоуправство постороннего лица в доме умирающего; искажение другими персонажами воли покойного относительно раздела имущества; несостоявшееся заглавное событие. Раздел имущества также является катализатором духовного размежевания персонажей, разрыва родственных связей между ними. Гоголь в монологе Пролетова «под занавес» [2, с. 115] дает яркую и точную характеристику суда и чиновничьего произвола, вводит в пьесу острую социальную проблематику. Писемский остается в рамках нравственных проблем. Вместе с тем, если гоголевская «Тяжба» – это своего рода эскиз к большой комедии, одноактная пьеса, предполагающая чрезвычайную напряженность действия, то трехактная структура комедии позволяет Писемскому развернуть действие более обстоятельно, подробно прописать мотивы поступков и линию поведения всех персонажей, дать широкую картину русских дворянских нравов середины XIX века.

Список использованных источников

1. Айхенвальд, Ю. И. Писемский / Ю. И. Айхенвальд // Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. – Москва : Республика, 1994. – С. 266–268.
2. Гоголь, Н. В. Полн. собр. соч. : в 14 т. / Н. В. Гоголь // АН СССР ; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1937–1952. – Т. 5. Женитьба. Драм. отрывки и отдельные сцены / [ред. А. Л. Слонимский]. – 512 с.
3. Еремин, М. П. Писемский – драматург / М. П. Еремин // Писемский А. Ф. Пьесы. – Москва : Искусство, 1958. – С. 5–35.

4. Иванов, И. И. А. Ф. Писемский. Критико-биографический очерк / И. И. Иванов. – Санкт-Петербург : Издание журнала «Мир Божий», 1898. – 226 с.
5. Лотман, Л. М. Писемский-романист / Л. М. Лотман // История русского романа : в 2 т. – Ленинград : Наука, 1964. – Т. 2. – С. 121–148.
6. Мысляков, В. А. Писемский о Гоголе / В. А. Мысляков // Русская литература. – № 4. – 1992. – С. 81–91.
7. Писемский, А. Ф. Раздел / А. Ф. Писемский. – Москва : Искусство, 1958. – С. 101–157.
8. Прозоров, В. В. Прыжок в окно / В. В. Прозоров // Литературная учеба. – 1994. – № 5. – С. 71–86.
9. Степанов, Н. Л. Н. В. Гоголь: Творческий путь / Н. Л. Степанов. – Москва : Гос. изд-во худож. лит., 1959. – 608 с.
10. Строганов, М. В. Событие не-события в драматургии Н. В. Гоголя / М. В. Строганов // Пушкинские чтения. – Вып. XVI. – Санкт-Петербург : ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2011. – С. 47–56.

УДК 371.321.3

**ЭЛЕКТРОННЫЕ ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ
КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ
МОДЕЛИРОВАНИЯ И ПРЕЗЕНТАЦИИ
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ**

Т. В. Аржанцева,

*кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой русского языка
и культуры речи, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматриваются электронные эвристические таблицы (ЭЭТ) как эффективное средство моделирования и презентации теоретических сведений по современному русскому языку, анализируются их обучающие возможности, выявляются преимущества перед другими средствами наглядности.

Цель исследования – проанализировать методическую составляющую электронных эвристических таблиц и показать их эффективность.

Исследование осуществлялось с использованием таких **методов**: теоретический анализ научно-методической литературы и электронных источников по избранной теме, метод моделирования при разработке электронных таблиц.

В результате проведённого исследования были определены характерные признаки ЭЭТ, выполняющих все функции традиционных

обобщающих таблиц и реализующих преимущества, которые даёт электронная форма, позволяющая осуществить комбинированное представление информации с помощью текста, звука, фрагментов анимации или видеокадров и т. д. Методическая ценность такого подхода в максимальной активизации мыслительных действий обучающихся и отказе от трансляции теоретической информации в готовом виде, в возможности наглядно-образного представления абстрактных, наиболее значимых сторон и свойств изучаемых явлений, во включении в процесс восприятия знаний зрительных и слуховых анализаторов.

Ключевые слова: электронные обучающие таблицы, обобщающая таблица по синтаксису, моделирование теоретической информации, интерактивные средства наглядности.

Summary. The article considers heuristic spreadsheets as an effective tool for modelling and presenting theoretical information on the modern Russian language, it analyzes their teaching capabilities and identifies advantages over other visual aids.

The purpose of the study is to analyze the methodological component of heuristic spreadsheets and show their effectiveness.

The study was carried out using the following methods: theoretical analysis of scientific and methodological literature and electronic sources on the chosen topic, the analytical and descriptive method, and modelling.

As a result of the study, the characteristic features of heuristic spreadsheets were identified, performing all the functions of traditional generalizing tables and realizing the advantages that the electronic form provides, which allows for the combined presentation of information using text, sound, animation fragments or video frames, etc. The methodological value of such an approach lies in the maximum activation of the mental actions of students and the rejection of the translation of theoretical information in finished form, in the possibility of a visual-figurative representation of the abstract, most significant aspects and properties of the phenomena being studied, in the inclusion of visual and auditory analyzers in the process of perception of knowledge.

Key words: electronic training tables, syntactic summary table, modeling of theoretical information, interactive visual aids.

В условиях стремительной цифровизации образовательного пространства электронная лингводидактика становится перспективным направлением развития методики обучения русскому языку как родному и как иностранному. Современное филологическое образование не мыслится без использования электронных образовательных средств. Однако практика их внедрения в процесс обучения даёт возможность обнаружить целый ряд противоречий. Наиболее существенным видится противоречие между неограниченным дидактическим потенциалом электронных средств обучения и незначительным количеством практических разработок, позволяющих эффективно использовать его на различных уровнях образовательного процесса. Не менее значимо и противоречие между

высокой профессиональной квалификацией преподавателей и недостаточным уровнем сформированности их информационной грамотности, что безусловно, тормозит развитие цифрового образования.

Выявленные противоречия определяют **актуальность темы исследования**, предметом изучения которого стали электронные эвристические таблицы как средство структурирования и презентации теоретической информации по русскому языку.

Теоретико-методологическую основу исследовательской работы составили научные труды в области электронной дидактики А. Л. Архангельской, А. Н. Богомолова, Е. В. Бунеевой, А. Д. Гарцова, Н. Б. Догадина, Л. А. Дунаевой, А. В. Осина, О. И. Руденко-Моргун, Е. А. Ивановой, Е. Ю. Николенко и др.

На современном этапе развития лингвометодики одной из актуальных проблем оптимизации процесса обучения является выбор наиболее эффективных средств передачи и получения знаний. Решение проблемы поиска оптимальных средств презентации теоретической информации многим современным учёным [1; 3; 4; 5; 8] видится в применении не статичных, а динамичных средств наглядности, в частности электронных мультимедийных таблиц, позволяющих посредством программных средств объединить текст, звук, графику, анимацию, видеоизображение. Такие электронные интерактивные таблицы (ЭИТ), действительно, открывают практически неограниченные возможности для полисенсорного восприятия учебной информации обручающимися. Целесообразность воздействия на различные органы чувств в процессе обучения подтверждается многочисленными исследованиями, показывающими, что многоканальное восприятие способствует лучшему усвоению теоретических сведений и оптимальному запоминанию учебного материала. Как пишет Е. Ю. Николенко, «эффективность слухового восприятия информации составляет 16%, зрительного – 25%, а их одновременное включение в процесс обучения повышает эффективность восприятия до 65%» [6, с. 219].

Появление и стремительное распространение ЭИТ обусловлено информатизацией российской образовательной системы, хотя сама идея структурирования теоретических сведений посредством обобщающих таблиц, безусловно, не нова и широко представлена в учебниках и учебных пособиях по русскому языку на бумажной основе. Отличия ЭИТ от традиционных таблиц учебника и настенных демонстрационных плакатов проявляются в их структуре и содержании, а также в методике работы с ними.

Структурное отличие состоит в многоуровневой организации теоретического материала (гипертекстовой). То есть под ЭИТ понимается не просто линейная таблица, перенесённая на электронный носитель и демонстрирующая учебную информацию с экрана монитора, а инновационное средство моделирования теоретических сведений, позволяющее осуществлять процесс обучения на качественно новом

уровне, обеспечиваемом сетевыми технологиями.

В зависимости от содержания принято выделять ЭИТ иллюстративные, теоретико-понятийные, сравнительно-сопоставительные, таблицы-парадигмы, таблицы-орфограммы, таблицы-пунктограммы, смешанного типа и др.

Методика работы с ЭИТ обусловлена как их содержанием, так и структурой и существенно отличается от методики работы с таблицами традиционного формата. Основное отличие состоит в возможности дозированной подачи теоретической информации, что вполне оправдано с точки зрения теории о клиповом мышлении – способе восприятия информации, характерный для нового поколения.

Однако несмотря на несомненные преимущества ЭИТ перед традиционными линейными таблицами, в качестве существенного недостатка методики работы с интерактивными средствами обучения необходимо отметить то, что в большинстве из них теоретические сведения подаются в так называемом готовом виде, что лишает возможности обучающихся «добывать знания», самостоятельно исследуя языковой материал и совершать открытия, что сводит к минимуму дидактические возможности электронных интерактивных таблиц.

С учётом обнаруженных недостатков разработана концепция электронных эвристических таблиц (ЭЭТ), представляющих собой усовершенствованную версию ЭИТ. Методика работы с такими таблицами исключает возможность прямой передачи знаний.

Основной структурной единицей электронной эвристической таблицы является её ячейка, как заполненная, так и незаполненная.

В качестве примера предлагается ЭЭТ, позволяющая учащимся 5-х классов овладеть умением анализировать предложения, осложнённые однородными членами, с целью понять закономерности постановки знаков препинания (см. таблицу 1).

Моделирование и презентация теоретической информации в электронных эвристических таблицах основываются на определённых педагогико-эргономических принципах:

1) в демонстрируемых обучающимся ЭЭТ заполнены только те структурные единицы таблицы, которые содержат языковой материал для наблюдения (ячейки, расположенные по вертикали) и параметры его анализа (ячейки, расположенные по горизонтали). Ячейки, в которых должны содержаться теоретические сведения, остаются пустыми и заполняются обучающимся самостоятельно;

Таблица 1.

**Знаки препинания в предложениях,
осложнённых однородными членами**

Предложения	Средства связи однородных членов	Знаки препинания	Графическое изображение правила
Под ногами шелестят золотые, багряные, пурпурные листья.			
Не мама, а бабушка будила нас по утрам.			
Половица прогнулась, но не заскрипела.			
Девушка то смеялась, то плакала.			
Огни деревни ярко и весело светились в ночи.			
Ты будешь кофе или чай?			
И сад, и луг, и река так прекрасны летом!			
Около дома можно посадить или жасмин, или черёмуху, или сирень.			

- 2) в программе заложена способность оценивать правильность выполнения заданий, обеспечивающая интерактивность во взаимодействии с таблицей;
3) в ЭЭТ реализуется возможность интеграции различных типов мультимедийной учебной информации.

Методика работы с ЭЭТ такова: после нажатия на любую ячейку во втором столбце, названном «Средства связи однородных членов», открывается всплывающее окно, в котором представлены восемь (по количеству ячеек) возможных ответов, а именно: «союз И одиночный», «союз НО», «союз ИЛИ одиночный», «интонация, без союзов», «союз И повторяющийся», «союз А», «союз ИЛИ повторяющийся», «союз ТО ... ТО». Анализируя структуру предложения, обучающиеся осуществляют выбор соответствующего средства связи и, кликая нужный ответ, заполняют ячейку. Эта же операция поочерёдно проделывается со всеми ячейками 2-го столбца.

Следующий этап работы – заполнение ячеек 3-го столбца – заключается в соотнесении данных 1-го и 2-го столбцов и выборе одного из двух возможных вариантов: «запятая ставится» или «запятая не ставится».

Последний, 4-й столбец, названный «Графическое изображение правила», заполняется аналогично предыдущим, но при этом вариантов ответов, появляющихся во всплывающих окнах, может быть более восьми. Например, в перечень возможных ответов может быть включено графическое изображение попарного соединения однородных членов союзом И (О и О, О и О, О и О) и др.

Заполненная таблица (см. таблицу 2) выглядит следующим образом:

Специфические приёмы моделирования информации, заложенные в ЭЭТ, являются основой для организации эвристической беседы с целью подвести учащихся к пониманию закономерностей постановки знаков препинания в предложениях с однородными членами. При самостоятельной же работе с таблицей сама её структура определяет нужное направление рассуждений пользователя.

Завершается взаимодействие с ЭЭТ двумя обязательными видами работы:

- 1) обучающиеся отвечают на вопросы на восприятие, задаваемые преподавателем;
- 2) составляют связный рассказ на лингвистическую тему, обозначенную в её заголовке.

Необходимо также отметить, что объём представленных в ЭЭТ теоретических сведений по теме «Знаки препинания в предложениях с однородными членами», несколько шире, чем в учебнике русского языка [9], по которому учится большинство школьников Крыма. В частности, рассматриваются случаи постановки запятой в предложениях с однородными членами, соединёнными сложным союзом ТО ... ТО, а также одиночным и повторяющимся союзом ИЛИ.

Таблица 2.

Предложения	Средства связи однородных членов	Знаки препинания	Графическое изображение правила
Под ногами шелестят золотые, багряные, пурпурные листья.	интонация, без союзов	запятая ставится	О, О, О
Не мама, а бабушка будила нас по утрам.	союз А	запятая ставится	О, а О
Половица прогнулась, но не заскрипела.	союз НО	запятая ставится	О, но О
Девушка то смеялась, то плакала.	сложный союз ТО ... ТО	запятая ставится	то О, то О
Огни деревни ярко и весело светились в ночи.	союз И одиночный	запятая не ставится	О и О
Ты будешь кофе или чай?	союз ИЛИ одиночный	запятая не ставится	О или О
И сад, и луг, и река так прекрасны летом!	союз И повторяющийся	запятая ставится	и О, и О, и О
Около дома можно посадить или жасмин, или черёмуху, или сирень.	союз ИЛИ повторяющийся	запятая ставится	или О, или О, или О

Это объясняется тем, что пятиклассникам, освоившим программу начальной школы, теоретическая информация, которая содержится в учебнике, уже известна, но подаётся она не с целью актуализации опорных знаний, а как новые теоретические сведения в виде готовых формулировок: «Однородные члены предложения разделяются запятыми, если они а) не соединены союзами: *В саду растут яблони, вишни, сливы*; б) соединены союзами А, НО: *В саду растут яблони, а не вишни*; в)

соединены повторяющимися союзами: *В саду растут и яблони, и вишни, и сливы*. Однородные члены предложения разделяются запятыми, если союз И соединяет два члена предложения: *В саду растут яблони и вишни*» [9, с. 132].

Поскольку объём теоретических сведений остаётся тем же, что и в начальной школе, правомерен вывод о нарушении принципа преемственности-перспективности. Кроме того, обучение пятиклассников осуществляется в зоне не ближайшего, а актуального развития, что противоречит утвердившейся в отечественной психологии точке зрения о ведущей роли обучения в психическом развитии личности, сформулированной Л.С. Выготским и разделяемой всё большим количеством исследователей.

Правомерно предположить, что выявленная проблема является одной из причин того, что пунктуационные ошибки в предложениях с однородными членами наиболее частотны в письменной речи учащихся.

Предлагаемая методика работы с ЭЭТ реализует иной путь, заключающийся в актуализации уже имеющихся знаний и введении новых теоретических сведений, исключая их прямую передачу, с целью предупреждения выявленных недочётов традиционного подхода.

Обобщая изложенную информацию, можно сделать следующие **выводы**:

1. Разработанная концепция электронных эвристических таблиц по русскому языку, рассматриваемых как один из компонентов цифрового образования, дополняет современную теорию электронной лингводидактики как направления развития методики обучения языкам (родному и иностранному) при использовании электронных образовательных средств и может быть положена в основу учебника русского языка интерактивного типа.

2. Педагогико-эргономические принципы моделирования и презентации теоретической информации, лежащие в основе разработанной концепции, обеспечивают возможность использования ЭЭТ для развития цифрового образования на различных уровнях, включая профессиональное.

3. Эвристический потенциал ЭЭТ обеспечивается методическими приёмами, предусмотренными при их разработке. Взаимодействие обучающихся с таблицей стимулирует познавательную активность, способствует осмысленному восприятию теоретической информации и её произвольному запоминанию, создаёт условия для развития умений самостоятельного поиска знаний, целенаправленного анализа языкового материала, обобщения собственных наблюдений.

4. Эвентуальность осуществления обратной связи между обучающимся и ЭИТ создаёт условия для индивидуализации процесса обучения, поэтому электронные эвристические таблицы могут применяться как в условиях аудиторных форм работы, так и при самостоятельном изучении темы, что позволяет рассматривать данное

средство динамической наглядности как эффективный педагогический инструмент индивидуализации обучения.

5. Возможность интеграции различных типов мультимедийной учебной информации обеспечивает полисенсорность восприятия теоретических сведений, а значит, возрастает скорость усвоения учебной информации, улучшается её понимание и усвоение, что способствует повышению мотивации изучения русского языка, позволяет повысить уровень качества языкового образования, сделать процесс обучения интересным, гибким, конкурентноспособным.

Перспектива дальнейших исследований видится в разработке электронных методических материалов для подготовки к ОГЭ и ЕГЭ, комплектов ЭЭТ для обучения русскому языку как иностранному и в определении оптимальных форм и способов работы с ними в различных образовательных условиях и с учётом разных целей и задач обучения.

Список использованных источников

1. Бунеева, Е. В. Электронные формы учебников как средство формирования предметных и метапредметных умений школьников в процессе обучения русскому языку / Е. В. Бунеева // Актуальные вопросы методики преподавания русского языка и русского языка как иностранного : коллективная монография. – Москва : ООО Издательство «Спутник+». – 2016. – С. 181–189.
2. Гарцов, А. Д. Электронная лингводидактика: стратегии, приемы, средства / А. Д. Гарцов // Вестник РУДН ; Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2013. – № 1. – С. 58–62.
3. Данчук, И. И. Комбинированное представление учебной информации средствами мультимедиа в образовательной деятельности студентов ЮФУ / И. И. Данчук // Обучение и воспитание: методики и практика. – 2013. – № 10. – С. 77–84.
4. Догадин, Н. Б. Использование компьютерных электронных таблиц для разработки обучающие-тренировочных тестов / Н. Б. Догадин // Педагогическая информатика. – 2005. – № 5. – С. 134–144.
5. Иванова, Е. А. Электронная интерактивная таблица как инновационное средство моделирования учебной информации в школьном курсе русского языка : специальность 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (русский язык, уровень общего образования)» : дис. ... канд. пед. наук / Екатерина Аркадьевна Иванова ; Рос. ун-т дружбы народов – Москва, 2008. – 195 с.
6. Николенко, Е. Ю. Электронная лингводидактика: проблемы и перспективы / Е. Ю. Николенко // Русский язык в поликультурном мире : X Международная научно-практическая конференция : Сборник научных статей / отв. ред. Е. Я. Титаренко. – Том 2. – Ялта : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2016. – С. 214–222.
7. Холодкова, М. В. Практические основы преподавания русского языка как иностранного в условиях цифровой образовательной среды : учебно-

- методическое пособие / М. В. Холодкова, О. А. Дронова, Т. А. Дьякова, Ж. И. Жеребцова ; ТГУ им. Г. Р. Державина. – Тамбов : [б. и.], 2022. – 96 с.
8. Руденко-Моргун, О. И. Электронный учебник русского языка: история и перспективы развития / О. И. Руденко-Моргун. – Москва : Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 2006. – 238 с.
9. Рыбченкова, Л. М. Русский язык. 5 класс : учебник ; в 2-х частях. Часть 2 / Л. М. Рыбченкова, О. М. Александрова, А. В. Глазков. – Москва : Просвещение, 2022. – 160 с.

УДК 811.12

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ДЕЙКСИСА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

О. А. Артемова,

*кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой
теории и практики английской речи учреждения образования «Минский
государственный лингвистический университет», Минск*

Аннотация. В статье представлена типология дейксиса в белорусском и английском языках, детализированы его категориальные признаки, раскрыты закономерности языковой объективации дейксиса в сопоставительном аспекте. Определены качественные и количественные параметры и типы межъязыковой корреляции белорусских и английских дейктических единиц. Выявлены формы национальной маркированности дейксиса в двух языках, а также установлена их частотность и продуктивность.

Ключевые слова: дейксис, дейктическая единица, дейктический сдвиг, эквивалентность, национальная маркированность, безэквивалентность, изоморфизм, алломорфизм, лексикографическая параметризация.

Summary. In the article the typology of deixis in the Belarusian and English languages is presented. Its categorical features in line with the modern cognitive-discursive paradigm have been specified. The common and specific structural, semantic and communicative-pragmatic characteristics of the deictic systems in Belarusian and English linguocultures have been revealed. The regularities of the linguistic objectification of deixis have been defined. The qualitative and quantitative parameters and the types of cross-lingual correlation of Belarusian and English deictic units have been determined. The forms of the national markedness of deixis in the two languages have been revealed, their frequency and productivity have been identified.

Key words: deixis, deictic unit, deictic shift, equivalence, national markedness, non-equivalence, isomorphism, allomorphy, lexicographic parameterization.

Дейксис – лингвопрагматическая категория указания на денотативное содержание высказывания и компоненты коммуникативной ситуации относительно говорящего и слушающего в устной и письменной речи, реализуемая разноуровневыми языковыми средствами, интерпретация которых предполагает знание контекста и экстралингвистических условий осуществления речевой деятельности. Источником фактического материала послужили а) белорусский и английский корпусы словообразовательных, грамматических и лексико-фразеологических средств выражения дейксиса, полученных путем сплошной выборки из толковых, фразеологических, переводных словарей белорусского и английского языков; б) контексты из художественных и публицистических произведений белорусских, американских и британских авторов (вторая половина XIX – начало XXI вв.) Белорусского N-корпуса [2], Британского национального корпуса [4], белорусского и английского подкорпусов Национального корпуса русского языка [1; 3].

Дейктический компонент является опорой семантической системы языка, связывает языковые единицы с экстралингвистической действительностью, обязательно присутствует в любом высказывании и организуется тремя подсистемами: 1) персональный дейксис – участники, некоммуникативные респонденты / объекты речи; 2) пространственный дейксис – местонахождение объекта и направление его перемещения; 3) темпоральный дейксис – порядок следования событий. Общей характеристикой для дейктических систем двух языков выступает их реализация а) грамматическими (категория лица: *я гляджу – ён глядзіць, I watch – he watches*; видо-временные формы глагола: *рабіў – раблю – буду рабіць, I worked – I work – I will work*); б) словообразовательными (префиксы: *да-, дарэвалюцыйны, pre-, pre-revolutionary*); в) лексическими единицами с дейктическим компонентом в структуре значения – личными (*я, ты, I, you*), притяжательными (*мой, твой, my, your*), возвратными (*сябе, myself*), указательными местоимениями (*гэты, мой, this, that*), предлогами (*перад, ад, before, from*), наречиями (*тут, побач, here, nearby*), прилагательными (*сучасны, пасляваенны, present, postwar*), глаголами (*напярэдніцаць, суіснаваць, precede, coexist*), существительными (*напярэднік, сучаснік, predecessor, contemporary*), фразеологизмами (*над рукой, на краі свету, at hand, at the end of the world*).

Типологические характеристики сопоставляемых языков определяют различия в грамматической и словообразовательной структуре их дейктических систем. Реализация персонального дейксиса преимущественно окончаниями финитных глагольных форм при опущении приглагольных местоименных актантов – дейктического эллипсиса (*Ø ведаю*), пространственного дейксиса – сочетанием пространственно-направительных приставок с глаголами перемещения

(*ад-, ад'ехаць, да-, дабегчы*), темпорального дейксиса – преимущественно простыми видо-временными глагольными формами (*я глядзеў – я гляджу*) обусловлена синтетизмом и флективностью белорусского языка. Актуализация персонального дейксиса главным образом личными, кореферентными им притяжательными и возвратными местоимениями с их полной корреляцией – сопредикатностью (*And I just quit **my** job and now work for **myself*** ‘Я ушел со **своей** работы и теперь работаю на **себя**’), пространственного дейксиса – сочетанием направительных предлогов и наречий с глаголами перемещения (*get **to*** ‘добраться’, *get **near*** ‘приблизиться’), темпорального дейксиса – преимущественно сложными видо-временными глагольными формами (*I have been watching, I was watching*) детерминирована аналитизмом английского языка.

Персональный дейксис маркирует участников речевой ситуации и дифференцируется на три группы: *адресант, адресат, некоммуникативные респонденты / объекты речи*. В белорусском языке данный тип указания репрезентирует а) социальный статус адресата, реализуемый местоимениями 2-го лица *ты* и *вы*; б) включение адресата, некоммуникативных респондентов и объектов речи в личное пространство говорящего посредством конструкции с поглощенным референтом (*мы з табой, ім, ёй, імі*); в) экстраспекцию – описание ситуации с позиций нескольких участников одновременно (*вось ён / яна я*). Английский персональный дейксис устраняет гендерные различия коммуникантов гендерно нейтральными формами местоимений (*their, themselves, s/he: **One of the students has left their book behind*** ‘Один из студентов забыл **их** книгу’) и реализует значимость их субъектных планов с помощью двойного маркирования лица личными, кореферентными им притяжательными и возвратными местоимениями (*I love my life* ‘Я люблю мою жизнь’).

Пространственный дейксис дифференцируется на местонахождение и направление перемещения объектов относительно участников коммуникации и конституируется семью семантическими группами: *местонахождение близко, недалеко, далеко, местонахождение без указания расстояния; перемещение к наблюдателю, от наблюдателя, от / к наблюдателю*. Для данного типа указания в белорусском языке характерна объективация а) тройного членения пространства на проксимальное (*блізка*), медиальное (*недалёка*) и дистальное (*далёка*); б) траектории перемещения объекта (*сюдой, тудой*) – транзитивный дейксис. Английский пространственный дейксис актуализирует а) источник сведений говорящего относительно сообщаемой им информации: *this* для данных от него самого (*Listen to **this*** ‘Послушайте **это**’) и *that* для информации от третьих лиц (*Who told you **that**?* ‘Кто вам **то** сказал?’); б) исключение адресата из личного пространства говорящего демонстративом *that* (*Who is **that** speaking?* ‘Кто **тот**, кто говорит?’) в телефонном разговоре и наречием *there* (*Hi, **there*** ‘Привет, **там**’) при обращении к аудитории.

Темпоральный дейксис реализует порядок следования событий относительно времени коммуникативной ситуации и ее участников и организуется семью семантическими группами: *предшествование задолго до, незадолго до, предшествование без указания отдаленности; одновременность; следование скоро, нескоро, следование без указания отдаленности*. При переходе из прямой речи в косвенную данный тип указания сопровождается дейктическим сдвигом – смещением центра координации высказывания с момента его продуцирования на другое событие. В белорусском языке данный сдвиг – частичный, реализуемый заменой личных местоимений 1-го и 2-го лица 3-м (*Я жартую, – падыходзячы, сказала Майка → Падыходзячы, Майка сказала, што яна жартуе*). Для английского языка характерен полный дейктический сдвиг, который одновременно передается 1) лексически – заменой а) местоимений 1-го и 2-го лица 3-м (*I, we, you → he, she, they*), б) проксимальных указательных местоимений и наречий дистальными (*this → that, here → there, now → then*); 2) грамматически – заменой глагольных времен групп Present и Future группой Past (*I moved here two years ago* ‘Я переехал сюда два года назад’ → *He explained that he had moved there two years before* ‘Он объяснил, что он переехал туда за два года до’).

Дейксис лежит в основе структурирования бытия и актуализации языковыми единицами его основных фундаментальных понятий. Роль персонального дейксиса состоит в самоидентификации говорящего и организации его коммуникативного взаимодействия с социумом.

Универсальность онтологических категорий пространства и времени обуславливает количественное преобладание дейктиков с локативной (27,1 % белорусских и 30,5 % английских единиц), кинетической (42,2 % и 33,8 % единиц соответственно) и таксисной семантикой (28,5 % и 30,3 % единиц соответственно). Целостность пространственно-временного континуума предопределяет синкретизм пространственного и темпорального типов указания в значении 2,8 % белорусских и 2,5 % английских единиц (*наперадзе, ahead* ‘на некотором расстоянии перед кем-то, чем-то; в будущем’).

Психофизическая выделенность объектов указания и их нахождение в поле зрительного, аудиального, обонятельного и тактильного восприятия собеседников, наличие общего фонда знаний и эмпатии, обеспечивающих идентичность психоэмоциональных состояний, принадлежность сопоставляемых языков к индоевропейской семье, отнесенность белорусского и английского языковых сообществ к европейскому лингвокультурному ареалу обуславливают структурно-семантические и лингвопрагматические сходства белорусской и английской дейктических систем. Различия детерминированы гетерогенными культурно-историческими условиями развития белорусского и англоязычного сообществ и типологическими особенностями сопоставляемых языков – флективностью и синтетизмом белорусского языка, аналитизмом английского языка.

Структурные и семантико-прагматические характеристики дейктических систем двух языков предопределили дифференциацию межъязыковой корреляции белорусских и английских дейктиков на полные эквиваленты, дейктические соответствия, безэквивалентные единицы. Полным эквивалентам свойственна общность структурно-семантических, грамматических, функционально-прагматических характеристик (*цяпер – now* ‘сейчас’). Для межъязыковых соответствий характерно их частичное тождество (*твой, ваш – your* ‘твой, ваш’). Белорусские безэквивалентные единицы не имеют англоязычных полных и частичных аналогов (*наслязаўтра – the day after tomorrow* ‘день после завтра’). Количественно преобладают полные дейктические эквиваленты и дейктические соответствия. Белорусские безэквивалентные единицы представлены незначительно.

Национальные характеристики английских и белорусских дейктиков реализуются в перцептивном, социокультурном и лингвокультурном аспектах. Перцептивные особенности образной составляющей дейктических фразеологизмов состоят в преобладании зрительного модуса восприятия (*перад вачыма*) над слуховым (*над самым вухам*) в белорусском языке; слухового (*within earshot*) над зрительным (*before one's eyes*) в английском языке. Социокультурная специфика заключается в объективации дейктическими единицами общности личности и социума в белорусском языке (*мы з табой, ім, ёй, імі*) и стремления к обособленности в английском языке (*you, he, she, they and I*). Лингвокультурные различия проявляются в мифологизации образных основ фразеологических дейктиков в белорусском языке (*ліха прыгнала*) и их христианизации в английском языке (*devil has brought*).

Национальная маркированность белорусских и английских дейктических единиц количественно измеряется индексами эквивалентности, национальной специфики, безэквивалентности, изоморфизма, алломорфизма со значениями от 0 (минимум) до 1 (максимум). Максимальные коэффициенты индекса эквивалентности и минимальные показатели индекса безэквивалентности у белорусских и английских единиц в группах ‘адресант’, ‘некоммуникативные респонденты / объекты речи’ персонального дейксиса, ‘местонахождение близко’, ‘местонахождение без указания расстояния’ пространственного дейксиса, ‘одновременность’, ‘предшествование без указания отдаленности’, ‘следование без указания отдаленности’ темпорального дейксиса демонстрируют идентичность реализации данных понятий в двух языках. Максимальные показатели индекса национальной специфики у белорусских и английских единиц в группах ‘местонахождение недалеко’, ‘местонахождение далеко’, ‘перемещение от наблюдателя’ пространственного дейксиса и ‘следование нескоро’ темпорального дейксиса свидетельствуют о различии в актуализации данных дейктических смыслов. Значения интегральных коэффициентов – индексов изоморфизма и алломорфизма – свидетельствуют об относительно

симметричном соотношении сходств и различий в реализации дейксиса в двух языках.

Список использованных источников

1. Английский подкорпус Национального корпуса русского языка. – URL: <http://ruscorpora.ru/new/search-para.html>. (дата обращения: 20.03.2023).
2. Беларускі N-корпус. – URL: <http://bnkorporus.info>. (дата обращения: 04.04.2023).
3. Белорусский подкорпус Национального корпуса русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-para-be.html>. (дата общения: 20.03.2023).
4. British National Corp [Electronic Resource]. – Oxford, 2010–2012. – Access mode: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>. (Access date: 14.03.2023).

УДК 372.881.161.1

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА С РУССКОГО ЯЗЫКА НА ПЕРСИДСКИЙ В ИРАНСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ГОРЬКОГО «СЛУЧАЙ С ЕВСЕЙКОЙ»)

Аштиани Мадждабади Кохнех Наргес,

*кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры
русского языка, западно-тегеранское отделение исламского университета
Азад, Тегеран*

Аннотация. Целью статьи является анализ причин возникновения некоторых переводческих ошибок при переводе с русского языка на персидский на примере произведения М. Горького «Случай с Евсейкой» в иранской студенческой аудитории. В заключении раскрывается основная причина трудностей такого перевода: все ошибки и недостатки перевода являются следствием отсутствия ознакомленности иранских студентов с особенностями и приемами профессионального перевода и требованиями, предъявляемыми к профессиональному мастерству переводчика. В данной работе применяется компаративно-аналитический метод исследования.

Ключевые слова: переводческая деятельность, трудности, русский язык, персидский язык.

Summary. The aim of the article is to analyze the causes of some translation errors in the translation from Russian into Persian on the example of the work of M. Gorky “The Case with Evseika” in the Iranian student audience. The conclusion reveals the main reason for the difficulties of such translation: all the errors and shortcomings of the translation are the result of the lack of familiarity of the Iranian students with the features and techniques of professional translation and the requirements for the professional skill of the translator. This article applies the corporative-analytical method of research.

Key words: translation activity, difficulties, Russian language, Persian language.

Толкование понятия *перевод* неоднозначно. Приведем некоторые определения перевода, принадлежащие известным ученым:

В. С. Виноградов: «Нужно согласиться с мыслью, что перевод – это особый, своеобразный и самостоятельный вид словесного искусства. Это искусство «вторичное», искусство «перевыражения» оригинала в материале другого языка» [2, с. 8].

М. Ледерер: «При переводе недостаточно понять самому, нужно, чтобы поняли другие. По определению, перевод распадается на две части: восприятие смысла и его выражение» [8].

По мнению А. Д. Швейцера, «Перевод может быть определен как: однонаправленный и двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному (переводческому) анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде... Процесс, характеризуемый установкой на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, частично модифицируемой различиями между двумя языками, двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями» [6, с. 75].

Л. С. Бархударов дает следующее определение: «Перевод можно считать определенным видом трансформации, а именно межъязыковой трансформации» [1, с. 6].

Следует сказать, что перевод – это чрезвычайно многостороннее явление. Указать на все сущностные стороны в одном определении невозможно. «Эти и другие определения перевода не противоречат друг другу, а лишь подчеркивают разные стороны перевода, цель которого остается неизменной: преобразование структуры речевого произведения, в результате которого при сохранении первоначального содержания высказывания меняется его выражение – один язык меняется другим» [7, с. 544]. Фактически, мы наблюдаем *перевыражение*.

Согласно мнению А. Н. Щукина, трудности при переводе произведения М. Горького «Случай с Евсейкой» в иранской аудитории могут быть вызваны [там же, с. 550] следующими факторами:

1) Недостаточным владением языком, с которого переводится текст; например в предложениях: «Это очень скучное дело, если рыба, капризная, не *клюёт*». کار حوصله سر بری است اگر ماهی بازی دربیاره و نوک نزنند. Kare hoseleh sar bariye agar mahi bazi dar biyare va nok nazaneh. «А потом нырнул и тотчас *достиг* морского дна». بعد او شیرجه زد و به اعماق دریا رفت. Baad u shirjeh zad va be omghe darya raft. Студенты, читающие слова *клюёт* и *достиг*, обращаясь к словарю, не могут идентифицировать данные слова и, соответственно, определить их значения, поскольку указанные глаголы использованы не в начальной форме. Самостоятельно же определить начальную форму представляется невозможным.

Еще один пример: «Всюду множество *всяких* любопытных *штук*». Name ja anva aghsame mojoodate jaleb va motefavete daryae bud. همه جا انواع و اقسام موجودات جالب و متفاوت دریایی بود. Основная ошибка иранских студентов состоит в том, что открыв словарь на нужной странице, они берут первое попавшееся значение найденного слова, не задумываясь, подходит ли это значение к данной ситуации [5]. *Всякий* в данном предложении имеет значение *разный*. Студенты по ошибке перевели его как هر *har* (*har* в персидском языке переводится как *каждый*). *Штук* здесь не указывает на تا *ta* (*ta* – единица перечисления в персидском языке), а указывает на *морских животных*.

2) Недостаточным владением языком, на который переводится текст; «*Боком боком* двигается краб». خرنجنگ پهلو به پهلو حرکت می کرد. Студенты по ошибке переводят это предложение как *خرچنگ کجکی می رفت. Kharchang kajaki miraft («рак двигался криво*»); «Не все же мы *костлявые*». همه ما تیغ دار نیستیم. Nameye ma tighdar nistim. Иранские студенты вместо слова تیغ دار *tigh dar* выбирают استخوانی **ostokhani* (что имеет отношение к костям млекопитающих, а не рыб). Студенты не могут подобрать подходящий эквивалент и синонимы к данным словам в персидском языке: в персидском языке по отношению к *рыбам* используется слово تیغ دار *tigh dar*, а не استخوانی *ostokhani*.

3) Недостаточным знакомством с темой перевода, отсутствием знаний о специфических данных, о которых идет речь в тексте: «По белым камням *везёт* свою *раковину* *рак-отшельник*». У студентов в иранской аудитории возникает вопрос, почему *рак-отшельник* везет *раковину*? У них возникает сомнение по поводу правильности своего перевода. В таком случае, можно в процессе перевода ознакомить их с интересными фактами: Многие *раки-отшельники* используют в качестве укрытия пустые *раковины* брюхоногих моллюсков, которые служат им средством защиты от врагов.

4) Затруднениями, возникающими при поиске языковых и смысловых эквивалентов, отражающих картину мира текста-оригинала.

Сопоставительное описание отдельных фрагментов языковой картины мира демонстрирует примеры различной категоризации лексико-семантического пространства в русском и персидском языках. Известно, что объекты номинации, близкие по своим функциональным качествам, позволяют использовать одну номинативную единицу в отношении явлений разных видов, что и приводит к семантической диспропорции. В русском языке с двумя лексемами *лангуст*, *краб* в персидском языке соотносится одно слово خرنجنگ *kharchang*. Определения некоторых слов отсутствуют в известных и широко распространенных русско-персидских словарях [3; 4] (в нашем случае – слово *лангуст*). Различия видов этих двух ракообразных при переводе не упоминаются, либо приводятся описательно. Перед преподавателем стоит задача раскрыть специфику работы со словарями различных типов.

Итак, рассмотренные выше примеры из работ студентов, говорящих на фарси, демонстрируют очевидные ошибки перевода, связанные с недостатком информации в сфере языков перевода либо в сфере темы перевода. Затруднения вызывает также лексико-семантическая категоризация и дифференциация понятий. Однако, в процессе перевода в иранской аудитории часто возникают спорные случаи, которые требуют проведения дополнительных исследований в сфере учебного перевода.

Список использованных источников

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов // Международные отношения. – Москва, 1975. – 240 с.
2. Виноградов, В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы / В. С. Виноградов. – Москва, 1978. – 174 с.
3. Восканян, Г. А. Русско-персидский словарь : 30 тыс. слов. / Г. А. Восканян. – Москва : АСТ, Восток-Запад, 2008. – 867 с.
4. Овчинникова, И. К. Русско-персидский словарь : 36000 слов / И. К. Овчинникова, Г. А. Фуругян, Ш. М. Бади. – Тегеран : Джаведане Херад, 2009. – 1092 с.
5. Сложности перевода и работы над текстом : [сайт]. – URL: <https://nsportal.ru/blog/shkola/inostrannye-yazyki/all/2017/04/07/slozhnosti-perevoda-i-raboty-nad-tekstom>. (дата обращения: 27.03.2023).
6. Швейцер, А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – Москва : Наука, 1988. – 215 с.
7. Щукин, А. Н. Обучение речевому общению на русском языке как иностранном / А. Н. Щукин. – Москва : Русский язык, 2012. – 784 с.
8. Lederer, M. Interpréte pour traduire / M. Lederer. – Paris, 1997. – P. 31.

УДК 81.33

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ ЯЗЫКОМ ОБЪЯВЛЕНИЙ

Ф. О. Байрамова¹, Е. В. Щенникова²,

¹кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

²кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Аннотация. Ошибки в тексте многое способны поведать о его составителе, и частные уличные объявления нередко дают обширную информацию такого плана. В рамках диагностики автора (исполнителя), опираясь на эти ошибки, эксперт может сформулировать вероятные выводы относительно уровня его образования, а наличие в спорном тексте признаков акцента позволяет также выдвинуть предположения о родном языке, что было продемонстрировано на примере анализа объявления,

составленного, предположительно, работником в сфере коммунального хозяйства Москвы.

Ключевые слова: речевые ошибки; уличное объявление; родной язык; интерференция звуковых систем.

Summary. Mistakes in a text can tell a lot about a person, who wrote it; and private street ads often give us sustainable information of the sort. When identifying the person, an expert basing on these mistakes can formulate possible conclusions on the author's education level; also traces of accent in the text under discussion can lead to guess on his / her native tongue. In the article it has been demonstrated through the analysis of an ad, which had been composed presumably by a Moscow utility worker.

Key words: speech faults; street ad; native tongue; phonetic systems interference.

Язык является эффективным и удобным средством общения. Недаром целый ряд поговорок свидетельствует, сколь важным издревле считалось для людей найти общий язык, говорить на одном языке, чтобы в полной мере использовать даруемые им возможности. В качестве примера достаточно привести пару устойчивых оборотов: *язык до Киева доведет; язык с собой прихвати – и найдешь дорогу* [5, с. 548].

На территории России статус русского языка как государственного закреплен ч. 1 ст. 68 Конституции Российской Федерации, что делает его универсальным средством общения для многомиллионного полиэтнического и мультикультурного населения страны. Трудно представить себе реальное количество коммуникативных событий, осуществляемых ежесекундно на данном языке. Их участниками являются люди с разным уровнем образования, не в одинаковой мере владеющие русским языком, более того, пребывающие в различных эмоциональных состояниях (радостные, взволнованные, испуганные), преследующие разнообразные цели, начиная от успешного завершения официальных переговоров и заканчивая дружеским подтруниванием над добрым знакомым. Характер же вербальной деятельности – не в последнюю очередь это касается допускаемых ошибок – способен многое поведать о коммуниканте. Не случайно грамотность изложения мысли является одним из важных параметров диагностики автора (исполнителя) текста при проведении автороведческих экспертиз, так как позволяет оценить его уровень владения языком и шире, образования, сферу профессиональной деятельности и интересов [8, с. 40 и сл.]. Значимыми являются ошибки в расстановке знаков препинания и написании слов, стилистические огрехи. Не последнюю роль данный параметр играет и при проведении семантического исследования материалов по делам об оскорблении, потому что позволяет предположить, насколько маркированным является для автора употребление той или иной лексической единицы [4, с. 97]. Здесь проявляется еще один прикладной аспект отрицательного языкового материала, о котором писал академик Л. В. Щерба [9, с. 33].

Ошибки, встречающиеся в письменной речи, могут отражать слабую степень владения правилами русского языка, при этом особого внимания заслуживают случаи некорректной фиксации слова на слух, что свойственно лицам, не знакомым с его графическим обликом, например: *карис* (кариес), *пирилы*, *бляши* (беляши). Это, если речь идет об общеупотребительных словах, в первую очередь свойственно детям и иностранцам, использующим русский язык для целей письменного общения, но не успевшим сформировать соответствующую базу. Наибольший интерес для экспертов представляют именно такие ошибки, объяснить которые с опорой на фонетические нормы и правила одного языка не представляется возможным.

Свою эффективность при работе с письменным текстом, выполненным, предположительно, не на родном для автора (исполнителя) языке, доказал комплексный подход, предполагающий участие в исследовании, наряду с автороведом, эксперта в области звучащей речи. Углубленные знания об устройстве фонетической системы разных языков и их произносительных нормах, которые могут проявиться в интерферированной речи [6], подчас позволяют объяснить нетипичные для носителя языка ошибки.

Частные уличные объявления, нередко выполненные от руки и не подвергавшиеся проверке автоматических систем коррекции правописания, безусловно, относятся к неформальному жанру коммуникации. Требования к выверенности слога и соблюдению правил грамматики в данном случае максимально либеральны. С помощью таких объявлений, размещенных непосредственно в среде – на поверхностях зданий, заборах, столбах и проч., – авторы способны обратиться к широкому кругу прохожих, составляющих целевую аудиторию, а использование русского языка обеспечивает максимальный охват и доступность их содержания. Обилие нелепых ошибок в текстах объявлений послужило причиной создания многочисленных юмористических подборок в Интернете и объясняет выбор объекта для анализа в представленной статье.

Наше внимание привлекло объявление, размещенное в одном из спальных районов столицы: *Колодис / чистит / Нирза / машино / ставит*. Посредством него анонимный автор, по всей видимости, работник коммунальной сферы, извещал автомобилистов о недопустимости парковки транспортного средства вблизи канализационного люка. Характер ошибок позволяет говорить о проявлении иноязычного акцента в данном тексте, при этом однозначно судить о его имитационной или исконной природе нельзя.

Если рассмотреть ошибочное написание слов в объявлении с точки зрения фонетической интерференции и её отражения в письменной речи, то становится возможным сделать ряд предположений относительно родного языка исполнителя:

– вероятно, в родном языке исполнителя отсутствуют аффрикаты типа [ц], и в речи на русском языке они заменяются наиболее близким щелевым [с]: *колодис* вместо *колодец*;

– вероятно, в родном языке исполнителя нет оппозиции твердых и мягких согласных, а позиционная палатализация взрывных и щелевых не представлена: *чистит, ставит* вместо *чистить, ставить*; *нирза* вместо *нельзя*;

– вероятно, в родном языке исполнителя сонорные [р] и [л] могут быть взаимозаменяемы в определенном фонетическом контексте или выступают в ограниченном количестве сочетаний с другими согласными: *нирза* вместо *нельзя*;

– вероятно, в родном языке исполнителя лабиализация гласных заднего ряда либо более выражена, чем в русском, либо гласные более дифференцированы по степени огубленности, так как слово *машину* на письме воспроизводится с финальным [о], менее лабиализованным гласным по сравнению с [у].

Проведенный краткий анализ уличного объявления позволяет предположить, что коммунальное хозяйство в отдельно взятом районе Москвы находится в ведении носителя одного из языков иранской группы, вероятно, таджикского, признаки интерференции которого с русским и иными языками представлены в следующих работах: [1, с. 120–121; 2; 3, с. 18; 7]. Не имея достаточных ресурсов для проверки своего заключения на практике, авторы статьи тем не менее продемонстрировали уважаемому читателю, сколь много краткое объявление предписывающего содержания способно поведать о миграционной ситуации в конкретном уголке России.

Список использованных источников

1. Арзуманов, С. Д. Таджикский язык : учебник для вузов / С. Д. Арзуманов, А. Сангинов. – Душанбе : Маориф, 1988. – 414 с.
2. Вашутина, О. Ю. Типичные ошибки в устной и письменной речи курсантов-таджиков (на примере субтестов «говорение» и «письмо») / О. Ю. Вашутина // Проблемы модернизации современного высшего образования ; Материалы III Международной научно-методической конференции. – Омск : Изд-во Ипполитова ; ОАБИИ, 2017. – С. 191–197.
3. Галяшина, Е. И. Диагностика национального акцента по фонограммам русской речи (по языкам народов СССР) : методические рекомендации / Е. И. Галяшина, В. О. Хуртилов. – Москва : Изд-во ВНКЦ МВД СССР, 1991. – 32 с.
4. Жельвис, В. И. Матерятся все?! Роль брани в истории мировой цивилизации / В. И. Жельвис. – Владимир ; Москва : АСТ, 2022. – 384 с.
5. Зимин, В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений / В. И. Зимин. – Москва : Аст-Пресс, 2012. – 730 с.
6. Бондарко, Л. В. Интерференция звуковых систем / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, М. В. Гордина [и др.] ; отв ред. Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1987. – 278 с.

7. Каримова, Д. Н. Сопоставительный анализ систем вокализма и консонантизма в таджикском и английском языках : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. Н. Каримова ; Таджикский государственный педагогический университет. – Душанбе, 2019. – 31 с.
8. Моисеева, Т. Ф. Судебная автороведческая экспертиза : учебное пособие / Т. Ф. Моисеева, И. В. Огорелков. – Москва : РГУП, 2022. – 112 с.
9. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Ленинград : Наука, 1974. – 427 с.

УДК 821.14'06

ОТГОЛОСКИ МАЛОАЗИЙСКОЙ ТРАГЕДИИ В СОВРЕМЕННОЙ ГРЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Л. С. Банах,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка,
литературы и социолингвистики, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Цель исследования – изучение тем и подходов к изображению Малоазийской катастрофы в новогреческой прозе. В работе использованы сравнительный, биографический, культурно-исторический методы. В новогреческой литературе присутствуют три поколения писателей, которые осветили события Малоазийской катастрофы в своих произведениях: очевидцы катастрофы, внуки и дети очевидцев катастрофы, сторонние наблюдатели эмиграции понтийских греков. Новаторство в произведениях многих авторов заключается в том, что они опровергают стереотип о турках как об угнетателях и описывают мирные и дружеские отношения между греками и турками до Малоазийской катастрофы и представляют события с точки зрения представителей обоих народов.

Ключевые слова: новогреческая литература, Малоазийская катастрофа, греко-турецкие отношения, исторический роман, потерянная родина.

Summary. The purpose of the research is to study the themes and the approaches to the representation of Asia Minor catastrophe in New Greek prose with the help of comparative, biographical, cultural and historical methods. In the New Greek literature there are three generations of writers who represent the events of the Asia Minor catastrophe in their works: eyewitnesses of disaster, grandchildren and children of eyewitnesses of disaster, observers of the emigration of Pontic Greeks. Innovation in the works of many authors lies in the

fact that they refute the stereotype of the Turks as oppressors and describe peaceful and friendly relations between the Greeks and the Turks before the Asia Minor catastrophe and describe the events from the point of view of two nations.

Key words: New Greek literature, Asia Minor, Greek-Turkish relations, historical novel.

Современная греческая проза до сих пор богата отголосками Малоазийской катастрофы, открывая новые сведения о греко-турецких взаимоотношениях начала 20 века. Геноцид греков (в другом политическом чтении «этническая чистка», начатая младотурками в годы Первой мировой войны, достигшая своей кульминации и завершённая кемалистами после поражения греческой армии в Малоазийском походе (1919–1922) искоренением греческого населения со своих исконных земель) утвердился в историографии под термином «катастрофа». Малоазийская катастрофа является не только политическим, дипломатическим или военным событием, она стала частью коллективной памяти греческого народа.

В XX и XXI веках вопросы геноцида стали особенно актуальными. Современные писатели представляют тему Малоазийской катастрофы со стороны так греков, так и турок, затрагивая, таким образом, новые аспекты взаимоотношений двух народов. И хотя прошло уже сто лет со времени Малоазийской трагедии, в произведениях новогреческой литературы продолжается актуализироваться эта тема.

Материалом для данного исследования послужили романы Дидо Сотирiu «Οι νεκροί περιμένουν», 1959 («Мёртвые ждут»), «Ματωμένα χώματα», 1962 («Земли, обогранные кровью»), романы Илиаса Венезиса «Το νόμeρο 31328», 1931 («Номер 31328»), «Αιολική Γη», 1943 («Эолийская Земля»), роман Марии Иорданиду «Λωξάντρα», 1963 («Локсандра»), роман Никоса Баколаса «Μεγάλη πλατεία», 1987 («Большая площадь»), роман Евгении Факину «Седьмая одежда», 1983 («Το εϋδομο ρούχο»).

Научная новизна работы заключается в том, что в работе предпринята попытка систематизации авторов с указанием изменений в подходах к освещению темы катастрофы, впервые в отечественном литературоведении раскрыта тематика произведений конца 20 – начала 21 веков, посвящённых Малоазийской катастрофы

Целью данного исследования явилось изучение традиционного и новаторского подходов к изображению Малоазийской катастрофы в новогреческой прозе. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) рассмотреть особенности изображения греко-турецких отношений в романах Илиаса Венезиса и Дидо Сотирiu; 2) проанализировать новый взгляд на взаимоотношения греков и турок в романе Марии Иорданиду «Λωξάντρα» («Локсандра»); 3) определить основную проблематику произведений конца 20 – начала 21 веков, посвящённых теме Малоазийской катастрофы.

Теоретической базой исследования стали работы по истории Малоазийской катастрофы Дрицы Иоанны (Δρίτσα Ιωάννα), статьи профессоров Старопулу Эри (Σταροπούλου Έρη) и Спиropулу Хрисы (Σπυροπούλου Χρύσα), работа Доры Хилиадаки (Χίλιαδάκη Δώρα); монография Панайота Пистаса (Παναγιώτης Πίστας) и Венетии Апостолиду (Βενετία Αποστολίδου).

Территория Малой Азии с античных времён была процветающим греческим районом. На Западе Малой Азии (Измир, Пергам, Фокия, Эфес) проживало примерно два миллиона греков. Вступление Турции в войну на стороне Германии стало началом искоренения понтийских греков. Последним ударом стало поражение в греко-турецкой войне 1919–1922 годов, когда греческое население было вынуждено покинуть свои исторические земли [4, с. 318–319].

В греческой литературе можно выделить три поколения писателей, осветивших тему Малоазийской катастрофы в литературном творчестве:

- очевидцы катастрофы либо современники этого события;
- дети и внуки очевидцев катастрофы;
- свидетели эмиграции греков Малой Азии и их адаптации к новым условиям жизни.

К писателям-очевидцам и непосредственным участникам Малоазийской катастрофы относятся Илиас Венезис (Ηλίας Βενέζης) и Дидо Сотириу (Διδώ Σωτηρίου). Роман Дидо Сотириу «Οι νεκροί περμένουν», 1959 («Мертвые ждут») рассказывает о трагических событиях греко-турецкой войны 1919–1922 годов. Писательница переосмысливает традиционные стереотипы турецкой и греческой культур, пропуская их через восприятие гречанки Алики, главной героини романа. Мотив осуждения преступлений турок звучит одновременно с мотивом благодарности тем туркам, которые ценою своей жизни укрывали греков в своих домах, помогали им бежать. Описывается мирная, благополучная жизнь греков на благодатной земле Малой Азии в резком контрасте с их страданиями в период самой катастрофы и с дальнейшим тяжёлым положением беженцев в Греции. Если в романе «Ματωμένα χώματα» («Земли, обгаренные кровью») показывается в основном жестокость турок по отношению к грекам, то в романе «Мертвые ждут» акцент делается на гармоничном мирном сосуществовании греков и турок до Катастрофы.

Своеобразно представлена тема греко-турецких отношений в романе Илиаса Венезиса (Ηλίας Βενέζης) «Το νοῦμερο 31328», 1931 («Номер 31328»), где образ «бесчеловечного и дикого» Турка сосуществует с образом Турка, друга и брата. Венезис показывает простых турок, которых заставляли охранять греков в рабочих батальонах. Эти люди сочувственно относились к грекам, иногда спасая их от произвола турецких офицеров. Роман автобиографичен, сам Илиас Венезис в 19 лет пережил плен у турок и был одним из трёх выживших из 3 тысяч парней из г. Айвалык, которых угнали в Рабочие батальоны. Почти во всех его произведениях он пишет о жизни в Малой Азии, о том, что было до Катастрофы и что

осталось после неё. Роман «Эолийская земля», 1943 («Αιολική Γη») повествует о мирном сосуществовании греков и турок. Венезис описывает свои мечты и беспечный образ жизни, красоту природы Малой Азии, всё то, что было нарушено выстрелами Первой мировой войны, а затем греко-турецкой войны. Прочитав роман «Эолийская земля», греческий поэт Ангелос Сикельянос писал в январе 1944 года: «Иония не потеряна. Иония живёт. Её многовековая цивилизация живёт. Нам принесла её ужасная Драма Истории. Нам принесли её беженцы. Нам принёс её Ты, Илиас Венезис» [цит. по: 1, с. 14].

В творчестве Йогроса Сефериса (1900–1971), выходца из Малой Азии, дипломата, посла Греции в Анкаре, Нобелевского лауреата по литературе 1963 года, основной темой многих стихов становится ностальгия по потерянной родине и боль за последствия Малоазийской катастрофы (роман «Шесть ночей на Акрополе», книга «Легенды истории», трилогия «Судовой журнал»).

Космас Политис (1888–1974) в своём лучшем романе «Στου Χατζηφράγκου», который посвящён Малоазийской катастрофе, описал события 1919 года в районе Измира. Автор восстанавливает события детства героев, счастливые и беззаботные моменты, которые сменяются рассказами о драматических изменениях в жизнях главных персонажей во время войны и после нее.

Стратис Дукас (1895–1983) в романе «Рассказ заключенного», 1929 («Ιστορία ενός αιχμαλώτου») излагает историю туркоязычного грека, который был захвачен в плен и бежал. Дукас ходил по деревням Македонии и слушал рассказы беженцев, делая заметки. В г. Катерини он встретил прототипа героя своей книги и передал его приключения подлинно и объективно. Автор не ищет ответственных за войну и не подвергает анализу причины войны. Ему было важно показать ужасы войны с обеих сторон, а не искать виновного. Автор посвятил свою книгу «страданиям людей». Дукас имел дружеские отношения со своим соотечественником и бывшим одноклассником Фотисом Кондоглу (1895–1965), который в своем произведении («Το Αϊβαλί, η πατρίδα μου») «Айвалык, моя родина» (1962) с ностальгией описал счастливые дни на родине, раскрыл отношения между греками и турками, показал бедственное положение греков во время Катастрофы.

К поколению детей и внуков очевидцев Малоазийской катастрофы относится Мария Йорданиду (Μαρία Κριεζή-Ιορδανίδου), написавшая роман «Λωξάντρα», 1963 («Локсандра») о своей бабушке, которая и стала прототипом главной героини. В романе Марии Йорданиду описывается двойственное отношение гречанки к туркам: с одной стороны, боязнь под влиянием рассказов о «страшных турках», с другой стороны, уважение к живущим по соседству туркам, которые делили свои радости и боли вместе с семьёй Локсандры. «...οι Τούρκοι για τη Λωξάντρα ήταν μια έννοια πολύ μπερδεμένη. Οι Τούρκοι ήτανε μια μάστιγα της ανθρωπότητας, μια θεομηνία. Σαν να λέγαμε χολέρα, σεισμός, κεραυνός. Τι σχέση είχανε όμως

αυτά τα πράγματα με τον Αλή ή με τον αυγούλά της το Μουσταφά, που όταν έβγαζε στο νύχι του καλαγκάθι ερχότανε και της γύρευε αγίασμα απ' το Μπάλουκλί» [3, с. 46] «Турки для Локсандры были понятием очень запутанным. Турки были бичом человечества, стихийным бедствием, чем-то вроде холеры, землетрясения, молнии. Но что общего было у этих понятий с Али или с торговцем яйцами Мустафой, который, когда доставал из ногтя ногтоеду, просил у нее святую воду из Балукли». Хотя, по словам самой Локсандры она «с турками шашни не водила», с местным сторожем, которому она всегда делала кофе, и с бедняком-бакалейщиком она имела достаточно дружеские отношения. Называя турок «собаками агарянскими» Локсандра имела в виду правящий класс турок и головорезов. Из этого мы можем сделать вывод, что Локсандра не питала ненависти ко всем туркам, а лишь к тем, кто творил бесчинства и проявлял жестокость.

Роман Евгении Факину (Ευγενία Φακίνου) «Το έβδομο ρούχο» («Седьмая одежда») представляет собой симбиоз исторических данных и авторского вымысла. В романе человеческие истории главных героев переплетены с историческими событиями и с действительностью того времени. Хорошо показана тяжёлая судьба матери, беженки из Малой Азии, которая признаётся: «Ξέχασα τι είναι όμορφο!...Μόνο για τα απαραίτητα φρόντιζα. Το ψωμί, το γάλα, τα παιδιά. Σε ένα τόχο δέθηκα και γύριζα αδιάκοπα. Δουλειές, παιδιά, πρόβατα, χωράφια, στενοχώριες...Φύγαν τα καλύτερα μου χρόνια σε μια στιγμή!...» [цит. по: 5, с. 32–33] («Я забыла, что такое красота!... Только о самом необходимом заботилась. Хлеб, молоко, дети. Я попала в колесо и закрутилась в нём. Работа, дети, овцы, поля, заботы... Мои лучшие годы ушли за одну секунду!...») (перевод наш – Л. Б.). Внучка главной героини Рула родилась и выросла в Афинах, и она не знает своих корней. Автор поднимает проблему национальной памяти. Внуки не должны забывать трагедию, пережитую дедами, чтобы избежать её повторения. Каждая нация обязана передавать потомкам знания о событиях национальной истории.

В конце 20 – начале 21 вв. наблюдается возобновление интереса к теме Малоазийской катастрофы. Причём, если главной характеристикой произведений очевидцев событий были этнические противоречия, в произведениях новейшей греческой литературы отмечается культурное сходство греческого и турецкого народов, подчёркивается их взаимная вина друг перед другом. Это представлено в произведениях Катерины Зарокоста (Κατερίνα Ζαρόκωστα) «Ένα κομματάκι ουρανό» (2000) («Один кусочек неба»), Маро Дука (Μάρω Δούκα) «Αθώοι και φταίχτες» (2004) «Невинные и виновные», Костаса Акриву (Κώστας Ακρίβου) «Καιρός για θαύματα» (2005) («Время для чудес»), в трехтомном произведении Эвангелоса Мавродиса (Ευάγγελος Μαυρώδης) «Επιστροφή στη Σμύρνη» (2010–2011) («Возвращение в Измир»), а также в романе Сотиири Марангозаки (Σωτηρία Μαραγκοζάκι) «Ο ύπατος της Σμύρνης» (2012) («Всадник Измира»).

В целом можно выделить три темы в произведениях новейшей греческой литературы, посвящённых Малоазийской катастрофе:

1) Первая тема – примирение старых врагов, греков и турок внутри одной любви, абсолютно запрещенной по расовым и религиозным взглядам. Эта тема, например, встречается в романах Маро Дука «Невинные и виновные», Катерины Зарокоста «Один кусочек неба» (2000) и Костаса Акриву «Время для чудес» (2005).

2) Вторая тема – это тема неприятия беженцев из Малой Азии в самой Греции. Исторические события присутствуют как фон событий личной жизни героев, однако присутствует диахронический ракурс, то есть события начинаются в 1919 году, а заканчиваются в наше время. Эта тема нашла отражение в творчестве Никоса Баколаса. Роман «Η μεγάλη πλατεία» поделён на главы, которые носят имена главных персонажей: моряка Фотиса, родом из острова Митилини, журналиста Христоса, выходца из крестьянской семьи в Салониках, беженки из Малой Азии Ангелы и промышленника Янниса, родившегося в Салониках. В основном население города Салоники составляют внутренние и внешние эмигранты. Салоники имеют огромную связь с трагическим прошлым, так как именно этот город был вынужден принять огромную волну беженцев, поэтому Салоники в народе называют «προσφυγομάνα» («мать беженцев»). Этот роман описывает не просто отдельные события из истории города Салоник, а целый век в жизни греков.

Автор передаёт особенное отношение к Ангеле, беженке из Малой Азии, и с сочувствием относится к ее судьбе: «Όμως εκεί έχασε τη μάνα της, πνίγηκε ο πατέρας και δεν άντεξε ο παλούλης και είπε κλαίγοντας κι αγωνιώντας «είμαι μόνη πια στον κόσμο», όπως η χαμένη κόρη του παραμυθιού, που τη ζώνουνε η δυστυχία και ο τρόμος και στο τέλος όλα σιάζουνε» [2, с. 34] («Там она потеряла маму, отец был задушен и дедушка не выдержал, и она, мечась в истерике, причитала, что «осталась одна во всём мире», как потерянная дочь из сказки, которая пережила несчастье и страх, но, в конце концов, все наладилось» (перевод наш – Л. Б.). Образ Ангелы выписан с особой симпатией. Она сирота, вынужденная бежать из родных земель. В начале романа она теряется в большом городе, будучи нищей, незащищённой, ищущей работу и ничего не требующей. Она даже соглашается быть содержанкой у старика, ждущего от неё телесных утех. Девушка глубоко несчастна, но это не мешает ей оставаться милой, доброй, отзывчивой к бедам других людей. Она поёт рембетико (жанр городской народной песни) в тавернах. В главах, посвящённых Ангеле, воссоздаётся атмосфера музыки и времяпровождения в тавернах Салоник, то есть, обращается внимание читателя на характерную особенность Салоник – расцвет музыкального жанра ремпетико во времена оккупации. После множества перенесённых унижений Ангела решается выйти замуж за промышленника Янниса, но всю жизнь остаётся непонятой им и его социальным окружением.

3) Третьей темой является взгляд на события Малоазийской катастрофы со стороны Другого, турка. Например, Эвангелос Мавродис в трехтомном произведении «Возвращение в Измир» (2010–2011) описывает жизнь и испытания не только греческой, но и турецкой семьи, создавая полифонический роман о Малоазийской катастрофе.

Таким образом, писатели очевидцы событий Малоазийской катастрофы делали акцент на противопоставлении мирной жизни до трагедии и ужасов времён геноцида греков. В произведениях детей и внуков людей, переживших трагедию, поднимается проблема национальной памяти. Авторы стараются дать объективную оценку событиям, опираясь на архивные данные, свидетельства очевидцев. В 21 веке создаётся довольно много произведений о Малоазийской катастрофе, в которых события описываются с двух противоположных позиций, греков и турок, показываются родственные связи между этими народами, анализируются причины трагедии, поднимаются морально-этические вопросы отношения к беженцам.

Список использованных источников

1. Политис, Л. Краткая история новогреческой литературы / Линос Политис. – Москва ; Афины, 1994. – 142 с.
2. Μπακόλας, Νίκος. Η μεγάλη πλατεία / Ν. Μπακόλας. – Αθήνα : Κέδρος, 1987. – 553 σ.
3. Ιορδανίδου, Μαρία. Λωξάντρα / Μαρία Ιορδανίδου. – Αθήνα : Βιβλιοπωλείο της Εστίας, 2010. – 247 σ.
4. Πίστας Παναγιώτης, Αποστολίδου Βενετία, Με επίκεντρο τη "Μεγάλη Πλατεία" : μια θεώρηση του πεζογραφικού έργου του Νίκου Μπακόλα / Π. Πίστας και Β. Αποστολίδου. – Αθήνα : Σοκόλης, 2009. – 134 σ.
5. Σταροπούλου, Ε. Η παρουσία της Μικρασιατικής Καταστροφής στη νεοελληνική πεζογραφία (συνέχειες, ασυνέχειες, ρήξεις) / Ε. Σταροπούλου. – Βουκουρέστι : Ευρωπαϊκή Εταιρεία Νεοελληνικών Σπουδών, Γ' συνέδριο της Ευρωπαϊκής Εταιρείας Νεοελληνικών Σπουδών, 2006. – С. 379–398.

УДК – 811.512.145'33

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МОДАЛЬНЫХ СЛОВ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Л. И. Бекирова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Статья посвящена исследованию лексико-грамматических и семантических особенностей модальных слов в

крымскотатарском языке.

Основной целью исследования является анализ теории изучения модальных слов, а также определение их лексико-грамматических и семантических особенностей.

Методы исследования – в основном описательный, в необходимых случаях используются сопоставительный метод, метод компонентного анализа.

Основными результатами исследования являются – в ходе исследования установлено, что категория модальности, классификация средств её выражения и понятийный аппарат являются одними из наиболее функциональных в крымскотатарском языке. Модальные слова по своим грамматическим функциям близки к частицам, вместе с тем они остаются на переходной ступени от самостоятельных слов к частицам.

Таким образом категория модальности представляет собой сложную понятийную категорию и включает в себе личное отношение говорящего к высказанной мысли, а также какое отношение эта ситуация имеет к остальным событиям. В таком случае определяется сама цель высказывания, которая может быть выражена рядом средств в крымскотатарском языке.

Ключевые слова: модальность, категория, актуальность, крымскотатарский язык, семантика, грамматическая структура.

Summary. The article is devoted to the study of lexico-grammatical and semantic features of modal words in the Crimean Tatar language.

The main purpose of the study is to analyze the theory of studying modal words, as well as to determine their lexico-grammatical and semantic features.

The research methods used are mainly the descriptive one, in necessary cases, the comparative method and the method of component analysis.

The main results of the study are the following: in the course of the study it was found out that the category of modality, the classification of the means of its expression and its conceptual apparatus are among the most functional in the Crimean Tatar language. Modal words in their grammatical functions are close to particles, but at the same time they remain at the transitional stage from independent words to particles.

Thus, the category of modality is a complex conceptual category and includes the speaker's personal attitude to the expressed thought, as well as what relation this situation has to other events, thus determining the very purpose of the statement and can be expressed by a number of means in the Crimean Tatar language.

Key words: modality, category, relevance, Crimean Tatar language, semantics, grammatical structure.

Асырлар бою грамматиканы огренюв чокъусы алимлирини, тедкъикъатчыларыны меракъландыргъан. Амма модаллик проблема оларакъ, тильшынаслыкъта XIX асырда огренильмеге башлай. Эльбетте, модаллик ве модаль сёз сёзлернинъ огренилюви де алимлирни меракъландыргъан мевзудыр.

Модаллик – (лат. *modalis* - *modus* - сурет, тарз, усул) - сөйлөйиджининь айткан фикирине олган мунасибет ве айтылган фикир барлыккыа насыл мунасибетте олганыны ифаделеген грамматик-семантик категориядыр.

Модаль сөзлер – лингвистикада модаллик категориясынынь бир кысымы сайылыр. Модаллик категориясына кень манада модаль сөзлер, модаль фииллер ве дереджеликлер (морфологик дереджесинде), кириш сөзлер, сөз бирикмелери ве джумлелер (синтактик дереджесинде) кирсетилир.

Модаллик – джумленинь мундериджесине сөйлөйиджининь мунасебети ве джумле мундериджесининь белли бир шараитке олган мунасебети эсасында мейданга кетирильген тюшондже категориясыдыр.

Шу себептен объектив (шараитке мунасебети) ве субъектив (сөйлөйиджининь мунасебети) модаллик айырыр. Модаль сөзлер мустакыль ве ярдымджы сөз чешитлери арасында ерлешип, вакъты-вакътынен экисининь де аляметлерини акс эте билер.

Айдер Меметович Меметовнынь 2006 сенеси нешир этильген грамматикасындан модаль сөзлер акъкында бойле малюматнен таныш ола билемиз: «Фикирнинь аяттаки вакъиа-адиселерге олган мунасебети яни модаль мунасебет дереджеликлер ве модаль сөзлер вастасынен ифаделенир. Шу васталар иле сөйлөйиджининь аяттаки олган-олмаган вакъиа-адиселерге, барлыккыа олган ишанч, умют, языкъсынув я да инкяр киби мунасебетлерни бильдирир» [2].

Шуны да кыайд этмек керек ки А. М. Меметов «Земаневий кырымтатар тили» китабында исим, сыфат, фииль сөз чешитлеринде модаль шекильлерини айыра. «Исимлернинь лексик манасына охшав-кучюльтюв, урьмет, сайгы, къуветлендирюв киби модаль мана кюшулувынен япылган шекиль мейданга кетирилювине модаль шекиль япув деп, кыайд эте. Исимлерде модаль шекиль эки усулнен – морфологик усулы ве сөз кюшув усулынен япылыр». Сыфатларда модаль шекиль морфологик ве синтактик усул иле япылганыны кыайд этип, модаль шекиль оларакъ, сыфатнынь къуветлендирме, азлаштырма, бельгисизлик шекиллерини бельгилей. «Фиильден анылашылган иш–арекетнинь объектив барлыккыа мунасебетини, насыл алда (кучлю-кучьсюз, девамлы, текрарланув я да бирден) япылувы нетиджесинде модаль мунасебетни ифаделейиджи шекиллерге фиильнинь модаль шекиллери дерлер». Фиильнинь модаль манасы, А. М. Меметовнынь фикрине коре, махсус ялгамалар, мейиль шекиллери вастасынен, ярдымджы ве толу олмаган филлер ярдымынен ифаделенир [2].

Дереджелик ве модаль сөз арасындаки бирлик, бенъзев шунда ки, оларнынь экиси де модаль мана ифаделей. Амма грамматик джеэттен олар арасында, эльбетте, farkъ да бар. Дереджеликлер сөз денъштирюв системасына малик олмаганы ве джумле азасы вазифесини беджермегени себебинден модаль сөзлерден айырыла.

Юкъарыда айтылганы киби, модаль сөзлер, дереджеликлер киби,

сәйлейиджининь аяттаки вакъиа-адисеге олгъан мунасебетини бильдирир. Олар джумледе сәйлейиджининь ифаделеген фикрине тюрлю (ишанч, инкяр, умят, языкъсынув) модаль мана кьошурлар.

Земаневий кьырымтатар тилинде модаль сөзлер булардыр: *Иште, бойледже, бойлеликнен, керчек, яхшы, догъру, демек, ниает, лютфен, табий, менимдже, эльбетте, бельки, шубесиз, гъалиба* ве иляхри.

Модаль сөзлер модалликни ифаделейиджи васталардан биридир. Олар джумледе кириш сөз оларакъ мейдангъа келелер ве джумленинъ мундериджесинен багълыдыр. Меселя: *Ислям агъам эски деврини хатырлады, гъалиба!*

Модаль сөзлернинъ лексик-грамматик хусусиетлери булардыр:

1. Сәйлейиджи айтылгъан фикирге озь мунасебетини ифаде этер.

Демек, иш ана бабанънынъ разлыгъында дегиль де, парада экен, ойлеми?

2. Там маналы сөзлерге ошап, адисе я да предметнинъ ады олмаювы.

Керек, огълум, дей къартбаба.

3. Джумледеки башкъа сөзлернен грамматик джеэттен багълы олмаювы.

Мен кене сенинъ адынъдан онъа бир риджа этип бакъайым, итимал, дерья, янар, - дей тургъанлар, ким бильсин, бельки, разы олур деп, чыкъып кете.

4. Кьырымтатар тилинде модаль сөзлер тек айры бир сөз эм де бир сөзден зияде шекиллерде расткелир.

Демек, модаль сөзлер теркибине коре саде ве муреккеп ола билир. Модаль мана ифаделеп, бир сөзден ибарет олгъаны саде модаль сөз эсапланыр, меселя: *бельки, итимал, гъалиба, керчек, аджеба.*

Бир сөзден зияде исе муреккеп сая билирмиз, меселя: *ола билир, мадам ки, ойле я, олмалы ки.*

Тюркий тиллерде базы тедкъикъкъатчылар модаль сөзлернинъ пек чокъ семантик группаларыны къайд этелер. Дигерлери исе, аксине, модаль сөзлернинъ семантик хусусиетлерини ойле тарлаштыралар ки, нетиджеде олар ярдымджы оларакъ, тек модаль функция беджериджи олалар. Учюнджилери исе, модаль сөзлер сырасында ойле бирикмелер кирсетелер ки, асыл да модаллик манасынен алып береджеги олмагъан.

Кьырымтатар тилинде кьулланылгъан модаль сөзлерни бедий эсерлерден, халкъ агъыз яратыджылыгъындан сечип ве талиль этерек, бойле нетиджелер чыкъардыкъ, оларнынъ эсасында семантикасыны козьде тутаракъ, ашагъыдаки группаларгъа айырдыкъ:

1) Тасдыкълав – *эльбет, шубесиз, баре;*

2) итималлыкъ – *бельки, итимал;*

3) заруриетлик – *керек, лязим;*

4) инкярлыкъ – *ёкъ;*

5) тасдыкълыкъ – *демек, мадам ки, ойле я, бойлеликнен;*

6) теэсюфлик – *афсус;*

7) акъикъатлыкъ – *догъру, керчек;*

8) къарарлаштырув – *ола билир, гъалиба;*

9) тааджиПЛенюв – *аджеба.*

Таснифимиздеки докъуз семантик группанынъ узеринде айрыджа токъталып кечейик:

1. Къырымтатар тилинде тасдыкълав манасындаки модаллик чешит тюрлю сёз чешитлеринден шекилленген модалъ сёзлернен ифаделенир, меселя: *эльбет, шубесиз, баре.*

Эльбет, Гирейнинъ эвинде таныш олгъан эдик.

Мектюбинъ, шубесиз, меракълы эди.

Баре шу мельунны нишангъа алып корейимчи, – деп козьлеп башлагъанда, Алиев онынъ къолуны тутты.

2. Итималлыкъ манасындаки модаллик "итимал, бельки" модалъ сёзлеринен ифаделенип, шубеленюв манасыны да анълатыр. *Бельки, эвель де сенинъ севгинъ о къадар терен дегильдир. Ким бельсин, итимал, вакъыты келип, Павел Шубиннинъ ады мешур олып кетер?*

3. Заруриет модаллиги "керек, лязим" модалъ сёзлеринен ифаделенир эм де мытлакъа заруриет манасыны анълатыр:

Сёз айны бир шахыс акъкъында юрсетильсе, керек.

Лязим, яхшы авджы олгъаныны корейикчи.

4. Инкярлыкъ модаллиги "ёкъ" модалъ сёзюнен ифаделенир эм де инкяр, итираз манасыны анълатыр:

Не олды? Вендич кельдими?

Екъ... Сенинъ сыджагъынъ бар...

5. Тасдыкълыкъ модаллиги "демек, мадам ки, ойле я, бойлеликнен" модалъ сёзлеринен ифаделенир эм де нетиджелев манасыны анълатыр:

Демек, шимди юзь бермеси мумкюн олгъан вакъианы огюни алмагъа имкянымыз бар.

Мадам ки, сиз киришсенъиз, мен де артта къалмам.

Бойлеликнен, тильки къашкъырдан да къуртула.

Ойле я, барып да бу джеза олса, - деп тюшюнди о кене...

6. Теэсюфлик модаллиги "афсус" модалъ сёзюнен ифаделенир, эм де языкъсынув, окюнюв киби маналар анълатыр:

Афус, ич кимсе онъа ляйыкъ дегиль.

Афсуз, кимсе еринден къыбырмайджакъ, унутмангъыз.

7. Акъикъатлыкъ модаллиги "догъру, керчек, керчектен" модалъ сёзлеринен ифаделенир, догърулыкъ манасыны анълатыр:

Керчек, о вакъытта Сервер он дерт яшында олса да, эр шейни анламагъа борджлу эли.

Догъру. Уфакъ олса да, отъмекни урьмет этмек керек, онынъ устюне басмакъ гуняхтыр.

8. Къарарлаштырув модаллиги "ола билир, гъалиба" модалъ сёзлеринен ифаделенир, къарар манасыны анълатыр.

Ола билир, Нусрет мектепке бармагъа истемез, эки куннинъ биринде дерслеринден къачып, я мааледе ойнап кезер, я киногъа кетер.

Гъалиба, къашкъыр кимседен коркъмай, - деп тюшюне копек.

9. ТааджиПЛенюв модаллиги "аджеба" модаль сёзлеринен ифаделенир, тааджип манасыны анълатыр.

Ойле аллар да ола ки, адам оппадакътан уянып: Аджеба, мен отуз, къыркъ... эллиге кельдим?...

Бойлеликнен, юкъарыда мисаллернинъ талили шуны исбатлай ки, къырымтатар тилинде модаль сёзлерининъ мевджутлыгыны, оларнынъ лексик-грамматик, семантикасы джеэтинден беджерген таснифимизни теклиф эттик, бу мевзу боюнджа алып барылган теткъыкый ишлер илерилер ве девам этилир деген фикирдемиз.

Къулланылган эдебият

1. Меметов, А. М. Къырымтатар тилининъ популяр грамматикасы / А. М. Меметов. – Симферополь : И. Гаспринский адына Медиамеркез, 2016. – 172 с.
2. Меметов, А. М. Земаневий къырымтатар тили / А. М. Меметов. – Симферополь : Къырымдевокъувпеднешир, 2006. – 320 с.
3. Меметов, А. М. Крымтатарский язык / А. М. Меметов, К. М. Мусаев. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2003. – 288 с.
4. Меметов, А. М. Татар тили грамматикасынынъ практикумы / А. М. Меметов. – Ташкент : 1984. – 152 с.
5. Самойловичъ, А. Н. Опыт краткой крымско-татарской грамматики / А. Н. Самойловичъ – Петроградъ : Тип. И. Бораганского, 1916. – 104 с.
6. Сигбатов, Р. Г. Модальность как структурно-семантическое единство / Р. Г. Сигбатов // Советская тюркология – Москва : Наука. – 1978. – № 4. – С. 21–30.

УДК 811.11: 821.111

ТИПЫ РЕАЛИЙ В БРИТАНСКОЙ И НИГЕРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

М. В. Беловенцева¹, Н. А. Вовк², М. А. Потапова³,

¹страший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²страший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

³обучающаяся 4-го курса, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Культура того или иного народа всегда содержит объекты или явления, которые выражают национальный колорит. Существует термин, обозначающий эти слова или словосочетания –

«реалия». На текущем этапе отсутствует единое определение этого понятия и предлагаются различные классификации этих культурно маркированных единиц. Актуальность данного исследования определяется значимой ролью реалий в художественной литературе, поскольку они выражают национальную специфику произведений, создают неповторимую атмосферу, в которой разворачивается действие.

Основная цель исследования – выявить типы реалий, используемых в романе «Дневник Бриджит Джонс» британской писательницы Хелен Филдинг и «Лиловый цветок гибискуса» нигерийской писательницы Чимаманды Нгози Адичи. Эта цель определяет постановку следующих задач: 1) представить классификации реалий; 2) распределить по группам культурно маркированную лексику, выявленную в анализируемых романах; 3) сопоставить реалии британской и нигерийской линвокультур и их роль в тексте.

В ходе исследования были использованы аналитический и сопоставительный методы, а также методы сплошной выборки и классификации.

Ключевые слова: реалии, типы реалий, классификации реалий, британская художественная литература, «Дневник Бриджит Джонс», Хелен Филдинг, нигерийская художественная литература, Чимаманда Нгози Адичи, «Лиловый цветок гибискуса».

Summary. A people's culture always contains objects or phenomena, which express national coloring. There is a term denoting these words or word combinations – “realia”. At present, there is no single definition of the notion and there are offered different classifications of these culturally marked units. The relevance of the research is defined by a significant role of the realia in the belles lettres literature as they express the national specific character of literary works, create a unique atmosphere in which the action is taking place.

The main purpose of the research is to find the realia types being used in the novels “Bridget Jones's Diary” by the British writer Helen Fielding and “Purple Hibiscus” by the Nigerian writer Chimamanda Ngozi Adichie. The purpose defines the following tasks: 1) to present realia classification; 2) to categorize culturally marked lexics found in the analyzed novels; 3) to compare the realia of the British and Nigerian linguocultures and their role in the text.

During the research there were used the analytical, comparative, classification methods, and also continuous sampling method.

Key words: realia, realia types, classifications of realia, British belles-lettres literature, “Bridget Jones's Diary”, Helen Fielding, Nigerian belles-lettres literature, Chimamanda Ngozi Adichie, “Purple Hibiscus”.

Каждый язык мира наделён словами, которые не поддаются точному переводу на другой язык. Такая лексика встречается в основном среди слов, обозначающих национальные реалии. Слово реалия происходит от латинского прилагательного во множественном числе (realia – «вещественный», «действительный»), превратившегося в русском языке в существительное женского рода. Как часть речи, реалия, в большинстве

случаев – имя существительное. Это обусловлено предметным содержанием реалий как особого класса лексики.

У лингвистов нет единого мнения, дающего единственное и точное определения реалиям. Л. С. Бархударов в своей работе «Язык и перевод» даёт достаточно широкое определение, называя реалиями «слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» [1, с. 94]. С. Влахов и С. Флорин упоминают термины «безэквивалентная лексика», «экзотическая лексика», «варваризм», «локализм», «этнографизм» и др. Все эти понятия тесно связаны с термином «реалия» и обладают общей чертой: отсутствие эквивалентов в языке перевода. Учёные определяют реалии как «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому...» [4, с. 47].

Предлагая собственные классификации реалий, исследователи основывались на разных принципах. В. С. Виноградов подразделяет реалии по тематическому принципу: бытовые реалии, этнографические и мифологические реалии, реалии мира природы, реалии государственно-административного устройства и общественной жизни (актуальные и исторические), ономастические реалии, ассоциативные реалии [3, с. 104–116]. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, взяв за основу материал русского языка, выделили семь групп слов, наделенных национально-культурной семантикой: советизмы, слова нового быта, наименования предметов и явлений традиционного быта, историзмы, лексика фразеологических единиц, слова из фольклора, слова нерусского происхождения [2, с. 47–51]. Г. Д. Томахин выделяет этнографические, географические, общественно-политические реалии, реалии системы образования, религии и культуры, а также ономастические реалии [5, с. 46–199]. В данной работе мы опираемся на классификацию Г. Д. Томахиной.

В данном исследовании материалом для анализа послужили романы современных англоязычных писательниц: «Дневник Бриджит Джонс» Хелен Филдинг и «Лиловый цветок гибискуса» Чимаманды Нгози Адичи. За основу была взята классификация, предложенная Г. Д. Томахиным.

В романе «Дневник Бриджит Джонс» британской писательницы Хелен Филдинг были выделены следующие примеры реалий:

1. Этнографические реалии (реалии быта, одежда, пища, напитки, отдых, времяпрепровождение, праздники, меры, деньги): *Silk Cut* – британская марка сигарет; *crop-top* – короткий топ; *Stilton* – английский полумягкий нарезной сыр с голубой плесенью; *Silverskin onion* – разновидность мелкого белого маринованного лука, используется для приготовления классического коктейля Gibson; *Cadbury's Dairy Milk* – британский бренд молочного шоколада; *tart* – открытый пирог из песочного или любого другого теста; *mini-break* – короткий отпуск, поездка; *Christmas* – Рождество; *Valentine's Day* – День святого Валентина;

gallon – мера объёма в английской системе мер, соответствующая от 3,79 до 4,55 литра; *pound* – фунт. В этой группе реалий, в основном, присутствуют наименования типичных британских видов гастрономических продуктов и единиц измерения.

2. Географические реалии (флора, культурные растения, фауна): *Bonsai* – искусство выращивания точной копии настоящего дерева в миниатюре; *Alsatian* – немецкая овчарка. Первая из них – это заимствование из японского, которое обозначает популярное хобби в Соединённом Королевстве.

3. Общественно-политические реалии (правительства и местное самоуправление, политические партии и общественные организации): *Northamptonshire constabulary* – территориальные полицейские силы; *Rotary Club* – «Ротари клуб», один из множества филиалов международного клуба «Ротари интернэшнл», который был основан в США в 1905 году; *Friends of St. George's* – национальная благотворительная организация в Англии. Ряд эргонимов выражает типичные для Великобритании службы или объединения. Также присутствуют наименования международных организаций, что обусловлено, во-первых, процессами глобализации и, во-вторых, общей англоязычной культурой Соединённого Королевства и США.

4. Реалии системы образования, религии и культуры: *junior school* – начальная школа; *Vicar* – епископ; *Christian* – христианин; *Feng Shui* – фэншуй. В этой группе, в основном, присутствуют британские реалии, но есть и заимствованная из китайского языка – фэншуй, которая может быть хобби или профессией.

5. Ономастические реалии:

– антропонимы (имена исторических, общественных, политических деятелей, имена деятелей искусства, популярных спортсменов): *Dennis Healey* – британский государственный деятель, министр обороны Великобритании, канцлер казначейства; *Bruce Forsyth* – британский артист эстрады и ведущий;

– топонимы (географические названия, особенно имеющие культурно-исторические ассоциации): *Kettering* – город в графстве Нортгемптоншир Великобритании; *Stoke Newington* – район на северо-востоке Лондона; *Marble Arch Marks and Spencer* – британский магазин одежды; *Calvin Klein* – американский дом моды;

– названия произведений литературы, кино, журналов и газет: *Backlash* – книга Сюзан Фалуди о феминизме; *EastEnders* – сериал о жизни простых жителей вымышленного округа Уолфорд в восточной части Лондона; *Women Who Love Too Much* – книга по вопросам брака и семьи Робин Норвуд; *Lancet* – британский медицинский журнал, *Newsnight* – программа новостей BBC.

Семантика реалий представляет определенную комплексность, которая повышается в отношении этой группы реалий. Имена собственные разных классов постоянно увеличивают свой семантический объем. Для

того, чтобы понимать их значение, необходимо постоянно систематизировать те или иные факты, связанные с ними.

Всего в романе было выделено 130 реалий, из которых 38 (29%) – этнографические реалии, 9 (7%) – общественно-политические, 2 (2%) – географические реалии, 4 (3%) – реалии системы образования, религии и культуры, 77 (59%) – ономастические, среди которых антропонимов – 21 (27,27%), топонимов – 39 (50,64%), названий произведений литературы, кино, журналов и газет – 17 (22,09%). Преобладание ономастических реалий в романе «Дневник Бриджит Джонс» Хелен Филдинг обусловлено тем, что автор сравнивает своих персонажей с популярными спортсменами, телеведущими, актёрами, героями книг (*Susan Sarandon, Groucho Marx, Struwelpeter*). Такого рода сравнения наиболее точно раскрывают характер героев исследуемого произведения. С помощью топонимов в тексте создается местный британский колорит, который известен всему миру. Названия различных произведений и печатных изданий показывает круг интересов жителей Британии, их убеждения.

В романе современной нигерийской писательницы Чимаманды Нгози Адичи «Лиловый цветок гибискуса» были найдены и проанализированы следующие реалии:

1. Этнографические реалии (реалии быта, одежда, пища, напитки, отдых, времяпрепровождение, праздники, меры, деньги): *jollof* – блюдо, состоящее из риса, помидоров, томатной пасты; *moi-moi* – нигерийский пудинг, приготовленный из смеси очищенной спаржевой фасоли, лука и свежемолотых перцев; *Easter Sunday* – Пасха, *New Yam festival* – фестиваль народа игбо, который проводится в конце сезона дождей; *ichaka* – музыкальный инструмент; *atilogu* – традиционный подвижный молодежный танец народа игбо; *Ludo* – настольная игра. Этот вид реалий позволяет читателю через текст окунуться в культуру коренного народа, в местный колорит.

2. Географические реалии (флора, культурные растения): *socoуatmo* – общее название более чем одной тропической корнеплодной и овощной культуры, принадлежащей к семейству арумовых; *Allamanda* – род цветковых растений семейства кутровые; *Gmelina* – лекарственное растение; *dogonyaro*, ним, азадирахта индийская (вечнозеленое дерево). Перечисленные наименования являются эндемиками, которые подчеркивают, как сильно фауна европейских стран отличается от местной африканской природы.

3. Реалии системы образования, религии и культуры: *the university primary school* – начальная школа при университете; *Junior Secondary School* – средняя школа, *itu-nzu* – ритуал, *rosary* – цикл молитв; *novena* – традиционный вид католической молитвы. В этой группе присутствуют как реалии, которые были до прихода европейцев, так и явления, появившиеся с установлением колониальной власти.

4. Общественно-политические реалии (государственные служащие, общественные организации, правительство и местное самоуправление):

SAN (Senior Advocate of Nigeria) – Лига адвокатов Нигерии; *the Democratic Coalition* – коалиция нигерийских демократов. Эта группа реалий появилась под влиянием представителей европейского континента и выражает объединения, функционирующие в рамках социальных институтов.

5. Ономастические реалии:

– антропонимы (имена деятелей искусства, популярных спортсменов, персонажей художественной литературы и фольклора, имена богов и мифологических существ): *Jesus* – Иисус; *Chuktvu* – верховное божество в пантеоне игбо; *Osadebe* – нигерийский музыкант; *Mary Slessor* – шотландская пресвитерианская миссионерка в Нигерии;

– топонимы (географические названия): *Nsukka* – крупный город и район местного управления Нигерии, в штате Энугу;

– названия журналов и газет, названия государственных и общественных учреждений: *Leventis* – одна из крупнейших компаний в Западной Африке; *Standard* – Ежедневная нигерийская газета.

Этот вид реалий представлен онимами, важными в рамках нигерийской лингвокультуры, в частности, для этноса игбо.

В романе «Лиловый цветок гибискуса» нигерийской писательницы Чимаманды Нгози Адичи было выделено 145 реалий, из которых 52 (36%) – этнографические реалии, 28 (19%) – географические реалии, 10 (7%) – реалии системы образования, религии и культуры, 12 (8%) – общественно-политические, 43 (30%) – ономастические реалии. Анализ проведенного исследования показал, что мы имеем дело с достаточно большим количеством этнографических реалий. Этнографическим реалии в романе служат для описания быта и культуры Нигерии, а именно народа игбо. Автор с помощью реалий также описывает предметы материальной культуры, обычаи, политические процессы, религию, духовную культуру Нигерии. Чимаманда Нгози Адичи также упоминает большое количество национальных блюд Нигерии (*moi-moi, onugbu soup*). Особый колорит передают географические реалии, а именно культурные растения Африки (*окра, сосоуат*). Видно, что писательница хочет донести до читателей особенности жизни нигерийского племени, рассчитывает и на международную аудиторию, мало знакомую с жизнью в Нигерии.

При сопоставлении романов «Дневник Бриджит Джонс» Хелен Филдинг и «Лиловый цветок гибискуса» Чимаманды Нгози Адичи стоит отметить, что авторы с разными целями используют в своем повествовании реалии. Лингвокультура британского общества довольно хорошо знакома людям по всему миру через средства массовой информации и кинематограф. Часть реалий, употребляемых в тексте, носит сугубо местный характер (превалирующее число ономастических реалий, в основном с «британским» колоритом), часть реалий имеют статус международных, поскольку в англоязычном мире идет интенсивный обмен различными культурными ценностями.

Нигерийская лингвокультура более самобытна и менее известна за пределами страны. Поэтому Ч. Н. Адичи в тексте своего произведения делает упор на описание рутинной жизни этноса игбо (значительное количество этнографических реалий), одного из более чем пятисот наций, проживающих в Федеративной Республике Нигерия. Для местного читателя таким образом представляется уклад жизни, который важно знать представителям племени, особенно молодым. Также вносится вклад в национальную литературу и культуру, хотя роман и написан на английском языке. Читатели из других стран, в том числе европейских, с помощью текста романа могут сформировать для себя видение того, какова картина мира, в том числе и языковая, у людей, населяющих Нигерию.

Список использованных источников

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – Москва : Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
2. Верещагин, Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров ; 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Русский язык, 1990. – 246 с.
3. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – Москва : Издательство института общего среднего образования РАО 2001. – 224 с.
4. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – Москва : Международные отношения, 1980. – 343 с.
5. Томахин, Г. Д. Реалии-американизмы : пособие по страноведению : учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / Г. Д. Томахин. – Москва : Высшая школа, 1988. – 239 с.
6. Adichi, Ch. N. Purple Hibiscus / Ch. N. Adichi. – London : Harper Collins Publishers, 2009. – 213 p.
7. Fielding, H. Bridget Jones's Diary / H. Fielding. – London : Picador, 1997. – 157 с.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ АННЫ АХМАТОВОЙ)

А. С. Бурдина,

*аспирант кафедры русского, славянского и общего языкознания,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматривается методика интерпретации текста, представленная крымской школой функциональной лингвистики, указывается на разность между пониманием, что такое функционирование текста и функциональный подход в разных методиках анализа текста. Продуктивность методики функционального анализа проиллюстрирована на примере стихотворения Анны Ахматовой «Перед весной бывают дни такие...».

Ключевые слова: коммуникативно-когнитивная парадигма, функционирование текста, функциональная лингвистика, функция регуляции, противоречие текста, «стержневой элемент».

Summary. The article discusses the method of text interpretation presented by the Crimean school of functional linguistics, points out the difference between understanding what the functioning of the text is and functional approaches in different text analysis methods. The effectiveness of the technique is illustrated by the example of Anna Akhmatova's poem "Before spring there are such days...".

Key words: communicative-cognitive paradigm, text functioning, functional linguistics, regulation function, text contradiction, "core element".

Лингвистика текста как научное направление складывается в 60-ые годы XX века, когда текст некоторыми учеными рассматривается в качестве единицы языка. «В данные годы исследователи стремятся определить текст, обосновать его статус в системе язык – речь (текст воспринимается как высшая синтаксическая единица), квалифицировать его как синтаксический знак» [4, с. 27]. Другие исследователи трактуют текст как единицу коммуникации: «...текст – не очередной уровень языковой системы, а способ ее реализации, функционирования» [7, с. 89].

В данный момент в исследовании текста продолжают сохраняться два аспекта: традиционный – текст как система, а значит, изучаются элементы его структуры, и новый – текст как речевое высказывание в коммуникативном акте. «Приведенные два подхода представляют собой две разные концепции описания и анализа текста: 1) подход, ориентированный структурно или системно; 2) функционально ориентированный подход» [4, с. 26].

Функциональный подход к тексту обусловлен закрепившимся в науке к началу XX века пониманием того, что язык – это система, которая

функциональна по своей сути, а значит, не может быть описана только на основе ее структуры. Языковые единицы становятся объектом анализа лингвистики в момент их функционирования, поэтому функционализм «определяется его пониманием как инструмента раскрытия взаимодействия коммуникативного и когнитивного начал в процессе использования различных единиц языка и речи и их аранжировки» [6, с. 37].

Мы видим закрепившееся представление о функциональном подходе к тексту: его соотносят с коммуникативно-когнитивной научной парадигмой. «Интерес ученых к целому тексту, его организации, функционированию, т.е. вовлеченности в речемыслительную деятельность читателя, обусловлен стремлением раскрыть смысл текста и характер его воздействия на адресата» [3, с. 11].

Накопленные лингвистикой текста знания о тексте позволяют ученым предлагать различные методики понимания текста. В статье дается описание нескольких методик, относящихся к когнитивно-коммуникативной парадигме, предьявляющих принцип функционализма. Также рассматривается методика функционального анализа текста крымской школы функциональной лингвистики, предлагающая интерпретацию художественного текста исключительно на принципе функционализма.

1. Обзор методик анализа художественного текста

Создание методик анализа текста продиктовано в первую очередь стремлением авторов дать алгоритм работы с текстом для обучающихся разных возрастов, поэтому среди трудов, содержащих методики, преобладают учебные пособия для вузов. В статье В. Н. Артамоновой, Е. В. Убы «Лингвистический анализ текста. Категория оценки» [1, с. 6–12] перечислены авторы современных методик, предложенных за последние два десятилетия.

Обратимся к некоторым методикам анализа, рассмотрим их основные концептуальные положения, а также насколько они соответствуют функциональному подходу.

В учебном пособии Н. С. Болотновой «Филологический анализ текста» разграничиваются лингвистический, стилистический и литературоведческий анализ текста, и автор включает в комплексный филологический анализ все три указанных компонента. Исследование текста в первую очередь с позиций диалога автора и читателя свидетельствует о коммуникативном подходе к тексту, хотя в работах Н. С. Болотновой используется выражение «прагматический подход», он определяется автором как функциональный подход, т.е. все выражения: прагматический, функциональный, коммуникативный – являются синонимами. Перечисляя категории текста, лингвист выделяет прагматическую направленность устного или письменного высказывания, указывая на то, что текст всегда «обладает эффектом воздействия (прагматикой)» [3, с. 105].

В своей монографии «Поэтический текст как система» Ю. В. Казарин отмечает сближение трех направлений в изучении художественного, в частности поэтического текста: лингвистического, литературоведческого, культурологического, поэтому предложенный им анализ учитывает, что поэтический текст содержит три структурных макрокомпонента – культурный, языковой, эстетический. Собственно лингвистический анализ представляет собой декодирование языковых единиц текста на двух уровнях, паралингвистическом и собственно языковом. Таким образом, объединяя все подходы автор создает план комплексного анализа поэтического текста, включающий семь пунктов. В данной модели анализа видим когнитивный подход в виде выявления смысловых констант, доминирование лингвистического подхода через детальную характеристику языковых элементов всех уровней поэтического текста, а также элементы литературоведческого анализа.

Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарина в учебнике «Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика» называют свой подход к анализу текста функционально-лингвистическим: ««каждый текст ориентирован на языковую систему и представляет собой выбор языковых средств из имеющегося набора их в языке, осуществленный автором в соответствии с его замыслом и отражающий его знания и представления о мире» [2, с. 37]. Авторы предлагают алгоритм комплексного лингвистического анализа художественного текста из нескольких пунктов, куда входит: определение стиля текста, анализ базовых семантических концептов, формы авторской речи, анализ коммуникативной организации текста, лексические единицы, актуализирующие смысл. Как видим, данная методика всесторонне подходит к анализу художественного текста, однако функциональность данного подхода авторы связывают прежде всего с наблюдением над совокупностью языковых средств, составляющих текст.

В пособии В. Е. Чернявской текст рассматривается включенным в систему дискурса, а не противопоставляется ему. Схема анализа текста заменена схемой анализа дискурса, которая начинается с лингвистического анализа текста, что предполагает «определение коммуникативной функции текста, средств актуализации адресанта и адресата в текстовой ткани, выявление форм тематического развертывания, обеспечивающих связь отдельных высказываний между собой и их тематическую прогрессию в рамках текстового целого» [12, с. 126]. Функциональный подход к языку определяется, по мнению автора, «с изучением проблем употребления языка человеком в процессах общения и деятельности» [12, с. 114]. Поэтому исследование дискурса (влияние экстралингвистического фона – социальных, культурных, идеологических, исторических и прочих факторов на текст) соотносится именно с функциональным подходом к тексту.

Рассмотренные выше модели анализа текста выполнены в русле когнитивно-коммуникативной парадигмы, для которой общим принципом является понимание функционального подхода к тексту как рассмотрение

употребления языковых единиц всех уровней. В каждой методике выявлены компоненты, которые, по мнению авторов, являются наиболее важными для понимания текста. Общая черта представленных методик – их филологичность, многокомпонентность анализа, предназначенность для тех, кто имеет определённый багаж разнообразных филологических знаний. Но задача современной лингвистики состоит в том, чтобы предложить методику анализа текста, работоспособную для любого человека, независимо от уровня его филологической базы. Особенно актуальным это становится для формирования навыков читательской грамотности школьников разных возрастов.

2. Интерпретация художественного (поэтического) текста крымской школой функциональной лингвистики

Методика интерпретации текста крымской школы функциональной лингвистики базируется на функциональном видении естественного языка. Среди традиционно определяемых функций языка (коммуникативная, когнитивная, эмотивная, метаязыковая) первенство отдается регулятивной. Язык «есть знаковое орудие воздействия или регуляции, и предполагающее, что всякая речевая деятельность, всякий текст порождаются необходимостью воздействия на собеседника» [10, с. 7]. Данное утверждение не отрицает значимости других названных функций. Однако акт коммуникации, в котором участники передают информацию, представляется нам в первую очередь как ситуация, в которой происходит социальное взаимодействие с целью регуляции сознания и поведения собеседника. Средством влияния, инструментом навязывания взглядов, внедрения в когнитивную систему собеседника выступает язык.

Методика интерпретации крымской школы базируется на концепции понимания текста Н. А. Рудякова, в которой текст трактуется как функциональная система, выполняющая социально значимую функцию. «Текст как форма существования языка является орудием формирования, экспликации и навязывания мысли, т.е. системообразующей функцией, определяющей саму сущность языка, является воздействие на сознание и поведение собеседника» [9, с. 33]. Следовательно, методика анализа текста должна учитывать цель создания текста и языковые средства, подобранные в соответствии с этой целью. «Интерпретация должна базироваться на анализе языковых средств и связей между ними в тексте с учетом того, какую цель преследует автор. Такой подход позволит, с одной стороны, исследовать текст как субъективное отражение действительности, которое требует понимания (герменевтический подход), а, с другой стороны, выявить механизм восприятия и продуцирования текста» [9, с. 81].

Концепция Н. А. Рудякова указывает на сущность художественного текста: в его основе лежит противоречие, порождающее текст идвигающее его от замысла к финалу. Теория отражает «природу художественного произведения, которое представляется как связанное целое, система, источником развития которой служит специфическое по своей

природе противоречие – поскольку искусство как форма общественного сознания имеет личностный характер, всеобщий закон единства и борьбы противоположностей в художественном произведении проявляется в специфической форме – в форме отражения объективной действительности в сознании субъекта» [11, с. 13]. Следовательно, при функциональном подходе строение текста не сводится к частям, главам, абзацам и предложениям, а обусловлено функцией текста. Произведение несет в себе противоречие, т.е. «отношение автора к тому, как отражается предмет изображения в бытовом сознании – это непременно отношение с позиции идеала, то есть представления о должном и желаемом» [11, с. 21], и строится, как раскрытие данного противоречия. Два важных аспекта для понимания произведения – это то, что дано, и то, что должно быть в идеале, по мнению автора.

Н. А. Рудяков, указав на то, что противоречие организует композицию текста, делит текст на две части: 1) исходная, где факт действительности представляется в обыденном, традиционном восприятии, 2) основная, в которой представлено «отношение автора к предмету изображения, проявляющееся в форме осознанного противоречия между обыденным представлением о предмете и авторским идеалом» [11, с. 75]. Их расположение может быть линейным или идти параллельно. Объем исходной и основной части также могут быть различны в зависимости от произведения.

Противоречие или конфликт всегда носит мировоззренческий характер, соответственно восприятие текста – это столкновение авторского мировидения и читательского. Ю. М. Лотман утверждал: «автор стремится навязать слушателю свою модель мира, победив предшествующий художественный опыт, эстетические нормы и предрассудки слушателя» [8, с. 348]. Таким образом, противоречие является не только текстопорождающим фактором, но и раскрывает основу механизма воздействия на читателя и является функциональной составляющей текста.

Функциональная лингвистика при интерпретации текста опирается на анализ языковых единиц, так как факты действительности и авторская позиция представлены в словесной форме. При этом учитываются два важных принципа: 1) неравноправие языковых единиц в тексте, т. е. среди них выделяются значимые и второстепенные, 2) в пределах текста в некоторых языковых единицах происходит изменение, которое называют по-разному – «приращение смысла», «семантический сдвиг». Следовательно, при анализе текста среди языковых единиц необходимо выделить наиболее значимые. В этом случае эффективен прием соотнесенности языковых средств в пределах конкретного произведения. «...мы, вслед за Н. А. Рудяковым, понимаем такой вид отношений между языковыми единицами, обозначающими и/или характеризующими предмет изображения в исходной и основной частях, при котором в слове (или другой единице), выступающем в завершающей части художественного

текста, происходит семантический сдвиг, вследствие чего эта языковая единица становится носителем нового образного смысла. Этот образный смысл возникает в пределах произведения в результате свойственной данному произведению упорядоченности языковых средств и выражает новизну авторского понимания и оценки предмета изображения» [11, с. 75].

Для языковой единицы, получившей в произведении новый образный смысл, А. Н. Рудяковым предложен термин «стержневой элемент», отражающий его значимость для понимания авторской идеи, так как он помогает проследить основные этапы в развитии авторской мысли. Кроме того, именно «стержневой элемент» связывает все произведение в систему, части которой соотнесены между собой, именно в нем наблюдается приращение смысла.

Крымской школой функциональной лингвистики предложена методика интерпретации поэтического текста, которая состоит из трех шагов, следовательно может быть предложена разным возрастным категориям с различным лингвистическим опытом.

«1. Определение композиции, то есть исходной части произведения, в которой изображается факт объективной действительности, как он отражается в обыденном сознании, и основной части, выражающей отношение автора к изображаемому факту, предмету, явлению. Определение композиции, таким образом, основано на умении выявить противоречие, которое служит источником развития авторской мысли...

2. <...> следующим шагом является определение соотнесенности языковых средств в исходной, и с другой стороны, в завершающей частях произведения, -соотнесенности в результате которой в этих средствах возникает новый образный смысл.

3. И, наконец, заключительной задачей будет определение этого нового, образного смысла. Для этого, прежде всего, выявляется стержневой элемент произведения, затем с помощью толкового словаря выясняется значение в общенародном употреблении соотносительной языковой единицы, выступающей в исходной части стихотворения, а затем выяснение семантического признака, который актуализуется в понятийном содержании слов, составляющих текст, и который обуславливает появление нового, образного смысла в соотносительной языковой единице, выступающей в основной части стихотворения» [11, с. 78].

3. Интерпретация стихотворения

Анны Ахматовой «Перед весной бывают дни такие...»

Продемонстрировать закономерности применения методики интерпретации текста крымской школы функциональной лингвистики мы предлагаем на материале стихотворения Анны Ахматовой.

В первой строке стихотворения помещена «семантическая заусеница» – указание на дни перед весной, т.е. конец февраля, конец зимы. В традиционном восприятии это самые тягостные и трудные дни –

ожидание весны. Слово «такие» концентрирует наше внимание на главных моментах в описании дней.

Первая деталь обыденной картины мира – луг, покрытый плотным снегом, здесь важен глагол «отдыхает», что дает представление о некой скрытой, таящейся до поры до времени силе. Луг набирается сил перед буйным цветением. Вторая деталь связана с описанием деревьев, употреблён эпитет «весело-сухие». Деревья без листьев и зелени выглядят мертвыми, поэтому автор и использует слово «сухие», но впечатление меняется при прибавлении прилагательного «веселые», поэтому возникает ощущение радости. В следующей строке «И теплый ветер нежен и упруг» использованы три эпитета, они несут ощущение радости, ласковости, силы и податливости. Данные строчки относим к исходной части стихотворения.

От общей картины мира далее следует переход к описанию состояния лирической героини. Эти строки составляют основную часть стихотворения.

Первое ощущение – это легкость во всем теле. В этой строке важен глагол «дивится», который указывает на то, что такое пребывание в парении, невесомости необычно для героини. Следующее состояние: привычные вещи, предметы, обыденная обстановка воспринимаются по-другому. Понятно, что ни дом, ни мир не изменился, глагол «не узнаешь» указывает на то, что героиня готова видеть все, что ее окружает, под другим ракурсом. И наконец последние две строки содержат еще одну деталь в описании героини: песня, прежде надоевшая, теперь поется как новая («А песню ту, что прежде надоела, Как новую, с волнением поешь»). Изменяется не только восприятие внешнего мира, но и меняется внутреннее состояние героини. Песня сосредотачивает в себе все человеческие чувства, теперь обновляются и они. В Толковом словаре слово «волнение» имеет значение: нервное возбуждение, сильное беспокойство, вызванное чем-либо. Данное слово является «стержневым элементом», в нем появляется новый смысл, возможный в контексте стихотворения. Чтобы определить его, нужно вернуться к первой строке и увидеть противоречие, в ней заложенное: уже отмечалось, что в обыденном сознании последние дни зимы считаются трудными, тоскливыми и печальными. Для героини же они наполнены ожиданием чудесного, легкостью, ощущением новизны. Следовательно, волнение, которое испытывает героиня имеет не негативный, а позитивный характер. Волнение означает радость, полноту сил и ожидание перемен. Это те чувства, которые испытывает героиня в отличие от большинства людей, предающихся унынию и тоске в последние дни зимы.

Выводы. Рассмотренные нами методики анализа текста, по мнению их авторов, являются функциональными, так как отводят тексту определенную роль в коммуникативном акте, направлены на исследование всех уровней языковых средств и структуры текста. Однако такой подход можно назвать изучением функционирования текста, так как он не дает ответа на вопрос, что порождает текст и как происходит процесс

восприятия и понимания текста. Предложенная крымской школой лингвистики функциональная методика интерпретации текста предлагает последовательный и наиболее продуктивный с точки зрения лингвистического функционализма алгоритм работы с текстом, который позволяет воспринимать текст как целостную систему, предназначенную для преодоления предшествующего читательского опыта, продуктивную в деле обучения понимания текста читателей с разным читательским опытом.

Список использованных источников

1. Артамонова, В. Н. Лингвистический анализ текста. Категория оценки / В. Н. Артамонова, Е. В. Уба // Вестник Московского государственного областного университета ; Серия «Русская филология». – 2020. – № 2. – С. 6–12.
2. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика : учебник ; практикум / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – Москва : Флинта ; Наука, 2003. – 496 с.
3. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста : учебное пособие / Н. С. Болотнова. – Москва : Флинта ; Наука, 2009. – 520 с.
4. Галло, Я. Лингвистика текста: традиции и перспективы / Я. Галло, Н. Ф. Алефиренко. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25. – № 3. – С. 23–38.
5. Казарина, Ю. В. Поэтический текст как система : монография / Ю. В. Казарина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 260 с.
6. Левицкий, А. Э. Функциональный подход в современной лингвистике / А. Э. Левицкий // *Studia Linguistica* ; Киевский университет. – Выпуск 4/2010. – С. 31–38.
7. Левицкий, Ю. А. Лингвистика текста : учебное пособие / Ю. А. Левицкий. – Москва : Высшая школа, 2006. – 207 с.
8. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – Москва : Искусство, 1970. – 364 с.
9. Рудяков, А. Н. *Homotextus*: человек в паутине текстов, или Учебник чтения для умеющих читать / А. Н. Рудяков, Ю. В. Дорофеев. – Симферополь : Ната, 2008. – 176 с.
10. Рудяков, А. Н. Язык, или Почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка) / А. Н. Рудяков. – Киев : Грамота, 2004. – 224 с.
11. Рудяков, Н. А. Поэтика, стилистика художественного произведения / Н. А. Рудяков. – Симферополь : Таврия, 1993. – 146 с.
12. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса : учебное пособие / В. Е. Чернявская. – Москва : ФЛИНТА ; Наука, 2014. – 208 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФОРИЕНТАЦИОННЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У КУРСАНТОВ МОРСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ДЛЯ ПРОХОЖДЕНИЯ ТЕСТОВ ТИПА MARLIN'S TEST И CES_5.1

Е. А. Васильева,

*преподаватель первой категории цикловой комиссии гуманитарных и
социально-экономических дисциплин,
ФГБОУ ВО «КГМТУ» Судомеханический техникум, Керчь*

Аннотация. Задача повышения качества подготовки курсантов морских специальностей СПО для прохождения профориентированных тестов типа Marlin`s и CES является первостепенной.

Ключевые слова: тестовый контроль знаний, тест системы оценки экипажа, Марлин тест знания английского языка, трудности и типичные ошибки прохождения тестов, морская терминология, технический перевод текста, лексико-грамматические тест.

Summary. The aim of improving the quality of cadets` training of marine specialties of secondary vocational education for passing career aptitude tests such as Marlin`s and CES is essential.

Key words: the test control of knowledge, Crew Evaluation System Test, Marlin`s English Knowledge Test, difficulties and typical mistakes in passing tests, maritime terminology, technical translation of the text, lexical and grammatical test.

В связи с новыми требованиями ФГОСа о профориентиванной подготовке курсантов/студентов СПО, требуется формировать новые качества у выпускника-курсанта: динамичность, гибкость, инновационность и инициативность. Курсант должен уметь общаться (письменно и устно) на иностранном языке на профессиональные и повседневные темы; работать в коллективе, подчиняться и руководить; стремиться к достижению целей, повышать квалификацию, накапливать опыт; знать свод правил безопасности на борту судна, умение действовать по тревогам; а также исполнять профессиональные обязанности.

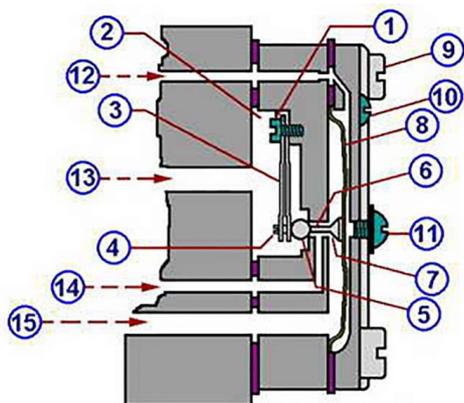
Для достижения данных целей в процессе обучения следует обратить особое внимание на вопрос подготовки курсантов к прохождению тестового контроля знаний по английскому языку, а именно Marlin`s English Language Test и профессиональному тесту CES Test.

Данные тесты являются обязательными для успешного трудоустройства и требуются во многих иностранных морских судоходных компаниях, также как и в российских. Многие страны приняли Marlin`s Test – национальный стандарт по тестированию по английскому языку для моряков. Тест насчитывает шесть основных разделов: listening, grammar, vocabulary, time and numbers, pronunciation and reading. Во время теста можно вернуться к любому вопросу в любой момент, чтобы

изменить свой ответ. Также будет возможность вернуться к любым не отвеченным вопросам в конце теста, прежде чем закончить. Результат теста будет выражен в процентах по суммам со всех категорий. Успешное прохождение составляет 85 %.

Не менее важным является и подготовка к тесту Система оценки экипажа (Crew Evaluation System) или CES Test онлайн – это комплекс тестов, направленный на проверку базовых знаний морских специалистов в областях, определенных Конвенцией ПДНВ. CES является одним из самых сложных, составлен полностью на английском языке, в нем есть вопросы на знание грамматики, понимание английской речи на слух, знание морских терминологий. А также, если был дан ответ на какой-либо из выпавших вопросов, вернуться к нему и исправить ошибку невозможно. Для успешного прохождения теста потребуется хорошее знание английского языка. Тем самым CES требует гораздо большей подготовки перед сдачей. Успешное прохождение – 85 %.

Например задания: This is an actual lay-out drawing of a pneumatic amplifier block. Where is the 20 psi supply air admitted ?

- . At air passage item 14
- . At air passage item 12
- . At air passage item 13
- . At air passage item 15

Таким образом, одной из первоначальных подготовок является обучению терминологии по следующим темам: типы судов, общее устройство судна, отсеки и судовые помещения, обязанности на борту судна, безопасность на судне, машинное отделение, машинные механизмы и установки, судовое электрооборудование и средства автоматизации, ремонт и обслуживание судовых механизмов, энергетических установок.

Например, Drag the words into the correct group. Each category should have two words.

nail gun compress splinter dressing nosebleed hammer		
First Aid	Minor Injuries	Tools

Материал достаточно объемный и часто вызывает у курсантов трудности усвоения в полном объеме. Обучение и отработка проводится блоками в связке с другими темами, поэтапно, на примере специализированных текстов, типовых лексических подстановочных упражнений, а также с помощью актуального демонстрационного материала (презентации и обучающие видео).

Второй этап подготовки – грамматический материал по темам: видовременная система, согласование времен, активный и пассивный залог, неличные формы глагола, степени сравнения прилагательных, имя числительное, условные типы предложений и предлоги места и времени.

Например, What portable extinguishers ___ you have on the ship?

were   are   do   have

В Marlin`s test первый блок прохождения – это лексико-грамматический тест. У курсантов возникают трудности с определением правильного варианта ответов по темам: предлоги, согласование времен, неличные формы глаголов и степени сравнения прилагательных. Следует на протяжении всего процесса обучения отрабатывать и постоянно повторять пройденные темы в комплексе с морской терминологией.

Третий этап – аудирование. В обновленных версиях тестов Marlin`s Test и CES Test блок аудирования усложнился. Например, в старых версиях тестов нужно было просто услышать произнесенное слово или фразу (прослушать можно дважды), а в новой версии – вначале дана ситуация и задан вопрос, далее необходимо прослушать диалог и выбрать правильный вариант ответа.

Listening - Listening MC

Listen and then choose the correct answer. You can only play the audio twice.

A vetting inspector is discussing documentation with the Master. Where are the documents the vetting inspector wants to see?

0 plays left

▶ 00:08

They have been stored in the wrong place.

They have been accidentally destroyed.

They are no longer on board.

Сложность у курсантов вызывает необходимость услышать правильный вариант ответа или понять из диалога, что же является верным, а также умение слышать английскую речь, которую произносят моряки других национальностей – не носители языка, другими словами с акцентом, к примеру, греческим или филиппинским.

Четвертый заключительный этап – чтение. Больше всего баллов курсанты теряют на данном этапе. В Marlin`s Test в задании на правильное произношение слов следует выбрать то слово, в котором подчеркнутая часть произносится иначе, чем в других словах. Например,

cr <u>a</u> ne	Sm <u>o</u> ke	d <u>o</u> ne	p <u>h</u> oto
ma <u>s</u> s	do <u>c</u> k	fo <u>a</u> m	p <u>i</u> lot
fa <u>t</u>	ro <u>c</u> k	bo <u>n</u> e	ap <u>p</u> le
cl <u>a</u> n	sto <u>p</u>	do <u>m</u> e	cli <u>p</u>

Многие курсанты допускают типичные ошибки в чтении даже самых простых слов.

В последнем задании нужно прочитать технический текст и вставить в пропуски предложенные фразы, подходящие по контексту.

В новой версии теста Marlin`s необходимо прочитать абзац и

Text 1. Vessel Security (1).

Certain basic precautions, when in port, need to be taken to ensure the vessel's overall security. The wheelhouse, radio room, storerooms and, where possible, the steering gear compartment should be kept locked____1___. In ports with a bad record of theft it is also advisable to lock the public rooms if they are not occupied __2___. Consideration should be given____to____3____to the accommodation to one door only. Only authorized craft should be____4____and they should not be allowed to remain for longer than is necessary. In ports where security arrangements are poor or where problems are____5____, local watchmen should be employed through the Agents.

1	2	3	4	5
and free to enter	by midnight	important visitors	observed	even better
<i>when not in use</i>	for unauthorized entry	<i>limiting access</i>	afloat	<i>known to exist</i>
and opened	<i>by ship personnel</i>	dismissing watchmen	<i>alongside</i>	never happening

выбрать подходящий заголовок к нему.

The following text has three paragraphs. Choose the correct title for each paragraph. There is one title you do not need.

KEEPING PIRATES AT A DISTANCE.

A well-known hot spot for piracy.

The East African coast has been a target area for pirates on the lookout for vessels, from which they could kidnap crew for millions in ransom. In 2011, for example, there were twenty-five successful attacks on ships off the Horn of Africa. Since then, there have been fewer attacks, but why?

An unusual defence against pirates.

The British merchant navy claims that blasting out pop music can prevent an attack from Somali pirates. Popular hits by the American singer Britney Spears have been chosen as deterrents, by a security team, because the pirates hate western music.

How successful is this method of protection?

It sounds unbelievable, but a spokesperson for a security association insists that as soon as the pirates hear a loud blast of Britney's music, they move on as quickly as possible. In fact the music is so effective that the ship's security rarely needs to resort to firing guns.

Здесь составляет трудность само понимание текста, тут необходимо оттачивать навыки технического перевода текста с учетом лексико-грамматических особенностей данного вида текстов.

CES Test является одним из самых сложных в прохождении, поскольку требуются хорошие знание не только языка, но и специальности. Типичная ошибка – невнимательность, попадаются «коварные» вопросы. Например,

Which one of the listed requirements regarding fire protected lifeboats do not correspond to present regulations? Water spray systems shall:

- A. have separate draining pumps of sufficient capacity
- B. be arranged for flushing with fresh water and allowing complete draining
- C. protect the occupants through a continues oil fire for a period of not less than 8 minutes
- D. have means for “turn on/turn off” the flow of water over the exterior of lifeboat

Многие не видят «do not» и выбирают в качестве ответа то, что, наоборот, относится к требованиям.

Следовательно, курсантов необходимо готовить не только по типичной программе подготовки, но готовить и тренировать к прохождению профессионально ориентационных тестов. Данный вопрос является очень важным и актуальным, также как и подготовка будущего моряка к прохождению устного собеседования на работу на иностранном языке. Специалист – выпускник морского техникума в первую очередь должен трудоустроиться для продления стажа работы (практики) в море и для дальнейшего повышения квалификации, где обязательным является успешное прохождения тестов Marlin`s и CES. Таким образом, в процессе обучения курсантов морских специальностей следует особое внимание на освоение необходимого объема лексики, предоставление знаний в области грамматики и технического перевода, и, самое главное, отработку умений слышать и понимать иностранную речь, а также говорить на профессиональные и повседневные темы.

Список использованных источников

1. Беспалько, В. П. Программированное обучение (дидактические основы) / В. П. Беспалько. – Москва : Изд-во «Высшая школа», 1970. – 300 с.
2. Воронина, Т. П. Образование в эпоху новых информационных технологий (методологические аспекты) / Т. П. Воронина, В. П. Кашицин, О. П. Молчанова. – Москва : Изд-во «Информатик», 2007. – 220 с.
3. Выготский, Л. С. Психология развития человека / Л. С. Выготский. – Москва : Смысл : Эксмо, 2003. – 1134 с.
4. Гершунский, Б. С. Компьютеризация в сфере образования: Проблемы и перспективы / Б. С. Гершунский. – Москва : Педагогика, 1987. – 263 с.
5. Захарова, И. Г. Информационные технологии в образовании : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / И. Г. Захарова. – Москва : Издательский центр «Академия», 2003. – 192 с.

6. Лернер, И. Я. Дидактические основы методов обучения / И. Я. Лернер. – Москва : Педагогика, 1981. – 205 с.

УДК 372.881.111.1:378.147

АКТИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕТОД ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ОБУЧАЮЩИМСЯ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В ВУЗЕ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

О. А. Васильева¹, И. А. Борзова², И. А. Гулакова³,

¹кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 3, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

³старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Статья посвящена проблеме активного обучения иностранному (английскому) языку на неязыковых специальностях в вузе. В статье рассматриваются вопросы классификации активных методов обучения и их применения в учебном процессе.

Как показывает опыт активного обучения в Крымском федеральном университете имени В. И. Вернадского (г. Симферополь), с помощью его форм, методов и средств можно достаточно эффективно решать целый ряд задач в курсе «Иностранный язык», а именно: формировать познавательные мотивы и интересы обучающихся; учить практической работе, формировать социальные умения и навыки взаимодействия и общения, индивидуального и совместного принятия решений, воспитывать ответственное отношение к делу.

Ключевые слова: активные методы обучения, инновационный, образовательные технологии, коммуникация.

Summary. The article is devoted to the problem of active teaching methods of a foreign (English) language in non-linguistic specialties at the university. The article discusses the classification of active teaching methods and their application in the educational process.

As the experience of active study at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol) shows, with the help of its forms, methods and means, it is possible quite effectively to solve a number of tasks in the course “Foreign Language”, namely: to form cognitive motives and interests; to teach in practical

work, to form social skills and skills of interaction and communication, individual and joint decision-making, to foster a responsible attitude to business.

Key words: active teaching methods, innovative, educational technologies, communication.

Использование активных методов обучения является требованием реализации основных образовательных программ (ООП), построенных на основе ФГОС ВПО. Использование информационных технологий (компьютерных, мультимедийных, Интернет-технологий) и инновационных педагогических технологий (технологий обучения) позволяет достичь высоких результатов овладения английским языком. Активный метод подразумевает взаимодействие преподавателя и обучающегося. Достоинством этого метода считается не только получение знаний обучающимся через собственный опыт, но и посредством коммуникации с остальными участниками учебного процесса.

Современные активные методы обучения – это методы, направленные на активизацию мышления обучаемых, характеризующиеся высокой степенью интерактивности, мотивации и эмоционального восприятия учебного процесса.

Вклад в разработку классификации активных методов обучения внесли Ю. С. Арутюнов, М. М. Бирштейн, Н. В. Бурков, А. А. Вербицкий, С. Р. Гидрович, Р. Ф. Жуков, В. М. Ефимов, Л. Н. Иваненко, В. Ф. Комаров, А. Л. Лившиц, В. И. Маршев, Ю. М. Порховник, В. И. Рыбальский, Т. П. Тимофеевский и др. Различные авторы классифицируют активные методы обучения по разным основаниям, выделяя разное количество групп.

Ю. Н. Емельянов называет активными методы, которые используются для социально-психологического обучения и базируются на применении ряда социально-психологических эффектов и феноменов (эффект группы, эффект присутствия и др.). Можно условно объединить активные групповые методы в три основных блока:

- дискуссионные методы (групповая дискуссия, разбор случаев из практики, анализ ситуаций морального выбора и др.);
- игровые методы: дидактические и творческие игры, в том числе деловые (управленческие) игры, ролевые игры (поведенческое научение, игровая психотерапия, психодраматическая коррекция); контригра (трансактный метод осознания коммуникативного поведения);
- сенситивный тренинг (тренировка межличностной чувствительности и восприятия себя как психофизического единства).

Можно основные методы активного обучения подразделять по основным направлениям (С. В. Петрушин): по характеру учебно-познавательной деятельности, по типу деятельности участников в ходе поиска решения задач, по численности участвующих.

По характеру учебно-познавательной деятельности методы активного обучения подразделяют на: имитационные методы, базирующиеся на имитации деятельности, и не имитационные.

Особенность имитационных методов – разделение их на игровые и неигровые. Методы, при реализации которых обучаемые должны играть определенные роли, относятся к игровым. При этом к неигровым относят анализ конкретных ситуаций, действия по инструкции и т. д. Особенность не имитационных методов – отсутствие модели изучаемого процесса или деятельности.

Выделяются три основных типа методов активного обучения (А. А. Воронова).

- Метод анализа конкретных ситуаций.

Ситуации могут быть различными по дидактической направленности и используются в соответствии с задачей, которая ставится ведущим перед группой.

- Социально-психологический тренинг, где тренер не осуществляет лидирующей функции, а играет роль доброжелательного наблюдателя, обеспечивает субъектно-субъектный характер общения участников.

- Игровое моделирование или имитационные игры подразделяются на деловые, где заранее задана имитационная модель, и организационные, где участники сами выбирают систему решений.

Среди апробированных и успешно используемых сегодня в процессе подготовки обучающихся неязыковых специальностей активных и интерактивных методов обучения можно отметить такие относящиеся к личностно-ориентированным технологиям обучения методы, как, например: обучение в сотрудничестве, коллективная мыслительная деятельность, дискуссия, деловая игра, метод мозгового штурма, кластера, баскет метод и некоторые другие.

При изучении темы “Talk” (Unit 1) применяем метод «мозговой штурм» для развития навыков устной речи, формирования навыков нестандартного мышления, для преодоления страха коммуникации на иностранном языке. Необходимо выделить несколько этапов «мозгового штурма». Первый этап является подготовительным. Объявляется тема и итоговая цель дискуссии. Второй этап предполагает высказывание идей, отсутствие какой-либо критики и побуждение к активной работе обучающихся. Идеи отображаем на доске для избежания повторений. На третьем финальном этапе проводим анализ идей, подводим итоги. Данный метод эффективен для формирования творческих умений, языковых навыков. Побуждает к познавательной активности.

Рассмотрим технологию реализации метода контригра (трансактный метод осознания коммуникативного поведения) с применением метода анализа конкретной ситуации по теме “Most addicted to technology student” в рамках изучения модуля “Learn to talk about technology” учебника *Empower*, применяемого в рамках преподавания английского языка на 1 курсе в Крымском федеральном университете.

Для реализации коммуникативной задачи обучения обучающимся предлагается выяснить, кто из одноклассников является наиболее зависимым от современных технологий. Группа делится на две команды

по 5-6 человек. Задача каждой команды – составить и записать на доске 6 вопросов на английском языке. Каждый вопрос должен помочь группе выявить, как часто и какие приложения используют обучающиеся в последнее время. После корректирования вопросительных предложений обучающиеся проводят перекрестный опрос в группах, тренируя навыки говорения. По итогу проведения собеседования команды отвечают на вопросы преподавателя: “Who has used the most and least technology recently? Who in the class do you think is a technology addict?”. Проводится анализ применения мобильных приложений и гаджетов обучающимися.

Изучая модуль “Talk about families” (Unit 3. Relationships) обучающимся в качестве домашнего задания предлагается составить генеалогическое древо своей семьи. Затем на занятии каждый обучающийся рассказывает о родственных связях, традициях и обычаях в семье. Это помогает воспитывать чуткое отношение к самым близким людям – членам семьи, чувство гордости за свою семью, формирует понимание семьи, как крепкой, надежной основы в жизни каждого человека. Ведущим приемом на стадии вызова, рефлексии, стратегии занятия в целом может быть кластер. Кластер – выделение смысловых единиц текста и графическое их оформление в определенном порядке в виде грозди. Делая какие-то записи, зарисовки для памяти, мы часто интуитивно распределяем их особым образом, komponуем по категориям. Кластер – графический прием систематизации материала. В центре – наша тема, а вокруг нее крупные смысловые единицы. Система кластеров охватывает большее количество информации, чем мы получаем при обычной работе.

В рамках изучения темы “Different cultures” (Unit 5) целесообразным является использование баскет-метода, основанного на имитации ситуации. Например, обучающийся должен выступить в роли гида и провести экскурсию по музею/выставке. При этом его задача – собрать и донести информацию о каждом экспонате. Данный метод способствует самостоятельному поиску информации, построению логической цепочки, развитию критического мышления, развитию личностных качеств и коммуникативных умений и навыков; обеспечивает решение воспитательной задачи: учит быть толерантными и восприимчивыми по отношению к разным культурам.

Изучая compound nouns, multi-word verbs в рамках модуля “Talk about advice and rules” (Unit 6. Different cultures) используем активный метод обучения «пазлы». Этот метод предполагает работу нескольких команд. На каждую команду даются карточки с написанными на них словосочетаниями (используется лексика по изученной теме). Перед обучающимися стоит задача – подобрать англо-русский эквиваленты за строго ограниченный период времени, а затем, когда пары словосочетаний найдены, необходимо придумать небольшую историю с использованием данных словосочетаний.

Активное обучение одновременно решает несколько задач: развивает коммуникативные умения и навыки; помогает установлению эмоциональных контактов между участниками процесса обучения; решает информационную задачу, поскольку обеспечивает обучающихся необходимой информацией, без которой невозможно реализовывать совместную деятельность; развивает общие учебные умения и навыки; обеспечивает воспитательную задачу, поскольку приучает работать в команде.

Выполнение заданий активного обучения позволяет обучающимся видеть практическую пользу изучения иностранного языка, следствием чего является повышение интереса и мотивации к изучению иностранного языка. Обучение посредством активного участия обучающегося в процессе обучения ведет к овладению им искусством коммуникации.

Список использованных источников

1. Емельянов, Ю. Н. Активное социально-психологическое обучение / Ю. Н. Емельянов. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1985. – 166 с.
2. Коджаспирова, Г. М. Педагогика / Г. М. Коджаспирова. – Москва : ВЛАДОС, 2004. – 352 с.
3. Кукушин, В. С. Теория и методика обучения : учебное пособие / В. С. Кукушин. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2005. – 474 с.
4. Doff, A. Cambridge English Empower B1+ Intermediate. Student's Book / Adrian Doff, Craig Thaine, Herbert Puchta, Jeff Stranks, Peter Lewis-Jones. – Cambridge University Press, 2015. – 176 p.

УДК 809.1

DECONSTRUCTION OF MEDIA MYTHS IN HUNTER S. THOMPSON'S NONFICTION NOVEL *HELL'S ANGELS*

E. N. Verzun,

*senior lecturer of English Philology Department, Institute of Philology,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

Аннотация. Статья посвящена изучению и анализу художественно-документального произведения Х. Томпсона «Ангелы Ада: странная и ужасная сага о мотоциклетных бандах», а также рассмотрению механизмов конструирования и развенчивания медиамифов о представителях одного из самых неоднозначных американских движений 60-70-х годов XX века. В ходе исследования используются типологический и структурный подходы, а также культурно-исторический метод.

Ключевые слова: миф, американская мечта, художественно-документальная литература, факт.

Summary. The article is dedicated to the study and analysis of H. S. Thompson's non-fiction novel *Hell's Angels: the Strange and Terrible Saga of the Outlaw Motorcycle Gangs*, as well as to the consideration of the mechanisms for constructing and deconstructing media myths about the representatives of one of the most controversial American movements of the 60-70-s of the 20th century. The analysis is conducted on the basis of typological and structural approaches, and the cultural-historical method.

Key-words: myth, American dream, literary nonfiction, fact.

The 1960s is a rather discrepant time in the US history. On the one hand, it is the time of economic recovery and strengthening of neoliberal tendencies, on the other hand, the time of critical attitude towards the "establishment" and the so-called "mainstream" culture. This was primarily due to the intensification of racial conflict and the outbreak of the Vietnam War. At this time, according to most researchers, one could witness an acute crisis of the foundations that the nation had long been focusing on. The ideas about the American "exceptionality" and US claims to world leadership weakened [1, p. 59]. Hostility, rebelliousness, nonconformity, various demonstrations, riots, and acts of civil disobedience became the main trends which gave impetus to the development of various myths both in literature and journalism.

The most vivid reflection of US social and cultural life can be found in the work of Hunter S. Thompson *Hell's Angels: the Strange and Terrible Saga of the Outlaw Motorcycle Gangs* (1967). The book focuses on the biker's community and is remembered as an accurate and essential work depicting the roots and growth of the motorcycle gang.

The aim of this article is to study the principles of creating media myths about the representatives of the most controversial American movement of the 1960s and their deconstruction in Hunter S. Thompson's non-fiction novel *Hell's Angels*.

This analysis is conducted on the basis of the following literary approaches and methods: the structural approach helps to arrange the material for congruent investigation. The cultural-historical method and the method of close reading ensure objective view on the literary material.

H. Thompson became interested in the bikers movement in 1965, when, being unemployed, received the order from *The Nation* magazine to write an article about the 'Hell's Angels'. He met with some representatives of the group and after the party carried out with the bikers, wrote an article. Thompson's report received unanimous acclaim from the members of the motorcycle gang and was his "*credentials to come back and write a book*" [2, p. 287].

The book *Hell's Angels* was published in 1966 and immediately brought H. Thompson fame. Here the author presents a digest of newspaper articles devoted to the 'Angels', the information collected about them by the police, and his own views on this movement, based on nine-month stay with them. Thompson's desire for honesty was really strong and he was not content with merely interviewing the bikers. The author admitted that he tried to become an active participant of the group and even purchased a motorbike.

The main purpose of Hunter Thompson while writing this book was to deconstruct the myth about the ‘Angels’ created by the press, police reports and intellectual circles. The opening scene of the book is the notorious case of the “Monterey rape” which influenced the public opinion about the ‘Hell’s Angels’: *“Here, sweet Jesus, was an image flat guaranteed to boil the public blood and foam the brain of every man with female flesh for kin. Two innocent young girls, American citizens, carried off to the dunes and ravaged like Arab whores”* [3, p. 44]. The author’s irony about the public perception of the ‘Angels’ is evident from the very first pages. Thus, Thompson is ironic about the feminist sentiment in the United States. Being not politically correct, he often exhibits attitudes that many critics identify as ‘male chauvinism’.

The book can be roughly divided into two parts: in the first, the author introduces the readers to the myth of the ‘Hell’s Angels’, and in the second one reveals the mechanisms for the creation of this myth and offers his own interpretation of it.

In the eyes of the press and the public mind, the Angels act as outlaws and real animals. The whole list of their ‘crimes’ is introduced: robbery, fighting, gang rape, etc. The newspapers’ articles are aimed at convincing the public that the ‘Angels’ are a real threat to the society: *“The Menace is loose again, the Hell’s Angels, the hundred-carat headline, running fast and loud on the early morning freeway, low in the saddle, nobody smiles, jamming crazy through traffic ... like Genghis Khan on an iron horse, a monster steed with a fiery anus, flat out through the eye of a beer can and up your daughter’s leg with no quarter asked and none given; show the squares some class, give them a whiff of those kicks they’ll never know...”* [3, p. 18].

Much of the first part of the book is devoted to the “Lynch report” (Thomas C. Lynch was Attorney General of California), which Thompson studied in the process of writing *Hell’s Angels* and which appeared to be the catalyst of interest in the ‘disreputable’ group: *“The report was colorful, interesting, heavily biased and consistently alarming – just the sort of thing to make a clanging good item for the national press”* [3, p. 56]. The meticulous enumeration of the entire Angels’ offenses helps to create a hyperbolized image of ‘Les Miserable’ that embodies all the savage and criminal features which exist in the American society. This impression is reinforced by the introduction of the characters of the book: *“Little Jesus, the Gimp, Chocolate George, Clean Cut, Tiny, Terry the Tramp, Mouldy Marvin, Mother Miles, Dirty Ed, Chuck the Duck, Fat Freddy, Filthy Phil, Charger Charley the Child Molester, Crazy Cross, Animal and at least a hundred more...”* [3, p. 24]. The very absence of names and the presence of nicknames confirm that the ‘Hell’s Angels’ is a criminal community. In addition, Thompson presents excerpts from the interviews and statements made by the bikers themselves, which suggests that the aim of the members of this gang was the creation of disorder and opposition to law-abiding citizens of the United States.

However, in the second part of the book it becomes clear that the image created by the press and official reports is only a one-sided interpretation of a

complex sociocultural phenomenon. Thompson does not try to prettify the outlaw motorcycle community and states that most of them are unskilled, uneducated and socially dangerous: “*Despite everything psychiatrists and Freudian castrators have to say about the Angels, they are tough, mean and potentially dangerous as packs of wild boar...*” [3, p. 147].

It should be noted that Hunter S. Thompson also reveals other aspects of the motorcyclists’ nature. He presents their naivety, sometimes verging on stupidity, which enables the press to use their story for the creation of public outcry. Thompson registers the satisfaction with which the ‘Angels’ give their interviews and do not realize that the only outcome of such cooperation with the press will be just a reinforcement of social hatred. In the first part of the book the author does not comment upon the quotes he cites from newspaper notes and police reports, whereas in the second part he presents the official point of view as well as his own. It turns out that the ‘Hell’s Angels’ receive wide notoriety only after rumours of their evil deeds surface: “*Until the Monterey rape they were bush-league hoods known only to California cops and a few thousand cycle buffs*” [3, p. 80]. Moreover, it appears that most of the tales about motorcyclists are nothing but fiction (in particular, it becomes obvious that there was no “Monterey rape”). The discreditable image of the ‘Hell’s Angels’ was created by the public opinion, the media and film industry: “*If the ‘Hell’s Angels Saga’ proved any one thing, it was the awesome power of the New York press establishment. The Hell’s Angels as they exist today were virtually created by Time, Newsweek and The New York Times*” [3, p. 79]. Thus, Thompson examines the role of journalism in developing the mythologized image of criminals and rebels.

Another significant stage in the making of “the image of social outcasts” was the release of the film *The Wild One* with Marlon Brando starring [4, p. 131]. In contrast to the anti-biker press, the film presented the ‘Angels’ as romantic heroes, the so-called modern Robin Hoods. The image, introduced by the actor, was so attractive and magnetic that it influenced the Angels’ perception of themselves: “*It gave the outlaws a lasting, romance-glazed image of themselves, a coherent reflection that only a very few had been able to find in a mirror*” [3, p. 140]. The author traces the creation of a full-fledged artistic image on a documentary basis.

In addition, Thompson refers to the image of Hollywood as a ‘factory’ producing national heroes. The author discloses another myth about the gang which states that the ‘Angels’ were named after a famous World War I bomber squadron. Thompson comes to a conclusion that “*Hollywood made it famous and also created the image of wild men on motorcycles – an image that was later adopted and drastically modified by a new breed of outcasts that not even Hollywood could conceive of until they appeared, in the flesh, on California highways*” [3, p. 141].

However, H. Thompson does not concentrate in his book only on the study of the process of the creation of the public image of ‘Les Miserable’. He traces their history from the migration of ‘vagrants, losers, criminals’ from the

Old World to the New, then their advancement to the West to Texas and California, and then their participation in World War II. In this context the myth about the 'Angels' takes on the features of the 'American dream' myth. Firstly, Thompson emphasizes that the gang members use the language associated with the 'American dream'. Thus, they call the founders of the bikers movement the 'founding fathers', and one of their leaders – 'George Washington' [4, p. 132]. Secondly, the author recreates the historical prerequisites for the emergence of the 'Angels' dating back to the times of the country's development. According to Thompson, the motorcyclists' forefathers were the first settlers who came to America "*with the first wave of white trash*": "*These were the dregs of society from all over the British Isles – misfits, criminals, debtors, social bankrupts of every type and description – all of them willing to sign oppressive work contracts with future employers in exchange for ocean passage to the New World*" [3, p. 310]. He traces further migrations of the first settlers who were led to the west inspired by the dreams of "*the Big Rock Candy Mountain*" [3, p. 311]. The Angels' ancestors had no desire to settle and engage in farming or cultivation, they were constantly drawn to the West by some mysterious force: "*They were not pioneers, but sleazy rearguard camp followers of the original westward movement*" [3, p. 311].

In this way, Thompson "demythologizes" national history. Most American states present the direct result of the westward movement of reckless vagabonds fallen out of society: "*their lineal descendants are still there – in the Carolinas, Kentucky, West Virginia and Tennessee... Texas is a living monument to the breed. So is southern California*" [3, p. 312]. Their further advancement terminated as there was nowhere to go further: "*one day ... they stood on the spine of a scrub-oak California hill and looked down on the Pacific Ocean – the end of the road*" [3, p. 312]. Therefore, they see World War II as a new opportunity to move. Thus, the author interprets such national American quality as 'upward mobility' not in the ordinary positive manner, but as an eternal desire to advance, so as not to settle in one place and do some useful things.

Trying to get away from the myth that was formed around the Angels, Thompson creates his own myth about the bikers which becomes the distinctive feature of the book. Despite the fact that the author portrays his characters as a pack of animals and savages, their overall image is somewhat romanticized in the best traditions of the films about the Wild West, where heroes have all the signs of masculinity and courage. Comparing the bikers with Billy the Kid, Bill Hickok, and John Wayne (the legends of the Wild West) the writer only enhances this effect.

However, with the lapse of time Thompson's long-standing rapport with the Angels begins to deteriorate. His 'friendship' with the motorcyclists comes to an end when they beat him for no reason at the party. However, the main factor which makes a negative impact on the author is the bikers' participation in the suppression of the march against Vietnam. In the end, Thompson comes to the conclusion that the Angels bear no relation to the "*time-honored*

American myth. To see the Hell's Angels as caretakers of the old 'individualist' tradition 'that made this country great' is only a painless way to get around seeing them for what they really are – not some romantic leftover, but the first wave of a future that nothing in our history has prepared us to cope with” [4, p. 504]. Thompson asserts that people who regard the Angels as nothing more but criminals are wrong, just like those who consider them to be new Billy the Kids able to revive the 'American dream'.

Hell's Angels movement gave H. Thompson the possibility not only to study deeply the American phenomenon but also to draw conclusions about the state of the USA in general. The author came to realize that the bikers in their majority embodied the logical development product of the American society, and did not give that favorable impetus to the country that the intellectuals of the second half of the 20th century and Thompson himself were so desperately trying to acquire.

Hunter S. Thompson in his nonfiction novel *Hell's Angels* does not only present the findings of his investigation into the biker's community but the whole process of his reflections. Setting forth the objective of deconstructing the myth created about the motorcyclists by the official sources and intellectual circles, the author consequently deconstructs his own myth about the Angels.

References

1. Hellman, J. *Fables of Fact: The New Journalism as New Fiction* / J. Hellman. – Urbana : Univ. Illinois Press, 1978. – 164 p.
2. Wenner J. S. *Gonzo: The Life of Hunter Thompson* / J. S. Wenner. – New York ; Boston : Back Bay Books, 2008. – 467 p.
3. Thompson H. S. *Hell's Angels: The Strange and Terrible Saga of the Outlaw Motorcycle Gangs* / H. S. Thompson. – New York : Ballantine Books, 1996. – 504 p.
4. Коновалова Ж. Г. «Американская мечта» в художественно-документальной литературе США второй половины XX века : специальность 10.01.10 : дис. ... канд. филол. наук / Ж. Г. Коновалова. – Казань, 2009. – 213 с.

ЭРГОНИМЫ В МЕДИАТЕКСТАХ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Э. Ю. Вечканова¹, Н. А. Вовк², Р. К. Аметова³,

¹кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков №2, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

³обучающаяся 4-го курса, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Основная цель статьи – рассмотреть функционирование эргонимов в медиатекстах. Ход исследования обусловил выполнение следующих задач: 1) охарактеризовать термин «эргоним» и его смежные понятия; 2) представить особенности медиатекстов; 3) рассмотреть функции эргонимов в медиатекстах.

В ходе исследования использовались аналитический и сопоставительный метод, а также методы сплошной выборки и контекстуального анализа.

Ключевые слова: ономастика, эргоним, медиатекст, функционирование.

Summary. The main purpose of the article is to consider ergonym functioning in mediatexts. The stages of the research stipulated the fulfilment of the following tasks: 1) to characterize the term “ergonym” and its closely-related notions; 2) to enumerate the mediatext peculiarities; 3) to analyze the ergonym functions in the mediatexts.

During the research there were used the analytical, comparative, continuous sampling, and contextual analysis methods.

Key words: onomastics, ergonym, mediatext, functioning.

Эргонимия стала объектом лингвистического анализа не так давно. В последнее время отечественные филологи провели ряд исследований, которые посвящены именованию объединений людей, в том числе и субъектов экономической деятельности. В ряде статей дается просто констатация факта, что есть такая группа ИС, как эргонимы. На другом полюсе находятся работы, где для наименования коммерческих или некоммерческих предприятий предлагаются свои термины, новые виды имен собственных, которые отличаются от эргонима. Научные споры все еще вызывает вопрос, какие они охватывает этот подраздел ономастики [2, с. 26].

В этой статье применяется дефиниция термина «эргоним», которая дается Н. В. Подольской. Она считает, что эргонимы представляют собой

разряд онимов. Это ИС делового союза людей, который может быть союзом, организацией, учреждением, корпорацией, предприятием, обществом, заведением, кружком и т. д. [4, с. 151].

В современном языкознании в научных работах часто объединяют эргонимы и онимы, которые расположены с ними по соседству в пространстве ономастики, прежде всего, исходя из выполняемых функций. И. В. Крюкова, например, выдвинула термин общего плана, который называется «рекламное имя». К нему относят прагматонимы, то есть вербальные товарные знаки; эргонимы; гемеронимы, связанные со средствами масс медиа; геортонимы, включающие фестивали, конкурсы, концерты; порейонимы, то есть транспортные средства. Автор считает, что у них общая направленность прагматического плана. Такие ИС принадлежат к языку сферы рекламы. Ученый анализирует главные этапы попадания в современный язык рекламных имен. Также дается описание смысловой модификации таких имен собственных и рассматриваются их функции на каждом этапе [3, с. 120].

Эргонимы постоянно употребляются в медиатекстах, которые представляют собой тексты любой медийной разновидности и жанра. Медиатексты производят речевой обмен информацией в области массовой коммуникации и могут быть представлены в виде таких жанров массовой коммуникации или их комбинаций, как текст журналистский, публицистический, рекламный, телевизионный, текст сети Интернет, радиопередача и спецрепортаж. На текущем этапе медиатекст имеет статус основной категории медиалингвистики, медиастилистики, медиакультуры, медиаобразования. Большой вклад в продвижение теории медиатекста был внесен российскими учеными Т. Г. Добросклонской [1] и Г. Я. Солганик [5].

Медиатекст интегрирует в одну коммуникативную плоскость коды разного семиотического плана. В обычных газетных статьях на текущем этапе применяются фото, таблицы, графика, шрифты. Г. Я. Солганик пишет, что сейчас медиатекст больше, чем текст. В него входит графика. Она используется для более разносторонней и точной подачи текста. В медиатексте есть его фонетическая реализация, связанность с объектом, который рассматривается. У медиатекста есть известные черты универсальности. Специфика медиатекста заключается в возможности включаться в различные структуры медиадискурса [5]. Придается большое значение вербальному звучанию, визуальности и многослойности медиатекста. Его энергия резко повышается при конвергенции. Основные категории медиатекста характеризуются медийностью, массовостью, интегративностью или поликодовостью [1].

Исследуемые ИС реализуют ряд функций в медиа-текстах. Номинативная является первой из них. Эргонимы могут называть конкретное объединение:

“The case for **the Federal Reserve** to forgo an interest-rate hike strengthened in the eyes of some central bank watchers following a coordinated global move to ease growing financial strains” [7].

Это предложение содержит эргоним «the Federal Reserve» [7], то есть «Федеральная резервная система». Это ведомство федерального уровня, которое выполняет функции центробанка. Также ФРС осуществляет централизованный контроль над коммерческими банками в государстве. В следующем предложении функционирует такая разновидность эргонима, как фирмоним:

“**The London Metal Exchange** has discovered bags of stones instead of the nickel that underpinned a handful of its contracts at a warehouse in Rotterdam, in a revelation that will deliver another blow to confidence in the embattled exchange” [6].

“London Metal Exchange (LME)” [6] – это Лондонская биржа металлов. Она представляет собой очень крупный рынок цветных металлов международного уровня. ЛБМ также занимается операциями с серебром и платиной. Год основания – 1881.

Эргоним может реализовывать и текстообразующую функцию, то есть быть основой формирования текста. Следующий пример с вариантом фирмонима “London Metal Exchange” – «LME» показывает это. Эта аббревиатура входит в заглавие статьи: “**LME** Rocked by New Nickel Scandal After Finding Bags of Stones” [6]. Далее его употребляют в самой статье несколько раз. Статья касается деятельности этой компании:

“The amount of metal represents just 0.14% of live nickel inventories on the **LME**, worth about \$1.3 million at current prices, so the immediate impact on metals markets is limited” [6].

“But the shock announcement has much wider implications: in an industry riddled with scandals, the **LME**’s contracts are viewed as unquestionably safe” [6].

“**LME** warehouse warrants used to be the gold standard of warehouse warrants around the world, treated as a near-cash equivalent”, John MacNamara, chief executive officer of Carshalton Commodities Ltd. and a veteran commodity trade finance banker, wrote on LinkedIn. “Something has gone horribly wrong at the **LME**.” [6].

Эргонимы и их подтип в виде фирмонимов могут выполнять информационно-содержательную функцию, как в следующем предложении:

“The warehouse is operated by **Access World**, according to people familiar with the matter. The company was previously owned by **Glencore Plc**, and said in January it had been acquired by **Global Capital Merchants Ltd**” [6].

В предложении перечисляются названия компаний, которые в разное время владели упоминаемым складом.

Также эти классы ИС могут реализовывать эмоционально-оценочную функцию. Это достигается за счет подачи сведений со знаком

«плюс» или «минус». Следующее предложение содержит данные о том, что у Лондонской биржи металлов надежная система противостояния случаям мошенничества:

“The LME warehousing system has over the years proved resilient to wider instances of fraud in the metals industry, which typically involve falsification of shipping and storage documents” [6].

В этом примере высказывается положительное мнение об упоминаемой компании. В следующем примере информация о компании Trafigura оказывает отрицательное эмоциональное воздействие:

“And just last month, Trafigura said it was facing more than half a billion dollars in losses after discovering metal cargoes it bought didn't contain the nickel they were supposed to” [6].

Представители этой компании говорят об убытках в размере полмиллиарда долларов. Этот количественный показатель усиливает негативную составляющую. Также упоминается и тот факт, что груз не содержал никель. Используется отрицательная форма глагола: didn't contain.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Эргонимия недавно стала объектом лингвистического анализа. В научной среде все еще вызывает споры вопрос, какие онимы входят в этот подраздел ономастики. В этом исследовании используется дефиниция термина «эргоним», которая сформулирована Н. В. Подольской. У эргонима есть ряд смежных понятий: рекламное имя, прагматоним, гемероним, геортонимы.

2. Эргонимы употребляются в медиатекстах, которые представляет собой тексты любой медийной разновидности и жанра. Медиатекст производит речевой обмен информацией в области массовой коммуникации.

3. Эргонимы в медиа-текстах реализуют такие функции, как номинативная, текстообразующая, информационно-содержательная и эмоционально-экспрессивную функцию.

Список использованных источников

1. Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов / Т. Г. Добросклонская. – Москва : МГУ, 2000. – 315 с.
2. Козлов, Р. И. Современные эргоурбонимы в городской топонимической системе / Р. И. Козлов // Известия Уральского государственного университета. – 2001. – № 20. – С. 26–34.
3. Крюкова, И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности / И. В. Крюкова. – Волгоград : Перемена, 2004. – 228 с.
4. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская ; отв. ред. А. В. Суперанская ; Институт языкознания АН СССР. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Москва : Наука, 2008. – 200 с.
5. Солганик, Г. Я. Лексика газеты: функциональный аспект / Г. Я. Солганик. – Москва : Высшая школа, 1991. – 310 с.

6. Farchy, J. LME Rocked by New Nickel Scandal After Finding Bags of Stones [Electronic Resource] / Jack Farchy, Mark Burton, Archie Hunter. – Access mode: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-03-17/lme-finds-irregularities-in-nickel-underlying-nine-contracts?leadSource=uverify%20wall>. (Access date: 21.03.2023).
7. Saraiva, C. Case for Fed Pause Builds After Crisis-Echoing Move on Swaps [Electronic Resource] / Catarina Saraiva. – Access mode: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-03-20/case-for-fed-pause-builds-following-crisis-echoing-move-on-swaps?srnd=economics-v2>. (Access date: 21.03.2023).

УДК 82

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ КОДЫ В РОМАНЕ С. КИНГА «ПОД КУПОЛОМ»

Э. Л. Влиляева¹, Л. В. Бондаренко²,

¹обучающаяся 2 курса кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье приведены определения художественных кодов и проанализировано функционирование этих кодов в романе С. Кинга «Под куполом». С применением герменевтического и концептуального методов определены наиболее активно функционирующие в романе художественные коды и способы их взаимосвязи и интерпретации. Эмоционально-концептуальный, индивидуально-статусный и событийно-поведенческий коды реализуются на художественном, стилистическом и вербальном уровнях, вступая в иерархические связи и взаимодействуя на уровне образов и смыслогенеза произведения.

Ключевые слова: художественный код, классификация кодов, эмоционально-концептуальный код, индивидуально-статусный код, событийно-поведенческий код, «Под куполом».

Summary. The article features definitions of artistic codes and analyzes their functioning in S. King's novel “Under the Dome”. With the use of the hermeneutic and conceptual methods, the most actively functioning artistic codes in the novel and the ways of their interconnection and interpretation are determined. Emotional-conceptual, individual-status and behavioral codes,

functioning in the novel are revealed at the artistic, stylistic and linguistic levels, becoming part of hierarchical connections and interacting at the level of imagery and sense forming level of the novel.

Key words: artistic code, classification of codes, emotional – conceptual code, individual – status code, event – behavioral code, “Under the Dome”.

Введение. В процессе интерпретации литературного текста принято говорить о системе «двойного кодирования», основанной на лингво-когнитивных взаимосвязях *автора, читателя и текста*, возникающих в контексте определенной культуры или сочетании нескольких культур, что определяет множественность вариантов декодирования (интерпретаций) художественного произведения в зависимости от характеристик участников процесса. Ключевым аспектом толкования любого текста выступает система культурных кодов автора, в художественной форме представленная в тексте и воспринятая читателем посредством вербальных средств определенного языка как носителя определенной культуры. В отличие от общего понимания кода как шифра некоторой информации, художественный код обладает потенциалом многовариантной дешифровки, в зависимости от лингво-когнитивных характеристик читателя и прагматической ситуации. Проблема интерпретации художественных кодов современного литературного текста привлекает внимание представителей различных направлений – филологов (У. Эко, Я. О. Якобсон, Ю. М. Лотман, Р. Барт), психологов, культурологов, антропологов, дискурсологов и других ученых, расширяя границы понимания творческого процесса человеческого сознания в целом. Вопросы интерпретации художественных кодов посвящены работы таких авторов как М. Я. Поляков, Е. М. Масленникова, М. О. Короткова, Н. С. Болотнова, в которых обсуждаются типы, способы выражения художественных кодов и их функционирование в произведении. Тем не менее, многие аспекты проблемы функционирования художественных кодов в литературном тексте остаются недостаточно изученными, в частности в современном литературном тексте, что определяет **актуальность** данной работы. Исследование впервые проводится на материале романа известного американского писателя-фантаста Стивена Кинга «Под куполом», что составляет новизну данной работы и дополняет ее актуальность. **Целью** исследования выступает определение наиболее активных художественных кодов в романе С. Кинга «Под куполом», средств их создания, выявление взаимосвязей и возможных способов их интерпретации.

В соответствии с поставленной целью необходимо решить следующие **задачи**: 1) определить понятие художественного кода; 2) выделить типы художественных кодов; 3) проанализировать функционирование кодов в романе С. Кинга «Под куполом».

Исследование проводилось на основании сочетания культурно-исторического и структурного подходов; с использованием герменевтического и контекстуального **методов**.

Многовариативность интерпретаций литературного текста является результатом функционирования художественных кодов, характерных для художественной литературы. Французский ученый Р. Барт в своем исследовании выделяет пять основных кодов: культурный код, код коммуникации, символический код, акциональный код, и герменевтический код [1].

Отечественный исследователь Л. Ф. Чертов в своей работе «Знаковость: опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи» сформулировал следующее определение кода: код – это «набор правил, норм, ставящих в соответствие определенным сигналам или знакам некоторые фиксированные «значения», под которыми... могут пониматься какие-либо состояния источника информации, канала связи (например, другие сигналы и знаки) или приемника информации, в частности определенные психические образы: понятия, представления и т.п.» [4].

Код художественного текста при соприкосновении с культурным опытом читателя вызывает в его сознании различные ассоциации, тем самым открывая широкий спектр возможных значений и варианты их интерпретаций. Как утверждает Ю. М. Лотман, «Используя для расшифровки художественного произведения целую иерархию дополнительных кодов – жанровых, стилистических, обще эпохальных, индивидуальных, – можно получить самые разнообразные наборы значимых элементов и, следовательно, широкий спектр интерпретаций данного текста» [3, с. 294–309].

Согласно классификации М. О. Коротковой, основными художественными кодами как универсальными способами репрезентации смыслового содержания текста являются:

1) *эмоционально-концептуальный код*, посредством которого передаются базовые эмоционально-концептуальные параметры как произведения, так и персонажей;

2) *индивидуально-статусный код*, объединяющий базовые характеристики персонажей;

3) *событийно-поведенческий код*, представляющий событийность романа как способ передачи информации о персонажах [2, с. 46].

В романе С. Кинга «Под куполом» доминирующим является *эмоционально-концептуальный код*. Из названия данного вида художественного кода видно, что одним из способов его репрезентации является концепт. Не случайно именно концепт «маленького городка» был выбран в качестве ведущего в произведении «Под куполом» – по мнению писателя, люди, живущие в маленьких поселениях в большей мере олицетворяют человеческое общество в целом, среди них ярче выделяются архетипические образы, модели поведения и мышления, которые выражаются посредством хронотопа (времени и места действия), образов персонажей их отношений. Действия происходят в современной Америке, а именно в маленьком городке штата Мэн Честерс-Милле, граничащем с

четырьмя более развитыми городами: «...*The Mill was actually surrounded by four towns larger in area but smaller in population: Motton, to the south and southeast; Harlow to the east and northeast; the unincorporated TR-90 to the north; and Tarker's Mills to the west*» [5]. Автор использует настоящие названия продуктов различных сфер американской культуры для того, чтобы подчеркнуть реальность происходящих событий и их современность, что является реализацией событийного кода. Названия действительно существовавших спортивных команд («*Oral Roberts Golden Eagles*»), фильмов («*Napoleon Dynamite*», «*The Mist*»), политиков (*George Bush (Dubya)*, *Uncle Obama* и др.), музыкальных исполнителей («*50Cent*», «*Iron Butterfly*», «*Public Enemy*» и др.), реально существующих телевизионных каналов («*HBO*», «*CNN*») также являются элементами функционирования *событийного кода*, с помощью которого автор создает атмосферу реальности происходящего и чувство вовлеченности у читателя. Индивидуально-статусный код используется при создании образов персонажей – люди, живущие в Честерс-Милле довольно четко распределяются на две группы – группу «хороших» персонажей и «плохих» персонажей. Отличительной чертой персонажей первой группы является несогласие с действующей властью и желание скорейшего освобождения Честерс-Милла от нависшей преграды путем борьбы с несправедливостью – со властью: «*It was time to fight the power*» [5]. Ими являются Барби (*Dale Barbara*), Джулия Шамуэй (*Julia Shumway*), Расти Эверетт (*Rusty Everett*) его жена Линда (*Linda Everett*), подростки Бэнни (*Benny*), Нора (*Nora*), Джо (*Joe*) и другие персонажи. Абсолютным злом в произведении являются тщеславный и жестокий Джим Ренни (*Jim Rennie*), его сын Рэнни Младший (*Junior Rennie*), молодые экстренно назначенные полицейские, и др. Цели властолюбивого чиновника меркантильны и эгоистичны – безусловная власть является главной из них: «*He would exert control until it was wrested from him; he would take what he needed until he was stopped*» [5]. Отношения между двумя группами персонажей усугубляются по мере приближения катастрофы, свершение которой играет роль определенной кульминации в конфликте между постоянно враждующими сторонами.

Художественные коды реализуются в произведении как на художественном, так и на стилистическом уровне. *Эмоционально-концептуальный код* выражается с помощью стилистических приемов. В исследуемом произведении преобладают эпитеты: («*weird colors*» – «*green water*», «*bright yellow water*» «*feverish pink*», «*yellowy-blue sky*» «*polluted and fishless water*», «*the blue has a yellowish cast*» «*bloody light*», «*tobacco – stained sky*», «*infected sunset*»; «*bulging eyes*», «*manic speed*» и т.п.), позволяющие акцентировать значимые аспекты образов и поведения персонажей, а также природу Честерс-Милла.

Чтобы подчеркнуть отношение людей к Куполу – главному художественному коду романа, писатель использует сравнение его с разрастающейся катарактой у пожилого человека – заболеванием,

характеризующимся помутнением хрусталика глаза, приводящим к частичной или полной потере зрения: «*like a film of cataract on an old man's eye*» [5]. Применение этого художественного приема помогает автору наиболее точно передать внешнее сходство города с болезнью, намекая на постепенное наступление всеобъемлющей трагедии, поразившей весь «орган» штата – Честерс-Милл.

Самыми используемыми лингвостилистическими приемами являются градация («*hard, harder, hardest*», «*his head was throbbing, thudding, whamming, smashing, splitting*»), восклицания («*Stop it! Quit it!*», «*Ow! Ow, that hurts! STOP it!*»), а также графические средствами языковой выразительности (прописные буквы, курсив, деление слов дефисами на графемы: («*P-E-R-I-O-D*», «*Baaaaar-bie*», «*You'll be WHEELIN, because Big Jim's DEALIN!*», «*CNN BREAKING NEWS*»).

Для более детального описания характеров персонажей писатель использует *индивидуально-статусный код*, элементами которого выступают единицы текста на двух уровнях: семантическом и синтаксическом. Так, раскрывая *индивидуально-статусный код* персонажа Джима Ренни, автор сравнивает его с ящером («*the man was a raptor*»), указывая на хитрость персонажа, на его способность избежать кары за свои преступления. Демонстративная богобоязненность и постоянные ссылки на Библию, изобилующие в речи Ренни, служат лишь прикрытием его жестокому, поистине «зверскому» характеру: «“*The workman is worthy of his hire,*” *Big Jim said in a pedantic but kindly tone. “Matthew ten-ten”. He neglected to cite the previous verse: Provide neither gold, nor silver, nor brass in your purses*» [5].

Индивидуально-статусный код раскрывается и на синтаксическом уровне – в речи Преподобного Лестера Коггинса (Lester Coggins), показывая силу веры и раскаяния Преподобного, замешанного в преступлениях Джима Ренни: «not God but GUN-UH-UH-ODD!»; «“*God hear my prayer! God hear my prayer! God hear my prayer! God hear my prayer!*”» [5].

Важным способом передачи информации о персонажах и их характерах служит *событийно-поведенческий код*, который проявляется в воспоминаниях персонажей. Так, читатель узнает о вспыльчивом характере героя Ренни младшего из его воспоминаний о словах матери: «*Junior was always a bad-tempered boy, but he keeps it under much better control now. Don't you, Junior?*» [5]. Автор, путем приема парцелляции, кратко описывает возраст героя, его внутреннее состояние и социальный статус: «*He was twenty-one*»; «*Football had helped. But now there was no football. Now there wasn't even college. Instead, there were the headaches*» [5].

В свою очередь, о военном прошлом одного из главных героев произведения Дейле Барбаре, поваре ресторана «Эглантерии» в его личных мимолетных воспоминаниях: «*Yes, it was how these things went; how they*

went in Fallujah, Takrit, Hilla, Mosul, and Baghdad. How they also now went in Chester's Mill, it seemed» [5].

Индивидуально-статусный код функционирует посредством сжатого биографического описания персонажей: «*This would be Joseph McClatchey, age thirteen, also known as King of the Geeks and Skeletor, residing at 19 Mill Street. Standing six-two and weighing one-fifty, he was indeed skeletal. And he was a bona fide brain*» [5]. Так, кратко, но в то же время полноценно, автор описывает Джо – подростка, с выдающимися умственными способностями.

В романе С. Кинга «Под куполом» наблюдаем сложное взаимодействие художественных кодов на художественном, стилистическом и лингвистическом уровнях, что создает образное содержание романа, усиливает эмоциональное воздействие на читателя, вызывая чувство реальности происходящего. Архетипические образы персонаже подчеркивают релевантность событий за пределами хронотопа произведения. Стилистические приемы, специальная и эмотивная лексика, графические средства усиливают функционирование художественных кодов в произведении.

Список использованных источников

1. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт ; перевод с французского Г. К. Косикова. – Москва : Прогресс ; Универс, 1994. – 615 с.
2. Короткова, М. О. Языковые средства актуализации личности персонажа в поликодовом пространстве художественного дискурса (на материале творчества Анны Гавальда) : дис. ... канд. филол. наук / М. О. Короткова ; Кубанский гос. унив. – Краснодар, 2018. – 191 с.
3. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – Москва : «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
4. Чертов, Л. Ф. Знаковость: опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи / Л. Ф. Чертов. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1993. – 378 с.
5. King, S. Under the Dome [Electronic Resource] / S. King. – Access mode: https://www.bookfrom.net/stephen-king/31703-under_the_dome.html. (Access date: 25.02.2023).

ПРОЦЕССЫ ТЕЛЕСКОПИИ В АНГЛИЙКОМ ЯЗЫКЕ

Н. А. Вовк¹, Е. С. Пенерджи²,

¹старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²обучающаяся 4-го курса, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Средства массовой информации, которые зачастую представлены в сети Интернет, ставят целью дать в своих материалах как можно больше сведений. Этот процесс, в свою очередь, сопровождается экономией речевых средств – аббревиацией. Сокращения в значительном объеме встречаются в различных газетных и журнальных статьях. Среди всего существующего на данный момент разнообразия усеченных форм следует отметить такой лингвистический феномен как телескопия, который изучен в недостаточной степени. Это обуславливает актуальность исследования. Слова-телескопы или телескопические слова – это слова, образованные путем сложения усеченных основ слов. В ходе анализа использовались аналитический и сопоставительный методы, а также метод деривационного анализа.

Ключевые слова: телескопия, аббревиация, слова-телескопы, телескопные образования, аббревиатуры, словообразовательный процесс.

Summary. Mass media being often present in the Internet aims at giving in their materials as much information as it is possible. In its turn, this process is accompanied by the economy of the verbal means – abbreviation. The large number of clippings can be found in different newspaper and magazine articles. At present among such variety of shortened forms one should note such a linguistic phenomenon as telescoping, which requires deeper studying. This stipulates the relevance of the research. Blend words, or telescope words, are the words formed by adding clipped word stems. During the analysis there were used the analytical and comparative methods as well as the method of the derivational analysis.

Key words: telescoping, abbreviation, blend words, telescope words, word formation process.

Тенденция сокращения слов имеет многовековую историю и до сих пор обладает большой значимостью. Как известно, на данном этапе отличительной чертой английского языка является появление значительного количества аббревиатур. Одним из способов формирования последних является телескопия, которую ряд исследователей рассматривает как отдельный вид словообразования [1, с. 182]. Этот

способ создания новой лексики является высоко продуктивным в текущий период.

У терминов «телескопия» как процесса и «слово-телескоп» как результата имеется целый ряд синонимов. Отечественные лингвисты предлагают такие наименования, как «стяжение» (Л. С. Рудинская, 1997), «контаминация» (Н. А. Лаврова, 2012), и «блендинг» (А. П. Прокопец, 2005). В работах английских исследователей встречаются такие названия, как «word blending», «telescoping», «conflation», «fusion» и «contamination». Тем не менее, на данный момент телескопия все еще остается малоизученным явлением.

В качестве рабочей дефиниции понятия «телескопия» в этой статье будет использовано определение Т. Р. Тимошенко: «это такой способ словообразования, который представляет собой слияние двух (или более) усеченных основ или слияние полной основы с усеченной основой, в результате которого образуется новое слово, полностью или частично включающее в себя значение всех входящих в него структурных элементов» [3].

Телескопия как вид аббревиации подразумевает под собой наличие редукции. В. В. Борисов в своей работе пишет, что, применительно к английскому языку, лексические сокращения могут быть синтаксическими и морфологическими. В первом случае образование происходит путем опущения цельнооформленных элементов. Во втором формирование идет с помощью морфологического преобразования. Телескопные слова автор относит ко вторым [2, с. 120].

Морфологические сокращения, которые характеризуются разрушением традиционно используемых в языке корневых морфем, автор разделяет на:

- 1) усечения;
- 2) инициальные сокращения (аббревиатуры);
- 3) сокращения смешанного типа (с элементами усечения и инициальной аббревиации) [2, с. 121].

В современном английском языке количество телескопических слов увеличивается с каждым днем. Если в начале XX века единственным телескопическим образованием было слово *smog* (*smoke* + *fog*), то к концу столетия и в начале нового тысячелетия список значительно пополнился.

История распространения этой модели словообразования связана с английскими авторами XIX века, которые часто использовали стяжения в своих произведениях. Например, Льюис Кэрролл в «Бармаглоте» (англ. “Jabberwocky”) представил не только интересный сюжет. Поэма насыщена обширным количеством лингвистических «изобретений». Произведение Л. Кэрролла относят к разряду так называемых «стихов-бессмыслиц» (англ. nonsense verses) [5]. Тем не менее, некоторые из созданных автором слов далее закрепились в английском языке в качестве самостоятельных лексических единиц: *galumph* (*gallop* + *triumph*), *chortle* (*chuckle* + *snort*), *mimsy* (*miserable* + *flimsy*). Таким образом, слова, созданные, в первую

очередь, для того, чтобы достичь юмористический эффект, теперь имеют новое предметно-логическое значение и используются носителями языка для выражения усиленного смысла. К примеру, слово «*brunch* (*breakfast + lunch*) – breakfast taken at nearly lunch time; *swacket* (*sweater + jacket*) – a buttoned sweater; *webinar* (*web + seminar*) – a lecture or seminar that takes place online» [5].

Телескопию следует рассматривать как особый способ образования сокращенных лексических единиц. К важным характеристикам слов-телескопов можно отнести:

1) Специфику коррелята: например, слово *brunch* является простым соположением двух равнозначных слов *breakfast* и *lunch*. Значение данной лексической единицы весьма понятно говорящему и слушающему и без разъяснений («завтрак и обед, объединенный в один прием пищи»), в то время как некоторые в других случаях соотношение слов коррелята может быть сложным. Так, *macon* < *mutton + bacon* (баранина + бекон) означает не «баранина с беконом», а «баранина, приготовленная как бекон» [2, с. 128]. Это также позволяет говорить о том, что телескопное образование не всегда является знаком-заместителем соответствующего развернутого словосочетания. Собственно аббревиация – наоборот – существует в языке как заместитель или синоним уже существующего слова или словосочетания.

2) Возможность наложения морфем: *globility* < *global mobility*. Явным отличием телескопии от собственно аббревиатур является фузия компонентов. В этом случае место морфемной границы при слиянии двух слов в случае телескопии становится неочевидным. В процессе аббревиации происходит лишь амальгирование («приклеивание») фрагментов. Например, в англоязычном обществе в 2010-х годах с развитием телевидения и появлением большего числа телевизионных шоу, сериалов и фильмов появилось такое понятие как «пэйринг» (анг. *pairing* от «*pair*» – пара). Экранные пары среди населения обзавелись особым названием, образованным от двух имен, «наложенных» друг на друга. Во многих случаях образованные аббревиатуры имели претерпевали наложение морфем: *Billary* < *Bill + Hillary Clinton* [4].

3) Небольшое число входящих в телескопизм слов. Обычно данная цифра варьируется от 2 до 4. В аббревиатуре количество исходных слов, в принципе, неограниченно. Например, в сокращении *CINCALAIRCENTEUR* вычленяется пять компонентов: *CINC* (Commander-in-Chief – «командующий»), *AL* (Allied – «объединенный»), *AIR* (Air Forces – «военно-воздушные силы»), *CENT* (Central – «центральный») и *EUR* (Europe – «Европа»). Расшифровка следующая: Commander-in-Chief, Allied Air Forces, Central Europe – «командующий объединенными военно-воздушными силами НАТО на Центральноевропейском театре» [2, с. 123].

4) Ограниченное число частей речи, входящих в исходные единицы телескопизма. По большей части слова-телескопы образуются на основе

полнозначных слов, имея, например, такие конструкции, как «существительное + существительное», «прилагательное + существительное», «прилагательное + прилагательное» и др. Аббревиатуры же, могут образовываться из именных и служебных частей речи.

Таким образом, можно сделать вывод, что телескопия является подвидом аббревиации. Для первой характерна специфика коррелята, специфика морфем, число исходных слов, специфика конструкций формирования. Распространение этой модели словообразования связано с английскими авторами XIX века, которые часто применяли стяжения в своих литературных работах. На данный момент телескопия является довольно продуктивным словообразовательным процессом со своими специфическими чертами.

Список использованных источников

1. Астафурова, Т. Н. Телескопия: новый способ словообразования? / Т. Н. Астафурова, О. Н. Сухорукова // Вестник Волгоградского государственного университета. – № 5. – Волгоград, 2006. – С. 182–185.
2. Борисов, В. В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках / В. В. Борисов. – Москва : Воен. из-во МО СССР, 1972. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/borisov/index.htm>. (дата обращения: 21.02.2023).
3. Тимошенко, Т. Р. Телескопия в словообразовательной системе современного английского языка : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореф дис. ... канд. филол. наук / Тамара Романовна Тимошенко ; Киев. пед. ин-т иностр. языков. – Киев, 1976. – 26 с.
4. Bill Clinton spars with Black Lives Matters protesters. BBC [Electronic Resource]. – Access mode: <http://www.bbc.com/news/world-us-canada35993798>. (Access date: 22.02.2023).
5. Dictionary.com [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.dictionary.com/browse/nonsense-verse>. (Access date: 23.02.2023).

МІЖТЕКСТОВА ВЗАЄМОДІЯ ІНСКРИПТІВ (НА ПРИКЛАДІ ОСОБИСТОЇ БІБЛІОТЕКИ ПРОФЕСОРА О. І. ГУБАРЯ)

И. С. Гладкая¹, Н. И. Пелипась²

*¹кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

*²кандидат филологических наук, заведующий кафедрой украинской
филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Объектом исследования в данной статье являются дарственные надписи (инскрипты), собственноручно сделанные писателями на художественных книгах, авторами которых они являются.

Цель исследования состоит в изучении особенностей межтекстового взаимодействия инскриптов на книжных изданиях библиотечного фонда аудитории-музея имени А. И. Губаря Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.

Инскрипты в книгах личной библиотеки А. И. Губаря демонстрируют различные формы и способы межтекстового взаимодействия: связь рукописного и печатного текстов в конкретной книге (отношения инскрипта с названием книги или ее раздела, авторская оценка собственной книги); интертекстуальное взаимодействие (реминисценция; явления прецедентности).

Ключевые слова: дарственная надпись, инскрипт, межтекстовое взаимодействие, интертекстуальность.

Summary. The object of the research in this article are dedicatory inscriptions (inscripts) made by the authors themselves on the fiction books which they wrote.

The purpose of the study is to investigate the features of the intertextual interaction of the scripts on the book editions of the library fund in the classroom-museum named after A. I. Gubar of V. I. Vernadsky Crimean Federal University.

The scripts in the books of A. I. Gubar's personal library demonstrate various forms and methods of intertextual interaction: the relationship of handwritten and printed texts in a particular book (the relationship of the script with the title of the book or its section, the author's assessment of his own book); intertextual interaction (phenomena of precedent – text, name; reminiscence).

Key words: dedicatory inscription, inscript, intertextual interaction, precedent.

Дарчі написи, або інскрипти, власноруч залишені дарувальниками в книгах, через набір постійно актуалізованих компонентів висловлювання

(називання адресата, мети дарування, адресанта тощо) набули статусу окремого жанру мовотворчості. Цей жанр особливий, адже, на відміну від тиражованих у книгах текстів, інскрипти характеризуються одиничністю, бо цілком тотожним не буде навіть дослівно повторений в іншій книзі напис.

Серед інших книжкових висловлювань дарчі написи найбільш вирізняє їхній рукописний характер, однак, як і будь-які тексти, інскрипти можуть вступати в різноманітні зв'язки з іншими текстами. Варіативність таких зав'язків наочно може продемонструвати книжкове зібрання окремої людини, яким, наприклад, є бібліотечний фонд аудиторії-музею імені О. І. Губаря Кримського федерального університету імені В. І. Вернадського. Дарчі написи фонду вже частково залучалися до аналізу [1; 2], хоча й досі залишається низка як не введених в науковий обіг текстів, так і не задіяних аспектів дослідження. Цей факт разом із жвавим інтересом сучасних дослідників до різноманітних авторських рукописних текстів та незмінним зацікавленням проблемами міжтекстової взаємодії визначає актуальність цієї роботи.

Мета дослідження полягає у вивченні особливостей міжтекстової взаємодії інскриптів у книжках бібліотечного фонду аудиторії-музею імені О. І. Губаря Кримського федерального університету імені В. І. Вернадського.

За різними формами міжтекстової взаємодії в сучасній філологічній науці досить міцно закріпилося загальне поняття інтертекстуальності. Теорія інтертекстуальності рясніє різними підходами, а отже і термінами на позначення міжтекстових і внутрішньотекстових зав'язків, що відбивають відмінності в поглядах дослідників. Так, французький дослідник Ж. Женетт пропонує п'ятичленну класифікацію типів взаємодії текстів: 1) інтертекстуальність як «співприсутність» в одному тексті двох чи більше текстів (цитата, алюзія, плагіат тощо); 2) паратекстуальність як відношення тексту до свого заголовку, післяслова, епіграфа тощо; 3) метатекстуальність як коментар і часто критичне посилання на свій претекст; 4) гіпертекстуальність як осміяння й парадіювання одним текстом іншого; 5) архітектстуальність як жанровий зв'язок текстів [3, с. 165].

Рукописний текст інскрипта разом із надрукованим текстом твору/творів ніби об'єднуються у книзі спільним заголовком. Тож інскрипт, так само як і текст друкований, може вступати у зв'язок із цим елементом паратексту. Цей зв'язок подекуди досить виразно акцентований в дарчих написах аналізованого бібліотечного фонду. Так, ключове слово заголовку своєї поетичної збірки підкреслюють в дарчих написах кримська поетеса та журналіст Г. І. Хмільовська: *«Дорогим Олександрю Івановичу Губарю та Майі Олександрівні від зачарованої Вашим словом авторки цих медів. Щастя Вам! Г. Хмільовська / 21.03.2000»* (з книги: Хмільовська, Галина. Терпкі меди мого кохання : лірика. – Київ, 1999. – 199 с.), а також

поет-сатирик О. К. Малін [див. 1, с. 157] (тут і далі тексти інскриптів подаються мовою оригіналу та в авторській редакції. – *І. Г., М. П.*).

Інскрипти в книжках О. І. Губаря фіксують і більш складну взаємодію, що виходить за межі лише паратекстуальності. Так, дарчий напис, залишений колишнім радянським льотчиком О. Н. Чуксіним, становить контамінацію штапованого вислову «літературний фронт» із посиланням до назви книги – «Однополчани» (у якій ідеться про фронт у його первісному значенні), при чому посилюється рукописний вислів словами воєнної тематики («штурм», «перемога»): *«Дорогому Александру Ивановичу – неустоимому труженику, однополчанину по литературному фронту – с пожеланием крепкого здоровья и радостей, новых штурмов и побед в творчестве. / А. Чуксин / 20 марта 1982 г.»* (з книги: Чуксин, Александр. Однополчане : повесть. – 2-е изд., перераб. и доп. – Симферополь : Таврия, 1982. – 300 с.). А от дарчий напис у книзі дитячої поетеси Г. Сулейманової (Сулаймоні), «таджицької Агнії Барто», крім вказівки на назву книги (та окрему поезію), говорить про певне ототожнення біографічної авторки із ліричною героїнею: *«От меня, / от Гульчехры / и от ее сорока / косичек – Губарю / [Підпис]/ 19/V 81»* (з книги: Сулейманова, Гульчехра. Сорок косичек : стихи ; пер. с тадж. – Москва : Дет. лит., 1974. – 45 с.). Прикметно, що поезію «Сорок сестричек – сорок косичек», яка дала назву книзі, переклав російською мовою один з найвідоміших кримських дитячих поетів – В. Н. Орлов.

У текстах інскриптів може унаочнюватися і назва окремого розділу видання. Наприклад, у книзі, подарованій кримчанином М. І. Полотаєм, автором залишено такий напис: *«Александр Иванович! / Если надо – воздайте! / а нет, так возрайте / зверюхам (а заодно и автору) трёпку, чтобы ему еще больше писалось! / От автора-перчика / Н. Полотай / 1976 / Ялта»* (з книги: Афоризми. – Київ : Радянська Україна, 1975. – 64 с.). Інскрипт доповнений словом «Губарь», що розташоване окремо у верхньому кутку сторінки (вірогідно, автор початково підписував екземпляри прізвищами людей, яким хотів презентувати книгу), а також намальованим символічним зображенням сонця та сонячної доріжки на морській гладі після вказівки місця дарування. Значення окремих елементів інскрипта допомагають розкрити саме елементи паратексту. Так, «зверюхи» співвідносяться із назвою авторської рубрики «Зооафоризми», у якій автор-сатирик пропонує влучні вислови на зразок «Стріляні горобці нерідко видають себе за орлів». А от слова «автор-перчик» по-іншому сприймаються після прочитання серії книги (Бібліотека «Перця» № 198, 1975 г.), що була додатком до радянського літературно-художнього ілюстрованого журналу сатири та гумору.

Подібно до цього розкривається словосполучення «літературний вінегрет» після знайомства із жанровою характеристикою творів, винесеною в бібліографічний опис: *«Александру Ивановичу Губарю – с глубоким уважением к знаниям, таланту и трудолюбию, с лучшими пожеланиями. А. Малин. / Меня А. Губарь, видимо, побьёт / За то, что я, /*

Считавшийся поетом, / Вдруг угостил его под Новый год / Литературным этим винегретом!» (з книги: Малин, А. К. Музей не для друзей : фельетони, басни, памфлети, пародии, юморески. – Симферополь : Крым, 1967. – 151 с.)

Низка інскриптів у книжках з бібліотеки О. І. Губаря є своєрідним авторським коментарем, характеристикою власного твору чи ширше – творчого процесу, що цілком вписується в поняття метатекстуальності як відносин між текстом і судженнями, інтерпретацією. Такі оцінки, зокрема, наявні в завжди емоційних інтимізованих дарчих написах кримського поета, журналіста, суспільного діяча Б. Є. Сермана: *«Дорогим моим – Майе и Саше от всей души книгу-исповедь / Борис Серман / 14.V.85»* (з книги: Серман, Борис. Письма пришли потом : Из дневника дневника поэта. – Симферополь : Таврия, 1985. – 143 с.); *«Дорогим моим Саше и Майе самую мою, самую выстраданную из книг о прекрасных наших людях. От души! / Борис Серман / 8.V.1982 г.»* (з книги: В катакомбах Аджимушкай : документи, воспоминания, статьи / [сост. Б. Е. Серман]. – 4-е изд., перераб. и доп. – Симферополь : Таврия, 1982. – 272 с.).

Тексти інскриптів, адресованих О. І. Губарю, далеко не завжди безпосередньо пов'язані з текстами тих творів, що вміщені у книзі. Окремі інскрипти демонструють взаємодію з іншими текстами, тобто власне інтертекстуальність.

Зразком тексту, що є похідною від іншого тексту, можна назвати інскрипт у книзі українського поета А. А. Славути (справжнє прізвище Логвиненко), у якому легко вгадується ремінісценція до рядків поезії М. Т. Рильського *«Троянди й виноград»*: *«Ми любим критику, що в творчість перейшла / і дружбу з критиком, що ніжно серце тисне. / У критиці два рівних є крила – / Хвалить і бить – прекрасне і корисне. / Олександрю Івановичу Губарю від Автора. / 13. III.1964 р.»* (з книги: Слаута, Анатолій. Багряна Голубінь. – Симферополь : Кримвидав, 1964. – 102 с.).

Прецедентні явища як невід'ємна складова інтертекстуальності теж представлені в аналізованих інскриптах. Так, відомий кримський український поет, перекладач, публіцист і громадський діяч Д. А. Кононенко звертається до прецедентного імені – Державін, пов'язуючи його із адресатом, а через ім'я відсилає до рядків О. С. Пушкіна: *«Дорогому Олександрю Івановичу Губарю – моему “старіку Державіну”, який помітив солдата-поета, підтримав і словом і ділом, вчив і вчить, і вчитиме. З любов'ю і на довічну дружбу Ваш довічний учень Данило Кононенко 25.06.82»* (з книги: Кононенко, Данило. Квітучих соняхів оркестр : поезії. – Симферополь : Таврія, 1982. – 94 с.).

Таким чином, інскрипти в книгах особистої бібліотеки О. І. Губаря дозволяють продемонструвати багатство міжтекстової взаємодії: паратекстуальність (відносини інскрипта з назвою книги або її розділу), метатекстуальність (авторська оцінка власної книги), власне інтертекстуальність (ремінісценція; прецедентне ім'я) тощо. Завдяки

інтертекстуальності (у широкому розумінні слова) тексти доповнюються новими смислами, з'являється можливість пошуку різноманітних інтерпретаційних підходів.

Список використаних джерел

1. Гладка, І. С. Діалогічна природа інскрипта (на прикладі особистої бібліотеки професора О. І. Губаря) / І. С. Гладка // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация : Материалы VII международной междисциплинарной научной конференции / под общ. ред. проф. А. Д. Петренко. – Симферополь : Издательский дом КФУ, 2022. – Т. 1. – С. 154–158.
2. Гладка, І. С. Інскрипт як міжособистісний та міжкультурний діалог (на прикладі особистої бібліотеки професора О. І. Губаря) / І. С. Гладка // Творчість Лесі Українки та інших письменників і митців новітньої доби в полікультурному середовищі : збірник наукових праць (матеріали і тези конференції) / наук. ред. М. І. Пелипась. – Сімферополь : Видавничий дім КФУ, 2021. – С. 71–75.
3. Ильин, И. П. Интертекстуальность / И. П. Ильин // Зарубежное литературоведение XX века : энциклопедия / гл. ред. Е. А. Цурганова. – Москва : Intrada, 2004. – С. 165.
4. Мордерер, В. Я. Дарственные надписи Блока на книгах и фотографиях / В. Я. Мордерер, А. Е. Парнис // Литературное наследство. – Т. 92, кн. 3 : Александр Блок: Новые материалы и исследования. – Москва, 1982. – С. 5–152.

УДК 801.631.5

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ИСТОКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИМПЛИЦИТНОГО СМЫСЛА (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА)

О. А. Гриняк,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В данной статье представлен лингвокогнитивный подход к исследованию скрытых смыслов, образующих имплицитное пространство поэтических текстов. Целью исследования является выявление индикаторов имплицитных смыслов с их последующей экспликацией и определением роли в формировании имплицитного пространства как отдельно взятого поэтического произведения, так и всего творческого наследия автора. Методы компонентного, контекстуального, интерферентного анализа позволяют раскрыть имплицитный смысл, реализуемый в поэтических текстах с помощью индикаторов. Результаты

исследования позволяют описать имплицитное пространство модернистской и постмодернистской поэзии, отражающее как личные переживания, так и общественно-политические события прошлого века. Перспективным представляется изучение имплицитного пространства на поэтическом материале других хронологических срезов и литературно-стилистических направлений.

Ключевые слова: контекст, инференция, имплицитный смысл, имплицитное пространство, индикатор имплицитного смысла.

Summary. This paper displays linguistic and cognitive approaches to the identification of implicit meanings. It explores indicators of implicit meanings that form the implicit space of poetic texts. The methods of component, contextual, inferential analyses help to extract the implicit meaning actualized via its indicators. In conclusion, the paper displays that linguo-cognitive analysis of the poetic texts allows to outline the implicit space of the American modernist and postmodernist poetry, which reflects both personal experiences and socio-political events of the previous century. The study of implicit space on the poetic material of other chronological sections and literary and stylistic trends turns to be promising.

Key words: context, inferential analysis, implicit meaning, implicit space, indicator of implicit meaning.

Многообразие теоретических трактовок природы имплицитного смысла обусловлено многогранностью его семантико-когнитивного генезиса, объясняется постоянным вниманием ученых к проблеме, изучение которой в каждой новой научной парадигме не исчерпывает ее сущности, а лишь освещает новые грани и перспективы. Научная новизна темы заключается в систематическом исследовании имплицитных смыслов и выявлении конфигурации имплицитного пространства модернистской и постмодернистской американской поэзии.

В настоящее время интерес к изучению современной литературы не ослабевает. И прозаические, и поэтические произведения становятся объектом изучения лингвистов с учетом достижений различных современных научных парадигм. Художественная проза XIX-XX вв. исследуется с позиций стилистического анализа [15], лингвистики текста, комплексного подхода к пространству художественного текста [4], интерпретации текста [11]. Поэзия исследуется с позиций критической стилистики [3], когнитивно-поэтического анализа [8]. Кроме того, интерпретация поэтических текстов и их перевод [10] представляет большой интерес для современных лингвистов.

Выбирая в качестве объекта лингвистического анализа поэзию модернизма и постмодернизма, современные ученые обращают внимание на следующие дискуссионные вопросы:

- 1) постмодернистская метафора в поэзии [16];
- 2) постмодернистская поэзия с точки зрения теории хаоса/сложности [7];

3) экспериментальное фонетическое исследование американских постмодернистских поэтических текстов [18];

4) парадоксальность в современном американском поэтическом дискурсе [12];

5) отношения между текстовыми мирами в сочетании с аллегорией [14].

Исследование направлено не только на раскрытие механизмов художественного творчества, но и на выявление и объяснение осознанных и бессознательных когнитивных операций понимания произведений в процессе их прочтения и погружения в разные контексты [8, с. 253]. Соотношение понятий имплицитный смысл, контекст и фоновые знания позволяют изучить особенности имплицитного пространства поэтических текстов. Процесс декодирования актуализированных в поэтическом тексте скрытых авторских идей является результатом переосмысления фактов действительности на основе накопленных знаний и опыта.

Контекст в свою очередь обладает разъяснительным свойством. Контекст – это то, что ограничивает решение проблемы, не вмешиваясь в нее явным образом [5, с. 29–40], он включает в себя знания и убеждения, а также общий опыт, возникающий в результате взаимодействия культуры и сообщества [2, с. 321–329]. Контекст представляет собой совокупность контекстуальных связей индикаторов имплицитных смыслов с текстовым и внетекстовым окружением, способствующим их экспликации. Этот процесс предполагает интенсивную перестройку внешней формы текста в результате мыслительно-аналитической деятельности читателя [1, с. 21].

Носителями скрытого смысла в художественном тексте являются индикаторы, привлекающие внимание читателя. Индикаторы имплицитного смысла имеют три проявления: 1) концептуальное, 2) текстовое и 3) интертекстуальное. Концептуальное проявления когнитивной обработки поэтического текста предполагает анализ концептов и архетипов как форм существования коллективного бессознательного, которое наполняется смыслом [9, с. 153] посредством использования архетипических образов, символов, мотивов, сюжетов [1, с. 96].

На текстовом уровне, опираясь на исследование Дана Макинтайра [13, с. 396–411] определяем, как стилистические приемы художественного текста порождают чувства и реакции у читателя:

1. Фонографическое оформление поэтического текста, отсутствие заглавных букв, пунктуации, непривычная структура определенных фраз характеризует постмодернистскую поэзию (например, Г. Корсо «Bomb», А. Гинзберг «Song» и др.).

2. Использование неологизмов присуще, например, поэзии модернизма (Р. Фроста «To the Tawing Wind», Ч. Сандберга «Sea-wash» и др.).

3. Повтор и параллельные конструкции являются обязательными компонентами модернистских и постмодернистских поэтических текстов

(Р. Блай «The Teeth Mother Naked at Last», «Call and Answer», Г. Снайдер «This Poem is for Bear»).

Деавтоматизация процесса чтения требует от читателя когнитивных усилий в раскрытии скрытого смысла поэтического текста и приводит к более адекватному его пониманию. Обязательным условием выявления индикаторов в интертекстуальном измерении является привлечение фоновых, энциклопедических знаний, интертекстуальных связей.

В качестве примера рассмотрим поэтический текст Г. Снайдера «This Poem is for Bear»:

...this girl married a bear
Who rules in the mountains, Bear!
(Odysseus was a bear) [17].

Как в греко-славянской, так и в англоязычной историко-культурной традиции (у кельтов медведь ассоциировался с воином) медведь является амбивалентным символом доброты и ярости, богатырской силы и неуклюжести, обжорства и нежных чувств. На калифорнийской печати медведь символизирует решимость. В китайском языке медведь олицетворяет мужской принцип ян [6, с. 30]. Увлечение Г. Снайдера восточной культурой и древнегреческой мифологией служит основой для создания этого индикатора. Привлечение контекста творчества Г. Снайдера позволяет объяснить заложенную в показатель составляющую скрытого смысла – человека, которому свойственны большая сила, отвага, агрессия, великодушие.

Лингвокогнитивный анализ индикаторов имплицитных смыслов позволил выявить общие направления развития поэзии XX века. В имплицитном пространстве поэзии модернизма и постмодернизма центральное место занимают имплицитные смыслы, выраженные в поэтических текстах наибольшим количеством индикаторов, в свою очередь скрытые смыслы, представленные меньшим количеством показателей, занимают периферийную позицию. Характер парадигматических отношений между имплицитными смыслами в пространстве определяется одним или несколькими типами отношений: синонимическими, антонимическими или гипонимическими.

Структура имплицитного пространства поэтических текстов эпохи модерна отличается от структуры имплицитного пространства постмодернистских стихов по форме и содержанию. В имплицитном пространстве модернистских стихов доминируют синонимические и антонимические отношения между имплицитными смыслами, что свидетельствует о переосмыслении устоявшихся понятий и истин. Гипонимические отношения преобладают в имплицитном пространстве постмодернистской поэзии и указывают на расширенное и углубленное созерцание действительности.

Социальные, экономические, промышленные, политические перемены, потрясения и войны, которые пережил человек в XX веке,

нашли отражение в стихах. Как в начале, так и в конце века для поэзии характерны:

- антропоцентризм, который отражается в центральных и периферийных имплицитных смыслах (ценность индивидуальности, свобода личности, молодость, одиночество, старость, стремление к достижению цели, неопределенность, соблазн);

- социализация человека (поиск себя, чувство хозяина, однообразие будней, жажда новых впечатлений);

- восприятие человека как неотъемлемой части природы (гармония природы и человека, внутреннего и внешнего мира, непобедимая сила времени, борьба за выживание, жажда жизни, бесценная красота природы);

- определение человека как главной разрушительной силы природы (обесценивание жизни, безответственная деятельность человека, необходимость мирного существования, разрушительная сила ядерного оружия).

Список использованных источников

1. Белехова, Л. И. Словесный поэтический образ в американській поезії: лінгвокогнітивний погляд : монографія / Л. И. Белехова. – Херсон : Айлант, 2004. – 376 с.
2. Akman, Varol. The complexity of context / Varol Akman, Carla Bazzanella // On Context, Journal of Pragmatics. – 2003. – Special Issue, 35. – P. 321–329.
3. Al-Janabi, Suadad. Doing Stylistic Versus Critical Stylistic: An Analysis of *If* by Rudyard Kipling [Electronic Resource] / Suadad Al-Janabi, Nawar Marsumi. Access mode: https://www.researchgate.net/publication/350345365_Doing_Stylistic_Versus_Critical_Stylistic_An_Analysis_of_If_by_Rudyard_Kipling. (Access date: 24.02.2023).
4. Arkhipova, Irina. Author's Digression in the English Literary Text Space: Types of Cohesion [Electronic Resource] / Irina Arkhipova. – Access mode: <https://dx.doi.org/10.24093/awej/vol12no3.14>. (Access date: 20.01.2022).
5. Bazire, M. Understanding Context Before Using It / Mary Bazire, Patrik Brézillon // 5th International and Interdisciplinary Conference CONTEXT. – 2005. – July, 5–8. – P. 29–40.
6. A Dictionary of Symbols / ed. by J. E. Cirlot. – London : Routledge, 2020. – 576 p.
7. Farsi, Roghayeh. Chaos. Complexity Theory and Postmodern Poetry: A Case Study of Jorie Graham's «Fuse» [Electronic Resource] / Roghayeh Farsi. – Access mode: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2158244017725130>. (Access date: 20.01.2022).
8. Freeman, M. Poetry and the Scope of Metaphor: Toward a cognitive theory of literature / Margaret Freeman // Topics in English Linguistics. – 2000. – P. 253–282.
9. Jung, C. G. Two Essays on Analytical Psychology / C. G. Jung. – London : Routledge, 2014. – 372 p.

10. Kenesei, A. Poetry Translation Through Reception and Cognition: The Proof of Translation is in the Reading / A. Kenesei. – Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2010. – 191 p.
11. Kosmeda, T. Problems of Linguistics of Text Interpretation of Intimisation Category / T. Kosmeda // Linguistic Studies, 33. – 2017. – P. 103–108.
12. Marina, O. Cognitive and semiotic dimensions of paradoxicality in contemporary American poetic discourse / O. Marina // Lege Artis. Language yesterday, today, tomorrow, III (1). – 2018. – P. 179–222.
13. McIntyre, D. The year's work in stylistics 2009 / D. McIntyre // Language and Literature 19 (4). – 2010. – P. 396–411.
14. McLoughlin, N. Text-worlds, blending, and allegory in «Flamingos in Dudley Zoo» by Emma Purshouse [Electronic Resource] / Nigel McLoughlin. – Access mode: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0963947020968664> (Access date: 25.04.2021).
15. Ouahani, N.-E. Aesthetics of Modernist Literature: a Style Analysis of Three Texts from T. S. Eliot, S. Beckett, and V. Woolf's Writings as Sample / N.-E. Ouahani // International Journal of Language and Literary Studies. – № 2(1). – 2020. – P. 38–47.
16. Seiden, Henry M. The Motive for Metaphor. Brief Essays on Poetry and Psychoanalysis / M. Henry Seiden. – London : Routledge, 2019. – 164 p.
17. Snyder, G. This poem is for bear [Electronic Resource] / G. Snyder. – Access mode: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0963947020968664> (Access date: 19.10.2021).
18. Zabuzhanska, I. American postmodern poetic texts: in search of rhythmicity / I. Zabuzhanska // Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow. – II (2). – 2017. – P. 445–481.

УДК 82.09

**СВОЕОБРАЗИЕ ЛИРИЧЕСКОГО СЮЖЕТА КНИГИ СТИХОВ
К. Д. БАЛЬМОНТА «БУДЕМ КАК СОЛНЦЕ»:
СТРУКТУРА И ФОРМИРОВАНИЕ**

С. А. Гришина,

*магистрант кафедры русской и зарубежной литературы,
Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Исследование посвящено особенностям лирического сюжета книги стихов «Будем как Солнце». В работе представлен интегративный подход к изучению лирического сюжета, который объединяет все составляющие стихотворений, благодаря взаимообусловленности и взаимопроникновению художественных элементов. Исходя из особенностей циклизации и книги стихов как форм

организации лирических произведений, в книге «Будем как Солнце» на основе семи последовательно разворачиваемых циклов выделен общий лирический сюжет познания бытия. Каждый частный лирический сюжет в данной книге стихов является смысловым этапом: с помощью лирического субъекта и его проекций на создаваемые для решения внутренних конфликтов и нахождения ответов виртуальные реальности, авторским сознанием был представлен путь изучения всех сторон бытия.

Ключевые слова: сюжет, лирический сюжет, лирический цикл, лирический субъект, хронотоп, картина мира автора, книга стихов, сверхтекст, текстовое единство.

Summary. The study is devoted to the peculiarities of the lyrical plot of the book of poems "Be like the Sun". The work presents an integrative approach to the study of lyrical plot, which unites all the components of the poems, due to the interdependence and interpenetration of artistic elements. Proceeding from the peculiarities of cyclisation and book of poems as forms of lyrical works organisation, the general lyrical plot of cognition of existence is singled out in "'Be like the Sun' on the basis of seven consistently unfolding cycles. Each lyrical plot in this book of poems is a semantic stage: with the help of a lyrical subject and his projections onto virtual realities created to solve inner conflicts and find answers, the author's consciousness has presented the way of studying all aspects of being.

Key words: plot, lyrical plot, lyrical cycle, lyrical subject, chronotope, author's world view, book of poems, supertext, textual unity.

Сюжет – важный элемент произведения, связывающий сложными отношениями разного порядка все элементы текста, благодаря взаимообусловленности и взаимопроникновению. В свою очередь лирический сюжет представляет собой изменения характеристик лирического субъекта, которые проявляются на духовно-нравственном уровне во время его пересечения пространственно-временных границ и смены маркеров действительности на образном уровне [3, с. 163].

Актуальность исследования сюжетологии определяется значимостью сюжета как ведущего элемента художественного произведения, эксплицирующего со-бытие человека и мира в эстетической реальности, и лирического сюжета, демонстрирующего когницию авторского сознания.

Изучение книги стихов «Будем как Солнце» К. Д. Бальмонта показало, что лирический сюжет проявляется на уровне отдельных стихотворений [5]; а также были выявлены сюжеты в таких циклах: «Четверогласие стихий» – лирический сюжет [4], «Змеиный глаз» – сюжет мести, «Млечный путь» – сюжет ревности, «Зачарованный грот» – сюжет вождения [3] и «Сознание» – сюжет «со-знания» [4]. Рассмотрим лирические сюжеты в циклах «Dances macabres» и «Художник-Дьявол».

Цикл «Dances macabres», или «Пляска смерти», посвящен посещению загробного мира. Целью данного пространственного перемещения для лирического субъекта стала попытка преодолеть жизненные трудности, изменить ход событий, спрятаться от проблем,

убежать из физической реальности, обрести покой и понимание основ бытия. Стихотворения наполнены рассуждениями о смерти, о месте лирического субъекта в обществе, о совершенных поступках и о людях, которых он вел за собой.

Рассмотрев стихотворения пятого цикла книги стихов «Будем как Солнце» К. Д. Бальмонта, были выявлены следующие особенности посещения проекции лирического субъекта загробного мира как художественного виртуального пространства.

Во-первых, переход из одного состояния (жизни) к ощущению, приближенному к смерти, всегда сопровождается рассуждениями лирического субъекта. Во-вторых, в обеих реальностях он может проявлять себя и совершать действия, то есть с попаданием «по ту сторону» он не теряет возможность мыслить, творить, мечтать, желать, к чему-то стремиться и даже двигаться.

Например, человек может это испытать в коме, во время сонного паралича, бреда или галлюцинации, что отсылает нас вновь в онирическому сюжету [3]. Так стихотворения «Заклятье» и «Костры» есть этому подтверждение: *«Водоворот безумных снов, // Непоправимых дум»,* а также *«Да, и жгучие костры // Это только сон игры»* [1].

В-третьих, лирический субъект сознательно совершает переход из одного состояния в другое и испытывает на себе возможные варианты завершения мирской жизни, показывая различные степени ощущения смерти. К примеру, в стихотворениях «Поэты», «Заклятье», «Костры», «Пожар» – сгорает в огне страстей; в «Неразлучные», «Два трупа» – чувствует себя трупом в могиле; в «Ведьме» – оказывается пленником бесконечной лесной чащи.

В-четвертых, в загробное пространство попадает не сам лирический субъект, а его проекция, которую сам автор называет в стихотворении «Костры» «двойником», а в рамках концепции устройства субъектной сферы по теории профессора И. В. Остапенко – «я-другой» [4], что подтверждает осуществление «перехода» именно на ментальном уровне.

В-пятых, виртуальная реальность, в которую попадает проекция сознания лирического субъекта, не постоянна, она трансформируется, преломляется, искажается, поэтому каждое новое изображение имеет свой образный уровень. Однако среди них выделяются каноничные пространственные маркеры, которые закреплены в сознании носителя славянской и православной культуры, такие как болото, топь, дремучий лес, кладбище, подземелье, могила, тюрьма, гроб, башня.

Приведенные аргументы способствуют формированию номинации лирического сюжета цикла «Danses macabres» в качестве сюжета смерти как трансформации. Данный тип лирического сюжета выражает завершение определенного этапа духовного поиска лирическим субъектом путем его сознательного ухода из физической реальности в мистические виртуальные пространства, на уровне самосознания происходит

одновременно окончание духовных поисков и освобождение для нового типа мировоззрения.

Схема смерти как трансформации может быть представлена на примере цикла «Dances macabres»: *Осознание собственной неправоты и ошибок на уровне моральных, этических и нравственных норм – возникновение желания получить справедливое наказание – предчувствие близости смерти – переход пространственно-временной границы в «загробный мир» – столкновение с мистическими субъектами – получение наказания/опыта – оценка его справедливости и своего нового положения (трупом) – достижение катарсиса или упоение болью.*

Так формой наказания может становиться не сама смерть и ощущение себя трупом, но и гибель женщины как форма расплаты («Пожар», «Хорошо ль тебе, девица...» и др.); помутнение рассудка и постоянная боль как в «Заклятии»; встреча с собственным страхом (сонный паралич) в «Incubus» и другие формы.

Использование сюжета смерти как трансформации имеет большое значение для понимания книги стихов «Будем как Солнце» К. Д. Бальмонта. Через цикл «Dances macabres», или «Пляска смерти», поэт транслирует ключевые аксиологические постулаты для своей картины мира: смерть человека не является окончанием его жизни, только изменением состояния пребывания души; ничто не остается безнаказанным или неувиденным; познание смертности через сны и чувство её приближения являются предупреждением или подготовкой к Смерти; после окончания жизни человек пересекает последовательно несколько границ: из мира живых переходит в мир умирающего человека и трупа, далее в загробный мир, но возможно и продолжение этого пути как «избавление», к которому приходит лирический субъект.

Лирический цикл «Художник-дьявол» стал последним в книге стихов «Будем как Солнце». Лирический сюжет осуществляется в цикле благодаря использованию бинарной оппозиции «Бог-Дьявол», которая представлена не только на идейно-содержательном уровне, но и на субъектном. Для осуществления взаимодействия между ними и лирическим субъектом авторское сознание создает виртуальную мифологическую реальность, в которую лирический субъект проникает все также с помощью сновидений, что говорит нам о том, что самой физической смерти с ним ранее не происходило.

Сама сущность лирического сюжета в цикле проистекает из наличия внутреннего конфликта личности лирического субъекта, в котором борются одновременно «Безумный часовщик» и Мефистофель.

Номинацией лирического сюжета цикла «Художник-Дьявол» становится сюжет единения. Его особенность проявилась благодаря чувству причастности лирического субъекта к мировой, а в особенности к культурной истории человечества, а на субъектном уровне наблюдается синкретизм модусов художественности. Также на номинацию повлияли такие значения слова «единение», как сплочение, укрепление связей. В

первую очередь, это связи духовного порядка, которые свидетельствуют об особенном уровне восприятия мира и трансляции своего видения.

Формирование целостности личности и единения шло по следующей модели в цикле «Художник-Дьявол»: *рефлексия лирического субъекта о соотношении сторон света и тьмы – потребность сделать выбор – разлад личности – пересечение пространственно-временной границы для обнаружения несоответствия – со-бытие через обнаружение двойственности мира – обретение целостности личности – обратное пересечение пространственно-временной границы.*

Понимание двойственности мира, зависимости появления тьмы от света, разрушения от создания дало возможность лирическому субъекту наконец-то найти свою целостность в единении в себе этих двух полярных составляющих. Проделанный духовный путь, который изначально направил его из позиции единства с природой к познанию разнообразия мира, через отделение от общего и становление индивидуальностью, к обнаружению внутренней потребности стать целостной личностью, привел лирического субъекта к достижению высокого уровня душевной организации и возможности практически прямого взаимодействия с божественными проявлениями.

Это со-бытие приблизило лирического субъекта к пониманию, что в каждом творящем существе есть две бинарные ипостаси созидания и разрушения, которые принято номинировать как божественное и дьявольское в человеке.

Таким образом, благодаря комплексному анализу были определены ведущие лирические сюжеты в циклах и систематизированы полученные результаты с помощью построения схем их устройства. Приведем обнаруженные типы лирических сюжетов в соответствии с их расположением в книге стихов «Будем как Солнце»: «Четвероугласие стихий» – онирический сюжет; «Змеиный глаз» – сюжет мести; «Млечный путь» – сюжет ревности; «Зачарованный грот» – сюжет вожделения; «Dances macabres» – сюжет смерти как трансформации; «Сознание» – сюжет «со-знания»; «Художник-дьявол» – сюжет единения. Используемые названия дополняют и расширяют представление о картине мира этого поэта и не вступают в противоречие с работами исследователей его творчества.

Из особенностей циклизации и книги стихов как форм организации лирических произведений можно сделать вывод, что в «Будем как Солнце» присутствует и общий лирический сюжет. Его эстетическое и философское содержание встроено в философскую (антропокосмическую) парадигму Серебряного века. Индивидуальное «я» стремится объединиться с универсальным космическим целым, равновеликим этому «я». Так на основе семи последовательно разворачиваемых циклов книги реализуется сюжет познания бытия, в котором каждый частный сюжет будет являться смысловым этапом.

С помощью лирического субъекта и его проекций на создаваемые для решения внутренних конфликтов и нахождения ответов виртуальные реальности был пройден путь постижения основ мироздания. От рационального исследования стихий, явлений природы, законов Красоты и гармонии, осмысления их через сны к последующему познанию окружающего мира людей через чувства, которые были экстраполированы до максимальных эмоциональных состояний. В последующем произошло обновление и полная трансформация личности, освобождение от физической оболочки, после которого на ментальном уровне произошел контакт с мировыми творцами.

Ощущая себя первоначально Сверхчеловеком и начиная путь «человеческих страстей», лирический субъект выбрал сторону темных сил, так как с помощью разрушения других, он мог удовлетворять собственные интенции, однако, смерть и её приближение показали, что данная сторона была выбрана ошибочно. Тяготение к творению и красоте направили фокус внимания лирического субъекта в сторону Бога и света. Только после смерти как обновления Бог начинает присутствовать не только на образном уровне или аллюзивном, но и как полноценный говорящий субъект.

К. Д. Бальмонт стремился установить в этом сборнике ведущую «солнечную» роль творчества и поэзии, в частности. С такой позиции слово не просто представляет собой отображение явлений, но и является жизнетворящей и обновляющей энергией, способной создавать новую картину реальности. В сборнике обновление мира идет одновременно с рождением нового типа человека, личности свободной, сильной, открытой и верной спасающей мир Красоте, как ее понимал Ф. М. Достоевский. Такая идея была в духе этого периода, она соотносилась с духовными и творческими исканиями таких современников автора, как А. Блок, Андрей Белый, Эллис.

Исходя из вышесказанного, «Будем как Солнце» стала итоговым произведением очень плодотворного творческого периода начала 1900-х годов. В ней несомненно автор попытался выразить оформившуюся к тому моменту собственную модель мироздания. Пониманию картины мира автора способствует исследование лирического сюжета книги стихов, сформированного благодаря циклизации. В таком случае последовательно разворачиваемый поэтом лирический сюжет стихотворения вступает в отношения с другими сюжетами цикла, формируя единый лирический сюжет цикла, которые будут выступать в качестве определенных ступеней познания бытия, а значит, являться основой для формирования сюжета всей книги стихов. Поскольку познание бытия – это ключевая идея всей книги, то, как номинация сюжета книги, она наиболее полно представляет все грани авторского замысла.

Список использованных источников

1. Бальмонт, К. Д. Собрание сочинений : В 7 т. Т. 1 : Полное собрание стихов 1909–1914 : кн. 1-3 / К. Д. Бальмонт ; вступит. статья В. Макарова. – Москва : Книжный клуб «Книговек», 2010. – 504 с.
2. Гришина, С. А. Типология «сюжетов человеческих страстей» в лирических циклах «Змеиный глаз», «Млечный путь» и «Зачарованный грот» К. Д. Бальмонта / С. А. Гришина // Современная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы : Материалы VII Международного научного конгресса. – Симферополь : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2022. – С. 221–226.
3. Гришина, С. А. Специфика анализа сюжетов в лирическом цикле на примере книги стихов К. Д. Бальмонта «Будем как Солнце» / С. А. Гришина // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация : Материалы VII международной междисциплинарной научной конференции / Под общей редакцией А. Д. Петренко. Том 1. – Симферополь : Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2022. – С. 159–167.
4. Остапенко, И. В. Средства и способы презентации картины мира в лирике / И. В. Остапенко // Вопросы русской литературы. Межвузовский научный сборник. – Симферополь : Крымский архив, 2011. – Вып. 19 (76). – С. 68–86.
5. Остапенко, И. В. Лирическое произведение как эстетический объект в контексте парадигмы художественности (на материале стихотворения К. Д. Бальмонта «Я с каждым могу говорить на его языке...») / И. В. Остапенко, С. А. Гришина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – 2022. – Том 8. (74). – № 1. – С. 75–91.

**ИРАНО-КОРЕЙСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ:
ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ НОВЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ-
КОРЕИЗМОВ В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ**

А. В. Громова¹, Е. С. Головачева²,

¹старший преподаватель кафедры иранской филологии,

Институт стран Азии и Африки,

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва*

²студент кафедры иранской филологии,

Институт стран Азии и Африки,

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва*

Аннотация. В предлагаемой статье проводится анализ персоязычных онлайн материалов, отражающих различные аспекты ирано-корейских связей с целью выявить основные контактные группы, благодаря которым в современной персидский язык проникают новые кореизмы, описать лексико-семантические сферы, открытые для новых заимствований, и выделить некоторые особенности адаптации кореизмов в персидских текстах, относящихся к различным типам содержания и функциональным стилям.

Ключевые слова: языковые контакты, интернет, Иран, Корея, персидский язык, новые заимствования, английский язык, ономастика, антропонимы.

Summary. The present research aims to bring out recent Korean loanword in the Persian online news articles that deal with various spheres of Iran and South Korea relations. Our goal is to describe the main contact groups that provide the framework for cultural and linguistic interaction, to outline the major lexical and semantic fields of borrowings and to define some peculiarities of the new Korean loanwords integration in Persian texts that belong to different kinds of content and functional registers.

Key words: language contacts, internet, Iran, Korea, Persian, new loanwords, English, proper names, antroponyms.

Поисковый запрос kore-ye jonubi ‘Южная Корея’ в одной из крупнейших иранских наукометрических баз – Центра научной информации ударного развития университетов SID [15] – позволяет обнаружить по меньшей мере 60 работ последних лет, в которых объектом исторических, экономических и политологических исследований является Республика Корея, часто в сопоставлении с Ираном.

В упомянутых статьях анализируются различные аспекты отношений Ирана и Южной Кореи [8], специфика политического процесса [29] и роль правительства в национальном развитии этой страны [25].

Сравниваются особенности реализации программ экономического и политического развития Ирана и Южной Кореи в течение последних 40 лет [17], изменение социального устройства и эволюция демократических систем двух стран [19]. Сопоставляются потенциал социального капитала и его роль в экономическом развитии [24], системы социальной поддержки и обеспечения общественного благосостояния [7], школьные программы и образовательные системы [Samiye F. T., 2020]), эффективность мер по контролю над распространением пандемии в борьбе с COVID-19 [Mehdi A., Farzād F.X., 2020]). Описываются научные достижения [20] и современная культура и политика продвижения позитивного имиджа Южной Кореи на международном уровне, известная как Hallyu ‘Новая волна’ [1].

Данные тексты неизбежно содержат известное число кореизмов, как терминов (hallyu ← 한류 hallyu ‘Новая волна’, ċ(ā')ebo/ul ← 재벌 jaebeol ‘чеболь, бизнес-конгломерат, южнокорейская форма управления финансово-промышленных групп’), а также множество имен собственных (топонимов и антропонимов). Однако функционирование новых кореизмов не сводится только к профессиональной среде и языку для специальных целей, что обуславливает актуальность 1) классификации этих пока мало освоенных заимствований, 2) выделения основных семантических полей, где они представлены, а также 3) описания особенностей адаптации новых кореизмов на фонетико-графическом и морфосинтаксическом уровнях. Сферы их функционирования, пути дальнейшего освоения, вероятность укоренения в языке, а также специфика их адаптации зависят от состава и характерных особенностей контактных групп, выделение и описание которых является одной из первых задач нашего исследования.

Интерес к Южной Корее в Иране не ограничивается только профессиональным сообществом. Сериалы «Жемчужина дворца», «Чумон» и «Дон И» за последние 15 лет неоднократно повторялись в эфире, а их герои Чан Гым и Чумон, согласно опросам [tasnim], стали самыми популярными киногероями в истории иранского телевидения. На одном только портале интернет-трансляций прямого эфира основных каналов иранского телевидения с богатейшим архивом доступных для просмотра и скачивания фильмов и передач telewebion.ir [27] число просмотров сериала «Чумон» превысило 34 млн.

Основными контактными группами являются не только любители кино и сериалов, но и автолюбители, ценители брендовой косметики и технических новинок, а также молодежь, желающая учиться в Сеуле и других университетских центрах. Все больше иранцев увлекается корейской поп-культурой, особенно эстрадной музыкой и современной литературой и поэзией, и интересуется изучением корейского языка, свидетельством чему является открытие и развитие сетей специализированных языковых школ во многих крупных городах Ирана: Koreanlearn в Тегеране, Ширазе, Керманшахе и Мешхеде [10], Learnkorea в

Исфахане [12], многие из которых переориентировались сейчас на дистанционное обучение и курсы онлайн.

Несмотря на быстрое развитие языковых контактов, зафиксированные в персидском корейзмы еще не становились предметом специального изучения, нам удалось обнаружить только две сопоставительных работы лингвокультурологического характера «Сравнительный обзор корейского и персидского языков» [21] и «Сопоставление формул вежливости в корейском и персидском языках» [22].

Для выявления предметных сфер, наиболее открытых для проникновения новых корейзмов, прежде всего были проанализированы крупнейшие новостные информационные агентства: Islamic Republic News Agency [32], Iranian Students' News Agency [30], Economic News Agency [31], Tasnim News Agency [33]. Затем на предмет отбора новых корейзмов с целью описания особенностей их адаптации были проанализированы текстовые и мультимедийные материалы следующих тематических групп онлайн-ресурсов:

1) рекреационный, историко-культурный и гастрономический туризм с многочисленными рецензиями и описаниями различных маршрутов, известных достопримечательностей и местных кулинарных традиций (Lastsecond [11], Eligasht [2], Kojaro [9]);

2) спорт и, прежде всего, имеющие широкую популярность в Иране футбол (Football [4]) и таеквондо (Taekwondo [26]);

3) сфера досуга и развлечений, в частности, музыка, кинематограф и компьютерные игры (Timecity [28], Zoomg [34], Figar [3], Sargarme [23]);

4) автопром, машиностроение и новости автомобильного рынка, в том числе описание новых марок легковых машин и продвижение новых брендов, советы по покупке и ремонту авто (Pedal [16]);

5) новые технологии, гаджеты, бытовая техника и электроника (Zoomit [35]);

6) индустрия красоты, уходовая и декоративная косметика (Garnimarket [6], Asalbanooshop [5], Naturalimage [14]).

Для анализа фонетико-графической и морфологической адаптации были отобраны топонимы на туристических сайтах и в блогах о кино, антропонимы – в новостях, спортивных репортажах и кинообзорах, эргонимы – в блогах о технике и автомобилях, названия косметических брендов – в интернет-магазинах и рецензиях, кулинаронимы – в рецептах и в статьях о гастрономическом туризме.

Прежде всего необходимо отметить, что графической адаптации часто не подвергаются даже антропонимы, наиболее многочисленные среди представленных в персидском языке новых корейзмов. Так, на сайте Football при описании 12 корейских футбольных команд найдено 430 антропонимов, из них 393 – корейского происхождения, из которых только 51 дан вязью, а не латиницей.

Другой стратегией включения корейзмов в персидский текст является дублирование вязью и латиницей, последняя при повторе затем нередко опускается. Использование только арабо-персидской графики характерно прежде всего для проходящих процедуру редактирования текстов крупных новостных агентств. С другой стороны хангыль встречается на сайтах для изучающих корейский язык и в статьях Википедии [18], корпус которых превышает 1100.

Таким образом, степень графической интегрированности новых корейзмов зависит от жанра и функционального регистра персидского текста, а также от направленности и характера сайта, на котором такие публикации размещаются: чем официальнее источник, тем меньше вероятности увидеть в публикациях корейзмы, данные латиницей, то есть в практической транскрипции или в соответствии со стандартными правилами романизации.

По типу заимствования преобладают материальные заимствования. Полукальки можно встретить при передаче многокомпонентных топонимов, содержащих термин, обозначающий административную единицу, например, do ‘провинция’ → ostān ‘остан’ (1):

(1) Jeollanam-do [tɛʌ||ʌnʌmɔ] → ostān-e Je'o(w)/ulā jonubi 'Чолла-Намдо (провинция Южная Чолла)', Jeollabuk-do [tɛʌ||ʌbukɔ] → ostān-e Je'o(w)/ulā šomāli 'Чолла-Пукто (провинция Северная Чолла)'; Gyeongsangnam-do ['kʲə(:)ŋsʰʌŋnʌmɔ] → ostān-e Gyo(u)ngsāng(-e) jonubi 'Кёнсан-Намдо (провинция Южный Кёнсан)'; Gyeongsangbuk-do ['kʲə(:)ŋsʰʌŋbukɔ] → ostān-e Gyo(u)ngsāng(-e) šomāli 'Кёнсан-Пукто (провинция Северный Кёнсан)'.

В связи с использованием английского как языка-посредника – из-за его постоянно растущей популярности в Иране [13] – доминирует воспроизведение романизированной формы корейзмов, о чем можно судить по передаче инициальных глухих через их звонкий коррелят (2-5):

(2) [p] → [b]: Bong Joon-ho [pɔŋ|dʒu:n.ho] → Bong Jun-ho(w)/u 'Пон Чжун Хо'; Busan [pusʰʌn] → P/busān 'Пусан';

(3) [t] → [d]: Daegu [tɛgu] → Dego/u 'Тэгу';

(4) [č] → [j]: Jeong Yong-hwa [tɛʌŋ.jʌŋ.hwa] → Jo/ung Yo/ung H(a)wā 'Чон Ён-хва'; Jow/u Su/o Ho(w)/uk → Jo Su Hyeok [tɛʌsʰujʌk] 'Чжо Су Хёк'; Jeolla [tɛʌ||ʌ] → Jo(w)/ulā 'Чолла';

(5) [k] → [g]: Go Dongjin [kɔ(:) dɔŋdʒin] → Ko(w)/u Do/ung Jin 'Ко Дон Джин'; Gu Na-ra [kuhʌrʌ] → Gu Hārā 'Ку Хара'; Gyeonggi [kʲʌŋgi] → Gyo/ungi 'Кёнгидо'.

Ориентация на английскую форму передачи имен также ведет к тому, что носовой [ŋ] передается диграфом [n] и [g] (6), а для передачи долгого /ā/ нижнего подъёма используется комбинация /ār/ (ср. британский вариант park /pɑ:k/) (7):

(6) Ri Seungman [isʰuŋmʌ(:)n] → Ri So/ungman 'Ли Сын Ман'; Sejong [sʰɛ(:)dʒɔŋ] → Si(e)jo/ung 'Седжон';

(7) Park Jong-min [pʌk. dʒɔ:ŋ. min] → Pār̄k Jo(u)ng Min 'Пак Чон-мин'.

Можно сделать предварительный вывод, что заимствование в персидский язык корейских и европейских слов происходит разными путями и опирается на разные источники заимствования. Превалирует воспроизведение романизированной формы корейских слов, а не передача их фонетического облика, как это происходит с европейскими.

Вследствие новизны и ограниченных возможностей арабско-персидской вязи большинство неологизмов еще не окончательно освоены графически и фонетически, что ведет к значительной вариативности в их передаче.

Список использованных источников

1. Beydollahāni, Ā. B(e)rending-o tasvirsāzi-ye mellat dar kore-ye jonubi: Hālyu va kore-ye jahāni [Electronic Resource] / Ā. Beydollahāni // Do[w]lat. – 1399 (2020). – Vol. 20. – P. 37–69. – Access mode: https://tssq.atu.ac.ir/article_11409_5c22abcbdf6ba1dc705e83ebde9257b.pdf. (Access date: 25.04.2023).
2. Eligašt: xarid-e belit-e havāpeymā, arzāntarin qeymat-e belit-e havāpeymā bā eligašt [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.eligasht.com/>. (Access date: 25.04.2023).
3. Figār: resāne-ye taxassosi-ye film, bāzi va honar [Electronic Resource]. – Access mode: <https://figar.ir/>. (Access date: 25.04.2023).
4. Football: natāyej-e zende-ye futbāl-e iran-o jahān [Electronic Resource]. – Access mode: <https://football1.co/>. (Access date: 25.04.2023).
5. Forušgāh-e ‘asalbānu [Electronic Resource]. – Access mode: <https://asalbanooshop.com/>. (Access date: 25.04.2023).
6. Gārnimārket: xarid-e mahsulāt-e morāqebati-ye pust, mu, ārāyeši [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.garnimarket.ir/>. (Access date: 25.04.2023).
7. Kalladi, A. Tahavvol dar sistem-e refāh va tamin-e ejtemāyi-ye Kore-ye Jonubi va darshāi barā-ye Irān / A. Kalladi // Refāh-e ejtemā’i. – 1380 (2002). – Vol. 1 (2). – P. 9–40. – Access mode: <https://www.sid.ir/fa/journal/ViewPaper.aspx?ID=25702>. (Access date: 25.04.2023).
8. Kim, A. Ravābet-e xāreji-ye irān-o kore-ye jonubi / A. Kim, M. J. Javādi Arjmand // Ravābet-e xāreji. – 1396 (2017). – Vol. 1. – P. 7–32. Access mode: <http://ensani.ir/file/download/article/20170515093928-9826-213.pdf>. (Access date: 25.04.2023).
9. Kojāro: porbāzdidtarin resāne-ye gardešgari-ye irān [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.kojaro.com/>. (Access date: 25.04.2023).
10. Language Learning institute: āmuzešgāh-e zabān-e jalāli – zabān-e kore’i [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.koreanlearn.com/koreanlearning/>. (Access date: 25.04.2023).
11. Lastsecond: entexāb-e hušmand-e safar-o tafrih [Electronic Resource]. – Access mode: <https://lastsecond.ir/>. (Access date: 25.04.2023).
12. Learnkorea: āmuzešgāh-e zabān-e kore’i [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.learnkorea.ir/>. (Access date: 25.04.2023).

13. Mahootian, S. Language contact and multilingualism in Iran / S. Mahootian // *The Oxford Handbook of Persian Linguistics* ; A. A. Sedighi, P. Shabani-Jadidi (Eds.). – Oxford : Oxford University Press, 2018. – P. 347–360.
14. Naturalimage: tasvir-e tabi'yi [Electronic Resource]. – Access mode: <https://fa.naturalimage.net/>. (Access date: 25.04.2023).
15. Pāygāh-e markaz-e ettelā'āt-e 'elmi va jehād-e dānešgāhi [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.sid.ir/>. (Access date: 25.04.2023).
16. Pedāl.ir: majalle-ye xodro, māšin va haml-o naql [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.pedal.ir/>. (Access date: 25.04.2023).
17. Qāderi, R. Motāle'e-ye tatbiqi-ye barnāme-hā-ye to[w]se'e-ye irān-o kore-ye jonubi dar čahār dahe-ye gozašte bā ta'kid bar to[w]se'e-ye eqtesādi-vo siyāsi / R. Qāderi, A. Mohseni Tabrizi, M. H. Puryāni // *Motāle'āt-e to[w]se'e-ye ejtemāyi-ye irān*. – 1399 (2020). – Vol. 12 (4). – P. 89–107. – Access mode: https://jisds.srbiau.ac.ir/article_16592_16335e6f48ecb75d4a8f3e9993a46c4b.pdf. (Access date: 25.04.2023).
18. Rade: Kore-ye jonubi [Electronic Resource]. – Access mode: https://fa.wikipedia.org/wiki/رده:کره_جنوبی. (Access date: 25.04.2023).
19. Rajabzāde, A. Tabaqāt-e ejtemāyi va demokrāsi: barrersi-ye tatbiqi-tārixī-ye Irān, Torkie va Kore-ye Jonubi / A. Rajabzāde, M. Fāzeli // *Jāme'ešenāsi-ye Irān*. – 1386 (2008). – Vol. 8 (2). – P. 112–141. – Access mode: <https://www.sid.ir/fa/journal/ViewPaper.aspx?ID=79050>. (Access date: 25.04.2023).
20. Saburi, A.-A. Rošd-e elmi dar Kore-ye Jonubi / A.-A. Saburi // *Rahyāft*. – 1383 (2005). – P. 58–64. – Access mode: <https://www.sid.ir/fa/journal/ViewPaper.aspx?ID=26097>. (Access date: 25.04.2023).
21. Saffār Moghadam, A. Negāh-i tatbiqi bar zabānhā-ye kore'i va fārsi / A. Saffār Moghaddam // *Faslnāme-ye farhang, pažuhešgāh-e olum-e ostāni va motāle'āt-e farhangi*. – 1380 (2001). – P. 115–150. – Access mode: <http://ensani.ir/fa/article/266371/>. (Access date: 25.04.2023).
22. Saffār-Moqaddam, A. Moqāyese-ye 'anāser-e adab dar zabān-e kore'i va fārsi / A. Saffār Moghaddam // *Tahqiqāt-e farhangi*. – 1388 (2009). – Vol. 2 (1). – P. 77–97. – Access mode: http://www.jicr.ir/article_4.html. (Access date: 25.04.2023).
23. Sargarme: resāne-ye sargarmi [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.sargarme.com/>. (Access date: 25.04.2023).
24. Širzādi, R. Do[w]lat va to[w]se'e dar Kore-ye Jonubi / R. Širzādi // *Faslnāme-ye taxassosi-ye 'olum-e siyāsi*. – 1390 (2012). – Vol. 15. – P. 39–82. – Access mode: <https://www.sid.ir/fa/journal/ViewPaper.aspx?ID=183877>. (Access date: 25.04.2023).
25. Širxāni, M.-A. Sarmāye-ye ejtemā'i va to[w]se'e-ye eqtesādi: barresi-ye moqāyese'i-ye irān-o kore-ye jonubi / M.-A. Širxāni, N. S. Vāse'izāde // *Faslnāme-ye siyāsat*. – 1390 (2011). – Vol. 41(2). – P. 213–232. – Access mode: https://jpbq.ut.ac.ir/article_29751_bb6aa40d31126135d371095e6f70dfde.pdf. (Access date: 25.04.2023).

26. Taekwondo.ir: federāsiyun-e tekvāndo jomhuri-ye eslāmi-ye irān [Electronic Resource]. – Access mode: <http://taekwondo.ir/>. (Access date: 25.04.2023).
27. Telewebion: marja'-ye baxš-e zende va dānlowd-e film, seryāl-o sāyer barnāmeḥā-ye telewebion [Electronic Resource]. – Access mode: <https://telewebion.com/>. (Access date: 25.04.2023).
28. Timecity: marja'-ye mo'arrefi-ye behtarinḥā-ye film, seryāl, fanāvāri va bāzi [Electronic Resource]. – Access mode: <https://timecity.ir/>. (Access date: 25.04.2023).
29. Tišeyār, M. Barresi-ye ravand-e siyāsi-ye do[w]lat-e kore-ye jonubi / M. Tišeyār // Do[w]latpažuhi. – 1395 (2016). – Vol. 6. – P. 39–59. – Access mode: https://tssq.atu.ac.ir/article_4759_32ee4b8172c46433f519111451e99885.pdf. (Access date: 25.04.2023).
30. Xabargozāri-ye dānešjuyān-e irān (ISNA) [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.isna.ir/>. (Access date: 25.04.2023).
31. Xabargozāri-ye eqtesādi-ye irān [Electronic Resource]. – Access mode: <https://econews.ir/>. (Access date: 25.04.2023).
32. Xabargozāri-ye jomhuri-ye eslāmi (IRNA) [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.irna.ir/>. (Access date: 25.04.2023).
33. Xabargozāri-ye Tasnim [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.tasnimnews.com/>. (Access date: 25.04.2023).
34. Zoomg: axbār-e bāzi, sinemā va seryāl, naqd-o barresi va rāhnemā [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.zoomg.ir/>. (Access date: 25.04.2023).
35. Zoomit: axbār-e fanāvāri, āmuzeš, rāhnemā-ye xarid-o barresi [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.zoomit.ir/>. (Access date: 25.04.2023).

УДК 81'272

ЯЗЫКОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Р. П. Губарь,

*аспирант кафедры русского, славянского и общего языкознания,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматривается специфика исторической трансформации языковой ситуации и языкового законодательства Республики Крым. Проанализированы проблемы и перспективы развития полиэтнического населения Крыма. Кроме того, приводится сравнительная характеристика нормативно-правовой базы в области культуры и образования на территории Крымского полуострова во время

принадлежности его Украине и после вхождения в состав Российской Федерации.

Ключевые слова: Республика Крым, полиэтничность, русский язык, языковое законодательство, Россия, полилингвокультурный регион, геополитическая роза ветров, геополитика, референдум, этноязыковая политика.

Summary. The article examines the specifics of the historical transformation of the linguistic situation and the language legislation of the Republic of Crimea. The problems and prospects for the development of the multi-ethnic population of Crimea are analyzed. In addition, a comparative characteristic of the regulatory framework in the field of culture and education on the territory of the Crimean Peninsula during its belonging to Ukraine and after its accession to the Russian Federation is given.

Key words: Republic of Crimea, polytonicity, Russian language, language legislation, Russia, multilingual and cultural region, geopolitical wind rose, geopolitics, referendum, ethno-linguistic policy.

Языковое законодательство Республики Крым представляет большой научный и практический интерес в лингвистической сфере исследований, в первую очередь благодаря тому, что данный регион на протяжении всего своего существования был населен огромным множеством представителей самых различных национальностей. За свою многовековую историю полуостров успел побывать в составе Османской и Российской империи. В 1954 году его территории стали частью Украинской ССР, а уже в 1991 году Крым вошел в состав Украины в качестве административно-территориальной единицы. Особое внимание научных кругов Крым привлек после своего присоединения в качестве нового субъекта Российской Федерации в 2014 году.

Исходя из этого, целью предлагаемой статьи являются изучение языкового законодательства Республики Крым в диахроническом аспекте, анализ будущих перспектив и проблем функционирования русского языка в разные временные периоды, а также определение ключевых направлений развития языковой ситуации на полуострове.

Прежде всего отметим, что в качестве предмета исследования языковое законодательство крымского полуострова рассматривалось в широком перечне научных работ А. Н. Рудякова [9; 10], Ю. В. Дорофеева [1], Т. В. Лановой [4], Р. Д. Куртсеитова, К. Я. Мамбетова [3] и т. п.

Как представлено в Словаре социолингвистических терминов, слово «язык» имеет одновременно два значения. В первом случае язык поясняется как определенный тип знаковых систем, тогда как во втором случае язык рассматривается с точки зрения некой реально существующей знаковой системы, которая применяется в определенном обществе, опираясь на его пространственно-временные особенности [2, с. 254–255]. Проще говоря, второе значение, приводимое в словаре, предполагает реализацию свойств языка в целом.

Что же касается термина «государственный язык», то, как указывается в словаре, это «язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной, экономической и культурной сферах, выступающий в качестве символа данного государства» [2, с. 47–48]. Вместе с тем, у доктора филологических наук А. Н. Рудякова несколько иное мнение в отношении этого термина. Исследователь утверждает, что «государственный язык – это социальный диалект» [9, с. 28]. Именно благодаря этому социальному диалекту государство может информировать свое население о правилах проживания на своих территориях, а граждане, в свою очередь, имеют возможность сообщать государственной власти о своих национальных интересах и потребностях.

Находясь на завершающем этапе теоретической части работы, рассмотрим еще один важный феномен, обязательный для нашего исследования – понятие «языковой ситуации». Этот термин понимается как «совокупность форм существования языка или же нескольких языков в территориально-социальном взаимоотношении» [2, с. 266].

Для более ясного понимания феномена языковой ситуации рассмотрим его на примере Крымского полуострова.

В составе Украины Крымский полуостров просуществовал 23 года. Украинский язык наиболее широко использовался в официально-деловой сфере, но при этом значительно уступал по степени востребованности и распространенности русскому языку в области межкультурного общения. И хотя политическая власть Украины всячески старалась свести к минимуму использование любого другого языка, кроме украинского, что вполне можно отнести к одному из способов сегрегации, крымчане, преимущественно говорящие на русском языке, сумели в большей степени сохранить свою национальную идентичность [1, с. 54].

Как пишет А. Н. Рудяков: «Деструктивная языковая политика украинского руководства по отношению к русскому языку была неизменной и постоянной» [10, с. 627]. Среди ключевых нормативно-правовых документов, регламентировавших государственный язык, стоит назвать Декларацию прав национальностей в Украине [11], Национальной доктрины развития образования [5], Закона Украины «О национальных меньшинствах в Украине» [13], однако реальные действия даже близко не соответствовали этим подзаконным актам.

Примечательной особенностью существования русского языка в Крыму при Украине был тот факт, что он не относился к государственному языку и в то же время не считался иностранным.

В дополнение к этому упомянем, что украинские депутаты В. В. Колесниченко и С. В. Кивалов разработали Закон «Об основах государственной языковой политики» [12], который был одобрен и принят спустя несколько чтений 10 августа 2012 года. Данный законопроект должен был гарантировать использование на Украине так называемых «региональных языков» – языков, согласно данным переписи населения,

которые считают родными более 10 % населения соответствующего региона. Тем не менее, просуществовал он достаточно недолго, всего 2 года.

В результате государственного переворота и смены власти на Украине данный закон был отменен и признан неконституционным. Новая политическая власть страны исключала любую возможность включить в перечень языков, закрепленных на законодательном уровне, помимо украинского. Очевидно, что подобная ситуация вызвала еще большее недовольство населения.

После вхождения в состав РФ в 2014 году местное население полуострова было обеспокоено не только внутрорегиональной экономической ситуацией, но еще и языковой ситуацией. В своем послании к Федеральному Собранию Президент России В. В. Путин заявил, что «власти Российской Федерации уважительно относятся ко всем национальностям, проживающим в Крыму. Это их общий дом, их малая Родина, и будет правильно, если в Крыму – я знаю, что крымчане это поддерживают, – будет три равноправных государственных языка: русский, украинский и крымскотатарский» [6]. Конституция Республики Крым от 11.04.2014 г., Закон Республики Крым от 06.07.2015 г. № 131-ЗРК/2015 «Об образовании в Республике Крым»; Закон от 23.05.2017 г. № 2-1236/30-10 «О функционировании государственных языков Республики Крым и иных языков в Республике Крым» закрепляли право граждан на выбор языка общения и образования, определяли язык нормативных правовых актов и правила использования языков в работе органов государственной власти Крыма, учреждений и организаций, закрепляет общий порядок определения языка написания наименований географических объектов и надписей и т. д. Согласно Конституции Республики Крым, государственными языками субъекта являются русский, украинский и крымско-татарский [7].

Помимо этого, согласно новому Закону «Об образовании в Республике Крым» [8] от 06 июня 2015 года, жители полуострова могут проходить обучение по образовательным программам не только на государственных языках (русский, украинский, крымскотатарский), но и на своем родном языке.

Резюмируя итоги нашего исследования, мы можем сделать сразу несколько выводов. Для начала, язык и языковая ситуация являются специфичными и многогранными феноменами. В зависимости от уровня стабильности языковой ситуации в стране можно судить о ее внутренней стабильности и успешности работы политической власти. Перед государственной властью не только центра, но и местного самоуправления стоит задача обеспечить эту самую стабильность путем разработки грамотного языкового законодательства.

Во-вторых, Республика Крым – это уникальный регион, для которого характерны такие черты, как мультикультурность, полиэтничность и многонациональность. За всю свою многовековую историю существования

полуостров входил в состав более 15 государств, что на сегодняшний день сформировало в нем довольно сложную языковую ситуацию.

В ходе нашего исследования мы выяснили, что украинское языковое законодательство признавало в качестве государственного языка только украинский язык, в то время как после 2014 года наблюдается расцвет государственной поддержки по возрождению и развитию языков национальных меньшинств республики. Кроме того, благодаря законодательному закреплению русского, крымскотатарского и украинского языков в качестве государственных на территории Крыма был сделан важный шаг на пути реализации интересов основных этнических групп.

В краткосрочной перспективе ожидается принятие нового закона «О Функционировании государственных языков Республики Крым и иных языков в Республике Крым». Правительство республики прорабатывает законодательный акт на основе толерантности и практического опыта других полиэтнических субъектов Российской Федерации для того, чтобы в будущем создать благоприятную среду для процветания, стабильности региона и местного населения.

Список использованных источников

1. Дорофеев, Ю. В. Динамика языковых состояний и ситуаций в Крыму / Ю. В. Дорофеев // Вестник ТГГПУ. – 2019. – № 1 (55). – С. 49–56.
2. Кожемякина, В. А. Словарь социолингвистических терминов / В. А. Кожемякина. – Москва : Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.
3. Куртсеитов, Р. Д. Реализация статуса государственных языков в системе образования Республики Крым / Р. Д. Куртсеитов, К. Я. Мамбетов // Экономика и социум. – 2018. – № 2 (45). – С. 563–575.
4. Лановая, Т. В. Языковое законодательство в Республике Крым: опыт и перспективы / Т. В. Лановая // Языки в полиэтническом государстве: развитие, планирование, прогнозирование : материалы международной конференции / отв. ред. Г. А. Дырхеева, А. Н. Биткеева, С. В. Кириленко, Б. Д. Цыренов. – Улан-Удэ-Горячинск : Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2019. – С. 115–118.
5. Национальная доктрина развития образования : Указ Президента Украины от 17.04.2002 № 347 // Образование Украины. – 2002. – 23 апреля.
6. О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства : Послание Президента Российской Федерации от 04.12.2014. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система / Компания «КонсультантПлюс».
7. Республика Крым. Законы. Конституция Республики Крым : текст с изменениями и дополнениями на 20 мая 2022 года : принята Государственным Советом Республики Крым 11 апреля 2014 года : одобрена Главой Республики Крым 12 апреля 2014 года. – Симферополь, 2022. – 30 с.

8. Республика Крым. Законы. Об образовании в Республики Крым : Закон Республики Крым от 06.07.2015 № 131-ЗРК : принят Государственным Советом Республики Крым 17 июня 2015 года : одобрен главой Республики Крым 6 июля 2015 года. – Симферополь, 2015. – 27 с.
9. Рудяков, А. Н. Государственный язык и родной язык: время определить понятия / А. Н. Рудяков // Перспективы и вызовы языковой политики и языковой ситуации в Крыму : материалы международного круглого стола: доклады и сообщения / отв. ред. Моника Вингендер, А. Н. Биткева, Э. В. Хилханова. – Москва : Институт РАН, 2019. – С. 28–30.
10. Рудяков, А. Н. Крымский региональный вариант русского языка: до и после воссоединения с Российской Федерацией / А. Н. Рудяков // VII Международный лингвистический конгресс «Язык и мир» : сборник научных докладов / редакционная коллегия А. Н. Рудяков (ответственный редактор), Ю. В. Дорофеев. – Ялта : Крымский республиканский ин-т постдипломного пед. образования, 2015. – С. 292–297.
11. Украина. Законы. Декларация прав национальностей Украины : Декларация от 01.11.1991 № 1771-ХІІ : принята Верховной Радой Украины 1 ноября 1991 года. – Киев : Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР), 1991. – 5 с.
12. Украина. Законы. Об основах государственной языковой политики : Закон Украины от 03.07.2012 № 5029-VI : принят Верховной Радой Украины 10 августа 2012 года. – Киев : Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР), 2013. – 62 с.
13. Украина. Законы. О национальных меньшинствах в Украине : Закон Украины от 25.06.1992 № 2494 – XII : принят Верховной Радой Украины 25 июня 1992 года. – Киев : Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР), 1992. – 32 с.

УДК 811.161.2'373.7

ЩОДО ОСОБЛИВОСТЕЙ ВИКОРИСТАННЯ ДІАЛЕКТНИХ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ У ХУДОЖНІХ ТВОРАХ

Е. В. Дехтярева,

*кандидат філологічних наук, доцент кафедри української філології,
Інститут філології, ФГАОУ ВО «Кримський федеральний університет
імені В. І. Вернадського», Симферополь*

Аннотация. В статье идет речь о состоянии исследования диалектной фразеологии на материале художественных текстов, об особенностях функционирования диалектных фразеологических единиц в художественном тексте как средстве усиления его выразительности, эмоционально-экспрессивного оценивания, отношения автора к персонажам, важнейшем источнике изучения прошлого народа.

Ключевые слова: фразеологическая единица, диалектная фразеология, художественный текст, лингвокультурология, мировосприятие.

Summary. The article dwells on the state of investigation of dialect phraseology in fiction and the peculiarities of dialect phraseological units functioning in the text as the means of strengthening its expressiveness, emotional and expressive evaluation, the author's attitude to the characters, as one of the most important sources of studying the people's past.

Key words: phraseological unit, dialect phraseology, fiction text, linguistic culturology, mentality.

Одним із пріоритетних напрямків досліджень в українському мовознавстві є питання функціонування фразеологізмів у художніх текстах. Саме там діалектний елемент часто вперше естетично оцінюється й піддається випробуванню на стилістично-виразову придатність та вперше народжуються такі прийоми і способи стилістичного використання діалектного матеріалу, які з часом стають набутком загальнонародної мови.

У лінгвістиці питання про діалектизми у складі художнього твору є одним з найменш досліджених. Його розглядали у своїх працях В. В. Грещук [1], Н. В. Гуйванюк [2], С. Я. Єрмоленко [3], А. С. Зеленько [4], Л. Е. Калнинь [5], Г. О. Козачук [7] та інші вчені. Здебільшого науковці сходяться на думці, що використання діалектизмів має бути обережним, стилістично виправданим. Однак із досліджень також впливає й те, що саме діалектизми дають можливість авторові підкреслити територіальне походження персонажів, їх характери, індивідуальні особливості, освіту, розвиток, гумор, дотепність, душевний настрій у момент зображення. А в авторській мові діалектизми використовуються в етнографічно-побутових описах, у створенні характеру зображуваної місцевості, з метою стилізації мови.

Актуальність дослідження зумовлена недостатньою кількістю ґрунтовних досліджень, присвячених вивченню діалектної фразеології в художньому тексті.

Мета роботи – з'ясувати особливості вживання діалектних фразеологізмів у художньому тексті як засобу увиразнення тексту, емоційно-експресивного оцінювання, ставлення автора до персонажів як найважливішого джерела вивчення минулого народу, його духовного життя.

Матеріалом дослідження стали діалектні фразеологічні одиниці (далі ДФО), вибрані з художніх творів українських письменників кінця ХІХ – поч. ХХ ст.

ДФО в художніх текстах є засобом посилення експресії, увиразнення, іноді унаочнення думки, яку письменник доносить до читача. Потужною експресією відзначаються фразеологізовані прокльони та заклинання з діалектною часткою *най*: *А обсіли, най би їх так франця та короста обсіла, ек вони нас обсіли* [13, с. 30]; *Най такого сина грім заб'є,*

шо неню не шінує [14, с. 81]; *Агій на тебе, та же най твої голови дідько причепитси, як не мої* [10, с. 34].

Посилюється експресивність ДФО, коли використовуються пояснювальні слова *єк тот повідав, як якийсь казав, єк єкийс казав* та ін.: – *Но-но-но, жінко, бог з тобою / Чоловік, як якийсь казав, хоче зажити світа: на то бог дав неділю / Цілий тиждень працюємо, як той казав, в поті чола, а...* [8, с. 26]; *Але, єк єкийс казав: дуріют, бо мают з-за чого дуріти, а на свіжім люхті то ше гірше йде їм дур до голови* [14, с. 44].

Стилістичного ефекту змалювання внутрішнього стану персонажів досягають письменники, коли вживають поряд кілька ДФО в контексті: *Єк дало мені пуду – волосє д'гори здіймалоси / То сми без памнєті вилеків наверх, аж там трохи очунавси* [13, с. 113]; *Якби ні жінка мізинним пальцем кинула, та й бих капурец зробив, на винне яблуко бих розпосочив* [10, с. 20].

Вивчення діалектної фразеології в художніх текстах актуальне й тому, що вона є «засобом відображення в мові національної специфіки, носієм елементів, що у значній різноманітності і повноті характеризують етнічну картину світу» [7, с. 52]. Діалект – це той складник національної мови, у якому чи не в первозданному вигляді збереглися психологічні та культурні особливості певного етнічного угруповання, в усій повноті виражається дух нації, що, власне, і є її самобутністю. Наприклад, у широкому плані кожна українська фразеологічна одиниця, що містить позначення *сім* та похідні від нього, так чи інакше опосередкована уявленнями про міфологізований характер числа. Цифра *сім* – символічне святе число Всесвіту, що відіграє велику роль у народній та релігійній символіці народів усього світу. Значення числа *сім* у світосприйманні українського народу фігурує в компонентному складі ДФО та передає узагальнене значення останньої, верхньої межі відліку: *Паничі сердилися на дідову заблудливість, а дід впевняв їх, що і вони будуть забувати, коли сьомий хрест переступлять, – а відбираючи ключ, завйокав на сиві коні і від'їхав* [14, с. 194]; *Та з мене мій сім шкур ізпустил, єк му не принесу чірвоних* [13, с. 60]; *То до сємого коліна буде їх так душити, а як сєме коліно мине та й нема моці вже / То кара, люде, сєму кістку аж карати* [10, с. 150].

Лінгвокультурологічне дослідження ДФО допомагає виявити специфічні риси менталітету української нації, культурні первообрази, уявлення, символи про людину, її місце в світі та суспільстві. Автори художніх творів малюють життя окремих конкретних картин, явищ, осіб. Вони словом створюють ілюзію, немовби читач переноситься в інші краї і стає безпосереднім свідком, учасником подій та вчинків, що розгортаються у творах. Тому не випадково зустрічається запевнення, божіння – відфраземне слово *бігме*, взяте із клятвеного лексикону, – це божіння, що означає *Бог мені свідок, бачить Бог – Бог (Біг) ме!* – перший склад від *мені*. Відфразема *бігме* свідчить про збереження традицій пращурів і віру у вищу, надприродну силу: *Не годна-сми, любєтка, бігме-сми, не годна*

[14, с. 82]. Словник буковинських говірок за ред. Н. В. Гуйванюк фіксує подану відфразу з значенням «Йй богу» [9, с. 31]: *Анничка на це борзенько залепетала: – Бігме, паноченьку, правду вам кажу. Дай господочку милосердний, аби я з осего місця не рушилася, аби мені руки покрутило, аби мені ноги відоймило, аби мені очі повилазили, аби мені мову умкло, як брешу. Бігме, паноченьку, ізбридив собі та й заслаб* [8, с. 10].

До складу висловів традиційного мовного етикету української інтелігенції належить ДФО *брати (взяти на зле)* – гніватися, ображатися на когось, якої у сучасних лексикографічних джерелах не знайдено. Про те, наскільки ДФО була частотна, свідчать численні контексти з художніх творів: *Але ви не беріть мені за зле, бо я таку гадку мав, що на коли мені комісія присудить оту борозну, то я ляжу хрестом на землю та й буду суватися здовж свої межі, як гадина, аби зятямити, поки моє* [8, с. 92]. *Дибко використав раз ту приязнь і поцілував їмость. Вона йому того за зле не брала* [8, с. 310]. Дана ДФО «належала до своєрідного культурного койне – “простої руської мови”, що її виробила тогочасна освічена верства і послуговувалася нею у своїх мовно-культурних потребах» [11, с. 54].

Письменники відобразили соціальне і національне гноблення, безправ'я і темноту селянства, що страждало і віками мріяло про землю, тугу за кращим життям, надію на краще майбутнє: *Вони двигали на собі необтесаний і тяжкий ярем мужицького багатства, котре ніколи не дає ані спокою, ані радості ніякої* [10, с. 124] – пор.: літ. *тягти ярмо* «1. Працювати на когось; 2. Важко, безрадісно жити» [12, с. 907]; – *Ви хочете всі наші діти, що в школах вчуться, зогноїти по криміналах, аби потім мужиків запряги в ярем* [10, с. 244] – пор.: літ. *запрягти в ярмо* «Поневолити, примусити працювати на себе» [12, с. 316]. Наведені ДФО відтворюють об'єктивну картину тогочасного життя.

Отже, ДФО є невичерпним джерелом посилення емоційності та експресивності художнього мовлення. Вони сприяють поглибленню уявлення про національно-мовну картину світу, про специфіку етнічної свідомості, а письменники, як справжні майстри творчого слова, намагаються видобути із кожної ДФО максимальний семантико-стилістичний ефект.

Список використаних джерел

1. Грещук, В. Південно-західні діалекти в українській художній мові / Василь Грещук, Валентина Грещук. – Івано-Франківськ : Вид-во ПНУ ім. В. Стефаніка, 2010. – 309 с.
2. Гуйванюк, Н. Діалектний текст як лінгвокогнітивна одиниця / Н. Гуйванюк, Н. Руснак // Українська мова. – 2003. – № 2 (7). – С. 102–109.
3. Єрмоленко, С. Говіркове багатоголосся сучасної української прози / С. Єрмоленко // Українознавство. – 2008. – № 1. – С. 198–204.
4. Зеленько, А. С. Про деякі функції діалектизмів у мові художньої літератури / А. С. Зеленько // Культура слова. – Вип. 22. – Київ : Наукова думка, 1982. – С. 30–41.

5. Калнынь, Л. Э. Включение диалектизмов в художественный текст как разновидность контакта между диалектной и литературной формами русского языка / Л. Э. Калнынь // Вопросы языкознания. – 1998. – № 6. – С. 58–68.
6. Козачук, Г. О. Діалектизми в сучасній прозі / Г. О. Козачук // Рідне слово. – Київ : Наукова думка, 1971. – Вип. 5. – С. 52–56.
7. Кононенко, В. Етнологічні засади вивчення української мови / В. Кононенко // Українська мова в освіті : Зб. матеріалів Всеукр. наук. конф. – Івано-Франківськ : Плай, 2000. – С. 43–56.
8. Мартович, Лесь. Твори / Лесь Мартович. – Київ : Дніпро, 1976. – 428 с.
9. Словник буковинських говірок / за заг. ред. Н. В. Гуйванюк. – Чернівці : Рута, 2005. – 688 с.
10. Стефаник, В. Повне збір. творів : у 3-х т. / Василь Стефаник. – Київ : Вид-во Акад. наук. Укр. РСР, 1949. – Т. 1. – 377 с.
11. Ткач, Л. Українська літературна мова на Буковині в кінці ХІХ – на початку ХХ ст. Частина 3: Буковинська фразеологія у міжмовних зв'язках та в загальноукраїнському контексті / Людмила Ткач. – Чернівці : Книги ХХІ, 2007. – 252 с.
12. Фразеологічний словник української мови : [у 2-х кн.] / [упоряд. В. М. Білоноженко та ін.]. – Київ : Наукова думка, 1993. – 984 с.
13. Хоткевич, Г. Довбуш : [повість] / Гнат Хоткевич. – Київ : Дніпро, 2004. – 392 с.
14. Черемшина, М. Твори в двох томах / Марко Черемшина. – Київ : Наукова думка, 1974. – Т. 1. – 336 с.

УДК 811.111

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ТЕКСТЕ БРИТАНСКОГО РЕКЛАМНОГО СООБЩЕНИЯ

А. Р. Джапарова,

обучающаяся 4-го курса, Институт филологии,

*ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Аннотация. В век глобального распространения мультимедийных и цифровых средств реклама оказывает огромное влияние как на общество в целом, так и на каждую его ячейку в частности. Статья посвящена анализу языковых средств манипулятивного воздействия, используемых маркетологами в тексте британской рекламы. Анализируемые средства рассмотрены на разных уровнях языка. Исследование проведено на материале архива британских рекламных текстов [8].

Ключевые слова: манипулирование сознанием, языковые средства, рекламный дискурс, язык рекламы.

Summary. In the age of global multimedia and digital proliferation, advertising has a huge impact on society in general, and on every unit of it in particular. The article analyses the linguistic means of manipulative influence used by marketers in British advertising texts. The means are considered at different levels of language. The study is based on an archive of British advertisement texts [8].

Key words: mind control, language means, advertising discourse, speech strategy.

Рекламный дискурс является предметом изучения большого количества специалистов различных областей науки. В своих исследованиях Е. А. Терпугова определяет его «как особую разновидность императивного дискурса, занимающую промежуточное положение между аргументативным и пропагандистским (манипулятивным) дискурсами [7]. Также автор приходит к выводу, что в его основе «лежит одинаковый характер психологического воздействия, оружием которого является манипулирование» [7].

Состав аудитории, ее интересы, желания и статус определяют выбор речевых стратегий рекламного дискурса. О. С. Иссерс считает, что «речевая стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [3]. Именно выбор речевой стратегии позволяет корректировать коммуникативную составляющую рекламы и оказывать воздействие на сознание потребителя.

Согласно О. Н. Рыбаковой, прагматическая цель рекламного текста – оказать влияние на установки, оценки, мнения, поведение потенциальных реципиентов сообщения определенными языковыми средствами, особым стилем изложения, соответствующим имиджу рекламируемого товара [6]. Именно по этой причине рекламные сообщения изобилуют различными средствами манипулирования сознанием реципиента. В работе «Лингвистические особенности рекламного слогана в английском языке» Е. В. Василенко и Е. А. Пальмова пишут: «наибольшую роль в привлечении внимания потенциального покупателя к основным характеристикам рекламируемого товара играет языковое манипулирование» [2].

В своей работе А. А. Любимова под термином «языковое манипулирование» подразумевает «скрытое воздействие на реципиента (группу индивидов), совершаемое в интересах воздействующей стороны, с целью достижения определенного эффекта» [4]. Исследователь подчеркивает, что «путём манипуляции в сознание внедряются идеи, образы, ассоциации, стереотипы, которые могут полностью, причём незаметно для человека, изменить его отношение к миру» [4]. Т. В. Анисимова и С. А. Чубай в совместной работе «Оценочные суждения как средство манипуляции в дискурсе социальной рекламы» отмечают, что «главный принцип рекламного сообщения состоит в том, чтобы продавать не столько сами товары, сколько важные для человека ценности» [1].

В ходе проведения исследования на материале архива британских рекламных текстов было выявлено, что манипулирование сознанием потенциального потребителя осуществляется на разных языковых уровнях. Используются такие описанные в научной литературе методы воздействия на потребительское сознание как: манипулирование внутренним миром потребителя (желаниями и стремлениями, чувствами и эмоциями), воздействие на органы чувств реципиента, манипулирование формой предоставления статистических данных [5].

На *синтаксическом уровне* в качестве средства воздействия широко используются императивные предложения, при этом манипулирование сознанием потребителей часто осуществляется путём обращения к желаниям и стремлениям реципиентов. В рекламе компании *Body Building* был использован слоган «*Don't be half a man!*» [8]. Словосочетание *half a man* предполагает то, что человек, находящийся в «ненадлежащей» физической форме не считается «настоящим» мужчиной. Маркетологи манипулируют навязанным обществом и рекламой стандартом «идеального» тела и апеллируют к желанию мужчины казаться мужественнее и солиднее.

Используя императив *be fit and slim* в слогане «*Be fit and slim by taking Bile Beans*» от компании, производящей препараты для похудения, маркетологи манипулируют чувствами женщин, имеющих избыточный вес, и внушают им идеи, способствующие развитию комплексов [8]. Агентство знакомств *Matchmaker* создало рекламное объявление со слоганом «*Stop waiting. Start living. Go and meet somebody*» [8]. Реклама манипулирует чувствами потребителя, т.е. она заставляет почувствовать человека без партнера одиноким и неполноценным. Данное рекламное сообщение затрагивает проблему гендерной симметрии и внушает идею о том, что жизни без партнера нет в принципе. В рекламном постере компании *Safety on the road* со слоганом «*Look her in the eye. They say a quick drink never hurt anybody*» используется императивная форма глагола *to look*, которая в сочетании с изображением девушки, находящейся в критическом физическом состоянии, вызывает у потребителя чувство тревоги и страха [8]. Именно манипуляция, основанная на чувствах, вызывает у потребителя неприязнь к алкогольным напиткам и вождению в нетрезвом состоянии.

В рекламе также обращает на себя внимание широкое использование риторических вопросов. Например, рекламное сообщение от *Herbal Gardenia Shampoo* с британской актрисой Дианой Дорс на обложке гласит: «*Would not you like hair like Diana Dors?*» [8]. Сообщение бренда, заложенное в риторическом вопросе, акцентирует внимание на том, что шампунем представленного производителя пользуется известный человек. Маркетологи манипулируют сложившимся в сознании потребителя представлением о том, что выбор «успешного человека» не может быть безосновательным. Желание женщины быть такой же красивой и иметь

такие же роскошные и здоровые волосы, как у актрисы, побуждает её к безоговорочному приобретению рекламируемого товара.

Манипулируя сознанием потребителя, маркетологи прибегают к воздействию на органы чувств реципиента посредством создания «аппетитной» картинки. В рекламе кофейного бренда *Douwe Egberts* слоган «*If you love the smell of newly baked bread, the aroma of freshly cut herbs and the bite of your first summer peach, you probably enjoy it already*» вызывает у потребителя желание попробовать рекламируемый товар [8]. Параллелизм однородных членов предложения акцентирует внимание на ключевых сенсорных ощущениях, придаёт описанию логико-смысловую ценность.

На *лексическом уровне* весьма характерным является употребление эмоционально-оценочной лексики. Слоган рекламной кампании *Nokia* «*Nokia Cityman. For the serious businessman*» оперирует эмоционально-оценочным прилагательным *serious*, манипулируя стремлением мужчины быть успешнее и выглядеть солиднее в глазах общества [8]. Потребитель невольно проецирует на себя созданный в рекламном сообщении образ и, будучи удовлетворенным этим образом, попадает на уловку маркетологов.

Посредством использования личного местоимения *you* рекламодавец выстраивает коммуникативное сообщение таким образом, чтобы адресату казалось, что оно направлено исключительно на него. Применяя данный метод манипулирования, маркетологи добиваются повышения эффективности рекламы. Примером может служить рекламное объявление от создателя бодибилдинга Чарльза Атласа с одноименным названием бренда, которое гласит: «*You can be a real he-man!*» [8]. Маркетологи за счёт манипулирования желанием мужчины быть похожим на своего кумира ориентируют потребителей на приобретение их продукции. Рекламное сообщение компании по производству детского питания *Farley's* «*We have been thinking of you and your baby for a long time!*» манипулирует чувством собственной значимости потребителя и вселяет доверие к производителю и его продукту в частности [8].

Наименее распространенной формой манипуляции в британском рекламном сообщении является форма предоставления статистических данных. Например, слоган *Financial Conduct Authority* гласит: «*This year over 80% of people who complained about PPI got money back*» [8]. Рекламодатель манипулирует чувством недосказанности, основанным на предоставлении информации, не подкрепленной фактами. Рекламное сообщение направлено на безоговорочное принятие информации потребителем по причине отсутствия объективных фактов. По такому же принципу построено рекламное сообщение бренда производителя хлебцев *Ryvita*, слоган которого гласит: «*Limbos. On average 90% less fat than regular crisps*» [8]. В сообщении вне контекста представлено процентное соотношение содержания жира в рекламируемом товаре по отношению к продукции других производителей. В рекламе выражена субъективная,

ничем не подтвержденная оценка производителя. В такого рода текстах употребление числительных является вспомогательным средством языкового манипулирования и нацелено на эмоциональное восприятие потребителя.

Весьма эффективным является также использование выразительных и изобразительных средств *стилистического уровня* с целью воздействия на потребителя. Эти средства способствуют формированию у потребителя яркого представления о продукте, внушают ему субъективную точку зрения рекламодателя.

Реклама препарата для похудения бренда *San-Gri-Na* со слоганом «*Fat women are not attractive on the beach. The slender woman wins*» построена на противопоставлении [8]. Образ женщины «с лишним весом» противопоставляется женщине худого телосложения, акцентируя внимание на том, что вторые выглядят более выигрышно в глазах окружающих. Рекламное сообщение манипулирует чувствами реципиентов и дискриминирует человека по признаку веса.

В рекламном сообщении косметической компании *Innoxa* со слоганом «*New! Strictly for sirens!*» используется метафора, основанная на сравнении женщины с красивой и обольстительной сиреной [8]. Маркетологи манипулируют желанием женской аудитории обладать такими же качествами. Текст рекламы закрепляет ассоциативную связь между названием бренда и миром красоты.

В рекламном сообщении бренда *University Ro* со слоганом «*Hold that tiger, Tiger!*» изображен мужчина, явно находящийся в доминирующем положении над женщиной [8]. Маркетологи оперируют метафорой, основанной на сходстве образа мужчины с крепким телосложением, обладающего физической силой и мощью, с образом дикого зверя. Посредством использования данного приёма рекламодатель манипулирует мужским тщеславием и необходимостью подтверждения своего превосходства. Дискриминирующее грубое отношение к женщине подчеркивает выигрышный статус мужчины не только в данной рекламе, но и транслирует его в социум, ориентируя каждого мужчину подсознательно придерживаться данного образа.

«*The plop plop fizz fizz is fast fast*» – слоган, разработанный рекламодателями компании *Alka-Zalter*, производящей препараты от похмелья [8]. В данной рекламе маркетологи манипулируют воздействием на органы чувств реципиента, что делает рекламу запоминающейся. Повторяющееся слово-звукоподражатель *plop* передаёт звук, издаваемый во время погружения таблетки в воду, а *fizz* имитирует её шипение.

Подводя **итоги** исследования, можно отметить, что реклама выступает конструктом формирования сознания широких масс. Используя апелляции к бессознательному, рекламодатели закладывают в умы потребителей необходимую информацию методом внушения и манипулирования. В результате анализа рекламных сообщений было выявлено, что большая часть средств манипулятивного воздействия

осуществляется на лексическом уровне посредством использования личного местоимения *you*. Данный метод представляется наиболее эффективным, так как рекламодатель достигает эффекта узкой направленности на «конкретного потребителя», что не только стимулирует потребность сделать покупку, но и способствует развитию доверительного отношения к бренду.

Список использованных источников

1. Анисимова, Т. В. Оценочное суждение как средство манипуляции в дискурсе социальной рекламы / Т. В. Анисимова, С. А. Чубай // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева / Волжский университет имени В. Н. Татищева. – Тольятти, 2021. – Вып. 1 (34). – С. 91–99.
2. Василенко, Е. В. Лингвистические особенности рекламного слогана в английском языке / Е. В. Василенко, Е. А. Пальмова // Вестник Таганрогского университета имени А. П. Чехова. – Таганрог, 2020. – Вып. 1. – С. 179–183.
3. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Москва : Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
4. Любимова, А. А. Языковое манипулирование в СМИ как способ разрушения языковой картины мира и традиционной системы ценностей / А. А. Любимова. – Москва : Макс Пресс, 2005. – 120 с.
5. Рубцова, Е. В. Особенности современной рекламы: социально-психологическое воздействие / Е. В. Рубцова // Карельский научный журнал. – Тольятти, 2020. – Вып. 1 (30). – С. 57–60.
6. Рыбакова, О. Н. Дискурсивные, коммуникативно-прагматические и семиотические характеристики англоязычной печатной рекламы : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ольга Николаевна Рыбакова ; Ивановский государственный университет. – Иваново, 1999. – 22с.
7. Терпугова, Е. А. Рекламный текст как особый тип императивного дискурса : специальность 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... канд. филол. наук / Елена Алексеевна Терпугова ; Иркутский государственный университет. – Кемерово, 2000. – 180 с.
8. The advertising archives : [сайт]. – Лондон, 1990. – URL: <http://www.advertisingarchives.co.uk/searchframe.php>. (дата обращения: 09.02.2023).

НЕОЛОГИЗМЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПЕРИОДИКЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Н. В. Доминенко¹, Н. А. Вовк², А. А. Веселова³,

¹кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

³обучающаяся 4-го курса, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Основная цель статьи – рассмотреть функционирование неологизмов в периодических изданиях. Это обуславливает постановку следующих задач: 1) охарактеризовать статус термина «неологизм» на текущем этапе; 2) проанализировать определения понятия «неологизм»; 3) выявить функции, которые реализуются новыми словами в периодических изданиях на английском языке.

Авторы пришли к выводу, что термин «неологизм» нуждается в дальнейшем уточнении. В периодике новообразования выполняют номинативную, эмоционально-оценочную, эмоционально-экспрессивную функции и функцию экономии лексических средств.

В ходе исследования были использованы аналитический и сопоставительный методы, метод сплошной выборки, деривационного и контекстуального анализа.

Ключевые слова: неологизм, способы образования, словосложение, аффиксация, телескопия, периодика, функционирование.

Summary. The main purpose of the article is to consider the functioning of neologisms in the periodicals. This stipulates the formulation of the following tasks: 1) to characterize the status of the term «neologism» at present; 2) to analyze the definition of the notion «neologism»; 3) to find out the functions which are realized by new words in the English periodical editions.

The authors came to the conclusion that the term «neologism» demands for further specification. In the periodicals new formations fulfil the nominative, emotional and estimation, emotional and expressive functions and the function lexical means economy.

During the research there were used analytical, comparative, and continuous sampling methods as well as the ones of derivational and contextual analysis.

Key words: neologism, ways of formation, compounding, affixation, telescoping, periodicals, functioning.

Статус новых слов или словосочетаний в языке уже длительное время вызывает определенные споры среди лингвистов. Нет единого мнения в отношении того, какой термин использовать для обозначения этой категории лексических единиц. Предлагаются такие варианты, как новообразование, новая номинация, инновация, и ряд других. Тем не менее, наиболее часто употребляемым является термин неологизм, а наука, которая занимается изучением таких слов, называется «неология».

Сторонники использования понятия «неологизм» рассматривают его с разных точек зрения. Например, А. Н. Щукин считает, что «неологизм – это слово или оборот речи, созданные для обозначения нового предмета или выражения нового понятия» [4, с. 175]. Возникновение новой лексической единицы связывается с появлением ранее не существовавшего референта.

По мнению Е. А. Кольцовой, неологизмами следует считать «слова или словосочетания, являющиеся новыми по своей форме и значению в текущий момент времени и имеющими новое социокультурное значение» [2, с. 605]. Последнее может развиваться у слов, уже существующих в языке, под воздействием смены ситуации общения.

Лингвистический энциклопедический словарь дает этимологию термина «неологизм» (от греч. *neos* – новый и *logos* – слово) и рассматривает такие лексические единицы как «слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определенный период в каком-либо языке или использованные один раз («окказиональные» слова) в каком-либо тексте или акте речи» [3, с. 331]. В этой дефиниции соединены неологизмы и окказионализмы, которые, с точки зрения употребления, представляют собой разные единицы. Первые активно употребляются значительным количеством носителей языка и имеют шансы войти в активный словарный состав языка. Вторые связаны постоянно с определенным контекстом, который регламентирует временные рамки их использования.

Анализ приведенных определений показывает, что не все авторы включают в число неологизмов новые значения уже существующих слов. Тем или иным образом акцентируется новизна таких лексических единиц. Новизна сама по себе выражает временную соотнесенность, но во втором и третьем определениях присутствуют более конкретные формулировки: «текущий момент времени» и «определенный период». В последнем определении размыта граница между неологизмом и окказионализмом.

В нашем исследовании будет использовано определение термина, которое сформулировано О. Н. Емельяновой: «слова, лексико-семантические варианты или словосочетания, созданные или заимствованные для обозначения новых (прежде неизвестных) предметов, явлений или понятий» [1, с. 183]. В этом определении учтены лексические единицы с новыми значениями. Также упоминаются и заимствования.

Неологизмы в периодике могут выполнять ряд функций. Первая из них – номинативная. К примеру, новообразование «gesommerse» обозначает такое явление, как практика покупки и продажи

использованных товаров онлайн, обычно на вебсайтах, которые созданы для этих целей:

«Because **recommerce** revolves around buying and purchasing second-hand products, it leaves a positive impact on the environment» [5].

Неологизм образован посредством префиксации: re + commerce.

Эта функция реализуется в контексте и словосочетанием zoom town, которое обозначает город, где большинство жителей работают в удаленном режиме:

«The term “**zoom town**” is a play on the old term boomtown, which referred to towns and cities that experienced large growth due to oil discovery. The “zoom” in zoom town refers to the virtual conferencing software, Zoom, which many remote workers use. So instead of oil, zoom towns are communities growing due to increased remote work opportunities» [5].

Реализацию эмоционально-оценочной функции можно проследить на примере использования нового слова breadflation – постоянное увеличение цены на хлеб:

«While prices are going up just about everywhere, a few items tend to stand out more than others. Enter “**breadflation**”. The average per-pound price of white bread in the U.S. has surged more than 25% since the pandemic began» [5].

Неологизм образован телескопией: bread + (in)flation. Это слово выражает отрицательную оценку ценовой политики в отношении хлеба.

Также эта функция реализуется словосочетанием crypto winter, которое передает ситуацию, когда цена на криптовалюту падает и остается низкой длительный период времени:

«When will the **crypto winter** end? No one can say for sure, but given the current economic trajectory and recent string of bankruptcies, experts don't think it'll end anytime soon» [5].

Неологизм образован с помощью словосложения crypto + winter. Зима ассоциируется с отсутствием активности и оценивается в контексте в данном случае как отрицательное явление.

Эмоционально-экспрессивная функция также была выявлена в ходе исследования. Примером может послужить функционирование сочетания слов rage applying. Оно обозначает импульсивную подачу нескольких заявлений о поиске работы только потому, что текущая работа в настоящее время не приносит человеку удовлетворения или делает его/ее несчастливым или злым:

«What can you do instead of rage applying? Spencer says that instead of soothing the panic and anger you're feeling, rage applying can actually build on that negativity and make you feel even more burnt out» [5].

Эта лексическая единица образована по модели словосложения rage + applying и содержит отрицательные коннотации, поскольку личность принимает решение в состоянии паники и гнева, что, в целом, придает предложению негативный оттенок.

Неологизм *situationship* (сформирован с помощью суффиксации *situation + ship*) обозначает отношения между двумя людьми, которые больше чем дружба, но еще полностью не сформировались, как романтические:

«Being in a **situationship** is all the rage now! Less than a relationship and more than a friendship, **situationships** are neither here nor there» [5].

Это новое слово в предложении употребляется со словом «гнев», которое содержит негативные эмоции и рассматривается как ситуация с неопределенным статусом.

Функция экономии лексических средств может быть проиллюстрирована неологизмами, которые образованы с помощью телескопии. Один из таких примеров – *AIgiarism* – процесс или практика использования средств ИИ (искусственного интеллекта) для того, чтобы написать эссе или ответить на экзаменационные вопросы, притворяясь, что это твоя собственная работа. Неологизм получился путем слияния аббревиатуры *AI* и инициального усечения слова *plagiarism* до *-giarism*. Эта лексическая единица используется в таком предложении:

«With fears in academia growing about a new AI chatbot that can write convincing essays – even if some facts it uses aren't strictly true – the Silicon Valley firm behind a chatbot released last month are racing to “fingerprint” its output to head off a wave of “**AIgiarism**” – or AI-assisted plagiarism» [5].

Эта функция прослеживается и в новом слове *bossware*, которое образовано с помощью телескопии: *boss + (soft)ware*. Оно обозначает тип программного обеспечения, которое используется работодателями для мониторинга того, что делают сотрудники, находясь за компьютерами:

«Can a company really use computer monitoring tools – known as “bossware” to critics – to tell if you're productive at work? Or if you're about to run away to a competitor with proprietary knowledge? [5].

Таким образом, исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Среди лингвистов отсутствует единая позиция в отношении вопроса, какой термин необходимо использовать для обозначения новых слов. Предлагается ряд вариантов, но наиболее часто употребляемым является термин «неологизм».
2. Этот термин рассматривается по-разному. Не все авторы включают в число неологизмов новые значения уже существующих слов. Новизна, тем или иным образом, включается в определения этого понятия. Она уже сама по себе выражает временную соотнесенность. Возможны случаи, когда в определении размывается граница между неологизмом и окказионализмом.
3. Неологизмы их периодических изданий могут образовываться разными способами: аффиксацией, словосложением, телескопией. В газетах и журналах новые слова могут выполнять ряд функций: номинативную, эмоционально-оценочную, эмоционально-экспрессивную и функцию экономии лексических средств.

Список использованных источников

1. Емельянова, О. Н. Неологизмы / О. Н. Емельянова // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. – 3-е изд., стереотип. – Москва : ФЛИНТА, 2011. – С. 183–184.
2. Кольцова, Е. А. Неологизмы английского языка XXI в. / Е. А. Кольцова // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – Т. 8. – № 3. – С. 604–613.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
4. Щукин, А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь / А. Н. Щукин. – Москва : Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. – 752 с.
5. About words. A Blog from Cambridge Dictionary. Neologisms [Electronic Resource]. – Access mode:
<https://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms/>. (Access date: 23.04.2023).

УДК 781.7: 534.324

БОЖЕСТВЕННАЯ ЦВЕТОМУЗЫКА О. МЕССИАНА

Т. А. Емельянова¹, Н. А. Шапошник²,

¹старший преподаватель кафедры романской и классической филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²старший преподаватель кафедры романской и классической филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Оливье Мессиан – крупнейший французский композитор XX столетия, который идею Божественного в своем творчестве излагал и с помощью «формы», и с помощью «содержания». Целью работы является выявление особенностей музыкального языка композитора, исследование его концепции звука-цвета, для достижения которой использовались метод тематического анализа и ассоциативный метод. Результаты исследования позволяют сделать выводы, что феномен творчества Мессиана состоит в том, что при всем разнообразии истоков, замыслов, средств реализации, оно в конечном итоге воплощает одну идею. Принцип единства в многообразии проявляет себя в создании универсальной, целостной модели мира, основанной на тождестве, взаимосвязи божественного и земного. Мессианом была создана оригинальная иерархия родов музыки, в которой над религиозной и церковной возвышается цветомузыка.

Ключевые слова: Оливье Мессиаен, образность, вера, цветомузыка, витражность.

Summary. Olivier Messiaen is the largest French composer of the 20th century, who expounded the idea of the Divine in his work both with the help of “form” and “content”. The aim of the work is to determine the features of the composer's musical language, to research his concept of sound-color; to achieve this the method of thematic analysis and the associative method are used.

The results of the study allow to conclude that the phenomenon of Messiaen's creativity lies in the fact that with all the variety of sources, ideas, means of implementation, it ultimately embodies one idea. The principle of unity in diversity manifests itself in the creation of a universal, holistic model of the world based on identity, the relationship of the divine and the earthly. Messiaen created an original hierarchy of music's types in which color music rises above religious and ecclesiastical music.

Key words: Olivier Messiaen, imagery, religion, color music, stained-glass thinking

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления образного строя произведений Мессиаена в контексте визуализации музыки, значимость которой возрастает в современном музыкознании и культурологии.

Творчество Оливье Мессиаена привлекает многих исследователей (В. А. Екимовский, Т. В. Жарких, К. В. Зенкин, Е. Н. Старикова и др.). Однако в силу многоаспектности проблемы, вопрос колористического мышления, синестезии звука и цвета в творчестве композитора недостаточно изучен, что и определяет новизну работы.

Предмет исследования – особенности музыкально-художественного и аудиовизуального мышления в произведениях Мессиаена, обращенных к католической вере.

Анализ проводился на материале авторских комментариев и ремарок к музыкальным произведениям, интервью и отдельных высказываний композитора, а также научных работ исследователей.

Основой творчества и принципом, которому О. Мессиаен следовал на протяжении всей своей жизни – вера. Формирование религиозного мировоззрения композитора началось еще в детские годы.

Сам Оливье Мессиаен писал: «Я христианин, католик, и имел счастье родиться в верующей семье. В большинстве моих произведений я размышляю о таинствах веры, что отражается в их заглавиях» [4, с. 115]. Религиозный образ жизни, работа в церкви, соблюдение христианских праздников сделали О. Мессиаена знатоком католической службы, католической мессы и это профессионально закрепилось в его творчестве [2, с. 45].

Особая духовность творчества Мессиаена тесно связана с воспитанием, жизненными убеждениями, практической деятельностью композитора. Изучая его биографию, можно найти немало подтверждений особого, художественного отношения к миру, к

жизни... Супружество, трагедия войны, концентрационный лагерь – все эти вехи жизни композитора нашли отражение и оригинальную трактовку в его творчестве. Так, своеобразно автобиографическими стали для Мессиаана его «Поэмы для Ми» (1936), «Песни Земли и Неба» (1938), «Квартет на конец времени» (1944). Таинство брака и рождение композитор трактует в божественном, трансцендентном смысле, понимая земную жизнь как преддверие иного, небесного мира. Во всех произведениях мастера чувствуется присутствие идеи Бога в религиозном, философском, эстетическом, этическом значениях.

Однако сам композитор именно религиозную музыку не считал наиболее важной. Вся «священную музыку» он делил на три вида: церковную, религиозную и цветомузыку. Церковная музыка «следует структуре службы и имеет значение только как ее сопровождение» [3, с. 233]. Религиозная – «всякое искусство, которое пытается выразить Божественную тайну» [3, с. 233]. Но лишь цветомузыку Мессиаан считал главным проявлением священной музыки, которая связывает Бога и человека: «Я ставлю цветомузыку выше церковной и религиозной. Церковная музыка славит Господа в нем самом, в Его Церкви, в Его Жертвоприношении. Религиозная музыка открывает Бога ежечасно и повсюду: на нашей планете Земля, в наших горах, океанах, в птицах, цветах, деревьях, в видимых в космосе звездах, которые нас окружают. Но цветомузыка делает то же, что и витражи, и средневековые витражи-розы: она приносит нам ослепляющее восхищение» [3, с. 234]. «Посредством витражности, многоцветия цветомузыка становится “индивидуализированным, творческим “ответом” человека Богу... вершиной, достигнутой человеческой свободой в обнаружении и запечатлении священного, ведь это “витражно-готическая” дематериализация, растворение и расплавление всех “ветхих”, земных форм в сиянии Божественного Света”» [5]. Сакральное искусство для Мессиаана подобно витражам или радуге, что наглядно иллюстрирует его произведение «Цвета града небесного»: «Я могу точно сказать, что мое предпочтение относится к красочной, переливчатой, совершенной, да и сладострастной музыке, знающей нежность и пылкость, любовь и блаженство... музыке, похожей на беспокойную птицу; музыке, похожей на церковные витражи, в которых цветовые обертоны, кажется, начинают круговые движения, музыке, которая дает почувствовать границы времени и всеобщую современность, которая воздействует воскресением, божественными и сверхъестественными мистериями, похожими на божественную радугу» [1, с. 179].

В своих высказываниях композитор не раз говорил о значении цветовых ассоциаций для его музыки. Об универсальности колористических представлений в творчестве Мессиаана писал А. Реслер: «Краски могут служить содержанием: будь то духовные идеи, душевные состояния или географические ситуации» [1, с. 186]. В самом деле, подтверждения «колористичности» мышления можно

найти повсюду. Духовная идея «божественного» свершается в «атмосфере золотого и серебряного с оттенком медно-красного» (см. комментарий к «Взгляду Сына на Сына»), душевное состояние ужаса выражается словами «Кровавые лохмотья будут сопровождать тебя в темноте» (пьеса «Ужас» из цикла «Поэмы для Ми»), наконец, географическое описание местности также выражено в категориях цвета: «Руссийон, прекрасное место... Свинцовый цвет долин над голубым морем... Внутри скалы, откуда раздается эхо, поет голубой дрозд. Он иного голубого цвета, чем море, – резко-голубой, навязчиво-голубой, сатиново-голубой, черно-голубой» (см. программный комментарий к пьесе «Голубой дрозд – №3 из «Каталога птиц»).

В музыкальном воплощении цветов приоритетное значение для Мессиана имеют гармония и тембры инструментов. Известны высказывания композитора относительно соответствия определенных цветов и ладов ограниченной транспозиции; например, 2-й модус «окрашен» в пурпурно-фиолетовые тона, 3-й – в оранжевый и красный, 4-й – серый, розовый, зеленый, заключенные в золотой, и т. д. При этом транспозиции модусов – как по горизонтали, так и по вертикали, изменяют первоначальное видение, придают цветам новые оттенки.

«Основная идея, которую я желал бы выразить, – признавался сам композитор, – наиболее важная, потому что она превыше всего, – есть идея о существовании истины в католической вере. Некоторое число моих сочинений направлено к высокому свету теологических истин католической веры. Это главная область моей деятельности, наиболее благородная, без сомнения наиболее полезная, наиболее сильная, единственная, о которой я, возможно, не буду сожалеть даже в час своей кончины» [6, с. 11–12]. Интересно, что под конец своей жизни композитор обратился к буддизму.

В качестве вывода необходимо отметить, что у Мессиана происходит новое осмысление музыкальной поэтики, в которой потаенный, скрытый смысл ведет от Природного к Небесному. О чем говорил, в частности, сам композитор, видя в своей музыке чередование сфер светской, чистой и теологической. Весь материал Мессиана как будто «погружен в лоно» его философских и религиозных идей. В этой связи ни модальность, ни лады с ограниченной транспозицией не представляют собственно самоценность. Главное – их использование в связи с раскрытием, пожалуй, основной, волнующей его темой – утерянной гармонии мира, чуткого «слуха» души, а по сути чистоты слуха человеческого сердца. Цветовая визуализация звукообразов композитора подтверждается высказываниями самого Мессиана, его современниками и исследователями.

Список использованных источников

1. Екимовский, В. А. Оливье Мессиаан. Проблема эстетики и стиля : специальность 17.00.02 «Музыкальное искусство» : дис. ... канд.

- искусствоведения / Виктор Алексеевич Екимовский ; Ленинградская консерватория. – Ленинград, 1982. – 227 с.
2. Жарких, Т. В. «Роèmes pour Mi» как воплощение творческого универсума О. Мессиана : монография / Т. В. Жарких. – Харьков : Харьковский национальный университет искусств имени И. П. Котляревского, 2018. – 188 с.
3. Мессиа́н, О. «Вечная музыка цвета...» : речь на конф. в Нотр-Дам / Оливье Мессиа́н ; пер. с фр. Е. Кривицкая // Музыкальная академия. – 1999. – № 1. – С. 233–235.
4. Мессиа́н, О. Противодействия / Оливье Мессиа́н ; пер. с фр. Р. Куницкая // Советская музыка. – 1988. – № 12. – С. 114–115.
5. Старикова, Е. Н. Особенности музыкально-художественного мышления О. Мессиа́на / Е. Н. Старикова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 33-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-muzykalno-hudozhestvennogo-myshleniya-o-messiana>. (дата обращения: 15.03.2023).
6. Samuel, C. Entretien avec Olivier Messiaen / Claude Samuel. – Paris : Belfond, 1967. – P. 11–12.

УДК 811.166.1'42

СИСТЕМА СИЛЬНЫХ ПОЗИЦИЙ ТЕКСТА В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Р. В. Забаица,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Статья посвящена характеристике обусловленности позиционного видения устройства поэтического текста общей функциональной методологией и иллюстрации действенности предлагаемой методики сильных позиций применительно к конкретным методическим шагам в процессе анализа и синтеза текстовой информации. На примере интерпретации стихотворения Анны Ахматовой «Земной отрадой сердца не томи...» продемонстрированы такие методические шаги, следование которым позволяет выявить смыслы двух когнитивных моделей предмета изображения и истолковать идейно-образное содержание текста.

Ключевые слова: текст, функциональная теория текста, сильная позиция, интерпретация.

Summary. The article is devoted to the characterization of the conditionality of the positional vision of the structure of a poetic text by the general functional methodology and to the illustration of the effectiveness of the

proposed significant positions methodology in relation to specific methodological steps in the process of analyzing and synthesizing textual information. On the example of the interpretation of Anna Akhmatova's poem "Земной отрадой сердца не томи..." such methodical steps are demonstrated, following which allows you to identify the meanings of two cognitive models of the subject of the image and interpret the ideological and figurative content of a text.

Keywords: text, functional theory of text, significant position, interpretation.

В лингвистике и методике преподавания языка и литературы применяются разнообразные филологические методы современной теории текста, в частности, структурной теории текста (Ю. М. Лотман), функциональной стилистики (В. В. Виноградов, М. Н. Кожина, Д. Н. Шмелев); стилистического анализа художественного текста (Н. А. Рудяков), лингвистической инструментологии (А. Н. Рудяков, Ю. В. Дорофеев), методики выделения сильных позиций текста (И. В. Арнольд), некоторые идеи коммуникативной стилистики (Н. С. Болотнова) и коммуникативно-когнитивных аспектов текста (Е. С. Кубрякова, Е. А. Селиванова), а также другие оригинальные авторские приемы анализа и синтеза содержательной стороны художественного текста. В равной степени как и разнообразие подходов, так и терминологический аппарат различных отраслей теории текста предполагает в конечном счете унификацию основных понятий и выработку общего взгляда на устройство текста.

Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарин в одной из знаковых работ отмечают: «Каждое литературное произведение воплощает индивидуально-авторский способ восприятия и организации мира, т.е. частный вариант концептуализации мира. Выражаемые в литературно-художественной форме знания автора о мире являются системной представлений, направленных адресату. В этой системе наряду с универсальными общечеловеческими знаниями существуют уникальные, самобытные, порой парадоксальные представления автора» [3, с. 58]. Именно нетипичность, неординарность, нетривиальность такого содержания оказывается весьма сложной задачей при попытке интерпретировать текст.

Вопросы, связанные с извлечением из текста различной информации, например, «содержательно-фактуальной», «содержательно-концептуальной», «содержательно-подтекстовой» [5], имеют особую значимость потому, что выработка такого читательского навыка обеспечивает установление смысловой соотнесенности языковых средств как внутривчастного композиционного порядка, так и межчастного порядка. В данном отношении частичность каждого отдельного идиолекта и различия, существующие между идиолектами автора и читателя, не представляют собой неразрешимую проблему, поскольку представления о действительности, вербализуемые с помощью языка в тексте, имеют общечеловеческую природу. Таким образом, при всякой попытке

интерпретировать текст, необходимо учитывать типы информации, отличающиеся по своим функциональным качествам. Фактуальная информация может быть извлечена в том случае, если код автора и читателя совпадают (состав единиц и нормы их использования тождественны в различных идиомах). Концептуальная информация может быть извлечена в ситуации, когда читатель осознает типологическую композиционную структуру текста, способен соотносить смыслы, относящиеся к различным когнитивным моделям мира, а также синтезировать на этой основе выявленные содержательные компоненты. О подтекстовой информации следует вести речь, если осуществляется разбор текста продуктивной семантики и выявляется механизм семантического сдвига в значениях номинативных единиц.

Ю. М. Лотман, обсуждая вопрос об энтропии языков автора и читателя, обращается к указанию на онтологическую причину непонимания: «Для того чтобы акт художественной коммуникации вообще произошел, необходимо, чтобы код автора и код читателя образовывали пересекающиеся множества структурных элементов, – например, чтобы читателю был понятен естественный язык, на котором написан текст. Непересекающиеся части кода и составляют ту область, которая деформируется, креолизуется или любым другим способом перестраивается при переходе от писателя к читателю» [7, с. 39]. По нашему мнению, идея пересекающихся множеств применима и к тем вербальным образам, которые в художественном тексте составляют системы обыденного и индивидуально-авторского взглядов на предмет изображения. Если читатель не идентифицирует с помощью предложенных ему автором образов какой-либо смысл, то это может привести к появлению такой стратегии интерпретации текста, которая синтезирует содержание, не подтверждаемое самим устройством текста. Вместе с тем считаем, что научный метод интерпретации текста, основанный на признании инвариантной функцией регулятивную (функцию воздействия на картину мира реципиента), способен предложить систему эффективных способов, позволяющих приблизиться к синтезу релевантных смыслов, тем самым подойти вплотную к процедуре декодирования компонентов авторского замысла.

Цель предлагаемой статьи – охарактеризовать обусловленность позиционного видения устройства поэтического текста общей функциональной методологией и проиллюстрировать действенность предлагаемой методики на примере интерпретации стихотворения из русской классической литературы.

Функциональная теория текста основывается на следующих фундаментальных положениях, раскрывающих сущность текста и особенности его организации:

1) инвариантность регулятивной функции (воздействие на компоненты индивидуальной картины мира);

2) мотивационную составляющую языковой деятельности (стимул порождения текста – осмысленное автором с позиции идеала противоречие между «данным» и «желаемым», лежащее в основе субъективного восприятия какой-либо ценности);

3) системные качества номинативных единиц (позиционность и обусловленная ею особая соотнесенность значений языковых средств) [6; 8; 9; 10 и др.].

И. В. Арнольд определяет сильные позиции текста как позиции выдвижения – реализация способов «формальной организации текста, фокусирующие внимание читателя на определенных элементах сообщения и устанавливающие семантически релевантные отношения между элементами одного или чаще разных уровней» [1, с. 99]. При таком понимании сильной позиции не эксплицируются типологически релевантные признаки (функциональные качества) текста, анализ которых и позволяет построить иерархию смыслов, т.е. не ясным оказывается то, какие именно содержательные признаки и какие именно типологические закономерности нужно принимать во внимание, чтобы анализ позволил получить такую иерархию. Фактически, сильными позициями текста данный автор считает заглавие, гармонический центр (ключевые слова), эпиграф, цитаты, аллюзии, реминисценции, начало и конец текста.

Мы используем следующее понимание термина «позиция» применительно к задачам методики стилистического анализа художественного текста и его интерпретации: текстовая позиция – это системное качество текста, обеспечивающее выполнение функции экспликации языковых понятий-инвариантов в форме номинативных вариантов и создающее условия особой соотнесенности языковых средств, позволяющей противопоставить индивидуально-авторскую модель предмета изображения обыденной модели. В результате выявления такой противопоставленности возможным оказывается синтез смыслов, передающих семную актуализацию, интерпретация идейно-образного содержания и – как результат – формулирование на этой основе идеи текста.

Необходимо различать понятия «линейная часть текста» (сверхфразовое единство, абзац, начало, развитие, кульминация, развязка) и «функциональная часть текста» (экспозиционная часть, конституирующая исходно-образную систему, и основная часть, в которой происходит утверждение индивидуально-авторского отношения к предмету изображения) (см. подробнее: [6]).

В наших исследованиях используются следующие текстовые позиции:

1) позиция предмета изображения, выполняющая образно-конститутивную функцию;

2) позиция атрибуции предмета изображения: характеризуется как слабая позиция, поскольку в содержательном плане соотносится

исключительно с компонентами обыденной картины мира (количество иллюстраций относительно произвольно);

3) позиция семантической аномалии («семантической заусеницы», по словам А. Н. Рудякова), выполняющая функцию первичного средства соотнесённости элементов обыденной и индивидуально-авторской картин мира;

4) позиции реализации стержневого элемента (доминанты): а) позиция смыслового фокуса: обеспечивает дополнительное осмысление предмета изображения посредством актуализации какого-либо признака, косвенно распространяющего семантику стержневого элемента; б) позиция трансформации: в структуре номинативных единиц, составляющих собственно стержневой элемент, происходит семантический сдвиг как результат осмысления двух ментальных моделей мира и «выдвижение» авторского взгляда как истинного;

5) позиция образно-композиционной характеристики персонажа: в зависимости от способа реализации противоречия между объективным явлением и его отражением в сознании художественного героя в лингвостилистике выделяют статичный и подвижный типы персонажей: «Статичный персонаж характеризуется тем, что его строй мысли и чувства не изменяется в пределах данного литературно-художественного произведения. Специфика же подвижного персонажа заключается в том, его строй мысли и чувства изменяется в пределах данного произведения в каком-то определённом отношении...» [10, с. 186].

С целью иллюстрации особенностей исследовательских шагов с использованием функциональной гносеологии, обратимся к разбору стихотворения А. А. Ахматовой «Земной отрадой сердца не томи...»:

*«Земной отрадой сердца не томи,
Не пристращайся ни к жене, ни к дому,
У своего ребенка хлеб возьми,
Чтобы отдать его чужому.
И будь слугой смиреннейшим того,
Кто был твоим кромешным супостатом,
И назови лесного зверя братом,
И не проси у Бога ничего»* [2, с. 125].

Стихотворение, на первый взгляд, представляет собой ряд весьма странных советов, адресованных читателю. Все, что составляет содержание рациональных поступков людей, в сущности, отрицается героиней, которая предлагает человеку новый способ существования. Именно такой способ и представляет интерес при попытке интерпретировать данный текст.

Обратимся к фактуальной информации текста.

Начинается стихотворение с тезиса, выраженного в глагольной форме повелительного наклонения и обладающего наибольшей обобщённостью: «Земной отрадой сердца не томи». Согласно БТССРЯ под ред. С. А. Кузнецова, отрада – ‘чувство удовольствия, радости,

удовлетворения' [4, с. 758], т. е. лирическая героиня советует отказаться от всех благ жизни, ощущаемых физически и делающих человека счастливым, испытывающим удовольствие, поскольку такие блага мучительно тревожат, беспокоят, тяготят человека. Сама мысль, выраженная в данном тезисе, противопоставлена системе обыденной картины мира, поскольку, согласно такому представлению, именно блага, удовольствие в жизни и есть источник радости, счастья человека, и поэтому именно к «земной отраде» стремится любой человек. Именно поэтому языковая конструкция, выражающая с помощью односоставного определенно-личного предложения с глаголом «томить» и с помощью формы творительного падежа словосочетания «земная отрада», являющегося причиной названного глаголом действия, занимает в тексте позицию семантической аномалии. Автоматизм чтения не позволяет на данном этапе понять, почему стремление человека к земным радостям является причиной его тревог и страданий.

Предметом изображения в стихотворении выступает «модель поведения человека, который воспринимает земную жизнь не как источник истинного счастья».

Следующие семь стихов представляют собой раскрытие первого тезиса: языковые единицы, выстроенные в высказываниях по тому же принципу императива (глагольная форма повелительного наклонения), занимают позицию атрибуции предмета изображения. Функция такой сильной позиции заключается использовании языковых средств для построения ряда смысловых образов, иллюстрирующих предмет изображения и задающих содержательные компоненты обыденного (массового) взгляда на этот предмет. В частности, используя глагольные формы с частицей НЕ и перефразировки, автор противопоставляет естественные устремления человека тем, что считает своим идеалом:

- «Не пристращайся ни к жене, ни к дому», т.е. не опираться в жизни на личную заинтересованность, на предвзятость [4, с. 125];
- «У своего ребенка хлеб возьми, / Чтобы отдать его чужому», т.е. проявлять доброту на основе принципа равенства, а не избирательности;
- «И будь слугой смиреннейшим того, / Кто был твоим кромешным супостатом», т.е. быть лишенным гордыни и реваншизма в жизни;
- «И назови лесного зверя братом», т.е. будь равен неразумной твари, не ставь себя выше нее.

И завершается стихотворение советом не просить ничего у Бога.

Обратимся к композиционной организации текста.

Стихотворение построено на противопоставлении двух моделей поведения человека. Все глагольные формы с отрицательной частицей НЕ и дальнейшей перефразировкой без этой частицы выполняют функцию вербализации элементов обыденного сознания: если героиня советует «не томить», «не пристращаться», «отдать... [хлеб] чужому [ребенку]», следовательно, в данной части текста утверждается мысль о том, что

людям свойственно поступать именно так, как они действуют в поисках «земной отрады».

Однако наиболее важную функцию выполняет противопоставление не внутрочастное, а межчастное, а именно: оппозиция, вербализованная в словоформах «земное» / «у Бога». «Земное» означает ‘связанное с физическим существованием, кажущийся источник счастья’, «божественное» означает ‘связанное с абсолютным существованием, истинный источник счастья’. Именно те языковые средства, которые выражают данную оппозицию, и входят в структуру стержневого элемента текста. А распространяющие стержневой элемент позиции, заполненные языковыми средствами, вербализующими микросмысл ‘предмет желания’, обеспечивают соотнесенность смыслов и опровержение обыденного взгляда на предмет изображения.

Таким образом, считая земную жизнь единственной, человек живет так, что у него формируется зависимость от ‘предмета желания’, смысл которого всегда устремлен в физическое, материальное, во все, что связано с удовольствием и радостью, получаемой от земного существования. Существование «неземное» не предполагает никаких «просьб» или «желаний».

Обратимся к интерпретации текста.

Соотнесенность языковых средств позволяет заключить, что с точки зрения автора, приобщение, вживание в земные, мирские проявления жизни лишает человека понимания истинного смысла жизни, который заключается в жизни вечной после физического существования. Именно поэтому стремление к мирским удовольствиям и поиск в них смысла жизни заранее обречен на неудачу. И именно поэтому, с точки зрения авторского идеала, нет смысла просить о чем-либо у Всевышнего, поскольку верующий видит истинное благо только в одном – в вечной жизни после смерти. Это стихотворение о необходимости пересмотра смысла своей жизни, всецело отражающее русское религиозное восприятие мира.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Функциональная теория текста – активно развивающаяся отрасль русистики, предметом исследования которой выступают следующие аспекты организации текста: а) инвариантность регулятивной функции (воздействие на компоненты индивидуальной картины мира); б) мотивационная составляющая структуры языковой деятельности (стимул порождения текста – осмысленное автором с позиции идеала противоречие между «данным» и «желаемым», лежащее в основе субъективного восприятия какой-либо ценности); в) системные качества номинативных единиц (позиционность и обусловленная ею особая соотнесенность языковых средств).

2. Выявление смыслов, играющих существенную роль в понимании художественного текста, возможно при сопоставлении двух когнитивных

моделей мира, общий вербализованный фрагмент которых послужил в речевом произведении предметом изображения и переосмысления с позиции авторского идеала.

3. Позиционное видение устройства художественного текста призвано, с одной стороны, раскрыть сущность функций компонентов текста, в частности, увидеть в его структуре воплощение авторских интенций, с другой стороны, предложить систему методических приемов, позволяющих в большей степени формализовать, сделать более явными этапы и содержание исследовательских действий интерпретатора.

Список использованных источников

1. Арнольд, И. В. Значение сильной позиции для интерпретации текста / И. В. Арнольд // Иностранные языки в школе. – 1978. – №4. – С. 23–31.
2. Ахматова, А. Стихотворения / А. Ахматова ; сост. и вступ. ст. Н. Банникова. – Москва : Сов. Россия, 1977. – 528 с.
3. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста : учебник ; практикум / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – 3-е изд., испр. – Москва : Флинта, Наука, 2005. – 496 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – 1536 с.
5. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования : монография / И. Р. Гальперин. – Москва : КомКнига, 2007. – 144 с.
6. Забашта, Р. В. Позиционное видение структур поэтического текста как инструмент интерпретации (на материале стихотворений Иосифа Бродского) / Р. В. Забашта // Вопросы образования и психологии : монография / редкол. : Ж. В. Мурзина, О. Л. Богатырева. – Чебоксары : ИД «Среда», 2020. – С. 32–45.
7. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Азбука-Аттикус, 2018. – 704 с.
8. Рудяков, А. Н. Homo textus: человек в паутине текстов, или Учебник чтения для умеющих читать : учебное пособие / А. Н. Рудяков, Ю. В. Дорофеев. – Симферополь : НАТА, 2007. – 176 с.
9. Рудяков, А. Н. Лингвистика и ее «скелеты в шкафу» : монография / А. Н. Рудяков. – Москва : «Азбуковник», 2020. – 416 с.
10. Рудяков, Н. А. Основы анализа художественного текста : монография / Н. А. Рудяков. – Киев : Наукова думка, 1989. – 152 с.

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОРОКОВ ЧЕЛОВЕКА В РУССКИХ И
УКРАИНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ:
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

А. А. Завалишина,

*обучающаяся 2-го курса магистратуры, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматривается концептуализация фразеосемантического поля «Пороки человека» в русском и украинском языках в сопоставительном аспекте.

Нами было установлено, что до настоящего времени не предпринимались попытки сопоставительного анализа фразеологизмов, выражающих отрицательные черты человеческого характера в этих близкородственных языках.

Цель данной статьи – вычленив идиомы тематического поля «Пороки человека» из фразеологических систем русского и украинского языков и показать их национально-культурную специфику.

Анализ фактического материала осуществлялся с использованием сопоставительного метода, метода компонентного анализа, метода фразеологического описания.

В ходе исследования были выявлены конститутенты (универсалии и эксклюземы), определен их уровень сходства и различия в русском и украинском языках. Кроме того, была выявлена этимология некоторых идиом в рассматриваемых языках.

Полученные в процессе исследования результаты могут быть использованы для дальнейшего изучения фразеологических систем русского и украинского языков, а так же в процессе перевода, в методике преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: фразеологизм, идиома, семантика, конститутенты, универсалии.

Summary. The article discusses the conceptualization of the phraseosemantic field “Human vices”.

Despite the rather extensive theoretical basis, no attempts have been made to compare phraseological units expressing negative human traits in the Russian and Ukrainian languages up to present. The meanings of such phraseological units have not been compared.

The article aims to single out the idioms of the thematic field “Human Vices” from the phraseological systems of the Russian and Ukrainian languages and present their national and cultural specifics.

The analysis of the factual material was carried out using the comparative method, component analysis, the method of phraseological description.

The study identified the constituents of universals and exclusivities, determined their level of similarity in the Russian and Ukrainian languages. In addition, the etymology of some idioms was revealed.

The results obtained in the course of the study can be useful for further study of the characterological phraseology of the Russian and Ukrainian languages.

Key words: phraseological unit, idiom, semantics, constituents, universals.

В современной лингвистике антропоцентрический подход в исследовании фразеологических единиц (ФЕ) позиционируется как эволюционно новый виток в развитии современного языкознания и является одним из основных его направлений в период XX–XXI ст.

В конце XIX в. И. А. Бодэун де Куртенэ в своей работе «Фонология» (1899 г.) выделил принцип антропоцентризма или «человека в языке» [4]. В современной науке данное направление нашло свое отражение в работах Ю. Д. Апресяна [2], В. М. Алпатова [1], Н. Д. Арутюновой [3] и других представителей Московской семантической школы.

Одним из направлений в изучении системного характера языка является теория поля, которая представляет различные варианты общей идеи семантических связей слов в языке. Весомый вклад в разработку данной проблемы внесли: А. А. Уфимцева, А. И. Кузнецова, Ю. Н. Караулов, Г. А. Багаутдинова, Ю. С. Горбунова и др.

Следует отметить, что в современной лингвистике наблюдаются две основные тенденции: с одной стороны, описание отдельных лексических групп (полей) с акцентом на их специфические особенности, с другой – стремление ученых-филологов проводить исследования языковых единиц в типологическом аспекте на всех уровнях языка.

Фразеосемантическое поле «Характер человека» в типологическом аспекте исследовалось многими учеными. К примеру, в работе А. А. Картамышева [6] описывается микрополе «Умственные способности человека в русском и украинском языках», в статье Е. И. Колесниковой [7] характеризуется фразеологическая микросистема на обозначение «Осторожности в украинском, английском и крымскотатарском языках», в работе В. И. Зимина анализируется микрополе «Характер человека в русском и китайском языках» [5] и др.

Однако ни в одном из этих исследований не анализировалось фразеосемантическое поле, интерпретирующее конкретно пороки (отрицательные черты характера) человека в русском и украинском языках в *структурно-семантическом* и *лингвокультурологическом* аспектах.

Актуальность данного исследования заключается в том, что на современном этапе развития языкознания важнейшее место занимает изучение сопоставления близкородственных фразеологических микросистем, в частности – в антропоцентрическом аспекте.

Реализация сочетания лингвокультурологического и системного подходов в изучении данных идиом позволит выделить и описать не только отдельные участки фразеологической системы русского и украинского языков, но и идентифицировать их национально-культурную специфику.

Цель данного исследования – вычленить идиомы тематического поля «Пороки человека» из фразеологических систем русского и украинского языков, выявить конstituенты (универсалии и эксклюзумы), определить их уровень сходства и различия в близкородственных языках.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые исследуются фразеологизмы русского и украинского языков, обозначающие пороки человека в структурно-семантическом, сопоставительном и лингвокультурном аспектах. В результате компонентного анализа были выделены смысловые компоненты с учетом проявления пороков характера человека, подробно рассмотрены все признаки фразеосемантических подгрупп, образующих единое фразеосемантическое поле «Пороки человека». Описаны конstituенты (компоненты) – универсалии и эксклюзумы, определен их уровень сходства и различия в данных близкородственных языках.

В данной работе использованы следующие методы: описательный метод, сравнительно-сопоставительный метод, метод компонентного анализа.

В результате сопоставительного анализа фразеологизмов, обозначающих пороки человека в русском и украинском языках, было выявлено, что таких идиом насчитывается *около 300*: в русском языке более 200, в украинском около 100. Всего было выделено 7 тематических групп, а именно: фразеологизмы, иллюстрирующие скудоумие; трусость человека; его хитрость и лживость; леность; злобу; жадность; фразеологизмы, иллюстрирующие уныние.

В ходе исследования было установлено, что наиболее многочисленной группой фразеологических единиц в русском языке является группа, иллюстрирующая лживость как порок человеческого характера. В данную группу вошло 59 фразеологических единиц: *морочить голову, рассказывать сказки, лить колокола, нести окопесу и т. д.* В украинском языке, наоборот, данная группа фразем является одной из самых маленьких по составу и имеет лишь 12 идиом. Самой большой тематической группой в украинском языке является группа на обозначение злобы как человеческого порока. В нее входит 38 фразем: *рвати й метати, вергати громи, задати чосу, бісом дивитися* и т. д.

Изучаемая структура фразеосемантического поля «Пороки человека» дала возможность вычленить состав компонентов в исследуемых языках и раскрыть их семантическую структуру. Так, были обнаружены следующие типы компонентов – *части тела человека, действия, абстрактные понятия, животные и их части тела, растения, искусство и его*

атрибуты, предметы быта и орудия труда, физиологические процессы, природа, положение в пространстве, бездействие, еда.

Слова, называющие животных, часто встречаются в русских и украинских фразеологизмах и являются словами-символами, которые передают характер человека. Например, *заяц* – символ трусости, *волк* – символ жестокости. Это регулярно прослеживается как в русских фразеологизмах, так и в украинских: *заячья душа, волком смотреть* [9], (*в укр. – заяча душа, глянути вовком: «Почему сам в подвал не проник? – В том-то и дело, что заячья у меня душа, через неё принуждён жить невежей. Харитонов боюсь, ты не смотри, что он мёртвый, он своё добро стережёт... у него замашки боярские»* (А. Н. Толстой. Харитоновское золото). *«Нічого, крім презирства, в неї (Ольги) до цих паненят нема, всі вони заячі душі»* (Я. Качура) [8].

Удалось установить, что фразеологические единицы, в составе которых встречаются слова, называющие части человеческого тела, также имеют символическое значение. Например, слово *голова* – символ, который обозначает умственные способности человека: *пустая голова, дырявая башка, голова еловая*, в украинском языке – *без голови*. Ещё один интересный пример: *рука* в русской и украинской культурах – символ трудолюбия, но также и символ насилия. К примеру, украинские фразеологизмы: *давати волю рукам – «битися»*; *бити об поли руками – «перебувати в стані розпачу, збентеження»* [8]. Русские фразеологизмы: *поднимать руку – «замахиваться на кого-либо, пытаться ударить»*, *дать волю рукам – «драться»*: *«Глеб ринулся с поднятыми кулаками на Захара... Тот ловко, однако ж, вывернулся, отскочил на несколько шагов... и стал в оборонительное положение. – Эй, слышь, рукам воли не давай! – сказал он, размахивая гармонией»* (Григорович. Рыбаки). *Ліна почувує, що відтепер їй бракуватиме Єгиптиних злодійкуватих усмішок, грубуватих жартів і тих маленьких сутичок з ним, коли він дає волю рукам* (О. Гончар) [9].

В ходе исследования была выявлена этимология некоторых идиом. Например, фразеологизм *волк в овечьей шкуре (вовк в овечій шкурі)* происходит из евангельского текста: «Берегись лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» (Остромирово Евангелие).

Выводы. Несмотря на активное развитие фразеологии в русском и украинском языках, на сегодняшний день в этой сфере остается немало нерешенных вопросов, в частности, исследование идиом в сопоставительном аспекте. Совокупность фразеологизмов, выражающих отрицательные черты характера человека, выступает в виде одной семантической микросистемы – фразеосемантического поля «Пороки человека» в русском и украинском языках.

Исследование показало, что наличие в идиомах русского и украинского языков одинаковых составляющих компонентов демонстрирует культурно-историческую близость между двумя

близкородственными народами, а расхождение связано с определенной национально-культурной самобытностью русского и украинского этносов.

Наличие в каждом из этих близкородственных языков пороков характера человека свидетельствует об универсальности категории оценки, через призму которой под влиянием определённых факторов (социальной позиции, мировоззрения, уровня культуры, интеллекта, морального развития, возраста, жизненного опыта, соответствия нормам и принципам морали) воспринимается языковая картина мира.

Список используемых источников

1. Алпатов, В. М. История лингвистических учений : учебное пособие / В. М. Алпатов. – Москва : Языки славянской культуры, 2005. – 368 с.
2. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37 – 67.
3. Арутюнова, Н. Д. Образ, метафора, символ в пище жизни и культуры / Н. Д. Арутюнова // Филологические исследования. – Москва : Наука, 1990. – 468 с.
4. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию : в двух томах / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – Москва : Издательство «Юрайт», 1963. – 385 с.
5. Зимин, В. И. Синхронная этимология фразеологизмов, пословиц и поговорок / В. И. Зимин // Русская словесность. – 2003. – № 4. – С. 55–58.
6. Картамышев, А. А. Семантическое поле фразеологических единиц для обозначения специальных возможностей людей / А. А. Картамышев // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского ; Серия: Филология. Социальные коммуникации. – 2011. – № 1. – С. 89–93
7. Колесникова, И. Е. Сопоставительная идеографическая характеристика фразеологической микросистемы со значением сварливости (на материале украинского, английского и крымскотатарского языков) / И. Е. Колесникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 11. – С. 405–408.
8. Олійник, І. С. Українсько-російський і російсько-український фразеологічний словник / І. С. Олійник, М. М. Сидоренко. – Київ : Радянська школа, 1971. – 400 с.
9. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. – 3-е изд., испр. – Москва : АСТ, 2008. – 878 с.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИДЕИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Н. В. Зубенко,

*ассистент кафедры русской филологии, славяноведения и балканистики,
Институт общественных наук и международных отношений,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,
Севастополь,*

*аспирант кафедры русского, славянского и общего языкознания,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматривается функциональный подход к языку на современном этапе лингвистического развития как ведущий, ввиду соответствия вызовам современной лингвистики; при таком подходе регулятивная функция языка выступает в качестве инвариантной, наиболее осязаемо проявляясь в тексте. Целью исследования является выявление «орудийности» текста, заключенной автором в художественной идее произведения. На основе анализа научных взглядов были сделаны выводы о том, что конститутивными факторами, при которых реализуется «орудийность» текста, является единство формы и содержания, подчиненное, в свою очередь, художественной идее произведения, в которой обнаруживается индивидуально-авторское мировосприятие действительности, воздействующее на «картину мира» читателя и расширяющее рамки его обыденного сознания.

Ключевые слова: функционализм, регуляция, орудийность, функциональный подход, художественная идея, индивидуальная картина мира, ценность, семантический сдвиг.

Summary. The article considers the functional approach to language at the present stage of linguistic development as the leading one, due to compliance with the challenges of modern linguistics; with this approach, the regulatory function of language acts as an invariant, most palpably manifesting itself in the text. The purpose of the study is to identify the “instrumentality” of the text enclosed by the author in the artistic idea of the work. Based on the analysis of scientific views, it was concluded that the constitutive factors under which the “instrumentality” of the text is realized are the unity of form and content, subordinate, in turn, to the artistic idea of the work, in which the individual author’s perception of reality is revealed, affecting the reader’s “picture of the world” and expanding the scope of his ordinary consciousness.

Key words: functionalism, regulation, instrumentality, functional approach, artistic idea, individual picture of the world, value, semantic shift.

Подходы к изучению художественного произведения и его специфики многообразны: литературоведческий, лингвистический,

культурологический, исторический, философский и др. Наиболее актуальными подходами к изучению художественного текста в литературоведении являются имманентный и контекстуальный [1, с. 30], в лингвистике – функциональный.

Л. И. Комарова все многообразие современных подходов к изучению художественного текста сводит к четырем: антропоцентрическому когнитивному, интертекстуальному, культурологическому [6], подчеркивая, что в конце XX века ведущим становится антропоцентрический подход; последние же десятилетия XXI века, вследствие смены научных парадигм, выдвигается когнитивная лингвистика, в пределах которой художественный текст осмысливается «как сложный знак, который выражает знания писателя о действительности, воплощенные в его произведении в виде индивидуально-авторской картины мира» [6, с. 142].

Е. С. Кубрякова, определяя тенденции современного лингвистического исследования, выделяет четыре «установки»: экспансионизм, антропоцентризм, функционализм, экспланаторность («объяснительность»), также отмечает господствующий принцип – антропоцентризм, но при этом предполагает, что функционализм утвердится как «центральный принцип в исследовании языка» [7, с. 56], в котором «язык представляет собой инструмент, орудие, средство, наконец, механизм для осуществления определенных целей и реализации человеком определенных намерений...» [7, с. 56].

В. Б. Касевич отмечает ведущую роль функционализма в современной лингвистике, связанную, в первую очередь, со способностью «интегрировать все позитивные аспекты, которые усматриваются в ряде существующих теоретических подходов» [5, с. 60–61], при этом функциональный подход «предполагает ответы на вопросы “зачем?” и “как?»: “зачем, для чего, для получения какого результата существует данный элемент, конструкция, система?” и “как они выполняют задачу, для реализации которой существуют, какие свойства при этом проявляют?”» [5, с. 61].

Называя функциональную лингвистику наукой «о языке в действии», А. Э. Левицкий отмечает соответствие вызовам современной лингвистики функционального подхода, который «предусматривает анализ теологической природы языковых явлений на основе их семантики и структуры...» [8, с. 33]. При этом «определенная функция может быть реализована разными средствами, а одно средство может выполнять разные функции» [8, с. 33].

А. Н. Рудяков определяет лингвистическое мировосприятие двадцать первого века через призму функционализма: «сущность реалии в человеческом мире функциональна ... Именно функция творит устройство реалии, задает, определяет ее субстанциональные характеристики» [11, с. 51]. Поэтому для функционалиста естественный язык «во всех своих формах его существования есть инструмент воздействия человека на

человека» [11, с. 54]. При этом регулятивная функция «наиболее осязаема именно в тексте – этой *организованной для речью*» [10, с. 78]. Текст, являясь знаковым орудием регуляции, как и любое другое орудие, «организуется для определенной цели» [10, с. 79]. Автор создает текст для конкретной цели (выше было отмечено цель – воздействие), в котором идея подчиняет себе не только отбор языковых средств, но и их организацию, так как идея – «всегда модель, ибо она воссоздает образ действительности» [9, с. 38].

Мысль о функциональном подходе к лингвистическому анализу текста сама по себе не нова: этот постулат был определен еще в тезисах Пражского кружка: «... *язык есть система средств выражения, служащая какой-то определенной цели*» [14, с. 17]; идея «орудийности» языка, сформулированная еще В. Матезиусом [14], получила активное развитие в современной лингвистике, в которой «язык есть орудие, и его ценность ... определяется тем, как он справляется с поставленной перед ним задачей» [14, с. 378].

Таким образом, функциональный подход к тексту на современном этапе лингвистического развития является ведущим, при котором текст рассматривается как орудие воздействия, регуляции автора на картину мира читателя. «Острием» же текста-орудия, на наш взгляд, выступает идея автора, художественное воплощение которой и является целью создания самого текста, в котором соблюдается принцип единства формы и содержания, где «именно от семантики отталкивается говорящий, выбирая подходящее оформление своей мысли» [3, с. 87].

Все многообразие текстов, вслед за А. Н. Рудяковым [11], мы разделяем на тексты «о субстанциях и функциях» и «о ценностях» [4]. К последним относятся тексты искусства, так как искусство, воздействуя, выстраивает нашу ценностную систему координат; именно в них выражено не только индивидуально-авторское видение действительности, но и отношение к ней. Таким образом, созданный автором текст – это некая идея, осознанная автором, но абсолютно чуждая, неведомая читателю; материализуя свою идею путем создания текста, автор стремится не только поделиться неким когнитивным опытом, но и, в первую очередь, открыть «соучастнику по социальному взаимодействию» новое мировосприятие, чаще всего вступающее в противоречие с обыденным, но являющееся, по мнению автора, важным, существенным. Поэтому здесь мы разделяем позицию А. Н. Рудякова в том, что «текст можно определить как единственный доступный для человека способ явить миру свою особую, непохожую на других картину мира» [12, с. 8].

Эстетическая ценность художественных текстов заключается в единстве формы и содержания, значимость которого отмечают многие лингвисты: «Чтобы заставить слово стать вариантом экспликации иного языкового понятия, нужно создать специальную систему, организация содержания которой закономерно приведет к изменению связей между языковым понятием ...» [12, с. 8]; при этом в тексте «заключено еще и

специфическое, образное содержание, скрытое от непосредственного наблюдения, выраженное особой упорядоченностью языковых средств» [13, с. 11]. Аналогичная мысль прослеживается в работах Ю. М. Лотмана: «Художественный текст – текст с повышенными признаками упорядоченности» [9, с. 39]. При этом языковые единицы входят в состав единой целостной структуры, придавая «всей конструкции в целом совершенно особую семантическую нагрузку ... новое семантическое содержание» [9, с. 38]. Упорядоченность языковых единиц не только реализует новый образный смысл, но и выражает «новизну авторского понимания и оценки предмета» [9, с. 38].

Основываясь на идеях Н. А. Рудякова [13] и А. Н. Рудякова [10; 11; 12], необходимо отметить, что в пределах художественного произведения выделяется бинарная система: «исходная» часть, в которой изображается обыденное сознание к факту объективной действительности, и «основная» часть, отражающая отношение автора к этому факту, которая мыслится им как истинное. В каждой из частей располагается «стержневой элемент», который в «основной» части приобретает новое «системное качество», определяемое в концепции Н. А. Рудякова как «семантический сдвиг», при котором слово становится носителем нового образного смысла, возникающего в пределах структуры данного художественного текста, при этом вычленение стержневого элемента из структуры текста приводит к утрате им образного смысла [11; 12; 13]. На эту закономерность указывал еще Я. Мукаржовский: «каждый элемент оценивается в своем отношении к структуре ... контекст определенной структуры, который не имеет силы для какого-либо другого контекста» [14, с. 421].

Таким образом, сначала автором определяется конечная цель сообщения (идея), а уже потом она воплощается в структуре текста, который «шлифуется», отсекается лишнее, незначимое; каждая языковая единица тщательно подбирается автором только с одной целью – создание эстетического феномена, заключенного в единстве формы и содержания всего текста. Что объясняет тот факт, что при создании текста художественного произведения появляются его варианты, различные редакции, так как «измененная структура донесет до читателя или зрителя новую идею» [9, с. 38].

В заключение отметим, что рассмотрение текста (в том числе и художественного) через призму функционализма как знакового орудия регуляции обусловлено его структурой – единством формы и содержания – в пределах которой происходит семантическое приращение: появляется новый образный смысл. Текст становится инструментом воздействия на картину мира читателя, раздвигающим рамки обыденного сознания путем транслирования индивидуально-авторской картины мира, заключенной в художественной идее произведения.

Список использованных источников

1. Гузь, Н. А. Имманентный и контекстуальный подходы к художественному тексту в обучении литературе / Н. А. Гузь,

- В. Г. Федорова // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 2 (87). – С. 29–32.
2. Гуськова, Ю. В. Имманентный и контекстуальный подходы к литературному произведению (к истории вопроса) / Ю. В. Гуськова // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 1 (2). – С. 67–73.
3. Воейкова, М. Д. Санкт-Петербургская школа функциональной грамматики: история и перспективы развития / М. Д. Воейкова, В. В. Казаковская // Вестник Московского университета. – Серия 9. Филология. – № 1. – С. 86–94.
4. Зубенко, Н. В. Функциональный подход к проблеме анализа художественного текста и индивидуально-авторское видение мира как конститутивный фактор (на материале стихотворения А. А. Блока «Анне Ахматовой») / Н. В. Зубенко // Конвергентные технологии XXI : вариативность, комбинаторика, коммуникация : Материалы VII международной междисциплинарной научной конференции / под общ. ред. проф. А. Д. Петренко. – Симферополь : Издательский дом КФУ, 2022. – С. 223–229..
5. Касевич, В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. / В. Б. Касевич // Актуальные проблемы современной лингвистики : учебное пособие / сост. Л. Н. Чурилина. – 6-е изд., стереотип. – Москва : Флинта ; Наука, 2017. – 412 с.
6. Комарова, Л. И. Современные подходы к изучению художественного текста / Л. И. Комарова // Аналитика культурологии. – 2009. – № 13. – С. 140–145.
7. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (Опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Актуальные проблемы современной лингвистики : учебное пособие / сост. Л. Н. Чурилина. – 6-е изд., стереотип. – Москва : Флинта ; Наука, 2017. – С. 46–59.
8. Левицкий, А. Э. Функциональный подход в современной лингвистике / А. Э. Левицкий // Studia Linguistica. – Выпуск 4. – 2010. – С. 31–38.
9. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста / Ю. М. Лотман. – Ленинград : Просвещение, 1972. – 350 с.
10. Рудяков, А. Н. Язык, или почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка) / А. Н. Рудяков. – Киев : Грамота, 2004. – 224 с.
11. Рудяков, А. Н. Топоры и тексты. Лингвистическая инструментология : учебное пособие / А. Н. Рудяков. – Москва : Флинта ; Наука, 2013. – 312 с.
12. Рудяков, А. Н. Об основах и следствиях функциональной теории текста / А. Н. Рудяков // Крымский гуманитарный вестник : Сборник научных статей / отв. ред. А. Н. Рудяков ; ГБОУ ДПО РК «КРИППО». – Симферополь : ИП Минакир И. Л., 2020. – № 4. – С. 5–10.
13. Рудяков, Н. А. Поэтика, стилистика художественного произведения / Н. А. Рудяков. – Симферополь : Таврия, 1993. – 146 с.

14. Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок : сб. статей ; Сост., ред. и предисл. И. А. Кондрашова. – Москва : Прогресс, 1967. – 558 с.

УДК 81-13

ЛЕКСИЧЕСКИЕ НОРМЫ В РЕЧИ ЭКСКУРСОВОДА: «СОБЛЮСТИ НЕЛЬЗЯ НАРУШИТЬ»

С. В. Капустина,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В работе обосновывается необходимость совершенствования лексической грамотности студентов специальности «Туризм», профессиональный имидж которых основывается на соблюдении норм русского литературного языка, осознании повышенной речевой ответственности перед аудиторией. Статья нацелена на моделирование действенного теоретико-методологического алгоритма, способствующего предупреждению лексических ошибок в речи будущих/действующих экскурсоводов. Пристальное внимание уделяется коррективке, дополнению и систематизации практически важных положений о словоупотреблении, зафиксированных в учебниках по экскурсоведению и тематически близким вузовским дисциплинам.

Ключевые слова: культура речи; лексические нормы; лексические ошибки; словоупотребление; тавтология; плеоназм; паронимия; анахронизм; экскурсовод; экскурсоведение.

Summary. The article substantiates the need to improve the lexical literacy of students of the specialty “Tourism”, whose professional image is based on the observance of the norms of the Russian literary language, awareness of increased speech responsibility to the audience. The work is aimed at modelling an effective theoretical and methodological algorithm that contributes to the prevention of lexical errors in the speech of future/current tour guides. Close attention is paid to the correction, addition and systematization of practically important provisions on word usage, recorded in textbooks on tour guides and thematically close university disciplines.

Key words: culture of speech; lexical norms; lexical errors; word usage; tautology; pleonasm; paronymy; anachronism; guide; tour guide.

Уровень речевой культуры – один из максимально объективных и предельно выразительных показателей компетентности экскурсовода. Именно поэтому авторы учебников по экскурсоведению и создатели методических пособий по тематически смежным вузовским дисциплинам

традиционно апеллируют к вопросу о формировании благоприятного речевого имиджа работников туристической сферы. Призывая обучающихся обращать пристальное внимание на грамотность и логичность креолизованного текста тур-мероприятия, они тенденциозно сосредоточиваются лишь на отдельных аспектах орфоэпических и лексических норм, а также на проблеме экологии речи экскурсовода. Отмеченная тенденциозность вполне объяснима, ведь механические формальные и смысловые повторы, неверная постановка словесного ударения, частое использование «засоряющих» спонтанную речь элементов – изъяны устной коммуникации, очевидные как для филологов, так и для представителей иных областей научного знания. Однако очевидность в данном случае поверхностна и лишь отчасти сопряжена с системным алгоритмом обучения культуре речи, сформировавшимся в методических штудиях преподавания русского языка в высшей школе. Необходимостью адаптации этого алгоритма к практике профессионально ориентированной подготовки экскурсоводов обусловлена актуальность настоящей работы.

Статья нацелена, во-первых, на корректировку, дополнение и систематизацию практически важных положений о словоупотреблении, зафиксированных в учебниках по экскурсоведению и тематически близким дисциплинам; во-вторых, на поиск методически эффективных механизмов постижения лексических норм современного русского языка студентами специальности «Туризм».

Обращение к лексическим нормам как предмету исследования объясняется тем, что они, регулируя точность речи и оптимизируя соотношение означаемого с означающим, способствуют реализации ключевых коммуникативных стратегий ведущего тур-мероприятия – «информатор» («просветитель»), «комментатор», «собеседник», «советчик», «эмоциональный лидер» [4, с. 149]. Кроме того, умение экскурсовода быстро, четко и «соразмерно» облечь мысль в словесные одежды, не испортив последние акцентологическими и/или стилистическими огрехами, формирует у аудитории оценку его аудиального образа, которая может быть как профессиональной (если в составе группы присутствуют филологи), так и интуитивной (данной любым слушателем – носителем русского языка). Следовательно, если контроль за соблюдением субъектом устной речи морфологических и синтаксических норм, как правило, прерогатива специалистов, то недопущение экскурсоводом лексических ошибок – контурный остов в коллективно моделируемом аудиальном портрете профессиональной языковой личности.

Широкий спектр типичных трудностей словоупотребления, возникающих при устной коммуникации, в учебниках и методических пособиях по экскурсоведению в основном сводится к констатации вреда тавтологических конструкций. Преимущественно авторы рекомендуют обучающимся регулярно пополнять лексикон новыми единицами во

избежание повторов: «...экскурсоводу нужно постоянно совершенствовать свои навыки говорения, работать над расширением и обогащением словарного запаса, тренировать темп речи и громкость голоса» [5, с. 82]; «экскурсоводу для улучшения качества речи необходимо работать над искоренением слов-паразитов, речевых штампов, жаргона; над ударением в словах; обогащением своего словарного запаса путем поиска синонимов» [3, с. 23] и т. п.

Положение о том, что речь экскурсовода значительно «обедняет тавтология» [4, с. 156], зафиксированное во всех редакциях фундаментального учебника «Экскурсоведение» Б. В. Емельянова, стало хрестоматийным для последователей указанного автора. Ссылаясь на обозначенный источник, они соглашались с широким пониманием тавтологии как «повторения того же самого другими словами <...>, употребления одинаковых или схожих по смыслу слов (целиком и полностью, яснее ясного, истинная правда), дублирующих друг друга суждений» [4, с. 156].

Изложенная дефиниция, тем не менее, требует уточнения, во-первых, для того, чтобы *любой* повтор не воспринимался обучающимися как априорная словоупотребительная ошибка; во-вторых, для обоснования критериальности при рассмотрении типичных нарушений лексических норм.

Первый пункт связан с разграничением понятий «тавтология» и «лексический повтор» по признаку спонтанности / намеренности дублирования идентичных либо однокоренных слов в сочетании, предложении, фрагменте текста. Если лексический повтор в речи экскурсовода уместен как стилистический прием, выполняющий экспрессивно-выделительную функцию (например, в лингвокреативных словосочетаниях, указывающих на гиперболизацию какого-либо признака и созданных по модели фразеологизма «основа основ» / номинации «Книга Книг»: «дорога дорог»; «вершина вершин»; «утрата утрат» и т. п.), то тавтологические конструкции априори не относятся к средствам выразительности, поскольку в них непреднамеренно объединяются формально близкие элементы («унаследовав наследство»; «направил на правильный путь»; «принципиально следовал принципам» и т. п.).

Второй же пункт требует обоснования семантических границ термина «тавтология» в контексте дисциплины «Культура речи экскурсовода». Обращение к этому феномену, нацеленное на совершенствование специалистами нефилологического профиля словоупотребительных навыков, оправдывает его упрощенное, пейоративное, этимологически обусловленное (*tauto* – то же самое; *logos* – слово) истолкование: лексическая ошибка, предполагающая случайный повтор идентичных либо однокоренных слов в предложении или соседствующих фразах.

Следует заметить, что теоретическая интерпретация Б. В. Емельянова, согласно которой к тавтологическим выражениям

относятся семантические дублиеты (например, «истинная правда»), хотя и противоречит сформулированному нами рабочему определению по содержательному объему, также является корректной, поскольку многие лингвисты предпочитают не дифференцировать препятствующие точности речи формальные и смысловые повторы. В. Ю. Светличная справедливо замечает по этому поводу: «Проблема разграничения тавтологии и плеоназма окончательно не решена, так как многообразие трактовок, а иногда и смешение обозначенных терминов является причиной путаницы при анализе языкового материала. В большинстве словарных и энциклопедических изданий тавтология и плеоназм рассматриваются как понятия взаимозаменяемые либо находящиеся в родо-видовых отношениях» [6, с. 75].

Зафиксированное Б. В. Емельяновым включение контекстов со смысловой избыточностью в презентационное поле тавтологии стало аксиомой для его последователей. Симптоматично, что некоторые авторы, вторя призыву корифея не обеднять экскурсионную речь многословием в широком понимании, допускают грубейшие проявления тавтологии в текстах учебных пособий. Например, Н. А. Балюк, наметив пути преодоления спонтанных повторов в публичной речи, отмечает: «Профессия экскурсовода предполагает владение практическими умениями по отбору, формулировке и донесению до экскурсантов **необходимой** информации. Для этого **необходимо** подобрать **необходимый** фактический материал <...>» [1, с. 36]; «Большую роль в формировании личности экскурсовода играют задатки и **способности**, натренированная <авторская орфография сохранена – прим. К. С.> память, наблюдательность, **воображение**, **сообразительность**, которые при развитии могут стать основой незаурядных **способностей**» [1, с. 36] и мн. др.

Считаем, что для критериальной наглядности при систематизации типичных случаев нарушения лексических норм в нефилологической аудитории рационально автономизировать тавтологию и плеоназм по экспликационным уровням – формальному и содержательному. Проблемы при их разграничении могут быть спровоцированы распространенными лингвистическими гипотезами, обнаруживающими контрапунктные примеры названных типов многословия.¹ Во избежание терминологической дезориентированности обучающихся такой информацией резонно пренебречь.

---

¹ Имеется в виду популярный среди специалистов тезис о том, что «тавтология - разновидность плеоназма», которая может проявляться явно («при повторении однокоренных слов») и скрыто («при соединении иноязычного и русского слов, дублирующих друг друга (памятные сувениры; впервые дебютировал)») [2, с. 411]. К лексическим же плеоназмам, согласно этой классификации, относятся сочетания, в которых семантическое излишество реализуется исконно русскими единицами (главная суть; повседневная обыденность; бесполезно пропадает) [2, с. 411].

Приоритетная цель изучения лексических норм студентами специальности «Туризм» – необходимое для качественного ведения профессиональной деятельности *практическое* совершенствование навыков словоупотребления. Именно поэтому теоретическая матрица типичных лексических ошибок, составленная с учетом указанной метацели, должна быть максимально продуктивной, доступной, иллюстративной. Приведем один из вариантов ее моделирования, к которому, согласно результатам апробации, применимы все ранее перечисленные характеристики:

1) тавтология («*Меры* предосторожности при посещении объекта не следует нарушать ни в коей *мере!*»; «Зима в Крыму *продолжается* весьма *непродолжительный* период»; «Согласно правилам *посещения*, музей можно *посетить* с 9:00 до 18:00»; «*Одинокий* замок, *одиноко* стоящий на краю скалы, не *единожды* становился *домовладением* новых *владельцев*»);

2) (лексический) плеоназм («Лебеди заботятся о *своем будущем* потомстве 4–5 месяцев»; «Нельзя терять ни минуты *времени!*»; «Группа из двадцати пяти человек *экскурсантов*»; «Явка *посещаемости* была почти стопроцентной!»);

3) лексико-семантическая несочетаемость («По серпантину рекомендуется ездить с *медленной скоростью*»; «Хочу *выразить* вам *большое спасибо!*»; «В межсезонье билеты можно приобрести по *дешевым ценам*»; «*Температура* воздуха *может прогреться* до пятидесяти градусов»);

4) смешение паронимов («Перед посещением пещеры рекомендуется *одеть* куртку и шапку»; «Государь был *категорично* против»; «За порядком на территории следят *санаторные* служащие»; «Поставьте, пожалуйста, *роспись* в договоре об оказании экскурсионных услуг»);

5) (лексический) анахронизм («У придворных были достойные *зарплаты*»; «По численности *армия* князя Игоря значительно уступала половецкой»; «Проявления *эйджизма* со стороны однокашников Ломоносов сносил терпеливо»; «Литературным *инфлюенсером* как для Н. В. Гоголя, так и для Ф. М. Достоевского стал А. С. Пушкин»).

Представленная система не претендует на полноту отображения всех возможных лексических ошибок, поскольку первоначально направлена на предупреждение типичных случаев неправильного словоупотребления. Ориентированность на предложенную матрицу способствует выработке у обучающихся способности распознавать причины образования лексически дефектных высказываний и, соответственно, корректировать (в перспективе – не допускать) их как в повседневной коммуникации, так и в процессе ведения экскурсии.

Список использованных источников

1. Балюк, Н. А. Экскурсоведение : учебное пособие / Н. А. Балюк ; Тюменский государственный университет. – Тюмень : [б. и.], 2018. – 236 с.

2. Голуб, И. Б. Русский язык и культура речи : учебное пособие / И. Б. Голуб ; Логос. – Москва : [б. и.], 2003. – 432 с.
3. Данилов, А. Ю. Теория и практика экскурсионной деятельности : учебно-методическое пособие / А. Ю. Данилов ; Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова. – Ярославль : [б. и.], 2016. – 48 с.
4. Емельянов, Б. В. Экскурсоведение : учебник / Б. В. Емельянов ; Советский спорт. – Москва : [б. и.], 2009. – 216 с.
5. Ермакова, Ж. А. Основы экскурсионной деятельности в туристской индустрии : учебное пособие / Ж. А. Ермакова, И. Л. Полякова, Ю. Е. Холодилина ; Оренбургский государственный университет. – Оренбург : [б. и.], 2020. – 109 с.
6. Светличная, В. Ю. К вопросу о разграничении понятий тавтологии и плеоназма / В. Ю. Светличная // Наука и мир в языковом пространстве : сборник научных трудов ; Донбасская национальная академия строительства и архитектуры ; отв. ред. Ю. Н. Новикова, Г. Ю. Атанова. – Макеевка : [б. и.], 2019. – С. 72–78.

УДК 37.016:811.124:378

СПЕЦИФИКА ОТБОРА ЛЕКСИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ДЛЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ЛАТИНСКОМУ ЯЗЫКУ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ

И. И. Кириллова,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков № 4,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые особенности терминологической подготовки иностранных студентов при обучении латинскому языку в медицинском вузе. Целью курса «Латинский язык» является подготовка будущего врача, владеющего навыками понимания и грамотного употребления специальной лексики в профессиональной среде для коммуникации и дальнейшего самообразования. Определяется соотношение латинских терминов к английским, влияние латинского языка на понимание английской медицинской терминологии. Приведены преимущества и недостатки некоторых способов семантизации лексических единиц.

Ключевые слова: иностранные студенты, методики преподавания, латинская медицинская терминология, семантизация.

Summary. The article discusses some features of the terminological training of foreign students in teaching Latin at a medical university. The aim of

the course “Latin” is to prepare a future doctor who has the skills to understand and competently use special vocabulary in a professional environment for communication and further self-education. The ratio of Latin terms to English ones, the influence of the Latin language on the understanding of English medical terminology are determined. The advantages and disadvantages of some methods of semantization of lexical units are given.

Key words: foreign students, teaching methods, Latin medical terminology, semantization.

Для развития страны образовательная отрасль – это вопрос государственной важности. Подготовка студентов из Индии, Африки, арабских стран повышает авторитет вузов, их конкурентоспособность, открывает новые экономические горизонты. Институт «Медицинская академия имени С. И. Георгиевского» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского имеет многолетний успешный опыт подготовки таких студентов, квалифицированный профессорско-преподавательский состав, отличную материально-техническую базу, что позволяет обеспечить все необходимые условия для подготовки врачей в соответствии с требованиями современного общества. На кафедре иностранных языков № 4 иностранные обучающиеся 1 курса специальности «Лечебное дело» изучают дисциплину «Латинский язык» на английском языке, поэтому вопросы, связанные с методиками обучения студентов латинскому языку, часто обсуждаются на методических семинарах кафедры. При этом вопрос обучения латинскому языку иноязычных студентов медицинской терминологии все еще недостаточно освещен, что делает наше исследование актуальным.

Цель статьи – описать основные проблемы, возникающие при терминологической подготовке иностранных студентов в процессе обучения латинскому языку.

Изучение латинского языка в медицинском вузе – это часть профессиональной подготовки будущего специалиста – грамотного врача с высокой профессиональной языковой культурой. Латинская медицинская терминология «красной нитью» проходит через весь процесс обучения в медицинском вузе. Именно на занятиях по латинскому языку формируется терминологическая компетенция студентов-медиков, поэтому обучающимся необходимо постоянно накапливать и расширять словарный запас терминологической лексики, необходимой им для изучения таких фундаментальных дисциплин как анатомия, гистология, биология, химия на начальных курсах, а в дальнейшем для клинических дисциплин терапевтического и хирургического направлений [2]. Принцип межпредметного взаимодействия помогает обучающимся лучше понимать природу анатомо-гистологических, фармацевтических и клинических терминов, что плодотворно влияет на усвоение профессиональной лексики. Терминологическое наполнение занятий по латинскому языку в осеннем семестре включает в себя анатомо-гистологический вокабуляр, который активно используется студентами 1, 2 курсов при изучении

анатомии и гистологии. Лексический минимум весеннего семестра содержит фармацевтическую и клиническую терминологию, которая активизируется на 3 курсе при изучении фармакологии и клинических дисциплин, а также при написании историй болезни с указанием названий диагнозов, лабораторных и инструментальных исследований. Это способствует поиску инновационных методов обучения, определению перспективных способов активизации учебного процесса, отбору приоритетных форм работы.

Процесс введения новых лексических единиц начинается, как правило, с семантизации – определения значения новых лексических единиц. Преподаватели и большинство иностранных студентов используют принцип билингвизма: латинское слово-термин/английский эквивалент. Хотя у студентов с Ближнего Востока, арабских стран и даже иногда Индии срабатывает принцип трилингвизма, когда при недостаточном уровне языка-посредника рядом с парой «латинский термин-английский перевод» они пишут дополнения на своем родном языке (арабском или хинди и т.д.).

Существуют 2 группы способов семантизации лексических единиц: переводные и непереводные. Переводные способы включают:

- однословный перевод (oculus-eye; costa-rib; ren-kidney; dexter-right; unguentum-ointment, ect);
- двухсловный перевод с указанием калькированного и общепотребляемого переводов (femur-femur, thigh; cervix-cervix, neck; cranium-cranium, skull);
- многословный перевод – (cortex-cortex, outer layer, bark; facies-face, surface, appearance; semen-semen, seed, sperm, etc).

Для непереводных способов объяснения значения терминов мы используем:

- наглядную семантизацию – показ рисунков, схем, фотографий и т.д. Этот способ продуктивен, например, при изучении названий лекарственных растений, что обусловлено рядом национально-культурных факторов, традиций народной отечественной медицины и медицины других стран, различиями геоклиматических условий;
- разъяснение значения лексического элемента при помощи известных слов на английском языке (species – a mixture of dried and grinded parts of plants for making medicinal tea).

Приведенные выше способы семантизации имеют как недостатки, так и достоинства. Преимущество их состоит в том, что большинство английской медицинской терминологии имеет латинское или греческое происхождение. Недостатки же связаны с различным уровнем языковой подготовки иностранных студентов, разницей культур, геоклиматического положения стран и т.д. Поэтому способ семантизации зависит от самой лексической единицы: ее формы, значения, сопоставимости, совпадения с языком посредником.

При работе с англоязычными группами следует учитывать, что английский научный текст состоит из 30% латинских и 10% интернациональных терминов и слов, в большинстве своем латинского и греческого происхождения [3].

Латинские термины, которые перешли в английский язык по-разному соотносятся с английскими:

- ряд латинских слов и словосочетаний перешла в английский язык без изменений, однако их произношение в этих языках отличается в зависимости от правил чтения: *enzyme*, *vertebra*, *apex*, *duodenum*;

- другие были заимствованы английским языком в качестве основы: *polypus* – *polip*, *vitaminum* – *vitamin*, *cysta* – *cyst*, *glandula* – *gland*;

- некоторые же английские термины имеют одинаковые с латинскими основы, но разные окончания: *resectio* – *resection*, *valva* – *valve*, *usus* – *use*, *cavitas* – *cavity*;

- многие латинские и английские термины имеют минимальные корневые отличия: *musculus* – *muscle*; *crista* – *crest*; *vas* – *vessel*.

Сходство корреспондирующих слов английского и латинского языков является фактором, положительно влияющим на запоминание латинской лексики в процессе ее семантизации [5].

Следует также обратить внимание на то, что анатомическая и фармацевтическая номенклатуры наполнены латинскими терминами, а клиническая – латинизированными терминологическими элементами греческого происхождения, которые входят в состав многих английских клинических терминов. Например: *phlebography* (*phleb* – *vein*, *-graphia* – *graphic registration of signals*, *X-ray examination*), *gastroscope* (*gastr* – *stomach*, *-scopia* – *examination of inner walls and surfaces of organs with special instrument*), *encephalitis* (*encephal* – *brain*, *-itis* – *inflammation*). Поэтому знание значений латинских клинических терминологических элементов дает возможность обучающимся понимать значение таких слов без словаря и облегчает восприятие медицинских текстов.

Англоговорящие студенты довольно легко усваивают материал латинского языка из-за влияния именно латинского языка на формирование научного английского, однако в процессе обучения постоянно возникают проблемы, связанные с нарушением системы латинского языка под влиянием английского. Студенты считают, что материал начальных занятий (алфавит, правила чтения, правила ударения) им хорошо знаком и не прикладывают особых усилий для его усвоения. При введении новой терминологии преподавателю необходимо постоянно обращать их внимание на различия в названиях букв, их произношении, постановке ударения, так как именно при произношении однокоренных с английскими латинских слов проявляется наибольшее интерферирующее влияние языка-посредника [4]. Кроме того, огромное количество грамматических ошибок студентов связаны с разницей языковых структур. Английский язык – аналитический, в котором отношения между словами выражаются с помощью предлогов, латинский язык использует для этого

падежные окончания, как русский язык, который студенты изучают на 1 и 2 курсах. Поэтому считаем допустимым использование преподавателем примеров из русского языка для объяснения основ морфологии и синтаксиса, потому что выстраивание ассоциативных связей является полезным дополнительным средством изучения иностранного языка.

На изучение латинского языка отводится всего 64 аудиторных часа. Задание преподавателя – максимальная концентрация внимания студентов на материале, который рассматривается и отрабатывается всеми студентами в аудитории под непосредственным руководством преподавателя. В таких группах нами широко практикуется фронтальный опрос и письменный тестовый контроль, что в совокупности позволяет нам выявить уровень подготовки студентов, а также повышает их мотивацию к своевременному усвоению терминологического и грамматического материала.

Важная роль также отводится самостоятельной аудиторной работе студентов с обязательным контролем ее результатов. Начиная с 4 занятия студенты активно переводят анатомические термины с латинского языка на английский и наоборот, самостоятельно трактуют значение аффиксов распознают новые оттенки перевода, которые они придают уже знакомым им ранее клиническим терминам. Это активизирует любознательность обучающихся, углубляет их интерес к изучению дисциплины, улучшает результаты освоения дисциплины. Для достижения лучших результатов от преподавателя требуется стимуляция у студентов понимания того факта, что знания и умения, полученные обучающимися при изучении латинского языка, будут применяться в ходе изучения специальных дисциплин и профессиональной деятельности.

Наличие в одной группе студентов представителей различных социальных, национальных, этнических, религиозных групп затрудняет взаимодействие студентов и негативно сказывается на учебном процессе. Поэтому необходимо уделять внимание групповым заданиям, работе в команде (проектная деятельность), что благотворно повлияет как на интенсификацию учебного процесса, так и на взаимоотношения в учебном коллективе.

Названные нами способы семантизации имеют свои особенности. Выбор способа семантизации зависит от многих факторов, так слова, выражающие абстрактные понятия, нецелесообразно и невозможно семантизировать наглядным способом, с помощью иллюстрации, а термины, которые отсутствуют в родном языке обучающихся, с помощью однословного перевода. Формирование терминологической системы будущих врачей – это дело не только преподавателей-филологов, ведь понятийное содержание усвоенных на занятиях по латинскому языку лексических единиц может быть полностью раскрыто только при изучении специальных дисциплин, а успешное овладение латинским языком будет способствовать более легкому и успешному их пониманию и применению на практике.

Список использованных источников

1. Гринев, С. В. О состоянии медицинской терминологии / С. В. Гринев, Э. А. Сорокина // Язык медицины : международный межвузовский сборник научных трудов в честь юбилея В. Ф. Новодрановой. – Самара : Изд-во КRYPTEN-Волга, 2015. – С. 40–49.
2. Маркова, Н. И. К вопросу об интеграции дисциплин в социально-гуманитарном пространстве / Н. И. Маркова // Специализация преподавания гуманитарных дисциплин в высшей медицинской школе ; Сборник материалов Всероссийской научно-медицинской электронной конференции. – Курск : 2008. – С. 93-95.
3. Петроченко, Л. А. Английский язык : пособие по переводу медицинских текстов / Л. А. Петроченко, П. И. Лукьяненко // Международный журнал экспериментального образования. – 2015. – № 5-2. – С. 177–178. – URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=7549>. (дата обращения: 20.02.2023).
4. Рамазанова, А. Я. Специфика терминологической подготовки иностранных студентов медицинского вуза / А. Я. Рамазанова // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2016. – Том 6. – С. 112–113.
5. Стародубцева, О. Г. Формирование лексических навыков профессионально-ориентированной устной речи на основе сравнительно-сопоставительного анализа явлений английского и латинского языков в условиях медицинского вуза / О. Г. Стародубцева // Вестник ТГПУ. – 2009. – Выпуск 5. – С. 25–28.
6. Чернявский, М. Н. Латинский язык и основы медицинской терминологии : учебник. – Москва : ЗАО «ШИКО», 2018. – 334с.

УДК 811.16

ГЕНДЕРНО-МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА И ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ТРИЛОГИИ ЛЮКО ДАШВАР «БИТЫЕ ЕСТЬ»)

А. А. Козыкина,

*аспирант кафедры украинской филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена гендерному дискурсу и гендерно-маркированной лексике, представлена общая характеристика гендерно-маркированной лексики, ее влияние на формирование литературы. На примере произведений современного автора представлены основные особенности употребления гендерно-маркированной лексики в литературе.

Ключевые слова: гендерно-маркированная лексика, гендер, гендерная лингвистика, литература.

Summary. The article is devoted to gender discourse and gender-marked vocabulary, presents the general characteristics of gender-marked vocabulary, its influence on the formation of literature. Using the example of the works by a modern author, the main features of the use of gender-marked vocabulary in literature are presented.

Key words: gender-marked vocabulary, gender, gender linguistics, literature.

Междисциплинарность понятия «гендер» – предпосылка его активного использования во всех дисциплинах гуманитарного цикла. Гендерные исследования ведутся на грани общей гендерологии и многих других наук, в том числе и лингвистики.

Под гендером мы понимаем социокультурную конструкцию и различаем понятия «гендер» (*gender* – социальный пол) и «пол» (*sex* – биологический пол). Гендер создается в отношении к социокультурной ситуации в обществе, определяющем одни черты как женственные, а другие как маскулинные: мы социализируем в женщин и мужчин. Это очень сложный процесс развития человека в полноправного члена общества и социокультурной среды, где важную роль играет усвоение ребенком языка.

Теория гендера позволяет по-новому интерпретировать произведения художественной литературы. В. Агеева подчеркивает: «гендерный анализ, смещая акценты на индивидуально-психологическую проблематику, учитывая часто не признанные обществом или господствующей патриархальной идеологией взгляды, позволяет отчитывать различные уровни художественного текста, учитывать различные ценностные ориентации» [1, с. 426].

Изучение гендера берет свое начало с 1960-х годов на Западе, где исследователи предприняли первые попытки проанализировать мужскую и женскую речь. Именно в этот период и было сформировано новое направление – гендерная лингвистика, представители которого сосредоточили внимание на том, что в результате устройства общества язык отражает мир и его реалии, представления о нем только с мужской точки зрения, изображая мужчину и все, что с ним связано, нормой, в то время как женщина и все «женское» – отклонение от нормы.

Важный вклад в гендерную лингвистику внесли О. Эсперсен, Д. Кэмерон, Дж. Коутс, Р. Лакофф, С. Ромейн, Д. Спендер, Д. Таннен, Дж. Холмс и т. д. В постсоветском пространстве первые исследования по гендерологии появились в начале 1990-х годов. Сегодня в области гендерной лингвистики плодотворно работают такие отечественные ученые и ученые стран СНГ, как А. Бессонова, А. Горошко, И. Стешин, А. Кирилина, М. Томская и др. [6].

Гендерная проблематика стала одной из важнейших в литературе как отечественной, так и мировой. Достаточно вспомнить об «игнорировании» жанров, связанных с любовной проблематикой, которая характерна в первую очередь женскому письму.

Д. Шульц и Ш. Баник в своем исследовании о гендерных ассоциациях в англоязычной литературе сравнивали количественное и качественное использование лексем для описания мужчин и женщин. В своей работе они указали, что в период с начала XX в. и до 1950 гг. существительные и прилагательные, используемые для характеристики мужчин, употреблялись значительно чаще и с положительной коннотацией, в то время как слова, характеризующие женщин (как и упоминание женских персонажей в литературе в целом) использовали примерно в 2–3 раза реже, были менее вариативными и зачастую несли в себе негативный смысл. Женщины описывались зачастую как «очаровательные», «болтливые», «глупые», «вульгарные» и «независимые». Мужчины же характеризовались как «мудрые», «благородные», «талантливые» и «способные». Тенденции изменились только после 1970 г., когда количество использованных лексем «мужчина» и «женщина», а также связанных с ними слов, стало примерно одинаковым [8].

Впрочем, стереотипные описания идеального, с мужской точки зрения, образа женщин в литературе, в частности – женская манера речи в текстах, все еще присутствуют. Н. Божанова выделила основные положения, характерные данному образу: «женский род всегда следует после мужского, так как является маркированным; женщины малограмотны, а потому их речь, как письменная, так и устная, априори беднее и скупер мужской; женщина по природе болтлива, а потому ей следует больше молчать; женщина не должна использовать в речи грубую и обценную лексику; женщина не должна выходить в своей речи за пределы предписанных нормами морали и этики тем» [2, с. 70]. Однако следует отметить, что данные критерии для описания женщин свойственны преимущественно авторам стран СНГ, как писателям-мужчинам, так и женщинам.

Вероятно, именно по этой причине многие современные писательницы, стараясь идти в ногу с современностью, часто используют более грубые, резкие выражения, обценную лексику, что во многом подражает мужскому стилю письма. Например, в произведениях Люко Дашвар отмечено прежде всего ощущение современных тенденций в написании книг, свойственных именно писателям-мужчинам: книги небольшие по объему, имеют динамическое начало, что увлекает читателя с первых строк. Текст густо насыщен диалогами, отсутствуют длинные описания или пространные внутренние монологи. Пейзажи, интерьер, философские рассуждения и размышления героев, как главных, так и второстепенных, имеют небольшой формат и представлены читателю через тщательно отобранные выразительные слова и выражения, которые объединяют в себе лексемы от архаичных по смыслу и произношению, до современных социолектов и даже матерной лексики.

«...Третьим в гостиную вошел паренек в бейсболке. Ничего такой, живенький. Макар даже ухмыльнулся иронично.

- Ну, давай. **Колись**. Кто такой? Как зовут? И на кой черт тебе эта морока?

- Вовой зовут» [4, с. 208].

Внимание привлекает то, что характеристика людей, их психологическое состояние, внешность и черты характера воспроизведены в книгах Люко Дашвар с помощью устойчивых выражений. Писательница предпочитает известные, простые эпитеты для воссоздания картины жизни современной молодежи. Отличительной чертой также является почти полное отсутствие гиперболизации во время описания чувств или эмоций:

«Чтобы все прошло без сбоев, в плане Марты оставался последний шаг, четвертый, – знакомство Сашики с полковником Бакланом, а также их двоих с американским гражданином Голобородько. Для каждого из троицы у Марты имелась собственная версия событий, так что волновалась очень» [3, с. 61].

В трилогии «Битые есть» Люко Дашвар использует преимущественно именную гендерно- и социально-маркированную лексику, что обусловлено их распространением и более частым использованием в устной речи. Количественно преобладают лексемы, обозначающие лиц мужского пола (часто с негативной коннотацией), что преимущественно обусловлено выбором как главных, так и второстепенных героев – молодые люди в возрасте от двадцати до двадцати пяти лет:

*«Если те **поци** в холле услышат нас раньше, чем мы их увидим, – игры не будет»* [3, с. 220].

Поц, согласно словарю жаргонной лексики Л. Ставицкой [7, с. 248], несет в себе негативную коннотацию, означает «плохой, нехороший мужчина» и относится к матерной лексике.

Активное использование лексем мужского пола указывает на их разнообразие, разноплановость и более широкое использование в современном языке. Кроме того, писательница использует существительные общего рода, продуцируя их в своих произведениях и таким образом распространяя:

*«Что ты тут мне вот это плечиками двигаешь, как **курва**? Ходит-водит... В глаза мне смотрит, как будто ничего не происходит!»* [3, с. 123]

Что касается использования и характеристики персонажей женского пола, а также слов для описания как самих героинь, так и их манеры речи, Люко Дашвар употребляет либо стереотипные, либо уничижительные описательные способы. Первый тип женщин в трилогии писательницы – это зачастую идеализированный образ возлюбленной главного героя, которую он не может получить в силу собственной неидеальности и встречается этот тип в тексте не слишком часто:

«Вспомнил девушек. Люба, Дора, глупенькая Олюшка, горячка Скачко... Даже покраснел от досады. Ни с одной не сложилось! Нани не

нужно о них знать. **Нани – особенная. Ей среди других места нет. Нани имеет право мечтать... о Дюке, а не о каком-то мусоре**» [4, с. 231].

«Исидора соскочила на пол – стояла посреди комнаты голая и прекрасная, как богиня – кивнула не Илию, Гоцику: хорошо...» [5, с. 153].

Также в трилогии Люко Дашвар часто изображает женщин как слабых, нуждающихся в мужской защите и поддержке особ. Это образы заботливых матерей, немощных девушек (немая героиня), женщин без амбиций, единственная цель которых – найти себе партнера:

«Вечером уставшая мама Илии вернулась домой, увидела сына настолько раздраженным – даже сердце замерло. Не бай Бог, опять заболевает. Нельзя ему волноваться – сразу поджелудочная обостряется, почки ноют...»

- *Что с тобой, сердце мое?*

- *Бессмыслица убивает! – тоскливо произнес Илия»* [5, с. 42].

Второй тип героинь книг – женщины, с которым герой взаимодействуют постоянно. Это зачастую малограмотные, вульгарные, обычно из низшего сословия персонажи или женщины легкого поведения:

«- Что это?

- *Хеи. Хлеб.*

- *Гашии?*

- *Будешь? – Яся улыбается расслабленно. – На твои купила»* [4, с. 197–198].

«Жена Геракла Генриховича Пустовоева, хищная молодуха лет тридцати – широкая кость, медная глотка, – сидела на обоссаном любимой болонкой Пустовоева ковре посреди комнатки, сосредоточено мяла исписанные черными чернилами листы, пихала их в мокрые сапожки» [3, с. 202].

Из вышеуказанного можно сделать вывод, что, несмотря на то, что в мировой практике условно феминные и маскулинные лексемы достигли примерно одинакового уровня употребления, а лексемы с негативной коннотацией в отношении женщин стали употребляться меньше, в современной литературе стран постсоветского пространства все еще присутствует типизация персонажей путем использования гендерно-маркированных семантических лексем. Сюда относим идеализированность женских образов с отсутствием амбиций в достижении целей – заботливые матери, преданные супруги; малограмотность и вульгарность. Современные писательницы, подражая мужскому стилю, пишут обрывочно, резко, часто делая речь более грубой, чем она может быть в действительности. Описание стереотипных персонажей – и мужчин, и женщин – может обуславливаться культурным наследием и менталитетом, однако влияние мужского стиля письма на женский существенно.

Список использованных источников

1. Агеева, В. Гендерна літературна теорія та критика / В. Агеева // Основи теорії гендеру : навчальний посібник. – Київ : «К. І. С», 2004. – С. 426–445.

2. Божанова, Н. Г. Гендерные исследования в лингвистике: история, современность, перспективы / Н. Г. Божанова // Вестник ТГУ. – 2012. – Выпуск 5 (109). – С. 69–74.
3. Дашвар, Л. Биті є. Макар. Книга 1 / Люко Дашвар ; худож. В. Котляр. – Харків : Книжковий клуб «Клуб сімейного дозвілля», 2011. – 288 с.
4. Дашвар, Л. Биті є. Макс. Книга 2 / Люко Дашвар ; худож. В. Котляр. – Харків : Книжковий клуб «Клуб сімейного дозвілля», 2012. – 288 с.
5. Дашвар, Л. Биті є. Гоцик. Книга 3 / Люко Дашвар ; худож. В. Котляр. – Харків : Книжковий клуб «Клуб сімейного дозвілля», 2012. – 272 с.
6. Антошкіна, Л. Соціолінгвістика : навчальний посібник / Л. Антошкіна, Г. Красовська [та ін.] – Донецьк : ТОВ «Юго-Восток Лтд», 2007. – 360 с.
7. Ставицька, Л. Український жаргон / Л. Ставицька. – Київ : Критика, 2005. – 496 с.
8. Schulz, Daniel. Gender associations in the twentieth-century English-language literature / Daniel Schulz, Štěpán Bahník // Journal of Research in Personality. – 2019. – Vol. 81. – P. 88–97.

УДК 811.581

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

А. М. Конкова¹, Ю. А. Никитина²,

¹старший преподаватель кафедры теории языка, литературы и социолінгвістики, Інститут філології, ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²преподаватель кафедры теории языка, литературы и социолінгвістики, Інститут філології, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Статья посвящена изучению лексических средств выражения положительных эмоций в современном китайском языке. В данной работе освещается актуальный на сегодняшний день вопрос функционирования эмоций в языке. В ходе исследования выявлены наиболее распространенные, общеупотребительные фразы выражения положительных эмоций китайцев.

Ключевые слова: китайский язык, междометия, эмоция, эмотивность, лексические средства.

Summary. The article reveals the lexical means for expressing positive emotions in the modern Chinese language. This work covers the important issue of emotions functioning in the language. The research includes the most common phrases for expressing positive emotions of the Chinese people.

Key words: Chinese language, emotion, emotive, interjection, lexical means, vocabulary.

Успешность любого акта межкультурной коммуникации во многом зависит от знания особенностей менталитета нации собеседника. В частности, многие трудности перевода и любые недопонимания при общении с носителями китайского языка зачастую имеют непосредственную связь с недостаточным пониманием отличительных культурных черт. Эмоции, в свою очередь, являются одним из наиболее ярких средств выражения ментальности. Кроме того, эмоции собеседников формируют саму атмосферу общения. Следовательно, знание лингвистических средств выражения эмоций облегчает понимание прямого и скрытого смысла высказываний, улучшает качество контактов с носителями языка, помогает прочувствовать их истинное отношение к обсуждаемой теме.

Эмоциональность является термином психологии, социологии, обозначающим характеристику эмоциональной сферы человека. Лингвистика оперирует термином «эмотивность», который понимается как свойство языковых средств, употребляемых для выражения эмоций в речевом акте. Эти средства способны произвести эмоциональный эффект на слушателя или читателя. Широкий диапазон эмоций и чувств изучается филологами и лингвистами с позиции языковых средств, используемых для выражения эмоций, чувств и эмоциональной оценки говорящего, а также их воздействия на эмоциональную сферу читателя или слушателя [2].

В работе В. И. Горелова «Стилистика современного китайского языка» детально описывается множество способов придания речи экспрессивности, что помогает при подробном изучении эмотивности [1].

Большинству представителей китайской культуры свойственна впечатлительность и высокая возбудимость, что позволяет характеризовать данный этнос как эмоциональный. В то же время китайцы привыкли делиться своими глубокими чувствами довольно сдержанно. Данная особенность находит отражение и в выборе лингвистических средств. Помимо этого, между западной культурой, где люди более открыто говорят о своих чувствах, и китайской существуют определенные различия в традиционных выражениях эмоций.

Представители западных культур часто склонны к индивидуализму и ищут способы выделиться. Следовательно, европейцы чувствуют себя менее подавленными в выражении своих желаний и чувств и ценят такие качества, как честность и прямолинейность, чем резко отличаются от китайской и других восточных культур, основанных на коллективизме и общественном восприятии, склонности к подавлению чувств.

Что касается привязанности, то жители поднебесной не очень любят говорить: «Я люблю тебя». Данное чувство чаще всего выражается действиями, такими как держание за руки и объятия, посвящением

традиционной песни в караоке (KTV) или текстовым сообщением с цифровым кодом 521 (我爱你).

Открытое выражение положительных или отрицательных чувств не очень распространено в китайской культуре, так как эмоции подобны данным – они передают не только значение, но и намерение. Разговаривая в кругу близких и друзей, китайцы свободно выражают положительные и отрицательные чувства. Но они предпочитают воздержаться от негативных эмоций при общении со знакомыми, старшими или на рабочем месте, так как это может привести к негативной оценке.

В данной статье мы перечислим наиболее интересные примеры лексики, употребляемой для выражения положительных эмоций:

高兴 [gāo xìng] – обрадоваться, радоваться, воодушевиться, быть веселым (данное слово состоит из двух иероглифов: 高«высокий» и 兴«интерес, подъем»). Следовательно, «радость» и «интерес» объединяются, подразумевая в целом интерес к жизни.

开心 [kāi xīn] – радоваться, быть в хорошем настроении (дословный перевод «открывать сердце»). Используется для выражения внутренней радости, а не по конкретному поводу. То есть это чувство, раскрывающее внутренний мир человека, его душу.

宽心 [kuān xīn] – не беспокоиться, спокойный (данное слово состоит из двух иероглифов: 宽«широкий, свободный» и 心«сердце»). Выражение описывает орган сердце в расслабленном состоянии, как в прямом, так и переносном смысле.

幸福 [xìng fú] – счастье, благо или благосостояние, счастливый.

快乐 [kuài lè] – радостный, веселый. Данное прилагательное часто встречается в поздравлениях.

愉快 [yú kuài] – приятный, веселый, радостный. Данное прилагательное встречается в роли определения к существительному.

兴奋 [xīng fèn] – возбуждение, воодушевление (иероглиф 奋 в его составе означает «расправлять крылья, взлетать»). Выражает ощущение настоящей радости.

喜滋滋 [xǐ zī zī] – ликовать, сиять от счастья (дословный перевод «старательно радоваться»).

兴冲冲 [xìng chōng chōng] – преисполненный радости, радостно (данное слово состоит из двух иероглифов: 兴«интерес, подъем» и 冲«сильный напористый, рваться вперед»). Выражает радостный порыв.

喜悦 [xǐ yuè] – радоваться. Выражает полный восторг.

激动 [jī dòng] – возбужденный, вдохновлять (данное слово состоит из двух иероглифов: 激«мощный, сильно, крайне» и 动«двигаться, изменяться, изумляться»). Выражает состояние потрясения.

Во избежание коммуникативных неудач очень важно уметь распознавать эмоциональную составляющую речи собеседника. Для

выражения психологических состояний личности как в устной, так и в письменной речи китайцев часто используются междометия.

На основании материала словарей «汉俄词典» (Китайско-русский словарь) [4] и «现代汉语词典» (Современный китайский словарь) [5], междометия современного китайского языка были классифицированы и разделены на 8 основных семантических групп, в том числе 2, выражающих положительные эмоции: 1) междометия, выражающие восхищение, удивление, восторг; 2) междометия, выражающие согласие, понимание, осмысление.

В ходе исследования удалось выявить особенности эмотивных полей междометий и разделить их по знаку оценки эмоций. Результат выборки положительных междометий из словаря выглядит следующим образом:

啊 [ā] – о!, ого! Выражает удивление или восхищение.

嗨 [hē] – ишь!; о!; ух ты! Выражает изумление, удивление.

嗨 [hāi] – о!, да! Это восклицание радости, уверенности.

哈哈 [hā hā] – ха-ха! (звукоподражание смеху). Выражает удовольствие.

嘻 [xī] – хи-хи! (звукоподражание смеху). Выражает удовольствие.

嚯 [huò] – охо, ого, ух-ты, вот так. Выражает удивление или восторг, так же служит для обозначения громкого смеха.

嘿 [hēi] – нн-о!; вот...; ну! Выражает удовольствие, удовлетворение.

Проведенный анализ дает возможность понять, что изучение ментальности нации с помощью языковых средств помогает узнать много нового о культуре и сознании этноса. Также эмоции являются ключом к эффективному раскрытию образа мышления народа, поэтому эмотивные лексические единицы наглядно демонстрируют его особенности.

Список использованных источников

1. Горелов, В. И. Стилистика современного китайского языка / В. И. Горелов. – Москва : Просвещение, 2000. – 192 с.
2. Крылова, М. Н. Способы выражения эмоций в социальных сетях / М. Н. Крылова // Филология и литературоведение. – 2016. – № 1. – С. 1–3.
3. Hoosain, R. Psychological reality of the word in Chinese. Language processing in Chinese / R. Hoosain. – 1992. – P. 111–130.
4. 现代汉语词典 (第5版) / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编 – 商务印书馆. – 北京, 2005. – 1869 с.
5. 现代汉语分类词典A Thesaurus of Modern Chinese / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编 // 商务印书馆. – 北京, 2013. – 827 с.

СТРУКТУРА СЕМАНТИЧЕСКОГО ГЕШТАЛЬТА «ЦАРЬ» (НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНЫХ СЛОВАРЕЙ)

Е. А. Коновалова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и
общего языкознания, Институт филологии, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,
Симферополь*

Аннотация. В статье представлен анализ структуры гештальта «царь» с опорой на метод Ю. Н. Караулова. Материалом анализа послужили три словаря, составленных на основе ассоциативного эксперимента, проведенного под руководством Н. В. Уфимцевой в нескольких регионах России: Москва, Московская область, Сибирь, Дальний Восток, Крым. Опрос проводился среди обучающихся вузов, поэтому данные представляют собой материал для описания языкового сознания молодежи. Благодаря тому, что в словарях представлены данные разных регионов, мы выявили особенности языкового сознания, описали ассоциативно-вербальное поле, отражающее современный образ понятия «царь».

Ключевые слова: языковое сознание, ассоциативный эксперимент, ассоциативно-вербальное поле, ассоциат, реакция, гештальт.

Summary. The article presents an analysis of the structure of the gestalt “tsar” based on the method of Y. N. Karaulova. The material of the analysis was three associative dictionaries compiled on the basis of the experiments conducted under the guidance of N. V. Ufimtseva in several regions of Russia: Moscow, Moscow region, Siberia, Far East, Crimea. The survey was conducted among university students, so the data is the material for describing the language consciousness of young people. Due to the fact that the dictionaries present data from different regions, we can trace the regional features of linguistic consciousness. Gestalt analysis allows us to describe the associative-verbal field, which reflects the modern image of the concept of “tsar”.

Key words: linguistic consciousness, associative experiment, associative-verbal field, associate, reaction, gestalt.

Московская школа психолингвистики осуществила проект, в результате которого был составлен Русский региональный ассоциативный словарь. Работа, состоявшая из трех этапов, завершилась в 2021 году. Были созданы три региональные базы ассоциативных данных. ЕВРАС – результат массового ассоциативного эксперимента с жителями европейской части России [6]. СИБАС – массовый ассоциативный эксперимент с респондентами Сибири и Дальнего Востока [7]. КрымАС – ассоциативный эксперимент с жителями Крыма (существует в виде электронной базы данных, 2021). Всего в эксперименте приняло участие

свыше двадцати тысяч жителей нашей страны. Полученные данные позволяют объективно описать содержание языкового сознания современной молодежи, исследовать способы формирования образа.

Н. В. Уфимцева, А. В. Рудаков, И. А. Стернин, Л. О. Бутакова считают, что данные, полученные в результате ассоциативного эксперимента, позволят решить ряд исследовательских задач: выявить ядерную и периферийную семантику, описать актуальное для современного носителя языка значение слова, определить устаревшее значение [3; 5, с. 5–6]. Анализ словарных статей позволяет утверждать, что полученные данные описывают также гипонимические, парадигматические и синтагматические отношения слов. И. А. Стернин и О. Е. Виноградова предполагают, что интеграция психолингвистических и лексикографических методов дает более полное описание семантики слова [5, с. 9].

На примере слова-стимула *царь*, сопоставив данные трех словарей, опишем актуальную семантику слова. Ассоциативный эксперимент дал 1507 реакции, которые объединены в 92 ассоциата. 17,4% ассоциатов характерны только для одного региона. В трех регионах совпали ассоциаты: полностью совпали 33,7 % ассоциатов, в ЕВРАС и СИБАС – 9,8%, СИБАС и КрымАС – 6,5%, ЕВРАС и КрымАС – 3,2%.

Опираясь на метод Ю. Н. Караулова, в слове-стимуле *царь* выделили семь зон: Субъект Объект, Характеристика, Действие, Локус, Эго, ФЕ. Зона Время в данном гештальте не активна. В трех регионах зоны представлены неравномерно.

Таблица 1. Распределение ассоциатов по зонам гештальта *царь*.

зона	ЕВРАС	СИБАС	КрымАС
Субъект	63,7%	61,6%	54,0%
Объект	21,8%	15,8%	23,8%
Характеристика	6,6%	3,6%	3,6%
Действие	0,0%	1,2%	0,5%
Локус	2,0%	4,9%	9,8%
Число	0,0%	0,0%	0,8%
Эго	0,9%	1,2%	1,3%
ФЕ	5,0%	11,2%	6,2%

Зона «Субъект» состоит из нескольких семантических групп. В зону «Человек» вошли ассоциаты, образующие четыре группы: историческая личность (*Мономах, Иван Грозный, Петр I, Николай II, Цезарь, Путин*), сказочный персонаж (*Горох, Гвидон, Салтан*), библейский персонаж (*Соломон*), нарицательные существительные (*батюшка, человек, господин*).

Самая упоминаемая историческая личность – первый венчанный царь с 1547 года *Иван Грозный* (ЕВРАС – 7,3%, СИБАС – 12,9%, КрымАС – 5,7%). Данный ассоциат представлен пятью реакциями: *Иван Грозный* (ЕВРАС – 12 раз, СИБАС – 22, КрымАС – 11), *Иоанн Грозный* (СИБАС – 2), *Грозный* (ЕВРАС – 8 раз, СИБАС – 17, КрымАС – 7), *Иван IV* (ЕВРАС –

12 раз, СИБАС – 9, КрымАС – 4), *Иван Васильевич* (СИБАС – 3). Ассоциат *Иван* (ЕВРАС – 1,6%, СИБАС – 1,9%, КрымАС – 1,3%), скорее всего, тоже относится к исторической личности первого царя. В трех регионах зафиксирован ассоциат *Петр I*: реакция *Петр I* (ЕВРАС – 1,6%, СИБАС – 2,2%, КрымАС – 1,6%), реакция *Петр* (ЕВРАС – 0,7%, СИБАС – 0,5%, КрымАС – 1,3%). *Николай II* тоже упоминается в трех регионах (ЕВРАС – 0,7%, СИБАС – 0,5%, КрымАС – 1,3%). Ассоциаты *Цезарь*, *Мономах* и *Путин* представлены только в одном регионе: СИБАС (*Цезарь* – 0,5%, *Мономах* – 0,5%), КрымАС (*Путин* – 2,6%). Библейский персонаж *Соломон* представлен в трех регионах (ЕВРАС – 0,9%, СИБАС – 1,5%, КрымАС – 0,5%).

Одним из самых частотных ассоциатов слова-стимула *царь* является сказочный персонаж *Горюх* (ЕВРАС – 5,7%, СИБАС – 5,1%, КрымАС – 1,8%). *Гвидон* представлен в трех словарях (ЕВРАС – 0,7%, СИБАС – 0,7%, КрымАС – 0,5%), а *Салтан* только в одном (ЕВРАС – 0,7%).

Сложное слово *царь-батюшка* находит отражение в языковом сознании молодежи всех трех регионов: ЕВРАС – 2,7%, СИБАС – 2,7%, КрымАС – 2,8%. Наричательные *человек* (0,7%) и *господин* (0,5%) представлены только в СИБАС.

В зоне «Субъект» представлена семантическая группа «профессия по виду деятельности», в которую вошли ассоциаты, являющиеся синонимами (*король, государь, монарх, император, князь, вождь, царевич, султан; правитель, глава, властитель, повелитель, владыка, главарь, лидер, начальник; президент*) и титулы, обозначающие лиц женского пола (*царица, царевна, королева*). Титулы, представленные в трех словарях: *король* (ЕВРАС – 6,3%, СИБАС – 5,6%, КрымАС – 3,6%), *князь* (ЕВРАС – 2,3%, СИБАС – 0,5%, КрымАС – 2,8%), *государь* (ЕВРАС – 2,3%, СИБАС – 1,5%, КрымАС – 1,3%), *император* (ЕВРАС – 2,9%, СИБАС – 1,2%, КрымАС – 1,3%). Титулы не совпали в трех словарях: *монарх* (ЕВРАС – 0,7%, СИБАС – 2,4%), *вождь* (СИБАС – 0,5%, КрымАС – 0,8%), *царевич* (КрымАС – 0,8%), *султан* (СИБАС – 0,5%). Титулы, обозначающие лиц женского пола: *царица* (ЕВРАС – 1,4%, КрымАС – 0,5%), *царевна* (ЕВРАС – 0,5%), *королева* (СИБАС – 0,5%). Должность *президент* упоминается в двух словарях (ЕВРАС – 0,7%, СИБАС – 0,5%).

Зона «Субъект» совпадает с первым значением, указанным в толковых словарях. Респонденты называют как реальных исторических персонажей, исполнявших роль царя, так и сказочных, мифических. Эксперимент выявил новое представление, не нашедшее отражение в толковых словарях: нынешний президент устойчиво ассоциируется с царем. В Европейской части страны и в Сибири ассоциат связан с названием должности (*президент*), в Крымском регионе с именем собственным (*Путин*).

Синонимы, представленные в ассоциативных словарях: *правитель* (ЕВРАС – 4,3%, СИБАС – 3,2%, КрымАС – 6,2%), *глава* (ЕВРАС – 4,1%, СИБАС – 1,9%, КрымАС – 3,6%), *повелитель* (ЕВРАС – 0,5%, СИБАС –

0,5%), *глава государства* (ЕВРАС – 0,7%), *властитель* (ЕВРАС – 0,5%), *владыка* (СИБАС – 0,5%), *начальник* (СИБАС – 0,5%), *главарь* (КрымАС – 0,8%), *лидер* (КрымАС – 0,5%).

Данные ассоциативного эксперимента дают представление об актуальном синонимическом ряде в языковом сознании современников: *правитель, король, глава, государь, император, монарх, глава государства, властитель, повелитель, владыка, вождь, главарь*. В современном языковом сознании отсутствуют такие синонимы как *помазанник божий, венценосец, самодержец, скипетроносец, цезарь и др.*

В семантическое субзоне «Животные» находит отражение символическое представление о власти ассоциатами *лев* (ЕВРАС – 1,2%, СИБАС – 1,7%, КрымАС – 2,3%) и *царь зверей* (ЕВРАС – 5,2%, СИБАС – 2,2%, КрымАС – 4,4%). Также в этой субзоне нашли отражение как традиционные образы *царь-рыба* (ЕВРАС – 0,9%, СИБАС – 2,2%, КрымАС – 1,0%), так и современные *царь-скорпион* (ЕВРАС – 0,5%, СИБАС – 0,5%).

Во всех культурах высшая власть ассоциируется с божественной. В современном языковом сознании устойчиво во всех регионах воспроизводится устойчивое выражение *царь и бог*: *Бог* (ЕВРАС – 0%, СИБАС – 1,2%, КрымАС – 3,9), *бог* (ЕВРАС – 5,9%, СИБАС – 2,2%, КрымАС – 0%) и *бог* (ЕВРАС – 0,9%, СИБАС – 0%, КрымАС – 0%) и *Бог* (ЕВРАС – 0%, СИБАС – 1,5%, КрымАС – 0%). Графическое написание отличается в разных регионах. В Европейской части ассоциат пишется только со строчной буквы, в Сибири со строчной и прописной, в Крымском регионе только с прописной.

Зона «Объект» представлена четырьмя семантическими субзонами: конкретная, абстрактная, антиценность, атрибуты и символы.

Субзона «Атрибуты и символы» объединяет ассоциаты *корона* (ЕВРАС – 5,7%, СИБАС – 5,1%, КрымАС – 11,4%), *трон* (ЕВРАС – 2,9%, СИБАС – 2,7%, КрымАС – 0,8%) – три региона; *скипетр* (СИБАС – 0,5%). Субзона «Антиценность» проявлена только в одном регионе: *тиран* (ЕВРАС – 0,5%). Зона «Объект» включает сложные слова: *царь-пушка* (ЕВРАС – 2,9%, СИБАС – 2,7%, КрымАС – 1,3%), *царь-колокол* (ЕВРАС – 1,1%, СИБАС – 0,5%, КрымАС – 0,5%).

Зона Характеристика проявила все три субзоны: положительная (ЕВРАС – 3,4%, СИБАС – 1,2%, КрымАС – 2,6%), отрицательная (ЕВРАС – 0,9%, СИБАС – 0,7%, КрымАС – 0%), нейтральная (ЕВРАС – 2,3%, СИБАС – 1,7%, КрымАС – 1%). Гештальт *царь* в языковом сознании современной молодежи воспринимается как положительный образ. Положительная характеристика представлена наибольшим количеством ассоциатов: *великий* – в трех словарях (ЕВРАС – 1,6%, СИБАС – 1,2%, КрымАС – 2,1%); *могучий* (ЕВРАС, СИБАС); *справедливый* (ЕВРАС – 0,7%, КрымАС – 0,5%); *мудрый* (ЕВРАС – 0,5%). Субзона «Отрицательная» представлена только одной реакцией: *грозный* (ЕВРАС –

0,9%, СИБАС – 0,7%). Субзона «Нейтральная»: *главный* (ЕВРАС – 1,8%, СИБАС – 1,7%, КРЫМАС – 1,0%), *русский* (ЕВРАС – 0,5%).

Зона «Действие» представлена двумя формами одного глагола: *править* (ЕВРАС – 0%, СИБАС – 0,7%, КРЫМАС – 0,5%), *правит* (СИБАС – 0,5%).

Зона «Локус» содержит две субзоны. Субзона «Имена собственные» показывает, что представители всех трех регионов, в которых проводился эксперимент, единодушно считают, что *царь* может править только в нашей стране: *Россия* (ЕВРАС – 0,5%, СИБАС – 0,7, КРЫМАС – 1,6%), *Русь* (ЕВРАС – 0,5%, СИБАС – 1,0, КРЫМАС – 1,6%), *Руси* (ЕВРАС – 1,1%, СИБАС – 1,0, КРЫМАС – 1,0%). Субзона «Территориальные объекты» представлена только в двух регионах: Сибирь, Дальний Восток и Крым. Объединяет представление о том, что *царь* возглавляет *государство* (СИБАС – 0,7%, КРЫМАС – 0,8%), *королевство* (СИБАС – 0,5%), *страну* (СИБАС – 0,5%), *держава* (КРЫМАС – 0,5%), а живет он в городе: *град* (СИБАС – 0,5%, КРЫМАС – 0,5%), *город* (КРЫМАС – 0,8%). Языковое мышление молодого поколения в Крыму отличается от представителей Московского региона, Сибири и Дальнего Востока, так как только в языковом сознании крымчан представлены ассоциаты: *сказка* (1,0%), *царство* (1,0%), *дворец* (1,0%).

Зона «Эго» представлена одним ассоциатом: *я* – в трех словарях (ЕВРАС – 0,9%, СИБАС – 1,2%, КРЫМАС – 1,3%).

Только в языковом сознании крымчан представлена зона «Число»: *один* (КРЫМАС – 0,8%).

Зоны «Фразеологические единицы» формируется из устойчивых выражений: *царь горы* (ЕВРАС – 7,0%, СИБАС – 5,1%, КРЫМАС – 3,9%), *царь всея Руси* (ЕВРАС – 0,9%, СИБАС – 2,2%, КРЫМАС – 0,5%), *царь в голове* (ЕВРАС – 0%, СИБАС – 0,7%, КРЫМАС – 0%).

Обратимся к словарям с целью выявить актуальную в языковом сознании семантику слова-стимула. Большой толковый словарь русского языка под редакцией С. А. Кузнецова дает три значения: 1. В России (с 1547 по 1721 гг.) и в некоторых других странах: титул монарха; лицо, носящее этот титул. 2. Тот, кто подчиняет окружающих или окружающее своему влиянию, превосходит всех в каком-л. отношении. 3. О чём-л. выдающемся среди других подобных. [2]. Эксперимент показал, что все лексические значения, отраженные в толковых словарях актуальны в языковом сознании молодежи.

Эксперимент выявил синонимический ряд к слову *царь*: *правитель, король, глава, президент, князь, государь, император, монарх, властитель, повелитель, владыка, вождь, главарь, султан, начальник, лидер*. В языковом сознании отражены синонимы, не включенные ни в один словарь [1; 4]: *вождь, глава, главарь, князь, лидер, начальник, повелитель, президент, султан*. Современный глава государства и лицо, занимающее руководящую должность, в языковом сознании молодежи ассоциируется с царем. Эти значения не представлены в толковых словарях.

Выводы. Только небольшая часть языкового сознания находит отражение в словарях. На примере гештальта *царь* мы установили, что толковые словари отражают только зоны «субъект» (субзоны «человек», «профессия» «животные», «мифологические существа») и «фразеологические единицы» что составляет 75,7% (ЕВРАС), 72,8% (СИБАС), 60,2% (КрымАС) от общего количества ассоциатов. Остальные зоны гештальта не отражены в словарях. Гештальт *царь* в языковом сознании молодежи имеет устойчивую положительную характеристику.

Список использованных источников

1. Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Абрамов. – Москва : Русские словари, 2002. – 502 с.
2. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2014. – 535 с.
3. Региональное языковое сознание коми, русских и татар: проблемы взаимовлияния : коллективная монография / под ред. Н. В. Уфимцевой. – Москва : РФФИ-ИЯ РАН, 2017. – 246 с.
4. Тришин, В. Н. Большой словарь-справочник синонимов русского языка / В. Н. Тришин. – 2013. – URL: <http://www.trishin.ru>. (дата обращения: 20.10.2022).
5. Уфимцева, Н. В. Актуальные проблемы проведения и интерпретации результатов психолингвистических экспериментов / Н. В. Уфимцева, А. В. Рудаков, И. А. Стернин [и др.] // Психолингвистика и лексикография : сб. научных трудов / научный редактор А. В. Рудакова. – Воронеж : Истоки, 2016. – Вып. 3. – С. 4–12.
6. Уфимцева, Н. В. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России) : В 2 т. / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. – Москва : Московская международная академия, 2018.
7. Шапошникова, И. В. Русский региональный ассоциативный словарь (СИБАС) : В 2 т. / И. В. Шапошникова, А. А. Романенко ; под редакцией Н. В. Уфимцевой. – Москва : Московский институт лингвистики, 2014. – 781 с.

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Д. С. Костинская,

*преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Коммуникативные стратегии являются важной составляющей педагогического дискурса. В статье рассматриваются различные виды коммуникативных стратегий, описывается их эффективность при обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей.

Цель исследования – выявить необходимые стратегии, которые могут научить студентов не только понимать язык, но и использовать его для решения задач в своей будущей профессиональной деятельности.

Методы, используемые в работе: описательный метод, а также общенаучные методы наблюдения, обобщения и анализа.

Основная научная новизна исследования заключается в том, что оно фокусируется на коммуникативных стратегиях, которые использует преподаватель во время обучения иностранному языку студентов, не связанных с языковыми специальностями, учитывая их профессиональные интересы и потребности.

В результате проведенного исследования были проанализированы различные коммуникативные стратегии, в том числе такие, как объясняющая, контролирующая, организующая и т. д. Описана их эффективность при обучении иностранному языку.

Ключевые слова: дискурс, педагогический дискурс, коммуникативные стратегии, обучение иностранному языку.

Summary. Communicative strategies are an important component of pedagogical discourse. The article studies various types of communicative strategies, describes their effectiveness in foreign language teaching to students of non-linguistic specialties.

The purpose of the study is to identify the necessary strategies that can teach students not only to understand the language, but also to solve problems in their future professional activities.

The main methods used in the article are the descriptive methods, as well as general scientific methods of observation, generalization and analysis.

The scientific novelty of the study lies in the fact that it focuses on the communicative strategies used by the teacher while teaching a foreign language to students who are not related to language specialties, taking into account their professional interests and needs.

As a result of the study, various communicative strategies were analyzed, including such as explaining, controlling, organizing, etc. Their effectiveness in foreign language teaching was described.

Key words: discourse, pedagogic discourse, communicative strategies, foreign language teaching.

На сегодняшний день нет четкого и общепринятого определения слова «дискурс». Это многозначный термин, используемый в ряде гуманитарных наук. С позиции лингвистики дискурс – динамический процесс языковой деятельности, а текст – его конечный результат, выливающийся в определенную законченную форму. Ученые выделяют несколько видов дискурса, одним из которых является педагогический.

Педагогический дискурс принадлежит к институциональному типу дискурса, является статусно-ориентированным, ограничен определенной ситуацией и социальной группой. Система педагогического дискурса состоит из следующих компонентов: цель, стратегии, ценности, подвиды и жанры. Основные участники коммуникации – преподаватель и обучающийся.

В. И. Карасик пишет: «Достижение целей общения реализуется при помощи определенных коммуникативных стратегий, которые являются последовательной интенцией речевых актов в типовой ситуации социализации. Они могут быть охарактеризованы как пояснение, объяснение нового материала, оценка результатов работы, контроль, взаимодействие и организация деятельности основных участников данного дискурса» [2].

О. В. Коротева выделяет следующие коммуникативные стратегии: «а) объясняющую, сориентированную на информирование человека; б) оценивающую, реализующуюся в праве учителя достижениям ученика; в) контролирующую, направленную на получение объективной информации об усвоении знаний, сформированности умений и знаний и принятии системы ценностей обучающимся субъектом; г) содействующую, состоящую в поддержке и исправлении учащегося; д) организующую, заключающуюся в совместных действиях участников общения и в создании благоприятных условий и доброжелательной атмосферы для общения» [3].

Коммуникативные стратегии педагогического дискурса играют ключевую роль в обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей. Они позволяют учащимся более целенаправленно и уверенно осваивать язык.

Объясняющая стратегия реализуется посредством обмена информацией, демонстрации аудиовизуальных материалов, разъяснения различных примеров, рассказа о собственном опыте. Преподаватель направляет внимание студентов на важные аспекты языка, предлагает обсудить поставленные вопросы, поработать с текстами различных тематик, изучить грамматику. Данная стратегия позволяет детально

углубляться в изучение иностранного языка, усваивать информацию и практиковать языковые навыки.

При использовании содействующей стратегии преподаватель может включать позитивные подходы, такие как поощрение и благодарность за хорошие показатели работы студентов, чтобы они продолжали стремиться к получению положительных результатов.

Организирующая стратегия заключается в постановке целей и задач обучения, создании условий для общения и обмена информацией. На данном этапе возникает языковое партнерство – объединение двух или более студентов для достижения общих языковых целей в процессе разговорной практики. Это эффективно для реализации групповых проектов, презентаций или заданий на построение диалогов.

Контролирующая стратегия выражена в таких действиях преподавателя:

- 1) установление факта выполнения студентами поставленной задачи;
- 2) проверка понимания каждой темы, овладения учебной программой;
- 3) контроль эмоционального состояния и знаний обучающихся.

После реализации оценочной и контролирующей стратегий преподаватель иностранного языка предлагает для студентов задания разного уровня сложности для создания благоприятных условий при изучении языка.

В реализации коммуникативных стратегий помогает правильно подобранная учебная литература и аудиовизуальный материал. Разберем пример на базе учебника *Business English in the New Millennium* [1]. В данном учебном пособии подобраны задания и тексты для развития лексико-грамматических и коммуникативных навыков, которые помогут студентам неязыковых специальностей решать поставленные задачи в будущей профессиональной деятельности.

Рассмотрим ход занятия по теме «Human resources». Для начала используем организующую стратегию, озвучивая тему занятия, предлагая обсудить группе поставленные вопросы по соответствующей тематике, выделяя основные задачи и цели.

Далее в учебнике представлен текст о видах поиска и подбора персонала в современном мире, после прочтения которого обучающимся даются различные задания для проверки прочитанной информации и закрепления полученных знаний. С помощью данной части занятия реализуется объясняющая стратегия. Происходит обсуждение представленных примеров в тексте, изучение активного словарного запаса.

Преподаватель может использовать приложения в конце пособия для отработки сопутствующих коммуникативных навыков и аспектов языка. Например, можно изучить информацию о этапах написания делового электронного письма, резюме и сопроводительного письма. Законспектировать речевые клише, примеры, отработать на практике

полученные знания. Также рассмотреть способы ведения переговоров, решения конфликтных ситуаций на работе. Следует погрузить студентов в соответствующие обстоятельства для отработки навыка говорения и решения коммуникативной задачи по средствам диалога или группового обсуждения.

В конце занятия реализуется контролирующая и содействующая стратегии, оценивается эффективность усвоения материала, дается дополнительное задание для самостоятельной подготовки и закрепления темы. Также преподаватель может выделить для себя, интересна ли была тематика занятия для студентов, какие эмоции они испытывают, какие сложности возникли, исходя из этого скорректировать план следующего практического занятия.

С помощью данных коммуникативных стратегий достигается одна из ключевых задач педагогического дискурса – формирование структуры знаний в сознании учеников и закрепление существующих концепций через использование учебно-познавательной деятельности. Реализуется взаимодействие преподавателя и студентов, при котором преподаватель находит подход к каждой группе обучающихся исходя из их профессиональной направленности, что дает студентам необходимые навыки в их будущей деятельности.

Список использованных источников

1. Гусякова, А. В. Business English in the New Millennium : учебное пособие / А. В. Гусякова. – Москва : МПГУ, 2016. – 180 с.
2. Карасик, В. И. Характеристики педагогического дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики : сб. науч. тр. / ВГПУ. – Волгоград : Перемена, 1999. – 196 с.
3. Коротева, О. В. Дефиниция в педагогическом дискурсе : специальность 10.02.19 «Общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Ольга Васильевна Коротева ; Волгоградский гос. пед. ун-т. – Волгоград, 1999. – 24 с.
4. Тленкопачева, М. Н. Основные элементы педагогического дискурса / М. Н. Тленкопачева // Актуальные вопросы филологических наук : Материалы III Междунар. науч. конф. – Казань : Бук, 2015. – С. 57–60.
5. Чернявская, В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований / В. Е. Чернявская // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса : сб. науч. тр. – Санкт-Петербург : Изд-во С. Петерб. гос. ун-та экономики и финансов. – С. 11–22.

**ПРЕЗЕНТАЦИЯ ГИБРИДНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МАОРИ
В ДИСКУРСИВНОМ ПОЛЕ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОСТИ:
ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Ю. Ю. Кравинская¹, Т. В. Чиковани²,

¹кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Статья посвящена актуальному вопросу в литературоведении – влияние дискурсивного поля на литературный процесс. В статье рассматривается презентация гибридной идентичности маори в новозеландской литературе как художественная имплементация постколониального дискурса. В статье представлен сравнительный анализ творческого выбора тематических доминант авторами Маорийского ренессанса (1970–2000 гг.).

Ключевые слова: дискурсивное поле, постколониальность, Маорийский ренессанс, Другой, литературный процесс, гибридная идентичность.

Summary. The article is devoted to an actual issue in literary studies: the impact of discursive field on literary process. The presentation of Maori hybrid identity in New Zealand literature as an artistic implementation of postcolonial discourse is considered in the article. The comparative analysis of thematic dominant choice made by the authors of Maori Renaissance (1970–2000) is set forth in the article.

Key words: discursive field, postcoloniality, Maori Renaissance, the Other, literary process, hybrid identity.

В результате главенства Британского имперского права и последующего обретения суверенитета бывшими британскими колониями в мировом литературном процессе возник ряд англоязычных национальных литератур. Канадская, австралийская, новозеландская, в некоторых аспектах американская литература, творчество писателей Карибского бассейна, Индии, Африки могут послужить тому примером. Наряду с объединяющим фактором английского языка как нарративного инструмента, схожие черты взаимодействия и конфронтации коренных и колониальной культур помещают данные литературы в плоскость дискурсивного поля постколониальности. Также прослеживается сходство в проявлениях культурной гибридности, в том числе в вопросах идентификации коренных меньшинств и потомков англоязычных переселенцев.

В ходе анализа литературного процесса Австралии и Новой Зеландии выявлено разнообразие форм культурной интеракции европейской, британской или американской литературной традицией с региональными, автохтонными литературными паттернами [1]. Так, англоязычное творчество маори, коренного этноса Новой Зеландии, охарактеризовано нами как результат культурного диалога англоязычного большинства и коренного меньшинства, который функционирует в дискурсивном поле постколониальности и является стержневой структурой постколониального дискурса. Результатом этого является гибридизация литературного процесса как формы культурной интеракции.

Цель данной статьи выявить тематические доминанты в презентации гибридной идентичности англоязычными авторами-маори и их связь с дискурсивным полем постколониальности. Это расширит понимание генеративных процессов в новозеландской литературе. Кроме того, результаты исследования позволят поднять вопрос о роли «малых литератур»² в формировании границ дискурсивного поля и литературной традиции англоязычного большинства, для которых образ коренного этноса является «Другим».

Дискурсивное поле постколониальности как вариации постсовременности формируется как фрейминг таких дискурсивных тем как «асимметрично-властная разделенность мироустройства», «проблема человеческой ущемленности», «драма... масс в сценарии индивидуализации избранных» [2, с. 15]. Пересмотр аспектов социокультурного кода в попытке избавиться от позиции ущемленного и построить диалог с белыми новозеландцами на равных условиях выступает движущей силой развития англоязычной литературной традиции маори и Маорийского ренессанса (1970–2000 гг.), затронувшего все аспекты культурной жизни Новой Зеландии.

Формирование литературной традиции маори происходит на фоне гибридизации национальной идентичности маори, начавшейся в период возникновения первых миссионерских поселений (начало XIX века) и оказавшее неоспоримое влияние на творчество коренного этноса. Природа гибридности национальной идентичности охарактеризована С. П. Толкачевым, исследователем постколониальной составляющей в мировом литературном процессе, следующим образом: «Эта идентичность строится на фундаменте колонизирующей культуры и сохраняемых аспектов национальной культуры» [4, с. 198]. Гибридность понимается нами в свете теории Хоми К. Бхабха как обоюдный процесс и идентификационный конструкт, который, с одной стороны, выступает как «признак продуктивности колониальной власти..., переоценка принятия колониальной идентичности через повторение дискриминационных элементов в идентичности», а, с другой стороны, «...нарушает запрос колониальной власти на мимикрию и нарциссизм, но повторно вовлекает

---

² выбранный нами термин для определения творчества этнических меньшинств внутри национальной литературы

ее идентификацию в стратегии свержения...» [5, с. 112]. В контексте идентичности маори гибридность раскрывает глубину влияния колонизации на культуру этноса и дает возможность подвергнуть сомнению доминирование белого большинства в ходе культурного диалога. При этом англоязычное творчество маори выступает художественным воплощением диалога.

Маори, обладающие гибридной идентичностью, видят художественный текст в качестве отображения гибридизированного культурного кода. Литература, в таком случае, представляет собой инструмент систематизации объективной идеи национальной идентичности. С. П. Толкачев дал следующую оценку роли литературы: «Читателю это творчество может продемонстрировать культурную точку зрения с позиций, на которых писатель творит, или информировать читателя о колониалистском дискурсе и структуре, против которой направлено создаваемое художественное произведение» [4, с. 199]. Англоязычное творчество маори, вобравшее в себя доколониальный культурный опыт и художественный инструментарий европейской культуры, несомненно, обладает гибридной природой. Это привело к тому, что основной формой стал постколониальный роман, чья полифоничность и социальная ориентированность наилучшим образом подходила для выражения уровня гибридности.

Поставив задачу художественно презентовать гибридную идентичность, авторы Маорийского ренессанса концентрируют творческое внимание на одной из тематических доминант, которые соответствуют формирующим дискурсивное поле постколониальности темам, представленным выше. Каждый из авторов Маорийского ренессанса направил творческие силы на презентацию определенного аспекта жизни маори: Вити Ихимаэра – положение этнического другого (ребенка, женщины) в белом обществе; Патрисия Грейс – поиск судьбы всего народа через личностный поиск себя; Кери Хьюм – процесс осознания и принятия бикультурного кластера как единого будущего для нации; Алан Дафф – маргинализация, насилие и культурная нищета современных маори.

В исследовании ранних текстов автохтонных авторов выявлено общее стремление образно воплотить чувство принадлежности маори к одному этносу как элемент тождественности в национальной идентичности. В произведениях присутствуют ностальгия по «старому миру» и племенному устройству социума, идеализированные образы вождей маори. Безвозвратность потери героики прошлого придавала элемент утопизма и безысходности, но в 80-е годы авторы-маори отходят от остро политической и социальной тематики, среди которых стоит отметить П. Грейс и К. Хьюм. Начинается поиск источников идентификации маори в современном обществе посредством глубокой психологической переоценки, раскрытия индивидуального восприятия мира современным представителем коренного населения, который

гордится своим прошлым, но не готов отказаться от ценностного опыта и знаний, приобретенных в постколониальном обществе Новой Зеландии.

Наиболее ярким примером данного подхода к репрезентации маори образца конца 20-го века является роман Кери Хьюм «The Bone People» («Люди-кости», 1985). К. Хьюм не погружает своих героев в рефлексию по поводу утраченных идеалов маори, и не помещает их в зону комфорта, созданного путем консервации маорийского традиционного уклада. Напротив, главные герои романа постоянно находятся на рубеже культур, и только построение нового бикультурного образования помогает им не только найти себя, но и физически спасти собственную жизнь. Так, Керевин Холмс, протагонист автора, смогла пережить творческий и психологический кризис, перебороть смертельное заболевание только тогда, когда сравняла с землей дом-маяк – символ самоизоляции, и создала культурный артефакт – маорийского идола, обозначающего триединство главных героев и общность маорийской и европейской культур. Роман получил широкое читательское и критическое признание, отмечен букеровской премией, что еще раз доказывает, что идея нового бикультурного общества близка не только автору, но и многим соотечественникам. Новозеландский критик Марк Уильямс определил роль романа в становлении нового социального паттерна: «Изображая Новую Зеландию страной с особой этнической судьбой, этот роман стал определяющим документом двукультурного национализма 1980-х» [3].

Выбор тематических доминант определил типичные черты главного героя в творчестве авторов Маорийского ренессанса (1970–2000 гг.). Наиболее явным сходством главного героя является желание найти самого себя, своей национальной идентичности, что определяет развитие составляющей путешествия в сюжетной линии. Главный герой представлен как ребенок или подросток, молодой мужчина или женщина, которые находятся в начале жизненного пути и происходит из гибридной культурной среды. Они оказываются вовлеченными в конфликт поколений, который усугублен конфликтом культур, так как последующие поколения маори все более ассимилируют ценности белого новозеландского большинства и уходят от традиционного уклада жизни.

Сфера бытования героя показывает читателю, что он находится перед культурным выбором, так как герой принадлежит к двум культурам. Это выражается в атмосфере ожидания, не спокойствия; в присутствии темы оторванности от культурных корней. Главный герой изображен чужим в социуме. Подчеркивается его другость и для белого общества, и для общества маори. Ответом на то, что герой не может найти «своих», с которыми может идентифицировать себя как часть группы, становится тема одиночества, самоизоляции. Но, будучи Другим в обоих мирах, главный герой может оценить современных маори взглядом извне, осознавая глубинные процессы трансформации, происходящие в этносе.

Таким образом, анализ тематических доминант в презентации гибридной идентичности и образа главного героя в творчестве

англоязычных авторов-маори подтверждает главенство дискурсивных тем как асимметричность во властном мироустройстве, борьба с подчиненным положением гибрида, кризис индивида в индивидуализированном обществе. Представленные темы формируют дискурсивное поле постколониальности, и дальнейшее исследование их художественного воплощения позволит охарактеризовать границы дискурсивного поля.

Список использованных источников

1. Кравинская, Ю. Ю. Специфика постколониального текста переселенческих обществ Австралии и Новой Зеландии: сравнительный аспект / Ю. Ю. Кравинская, Е. В. Полховская // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2020. – № 458. – С. 41–50.
2. Неклесса, А. И. Постколониальность в глобальном и региональном измерениях / А. И. Неклесса // Вестник Российского университета дружбы народов : Серия «Международные отношения». – 2021. – Vol. 21, № 1. – С. 9–19.
3. Павлов, Е. Вновь приводя в замешательство: малые литературы Аотеаро/Новой Зеландии / Е. Павлов, М. Уильямс // НЛЮ. Независимый филологический журнал. – 2007. – № 85. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/85/pa23.html>. (дата обращения: 19.07.2021).
4. Толкачев, С. П. Мультикультурный контекст современного английского романа : специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья» : дис. ... докт. филол. наук / Сергей Петрович Толкачев ; Московский пед. гос. университет. – Москва, 2003. – 381 с.
5. Bhabha, H. K. The Location of Culture / H. K. Bhabha. – New York : Routledge, 1994. – 285 p.

УДК 398.1 + 316.7 + 008

ПРОЕКЦІЇ ФОЛЬКЛОРНОГО ХРОНОТОПУ «ІНШИЙ-СВІТ» (НА ПРИКЛАДІ МУЛЬТФІЛЬМУ «КОРАЛІНА У СВІТІ КОШМАРІВ»)

О. В. Кривенко,

кандидат филологических наук, ассистент кафедры украинской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассмотрены особенности авторской интерпретации фольклорного хронотопа в контексте современной популярной культуры на примере мультипликационного фильма «Коралина в Стране Кошмаров». При помощи культурно-исторического и сравнительного подходов к исследованию нарративов выяснено, что в данном тексте реализована гибридная интерпретация нескольких моделей фольклорного понимания мироздания.

Ключевые слова: хронотоп, топос, фольклор, інтерпретація, нарратив, текст.

Summary. The article examines the peculiarities of the author's interpretation of the folklore chronotope in the context of modern popular culture using the example of the animated puppet film "Coraline in the World of Nightmares" based on the children's story of the same title by Neil Gaiman. With the help of the cultural-historical and comparative approaches to the study of narratives, it has been found out that in the specified author's text there implemented a hybrid interpretation of several models of folklore understanding of the world structure.

Key words: chronotope, topos, folklore, interpretation, narrative, text.

Вступ. Дослідження авторської рецепції фольклорного хронотопу в контексті сучасної популярної культури наприкінці ХХ – на початку ХХІ століть набувають особливої популярності. Пошук інтерпретацій загальнокультурних універсалій відкриває нові можливості для дослідження авторських нарративів та еволюції фольклору в умовах глобалізації. У цей період важливим засобом і результатом переосмислення народнопоетичних текстів стає кінематограф. На особливу дослідницьку увагу заслуговує так званий *дитячий фольклор* у формозмістовій оболонці мультиплікаційних фільмів. Показовим у цьому плані є знятий за однойменною дитячою повістю Ніла Геймана ляльковий мультиплікаційний фільм «Кораліна у світі кошмарів» (Laika Entertainment, 2008).

Результати дослідження. Думка про те, що уснопоетична творчість різних географічно та культурно віддалених один від одного народів має багато спільного, неодноразово висловлювалася багатьма вченими [11; 12; 5, с. 351–357]. Ця ідея, зокрема, стала основою для створення аналітичного каталогу «Тематическая классификация...» [1], який щороку поповнюється, а тому є важливим джерелом для актуального та повного віднайдення й дослідження міжкультурних паралелей. Однак ґрунтовного теоретичного узагальнення та осмислення зазначеного питання на сьогодні не здійснено.

Оскільки у фольклорі виживає тільки те, що є *актуальним* тут і зараз, вважаємо за можливе розглядати народнопоетичну складову як маркер *актуальності* творів сучасної популярної культури і водночас – як «зріз» еволюції фольклору на сучасному етапі. Якщо раніше народна поетка інтегрувалася до авторських творів переважно завдяки образно-тематичним включенням, то зараз спостерігається інтермедіальне «втягування» реципієнта до художньоосмисленої реальності [9, с. 135; 10, с. 57], в якій помітні проєкції фольклорного часопростору. Так, зокрема, в оказіонально-обрядовому фольклорі як найдавнішому пласті усної народної творчості виділяємо три основні різновиди топосу: 1) концентричний простір («на синьому морі, на камені», «у полі море, у морі камінь», «у морі острів» тощо); 2) віддалений, незаселений простір («де глас людський не заходить»); 3) антропологічний простір (перелік частин тіла, з яких, наприклад, виганяють хворобу) [8]. Ці різновиди

топосу зустрічаємо й далеко поза слов'янськими народномагічними текстами, тому можемо віднести їх до загальнофольклорних тексто-образних універсалій. У м/ф «Кораліна у світі кошмарів» бачимо досить химерне поєднання цих традиційних варіантів художнього топосу. Так, зокрема, на перший план тут спочатку виходить «віддалений, незаселений простір» (сам автор називає його «іншим-світом»), оскільки потрапити до нього складно: він за дверима, що зазвичай ведуть внікуди (впираються в цегляний мур), і тільки в певних ситуаціях за тими дверима стає помітним коридор, що веде до *іншого* світу. Мотив світу й паралельного антисвіту особливо виразно звучить у книзі, де з цією метою використовується додаткова художня деталь – дзеркало в коридорі [3, с. 65]. Тут варто згадати розповсюджені повсяквіт ворожіння із дзеркалами, викликання Кривавої Мері, Пікової Дами та багатьох інших з реальності, що знаходиться «по той бік» дзеркала (пор. «Аліса в Задзеркаллі» Л. Керрола, «Королівство кривих дзеркал» В. Губарева тощо). Дзеркало тут виступає символом певної схожості, тотожності, паралельності існування, але з абсолютним протиставленням за якоюсь ознакою.

Питання відтворення магічного топосу в тексті складне й неоднозначне. А. Іваницький підкреслює різницю між *зображенням* (образне, переосмислене, узагальнене, у преносному смислі) та *відтворенням* (конструюванням реальності у тексті відповідно до власного її сприйняття/бачення/відчуття, тобто все одно суб'єктивним) дійсності [6, с. 7] і називає такий *відтворений* у фольклорному тексті світ «іншим світом, ніби перевернутим стосовно навколишньої реальності (*Курсив – О. В.*)» [6, с. 7], що цілком справедливе і для топосу замовлянь, і для топосу зазначеного м/ф. Прикметно, що сучасному реципієнтові топос оказіонально-обрядового фольклору може здатися химерним, дивним, однак після залучення до аналізу інших фольклорних жанрів цей художній простір стає зрозумілішим. Розглянемо детальніше одну з колядок найстародавнішої доби: «Коли не було з нащада світла...» [4, с. 242; 7, с. 69–70]. Бачимо тут епізований початок, схожий на виклад космогонічного міфу, відомого в усьому світі як *міф про птаха, що пірнає*. У м/ф сама Кораліна зовнішньо схожа на пташку (у книзі це просто невеличкого зросту дівчина у яскравому вбранні [3, с. 21]). І, подібно до пташки, що піднімає з дна моря пісок для творення світу, Кораліна пірнає до «іншого-світу», на думку «іншої-матері», щоб його живити, а за наміром самої дівчинки – для визволення поневолених іншою-матір'ю душ. До речі, самі душі дітей у тексті схожі на піщинки і мають вигляд маленьких скляних кульок. Порівняймо також цю інформацію з традиційним віруванням у те, що породілля під час пологів ходить по немовля до іншого світу (потойбіччя) і приносить таким чином з іншого світу до нашого нове (?) життя. Окреслений далі в колядці хронотоп повністю відповідає традиційному для замовлянь концентричному простору [13, с. 111; 13, с. 149; 13, с. 150; 13, с. 151; 13, с. 153]. Загалом

міф про птаха, що пірнає, відомий багатьом народам світу та відображений в апокрифі «Про Тіверіадське море» («Список божественних книг»).

Водночас у зазначеному мультфільмі відбувається часопросторова гібридизація, бо поступово реципієнт пізнає глибину й структуру того *іншого* світу, що насправді має концентричну будову з павучихою в центрі. В авторському наративі це *інша-матір*, що снує свій світ. Вона – символ сонця, від якого відходить проміння [2, с. 353], що дає життя всьому довкола, куди сягає це світло. Отже, такий топос концентричний за природою творення. А хронос для цього топосу – від його створення до знищення. *Інша-матір* має не тільки творити, а й підтримувати (живити) його. Тому хронос поділяється на цикли – від жерви до жертви, – і кінець кожного циклу несе загрозу остаточного припинення існування топосу. У деяких народних традиціях павук може виступати трикстером [1]. У мультфільмі ця роль проявлена максимально яскраво, бо *інша-матір* відчуває загрозу для свого світу, тому вдається до максимального маскування, щоб заманити жертву до блискучого та заворожуючого смертоносного павутиння. Її образ дуже подібний до павучихи (має «руки-павуки», довгі кінцівки, чорні блискучі гудзики замість очей, їсть живих жуків тощо). Вона максимально привітна та ідеальна – але її бояться всі мешканці.

Антропологічний топос тут репрезентований через мотив пришивання гудзиків замість очей. Це можна зробити тільки зі згоди людини, введеної в оману чарами павучихи, що з доброї волі жертви забирає її душу, «випиває» її життя. Створюючи оману для очей, вона практично закриває їх жертві навіки, ув'язнюючи здобуті душі всередині свого химерного світу, який живиться ними. Таким чином у м/ф інтерпретується топос вигнання (куди відсилають хвороби і негаразди) – темні, далекі, відлюдні місця – що є спільним не тільки для східнослов'янських народів, а є типовим, наприклад, для okazіонально-обрядового фольклору комі [5, с. 226].

Говорячи про світобудову, слід згадати, що загальновідомим у багатьох культурах є образ світового дерева, який є символом вертикальної тричленної моделі: поділу на підземний, земний та небесний світи. Розглядаючи часопростір м/ф «Кораліна у світі кошмарів» з цієї точки зору, бачимо нові аспекти тлумачення традиційних образів та мотивів. Так, зокрема, як дерево бере силу з-під землі, так і рід людський бере силу з попередніх поколінь, тому в народномагічному хронотопі зазвичай переважають хтонічні тварини нижньої сфери – особливо земноводні. У м/ф наголошується схожість *іншої-матері* із павучихою, що підсилюється образами голок, шиття (натяк на прядіння – снування світу). Натомість у книзі неодноразово підкреслюється, що волосся *іншої-матері* ніби мокре і завивається коло неї, мов мокрі чорні водорості, мов *змії*. Земний світ людей у м/ф має вертикальний «розріз», що ділить реальність на два паралельно існуючі світи. Ця сфера традиційно заселена людьми та відповідними тваринами. Тут це, передусім, кіт. Є також миші-пацюки, але

вони є гінцями іншої-матері – переносять інформацію зі світу людей до хтонічного світу. Кіт у книзі намагається боротися з тими мишами-шпигунами традиційними котячими способами. Він виступає у книзі мудрим провідником-посередником між світами (порівн. Кіт Учений в О. Пушкіна, Чеширський кіт у Л. Керролла тощо). У м/ф образі кота приділено менше уваги, ніж у книзі. Частина його функцій перекладено на доданого у м/ф антропоморфного персонажа Вайбі. Інша-матір намагається закрити всі ходи, крізь які кіт може потрапити до її світу, бо вона хоче забрати до себе Кораліну назавжди та добре підживити нею свій світ. Символічно, що верхня сфера у книзі та м/ф практично закрыта – дощовими хмарами та туманом (символічно – невизначеністю) аж до щасливого завершення історії, ознаменованого появою на небі сонця. Також реципієнт не зустрине тут птахів. Однак слід згадати про те, що брови та очі є компонентами переосмисленого антропологічного топосу – проєкції магічного топосу на тіло та зокрема обличчя людини. У м/ф мотив пришивання гудзиків замість очей – це фактично закриття верхньої сфери задля винятково посиленого живлення «коріння», хтонічного світу, підземного світу, світу мертвих за рахунок *перевертання* традиційного руху життєвої енергії світовим деревом знизу вгору на протилежний напрям.

У традиційному тричленному концентричному хронотопі в центрі поля/моря/космосу знаходиться дерево як певна вісь світобудови. У м/ф віссю химерної світобудови є дім. У книзі підкреслено, що простір обмежений: дерева довкола будинку стають все більше схожими на «загальне уявлення» про них, цей світ ніби розмивається по краях і розчиняється в густому тумані. Однак коли Кораліна в іншому-світі рішуче прямує якомога далі від будинку, вона все одно повертається до нього. Тобто цей світ безкінечний, круглий, концентричний у всіх його топографічних вимірах. Він схожий на сувенірну скляну кулю зі снігом, всередині якої замкнені якісь людські фігури. І цей мотив рефлексується епізодом з ув'язненням батьків Кораліни всередині сувенірної снігової кулі, що стоїть на полиці в *іншому-світі*.

Висновки. У зазначеному м/ф є кілька різнорівневих проєкцій традиційного фольклорного хронотопу. Центром концентричного топосу є дім, в якому знаходиться і його творець – павукоподібна інша-матір, яка, до того ж, виступає в наративі трикстером. Використання мезантропоморфного образу, що походить від доантропоморфного образу павука-творця світу, відомого у багатьох етнокультурах, є детальною авторською інтерпретацією загальнофольклорної універсалії.

Віддалений, незаселений топос, куди можуть потрапити не всі, накладається на образ нижчого світу традиційної загальнофольклорної моделі світового дерева з його трьома сферами. На середньому та нижчому рівні відбувається дія, причому вони ніби існують паралельно, однак потрапити туди і вийти звідти можна тільки в певний час, у певному місці та тільки з ключем. Звертає на себе увагу схожість Кораліни на птаха із

відомого багатьом народам космогонічного міфу, що додає відтінків архаїчності авторській інтерпретації загальнофольклорного сюжету порятунку людських душ із потойбіччя.

Антропологічний топос також реалізований у зазначеному авторському наративі через мотив пришивання гудзиків замість очей, що водночас є алюзією на прядіння як ознаку павука-творця світу та на загальновідому традицію закривання очей померлому круглими предметами (наприклад, монетами).

Список використаних джерел

1. Березкин, Ю. Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам : Аналитический каталог : [сайт] / Ю. Е. Березкин, Е. Н. Дувакин. – URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/>. (дата обращения: 28.02.2023).
2. Войтович, В. Українська міфологія / В. Войтович. – Київ : Либідь, 2002. – 664 с.
3. Гейман, Нил. Коралина : [повість] / Нил Гейман ; пер. с англ. Е. Кононенко. – Москва : Издательство АСТ, 2022. – 192 с.
4. Гримич, М. В. Традиційний світогляд та етнопсихологічні константи українців : Когнітивна антропологія / М. В. Гримич. – Київ : Віпол, 2000. – 380 с.
5. Жирмунский, В. М. Сравнительно-историческое изучение фольклора / В. М. Жирмунский // Фольклор Запада и Востока. – Москва : ОГИ, 2004. – 464 с.
6. Іваницький, А. Поетичний паралелізм з погляду еволюції мислення / А. Іваницький // Народна творчість та етнографія. – 2008. – № 3. – С. 4–8.
7. Килимник, С. Український рік у народних звичаях в історичному освітленні / С. Килимник. – Вінніпег : Торонто, 1964. – Том 1 – С. 69–70.
8. Кривенко, О. В. Замовляння як фольклорний жанр та особливості його літературної рецепції : спеціальність 10.01.07 «Фольклористика» : автореф. дис. ... канд. філол. наук / Оксана Вячеславівна Кривенко ; ІМФЕ ім. М. Т. Рильського. – Київ, 2015. – 20 с.
9. Кривенко, О. В. Магічний код у повісті Марії Матіос «Черевички Божої Матері» / О. В. Кривенко // Учёные записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. – Серия : Филология. Социальные коммуникации. – 2014. – Т. 27 (86). – № 4. – С. 135–139.
10. Кривенко, О. В. Магічні коди творів Марії Матіос / О. В. Кривенко // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. – Том 1. – Филологические науки. – № 1 (67). – 2015. – С. 57–62.
11. Неклюдов, С. Ю. Диалектность – региональность – универсальность в фольклоре / С. Ю. Неклюдов // Универсалии русской литературы. – Воронеж : Научная книга, 2012. – С. 8–38. – URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov70.pdf>. (дата обращения 28.02.2023).
12. Путилов, Б. Н. Фольклор и народная культура / Б. Н. Путилов. – Санкт-Петербург : Наука, 1994. – 239 с.

13. Українські замовляння / упоряд. М. Н. Москаленко ; авт. передм. і комент. М. О. Новикова. – Київ : Дніпро, 1993. – 309 с.

14. Чувьуров, А. «Отсылка болезни» в лечебно-профилактических обрядах коми-зырян: слово и ритуал / А. Чувьуров // Народная медицина и магия в славянской и еврейской культурной традиции ; Сборник статей. Академическая серия. – 2007. – Выпуск 21. – С. 221–233.

УДК 82.0

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ СВЕРХТЕКСТА

С. О. Курьянов,

доктор филологических наук, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Современная теория сверхтекста требует сегодня не столько целостного осмысления, сколько новой систематизации и уточнения понятий и границ их значений, обусловленных современным уровнем литературоведческих исследований. В статье, исходя из авторского понимания проблемы и предложенной уточненной классификации сверхтекстов, дается краткая характеристика структуры сверхтекстов разного типа и предлагаются дефиниции сверхтекстов, относящихся к разному структурно-семантическому типу.

Ключевые слова: сверхтекст, типы сверхтекстов, ассоциативно-смысловой сверхтекст, текстовое единство.

Summary. The modern theory of supertext today requires not so much a holistic understanding, but a new systematization and clarification of concepts and the boundaries of their meanings, due to the modern level of literary studies. In the article, based on the author's understanding of the problem and the proposed refined classification of supertexts, a brief description of the structure of supertexts of various types is given and definitions of supertexts belonging to different structural and semantic types are proposed.

Key words: supertext, types of supertexts, associative semantic supertext, text unity.

Современная теория сверхтекста требует сегодня новой систематизации и уточнения понятий и границ их значений, обусловленных современным уровнем литературоведческих исследований.

Несмотря на значительные усилия, положенные на изучение теории сверхтекста от В. Н. Топорова до А. Г. Лошакова [9; 10; 1; 8; 5], сверхтексты до сих пор рассматривались как системы интегрированных текстов в целом и не были разведены по типу своей внутренней организации. Впервые такое разделение было проведено и обосновано нами совместно с коллегами и опубликовано в журнале «Litera» [2; 3].

По типу своей внутренней организации сверхтексты могут быть двух видов – *ассоциативно смысловые сверхтексты* и *текстовые единства*.

Ассоциативно-смысловой сверхтекст – это система интегрированных текстов, представляющая собой ассоциативно-смысловую текстовую общность, которая тождественно воспринимается авторским и читательским сознанием благодаря единому культурному коду. Так формируются в читательском и исследовательском видении наиболее известные пространственные, именные и событийные сверхтексты – петербургский, венецианский, крымский, северный, алтайский, сибирский, уральский и проч. тексты, пушкинский, дантовский, толстовский, шекспировский и др. тексты, тексты войн, революций и определённых исторических периодов.

Текстовое единство (сверхтекст) – это авторская (индивидуально-авторская или коллективно-авторская) система интегрированных текстов, которая характеризуется отчетливо выраженной единой модальной установкой и тождественно воспринимается авторским и читательским сознанием благодаря авторскому (составительскому, редакторскому) замыслу. Такими сверхтекстами являются авторский цикл (собранный и несобранный) и авторский сборник, являющиеся индивидуально-авторскими текстовыми единствами, а также сборники, альманахи, журналы, формируемые составителями и относящиеся к коллективно-авторским текстовым единствам. К последнему виду, на наш взгляд, относятся и те текстовые единства, которые вслед за Н. А. Купиной и Г. В. Битенской А. Г. Лошаков называет квази-авторскими (например, лагерная поэзия сталинской эпохи).

Различаются ассоциативно-смысловой сверхтекст и текстовое единство прежде всего особенностью своей ядерной организации.

Ядром ассоциативно-смыслового сверхтекста является концепт, несущий в себе национальную, культурную, всемирную значимость (Петербург, Венеция, Крым, Данте, Пушкин, Шекспир, Великая французская революция, Отечественная война 1812 года, Первая мировая война и под.). При этом общенациональная, общекультурная, всемирная значимость концепта, лежащего в основе ассоциативно-смыслового сверхтекста, должна быть несомненной, в противном случае сверхтекст состояться не сможет – он просто не будет формироваться и существовать в воспринимающем сознании. Особенность ядерного концепта сверхтекста прежде всего состоит в том, что он чаще всего является концептом внелитературным и только в редких случаях становится порождением самого литературного текста. Объясняется это экстралитературной сущностью пространства, личности, события, которые и становятся основой ассоциативно-смыслового сверхтекста.

Так же, как ассоциативно-смысловой сверхтекст, текстовое единство строится вокруг центра (ядра). Но в данном случае невозможно говорить об «образно и тематически обозначенном центре» [8]. Как уже сказано, в ассоциативно-смысловом сверхтексте таким центром является

национально (всемирно, культурно) значимый концепт. В текстовом единстве это не так. Генезис текстового единства иной и существенно отличается от генезиса ассоциативно-смыслового сверттекста. Ассоциативно-смысловой сверттекст *рождается в воспринимающем сознании* и лишь потом фиксируется интерпретатором. Текстовое единство как сверттекст является *порождением авторского сознания* (индивидуального или коллективного, но авторского), поэтому здесь исследователь лишь фиксирует и только отчасти интерпретирует эксплицитную или имплицитную авторскую интенцию. То есть автор нарочито подчеркивает (пусть даже и неосознанно) межтекстуальные связи в текстовом единстве, благодаря чему и рождается этот вид сверттекста. Таким образом получается, что *ядром текстового единства выступает авторский замысел, материализующийся в окончательном виде в авторскую идею*, которая, используя структурные свойства текстового единства и художественные средства, формирует сверттекст.

Видовая особенность ассоциативно-смыслового сверттекста в отличие от текстового единства состоит прежде всего в гетерогенности текстов, его составляющих – собрание в сверттекст разнородных текстов: и текстов различных родов и жанров, и текстов разных литературных направлений и эпох. В. Н. Топоров очень точно подметил, что в основе образующегося в воспринимающем сознании сверттекста лежит мифология [10, с. 644, 658] – пространственная ли, именная ли, событийная ли, – но обязательно мифология. По сути, *ядро (культурно значимый концепт) и собираемые вокруг ядра мифологизированные элементы и образуют сверттекст*. При этом не только архаический миф, не только эсхатологический или какой-либо другой могут собирать несколько текстов в сверттекст. Структурно и семантически организуют сверттекст также и те возникшие в поздние эпохи мифы (новые мифы, неомифы), которые рождались внутри литературных произведений или заимствовались их авторами из повседневности, закреплялись в воспринимающем сознании и переходили практически неизменно из одного произведения в другое.

Составляющие неомифа являются не столько мифологемами (коль скоро мифологема – это часть архаического мифа), сколько константными представлениями, которые в силу своей повторяемости мифологизировались. Мы называем их *константными мифологизированными представлениями*. Но есть и еще более мелкие элементы неомифа – отдельные константные понятия, своеобразные *мифоконцепты*, обозначенные как правило отдельными словами или словосочетаниями. Константное мифологизированное представление (КМП) есть соотносимое с действительностью, но видоизменённое в результате взаимодействия воспроизводящего и воспринимающего сознания сюжетное образование, которое либо в силу своей востребованности стало повторяемым в писательском творчестве и приобрело некоторые универсальные черты, либо в силу некоторой своей

универсальности стало востребованным и повторяемым в ряде литературных произведений. Мифоконцепт (МК) есть структурная единица КМП, мифема, хранящая в себе своеобразный «зародыш» – смысловую составляющую мифологизируемого сюжета.

Созданный на основе КМП сверхтекст всегда является открытым сверхтекстом и всегда может быть пополнен новыми структурными элементами.

Выделить структурные компоненты текстового единства значительно сложнее, нежели компоненты ассоциативно-смыслового сверхтекста, поскольку текстовое единство в меньшей мере зависит от воспринимающего сознания, а формируется прежде всего в сознании создающем и воспроизводящем, то есть в сознании автора, редактора, составителя, а затем и в сознании читателя.

Поэтому здесь, видимо, следует говорить о структурных компонентах разных вариантов текстовых единств (подразумевая, конечно, и возможность их схожести), сколь бы сложно ни было их выделить.

Мы также должны иметь в виду, что в отличие от ассоциативно-смыслового сверхтекста текстовое единство всегда (или, если так можно выразиться, *условно всегда*) имеет замкнутую структуру: в его состав невозможно добавить новые тексты, поскольку их круг определён и зафиксирован автором (составителем, редактором). Некоторое исключение представляет собой так называемый несобранный цикл, который выявляется и собирается интерпретаторами, поэтому тут и возможны варианты. К этому же типу текстового единства относится и не до конца структурированный авторский сборник, что чаще всего связано с физической смертью автора, в результате чего работу над сборником продолжает либо кто-то из его близких единомышленников, либо редактор-интерпретатор, к которому рукопись попадает спустя время.

Особый интерес представляют собой разновидности ассоциативно-смыслового сверхтекста по типу референта. А. Г. Лошаков в своей докторской диссертации и ряде работ по теории сверхтекста [5; 4; 6; 7] ввёл и описал разные принципы классификации сверхтекстов, но самым существенным элементом этой классификации, естественно, стала смысловая классификация сверхтекстов – классификация сверхтекстов по типу референта, предусматривающая разделение сверхтекстов на *пространственный* (у А. Г. Лошакова – *локальный*, в других вариантах встречается также термин *топосный*), *именной* и *событийный*.

В именном сверхтексте сегодня можно выделить два его подвида – *персональный* и *персональный* тексты. В событийном – наименее изученном – сверхтексте мы выделяем два его возможные варианта: *казуальный* и *эпохальный* тексты. В самом изученном на сегодняшний день топическом сверхтексте, который до сих пор называют и топосным, и локальным, чётко выделяются два вида сверхтекста – *локальный* и *региональный* [подробно об этом: 2].

Сверхтекст, таким образом, есть система интегрированных текстов, которая характеризуется отчетливо выраженной единой модальной установкой (ассоциативно-смысловой или авторской). Исходя из сегодняшних теоретико-литературных представлений, выделяется два типа сверхтекста – *ассоциативно-смысловой сверхтекст* и *текстовое единство*.

Ассоциативно-смысловой сверхтекст – наиболее изученный сегодня – есть система интегрированных текстов, представляющая собой ассоциативно-смысловую текстовую общность, которая обусловлена ориентированностью воспринимающего сознания на культурно значимые пространство, событие или личность и тождественно воспринимается авторским и читательским сознанием благодаря единому культурному коду. Ядром ассоциативно-смыслового сверхтекста является культурно значимый концепт, имеющий внелитературное происхождение, и только в редких случаях он есть порождение самого литературного текста. Основой структурно-семантической организации сверхтекста является миф или ряд мифологем и мифем, а также их современный вариант – константные мифологизированные представления и мифоконцепты. По типу референта ассоциативно-смысловой сверхтекст не только подразделяется на указанные исследователями именной, пространственный и событийный, но каждый из выделяемых сверхтекстов также имеет бинарную структуру, подразделяясь соответственно на персонический и персонажный, локальный и региональный, казуальный и эпохальный сверхтексты.

Текстовое единство есть авторская (индивидуально-авторская или коллективно-авторская) система интегрированных текстов, которая характеризуется отчетливо выраженной единой модальной установкой и тождественно воспринимается авторским и читательским сознанием благодаря авторскому (составительскому, редакторскому) замыслу. Ядром текстового единства выступает авторский (редакторский, интерпретаторский) замысел, материализующийся в окончательном виде в авторскую (редакторскую, интерпретаторскую) идею, которая, используя структурные свойства текстового единства и художественные средства, формирует сверхтекст. В зависимости от авторской (редакторской, интерпретаторской) задачи текстовое единство может принимать различные формы. Индивидуально-авторские текстовые единства (цикл произведений, авторский сборник и т. п.) являются целостными и закрытыми текстовыми образованиями, что изначально задается писательским замыслом, тематической общностью составных частей, общей подчиненностью авторской идее, стилистическим единством и совокупной модальностью. Коллективно-авторские текстовые единства (сборник, составленный после смерти писателя, альманах, журнал и под.) отличает гетерогенность и поливекторность смыслового центрирования. Это замкнутые (за исключением продолжающихся изданий) неоднотипно структурированные сверхтексты, ядро которых обнаруживается в

эстетико-идеологической установке редактора-интерпретатора или коллектива авторов.

Развитие теории сверхтекста способствует не только дальнейшему изучению различных его составляющих, уточнению их функций, но и указывает новые подходы к большим текстovým образованиям, поскольку, порожденные писателями-творцами, они не только воссоздают мир в константных представлениях или в реализации авторских замыслов, но и формируют картину мира, усваиваемую воспринимающим сознанием.

Список использованных источников

1. Купина, Н. А. Сверхтекст и его разновидности / Н. А. Купина, Г. В. Битенская // Человек – текст – культура / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. – Екатеринбург, 1994. – С. 215–222.
2. Курьянов, С. О. Актуальные вопросы теории сверхтекста: литературоведческий аспект. Ассоциативно-смысловой сверхтекст / С. О. Курьянов, Н. П. Иванова, В. В. Курьянова // Litera. – 2022. – № 11. – С. 124–136. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39200. (дата обращения: 12.04.2023).
3. Курьянов, С. О. Актуальные вопросы теории сверхтекста: литературоведческий аспект. Текстовое единство как сверхтекст / С. О. Курьянов, И. В. Александрова, Н. П. Иванова, В. В. Курьянова // Litera. – 2022. – № 12. – С. 33–51. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39384. (дата обращения: 10.04.2023).
4. Лошаков, А. Г. Об авторской парадигме сверхтекстов / А. Г. Лошаков // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2008. – № 12 (67). – С. 50–57.
5. Лошаков, А. Г. Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен : монография / А. Г. Лошаков. – Архангельск : Поморский ун-т, 2007. – 344 с.
6. Лошаков, А. Г. Сверхтекст: проблема целостности, принципы моделирования / А. Г. Лошаков // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2008. – № 11 (66). – С. 100–109.
7. Лошаков, А. Г. О принципах моделирования сверхтекста / А. Г. Лошаков // Вестник Московского государственного областного университета ; Серия «Русская филология». – 2018. – № 5. – С. 70–80.
8. Меднис, Н. Е. Сверхтексты в русской литературе / Н. Е. Меднис. – Новосибирск : Издательство Новосибирского государственного педагогического университета, 2003. – 170 с. – URL: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=3>. (дата обращения: 10.04.2023).
9. Топоров, В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» / В. Н. Топоров // Семиотика города и городской культуры / Труды по знаковым системам. – Санкт-Петербург : Тарту, 1984. – Вып. XVIII. – С. 3–29.
10. Топоров, В. Н. Петербургский текст / В. Н. Топоров // Отделение историко-филологических наук РАН. – Москва : Наука, 2009. – 820 с.

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО МИФА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XIX ВЕКА

С. О. Курьянов¹, А. А. Ильницкая²,

¹доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²ассистент кафедры русской и зарубежной литературы, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В актуальной статье авторы обращаются к вопросу изучения французского мифа в русской литературе начала XIX века, определяя основным предметом исследования отечественную рецепцию на всемирно значимый концепт «Франция» и его репрезентативы, выступающим ядром французского сверхтекста, изучения которых является одним из наиболее актуальных и быстро развивающихся направлений в филологии.

Основными методами исследования выступили культурно-исторический метод и метод мифопоэтического анализа.

Ключевые слова: сверхтекст, топический текст, миф, мифологема, мифема, Франция, французы, русская литература.

Summary. In this article, the authors address the issue of studying the French myth in Russian literature of the early 19th century, defining the main subject of research for the domestic reception of the globally significant concept «France» and its representatives, which are the core of the French supertext, the study of which is one of the most relevant and rapidly developing areas in philology.

The main research methods were the cultural-historical method and the method of mythopoetic analysis.

Key words: supertext, topical text, myth, mythologeme, mytheme, France, French, Russian literature.

В настоящее время исследование пространственных (топических) сверхтекстов является одним из актуальных и быстро развивающихся направлений в филологии. Поскольку основными составными элементами топических текстов, как и иных разновидностей ассоциативно-смысловых сверхтекстов, являются мифологема (а точнее – мифологизированные константные представления [см.: 4]) и мифемы (мифоконцепты) важным аспектом изучения сверхтекстов остаётся исследование мифа.

Французский текст как региональный топический сверхтекст формируется на основе константных мифологизированных представлений

о Франции (французской культуре, французском языке, национальной литературе Франции и др.), имеет условные границы и нередко строится на основе совокупности локальных (городских) текстов. В основе французского текста лежит всемирно и культурно значимый концепт 'Франция', в рамках которого – мода, модель поведения, образ жизни, национальная культура и др., в результате чего в воспринимающем сознании возникает обобщенный образ страны и народа. Это и есть ядро французского сверттекста [6].

Французский текст в русской (и не только) литературе создаётся благодаря мифу о Франции, состоящему из константных мифологизированных представлений о данном пространстве, сложившихся на протяжении всех периодов развития национальной литературы и закреплённых в литературных произведениях и читательском сознании, и, как и любой «подлинный» миф, представляя собой концепцию и модель Франции и французского социума. В этом отношении важно подчеркнуть, что предметом нашего исследования является «отечественная» рецепция не только Франции и не только французского народа, но и все смежные представления, возникавшие в тесной связи с историей, развитием и влиянием Франции на русскую культуру.

Появлению французского мифа в русской литературе способствовали три основных обстоятельства. Во-первых, французский язык, который к середине XVIII в. в русской среде стал языком европейской культуры, языком принадлежности к привилегированному дворянскому сословию или даже к высшему обществу.

В 1728 г. В. К. Третьяковский, учившийся в то время в Сорбонне, пишет «Стихи похвальные Парижу» – первое русское стихотворение о французской столице, положив начало парижскому тексту в русской литературе – тексту не о месте и городе, а об идеальном мире, положив таким образом начало созданию мифа о Париже как райском месте:

*Красное место! Драгой берег Сенски!
Тебя не лучше поля Элисейски!
Всех радостей дом и сладка покоя,
Где ни зимня нет, ни летнего зноя* [13, с. 55].

Французский миф, как и любой подобный миф, формировался на русской почве в двух оппозиционных вариантах – сакральном и профанном, причём второму варианту изначально было отдано явное предпочтение и в комедии Д. И. Фонвизина «Бригадир», и в журналах Н. И. Новикова, и в «Почте духов» И. А. Крылова, и во многих других.

Из самого известного в русской литературе первой трети XIX века – фактическое единодушие в неприятии моды на французское у антагонистов Чацкого и Фамусова в грибоедовском «Горе от ума». «Ей сна нет от французских книг» [2, с. 21], «А все Кузнецкий мост, и вечные французы, / Оттуда моды к нам, и авторы, и музы...» [2, с. 34], – возмущается Фамусов. А Чацкий, завидев «французика из Бордо», раздражается гневным монологом, клеймящем «чужевластье мод» («Чтоб

умный, бодрый наш народ / Хотя по языку нас не считал за немцев» [2, с. 27]). Последнее (о «немцах») в словах Чацкого напрямую приводит к известной сноске Н. В. Гоголя в «Ночи перед Рождеством», где француз оказывается пусть не в сатирическом, но всё же в комическом контексте: «Немцем называют у нас всякого, кто только из чужой земли, хоть будь он француз, или цесарец, или швед – все немец» [1, с. 17].

Важное место в формировании мифа о Франции принадлежит А. С. Пушкину. Известно, что будущий поэт, будучи восьми или девяти лет отроду, увлекшись комедиями Ж.-Б. Мольера, сочинил в подражание ему не дошедшую до нас комедию «L'Escamoteur» («Похититель») и сам исполнил её перед сестрой Ольгой. Комедия была освистана, и автор написал на себя эпиграмму:

<i>Dis moi, pourquoi l'Escamoteur</i>	<i>Скажи мне, почему «Похититель»</i>
<i>Est-il sifflé par le parterre?</i>	<i>Освистан партером?</i>
<i>Hélas! c'est que le pauvre auteur</i>	<i>Увы, потому, что бедный автор</i>
<i>L'escamota de Molière.</i>	<i>Похитил его у Мольера.</i>

Как писал в комментариях к эпиграмме Б. В. Томашевский, «стихи эти сообщены были сестрой Пушкина Ольгой Сергеевной в 1851 г. При этом она рассказывала: “Любимым его упражнением сначала было импровизировать маленькие комедии и самому разыгрывать их перед сестрой, которая составляла всю публику и произносила свой суд. Однажды как-то она освистала его пьеску. Он не обиделся и сам на себя написал эпиграмму”. По свидетельству Ольги Сергеевны, Пушкину было тогда 9 лет, т. е. рассказ относится к 1808–1809 гг.»

«В возрасте десяти лет, – констатировал Ю. И. Ореховатский, – им было написано несколько песен для задуманной поэмы “Tolyade” [“Толиада”, 1809–1811], представляющих собой пародию на вольтерову “Генриаду”. Из дошедших до нас стихов законченными являются лишь “Stances” [“Стансы”] (1814), “Mon portrait” [“Мой портрет”] (1814), четверостишие, адресованное княгине В. М. Волконской “On peut très bien, mademoiselle” [“Сударыня, вас очень легко”] (1816), “Couplets” [“Куплеты”] (1817). Остальное – это скорее наброски и отрывки, сочиненные уже после Лицея...».

При этом известно пушкинское «неприятие... иноязычной речи как способа самовыражения» русского человека. Так, в письме брату Льву Сергеевичу от 24 января 1822 года из Кишинева в Петербург звучит явное недовольство макароническим стилем письма брата: «Сперва хочу с тобою побраниться; как тебе не стыдно, мой милый, писать полу-русское, полу-французское письмо, ты не московская кузина...» [11, с. 35]. А в письме князю П. А. Вяземскому от 6 февраля 1823 г. из Кишинева в Москву поэт категорично заявляет о неприемлемости широкого использования французского языка для русской литературы: «...французская болезнь умертвила б нашу отроческую словесность» [11, с. 57]. Обратим внимание, что оба послания написаны до того, как Пушкин мог познакомиться с

грибоедовской комедией, устами Чацкого осуждавшей «смешенье языков / Французского с нижегородским» [2, с. 37].

Однако укоренённость в дворянском обществе французского языка как средства великосветского общения, французской культуры как части культуры привилегированного класса А. С. Пушкиным (да и другими русскими писателями) осознавалась вполне. Отсюда создание мифа о Париже (несомненно сакрального) как городе свободы нравов в первой главе «Арапа Петра Великого», поддержанного цитатой из XIII песни «Орлеанской девственницы» (1755) Вольтера:

*Temps fortuné, marqué par la licence,   Счастливое время, отмеченное
вольностью нравов,
Où la folie, agitant son grelot,   Когда безумие, звеня своей
погремушкой,
D'un pied léger parcourt toute la France,   Легкими стопами обегает
всю Францию,
Où nul mortel ne daigne être dévot,   Когда ни один из смертных
не изволит быть богомольным,
Où l'on fait tout excepté pénitence.   Когда готовы на все, кроме
покаяния [6, с. 543].*

В пушкинском романе в стихах Онегин воспитывался гувернёрами-французами («Сперва Madame за ним ходила, / Потом Monsieur ее сменил» [9, с. 327]), что было традиционно для высшего света и описано поэтом вполне нейтрально, но и в провинции для Саши Троекурова нанимают гувернёра-француза Дефоржа («Дубровский»), а Петрушу Гринёва «воспитывает» хоть и бывший парикмахер, но именно француз Бопре («Капитанская дочка»), что выглядит уже комично, если вспомнить о недостатках последнего – «страсти к прекрасному полу» и «русской настойке» [9, с. 27]. В двух последних случаях профанный миф о французах дан вполне: Дефорж, подобно Наполеону и французским солдатам, ретировавшимся из России, бежит от русского офицера Дубровского; Бопре – «добрый малый, но ветрен и беспутен до крайности» [9, с. 30], что воспроизводит сразу два характерных для русского сознания константных мифологизированных представления о французах.

Татьяна Ларина «влюблялася в обманы / И Ричардсона и Руссо» [9, с. 343]: понятно, что Ричардсона она читала не по-английски, а по-французски, на что указывает ударение в стихе. И «опасная книга», с которой она «бродит» одна – это, как давно установлено, «Юлия, или Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо. «Она по-русски плохо знала, / Журналов наших не читала / И выражалася с трудом / На языке своем родном, / Итак, писала по-французски... [9, с. 350], несмотря на то, что родилась и жила в глубокой провинции, в деревне (и по словам поэта, была «русская душою / Сама не зная почему»). А традиция восприятия мира через французские книги и французскую культуру перешла к ней от матери, которая «была сама / От Ричардсона без ума» [9, с. 369] и, переехав из Москвы в деревню мужа,

*Звала Полиною Прасковью
И говорила нараспев,
Корсет носила очень узкий,
И русский Н как N французский
Произносить умела в нос [9, с. 371].*

Таким образом, возникший еще в середине XVIII века миф о Франции и французах, претерпев некоторые изменения в русском литературном сознании начала XIX века, был дополнен и скорректирован.

Несомненная сложность в выявлении французского мифа в русской литературе заключается в том, что французская культура в начале XIX века прочно вошла в культурный код русского высшего общества. Как писал А. С. Пушкин в «Евгении Онегине», «Но панталоны, фрак, жилет, / Всех этих слов на русском нет» [9, с. 362]. Поэтому отделение французского мифа от мифа псевдофранцузского, созданного на русской почве, еще требует внимательного изучения в процессе исследования французского мифа и французского сверхтекста в русской литературе первой трети XIX века.

В то же время выявление константных мифологизированных представлений о Франции, понимание их структуры и особенностей ракурса взгляда русских писателей на французов и французское несомненно сможет также содействовать адекватности перевода текстов русских писателей на французский язык, перевода не дословного, а основанного на воспроизведении смыслов.

Список использованных источников

1. Гоголь, Н. В. Ночь перед Рождеством / Н. В. Гоголь // Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений и писем : В 23-х т. Т. 2. – Москва : Наследие, 2001. – 246 с.
2. Грибоедов, А. С. Горе от ума / А. С. Грибоедов. – Санкт-Петербург : Лениздат, 2014. – 190, [1] с.
3. История русской литературы XIX века (вторая половина) : / под ред. Н. Н. Скатова. – 2-е изд., дораб. – Москва : Просвещение, 1991. – 509 с.
4. Курьянов, С. О. Актуальные вопросы теории сверхтекста: литературоведческий аспект. Ассоциативно-смысловой сверхтекст [Электронный ресурс] / С. О. Курьянов, Н. П. Иванова, В. В. Курьянова // Litera. – 2022. – № 11. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39200. (дата обращения: 06.02.2023).
5. Курьянов, С. О. Тайный ключ русской литературы: формирование и становление крымского текста в русской литературе X–XIX веков : монография / С. О. Курьянов. – Москва : ИНФРА-М, 2019. – 312 с.
6. Лотман, Ю. М. Русская литература на французском языке / Ю. М. Лотман // Русская литература на французском языке XVIII–XIX веков. – Wien, 1994. – 29 с.
7. Некрасов, Н. А. Полное собрание сочинений : в 15 томах / Н. А. Некрасов. – Ленинград : Наука, Ленинград. отделен., 1982. – Т. 4 :

Поэмы 1855–1877 гг. / [подгот. текстов и коммент. О. Б. Алексеева и др. ; ред. А. М. Гаркави, Б. В. Мельгунов]. – 1982. – 634 с.

8. Ороховацкий, Ю. И. Пушкинское подражание Ронсару (К вопросу о французских стихах А. С. Пушкина) / Ю. И. Ороховацкий // Пушкинский сборник : Сборник научных трудов / ЛГПИ им. А. И. Герцена. – Ленинград : [Б. и.], 1977. – С. 134–138.

9. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений : в 19 томах / А. С. Пушкин. – Москва : Воскресенье, Российская Академия, Москва, 1994–1997. – 574 [1] с.

10. Пушкин, А. С. «Dis moi pourquoi l'Escamoteur...» / А. С. Пушкин // Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений : В 10 т. – Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1977–1979. – Т. 1. Стихотворения, 1813–1820. – 1977. – С. 379.

11. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений / А. С. Пушкин ; ред. ком. Максим Горький, С. М. Бонди и др. ; Акад. наук СССР. – Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1937–1959. – Т. 13 : Переписка. 1815–1827 / ред. Д. Д. Благой. – 1937. – 651 с.

12. Томашевский, Б. В. Примечания / Б. В. Томашевский // Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений : В 10 т. – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. – Т. 1. Стихотворения, 1813–1820. – 1977. – С. 429–466.

13. Третьяковский, В. К. Избранные произведения / В. К. Третьяковский. – Ленинград : Советский писатель, Ленинград. отделен., 1963. – 540 с.

УДК 821.161.1

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АФОРИЗМА «ВСЕ СЧАСТЛИВЫЕ СЕМЬИ ПОХОЖИ ДРУГ НА ДРУГА...» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

В. В. Курьянова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье на материале романов В. Набокова «Ада, или Радости страсти», М. Анчарова «Самшитовый лес», повестей И. Грековой «Перелом», Ю. Трифонова «Предварительные итоги», Б. Минаева «Детство Левы» рассматривается использование одного из самых цитируемых афоризмов Л. Н. Толстого «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» в русской литературе XX века. Писатель в рамках афористичного высказывания выдвинул тезис похожести/ особенности счастливых и несчастливых семей. Художественные потомки Толстого интерпретируют сентенцию, исходя из событийной семантики неблагополучия или

неблагополучия семейной жизни в собственных произведениях. Кроме того, в физиологии, медицине, экономике применяется принцип «Анны Карениной», также построенный на основе исследуемого афоризма.

Ключевые слова: афоризм, «Анна Каренина», Л. Н. Толстой, русская литература XX в.

Summary. The article is based on the novels “Ada or Ardor: A Family Chronicle” by V. Nabokov, “Samshitov Forest” by M. Ancharov, “The Break” by I. Grekova, “Preliminary Results” by Yu. Trifonov, “Leva's Childhood” by B. Minaev. The author considers the use of one of the most quoted aphorisms by L. Tolstoy “All happy families resemble each other, each unhappy family is unhappy in its own way” in the Russian literature of the 20th century. The writer puts forward the thesis of the similarity/peculiarity of happy and unhappy families as a part of the aphoristic statement. Tolstoy's artistic descendants interpret the maxim based on the event semantics of unhappy or unhappy family life in their own works. In addition, physiology, medicine, economics apply the principle of “Anna Karenina” that is also built on the basis of the aphorism under study.

Key words: aphorism, “Anna Karenina”, Leo Tolstoy, Russian literature of the 20th century.

Афоризм в художественном произведении воплощает сложное и глубокое духовное постижение жизни, учитывая разнообразие универсальных и частных явлений действительности. Широко известен интерес Л. Н. Толстого к лаконичности и точности художественного высказывания в поздний период творчества: в 1904–1908 гг. составлен «Круг чтения», в 1906–1910 гг. – «На каждый день». Но, как и все остальные приемы писателя, истоки афористичности находятся в ранних текстах писателя, а развитие использования оригинальных нравоучительных изречений получает выражение в зрелых произведениях Толстого.

Роман «Анна Каренина» включает в себя ряд афоризмов, один из которых открывает первое событие – конфликт в семье Стивы и Долли Облонских: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» [6, с. 3]. Тезис, который выдвигает Толстой первой строкой романа, опровергается концепцией «мысли семейной» всего текста, в частности «идеальной любовью» Левиных, которая не похожа ни на одно из существующих чувственных проявлений в силу своей идеальности. Таким образом, писатель в тексте закладывает противоречие, заставляющее на протяжении полутора веков искать ответ на вопрос, похоже или нет семейное счастье/ несчастье. И пытаются решить эту проблему создатели уже других оригинальных художественных текстов, используя в качестве реминисценции начальную строку романа.

В. В. Набоков начинает свой роман «Ада, или Радости страсти» фразой: «Все счастливые семьи довольно-таки не похожи, все несчастливые довольно-таки одинаковы» [5, с. 13], – так говорит великий

русский писатель в начале своего прославленного романа («Anna Arkadievitsh Karenina»), преобразенного по-английски Р.Дж. Стоунлоуэром и изданного «Маунт-Фавор Лтд.», 1880. Произведение Набокова опубликовано на английском языке, но наполнено аллюзиями и различными игровыми литературными приемами, поэтому также используются русский и французский языки. В примечаниях к изданию сам Набоков под псевдонимом Вивиан Дамор-Блок комментирует начало произведения, объясняет, почему он приводит «извращенную» фразу романа Л. Н. Толстого. Его целью было высмеивание переводов «великих текстов» русской классической литературы: афоризм Толстого был «вывернут наизнанку», в название романа зачем-то добавлено отчество героини, причем в мужской форме [5, с. 563]. Для Набокова привлечение измененной цитаты Толстого стало необходимым и как элемент литературной игры, и как образец нелепых ошибок переводчиков, и как начало для романа о двух влюбленных, прошедших большие испытания и обретших счастье в старости.

Личность и творчество Толстого, благодаря безусловной неординарности, в XX веке становятся не только источником аллюзий, но и живут как отдельный миф, с большим количеством различных вариантов. Чаще всего афоризм Толстого о счастливых семьях используется в качестве метафоры в разнообразной психологической литературе, как вводная в рассуждениях о благополучии/неблагополучии семейной жизни, но также проникает толстовская сентенция и в художественную литературу.

Целью работы является исследование использования афоризма Л.Н. Толстого «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» в русской литературе XX века и его мифологизация.

Одним из основных отличий размещения цитаты Толстого в художественный текст является ее анафоричность, то есть практически все авторы используют высказывание в начале произведения: фраза либо открывает роман (как, например, у В. Набокова), либо начинает новый фрагмент. Например, одна из главок повести И. Грековой «Перелом» (1987) начинается словами «По Толстому, все счастливые семьи похожи друг на друга. Наша счастливая семья не была похожа ни на какую другую» [2, с. 256]. Безусловно провокационная мысль Толстого в большинстве случаев вызывает у авторов желание опровергнуть. Также И. Грекова описывает переломный момент в жизни своей героини, женщины-врача, заведующей терапевтическим отделением, получившей не только физический перелом (шейки бедра), но и перелом эмоциональный. В результате рассказчица, действительно, ощущает счастье в новой семье. Непохожесть же счастья ни на что другое, связана с тем, что истинное семейное благополучие она находит не в традиционном понимании: второй брак, усыновленный мальчик и пр.

Интерпретирует фразу Толстого также и Ю. Трифонов в повести «Предварительные итоги»: «Толстой прав наполовину, все счастливые семьи счастливы одинаково, это верно, но и несчастные семьи тоже ведь, боже мой, несчастливы как-то однообразно» [7, с. 119]. Так рассуждает герой произведения, погружаясь в нелёгкую жизнь своего собеседника Атабалы, отца 11 детей.

Главный герой автобиографической повести Бориса Минаева «Детство Левы» (2001) начинает читать роман «Анна Каренина», но, поскольку слишком юн, и его читательский интерес пока еще не вполне осмыслен, уже с первой фразой не согласен: ««Все счастливые семьи счастливы одинаково...», – начал читать я первую фразу и задумался. Ничего не одинаково. Вот наша семья, разумеется, счастливая. Но как же много в ней всяких непростых и даже тяжёлых моментов и переживаний!» [4]. И когда уже взрослым он снова откроет роман Толстого, то вспомнит детские ощущения бесконечного счастья, родной подъезд и двор, в котором он гулял.

Спорят с толстовским тезисом и герои романа Михаила Анчарова «Самшитовый лес» (1979): «Сказано – все счастливые семьи счастливы одинаково, и тем как бы принизили счастливые семьи. Потому что одинаковость – это неодушевленный стандарт. А кому охота считаться неодушевленным? А ведь это для несчастливых счастливые семьи как кочки на болоте, для человека утопающего всякая кочка издали на диво хороша. И выходит, что они только для утопающего одинаковые, а сами-то для себя все кочки разные» [1]. Автор, отталкиваясь от фразы романа XIX века, продолжает рассуждения и оправдывает своих героев в их кажущемся несчастье. И приходит к выводу, что «каждый случай особый».

Выводы. Пулитцеровский лауреат американский биолог Джаред Даймонд в книге «Ружья, микробы и сталь» (1997) обосновывает то, что «все одомашниваемые животные похожи друг на друга, каждое неодомашниваемое животное неодомашниваемо по-своему» [3], то есть говорит об обязательности всех условий для животного, чтобы оно стало домашним, также как «Толстой хотел сказать, что счастливым может быть только брак, состоявшийся во множестве разных аспектов». Даймонд перечисляет эти условия: должна быть удовлетворительная для обоих супругов сексуальная жизнь, взаимопонимание с родственниками обеих сторон, договоренность в финансовых вопросах, отсутствие разногласий в воспитании детей, религиозных конфессий и пр. По мнению ученого, утрата хотя бы одного из важнейших условий приводит к распаду брачного союза. То есть достижение успеха в каком-либо деле возможно только при одновременном наличии всех факторов, а недостаток хотя бы одного обрекает мероприятие на провал. Даймонд утверждает, что «принцип Анны Карениной» (давая ему название в своей книге) может распространяться не только на животных, но на многое в жизни. Так и происходит. Принцип Анны Карениной используется также в физиологии, медицине, экономике [8].

Таким образом, мысль Толстого, во многом противоречивая, лежащая в зачатке одного из лучших его романов, получает развитие в литературе и культуре XX века. Дает возможность соглашаться с ней, спорить, развивать, но в любом случае каждое упоминание поворачивает афоризм все новыми и новыми гранями, в большей и большей степени мифологизирует творчество и личность Л.Н. Толстого.

Список использованных источников

1. Анчаров, М. Самшитовый лес / М. Анчаров. – URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-rus-classic/93909-8-mihail-ancharov-samshitovyy-les-etot-siniy-aprel-zolotoy-dozhd.html#book>. (дата обращения: 26.02.2023).
2. Грекова, И. Перелом / И. Грекова. – Москва : Сов. писатель, 1990. – 621 с.
3. Даймонд, Джаред М. Ружья, микробы и сталь / Джаред М. Даймонд. – Москва : АСТ, 2012. – 720 с.
4. Минаев, Б. Детство Левы / Б. Минаев. – URL: <https://litlife.club/books/269256/read?page=39>. (дата обращения: 26.02.2023).
5. Набоков, В. В. Ада, или Радости страсти: Семейная хроника / В. В. Набоков // Набоков В. В. Американский период. Собрание сочинений : в 5 т. – Т. 4. – Санкт-Петербург : «Симпозиум», 2006. – 672 с.
6. Толстой, Л. Н. Анна Каренина / Л. Н. Толстой // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. – Т. 18. – Москва ; Ленинград : Гос. изд. «Художественная литература», 1934. – 558 с.
7. Трифонов, Ю. В. Предварительные итоги / Ю. В. Трифонов // Трифонов Ю. В. Собрание сочинений : в 4 т. – Т. 2. – Москва : Худож. лит., 1986. – 495 с.
8. Шалаева, М. В. Принцип Анны Карениной в теории самоорганизующихся систем / М. В. Шалаева, А. А. Борисов // Новая наука : опыт, традиции, инновации. – № 4–3 (77). – 2016. – С. 163–165.

УДК 81'282.2

ЛЕКСИКО-ФОНЕТИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОНТИЙСКОГО ДИАЛЕКТА

С. А. Лазариди,

*старший преподаватель кафедры теории языка, литературы и
социолингвистики, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Статья продолжает серию исследовательских работ по изучению диалектных групп современного греческого языка, в данном

случае – понтийского или, как его ещё называют, «τα ρωμέϊκα» («та ромэйка»), т. е. ромэйского языка.

Целью работы является изучение морфологических и лексико-фонетических особенностей понтийского диалекта. Исследование проводилось при помощи описательного, диахронического, сравнительно-исторического методов анализа.

В результате исследования выявлено, что лексика и фонетика понтийского языка во многом сохраняют ранневизантийские и даже классические античные черты времён древнегреческой колонизации и древнегреческого койне, при этом морфология близка к среднегреческой. Архаизмы понтийского языка, имеют, в основном, древнеионийское происхождение. Сегодня понтийским языком владеют, главным образом, люди пожилого возраста. Под влиянием языков-доминантов (новогреческий, русский, турецкий или крымскотатарский) изменениям фонетического и лексического строя подвергались все греческие диалектные группы. Поэтому, сегодня, как никогда раньше, важно сохранить богатство греческого языка и его современных диалектов.

Ключевые слова: новогреческие диалекты, понтийский язык, идиомы, переселение греков, греки России и Крыма, ромэи, урумы.

Summary. The article continues a series of research papers on the study of the dialect groups of the modern Greek language – Pontic or, as it is also called, Romaic language («τα ρωμέϊκα»).

The purpose of this work is to study the morphological, lexical and phonetic features of the Pontic dialect. The study was conducted using the descriptive, diachronic, comparative historical methods of analysis.

The study revealed that the vocabulary and phonetics of the Pontic language largely preserve the early Byzantine and even classical antique features of the times of the ancient Greek colonization and the ancient Greek Koine, while the morphology is close to the Middle Greek. The archaisms of the Pontic language are mainly of the ancient Ionic origin. Today, the Pontian language is spoken mainly by the elderly people. Under the influence of dominant languages (modern Greek, Russian, Turkish or Crimean Tatar), all Greek dialect groups, including Pontic, underwent changes in the phonetic and lexical structure. Therefore, today, more than ever, it is important to preserve the richness of the Greek language and its modern dialects.

Key words: modern Greek dialects, the Pontic language, idioms, resettlement of Greeks, Greeks of Russia and Crimea, Romans, Urums.

На понтийском диалекте разговаривает сегодня более 3 миллионов человек как в самой Греции, так и за её пределами, в том числе в России, в частности в Крыму, на Украине, в Казахстане, в республиках Закавказья, в Западной Европе, в США, Канаде, Австралии и даже в Африке (Египет, ЮАР), но в результате сложных исторических процессов, чётких географических границ понтийский диалект в настоящее время не имеет. В самой же Турции, несмотря на исход с территории Понта большей части его греческого населения, определенное количество понтийских греков, в

том числе и криптохристиане, живут и сегодня, в основном, в северо-восточных регионах, а также в Стамбуле (Константинополе).

Часть понтийских греков, проживающих в Крыму, спасаясь от турецкого геноцида были вынуждены эмигрировать из Турции, главным образом с Трапезунды и его окрестностей в период 19 начале 20 в. [2, с. 8]. Другая часть греков переселились на постоянное место жительства в Крым в 80-90 гг. прошлого века из Грузии. Среди них есть как грекоязычные, использующие этноним «ромэи», сохранившийся ещё со времён Византийской империи, так и тюркоязычные, в дальнейшем – «урумы». В Крыму понтийские греки проживают как в городах – Керчь, Феодосия, Старый Крым, Белогорск, Евпатория, Бахчисарай, Алушта, Ялта, Симферополь, Севастополь, так и в сельской местности – Луговое (Ленинский район), Садовое (Нижнегорский район), Зуя (Белогорский район), Марьино, Пионерское, Доброе, Чистенькая (Симферопольский район).

Понтийский диалект, или **понтийский язык**, – условное наименование нескольких групп наречий или говоров [1, с. 56], на которых говорило греческое и эллинизированное население южного побережья Чёрного моря – в Малой Азии, в особенности исторической области Понт, в Средние века и Новое время. В грекоязычных источниках он рассматривается как один из современных греческих диалектов.

Изучением понтийского диалекта занимались многие языковеды, среди которых центральное место занимают Анфимос Пападопулос, с трудами «Историческая грамматика понтийского диалекта» (Афины, 1955 г.) и «Исторический словарь понтийского диалекта», Демосфенис Икономидис, с работой «Грамматика греческого языка Понта» (Афины, 1958 г.), Манолис Триандафиллидис, автор «Грамматики современного греческого языка», Димитриос Томпаидис – автор книги «Краткая история греческого языка», Николаос Андриотис, лингвист и исследователь истории греческого языка и его диалектов с античных времён по сегодняшней день. В более поздний период изучением языка понтийцев занимались греческие ученые филологи С. Хатзисаввидис, М. Сетатос, Х. Симионидис, Х. Тзитзилис, Н. Лапиридис и др.

Среди отечественных лингвистов в советский и постсоветский период вопросами диалектных групп греков Кавказа, Северного Кавказа, Крыма, Украины, занимались известные филологи и историки эллинисты А. А. Белецкий, Т. Н. Чернышова, Ю. В. Иванова, Е. Ф. Журавлёва, Ф. А. Елоева, М. Л. Кисилиер и др.

Понтийский диалект возник в византийскую эпоху, когда Понт был отделен от остальной Византии, особенно после Четвертого крестового похода (1204 г. н.э.). С 1461 года он стал довольно дифференцированным из-за отсутствия связи между Понтом и Грецией. Из-за изоляции понтийцы сохранили тысячи древнегреческих слов. Некоторые специалисты считают, что в понтийском языке сохранилось больше древних слов, чем в любом другом современном греческом диалекте [6].

Касаясь элементов, сформировавших современную форму разговорного понтийского диалекта, **Д. Икономидис** считает, что этот язык, сохранив достаточно элементов одного из древнегреческих диалектов – ионийского и эллинистического койне, он также перенял многие слова и грамматические формы из средневекового и византийского языка. После завоевания османами Византии, в понтийский язык вошло также много турецких слов, которые сохранились и по сей день. Часть из этой лексики используется с греческими суффиксами по своим собственным грамматическим правилам.

А. Пападопулос отмечает следующие говоры понтийского языка:

- Трапезунды, Мацуки, Санты и Халдеи,
- Керасунды и Триполи,
- Офи и Сурмены,
- Уньи (Иной),
- Амисы (Самсунды),
- Инеполя,
- Котиоры, Синопа и Никополя [6].

Со своей стороны, **М. Триандафиллидис** предлагает следующую диалектную классификацию для понтийского языка:

- Западно-понтийские диалекты (*инойские*) на участке Синоп – Унье (Иной).
- Восточно-понтийские диалекты (*трапезундские*) к востоку от Унье, которые в свою очередь подразделяются на прибрежные в районе Трабзона (Трапезунды), Санты, Мацуки и др.
- Континентальные группы говоров (*халдейские*) в местности Халдейя (г. Гюмюшхане, греч. Аргируполис), а также соседние, Байбурт, Орду [7].

Континентальные разновидности являются наиболее тюркизированными, в них также заметно сильное субстратное и адстратное влияние других языков, но именно они до сих пор сохраняются в сельской местности горных регионов Турции.

Несколько слов о структуре языка. В **фонетике** понтийского языка выделяются 6 гласных и 19 согласных фонем. С **ударением** в понтийском языке нет ограничений по тому, на какой слог от конца слова может оно падать, в отличие от греческого, где в слове может быть ударным только один из трёх последних слогов, при этом, ударение в пределах трёх слогов подвижное.

Морфологический тип языка – флективный. Способ словообразования, в основном, суффиксальный. Дополнительным элементом грамматики понтийского языка, отсылающим нас к грамматике древнегреческого, является сохранение приращения «ε» («э») у всех глаголов прошедшего времени, независимо от количества слогов: по правилам морфологии греческого языка, в прошедшем времени ударение у глаголов падает на 3-й слог от конца, таким образом в новогреческом языке приращения «ε» могут получать только двусложные глаголы, и то не все, например, в новогреческом «πήγα» – *пошел, поехал*, в понтийском

«επήγα». Так, если в аористе древнегреческого мы говорим «εκαλέσαμεν» (мы пригласили *кого-то*), так же и в понтийском «εκαλέσαμεν», то аорист современного греческого становится «καλέσαμε», и глагол теряет приращения «ε», поскольку на него не падает ударение; в новогреческом «καθάρισα» – *убрал, почистил*, в понтийском «εκαθάρισα» и т.д.

Основными характерными особенностями, также, являются наличие шипящих звуков «ч»: чувал *τσουβάλι* – *мешок*; «чопанос (*τσοπάνης* = *βοσκός*) – *пастух*; «ш»: «машер (*μαχαίρι*) – *нож*, рашин (*ράχη* = *βουνό*) – *гора*, шкилос (*σκύλος*) – *собака*, ашкемос (*άσκημος*) – *плохой*» и т.д.; произношение в большинстве слов буквы «η» «ита» как «ε» «эта»: н/гр. «*νύφη*» – *невеста, невестка*, понт. «*νύφε*», «*κλέφτης*» – *вор*, «*κλέφτες*»; наличие окончания «ν» («н») у существительных и прилагательных мужского и среднего рода в именительном и в винительном падежах (ο/τον *δάσκαλον* – *учитель/учителя*, το/το νερόν – *вода/воду*); сохранение мужского окончания «-ος» в прилагательных женского рода: «*ατέ είναι έμορφος*» вместо «*αυτή είναι όμορφη*» – *она красива*, образование некоторых прилагательных женского рода через окончание «-εσα»: понт. «*χοντρέσα*» (н/гр. «*χοντρή*») – *толстая, полная, крупная*, «*μικρέσα*» (*μικρή*) – *маленькая, мелкая*. В некоторых случаях у прилагательных с данными окончаниями («-εσα») ударение может падать даже на 4-й слог от окончания: «*έμορφεσα*» – *красивая*, «*άσκεμεσα*» – *некрасивая*; употребление личных местоимений только после глагола в винительном и родительном падежах: понт. «*αγαλώ σε*» (н/гр. *σε αγαλώ*) – *люблю тебя*, «*παρακαλώ σε*» (*σε παρακαλώ*) – *прошу тебя*; употребление особой формы устаревшей отрицательной частицы «ουκ» в сокращенном виде «к» перед гласными и «ки» перед согласными с глаголами, и произносится как одно слово (в новогреческом используется отрицательная частица «δεν д(th)эн»): понт. «*κιθέλω*», (н/гр. «*δεν θέλω*») – *не хочу*, «*κέχω*» («*δεν έχω*») – *не имею, у меня нет*; употребление в некоторых словах буквы «σ» там, где в новогреческом языке используется «τ»: «*κοσσάρα (κόττα)*» – *курица*, «*σεύτελον (τεύτλον)*» – *свекла*; сохранение буквы «ω» там, где в современной форме греческого языка используется диграф «ου»: понт. «*καρβών*» (н/гр. *κάρβουνο*) – *уголь*, «*ζωμίν (ζουμί)*» – *бульон, отвар*;

Лексический состав понтийского диалекта известен обилием древних слов, которые он сохранил в неизменном или слегка измененном виде, а также своей многомерной связью с древнегреческим языком и особенно с ионийским диалектом, от которого он произошел. Как уже было отмечено выше, в понтийском диалекте во многих словах сохранилось древнегреческое произношение «и» как «э», поэтому мы говорим «*ζελεύω*» («*зэлево*») – *ревновать, завидовать*, вместо «*ζηλεύω*» («*зилево*»), *κελίν* («*кепин*») – *сад, огород*, вместо *κήπος* (*кипос*) и т.д.

Помимо произношения, понтийский язык сохранил многие слова древнегреческого языка, некоторые из них были утрачены из современного греческого, что придает ему особую ценность. Древнегреческое происхождение имеют слова «*δείσα*» (н/гр *ομίχλη*) – *туман*, «*λείχω*»,

(γλείφω) – лизать, облизывать, предвкушать (перен), «συρίζω» (σφυρίζω) – свистеть, «ε(α)γκάλω» (μηνύω κάποιον) – подавать жалобу, иск (на кого-л.), «κορδύλι» (κόμβος) – узел и множество других. Понтийский диалект характеризует также наличие собственной лексики и большое количество слов, заимствованных с турецкого языка [4].

Подводя итоги проведенного исследования, следует заметить, что некоторые фонетические явления характерны для многих новогреческих диалектов и, в частности, для диалектных групп России и республик бывшего СССР. Например, выпадение безударного звука [i] в существительных среднего рода – явление присущее не только понтийскому диалекту, но и фракийскому (с. Чернополье, Республики Крым), а также румейским говорам греков Приазовья, для которых характерно явление синкопы безударных звуков, находящихся после ударного слога. Для сравнения: *стол* – в н/гр то *τραπέζι*, в понтийском, фракийском и в румейских говорах – то *τραπέζ*, *голова, мул* – в н/гр. то *κεφάλι*, то *μουλάρι*, в диалектах, соответственно, – то *κεφάλ*, то *μουλάρ*. Для румейских говоров характерен переход безударного звука [ε] в [i], например, в новогреческом *νερό* (*вода*) – в румейских говорах – *νιρό*, н/гр. *χελιδόνι* (*ласточка*) – в чернопольском говоре – *χιλιδόνι* [3, 43].

Понтийский язык – своего рода остаточный окончательно обособившийся диалект среднегреческого (византийского) языка Малой Азии, не испытавший влияния современной димотики, а потому довольно архаичный. Лексика и фонетика понтийского языка во многом сохраняют ранневизантийские и даже классические античные черты времён древнегреческой колонизации и древнегреческого койне, при этом морфология близка среднегреческой. Архаизмы понтийского, как и каппадокийского, имеют в основном древнеионийское происхождение. В отличие от новогреческого, иноязычные влияния носят преимущественно азиатский характер (восточно-армянские, грузинские, турецкие). При этом они менее заметны чем в соседнем каппадокийской идиоме, где тюркизация привела к слову грамматического строя языка.

Языковеды высказывают мнение о том, что через некоторое время современные греческие говоры и диалекты могут быть отнесены к категориям мертвых языков: например, к одним из таких исчезающих греческих диалектов уже относят каппадокийский (область распространения – центральная часть современной Турции). Небольшое количество носителей языка было обнаружено в 2005 году в Северной и Центральной Греции. В основном, это пассивные носители языка 50-60 лет, чьи дедушки и бабушки переселились в Грецию из Каппадокии в 1920-х годах [5].

В заключении можно констатировать, что **статус** у всех диалектов считается неблагополучным. Новогреческие диалекты постоянно сокращаются из-за ассимиляционных процессов. Более благополучным можно считать понтийский диалект – после массовой репатриации греков-понтийцев в Грецию в начале 90-х делаются попытки его возрождения. Так

в 2006 году в г. Салоники был открыт театр понтийского языка. А в 2016 г. при Салоницком университете им. Аристотеля была создана кафедра понтийских исследований.

Реалии современного развития общества требуют решения важнейших этнолингвистических проблем. Это невозможно сделать без изучения и анализа накопленных знаний о греках, живущих на территории постсоветского пространства.

Греки прибывали на территорию нашей страны с античных времён. Потоки эмигрантов постоянно росли, принося с собой разнообразие языков и диалектов. К конкретным группам греческого этноса, проживающим в настоящее время на территории России, относятся приазовские (мариупольские), понтийские и фракийские греки.

На основании изученных и проанализированных языковых явлений, характерных для диалектных групп греков, можно сделать следующие выводы:

1. Разнообразие современных греческих диалектов на территориях бывшего СССР, вызвано этническим составом населения страны, а также историческими обстоятельствами.

2. В различные этапы изучение греческих диалектных групп, имело свои особенности и свою проблематику.

3. До сих пор нет удовлетворительной классификации говоров понтийского диалекта. На данный момент общепринятой считается классификация, предложенная М. Триандафилидисом, в которой исследователь выделил *трапезундские*, *халдейские* и *инойские* говоры.

4. В настоящее время понтийский диалект и румейские говоры греков Приазовья настолько отличаются от любого из новогреческих диалектов и имеют так много особенностей в фонетическом строе и в лексике, что их с натяжкой можно называть диалектами новогреческого языка, есть больше оснований считать их самостоятельными языками, ближайшими родственниками новогреческого языка.

Список использованных источников

1. Елоева, Ф. А. Понтийский диалект в синхронии и диахронии : учебное пособие / Ф. А. Елоева. – Санкт-Петербург, 2004. – 235 с.
2. Иванова, Ю. В. Понтийские греки / Ю. В. Иванова // Культурная общность – понтийцы ; *Studia Ponto-caucasica*. – Краснодар, 1997. – С. 8.
3. Кифниди, С. А. Фольклорное наследие фракийских греков Республики Крым / С. А. Кифниди, С. А. Лазариди, С. С. Банах // ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского». – Симферополь, 2020 г. – 52 с.
4. Νικόλαος, Λαπαρίδης. Ετυμολογικόν ερμηνευτικόν λεξιλογίον ποντιακόν λέξεων προερχόμενων από την αρχαία ελληνική γλώσσα / Λαπαρίδης Νικόλαος. – Θεσσαλονίκη, Εκδοτικός Οίκος Αδελφών Κυριακίδη α.ε. – 2002. – 180 σ.
5. Каппадокийский язык [Электронный ресурс] // Википедия. – 2022.– URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Каппадокийский_язык/. (дата обращения: 13.02.2023).

6. Понтийский диалект [Электронный ресурс] // *Pontosnews*. – 2023. – URL: https://www.pontosnews.gr/497156/pontos/paradosi/pontiaki-dialektos-2/Понтийский_диалект/. (дата обращения: 20.03.2023).

7. Понтийский язык [Электронный ресурс] // Википедия. – 2023. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Понтийский_язык/. (дата обращения: 20.03.2023).

УДК 811.12

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА С ПОЗИЦИЙ ЛИНГВО- И ЭТНОСОЦИУМОВ

А. Э. Левицкий¹, С. Бибер²,

¹доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

²студентка магистратуры, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Аннотация. В статье раскрываются основы межкультурной коммуникации в пост-глобализационный период. Основное внимание обращено взаимодействию языка и культуры в данный период. Делается вывод о важности соблюдения конвенций коммуникационного процесса, которые позволяют максимально полно передать специфику языков и культур и достичь понимания.

Ключевые слова: язык, культура, коммуникация, пост-глобализация.

Summary. The article unveils the grounds of intercultural communication in times of post-globalization. The main attention is drawn to interaction of language and culture in intercultural communication in the world today. The article highlights the importance of observing communication process conventions. They make it possible to represent the specifics of languages and cultures for reaching understanding in information transfer.

Key words: language, culture, communication, post-globalization.

При рассмотрении проблем межкультурного общения в конце XX–начале XXI века в первую очередь необходимо упомянуть такое явление как глобализация. Процесс глобализации охватывал многие страны мира. Глобализация была процессом «формирования, организации, функционирования и развития» глобальной системы на основе углубляющейся взаимосвязи во всех сферах международного сообщества [4, с. 4]. Данное понятие включало «перерастание национальных и региональных проблем в общемировые и формирование новой

хозяйственной, социальной и природно-биологической среды» [4, с. 5]. Глобализация охватывала ряд сфер, таких как нравственно-этические ценности и языковое общение между людьми-носителями определенных языков.

Данное понятие способствовало расширению социальных связей, что придавало ряду социальных, экономических, культурных, политических и иных отношений всемирный интерес. С помощью современных коммуникационных сетей во многих сферах жизни человека наблюдаются тенденции к интенсификации межкультурной коммуникации. Несмотря на то, что интерес к процессам межкультурной коммуникации фиксируется уже достаточно давно, после окончания Второй мировой войны, сам термин получил распространение лишь в начале XXI века.

Для межкультурной коммуникации существенно возросла роль средств массовой информации, вследствие ряда причин усилилась миграция, значительно выросло число людей, владеющих несколькими языками, в современных городах проживают представители различных культур. В таких условиях существенно возрастает взаимодействие между людьми, являющимися носителями разных языков и культур.

Понятие межкультурной коммуникации является одним из ключевых в коммуникативном процессе, рассмотрение которых необходимо для гармоничного построения подхода к межъязыковым контактам. Для определения понятия «межкультурная коммуникация» необходимо рассмотреть его составляющие: коммуникацию и культуру. При этом коммуникация в лингвистике определяется как «общение, обмен мыслями, сведениями, идеями и т. д. – специфическая форма взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности. /.../ Коммуникация становится важнейшим механизмом становления индивида как социальной личности, проводником установок данного социума, формирующих индивидуальные и групповые установки. /.../ Будучи социальным процессом, коммуникация служит формированию общества в целом, выполняя в нём связующую функцию» [6]. Термин «культура» Большой толковый словарь русского языка определяет следующим образом: «Совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни» [2]. Таким образом, межкультурная коммуникация – это коммуникация между людьми разных культур. Наиболее полное определение дано Е. М. Верещагиным: межкультурная коммуникация – это «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [3, с. 26]. Это понятие особенно актуально в наши дни: мир стремительно развивается, и значение общения и взаимопонимания между носителями различных культур возрастает.

В наше время межкультурная коммуникация стала особенно интенсивной. Как уже упомянуто выше, она оказывает существенное влияние на развитие контактов в сферах духовной и материальной культур представителей различных этносов. Значительные изменения претерпевает

система ценностей человека, что, в свою очередь, находит отражение в языке, то есть возникает необходимость находить с носителями других культур общий язык в прямом и переносном смысле.

Мы получаем возможность не только для межкультурного общения, но и новые сложности, которые с ним связаны. Возникает необходимость воспитывать терпимость и уважение к другим культурам, преодолевать возможные чувства раздражения, возникающие по причине наличия культурных различий между этносами. Именно поэтому межкультурная коммуникация обретает такое большое значение в наши дни.

Теория межкультурной коммуникации вызвала интерес у лингвистов позже многих других дисциплин. Для становления межкультурной коммуникации в России в самом начале XXI века большое значение имел труд С. Г. Тер-Минасовой «Язык и межкультурная коммуникация». С. Г. Тер-Минасова пишет, что «язык – зеркало культуры, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира» [9, с. 13].

Вследствие быстрого развития информационных технологий, а также роста влияния США и американской культуры в мире возрос спрос на английский язык. Если еще в первой половине XX века в Европе были востребованы такие языки, как немецкий и французский, то после Второй мировой войны возросло значение английского языка. Многие исследователи придерживаются мнения, что именно английский является основным претендентом на роль “*lingua franca*” [1, с. 8]. Наличие мирового языка существенно облегчило бы коммуникацию между носителями разных языков и культур. Однако распространение английского языка так же приводит к отрицательным последствиям. Снижается роль и значение других языков, что нередко приводит к исчезновению языков с немногочисленными носителями, а также приводит к снижению статуса и исчезновению диалектов. В речи неангличан появляется большое количество англицизмов. Кроме этого, глобализация приводит к определенной стандартизации культур, что может поставить под вопрос национальную идентичность народов.

Вместе с тем, в процессе межкультурной коммуникации возникают противоречивые явления. С одной стороны, межкультурная коммуникация – это процесс интеграции, в том числе в области культуры и коммуникация. Однако с другой стороны возникает и обратный процесс: стремление сохранить свою самобытность и идентичность, стремление сохранить свой язык или диалект. Данное стремление проявляется на разных уровнях, в том числе и на государственном. Некоторые страны, например, Франция или Италия, проводят языковую политику, в первую очередь, направленную на сохранение своего языка и его диалектов, на защиту от проникновения в язык заимствований из английского языка.

Возникло понятие языкового антиглобализма – противодействия глобализму [5, с. 34].

По мнению Л. А. Нефедовой, «немецкий язык считается наиболее подверженным влиянию английского языка среди европейских языков и характеризуется наибольшим количеством англицизмов» [7, с. 27]. Такая склонность носителей немецкого языка к употреблению в речи английских слов может объясняться тем, что немецкий и английский языки генетически близки, а также то, что носители немецкого языка достаточно толерантны к использованию английских слов в повседневном общении, особенно в речи молодежи и сферах информатики, экономики, финансов, спорта и социальных сетях. Некоторые ученые стали говорить о появлении нового немецкого, близко контактирующего с английским (Neudeutsch или Denglisch) [5, с. 39].

Итак, в наше пост-глобализационное время возрастает роль национальных языков и культур для адекватного обеспечения процесса межкультурной коммуникации. Вместе с тем, сохраняется определенное влияние английского языка как лингва франка, достигшего своего пика во время глобализации по-американски.

Список использованных источников

1. Алпатов, В. М. Языковой аспект глобализации / В. М. Алпатов // Язык в глобальном контексте: современная языковая ситуация как следствие глобализации : сборник научных трудов / отв. ред. В. В. Потапов, Е. А. Казак. – Москва : Изд-во ИНИОН РАН, 2018. – С. 6–25.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 1998. – URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0&all=x>. (дата обращения: 10.04.2023).
3. Верещагин, Е. М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы : монография / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Москва ; Берлин : Директ-медиа, 2014. – 509 с.
4. Казак, Е. А. Введение / Е. А. Казак // Язык в глобальном контексте: современная языковая ситуация как следствие глобализации : сборник научных трудов / отв. ред. В. В. Потапов, Е. А. Казак. – Москва : Изд-во ИНИОН РАН, 2018. – С. 4–5.
5. Кузнецов, В. Г. Языки в эпоху глобализации: интеграция vs идентичность / В. Г. Кузнецов // Язык в глобальном контексте: современная языковая ситуация как следствие глобализации : сборник научных трудов / отв. ред. В. В. Потапов, Е. А. Казак. – Москва : Изд-во ИНИОН РАН, 2018. – С. 26–40.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – URL: <http://tapemark.narod.ru/les/233a.html>. (дата обращения: 10.04.2023).
7. Нефедова, Л. А. Иноязычная лексика в современном немецком языке:

- иноязычная лексика в контексте заимствования и словообразования : монография / Л. А. Нефедова. – Москва : МПГУ ; Прометей, 2012. – 98 с.
8. Опарина, Е. О. Трансформационные процессы в культуре и их выражение в языке / Е. О. Опарина // Межкультурная коммуникация в эпоху глобализации: Свое. Чужое. Универсальное : сб. ст. / отв. ред. Е. О. Опарина. – Москва : РАН ИНИОН, 2019. – С. 5–8.
9. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – Москва : Слово, 2000. – 624 с.

УДК 8.82.821

НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В XXI ВЕКЕ

Н. С. Лесова-Юзефович¹, А. И. Веденина²,

¹кандидат филологических наук, доцент кафедры романской и классической филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²обучающаяся 4 курса, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Начало XXI вв. – совершенно новая ступень развития литературного процесса, которая является, безусловно, всемирной. На этом этапе идет активный поиск некоего универсального языка, который бы синтезировал все средства, выработанные современным искусством. На новейшую литературу Франции сегодня влияет целый комплекс национальных и международных проблем. Кризис современной Франции в политической, экономической, социальной сферах, проблемы иммиграции, безработицы, неравенства, расизма и др., процессы глобализации, открытые для культурного обмена границы Европейского союза и желание вернуть собственный престиж, утерянный вследствие мирового господства США, обуславливают возникновение новых особых тенденций в произведениях французских авторов.

Цель данного исследования: комплексный анализ основных жанровых форм, проблематики, тематики произведений сверхсовременной французской литературы.

При проведении исследования были использованы следующие **методы**: социологический метод, метод лингвистического анализа текста, метод текстового анализа, метод нарративного анализа.

Выводы. На сегодняшний день наиболее популярным жанром французской литературы начала XXI в. является роман, что связано с потребностью общества в новом обретении нравственных ориентиров, размытых в предшествующие годы не только постмодернистским

философствованием, но и засилием массовой культуры. Наиболее популярными жанровыми формами являются роман, детектив, фантастика, фэнтези и документальная литература.

Ключевые слова: французская литература, масскультура, *extreme contemporaine*, феномен «реального вымысла», автофикшн, гибридная идентичность.

Summary. The beginning of the XXI century is a completely new stage in the development of the literary process, which is, of course, worldwide. At this stage, there is an active search for a kind of universal language that would synthesize all the means developed by modern art. The modern literature of France today is influenced by a whole range of national and international problems. The crisis of modern France in the political, economic, social spheres, the problems of immigration, unemployment, inequality, racism, etc., the processes of globalization, the borders of the European Union open to cultural exchange and the desire to regain their own prestige, lost due to the world domination of the United States, cause the emergence of new special trends in the works of French authors.

Key words: French literature, mass culture, *extreme contemporaine*, the phenomenon of “real fiction”, autofiction, hybrid identity.

Основные идеи постмодернизма, сформулированные в основном французскими исследователями, сохраняются и в современной литературе. При этом во Франции сформировались два варианта постмодернизма: в основе одного из них лежит попытка переосмыслить «условную данность» и понять реальность как она есть, в основе второго – языковая игра. Некоторые авторы в своих работах отражают только один из вариантов постмодернизма или пренебрегают важными чертами эстетики постмодерна, такими как языковая игра или ирония. Однако черты постмодернистской прозы, например, стирание границ между «интеллектуальной» и популярной культурой и смешение знаковых систем и традиций часто присутствуют в текстах французских писателей [1, с. 25].

В то же время просматривается тенденция возвращения к опыту прошлого, переосмысления канонов привычных романских жанров.

Результатом процесса глобализации стало распространение литературных явлений, изначально непопулярных во Франции. Так, например, активно развивается французская научная фантастика и магический реализм (метод, сформировавшийся в период латиноамериканского бума). В жанре магического реализма в XXI веке пишут такие французские авторы, как Мари Ндьей (“*Un temps de saison*”, 2014), Вероник Овальде (“*Sous le signe du Capricorne*”, 2017), Сильви Жермен (“*Magnus*”, 2005).

Одна из литературных тенденций во Франции, отсылающая еще к 60-м годам – это кинематограф. Кино оказывает значительное влияние на современную французскую прозу. Для многих писателей оно является не только благотворным материалом для исследования сюжетов, но и своеобразным ориентиром для поиска новых техник письма. Такие

современные авторы, как Жан Эшноз и Кристиан Гайи, целенаправленно прибегают к кинематографическим приемам и используют эстетику кино при создании своих произведений (Ж. Эшноз «Специальная посланница», 2016, Кристиан Гайи «Би-Боп», 2022) [5, с. 93].

Одно из популярнейших направлений во французской литературе сегодня – это автофикшн (*autofiction*). Данное направление появилось в результате кризиса традиционной автобиографии и является одним из альтернативных путей развития литературной формы. Этот экспериментальный кросс-жанр зародился в конце 70-х годов во Франции и в наши дни получает большое распространение не только во французской, но и мировой литературе. Автофикшн является гибридным жанром, который смешивает автобиографические и вымышленные события. Несмотря на то, что сам термин был впервые упомянут Сержем Дубровским, сегодня подавляющее большинство автофикциональных произведений написаны женщинами и относятся к так называемой женской прозе. Важными голосами этого автобиографического пространства сейчас являются Анни Эрно, Алиса Ферни, Екатерина Милле, Анна Вяземски и Оливия Розенталь [3, с. 12–13].

До сих пор эта литературная практика претерпевает изменения, появляются новые жанровые гибриды: биофикшн (совмещение фактов из жизни реально существующей личности с вымыслом), докуфикшн (смесь документального с фикциональным), экзофикшн («смешивающий с реальностью фантазмы, сопровождающие представления о ней»). К последнему жанру относятся, например, произведения Мари Дарьесек («Маленькая четырнадцатилетняя танцовщица», 2017) и Камий Лоранс («Быть здесь – уже чудо», 2016) [4, с. 41].

Заслуживают внимания французские графические романы и комиксы (*bandes dessinées*), которые являются одним из самых продуктивных направлений книжной отрасли и называются французами и бельгийцами «девятым искусством». С 1974 г. во французском городе Ангулем проводится крупный ежегодный европейский фестиваль комиксов, который по своей массовости и престижности уступает только Международному фестивалю комиксов в итальянском городе Лукка. Наиболее известные современные писатели-комиксисты: Катрин Мерисс, Пенелопа Бажьё, Риад Саттуф, Жак Тарди, Филипп Гелюк, Маржан Сатрапи, Джоанн Сфар. Нередко с помощью комиксов адаптируют классические романы (серия комиксов «В поисках утраченного времени» Стефана Хьюэ по роману Марселя Пруста) [2, с. 438].

В 1980-х годах появился термин «минимализм», характеризуемый Марком Дамбра как «игра в цитаты», «поиск нового способа повествования», повышенное присутствие «игривости», дистанцирование от излишних описаний и манеры передавать мысль слово в слово. Данные тенденции отражены в творчестве целого поколения писателей: Жана Эшноза («Молнии», 2012), Жана-Филиппа Туссена («Фотоаппарат», 2003),

Лорана Мовинье («В толпе», 2006) и Эрика Шевийара («Автор и я», 2012) [6, с. 119–120].

Гипотеза позитивного минимализма – концепция, созданная Реми Бертраном в его эссе «Филипп Делерм и позитивный минимализм» (2005), предполагает под собой литературу, рассказывающую о повседневном счастье. Постепенно определяются условия для возможности писать о повседневной жизни так, чтобы избавить ее от «оков надежды». Под этим знаменем позитивного минимализма Бертран объединяет нескольких авторов: Филиппа Делерма, Жана-Пьера Остенде, Пьера Мишона. Тем не менее следует отметить, что понятие позитивного минимализма оспаривается частью профессионалов, в частности Пьером Журдом, который считает, что объединить авторов того же типа, что и Делерм, в своего рода школу означает возвести это в ранг литературного феномена – следовательно, поощрять текущее развитие литературы комфорта.

Несмотря на внимание к остросоциальным проблемам и постоянному освещению политических событий, во французской литературе заметен уход от политических дискуссий. Заметной тенденцией во многих последних работах является эстетизация повседневной жизни. Большой коммерческий успех имеют романы М. Барбери («Элегантность ежика», 2006), и А. Нотомб («Счастливая ностальгия», 2013).

Основной принцип, которого придерживаются французские авторы в XXI веке – это своевременное освещение актуальных тем. Социальный и политический контекст отражается в произведениях Ф. Бегбедера, М. Уэльбека, Ж. Туссена, возрождая интерес к проблемам гуманизма и реабилитируя понятие «Я-субъект». Яркими примерами такого реагирования на повестку дня являются мемуары Ванессы Спрингора («Согласие», 2022), актуализирующие проблему педофилии, романы Камиллы Лоранс («Девочка», 2020), реагирующие на движение #metoo. Или, например, книги, написанные о пандемии COVID-19 – Бинтао Чена и Стефани Тома («Секреты Уханя», 2020), Давида Дюфрена («Хроники короны», 2020) и Александра Лабрюффа («Зима в Ухане», 2020). Кроме того, во французской литературе XXI века находит отражение экологическая тема («Экологические игры» и «Отдых на природе» Эдуара Лимбо). Этой тенденции отвечает также практика инклюзивного письма, предполагающая попытку изменить французскую орфографию с целью визуализировать, сделать более видимыми на письме гендерные слова-наименования.

Таким образом, можно сделать вывод, что сверхсовременная французская литература, вбирая в себя опыт XX века, комбинирует различные явления, формы, средства и жанры и создает совершенно новую литературу, отвечающую потребностям современного общества и соответствующую времени.

Список использованных источников

1. Ефименко, А. О. Особенности постмодернизма во французской литературе конца XX – начала XXI вв. / А. О. Ефименко // Белорусский государственный университет. – Минск, 2018. – С. 215–217.
2. Кожевникова, А. А. Комикс как культурное наследие Франции / А. А. Кожевникова // Студенческая наука и XXI век. – 2021. – Т. 18, № 1(21). – Ч. 2. – С. 437–439.
3. Левина-Паркер, М. Введение в самосочинение: автофикшн / М. Левина-Паркер // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 103. – С. 12–40.
4. Муравьева, Л. Е. Экзофикшн и энактивистские нарративы в современной французской литературе / Л. Е. Муравьева // Studia Litterarum. – 2022. – Т. 7, № 3. – С. 30–51.
5. Смирнова, Е. Е. Влияние языка кино на современную французскую литературу / Е. Е. Смирнова // Вестник Московского государственного лингвистического университета ; Гуманитарные науки. – 2020. – № 4 (833).
6. Makhlouf, G. Grand explorateur du roman / G. Makhlouf, J. Echenoz // L'Orient Littéraire. – 2020. – № 1 (66). – P.119 –121.

УДК 811.11

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ЯЗЫКА ИДИШ И ЕГО СОВРЕМЕННЫЙ СТАТУС

Д. В. Литвиненко,

преподаватель кафедры иностранных языков № 2,

*Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Идиш – это еврейский язык германской группы, родной язык субэтнической группы евреев-ашкеназов, на котором в начале XX века общалось более 11 миллионов евреев во всем мире. В настоящее время трудно определить количество говорящих на этом языке, так как большинство ашкеназов предпочли тот язык, который характерен для места их проживания. Вторая мировая война, Холокост, закрытие еврейских школ – далеко не все факторы, которые повлияли на культурную жизнь на языке идиш, что привело к менее частому его употреблению в повседневной жизни. Одним из самых важных событий в развитии языка идиш стало его внедрение в славянское общество, что ослабило связь с немецким языком.

Целью исследования является изучение характерных особенностей языка идиш и его современного статуса.

Ключевые слова: идиш, билингвизм, германские языки

Summary. Yiddish is the Jewish language of the Germanic group, the native language of the sub-ethnic group of Jews-Ashkenazi Jews, which at the beginning of the

XX century was spoken by more than 11 million Jews worldwide. At present, it is difficult to determine the number of speakers of this language, since most Ashkenazim preferred the language that is characteristic of their place of residence. The Second World War, the Holocaust, the closure of Jewish schools are far from all the factors that influenced the cultural life in the Yiddish language, which, of course, led to its less frequent use in everyday life. One of the most important events in the development of the Yiddish language was an introduction into Slavic society, which weakened the connection with the German language.

The aim of the study is to explain the characteristic features of the Yiddish language and its present status.

Key words: Yiddish, bilingualism, Germanic languages.

Индоевропейские языки – одна из самых распространенных языковых семей в мире. В настоящее время эта языковая семья встречается на каждом континенте нашей земли, а количество носителей насчитывает более 2,5 млрд. человек. В состав индоевропейской семьи входит огромное количество языковых групп, самая многочисленная из которых – германская ветвь языков.

Еврейская община столкнулась со множеством диалектов, из которых общепринятый литературный немецкий язык сложится лишь спустя несколько столетий. Поэтому, со временем еврейские общины находят выход: они начинают разговаривать на собственных версиях этого немецкого языка, на диалектах, смешанных с различными лингвистическими элементами, которые они сами же привнесли в те регионы, которые служили им средой обитания. Самые распространенные диалекты – иврит и идиш. Если об иврите известно довольно много, то об идиш такого сказать нельзя. Принято считать, что идиш – мертвый язык. Но это огромное заблуждение. Совсем не мертвым был этот язык в довоенное время. Из 16 миллионов евреев 11 миллионов говорили на идиш: в США, Аргентине, Палестине, Австралии, во многих странах Западной и Восточной Европы, то есть везде, где можно было встретить носителей языка – ашкеназов. На идиш печаталось более 600 газет и журналов, выпускались романы и научная литература, и даже ставились спектакли. И если в начале XX века было принято считать, что идиш – жаргон, язык еврейских домохозяек, «неправильный» немецкий язык, то вскоре все в корне изменилось: в 1930 году Британская энциклопедия выпустила статью, в которой официально присвоила идиш статус одного из основных языков цивилизованного мира. Так о «мамэ-лошн» узнал весь мир.

Историки считают, что идиш прошел три периода развития: ранний (X–XIV века), старый (XIV–XVII века) и новый (до настоящего времени) периоды в истории становления. В ранний период идиш обозначают как особый, общий для всех евреев Германии и стран-побратимов язык, который включал в себя различные оттенки немецких диалектов, и чуть меньше – элементы романского языка евреев Европы раннего Средневековья. В старый период идиш испытал на себе воздействие

польского и других славянских языков. В этот период он все сильнее вбирает в себя некоторые элементы древнееврейского и арамейского языков. В новый период становятся заметнее различия между восточными и западными вариантами языка.

Особенности языка идиш можно было заметить еще на ранних этапах его становления. Это заключается, например, в том, что идиш включает в себя заимствования из других языковых групп (арамейская, древнееврейская, романская). Ведь чем больше в языке выразительных средств, тем он богаче. Идиш заимствует из ряда языков слова, которые имеют близкое или одинаковое значение. Именно так он занимает первое место в мире по числу синонимов, что, в свою очередь, позволяет расширить разнообразие языка. Например, идиш заимствовал слово «книга» из немецкого языка («бух») и из древнееврейского («сойфер»). Но, оказавшись в идиш, эти слова претерпели некоторые изменения, что привело к образованию новых понятий. И таких примеров огромное количество.

В процессе усовершенствования данного языка становятся ясно видны отличительные черты идиш и средневерхненемецкого языка, который являлся основой для грамматической и лексической структуры языка. Именно так идиш становится самостоятельным языком.

Многие лингвисты сходятся во мнении, что огромный вклад в становление языка идиш внес семитский компонент, 15 – 20 % заимствованных слов взяты именно оттуда. В связи с такими заимствованиями, идиш стал обладать не только гебраизмами, славянизмами и романизмами, но и собственными отличительными чертами, как грамматические формы, фонетические особенности и языковые образования.

Литературоведы обнаружили, что из-за смешения в идиш различных компонентов невозможно с точностью определить процентное соотношение слов из различных источников в данном языке. Как уже известно, из славянских языков в идиш были заимствованы лексические единицы и различные действенные структуры словообразования. Так же в языке множество слов из украинского языка.

Отдельное место в формировании идиш занимает ассимиляция языка. В XX веке она принимает небывалые масштабы.

Для крупных языковых семей ассимиляция не является огромной проблемой, но у малых языков такая проблема стоит наиболее остро. В 1897 году была произведена перепись населения в России. По данным опроса, на тот момент на территории империи проживало 5.189.000 евреев, около 98% из которых называли идиш своим родным языком. Но другие опросы, проводившиеся приблизительно в то же время, доказывали, что зарождалась тенденция к спросу на использование этого языка. Те евреи, которые не признавали идиш своим родным языком, использовали польский и русский языки. Это связано с культурным расколом евреев Российской империи на две части: российскую и польскую.

Из-за ассимиляции идиш стал все реже и реже употребляться в странах Западной Европы и в СССР.

Сейчас невозможно представить, как сложилась бы судьба идиш в XX веке, если бы не Холокост. Есть вероятность того, что в скором времени идиш бы пополнил ряды мертвых еврейских языков.

Еще до недавнего времени идиш считался «испорченным» немецким. Да, идиш и немецкий произошли от одной ветви языков, но это самостоятельные языки. Со временем эти языки и менялись каждый по-своему. В «мамеэ-лошн» много слов германского происхождения, но их произношение далеко от немецкого.

В идише 70% словаря – германизмы, то есть немецкие слова. Влияние самого идиша на немецкий язык невелико, но тем не менее, оно присутствовало. Речь идет о лексике, которая пришла в немецкий из иврита в ашкеназском звучании.

Идиш заимствует различные компоненты из других языков и использует их как единую лингвистическую систему. Например: слово менч («человек») напрямую связано с немецким словом «Mensch», однако в идиш оно приобрело ряд дополнительных значений («служащий», «надежный, зрелый человек»), которые не соответствуют оригиналу.

Значение многих распространенных слов в идиш невозможно объяснить ни через немецкий, ни через другие славянские языки. Необходимо понимать, что в идиш используется лишь небольшая часть словарного состава языков, из которых была заимствована лексика идиш, с другой стороны, в идиш сохранились некоторые элементы исходных языков, которые в них самих уже перестали употребляться.

В современной литературе в настоящее время можно еще встретить писателей, которые используют в своих произведениях язык идиш. Яркий тому пример – американский писатель Филип Рот, наследник семьи еврейских эмигрантов, которые переехали в США. Практически в каждом своем произведении Рот упоминал известных деятелей своего народа, разбавляя научные и литературные тексты интересными выражениями мамеэ-лошн. Излюбленная форма произведений Рота – исповедальный монолог с элементами автобиографии. В одном из таких рассказов идет речь о том, как между двумя мужчинами, преподавателем университета и писателем, происходит диалог, который слышит третье лицо, тоже писатель. Диалог происходит на идише, и третье лицо, автор, рассказывает, как меняется отношение этих мужчин буквально ко всему вокруг: к их трезвости, к окружающим, к своей индивидуальности. И у автора сложилось впечатление, будто с помощью языка эти мужчины нашли смысл жизни или же абсолютно по-другому посмотрели на мир.

Рот писал о том, что Институт исследования идиш вручил ему награду за вклад в сохранения языка в своих произведениях.

В заключении можно сделать вывод, что язык идиш является неотъемлемой частью германской языковой системы и речевой

коммуникативной деятельности ашкеназской культуры, а процесс языкового заимствования укрепляет положение идиш в других языках.

Список использованных источников

1. Бар-Ал, И. Феномен идиш. Еврейская улица. / И. Бар-Ал. – Москва, 1997. – 159 с.
2. Жирмунский, В. М. История немецкого языка : учебное пособие / В. М. Жирмунский. – Москва : Издательство литературы на иностранных языках, 1956. – С. 13–52.
3. Кац, Д. А. Где родился язык идиш? Форвертс. / Д. А. Кац. – Москва : Высшая школа, 2002. – С. 5–11.
4. Weinreich, M. History of the Yiddish Language: Yiddish in Jewish Languages / M. Weinreich. – 2004. – P. 47–58.
5. Shyovitz, D. Yiddish: History & Development of Yiddish [Electronic Resource] / D. Shyovitz. – Access mode: <http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/History/yiddish.html>. (дата обращения: 01.03.2023).

УДК 811.161.1

МОТИВАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОСВОЕНИИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ЛИНГВО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КУРСОВ

И. Н. Литвинчук,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Данное эмпирическое исследование осуществлено с целью выявления исходных мотивационных установок обучающихся по отношению к лингвистическим и психологическим составляющим таких междисциплинарных интегративных курсов, как «Деловая коммуникация и русская речевая культура» и «Культура речи и делового общения». В качестве объекта анализа выступили 376 текстов эссе, авторами которых являются обучающиеся различных направлений подготовки КФУ им. В. И. Вернадского. Выявлены особенности установок обучающихся в аспекте выделения субъективной важности лингвистической и психологической составляющих лингво-психологических курсов, а также эмоционально-смысловые доминанты текстов эссе, в которых эти установки описаны. Результаты исследования позволяют выработать оптимальный подход к методической репрезентации интегративных лингво-психологических курсов и способствовать усовершенствованию учебной программы по каждому из таких курсов.

Ключевые слова: культура речи, психология коммуникации, междисциплинарность, субъект образовательной деятельности.

Summary. This empirical study was carried out in order to identify the initial motivational attitudes of students in relation to the linguistic and psychological components of such interdisciplinary integrative courses as «Business communication and Russian speech culture» and «Culture of speech and business communication». The object of analysis was 376 essay texts, the authors of which are students of various areas of training of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. The peculiarities of students' attitudes in the aspect of highlighting the subjective importance of linguistic and psychological components of linguistic-psychological courses, as well as the emotional and semantic dominants of the essay texts are revealed. The results of the study allow us to develop an optimal approach to the methodical representation of integrative linguo-psychological courses and contribute to the improvement of the curriculum for each of these courses.

Key words: culture of speech, psychology of communication, interdisciplinarity, actor of educational activity.

На этапе модернизации системы образования в РФ задача формирования общекультурных и общепрофессиональных компетенций, которыми призван обладать каждый молодой специалист, подразумевает интегративный подход к формированию содержания учебных программ и курсов, многие из которых имеют междисциплинарную направленность [6]. Отечественные авторы отмечают, что идеи междисциплинарной интеграции способствуют всемерному расширению и содержательному обогащению поля учебных дисциплин [7], а определение ее приоритетных направлений и логико-содержательных оснований является важнейшей задачей профессионального образования [8, с. 18]. Введение междисциплинарных курсов в программы различных направлений подготовки обладает синергетическим потенциалом [3] и нацелено на развитие новой методологической культуры студента, готовящегося стать квалифицированным и компетентным специалистом [4].

Так, в работе Н. А. Алмазовой, М. С. Коган и Н. В. Поповой рассматриваются сущность и этапы реализации междисциплинарной технологии дидактического взаимодействия [1].

Е. А. Меньш, анализируя способы реализации междисциплинарных связей при обучении гуманитарным дисциплинам в вузе, отмечает, что их преподавание часто «не имеет общей цели и стратегии обучения» и поэтому «знания студентов в гуманитарной сфере носят фрагментарный характер» [5, с. 24].

Данное эмпирическое исследование осуществлено с целью выявления исходных мотивационных установок обучающихся по отношению к лингвистическим и психологическим составляющим таких междисциплинарных интегративных курсов, как «Деловая коммуникация и русская речевая культура» и «Культура речи и делового общения».

В качестве объекта анализа выступили 376 текстов эссе, которые были написаны обучающимися различных направлений подготовки КФУ имени В. И. Вернадского в рамках курсов дисциплин «Культура речи и делового общения» и «Деловая коммуникация и русская речевая культура». Сбор фактологического материала осуществлен на протяжении нескольких семестров в «смешанных» учебных группах, ориентированных на изучение дисциплин универсальных компетенций. Время написания эссе и его тема («Культура речи и психология общения: что важно для успеха в социуме?») были стандартными для всех респондентов-обучающихся. Работа по написанию эссе проводилась с обучающимися после прохождения вводной лекции, предусмотренной учебной программой: такой подход к расположению данной контрольной точки на временной шкале календарного плана был нацелен на выявление базовых исходных установок, с которыми обучающиеся приступили к изучению вышеуказанных междисциплинарных курсов.

Эссе выбрано в качестве объекта исследования, поскольку именно этот жанр в квинтэссенциальной форме отражает личность автора, его мировоззрение и эмоционально-чувственную сферу.

Следует отметить, что большинство обучающихся акцентировали свое внимание на противоречии, которое, по их мнению, заложено в формулировке темы эссе, а не на семантике интегративного подхода к культуре речи и психологии, знание которых равноценно детерминирует достижение социального успеха в целом и его профессиональной составляющей – в частности.

Так, в результате анализа работ обучающихся было установлено, что более половины эссе содержат в качестве тезиса прямой ответ на вопрос, сформулированный в теме эссе. Авторы таких эссе считают, что, как утверждает один из обучающихся, «конечно, психология во всех смыслах важнее». Аргументы к данному тезису, которые выявлены в результате анализа таких эссе, можно разделить на несколько основных смысловых групп: 1) психология – универсальная наука, знание которой необходимо для достижения эффективности любого общения (так считают 61,9% всех респондентов-авторов эссе); 2) в сложной экономической и геополитической обстановке, в которой в настоящее время происходит социальное становление молодого поколения, гораздо более важным является знание и применение психологических правил и законов, а не следование культурным образцам (по мнению респондентов, которые придерживаются такой точки зрения, а это 47,3%, такой подход обеспечивает индивидуальное выживание в сложных условиях); 3) психология и культура, в том числе и культура речи, – это мало сопоставимые по своей социальной пользе сферы (такое мнение выразили 40,9% авторов). При этом были отмечены случаи, когда в одном эссе были представлены как аргументы всех трех вышеперечисленных смысловых групп, так – и одной из них. В соответствии с психолингвистическими критериями, описанными В. П. Беляниным [2], по критерию

эмоционально-смысловой доминанты большинство текстов эссе, авторами которых утверждается примат психологии над культурой речи, могут быть отнесены к такой разновидности «светлых» текстов, как «активные».

Существенная часть авторов эссе (22%) затруднились привести какие-либо рациональные логические аргументы в пользу своей точки зрения: в качестве доказательства они описали один–два случая из своей жизни, когда знания в области психологии помогли им выйти из той или иной затруднительной коммуникативной ситуации. При этом следует отметить отсутствие явно выраженной структуры текста и сложных синтаксических целых в таких эссе, эмоционально-смысловой доминантой которых является эйфория, вызванная удачным поводом для автора осуществить самопрезентацию своих успехов в трудных случаях социального взаимодействия. В таких эссе авторы полностью игнорировали часть формулировки темы, затрагивающая культуру речи.

9,1% авторов эссе считают, что и культура речи, и психология обладают равновеликой ценностью как элементы интегративного междисциплинарного курса и что в учебном процессе следует уделять одинаковое внимание каждой из этих сфер научно-практического знания. И только 7% авторов эссе выразили мнение, что и культура речи, и знание языка в целом являются важным фактором для достижения успеха в жизни.

Таким образом, данные, полученные в результате анализа эссе респондентов,стораживают: подавляющее большинство обучающихся склонны нивелировать значимость культуры речи для достижения успеха в социуме. При этом в 96% эссе были выявлены орфографические и / или пунктуационные ошибки, в 78% эссе – существенные стилистические недочеты, ошибки, которые свидетельствуют о неумении строить сложное синтаксическое целое.

В качестве одного из направлений дальнейшего развития данного исследования можно считать перспективу компаративного подхода: целесообразно провести опрос обучающихся в конце прохождения ими междисциплинарных курсов, сочетающих в себе лингвистическое, психологическое и культурологическое начала, с целью определить, изменилась ли оценка обучающимися значимости каждого из этих направлений для формирования профессиональной компетенции по сравнению с «положением дел» в начале освоения этих курсов. В этом контексте является целесообразным создание и применение авторского опросника, ориентированного на выявление таких данных, как: а) персональные ценностные ориентиры, которые лежат в основе детерминации выбора обучающимися элективных междисциплинарных курсов гуманитарной направленности; б) ожидания обучающихся в отношении результатов освоения таких курсов; в) видения обучающимися прикладной ценности знаний, которые они получили в результате освоения каждого из разделов / модулей, которые являются составными частями определенного междисциплинарного курса на стыке лингвистики,

психологии, культурологии. Результаты такого исследования позволили бы выработать оптимальный подход к методической репрезентации интегративных лингво-психологических учебных курсов в плане баланса их различных междисциплинарных составляющих, а также способствовать усовершенствованию учебной программы по каждому из таких курсов.

Список использованных источников

1. Алмазова, Н. А. Инновационная технология формирования интегративных компетенций лингвистов с целью их подготовки к преподавательской деятельности / Н. А. Алмазова, М. С. Коган, Н. В. Попова // *Alma mater.* – 2014. – № 6. – С. 64–70. – URL: <https://almavest.ru/ru/archive/735/1808>. (дата обращения: 05.02.2023).
2. Белянин, В. П. Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе) / В. П. Белянин. – Москва : Тривола. – 2000. – 248 с.
3. Ветров, Ю. П. Синергия междисциплинарности / Ю. П. Ветров, И. В. Калинин // *Высшее образование в России.* – 2012. – № 8–9. – С. 155–158. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sinergiya-mezhdistsiplinarnosti>. (дата обращения: 01.02.2023).
4. Волнистая, М. Г. Методологическая культура и междисциплинарный синтез в социально-гуманитарной подготовке студента / М. Г. Волнистая. – 2015. – № 5. – С. 29–32. – URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/159851/1/%D0%92%D0%BE%D0%B%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%8F_5-2015-029-032.pdf. (дата обращения: 15.02.2023).
5. Меньш, Е. А. Реализация междисциплинарных связей при обучении гуманитарным дисциплинам в вузе / Е. А. Меньш // *Высшее образование сегодня.* – 2016. – № 8. – С. 24–27. – URL: <file:///C:/Users/Mikusya/Downloads/realizatsiya-mezhdistsiplinarnyh-svyazey-pri-obuchenii-gumanitarnym-distsiplinam-v-vuze.pdf>. (дата обращения: 16.01.2023).
6. Мищенко, А. С. Инновационный потенциал специалиста – междисциплинарные аспекты исследования / А. С. Мищенко // *Инновационные образовательные технологии.* – 2012. – № 2. – С. 15–20. – URL: <http://elibrary.miu.by/journals!/item.iot/issue.30/article.2.htm>. (дата обращения: 24.01.2023).
7. Сиренко, С. Н. Расширение предметного поля учебной дисциплины на основе идей междисциплинарной интеграции (на примере дисциплины «Основы информационных технологий») / С. Н. Сиренко // *Инновационные образовательные технологии.* – 2013. – № 3. – С. 19–26. – URL: <http://elibrary.miu.by/journals!/item.iot/issue.35/article.3.html>. (дата обращения: 16.02.2023).
8. Тюнников, Ю. С. Интегративный подход к построению системы подготовки будущих педагогов к инновационной деятельности / Ю. С. Тюнников, В. В. Крылова // *Педагогическое образование и наука.* – 2015. – № 5. – С. 17–25. – URL:

УДК 811.112.2

РИСКИ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОЦИОЛЕКТЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО СЕГМЕНТА ИНТЕРНЕТА

Э. В. Лихачёв,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена исследованию рисков виртуальной коммуникации в социолекте пользователей немецкоязычного сегмента Интернета. В работе используется социолингвистический метод исследования, основанный на анализе сообщений в онлайн-сообществах, форумах и социальных сетях. Основные результаты исследования показывают, что участие в виртуальной коммуникации сопряжено с рядом коммуникативных рисков. Выводы подчеркивают необходимость осознанного подхода к использованию социолекта для достижения взаимопонимания в виртуальной коммуникации. Данная работа может быть полезна для тех, кто исследует вопросы виртуальной коммуникации и социолектов в немецкоязычном сегменте интернета.

Ключевые слова: виртуальная коммуникация, социолекты, риски интернет-коммуникации, кибербуллинг, социальные сети

Summary. The aim of this paper is to analyze the risks of virtual communication in the sociolect of users of the German-speaking segment of the Internet. The paper uses a sociolinguistic research method based on the analysis of messages in online communities, forums and social networks. The main findings of the study show that participation in virtual communication involves a number of communicative risks. The findings highlight the need for a deliberate approach to the use of sociolect to achieve mutual understanding in virtual communication. This paper could be useful for those researching virtual communication and sociolects in the German-speaking segment of the Internet.

Key words: virtual communication, sociolects, risks of Internet communication, cyberbullying, social media.

Эпоха интернет-коммуникации характеризуется уникальной возможностью мгновенного обмена информацией между пользователями во всем мире. Однако, этот быстрый и доступный способ общения не лишен опасностей: статистика показывает, что время, проводимое пользователями в сети, неуклонно увеличивается с каждым годом [3]. Кроме того, количество сообщений и активность использования социальных сетей также растут. Для виртуальной коммуникации

характерна анонимность и отсутствие единого сетевого этикета, что может привести к недопониманию, конфликтам и распространению негативных стереотипов. Необходимость предотвращения виртуальных рисков обуславливает *актуальность* данного исследования, *целью* которого является анализ коммуникативных угроз на материале высказываний немецкоязычных пользователей форумов и социальных сетей. Поставленная цель предусматривает решение следующих *задач*: определение статуса языка интернет-пользователей, классификация рисков, в том числе коммуникативных, составление корпуса исследования, лингвистический анализ высказываний, разработка моделей диалогов с характерными коммуникативными угрозами и мерами их преодоления.

Номинация языка пользователей Интернета является актуальным вопросом современной лингвистики. В статье Л. П. Сон предлагается определение «национальный вариант метаязыка» [2]. В нашем понимании термин «социолект» более подходит для описания языка интернет-пользователей. Согласно П. Траджиллу, социолект – это диалект, используемый определенной социальной группой, например, подростками, спортивными болельщиками или представителями определенной профессии [8]. Пользователи Интернета принадлежат к различным социальным группам, которые используют свои собственные социолекты. Например, язык геймеров отличается от языка блогеров, а язык программистов отличается от языка инфлюенсеров социальных сетей. Социолекты интернет-пользователей постоянно развиваются и меняются, коррелируя с такими факторами, как возраст, пол, культура и технологии.

Изучение языка интернет-пользователей помогает понять, как язык используется в различных социальных контекстах и как он формируется под влиянием технологий. Д. Кристал утверждает, что язык Интернета – это новая форма общения, имеющая свои собственные правила и конвенции [4]. С. Херринг также отмечает, что язык интернет-пользователей формируется под влиянием технологий, используемых для общения, например, использование сокращений и смайликов [7].

Интернет стал неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, но он также представляет собой ряд рисков для пользователей. Эти риски можно разделить на контентные, потребительские, электронные и коммуникативные:

1. Риски, связанные с содержанием, относятся к воздействию незаконного или неэтичного контента, например, порнографии, языка вражды или насилия. Такой контент может оказывать негативное влияние на психическое здоровье и способствовать возникновению целого ряда социальных проблем. Более того, воздействие незаконного или неэтичного контента может оказать значительное влияние на детей и подростков, которые более уязвимы к негативным последствиям такого контента.

2. Потребительские риски означают нарушения прав потребителей. В их число входят ложная реклама, недостоверное ценообразование и нарушение неприкосновенности частной жизни. Эти риски могут привести

к финансовым потерям, краже личных данных и другим формам мошенничества. Рост электронной коммерции связан с возможностью потребительского мошенничества и требует от пользователей бдительности в защите их личной и финансовой информации.

3. Электронные риски означают уязвимость пользователей перед электронным мошенничеством, хакерством и другими формами киберпреступности. Электронные риски могут включать кражу личной и финансовой информации, а также распространение вредоносного программного обеспечения, которое может поставить под угрозу безопасность личных и корпоративных сетей.

4. Коммуникативные риски включают в себя кибербуллинг, троллинг и другие формы преследования в Интернете. Эти риски могут привести к эмоциональному расстройству, депрессии и другим негативным последствиям. Более того, коммуникативные риски могут повлиять на психическое здоровье уязвимых групп населения, таких как дети, подростки и люди с уже существующими психическими заболеваниями.

Номинации коммуникативных рисков в немецкоязычном сегменте Интернета могут быть полностью заимствованы из английского (*das Ghosting* «исчезновение», *das Stalking* «преследование», *das Grooming* «ухаживание», *das Flaming* «флейм», *das Spamming* «рассылка спама», *das Flood* «флуд»), частично ассимилированы (*das Trollen* «троллинг») или переведены (*das Cybermobbing* «кибербуллинг») или калькированы (*das Hassen* «хейтинг») [5]. Отдельные неологизмы (*happy slapping*) не имеют устоявшихся аналогов и могут переводиться как *fröhliches Schlagen* «радостное избиение» [6].

Коммуникативные тактики, представляющие угрозу в виртуальном общении и типичные модели диалогов, составленные на материале высказываний немецкой молодежи, можно представить следующим образом:

1. *das Ghosting* («внезапное исчезновение») представляет собой резкое прекращение общения с человеком без объяснения причин или обоснования, которое может ранить и сбить с толку получателя и является формой эмоционального манипулирования (*Person A: Ey, was geht ab? Warum antwortest du mir nicht? – Ghoster: Sorry Bro, bin gerade busy. – Person A: Busy, oder was? Du hast ja schon seit Tagen nicht mehr geantwortet. – Ghoster: [keine Antwort]*).

2. *das Stalking* («преследование») подразумевает постоянный и нежелательный контакт или преследование со стороны человека, часто со злым умыслом. Это может включать мониторинг чьих-либо аккаунтов в социальных сетях, отправку сообщений с угрозами, появление без приглашения дома или на рабочем месте (*Person A: Ey, wer zur Hölle bist du? Du spamst mich seit Tagen voll und ich hab keine Ahnung, wer du bist. – Stalker: Chill mal, Digga. Ich hab dich auf Web gefunden und ich find dich voll cool. Hab mich halt ein bisschen in dich verguckt, weißt du?*).

3. *das Grooming* («ухаживание») заключается в установлении отношений с пользователем, зачастую несовершеннолетним, для последующего сексуального насилия (*Person A: Digga, was soll das? Du versuchst doch nicht ernsthaft, meinen kleinen Bruder auf deine Seite zu ziehen? – Groomer: Komm schon, Alter. Ich mach' doch nichts Schlimmes. Wir haben doch nur Spaß zusammen*).

4. *fröhliches Schlagen* («радостное избиение») – форма киберзапугивания, предполагающая съемку или фотографирование человека, подвергающегося физическому нападению или унижению, часто в публичной обстановке, и распространение этих изображений в Интернете (*Person A: Alter, was geht bei dir ab? Warum schlägst du mich, Mann? – Happyslapper: Hey, relax, Bro. Das ist doch nur ein kleiner Spaß. Du kannst doch auch mal 'nen Scherz vertragen*).

5. *das Hassen* («хейтинг») как форма агрессивного и враждебного общения включает в себя уничижительные или оскорбительные комментарии о ком-либо (*Person A: Warum disst du mich immer, Bro? Ich hab' dir doch nichts getan. – Hater: Boah, reg' dich nicht so auf, Man. Ich find' dich halt einfach nur whack und das muss ich sagen können*), в то время как *das Flaming* («флейм») относится к более интенсивной форме словесной атаки (*Person A: Was soll der Mist, Mann? Warum beleidigst du mich hier? – Flamer: Was hast du denn erwartet, Bro? Hier im Netz muss man halt hart bleiben und Leute dissen. Das gehört dazu*).

6. *das Spamming* («рассылка спама») относится к практике рассылки мошеннических сообщений или рекламы отдельным лицам или группам, ставит под угрозу безопасность устройств и может быть формой преследования (*Person A: Ey, was soll der Spam, Digga? Ich will das nicht haben. – Spammer: Na und, was geht dich das an? Ich kann doch machen, was ich will. Außerdem willst du doch sicher nicht die neuesten Angebote verpassen, oder?*).

7. *das Cybermobbing* («кибербуллинг») – неоднократное и преднамеренное преследование человека в виртуальном пространстве, включающее в себя распространение слухов, частной информации или комментариев с угрозами [9]. Кибербуллинг может иметь серьезные последствия для жертвы, включая эмоциональное расстройство, депрессию и даже суицид (*Person A: Ey, was soll das? Du mobbst mich ständig im Netz. – Cybermobber: Na und, was willst du dagegen? Ich bin doch der Boss hier*).

8. *das Trollen* («троллинг») – форма киберпреследования, при которой человек намеренно размещает провокационные или оскорбительные комментарии в Интернете с целью вызвать эмоциональную реакцию у других пользователей (*Troll: Alter, deine Mudda ist so fett, wenn sie ins Kino geht, sitzt sie neben jedem! Haha, geh doch zurück in deine Baby-Box! – Person A: Äy, Digga, was soll dat denn?*).

Профилактика виртуальных коммуникативных угроз заключается в добавлении в списки контактов только лично знакомых пользователей, нераспространении в открытом доступе своих персональных данных,

недопустимости публикаций оскорбительных или дискриминационных материалов, игнорирование подозрительных или угрожающих сообщений, использование настроек конфиденциальности для защиты личного пространства. Ультимативным методом защиты от рисков виртуальной коммуникации является снижение онлайн-активности и удаление страницы в социальных сетях [1].

Исследование социолекта пользователей интернета позволяет понять, как люди используют языковые средства в виртуальной среде и как это отражает их социальный статус, культуру и отношения. Анализ рисков виртуальной коммуникации может помочь в понимании динамики коммуникации, а также выявлении потенциальных угроз безопасности и конфиденциальности. Теоретическая ценность исследования заключается в возможности использования его результатов в преподавании дисциплины «Основы виртуальной коммуникации». Перспектива исследования заключается в дальнейшей разработке эффективных стратегий взаимодействия в онлайн-среде, таких как рекомендации по безопасному поведению в социальных сетях и механизмы защиты личной информации. Это может быть особенно важно для подростков и молодежи, которые часто являются наиболее уязвимыми к коммуникативным онлайн-рискам.

Таким образом, изучение социолекта пользователей интернета и рисков виртуальной коммуникации является важной задачей для современной науки и практики, которая может помочь в создании безопасной и комфортной онлайн-среды для всех пользователей.

Список использованных источников

1. Ланье, Д. 10 аргументов удалить соцсети / Д. Ланье. – Москва : Бомбора, 2019. – 192 с.
2. Сон, Л. П. Лингвистический статус языка интернет-коммуникации / Л. П. Сон // Вестник ВГУ ; Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskiy-status-yazyka-internet-kommunikatsii>. (дата обращения: 10.03.2023).
3. Чуранов, Е. Статистика Интернета и соцсетей на 2022 год – цифры и тренды в мире и в России / Е. Чуранов. – URL: <https://www.webcanape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2022-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/>. (дата обращения: 08.03.2023).
4. Crystal, D. Language and the Internet / D. Crystal // Professional Communication, IEEE Transactions on. – 2002. – Vol. 45. – P. 142–144.
5. Duden. Sprache sagt alles [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.duden.de/>. (Access date: 07.03.2023).
6. Happy Slapping [Electronic Resource]. – Access mode: https://de.wikipedia.org/wiki/Happy_Slapping (Access date: 10.03.2023).
7. Herring, S. C. Computer-Mediated Discourse Analysis: An Approach to Researching Online Behavior / S. C. Herring // Designing for Virtual Communities in the Service of Learning. – New York : Cambridge University Press, 2004. – P. 338–376.

8. Trudgill, P. Sociolinguistics: An Introduction to Language and Society / P. Trudgill. – London : Penguin Books Limited, 2000. – 240 p.
9. Vandebosch, H. Defining cyberbullying: qualitative research into the perceptions of youngsters / H. Vandebosch // Cyberpsychology & Behavior. – 2009. – Vol. 12 (4). – P. 499–503.

УДК 821.111

ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОЙ МИФОЛОГИЗАЦИИ В РОМАНЕ ВИКТОРИИ ХИСЛОП «ОСТРОВ»

И. Н. Ломакина,

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается специфика авторской мифологизации в романе В. Хислоп «Остров». Применение метода текстового анализа, мифологического и герменевтического подхода позволило установить, что в основе мифопоэтики автора лежит использование многочисленных мифологических аллюзий, элементов мифологического хронотопа и мифологем Ада, Рая и смерти – воскрешения.

Ключевые слова: В. Хислоп, «Остров», миф, мифологема, аллюзия, мифологизация.

Summary. The article deals with the specificity of the authorial mythologization in V. Hislop's novel *The Island*. The use of the textual analysis method, the mythological and hermeneutic approaches enabled us to find out that the author's mythopoetics is based on the application of numerous mythological allusions, elements of the mythological chronotope, and the mythologemes of Hell, Paradise, and Death – Resurrection.

Key words: V. Hislop, *The Island*, myth, mythologeme, allusion, mythologization.

Тяготение современной художественной литературы к осмыслению и творческой переработке мифа и его компонентов является объектом исследования отечественных и зарубежных учёных (М. К. Абелян, М. С. Анисимовой, С. Аусбанда, А. Л. Барковой, М. Белла, Р. Веймана, Е. В. Галаниной, Е. В. Ивановой, К. С. Кардановой, Е. М. Мелетинского и др.) уже на протяжении нескольких десятилетий.

Суть авторской мифологизации заключается в индивидуально-художественной переработке составляющих мифа – мифем и мифологем – с целью создания уникального мифопоэтического континуума, присущего данному автору. Писатель может применить и базовые принципы

построения мифологического хронотопа и нарратива, что характерно для постмодернистской художественной литературы.

Роман «Остров» (*The Island*, 2005) современной британской писательницы Виктории Хислоп (р. 1959) является ярким примером авторской мифологизации. Примечательно, что несмотря на популярность вышеназванного романа в европейских странах, в отечественном литературоведении практически отсутствуют исследования, посвящённые изучению специфики мифологизации в прозе В. Хислоп (исключение составляет научная статья В. Г. Новиковой [1], содержащая упоминание о романе «Остров»), что свидетельствует об **актуальности** данного исследования.

Действие романа Виктории Хислоп разворачивается на греческом острове Спиналонга, где в 1903–1957 гг. располагалась колония для больных лепрой (проказой). Остров находится на незначительном расстоянии от критского посёлка Плака, но представляет собой другую Вселенную: «Beyond the town she came to an overgrown path that led away to a spot beyond all signs of civilization. It was a natural promontory with a sheer drop into the sea hundreds of feet below. Here she allowed herself to imagine the misery of the lepers and to wonder whether in desperation they might ever have come to this place to contemplate ending it all» [3, с. 27]; («Выйдя за пределы поселения, она оказалась на заросшей дороге, которая вела в место, полностью лишённое каких-либо признаков цивилизации. Это был мыс с обрывистыми берегами высотой почти в сто метров. Алексис представила себе, какое отчаяние могли ощущать прокажённые, приходившие сюда: это место и впрямь напоминало край света» [2, с. 34]).

Для молодой англичанки Алексис знакомство со Спиналонгой становится важным событием, ведь её бабушка и прабабушка когда-то жили в этой колонии для прокажённых.

Время на острове словно не подчиняется законам физики: «Time had passed quickly. When Alexis glanced at her watch she saw that it was already five o'clock. The sun had seemed so high still and its heat so intense that she had lost all track of time» [3, с. 28–29]; («Время на Спиналонге пролетело очень быстро: взглянув на часы, Алексис увидела, что уже пять. Солнце по-прежнему стояло высоко, а жара была такой сильной, что девушка напрочь утратила чувство времени» [2, с. 35]).

Остров в романе представляет собой своеобразную гетеротопию, так как он абсолютно изолирован от близлежащего Крита. При описании Спиналонги В. Хислоп прибегает к мифологеме Ада, Преисподней: «In this dark room she wished she was dead. For a moment it did occur to her that perhaps she *was* dead, since hell could not be a gloomier or less welcoming place than this» [3, с. 304]; («“Лучше бы я умерла!” – тихо проговорила девушка. В её голове мелькнула мысль, что, возможно, она действительно умерла: даже ад не мог быть более мрачным и отталкивающим, чем место, в котором она оказалась» [2, с. 292]).

Автор прибегает к мифологическим аллюзиям, сравнивая персонажей с Химерой и Хароном: «For a moment she wondered if she had already died and this woman was a chimera showing her round Hades, telling where the dead souls wash their shrouds and buy their unsubstantial rations. Her mind, however, told her it was all real. It had not been Charon but her own husband who had brought her to hell and left her here to die» [3, с. 76–77]; («У женщины промелькнула мысль, что она умерла, а эта Элпида – химера, которая водит её по подземному царству, рассказывая, где мёртвые души могут постирать свои саваны и купить нематериальную пищу. Однако разум подсказывал ей, что всё, что она видит, – реальность. В этот ад её перевёз и оставил умирать, уплыв обратно, не Харон, а собственный муж» [2, с. 80–81]).

Примечательно, что Виктория Хислоп неоднократно сравнивает лодочника Гиоргиса Петракиса с Хароном, что, впрочем, неудивительно, так как именно Гиоргис является единственным связующим звеном между Спиналонгой и Плакой, доставляя на остров прокажённых провизию и новых «приговорённых» к ссылке людей.

Авторская мифологизация В. Хислоп строится, прежде всего, на активном использовании мифологических аллюзий, создающих яркие образы.

Так, помимо вышеназванных Химеры и Харона, писательница упоминает Минотавра («...the bullock she had passed on the road that day had considerably more reality and relevance to her life than the Minotaur at the centre of the legendary Cretan labyrinth ever could» [3, с. 6]; «...какой-нибудь вол, мимо которого она прошла этим утром, был намного более реальным и важным, чем Минотавр, якобы обитавший некогда в легендарном критском лабиринте» [2, с. 12]); Ориона («...and in the clear sky above, the brightest constellation of all, Orion, who had been killed and placed in the sky by the gods, seemed to wait for her decision» [3, с. 38]; «...высоко в чистом небе молча дожидалось её решения самое яркое небесное созвездие – Орион, великан-охотник, который, согласно древнегреческим мифам, был вознесён на небеса богами» [2, с. 45]); Пандору («Pandora regretted opening her box. Would it be the same for her?» [3, с. 43]; «В своё время Пандора пожалела, что открыла ящик, не пожалеет ли и она о своём?» [2, с. 50]).

Необходимо отметить, что «инфернальный» образ Спиналонги претерпевает изменения по ходу действия романа. Для афинян, долгое время лечившихся в столичном лепрозории в ужасающих условиях, остров предстаёт Раем: «Conditions at the Athenian hospital had been horrific. The fires of hell could not have been more stifling than the suffocating summer heat in their mean, claustrophobic rooms (...) Spinalonga, by contrast, was paradise. It offered unimagined freedom, with fresh air, birdsong and a street to amble down; here they could rediscover they humanity» [3, с. 103–104]; («Даже пламя ада не могло быть более мучительным, чем удушающая летняя жара, которая стояла в отвратительных, похожих на гробы палатах лепрозория (...) Поэтому Спиналонга показалась афинским женщинам

настоящим раем. Она давала им свободу, свежий воздух, пение птиц и городок с центральной улицей, по которой никто и не думал запрещать им гулять. Прошло совсем немного времени, и они вновь почувствовали себя людьми» [2, с. 107]). Антитеза «Рай – Ад» усиливается использованием эпитетов «мучительный», «удушающий», «отвратительный», «свежий».

Когда колонисты узнали, что новое лечение от лепры оказалось эффективным, на Спиналонге устроили пышное празднество, совпавшее с Пасхой: «Christ was risen and in certain ways there had been some kind of rising from the dead for them too, a resurrection of their spirits» [3, с. 128]; («Христос восстал из мёртвых, и в какой-то степени то же можно было сказать и об островитянах: по крайней мере, восстал из пепла их дух» [2, с. 129]). Здесь очевидно применение автором мифологемы смерти – воскрешения, символизирующей надежду на исцеление, радость, впервые испытанную прокажёнными.

Примечательно, что меняется не только мировосприятие обитателей колонии, но и жителей Плаки: «It was Plaka that had many of the qualities you would expect of an island – insular, self-contained and sealed against the outside world – whereas Spinalonga hummed with life and energy» [3, с. 384]; («Именно Плаке были присущи многие из тех качеств, которые обычно приписываешь острову, – замкнутость, сдержанность и отгороженность от внешнего мира, в то время как на Спиналонге жизнь была ключом» [2, с. 366]). На острове издаётся газета, раньше, чем на Крите, проводят электричество и решает вопрос с водоснабжением, что не может не вызвать зависть жителей рыбацкого посёлка, расположенного через пролив от колонии прокажённых.

Таким образом, специфика мифологизации в романе В. Хислоп «Остров» заключается в использовании автором многочисленных мифологических аллюзий, элементов мифологического хронотопа и мифологем Ада, Рая и смерти – воскрешения.

Список использованных источников

1. Новикова, В. Г. Топос греческого острова в литературе Великобритании XX–XXI веков / В. Г. Новикова // Учёные записки Орловского государственного университета. – 2021. – №3(92). – С. 82–88.
2. Хислоп, В. Остров. Тайна Софии / Виктория Хислоп ; пер. с англ. С. Савченко. – Белгород : «Клуб семейного досуга», 2008. – 445 с.
3. Hislop, V. The Island / Victoria Hislop. – London : Headline Review, 2005. – 473 p.

**СЛЕДСТВЕННЫЙ СОЮЗ «ФА»
И ЕГО ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
В АРАБСКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТА КОРАНА**

А. Р. Магаметов,

*старший преподаватель кафедры восточной филологии, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Данная статья посвящена изучению принципов построения грамматических конструкций, в состав которых входит следственный союз «фа», в контексте коранических аятов.

Цель работы: а) проследить влияние следственного союза «фа» на грамматический и синтаксический строй конструкций в контексте Корана; б) представить вниманию читателя ряд категорий следственного союза и его функций в коранических предложениях, а также мнения некоторых арабских филологов по данному вопросу.

Задачами исследования можно считать анализ основных особенностей функционирования следственного союза «фа» в арабском условном предложении.

Основные методы исследования: описательный, сопоставительный.

Актуальность данной темы заключается в возможности коранического текста наиболее полно отразить функции следственного союза «фа» в структуре предложения, явить широкому кругу изучающих арабский язык отдельные категории данной частицы с их соответствующим смысловым окрасом в том или ином контексте Корана.

Научная новизна ожидаемых результатов. В отечественной арабистике наблюдается недостаток изученности особенностей функционирования союза «фа», раскрываемых нами в кораническом тексте.

Ключевые слова: арабский язык, Коран, следственный союз, предлоги, грамматика.

Summary. This article is devoted to the study of the principles of constructing grammatical constructions which include the resultative conjunction “fa”, in the context of the Qur’anic verses.

The goal of the work: a) to trace the influence of the resultative conjunction “fa” on the grammatical and syntactic structure of constructions in the context of the Koran; b) to bring to the attention of the reader a number of categories of the resultative conjunction and its functions in the Qur’anic sentences, as well as the opinions of some Arabic philologists on this issue.

The objectives of the study can be considered the analysis of the main features of the functioning of the resultative conjunction “fa” in the Arabic conditional sentence.

Main research methods: descriptive, comparative.

The relevance of this topic lies in the ability of the Qur’anic text to most fully reflect the functions of the resultative conjunction “fa” in the structure of the sentence, to reveal to a wide range of students of Arabic certain categories of this particle with their corresponding semantic colour in a particular context of the Koran.

Scientific novelty of the expected results. In domestic Arabic studies, there is a lack of knowledge of the features of the functioning of the conjunction “fa”, which we disclose in the Qur’anic text.

Key words: the Arabic language, Koran, resultative conjunction, prepositions, grammar.

Арабские грамматисты расходятся во мнениях относительно причин использования частицы «фа» («الفاء») в качестве следственного союза в придаточной части предложения и предпочтения его иным арабским соединительным союзам. Некоторые ученые полагают, что данный союз сам по себе являет собой полноценный ответ в придаточной части условного предложения, другие же считают, что следственный союз выступает лишь как частица, соединяющая главное предложение с придаточным.

Так, раскрывая причину использования частицы «фа» в качестве следственного союза, Сибавейхи утверждает: «Знай, что главное предложение с придаточным следствия может отделяться от второстепенного лишь посредством глагола или с помощью следственного союза «фа». Что касается использования глагола, то примером могут служить такие конструкции как «إن تأتيك» – «Если ты придешь ко мне, то и я **навещу** тебя», «إن تضربني أضربك» – «Если ты ударишь меня, то и я **ударю** тебя». При использовании же союза «фа» конструкция предложения будет выглядеть как в следующем примере: «إن تأتي فأنا صاحبك» – «Если ты навестишь меня, **то** считай меня своим другом» [2, с. 413–414]. Сибавейхи заявляет, что в подобных случаях союза «الواو» и «ثم» неуместны в отличие от союза «фа» [2, с. 415]. Аль-Мубаррад, представитель басрийской школы грамматики, мастер красноречия, в своей книге «аль-Мукътадаб» отмечает, что придаточная часть условного предложения, имеющая оттенок воздаяния, следствия и т. п., может предваряться либо глаголом, ибо лишь посредством действия возможно выразить смысл с оттенком воздаяния или возмездия, либо с помощью союза следствия «фа», который собственно заключает в себе суть действия. В качестве доказательства правоты своих слов он приводит следующие примеры:

1) с использованием глагола в части придаточного предложения: «إن أتيتك وأكرمتك وإن تزرتني أزرک» – «Если ты навестишь меня, то я **окажу** тебе **честь**. Если ты придешь ко мне в гости, то и я **приду** к тебе»;

2) с использованием союза «фа», заключающего в себе действие: «**إِنْ** شَاكَرَ» – «Если ты придешь ко мне, **то я буду** тебе за это благодарен» [3, с. 616].

Аль-Мубаррад также подтверждает свою позицию словами Всевышнего, приведенными в Коране, которые собственно отражают смысл воздаяния за определенное действие, ему предшествовавшее: «**قُلْ لِلَّذِينَ** «كَفَرُوا إِنْ يَنْتَهُوا يُغْفَرْ لَهُمْ مَّا قَدْ سَلَفَ وَإِنْ يَعُودُوا فَقَدْ مَضَتْ سُنَّةُ الْأَوَّلِينَ» – «Скажи неверующим, что если они прекратят, то им **будет прощено** то, что было в прошлом. Но если они возвратятся к неверию, то **ведь уже были** примеры первых поколений (которых постигла гибель)» (Коран – сура 8, аят 38) [3, с. 620]. В данном примере мы видим как союз «фа» выполняет глагольную функцию в придаточной части условного предложения.

Мнения Сибавейхи и Аль-Мубаррада совпадают, как мы это видим благодаря примерам, приводимым ими в своих трудах. Расхождения между ними в данном вопросе касаются лишь причин использования следственного союза в придаточном предложении. Так, Сибавейхи утверждает, что иные соединительные союзы помимо «фа» по своей функциональности абсолютно неуместны в подобных конструкциях, ибо никак не отображают смысл следствия или воздаяния за действие, которое предшествовало им в главном предложении [2, с. 413].

Следственный союз «фа» в составе именного предложения упоминается в тексте Корана более 260-ти раз. В арабском именном предложении, состоящем из подлежащего и сказуемого, союз «фа» в ряде случаев выполняет функцию подлежащего. Например, Всевышний Аллах в своей Книге говорит: «А те, которые не уверуют в него, **непременно окажутся** в убытке» (وَمَنْ يَكْفُرْ بِهِ فَأُولَٰئِكَ هُمُ الْخَاسِرُونَ) (Коран – сура 2, аят 121). В ряде иных случаев следственный союз может выполнять роль сказуемого при условии инверсии его с подлежащим в арабском варианте, примером чему является следующий аят: «О нет! Кто покорит свой лик Аллаху, совершая добро, **тот** получит награду от своего Господа. Они не познают страха и не будут опечалены» (بَلَىٰ مَنْ أَسْلَمَ وَجْهَهُ لِلَّهِ وَهُوَ مُحْسِنٌ فَلَهُ أَجْرُهُ عِنْدَ رَبِّهِ وَلَا خَوْفٌ عَلَيْهِمْ وَلَا هُمْ يَحْزَنُونَ) (Коран – сура 2, аят 112). Кроме того, союз следствия может предварять собой как подлежащее, так и сказуемое. Например, в Коране Господь сказал: «**Кто** узрел, **тот** поступил во благо себе, а был слеп, **тот** навредил себе» (فَمَنْ أَبْصَرَ فَلِنَفْسِهِ وَمَنْ عَمِيَ فَعَلَيْهَا) (Коран – сура 6, аят 104).

Что касается арабских производных глаголов (الفعل الجامد), некоторые из которых, согласно мнению ряда арабских грамматистов, в частности, Аль-Мубаррада, являются, по сути, частицами (ليس, عسى, بنس, نعم) и др.), то союз «фа» обязательно должен предшествовать им в придаточной части условного предложения, ибо именно данный союз призван соединить глаголы-частицы придаточного предложения с главным [3, с. 624–625]. Ибн Джинни также разделял подобное мнение [4, с. 270].

Союз «фа», предваряющий производные глаголы, встречается в Коране в девяти аятах, а именно:

1. «Когда Талут (Саул) отправился в путь с войском, он сказал: “Аллах подвергнет вас испытанию рекой. Кто напьется из нее, тот не будет со мной...”» (قَالَ إِنَّ اللَّهَ مُبْتَلِيكُمْ بِنَهْرٍ فَمَنْ شَرِبَ مِنْهُ فَلَيْسَ مِنِّي) (Коран – сура 2, аят 249);
2. «Если вы раздаете милостыню открыто, то это прекрасно» (إِنْ تُبْدُوا فِي الصَّدَقَاتِ فَنِعِمًا) (Коран – сура 2, аят 271).
3. «А кто поступает таким образом, тот не имеет никакого отношения к Аллаху» (وَمَنْ يَفْعَلْ ذَلِكَ فَلَيْسَ مِنَ اللَّهِ فِي شَيْءٍ) (Коран – сура 3, аят 28).
4. «Живите с ними [с женами] достойно, и даже если они неприятны вам, то ведь вам может быть неприятно то, в чем Аллах заложил много добра.» (إِنْ تُبْدُوا فَإِنْ كَرِهْتُمُوهُنَّ فَعَسَى أَنْ تَكْرَهُوا شَيْئًا وَيَجْعَلَ اللَّهُ فِيهِ خَيْرًا كَثِيرًا) (Коран – сура 4, аят 19).
5. «И тот, чьим товарищем является сатана, то плох он [сатана] как товарищ!» (وَمَنْ يَكُنِ الشَّيْطَانُ لَهُ قَرِينًا فَسَاءَ قَرِينًا) (Коран – сура 4, аят 38).
6. «А когда вы (о, верующие) двигаетесь по земле, то нет на вас греха, чтобы вы сокращали молитву» (وَإِذَا ضَرَبْتُمْ فِي الْأَرْضِ فَلَيْسَ عَلَيْكُمْ جُنَاحٌ أَنْ تَقْصُرُوا مِنْ الصَّلَاةِ) (Коран – сура 4, аят 101).
7. «Если ты видишь меня беднее, чем ты, имуществом и детьми, то, может быть, Господь мой даст мне лучший, чем твой сад...» (إِنْ تَرَىٰ أَنَا أَوْلَىٰ) (منك مالا وولداً فعسى ربّي أن يؤتيني خيراً من جنتك) (Коран – сура 18, аяты 39–40).
8. «А когда же оно [Наше наказание] сойдёт на их площадь [на их дворы], то плохо будет утро тех, кого предупреждали!» (فَإِذَا نَزَلَ بِسَاحَتِهِمْ فَسَاءَ صَبَاحُ) (الْمُنذَرِينَ) (Коран – сура 4, аят 38).
9. «А кто не ответит призывающему (от) Аллаху [не ответит призыву посланника Аллаха], то он не сможет ослабить (Аллаха) (чтобы избавится от Его наказания) на земле» (وَمَنْ لَا يُجِبْ دَاعِيَ اللَّهِ فَلَيْسَ بِمُعْجِزٍ فِي الْأَرْضِ وَلَيْسَ لَهُ مِنْ) (دُونِهِ أَوْلِيَاءَ أُولَٰئِكَ فِي ضَلَالٍ مُّبِينٍ) (Коран – сура 46, аят 32).

Выводы. Нами была предпринята попытка анализа роли следственного союза الفاء в коранических аятах через призму мнений некоторых арабских грамматистов относительно данной темы, а также проследили влияние союза на грамматический и синтаксический строй конструкций в контексте Корана. Проведя данное исследование можно сделать вывод, что следственный союз الفاء может выполнять функцию не только собственно частицы, но и в некоторых позициях в предложении выступать в роли полнозначного глагола по причине своей способности отражать оттенок действия.

Список использованных источников

1. Кулиев, Э. Р. Коран : перевод смыслов и комментарии / Э. Р. Кулиев ; Изд. 6-е, испр. – Москва : Умма, 2007. – 686 с.
2. عبد السلام هارون. الكتاب : تحقيق النصوص ونشرها / عبد السلام هارون - مكتبة الخانجي, 1998. – 2930 ص.
3. محمد بن يزيد بن عبد الأكبر الثمالي الأزدي، أبو العباس، المعروف بالمبرد. المقتضب: المحقق: محمد عبد الخالق عزيمة / الناشر: عالم الكتب. – بيروت – 2015. – 1230 ص.
4. عثمان بن جنى أبو الفتح. المحتسب في تبیین وجوه شواذ القراءات والإيضاح عنها / عثمان بن جنى أبو الفتح – 2009. – 931 ص.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРИЁМЫ «ОБРАТНОЙ СВЯЗИ» В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ

С. В. Майборода,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как
иностранного, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматриваются речевые тактики, используемые участниками медицинского дискурса при выявлении мнения собеседника; анализируются способы реагирования врача на точку зрения пациента в процессе общения; делаются выводы о высокой коммуникативной эффективности выявленных речевых приёмов для реализации пациентоориентированного подхода в медицинском дискурсе.

Ключевые слова: коммуникативная тактика, медицинский дискурс.

Summary. The article considers the communicative tactics used by the participants of the medical discourse to reveal the interlocutor's opinion; analyzed the ways of response to the opponent's point of view in the process of doctor-patient communication; made conclusions about the high communicative effectiveness of the identified speech techniques for implementing a patient-centered approach in medical discourse.

Key words: communicative tactics, medical discourse.

В процессе диалогического взаимодействия в институциональном предметно-целевом дискурсе, к которому относится и медицинский, важны не только обмен и усвоение коммуникантами поступающей информации, но и демонстрация ими реакции на принятие и осмысление сообщения, а также планирование дальнейших действий – речевых ходов, тактик и стратегий – для достижения коммуникативных и экстралингвистических целей общения.

Часто в условиях строгой регламентации коммуникации врача с пациентом (нормированного времени на приёме, следования протоколам обследования и лечения) фокус внимания доктора смещается к биомедицинским аспектам взаимодействия с больным, что препятствует полному пониманию проблем последнего, приводит к деперсонализации пациента и отсутствию у него приверженности лечению, или комплаенса. Тем не менее в ряде диалогов врача и пациента наблюдается реализация принципов пациентоориентированного подхода, при котором участники дискурса обмениваются информацией о болезни, мнениями о её причинах и влиянии на сферы жизни, ожиданиями от назначенного лечения.

В данной работе представлен лингвистический анализ записей медицинских консультаций, полученных в лечебно-профилактических учреждениях г. Симферополя, с целью выявления функций и

характеристик коммуникативных тактик, используемых врачами и пациентами для запроса мнения собеседника, а также способов адекватного реагирования на точку зрения оппонента.

Под коммуникативной (речевой) тактикой в данном исследовании понимается совокупность речевых действий, выбираемых и выполняемых говорящим в той или иной последовательности для достижения локальной цели дискурса. Речевая тактика включает одно или несколько высказываний, при этом говорящий может контролировать их успех или неудачу на отдельных этапах диалога и ^[SEP]корректировать свои речевые действия с учётом перлокутивных ^[SEP]эффектов. При анализе речевых тактик учитываются социальные и психологические аспекты общения. Важным критерием отбора тактик и речевых ходов является их эффективность [1].

Анализ фактического материала показал, что приёмы запроса мнения собеседника имеют локальную (тактическую) цель, включающую планирование и реализацию дальнейших речевых действий с опорой на полученную информацию. Это позволяет объединить их в группу коммуникативных тактик с рабочим названием «тактики обратной связи»: тактику запроса точки зрения собеседника и тактику принимающего реагирования. Основные задачи тактик: 1) выявить точку зрения собеседника; 2) адекватно отреагировать на его мнение (поддержать или возразить), не провоцируя негативной реакции. Рассмотрим подробно указанные тактики.

Тактика **запроса точки зрения** собеседника активно используется и врачами, и пациентами. Средствами её воплощения в диалогах выступают ознакомительные вопросы, например: *что вы думаете по поводу ...? вы согласны ...? вы планируете ...? вы хотите...?* и др.. Подобные коммуникативные ходы не только побуждают оппонента высказать свою точку зрения, но и позволяют выяснить, как он намерен поступить в дальнейшем. Это необходимо для того, чтобы говорящий мог предложить варианты действий и выстроить стратегию деятельности с опорой на возможности слушающего. Приведём пример: *В.: – Скажите пожалуйста, вы будете шесть месяцев ждать УЗИ или сможете себе позволить самостоятельно сделать? / П.: – Я не знаю. / В.: – Говорите, как есть. / П.: – Давайте на шесть, а потом, если позволю, тогда такое дело. / В. (медсестре): – УЗИ к нам.* В рассмотренном фрагменте диалога врач запрашивает мнение пациента о его желании пройти исследование, о его финансовых возможностях. Эта тактика используется врачом для предоставления пациенту выбора и права на самоопределение. Помимо этого, в высказывании присутствует имплицитная информация об ограниченных возможностях государственного лечебного учреждения и намёк на решение проблемы посредством услуг коммерческой клиники. Таким образом ответные действия пациента учитываются врачом при планировании дальнейшего диалога и стратегии обследования/ лечения.

В свою очередь, возможность больного свободно запрашивать точку зрения врача или высказывать собственное мнение без риска быть

подвергнутым осуждению помогает доктору в поиске компромиссного решения при обсуждении вариантов действий, что значительно повышает комплаентность пациента. Сообщая свою точку зрения, больной может возразить, высказать сомнение в предложенном варианте лечения или предупредить медика о своих ограниченных физических или финансовых возможностях; выразить опасение по поводу побочных эффектов лечения или неуверенность в способности изменить привычный образ жизни. Эта информация важна как для организации хода диалога, так и для принятия согласованного решения участниками дискурса. Иллюстрацией может служить следующий фрагмент диалога терапевта и пациентки:

П: – Вы знаете, я моксонидин так плохо переношу. Скажите, почему так? (запрос точки зрения).

В: – А у него действие, как ... м-м ... у клофелина.

П: – А, понятно. То-то хожу сонная, сама не своя. Мне от него ещё хуже становится. Может другое что-то? (аргумент, запрос)

В: – Тогда не надо, конечно. Давайте лучшие эдарби. Если подойдёт, оставьте. (согласие, компромиссный вариант)

П: – Хорошо, попробую. (согласие)

Еще одной функцией тактики в речевой партии врача является предупреждение возможного некомплаентного поведения пациента, о котором могут свидетельствовать немедленное согласие пациента со словами доктора, а также ответное молчание или возражение. Предупреждающими коммуникативными ходами говорящего в случае ответного молчания служат информационные вопросы, а в случае поспешного согласия – контролирующие вопросы, которые задаются с целью выяснить, понимает ли собеседник смысл сказанного, нет ли информационных искажений. Например: *В.: – Есть хеликобактер, язвенная болезнь. Вы хотите это пролечить? (информационный вопрос) / П.: – Да-да. / В.: – Это антибиотики. Выписывать? (контролирующий вопрос) / П.: – Давайте. (согласие)*

Выявление и учёт точки зрения пациента при планировании врачом дальнейших действий нацелены на диагностику картины мира пациента (в терминах когнитивных процессов), а с позиций коммуникативного подхода способствуют достижению цели общения: собеседники приходят к согласованному решению, которое является залогом комплаенса. «Предоставив пациенту возможность проговорить свои доводы, иногда – неоднократно, врач без применения давления сможет направить больного к принятию приемлемого решения» [4, с. 6].

В некоторых случаях тактика запроса точки зрения в речевой партии пациента направлена на сокращение дистанции между участниками диалога и получение субъективного или даже оценочного суждения врача о прогнозах, методах профилактики и лечения. Таким образом рассматриваемая тактика сближается с просьбой о совете, что свидетельствует об осознании говорящим собственной уязвимости или риска, возникающих в результате неопределённости дальнейших действий

или событий. Для преодоления неуверенности пациент стремится сместить психологическую дистанцию с формального общения к большей интимизации коммуникации, приближая диалог с врачом к жанру беседы по душам, в которой доверие является результатом кооперации сторон и основано на взаимном ожидании эквивалентного обмена [2]. Так как мотивацией совета является польза адресата [3], а также личная заинтересованность адресанта в благополучном решении проблемы, доверие пациента к полученной в результате запроса информации повышается, что способствует повышению уверенности больного в правильном выборе вариантов поведения.

Запрос точки зрения собеседника, как и любой запрос информации, обычно является инициативной тактикой, но при этом согласуется с реакцией отвечающего и с последующими тактиками и коммуникативными ходами реализуемых прагматических стратегий. Иными словами, после выявления мнения собеседника немедленно следует реакция слушающего на изложенную информацию. Негативным потенциалом для установления доверительных отношений между коммуникантами обладают реактивные тактики дискредитации собеседника (насмешка, ирония, упрёк) или категоричное возражение в случае несогласия. Напротив, эффективным приёмом для гармонизации общения выступает реакция слушающего в виде демонстрации понимания, эмпатии, даже если он не согласен с говорящим и намерен его переубедить.

Максимальное смягчение несогласия с собеседником является проявлением **тактики принимающего реагирования** в речевой партии коммуниканта. Цель тактики – скрытое воздействие на поведение оппонента. Задачи тактики – выразить реакцию на мнение оппонента, не вызывая психологического дискомфорта или конфликта, одновременно проявить солидарность и предложить альтернативное решение. Почувствовав себя принятым, собеседник смягчает сопротивление и проявляет готовность выслушать аргументы.

Тактика принимающего реагирования отличается лингвистическими индикаторами: глаголами «понимать», «сочувствовать», «знать», «слушать»; словами, обозначающими согласие с собеседником: «да», «конечно» и др. Коммуникативными ходами данной тактики являются высказывания, построенные по следующим моделям:

1) согласие с частью высказывания собеседника для проявления поддержки и предложение альтернативы, например: *В.: – Да, понимаю, холтер долго, займёт время, но надо сделать. Давайте в субботу?*

2) принятие эмоций, сопровождающих высказывание пациента, и предложение альтернативы (несогласие компенсируется выражением эмоциональной поддержки). Пример:

П.: – Да как не нервничать! Дедушка восемьдесят восемь лет. Постоянно что-то не так: то не так встала, то не то сделала.

В. (мягко): – Понимаю. Но разве это повод, чтобы нервничать? Живите, пропускайте все это мимо себя, а не через себя. Мы не знаем, что нас ждет завтра, надо радоваться каждому прожитому дню. (принятие эмоций, несогласие)

П.: – Ох, да, трудно.

В.: – Основное ваше лечение – правильное питание. И спокойствие. Всё отражается на вашем желудке, на вашем самочувствии. (предложение альтернативы)

Рассмотренный фрагмент диалога иллюстрирует ситуацию, когда врач с помощью речевых ходов тактики принимающего реагирования высказывает солидарность с чувствами пациента, затем возражает и немедленно предлагает варианты альтернативного поведения, способствующего улучшению физического и психического состояния. Всё это позволяет устранить нежелательные эмоциональные реакции пациентки и благоприятствует развитию дальнейшего конструктивного диалога о лечении и изменении образа жизни больной.

Несмотря на очевидную эффективность тактики принимающего реагирования, следует отметить, что в дискурсе врача и пациента случаи использования указанной тактики встречаются нечасто. Это может объясняться желанием говорящих экономить время и речевые усилия, а также указывать на отстранённость или эмоциональную сдержанность врача.

Итак, тактики «обратной связи» являются признаками проявления пациентоориентированного подхода в медицинском дискурсе и включают в себя взаимодополняющие приёмы запроса мнения собеседника и тактики принимающего реагирования. Проявление интереса к точке зрения собеседника способствует улучшению качества общения врача и пациента, установлению между ними равноправных и доверительных отношений. Выявление и учёт мнения собеседника позволяет участникам меддискурса планировать ход диалога и, опираясь на полученные сведения и интересы оппонента, находить компромиссные решения. Тактика принимающего реагирования благоприятствует гармонизации медицинского дискурса и устраняет психологический дискомфорт пациента при несогласии врача с его мнением.

Список использованных источников

1. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.
2. Купрейченко, А. Б. Психология доверия и недоверия / А. Б. Купрейченко. – Москва : Ин-т психологии РАН, 2008. – 569 с.
3. Падучева, Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
4. Трушкина, С. В. Коммуникативные техники повышения комплаентности пациентов в практике врача / С. В. Трушкина // Медицинская психология в России. – 2018. – Т. 10. – № 5. – С. 1–6.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ВИДОВ РУССКОГО ГЛАГОЛА ПРИ ПЕРЕДАЧЕ НА КРЫМСКОТАТАРСКИЙ ЯЗЫК

Э. Н. Меджитова,

*старший преподаватель кафедры крымскотатарской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Тесно связанные между собой категории вида и времени глагола реализуются в разной степени в том или ином языке. Существуют языки, где одна из этих категорий или совершенно отсутствует, или выражена слабо. Видовременные категории русского языка играют важную роль, и переводчик при передаче их на крымскотатарский язык нередко сталкивается с определенными трудностями. Переводчик, родным языком которого является язык агглютинативного строя, испытывает наибольшие трудности при передаче видов русского глагола. Стратегии передачи на крымско-татарский язык видовых оттенков русского глагола составляют содержание нашей работы.

Ключевые слова: перевод, крымскотатарский, русский, язык, вид, несовершенный, время глагола.

Summary. The time-specific categories of the Russian language play a significant role, and the translator often faces certain difficulties while transferring them into the Crimean Tatar language. The ones whose native language is the language of the agglutinative system experience the greatest difficulties in translating the types of the Russian verb. The translation strategies of transferring the specific features of the Russian verb into the Crimean Tatar language constitute the content of our work.

Key words: translation, Crimean Tatar, Russian, language, type, imperfect, verb tense.

Русские глаголы несовершенного вида и способы их передачи на крымскотатарский язык.

Известно, что большинство русских неизменяемых глаголов относится к несовершенному виду (читать, писать и т. д.). Производные глаголы от других частей речи тоже относятся к несовершенному виду (чернеть, белеть, множить и т. д.). Поэтому вопрос перевода русского глагола на крымскотатарский язык необходимо начать с несовершенного вида.

Глаголы несовершенного вида отвечают на вопрос «что делать?» и обозначают действие без указания на его предел, без ограничения протекания его во времени, действие длительное или повторяющееся (учить, рисовать, играть, кричать). Русские глаголы несовершенного вида, по сравнению с совершенным видом, своей морфологической особенностью более близки к морфологической структуре

крымскотатарского глагола – они имеют формы всех трех времен – прошедшего, настоящего и будущего.

1. Русские глаголы несовершенного вида прошедшего времени и их передача на крымскотатарский язык.

Прошедшее время русских глаголов несовершенного вида обозначает действие или состояние, которое осуществлялось в прошлом и которое полностью отделено от настоящего. Эта форма глаголов имеет несколько функций. Основная функция – прошедшее описательное, показывающее длительный процесс и не показывающее последовательность действий, сменяющих друг друга.

Крымскотатарский язык богат формами прошедшего времени, поэтому способов передачи длительности в прошлом при переводе с русского на крымскотатарский достаточно много.

а) Наиболее распространенным способом передачи прошедшего описательного с русского на крымскотатарский язык является форма на -р (-ар) + э (-дим, -динь, -ди и т. д.) (т. н. неопределенный имперфект).

Примеры, взятые из переводов различных произведений, показывают, что этот способ в основном правильно отражает оттенок длительности русского глагола несовершенного вида прошедшего времени:

«...и лицо, казалось, тоже *было* в чехле, так как он всё время *прятал* его в поднятый воротник. Он *носил* темные очки, фуфайку, уши *закладывал* ватой, и когда садился на извозчика, то *приказывал* поднимать верх» [3, с. 43].

«... эм юзю де, санки, къалыф ичинде киби *корюнир эди*, чюнки о, юзюни даима котерильген якъасы ичинде *яшырыр эди*. О кьюю тюсю козьлюк *такъар*, фуфайка *киер*, къулакъларыны памукънен *тыкъар* ве фйтонгъа мингени заман могодекни котермекни *эмир этер эди*» [4, с. 4].

«*Рассказывали* разные истории» [3, с. 43]. «Тюрлю икяелер *сёйлей эдилер*» [4, с. 3].

Длительность, не приуроченная к какому-либо времени, может быть передана более сложной формой глагола. Например: «Эр тюрлю эмирден тышкъа чыкъув, къаидеден тайпынув ве чекилюв эр не къадар, «онынь не иши?» киби корюнсе де, оны кедерге *кетирер эди*. Эгер аркъадашлардан бири ибадетке кечиксе, яхут гимназистлернинъ бир айлазлыгъы акъкъында къулагъына чалынса, яхут да сыныф тербиеджисини, акъшам кеч вакъытта офицернен корьселер, о, пек *раатсызланыр* ве эп баре бир шейлер чыкъмагъайды, *дер эди*» [4, с. 5]. «Всякого рода нарушения, уклонения, отступления от правил *приводили* его в уныние, хотя, казалось бы, какое ему дело? Если кто из товарищей опаздывал на молебен, или доходили слухи о какой-нибудь проказе гимназистов, или видели классную даму поздно вечером с офицером, то он очень *волновался* и всё *говорил*, как бы чего не вышло» [3, с. 44].

Для того чтобы подчеркнуть длительность процесса иногда в составе сложного глагола используются деепричастия типа келип, алып и т. п.

Например: «Ашкъя *тойып, кирер* уйге, дым кошеде *узаныр*, ич ойланмаз куфлю ерден инсан нелер *къазаныр*» [2, с. 18].

б) Часто тот же оттенок длительности передается формой прошедшего длительного времени на -макъта + э(ди).

«Рухсет этильген ве изин берильген хусусларда исе, онынъ ичюн даима шубели, сёйленип битмеген ве ачыкъ олмагъан бир шейлер *гизленмекте эди*» [4, с. 5]. «В разрешении же и позволении скрывался для него всегда элемент сомнительный, что-то недосказанное и смутное» [3, с. 44].

в) Длительность несовершенного вида передается также на крымскотатарский язык формой давнопрошедшего времени на -гъан + э (-дим, -динъ, -дик и т. д.). Например: «Бизим Коваленколарнен биринджи темелли танышлыгъымыз, бу кунькюдай хатырымда, директорнынъ эвинде именинада *мейдангъа кельген эди*». «Первое, основательное знакомство с Коваленками у нас, помню, *произошло* на именинах у директора» [3, с. 46].

г) Оттенок кратности несовершенных глаголов прошедшего времени передается все той же формой на -р (-ар) + э (-ди и т. д.).

«... озъ бу байгъушлыгъыны, земанеге олгъан нефретини акълы косътермек ичюн о даима кечмишини ве ич бир заман олмагъан шейлерни макътар эди» [4, с. 5]. «... для того, чтобы оправдать эту свою робость, свое отвращение к настоящему, он всегда *хвалил* прошлое и то, чего никогда не было» [3, с. 43].

д) Наиболее распространенным способом перевода на крымскотатарский язык форм глаголов несовершенного вида прошедшего времени является использование формы на -а, -э, -й + э (-ди, дим, -динъ и т. д.). Например: «бизим ханымлар джума эртеси акъшамлары темашалар *къоймай эдилер*, насыл да олса, о дюяр деп *къоркъа эдилер*» [4, с. 6]. «Наши дамы по субботам домашних спектаклей *не устраивали, боялись*, как бы он не узнал» [3, с. 44].

«Беликов меним отургъаным эвде отура эди, ...» [4, с. 7]. «Беликов жил в том же доме, где и я, ...» [3, с. 45].

е) Искажение смысла переводимого оригинала (оттенка длительности). Часто во многих переводах не видно тщательной редакторской работы. В ряде переводов встречается неправильная передача оттенков значений русских глаголов. Иногда это выливается в «безобидную» ошибку, но иногда может привести к искажению текста оригинала. Приведем примеры таких переводов: «Однажды человек десять наших офицеров *обедали* у Сильвио». – «Бир кунь бизим офицерлерден он киши Сильвиода уйле емеги *ашадылар*». В приведенном примере можно выделить два недостатка:

1. Форма «*обедали*» переведена совершенным видом глагола «*пообедали*».

2. Сочетание «человек десять», говорящее о неопределенности, переведено «десять человек», а следует переводить «он киши къадар».

В некоторых случаях переводчик для передачи повторяемости действия пользуется сложными глаголами с оттенком длительности: переписываться – язышып турмакъ, разговаривать – лаф этип турмакъ, например: «Именинагъа да меджбурий бир бордж сайып *келе тургъан*, далып къалгъан, джан сыкъыджы педагоглар арасында, бирден копюк ичинден пейда олгъан яны бир Афродита коремиз...» [4, с. 7]. «Среди суровых, напряженно скучных педагогов, которые и на именины-то *ходят* по обязанности, вдруг видим, новая Афродита возродилась из пены...» [3, с. 46].

ж) Примеры неправильной передачи оттенка многократности.

Неправильная передача обычного оттенка длительности глаголов несовершенного вида может привести к искажению смысла оригинала, а попытка передачи многократности однократным действием, лишь с оттенком совершенности процесса, может резко изменить характер русского глагола и снижать точность высказанной мысли: «– Чар ве ватан къулуны полициягъамы? – деп *оkjоpе* де, артыкъ юмрукъларынен хозяйнге *уджюм эте*» [5, с. 4]. «– Слугу царя и отечества в полицию? – *ревел* солдат и уже *лез* на хозяина с кулаками» [1, с. 107].

В данном случае целесообразнее было бы избрать глагол «эте эди».

2. Способы передачи глаголов несовершенного вида настоящего времени.

Глаголы совершенного вида не имеют формы настоящего времени, так что все глаголы настоящего времени относятся к несовершенному виду. Но вопрос о том, что выражает собой глагол настоящего времени сложнее, чем кажется на первый взгляд. Совпадение действия с моментом речи является лишь одним из случаев употребления глаголов настоящего времени. Глагол настоящего времени имеет широкий диапазон функций – он часто служит для выражения и других временных значений. Глаголы настоящего времени могут выполнять следующие функции:

а) Действие или состояние происходит в момент речи. Эти глаголы несовершенного вида могут передаваться на крымскотатарский язык формами конкретного настоящего времени типа: *язам, отурам, кетем, окъуйым*. «Директорнынъ къарысы театрде ложа *ала* ве бир даа *бакъамыз* онынъ ложасында гуль киби ачкъан Варенька...» [4, с. 8]. «Директорша *берет* в театре ложу, и *смотрим* — в ее ложе сидит Варенька ...» [3, с. 47].

б) Повествовательное настоящее время может выражать действие, отнесенное к прошлому. Это значение определяется контекстом (такому глаголу часто предшествует глагол прошедшего времени). Обычно такие глаголы выражаются условной формой, например: «Башымда мий *къуруды*, козюмде яш, *ашасам* да, ич кетмий тамакътан аш» [2, с. 22]. «Иссох мой мозг, и слезы в глазах, а *если* и *ем*, то не идет еда в горло».

в) Настоящее время несовершенного вида обозначает постоянное действие или состояние. Аналогичное свойство имеют глаголы крымскотатарского языка, это свойство передается формой настоящего

времени -а(-м), -е(м), -й(-м), например: «Бир Аблялим тигичи, айры устолда, ботик *ясай* эр кезге джангы усулда» [2, с. 33]. «Один Аблялим портной, за отдельным столом, *изготавливает* для всех ботинки в новом стиле».

Выводы. О способах передачи русских глаголов несовершенного вида на крымскотатарский язык можно сделать следующие выводы:

1. В крымскотатарском языке немало временных форм глагола, что представляет большие возможности для передачи оттенков русского глагола несовершенного вида.

2. Едва ли возможно для каждого случая подобрать точно определенный эквивалент. Правильный эквивалент может быть подобран для конкретной фразы, в другой же фразе слово может не подойти для перевода данного глагола. Например, глагол «купается» в различных предложениях переводится по-разному: «*ялдай ятыр*», «*ялдай*», «*ялдамакъта*», «*ялдаса*» и т. д. Таким образом, об оттенке каждого глагола можно судить по конкретно взятой фразе.

3. Важным условием качественного перевода является знание обоих языков – и оригинала, и языка переводимого произведения. Необходимым условием также является и знание той области науки, вопросы которой освещаются в переводимом произведении. При переводе художественных произведений знание общелитературного и поэтического языка является обязательным.

Список использованных источников

1. Горький, М. Рассказы. Очерки. Воспоминания. Пьесы: Библиотека Всемирной литературы / М. Горький. – Москва : Художественная литература, 1975. – 571 с.
2. Нузэт, Мемет. Къырымнынъ чэль аятындан: Сайлама эсерлер джыйынтыгы / Мемет Нузэт. – Симферополь : Доля, 2003. – 238 с.
3. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. ; Том 10 : Сочинения / А. П. Чехов. – Москва : Наука, 1986. – 499 с.
4. Чехов, А. П. Къап ичинде адам / А. П. Чехов. – Къырым АССР Девлет нешрияты, 1939. – 18 с.
5. Gorkij, A. M. Konovalov / A. M. Gorkij. – Къырым АССР Девлет нешрияты, 1937. – 50 с.

E-LEARNING FOR STUDENTS' COMMUNICATION STUDY COMPETENCES

К. А. Мележик¹, Е. Р. Вершицкая²,

*¹доктор филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 3,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

*²кандидат филологических, доцент кафедры иностранных языков № 3,
Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Целью исследования является изучение, анализ и оценка эффективности электронного обучения коммуникативистике обучающихся. В исследовании описываются элементы структуры современной коммуникативистики и ее ключевые аспекты: цифровая грамотность, интерпретация контента, генерация контента и цифровая осведомленность. Это позволило определить ключевые факторы успешности развития и закрепления коммуникативных компетенций в онлайн-обучении. Вовлечение каждого студента в генерацию образовательного контента сформировало педагогическую тактику развития коммуникативных компетенций и навыков у обучающихся. Сделан вывод о том, что развитие компетенций в коммуникативистике является результатом тщательной и грамотно организованной практической деятельности студентов в цифровом пространстве.

Ключевые слова: цифровая коммуникация, цифровая осведомленность, цифровая грамотность, электронное обучение; коммуникативные компетенции, коммуникативная грамотность, образовательные онлайн-платформы, электронная образовательная среда.

Summary. The purpose of the study is to study, analyze and evaluate the effectiveness of e-learning communication science for students. The study describes the elements of the structure of modern communication science and its key aspects: digital literacy, content interpretation, content generation and digital awareness. The study made it possible to determine the key success factors for the development and consolidation of communicative competencies in online learning. The involvement of each student in the generation of educational content has formed a pedagogical tactic for the development of students' communicative competencies and skills. It is concluded that the competencies development in communication science is the result of thorough and well-organized practical activities of students in the digital space.

Key words: digital communication; digital awareness; digital literacy; e-learning; communication science competencies; communication literacy; online educational platforms, digital educational environment.

The modern educational environment has been transformed into an innovative mobile system that needs to be developed, maintained and adapted to

modern socio-economic realities. One of the trends in a wide range of scientific research is the shift of interests to the socio-communicative foundations of humanitarian phenomena. The general designation of this trend is communication science; it combines communicative practices that give rise to both specific social and cultural phenomena, and a special science, the subject of which these communicative practices are. Communication science can be considered as a science to provide knowledge to the communication sphere [3] and to explore the functional features of communication between representatives of various social groups in the process of their interaction and as a result of influencing their attitude to the social values of a given society and society as a whole.

Today, there are dramatic changes within the framework of professional pedagogy: new forms of education are being introduced, standards are being transformed at all levels of education, online learning platforms are being used, and new teaching methods and technologies are being actively implemented. Technology is an important component of the 21st-century education system. Educational technology aims to meet the needs of the new digital society to use information and communication technologies for educational purposes [2]. The integration of digital solutions into the teaching and learning process as an aid combined with new teaching methods is taking place all over the world. Digital technologies are becoming integral to daily educational activities, and it is expected that technology (e.g. computer communications, digital learning tools to study certain subjects, interactive whiteboards, desktop or mobile video conferencing, mobile applications/computer software, game consoles, tablets, and smartphones) is now used in the formal learning environment as well. In addition, Learning Management Systems (LMS) (e.g. Moodle) that help create, deploy and maintain completely digital learning experiences and ensure their effectiveness have gained popularity. Online learning platforms are vital tools to support online learning.

Web-based learning is a general concept of teaching and learning on the Internet through technological tools and platforms. Web-based learning brings a lot of benefits to students as this type of learning is learner-centered, more flexible, and can also improve student engagement by providing asynchronous and synchronous educational tools, such as email, forums, chats, and video conferencing. Online learning can meet the needs of modern students based on their individual requirements and preferences. The e-learning process in higher education is carried out through various online platforms. The most important features of online learning platforms include forums that allow students and teachers to communicate and collaborate asynchronously, web conferencing that enables video and audio capabilities, as well as chats allowing users to send messages and receive responses in real time. In addition, web-based learning can be defined as an approach to the learning and teaching process, which is based on a model of knowledge acquisition and application with the use of digital media resources and communication technologies to ensure quality collaboration. Thus, web-based learning can be more broadly defined as

technology-driven learning through websites, learning portals, video conferencing, mobile apps and thousands of websites offering blended learning tools. The success of online learning depends on factors such as a good Internet speed, teaching software, digital skills, availability of and access to technology.

Today, higher educational institutions are implementing the model of accelerated digitalization while focusing on the transition to online and distance learning. The effective and efficient use of digital technologies depends on essential skills such as digital and information literacy. In this regard, educational institutions should aim pedagogical efforts not only at the learning process, but also at the involvement of students in research, creativity and innovation. There is a need to find a fun way to learn and closely cooperate with the industry while offering innovative ideas and startups for a changing environment.

Free access to the media has become an important factor in the national, political, economic, social and cultural development of the countries. Over the past decade, the development of information technology has led to the emergence of digital media and the expansion of their impact on society. Social media channels are a crucial element of personal and professional communication, as well as a means of learning, receiving, and distributing news. Internet channels allow users to opportunistically interact and selectively self-present in real-time. In the media landscape, technological innovations are being increasingly rapidly implemented and the number of digital applications and sources is growing exponentially. Digital media offer a number of opportunities and benefits. They make it easy to search for information, maintain social contacts, as well as create and share information.

The relevance of the development of communication and IT competencies in students is associated with the rapid development of information and communication technologies, as well as with the formation of a digital society in which most professions are related to the search for, storage, processing, presentation and transmission of various data. The development of key competencies, including digital ones, as well as soft skills, is one of the priorities for improving the quality of professional personnel. In the context of higher education, the development of communication science competencies that enable an effective and efficient use of digital technology is critical to student success and lifelong learning. Communication literacy in a digital environment is considered an important means of problem-solving, critical thinking, lifelong learning, and adequate performance of both experienced teachers and new generations of students [2].

The advent of digital communication technologies allowed people to create, share and criticize media content. Such activities are highly dependent on communication literacy that is required for living and working in a twenty-first century digital culture. Communication science literacy is becoming a prerequisite for an education policy aimed at creating equal opportunities for access to social information resources.

At the current stage of the digital transformation of the educational system, university students and teachers need digital communication literacy skills, which will allow them to effectively and efficiently use new technological tools in their professional (teaching, research, management) and personal activities. Digital competence involves the confident and critical use of information society technology for work, play and communication. It is based on basic ICT skills: the use of computers to retrieve, evaluate, store, produce, present and exchange information, and to communicate and participate in collaborative networks via the Internet. Digital literacy is a driving force of the development of the digital age, as well as an essential element of general education. Today, students have much more opportunities to use innovative digital technologies. The creation of an effective environment for the development of digital and media literacy is the key to improving and developing the modern educational process. Educators should encourage the integration of technology into learning activities so that students have more opportunities to practice their skills and competencies in a digital environment. A way to increase student digital resilience and develop communication science competencies can be found in online learning, which empowers students to use digital tools and cope with online risks.

Communication plus media literacy is considered to be a key skill in modern society. However, there is a strong consensus on the need for communication competence to use digital media effectively, and on the potential of digital media for learning. New requirements, especially in the context of interactive Internet technologies grouped into Web 2.0 technologies, are emerging in a number of professional fields, especially among students of higher educational institutions. It is of special importance now when international sanctions are pressuring Russia and we do need to implement domestic software to ensure information security. The skills and knowledge to use digital teaching, learning and communicating as a learning resource can be developed in higher education, but the extent to which these aspects of media competence correspond to professional needs is not clear. An important component of communication science literacy is a critical assessment of the content available on the Internet. Judging by the content of the educational activities of many Russian universities, digital learning has covered various areas and specialties [3, p. 153]. The ability to validate information published on the Internet is as important as the ability to evaluate information contained in traditional analogue media. Therefore, risky behavior mediated by the media should be analyzed not only in the light of technical skills to use digital media, but also in terms of “soft elements” that are associated with both positive and negative consequences of using digital tools in educational purposes.

Communication literacy as a field suffers from general problems found in education, and the longitudinal nature of media literacy complicates the assessment of specific learning initiatives. Pedagogical media competencies cannot be observed directly, but they can be derived from such indicators as behavioral and cognitive aspects, with additional predictors affecting their

effectiveness. In addition, communication literacy research usually focuses on the personal responsibility for determining the truthfulness or accuracy of messages [2].

The opacity of news experiences on social media platforms and the fragmentation of individual experiences have created fertile ground for media manipulation and fake news. Proper efforts of university teachers can contribute to the development of media literacy in students, which will not only help them overcome the negative influence of the media, but also increase the positive constructive effects of digital education. Communication competence of an individual as a target function of higher education is a complex set of knowledge, skills, and mental qualities, which depend on a number of factors (level of education, subject specificity) aimed at forming a personality capable of critical information processing and rational interpretation of media texts.

Digital communication has changed the way knowledge is produced and disseminated, and digital tools and platforms have become dominant in the delivery of learning activities. An online education environment can support the development of media competencies, but digital platforms should not be a goal in itself but form an intermediary toolkit that can provide more opportunities for teaching and learning. In general programs and educational policies, a key issue for the implementation of effective measures and specific actions is the formation of critical thinking within the development of communication literacy in order to achieve true integration of media and digital skills in the educational context. Due to the fact that decisions made at each stage of the educational process affect different results, and the relationship between learning concepts and learning outcomes is interconnected and balanced, the inclusion of any significant changes in some of its elements will affect the whole system to a greater or lesser extent. That is, when university professors are guided towards learning concepts focused on digital media and personal transformation, their teaching approaches must also change towards digital transformations, and this will have a direct impact on the quality of education provided. To make a significant contribution to personal, professional and community development, modern students need to develop media competencies as part of lifelong learning. This set of competencies should be reflected in the national education policy to guide the development of curricula and promote them as a basis for the development of institutional and programmatic results among educational institutions

Online learning platforms provide all the required pedagogical and psychological tools that ensure synchronous and asynchronous group communication, and the integration of educational activities into the environment of social networks makes it possible to bring educational practices closer to a more realistic business interaction scenario, thereby having a positive impact on students' attitudes towards their learning experience. Web-based learning providing the learner with short video instructions, text and audio messages contributes to the development of a solid teaching strategy to make the course easy and comfortable to be followed. The involvement of each student in

the generation of educational content creates teaching tactics for the stable development of target communication competencies and skills. Communication science literacy is the result of well-planned and well-organized practical activities of students in the digital space.

References

1. Бермус, А. Г. К проблеме становления прикладной коммуникативистики образования / А. Г. Бермус // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 4(137). – С. 4–9.
2. Kuatbekov, A. E-Learning as a basis for the development of media competences in students / A. Kuatbekov, E. Vershitskaya, I. Kosareva, V. Ananishnev. – 2021. – №. б/н. – DOI 10.1177/01655515211040656.
3. Мележик, К. А. Языковая политика и языковая реальность интернационализации университетского сообщества / К. А. Мележик // Политическая лингвистика. – 2016. – № 1(55). – С. 151–158.

УДК 821.512.161

СКАЗКИ КАК ЖАНР ТУРЕЦКОГО ФОЛЬКЛОРА И АВТОРСКИЕ СКАЗКИ НА ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

И. А. Меметов¹, Э. С. Мустафаева²,

*¹кандидат филологических наук, доцент кафедры восточной филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

*²магистрант кафедры восточной филологии, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. На протяжении многих веков сказка являлась одним из самых популярных жанров мирового фольклора, поскольку является, хранилищем народной мудрости, отражает черты национального характера, реалии быта минувших дней, общечеловеческие ценности и идеалы. Сказка оказывает влияние на формирование жизненного сценария, развитие этнического характера. В сказку вкладывается народная жизненная и социальная философия, определяемая бытом и историей народа.

В Турции в роли сказочников наиболее ярко проявили себя известные писатели Назым Хикмет, Азиз Несин, Яшар Кемаль и др.

Турецкая литература непосредственно связана с традициями устного народного творчества и письменной литературы народов Ближнего Востока, Средней Азии, Западной Европы. Однако лишь к началу XX в. в Турции сложились такие культурные условия, которые позволили не только окончательно оформиться литературной сказке как жанру, но и обеспечить ее непрерывное существование на протяжении столетий.

Данное исследование посвящено описанию эволюции турецкой сказки.

Ключевые слова: Турция, фольклор, сказка, мистика, жанр, литература, образ, волшебство.

Summary. For many centuries, the fairy tale has been one of the most popular genres of world folklore, since it is a repository of folk wisdom, national character traits, the realities of everyday life of bygone days, universal values and ideals. A fairy tale influences the formation of a life scenario, the development of an ethnic character. The folk life and social philosophy, determined by the life and history of the people, is invested in the fairy tale.

In Turkey, famous writers such as Nazim Hikmet, Aziz Nesin, Yashar Kemal and others most clearly manifested themselves in the role of storytellers.

Turkish literature is directly connected with the traditions of oral folk art and written literature of the peoples of the Middle East, Central Asia, and Western Europe. However, it was only at the beginning of the XX century that such cultural conditions developed in Turkey that allowed not only the literary fairy tale to take shape as a genre, but also to ensure its continuous existence throughout the century.

This study is devoted to the description of the evolution of the Turkish fairy tale.

Key words: Turkey, folklore, fairy tale, mysticism, genre, literature, image, magic.

Целью исследования является изучение особенностей турецких сказок как жанра турецкого фольклора, а также специфики развития литературной сказки.

Методы исследования и подходы, используемые при работе над статьей: типологический подход, культурно-исторический подход, метод стилистического анализа, метод структурного анализа, нарративный метод.

Результатами исследования могут быть: выявление особенностей турецкого народного творчества и турецких народных и литературных сказок; классификация сказок по типу жанровых признаков (например, выявлены волшебные и магические сказки, где персонажи выдуманы автором или созданы на основе народного фольклора, сказки о животных, общественно-политические сказки, которые наиболее характерны для периода господства идеологии пантюркизма и традиционного турецкого просвещения XIX в., периода становления Турции).

Итогом нашего исследования является выявление специфики развития сказок в турецком народном и авторском литературном творчестве. Выявлены основные типы сказки: народная сказка и пересказ, рассматриваемые как своеобразные подступы к жанру, а также литературная обработка, собственно литературная сказка и авторская сказка, которые непосредственно относятся к литературной сфере, поскольку в данных типах преобладает индивидуальное начало.

Рассмотрение сказочного материала позволяет проследить эволюцию жанра в турецкой литературе.

Жанр сказок – один из выдающихся жанров народной литературы, вносящий свой вклад в образование и дальнейшее развитие литературы. Изучение сказок и их фольклорных корней в последние годы было одним из наиболее популярных направлений в литературоведении Турции. Исследованием турецкой литературной сказки занимались такие известные писатели как: З. Гёкальп, С. Али, А. Несин, Н. Хикмет и др.

Сказки в системе прозаических жанров турецкой литературы развиваются от малых форм, типологически и генетически соотносимых со сказкой о животных, с басней, волшебной сказкой и др. Более крупные формы сказки появляются в результате синтеза с новеллой, повестью и романом, порождая такие жанровые разновидности как сказка-притча (Н. Хикмет), сказка-басня (С. Али), сказка-новелла (А. Несин), сказка-роман (Я. Кемаль) и т. п. В то же время жанровая дифференциация турецкой литературной сказки указывает на то, что с момента своего появления в турецкой литературе, сказка функционирует как сложный синтетичный жанр, объединяющий различные жанровые формы и родовые разновидности. Изменяясь на протяжении всего развития турецкой литературы, сказка сохраняет общие признаки, такие как тесная связь с национальным и мировым фольклором и литературой, опора на схему сказочного сюжета и обращение к каноническим фигурам турецкого сказочного эпоса.

Литературные произведения выделяются как одна из важнейших областей использования языка, поскольку они несут целостность значения языка и наилучшим образом показывают его структуру. Основная функция литературных произведений состоит в обогащении словарного запаса и обучении языковым правилам в дополнение к приобретению языковых навыков. Сказка – литературный жанр, питающийся жизнью народов. Сказки помогают усвоить основы родного языка и культуры. Сказочные персонажи входят в жизнь детей-читателей. Известно, что на детей также влияет таинственная атмосфера сказки. Видно, что тип сказки, в которой рассказывается о борьбе человечества с неразрешимыми проблемами, представленными в виде великанов, ужасных монстров, султанов и волшебниц, очень интересен людям. Дети легче чем взрослые умеют переместиться в воображаемый мир, который для них очень близок их собственному миру, а также они получают возможность думать о необычных трудностях с неожиданной для их возраста ответственностью. С точки зрения навыков мышления и воображения становится очевидным, что существует неугасающая потребность в том, чтобы сказки постоянно возвращались в театр, на киноэкран или в литературу.

Термин, перешедший в турецкий язык от арабского слова «*masal*» и употребляемый в Анатолии в значении «сказка», в других тюркских семьях выражается такими словами как «*ertegü*», «*ertek*», «*erteki*», «*çöçak*».

Жанр сказки, являющийся одним из древнейших и наиболее важных явлений традиции устной литературы, определяется в различных источниках следующим образом: «Рассказ о необыкновенных событиях, часто созданных людьми, передававшихся из уст в уста, из поколения в поколение, часто переживаемых людьми или богами» [3, с. 15].

Народная сказка, сюжет которой воображаемый и которая рассказывается устно, часто повествует о необыкновенных героях и приключениях.

По словам Пертева Наили Боратава, сказка «рассказана в прозе, не зависит от религиозных и магических верований и обычаев, полностью вымышлена. Это короткое повествование, не имеющее отношения к реальности и не претендующее на то, чтобы заставить людей поверить в то, что он рассказывает» [7, с. 212–213].

По словам Саима Сакаоглу, «некоторые герои – животные и сверхъестественные существа, участвуют в событиях, которые происходят в стране сказок и описываются такими выражениями, что способны в любом случае убедить слушателей» [5].

Как видно из определений, важнейшей особенностью сказки является то, что она является продуктом воображения, фантазии. Хотя в сказках Г. Х. Андерсена есть отрывки из реальной жизни, в других сказках этого увидеть невозможно. Это важнейший признак, отличающий сказку от других жанров (повести, эпоса, легенды). Опять же, исходя из определений, место, время и герои в сказках неопределенны. Такие понятия как феникс, великан, гора Каф не имеют реального денотата.

Еще один вывод, который следует из определений, состоит в том, что жанр сказки является продуктом устной литературы. Хотя в словарях для обозначения сказок использовались различные термины, специалисты в этой области сочли уместным определение «произведение устной литературы» для народных сказок.

Зачинателем теорий о содержании, форме, происхождении и распространении сказки является немецкий лингвист и литератор Вильгельм Гримм. В предисловии к немецкой книге «*Kindersagen aus dem Norddeutschen Volk*» («Детские и домашние сказки»), которую он подготовил вместе со своим братом Якобом в 1856 году, Гримм выдвинул гипотезы о происхождении сказок. Сказки народов, входящих в индоевропейскую языковую семью, являются наследием малоизученного исторического периода. Сказки представляют собой фрагментарные версии древних мифов. Их можно понять только путем точного объяснения мифов, из которых они происходят. На основе трудов В. Гримма разработаны две новые теории происхождения сказок. Согласно первой теории, сказки и мифы воспринимаются как продолжение индоевропейской мифологии. Представители этой теории известны как солярные мифологи, так как объясняют события в сказках в зависимости от природных явлений, таких как восход, закат, буря и т. д. С другой стороны, индологическая теория утверждала, что источником сказок была Индия и что сказки были

перенесены на Запад следующим образом: одна Группа сказок попала в Европу через Византию, Италию и Испанию под исламским влиянием после 10 века; другие сказки (буддийские) перевезены из Китая и Тибета в Европу монголами.

Существует легенда о проникновении сказок на Запад. Во времена, когда возможности передвижения были ограничены, дальние путешествия в основном совершались по морю. Иногда эти путешествия длились месяцами и даже годами. Для того, чтобы пассажиры не скучали и весело проводили время, на каждый корабль из Индии брали «рассказчика» и просили рассказывать истории. Путешественники, со своей стороны, передавали истории, которые они узнали от сказителей. Так сказки об Индии достигли Европы.

Антропологический взгляд, возникший как реакция на мифологический и индологический, отверг приоритет, отдаваемый Индии как источнику сказаний, и выдвинул новую теорию.

Согласно новому взгляду, сказки не имеют единого источника. Нужно учесть, что люди одной культуры имеют общие верования и обычаи, а сказки могут встречаться в разных местах, но быть похожими друг на друга.

Классификация, предложенная Гедеоном Хуэтом относительно происхождения сказок (мифологическая, индологическая и антропологическая точки зрения), также была принята специалистами в этой области в нашей стране. Эта классификация, которую Бильге Сейидоглу назвал школой мифологии, школой индологии и школой антропологии, у Саима Сакаоглу называется «доисторический взгляд, исторический взгляд и этнографический взгляд».

До сих пор не проводилось никаких исследований происхождения турецких сказок. Тем не менее, были проведены компиляционные и классификационные исследования. Ф. Вильгельм Радлов – первый русский тюрколог, составивший турецкие сказки. Радлов опубликовал десять томов сказок, составленных из воспоминаний азиатских турок между 1866 и 1907 годами.

Особенно популярными в Турции являются сказки о животных. Это сказки, герои которых – животные. Корни этих произведений уходят в Панчатантру и Айсапос. Важнейшей особенностью данных сказок является совет, мораль, к которой подводит сказка.

В турецких сказках, когда это уместно, чтобы усилить идею или показать пример, нет рифмующихся частей, то есть настила.

Мастером сказок о животных в письменной литературе является француз Лафонтен. «Лафонтен написал лучшие по исполнению классические поэмы на французском языке, сочетая с отблеском остроумия, большей частью из Эзопа, отчасти из французских народных сказок и даже из османской истории.

Те же мотивы используются в «Mantiku't-Taur», Феридуддина Аттара, «Mesnevî'si» Мевланы, «Bostan ve Gülistan» Сади и «Name»

Шейха. Мотивы сказок о животных не очень богаты. Наиболее распространенным является мотив говорящего животного.

Одним из направлений развития современной турецкой литературной сказки, наряду со сказками о животных, стала общественно-политическая сказка. Наибольшего распространения этот жанр получил в переломные моменты жизни общества: авторитарный режим, индустриализация турецкого общества в 1930–1940-х гг., приход к власти Демократической партии, рост недовольства экономической ситуацией и политикой власти, военный переворот 1960 г., и т. п. Литературная сказка оказалась тем жанром, к которому в этот сложный исторический период обращаются видные турецкие литераторы: С. Али «Стеклянный дворец» (тур. «Sırça Köşk») (1945–1946), А. Несина «В одной стране...» (тур. «Aynı ülkede...») (1953), «Хоптиринам» (тур. «Hoptirinlere») (1960) и др. Одной из основных проблем, затронутых в общественно-политических сказках, является проблема взаимоотношений власти и народа. Общественно-политические сказки стали прямым откликом на актуальные проблемы и важнейшие события современной Турции.

Сказка представляет собой специфический жанр литературы. Рассмотрение сказочного материала позволяет проследить эволюцию жанра в турецкой литературе. Сказки Турции тесно связаны с западной и восточной культурой – что в целом определяет их как систему открытого типа, одновременно с сохранением идентичности и национальных традиций.

Список использованных источников

1. Киреев, Н. Г. История Турции XX века / Н. Г. Киреев. – Москва : ИВ РАН : Крафт, 2007. – 608 с.
2. Маштакова, Е. И. Турецкая литература конца XVII – начала XIX в.: к типологии переходного периода / Е. И. Маштакова. – Москва : Наука, 1984. – 205 с.
3. Ларионова, Е. И. Современная общественно-политическая сказка в Турции / Е. И. Ларионова // Восточные языки и культуры ; Материалы I международной научной конференции. – Москва, 2007.
4. Ларионова, Е. И. Турецкая литературная сказка 80–90-х гг. XX в.: некоторые тенденции развития / Е. И. Ларионова // Материалы XV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2008». – Москва, 2008.
5. Ларионова, Е. И. Жанр литературной сказки в творчестве Яшара Кемалья / Е. И. Ларионова // Материалы XIII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2006». – Москва, 2006.
6. Стеблева, И. В. Турецкие сказки / И. В. Стеблева. – Москва : «Наука», 1986. – 397 с.
7. Эберхард, Вольфрам. Турен türkischer Volksmärchen / Вольфрам Эберхард, Пертев Наили Висбаден. – Боратав : Штайнер, 1953. – С. 212–213.

ЛЕКСИКО-ФОНЕТИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА НАСТАВИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ «Фукарәниң карысы»

Э. Ш. Меметова,

кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой крымскотатарской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Статья посвящена исследованию лексико-фонетических и семантико-стилистических особенностей языка наставительной истории «Фукарәниң карысы», опубликованной в «Образцах народной литературы северных тюркских племен» В. В. Радлова. В ходе исследования установлены: наличие фонетических и лексических особенностей южного диалекта крымскотатарского языка в истории, размещенной в разделе «Бахчисарай»; использование архаичной лексики; лексема, определение семантики которой сегодня не представляется возможным; изменения звуков, связанных с их позицией; определен стиль изложения истории.

Ключевые слова: фольклор, народная речь, В. В. Радлов, крымскотатарский язык, лексика, фонетика, семантика, стилистика.

Summary. The article is devoted to the study of the lexical, phonetical, semantical and stylistic features of the language of the fable “Fukaränin karysy” that was published in “The Samples of the Folk Literature of the Northern Turkic Tribes” by V. V. Radlov. It has been established that the phonetical and lexical features of the southern dialect of the Crimean Tatar language appeared in the section “Bakhchisaray”; there have been studied the use of the archaic vocabulary and the vocabulary which is difficult to define, the changes in the sounds associated with their position; the way of delivering the story is determined.

Key words: folklore, folk speech, V. V. Radlov, the Crimean Tatar language, vocabulary, phonetics, semantics, stylistics.

Введение. Настоящей статьёй мы продолжаем [6; 9] исследование «Образцов народной литературы северных тюркских племен» [10] – этого огромного достояния в виде сказок, сказаний, наставительных историй, рассказов и легенд, записанных и оставленных нам академиком В. В. Радловым. Доклад о размещенной в разделе «Бахчисарай» наставительной истории «Кыз кардашы» (Лексико-фонетические и семантико-стилистические особенности языка наставительной истории «Кыз кардашы») был апробирован на VII Международной междисциплинарной научной конференции «Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация», которая проходила в городе Симферополь 25–26 ноября 2022 г.

Целью настоящей статьи является исследование лексико-фонетических и семантико-стилистических особенностей языка наставительной истории «Фукарәнің карысы», помещённой в разделе «Бахчисарай» фундаментального труда В. В. Радлова [10]. Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- исследование лексико-фонетических особенностей языка наставительной истории «Фукарәнің карысы»;
- исследование семантико-стилистических особенностей языка наставительной истории «Фукарәнің карысы».

Объектом исследования является крымскотатарский язык.

Предметом исследования является текст наставительной истории «Фукарәнің карысы».

Методы исследования: исторический, сравнительный, описательно-аналитический методы; метод реконструкции, метод сплошной выборки.

Лексико-фонетические особенности.

Начинается история с фразы: *Бурун вакытта бір фукарә вар әкән, о фукарә әвләнгән албан бір дүлбәр кыз, соңра о фукарә узун кўн чалышып бір ока өпмәк казана, соңра ді-кі: муннан бізім һалымыз н'олыр?* Лексема *өпмәк* [10, с. 18] в данном предложении – пример южного диалекта крымскотатарского языка, литературный вариант которой – *отъмек* [4, с. 482].

Следующие примеры: *бурун, јәмәгә* (*Хојасы ді сән кана'ат әтәрмисін кўндә өпмәк јәмәгә*), *катын, һалымыз* [10, с. 18], *һанги, вар* [10, с. 20] – также являясь примерами огузского диалекта крымскотатарского языка, демонстрируют нам следующие лексико-фонетические особенности:

- 1) лексеме *бурун* [8, с. 126] в современном крымскотатарском языке соответствует: *къадимий, эвель; јәмәгә → ашамагъа; катын → къадын*;
- 2) использование губно-зубного [w] вместо губно-губного [b];
- 3) наличие звука [h] в начале слова. «В крымскотатарских диалектах..., имеется звук [h]. Этот звук встречается эпизодически в речи представителей огузизованного (южного) диалекта» [2, с. 266].

В рассмотренной нами прежде истории «Кыз кардашы» мы отмечали не присущий крымскотатарскому языку пример использования переднеязычного аффриката [ч] вместо переднеязычного щелевого [ш] и наоборот, в данной истории мы можем привести примеры использования переднеязычного щелевого [ш] вместо переднеязычного аффриката [ч]: *са'ат ұштә; ашты капуну; ұш* [10, с.19]; *бәшиктән кашты; аштылар* [10, с. 20].

В примере усиленной формы качественного прилагательного *чўр чыплак* [10, с. 19] – *чўр*, является примером частичной редупликации, когда «к форме основной степени прилагательного, начинающейся с согласного звука, прибавляется его первый открытый слог с присоединением к нему одного из следующих согласных звуков: *п, м, с, р*» [2, с. 376]. В исследуемом тексте мы наблюдаем орфографию, а, учитывая факт

диктовки, и орфоэпию, присущую разговорному стилю крымскотатарского языка вместо литературной формы *чыр*.

В примерах ...*мән кiрәйн* ...*мәнің кулабымы* [10, с. 20] личный аффикс глагола выражен сонорным [н] вместо сонорного [м].

Ölmüräik [10, с. 20], *катын* [10, с. 18] – являются примерами абсолютно допустимого для крымскотатарского языка использования глухого [т] вместо звонкого [д].

Лексема современного крымскотатарского языка *мушавере* передана в тексте не совсем понятным, с фонетической точки зрения, вариантом *мәшавәрә* [10, с. 20].

В тексте истории довольно часто встречаются примеры **редукции**: *Муннан бизим һалымыз н'олур? н'олацак бизгә... кәлиңиз мә* [10, с. 18]; и **метатезы**: *әwiңиз нәрәдә* [10, с. 18]; *рубаларын*; *Кәтир чыракнан бакаик наслы бала әкән бу* [10, с. 19].

Влияние огузского диалекта в тексте встречается и в следующем выражении: *мўмкўн олурса* [10, с. 19], где аффикс условного наклонения глагола – *са* прибавляется не к основе глагола «ол», а к глаголу в будущем постоянном времени «олур».

Лексемы *кары* и *калкты* также является элементом южного диалекта.

Интересны примеры северного диалекта крымскотатарского языка: *бизгә бўгўн өпмәк болмады* [10, с. 18]; *Сал тўшәгiң* [10, с. 19] – где нами определены как фонетические (*бол – ол*), так и лексические особенности (*сал – кьой*). Выражение *әji болур* [10, с. 19] – сочетает в себе лексическую особенность огузизированного диалекта (*әji – яшы*) и фонетическую особенность северного (*болур – олур*).

Семантико-стилистические особенности.

В выражении *Бiр мәст бiр папыч* [10, с. 18] – определение семантики данных лексем сегодня практически не вызывает никаких затруднений: *мәст* «*mast*» – «сафьяновые сапожки» [5, с. 698], обувь, сшитая из кожи, надеваемая на чисто вымытые ноги, облегчающая в дальнейшем процедуру омовения перед чтением пятикратной молитвы, путем протирания ее сверху мокрыми ладонями; *папыч* – тапочки, как правило, кожаные.

Встречающееся в истории выражение *баккал* («*бакалейщик, мелочный торговец, лавочник*» – «*bakkal*» [5, с. 108]) *туканына* [10, с. 18] – сегодня крымскотатарским языком используется редко.

Бiр раһат локуму алды [10, с. 18] – в данном предложении мы встречаем разновидность восточной сладости «рахат-лукум» *راحة الحلقوم* – «уладу для горла», название которой состоит из слов «*рахат*» *راحة* – «спокойствие, безмятежность» [1, с. 319] и «*хулькьум*» *حلقوم* – «горло, глотка» [1, с. 192]. Хотелось бы отметить, что крымские татары до насильственного выселения 1944 года готовили сладости, названия которых сегодня, к сожалению, известны лишь небольшой части крымских татар. Так, известная турецкая сладость «*пишмание*» повсеместно готовилась в Крыму и имеет крымскотатарское название «*кьозу эльвасы*».

Особый интерес вызывают два примера: *шам кутунсу* [10, с. 19] и *..кавандыбыны кәсті* [10, с. 20]. В выражении: *шам кутунсу* – определяющая лексема *шам* и сегодня активно используется в современном крымскотатарском языке, тогда как, определяемое слово *кутунсу* [3, с. 993], в значении «верхнее платье» – в языке не используется. Второе выражение [3, с. 464] сегодня также неизвестно носителям крымскотатарского языка.

Выражение *Онуң кимәтін мән сәндән бір пара алмам, дәди* [10, с. 18–19] – на первый взгляд непонятно семантически, однако, мы можем предположить, что здесь речь идет о безвозмездном оказании услуги.

В предложении: *Кәтирди кары устрайы* [10, с. 20] мы наблюдаем элементы разговорной речи, а именно, вместо современного падежного аффикса *-ны* использование разговорного: *-йы*.

Указательные местоимения и указательное местоименное наречие в тексте истории также выражены разговорной формой: *...бәшиктән каишы анаулар аның артындан олар-да каишы; Сән нә сәбән кәлдің мунда дәди, бір бірінә* [10, с. 20]. Указательное местоимение *о* в тексте передано древней формой: *Ол дәли кайныңа көрсәтмә* [10, с. 19]. Неопределенное местоимение *Обұрсу* [10, с. 20] – являет собой пример неприсущей крымскотатарскому языку губной гармонии гласных до последнего слога.

Учитывая факт диктовки текстов истории малограмотными людьми, мы встречаем много примеров разговорной речи с редуцированными гласными, с примерами инверсии в предложениях, с неверно указанными личными аффиксами глаголов: *бу гәңә ахшам бір кәвә ичмәјә кәлиңиз мә дәди* [10, с. 18]; *Мән дәли акыллы бilmәм дәди* [10, с. 19]; *Бilmән кары мәни чабырды, кәлдім нәчүн бilmәм* [10, с. 20]; *Пычакнан тәшијин жаптылар балабан* [10, с. 20]; *...бычакнан* [10, с. 20]; *шинди* [10, с. 20].

Встречающаяся в следующем предложении: *Сәлам бәрди – аlikim сәлам хош кәлдің ханым әфәндим* [10, с. 18] – уважительная форма обращения *ханым әфәндим* и сегодня активно используется крымскими татарами в речи.

Целомудрие, мораль в данном тексте описаны следующим, семантически понятным современному читателю, выражением: *бәтімдән өптүрмәм, әлимдән сактырмам* [10, с. 18].

Текст истории, являясь образцом народной речи, изобилует фразеологизмами, образными выражениями и сравнениями: *сиги кәсиди* [10, с. 20]; *Онуң сә зарар тимәз* [10, с. 19]; *мәним катырым үчүн* [10, с. 19]; *кулабымы тындырды* [10, с. 20]; *бурнум јыртты* [10, с. 20]; *Сәлби боју олбан бір карт адам дәди* [10, с. 20].

Семантика лексемы *каван* → *аякъкәапчы – обувщик* [4, с. 33], была нами предложена в качестве рабочей гипотезы в исследовании расположенной в данном же разделе истории «Бай кыз» [9]. Сегодня, ссылаясь на 1 часть II тома «Опыта словаря...», мы можем с уверенностью утверждать, что встречающееся здесь выражение *каван туқанына* [3, с. 465] – очевидно указывает на «лавку сапожника».

Определение семантики лексемы «*бүймәктә*» [4; 5; 7; 8; 11] в предложении: *Ачајык бу тәшһктән бүймәктә кәрәик мындан* [10, с. 20] сегодня не представилось возможным, в связи с чем явится предметом дальнейшего исследования.

Заканчивается текст предложением, подводящим итог истории: *Мынау кары дәдә кә: әмдә паражы бөләк казаналар дә аша кәндә дәдә.*

Выводы.

1. В тексте анализируемой истории «Фукарәнің карысы» большее количество фонетических и лексических элементов, присущих огузскому диалекту крымскотатарского языка, однако есть и фонетико-лексические особенности кипчакского диалекта; кроме того, вследствие диктовки текста необразованной частью населения, становятся понятны не всегда оправданные примеры редукции и метатезы;

2. Семантика данного текста в целом ясна и понятна, мы практически не наблюдаем примеров искажения семантики вследствие опечаток. Часть лексики, являясь архаичной (... *кутунсу* и *..кавандыбыны* ...), не используется современным крымскотатарским языком. Лексема «*бүймәктә*» в истории явилась единственной лексемой, определение семантики которой сегодня не представилось возможным. Стиль изложения истории – разговорный.

Список использованных источников

1. Баранов, Х. К. Арабско-русский словарь / Х. К. Баранов. – Москва : Издатель Валерий Костин, 2007. – 944 с.
2. Меметов, А. Крымскотатарский язык. История изучения. Лексикология. Фонетика. Морфология : монография / А. Меметов. – Симферополь : КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2013. – 576 с.
3. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2 ч.1 / [Соч.] В. В. Радлов. – Санкт-Петербург : Императорская академия наук, 1899. – 1052 с.
4. Русско-крымскотатарский, крымскотатарско-русский словарь / Составитель С. М. Усеинов. – Симферополь : Издательский дом «Тезис», 2007. – 640 с.
5. Турецко-русский словарь / под общей редакцией О. Ю. Шмидта. – Государственное издательство «Советская энциклопедия», 1931. – 1174 с.
6. Меметова, Э. Ш. V. V. Radlov tarafından masal dilinin kelime dağarcığının sözlüksel-fonetik ve anlamsal özellikleri "Altyn bash sary aıgyr" (altın yeledi Dun atı) / Э. Ш. Меметова // *Uluslararası 21 : yüzyılda türk dünyasında dil edebiyat kültür.* – 2022. – S. 335–343.
7. *Osmanlıca Türkçe Ansiklopedik Luğat* // Ferid Devellioğlu. – Ankara : Aydın kitabevi yayınları, 2007. – 1195 s.
8. Древнетюркский словарь. – URL : <https://www.rulit.me/books/drevnetyurkskij-slovar-get-494369.html>. (дата обращения: 04.03.2023).
9. Меметова, Э. Ш. Семантические особенности лексики языка поучительно-наставительной истории «Бай кыз» (Богатая девушка) / Э. Ш. Меметова // *Научный вестник Крыма.* – 2020. – № 2 (25). –

URL: <http://nvk-journal.ru/index.php/NVK/issue/view/27/showToc>. (дата обращения: 24.02.2023).

10. Радлов, В. В. Образцы народной литературы северных тюркских племен: наречия крымского полуострова / В. В. Радлов. – Ч. VII. – Санкт-Петербург : Императорская академия наук, 1896. – С. 18–20. – URL : http://starieknigi.info/Knigi/R/Radlov_V_V_Obrazcy_narodnoj_literatury_severnykh_tjurkskikh_plemen_07_1896.pdf. (дата обращения: 26.02.2023).

11. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву 'Б' / Э. В. Севортян // АН СССР ; Ин-т языкознания. – Москва : Наука, 1978. – 349 с. – URL : <https://altaica.ru/LIBRARY/ESTJA/estja2b.pdf>. (дата обращения: 25.02.2023).

УДК 378.147:811.111

СОЗДАНИЕ ТЕСТОВ С ВЛОЖЕННЫМИ ОТВЕТАМИ В СИСТЕМЕ MOODLE: ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

М. В. Миколайчик,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 3, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье представлен опыт создания тестов с вложенными ответами в рамках онлайн-курсов по иностранному (английскому) языку в системе Moodle. Описан алгоритм формирования тестового задания и примеры его практического применения для преобразования различных типов тестов по английскому языку в совместимый с системой Moodle формат. Рассмотрены преимущества и недостатки использования тестов с вложенными ответами в качестве инструмента преобразования других широко применяющихся в практике обучения иностранному языку типов тестов (тестов множественного выбора, заданий на определение истинности/ложности утверждений, тестов на соответствие).

Ключевые слова: вложенные ответы, высшее образование, дистанционное обучение, ИКТ, информационно-коммуникационные технологии, онлайн-тестирование, преподавание иностранных языков в вузе, система Moodle, тест с вложенными ответами.

Summary. This paper describes the experience of designing cloze tests within online English courses in Moodle. A practical algorithm for formulating a cloze question is presented with some examples showing how it can be applied to convert various types of English tests into Moodle compatible format. Some advantages and disadvantages of employing cloze tests as a tool for redesigning other types of tests widely used in English teaching such as multiple choice quizzes, true/false and matching tasks are highlighted.

Key words: cloze, distance learning, embedded answers, higher education, ICT, information and communications technologies, Moodle, online testing, teaching foreign languages at university.

В период пандемии COVID-19 перед профессорско-преподавательским составом многих высших учебных заведений встала необходимость срочного размещения в системе Moodle учебных материалов по различным дисциплинам.

Онлайновые курсы по иностранным языкам создавались в Moodle отдельными преподавателями-энтузиастами и ранее (см., например, [3; 8; 9]), однако в 20-е годы XXI века этот процесс вынужденно стал приобретать массовый характер.

В педагогическую практику давно и прочно вошло тестирование. Обладающее целым рядом достоинств, оно оценивается преподавателями как достаточно эффективный метод проверки знаний, умений и навыков по иностранному языку [6; 7].

Система Moodle позволяет создавать в онлайн-формате любые типы тестов, используемые в практике обучения иностранным языкам. Сохраняя все достоинства традиционных тестов, онлайновые тесты имеют очевидное дополнительное преимущество: они проверяются системой автоматически и практически мгновенно.

Вместе с тем, процесс создания теста в Moodle требует от преподавателя существенных временных затрат. Это связано с тем, что большинство типов тестов, применяющихся при обучении иностранному языку (тесты множественного выбора, задания на определение истинности/ложности утверждений, тесты на соответствие), организованы в системе Moodle таким образом, что для их создания необходимо вводить каждый вопрос в отдельном окне, а каждый из вариантов ответа – в отдельном поле. Учитывая, что множество мелких операций при этом приходится выполнять в онлайн-режиме, все время находясь в системе Moodle, которая в условиях перегрузок работает с замедлением, процесс создания даже одного теста оказывается длительным и трудоемким. А ведь преподавателю иностранного языка, который ведет несколько дисциплин на различных направлениях подготовки, может понадобиться разработать несколько десятков подобных тестов.

Решить указанную проблему в какой-то мере позволяет использование такого предусмотренного системой Moodle типа теста, как cloze (тест с вложенными ответами). Как показывает опыт, он не пользуется особой популярностью у преподавателей, поскольку, в отличие от перечисленных выше типов тестов, требует знания специальных кодов. Между тем, зная эти коды, создать онлайн-тест с вложенными ответами довольно просто. Процесс формирования такого теста занимает гораздо меньше времени, так как большую часть подготовительных действий можно произвести в офлайн-режиме (например, в программе Word) и уже на конечном этапе скопировать и вставить готовый тест в соответствующее поле в Moodle.

Цель статьи – поделиться опытом создания и использования тестов с вложенными ответами в системе Moodle в курсе иностранного (английского) языка.

Стандартный тест с вложенными ответами представляет собой текст с пробелами, которые тестируемому необходимо заполнить, вписывая соответствующие слова самостоятельно (задания открытого типа) либо выбирая подходящий вариант из предлагаемого списка (задания закрытого типа).

Для преобразования исходного текста в читаемый системой Moodle формат необходимо все пробелы в нем заменить закодированными выражениями, заключенными в фигурные скобки. Каждое такое выражение состоит из 1) числа, обозначающего количество баллов, которые система будет выставлять за правильный ответ (например, 1), 2) написанного заглавными буквами и отделенного с обеих сторон двоеточием кодового слова, обозначающего тип задания (SHORTANSWER для открытых вопросов, MULTICHOICE – для закрытых), 3) правильного ответа (в заданиях открытого типа) либо отделенных друг от друга тильдой вариантов ответа (в заданиях закрытого типа). Перед правильным ответом как в открытых, так и в закрытых заданиях ставится знак равенства. Более подробную техническую информацию о процедуре создания теста можно найти в открытом доступе в сети Интернет (см., например, [1]).

Рассмотрим, как работает приведенный выше алгоритм на примерах тестов по английскому языку.

Ниже приведен преобразованный в соответствии с описанным алгоритмом и потенциально готовый к перемещению в Moodle образец теста на словообразование, состоящий из заданий открытого типа:

Switzerland is the (0) recipient (receive) of a fair share of stereotype images such as (1) {1:SHORTANSWER:=irresistible} (resist) chocolates, kitsch cuckoo clocks, the practice of yodelling and (2) {1:SHORTANSWER:=humourless} (humour), serious bankers. Visitors will find a flavour of Germany, France and Italy, but always (3) {1:SHORTANSWER:=impregnated} (pregnant) with an intangible essence that is uniquely Swiss... (адаптировано на основе [10, p. 174]).

Далее приведен обработанный в соответствии с требованиями Moodle фрагмент лексического теста с заданиями закрытого типа (с отделенными друг от друга тильдой вариантами ответов):

This is especially common in industries such as oil and steel, where the (1) {1:MULTICHOICE:critical~core~chief~essential} activity of finding and selling oil or making steel is surrounded by (2) {1:MULTICHOICE:substitute~extra~=ancillary~accessory} activities that are not central to the main purpose of the business but are nevertheless crucial to its success... (адаптировано на основе [2, с. 41–42]).

Как показывает личный практический опыт, создавать в Moodle в формате теста с вложенными ответами для экономии времени можно и

другие типы тестов, традиционно использующиеся при обучении иностранному языку.

Например, лексико-грамматический тест множественного выбора, состоящий из отдельных предложений, можно преобразовать в тест с вложенными ответами следующим образом:

1. Let me start by saying a few words about myself. I am a {1:MULTICHOICE:A) student of the first course of the magistrate~B) master student of the first course~C) master first-year student~D) first-year master student}.

2. I {1:MULTICHOICE:A) divide~B) divided~C) 've divided~D) 'd divided} my presentation into three parts. (*адаптировано на основе [5, с. 29]*).

Аналогичным образом может быть модифицирован тест на определение истинности/ложности утверждений (такого типа тесты часто используются в качестве послетекстовых заданий для проверки понимания прочитанного или прослушанного англоязычного текста):

1. The idea of the League of Nations was suggested by one of the US presidents after World War I. {1:MULTICHOICE:=true~false}

2. All the multilateral institutions shaping the world economy today were set up at the Bretton Woods Conference in 1944. {1:MULTICHOICE:true~false} (*адаптировано на основе [5, с. 78]*).

Преобразовать в тест с вложенными ответами можно и достаточно распространенный в практике обучения иностранному языку лексический тест на соответствие, например:

1) degree

{1:MULTICHOICE:postsecondary~implement~diploma~university fee}

2) introduce

{1:MULTICHOICE:postsecondary~implement~diploma~university fee}

3) tertiary

{1:MULTICHOICE:=postsecondary~implement~diploma~university fee}

4) tuition

{1:MULTICHOICE:postsecondary~implement~diploma~university fee} (*адаптировано на основе [4, с. 20]*).

Опыт применения онлайн-тестов при реализации дисциплины «Профессионально-ориентированный курс иностранного языка» для направлений подготовки 38.04.01 Экономика, 38.04.03 Управление персоналом, 38.04.06 Торговое дело, 38.04.08 Финансы и кредит в 2020–2021 учебном году, а также дисциплины «Иностранный язык» для различных направлений бакалавриата в 2020–2021 и 2021–2022 годах показал, что на создание в системе Moodle теста с вложенными ответами уходит существенно меньше времени, чем на формирование тех же заданий в исходном формате теста множественного выбора, теста на определение истинности/ложности утверждений или теста на соответствие. Поскольку тест с вложенными ответами вводится в систему и выводится на экран в виде единого текста, при использовании этого инструмента, безусловно, утрачиваются такие предусмотренные Moodle

для перечисленных выше типов тестов опции, как перемешивание вопросов и случайный порядок ответов. Однако в тех педагогических ситуациях, когда данными опциями можно пренебречь (например, если тест используется в учебных целях или для индивидуального контроля отдельных обучающихся), использование инструмента теста с вложенными ответами для создания других типов тестов в целях сокращения временных затрат вполне оправдано.

Таким образом, тест с вложенными ответами (cloze) в системе Moodle – довольно простой, удобный в использовании, гибкий и ценный в условиях дефицита времени инструмент, который позволяет преподавателю достаточно быстро создавать в онлайн-формате практически любые типы тестов, применяющиеся в практике обучения иностранным языкам.

Список использованных источников

1. Вишнякова, А. Создание задания теста с типом вопроса Вложенный ответ / А. Вишнякова // База знаний для пользователей НГУ : [сайт]. – Новосибирск, 2021. – URL: <https://help.nsu.ru/pages/viewpage.action?pageId=37326429>. (дата обращения: 07.03.2023).
2. Гусякова, А. В. Business English in the New Millennium : учебное пособие / А. В. Гусякова. – Москва : МПГУ, 2016. – 180 с.
3. Исаев, Э. Ш. К вопросу об использовании платформы Moodle в преподавании иностранных языков (на примере английского языка) / Э. Ш. Исаев, О. В. Исаева, Н. С. Стрембицкая // Проблемы лингвистики, методики обучения иностранным языкам и литературоведения в свете межкультурной коммуникации : сборник материалов II Международной научно-практической Интернет-конференции (27–28 февраля 2017 г.) / под редакцией О. Ю. Ивановой. – Орел : ФГБОУ ВО «ОГУ имени И. С. Тургенева», 2017. – С. 172–177.
4. Миколайчик, М. В. Программные разговорные темы по английскому языку : учебное пособие для обучающихся по направлению подготовки 38.03.01 Экономика / М. В. Миколайчик. – Симферополь : ДИАЙПИ, 2017. – 142 с.
5. Миколайчик, М. В. Профессионально ориентированный академический курс английского языка : учебное пособие для обучающихся по направлению подготовки 38.04.01 Экономика / М. В. Миколайчик. – Симферополь : ДИАЙПИ, 2017. – 140 с.
6. Молодых-Нагаева, Е. Г. Тестирование в обучении иностранному языку / Е. Г. Молодых-Нагаева // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 20. – С. 295–297.
7. Мятлева, М. И. Тестирование на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе: за и против / М. И. Мятлева // Lingua mobilis. – 2011. – № 2 (28). – С. 160–163.
8. Овчинникова, О. М. Разработка курса «Иностранный язык» в системе дистанционного обучения Moodle / О. М. Овчинникова // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 4 (29). – С. 212–218.

9. Худолей, Н. В. Использование LMS Moodle при обучении иностранному языку в вузе (опыт ФГБОУ ВО «Красноярский ГАУ») / Н. В. Худолей // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. – 2018. – Т. 15. – № 4. – С. 410–423.
10. Evans, V. Use of English 1 for the Revised Cambridge Proficiency Examination : Student's Book / V. Evans. – Newbury : Express Publishing, 2002. – 352 p.

УДК 811.12

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА СПОРТИВНОГО ИНТЕРВЬЮ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Е. А. Новикова¹, О. Г. Чернявская²,

¹кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Спортивное интервью является одним из ключевых жанров спортивной коммуникации. Цель настоящего исследования – анализ англоязычных интервью спортсменов с точки зрения гендерной специфики. В работе использовались следующие методы: метод анализа словарных дефиниций, контекстуальный анализ и элементы контент-анализа. В результате исследования были выявлены ключевые компоненты коммуникативного поведения мужчин и женщин как респондентов спортивного интервью.

Ключевые слова: коммуникация, спортивное интервью, гендерная лингвистика, гендер.

Summary. Sports interview is one of the key genres of sports communication. The study purpose is to analyze the English-language interviews of athletes from the point of view of gender specificity. The following methods were used in the work: the method of analysis of dictionary definitions, contextual analysis and elements of content analysis. As a result of the study, the key components of the communicative behavior of men and woman as respondents to a sports interview were identified.

Key words: communication, sports interview, gender linguistics, gender.

Спортивная коммуникация представляет собой область массовых общественных услуг с собственной терминологией и инструментами общения, которые реализуются в процессе спортивной деятельности и рассматриваются сквозь призму более широких социальных взаимодействий со внешним миром. Цель исследования заключалась в

анализе англоязычных интервью спортсменов общим объемом 1 п. л. с точки зрения гендерной специфики. Актуальность настоящего исследования обусловлена растущим признанием социокультурной роли спорта в современном обществе, а также тем фактом, что средства массовой информации играют главную роль в коммуникации спортсменов и болельщиков.

Существует множество трактовок термина «интервью». В нашем исследовании мы опираемся на идеи М. М. Лукиной, которая говорит о том, что «интервью – это межличностное вербальное общение для получения информации и производства нового знания в целях удовлетворения информационных потребностей общества» [1, с. 7].

Популярность спортивного интервью, как жанра спортивного дискурса, предопределяется его универсальностью, многофункциональностью, а также простой структурой. Тем не менее для проведения спортивного интервью требуются не только доскональные знания об интервьюируемом и предмете разговора, но и принятие во внимание психологических и гендерных особенностей спортсменов. Интервью с выдающимся спортсменом либо тренером – это не просто разговор на спортивную тематику, а психологическое исследование с элементами эмоциональной зарисовки, которое представляет болельщикам яркий образ интервьюируемой личности.

Гендерная лингвистика находится в постоянном взаимодействии с культурологией, социологией, психо- и социолингвистикой. Гендерные исследования в лингвистике сфокусированы на изучении стереотипных коммуникативных паттернах поведения мужчин и женщин и представляют собой широкомасштабное изучение языка, обусловленное ростом интереса к прагматическому языкознанию, эволюционирование психолингвистики, а также преобразованием в общепринятом понимании мужских и женских ролей в социуме.

Гендерные исследования базируются на принципе междисциплинарности. Данный принцип реализуется на уровне решения конкретных лингвистических задач, а также на уровне силлогизма гендерной асимметрии общественного становления. В современной лингвистике нет единого мнения касательно природы гендера. Гендер понимается как мыслительная модель, разработанная для конкретного описания проблематики феномена «пол» в языке и дифференциации биологических и социокультурных функций данного явления.

В нашем исследовании мы придерживаемся точки зрения Н. А. Усачевой, которая понимает под гендером концепт поведенческих моделей и в первую очередь структура «господства и подчинения, структура сфер социального пространства – публичного (мужского) и приватного (женского)» [2].

В ходе анализа англоязычных текстов спортивного интервью нами было выявлено, что на стиль коммуникативного поведения спортсменов влияют типичные характеристики представителей того или иного пола.

Рассмотрим ключевые компоненты коммуникативного поведения женщин, как респонденток спортивного интервью:

- 1) Внимание к интервьюеру – *Yeah, it's a good question. I think it depends on a little bit, well, how old you are. Obviously like you said, this is about the younger players* [5].
- 2) Проявление расположения к противнику – *I feel sorry for her. She played well* [7].
- 3) Эмоциональность – *I feel good, yeah. I mean, look, two tough, physical matches. But I'm coming through. Towards the end of today's match, I felt really good* [5].

Рассмотрим ключевые компоненты коммуникативного поведения мужчин, как респондентов спортивного интервью:

- 1) Концентрация на собственных интересах – *I am only interested in my winning* [3].
- 2) Безэмоциональность – *I just wanted to settle in. I wanted the match to end better than it started. I knew I wouldn't be, regardless of the score, I wouldn't be comfortable early* [3].
- 3) Резкость суждений – *I wonder why he's not ranked higher, to be honest. Every time I see him play, I feel like he plays very well* [6].
- 4) Высокое содержание разговорной лексики – *Yeah, I mean, I think, I cramped right at the end* [4].

Вышеперечисленные характеристики позволяют сделать вывод о том, что в речевом поведении спортсменов и спортсменок в рамках спортивного интервью существует ряд различий, которые оказывают непосредственное влияние на ход коммуникации. Стиль общения мужчин-респондентов спортивного интервью можно описать как предметный, но в то же время соревновательный и конфликтный. Мужское отношение к окружающему миру детерминируется напористостью, самоуверенностью, ориентацией на контроль. Концентрация на собственных интересах и резкость суждений дают возможность убедить окружающих в своей правоте. Спортсменки, в свою очередь, свободнее и полнее выражают свои переживания и сомнения, т. е. женский стиль коммуникации сфокусирован на эмоциональной стороне сообщения и самом процессе общения.

Список использованных источников

1. Лукина, М. М. Технология интервью (2-е издание) : учебное пособие для вузов / М. М. Лукина. – Москва : [б. и.], 2012. – 192 с.
2. Усачева, Н. А. Теория и методология современных гендерных исследований [Электронный ресурс] / Н. А. Усачева. – URL: <http://giacgender.narod.ru/n3m1.htm>. (дата обращения: 04.03.2022).
3. ASAP, Andre Agassi [Electronic Resource]. – Access mode: http://www.asapsports.com/show_player.php?id=10009. (Access date: 25.04.2015).
4. ASAP, Andy Murray [Electronic Resource]. – Access mode: http://www.asapsports.com/show_player.php?id=15247. (Access date: 25.02.2023).

5. ASAP, Maria Sharapova [Electronic Resource]. – Access mode: http://www.asapsports.com/show_player.php?id=12110. (Access date: 25.02.2023).
6. ASAP, Roger Federer [Electronic Resource]. – Access mode: http://www.asapsports.com/show_player.php?id=10440. (Access date: 25.02.2023).
7. ASAP, Serena Williams [Electronic Resource]. – Access mode: http://www.asapsports.com/show_player.php?id=115. (Access date: 25.02.2023).

УДК 811.112

ПРОБЛЕМА ВАРИАТИВНОСТИ В ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

М. В. Норец,

доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Данное исследование посвящено изучению проблем вариативности в теории переводоведения. В фокусе авторского внимания находятся проблемы вариативности личности переводчика, вариативности стиля и типов текста, языковой вариативности средств перевода, вариативности терминосистем.

Ключевые слова: вариативность, перевод, адекватность, языковая вариативность, вариативность терминосистем.

Summary. This investigation touches upon the problems of variability in the theory of translation. The author's attention is focused on the problems of variability of the translation personality, variability of style and types of texts, language variability of means of translation, variability of term system.

Key words: variability, translation, adequacy, language variability, variability of term system.

Достижение адекватности перевода – одна из наиболее актуальных задач современного переводоведения. Вариативность перевода, в контексте достижения его адекватности, не всегда представляет возможность переводчику стилистически разнообразить текст перевода, а в отдельных случаях, является негативным фактором, так как современные стратегии перевода требуют минимизации вариантов многозначности.

Языковой вариативности подвержены различные аспекты переводческого процесса. Значимой проблемой вариативности переводческого процесса служит интерпретация оригинального текста разными переводчиками – вариации принятия решений в рамках одинаковой переводческой задачи, а также, избыточность средств перевода данного типа текста. Представленная вариативность обусловлена типом

переводимого текста и возможностями трансформации оригинала на язык перевода. Стиль переводимого текста является основополагающей константой при выборе переводческих решений [1; 2; 4; 8]. Детальное рассмотрение феномена вариативности дает основания полагать, что не менее значимой проблемой при переводе стилистически маркированных текстов – является терминологическая вариативность.

Устранение вариативности требует также исключение специфической семантики некоторых знаков языка и нивелирование различий социально-культурного фона носителей разных языков. Французский переводовед Ж. Мунен [11] при исследовании термина «переводимость-непереводимость» отметил, что поиск тождественных эквивалентов не должен усложняться лингвистическими и экстралингвистическими препятствиями.

Несмотря на достаточную степень разработанности проблемы терминологической вариативности, её решение не имеет однозначно определённого вектора. Наиболее спорным является вопрос внутриязыковой вариативности терминов.

Воспринимая перевод как акт межкультурной двуязычной коммуникации, необходимо принимать во внимание разность культур её участников, что даёт основание рассматривать проблему перевода, в целом, как билингвистичную и бикультурную. Г. Д. Томахин отмечает, что перевод представляет собой не просто соприкосновение двух семантических систем с учётом их национально-культурных свойств, но, в большей мере, взаимодействие представителей двух лингвокультурных «миров», каждый со своим мировоззрением, речевым этикетом, моральными и этическими принципами, багажом фоновых знаний. Следовательно, проблема разности культур усугубляется ещё и разностью личностных качеств и моральных убеждений переводчика, несопоставимостью его социального и психологического опыта.

По мнению А. Д. Швейцера [10], проблемы с которыми сталкиваются переводчики, непосредственно зависят от языкового коллектива. Переводчик, не являющийся носителем языка и культуры, испытывает трудности в декодировании референциального и прагматического аспектов содержания исходного текста, так как ИТ опирается не только на языковую, но и на внеязыковую (фоновую) информацию. Следовательно, переводчик с иностранного языка на родной испытывает трудность в многогранном осмыслении оригинала.

А. Д. Швейцер также отмечает, что анализ исходного текста для переводчика с родного языка на иностранный не вызывает трудностей, а проблемы возникают с подбором средств выражения декодируемой информации оригинала на язык перевода [10, с. 88].

Западные исследователи считают, что переводчики на родной язык склонны к исходному языку, а переводящие на неродной – к языку рецептору.

В контексте внешних и внутренних факторов существования

вариативности следует принимать во внимание не тождественность данного феномена, что значительно осложняет процесс интерпретации для переводчиков, так как в их работе не представляется возможным избежать как внутриязыковой, так и межъязыковой вариативности.

Вопрос вариативности решений переводчика, определяемой типом и стилистикой текста (газетная статья, литературоведческое эссе, журналистский очерк и т.д.) становится предметом обсуждения современного лингвистического сообщества [3; 4].

Одной из важнейших задач переводчика, тем не менее, остаётся передача смысла исходного сообщения, что маркирует лексико-семантическую вариативность как наиболее частотную и сложную.

Отдельного внимания заслуживает разнообразие языковых вариантов, которые переводчик обязан учитывать в процессе перевода чтобы максимально точно раскрыть позицию автора и ответственность за возможное искажение смысла исходного сообщения, возлагаемую на переводчика.

Таким образом, с целью снижения семантических деформаций при переводе переводчику необходимо повышать качество фоновых знаний, культурного багажа страны переводимого языка, знание современных реалий; четко идентифицировать семантическую значимость отдельных структурных элементов текста, выбирать вариант перевода с наименьшими потерями и максимально точным семантическим воспроизведением; формировать индивидуальный переводческий алгоритм для контроля процесса перевода и вывода перевода с бессознательного уровня на уровень осознанных переводческих решений.

В результате рассмотрения вариативности в теории перевода были выделены следующие потенциально обусловленные проблемы – вариативность личности переводчика, вариативность стиля и типов текста, языковая вариативность средств перевода, вариативность терминосистем.

Список использованных источников

1. Иваниченко, А. Ю. Влияние на перевод художественного текста языковой личности переводчика и ценностей эпохи (на материале произведения Д. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и трех переводов данного текста) / А. Ю. Иваниченко, М. В. Норец // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : Материалы V международной научно-практической конференции. – Симферополь, 2021. – С. 117–123.
2. Кислицына, Н. Н. Когнитивные основы изучения коннотативного значения слова, текста и дискурса / Н. Н. Кислицына // Когнитивные исследования языка. – 2018. – № 34. – С. 515–519.
3. Кислицына, Н. Н. Контекст и значение в аспекте передачи оценочной семантики при переводе / Н. Н. Кислицына, М. С. Меленцова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : Материалы III международной научно-практической конференции. – Симферополь, 2019. – С. 174–177.
4. Меленцова, М. С. Проблемы языковой вариативности в

- публицистических тестах: переводческий аспект / М. С. Меленцова, М. Г. Зеленцова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : Материалы II международной научно-практической конференции. – Симферополь, 2018. – С. 386–391.
5. Норец, М. В. Жанр и перевод: современный взгляд / М. В. Норец // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация : VII международная междисциплинарная научная конференция. – Симферополь, 2022. – С. 55–59.
6. Норец, М. В. Жанр как отражение «бытийности» текста: переводческий аспект / М. В. Норец // Дни науки КФУ им. В. И. Вернадского : II науч. конф. профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых. – Симферополь, 2016. – С. 167–169.
7. Норец, М. В. Перевод как средство межъязыковой коммуникации / М. В. Норец // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. – Симферополь : КФУ им. В. И. Вернадского, 2019. – № 3–4 (27–28). – С. 40–46.
8. Норец, М. В. Способы сохранения жанровой структуры при переводе массовой литературы / М. В. Норец // Дни науки КФУ им. В. И. Вернадского : III науч. конф. профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых. – Симферополь, 2018. – С. 285–286.
9. Пасекова, Н. В. Переводческая интерпретация и историческая стилизация / Н. В. Пасекова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : Материалы III международной научно-практической конференции. – Симферополь, 2019. – С. 302–305.
10. Швейцер, А. Д. Основные проблемы обучения переводу с русского языка на иностранный / А. Д. Швейцер // Актуальные проблемы преподавания перевода и иностранных языков в лингвистическом вузе : Сб. науч. тр. / МГЛУ. – Вып. 423. – Москва, 1996. – С. 84–92.
11. Mounin, G. Les problèmes théoriques de la traduction / G. Mounin. – Paris : Gallimard, 1971.

УДК 81'282.8

РЕАЛИЗАЦИЯ ФОНЕМЫ [Т] В РЕЧИ БРИТАНЦЕВ-УЧАСТНИКОВ КОМЕДИЙНОГО ТОК-ШОУ

Ю. В. Онищенко,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Статья рассматривает реализацию фонемы [t] в спонтанной речи участников комедийного ток-шоу «Шоу Грэма Нортон».

Целью исследования является выявление закономерностей варьирования аллофонов согласного [t] в речи информантов-британцев в возрасте от 22 до 85 лет в возрастном и гендерном аспектах с учетом коартикуляции и позиционной обусловленности реализации аллофонов. Используются методы, применяемые в лингвистических исследованиях (прямой выборки, наблюдения, сопоставительный), а также методы эмпирической фонетики, фонетико-фонологического анализа (аудитивный, аудиторский, электроакустический метод) в рамках социально-ситуативного подхода в социофонетической парадигме исследования. Статистический анализ и интерпретация результатов позволяют выявить гендерные и возрастные особенности дистрибуции аллофонов фонемы [t] в спонтанной речи британцев.

Ключевые слова: британское произношение, аллофоническое варьирование, спонтанная речь, возрастные и гендерные различия речи.

Summary. The article investigates the realization of phoneme [t] in the connected speech of the “The Graham Norton Show” participants. The aim of the research is to identify the patterns of [t]-allophones’ variability in the unprepared speech of the 22–85-year-old British native speakers considering age and gender factors as well as coarticulation and positional conditionality. To achieve the purpose of the research a set of methods including ones widely applied in linguistic research (direct selection, observation, comparative and biographical methods) and those which are specific for phonetic-phonological analysis (auditive, auditional and electroacoustic methods) is used. The research is completed in the framework of the social-situational approach in the sociophonetic paradigm. Statistical analysis and the interpretation of the results allow to reveal gender and age specifics of the [t]-allophones’ distribution in unprepared speech of the British RP-speakers.

Key words: British pronunciation, allophonic variation, connected speech, age and gender differences of speech.

Как известно, понимание спонтанной речи вызывает у обучающихся наибольшее количество затруднений по сравнению с иными аспектами учебной деятельности на занятии по иностранному языку. В частности, восприятие на слух непринужденной речи носителей языка – британцев представляет собой задачу «со звездочкой» даже для тех, кто уверенно изъясняется на английском языке [3, с. 79–81].

Переход от полного стиля к разговорному под действием ряда факторов влечет за собой использование «свернутого» речевого кода, чем запускает одну из языковых антиномий – конфликт между установками говорящего и слушателя, и представляет собой использование редуцированных, неполных форм при условии сохранения содержательной стороны речи [2, с. 259].

Одним из примеров модификации речи на сегментном уровне является варьирование смычного взрывного [t]. Аллофонами фонетической переменной (далее – ФСП) [t] являются 1) [t] (основной) – четко произносимый, состоящий из трех фаз артикуляции: смыкания голосовых

связок, остановки, размыкания; 2) [t^{unr}?] – вариант, включающий фазы смыкания связок и остановки («unreleased stop»); 3) [th] – аспирированный, придыхательный аллофон; 4) [ʔ] – гортанная смычка, глоттализированный аллофон; 5) [Ø] – нулевая реализация; 6) [ɾ] – одноударный, «flap», «tap»; 6) спирантизованный [tʃ]; 7) аффриката [ts]. Еще одним вариантом является преглоттализированный аллофон [ʔt], который в данном исследовании обособлен и не причисляется к гортанной смычке [1, с. 103].

Объектом исследования является речь британцев-знаменитостей в сфере кинематографического и драматического искусства, владеющих стандартным произношением. Корпус данных исследования составлен на основе материалов комединого ток-шоу «Шоу Грэма Нортон» (далее – ШГН). Информанты сгруппированы по гендерному и возрастному признакам, сформировано 6 групп, в каждой из которых 5 информантов: женщины и мужчины младшей (22–35 лет), средней (38–58 лет) и старшей групп (75–85 лет). В атмосфере непринужденного общения информанты снижают степень контроля собственной речи, которая приобретает спонтанный характер, что отражается на сегментном уровне. Высокая степень вариативности ФСП [t] иллюстрирует действие факторов социального и ситуативного порядка, а также процессов, обусловленных внутренним устройством языковой системы в спонтанной речи.

Для подсчета процентного соотношения реализаций аллофонов ФСП [t] из общего количества аллофонов ФСП [t], потенциально субституируемых перечисленными вариантами, было подсчитано соотношение реальных случаев реализации вариантов ФСП. В статистику не включены аллофоны [tʃ], [ts], [th], поскольку данные аллофоны характерны для беглой речи и обусловлены в первую очередь стилистически. Явления спирантизации, аффрикатизации и реализация вариантов с придыханием имеют иной фонетический контекст, отличный от остальных вариантов ФСП [t]. Аспирация свойственна таким согласным ФСП, как взрывные /k/, /p/, /t/, /d/ в начале слова перед ударной гласной. Как известно, аспирация предударных взрывных в начале слова является чертой, присущей не только RP, но и другим стандартным вариантам английского языка [4, с. 27; 6, с. 322].

Вариации ФСП [t] в беглой речи включают спирантизированные и аффрикатизированные аллофоны. Спирант [tʃ], аффриката [ts] встречаются в большем соотношении в быстром темпе речи, также возникают вследствие ассимиляции (to choose [tʃə tʃu:z]). Модификация t→(t)s по мнению исследователей более свойственна женщинам, чем мужчинам, также присутствует в некоторых диалектах Великобритании, к примеру, в ирландском [7]. К. Уотсон в 2007 году отмечает данную особенность в Ливерпульском диалекте [5]. Как отмечает Дж. Уэллс еще в 1982 году, субституция [t] аффрикатой присутствует в речи жителей Лондона и проникает в различные произносительные варианты из Кокни [6, р. 31].

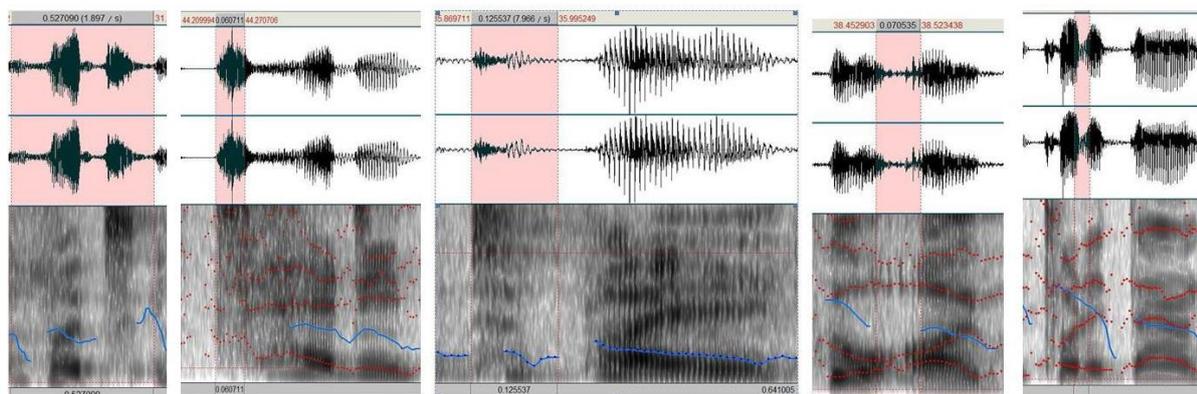
Дистрибуция аллофонов [t] (основной), [t^{unr}?], [ʔ], [Ø] (нулевой), [ɾ], [ʔt] отображена в таблице, где первой букве «Y» соответствует категория

«младший», «М» – «среднего возраста», «О» – «старшего возраста», а вторая буква обозначает «женщин» («F») и «мужчин» («M»).

Аллоф.	YM %	YF %	MM %	MF %	OM %	OF %
Основной	50,4%	42%	52%	46%	60%	72%
Неосн., сумма.	49,6%	58%	48%	54%	40%	28%
Из них:						
[ʔ]	21%	31%	26%	31%	19%	18%
[Ø]	17%	18%	12%	14%	8%	5%
[ʔt]	3%	3%	1%	3%	3%	1%
[t ^{unr} ʔ]	4%	3%	3%	5%	0%	1%
[ɾ]	5%	3%	5%	2%	10%	3%
100% (2432)	100%	100%	100%	100%	100%	100%

Таблица 1. Реализация ФСП [t] аллофонами в речи участников ШГН.

Одной из важнейших стадий фонетико-фонологического анализа является электроакустический анализ спектрограммы. Приведем примеры спектрограмм аллофонов ФСП [t], отмеченные при анализе спонтанной речи в программе Praat.6.0.20.

[t] основной [th] аспирированный [ts] аффриката [ʔ] гортанная смычка [ɾ] одноударный
([bʌt]+пауза) ([θedi]) ([tsə pleɪ]) ([θɔ:ʔaɪ]) ([pʊr ɪt daʊn])

Рис. 1. Фрагменты спектрограмм аллофонов ФСП [t] (британское нормативное произношение, спонтанная разговорная речь)

Выводы. Анализ дистрибуции аллофонов ФСП [t] в речи участников ШГН позволил выявить следующие закономерности:

1. За исключением женщин младшей и средней групп, ФСП [t] реализована в речи информантов ШГН основным аллофоном в более чем половине случаев. Суммарное соотношение прочих аллофонических субституций у женщин младшей группы составляет 58%, средней – 54%.

2. Гортанная смычка имеет наибольшее соотношение среди реализаций неосновными аллофонами. Интервокальная реализация [VʔV] в середине слова, причисляемая к инновациям, не входящим в RP, наиболее многочисленна в речи женщин младшей (13%) и средней (10%)

возрастных групп. Суммарно наибольшее соотношение субституции смычкой (31%) отмечено у женщин средней возрастной группы из-за частой замены [t] в контексте [V?V] (до 45%).

3. В речи мужчин старшей группы не отмечена субституция смычкой в контексте [V?V], препаузальная реализация смычки отсутствует как в мужской, так и в женской речи информантов старшего возраста.

4. Представляется возможным действие компенсаторного паттерна, проявляющегося в дистрибуции смычки при замене ФСП [t] в различных типах контекста в гендерном и возрастном аспектах. Так, в группе мужчин среднего возраста отмечено низкое соотношение смычки в позиции [V?V] и максимальное по сравнению с другими группами в контексте [C?V]; отсутствие реализаций [V?V] у мужчин старшего возраста «компенсирует» наибольшее соотношение реализаций [C?C]).

5. Соотношение элизии ФСП [t] превышает суммарное соотношение вариантов [r], [ʔt], [t^{unnr}?] в средних и младших группах. В речи мужчин старшего возраста отмечено наибольшее соотношение [r] (10%), тогда как реализация [t^{unnr}?] отсутствует.

6. Субституция $t \rightarrow (t)s$ отмечена в младших и средних группах информантов: в речи женщин среднего возраста в большей степени, чем у молодых женщин, с обратной закономерностью в речи мужчин аналогичных групп. В речи одного из мужчин аллофоны [tʃ], [ts] встречаются более 10 раз (при частоте 1–3 реализации у остальных информантов), что может быть обусловлено некоторыми факторами: детство, проведенное в Ливерпуле, валлийское происхождение матери.

7. В данном исследовании аспирация наиболее часто отмечается перед гласными переднего ряда, открытыми гласными: time [thaim], tied [thaid], teddy [thedi]. В зависимости от темпа речи согласные могут терять аспирацию, а также приобретать ее в нетипичном контексте (в середине слова, в заударной позиции), если говорящий преследует цель эмфатического выделения высказывания.

Таким образом, анализ результатов исследования свидетельствует о широком диапазоне вариативности ФСП [t] в разговорном стиле речи носителей британского варианта английского языка RP.

Список использованных источников

1. Онищенко, Ю. В. Современные особенности английского произношения на материале речи женщин-участниц дискурса массмедиа Великобритании / Ю. В. Онищенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2021. – Т. 14. – № 1. – С. 102–107.
2. Панов, М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку / М. В. Панов. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 568 с.
3. Сакаева, Л. Р. Методика обучения иностранным языкам : учебное пособие для студентов Института математики и механики им. Н. И. Лобачевского по направлению «педагогическое образование (с двумя

профилями подготовки)» / Л. Р. Сакаева, А. Р. Баранова. – Казань : КФУ, 2016. – 189 с.

4. Roach, P. English phonetics and phonology : a practical course. 4th ed. / P. Roach // Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 231 p.

5. Watson, K. Liverpool English / K. Watson // Illustrations of the IPA. Journal of the International Phonetic Association. – Vol. 37. – Issue 3. – 2007. – P. 351–360.

6. Wells, J. C. Accents of English : 3 vols. / J. C. Wells. – Cambridge : Cambridge University Press, 1982.

7. Linguistics. /t/ sound is pronounced like [ts] in British English [Electronic Resource]. – Access mode:

<https://linguistics.stackexchange.com/questions/37707/t-sound-is-pronounced-like-ts-in-british-english>. (Access date: 19.02.2023).

УДК 821.133.1:82-343

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Ф. Ж. ДЕ БАЗАНКУРА КАК ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В. В. Орехов,

доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Ф. Ж. де Базанкур известен как «официальный французский историограф» Крымской войны. Однако он также проявил себя как военный корреспондент, поскольку находился в 1855 г. в лагере под Севастополем, регулярно освещал боевые события в письмах к министру внутренних дел Франции и опубликовал эти донесения отдельной книгой. Кроме того, Базанкуру принадлежит ряд романов и повестей. Хотя Базанкур занимал видное место в культурной жизни Франции XIX в., не существует ни одной специальной работы, посвященной судьбе и творчеству Базанкура. Цель настоящей статьи – представить его творческое наследие в качестве актуального объекта междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: барон де Базанкур, Севастополь, Крымская война, военный корреспондент.

Summary. F. J. de Bazancourt is known as the “official French historiographer” of the Crimean War. However, Bazancourt was also a war correspondent. He spent several months in a military camp near Sevastopol in 1855. He regularly sent letters from Crimea to the Minister of the Interior of France. In these letters, he reported on the course of hostilities. Bazancourt was the author of a large number of novels and short stories. Baron de Bazancourt

occupied a prominent place in the literary life of France, and his historical works are still of great scientific importance today. However, in science there are no studies devoted to the life and work of Bazancourt. The purpose of this article is to present the work of F. J. de Bazancourt as a topical object for interdisciplinary research.

Key words: Baron de Bazancourt, Sevastopol, Crimean War, war correspondent.

В крымской гуманитарике накоплен значительный опыт междисциплинарного взаимодействия в работе по изучению и переводу на русский язык иностранных источников о Крыме [3]. Мы предполагаем в общих чертах обозначить один из объектов, который мог бы оказаться в общем фокусе интереса гуманитариев разного профиля.

Сегодня имя барона Фредерика Жозефа де Базанкура известно в основном историкам Крымской войны. Он был автором двухтомного труда «Крымская экспедиция до взятия Севастополя. Хроники Восточной войны» (1856) [11]. Это сочинение активно используется современными историками, и потому выглядит упущением, что книга Базанкура не имеет перевода на русский язык. Не менее досадный пробел – почти полное отсутствие знаний о личности Базанкура и об эволюции его историографических принципов. В интересующую нас эпоху научные подходы в историографии находились на стадии становления. Речь, в частности, шла о степени допустимого субъективизма, о методах использования документальных материалов, о допустимой широте авторских допущений и обобщений и т. д. Стало быть, только знания о точке зрения Базанкура на эти вопросы позволят нам оценить степень объективности его труда. И, думается, первоочередной задачей для историка должно стать именно выяснение вопроса о принципиальных подходах Базанкура к задачам историографии. Учитывать при этом следует то обстоятельство, что взгляды Базанкура со временем менялись, развивались. Известно, например, что его исторические интересы впервые реализовались в жанре исторического романа и лишь позднее обратились в сторону строго исторических описаний.

Отдельные произведения Базанкура представляют значительный интерес для историков журналистики. Например, Базанкуру принадлежит книга «Пять месяцев в лагере под Севастополем» [12], которая вышла в 1855 г., то есть годом ранее уже упомянутого исторического труда. Это собрание корреспонденций, которые Базанкур отправлял из военного Крыма министру внутренних дел Франции. Как указывал Базанкур, эти письма не подвергались обработке для публикации, сохранили живые авторские впечатления [12, р. X]. Такая декларируемая самим автором субъективность текста повышает его ценность в глазах историка журналистики. Крымские письма Базанкура представляют собой один из первых в истории результатов работы военного корреспондента.

Крымская кампания совпала с расширением возможностей массовой печати и возросшими запросами читателей. Информация о военных

действиях предоставлялась аудитории гораздо оперативнее, нежели в прежние эпохи. Именно поэтому Крымскую войну называют «первой медийной» [10, с. 126–127]. Одним из новшеств стало присутствие в зоне конфликта военных корреспондентов. Наиболее известным из них был У. Г. Рассел, направленный газетой «Таймс» в 1854 г. в Крым. Он стал первым военным журналистом в истории британской прессы [4, с. 42]. В его распоряжении были два преимущества. Во-первых, английская пресса не подвергалась цензуре, что позволяло печатать весьма острые репортажи. Во-вторых, англичане перебросили по дну Черного моря телеграфный кабель. В результате информация из лагеря под Севастополем оказывалась в Лондоне в течение считанных часов, так что даже Николай I узнавал некоторые военные новости из репортажей Рассела в «Таймс» [9, с. 76].

В России, между тем, цензурные ограничения провоцировали сильный информационный голод, и в этих условиях журналистика проходила трудную школу преодоления запретов, поиска и подачи материалов с фронта, консолидации национального сознания. Наиболее известные периодические издания, как журнал «Современник», оказывались на острие этого процесса [5, с. 311–363]. В среде участников боевых действий рождались проекты специальных военных изданий [6].

Российская печать уступала английской по оперативности, но превосходила ее по разнообразию форм осмысления военных событий. В повествованиях об актуальных военных событиях проявлялись документально-субъективированный историзм сочинений Е. П. Ковалевского [1, 2], поэтика «сиюминутного действия» «Ночной вылазки...» А. Д. Столыпина [7, с. 199], жанровая мозаичность корреспонденций Н. И. Берга [8], стенограммная точность «бесед» с простыми солдатами Н. П. Сокальского [7] и художественные обобщения в «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстого. Освоение военного материала французской прессой имело иную специфику. С одной стороны, здесь более свободно, нежели в России, появлялись корреспонденции с поля боя. С другой – журналистская свобода во Франции в эпоху Наполеона III значительно ограничивалась [9, с. 42]. Но поскольку военная информация была чрезвычайно востребованной, в Крым был направлен «официальный» корреспондент – барон де Базанкур. И ему так же, как всем другим военным корреспондентам той поры, пришлось искать собственные стиль и форму подачи материалов. И потому его крымские письма представляют собой чрезвычайно важный предмет для изучения как образец оригинального жанрового поиска в сфере военного репортажа.

Научный интерес, вызываемый творчеством барона де Базанкура, не исчерпывается вопросами военной истории и истории журналистики. Во всяком случае, той журналистики, какой мы привыкли видеть и изучать ее сегодня. В эпоху Крымской войны границы между беллетристикой, журналистикой, историографией еще не определились. Эти сферы были

настолько тесно связаны, что новаторство в одной из них всегда базировалось на итогах и находках, достигнутых двумя другими.

Барон де Базанкур начинал свое творчество как беллетрист. Ему принадлежит целый ряд романов и повестей, многие из которых создавались синхронно с его деятельностью на поприще истории и журналистики. Очевидно, что он не отдавал абсолютного предпочтения ни одной из этих сфер, а потому его творческое наследие невозможно оценить объективно, если ограничить угол зрения узко дисциплинарными интересами. И в этом отношении важное значение приобретает литературоведческий взгляд, который может существенно дополнить выводы, полученные военными историками и историками журналистики.

Сегодня не существует даже полной библиографии беллетристических сочинений Базанкура. Обнаружить его романы в запасниках библиотек не составляет большого труда, но поиск его журнальных и газетных публикаций повлечет за собой необходимость фронтального просмотра ряда французских изданий за довольно продолжительный период, что всегда связано с известными трудностями.

Впрочем, этот источниковедческий этап нельзя воспринимать как основную цель исследования. Он лишь позволит нам максимально полно оценить широту и оригинальность творческих подходов, которые использовал Базанкур, его готовность следовать традициям и новым литературным веяниям. В первом приближении знакомство с его произведениями позволяет заключить, что в сфере беллетристики он принадлежал к числу известных, но не выдающихся авторов, то есть к числу авторов второго ряда. А как известно, творчество таких литераторов рассматривается литературоведением в качестве ценного исследовательского материала, поскольку позволяет выявить наиболее типичные тенденции в литературном процессе того или иного периода.

Итак, творчество Ф. Ж. де Базанкура представляет собой многогранное культурное явление, которое неоправданно обойдено вниманием как французской, так и отечественной науки. Восполнить этот пробел может лишь комплексное исследование, которое объединило бы в себе инструментарий и подходы, по крайней мере, трех дисциплин: собственно истории, истории журналистики и литературоведения. Опыт такого рода междисциплинарных исследований у крымских ученых есть, и закономерно предположить, что именно в Крыму творчество Базанкура превратится в перспективный объект исследовательской кооперации.

Список использованных источников

1. Александрова, Е. В. Жанровая природа «Трех глав из политической и военной истории 1853, 1854 и 1855 годов» Е. П. Ковалевского / Е. В. Александрова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2021. – № 4 (216). – С. 121–130.
2. Александрова, Е. В. Крымская война в рецепции Е. П. Ковалевского и Л. Н. Толстого / Е. В. Александрова // Имагология и компаративистика. – 2021. – № 15. – С. 156–172.

3. Аржанцева, Т. В. Преподавание русского языка в Крыму: исторический и этнокультурный контекст : коллективная монография / Т. В. Аржанцева, Л. А. Орехова, А. В. Петров [и др.] ; под ред. Л. А. Ореховой, Т. В. Аржанцевой. – Симферополь : КФУ им. В. И. Вернадского, 2022. – 200 с.
4. Мащенко, А. П. «Американский Крым»: обман зрения / А. П. Мащенко. – Симферополь : ИТ «Ариал», 2021. – 140 с.
5. Орехова, Л. А. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников : литература, архивы, пресса / Л. А. Орехова, В. В. Орехов, Д. К. Первых, Д. В. Орехов. – Симферополь : ОАО «СГТ», 2010. – 480 с.
6. Орехова, Л. А. От «Солдатского вестника» – к «Военному листку»: эволюция идеи издания в условиях Крымской войны (1854 г.) / Л. А. Орехова, Д. К. Первых // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского ; Филологические науки. – 2021. – Т. 7. – № 4. – С. 189–206.
7. Первых, Д. К. Очерки Н. П. Сокальского как этап становления отечественной военной журналистики / Д. К. Первых // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского ; Филологические науки. – 2018. – Т. 4 (70). – № 4. – С. 197–215.
8. Первых, Д. К. Военные корреспонденции Н. В. Берга в журнале «Москвитянин» (1855 г.) / Д. К. Первых, В. В. Первых // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского ; Филологические науки. – 2015. – Т. 1 (67). – № 1. – С. 95–103.
9. Прутцков, Г. В. История зарубежной журналистики. 1800–1929 / Г. В. Прутцков. – Москва : Аспект Пресс, 2010. – 416 с.
10. Франк, С. Видимая и невидимая война в Крыму (Начало медийной эпохи и «Севастопольские рассказы» Льва Толстого) / С. Франк // Крымский текст в русской культуре : Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 4–6 сентября 2006 г.). – Санкт-Петербург, 2008. – С. 126–145.
11. Bazancourt, Baron de. L'expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol: chroniques de la guerre d'Orient / Baron de Bazancourt. – Paris : Amyot, 1856. – Vol. 1–2.
12. Bazancourt, Baron de. Cinq mois au camp devant Sébastopol / Baron de Bazancourt. – Paris : Amyot, 1855. – 288 p.

К ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ КРЫМА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Л. А. Орехова,

*доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка
и культуры речи, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. По документам Государственного архива Республики Крым представлена общая картина народного образования в Таврической губернии в самый сложный (1800–1840 гг.) период создания первых крымских училищ и организации учебного процесса. Выделены аспекты преподавания в приходских, уездных училищах и губернской гимназии, свидетельствующие о деятельности Министерства просвещения России в деле преподавания русского языка: по подготовке учителей, учебных пособий, доступных пониманию детей разных национальностей, по разработке учебных программ; сообщается о программах попечителя Одесского учебного округа Д. М. Княжевича, приспособленных «к понятиям каждого возраста», где предпочтение отдавалось практическим занятиям, «в особенности по отечественному языку».

Ключевые слова: Таврическая губерния, Устав народным училищам 1783 г., проекты Екатерины II, Д. М. Княжевич, Н. И. Греч.

Summary. Based on the documents of the State Archive of the Republic of Crimea, a general picture of the public education of the Taurida province in the most difficult period of the creation of the first Crimean schools and the organization of the educational process in 1800–1840 is presented. Those aspects of teaching in parish, district schools and the provincial gymnasium in Simferopol are highlighted, which testify to the consistent activities of the Ministry of Education of Russia in the study of the Russian language, in the training of teachers, teaching aids, accessible to the understanding of children of different nationalities, on the development of curricula, in particular, the programs of the trustee of the Odessa educational district D. M. Knyazhevich, adapted “to the concepts of each age”, where preference was given to practical exercises, “especially in the national language”.

Key words: Taurida province, Charter of public schools in 1783, projects of Catherine II, D. M. Knyazhevich, N. I. Grech.

1786–1812 годы – этап создания первых казенных учебных заведений в Крыму, в 1783 г. вошедшем в состав России. Высочайше утвержденный в 1786 г. «Устав народным училищам в Российской Империи» открывался словами, что «воспитание юношества» – единственное средство «утвердить благо общества гражданского», и учителя «должны всех в классы их приходящих учеников и учениц

обучать, не требуя от них никакой платы за обучение»: «При самом же обучении не должны они пренебрегать детей бедных родителей, но всегда иметь в памяти, что они приуготовляют члена обществу» [9, с. 649]. В документе содержатся методические советы (возможно, принадлежащие Екатерине II) по обучению грамматике: «без дальних грамматических определений, а все примерами», показывая, в частности, «что *имя существительное* означает лицо или вещь, что можно оно узнать вопросами кто? или что это?» [9, с. 660–661]. Примечательно упоминание о словарях: «Учитель должен показывать употребление как алфавитным, так особливо Этимологическим способом расположенных Словарей; <...> искать в Словарях встречающиеся неизвестные ученикам слова, показывая им в сем случае простые ли они или сложные, первообразные или производные» [9, с. 662]. Лингвистические темы в государственном документе не случайны и связаны с увлеченностью Екатерины II идеями просвещения и народного образования, вопросами о происхождении и развитии языков [1, с. 222–223]; императрица сама, по ее признанию, «составила реестр от двух до трех сот коренных русских слов, которые велела перевести на столько языков и наречий, сколько смогла их найти», причем чтобы слова «эти были написаны не только оригинальными письменами, но и русскими или латинскими буквами для показания их произношения» [1, с. 222–225]. По ее инициативе [2, с. 354] ученым-энциклопедистом П. С. Палласом (1741–1811) был подготовлен «Сравнительный словарь всех языков и наречий» [12]. В этот же период разрабатывались учебники русской грамматики, первые «опыты кодификации русского литературного языка» [11, с. 8].

Выполняя проекты Екатерины II, Светлейший князь Г. А. Потемкин-Таврический планировал образование народных школ в Крыму – не только для русских, но и тех, «кои греческий, татарский или иной язык употребляют, устроя при том в главных городах по одному Главному народному училищу для больших классов и обучения школьных учителей» [6, с. 34]. Главное училище в Симферополе было основано в 1793 г.; в 1807 г. здесь обучалось 75 мальчиков и 20 девочек; в библиотеке училища было 150 изданий, из них русских 147 [3]. 1 сентября 1812 г. открылась Симферопольская гимназия, а в 1827 г. при ней образовали татарское училищное отделение, подготавливающее к курсу гимназии [10, с. 38–40].

Новым Уставом 1904 г. предполагалась преемственность в образовании: приходские училища, куда принимались «всякого состояния дети без разбора пола и лет», обучали «чтению, письму и первым действиям арифметики». Уездные училища («два курса» обучения), должны были «приготовить юношество для гимназий» и в программу «учебных предметов», включали, помимо Закона Божия, географии, истории, российскую грамматику, «а в тех губерниях, где в употреблении другой язык, сверх грамматики российской», грамматику «местного языка» (6 час. в неделю в 1-ом классе), чистописание (5 час.), правописание (3 часа), правила слога. В гимназиях (4 года обучения)

русский язык уже не преподавался, изучались языки латинский, французский, немецкий. 5 июня 1819 г. министр народного просвещения кн. А. Н. Голицын подписал Циркуляр из Департамента народного просвещения «О предметах преподавания в гимназиях, уездных и приходских училищах», где предусматривалось увеличение часов на изучение русского языка в уездных училищах, и в число обязательных дисциплин включались российская грамматика, чистописание, правописание, правила слога [3, ф. 100, оп. 1, ед. хр. 110, л. 16].

Принятый в 1828 г. Устав отменял принцип преемственности: теперь обучение в уездных училищах продолжалось 3 года, в ряду дисциплин, которые «во всех трех классах преподаются», значился «русский язык, включая и высшую часть грамматики» [13, с. 16]. «Курс учения в губернской гимназии» разделялся «на 7 классов» и программа включала российскую грамматику и словесность [13, с. 30]. Сложность состояла и в некорректном разделении учебной нагрузки меж учителями. Так, Устав 1828 г. гласил, что «преподавание распределяется между учителями следующим образом»: один учитель «обучает логике и российской словесности», другой – «русской грамматике и географии». Никакая другая гимназическая дисциплина (математика, история, латинский язык, иностранные языки и др.) такого дисциплинарного синтеза в учебной нагрузке не допускала [13, с. 31]. При этом «учители наук исторических и математических, древних языков и российской словесности называются *старшими*, а учителя русской грамматики, географии и новейших иностранных языков *младшими* (курсив мой. – Л. О.)» [13, с. 31].

Существенные положительные изменения привнес назначенный в 1837 г. на пост попечителя Одесского учебного округа Д. М. Княжевич (1788–1844) [8, с. 474–476]. Опираясь на § 58 Устава 1828 г. о «дополнительных курсах», которые «смотря по местным потребностям, могут быть открываемы» [13, с. 16], Княжевич пересмотрел все программы преподавания в уездных училищах и Симферопольской гимназии: «С этой целью попечителем были созданы программы, в которых распределение учебных часов приравнивалось к понятиям каждого возраста и сообразно с практической целью». Так, в низших классах отменялась часть наук и языков, предпочтение отдавалось практическим занятиям, «в особенности *по отечественному языку* (курсив мой. – Л. О.)» [15, с. 47–48]. В Государственном архиве Республики Крым в документах уездных училищ сохранились «Программы» Княжевича. В соответствии с ними преподавание русского языка в училищах должно занимать первое место: «В Новороссийском краю это особенно необходимо <...>, ибо, не говоря уже о значительном числе живущих здесь греков, евреев, немцев, татар, молдаван и других инородцев, дети которых поступают в училища, вовсе не зная по-русски, самые природные русские в здешнем краю не только из низших и средних сословий, но и из высших, говорят весьма испорченным наречием русского языка» [3, ф. 100, оп. 1, ед. хр. 534, л. 113].

«Программы» Д. М. Княжевича увеличивали количество занятий по русскому языку во всех классах. На практике это выражалось в замене некоторых занятий на уроки русского языка – по одному часу в неделю. Скажем, в гимназии на 1 час в неделю уменьшалось количество уроков латинского языка, и этот час отводился на урок языка русского; преподавание Закона Божия в 3 и 4 классах уменьшилось с 11 до 9 часов в неделю, зато 2 часа прибавлялось для занятий русским языком [3, ф. 100, оп. 1, ед. хр. 526, л. 144]. Кроме того, в учебные планы Симферопольской гимназии вводилось чистописание, а в старших классах – *словесность*, что с одобрением было встречено министром Просвещения С. С. Уваровым.

В связи с острой потребностью учебных пособий по указанию Княжевича в Крыму ускоренно составлялись «особенные книги для чтения и прописи» для татарских училищ, и привлекались к этой работе учителя. Так, учитель Симферопольского уездного училища Виктор Ивлон занимался составлением «Краткой Российской грамматики» для учащихся [3, ф. 100, оп. 1, ед. хр. 573, л. 3]. Сказывалась и нехватка учителей, особенно в провинции. В Уставе 1828 г. оговаривалось, что учительское звание могут получить все желающие и выдержавшие соответствующие экзамены, например, выпускники училищ уездных, «желающие принять должность учителей приходских училищ» [13, с. 24], равно как выпускники-гимназисты могли претендовать на звание учителя уездного училища, пройдя довольно сложные испытания на педагогическом Совете в губернской гимназии. Испытания предусматривали три этапа: устные ответы на 5 вопросов, письменные – на 2 вопроса, «которые избираются по жребию из многих, вместе смешенных, объемлющих вполне всю науку»; второй этап – написание «рассуждения» на заданную тему «в присутствии педагогического Совета»; третий – дать «пробную лекцию» – также в присутствии членов Совета. «Испытуемые», получившие неудовлетворительную оценку на первом этапе, к дальнейшим испытаниям не допускались и могли подать новое прошение лишь через шесть месяцев [3, ф. 100, 1, ед. хр. 396, лл. 1–4]. Экзаменационные вопросы были составлены преподавателями Ришельевского лицея и разосланы 2 октября 1836 г. в гимназии округа для принятия «в руководство» [3, ф. 100, 1, ед. хр. 396, лл. 2, 4]; вопросы соответствовали Уставу 1828 г. и охватывали «науку в такой обширности, в какой она должна быть преподаваема в уездном училище» [3, ф. 100, 1, ед. хр. 396, л. 2]. Вопросы по российской грамматике дают представление об уровне сложности экзамена и демонстрируют лингвистическую парадигму того времени: 24 вопроса «Из словопроизведения» и 11 – «Из словосочинения» [3, ф. 100, оп. 1, ед. хр. 396, л. 12–13]. Составители экзаменационных вопросов опирались на «Начальные правила русской грамматики» Н. И. Греча (1827) [4].

Документы крымского архива несут объективную информацию [7, с. 165] о сложившемся положении в преподавании русской грамматики к середине XIX в., закономерно вызывавшее озабоченность министерства просвещения: консолидировались усилия лингвистической науки по

созданию учебных пособий, соответствующих задачам и программам обучения юношества отечественному языку. К 1840-м годам по числу обучающихся на душу населения Таврическая губерния уже занимала одно из первых мест в России: 1:93; здесь действовало 15 подведомственных министерству просвещения учебных заведений: 1 гимназия, 7 уездных училищ с 440 учениками и 7 приходских, где обучалось 245 учеников; в соответствии со штатным расписанием, в них работало 56 учителей.

Список использованных источников

1. Булич, С. К. Очерк истории языкознания в России / С. К. Булич. – Санкт-Петербург : Тип. М. Меркушева, 1904. – Том 1 : (XIII в. – 1825 г.). – 1248 с.
2. Волошина, О. А. «Сравнительный словарь всех языков» Петра Симона Палласа / О. А. Волошина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 6 (1). – С. 354–361.
3. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). – Ф. 100. – Оп. 1. – Ед. хр. 57. – Л. 2–8. Ссылки на архивные документы в тексте в скобках.
4. Греч, Н. И. Начальные правила русской грамматики, изданные Николаем Гречем / Н. И. Греч. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Санктпетерб. воспитат. дома, 1828. – 152 с.
5. Историческая записка о Симферопольской гимназии с основания ее по 1 июля 1881 года. – Симферополь : Тавр. губ. тип., 1881. – 159 с.
6. Лашков, Ф. Ф. Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии / Ф.Ф. Лашков. – Симферополь : Тип. П. Т. Гордиевского, 1890. – 254 с.
7. Орехов, В. В. Литературное крымоведение и проблема исторической истины в образовательном процессе / В. В. Орехов // Современная картина мира: крымский контекст : коллективная монография. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 164–192.
8. Орехова, Л. А. Д. М. Княжевич: литература и просвещение / Л. А. Орехова // Русский язык в поликультурном мире : X Междунар. научно-практическая конференция : сб. науч. Статей ; в 2-х т. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. – Т. 2. – С. 474–478.
9. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года : [Собрание 1-е : по 12 декабря 1825 г.]. – Санкт-Петербург : В тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830–1851. – Т. 22 : С 1784 по 1788 : От № 15902 до 16738. – 1830. – С. 646–662.
10. Аржанцева, Т. В. Преподавание русского языка в Крыму: исторический и этнокультурный контекст : коллективная монография / Т. В. Аржанцева, Л. А. Орехова, А. В. Петров и др. ; под ред. Л. А. Ореховой, Т. В. Аржанцевой ; Институт филологии КФУ им. В. И. Вернадского. – Симферополь : Издательский дом КФУ, 2022. – С. 9–49.
11. «Российская грамматика» А. А. Барсова / Под ред. и с предисл. Б. А. Успенского, подготовка текста М. П. Тоболовой. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 776 с.
12. Сравнительные словари всѣх языков и нарѣчий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские

и азиатские языки. Часть первая. – Санкт-Петербург, 1787. – 411 с. ; Часть вторая. – Санкт-Петербург, 1789. – 491 с.

13. Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: Санктпетербургскаго, Московскаго, Казанскаго и Харьковскаго: утвержден 8 декабря 1828 года. – Санкт-Петербург : [При Императорской Академии Наук], 1848. – 91 с.

УДК 811.131.1'28

РОДНОЙ ЯЗЫК И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ИТАЛЬЯНЦЕВ

О. А. Пантелеенко,

кандидат филологических наук, доцент кафедры романского языкознания, Белорусский государственный университет, Минск

Аннотация. В статье изучается проблема соотносительности родного языка и идентичности на примере Италии. Для решения поставленной цели автор анализирует факторы, влияющие на языковую ситуацию Апеннинского полуострова, определяет парадоксы лингвистической вариативности регионов на примере области Валле д'Аоста, выявляет роль языка как инструмента самоидентификации.

Ключевые слова: итальянский язык, франкопровансальский язык, французский язык, региональная идентичность, этническая идентичность, национальная идентичность.

Summary. The article studies the problem of the correlation of the native language and identity on the example of Italy. To achieve this goal, the author analyzes the factors influencing the linguistic situation of the Apennine Peninsula, identifies the paradoxes of the linguistic variability of regions using the example of the Valle d'Aosta region, and reveals the role of language as a tool for self-identification.

Key words: Italian language, Franco-Provençal language, French language, regional identity, ethnic identity, national identity.

Изменение геополитических координат в новой эпохе, интенсивные процессы миграции и глобализации ставят в разряд актуальных вопросы, касающиеся родного языка, самоидентификации и их соотносительности.

Изучение данной темы на примере Италии интересно по ряду причин. Во-первых, становление итальянской государственности восходит к 1861 г., когда произошло объединение разрозненных королевств Апеннинского полуострова. До сих пор лингвистическое и культурное наследие этих королевств, население которых обладало самобытными традициями, влияет на структурно-содержательные характеристики коммуникативного пространства страны, благодаря чему в современной Италии сформировалась уникальная языковая палитра, признанная одной из самых богатых в мире. Другой фактор, который

привлек еще большее внимание ученых к этой проблеме и не только в Италии – это Европейская хартия миноритарных языков. Ее подписали 5 ноября 1992 года одиннадцать государств-членов Совета Европы, убежденных в том, что сохранение и развитие культурных традиций и богатства Европы зависят от защиты ее региональных языков или языков меньшинств. Сегодня эта уникальная конвенция насчитывает 25 государств-участников и применяется примерно к 80 региональным языкам или языкам меньшинств, способствуя их активному использованию в образовании, системе правосудия, администрации, СМИ, культуре, экономической и социальной жизни и трансграничном сотрудничестве [1]. Спорный характер документа не отменяет положительных характеристик и влияние принятого соглашения на сохранение языкового богатства.

Что касается Италии, то в статье шесть Конституции говорится о том, что при помощи соответствующих мер Республика охраняет языковые меньшинства, и в 1999 г. итальянский парламент официально признал такой статус за 12-ю языками (албанский, каталонский, немецкий, греческий, словенский, хорватский, французский, франкопровансальский, фриуланский, ладинский, окситанский и сардинский).

В Италии пять областей имеют автономный статус, не в последнюю очередь это обусловлено лингвистической составляющей, которая играет немаловажную роль в политической борьбе внутри страны. Следует отметить, что несколько итальянских областей обладают автономным статусом, в том числе и благодаря государственному регулированию вопросов сохранения лингвистической уникальности регионов. Так, в области Трентино-Альто-Адидже кроме итальянского разговаривают на немецком и ладинском; в Валле д'Аоста официально закреплен франко-итальянский билингвизм; в области Фриули-Венеция-Джулия используются четыре официально признанных языка: итальянский, словенский, фриульский и немецкий, в Сардинии официальным наряду с итальянским с 1999 г. признан сардинский. Все это говорит об актуальности изучения вопроса взаимосвязи родного языка и региональной идентичности.

Исследователи сходятся во мнении, что одной из причин, способствующих сохранению разобщенности страны, является сильная раздробленность на языковом уровне в регионах. Конечно, сегодня уже все жители говорят на «стандартном» итальянском, но при этом во всех областях, провинциях, отдельных городах продолжают существовать диалекты, столь различающиеся, что порой даже жители небольшой деревушки не понимают диалект соседей [2, с. 238].

Итальянский художник Сильвано Костанцо, родившийся в 1948 г., вспоминает, как две его пожилые родственницы, приехавшие к нему в гости в 1970-е гг., не смогли общаться друг с другом, так как говорили только на местных диалектах (одна на пьемонтском, другая на апулийском) и не знали итальянского языка [цит. по Борисовой: 3, с. 18].

В наши дни диалекты становятся для многих итальянцев своего рода символом идентичности и активно используются не только людьми старшего поколения, но и молодежью – в семье, в общении с друзьями [2, с. 238].

Если принять во внимание, что определяющим фактором социально-политического развития общества в различных странах мира, в частности, в Италии, является дву- и многоязычие, которое заключается в массовом использовании двух и более языков в процессе общения, когда человек, в зависимости от того, с кем и где общается, переходит с одного языка на другой, то спорными оказываются традиционные концепции о роли языка как цементирующего инструмента этноса. Немецкий ученый В. Фон Гумбольдт видел в языке объединенную духовную энергию говорящего на нем народа, своеобразную концентрацию мыслей и чувств каждого этноса [4, с. 152], русский и украинский лингвист А. А. Потебня рассматривал язык как способ духовной консолидации этноса, признак, определяющий народ [5]. Язык принято называть одним из важнейших национальных идентификаторов, однако многочисленные примеры полилингвальных ситуаций ведут к пониманию того, что каждая национальная арена, огромная или маленькая по своей территории и количеству носителей языка, представляет собой единственный и неповторимый изразец, интерпретирующий архетипичные константы мировой культуры и обогащающий их новым видением <...> Национальный стержень языков и культур привлекает к себе все больший интерес. Необходимым подходом к каждой культуре и языку видится индивидуальный подход [6, с. 11].

Например, главный парадокс языковой ситуации в Беларуси заключается в том, что белорусы считают белорусский язык родным, видят в нем воспитательную и патриотическую значимость, но на деле предпочитают русский язык [7]. У белорусского языка есть своя функциональная ниша – «национально-языковой символизм», т. е. символические функции белорусского языка существенно более сильны, чем функции коммуникативные [8, с. 88–89]

Кажется, что похожая ситуация складывается в Италии. Приведем пример языковой ситуации автономного регионе Валле д'Аоста, который в целом показателен для всех регионов страны. Данные, полученные в рамках масштабного социологического опроса, который проводился фондом им. Э. Шану (2001) в области Валле д'Аоста и охватил 7250 жителей, выявили определенную уникальность языкового сознания вальдостанцев. Согласно статистике, 85,9 % населения 1983–1989 г. рождения считают родным итальянский. Однако только 53,9 % назвали его языком, на котором обычно разговаривают с мамой, 24,8 % опрошенных в этой ситуации языком общения назвали франкопровансальский. Французский в домашнем обиходе используют лишь 0,86 % респондентов. Вместе с тем на вопрос «Чтобы быть вальдостанцем, знать французский

...» (Per essere valdostani, conoscere il francese è...) 43,83 % ответили «очень важно», 25,14 % – «достаточно важно», 17,10 % – «основополагающе». То есть около 86 % анкетированных связывают региональную идентичность со знанием французского языка. Высоко оценивается и роль франкопровансальского языка для самоидентификации населения: в целом около 72% респондентов считают его «важным», «очень важным» или «основополагающим».

Следует отметить, что в понятие «родной язык» итальянцы, как и некоторые другие нации, вкладывают различный смысл: первый (материнский) язык, язык нации, язык предков и истории и т. п.

Лингвисты, с одной стороны, говорят об «аномалии Италии», которая заключается в том, что страна характеризуется значительной дифференциацией языковых вариантов и одновременно именно язык составляет фундамент единства итальянцев [9, с. 16]. С другой стороны, говоря о диалектах, пишут «диалект отражал в течение долгого времени и в некоторой степени отражает до сих пор культурное наследие тех, кто на нем говорит <...> Язык как и традиционный народный костюм является первым и самым очевидным знаком отличия, а значит, идентичности <...> Это источник этнической идентичности и социальной, а также самоидентификации на психологическом уровне [9, с. 11–12].

Таким образом, изучение проблемы соотнесенности родного языка и самоидентификации итальянцев показывает, что итальянский язык является символом единства нации, одновременно очень сильны региональные языковые традиции, которые являются источником этнической и социальной идентичности.

Список использованных источников

1. 30-летие Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств – Совет Европы [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.coe.int/ru/web/portal/-/30th-anniversary-of-european-charter-for-regional-or-minority-languages>. (дата обращения: 15.02.2023).
2. Назаренко, А. И. Защита миноритарных языков в Трентино – Альто-Адидже и Венето: плюсы и минусы / А. И. Назаренко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – Вып. 9(825). – 2019. – С. 236–247.
3. Борисова, Д. С. Конструирование национальной идентичности в Италии: от итальянцев к итальяйцам / Д. С. Борисова // Вестник СПбГИК. – № 3(40). – 2019. – С. 16–21.
4. Гумбольдт, В. Об изучении языков, или план систематической энциклопедии всех языков / В. Гумбольдт // Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – Москва : Прогресс, 1985. – С. 346–349.
5. Потебня, А. А. Язык и народность / А. А. Потебня // Мысль и язык. – Киев : СИНТО, 1993. – С. 158–185.

6. Калита, И. В. Современная Беларусь: языки и национальная идентичность / И. В. Калита // Univerzita J. E. Purkyně v Ústí nad Labem. – 2010. – 300 с.
7. Савко, М. В. Парадоксы языкового сознания белорусов или как белорусы язык выбирают / М. В. Савко // Московский институт иностранных языков [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mosinyaz.com/conferences/rodnoy_yazik/tesis/7/. (дата обращения: 16.02.2023).
8. Мячкоўская, Н. Б. Мовы і культуры Беларусі : Нарысы / Н. Б. Мячкоўская. – Минск, 2008. – 347 с.
9. Avolio, F. Lingue e dialetti d'Italia / F. Avolio // Carocci editore S.p.A. – Roma, 2009. – 126 p.

УДК 81'276

НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЕ СООБЩЕСТВО БЕЛЬГИИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

С. Е. Перепечкина¹, Е. А. Аникеева²,

¹кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²старший преподаватель кафедры немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается языковая ситуация в восточных кантонах Бельгии, анализируется специфика языка представителей Немецкоязычного сообщества, изучается актуальный вопрос самоидентификации и культурной принадлежности немецкоязычных граждан страны. На основе анализа научной литературы, статистических данных, информации Портала культурного наследия Восточной Бельгии делается вывод о том, что бельгийский субвариант немецкого языка, длительное время функционирующий в полилингвальном пространстве и имеющий диалектальную основу, обладает рядом специфических черт. Кроме того, есть основания полагать, что в этом регионе идет процесс становления языкового субстандарта; составление объемных атласов (словарей) «бельгийского немецкого» можно рассматривать как имплицитное начало его кодификации. Актуальным в социокультурном аспекте является вопрос идентичности представителей Немецкоязычного сообщества Бельгии.

Ключевые слова: немецкоязычное сообщество, Восточная Бельгия, немецкий язык, языковой субстандарт, идентичность, самоидентификация.

Summary. The article deals with the language situation in the eastern

cantons of Belgium, analyzes the specifics of the language of the German-speaking Community and studies the topical issue of self-identification and cultural affiliation of German-speaking citizens of the country. Based on the analysis of scientific literature, statistical data, information of the Portal of Cultural Heritage of Eastern Belgium, it is concluded that the Belgian subvariant of the German language, which has been functioning in the multilingual space for a long time and has a dialectal basis, has a number of specific features.

In addition, there is reason to believe that a language substandard is developing in this region; the compilation of voluminous atlases (dictionaries) of “Belgian German” can be seen as the implicit beginning of its codification. Relevant in the socio-cultural aspect is the question of the identity of representatives of the German-speaking Community in Belgium.

Key words: German-speaking community, Eastern Belgium, German language, language substandard, identity, self-identification.

Исследование лингвистических и социокультурных процессов в Бельгии представляет особый интерес для филологов в силу разнообразия языкового и этнического ландшафта страны: четыре языковые области, соотносящиеся с тремя регионами, представлены нидерландским (Фландрия), французским (Валлония), французским и нидерландским (двуязычный Брюссель) и немецким (восточная окраина Бельгии) языками. Объектом внимания учёных является, прежде всего, специфика языковой ситуации и языковой политики в Бельгии, причины «языковых войн» между валлонами и фламандцами, бельгийские варианты французского и нидерландского языков (см., в частности, [2; 3]). Феномен «бельгийского немецкого» изучается в контексте функционирования его в полилингвальном обществе, исследуется роль нижненемецких диалектов в становлении германоязычных областей Бельгии (см., напр., [1; 12]). Основной задачей данной статьи является анализ языка немецкоязычных граждан Бельгии как эмергентной языковой системы – нового, формирующегося языкового субстандарта, а также рассмотрение проблемы самоидентификации и культурной принадлежности восточных бельгийцев.

Немецкоязычное сообщество Бельгии, наименьшее по численности по сравнению с фламандским и французским (78604 жителей, среди которых небольшую долю составляют валлоны, фламандцы и иностранные сограждане; сост. на 1.01.2022 [10]), тем не менее, явление очень значимое. Ульрих Аммон в своих фундаментальных трудах определяет его как «полуцентр» («Halbzentrum») немецкого языка наряду с Люксембургом, Лихтенштейном и Южным Тиролем [5, с. 232–240; 6, гл. LVII]. По У. Аммону, решающим при определении того или иного региона в качестве «полуцентра» плюрицентрического языка является официальный статус данного языка при отсутствии «внутреннего кодекса», т.е. кодификации [4, с. 96; 6, гл. IXL]. Такой зафиксированной в справочниках нормы (кодекса) немецкого языка в Бельгии еще не существует, однако имеются репрезентативные списки слов немецкоязычных бельгийцев, что

можно рассматривать как имплицитное начало кодификации (из наиболее ранних – «Liste der regionalen und umgangssprachlichen Abweichungen im deutschsprachigen Gebiet Belgiens», 1986 г.). Так, слова *Camion* ‚Lastwagen‘, *Garagist* ‚Autohändler‘, *sich vergönnen* ‚sich wohlfühlen‘ признаются в качестве приемлемых вариантов не локально, а на всей территории Немецкоязычного сообщества [4, с. 414].

Географически Немецкоязычное сообщество Бельгии (с 2017 г. называется также «Восточная Бельгия» [10]) распадается на северную и южную части, между которыми находится область распространения французского языка – общины Мальмеди и Ваймс, образующие кантон Мальмеди. Северная часть – западнее немецкого г. Аахен и восточнее провинции Лимбург, населена более плотно и индустриально более развита; сюда входят общины Эйпен, Кельмис, Лонтцен и Рарен (кантон Эйпен). Южная часть – большая аграрная область, граничащая с Германией и Люксембургом, включает общины Амель, Бюллинген, Бург-Ройланд, Бютгенбах и Сен-Вит (кантон Сен-Вит). Такое расположение, несомненно, способствует проникновению разноязычных элементов в доминирующий здесь язык (немецкий) и дает богатую почву для исследований в области лингвистической контактологии.

Весьма разнообразна немецкоязычная область Бельгии и с точки зрения диалектологии. На севере кантона Эйпен (включая г. Эйпен) языковым субстратом является южнонижнефранкский (лимбургский) диалект, переходящий в голландский и нижненемецкий; в южной части кантона Эйпен и в северной кантона Сен-Вит – среднефранкские (рипуарские) диалекты, которые на юге (включая г. Сен-Вит), переходят в мозельско-франкские, близкие к люксембургскому. Эти диалекты накладывают свой отпечаток на произношение и лексический состав бельгийского субварианта немецкого языка [12, с. 5]. Отмечается при этом сокращение использования диалекта в пользу регионального субварианта, в северных общинах более выраженное [4, с. 412].

О становлении восточнобельгийского варианта немецкого языка с его диатопическими (территориальными), диастратическими (социальными) и диафазическими (ситуативными) особенностями свидетельствуют результаты опросов молодого поколения. Уже в 1990-е годы этот вариант воспринимался старшеклассниками как «наш немецкий» и отграничивался ими как от местных диалектов («платт»), так и от литературного немецкого языка Германии [12, с. 6]. Более 2500 лексических единиц от «ahdig» до «zoppen» собрано в книге (по сути – словаре) Эди Кремера и Франца-Йозефа Хайнена «Flatten, Bob und Nonnenfürzchen: Alltagssprache in Ostbelgien» (2016 г., 360 с.; представлена на Бельгийском радио 26.11.2015 [11]). Это уже второе издание, содержащее слова и выражения, используемые немецкоязычными бельгийцами в повседневном общении; первое издание (2011 г., 240 с.) вышло в свет под названием «Mostert, Bics und Beinchen stellen: Alltagssprache in Ostbelgien».

В «бельгийском немецком» встречаются как разговорные и диалектные формы, так и заимствования из нидерландского и французского языков (особенно в юридической и административной терминологии). Приведем лишь некоторые примеры: *anwesig* (нем. *anwesend*); *Fritüre* (нем. *Imbissbude*); *Mazout* (нем. *Heizöl*); *Milizpflicht* (нем. *Wehrpflicht*); *Studienbörse* (нем. *Stipendium*). Ряд бельгицизмов совпадает в написании с лексическими единицами немецкого литературного языка, но имеет иное значение: *Garage* ‘авторемонтная мастерская’ (нем. ФРГ ‘крытая парковка для автомобиля’); *Kandidatur* ‘двух- или трёхлетний первый этап обучения в университетах’ (нем. ФРГ ‘кандидатура’).

Большое стремление Немецкоязычного сообщества сохранить свое культурное наследие выражается в обширном сборе данных и составлении словарей диалектов. Так, в ноябре 2011 г. было проведено анкетирование среди всех носителей диалекта в Восточной Бельгии по опросникам, разработанным проф. Робертом Мюллером и Сандрой Вебер из Льежского университета (г. Люттих / Льеж). Были составлены карты, на которых цветом отмечено, как и где говорят на «платт». Итогом работы стал мультимедийный «Атлас диалектов Восточной Бельгии» [9], содержащий, кроме изображений предметов, пояснений к ним и карт, также звукозаписи отдельных слов и связных текстов – историй, рассказанных на диалекте (*Geschichten auf Platt*). Всего в атласе 69 словарных статей (*Ameise, Bonbon, Brombeere, Dachboden, Gabel, Flechte (Zopf), Kartoffel, Metzger, Weihnachten* и т.д.), имеющих четкую структуру. Так, к слову *Eimer* (ведро) имеется изображение и пояснение, в котором приводятся диалектные варианты и области, где они используются (*Emer, Imer, Eimer, Emmer, Ömer* в северных общинах Восточной Бельгии и в прилегающих к региону Аахен; *Topp* – на севере и в прилегающих франкофонных коммунах). Поясняется также этимология и частотность употребления того или иного варианта слова:

«*Eimer*, dessen Lautvariante *Emer* neben *Eimer* im Süden deutlich überwiegt, während es im Norden eher *Emmer* heißt, geht auf lat. *amphora* ‚Gefäß mit zwei Henkeln‘ zurück und ist in der althochdeutschen Form *eimbar* seit dem 8. Jh. belegt. *Topp* stammt von lat. *tubus* ‚Röhre‘, bezeichnet also ein röhrenförmiges Gefäß <...>» [9].

Для многих восточных бельгийцев «платт – это язык души, семьи и родины <...>. «Как сказал Гёте, это источник, из которого язык черпает свою жизнь» (*Перевод наш – С. П., Е. А.*). Эти слова знаменитого поэта приводит Лео Винтгенс, восточнобельгийский историк, автор двух томов еще одного атласа диалектов под названием «*Wie zaach ech dat op Ostbäljisch Plat?*» [13]. Первый том представляет собой собрание слов, во втором – грамматические структуры и фонетика, а также, что очень ценно, топонимия Восточной Бельгии, отражающая миграционные процессы и, следовательно, направления распространения языков. Атлас вышел на всех официальных языках Бельгии и освещает вопросы языка и истории и, т.о., касается проблемы идентичности восточных бельгийцев.

Родные для немецкоязычных бельгийцев диалекты – это «источник, который сегодня уже не такой бурный, как еще 100 лет назад, но который еще далеко не иссяк» [13] (*Перевод наш – С. П., Е. А.*). Опрос 2018 г. показал, что 63% граждан Восточной Бельгии говорят и понимают «платт». Это жители южных общин Немецкоязычного сообщества, люди старшего поколения (60 лет и старше), жители маленьких общин с населением менее 1000 человек, а также представители низа среднего и низшего социальных слоев. 30% респондентов указали, что не говорят, но понимают «платт»; 7% не говорят на диалекте и не понимают его [7].

Вопрос идентичности для Восточной Бельгии (и в целом в многоязычной и поликультурной стране) весьма актуален. Как явление социокультурное, идентичность – результат длительного процесса социокультурного усвоения (и принятия) индивидом ценностей и норм сообщества, в котором он живет. Человек отождествляет себя именно с этим обществом, с его культурными традициями. Согласно проведенному опросу, Родиной, тождественной понятию родного дома, для 38% респондентов в 2018 г. (это больше, чем в 2014 г.) является Восточная Бельгия; для 20% – Немецкоязычное сообщество; для 19% – Айфель / южный регион Немецкоязычного сообщества; 11% чувствуют себя как дома в кантоне Эйпен / север Немецкоязычного сообщества; для 7% дом – вся Бельгия. Кроме того, почти все жители Восточной Бельгии (97%) идентифицируют себя с Бельгией в целом (букв. «чувствуют себя связанными с Бельгией» / «Ich fühle mich mit Belgien verbunden») и с Немецкоязычным сообществом (95%). По признанию главного редактора теле- и радиовещания Восточной Бельгии (Belgischer Rundfunk, BRF) Руди Шрёдера, «когда играет сборная Бельгии по футболу, 90 процентов здесь болеют за нее и ликуют, когда бельгийцы забивают гол. <...> Даже если дело дойдет до поединка между Германией и Бельгией, симпатии будут явно на бельгийской стороне!» [8] (*Перевод наш – С. П., Е. А.*).

Немецкоязычное сообщество – интересный пример слияния двух культур – германской и романской. По высказываниям самих восточных бельгийцев, из разных культур они выбирают самое лучшее: французский образ жизни, соединенный с немецкой основательностью («работай как прусс, но живи как француз») [8]. И действительно, спокойствие и неторопливость, коммуникабельность отличают их от граждан Германии, а немецкоговорящие мастера, пунктуальные и трудолюбивые, имеют очень хорошую репутацию [8].

Подводя **итоги**, особо выделим факт постепенного формирования языкового субстандарта в немецкоязычной части Бельгии, для которого на лексическом уровне характерны как диалектные и разговорные формы, так и заимствования из сопредельных языков, прежде всего французского.

В социокультурном аспекте на первый план выходит вопрос идентичности немецкоязычных бельгийцев, оказавшихся в мультикультурной и полилингвальной среде, влияние которой неизбежно. Практически все представители Немецкоязычного сообщества

идентифицируют себя как принадлежащих к бельгийской нации в целом и к кантонам Восточной Бельгии; тяготение к романской культуре у молодого поколения объясняется широким использованием в образовании французского языка (особенно в северных общинах); хранителями родных диалектных корней еще остаются люди старшего поколения.

Список использованных источников

1. Алексеенко, Е. С. Краткая характеристика немецкого языка и других германских языковых вариантов на территории Валлонии / Е. С. Алексеенко, Л. А. Ульяницкая // ДИСКУРС. – 2021. – Т. 7, № 3. – С. 127–142.
2. Невежина, Е. А. Динамика языковых процессов в Валлонии и Брюсселе как пограничных ареалов Романии : специальность 10.02.05 «Романские языки» : дис...канд. филол. наук / Елизавета Андреевна Невежина ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2016. – 211 с.
3. Невежина, Е. А. Взаимодействие культур в полилингвальном пространстве: франко-фламандский конфликт от истоков до наших дней / Е. А. Невежина // Вестник Московского университета ; Серия 19 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2020. – № 2. – С. 120–128.
4. Ammon, U. Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz: das Problem der nationalen Varietäten / Ulrich Ammon. – Berlin : Walter de Gruyter, 1995. – 575 S.
5. Ammon, U. Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt / Ulrich Ammon. – Berlin/München/Boston : Walter de Gruyter, 2015. – 1295 S.
6. Ammon, U. Variantenwörterbuch des Deutschen: Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz, Deutschland, Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol sowie Rumänien, Namibia und Mennonitensiedlungen / Ulrich Ammon, Hans Bickel. – Berlin : De Gruyter, 2016. – 1916 S.
7. Demoskopische Befragung. Umfrage 2018 // Das Statistikportal der Deutschsprachigen Gemeinschaft Belgiens. – URL: <https://ostbelgienstatistik.be/desktopdefault.aspx/tabid-5958/>. (дата обращения: 15.02.2023).
8. Pieper, M. Deutschsprachige in Belgien. Die bestgeschützte Minderheit Europas / Malte Pieper // Deutschlandfunk. 09.03.2016. – URL: <https://www.deutschlandfunk.de/deutschsprachige-in-belgien-die-bestgeschuetzte-minderheit-100.html>. (дата обращения: 14.02.2023).
9. Dialektatlas der Deutschsprachigen Gemeinschaft // Das Kulturerbeportal der Deutschsprachigen Gemeinschaft Belgiens. – URL: <https://ostbelgienkulturerbe.be/desktopdefault.aspx/tabid-3532/>. (дата обращения: 16.02.2023).
10. Die Deutschsprachige Gemeinschaft in Belgien // Das Bürgerinformationsportal der Deutschsprachigen Gemeinschaft Belgiens. – URL: https://ostbelgienlive.be/desktopdefault.aspx/tabid-72/186_read-448/. (дата обращения: 15.02.2023).
11. Flatten, Bob und Nonnenfüzchen. – Warum unser Deutsche anders ist //

BRF. Nachrichten. 26.11.2015. – URL: <https://brf.be/kultur/buch/944070/>. (дата обращения: 14.02.2023).

12. Küpper, A. Die Deutschsprachige Gemeinschaft Belgiens als emergentes Halbzentrum: Sprach- und bildungspolitischer Kontext / Achim Küpper, Torsten Leuschner, Björn Rothstein // Zeitschrift für deutsche Philologie. – 2017. – Band 136. – S. 169–192. – URL: <https://core.ac.uk/reader/147045090>. (дата обращения: 13.02.2023).

13. Wie zaach ech dat op Ostbäljisch Plat? – Dialektatlas Band II in Eupen vorgestellt // BRF. Nachrichten. 20.03.2017. – URL: <https://brf.be/regional/1072189/>. (дата обращения: 14.02.2023).

УДК 811.111'27

НИГЕРИЙСКИЙ ВАРИАНТ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

А. Д. Петренко¹, Д. А. Петренко², Н. А. Вовк³,

¹доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики, директор Института филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

³старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Актуальность исследования состоит в том, что статус нигерийского варианта английского языка (далее – НВАЯ) в Федеративной Республике Нигерия (далее – ФРН) время от времени вызывает определенные споры. Политические и общественные деятели понимают, что в свете многонационального и мультилингвального общества необходим язык, который способствовал бы объединению нации и использовался бы для работы в пределах различных общественных институтов. Одни лидеры страны видят таким средством общения НВАЯ. Но оппозиция считает, что такое положение необходимо придать тому или иному местному языку, например, хауза, игбо или йоруба. Начинается новый виток конфронтации, который, как правило, заканчивается признанием того факта, что сложно ограничить употребление нигерийского английского в разных сферах социальной жизни людей в этом государстве. Для снижения уровня напряженности наряду с НВАЯ поддерживается изучение так называемых языков окружения и большинства.

В ходе работы были использованы аналитический и сопоставительный методы исследования.

Ключевые слова: английский язык, нигерийский вариант английского языка, язык большинства, языки меньшинств, язык окружения, хауза, игбо, йоруба, Федеративная Республика Нигерия.

Summary. The relevance of the research lies in the fact that from time to time the status of Nigerian English (further – NigE) in the Federative Republic of Nigeria provokes definite debate. Political and public figures understand that in the light of the multinational and multilingual society there is needed the language which would promote the nation's unity and would be used for the functioning of different social institutes. Some leaders of the country see NigE as such means of communication. But the opposition thinks that such position should be given to this or that local language, for example, to Hausa, Igbo, or Yoruba. Then the new round of confrontation begins. As a rule, it ends up with admitting the fact that it is difficult to limit the usage of Nigerian English in different spheres of people's social life in the state. To decrease the level of tension studying of so called environment and major languages along with NigE is supported.

During the research there were used the analytical and comparative methods of the research.

Key words: language policy, language situation, the English language, Nigerian English, major language, minority languages, language of the environment, Hausa, Igbo, Yoruba, the Federative Republic of Nigeria.

Знания социополитической истории Нигерии помогают понять, как английский язык (далее – АЯ) проник в эту страну и занял главенствующее положение в ее многонациональном социуме, который разговаривает на множестве языков. После того, как британцы выиграли соперничество у других наций Европы в отношении освоения нигерийских территорий, они начали налаживать отношения с местным населением.

На инициальном этапе АЯ был контактным языком торговли между британскими колониальными торговцами и их посредниками на побережье, а позднее трансформировался в «пиджин» или ломаный английский, который является измененной формой АЯ и смешанных местных языков этнических групп, которые не могут эффективно общаться между собой как результат множественности языков [3, с. 4]

Затем была создана колониальная администрация, которая руководствовалась принципом удобства для себя, пытаясь объединить людей, в то время населявших эту страну. АЯ был придан статус языкового рычага, чтобы позволило британцам руководить занятыми территориями. В качестве посредников для коммуникации европейцев с различными этносами на территории Нигерии были отобраны и обучены клерки и переводчики из числа местных. Представители коренного населения, которые не попали в число таких сотрудников, понимали, что необходимо учить английский, чтобы работать с хозяевами колоний.

Первые школы в Нигерии были основаны миссионерами. В тот период времени главная цель состояла в обучении людей, которые должны были распространять Евангелие. Когда британское правительство взяло под контроль школы в этой стране, то были упорядочены предметы, преподаваемые в различных учебных заведениях миссионеров. Также проводилась политика, которая делала английский язык как основным предметом, так и языком преподавания согласно указам 1882 и 1887 годов [6, с. 217–218].

Видя такое положение дел, многие нигерийцы стремились учить АЯ как конкурентное преимущество, которое помогало устроиться в жизни. Фактически, знание английского было мерилем занятости во время колониальной эры. После получения Нигерией независимости английский язык был также значим, в том числе и в системе образования. Таким образом, можно сказать, что языковому аспекту в процессе колонизации уделялось большое значение.

Использование английского языка на территории этой страны позволило решить ряд важных вопросов. Однако, следует понимать, что Федеративная Республика Нигерия является мультикультурным сообществом. Язык проецирует на личность культурную идентичность, что становится причиной увеличивающегося числа противоречий, поскольку АЯ не является коренным языком в Африке. С момента получения независимости от колониальных лидеров прошло несколько десятков лет, но для государства оказалось невозможным представить местный национальный язык, который бы объединил различные этнические группы. Первый шаг сделал Малалма А. Й. Балла в парламенте, но это не улучшило состояние дел [4]. Инициатива вынуждала федеральное правительство ввести в школах преподавание хауза, йоруба и игбо (языки большинства в Нигерии) и других языков меньшинств, чтобы, в конечном итоге, один из них (из языков большинства) был принят в качестве официального языка в Нигерии. Были ситуации, когда представители языковых меньшинств отрицательно отнеслись к этой идее, считая изучение языка других этнических групп своего рода повинностью. В целом, стало понятно, что коренные языки не смогут решить сложившуюся коммуникативную проблему в ФРН [1, с. 98].

Так называемые языки большинства не имели успеха за пределами своих географических границ, потому что явно не хватало учителей для их преподавания в школах. Таким же образом, заявленные языки меньшинств не оказали значительного воздействия даже в рамках своих территорий, в том числе и из-за того, что у части носителей было отрицательное отношение к своим языкам. Все это подготовило почву для АЯ, языка представителей Британской империи, который интенсивно использовался и занял лидирующие позиции среди языков в Нигерии, чье количество колеблется от 250 до 500 и более [2]. Таким образом, английский обрел привилегированную позицию в качестве национального, официального языка, языка образования, правительства и международного языка в

Нигерии. Поддержка изучающих этот важный язык осуществляется через учебный план.

Огромное количество местных языков в Нигерии формирует высокий уровень мультилингвизма и вызывает определенное социальную напряженность, что оказывает значительное давление на преподавание и изучение АЯ в такой многоязыковой ситуации. Английский или любой язык, который изучается как второй, играет роль посредника. Поэтому несложно заметить, что английский язык ценен в Нигерии как второй язык и основной язык коммуникации среди сотен других языков.

Для нормализации ситуации федеральное правительство Нигерии решило сбалансировать языковую ситуацию, принимая ответственные решения в системе образования государства. Подход руководства страны свелся к тому, что английский продолжали использовать для преподавания и обучения, но начали придавать особое значение местным языкам. Последние рассматриваются в качестве средства поддержки и сохранения культуры, а также продвижения национальной интеграции. В 2004 году была выработана Государственная политика Федеративной Республики Нигерия в сфере образования. Согласно директивам к языкам в начальной и средней школе предъявлялись ряд требований.

Учебный план для начальной школы должен был включать язык окружения, АЯ, французский, арабский. Уточняется, что средством преподавания в начальной школе является язык окружения в течение первых трех лет. Во время этого срока английский язык преподается в качестве предмета. Начиная с четвертого года, АЯ постепенно используется как средство преподавания, а язык непосредственного окружения и французский преподаются как предметы.

Начальное среднее образование включает в группу основных предметов английский и французский, а также один основной язык Нигерии, но не тот, который является языком окружения. Также в перечень непредпрофессиональных предметов по выбору включен арабский язык.

В старшей средней школе в группу основных предметов включен АЯ и один основной язык Нигерии. В группу В непредпрофессиональных предметов по выбору снова включен арабский [5].

Ребенок, который учил местный язык большинства, открыт для общения только на территории, где употребляется его язык большинства. Поэтому, ему приходится учить другой коренной язык в качестве второго. Французский и арабский, однако, все еще остаются для выбора. Федеральное правительство под руководством ныне покойного генерала Сани Абача в 1996 не только продвигало и поддерживало языковое образование в Нигерии, но также делало попытки придать французскому языку статус второго официального в Нигерии из-за его международного статуса и преимуществ [8, с. 16]. Это также должно было разрешить конфликт среди групп меньшинств, которые считали себя обманутыми из-за включения некоторых местных языков, таких как хауза, йоруба и игбо в

учебный план. Считалось, что французский язык поможет создать динамичную нацию. Были заявления, что ни один народ не сможет выжить без должного продвижения языка, особенно иностранного. Через последний нация могла бы соединиться с внешним миром [7, с. 38–39].

Таким образом, анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Язык играет двойную роль в системе образования Нигерии. Это и предмет в учебном плане, и средство коммуникации. Язык важен во всех сферах обучения. С введением западной модели образования миссионерами-христианами преподавание и обучение местным языкам получило большее внимание. Так происходило, потому что считалось, что наилучшим образом детей в Африке можно научить на их родном языке. Лучше всего распространять христианскую религию на родном языке.

2. Колониальная администрация пересмотрела список учебных предметов в миссионерских школах и придала АЯ статус основного предмета. Также английский должен был использоваться и как язык преподавания. Многие нигерийцы стремились учить английский язык, чтобы получить конкурентное преимущество, помогавшее получить больше привилегий в жизни.

3. После независимости 1960 года НВАЯ приняли в качестве официального языка страны ввиду его универсальности и приемлемости. Объяснялось это тем фактом, что некоторые люди считали, что коренные языки ограничивают их. Образовательная система на основе местного языка не устраивала носителей с точки зрения решения международных вопросов. Правительство поощряло и вынуждало изучать английский в школах. Нигерийский вариант АЯ должен был преподаваться как школьный предмет с первого года начальной школы. Языком преподавания нигерийский английский становился с четвертого класса начальной школы до системы высшего образования. С использованием этого же языка преподаются все другие предметы, содержащиеся в учебном плане. Английский является не только основным предметом в системе среднего образования. Сдача зачета по нему является основным условием для беспрепятственного поступления в вузы Нигерии.

4. Была и противоположная тенденция, когда часть населения требовала сохранения лингвокультурного многообразия страны. Поэтому правительство Федеративной Республики Нигерия выработало Государственную политику в сфере образования. Согласно ее директивам, учебный план для начальной и средней школы должен был включать, помимо АЯ, так называемый язык окружения и один основной язык Нигерии.

5. В целом, компетенция в АЯ рассматривается как показатель академической успеваемости. Таким образом, это и мерило того, как учащиеся осваивают дисциплины. И, более того, прежде чем любой студент может закончить высшее учебное заведение в Нигерии, он/она должен/должна сдать курс «Использование английского языка». На основе вышесказанного можно заключить, что НВАЯ – это основа, на которую

опирается образование в Нигерии, делая этот предмет обязательным, но при этом учитываются и интересы местных языков, поскольку их статус связан непосредственно с культурным наследием страны.

Список использованных источников

1. Agwu, S. N. Teaching and Learning of English Language in a Multilingual Society: The Case of Nigeria / Sunday N. Agwu, Joseph N. Chukwu // Education for functionality. – 2019. – May. – P. 95–105.
2. Bambose, A. The English language in Nigeria / A. Bambose. – London : Longman, 1971. – P. 35–48.
3. Ene, F. Multilingualism and English Language Teaching and Learning in Nigeria / Felicia Ene // Benak Publishers. – 2015. – April. – 23 p.
4. Iwara, A. V. Language and the National Question / A. V. Iwara // In the linguistic paradise ; O. M. Ndimele (Ed.). – Aba : National Institute for Nigerian Languages, 2003. – P. 15–33.
5. National Policy on Education. Federal Republic of Nigeria. – 4th edition. – NERDC Press, 2004. – 62 p.
6. Njoku, J. Ch. English Language, the Nigerian Education System and Human Development / Juliana Chinwe Njoku // UJAH Special Edition. – 2017. – P. 211–226.
7. Ojiebun, G. O. The Role of Language Education in National Development / G. O. Ojiebun, P. O. Aihievba // Journal of Teacher Perspective. – 2011. – July. – Volume 5. – № 1. – P. 36–42.
8. Olusa, K. The Role of French Language towards Development of Nigeria / Kunle Olusa, Samson Akintayo // CARD International Journal of Educational Research and Management Technology (IJERMT). – 2017. – June. – Number 2. – Volume 2. – P. 11–20.

УДК 81-23

РЕГИОНАЛИЗМЫ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

А. Д. Петренко¹, Т. С. Хренова²,

¹доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²ассистент кафедры романской и классической филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В данной статье рассматривается историческое развитие регионализмов французского языка. Многие люди в разных странах мира говорят на французском, который может очень сильно отличаться от стандартов говорения в Париже в связи с политическими, экономическими

и иными факторами. Тем не менее все они являются представителями Франкофонии, которая появлялась и развивалась, начиная со времен колонизации территорий.

Ключевые слова: регионализм, французский язык, Франция, колонизация, Франкофония, носитель языка, произношение.

Summary. This article examines the historical formation of the regionalisms of the French language. Many people in different countries of the world speak French, which can be very different from the standards of speaking in Paris due to political, economic and other factors. Nevertheless, all of them are representatives of the Francophonie, which has appeared and developed since the colonization of the territories.

Key words: regionalism, French language, France, colonization, Francophonie, native speaker, pronunciation.

Франция является родиной различных региональных акцентов, каждый из которых связан с культурой и историей региона, где он возник. Говоря о понятии «регионализм», В. Т. Клоков приводит слова П. Оже, который заметил, что: «региональный французский язык представляет собой такую часть повседневного французского языка, которая характеризует определенную франкоязычную территорию и которой пользуются в обычных условиях» [2].

Обычно понимаемая как единообразная, языковая ситуация в современной Франции на самом деле представляет собой довольно сложную систему самых разных форм речи. Как отмечает В. Т. Клоков, «наряду с французским языком, во Франции существует ряд региональных языков – бретонский, баскский, фламандский, эльзасский, каталанский, корсиканский и окситанский. Наконец, во Франции имеются остатки исчезнувших или исчезающих диалектов романской, германской, итальянской и иберо-романской речи» [2].

Как и многие другие европейские страны, Франция когда-то состояла из различных небольших региональных образований со своей собственной историей и культурой. Королевство Франция на севере страны казалось очень далеким в то время, когда среднестатистический человек, скорее всего, за всю свою жизнь не выехал бы намного дальше границ своей провинции. В каждом регионе был свой собственный язык. Эти языки можно было бы условно разделить на две группы: «langue d'oc» и «langue d'oïl».

На «langue d'oc» говорили на юге страны, на границе, проходящей примерно от Бордо до Гренобля. Хотя этими провинциями управляли разные лорды, территория была относительно единой на лингвистическом уровне благодаря средневековым странствующим трубадурам, большинство из которых использовали языки «langue d'oc». Перевозя произведения искусства, которые щедро передавались от одного двора к другому, и песни во время странствий по югу страны, они способствовали формированию общей культуры, а также общего языка.

На «langue d'oïl» говорили на севере. Эти говоры считаются предками современного французского. По мере того, как Париж постепенно становился культурной и политической столицей страны, французский язык распространился по всей территории.

Однако некоторые языки, на которых говорят во Франции, не принадлежали ни к одной из этих групп и возникли под сильным иностранным влиянием по мере того, как смещались границы: языки на северо-востоке страны имеют несколько сильных германских корней; франко-провансальские языки, на которых говорят на юго-востоке, близки к итальянскому. Другие языки отражают различное этническое происхождение их носителей: бретонский, на котором говорят в Бретани на северо-западе Франции, является кельтским языком.

Французский язык не стал доминирующим в одночасье. Его стандартизация началась примерно в XVI веке и он официально заменил латынь в качестве языка юстиции и администрации в 1549 году.

В XVII–XVIII веках французская наука уделяла большое внимание литературной форме французского языка, но в XIX – XX веках она заинтересовалась исследованием диалектов романской речи во Франции. Региональные особенности языка были малоизучены, в то время как их исследование могло помочь сохранению культурного наследия и идентичности региона.

По мере того, как образование становилось более доступным, все больше и больше людей начинали говорить по-французски в дополнение к своему родному региональному диалекту. В 1880-х годах правительство начало продвигать французский в качестве единственного языка на своей территории. Начальное образование стало обязательным, и в школе было запрещено говорить на любом другом языке. Постепенно сельское население перешло с регионального диалекта на национальный язык. В 1894 году появился первый словарь французского языка в Лионе. Прогресс в изучении и распространении французского ускорился с началом первой мировой войны, так как молодые люди обнаружили, что это единственный общий язык с однополчанами из разных регионов.

Систематические исследования региональных вариантов французского были начаты в 30-х годах XX века. Важную роль сыграли исследования А. Доза, продолжавшие работы Ж. Жильерона. Он исследовал новые районы Франции, уточнил сведения о диалектах и опубликовал их в своей книге «Les patois». Автор также приводил многочисленные примеры региональной специфики французского языка на разных уровнях (произносительном, лексическом, морфологическом и синтаксическом).

Впоследствии другие французские лингвисты присоединились к исследованиям территориальной вариативности французского языка, констатируя, что диалекты быстро исчезают и заменяются региолектами, которые также влияют на современный национальный язык.

Изначально исследования территориальных особенностей французского языка начались с южных регионов, где французский сосуществует с диалектами окситанского и франко-провансальского происхождения. Ж. Альерес заметил, что эти диалекты являются автономными и оригинальными по своей структуре, что делает их интересными для исследования. В северных районах Франции лишь несколько романских диалектов, таких как пикардский и валлонский, отличаются от стандартного французского языка, а в других регионах различия минимальны. Центральные районы Франции около Парижа имеют зону регионального французского языка, диалекты которой сильно влияют на него. В связи с этим, региональные варианты долгое время привлекали внимание только диалектологов, так как различия между диалектами и региональными вариантами французского языка были не так заметны.

Только в 1972 году лексикография зафиксировала региональные элементы французского языка в небольшом списке слов и выражений, характерных для Бельгии, Канады и Швейцарии, и варианты представили в известных словарях «Petit Robert» и «Petit Larousse illustre». В 1997 году в Универсальном словаре франкофонии в основном была отражена лексика франкоязычной Африки, Бельгии, Канады и Швейцарии, а также крупных островов, включая Луизиану и Реюньон. Региональные вариации французского языка во Франции были мало представлены в словарях, и это связано с центристской идеологией, согласно которой только Парижский французский язык является правильным и единственно приемлемым.

В 70-80-х годах прошлого века изучение французского языка на зарубежных территориях превышало в объеме и темпах исследование в самой Франции. Однако, обнаружение этой неравномерности подтолкнуло французских ученых к более активному изучению территориальной вариативности во Франции, что привело к возникновению более систематических и научных исследований начиная с 1980-х годов.

В конце 1980-х годов изучение региональных вариантов французского языка приобрело значительный масштаб. Один из основных фокусов изучения заключался в сборе качественных фактов, чтобы выделить региональные особенности французского языка. Большое внимание уделялось анализу документов не только о самых распространенных диалектах, но и о региональных особенностях французского. Также провинциальные художественные произведения были активно изучены, а данные опросов среди пользователей французского языка в провинциях Франции, особенно на юге страны, были проанализированы и уточнены.

В начале 1980-х годов Г. Вальтер и его команда провели исследования регионов Франции, чтобы понять, как различные группы носителей французского языка используют региолекты. Они обнаружили, что в зоне «langue d'oïl» на севере Франции гораздо больше людей, не использующих региолекты, чем в зоне «langue d'oc» на юге. Было также

выявлено, что в регионах с высокой диглоссией «французский язык/региолект», граница между ними трудно проводима, и они тесно переплетаются. В этих районах французский язык сильно подвержен изменениям по количеству и качеству регионализмов. Местные жители также имеют свой специфичный способ использования диглоссии, например, французские крестьяне свободно чередуют две формы речи в коммуникативных ситуациях.

Группа исследователей под руководством П. Резо провела серию опросов, связанных с языковыми особенностями французских граждан. Изначально они были проведены «Исследовательской группой по составлению языковых атласов», которая занималась составлением лингвистических атласов и тезаурусов французского языка совместно с «Национальным институтом французского языка в Нанси». После этого группа начала составлять словарь регионализмов французского языка Франции. Первые результаты были опубликованы в словаре «Variétés géographiques du français de France aujourd'hui. Approche lexicographique». Позже, в начале XXI века, члены группы издали «Словарь регионализмов во Франции» («Dictionnaire des Régionalismes en France») и зарегистрировали много регионализмов в Тезаурусе французского языка.

В последние годы регионализмы вновь обрели популярность. Многие средние школы предлагают занятия на региональном диалекте, издаются публикации, транслируются радиопередачи на местном наречии. Более того, многие люди гордятся своим региональным акцентом и тем, как он выделяет их в глазах посторонних как связанных с тем или иным французским регионом, его культурой и историей.

Несмотря на значительные успехи, в исследовании французских региолектов еще остается много неизученного, требующего большого внимания со стороны лингвистов. Многие регионализмы не представлены в современной лингвистической науке и во французской лексикографии.

Список использованных источников

1. Доза, А. История французского языка / А. Доза. – Москва, 1956. – С. 438–446.
2. Клоков, В. Т. Особенности регионализации французской речи во Франции. Часть II / В. Т. Клоков. – 2010. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-regionalizatsii-frantsuzskoy-rechi-vo-frantsii-chast-ii>. (дата обращения: 05.02.2023).
3. Allieres, J. Les franfais regionaux en France / J. Allieres. – 2007. – URL: www.cslf.gouv.qc.ca/Publications/PubD109/D109-6.html. (дата обращения: 20.02.2023).
4. Barnaud, A. The Different Accents Between Regions in France / Alix Barnaud. – 2022. – URL: <https://www.talkinfrench.com/french-regional-accents/>. (дата обращения 06.02.2023).

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИДЕОЛОГЕМЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ОСНОВЕ СТАТЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ)

Д. А. Петренко¹, Н. А. Вовк², Б. А. Афанасьева³,

¹кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

³обучающаяся 4-го курса, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Как идеология, политкорректность (далее – ПК) не знает иных границ, кроме идеологических. Представители каждой культуры имеют право принимать или отвергать принципы политической корректности. Поэтому о последней можно говорить как о международной кросс-культурной идеологии, различая при этом национальные языки ПК. Между ними могут быть более или менее существенные различия. Одним из важных отличий является уровень их развития, что становится особенно заметным, когда сравниваются, например, русская и английская языковые культуры.

Языки политкорректности включают в себя разного рода идеологемы, способствующие более точной передаче убеждений от автора к читателю. Исходя из этого, цель статьи заключается в том, чтобы определить способы репрезентации идеологем в статьях политической тематики и выявить причины их использования. В исследовании использовались методы коммуникативно-дискурсивного анализа, методы функционально-стилистического анализа языкового материала и описательный метод. Результатом исследования можно считать подробное изучение сферы воздействия содержания политических статей на читателей посредством использования идеологем в качестве основных рычагов убеждения.

Ключевые слова: идеологема, политический дискурс, политкорректность, идеология.

Summary. As an ideology, political correctness (further – PC) knows no boundaries other than ideological ones. Representatives of each culture have the right to accept or reject the principles of political correctness. That is why the latter can be spoken about as an international cross-cultural ideology, while distinguishing between the national languages of PC. There may be more or less significant differences between them. One important difference is the level of

their development, which becomes especially noticeable when, for example, Russian and English language cultures are compared.

The languages of political correctness include all sorts of ideologemes contributing to a more accurate transmission of beliefs from the author to the reader. On this basis the aim of the article is to determine the ways of representation of ideologemes in political articles and to identify the reasons of their usage. The methods of communicative and discursive analysis, the methods of functional and stylistic analysis of linguistic material and the descriptive method were used in the research. The result of the analysis is a detailed study of the sphere of influence of political articles on readers through the use of ideologemes as the main levers of persuasion.

Key words: ideologeme, political discourse, political correctness, ideology.

Взаимосвязь языка и идеологии характеризуется возможностью выбора порядка высказываний и их смыслового содержания с целью формирования общей системы мнений между людьми с различными представлениями о жизни и структуре социума. В современной науке понятие идеологии принято рассматривать как средство убеждения, оказывающее определенное влияние на мировоззрение и сознание общества и формирующее в коллективном сознании людей определенные стереотипы поведения; А. В. Жукоцкая рассматривает идеологию как «доминирующий способ интерпретации социального бытия» [3]. Это понятие находит свое выражение в различных сферах жизнедеятельности общества, таких как социализм, экономика, психология, религия и мифология. Специфика языка идеологии состоит в том, что он отражает культурный мир говорящего, поскольку идеи не имеют смысла в отрыве от языка: «Наши слова отражают наши жизненные интересы, ценности, желания или культурный мир существования и общения» [10].

Современная отечественная и зарубежная наука подтверждает наличие языка политкорректности. Сама структура языка ПК не так однотипна, как принято считать. В нем целесообразно выделить два пласта лексики, которые выполняют в языке политкорректности качественно различные функции:

1) политкорректная лексика, имеющая в своем составе «правильные» названия социальных явлений. Эта составляющая политкорректной лексики детально описана и изучена, в том числе и в отечественной науке;

2) лексика, основная цель которой заключается в формировании политкорректной картины мира. Эта группа лексики отражает основные ценности политической корректности и «зло», которому противостоят, потому что оно не соответствует этим ценностям.

Разница между этими слоями лексики ПК заключается в том, что второй тип лексики определяет идеологию и закрепляет установки и принципы. Реальные словари политической корректности реализуют эти принципы и установки непосредственно на практике. Для характеристики

этого словарного слоя целесообразно использовать лингвистическое понятие «идеологема».

Понятие «идеологема» широко используется для описания языка политики. Идеологема – слово или выражение, смысловое содержание которого «неодинаково понимается сторонниками различных политических взглядов, особенно часто эти различия связаны с эмоциональной окраской слова, на которое переносится оценка соответствующего явления» [6].

Идеологемы, как правило, «самодостаточны». Их основная функция – не категоризация реальности, а выражение оценки или, в более широком смысле, утверждение ценности. Категоризация имеет место и в этом случае, но она находится на периферии. В целом для политического языка характерно преобладание оценочных признаков над информативными. Это связано с тем, что идеологема, по своей сути, является средством воздействия и манипуляции. Идеологический и политический дискурсы характеризуется тем, что их цель – убедить людей и направить их поведение в нужное русло. Преобладание оценочности способствует достижению этой цели.

Данный лексический пласт уже рассматривался такими исследователями как С. И. Болдырева [1, с. 60–62]; Э. Б. Калинин [4, с. 53]; Е. В. Шляхтина [7, с. 243], но в одном ряду с остальной политкорректной лексикой, т. е. он не выделялся в качестве самостоятельного. Другими словами, функциональной нагрузке подобных лексем до сих пор не было уделено должного внимания, а сами они включались в состав политкорректного языка на тех же основаниях, что и собственно политкорректная лексика.

Группа идеологем ПК включает такие лексические средства:

1. Политкорректность как идеология различает положительные и отрицательные аспекты социальной жизни и дает описание крайностей [5, с. 103]. Следовательно, на самом абстрактном уровне существуют понятия, определяющие основные ценности ПК и ее «противников», то есть нежелательные и неприемлемые явления и установки, которые должны быть устранены из социальной жизни.

Это можно изобразить при помощи следующей схемы. Слева перечисляются положительные ценности, справа – отрицательные явления, которые, с точки зрения политкорректности, необходимо преодолеть:

*«единство в разнообразии ↔ hierarchy / иерархичность
equality / равноправие ↔ discrimination / дискриминация
tolerance / терпимость ↔ intolerance / ненависть
respect / уважение ↔ humiliation / унижение
inclusiveness ↔ exclusiveness»* [5, с. 103].

В русском языке нет точных эквивалентов последних двух терминов, поэтому необходимо представить дополнительную интерпретацию. Термин *inclusive* часто используется сторонниками ПК в значении «*not excluding any particular groups of people*», т.е. «не исключать определенные

группы» [8]. Этот термин также иногда используется в сочетании с терминами *inclusive speech* и *inclusive society*. Идея включения, которая находится в основе этого термина, предполагает, что люди не исключают различные социальные и культурные явления как «чужие», а принимают их как «свои».

Термин «политкорректность» сам по себе является отдельной идеологией. Во-первых, он в сжатой форме выражает набор ценностей, принципов и установок, составляющих суть движения. Во-вторых, позитивные суждения о ПК высказывают сторонники движения или те, кто отождествляет себя с ними. Среди тех, кто не придерживается идеологии политкорректности, этот термин имеет очень негативную коннотацию: «*How the BBC's dark forces of political correctness threaten the Christian era / Как темные силы политической корректности BBC угрожают христианской эре* (заголовок статьи)» [11]. Аналогичные употребления достаточно характерны и для русской лингвокультуры: «*Я абсолютно не политкорректен. И не люблю политкорректность. Но каждый век имеет свою форму мракобесия, когда черное называют белым, а белое – черным. Мракобесие XXI века называется политкорректностью*» [2]. Тот факт, что существуют две крайние оценки какого-либо явления, переведенные в слова, означает, что это – типичная идеологема.

2. Вышеперечисленные термины составляют ядро лингвистической репрезентации идеологии ПК. Для полноты картины надо сказать несколько слов о лексическом пласте, перечисляющем виды «зла», которым противостоит политкорректность. К этому слою относятся, например, названия видов дискриминации, образованные с помощью суффикса *-ism*: «*ableism, sexism*» [8], «*heterosexism*» [9]; «*sizeism (sizism), elitism, classism, lookism*» [8].

Спектр слов, относящихся к идеологемам ПК и образованных по той же модели, довольно широк. Приведенные примеры не исчерпывают весь список. Не все из них эксплицируются в словарях английского языка. В ряде случаев эти слова являются социально-политическими терминами, т.е. они еще не вошли в обиход. Тем не менее, эта модель работает и эффективно служит идеологии политкорректности. Следует также отметить, что эта модель словообразования сама по себе не навязывает оценку. В частности, в английском языке существуют такие термины, как *feminism* и *multiculturalism*, которые, с точки зрения идеологии ПК, делают позитивные ценностные заявления.

В этом же ряду следует упомянуть сложные существительные с частью *-phobia*: «*xenophobia; islamophobia; gerontophobia; negrophobia*» [8].

Наконец, близкую функцию выполняют сложные слова с компонентом *-free*, которые указывают на свободу от определенных предрассудков: «*gender-free, cruelty-free*» и другие. Семантическая модель показывает, что субъект свободен от того или иного негативного убеждения. В этом случае отрицательный элемент входит в семантику слова, но отрицается.

Многие из этих слов известны и в русском языке. Например, *расизм, сексизм, гетеросексизм и ксенофобия*. Однако в русском языке эти обозначения явно используются реже, чем в английском. О степени укорененности политкорректности в той или иной культуре следует судить по идеологии ПК, а не по лексике политкорректности.

При изучении идеологемы политической корректности обнаруживается интересная закономерность, свойственная английскому языку. Лексика, обозначающая типы нарушений принципов ПК, гораздо более распространена, чем лексика, обозначающая политически корректное поведение (вербальное и невербальное). Другими словами, отрицательный образ сильнее, чем положительный. Такая ситуация кажется естественной.

Идеологема очень часто употребляется в обобщенном смысле. Так, в примере «*Like racism, sexism hurts / Как и расизм, сексизм ранит*» [12] содержится скрытое суждение «Сексизм – это плохо». Это обобщение относится к гендерной дискриминации в целом, независимо от того, предназначено ли высказывание для убеждения или для контакта с адресатом.

Негативные коннотации идеологемы не обязательно связаны с языком, используемым для ее выражения. В частности, деривационные модели, по которым образуются такие слова, как *sexism, fattism, racism*, не предполагают положительных или отрицательных оценок. Оценки обычно делаются на основе контекста, то есть среды, в которой слово обычно употребляется. Когда этот контекст приобретает статус воспроизводимого и формального, можно сказать, что оценка закрепляется за идеологемой. То, что первоначально было средством формирования оценки, затем становится средством ее поддержания и выражения, и слово больше не используется в других контекстах.

Некоторые идеологемы оцениваются на основе базовых, ядерных ценностей ПК. Того факта, что в тексте речь идет об определенном типе дискриминации, может быть достаточно, чтобы обозначить этот язык или поведение как политически некорректное. Однако эта оценка является явной, эксплицитной и может быть усвоена, поскольку она высказывается и/или подкрепляется другими элементами текста.

Чтобы избежать оценочных суждений, соответствующих скорее публицистическому и общественно-политическому, чем научному тексту, стоит добавить, что с моральной точки зрения реакция на нетерпимость приемлема или, по крайней мере, оправдана. Однако в данном случае суждение о ПК, по сути, не имеет значения. Во-первых, важно отметить, что идеологема политической корректности может иметь противоположные оценочные коннотации, в зависимости от контекста, в котором она используется. Именно эта особенность, которую можно объяснить в формально-лингвистических терминах, доказывает, что эти единицы являются идеологемами.

Во-вторых, эта особенность – неполиткорректность идеологем ПК – является еще одним свидетельством того, что сама лексика политической корректности и идеологемы политической корректности находятся на качественно разных уровнях в языке ПК. Идеологемы политической корректности представляют собой метаязык (язык лингвистического описания) и не обязательно зависят от принципов и установок, которые они выражают.

Таким образом, язык ПК – это двухуровневое явление, включающее 1) лексику политической корректности и 2) идеологему политической корректности. Если лексика ПК сама по себе является примером установленного и рафинированного языка, то идеологема политкорректности устанавливает критерии оценки разнородных культурных явлений, к которым относятся речевые акты и языковые единицы, а также установки. Установки и принципы, воплощенные в идеологемах ПК, применяются для создания политически корректной лексики.

Список использованных источников

1. Болдырева, С. И. Политически корректный язык в аспекте глобализации / С. И. Болдырева // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. – 2006. – № 2. – С. 59–63.
2. Веллер, М. Политкорректность – мракобесие XXI века / М. Веллер // – URL: <https://www.peoples.ru/art/literature/prose/detectiv/veller/interview3.html>. (дата обращения: 04.03.2023).
3. Жукоцкая, А. В. Феномен идеологии / А. В. Жукоцкая. – Самара : Московский городской педагогический университет, 2009. – 272 с.
4. Калиниченко, Э. Б. Современная лингвистическая парадигма на примере политкорректности / Э. Б. Калиниченко // Преподавание иностранного языка: проблемы и перспективы : материалы 2 Всерос. науч.-практ. конф. / ФГОУ ВПО «Саратов. ГАУ». – Саратов, 2010. – С. 53–55.
5. Майба, В. В. О структуре языка политкорректности (на примере английского и русского языков) / В. В. Майба // Политическая лингвистика. – 2012. – №2 (40). – С. 102–108.
6. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2003. – 248 с.
7. Шляхтина, Е. В. Способы образования политкорректных единиц в английском языке / Е. В. Шляхтина // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. – 2008. – № 8. – С. 241–249.
8. Collins. Free online dictionary, thesaurus and reference materials [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.collinsdictionary.com>. (Access date: 22.02.2023).
9. Heterosexism [Electronic Resource]. – Access mode: <https://en.wikipedia.org/wiki/Heterosexism>. (Access date: 24.12.2011).
10. James, P. G. Social Linguistics and Literacies: Ideology in Discourses / P. G. James. – London : Routledge, 2015. – 290 p.

11. The Guardian [Electronic Resource]. – 2011. – September 25. – Access mode: <https://www.theguardian.com/science/the-lay-scientist/2011/sep/25/1>. (Access date: 24.02.2023).

12. The New Yorker [Electronic Resource]. – 2009. – April 13. – Access mode: <https://www.newyorker.com/magazine/2009/04/13/not-so-free-love>. (Access date: 24.02.2023).

УДК 821.111

БИБЛЕЙСКИЙ СЮЖЕТ В СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ДРАМАТУРГИИ: «ИОНАДАВ» ПИТЕРА ШЕФФЕРА

Е. В. Полховская¹, Е. Н. Мазина²,

¹кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Статья посвящена специфике интерпретации библейского сюжета английским драматургом Питером Шеффером в драме «Ионадав». Указывается на использование драматургом излюбленных приемов (герой – тайный недоброжелатель; введение нарративных элементов в драматический текст). Шеффер отходит от традиционной трактовки ветхозаветного мифа, сосредотачиваясь на религиозно-философских проблемах современного человека. В работе используется интертекстуальный подход.

Ключевые слова: Шеффер, Ионадав, миф, Библия.

Summary. The article is devoted to the original use of the Biblical story by the English dramatist Peter Shaffer in *Yonadab*. It is pointed out that the playwright uses some of his usual devices (the hero is a disguised foe; introduction of narrative elements into the drama). Shaffer steps aside from the traditional interpretation of the Old Testament myth, being concentrated on religious and philosophical problems of a modern man. The intertextual approach is used.

Key words: Shaffer, Yonadab, myth, Bible.

Ряд поколений писателей и поэтов от средневековья и до наших дней обращались к священным текстам в поиске сюжетов, образов, истин, отвечающих запросам современности. Авторское использование библейских сюжетов в современной литературе интересно тем, как выстраиваются мифологемы, сочетающие универсальное, вневременное и индивидуальное, современное. Как отмечает И. Н. Ломакина в своем диссертационном исследовании, «в современной литературе

использование мифа и его элементов носит многофункциональный характер: миф становится источником заимствования образов, отдельных персонажей и целых сюжетных линий. ...В литературе постмодернизма миф предстает элементом своеобразной сознательной игры автора с читателем. Включение в нарратив мифа позволяет увеличить количество возможных вариантов интерпретации текста; имеет место десакрализация мифа, что нередко придает произведению гротескный характер» [4, с. 10]. С. Г. Комаров указывает на то, что обращение британских драматургов к драме-притче (разновидности жанра эпической драмы) было вызвано попыткой преодоления литературного и мировоззренческого кризиса; это обращение к «классической жанровой структуре, связанной с культурными истоками, в частности, мифологическими структурами и сакральными текстами» [3, с. 1]. Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена как интересом исследователей к проблемам функционирования мифа и его элементов в художественной литературе, так и значимостью выявления роли библейского сюжета для понимания философской составляющей драмы Питера Шеффера «Ионадав».

Целью данного исследования является выявление специфики трактовки английским драматургом библейского сюжета об Амноне, сыне царя Давида, и его друге Ионадаве, подтолкнувшем его к преступлению.

В Книге Царств [2 Цар. 13:3] сказано, что «Ионадав был очень хитер». Сюжет библейского повествования сводится к тому, что любимец и наследник Давида Амнон воспылил страстью к своей сводной сестре Фамари. Ионадав подсказал ему как устроить свидание: сказавшись больным и попросив отца прислать Фамарь, чтобы та приготовила еду. Амнон, одержимый плотским желанием, изнасиловал сестру и тут же ее возненавидел, не пожелав просить отца о браке с ней. Опозоренная Фамарь нашла пристанище в доме родного брата Авессалома. Тот, затаив ненависть, два года ждал мести и подстроил убийство Амнона на празднике стрижки овец, после чего скрывался в изгнании. П. Е. Люкимсон утверждает: «В смерти первенца Вирсавии, позоре Фамари и гибели Амнона царь Давид, вне сомнения, усматривал исполнение страшного приговора Всевышнего, переданного ему через пророка Нафана. Давид помнил прорицание: за блуд с женой Урии и отправку Урии на смерть блуд и смерть поселятся в его доме, и за каждый из этих грехов с него будет спрошено, как он и сам присудил вчетверо» [5]. Таким образом, основной посыл – неотвратимость наказания за грехи. Как мы увидим далее, современные литературные трактовки далеки от этой идеи и придают ветхозаветной истории другое звучание, а персонаж Ионадава становится более прорисованным и неоднозначным.

Питера Шеффера написание драмы вдохновил роман его современника Дана Якобсона «Бесчестие Фамари» (Dan Jacobson, *The Rape of Tamar* (1970)), в котором повествование ведется от лица Ионадава. Согласимся с критиком Гербертом Шнайдау, который видит в произведении Якобсона “a mordant presentation of the timeless structures of

desire and gratification, as well as an implicit comment on the way these structures illuminate the nature of politics in our own world today” [9] («язвительное представление вневременных структур желания и наслаждения, а также имплицитный намек на то, как эти структуры проясняют характер политики в нашем мире сегодня» – *пер. наш* – Е. П., Е. М.). Сексуальное желание в романе в концентрированном виде отражает одержимость всех мужских персонажей властью, стремлением к удовлетворению всех желаний путем насилия.

Шеффер использует свой излюбленный прием введения в драму повествователя, личность темную и зловещую, являющуюся основным протагонистом. На эту особенность его драматургии указывают многие исследователи, в частности Денис А. Клейн, сопоставивший первый монолог в пьесах «Ионадав» и «Амадей» (там повествование ведет Сальери) [7]. Театральные критики называют прием обращения персонажа к зрительному залу «апарте». С. Г. Комаров убедительно демонстрирует, что прием «апарте в XX веке приобретает новую функцию – функцию создания притчевой модальности в драме» [2, с. 1]. Исследователь обращает внимание, что «помимо эпизодов, в которых главный герой обращается к зрителям, играя роль рассказчика (при этом действие как таковое приостановлено), в тексте представлены сцены, где этот герой совмещает в себе сразу две функции – обычного участника событий и комментатора происходящего. Это сочетание двух функций персонажа позволяет автору создать эффект непрерывного рассказывания, при котором диалоговые фрагменты выступают как иллюстрация и дополнение притчевого повествования. При этом герой Шеффера – не простой рассказчик, а пришелец из потустороннего, точнее – инфернального мира» [2, с. 6–7]. Таким образом, апарте «формируют суть притчевого конфликта» (отношение человека к Богу) и «играют роль кодов основного событийного ряда, требующего притчевой трактовки» [2, с. 8].

Театральная постановка пьесы была принята критиками холодно, хотя ей нельзя было отказать в оригинальности. На заднике сцены высвечивался текст Ветхого Завета, что создавало впечатление оживающих в действии слов. Сама площадка представляла собой сцену на сцене. Кроме основных героев (Ионадав, Давид, Амнон, Авессалом, Фамарь, Милха) на сцену выходят также Служители – шесть фигур, облаченных в белые одежды, чьи лица скрывают белые маски. По ходу пьесы Служители играют разные роли: остальные сыновья Давида, телохранители Авессалома, священники, слуги, жители Иерусалима. Они могут исторгать звуки, но не говорят; однако их жесты легко читаемы.

Ионадава именуют «соглядатаем» (“watcher”, “the Man of eyes”): наблюдая с презрением и одновременно с завистью за людьми, которые уверовали в Бога и которых Бог возвеличил, сам герой не питает верой свою душу, хотя испытывает томленье, желание проникнуть в «череп верующего». Ионадав полон сарказма, цитируя скудное упоминание о себе в Библии: «Meaning devious – the usual adjective used by my tribe for anyone

of intelligence» [10, с. 87] / «Иными словами, изворотливый – так в моем племени называют тех, кого Бог наделил умом» [6, с. 5]. Он не испытывает почтения ни к царю Давиду, ни к собственному избранному Богом народу: «We were smiters! We smote the whole world in the name of our God of Commandment...» [10, с. 88] / «В те времена мы не были запуганными – и добрыми тоже не были. Мы вырезали всех подряд именем нашего Господа» [6, с. 5]. В своем цинизме Ионадав доходит до отрицания того, что человек создан по образу и подобию божьему: «I was delicate: God clearly was not» [10, с. 89] / «Как Он мог создать меня по своему образу и подобию? Смотрите: вот я, чувствительный Ионадав, и вот Он, свирепый Яхве, которого не умягчит ни женская ласка, ни спасительная самоирония» [6, с. 6]. Божественные деяния предстают в его понимании как «самое древнее шоу кукол-марионеток». Речь идет о том, что герою претит запах крови (человеческой и крови жертвенных животных), пропитавший все вокруг. Будучи искусным манипулятором, Ионадав легко претворяет свой план мести. Наблюдая, как Амнон мучается, вождедая сестру свою Фамарь, Соглядатай подбрасывает идею богоравных брата и сестры, чье соитие приведет к торжеству и величию их царства и к их бессмертию.

Отметим, что вполне справедливым представляется замечание Бенедикта Найтингейла о том, что образ главного героя лишен цельности: «One moment he's Iago, or maybe Mephistopheles; another, a seedy voyeur en route to some porn parlour in the Times Square area of Old Jerusalem; another, an alienated antihero sardonically stepped out of a midcentury French novel; yet another, an earnest sage and Shaffer-surrogate, soulfully examining the dark for some glimmer of truth and meaning» [8] («То он – Яго, или, возможно, Мефистофель; то – жалкий вуайерист, направляющийся в порно-салон в районе Таймс Сквер Древнего Иерусалима; в другой момент – отверженный и озлобленный антигерой со страниц французского романа середины столетия; и вдруг – мудрец, воплощение самого Шеффера, всматривающийся в темноту в поиске проблеска истины и смысла» – *пер. наш* – Е. П., Е. Н.). По нашему мнению, фрагментарность образа обусловлена сложной идеей драмы и ее притчевой реализацией, что затрудняет создание «реалистичного» цельного героя. А также тем, что в душе героя борются разные мотивы: желание отмщения за свое презренное существование («There and then a demon sprang up in me! The one which lives in the guts of all despised men waiting to be summoned» [10, с. 98] / «И в эту минуту во мне проснулся демон! Тот, что так чутко спит в кишках всех презренных и презираемых» [6, с. 13]), богоборчества («A lust greater even than the one in him: to bring things down. To make it happen – ruin! Ruin to the great who sneer! To the House of David for whom I didn't exist! Ruin even to the God of David – why not Let Him defend Himself! Prove that He exists, finally! Let Him stop me if He is there – Yaveh the Prohibitor!» [10, с. 98] / «Демон жажды похлеще той, что мучила Амнона, – жажды разрушения, катастрофы, вселенского хаоса! Уничтожить великих мира сего, вытирающих об меня ноги! Уничтожить «дом Давидов», для которого я не

существую! Уничтожить его Бога! Почему бы нет? Пусть защищается! Пусть доказывает, что он есть! Пусть всеокрушающий Яхве попробует меня остановить!» [6, с. 13]; «Could I actually bring down the Lord's Anointed and his insufferable family? Or would He stop me – the Great Punisher above? What a test! What a marvelous, outrageous challenge! Let's see Who's really there!» [10, с. 102] / «Конец «дому Давидову»! Позор всему его роду! А чьих рук дело? Ионадава, человека-невидимки. «С нами Бог!» Где Он, ваш Бог? Или вам мало доказательств его блистательного отсутствия? Если бы был Он, не было бы меня!» [6, с. 35]), неосознанного стремления найти свою веру и смысл существования («You know, this is really a story of demons. The demon of Mischief who lives in the despised man. And the Demon of Credulity who lives in the Cynic. Both of them slept in me – and both woke. The first destroyed my friend: the second, myself. On that night when the superstition reached its apex in the house of Amnon, it has arisen also in me» [10, с. 133] / «Мне кажется, что моя история – это история двух демонов. Один, демон мщения, искушает презираемых и униженных. Другой, демон простодушия, подстерегает прожженных циников. Так уж получилось, что они проснулись во мне одновременно. Первый разобрался с моим другом: второй уничтожил меня... Стыдно в этом признаться, но в ту ночь, когда бацилла суеверия поразила дом Амнона, я тоже стал ее жертвой» [6, с. 36]). Ионадав открывает в душе своей желание уничтожить мир кровавого поклонения и уничтожить свой собственный мир безверия.

Другие герои прописаны еще более схематично. Подчеркнута невинность и туповатость Амнона (первенца Давида по прозвищу Бык), а также одновременно что-то опасное в его душе, незрелость Авессалома, тщеславие и гордыня Фамари.

Драматург затрагивает весьма актуальную тему веры и безверия, порочного желания современников отойти от традиционных устоев, охраняемых религией, заменив их собственными идеями. Манипуляторы, покусившиеся на веру, обречены быть отверженными, поскольку сами не способны любить людей. Без веры невозможно построить справедливый мир, это будет мир, в центр которого завистник, недовольный своим ущербным положением, поставит самого себя.

Приходится признать, что религиозно-нравственный посыл пьесы не был оценен, возможно, ввиду «экзотичности» ветхозаветного сюжета. Сам Шеффер признавал незрелость пьесы. В рецензиях достаточно авторитетных изданий пьесу обвиняли в излишней претенциозности (“perfumed biblical bosh”, “dramatic tenuousness”). Отечественная критика также зачастую видит в Шеффере умелого мастера зрелищных пьес для массовой аудитории. С таким мнением спорит С. Г. Комаров: «Антагонистические характеры, раскрывающие проблемы взаимоотношения человека с Богом, стремящиеся по-новому осмыслить христианские принципы мировосприятия, тяготеющие к библейской архетипике, всегда обладают «глубиной художественных идей», которая раскрывается с очевидностью при анализе притчевого подтекста» [1]. Мы

полностью солидарны с ученым в том, что драма Шеффера представляет собой «акцентированный нравственно-философский комплекс, имеющий отчетливо выраженную идейно-нравственную доминанту» [3, с. 6]. Шеффер рисует героя, который, неспособный уверовать, бродит мертвецом среди живых; он не созидает, а разрушает; он соглядатай, а не творец истории человечества.

Таким образом, Питер Шеффер наполнил ветхозаветный сюжет новым смыслом, сместив акцент с темы кары божьей на тему трагического безверия современности.

Список использованных источников

1. Комаров, С. Г. Архетип «блудного сына» в драмах-притчах / С. Г. Комаров. – URL: <http://md-experiment.org/post/20180320-archetip-bludnogo-syna>. (дата обращения: 9.04.2023).
2. Комаров, С. Г. Роль приема «апарте» в драмах Эдварда Бонда и Питера Шеффера / С. Г. Комаров. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-priema-aparte-v-dramah-edvarda-bonda-i-pitera-sheffera/viewer>. (дата обращения: 9.04.2023).
3. Комаров, С. Г. Своеобразие драмы-притчи в британской литературе второй половины XX века / С. Г. Комаров. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/svoeobrazie-dramy-pritchi-v-britanskoy-literature-vtoroy-poloviny-hh-veka/viewer>. (дата обращения: 9.04.2023).
4. Ломакина, И. Н. Мифологическая модель Америки в творчестве Дона Делило : специальность 10.01.05 «Литература народов стран зарубежья» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ирина Николаевна Ломакина ; Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. – Симферополь, 2017. – 21 с.
5. Люкимсон, П. Е. Часть третья. Корона и арфа / П. Е. Люкимсон. – URL: <http://azbuka.ru/fiction/tsar-david/41>. (дата обращения: 9.04.2023).
6. Шеффер, Питер. Ионадав/ Питер Шеффер // ИЛ. – № 4. – 2006. – С. 3–69.
7. Klein, Dennis A. Yonadab: Peter Shaffer's Earlier Dramas Revisited in the Court of King David [Electronic Resource] / Dennis A. Klein. – Access mode: <http://jstor.org/stable/41153318>. (Access date: 9.04.2023).
8. Nightingale, Benedict. Stage view. Peter Shaffer creates another envious outsider [Electronic Resource] / Benedict Nightingale. – Access mode: <http://nytimes.com/1985/12/22/theatre/stage-view-peter-shaffer-creates-another-envious-outsider.html>. (Access date: 9.04.2023).
9. Schneidau, H. N. Desire and Gratification [Electronic Resource] / H. N. Schneidau. – Access mode: <http://commentary.org/articles/herbert-schneidau/the-rape-of-tamar-by-dan-jacobson>. (Access date: 9.04.2023).
10. Shaffer, Peter. Ionadab / Peter Shaffer. – London : Penguin Books, 1989.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ЭКОНОМИИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В ЭТНОСОЦИОЛЕКТЕ «КАНАКИШ»

А. В. Пономарёва¹, Н. К. Воронцова²,

¹кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²старший преподаватель кафедры немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Этносоциолект «канакиш» представляет собой вариант немецкого языка, используемый для повседневного общения молодыми людьми турецкого происхождения. Исследование показало, что «канакиш» реализует задачи повседневной коммуникации в полной мере, передавая максимум информации при минимуме затрат благодаря применению принципа экономии речевых средств. Языковая экономия в изучаемом этносоциолекте представлена на фонетическом уровне, на уровне лексики, а также на грамматическом (морфологическом и синтаксическом) уровне.

Ключевые слова: «канакиш»; этносоциолект; языковая экономия, отклонение от нормы.

Summary. The article is devoted to the study of ethnosociolect “Kanakisch”, which is a variant of the German language used for everyday communication by young people of Turkish origin. The study showed that “Kanakisch” fully implements the tasks of everyday communication, transmitting maximum information at a minimum cost due to the application of the principle of economy in communication. Language economy in the studied ethnosociolect is represented at the phonetic level, at the level of vocabulary, as well as at the grammatical (morphological and syntactic) level.

Key words: Kanakisch, ethnosociolect, linguistic economy, deviation from the norm.

Любой язык функционирует и развивается в динамике, постоянно модифицируясь и совершенствуя свою структуру. Появление новых реалий в языке обуславливается непрерывным развитием социума, науки и техники, искусства и художественной литературы, а также иными изменениями в повседневной жизни. Несмотря на это, носители любого языка во все времена проявляли стремление к краткости речи, лаконичности, выработке более экономных средств выражения мысли, а также наиболее оптимальных способов передачи информации.

В настоящей работе предпринята попытка установления сущности и критериев проявления языковой экономии в разговорной речи и закономерностей ее отражения в этносоциолекте «канакиш». Реализация поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1) определение принципа экономии в речи; 2) обозначение языкового статуса «канакиш»; 3) исследование проявлений языковой экономии на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях этносоциолекта «канакиш». С целью решения данных задач был задействован описательный метод, а также метод непосредственного лингвистического наблюдения.

Новые варианты немецкого языка всё больше привлекают внимание учёных-лингвистов в последние десятилетия. Говоря о языковом варианте, используемом молодыми людьми турецкого происхождения в качестве средства повседневного общения, в немецкоязычной литературе часто упоминаются термины *Türkendeutsch* [6] и *Türkenslang* [7]. Также с целью обозначения данного языкового варианта в настоящее время используется целый ряд других понятий: язык гастарбайтеров (нем. *Gastarbeiterdeutsch* [7, с. 208]), «канакиш» (нем. *Kanakisch* / *Kanaksprak* / *Kanak Sprach* / *Kanakenslang* [1; 6; 7]) и кицдойч (нем. *Kiezdeutsch* / *Kiez-Sprache* [8; 9]).

Согласно И. Н. Костиной, «канакиш представляет собой неформальное обозначение одного из вариантов немецкого языка, который был сформирован преимущественно двуязычным молодым поколением турецких мигрантов в немецкоязычном пространстве» [1, с. 7].

Вопрос определения языкового статуса «канакиш» является дискуссионным. Большинство ученых (среди которых Я. Андросопулос, П. Ауэр, И. Дирим, М. Кляйн и другие) рассматривают его как этнолект. Под этнолектом И. Дирим понимает «форму проявления языка, используемую носителями определенной этнической группы, а также ассоциирующуюся с ними» [3, с. 15]. И. Н. Костина, однако, рассматривает «канакиш» в качестве социолекта, обосновывая это тем, что социолект предполагает наличие системы языковых средств, свойственной определенной группе людей, и характеризуется рядом факторов не только социального, но также биологического и психологического характера, например: пол, возраст, темперамент) [1]. Таким образом, видится возможным рассматривать «канакиш» в качестве этносоциолекта, объединяющего в себе характеристики, присущие как этнолекту, так и социальному диалекту.

Проблема языковой экономии неоднократно привлекала к себе внимание исследователей. Принцип экономии в языке был сформулирован французским лингвистом А. Мартине, согласно которому «изменение языка – компромисс между потребностями коммуникации и стремлением человека к минимизации усилий» [2, с. 537]. В то же время он указывал на то, что постоянное противоречие между потребностями общения человека и его стремлением свести к минимуму свои умственные и физические усилия может считаться определяющим в изменении языковой системы.

Принцип экономии носит универсальный характер, т.к. он выступает в качестве одной из основных причин изменений во всех языках. Также этот принцип проявляет свою универсальную роль и с другой точки зрения, находя свое выражение на всех уровнях языковой системы: на

фонетическом уровне, на уровне лексики, на грамматическом (морфологическом и синтаксическом) уровнях.

Принцип экономии языковых средств в этносоциолекте «канакиш» отчетливо прослеживается на **фонетическом уровне**, так как многие отличия «канакиш» от стандартного немецкого языка можно объяснить экономией произносительных усилий, стремлением облегчить произношение. Так, к примеру, происходит элиминация «ü» умлаута (разрушение умлаута) [y] → [u]: *Dem Rotze is grun; fünf → fumf*. Вследствие фонетической ассимиляции наблюдается использование гласной «о» вместо буквосочетаний «au» и «ou», например: *Otomatik, Kippemotonat, Mottenbaik*.

Особенностью «канакиш» является энклиза, сущность которой заключается в том, что слово, подвергнутое редукции, тесно сливается с соседним словом, образуя новое языковое единство. При примыкании происходит взаимная адаптация звуков, части слова могут выпадать или изменяться. Целые слоги порой сливаются в один почти неслышимый звук или совершенно исчезают, особенно в беглой речи, например: *du willst (willst sie), niemieh (nicht mehr), hammer (haben wir)*.

Типичной особенностью «канакиш» является употребление энклиз с местоимением 2 лица единственного числа *tu* в утвердительных и вопросительных предложениях, сравним: *rauchst du → rausu, suchst du → susu, weißt du → weisstu, siehst du → sisstu, lachst du → lastu, brauchst du → brausu, rufst du → rufsu, fickst du → fixtu*.

Примерами использования энклиз в спонтанной речи носителей языка «канакиш» могут служить также следующие высказывания: *Findstu dem auch, du Spast? Und da sisstu: Hausaufgabn brausu net! Normal, du Bastard, meinstu isch laber dich voll, oder was? Bistu grad Mathe, oder was?*

На **лексико-семантическом** уровне языковой системы экономия реализуется прежде всего благодаря аббревиации и усечению лексем.

Созданные на основе уже существующей номинативной единицы сокращенные формы позволяют передавать более громоздкие наименования в сжатом виде и удобны для повседневного регулярного применения. Сокращению обычно подвергаются именно те лексические единицы, которые характеризуются частотностью употребления, например: наименования денежных единиц в этносоциолекте «канакиш» (*Fuffi* – купюра номиналом пятьдесят евро, *Hunni* – купюра номиналом сто евро, *Tau* – купюра номиналом тысяча евро); лексема для обозначения студента, подрабатывающего на кафедре – *Hiwi* (от *Hilfswilliger* – желающий помочь), *billu* (дешевый) вместо прилагательного *billig*.

В «канакиш» активно используется аффераза (усечение начальных слогов лексем), например: *Pott (Ruhrpott), Birne (Glühbirne), kanisch (amerikanisch)*.

В речи носителей этносоциолекта можно обнаружить примеры альтернативной расшифровки известных аббревиатур, например: *BMW* –

Bemme mit Wurst; GmBh – Geh mir Bier holen!; SPD – Sehr peinliche Dinge; ZDF – Zuschauer denken falsch.

Для этносоциолекта «канакиш» характерно также употребление усеченных и неполных форм различных частей речи – как в устной форме, так и на письме: *au* вместо *auch*, *jetz* вместо *jetzt*, *un* вместо *und*, *manschma* вместо *manchmal*, *grad* вместо *gerade*, *ma* вместо *mal*, *sehn* вместо *sehen*, *erstma* вместо *erstmal*.

На **морфологическом** уровне языковая экономия находит отражение, прежде всего, в опущении тех или иных аффиксов, употреблении более кратких, лаконичных морфологических показателей.

Среди особенностей употребления существительных в рассматриваемом варианте немецкого языка выделяются такие:

1. Категория рода представлена только мужским родом, что является частным случаем выражения характерной для «канакиш» общей тенденции преобладания маскулинности и маскулинных признаков. Однако допускаются редкие случаи употребления существительных в женском роде. Это исключение касается, чаще всего, случаев использования обозначений лиц женского рода: *die Tuss*, *die Mutther*, *die Mama*.

2. Категория падежа унифицирована, т. е. все существительные используются в дательном падеже. Отступления от данного правила допустимы, но встречаются достаточно редко: *Un dem schwule Spast hat Beziehung mit unserm Biolehrerin, isch schwör! Alder, unserm Matherlehrern is dem größte Schwuchtel, wo isch geseht hab!*

3. Яркой особенностью является опущение предлогов направления и движения при описании передвижения одушевленных лиц: *Geh Bahnhof!* вместо *Gehe zum Bahnhof!*, *Isch geh Schule!* вместо *Ich gehe in die Schule!*, *Weisstu, bin isch grad SeDee-Geschäft.* вместо *Ich bin gerade im CD-Geschäft.*

4. В «канакиш» используется, как правило, унифицированная форма неопределенного артикля *eim*, и определенного артикля – *dem*: *Un dem geilsten is: weil isch bei Sport-AG eim korrekte Eins gehabt hab, bin isch net sitzengebleibt, weil isch Ausgleich machen konnt, weisstu wie isch mein?*

5. Глагол в рассматриваемом этносоциолекте имеет некоторые особенности категории времени. Как правило, носители данной формы немецкого языка используют в своей речи только такие времена, как презенс и перфект: *Isch schwör, isch mach nie Hausafgabn, weil hab isch mehr Seit, Alder. Un wenn isch dann manchma geh Schule, schreib isch von dem anderen Spastn dem Hausafgabn in Pausen ab, un(d) dann hab isch dem auch. Manchma hab isch au keim Bock auf Abschreiben, dann geh isch ohne Hausaufgabn un sag dem Lehrern, wenn dem dem von misch sehn will, dass isch dem vergesst hab. Abern manchma krieg isch au nur Fumf, weisstu!*

Экономия языковых средств на **синтаксическом уровне** достигается за счет сокращения синтаксической структуры высказывания при опущении одного или нескольких членов предложения. Зависимость

последних высказываний от предыдущих, выступающих в роли контекста, делает излишним повторение некоторых членов предложения или составных частей сложных предложений в других репликах диалогического единства [4, с. 54].

Особенно ярко проявляется использование эллипсиса в диалогической речи на этносоциолекте:

– *Was geht? Du scheisse im Kopf?*

– *Normal. Hab kein Plan. Zeigen mal wie geht.*

Таким образом, основная задача повседневной коммуникации – передать максимум информации при минимуме затрат – в полной мере реализуется в этносоциолекте «канакиш» посредством целого ряда приемов языковой экономии.

Список использованных источников

1. Костина, И. Н. «Kanakisch» в условиях межкультурной коммуникации (социальная природа контактного языка) / И. Н. Костина [Электронный ресурс]. – URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-517835.html?page=38>. (дата обращения: 20.02.2023).
2. Мартине, А. Основы общей лингвистики / Андре Мартине // Новое в лингвистике. – Вып. 3. – Москва : Прогресс, 1963. – С. 366–566.
3. Петрова, М. В. Кицдойч – вызов немецкой языковой норме?! / М. В. Петрова // Гуманитарные научные исследования. – 2014. – № 1. (немецкая периодика о молодёжном сленге кицдойч). – URL: <http://human.snauka.ru/2014/01/5567>. (дата обращения: 19.01.2023).
4. Яковлева Э. Б. Феномен речевых хезитаций : монография / Э. Б. Яковлева. – Москва : ИНИОН РАН, Центр гуманитарных научно-информационных исследований, 2021. – 215 с.
5. Auer, P. Türkenslang: ein jugendsprachlicher Ethnolekt des Deutschen und seine Transformationen / P. Auer // Spracherwerb und Lebensalter : Kolloquium anlässlich des 60. Geburtstages von Harald Burger. – Basel : Francke Verlag, 2003. – S. 225–264.
6. Kern, F. Konstruktionen mit Nachstellungen im Türkendeutschen / F. Kern // Grammatik und Interaktion. – Radolfzell : Verlag für Gesprächsforschung, 2006. – S. 319–347.
7. Kern, F. Rhythmus im Türkendeutschen / F. Kern // Sprachen in mobilisierten Kulturen : Aspekte der Migrationslinguistik. – Potsdam : Universitätsverlag Potsdam, 2011. – S. 207–229.
8. Wiese, H. „Ich mach dich Messer“: Grammatische Produktivität in Kiez-Sprache / H. Wiese // Linguistische Berichte. – 2006. – № 207. – S. 245–273.
9. Wiese, H. Kiezdeutsch. Ein neuer Dialekt entsteht. / H. Wiese. – München : C. H. Beck Verlag, 2012. – 280 S.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИГРЫ: ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОДИДАКТИКА

О. Ю. Прадид,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Цель статьи заключается в том, чтобы дифференцировать лингвистическое понятие лингвистической (языковой) игры и понятие геймификации, используемое в лингводидактике. Кроме того, анализ понятийно-терминологического аппарата двух наук позволил выявить и проанализировать случаи некорректного (или ошибочного) использования термина «лингвистическая (языковая) игра» в рамках лингводидактических исследований. Так, указанный термин реализовывается (иногда неуместно): 1) для обозначения языкового явления (факта его реализации в речи); 2) для описания в лингводидактике игровой технологии обучения – геймификации; 3) при описании материала, используемого для обучения языку, содержащего факты языковой игры.

Ключевые слова: лингвистическая (языковая) игра, геймификация, факт реализации языковой игры, лингвистика, лингводидактика.

Summary. The purpose of the article is to differentiate the linguistic concept of linguistic (language) play and the concept of gamification used in linguodidactics. In addition, the analysis of the conceptual and terminological apparatus of the two fields of humanitarian studies made it possible to identify and analyze the cases of incorrect (or erroneous) use of the term “linguistic (language) play” in the framework of linguodidactic research. So, the specified term is implemented (sometimes inappropriately): 1) to denote a linguistic phenomenon (the fact of its realization in speech); 2) for the description in linguodidactics of game learning technology – gamification; 3) when describing the material used for language teaching, containing the facts of the language play.

Key words: linguistic (language) play, gamification, the fact of the implementation of the language play, linguistics, linguodidactics.

На современном этапе в лингвистике и лингводидактике актуальными стали исследования и разработки, связанные с процессом игры. Работы лингвистов А. В. Бондарко, Е. А. Земской, Г. А. Золотовой, М. В. Китайгородовой, Е. Н. Ремчуковой, Н. И. Розановой, В. З. Санникова и др. рассматривают лингвистическую (языковую) игру в различных аспектах и на различных уровнях: лексическом (лексико-фразеологическом), графическом, словообразовательном,

морфологическом, синтаксическом. Методисты же и педагоги акцентируют внимание на высоком потенциале игрофикации (или геймификации, геймизации) для обучения языку, в том числе русскому языку как иностранному, и использовании фактов реализации языковой (лингвистической) игры в качестве актуального и продуктивного для обучения материала для заданий и упражнений, в том числе геймифицированных (по способу реализации). Однако анализ современных публикаций показывает, что употребление термина «лингвистическая (языковая) игра» в рамках лингводидактических исследований зачастую некорректно, так как подразумевает метод геймификации, а не языковой факт.

Во избежание «конфликта интересов» лингвистической и лингводидактической наук, потенциально возможного особенно в терминологическом аппарате молодых исследователей, практикующих школьных педагогов и учителей и др., следует чётко разграничить понятия лингвистической игры в лингвистике и лингводидактике.

В лингвистике лингвистическая (языковая) игра (лингвистический креатив) – это языковые факты, назначение которых представить системы (подсистемы) языкового строя «в фокусе активных языковых процессов, которые сегодня определяют и большая свобода говорящего в публичной коммуникации, и особенности языка СМИ, и языковые эксперименты современной литературы, и некоторые другие факторы» [5, с. 8], т.е. во взаимодействии речевых элементов в условиях среды функционирования (речи), которые относительно грамматической системы языка констатируют, что именно «благодаря системе, на её фоне мы получаем удовольствие от действительной игры слов, поэтических образов, метафор, остроумных неожиданностей» [1, с. 110]. Отметим при этом, что такая мотивация характерна языковой игре на всех уровнях, а также объясняет желание коммуниканта использовать, внедрять в свою речь специфические и уникальные, окказиональные единицы, формулировки, фигуры речи, т.е. «играть».

Кроме того, языковая система является отражением современного состояния общества, где в последнее время прогрессирует стремление противостояния к устойчивости, к излишней нормированности, общественным рамкам, присутствует желание свободы, что, безусловно, отражается на формах и языковых средствах, используемых в коммуникации, способствует трансформационным процессам, инновациям, креативу (как способу самовыражения в речи, желанию следовать «модным» языковым тенденциям, а также как инструменту, реализующему возможность психологической разгрузки посредством наполнения высказываний еще большей экспрессией).

Е. Б. Лебедева отмечает, что языковая игра в представлениях носителей языка «ассоциируется с целенаправленным «баловством», игрой с языком в широком смысле слова, с разнообразным словесным и звуковым «кривлянием», с обыгрыванием скрытых значений (смыслов)

многозначных слов или омонимов в форме метафор, каламбуров, а также с языковыми шутками, остротами, афоризмами» [2, с. 48], а также анекдотами, терминами и терминологическими сочетаниями, фразеологическими единицами. Кроме того, автор констатирует, что «языковые игры знакомы каждому носителю языка с колыбели и занимают значительное место в повседневном опыте человека на протяжении всей его жизни» [2, с. 48], Е. Н. Ремчукова отмечает, что «индивидуально-авторские инновации возможны во всех творческих типах речи» [5, с. 19], а «наиболее благоприятной средой для любого экспериментирования, вторжения нового являются лексика и словообразование, однако русская грамматика (как морфология, так и синтаксис) также обладает богатым творческим потенциалом» [5, с. 8].

Реализовываться языковая игра может посредством, например: каламбуров (юмористическая игра слов); балагурства (Е. Н. Ремчукова разделяет *балагурство* и *острословие* [5, с. 18]); пародирования; макаронизмов (*макаронизм* – иностранное слово или выражение, употреблённое в речи с сохранением присущей этому слову или выражению формы и произношения); засекреченных детских форм речи; арго; шутливого обыгрывания смыслов целых текстов (например, скороговорок, построенных на основе фонетической близости произносимых слов, и др.).

Особенно продуктивны и разнообразны приёмы, используемые на лексическом уровне для придания эффекта комизма, например: обыгрывание омонимов; омографов; омофонов; омоформов; синонимов; антонимов; паронимов; плеоназма; речевой недостаточности; лексической сочетаемости; лексической полисемии; окказиональной интерпретации слова; несовместимости контекста; контекстуальной коннотации; буквализация; дебуквализация, а также антипословицы; эвфемизация; оксюморон; сравнения; гипербола.

Отдельный интерес для учёных и общества в целом представляют факты реализации языковой игры посредством графики (графогибридизация).

При этом на данный момент феномен языковой игры «не имеет чётких границ, что объясняется и сложностью самого объекта, и отсутствием чётких критериев его выделения – при этом сам термин востребован в русистике сегодня как никакой другой: изучаются типы, функции, формы, средства языковой игры, её жанровые реализации, психолингвистические и социолингвистические аспекты и т.п.» [5, с. 17].

Как отмечалось ранее, в лингводидактике функционируют два термина, этимологически связанные с понятием «игра», но обозначающие два разных явления: геймификация (игрофикация, геймизация или эдьютеймент) – образовательный метод на основе развлечения, т.е. игровая форма обучения, «категория, служащая для обозначения игровых приёмов, применяющихся для процессов неигрового характера для повышения у субъектов данных процессов мотивации и вовлечённости» [3, с. 129]; и,

собственно, лингвистическая (языковая) игра – фактический материал для упражнений и заданий, реализуемых в том числе в игровой (геймифицированной) форме.

Геймификация как инструмент обучения возникла и укоренилась в лингводидактике, где главной задачей является не только формирование навыков, речевых компетенций, которые максимально приближены к условиям реального функционирования языка, но и приспособление процесса обучения к современным реалиям и психофизиологическим особенностям нового контингента обучающихся, связанным с изменениями мышления, которые, помимо прочего, возникли в результате перехода социума к виртуальной коммуникации, что значительно трансформировало и усилило информационный поток. В связи с этим практика использования лишь традиционных дидактических методов и средств обучения не только не удовлетворяет растущие потребности системы образования и общества, но зачастую является неэффективной и малоцелесообразной, а повысить качество обучения позволяют комбинированные методы (традиционные и инновационные). В свою очередь, геймифицированные задания полифункциональны и разнообразны (и по способу реализации, и по наполнению, и по репрезентации, и т. д.), что даёт возможность преподавателю подобрать/адаптировать их под методическую цель и аудиторию.

В заключение следует привести пример неуместного для контекста использования термина «лингвистическая (языковая) игра», отметим однако, что случай, к сожалению, не единичный. Так, Т. А. Михеева, рассматривая различные классификации игр как средства обучения языку, т.е. в методическом аспекте, использует риторику: «существует несколько классификаций лингвистических игр» [4, с. 127] или «все лингвистические игры в той или иной степени направлены на развитие языковой, речевой и коммуникативной компетенции, то все они делятся автором (Е. В. Душиной) на некомуникативные, предкоммуникативные и коммуникативные ...» [4, с. 128], а также «Таким образом, лингвистические игры представляют собой прекрасную возможность усвоения учащимися языкового материала в доброжелательной атмосфере» [4, с. 130]. Данные высказывания полностью нейтрализуют границу между лингвистическим понятием «языковой игры» и «игровой технологией» в лингводидактике, являются ошибочными, вводят в заблуждение.

Список использованных источников

1. Золотова, Г. А. Грамматика как наука о человеке / Г. А. Золотова // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1. – С. 107–113.
2. Лебедева, Е. Б. Уточнение понятия «языковая игра» в лингвистике / Е. Б. Лебедева // Язык и культура. – 2014. – С. 48–63.
3. Минеев-Ли, В. Е. Использование геймификации при обучении студентов вузов русскому языку как иностранному / В. Е. Минеев-Ли, А. К. Коллегов

// Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2021. – № 2 (42). – С. 128–133.

4. Михеева, Т. А. Лингвистические игры на уроках русского и иностранного языка / Т. А. Михеева // Язык в контексте межкультурных и национальных взаимосвязей. – 2016. – С. 126– 131.

5. Ремчукова, Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики : монография / Е. Н. Ремчукова : Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 224 с.

УДК 821.111

МИФИЧЕСКОЕ В РОМАНЕ Д. МИТЧЕЛЛА *GHOSTWRITTEN*

Т. А. Радченко,

старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности проявления мифического в структуре нарратива, образах-символах и пространстве повествования в романе Дэвида Митчелла *Ghostwritten*. Мифическое в произведении определяется как один из организующих центров повествования и источник создания ключевых образов-символов, находящийся в синергии с «немифической» плоскостью романа. Исследование проводилось в рамках методологии мифокритики.

Ключевые слова: миф, структура повествования, образы-символы, пространство в нарративе, Дэвид Митчелл.

Summary. The article deals with the peculiarities of the mythical in the narrative structure, symbolic imagery and narrative space in the novel *Ghostwritten* by David Mitchell. Creating the effect of synergy while interacting with the non-mythical plane of the story, the mythical in the novel is defined as a narrative-generating centre and source of key symbolic images. The research was carried out within the methodological framework of myth theory and criticism.

Key words: myth, narrative structure, symbolic images, narrative space, David Mitchell.

Художественную литературу иногда называют продолжением мифа, который трансформировался в результате социально-культурной эволюции общества. Эта трансформация определялась вехами исторического развития, например, возникновением письменности, печати, промышленной революцией, научным прогрессом и была сопряжена с трансформацией мировоззренческой парадигмы, которая постепенно смещалась от мифологической к рационалистической. Тем не менее, миф остается неотъемлемой частью сознания и культурного кода. По мнению

Кэтрин Хьюм мифологическая литература заставляет нас обращаться к собственному культурному наследию, тем самым обогащая его. Эта связь с прошлым нужна не для того, чтобы «учиться на прошлом опыте» (так как жизнь претерпевает слишком много изменений), а чтобы примерить сценарии развития мифических событий на современность, «встряхнуть» общественность, сгенерировать новые идеи и реакции на них. Таким образом миф предстает в форме мифологической метафоры в совокупности трансформаций и интерпретаций, в том числе на межкультурном уровне [3].

Как отмечает Лорна Хардвик, одной из основных черт мифа является пластичность, благодаря которой он выполняет функцию переходника, связывающего и пересекающего границы вымысла, воображения, религиозных практик и социальных норм. Реконфигурация мифа сигнализирует об изменениях и возникновении конфликтных ситуаций в мировоззрении. В современном контексте реализация и осмысление мифа возможна с упором на современные источники, которые опирались на древние мифы, а последние, в свою очередь, основывались на еще более древних мифах. Таким образом, в новых мифологических нарративах отражены, в том числе, и старые версии интерпретаций мифов в форме аллегорий, олицетворений и эвгемеризмов [2]. Кроме того, Марк Воркман полагает очевидным тот факт, что современные авторы среди прочего используют миф в качестве структурирующего механизма повествования или как средство конструирования символических образов [5].

И. С. Голованова указывает на этиологичность (переход от хаоса к космосу) мифа в качестве его основной направленности, так как из мифа мы узнаем о прошлом, о том, что привело к нынешнему положению вещей, тем не менее, автор также выделяет эсхатологические мифы – об ожидаемом будущем (переход от космоса к хаосу). Также отмечается специфика мифологического пространства, которое изначально является замкнутым, циклическим и управляется самим действием мифа [1]. В мифологической литературе это пространство взаимодействует с другими плоскостями нарратива, дополняя его, поясняя и моделируя.

В данной статье мы рассмотрим особенности мифического в романе Дэвида Митчелла *Ghostwritten* [4] по нескольким аспектам:

- с точки зрения структуры повествования;
- с точки зрения формирования символических образов;
- по принципу организации пространства в нарративе.

Повествование в романе строится по принципу коллажа, который состоит из разных практически независимых друг от друга глав – нарративных конструкций, соединенных за счет «эффекта бабочки» или «призрака», один или несколько главных или второстепенных персонажей каждой главы возникает в последующей, чтобы сыграть какую-то важную роль. Таким образом, на уровне структуры повествования можно выделить мифемы переселения душ, цикличности жизни и смерти, предопределенности судьбы, невидимых связей, объединяющих все сущее

в одно целое (космос). Происходит переосмысление классических мифических сюжетов, характерных для разных культур, выливающееся в своеобразные сложные духовные и физические «метаморфозы» (наподобие одноименного произведения Овидия). В единое полотно нарратива вплетены библейский сюжет об апокалипсисе (глава 1), классический сюжет о любви или страсти с первого взгляда (купидон, эрос) (главы 2, 3), сюжет о единстве телесного и духовного, мужского и женского начала, о карме, буддийской схеме причин и следствий, которые образуют круговорот страданий – сансару (глава 4), о жизни и путешествии бестелесных душ и духов в мире людей (главы 3, 5). В романе сплетение мифических сюжетов выполняет функцию фундамента или каркаса нарратива; сам автор произведения так характеризует роль «призрака» (мифа) в своем произведении: *“But this isn’t a ghost story: the ghost is in the background, where she has to be. If she was in the foreground she’d be a person”* [4].

Роман изобилует образами-символами, которые также представляют собой интерпретации мифических или полумифических образов, хорошо узнаваемых в западной и восточной культурах, среди них:

- **образ «высшего разума», Пророка** (*His Serendipity*), источника истины, наделенного сверхчеловеческими способностями видения, которому открыты тайны настоящего и будущего и который пользуется безраздельной любовью своей паствы и олицетворяет собой бессмертие; **образ «нечистых»** (обычных людей, не уверовавших) и **образ армии «духовно просветленных»** (духовная семья), первый и последний могут быть интерпретированы как собирательный образ дьявола, люцифера, «имя мне – легион»: *“His Serendipity came down the stairs, accompanied by the Minister of Security. The light whitened as he neared the office. I saw his sandalled feet and his purple robes first, then the rest of his beloved form came into view. He smiled at me, knowing telepathically who I was and what I had done. ‘I am the Guru.’ And he permitted me to kiss his holy ruby ring as I knelt. ‘You have freed yourself from the asylum of the unclean. Little brother. Today you have joined a new family. You have transcended your old family of the skin, and you have joined a new family of the spirit. From this day, you have ten thousand brothers and sisters. This family will grow into millions by the end of the world. And it will grow, and grow, with roots in all nations. We are finding fertile soil in foreign lands. Our family will grow until the world without is the world within. This is not a prophecy. This is inevitable, future reality. How do you feel, newest child of our nation without borders, without suffering?’ ‘Lucky, Your Serendipity. So very lucky to be able to drink from the fountain of truth, while still in my twenties.’ ‘My little brother, we both know that it was not luck which brought you here. Love brought you to us’.* Then He kissed me, and I kissed the mouth of eternal life” [4].

- **образ девочки-призрака** как символ кармы, переходного состояния (каждый может стать призраком не только после смерти, но и при жизни, и каждый может выйти из призрачного состояния или остаться

в нем навсегда), возмездия, неотвратимости судьбы, злого рока, который мы сами порождаем, и бесплодных усилий скрыться от него, т.к. наша жизнь определена «неизлечимой болезнью» кармы; гуй (*gwai*) – дословно призрак, дьявол; гуй ло – иностранец, белый человек, изначально «белый дьявол», который стал источником зла в Китае, породил призраков, демонов, обернувшихся против него и погубивших его самого: ‘Not good,’ Mrs. Feng said. “‘Four’ in Chinese means ‘Death.’ ‘We’re on the fourteenth floor,’ I said. ‘Don’t tell me we can’t use the elevator.’ ‘The elevator doors are jaws! They eat up good luck. In this place you shall have none.’ ‘We didn’t mention whose ‘fault’ – fuck, haven’t *thousands of years of infertility* come up with a better word than ‘fault’ – it was.’ ‘... *Nothing like Poltergeist or The Exorcist. More like a medical condition, that, while terminal, grows in such small increments that it is possible to diagnose until too late.*’ I realized there was a little girl playing on the carpet in front of me, lying on her belly, and pretending to swim. ... ‘The third possibility is that she is a ... She is the child of a *gwai lo man* and a maid. The man would have left, and the maid flung the girl off one of these buildings.’ ‘For the last few months I’ve been living with three women. *One was a ghost, who is now a woman. One was a woman, who is now a ghost. One is a ghost, and always will be*” [4].

- **образы священной горы** (the Holy Mountain) и **Дерева**: речь идет о горе Эмэй, которая традиционно для Буддизма, как и другие горные вершины, считается местом духовного пробуждения, просветления, соприкосновения небесного и земного; дерево символизирует жизнь, освобождение, знания, мудрость, вечность, именно под деревом Сиддхартха Гаутама стал Буддой. Гора и дерево символизируют успокоение, веру, здесь во сне героине является **единорог** как символ чистоты, невинности и впоследствии смерти: ‘*On the Holy Mountain, all the yesterdays and tomorrows spin around again sooner or later. The world has long forgotten, but we mountain-dwellers live on the prayer wheel of time.*’ ‘*Lord Buddha promised to protect my daughter from the demons, and my Tree promised that I would see her again.*’ ‘*This is a peaceful place, I thought to the unicorn. Will you stay awhile?*’ ‘*Mother, thought the unicorn, a tear growing bigger and bigger in her human eye. Mother, don’t you recognize me?*’ ‘*I close my eyes and hear ivory hoofs*’ [4].

- **образ бестелесной сущности** (*noncorpum/-corpa*), способной трансигрировать от одного хозяина к другому и в итоге совершающей выбор между бессмертием и перерождением в теле смертного младенца, – отсылка к божественному началу, познанию истины, преодолению страха неизвестности и смерти, *нонкорпум* пытается понять, кто он и откуда. В этом ему должна помочь легенда, из которой он помнит лишь начало: ‘*There are three, says the monk in the yellow hat, who think about the fate of the world...*’ [4] – своеобразная интерпретация мифа о трёх Мойрах, ткущих нить судьбы.

Миф в романе играет роль некоего упорядочивающего «космологического» стержня, который не определяет ход событий, но

создает единое «сверхъестественное» пространство всего романа, сосуществуя на одном уровне с художественной реальностью и естественным образом сливаясь с ней, образуя прочную связь рационального и иррационального. Таким образом, миф, в который как бы погружен нарратив, оказывается на мета-метатекстуальном уровне в произведении. Соответственно, миф в нарративе в значительной степени определяется художественной реальностью, которая подчас представляет мифическое сквозь призму скепсиса, с долей иронии и юмора. Например, аллюзия к «силе слова» (божественного письма, рукописи) по отношению к надписи помадой, которую любовница одного из второстепенных персонажей оставляет на зеркале и которую впоследствии обнаруживает его жена: 'But when my wife read it she calmly walked back into the living room poured vodka on the jacket, set it alight, and left. The jacket shriveled up and melted.' *'The power of the written word'* [4]; игра со словом «миф», которое в современной интерпретации может означать «все, что на слуху, но не является истиной» по отношению к изменам: '... What have I done? *Where does this myth come from? 'What myth?' 'The one that plagues all men. The one that says that life without darkness and sex and mystery is only half a life. Why? And it was hardly like I'd been rooting Miss Celestial Beauty Incarnate. She was just some stupid slag of a nurse... Why?'* [4]; метатекстуальная интерпретация мифа о рае, когда главный герой ощущает близость к райскому саду, то ли потому что влюблен, то ли потому что чувствует себя героем повествования, так как история о Рае и Аде существует лишь потому, что она написана: 'For a moment *I had an odd sensation of being in a story that someone was writing, but soon that sensation too was being swallowed up.*' *'I felt as near to Paradise as I have ever been'* [4].

В заключение стоит отметить, что в изучаемом романе мифическое реализуется и переосмысливается на разных уровнях повествования и одновременно служит как средством сегментации за счет различий мифических сюжетов и образов, так и средством относительной гомогенизации пространства нарратива в плане авторского стиля и структуры повествования.

Список использованных источников

1. Голованова, И. С. История мировой литературы : лекции / И. С. Голованова. – URL: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/golovanova/mify.htm>. (дата обращения: 13.03.2023).
2. Hardwick, L. Myth, Creativity and Repressions in Modern Literature: Refigurations from Ancient Greek Myth [Electronic Resource] / L. Hardwick. – Access mode: <http://jcla.in/wp-content/uploads/2020/10/LORNA-HARDWICK-2017-MYTH.pdf>. (Access date: 15.03.2023).
3. Hume, K. The Mythology of Modern Literature. Bloomsbury Literary Studies Blog [Electronic Resource] / K. Hume. – Access mode: <https://bloomsburyliterarystudiesblog.com/continuum-literary-studie/2021/08/the-mythology-of-modern->

[literature.html?utm_source=rss&utm_medium=rss&utm_campaign=the-mythology-of-modern-literature](https://royallib.com/book/Mitchell_David/ghostwritten.html). (Access date: 15.03.2023).

4. Mitchell, D. Ghostwritten / D. Mitchell. – 2000. – Access mode: https://royallib.com/book/Mitchell_David/ghostwritten.html. (Access date: 16.03.2023).

5. Workman, M. E. The Role of Mythology in Modern Literature / M. E. Workman // Journal of the Folklore Institute. – Vol. 18, No. 1. – 1981. – P. 35–48.

УДК 811.111:81'42=111

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ: К ВОПРОСУ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ

М. Д. Рыжикова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка,
литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь*

Аннотация. В рамках антропологической парадигмы исследования языкового менталитета рассматриваются термины, употребляющиеся для наименования носителя конкретной культуры частного общества. Методом лингвистического анализа, когнитивно-дискурсивным и коммуникативно-прагматическим приемом описывается понимание феномена «языковая личность» в разных аспектах: текстовом, системном и функциональном, лингводидактическом, структурно-речевом, психологическом, социологическом, культурологическом, дискурсивном или прагмалингвистическом, концептном. В результате устанавливается, что анализируемое понятие может употребляться синонимично понятию «лингвокультурный типаж» с позиций концептного подхода.

Ключевые слова: антропологическая парадигма, языковая личность, лингвокультурный типаж, концептный подход.

Summary. The research is based on the study of linguistic mentality within the framework of the anthropological paradigm. The article considers definitions of terms referring to a representative of a particular culture of a given society. The method of linguistic analysis, cognitive-discursive and communicative-pragmatic techniques reveal the meaning of “linguistic identity” in various aspects, textual, systemic and functional, linguodidactic, structural, speech, psychological, sociological, cultural, discursive or pragmalinguistic, conceptual among them. The author suggests “linguacultural character” as a synonym to the concept under analysis within the conceptual methodology.

Key words: anthropological paradigm, linguistic identity, linguacultural character, conceptual methodology.

В рамках антропологической парадигмы современного лингвистического знания актуальным направлением представляется изучение языкового менталитета, что позволяет получить обоснование своеобразию национального взгляда на мир и на систему ценностей. Интерес к интерпретации влияния языка на культуру в лингвокультурологическом, этнолингвистическом, когнитивном и прочих аспектах подтверждается многочисленными научными разработками (см. труды Н. Д. Голева, Е. В. Иванцовой, Ю. Н. Караулова, В. В. Карасика, В. В. Красных и др.).

Цель настоящего исследования заключается в анализе становления терминологического аппарата для наименования личности как носителя специфических (национальных, культурных) знаний и представлений. Исследовательские задачи предполагают установление истоков введения анализируемых понятий в научный обиход, а также определение границ их современного понимания. Решению поставленной проблемы служат общелингвистические методы, приемы когнитивно-дискурсивного (устанавливающего специфику в аксиологическом фокусе) и коммуникативно-прагматического анализа (характеризующего этнокультурологические особенности коммуникации) [5].

Обзор лингвистических изысканий в рассматриваемой области позволяет утверждать, что в языкознании функционируют разные концепции в отношении носителя частной культуры конкретного общества, а именно: «языковая личность» и «лингвокультурный типаж».

Впервые понятие «языковая личность» употребил В. В. Виноградов в своей работе «О художественной прозе» (1930), характеризуя образ автора и образ т.н. «говорящего» персонажа в языке художественной литературы. На сегодняшний момент накоплен обширный теоретический и практический материал, свидетельствующий о трансформации концептуального содержания данного термина (см. разработки С. Г. Воркачева, М. В. Китайгородской, В. П. Нерознака, В. И. Шаховского и многих других). Целесообразно остановиться на фундаментальных учениях.

Неоценимый вклад в развитие теории языковой личности внес Ю. Н. Караулов, трактующий ее в аспекте текста. Согласно исследователю, языковая личность имеет трехуровневую структуру: «1) языковая личность как ниша в предмете (лингвистики), как субъект, осмысливший мир и отразивший его в своей речи; 2) языковая личность как личность, обладающая определенными особенностями, отличающими ее от других личностей, например, языковая личность специалиста-филолога, персонаж (художественного произведения), конкретно-историческая личность; 3) языковая личность как научная парадигма «человек и язык», охватывающая языковую картину мира, знание о мире и о языке, национальную культуру, языковое сознание» [цит. по 2]. В этой связи ученый разграничивает вербально-грамматический, когнитивный и прагматический структурные уровни языковой личности, связанные с

лексическо-грамматическим языковым строем, языковой моделью мира (включающей метафоры, фреймы, афоризмы, наглядные образы и т.д.) и интенциями говорящего (например, «сценарий» действий, способы аргументации) соответственно.

Развивая теорию Ю. Н. Караулова, В. В. Красных трактует употребление термина в системном и функциональном аспектах. В первом случае это – «личность, проявляющая себя в речевой деятельности, обладающая определенной совокупностью знаний и представлений» [4]. Данная дефиниция применима к реальному коммуникативному пространству, которому свойственна конкретная коммуникативная стратегия. Во втором случае изучение языковой личности предполагает динамический подход сквозь призму отдельного коммуникативного акта.

С точки зрения речевых действий языковая личность рассматривается и Г. И. Богиним, предлагающим взгляд с позиций лингводидактики – обучения родному и неродному языку [1].

О. Б. Сиротина и В. Я. Пармасова выступают со структурно-речевой точкой зрения, когда языковая личность – это конкретная языковая личность или тип личности определенной социальной группы (например, студенты, аристократы и т.п.) [6; 7].

В. И. Карасик указывает на такие методы анализа языковой личности, как: психологический, социологический, культурологический, лингвистический. Первый основан на темпераменте и типе характера. Второй – на социологических индикаторах общественных групп (например, гендер). Третий отражает нормы той или иной лингвокультуры (например, типаж «английский джентльмен»). Последний обуславливается коммуникативной компетентностью языковой личности [3].

Современная лингвистика выдвигает дискурсивное или прагмалингвистическое направление анализа языковой личности, где личность ограничивается рамками дискурса, в котором он участвует.

В рамках концептного подхода к исследованию языковой личности встречается термин «лингвокультурный типаж». Дефиниция дополняется структурно-речевыми ценностными характеристиками отдельной личности, социальной группы и этноса в целом. Термин отражает типизированные особенности коммуникативного поведения социальной группы или этноса. Это обобщенный тип личности, который выделяется в определенном социально-этническом обществе. Его речеповеденческие характеристики являются узнаваемыми в конкретном социуме. Уникальные коммуникативные особенности личности, отражающие ее коммуникативное поведение, возможно смоделировать в т.н. речевой портрет, который соотносится в том числе с ее коммуникативной компетенцией – идиостилем, проявляющимся в выборе коммуникативных средств (бессознательном либо посредством личностных установок).

Основателем теории лингвокультурных типажей принято считать В. И. Карасика [3]. Среди других исследователей, которые внесли значимый вклад в этой области, следует отметить О. А. Дмитриеву,

Л. П. Селиверстову, И. А. Мурзинову, И. В. Щеглову и др. В. И. Карасик подчеркивает, что лингвокультурный типаж может оказывать воздействие на социальное поведение, а изучение его черт представляет значимость для пониманий той или иной культуры [3]. О. А. Дмитриева и И. А. Мурзинова полагают: «Комплексное исследование типажа осуществляется за счёт изучения коллективного сознания (коллективной языковой личности) носителей той или иной лингвокультуры. При этом при моделировании некоторых типажей речевые характеристики могут оказаться нерелевантными» [2].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что трактовка и, следовательно, типы языковой личности обуславливаются соответствующим исследовательским подходом. С концептной точки зрения термины «языковая личность» и «лингвокультурный типаж» могут употребляться синонимично.

Список использованных источников

1. Богин, Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : автореф. дис. ... докт. филол. наук / Г. И. Богин. – Калинин : КГУ, 1986. – 86 с.
2. Дмитриева, О. А. Теория лингвокультурных типажей : учебное пособие, 3-е издание / О. А. Дмитриева, И. А. Мурзинова. – URL: https://kartaslov.ru/книги/О_А_Дмитриева_Теория_лингвокультурных_типажей_Учебное_пособие_3-е_издание/3. (дата обращения: 20.02.2023).
3. Карасик, В. И. Лингвокультурный типаж: к определению понятия / В. И. Карасик, О. А. Дмитриева // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы : сборник научных трудов / под ред. В. И. Карасика. – Волгоград : Парадигма, 2005. – 310 с.
4. Красных, В. В. Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации / В. В. Красных // Вестник Центра международного образования Московского гос. ун-та ; Серия «Филология. Культурология. Педагогика. Методика». – 2012. – № 3. – С. 67–74.
5. Комарова, З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике : учебное пособие / З. И. Комарова. – Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2012. – 818 с.
6. Парсамова, В. Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах : на материале писем Ю. М. Лотмана : специальность 10.02.01 : дис. ... канд. филол. наук / В. Я. Парсамова. – Саратов, 2004. – 223 с.
7. Сиротинина, О. Б. Устная речь и типы речевых культур / О. Б. Сиротинина // Русистика сегодня. – Москва, 1995. – № 4.

ПРОЦЕСС ТРАНСОНИМИЗАЦИИ ПОЭТОНИМА *АССОЛЬ* (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКОВ)

Д. Э. Савичева,

*магистрант, кафедра русской и украинской филологии, ГБОУВО РК
«Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова»,
Симферополь*

Аннотация. В статье рассматривается процесс трансоимиизации на примере поэтонима *Ассоль* – имени главной героини повести-феерии А. Грина «Алые паруса». Имя собственное приобрело большую популярность после выхода книги. На материале интернет-источников исследован переход онима в другие разряды с учетом классификационного признака ‘географическое распространение единиц номинации’. Гипероним ‘географическое распространение единиц номинации’ включает следующие гипонимы: 1) пространство Крыма, 2) пространство РФ и 3) мировое пространство.

Ключевые слова: трансоимиизация, эргоним, поэтоним *Ассоль*, идеоним, хрематоним.

Summary. The article discusses the process of transonymization, using the example of the poetonym *Assol* – the name of the main heroine of the story-extravaganza by A. Green “The Scarlet Sails”. The proper name became very popular after the book was published. Based on the material of Internet sources, the transition of the onym to other categories is investigated, taking into account the classification feature ‘geographical distribution of nomination units’. The hyperonym ‘geographic distribution of nomination units’ includes the following hyponyms: 1) the space of the Crimea, 2) the space of the Russian Federation and 3) the world space.

Key words: transonymization, ergonym, poetonym *Assol*, ideonym, chrematonym.

В процессе функционирования имен собственных в языке довольно часто наблюдается явление переноса имени с одного объекта на другой. Например: город Калуга – река Калуга; фамилия Суворов – город Суворов. Н. В. Подольская в «Словаре русской ономастической терминологии» обозначает это явления термином трансоимиизация. Трансоимиизация как лексико-семантический способ образования онимов довольно часто становилась объектом обсуждения лингвистов [2; 3; 5; 6; 8; 9; 10]. Этому явлению посвятили исследования Ф. Ф. Алистанова, Т. С. Винникова-Закутняя, В. М. Калинин, В. Е. Ковский, Е. С. Отин, А. В. Суперанская, М. В. Яковенко и др.

По мнению В. М. Калинкина, трансоимиизация – явление, при котором «внешняя форма имени остается неизменной, но меняются и денотативно-сигнификативный комплекс, и референт» [3, с. 87].

По мнению А. В. Суперанской, трансонимизация – это «образование имен собственных всех разрядов посредством переноса известного имени в иной ономастический класс» [6, с. 61]. В трансонимизации происходит переход слова из одного разряда собственных имен в другое без изменения звучания: река Волга – автомобиль «Волга», и с учетом словообразовательных процессов: Путиново – Путинка.

А. В. Петров в статье «Трансонимизация астионима Керчь / Пантикапей» рассматривает процесс перехода астионима Керчь / Пантикапей в другие разряды онимов. Астионим рассматривается в пространстве города Керчь, Крыма, РФ и мира в целом [5, с. 451]. Так, астионим Керчь в пространстве города переходит в эргонимы (ресторан «Керчь»), ойкодомонимы (санаторий «Керчь»). В пространстве РФ зафиксированы эргонимы (ресторан «Керчь» в Москве), ойкодомонимы (кинотеатр «Керчь» в Москве). С учетом мирового пространства астионим Керчь может переходить в идеонимы, эргонимы и хремотонимы. В статье рассматривается город Керчь во взаимосвязи со своим древним названием Пантикапей.

Цель статьи – изучить процесс трансонимизации поэтонима *Ассоль* – имени главной героини повести-феерии А. Грина «Алые паруса» – в границах Крыма, территории РФ и мирового пространства.

Вымышленное автором имя *Ассоль* вошло в обиход в советское время. Существует несколько версий, объясняющих значение имени, однако наиболее правдоподобная приводится в книге «Романтический мир Александра Грина». Ее автор, литературовед В. Е. Ковский, пишет, что слово *Ассоль* происходит от испанского «al sol» – «к солнцу» [4]. Первоисточник едва угадывается, потому что для Грина было важно звучание имени, через которое он раскрывал внутренний мир героини.

Светлый образ героини «Алых парусов» пришелся по душе многим, имя настолько вдохновляло читателей, что вскоре некоторые из них стали называть так своих дочерей. Интерес к новому имени стал особенно заметен с 1961 года, когда загсы регистрировали рекордное количество новорожденных девочек, которым родители решили дать имя *Ассоль*.

Поэтоним *Ассоль* может иметь положительную и негативную коннотацию. Приведем примеры мелиоративной экспрессивной окраски: *Юная вечно Ассоль, в вальсе кружит между нами... Моя мечта, Ассоль!* (из конкурсного стихотворения «Золотой листопад», автор неизвестен) [11]; *Символ Вэры, стирающий боль – Призывал алый парус Ассоль...* (из стихотворения Татьяны Бахтиаровой) [12]; *Я рождена любить... Имя мое Ассоль...* (из стихотворения Ирины Дунаевой «Ассоль») [13]; *Ассоль нас позовёт в мир красоты* (из стихотворения Анатолия Бондаридиса «Мир – это сказка») [14]. Отметим пейоративную эмоционально-экспрессивную окраску имени: *Синдром Ассоль в психологии, престарелая Ассоль* [15] – состояние женщины, находящийся в вечном ожидании мужчины своей мечты; *Просто наша «Ассоль» себе так много придумала о будущем, ей бы книги писать* (отрывок из книги Т. Огневой-Сальвони «Как жить

вместе долго и счастливо» [16] – автор считает, что Ассоль слишком мечтательна, и это плохо).

При упоминании поэтонима *Ассоль* всплывает ассоциативный ряд, связанный с морем, шумом волн, прекрасной девушкой, стоящей на берегу в ожидании прекрасного принца.

Поэтоним *Ассоль* трансонимизировался в эргонимы – единицы языкового пространства города [8].

На территории Крыма был найден ряд эргонимов с названием «Ассоль»:

1. Названия гостиниц, коттеджей и отелей в Судаке, Ялте, Симеизе, Саках, Евпатории, Феодосии.

2. Название магазинов и салонов: *салон мебели «Ассоль» в Симферополе; продуктовый магазин «Ассоль» в Севастополе; свадебный салон «Ассоль» в Симферополе.*

3. Названия салонов красоты, парикмахерских и СПА-центров: *СПА-центр «Ассоль» в Феодосии; парикмахерская «Ассоль» в Симферополе; салон красоты «Ассоль» в Судаке.*

4. Названия школ, клубов, развивающих центров: *клуб эстетической гимнастики «Ассоль» в Симферополе, студия эстрадного вокала «Ассоль» в Ялте.*

Эргонимы, зафиксированные на территории РФ:

1. Названия магазинов и салонов: *магазин нижнего белья «Ассоль» в Москве; магазин одежды «Ассоль» в Брянске; свадебный салон «Ассоль» в Краснодаре; магазин швейной фурнитуры «Ассоль» в Москве; магазин товаров для рукоделия «Ассоль» в Санкт-Петербурге; магазин цветов «Ассоль» в Пензе, магазин продуктов «Ассоль» в Караганде.*

2. Названия салонов и студий красоты, парикмахерских: *салон красоты «Ассоль» в Белгороде, салон красоты «Ассоль» в Москве; Салон красоты «Ассоль» в Новосибирске; Студия наращивания ресниц «Ассоль» в Москве; парикмахерская «Ассоль» в Москве; парикмахерская «Ассоль» в Воронеже.*

3. Агентства, фирмы: *агентство недвижимости «Ассоль» в Санкт-Петербурге; фирма по натяжным потолкам «Ассоль» в Челябинске; агентство оптовой торговли «Ассоль» в Новочеркасске; агентство недвижимости и ипотеки «Ассоль» в Омске; туристическое агентство «Ассоль» в Новосибирске.*

4. Студии, школы: *художественная школа изобразительного искусства и дизайна «Ассоль» в Тюмени, школа-студия хореографии Аси Шиловой «Ассоль» в Москве, студия цветов и праздничного оформления «Ассоль» в Москве, фотосалон «Ассоль» в Москве, дизайн-студия «Ассоль» в Москве, студия корпусной мебели «Ассоль» в Рыбинске.*

5. Клубы: *спортивно-хореографический клуб «Ассоль» в Кирове, клуб художественной гимнастики «Ассоль» в Москве; танцевально-спортивный клуб для детей и взрослых «Ассоль» в Москве.*

6. Гостиницы и отели зафиксированы в Новосибирске, Кирове, Таганроге, Геленджике, Ейске.

Эргонимы, зафиксированные в мировом пространстве: *отель «Ассоль» в Одессе, салон красоты «Ассоль» в Праге, магазин одежды «Ассоль» в Одессе, салон красоты «Ассоль» в Одессе, магазин техники «Ассоль» в Черкассах, детский образовательный центр «Ассоль» в Казахстане, магазин канцтоваров «Ассоль» в Узбекистане, магазин женской одежды «Ассоль» в Ташкенте, мебельный салон «Ассоль» в Астане.*

Поэтоним *Ассоль* также переходит в хрематонимы – собственные имена предметов материальной культуры: оружия, музыкальных инструментов, ювелирных изделий, драгоценных камней, предметов утвари [8].

Хрематоним «Ассоль» встречается в интернет-магазинах: *кружка «Ассоль», набор банок «Ассоль», полка «Ассоль», шкаф «Ассоль», стол «Ассоль», графин «Ассоль», сервизный чайный набор «Ассоль», набор рюмок с гравировкой «Ассоль», комплект украшений «Ассоль».*

Трансонимизация имени *Ассоль* представлена идеонимами – именами собственными объекта, относящегося к умственной, идеологической и художественной сферам деятельности (названия произведений искусства и литературы, научных трудов, средств массовой информации и т. п.) [8].

Приведем примеры перехода поэтонима *Ассоль* в идеонимы: *брачное агентство «Ассоль» (печатное издание) в Кирове; школьная газета «Ассоль» в Кирове; платформа для общения «Ассоль»; сайт статей и рассказов «Ассоль»; стихотворения об Ассоль Марии Терновой и Александра Сидельникова (на литературных сайтах); песни «Ассоль» таких исполнителей, как П. Морозов, М. Извольская, Ю. Ким; фильм «Ассоль» по повести-феерии А. Грина «Алые паруса» режиссера Бориса Степанцева; пьеса «Ассоль» Павла Морозова по мотивам повести А. Грина «Алые паруса».*

Выводы. Процесс трансонимизации представляет собой переход собственного имени в другую группу онимов, на что влияют традиции, история и культура народа. Собственные имена могут переходить в эргонимы, топонимы, идеонимы и хрематонимы и встречаются не только локально, но и на значительной территории мирового пространства.

Рассматриваемый поэтоним *Ассоль* обладает преимущественно положительной коннотацией, так как этот образ А. Грина стал воплощением образа нежности, наивности и веры в мечту. Однако встречается и отрицательная коннотация, поскольку не все согласны с тем фактом, что для своего счастья достаточно веры и ожиданий.

Исследование показало, что поэтоним *Ассоль* из имени главной героини повести перешел в другие разряды: хрематонимы (мебель, украшения, посуда), идеонимы (стихотворения, песни, газеты) и эргонимы (названия магазинов, салонов красоты, отелей, гостиниц, фирм, клубов).

На территории Крыма зафиксированы следующие эргонимы *Ассоль*: наименования гостиниц, отелей, коттеджей, магазинов, салонов красоты, школ и развивающихся центров. На территории России отмечены наименования магазинов, салонов и студий красоты, агентств, фирм, студий, школ, клубов, гостиниц и отелей. В мировом пространстве существуют наименования с одноименным названием магазинов, салонов красоты и отелей.

Список использованных источников

1. Алистанова, Ф. Ф. Эргонимы современного русского языка как микросистема : специальность 10.02.01 : дис. ... канд. филол. наук / Ф. Ф. Алистанова. – Махачкала, 2011. – 179 с.
2. Винникова-Закутняя, Т. С. Транспозиция и трансонимизация в русском языке XIX – начала XXI века в речевой деятельности и лингвистических исследованиях : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. С. Винникова-Закутняя. – Донецк, 2018. – 20 с.
3. Калинин, В. М. От литературной ономастики к поэтонимологии / В. М. Калинин // *Λογος όνομαστικῆ* : научный журнал. – 2006. – № 1. – С. 81–89.
4. Ковский, В. Е. Романтический мир Александра Грина / В. Е. Ковский. – Москва : Наука, 1969. – 296 с.
5. Отин, Е. С. Из заметок к лекциям по топонимике / Е. С. Отин // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Вып. 6. – Донецк : Донеччина, 2000. – С. 37–54.
6. Петров, А. В. Трансонимизация астионима *Керчь* / *Пантикапей* / А. В. Петров // Ономастика Поволжья // Материалы XIX международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения лексикографа, собирателя фольклора и русского писателя В. И. Даля. – Оренбург, 2021. – С. 350–354.
7. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – Москва : Наука, 1978. – 199 с.
8. Суперанская, А. В. Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская, В. Э. Сталтманэ, Н. В. Подольская, А. Х. Султанов ; отв. ред. А. П. Непокупный. – Москва : Наука, 1986. – 256 с.
9. Яковенко, М. В. Абсолютная межвидовая трансонимизация / М. В. Яковенко // Восточноукраинский лингвистический сборник : сборник научных трудов. – Донецк : ДонГУ, 1996. – Вып. 2. – С. 74–83.
10. Яковенко, М. В. Трансонимизация в общей теории номинации / М. В. Яковенко // Восточноукраинский лингвистический сборник : сборник научных трудов. – Донецк : ДонГУ, 2007. – Вып. 11. – С. 133–139.
11. https://www.4italka.ru/domovodstvo_main/domovodstvo/365847/fulltext.htm. (дата обращения: 20.02.2023).
12. <https://www.psy-conference.ru/prestarelaya-assol/>. (дата обращения: 18.02.2023).
13. <https://stihi.ru/2012/07/02/8295>. (дата обращения: 20.02.2023).
14. <https://stihi.ru/2012/10/13/8968>. (дата обращения: 03.02.2023).

15. <https://stihi.ru/2012/04/04/6904>. (дата обращения: 19.01.2023).

16. <https://www.chitalnya.ru/contest/73/2368/>. (дата обращения: 21.02.2023).

УДК 378.14.015.62

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО ФИЛОЛОГА К МЕЖКУЛЬТУРНОЙ МЕДИАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ

Н. Б. Самойленко¹, А. А. Георгиади²,

¹доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры «Романо-германская филология и европейские исследования», ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь

²кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Романо-германская филология и европейские исследования», ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь

Аннотация. В статье раскрывается необходимость актуализации программ подготовки будущих филологов к межкультурной медиации в современном геополитическом контексте. Авторами описан практический опыт внедрения электронного учебного курса «Межкультурная коммуникация» в рамках реализации Основной образовательной программы высшего образования по направлению подготовки 45.04.01 Филология (профиль Медиадискурс в межкультурной коммуникации) в Институте общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета.

Ключевые слова: межкультурная компетенция, будущие филологи, медиатор культур.

Summary. The article reveals the necessity to update the programs of training future philologists for intercultural mediation in the modern geopolitical context. The authors describe practical experience of implementing the e-learning course «Intercultural Communication» in the Main Educational Program of Higher Education in 45.04.01 Philology (profile of Media Discourse in Intercultural Communication) at the Institute of Social Sciences and International Relations of Sevastopol State University.

Keywords: intercultural competence, future philologists, mediator of cultures.

В условиях современного геополитического противостояния, сопровождающегося политико-экономическими, культурно-языковыми и цивилизационными конфликтами, информационной войной налаживание межкультурной коммуникации требует от ее участников не только владения иностранным языком на достаточном уровне, но и способностей вести диалог с учетом специфики мировоззрения потенциальных оппонентов. Очевидной в данном контексте становится необходимость

обеспечения в филологическом вузе опережающей профессиональной подготовки, которая осуществлялась бы с учетом специфики меняющегося мира, основных целей стратегического развития страны и региона.

Подготовка такого рода специалиста требует охвата широкого спектра вопросов – от обретения фоновых знаний и обучения речевым и поведенческим характеристикам представителей различных культур до развития умений анализа и оценки ситуации, общения без конфликтов. В определенной мере перечисленные требования учитываются при формировании способностей к межкультурной коммуникации в процессе реализации практико-ориентированных курсов обучения иностранным языкам и лингвострановедению. Однако в новых условиях актуальным становится рассмотрение специфических аспектов данной сферы коммуникации, что неизбежно влечет за собой разработку соответствующих дисциплин.

Целью данной работы было описание опыта формирования межкультурной компетенции будущего филолога в Севастопольском государственном университете. Задачи включали: 1) конкретизация задач подготовки по направлению «Филология» в русле Программы развития Севастопольского государственного университета; 2) уточнение понятия «медиатор культур»; 3) описание электронного учебного курса по дисциплине «Межкультурная коммуникация / Media Discourse in Intercultural Communication».

«Программа развития Севастопольского государственного университета на 2021–2030 гг.» предполагает содействие увеличению вклада университета в достижение национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года. Стратегически важным становится переход к модели университета инновационного типа, который состоит в обеспечении научно-технологического лидерства РФ на рынке перспективных исследований и технологий в морской сфере деятельности, формирование кластера новых индустрий в экосистеме научно-образовательного центра мирового уровня города федерального значения Севастополь и Республики Крым «МореАгроБиоТех» и гуманитарное влияние России в макрорегионе Большого Средиземноморья [2]. Реализация данной цели призвана увеличить объем международной деятельности университета, предполагающей увеличение экспорта образовательных услуг в целевом макрорегионе, прежде всего, относительно программ магистратуры, в частности, по гуманитарным направлениям, включающим «языкознание и литературоведение». Результатами проекта, напрямую связанными с подготовкой будущих филологов, содействие в развитии туристической отрасли таких странах, как Судан, Сирия; доступность культурного наследия Севастополя и Крыма для мирового сообщества (образовательный туризм); ослабление режима санкций и международной изоляции Крыма и Севастополя посредством второго трека дипломатии. В данном контексте подготовка нового поколения выпускников филологических специальностей должна

быть направлена на обеспечение межкультурной медиации в научно-исследовательской и образовательной среде.

В современной лингводидактической литературе термин «медиация» рассматривается как вид коммуникационной, преимущественно вербальной, деятельности человека по оказанию посреднической социально-коммуникативной помощи людям, которые не способны по каким-то причинам взаимодействовать друг с другом непосредственно или опосредованно [4, с. 128]. Понятие «медиатор культур» трактуется как языковая личность, познавшая посредством изучения языков особенности разных культур и их взаимодействие. Поскольку владение способностью эффективно осуществлять межкультурную медиацию предполагает свободное владение иностранным языком, оптимальным этапом для завершения подготовки к подобного рода деятельности является обучение в магистратуре, а реализация программы 45.04.01 Филология (профиль Медиадискурс в межкультурной коммуникации) на английском языке предполагает учет динамики результатов бакалаврских программ за последние годы.

Понимание роли медиатора культур имеет ключевое значение для успеха подготовки будущих филологов. Данные опроса обучающихся по программам бакалавриата (45.03.01) и магистратуры (45.04.01) направления подготовки «Филология» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» позволили уточнить, что роль медиатора культур в современном обществе студенты-бакалавры связывают с владением языками (36%), знанием культур (58,5%); навыками межкультурной коммуникации (36%), умениями общаться без конфликтов (90%), анализировать и оценивать ситуацию (10%). Магистры полагают, что медиатор культур обязан владеть знаниями родной и иноязычной культуры (60%), родного и иностранного языков (40%); коммуникативными навыками (60%); умениями общаться без конфликтов (90%), анализировать и оценивать ситуацию (10%). Осознание студентами важности полученных в ходе обучения лингвистических, культурологических, коммуникативных навыков и умений наряду с навыками анализа и оценивания ситуации в контексте межкультурной коммуникации являются важным показателем их готовности к изучению курса «Межкультурная коммуникация».

Тематический блок «Межкультурная коммуникация / Intercultural Communication» основной образовательной программы высшего образования по направлению подготовки 45.04.01 Филология (профиль Медиадискурс в межкультурной коммуникации) [1] имеет своей целью подготовку субъекта в области межкультурных медиакommunikаций, профессиональной филологической деятельности, который будет способен интерпретировать и координировать разные точки зрения в медиадискурсе в условиях межкультурной коммуникации. Объем дисциплины – 3 зачетных единицы / 144 часа; форма аттестации – зачет с оценкой. Содержание охватывает следующие темы: 1) ключевые понятия

межкультурной коммуникации; структура межкультурной коммуникации; 2) сущность и механизм процесса восприятия; специфика национальных образов мира, механизм диалога культур; проблемы восприятия «чужой» культуры и понятие «этноцентризм»; 3) понятие «культурная идентичность», типы идентичности языковой личности; 4) виды коммуникации: вербальная, невербальная, паравербальная в условиях межкультурного взаимодействия; 5) причины возникновения межкультурных конфликтов и пути их преодоления; 6) стереотипы восприятия в межкультурной коммуникации; 7) модели освоения чужой лингвокультуры, особенности аккультурации в межкультурной коммуникации, место «культурного шока» в освоении чужой культуры.

Внедрение технологий оказывает влияние на новые узкоспециальные направления профессиональной деятельности филолога [4], в том числе, на реализацию межкультурной медиации в условиях цифрового общества. Поэтому важным условием успешности реализации новой образовательной программы является подготовка к взаимодействию в условиях медиатизированной профессиональной среды. В связи с этим неотъемлемым компонентом такой подготовки становится применение электронных учебных курсов.

Расположенный на образовательной платформе МуДЛ Севастопольского государственного университета курс «Межкультурная коммуникация / Intercultural Communication» [3] предлагает ознакомиться с теорией и практикой межкультурной коммуникации; направлен на развитие навыков эффективного общения при участии в межкультурном взаимодействии. С опорой на исследования локальных и глобальных проблем, особое внимание уделяется тому, как языковые и культурные различия влияют на производство, передачу и получение сообщений во всех формах. В качестве ожидаемых результатов обучения обозначены способности: 1) объяснять понятийный аппарат межкультурной коммуникации, позаимствованный из разных дисциплин, культурных традиций и практики; 2) обсуждать лингвистические и культурные факторы, влияющие на межкультурную коммуникацию в национальном и международном контекстах; 3) анализировать примеры межкультурной коммуникации между представителями разных языков и культур посредством различных медиа; 4) объяснять стратегии, способствующие межкультурной коммуникации в глобальном контексте. Пример вопросов, рассматриваемых на семинарском занятии представлен в Таблице 1.

Таким образом, реализация электронного учебного курса, направленная на ознакомление обучающихся магистратуры со спецификой межкультурного взаимодействия в современном контексте, будет способствовать закреплению теоретических знаний предмета, создавать условия для рефлексии собственного опыта межкультурного взаимодействия, а также применения обретенных знаний в профессиональной деятельности.

Таблица 1. Задания к семинарскому занятию из электронного учебного курса Межкультурная коммуникация / Intercultural Communication

Workshop 1: Why study language and intercultural communication?	
<i>Discussion questions:</i>	<i>Exercises</i>
<p>1. What are some reasons why people might be reluctant to communicate with people who have a different linguistic and cultural background?</p> <p>2. In what ways is the region where you live changing demographically? What do you think the population will be like in 20 years? In 50 years? Do you think the need for bi(multi)lingualism and intercultural competence is growing?</p> <p>3. Besides the reasons mentioned in this chapter, identify and discuss three other imperatives for studying language and intercultural communication today.</p> <p>4. Why are you interested in learning more about language and intercultural communication? What do you hope to gain by exploring the issues and themes in this text?</p> <p>5. Review the propositions for ethical intercultural communication. Are there any that you disagree with? Which ones do you think would be the most difficult to follow? Why? Are there any propositions that should be added to the list?</p>	<p>1. Try to recall all the ways you used language to communicate in different contexts today or yesterday. Make a list with two columns: Description of Event, and Language Function. Compare it with other students and discuss the differences and similarities.</p> <p>2. Consider the anthropological definition of culture and think of examples of how shared meaning is created. Can you think of any example of how shared meanings change over time?</p> <p>3. Can you describe your own cultural background? Compare it with the cultural backgrounds of other students in your class.</p> <p>4. Go to the website of the Journal of Intercultural Communication https://www.immi.se/intercultural/. Browse through the archive, read abstracts of the papers and look up three papers, each of them being an example of studies of intercultural, cross-cultural, and inter-discourse communication. Give reasons for your classification.</p>

Список использованных источников

1. Основная образовательная программа высшего образования по направлению подготовки 45.04.01 Филология (профиль Медиадискурс в межкультурной коммуникации), Севастопольский государственный университет. – 2022. – URL: <https://www.sevsu.ru/sveden/files/028256.pdf>. (дата обращения: 02.02.2023).
2. Программа развития Севастопольского государственного университета на 2021–2030 гг. – 2021. – URL: <https://www.sevsu.ru/uni/programma-razvitiya/>. (дата обращения: 02.02.2023).

3. Электронный учебный курс «Межкультурная коммуникация / Intercultural Communication». – URL: <https://do.sevsu.ru/course/view.php?id=9766>. (дата обращения: 28.02.2023).
4. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching Assessment Companion. Volume with New Descriptors [Electronic Resource]. – Strasbourg: Language Policy Programme, Education Policy Division, Education Department Council of Europe, 2018. – 274 p. – Access mode: <https://rm.coe.int/common-european-framework-of-reference-for-languages-learning-teaching/16809ea0d4>. (Access date: 28.02.2023).
5. Samoylenko, N. Remote Learning Environment: Transition to Remote Education [Electronic Resource] / N. Samoylenko, L. Zharko, A. Georgiadi, M. Shevchenko // Journal of e-Learning and Higher Education. – 2021. – Access mode: <https://ibimapublishing.com/articles/JELHE/2021/784856/>. (Access date: 20.02.2023).

УДК 811.12

**СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КРИТИЧЕСКОГО
ДИСКУРС-АНАЛИЗА НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ
(на примере статьи «Neue Berechnungen zeigen Belastungen von
Familien mit niedrigen Einkommen»)**

С. В. Сдобнова¹, Д. Н. Погрибняк²,

¹кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²магистр 2 курса кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Статья посвящена социолингвистическим аспектам анализа категорий бедность и богатство в дискурсе немецкоязычных СМИ. Для проведения социолингвистического исследования используется метод антиномий, а также метод критического дискурс-анализа. Немецкоязычная статья исследуется в трех измерениях, поэтому проводится анализ текста, анализ дискурсивной практики и социальной практики. На текстовом уровне проводится семантический анализ лингвистических единиц, выявление антиномий. Текст исследуется как дискурсивное событие на уровне дискурсивной практики. Изучение текста на уровне социальной практики выявляет социальный контекст и идеологию.

Ключевые слова: антиномия, медийный дискурс, критический дискурс-анализ, дискурсивная практика, социальная практика, концепт, социолингвистика.

Summary. The article is devoted to the sociolinguistic aspects of the analysis of the categories of poverty and wealth in the discourse of the German-language media. To conduct sociolinguistic research, the method of antinomies is used, as well as the method of critical discourse analysis. The German-language article is examined in three dimensions, therefore, the analysis of the text, the analysis of discursive practice and social practice are carried out. Semantic analysis of linguistic units and identification of antinomies are carried out at the textual level. The text is studied as a discursive event at the level of discursive practice. The study of the text at the level of social practice reveals the social context and ideology.

Key words: antinomy, media discourse, critical discourse analysis, discursive practice, social practice, concept, sociolinguistics.

Целью данной статьи является исследование социолингвистических аспектов категорий «бедность» и «богатство» в дискурсе немецкоязычных СМИ.

Идейно-теоретической основой критического дискурс-анализа являются работы таких известных философов и лингвистов, как М. Бахтин, А. Грамши, Л. Альтюссер, М. Фуко, Р. Барт, П. Бурдьё, Ю. Хабермас. В данном исследовании применяется современная трехмерная модель критического дискурс-анализа Нормана Фэркло [1] как наиболее оптимальный метод исследования социально-экономического дискурса.

Концепт имеет очень сложную структуру. Многие исследователи в структуре концепта выделяют как конкретные составляющие, так и абстрактные, а также эмоциональную, ассоциативную, образную и понятийную составляющую, еще выделяют как универсальную и общенациональную составляющую, так и этническую и индивидуальную.

Концепты репрезентируются в языке разными способами. Они могут выражаться через лексемы и фразеологические единицы и сочетания, свободные словосочетания, тексты. Каждое из этих средств выражает концепт с разных позиций.

Рассмотрение бинарной оппозиции концептов «бедность» и «богатство» в контексте экономического дискурса Германии позволит выявить механизмы репрезентации проблемы антиномии узуса и возможностей языковой системы в коммуникативном пространстве.

Статья «Neue Berechnungen zeigen Belastungen von Familien mit niedrigen Einkommen» представляет собой социальный, экономический и исследовательский дискурс, что подчеркивает интердискурсивность текста. Дискурс противопоставления влияния инфляции на богатых и бедных проявляется как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях.

В соответствии с методом критического дискурс-анализа Нормана Феркло, немецкоязычная статья исследуется в трех измерениях, поэтому проводится анализ текста, анализ дискурсивной практики и социальной

практики.

В статье «Neue Berechnungen zeigen Belastungen von Familien mit niedrigen Einkommen» популярного журнала «Der Spiegel» рассматривается вопрос о влиянии инфляции на различные слои населения Германии. Данная статья представляет собой анализ экономической ситуации в стране, который был проведен Институтом Макроэкономической политики (ИМК) Фонда Ханса Бёклера. В статье отражены данные о том, какие финансовые трудности возникают у семей с низкими доходами в отличие от одиночек с высокими доходами.

Анализируя статью «Neue Berechnungen zeigen Belastungen von Familien mit niedrigen Einkommen» на текстовом уровне, выявляется использование большого количества экономических терминов, таких как: Inflationssarte – график инфляции; Preisschüben – скачки цен, Teuerungsrate – удельный уровень инфляции, Pauschalreisen – пакетные туры, Wohnungsinstandhaltung – содержание жилья, höhere Ausgaben – увеличение расходов, Steuer – налог.

Чтобы повысить интерес читателей, авторы часто используют противопоставления (антиномии): «wie viel stärker Familien mit niedrigen Einkommen belastet sind als Gutverdiener-Singles»; Belastungen – Entlastungspolitik; die Erwerbstätige – Menschen im Ruhestand. Использование такого контрастного языка привлекает внимание читателя, как будто в тексте изначально говорится о борьбе противоположностей, о соединении противоречивых элементов в единое явление.

Идиоматическое выражение: «zu Buche schlagen, weitgehend in die richtige Richtung» повышает выразительность изложения, одновременно выступая как готовый речевой образец.

Характерным признаком языка СМИ является использование синонимов и описательных словосочетаний в целях избежания повтора, усиления эмоциональности высказывания или же уточнения наименования явления, а тем самым и для его более верной характеристики. Поэтому ключевыми элементами данного дискурса являются синонимы, которые можно представить в виде синонимических рядов:

1. Gutverdiener-Singles, Gutverdiener, einkommensstarke Alleinlebenden, Alleinlebende mit hohem Einkommen, reiche Haushalte
2. Familien mit niedrigen Einkommen, Menschen mit geringerem Verdienst, ärmere Haushalte, ärmere Singles, bedürftige Haushalte
3. die Inflation, Preisanstieg, die Verteuerung, die Kostensteigerungen
4. die Inflationsrate, Teuerungsrate

Каждое слово синонимического ряда отличается от других того же ряда дополнительным оттенком значения, который необходимо учитывать для того, чтобы с наибольшей точностью выражать мысли. Функция замещения является одной из важнейших функций синонимов для дискурсивного текста, поскольку простой повтор одного и того же слова делает речь невыразительной.

В тексте статьи встречается использование вставных конструкций. Например: «...– die mit einem für den jeweiligen Haushaltstyp repräsentativen Warenkorb berechnet wird – ...» [3]. Данные конструкции выполняют модально-оценочную функцию. Вставные предложения очень часто имеют подтекст, невербализованные мысли, чувства, наблюдения. В результате предложения, осложненные вставными единицами, информационно богаче предложениями с вводными компонентами.

В статье автор использует сравнительную степень прилагательных как средство характеристики происходящей ситуации и их оценки. Наиболее употребительными прилагательными в тексте являются: höchste Zahl – самый высокий показатель, ärmere Singles – более бедные одиночки; die niedrigste Stufe – самый низкий уровень; teurere Besuche – более дорогих посещений; ärmere Familien – более бедные семьи; eine viel größere Belastung – гораздо большее бремя; höchster Wert – самое высокое значение.

Автор приводит процентное соотношение инфляции в разные годы, что непременно воздействует на общественное мнение. Например: «Zum Vergleich: Die allgemeine Inflationsrate lag dem Statistischen Bundesamt zufolge bei 10,0 Prozent, dem höchsten Stand seit 1951»; «Im August lag die Differenz noch bei 2,1 Prozentpunkten. Nun ist sie bei 3,4 Prozentpunkten. »Das ist der höchste in diesem Jahr gemessene Wert«, erklärte das IMK» [3].

Риторический вопрос, примененный автором, «Einkaufen, Tanken, Bahnfahren: Wen trifft die Inflation wie stark?» [3] заключается в том, что данные вопросы заставляют читателя задуматься над поднимаемой проблемой, переосмыслить ее и сделать выводы. А одной из целей медийного дискурса как раз и является оказание влияния на общественное мнение.

Цитата ученых из исследовательского института: «Das ist der höchste in diesem Jahr gemessene Wert», erklärte das IMK. «Die spezifischen Inflationsraten zeigen, dass Haushalte mit geringeren Einkommen durch den Preisanstieg bei Haushaltsenergie überproportional belastet sind und sich hier auch die Verteuerung der Nahrungsmittel stärker niederschlägt», schreiben die Wissenschaftler Silke Tober und Sebastian Dullien, die den Inflationsmonitor erstellen. «... weitgehend in die richtige Richtung», betonten Tober und Dullien [3]. Отсылка к мнению экспертов выполняет персуазивную функцию и подчеркивает достоверность информации, воздействуя на общественное мнение.

Лексическим единицам присуща довольно высокая степень экспрессивности, что обусловлено задачами политического дискурса. Они призваны «формировать общественное мнение, влиять на него в нужном направлении, при необходимости даже манипулировать им, оказывая на получателей информации определенное эмоциональное воздействие» [2, с. 358].

Анализ уровня дискурсивной практики выявляет интердискурсивность текста. Статья «Neue Berechnungen zeigen

Belastungen von Familien mit niedrigen Einkommen» представляет собой социальный, экономический и научно-публицистический дискурс. На данном уровне демонстрируется концептуальная модель противопоставления влияния инфляции на богатых и бедных. Социально-экономический дискурс статьи «Neue Berechnungen zeigen Belastungen von Familien mit niedrigen Einkommen» создается при помощи следующих компонентов: социальные идентичности, социальные отношения, системы знаний и убеждений. Анализ уровня социальной практики показывает, что экономическая ситуация Германии находит свое отражение в данной статье, где неравенство и несправедливость многократно воспроизводятся и закрепляются в тексте.

Выводы. Статья «Neue Berechnungen zeigen Belastungen von Familien mit niedrigen Einkommen» «Der Spiegel» представляет собой интердискурсивный текст. Имеющиеся отсылки к экономическим и статистическим исследованиям демонстрируют интертекстуальность публикации. Различные способы лингвистической реализации социальных фактов способствуют усилению выразительности противопоставления социальных статусов богатых и бедных, одиноких людей и семейных. В ходе исследования наблюдается ряд социолингвистических антиномий. Так антиномия кода и текста проявляется в замене лексем «Die Reichen» и «Die Armen» на описательные сочетания: «reiche Haushalte» и «bedürftige Haushalte», «einkommensstarke Alleinlebenden» и «Familien mit niedrigen Einkommen» и т.д. Концепция описания богатых и бедных выражается в варьировании ключевых лексических единиц, антиномии узуса и возможностей языковой системы («Gutverdiener-Singles», «ärmere Singles»). В данном случае наблюдается модификация актуального значения, которое отличается от узуального. Сигнификативное значение ключевых лексических единиц отражает ситуацию выгодного положения богатых одиночек в условиях экономического кризиса и инфляции. Прагматические компоненты лексических единиц формируют коммуникативную цель автора немецкоязычной публикации, выражающуюся в оценочном суждении и определении престижности статуса богатых одиночек в отличие от семей с низким достатком. Ключевые лексические единицы демонстрируют стратификационную вариативность в немецкоязычном медийном дискурсе и выполняют экспрессивную функцию.

Список использованных источников

1. Тичер, С. Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер ; пер. с англ. – Харьков : Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. – 356с.
2. Чигашева, М. А. Терминологический аспект политического дискурса СМИ Германии / М. А. Чигашева // Вестник РУДН ; Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – Москва, 2017. – № 2. – С. 358–366.
3. Neue Berechnungen zeigen Belastungen von Familien mit niedrigen Einkommen [Electronic Resource] // Der Spiegel. – Access mode:

<https://www.spiegel.de/wirtschaft/soziales/inflations-analyse-ende-des-9-euro-tickets-belastet-vor-allem-aermere-haushalte-a-c54d2255-7dc9-4c53-b5bf-167f961fcd65>. (Access date: 30.12.2023).

УДК 81'32:36

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ *РАСКОЛЬНИКОВ* В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ СМИ: СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА, ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Н. А. Сегал¹, С. М. Диброва²,

*¹доктор филологических наук, доцент кафедры русского,
славянского и общего языкознания, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

*²старший преподаватель кафедры украинской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу precedentного имени *Раскольников* в текстах современных СМИ. С помощью описательного, дистрибутивного и интерпретационного методов, а также метода контекстологического анализа на материале текстов современных СМИ выявляются особенности языковой репрезентации precedentного имени *Раскольников* в русскоязычном медиапространстве. Устанавливаются ключевые ассоциативные признаки, на основе которых формируется исследуемый precedentный антропоним.

Ключевые слова: precedentный текст, precedentное имя, медиапространство, контекст, семантика, прагматика, коннотация.

Summary. The article is devoted to a comprehensive analysis of the precedent name of Raskolnikov in the texts of modern media. With the help of descriptive, distributive and interpretative methods, as well as the method of contextual analysis on the material of modern media texts, the peculiarities of the linguistic representation of the precedent name of Raskolnikov in the Russian-speaking media space are revealed. The key associative features are established, on the basis of which the studied precedent anthroponym is formed.

Key words: precedent text, precedent name, media space, context, semantics, pragmatics, connotation.

Precedentные антропонимы представляют собой ценную и значимую часть актуального медиапространства. Аккумулируя знания и представления о тех или иных именах известных личностей или персонажей, читатель с интересом разгадывает загадки, предложенные на страницах современных СМИ. Как отмечают современные исследователи (работы Д. Б. Гудкова, Ю. Н. Караулова, Е. А. Нахимовой, Г. Г. Слышкина

и др.), апелляция к прецедентному тексту предполагает наличие у адресата инварианта его восприятия, а значит, определенных фоновых знаний.

Целью предлагаемой статьи является комплексный анализ прецедентного имени *Раскольников* в русскоязычном медиадискурсе.

Родион Романович Раскольников – герой-идеолог. Персонаж, который, как и многие другие в творчестве Ф. М. Достоевского, обременен навязчивой идеей. Раскольников совершает преступление не от безысходности или страха, а в результате теоретического расчета, понятного и близкого только ему. Герой сначала увлекается теорией, а спустя некоторое время приступает к практике, которая для него, как и сам он признается в романе, оказывается слишком сложной.

В восприятии носителя русской лингвокультуры Раскольников – это тот, кто совершил преступление, тот, кто убил старуху-процентщицу и ее сестру, и тот, у кого был топор. Как показывает анализ, носители поверхностных знаний характеризуют Раскольникова как бедного студента, который убил старуху просто потому, что ему необходимы были деньги. Таким образом, можно говорить о том, что образ, сформированный Федором Михайловичем Достоевским, во многом трансформируется, однако не утрачивается полностью.

Исследование актуального медиaprостранства позволяет сделать вывод, что прецедентное имя *Раскольников* реализуется в текстах разного содержания, а следовательно, при использовании данного образа авторы преследуют разные цели. Наиболее часто прецедентный антропоним *Раскольников* реализуется в случае, когда журналист хочет описать совершенное преступление. Обратимся к примерам.

«*Раскольников по-копейски*» (kr-gazeta.ru, 13.02.2014). Копейск – город в Челябинской области. Именно в нем произошло преступление и неслучайно присутствие данного топонима в заголовке. В газетной статье повествуется об убийстве пожилой женщины. Наблюдается сходство потерпевшей с образом старухи-процентщицы, однако в представленном случае сходство можно проследить только лишь на основе того, что они были похожи внешне. То же самое и с преступником. Провести параллель получается только на основе того, что молодой мужчина убил пожилую женщину. Другие характеристики являются различительными. Так, женщина была родной бабушкой преступника. Кроме того, убийство было совершено не топором, а ножом. Причина убийства никак не связана с причиной, побудившей Раскольникова к преступлению. В данной ситуации не фигурировали ни деньги, ни навязчивая идея, которая могла бы мотивировать на убийство.

Обратимся к другому контексту. «*Ишимский «Раскольников» убил старушку из-за денег*» (ng72.ru, 16.02.2018). Отраженная в публикации ситуация чуть более приближена к ситуации, в которой оказался герой романа Ф. М. Достоевского. Преступник являлся студентом, и он на протяжении довольно продолжительного отрезка времени брал займы у пожилой женщины, которая ему никогда не отказывала. Со временем у

мужчины накопился большой долг, когда же женщина попросила вернуть ей деньги, он отказался. В результате ссоры старушка была убита. Сразу отметим схожесть орудия преступления, потому что в этот раз злоумышленник использовал именно топор. Таким образом, мотивация прецедентного имени *Раскольников* для нас становится очевидной. Немаловажным является и факт того, что прецедентное имя в контексте представлено в кавычках, что в очередной раз указывает и нам, и потенциальному читателю на условность характеристики и ее метафоричность.

«*Раскольников* вернулся в Петербург и крушит автомобили топором» (gazeta.spb.ru, 04.06.2021). В данной статье рассказывается о мужчине, который в какой-то момент решил взять топор, выйти на улицу и разбить стекла во всех автомобилях, которые встретятся ему на пути. Стимулами для ассоциативной связи с Раскольниковым выступают, на наш взгляд, Санкт-Петербург (как основное место действия романа) и факт того, что преступник использовал для вредительства не что иное, как топор.

«*Раскольников* из Нурлата был в шаге от пожизненного» (business-gazeta.ru, 04.06.2014). Главный герой статьи, мужчина, совершил тройное убийство, два из которых – топором, а третье – ножом. У него и ранее были проблемы с законом, на что автор неоднократно указывает в своей статье, говоря о том, что в совершённом злодеянии виновны также и те представители правоохранительных органов, которые, не проявив должной наблюдательности, оставили более ранние преступления мужчины безнаказанными. Журналист подчеркивает, что в городе, который включен в заголовок как часть названия, в то время очень часто происходили преступления подобного масштаба, и всех предыдущих «Раскольниковых» постигла кара в виде пожизненного заключения. Продолжение статьи также ассоциируется с сюжетом романа: мужчина, совершив преступление, сразу же пожалел о содеянном. Муки совести были настолько сильны, что он хотел покончить жить самоубийством. Единственное, что держало мужчину, – это стремление успеть поздравить дочь с Днем рождения. Он спрятал тела и намеревался дождаться нужной даты, а после – или сдаться полиции, или покончить с собой. Дождаться праздника у него не получилось, потому что он был арестован раньше. Таким образом, прецедентное имя *Раскольников* появляется в тексте прежде всего не из-за использования топора как орудия преступления и не из-за юного возраста преступника, а из-за мук совести, которые он ощутил после содеянного, из-за тяжести совершенных преступлений.

«*Раскольников* в юбке» (baikalskieogni.ru, 26.09.2014). Данный контекст является единственным, в котором образ транслируется на женщину. Атрибутом феминности для читателей является конкретизатор «в юбке». В контексте наблюдается ситуация, при которой он знакомится с «женской версией» известного героя Ф. М. Достоевского. В статье рассказывается об убийстве пожилой женщины. Убийство это совершено

топором и из-за денег. Отличие можно пронаблюдать в том, что преступница сумела отложить день своего ареста на целых девять лет, умело уклоняясь от любых подозрений в свой адрес.

«*Севастопольский Раскольников без топора: мужчина убил старушку табуретом*» (ncrim.ru, 28.10.2015). В представленном контексте акцентируется внимание на орудии преступления, которое отличается от описанного в романе «Преступление и наказание». Связь с прецедентным именем может быть установлена благодаря тому, что в обеих ситуациях пострадавшей является женщина пожилого возраста.

«*Пикалевского «Раскольникова» ждет наказание*» (vesty.spb.ru, 15.03.2019). В предложенном контексте связь с исходным текстом устанавливается на уровне приблизительного совпадения возраста жертвы. Орудием убийства стал нож, более того, злоумышленник после совершенного преступления посчитал необходимым сжечь дом вместе с жертвой. Бесспорно, в тексте Ф. М. Достоевского не было ничего из вышеперечисленного. Немаловажным для нас является факт, что прецедентное имя представлено в кавычках, что указывает на его некоторую относительность и условность, исключает возможность полной аналогии.

«*Дзержинский Раскольников напал с топором на человека среди бела дня*» (vesti.ru, 23.05.2021). Данная статья повествует об инциденте, в котором мужчина в какой-то момент решил взять топор и выйти на улицу с четким намерением принести кому-то вред. В данной ситуации имя мотивировано лишь одним связующим компонентом. На этот раз – топором. Отметим также и типичное уже для подобных контекстов акцентирование внимания на месте действия.

«*Раскольников из Карелии напал на старушку*» (ptzgovorit.ru, 25.08.2014). В данном контексте совпадение с исходной для прецедентного имени ситуацией наблюдается сразу в нескольких составляющих. Так, жертвой выступает пожилая женщина. Орудием преступления становится топор. Два показателя смысловой соотнесенности уже выделяют предложенный контекст на фоне остальных, потому что в большинстве подобных статей в качестве акцента избирается только один эпизод. Главный герой статьи проникает в чужой дом. Более того, преступление он совершает с целью денежного обогащения, что хоть и не является прямым совпадением с текстом Ф. М. Достоевского, но повторяется с точки зрения мотива. Существенным отличием становится факт того, что даже после серьезного ранения, нанесенного топором, женщина не умерла. Она была вовремя доставлена в больницу, а преступник немедленно во всем сознался и был отправлен отбывать наказание в места лишения свободы.

Таким образом, комплексный анализ прецедентного имени *Раскольников* позволяет говорить о значимом месте данного образа в русском языковом сознании. Выстраивание ассоциаций происходит преимущественно на основе соотнесенности с ситуацией (убийство немолодой женщины) и наличием предмета (топора). Комплексный

анализ литературных персонажей как составляющей русскоязычного медиапространства позволяет моделировать фрагмент языковой картины мира, построенный на основе знания художественной литературы и представлениях о системе ценностей и приоритетах русского народа.

Список использованных источников

1. Гудков, Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д. Б. Гудков. – Москва, 1999. – 149 с.
2. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ : современная английская медиасеть / Т. Г. Добросклонская. – Москва, 2008. – 263 с.
3. Караулов, Ю. Н. Языковое сознание как процесс (Теоретические предпосылки одного эксперимента) / Ю. Н. Караулов // Слово. – София, 2001. – С. 128–129.
4. Нахимова, Е. А. Прецедентные феномены как доминанта идиостиля публициста / Е. А. Нахимова, А. П. Чудинов // Филология и человек. – 2016. – № 2. – С. 107–115.
5. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – Москва : Academia, 2000. – 128 с.
6. Сметанина, С. И. Медиатекст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века) / С. И. Сметанина. – Санкт-Петербург : Изд-во В. А. Михайлова, 2002. – 383 с.

УДК 81.114

СВЯЗНОСТЬ И ЦЕЛОСТНОСТЬ ТЕКСТА

В. В. Силин,

кандидат филологических наук, доцент кафедры романской и классической филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Согласно теории лингвистики текста, связность текста обеспечивается в основном лексическими повторами и замещениями, что представляется недостаточным для обеспечения его целостности. На самом деле целостность текста формируется с помощью многочисленных средств, связывающих его компоненты, но не на уровне лексики и грамматики, а на уровне поэтики, когда текст анализируется как произведение. В статье представлены наиболее известные стилистические, структурные и композиционные средства, определяющие целостность любого текста.

Ключевые слова: связность текста, целостность текста.

Summary. According to the theory of text linguistics, the coherence of the text is provided mainly by lexical repetitions and substitutions, which seems insufficient to ensure its integrity. In fact, the integrity of the text is formed with the help of numerous means linking its components, not at the level of vocabulary and grammar, but at the level of poetics, when the text is analyzed as a work. The article presents the most well-known stylistic, structural and compositional means that determine the integrity of any text.

Key words: coherence of the text, integrity of the text.

Слово «текст», от латинского «textus», означает ткань, сплетение, соединение. То есть, текст представляет собой определенную последовательность лингвистических единиц, для которых свойственны связность и целостность. Эти понятия существуют в единстве и, как пишет Н. С. Валгина, они «отражают содержательную и структурную сущность текста» [1, с. 29]. При этом она разделяет эти два понятия, отмечая, что связность текста «проявляется через внешние структурные показатели, через формальную зависимость компонентов текста», а целостность текста «усматривается в связи тематической, концептуальной, модальной» [1, с. 29]. Иначе говоря, смысловая целостность текста обеспечивается формальными связями его частей.

Связность текста, как считает Ю. А. Левицкий, опираясь на мнение И. П. Севбо и А. А. Акишиной, состоит в *повторении* одинаковых или семантически близких понятий [2, с. 104]. Виды связей Ю. А. Левицкий определяет на минимальной модели текста, каковой, по его мнению, является *сложносочиненное предложение*. Он объясняет это тем, что сложносочиненное предложение представляет собой, во-первых, «сочетание» предложений; во-вторых, тем, что эти предложения находятся «в тесной смысловой связи друг с другом»; в-третьих, сложносочиненное предложение может рассматриваться как «сочетание неограниченного числа предложений» [2, с. 108].

По определению Ю. А. Левицкого «наиболее общими средствами связи являются повтор, замещение и эллипсис» [2, с. 109]. *Прямой повтор*, по его мнению, представляет собой простое повторение слов и словосочетаний [2, с. 110]. *Косвенный повтор* может быть основан на парадигматических заменах, когда повторяемое слово является однокоренным, но имеет иную грамматическую форму, например, иной падеж существительного; или когда в повторе участвуют разнокоренные слова, например, синонимы, антонимы, метонимии и члены одного семантического поля [2, с. 110–111]. Косвенный повтор может быть основан также на синтагматических повторах, когда «два слова, связывающие два компонента сложно-сочиненного предложения, могут образовывать синтагмы», например, когда слово повтора образует придаточное предложение [2, с. 112].

Замещение является разновидностью повтора, когда слово-заместитель относится не к отдельному слову, а ко всему предыдущему предложению, в котором использовано это слово. В качестве именных

заместителей используются личные и указательные местоимения [2, с. 113]. Глаголы, наречия, прилагательные имеют собственные заместители [2, с. 116].

Эллипсис определяется как «разновидность повтора, но повтора «отрицательного», или «нулевого» [2, с. 115].

Среди *других средств связи*, Ю. А. Левицкий различает *симметричные*, когда чередуются соотносительные элементы: один – другой, сначала – потом, ты – я и др. [2, с. 115]. К *ассимметричным* он относит обстоятельства, общие для обоих компонентов сложносочиненного предложения, например, однажды, там, потом, еще и др. [2, с. 116].

Завершая характеристику средств связи, обеспечивающих целостность текста, Ю. А. Левицкий написал: «**Отсутствие формально выраженной связи** означает, по существу, не отсутствие какой-либо связи вообще, а лишь невыраженность ее в пределах данного сложносочиненного предложения, поскольку эта связь должна быть вполне понятной из предыдущего контекста [2, с. 116]. Эта формулировка, по сути, отмечает главенствующую роль логических, причинно-следственных связей для целостности текста, но эти связи не рассматриваются лингвистикой текста.

Это можно показать на примере одного забавного сложносочиненного предложения:

«Шел дождь и два студента, один в институт, другой в калошах».

На этом примере видно, что компоненты предложения эллиптически связаны повтором «шел». Есть также ассиметричная связь: один – другой. Но логически это предложение абсурдно. Нарушение логики в этом предложении обусловлено тем, что «шел дождь» является фразеологическим сращением, в котором иносказательный образ не воспринимается. Хотя в прямом значении капли дождя падают. Студенты идут в институт – это прямое значение, идет в калошах – также фразеологическое сращение, так как в прямом значении калоши носят. Таким образом, формальные связи логически несвязных компонентов предложения создали юмористический эффект, основанный на абсурде.

В статье поставлена *цель* – доказать, что средств связности текста, обеспечивающих его целостность, гораздо больше тех, что описаны в лингвистике текста.

Для этого обратимся к теории *рецептивной эстетики*, которая считает основой восприятия любого текста субъективный опыт читателя, превращающий в процессе чтения «мертвый» текст в «живое» произведение. Это положение Манфред Науман объясняет следующим образом: «Текст в интерпретации действительно субъективируется, но именно благодаря этой субъективации он объективно и превращается в произведение, в «эстетический объект», как говорил Мукаржовский, что в общем означает только одно: лишь прочитанный, то есть «означенный» и оцененный текст и есть настоящее произведение» [4, с. 198].

Это различие хорошо просматривается в определении Ю. М. Лотмана, представленном Хализевым. Лотман писал: «Следует решительно отказаться от представления о том, что текст и художественное произведение – одно и то же. Текст – один из компонентов художественного <...>, художественный эффект в целом возникает из сопоставлений текста со сложным комплексом жизненных и идейно-эстетических представлений» [6, с. 255]. Вполне очевидно, что в этой формулировке текст предстает основой произведения, но произведение сложнее, так как оно связано с контекстом, а конкретнее – с жизненным опытом читателя.

Поскольку текст в процессе его чтения превращается в произведение, то самое первое, что определяет читатель, это его *авторство*. В эпических произведениях всегда имеется повествователь или рассказчик, который не идентифицируется с автором, в драматических произведениях повествователь отсутствует, только поэзия практически всегда *авторолевая*. Но присутствие автора произведения в любом случае ощущается. И текст произведения воспринимается цельным уже потому, что он создан *автором*, то есть, неким конкретным человеком.

В восприятии читателя именно автор выбирает *тематику* произведения и представляет на суд читателя *идею* произведения. Связность произведения обеспечивается структурой *сюжета* (экспозиция – завязка – развитие – кульминация – развязка) и *композицией* произведения, то есть, компоновкой его частей. При этом произведение не всегда имеет линейную композицию, в нем могут быть хронологические перестановки, которые, вроде бы, разрывают связность текста. Однако такие перестановки имеют логические обоснования, и произведение все равно воспринимается цельным. Например, роман Лоренса Стерна «Тристрам Шенди» (1760–1767), написанный на основе личных дневниковых записей, предстает очень несвязным, кажется, будто автор постоянно отвлекается. Тем не менее, этот роман является цельным произведением только тем, что имеет автора.

При чтении произведения всегда определяется его *жанр*, который очень информативен, так как представляет собой связную событийную структуру. Если читатель знаком с определенным художественным жанром, то он надеется, что конкретное произведение отвечает его *горизонту ожидания* и будет адекватно понято. При этом жанр произведения не обязательно должен быть художественным, это может быть письмо, записка, личный дневник и т.п.

Что касается литературного *рода*, то он определяется почти автоматически, так как форма прозаического, драматического и стихотворного произведений очень четко различаются между собой. Если Пушкин назвал «Евгения Онегина» романом, хотя по форме это поэма, а Гоголь назвал роман «Мертвые души» поэмой, то оба писателя преследовали некие художественные цели, основанные на отклонении от нормы. Существуют также стихи в прозе, также отклонение от привычной

нормы, но в них, как и в рифмованных стихах, изображены образы, выражающие чувства поэта. Эпические стихи, описывающие события, чрезвычайно редки.

В эпических и драматических произведениях связи между компонентами традиционно причинно-следственные. Эти связи определяются в последовательности событий и поступков персонажей. Однако в романах, написанных в форме *внутреннего монолога* или *потока сознания*, причинно-следственные связи заменены на *ассоциативные*. Впервые это сделал Марсель Пруст в «Поисках утраченного времени» (1913–1927). В его романах переход от темы к теме катализируют *предметы*, которые как бы случайно обращают на себя внимание повествователя. Жан-Пьер Ришар перечисляет все эти предметы и отмечает, что у писателя «очень сильная и очень своеобразная страсть к материи» [7, с. 11].

Для внутреннего монолога характерна *ненаправленность внимания*, которое проявляется в том, что в своих воспоминаниях и размышлениях повествователь постоянно отвлекается. Поэтому ассоциативная форма повествования наиболее адекватно отражает такое восприятие действительности.

В поэтических произведениях большую роль в их связности играют: *жанровая форма, рифма, ритм, размер*. В стихах и поэмах можно встретить как причинно-следственные, так и ассоциативные связи, которые отличаются большой субъективностью, так как лирика служит прежде всего выражению личных переживаний автора. Субъективная ассоциативность может создавать логически несвязные образы, которые, тем не менее, могут быть связаны между собой обобщающим *символическим образом*, часто выведенным в заглавие произведения. Например, в программном стихотворении Гийома Аполлинера «Зона» (1913), основанном на принципе *симультанности*, встает большая череда, казалось бы, ничем не связанных между собой образов: улочки Парижа, Прага, Ватикан, автомобили, самолетные ангары и т. д. Однако все эти образы объединяет символическое значение заглавия стихотворения, так как все это – *зона обитания человека*.

Объяснение этого явления можно обнаружить у Ю. Н. Тынянова: «Произведение представляется системой соотнесенных между собой факторов. Соотнесенность каждого фактора с другими есть его *функция* по отношению ко всей системе. Совершенно ясно, что каждая литературная система образуется не мирным взаимодействием всех факторов, но главенством, выдвинутостью одного (или группы), функционально подчиняющего и окрашивающего остальные. Такой фактор носит уже привившееся в русской научной литературе название доминанты (Христиансен, Б. Эйхенбаум). Это не значит, однако, что подчиненные факторы неважны и их можно оставить без внимания. Напротив, этой подчиненностью, этим преобразованием всех факторов со стороны главного и сказывается действие главного фактора, доминанты» [5, с. 227]. Таким

образом, обобщающий символический образ стихотворения «Зона» соответствует понятию структурной *доминанты*, упомянутой Тыняновым.

В заключение следует отметить, что теория лингвистики текста оперирует очень ограниченным числом лексико-синтаксических связей, обеспечивающих целостность текста. Но если вместо сложносочиненного предложения, которое считается в лингвистике текста минимальной моделью текста, рассмотреть текст целиком, то он превращается в произведение, в котором на уровне структурной поэтики обнаруживается большое количество средств, которые связывают все компоненты произведения и формируют его целостность.

Значение связности структурных компонентов произведения хорошо определил Ю. М. Лотман. Ссылаясь на известные слова Льва Толстого о том, что пересказать роман «Анна Каренина» он мог бы, только переписав его слово в слово, он написал: «Толстой необычайно ярко сказал о том, что художественная мысль реализует себя через «сцепление» – структуру – и не существует вне ее, что идея художника реализуется в его модели действительности» [3, с. 18].

Список использованных источников

1. Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. – Москва : Логос, 2003. – 173 с.
2. Левицкий, Ю. А. Лингвистика текста : учебное пособие / Ю. А. Левицкий. – Москва : Высшая школа, 2006. – 207 с.
3. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – Москва : Искусство, 1970. – 380 с.
4. Науман, Манфред. Литературное произведение и история литературы : сборник избранных работ / Манфред Науман. – Москва : Радуга, 1984. – 423 с.
5. Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – Москва : Наука, 1977. – 572 с.
6. Хализев, В. Е. Теория литературы : учебник / В. Е. Хализев. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Высшая школа, 2004. – 405 с.
7. Richard, Jean-Pierre. Proust et le monde sensible / Jean-Pierre Richard. – Paris : Seuil, 1974. – 237 p.

УДК 811.111'282.4(540):81'27

SOCIOLINGUISTIC ASPECTS OF INDIAN ENGLISH IN DELHI

Е. А. Сирица,

старший преподаватель кафедры иностранных языков № 4, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Данная статья посвящена изучению лингвистических и произносительных особенностей индийского английского языка в Дели.

Проблема языкового смешения является предметом многочисленных дискуссий в настоящее время. Наряду с тенденцией к глобализации и массовому распространению упрощенных форм общения на английском языке появилась его территориальная диверсификация и локализация. Английский язык развивается и изменяется не только в горизонтальном измерении (в той или иной территориальной общности, в которой он функционирует), но и в вертикальном, т. е. в социальном измерении.

В статье представлены социолингвистические аспекты индийского английского языка в Дели, что дает возможность полагать, что индийский вариант английского языка и хинглиш – тождественные понятия, синонимы, которые включают в себя специфическое произношение английского языка с индийским акцентом. Именно эта смесь и называется «хинглиш», или «индийский вариант английского языка», и обладает фонетическими, и лексико-семантическими особенностями.

Ключевые слова: глобализация; фонетическая интерференция; межкультурная коммуникация; язык международного общения, Индия, индийский вариант английского языка, хинди, хинглиш, индлеш, Дели.

Summary. This article is devoted to the study of the linguistic and pronunciation features of Indian English in Delhi. The problem of language mixing is the subject of numerous discussions at the present time. Along with the tendency towards globalization and the mass distribution of simplified forms of communication in English, its territorial diversification and localization appeared. The English language develops and changes not only in the horizontal dimension (in one or another territorial community in which it functions), but also in the vertical, i. e., in the social dimension.

The article outlines the sociolinguistic aspects of Indian English in Delhi, which makes it possible to believe that Indian English and Hinglish are identical concepts, synonyms that include specific pronunciation of English with an Indian accent. It is this mixture that is called “Hinglish”, or “Indian English”, and it has some specific phonetic and lexico-semantic features.

Key words: globalization; phonetic interference; intercultural communication; language of international communication, India, Indian English, Hindi, Hinglish, Indlish, Delhi.

The problem of language mixing is still one of the most complex and not fully understood in modern linguistics, and directly follows from the question of the origin of languages on our planet, which is the subject of numerous discussions at the present time. A. A. Leontiev outlined various theories about the origin of language. He mentioned that even in ancient linguistics, scientists were interested in the question of the origin and essence of language [2, p. 173–190].

The aim of the article is to study peculiarities of the phonetic and lexical structure of the Indian variant of English in Delhi.

The relevance of the study is due to:

- 1) high prevalence of Indian English in the everyday speech of Indians;

2) insufficiency of a systematic approach to the study of hybrid languages, in particular Hinglish and Indian English.

The object of the written work is the features of the Indian variant of the English language.

According to the goal, the **main objectives** of the study are determined:

1) to identify the characteristic features of language mixtures based on the English language in cultural, national and sociolinguistic aspects;

2) to analyze the lexical and phonetic features of Hinglish in Delhi.

Along with the trend towards globalization and mass distribution of simplified forms of communication in English, a tendency has emerged towards its territorial diversification and localization, modifications, and changes within a national modern language.

Our days are considered to be the age of globalization and integration. These processes compress space and time, open borders, make it possible to establish contacts anywhere in the world and communicate in “real time”, turning our vast world into *global village*. Therefore, today there is particularly acute need for an international language common to all inhabitants of the planet, which would allow people from different countries to communicate freely with each other. It should be noted that the term “international language” is fixed in linguistics, its various interpretations are given in all linguistic dictionaries, reference books and encyclopedias.

So, according to the definition of O. S. Akhmanova, an international (worldwide, universal, global, universal) language is an artificial auxiliary language offered as a means of international communication [1].

It is important to note the heterogeneity of the indigenous languages of India. Hindi, the most spoken language in India [9], is the official language of the Government of India [10].

The Indian constitution defines 21 official languages that are spoken by a significant part of the population or that have classical status. Among them there are Bengali, Telugu, Marathi, Tamil, Urdu, Rajasthani, Gujarati, Kannada, Malayalam, etc. In addition, there are 1652 dialects in India [2, p. 151–160].

At present, in modern India, in Delhi there is a trend towards lexical and partly grammatical mutual influence of Hindi and English. In this regard, such linguistic terms as Hinglish (mixed Hindi and English in people’s speech) and Indlish (the use of Indian English in speech and literature) appeared.

Hinglish represents a new stage in the borrowing of the English language with the mutual influence of folk cultures. In fact, this is a merger of the two official languages of India – Hindi and English. The linguistic richness of India could not help but influence the English it adopted.

In particular, the changes affected the phonetics, morphology, vocabulary and syntax of this language. Here are some examples of phonetic differences between Delhi Indian English and Classical English are:

- the absence of diphthongs /əʊ/ and /eɪ/, since /eɪ/ becomes long /e:/, and the diphthong /əʊ/ becomes long /ɔ:/ – for example, *rail* /re:l/, *mail* /me:l/;

- not all Hinglish speakers distinguish between vowels by longitude or shortness and rise: /æ/ = /e/, /ɔ:/ = /ɒ/, for example, *advocate* is pronounced as /'edvəkæt/;
- final “a” is almost always silent /ə/ in English (except for words like *spa*), but in Indian English the final “a” is pronounced as a long open central vowel /ɑ:/ instead of /ə/. Thus India sounds like /'ɪndiɑ:/ in Hinglish instead of British /'ɪndiə/, and *sofa* sounds /'sɔ:fɑ:/ instead of /'sɒfə/;
- some words, such as *class*, *staff* and *last*, are pronounced by Indians with the sound /ɑ:/ – /kla:s/, /sta:f/, /la:st/;
- interdental /θ/ and /ð/ absent in Hindi become non-aspirated retroflex /t/ and /d/ or aspirated /tʰ/ /dʰ/ (because in India there are aspirated consonant sounds, on which the meaning of what is said depends). The most common examples here are the /də/, *without* /vɪ'dʌʊt/, *thermometer* /ter'mamɪtər/;
- based on the above-mentioned feature, in Hindi the word *our* is pronounced not /'aʊə(r)/, but /ɑ:(r)/; and the word *flower* is not pronounced as usual /'flaʊə(r)/, but /'flɑ:(r)/;
- voiceless /p, t, k/ lose aspiration in the initial position, although speakers of the southern parts of Delhi pronounce some words with aspiration, for example, the word *pin* does not sound like /pɪn/ in Hinglish, but with a characteristic Indian aspiration: /pʰɪn/;
- all doubled consonants in Hinglish are deliberately pronounced separately, lengthened, for example, *drilling* /'drɪllɪŋ/;
- consonants /l, m, n/ are usually replaced by vowel-consonant clusters /əl/, /əm/ and /ən/, as in *button* - /'bʌttən/, or replaced by /ɪl/ before a vowel, as in *little* - /'lɪttɪl/ [4; 5; 7; 9; 10].

Such corrections were obviously caused by the difference in phonetic norms for the languages of Indian ethnic groups and English. In general, there is an assimilation of the latter, accompanied by a softening and reduction of some sounds and the abolition of the reduction of others.

A number of interesting trends can also be traced in morphology: the formation of new language constructions to indicate the gender of the subject (*cousin brother*, *cousin sister*), the use of English uncountable mass nouns in the plural (*furnitures*), the reduction of words (*enthu* from *enthusiasm*), when borrowing words from Hindi, having a plural form – keeping the ending -s (*rotis*), using the suffix -fy to mean “doing an action for someone” (*muskafy*), etc.

The lexical aspect in the formation of Indian English is extremely interesting. In recent decades, the number of abbreviations used by the younger generation for brevity and simplicity of presentation has increased (*ILY* - *I Love You*, *ABCD* - *American Born Confused Deshi*, *FOB* - *Fresh Off the Board*, etc.). These abbreviations are characterized by an unconventional way of pronunciation for the English language – they are read as they are written (for comparison, in traditional English it is customary to read abbreviations as if it were a whole word). Indian English syntax is not well understood, but it can be argued that Hindi syntax and a number of other major languages has

significantly interfered with the norms of traditional one. Indian English is characterized by repeating words to make speech expressive (*Come, come!*), changing the order of words in a sentence (*What would you like to eat?*), adding additional units to a sentence (*What is your good name?*), using verbs in that the same function as in Hindi (*Will you take tea?*), etc. [6, p. 110–130]. At the same time, Hindi influence on international English cannot be ignored. Thus, David Crystal, Emeritus Professor of Linguistics at the University of Wales and author of more than fifty books on the English language, claims that about 350 million Indians speak Hinglish and consider it their second language [8, p. 153–165], and the growing popularity of Indian culture around the world, including Bollywood movies, means that Hinglish will become the future spoken language outside the continent. In his opinion, certain phrases of Hinglish should become global, since a large number of Indians work in the field of information technology, use the Internet and send emails. For example, in 2005, the new edition of the Collins English Dictionary included twenty-six neologisms of Indian origin. Jeremy Butterfield, Editor-in-Chief of the Collins English Dictionary, states that “the trend towards the penetration of words from different cultures will increase all the time. If new words are used widely enough, they are included in the dictionary and become English words. Most of the Asian words have long become English, among them “*bungalow*” – *a bungalow*, “*bangles*” – *bracelets*, “*shampoo*” – *shampoo* and many others came from the subcontinent [1].

In conclusion, it is important to note that the nature of the interaction of English, Hindi and other languages of the peoples of India in Delhi allows us to judge one optimistic trend in the field of linguistics and international communication: there is an interpenetration and interaction of various, often distant and even opposite cultures in many respects, facilitating communication and mutual understanding of various ethnic groups.

Indian English is a variant of the English language that has a stable grammatical core with some minor deviations. The lexical composition of this variant is mainly a hybrid obtained by mixing English and Indian vocabulary, including some rethinking of existing English words, as well as new formations. Dialects of the Indian variant of the English language are characterized only by phonetic differences, accents. There is almost no differentiation between business and colloquial speech. From the point of view of phonetics, the influence of traditional pronunciation in native languages is felt.

Being a product of English nativization and having certain features, Indian English in Delhi is widely used at all levels of oral speech. As it's a mixed variant of the language, Hinglish has its own characteristics not only in pronunciation, but also in general in the construction of phrases and the construction of sentences. The Hinglish vocabulary is different in that it clearly shows the combination of English words with Indian ones; stable phrases are formed, sometimes acquiring new meanings. In linguistics, the choice of language of communication means switching between two or more languages

(or their varieties) in the context of one single conversation or situation of communication.

References

1. A Hindi-English jumble, spoken by 350 million [Electronic Resource] // The Christian Science Monitor. – Access mode: <https://www.csmonitor.com/2004/1123/p01s03-wosc.html/>. (Access date: 03.11.2022).
2. Ball, M. J. Phonetics for Communication Disorders / M. J. Ball, N. Muller. – Routledge, 2014. – 289 p.
3. Indian English makes further inroads into Queen's language [Electronic Resource] // Rediff.com. – Access mode: <https://www.rediff.com/us/2002/oct/11uk.htm/>. (Access date: 22.02.2023).
4. It's Hinglish, innit [Electronic Resource] // BBC News Magazine. – Access mode: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/magazine/6122072.stm/. (Access date: 21.02.2023).
5. Gyanesh, A. Unhinging Hinglish [Electronic Resource] / A. Gyanesh // The Times of India. – Access mode: http://articles.timesofindia.indiatimes.com/2013-09-15/ludhiana/42080290_1_hindi-language-english-medium-schools-gujarati/. (Access date: 23.02.2023).
6. Kachru, B. B. The Indianization of English: The English Language in India / B. B. Kachru. – New York : Oxford University Press, 1983. – 280 p.
7. Maxwell, K. New word of the month [Electronic Resource] / K. Maxwell // MED Magazine. – Access mode: <http://www.macmillandictionaries.com/MED-Magazine/July2005/32-New-Word-Hinglish.htm/>. (Access date: 10.02.2023).
8. Verma, S. K. Code-switching: Hindi-English / S. K. Verma. – Hyderabad : North-Holland Publishing Company, 1974. – P. 153–165.
9. Wirstiuk, L. Neighborhood Spotlight: Journal Square [Electronic Resource] / L. Wirstiuk // Jersey City Independent. – Access mode: <http://www.jerseycityindependent.com/2014/04/neighborhood-spotlight-journal-square/>. (Access date: 23.01.2023).
10. What is Hinglish? [Electronic Resource] // Thought Co: lifelong learning. – Access mode: <https://www.thoughtco.com/hinglish-language-term-1690836/>. (Access date: 17.02.2023).

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕСЕННОГО ДИСКУРСА СОВРЕМЕННЫХ ФРАНЦУЗСКИХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

А. В. Скляренко,

старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Данная статья посвящена лингвокультурному анализу французского песенного дискурса на примере жанров хип-хопа и R&B. Актуальность заключается в том, что лингвистика текста является недостаточно изученной областью языкознания, и её исследование поможет понять причины воздействия песенных текстов на межкультурную коммуникацию. Целью статьи является выявление основных характеристик исследуемого феномена.

Ключевые слова: песенный дискурс, лингвокультурные особенности, музыкальный жанр, словоформа, французские исполнители, заимствования, верлан.

Summary. This article is devoted to the linguistic and cultural study of French song discourse using the example of Hip-Hop and R&B genres. The relevance lies in the fact that the linguistics of the text is an understudied field of linguistics and its research will help to understand the reasons for the impact of song texts on intercultural communication. The purpose of the article is to identify the main characteristics of the phenomenon under study.

Key words: song discourse, linguistic and cultural features, musical genre, word form, French artists, borrowings, verlan.

Многие лингвисты в наши дни считают, что понятие «песенный дискурс» появилось относительно недавно и ещё недостаточно исследовано. Оно представляет собой изучение только текста песни в совокупности с контекстом его создания и интерпретации, включая эффект, производимый им на слушающего в определённом историко-культурном контексте [1, с. 10]. Язык любого народа постоянно изменяется под влиянием культуры. Такие особенности изучаются лингвокультурологией, одной из отраслей языкознания. Исследования позволяют глубже рассмотреть различные аспекты взаимодействия общества и языка, а также основные механизмы конструирования идентичности [2, с. 23].

Музыка является одним из древнейших видов искусства, в котором переживания, настроения, идеи выражаются в сочетаниях ритмически-организованных звуков и тонов [5, с. 463]. В любой стране и культуре она занимает почётное место.

Французская музыка берёт начало из фольклорных произведений кельтских и германских племён, характеризующихся простотой

музыкально-словесного построения. Позже появляется церковная и светская музыка, шансонье (Жорж Брассенс, Эдит Пиаф, Шарль Азнавур и другие), рок (Джонни Холлидей), рок-н-ролл (Клод Франсуа) и электронная музыка (Жан-Мишель Жарр). В конце XX – начале XXI веков иммигранты из арабских стран и Африки распространяют во Франции такие жанры, как хип-хоп, рэп и R&B (K-Marq, Shy'm, Stromae, Maitre GIMS, Slimane и другие).

Для анализа песенного дискурса необходимо понимать, что каждый жанр – это исторически оформленный, культурно обусловленный, закрепившийся, узнаваемый и перенимаемый набор инвариантных произведений-моделей, специфичных по форме и содержанию, направленных на реализацию некоторых функций [3, с. 243]. Разные стили характеризуются особым дискурсивным пространством, изучение которого должно быть всесторонним.

Например, если рассматривать жанр R&B (Rhythm and blues, R'n'B или RnB) можно сказать, что данная культурная форма имеет не только свою специфику, но и историю. Последнее десятилетие он становится основным веянием массовой песни, однако между 1940-ми и 1960-ми годами этот стиль был, главным образом, популярен среди афроамериканцев. Современный вариант сочетает в себе элементы соула, фанка, танцевальной музыки и хип-хопа. Стиль оказался довольно полноценным и продуктивным хотя бы потому, что в нём появляется все больше и больше арабских и североафриканских парней и девушек с настоящими голосами, талантом и энергией.

Песенный дискурс представляет собой сложную взаимосвязь вербального и невербального компонентов. Такой двойственный характер песен позволяет рассматривать лингвистические и экстралингвистические составляющие текста. Некоторые жанры песен имеют такие культурологические характеристики, которые отображают языковые особенности определённых социальных групп [4]. Их культурные ценности, а зачастую и антиценности, легко воспринимаются, передаются, а иногда и навязываются слушателям.

Жанр хип-хопа способствовал появлению в песнях многих запретных тем, повсеместному употреблению вульгарных и нецензурных выражений. Стиль микса из французских, английских, арабских, североафриканских слов стал популярным среди молодёжи.

Процесс перехода заимствований из других языков в разряд общеупотребительных французских словоформ характеризуется как стремительный. В связи с этим правительство страны старается защитить родной язык от неологизмов, имеющих, в основном, иммигрантские корни. Такие запреты поддерживаются в высших кругах, в государственных и образовательных учреждениях, в деловой и письменной коммуникации, но в разговорной речи молодёжи такие изменения укрепляются и иногда переходят в общеупотребительные словоформы. Тексты французских современных песен отражают актуальные процессы, происходящие в

языке и культуре, передают своеобразие речи представителей региональной и молодежной социокультур.

Лексика текстов знаменитых исполнителей жанров хип-хоп, рэп и R&B интенсивно проникает в нормативный язык, благодаря довольно быстрой популяризации этих видов музыкальной культуры. Давайте обратимся к исполнителю K-Marq, родившемуся в Ливане и иммигрировавшему во Францию в возрасте 11 лет. В своей песне *Let's go*, ставшей невероятно популярной в 2006 году, он употребляет слово «*le bled*» (означающее деревню на севере Африки), которое стало использоваться повсеместно во французском языке с негативным оттенком «дыра, захолустье». Здесь же мы встречаем слово «*aight*», являющееся сокращением фразы *all right*. Считается, что данная словоформа появилась в южной части США и благодаря культуре хип-хопа употребляется в современных средствах массовой информации, фильмах и шоу. В песне *Million dollar boy* K-Marq использует сокращение MC фразы *masters of ceremonies* (церемониймейстер), которое в современном молодёжном сленге означает «хозяин вечеринки».

Многие сегодняшние исполнители продолжают употреблять английскую лексику в названиях песен и в припевах, чтобы привлечь как можно более широкую аудиторию. Часто используемые в различных культурах, легко запоминающиеся слова помогают хитам оставаться в памяти слушающего, фонетически придавая особый вид музыкальному произведению. В качестве примеров можно привести названия песен *Let's go*, *Million dollar boy* (K-Marq), *Only you* (Maitre Gims), *Cool, Gentleman* (Kendji Girac), *Save my way*, *Cape Town*, *Black Marilyn*, *Step Back* (Shy'm). Во многих произведениях данных исполнителей припевы звучат на английском языке, а иногда встречается смешение двух языков в одном предложении. *Je serais ta lady*, *Lyrics t'avoir tout près de moi*, *A qui veut l'entendre : I love you* (Shy'm), *Nous sommes la new generation eighties*, *Merci pour ces 10 ans*, *K-money baby*, *Dix ans déjà, thank you* (K-Marq), *C'est only you, only me*, *Quand est-ce qu'on s'revoit seuls, my pretty girl?* (Maitre Gims). Это обусловлено общими тенденциями современного мирового сообщества, принимающего западную культуру как образец для подражания, развитие английского языка как доминирующего в мире.

Последние несколько лет наблюдается тенденция использования в текстах песен рассматриваемых исполнителей не только французского, английского, но и других языков: испанского и арабского. Такой выбор обусловлен тем, что испанский язык является одним из самых распространённых в мире и входит в рабочие языки ООН. На арабском языке говорит приблизительно 3% населения Франции, которое является основными поклонниками современных музыкальных жанров.

Например, в работе с популярным американским диджеем Super Sako над ремиксом армянской песни *Mi gna* Maitre Gims, родившийся в Киншасе, перемешивает куплеты на армянском, французском и английском языках. В песнях исполнителя встречаются арабские слова:

habibi (любимый), arhbo (араб. сленг добро пожаловать), mahboula (сумасшедшая), kouma (говорить, рассказывать), а также испанские слова hola señorita (здравствуйте, сеньорита), día (день), baila mamasita (танцуй, дорогая), la dolce vita (сладкая жизнь).

Kendji Girac, родившийся во Франции в семье каталонских цыган, исполняет песни на французском и испанском языках или смешивает их: Olé, vamos (исп. эй, пойдём), más mujer (исп. моя жена). Кроме того у него так же встречается обращение на арабском «habibi».

Shy'm кроме испанского viva (да здравствует) употребляет древне греческое слово agaré (жертвенная любовь). Рассматривая приведённые примеры, можно предположить, что авторы используют иноязычные слова для привлечения внимания к основной теме текста, выделению существенных моментов или, если аналога данного понятия во французском языке не существует (например, agaré).

Современная французская молодёжь хочет отличаться от старшего поколения. Изысканный язык интеллектуалов, правильный и скучный язык ведущих радио и телевидения кажется ей унылым. Для более яркого выражения эмоций, экспрессивности, восхищения или пренебрежения молодые люди используют различные способы словообразования: заимствования, аргю и верлан.

В песенном дискурсе верлан так же получил широкое распространение. Verlan это перевёртыш слова l'envers (наоборот, задом наперед). Изначально он был придуман жителями пригородов и неблагополучных районов с целью создания языка, непонятного для полиции и прочих классовых врагов. Суть заключается в том, что в слове меняется местами первый и последний слог, и их перемена влияет на произношение и орфографию, иногда могут перемешиваться гласные и согласные звуки. Способы верланизации различны, так как правил нет, и существует безграничный простор для творчества.

Некоторые слова уже прочно вошли в язык в изменённом виде, например: fête (праздник)→ teuf, fou (сумасшедший)→ ouf, prison (тюрьма)→ zopri, femme (женщина)→ fa meu→ meu fa→meufa→meuf, flic (полицейский)→fli keu→ keu fli→ keufli→ keuf.

Поль Ван Авер, бельгийский певец, подобрал себе сценический псевдоним Stromae (maestro), используя именно такой способ словообразования.

Примеры верлан можно встретить у многих исполнителей:

Maitre Gims «Warano Style»:

le garçon de Rispa (←Paris) appelle moi, ou ton jetpro (←projet) va rerfoi (←foirer);

Kendji Girac «Bella»:

Les gens du coin ne voulaient pas la cher-lâ (←lâcher). Bête comme mes ieds-p (←pieds), J'suis l'ombre de ton ien-ch (←chien);

AYA NAKAMURA «DEGAINE», «VIP»:

Té-ma (←mater (regarder)) la dégaine. Dans ma vie, j'fais que les gros
Plets-bi (←billets))

Употребление верлан в текстах песен может выполнять несколько функций. В первую очередь, аттрактивную, так как новые слова всегда привлекают внимание, вызывают желание узнать их значение и соответственно переслушать песню ещё раз. Во-вторых, эмоциональную, поскольку исполнители выражают свои чувства и стараются передать их слушателю. Наконец, демонстративную, посредством которой исполнитель подчёркивает свою уникальность и непохожесть.

Таким образом, песенный дискурс представляет собой многоаспектное художественное понятие, единство музыкального и вербального компонентов, имеющее взаимозависимые связи с культурой. Отличительной чертой современных музыкальных жанров является агрессивный стиль, использующий сленг, разговорную лексику и различные словообразовательные вариации. Языковые средства, используемые в песнях, формируют эмоции и предпочтения слушателей.

Список использованных источников

1. Дуняшева, Л. Г. Лингвокультурные особенности конструирования гендера в афроамериканском песенном дискурсе: на материале жанров блюз и рэп : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Лилия Гаффаровна Дуняшева ; Нижегород. гос. лингвист. ун-т. им. Н. А. Добролюбова. – Нижний Новгород, 2012. – 24 с.
2. Чумак-Жунь, И. И. Дискурсивное пространство поэтического текста: образное слово в русской лирике конца XVIII – начала XXI веков : специальность 10.02.01 : автореф. дис. ... докт. филол. наук / Ирина Ивановна Чумак-Жунь ; Белгород. гос. ун-т. – Белгород, 2009. – 38 с.
3. Шевченко, О. В. Тематическое своеобразие песенных текстов как способ реализации функций жанров песенного дискурса / О. В. Шевченко // Известия Росс. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – № 115. – Санкт-Петербург : ООО «Книжный дом», 2009. – С. 242–249.
4. Янченко, Я. М. Лингвистический аспект исследований песенного дискурса: актуальность и многоаспектность / Я. М. Янченко // Мир науки. Социология, филология, культурология. – № 4. – URL: <https://sfgm.ru/PDF/29FLSK419.pdf>. (дата обращения: 10.02.2023).
5. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – Москва : Альта-Принт, 2007. – 1239 с.

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А. Г. Службина¹, Н. А. Вовк², В. О. Черненко³,

¹старший преподаватель кафедры иностранных языков № 4, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

³обучающаяся 4-го курса, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Основная цель статьи состоит в рассмотрении способов образования окказионализмов в научной фантастике (далее – НФ). Эта цель обуславливает постановку следующих задач: 1) охарактеризовать термин «НФ»; 2) рассмотреть понятие «окказионализм»; 3) сопоставить термины «окказионализм» и «неологизм»; 4) проанализировать способы образования окказиональных единиц в произведениях НФ.

В результате исследования авторы выделили три группы окказионализмов с точки зрения словообразования и мотивации. В ходе исследования были использованы аналитический и сопоставительный методы, метод сплошной выборки и деривационного анализа.

Ключевые слова: научная фантастика, окказионализм, неологизм, мотивация, словообразование, словосложение, телескопия.

Summary. The main purpose of the article is to consider the ways of occasionalism formation in the science fiction (further – SF). The purpose stipulates the formulation of the following tasks: 1) to characterize the term “SF”; 2) to consider the notion “occasionalism”; 3) to compare the terms “occasionalism” and “neologism”; 4) to analyze the ways of occasionalism formation in the sci-fi works.

As the result of the research the authors defined three groups of occasionalisms from word formation and motivation point of view. During the research there were used the analytical, comparative, and continuous sampling methods as well as the method of derivational analysis.

Key words: science fiction, occasionalism, neologism, motivation, word formation, compounding, telescoping.

Научная фантастика занимает особое, рубежное положение, поскольку находится на стыке жанров научной и художественной литературы, что вызывает оживленные споры среди ученых. НФ зародилась как жанр в 20-30-х годах прошлого столетия и считалась беллетристикой, популяризирующей науку. В 40-60-е годы научная

фантастика все еще была на периферии художественной литературы с преобладанием фактографического подхода к ее исследованию. Впоследствии НФ начали рассматривать как самостоятельный литературный жанр. Исследователи глубоко проанализировали социокультурную специфику научной фантастики, особенности ее художественного объекта и метода. Также были намечены перспективы развития в исследовании жанра.

У термина «НФ» существует много определений. Одно из них формулируется как «научно организованная форма художественного воображения» [5]. С другой стороны, научная фантастика представляет собой «разновидность фантастической литературы, проникнутую материалистическим взглядом на реальность и основанную на представлении о том, что наука (современная или будущая) способна разрешить все тайны нашей Вселенной» [3, с. 42]. В «Современной энциклопедии» под «НФ» понимается «вид художественной фантастики, отрасль художественной литературы, а также кино, театра, живописи, посвященная главным образом художественному прогнозированию будущего» [6]. В энциклопедии «Британника» научная фантастика подается как форма художественной литературы, которая, в основном, описывает влияние реальной или воображаемой науки на общество или людей [12].

Для НФ характерен поиск новых лексических единиц. К последним предъявляется такое требование, как подчеркнутая экспрессивность, которая усиливает индивидуализацию речи [4]. Фантастичность, будучи стилистической доминантой этого литературного жанра, является причиной языкового творчества авторов текстов НФ. На практике это выражается в создании окказионализмов.

Исследователи по-разному видят термин «окказионализм». Словарь Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой трактует его как «слово, образованное по непродуктивной модели, используемое только в условиях данного контекста» [7, с. 174]. А. П. Сковородников считает, что окказионализмы – (от лат. *occasionalis* – случайный) – это «неузуальные речевые единицы (чаще всего – слова), или неузуальные значения языковых единиц, создаваемые говорящим/пишущим для выражения какого-либо индивидуального смысла, обусловленного конкретным контекстом» [8, с. 193].

Как правило, окказионализмы широко не распространяются в языке. Также они не становятся единицами его словарного состава. Синонимичными термину «окказионализм» являются такие лексические единицы, как «слова-самоделки», «слова-однодневки», «слова-метеоры», которые передают «случайную» природу таких лексических единиц. Также есть точка зрения, что «окказионализм» и «неологизм» представляют собой явления одинакового порядка, однако, в действительности это совсем не так. О. Н. Емельянова определяет неологизмы как «слова, лексико-семантические варианты или словосочетания, созданные или

заимствованные для обозначения новых (прежде неизвестных) предметов, явлений или понятий» [2, с. 183].

Филологи выделяют критерии, по которым следует отличать эти два понятия. Н. А. Белова выделяет такие критерии, по которым разграничиваются неологизмы и окказионализмы: 1) принадлежность слова к языку или речи (неологизм принадлежит к языку; окказиональные слова – это явления речи, так и не сумевшие закрепиться в языке); 2) производность (для неологизмов – это необязательное свойство; для окказионализмов – разные точки зрения); 3) зависимость от контекста (неологизмы не связаны с определённым контекстом, что их отличает от окказионализмов) [1].

Эмпирический материал был взят из ряда научно-фантастических произведений: «The Naked Sun» (A. Asimov) [9]; «Farmer in the Sky» (R. Heinlein) [10]; «One man's poison» (Sheckley R.) [11]. С точки зрения образования были выделены три группы окказиональных единиц. Первая из них включает слова и словосочетания, которые образованы по существующим в английском языке моделям. Их семантика имеет высокую степень мотивации, поскольку образована из компонентов, присутствующих в английском языке. Были выделены такие способы, как: словосложение («diamagnetic force-field, radiocontrolled flight» [9]; «mass-conversion ship» [10]; «vomitash, ship's burner» [11]); телескопия: («vigroom = vigor + mushroom; verbell = verb + bell» [11]).

Вторая группа окказионализмов по мотивации прямо противоположна первой, поскольку вызывает значительные сложности для понимания. Это фонетические окказионализмы, которые представляют инопланетный язык: «Argosel, morog, amphus, mungus, Aloombrigia» [11].

Окказионализмы третьей группы представляют собой комбинацию первых двух групп. В лексической единице присутствует часть из инопланетного языка, которая сложна для понимания, и элемент из английского языка, повышающий уровень мотивации окказионализма: «Aloombrigians = Aloombrigia + (ia)ns; Aloombrigian language; Pvastkin's plugger» [11]. Была выявлена окказиональная единица, сформированная с помощью эпентезы, то есть вставки звука или буквы внутрь слова. Это слово «sniffner» [11], которое образовано с помощью добавления буквы n перед суффиксом –er.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Термин «НФ» располагает множеством дефиниций. Среди основополагающих компонентов значения этого понятия является научность, нереальность и художественность повествования.
2. Для НФ характерен поиск новых лексических единиц. В практическом отношении это выражается в создании окказионализмов. Последние представляют собой речевые единицы или неузуальные значения языковых единиц, которые употребляются в конкретном контексте.

3. Неологизмы представляют собой слова, лексико-семантические варианты или словосочетания, которые созданы или заимствованы для того, чтобы обозначать новые предметы, явления или понятия.
4. Эти два понятия отличаются друг от друга по следующим критериям: 1) принадлежность слова к языку или речи; 2) производность; 3) зависимость от контекста.
5. Анализ эмпирического материала из научно-фантастических произведений позволил выделить три группы окказионализмов с точки зрения словообразования и мотивации. Первая из них включает лексические единицы, образованные по моделям, существующим в английском языке (словосложение и телескопия). Их семантика имеет высокую степень мотивации. Вторая группа таких слов вызывает значительные сложности для понимания, поскольку это фонетические окказионализмы, представляющие «инопланетный» язык. В третью группу входят смешанные окказионализмы, в которых присутствует часть из выдуманного языка и элемент из английского. Последний повышает уровень мотивации таких лексических единиц. Также был выявлен случай эпентезы.

Список использованных источников

1. Белова, Н. А. О критериях разграничения понятий «неологизм», «окказионализм» и «потенциальное слово» / Н. А. Белова. – URL: https://conf.msu.ru/archive/Lomonosov_2009/russian/lexis/belova.pdf. (дата обращения: 31.03.2023).
2. Емельянова, О. Н. Неологизмы / О. Н. Емельянова // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. – 3-е изд., стереотип. – Москва : ФЛИНТА, 2011. – С. 183–184.
3. Данилов, Д. Д. Особенности жанра научной фантастики в творчестве Говарда Лавкрафта / Д. Д. Данилов // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». – 2011. – № 3 (218). – С. 42–48.
4. Ковалик, Ю. Н. «Фантастическая реальность»: опыт лингвистического подхода / Ю. Н. Ковалик // Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции-семинара, посвященного творчеству И. А. Ефремова и проблемам научной фантастики. – Николаев, 1988. – С. 121–123.
5. Научная фантастика // Большая советская энциклопедия. – URL: https://gufo.me/dict/bse/%D0%9D%D0%B0%D1%83%D1%87%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%84%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0. (дата обращения: 01.04.2023).
6. Научная фантастика // Современная энциклопедия (2000). – URL: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/modern/fc/slovar-205-1.htm#zag-7281>. (дата обращения: 01.04.2023).
7. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – Москва : Просвещение, 1985. – 543 с.

8. Сковородников, А. П. Окказионализмы / А. П. Сковородников // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. – 3-е изд., стереотип. – Москва : ФЛИНТА, 2011. – С. 193–195.
9. Asimov, A. The Naked Sun / A. Asimov. – New York : Doubleday, 1965. – 269 p.
10. Heinlein, R. Farmer in the Sky / R. Heinlein. – Riverdale : Baen, 2009. – 290 p.
11. Sheckley, R. One man's poison / R. Sheckley // Galaxy science fiction. – 1953. – December. – P. 33–46.
12. Sterling, B. Science Fiction [Electronic Resource] / Bruce Sterling // Encyclopaedia Britannica. – Access mode: <https://www.britannica.com/art/science-fiction>. (Access date: 01.04.2023).

УДК 372.881.111.1

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ ДЛЯ РАБОТЫ В СФЕРЕ ТУРИЗМА И ГОСТЕПРИИМСТВА

Н. С. Стрембицкая¹, Л. И. Стрембицкая²,

*¹ведущий специалист дирекции, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

*²обучающаяся кафедры туризма, Институт «Таврическая академия»,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Английский язык стал лингва франка во многих областях деятельности, включая индустрию туризма и гостеприимства. Цель данной работы – рассмотреть и проанализировать основные задачи, понятия и элементы преподавания и изучения Английского для специальных целей (ESP – English for Specific Purposes), а также Английского для сферы туризма (ETP – English for Tourism Purposes), основные требования для подготовки высококвалифицированного персонала, связанные со спецификой рабочего места. Выбор методов исследования (обзор проблематики, описание и сопоставительный анализ) обусловлен целью работы. В результате представлены основные методы и подходы в обучении английскому языку работников сферы туризма, принципы отбора материала и основные навыки, необходимые для успешной реализации профессиональной деятельности.

Ключевые слова: Английский для специальных целей, Английский для сферы туризма, Английский для работы, индустрия туризма и гостеприимства, требования к рабочим местам, языковые навыки.

Summary. The English language has become lingua franca in many spheres including tourism and hospitality. The purpose of the research is to consider and analyze the main tasks, concepts and elements of teaching and learning English for Specific Purposes (ESP) as well as English for Tourism Purposes (ETP). The article also presents the main requirements aimed at training highly-qualified personnel for the industry based on the workplace specifics. The choice of research methods (review of issues, description and comparative analysis) is due to the purpose of the article. As a result the main methods and approaches to teaching English for tourism and hospitality staff alongside with the principles of teaching material selection and the main skills necessary for successful professional performance are given.

Key words: English for Specific Purposes (ESP), English for Tourism Purposes (ETP), English for Occupational Purposes (EOP), tourism and hospitality, workplace requirements, language skills.

Стремительное развитие индустрии туризма и гостеприимства может значительно повлиять на развитие английского языка в 21 веке. Знание английского языка работниками сферы туризма играет важную роль в качестве предоставляемых услуг, поэтому представители данной сферы деятельности не могут недооценивать важность владения адекватными и качественными знаниями иностранного языка на рабочем месте. Этот вызов не только для работающих в данной области, но и для преподавателей, так как, в первую очередь, развитие подходов и методик обучения должно основываться на возможности практического применения полученных знаний.

Английский язык для индустрии туризма и гостеприимства используется в сфере международного туризма и попадает под категорию Английского для специальных целей (далее – ESP (English for Specific Purposes)), и важность его практического применения должна приниматься во внимание [11]. Английский доминирует во многих сферах деятельности: образование, экономика, технологии, средства массовой коммуникации, научные исследования, туризм и медицина. Задача ESP – определить специфические потребности изучающих язык, а также создать курс, максимально удовлетворяющий эти потребности. В связи с вышесказанным, некоторые изменения уже были внесены в подход к созданию курсов ESP с целью улучшения качества достижения специфических целей и задач. Основным отличием ESP от Обучения английскому языку (далее – ELT (English Language Teaching)) является то, что слушатели курса ESP, по умолчанию, это люди, которые уже знакомы с английским языком, овладели базовыми навыками чтения, письма, говорения, аудирования, владеют лексическими и грамматическими конструкциями общеупотребительной речи, умеют общаться на бытовом уровне. Их задача на данном этапе – изучения языка для выполнения

функций, связанных с профессиональной деятельностью, овладения коммуникативными навыками, связанными с лексическими особенностями подязыка специальности.

ESP – это термин, который определяет преподавание и изучение английского языка для профессиональных целей. Робинсон считает, что ESP является разновидностью ELT как разновидность целеориентированного изучения иностранного языка. [11]. Под данным определением следует понимать, что изучение английского языка не является самоцелью, а лишь средством овладения определенными навыками. Таким образом, профессионалы в сфере туризма изучают иностранный язык с целью выполнения определенных задач на английском языке, а не из чистого интереса к предмету, делая акцент на достижении достаточного и удовлетворительного уровня знаний для работы в сфере своих профессиональных интересов.

В настоящее время выделяют несколько видов ESP, таких как:

1. Английский для академических целей (English for Academic Purposes);
2. Английский для работы (English for Occupational Purposes);
3. Английский для бизнес-целей (English for Business Purposes);
4. Английский для профессиональных целей (English for Professional Purposes);
5. Английский для туристических целей (English for Vacation Purposes);
6. Английский для авиации (English for Aviation)[2].

Английский для работы (English for Occupational Purposes), являясь частью ESP, подразумевает изучение основных языковых навыков и является обязательным для подготовки обучающегося к любому виду деятельности на любом рабочем месте в будущем. Хортас считает, что подобные программы также необходимы для овладения коммуникативными компетенциями в профессиональной сфере, и наряду с ESP должен быть направлен на достижения обучающимся удовлетворительного уровня знаний английского языка для работы в выбранной области и профессии, а в дальнейшем для получения новых знаний, повышения эффективности и дальнейшего карьерного роста [11].

В качестве примера можно привести модель изучения ESP для индустрии туризма и гостеприимства профессора Хуанга [11]:

1. Английский для ресторанного питания (English for Food and Beverage Services);
2. Английский для авиационного обслуживания (English for Air Flight Services);
3. Английский для гостиничного дела (English for Hotel Services);
4. Английский для тур-менеджеров и гидов (English for Tour Managers and Guides).

Преподаватели университета Градец Кралове, Чехия, в свою очередь, предлагают разделить материал на отработку навыков говорения на 12

основных тематических направлений, среди которых такие как СМИ в туризме, основные тенденции и причины для путешествий, средства передвижения, объекты размещения, культурное наследие, профессии в туризме, изучение географических терминов [6]. Также они утверждают, что знание специализированной терминологии, грамотное употребление релевантной профессиональной лексики наряду с хорошими знаниями грамматики являются неотъемлемыми и самыми важными навыками для осуществления коммуникации на иностранном языке в различных областях туризма.

Для закрепления и всесторонней отработки навыков говорения мы предлагаем использовать в обучении не только специализированные тексты, а также раздаточные и аудио-визуальные материалы с текстовой поддержкой, кейсы, подготовка и презентация докладов и панельные дискуссии. Такие современные мультимедийные средства, как цифровые приложения и программы тренажеры должны также внедряться в учебный процесс наряду с традиционными средствами обучения.

Несмотря на то, что в настоящее время нет недостатка в различных учебниках, учебных материалах и пособиях для изучения английского языка для работы в сфере туризма и гостеприимства, сторонники корпусного подхода к изучению ESP утверждают, что специфика курса требует создания дополнительного корпуса материалов для работы на занятии. Объясняется это тем, что существующие учебники не полностью адаптированы к специфическим потребностям обучающегося в связи с тем, что они содержат слишком обширный или обобщенный материал. Таким образом, такой «необработанный» материал является искусственным и его изучение не способствует достижению конечной коммуникативной цели, а также не соответствует потребностям и ожиданиям обучающихся [7]. Опираясь на многолетний опыт работы, нельзя не согласиться с вышеприведенной точкой зрения. Но в связи с этим возникает вопрос о необходимости создания специальных глоссариев, лингвистических подборок, списков ключевой терминологии для дальнейшего отбора текстовых и прочих учебных материалов.

Изучив данную проблематику, мы можем предложить некоторые источники, которые могли бы стать полезными для разработки глоссария и отбора терминологического корпуса для специалистов индустрии туризма и гостеприимства [3; 4; 5; 8; 9; 10]. Безусловно, данная работа требует профессионального и скрупулезного подхода, а также продолжительного периода апробации для качественного и полноценного внедрения в учебный процесс.

Коллеги из Российского государственного университета туризма и сервиса в качестве основных тем, которые, по нашему мнению, можно было бы положить в основу составления и разработки лексических корпусов предлагают следующие: Accommodation (размещение), Catering (питание) и Flight (перелет). В дальнейшем эти темы активно формируются при работе над навыками говорения, чтения, аудирования и письма [1].

На старших курсах ими предлагаются следующие профессиональные темы, в соответствии с профилем обучения:

- Туризм: «Турагентская, туроператорская деятельность», «Системы бронирования», «Рынок турпродукта» и др.
- Гостиничное дело: «Классификация отелей», «Крупнейшие мировые сети гостиниц», «Мировые стандарты обслуживания в сфере гостеприимства» и др.
- Ресторанный сервис: «Экономическая модель развития ресторанного бизнеса», «Подбор и обучение персонала для разных уровней обслуживания», Система оценивания и гид «Мишлен» и др. [1].

Безусловно, список тем может варьироваться в зависимости от количества часов, отведенных на изучение курса, профессиональной специфики и потребностей обучающихся.

В заключение еще раз отметим, что профессиональное общение на английском языке в индустрии туризма, гостеприимства и общественного питания HoReCa (Notes, Restaurants, Catering) между гостями и принимающей стороной включает в себя интерактивную коммуникацию. Таким образом, персонал, работающий в данной сфере, должен иметь хорошие навыки общения на профессиональные темы, а также владеть определенным лексическим потенциалом. Не стоит пренебрегать и отработкой навыков общения на английском языке, т.е. обращать внимание на развитие беглости и грамотности речевого потока. Уверенное владение иностранным языком не является преувеличением, так как в вакансиях обычно указывается уровень не ниже Intermediate / Upper-Intermediate, что подразумевает умение адекватно использовать полученные знания в повседневной профессиональной рутине, умение пользоваться иностранным языком как лингвистическим инструментом для эффективного выполнения профессиональных задач в естественных коммуникативных ситуациях.

Список использованных источников

1. Костоварова, В. В. Цифровые образовательные технологии в обучении иностранному языку в Университете туризма и гостеприимства : статья / В. В. Костоварова // Сервис plus. – 2022. – Т. 16. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/journal/n/servis-plus?i=1117852>. (дата обращения: 07.03.2023).
2. Павлюкевич, Л. В. Методика обучения иностранному языку для специальных целей в сфере туризма и гостеприимства : статья / Л. В. Павлюкевич, Я. Г. Пирогова // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – 2020. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-obucheniya-angliyskomu-yazyku-dlya-spetsialnyh-tseley-v-sfere-turizma-i-gostepriimstva>. (дата обращения: 07.03.2023).
3. A Dictionary of Travel and Tourism / Oxford reference [Electronic Resource]. – Access mode:

<https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780191733987.001.0001/acref-9780191733987>. (Access date: 05.03.2023).

4. Glossary of Tourism terms / UNWTO [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.unwto.org/glossary-tourism-terms> (Access date: 05.03.2023).

5. IELTS Vocabulary – Tourism / Benchmark. Education Solutions [Electronic Resource]. – Access mode: <https://edubenchmark.com/blog/vocabulary-topic-tourism/>. (Access date: 05.03.2023).

6. Kacatl, J. English Language Teaching for Students of Management of Travel and Tourism [Electronic Resource] / J. Kacatl. – Access mode: https://www.researchgate.net/publication/327036172_English_language_teaching_for_students_of_management_of_travel_and_tourism. (Access date: 02.03.2023).

7. Marza, N. E. A Practical Corpus-based Approach to teaching English for Tourism [Electronic Resource] / N. E. Marza. – Access mode: <http://www.journals.aiac.org.au/index.php/IJALEL/article/view/1033>. (Access date: 01.03.2023).

8. Popular Keyword – Travel Keywords / Search Popular Keywords in Your Industry [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.wordstream.com/popular-keywords/travel-keywords>. (Access date: 05.03.2023).

9. Tourism Glossary / Sustainable Tourism Info Sheets [Electronic Resource]. – Access mode: <http://www.gdrc.org/uem/eco-tour/t-glossary.html>. (Access date: 05.03.2023).

10. Travel and Vocabulary Word List – A to Z / EnglishBix [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.englishbix.com/travel-vocabulary-words/>. (Access date: 05.03.2023).

11. Zahedpisheh, N. English for Tourism and Hospitality Purposes [Electronic Resource] / N. Zahedpisheh. – Access mode: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1151526.pdf>. (Access date: 02.03.2023).

УДК 372.881

КОМПЕТЕНЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РКИ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ, СОЗВУЧНЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XXI ВЕКА

Н. И. Таткало¹, И. Р. Саркисян²

¹доктор педагогических наук, профессор, декан факультета русского и иностранных языков, Государственный университет имени В. Я. Брюсова, Армения

²доктор педагогических наук, профессор кафедры русского и славянских языков, Государственный университет имени В. Я. Брюсова, Армения

Аннотация. Успех в процессе иноязычного образования в Армении может быть достигнут только в том случае, если к самому процессу

подходить как к образованию, а не как к обучению тем или иным знаниям и навыкам. С этой позиции особую важность приобретает интегрирование компетентностного подхода с культуроведческим.

Ключевые слова: современная парадигма образования, компетенции XXI века, профессиональные компетенции, межкультурная компетенция, непрерывное образование, иноязычная культура.

Summary. Success in the process of foreign language education in Armenia can be achieved only if the process itself is approached as education, and not as the teaching of certain knowledge and skills. From this position the integration of the competence-based approach with cultural studies becomes particularly important.

Key words: modern education paradigm, competences of the XXI century, professional competences, intercultural competence, continuous education, foreign language culture.

В современных условиях глобализации, изменения в социальной сфере, необходимость трансформации образования, с одной стороны, и осознанием наличия кризисных элементов в этой системе, с другой, а именно – консервативности системы образования, разрыва между получаемыми профессиональными компетенциями и быстро меняющимися требованиями реальной жизни, информатизацией общества, на первый план выдвигается вопрос о пересмотре парадигмы и логики современного образования и формировании компетенций века.

Логика современного образования, по мнению большинства специалистов, должна сформировать будущих профессионалов, сочетающих в себе креативность мышления и способность к самостоятельному действию, реальному оцениванию своих действий, способность к сопереживанию, уважение к окружающим, к коммуникации в самом широком смысле этого понятия: профессиональной, бытовой и, что очень важно, межкультурной. Современный специалист должен обладать четкими моральными категориями, понимая свою ответственность перед окружающими и реально оценивая свои возможности. Особое место в портрете современного специалиста занимает помимо профессиональных компетенций, высокий интеллект, знание и восприятие культурного разнообразия и традиций.

Центральную модель современной образовательной системы составляют четыре основополагающие компетенции, так называемые «4К»: Коммуникация; Креативность; Критическое мышление; Кооперация.

Исходя из этих четырех основ, различные страны разработали свои ключевые компетенции, так, например, Европейская рамка ключевых компетенций (European Framework of Key Competences) представлена 8-ю основными компетенциями:

1. Коммуникация на родном языке;
2. Коммуникация на иностранном языке;
3. Математическая грамотность и базовая научная и технологическая компетенция;

4. ИКТ-грамотность;
5. Умение учиться;
6. Социальная и гражданская грамотность;
7. Инициативность и предпринимательская активность;
8. Культурная осведомленность и самовыражение.

В китайской действительности современные компетенции рассматриваются в несколько ином ключе:

1. Гуманитарный контекст: аккумуляция культуры, развитие общечеловеческих чувств, формирование эстетического интереса.

2. Научный подход: рациональное мышление, критический подход к формулированию вопросов / задач, смелость в освоении нового.

3. Умение учиться: обучение в радость, эффективное обучение, внимание к самооценке, работа с информацией и смыслами.

4. Здоровый образ жизни: признание жизни как ценности, ориентация на целостность личности, управление собой.

5. Принятие ответственности: общественная ответственность, национальная идентичность, понимание международного контекста.

6. Инновационность и практичность: ценность работы, решение проблем, владение прикладными технологиями (Компетенции XXI века в национальных стандартах школьного образования. Аналитический обзор).

Говоря о системе образования в РА и проблемах в данной сфере, необходимо отметить, что общие подходы к образованию не вполне соответствуют требованиям, предъявляемым к компетенциям XXI века: уровни и формы образовательной системы не дополняют друг друга, не составляют логического единства, а зачастую противоречат друг другу в той степени, в какой необходимые в современной образовательной системе инновационные подходы и технологии противоречат системе традиционного обучения, принятой в большинстве школ нашей республики (ориентация на коммуникацию, критическое мышление, социальная грамотность и другие современные компетенции) противоречат подходам в реальном учебном процессе, а именно: отсутствует согласованность знаний, рассмотрение культуры в широком аспекте, научный подход, социальная грамотность, методы, направленные на обучение учащихся самостоятельно учиться, и т. д.

Таким образом, вполне очевидно, что назрела необходимость рационального переосмысления тех подходов, которые реализуются в армянском образовательном пространстве и которые не полностью, а зачастую полностью не соответствуют ключевым компетенциям, необходимым для процесса образования в XXI веке в широком смысле данных понятий.

На наш взгляд, пришло время пересмотра концепции изучения иностранных языков, пересмотра теоретико- методологических основ и принятие новой гуманистической концепции непрерывного иноязычного образования, созвучного с современными ключевыми компетенциями.

Представленные выше европейские и китайские ключевые компетенции подводят нас к мнению, что приоритетным в китайской модели является гуманитарный контекст: аккумуляция культуры, развитие общечеловеческих чувств, формирование эстетического интереса, что, на наш взгляд, актуально и для образовательной модели РА.

Успех в процессе иноязычного образования в Армении может быть достигнут только в том случае, если к самому процессу подходить как к **образованию**, а не как к **обучению** тем или иным знаниям и навыкам. С этой позиции особую важность приобретает интегрирование компетентностного подхода с культуроведческим, так как именно культуроведческая составляющая в процессе иноязычного образования является основным мотивирующим фактором дальнейшей деятельности. В процессе изучения иноязычной культуры преподавание строится в аспекте диалога культур, в аспекте межкультурной коммуникации [10].

Обучение любому иностранному языку естественно предполагает обязательное знакомство с культурой страны изучаемого языка, ее историей, основными национальными традициями, нравами и обычаями. Этого условия практически всегда придерживались методисты-русисты нашей республики, что нашло свое реальное воплощение в различных методических системах, практических разработках, пособиях и учебниках по русскому языку как для школ, так и для вузов РА. Одни из основоположников данного подхода (лингвострановедение) к обучению иностранным языкам Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров справедливо определяют его как такой аспект преподавания иностранного языка, в котором «лингводидактически реализуется кумулятивная функция языка и проводится аккумуляция адресата» [4, с. 32].

В настоящее время в Армении передовые идеи лингвокультурологического подхода, разработанные в трудах Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова, В. В. Воробьева, С. Г. Тер-Минасовой и других исследователей (Е. К. Анисимова, 2003 [2]; Р. Белл, 1980 [3]; В. И. Карасик, 2004 [6]; Ю. Н. Караулов, 1987 [7]; В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова, 2000 [8]; А. А. Леонтьев, 1996 [9] и др.), оказались чрезвычайно актуальными и востребованными и получили широкое распространение в системе школьного и вузовского обучения иностранным языкам. Необходимости реализации принципа «соизучения языка и культуры» способствовали объективные глобальные изменения, активно происходящие в нашем обществе, изменения отношений (культурных, политических, экономических, дипломатических, военных и др.) нашей страны с другими странами ближнего и дальнего зарубежья, что естественным образом повлекло за собой активизацию «диалога культур». Все эти стремительные процессы современного этапа развития общества диктуют необходимость более глубокого понимания поликультурности мира и ценности каждой отдельно взятой этнокультуры, что реально находит свое отражение в научном и образовательном пространстве.

В нашем обществе назрела насущная потребность и необходимость подготовки в образовательных учреждениях поликультурной личности. Реализация этой идеи возможна в том числе и в процессе школьного и вузовского обучения русскому языку. При этом социокультурную компетенцию учащихся предлагается рассматривать в системе коммуникативной компетенции.

Социокультурная компетенция в составе коммуникационной компетенции уже несколько десятков лет остается в центре внимания специалистов-методистов в области преподавания русского языка и экспертов в сфере лингводидактического тестирования. Этому есть несколько объяснений:

- Во-первых, возобладавшее в лингводидактике представление о коммуникативной компетенции как о совокупности компетенций-составляющих вызывает необходимость их изучения и описания с целью включения в учебный процесс и, как следствие, в процесс лингводидактического тестового контроля. Компетентностный подход к решению проблемы измерения коммуникативной компетенции неизбежно приводит к вопросу контроля отдельных ее аспектов, в том числе и социокультурного.

- Во-вторых, мы говорим об определенной методологической категории, содержательно связанной с активно изучаемым целым комплексом лингвистических наук, феноменом взаимодействия языка, культуры и общества. Представление о языке как «зеркале культуры» [10, с. 7] фокусирует внимание на социокультурной компетенции, «проецирующей в общение знания о реальности и условиях жизни в стране изучаемого языка, менталитете и традициях его носителей» [11, с. 102–107].

- В-третьих, социокультурная компетенция в настоящее время является наиболее спорным и неоднозначно интерпретируемым компонентом в составе коммуникативной компетенции.

Понятие социокультурной компетенции явилось своеобразным методическим коррелятом культурантропологического направления в лингвистике (работы Ф. Боаса, В. Малиновского, Д. Р. Ферта, Э. Сепира, В. Уорфа и др.), главной идеей которого стало признание устойчивых связей между этническим языком и культурой данного народа. Представляется, что возникновение понятия «социокультурная компетенция» следовало бы связывать с именем американского лингвиста Делла Хаймса, основоположника дисциплины «этнография коммуникации» и автора компетентностного подхода к описанию феномена владения языком.

Именно в статьях Хаймса [12] впервые высказывается идея о социокультурном измерении, без учета которого описание языковой способности (*linguistic competence*), предложенное Н. Хомским, было бы неполным, замкнутым в границах абстрактного грамматического механизма. Д. Хаймс решительно и аргументированно критикует узость

взглядов Н. Хомского на интересы лингвистики и на модель языковой компетенции, обосновывает необходимость включения этнографического контекста в рамки лингвистических исследований, а в модель языковой компетенции – компонента, ответственного за адекватное языковое употребление.

«Расширение» языковой компетенции Н. Хомского привело к появлению новых структурных и терминологических образований, которые фиксируются формулой *communicative competence + competence for grammar + competence for use*. Здесь *communicative competence* – это лежащая в основе адекватного речевого поведения когнитивная структура, секторами которой являются системные языковые знания (*competence for grammar*), «прилаживающие» грамматически правильные языковые конструкции к внешним условиям и установленным социальным (не грамматическим) нормам употребления лингвистических форм (*competence for use*) [12, с. 278–281].

В последнее время в научной литературе появилось много исследований, посвященных проблеме языковой личности. Нас интересует формирование новой, «второй» языковой личности в процессе изучения русского языка в армянской аудитории. По мнению Ю. Н. Караулова, языковая личность прежде всего предстает как *homo loquens* вообще, а сама способность пользоваться языком – как родовое свойство человека (вида *homo sapiens*). Структура и содержание языковой личности при таком рассмотрении оказываются безразличными к национальным особенностям языка, которым эта личность пользуется [7, с. 29]. Однако на современном этапе приходится признать, что овладение новым языком возможно только с постижением новой картины мира.

В большинстве случаев в научной литературе языковая личность рассматривается в аспекте антропоцентризма, который определяет новый этап развития современной науки в целом. Антропоцентрический подход становится общим научным принципом решения наиболее актуальных проблем в различных областях исследовательской деятельности. Идеи антропоцентризма эффективно реализуются при обучении второму (иностранному) языку, то есть при формировании «второй» языковой личности. При указанном подходе предполагается обязательный учет национальных особенностей родного языка в сопоставлении с изучаемым, что в настоящее время представляется нам весьма актуальным.

С позиций антропоцентризма в лингвистике, а также в методике преподавания иностранных языков (в том числе и РКИ) основное внимание уделяется не собственно языковой системе, а языковой личности, человеку, который становится центром языковой действительности. Антропоцентризм современного языкознания и методики преподавания языков открывает возможность приблизиться к такому описанию языка, которое восстанавливает единство языка с его носителем.

Ключ к глубокому пониманию многих языковых проблем, которые не могут быть объяснены традиционной грамматикой, лежит в исследовании языка с позиции его носителя – человека, жизнедеятельность и культурный ареал которого неразрывно связаны с данным языком. При этом усвоенный язык, будучи достоянием отдельной личности, индивидуален [4, с. 7].

В соответствии с принципом антропоцентризма знания о мире организуются не только через реальность бытия, но и через язык, и через него познающим мир человеком. Человек осознается как вершина эволюции, он становится создателем осмысленного бытия. При этом принцип антропоцентризма решает и проблему усвоения, понимания и осознания языка носителем иного языкового сознания, иной культурной среды.

Рассмотрим язык как средство общения и как объект обучения. В первой сфере язык выполняет кумулятивную функцию, наука представляет его в модели языковой картины мира, согласно которой понимание мира этноориентировано [1, с. 42].

На уроках русского языка на филологических факультетах основными лингвистическими принципами отбора как лексического, так и грамматического материала, подлежащего сопоставительно-типологическому (или контрастивному) изучению в национальной (армянской) аудитории, мы считаем следующие: частотность языкового явления в его конкретном речевом употреблении; сочетаемость слов и грамматических категорий внутри конструкций; необходимость потенциальной наличности данной модели в сознании учащихся для осуществления общения на определенных этапах обучения, возможность усвоения отобранных моделей на данном этапе языкового мышления учащихся.

Не вызывает сомнений, что языковая личность, для которой русский язык является вторым, существенно отличается от языковой личности, для которой русский язык является родным. Возникает вопрос о формировании «второй» языковой личности при изучении РКИ. Представляется, что уместнее всего говорить о формировании иной языковой системы для того, чтобы обслуживать иноязычную личность в иной, неродной для него языковой среде.

При изучении второго языка складывается только вторая языковая система, которая является инструментом в коммуникативной деятельности на новом языке для языковой личности, которую обозначают термином «инофон». Инофон в коммуникативных целях переходит с родной языковой системы на другую, приобретенную. Поэтому при обучении второму (иностранному) языку в аспекте антропоцентрического кросскультурного подхода необходимо учитывать данные сопоставительно-типологического анализа родного и изучаемого языков.

Сейчас результаты контрастивных и сопоставительно-типологических исследований по-прежнему остаются исходным

материалом для совершенствования механизмов обучения иностранным языкам. При этом целесообразно опираться на данные таких отраслей языкознания, как нормативная и функциональная грамматика русского языка, статистика речи, сопоставительная типология русского и родного языков. Лингвистика, обращаясь к вопросам, связанным с методикой преподавания иностранного языка, изучает речь не только с точки зрения познания ее внутренних законов, но и с точки зрения отбора языкового материала, необходимого для осуществления процесса овладения иноязычной речью.

Список использованных источников

1. Атаян, Э. Р. Коммуникация и раскрытие потенций языкового сознания : цикл лекций / Э. Р. Атаян. – Ереван : Из-во Ереванского ун-та, 1981.
2. Анисимова, Е. К. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация / Е. К. Анисимова. – Москва, 2003.
3. Белл, Р. Социоллингвистика: цели, методы и проблемы / Р. Белл. – Москва : Международные отношения, 1980.
4. Верещагин, Е. Г. Лингвострановедческая теория слова / Е. Г. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Москва, 1980.
5. Верещагин, Е. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. Г. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Москва, 1990.
6. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Москва, 2004.
7. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва : Наука, 1987.
8. Костомаров, В. Г. Об одной из единиц описания текста в аспекте диалога культур / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова // Иностранные языки в школе. – № 5. – 2000. – С. 3–6.
9. Леонтьев, А. А. Язык не должен быть чужим. Этнопсихологические аспекты преподавания иностранных языков / А. А. Леонтьев. – Москва, 1996.
10. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – Москва, 2004.
11. Ek van, J. Threshold Level / J. Ek van, J. L. Trim. – Strasbourg, 1991.
12. Hymes, D. Models of interaction of language and Social life / D. Hymes // Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication. – New York, 1972.
13. Hymes, D. On Communicative Competence / D. Hymes // Sociolinguistics. – Harmondworth, 1972.

ОБРАЗЫ СУПЕРГЕРОЕВ В АМЕРИКАНСКОМ КИНОДИСКУРСЕ

Ж. А. Титаренко¹, Л. В. Бондаренко²,

*¹ обучающаяся 3-го курса Института филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

*² кандидат филологических наук, доцент кафедры английской
филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Цель исследования – выявить художественные и лингвостилистические средства создания образов супергероев в американском кинематографе, проследить эволюцию образов в диахроническом аспекте. Супергероями называют характеры, обладающие сверхчеловеческими способностями, полученными с рождения, либо приобретёнными в процессе жизни. Последнее характерно для современных супергероев в кинодискурсе, личности которых развиваются по клишированной фабуле «успешных профессионалов» до наступления кульминационного момента – аварии или катастрофы (Стрэндж, Халк), во время которого они приобретают физические суперспособности, что отличает их от традиционных образов комиксов. В структуре образа супергероя преобладают визуальный и поведенческий аспекты, в то время как вербальный аспект отходит на второй план, раскрывая преимущественно личностные качества персонажа.

Ключевые слова: супергерой, эволюция образов, диахронический аспект, кинодискурс, сверхспособности, Доктор Стрэндж, Женщина-Халк.

Summary. The purpose of the research is to identify the artistic and linguo-stylistic means of creating images of supermen in American cinematography, to trace the evolution of images in a diachronic aspect. The article deals with the concept of a superhero and the evolution of their images. The images of supermen in modern discourse are analyzed in the diachronic aspect. Scientific novelty lies in the use of an integrated approach to the study of images of superheroes in film discourse, taking into account the linguo-cultural and diachronic aspects. As a result, it was determined that modern superheroes differ from traditional images in their real past and acquire superpowers in the process of their lives. Visual and behavioral aspects predominate in the structure of the superhero image, while the verbal aspect fades into the background, revealing mainly the personal qualities of the character.

Key words: superhero, evolution of images, diachronic aspect, film discourse, superpowers, Doctor Strange, She-Hulk.

Введение. Супергероями принято называть полумифических персонажей, не подверженных смерти, обладающих сверхчеловеческими

качествами. Наиболее известными являются герои американских комиксов – Супермен (*Superman*), Бэтмен (*Batman*), Чудо-женщина (*Wonder Woman*), возраст которых насчитывает от тридцати до восьмидесяти лет. Как персонаж художественного произведения, супергерой отличается высокой моралью, альтруизмом, презрением к смерти, обостренным чувством справедливости, и выдающимися физическими способностями. Первыми супергероями были персонажи комиксов. Комиксы – явление многонациональное: во франкоязычных странах, где традиция создания графических романов особенно сильна, их называют «*bande dessinée*». Франко-бельгийские комиксы об Астериксе и Обеликсе и истории о Тинтине стали европейской классикой и были успешно экранизированы. Японские комиксы называют «манга», китайские – «маньхуа», корейские – «манхва». Они часто вдохновляют кинорежиссёров, которые переносят восточный колорит в европейскую традицию, в результате чего определить интертекстуальные связи бывает непросто. Основной социокультурной функцией супергероя является развлечение. «Супергеройская индустрия» работает как производство развлекательной продукции для взрослых и детей, начиная с 30-х годов XX века. Они стали неотъемлемой частью современной культуры: известные бренды выпускают коллекции, посвящённые супергероям, по комиксам снимают фильмы, выход каждого из которых – ожидаемое событие. Появление супергероев является важнейшим этапом в истории киноиндустрии. Первым кинопроектом по супергеройским комиксам стал сериал «Бэтмен» (*Batman*) от ДиСи Комикс (*DC Comics*), вышедший на экраны американского телевидения в 1943 году. Его создавали во время Второй мировой войны, поэтому сериал был сильно ограничен в бюджете, но это не помешало его коммерческому успеху. Через шесть лет вышло продолжение, а в 1966 году – первая полнометражная кинокартина под названием «Бэтмен» (*Batman*).

Супергерои Золотого века – одиночки, что свойственно индивидуалистическому обществу США, в котором и сегодня наиболее известны и востребованы издательства Марвел (*Marvel*) и ДиСи Комикс, основанные ещё в тридцатые годы прошлого века. Благодаря Марвел комиксы стали популярными во всем мире. Именно они придумали в шестидесятые таких культовых персонажей, как Человек-паук (*Spider Man*), Халк (*Hulk*), Тор (*Thor*). Однако, до недавнего времени к историям про супергероев не относились как к самостоятельному направлению в искусстве, воспринимая их как жанр «низшего сорта». В последние десятилетия ситуация изменилась – феномен супергероя достаточно подробно описан в культурологическом аспекте такими учеными, как Дэвид Канзл (*David Kunzle*), Брэдфорд Райт (*Bradford Wright*) и Скотт МакКлауд (*Scott McCloud*), в работах которых анализируется личность супергероя и её влияние на формирование национальной и социальной идентичности. В отечественной науке образы супергероев рассматриваются в статьях Л.С. Ковалевой, Н.А. Цыркун и В.А. Кутырева. В кинематографе феномен супергероя изучен довольно односторонне и

представляет интерес с точки зрения культурологического, художественного, лингвостилистического и фоно-стилистического аспектов, что определяет **актуальность** данного исследования.

Научная новизна работы заключается в использовании комплексного подхода к исследованию образов супергероев в кинодискурсе с учётом лингво-культурологического и диахронического аспектов.

Цель данной работы – выявить художественные и лингвостилистические средства создания образов супергероев в американском кинематографе. Проследить эволюцию образов в диахроническом аспекте. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) рассмотреть понятие супергероя, эволюцию;
- 2) проанализировать супергероя в современном дискурсе;
- 3) сделать вывод о художественных особенностях образов современных супергероев.

Методологическую основу работы составили лингво-культурологический и структурный подходы, сопоставительный и описательный методы.

Результаты исследования. Комиксы являются одним из источников познания окружающего мира. Воздействие комиксов на человека и общество неоднозначно. С одной стороны, это понятность и доступность информации, развитие воображения, возможность увидеть ту или иную ситуацию изнутри, с другой стороны – комиксы оказывают большое влияние на подростковую психику: развивая инфантильность, фрагментарное восприятие информации, без анализа и сопоставления.

Образы современных супергероев в значительной мере отличаются от своих предшественников – они более сложные и многозначные. Рассмотрим современных супергероев в диахроническом аспекте, на примере наиболее популярных персонажей – Доктора Стрэнджа (*Doctor Strange*) и Женщины-Халк (*She-Hulk*).

Стивен Стрэндж (*Stephen Strange*) – доктор медицинских наук, блестящий профессионал, но крайне эгоистичен. Персонаж дебютировал в Странных Историях (*Strange Tales*) #110 в июле 1963 года, где его партнёром по комиксу стал Человек-факел (*Human Torch*). Впоследствии Доктор Стрэндж появлялся в выпусках #110 – 111 и #114, а в #115 была представлена подробная восьмистраничная история происхождения супергероя: Стивен Стрэндж родился в Филадельфии и вырос в Нью-Йорке. После окончания средней школы он поступил в Нью-Йоркский колледж в качестве студента-медика, затем закончил медицинскую школу Колумбийского университета и ординатуру в пресвитерианской больнице Нью-Йорка. Успешная профессиональная карьера доктора развивает в нем высокомерие и эгоцентризм. Реалистичная история происхождения героя делает его более «человечным» и понятным в отличие от предшественников, более реальным и уязвимым.

На экране Доктор Стрэндж появляется в телефильме режиссера Филипа Дегера (*Philip DeGuere*), который вышел в эфир 6 сентября 1978 года, но так и не получил продолжения в виде сериала. Персонаж сильно отличался от оригинального комикса не только внешним видом, но и характером. Несмотря на свою репутацию хорошего врача, способного проводить самые сложные хирургические процедуры, Стрэндж славится жадностью и эгоизмом, он лечит только пациентов, которые могут оплатить его непомерные гонорары.

Более близкий и знакомый зрителю образ Доктора Стрэнджа будет представлен в одноимённом американском супергеройском фильме 2016 года. Созданием картины занималась компания Марвел (*Marvel Studios*), права на распространение принадлежат *Walt Disney Studios Motion Pictures*. Эта картина стала четырнадцатым фильмом медиа-франшизы «Кинематографическая вселенная Марвел», а также вторым фильмом Третьей фазы. Скотт Дерриксон (*Scott Derrickson*) выступил в качестве режиссёра, а Джон Спэйтс (*Jon Spaihts*) написал сценарий. В фильме меняются профессиональные характеристики героя, его образ жизни, личные качества, в то время как внешний вид больше напоминает Стрэнджа из комиксов. У Стивена очень необычная и вызывающая внешность. Доктор-чародей известен публично, и одевается своеобразно – обычно это чёрная рубашка и простые тёмные брюки; чёрные ботинки из мягкой кожи. Незаменимым атрибутом его одежды и визитной карточкой доктора является тёмно-красный плащ – небольшая странность, привлекающая внимание зрителя и знаковый элемент одежды супергероя – интертекстуальная отсылка к образу Бэтмена.

Сверхспособности доктор Стрэндж приобретает неожиданно – после очередной операции, во время которой Стивен Стрэндж без использования компьютерного оборудования успешно извлекает пулю из полуживого тела больного. Затем он отправляется на форум по нейрохирургии. По пути, изучая медицинскую карту очередного пациента за рулём автомобиля, Стивен теряет управление и попадает в серьёзную аварию. Он получает тяжёлую травму рук, в результате чего теряет способность оперировать. Доктор Стрэндж тратит большие суммы денег на лечение, однако все бесполезно. На курсах по восстановлению работоспособности рук Стрэндж узнает о парализованном пациенте, которого когда-то отказался оперировать, и о том, что этот человек снова стал ходить. Стивен находит пациента и расспрашивает, каким образом тот сумел излечиться. Бывший больной рассказывает доктору об учителе в Камар-Тадже (*Kamar-Taj*) в Непале, который помог ему вернуть способность ходить. На последние деньги Стивен Стрэндж отправляется в Непал на поиски учителя – единственной надежды на выздоровление. По иронии, успешный хирург не только теряет все свое состояние, но и способность работать, превращаясь в немощного больного – сюжет довольно широко клиширован как в американском кинематографе 2000-х, так и в

литературе, что способствует лучшему восприятию неоднозначного и непростого образа Стрэнджа.

В образе современного супергероя сочетаются человеческое и мистическое начала, проявляющиеся во время общения Стрэнджа с Древней (*Ancient One*):

Ancient One: "You're a man who's looking at the world through a keyhole, and you spent your whole life trying to widen that keyhole. To see more, know more. And now, on hearing that it can be widened in ways you can't imagine, you reject the possibility?" («Вы смотрели на жизнь сквозь замочную скважину. И десятки лет силились расширить её. Видеть больше, знать больше. А сейчас, услышав, как её расширить до невероятных пределов, вы отвергаете эту возможность» – Древняя. [перевод наш]).

Stephen Strange: "No, I reject it because I do not believe in fairy tales about chakras, or energy, or the power of belief. There is no such thing as spirit! We are made of matter, and nothing more. We're just another tiny, momentary speck within an indifferent universe." («Я отвергаю её потому, что не верю в сказки о всяких чакрах, тонких энергиях и в силу веры. Душа – религиозный вымысел! Человек – это случайный набор атомов. Мы маленькие, жалкие микробы, живущие лишь миг в равнодушной вселенной» – Стивен Стрэндж. [перевод наш]).

Место действия этой части фильма выбрано не случайно – Непал и сегодня является символом мистической силы и магии, привлекая многочисленных путешественников рационального Западного мира, которые приезжают в далекую горную страну в поисках того, что не удаётся найти в цивилизованном обществе. Место действия фильма выступает не только художественным кодом мистического и необъяснимого, но и символом глубокой духовности в противовес западному материализму. Именно здесь происходит кульминация фильма – приобретение главным героем сверхспособностей. Доктор Стрэндж становится практикующим колдуном, черпая силы из мистических сущностей, таких как Агамотто (*Agamotto*), Цитторак (*Cyttorak*), Иконн (*Ikonn*), Оштур (*Oshtur*), Раггадорр (*Raggadorr*) и Ватумб (*Watoomb*), которые отдают свою энергию для заклинаний. Стрэндж становится владельцем мистических артефактов, включая Плащ левитации, который позволяет ему летать. Его охраняет Глаз Агамотто (*Eye of Agamotto*), амулет, свет которого используется для отражения злой магии; Книга Вишанти (*Book of the Vishanti*), гримуар, содержащий обширные знания о белой магии; и Сфера Агамотто (*Orb of Agamotto*), хрустальный шар, который используется для ясновидения. Наряду с приобретёнными магическими способностями Стрэндж обучается нескольким дисциплинам боевых искусств, включая дзюдо, и демонстрирует мастерство обращения с магическим оружием, включая мечи и топоры. Силы супергероя практически не имеют границ. У многих супергероев есть крылатые фразы, но ни одна из них не похожа на то, что говорит Стрэндж: «Оком

Агамотто» (*By the Eye of Agamotto*), «Алыми узами Цитторака» (*By the Crimson Bands of Cyttorak*) и «Во имя седых воинств Хоггота» (*By the Hoary Hosts of Hoggoth*), которые активируют магические способности и позволяют Стрэнджу использовать их в бою.

Супергероями могут быть не только мужчины, но и женщины, такие как Дженнифер Уолтерс в сериале «Женщина-Халк» (*She-Hulk: Attorney at Law*, 2022). Главная героиня сериала – преуспевающий адвокат Дженнифер Уолтерс представляет преступников, которых ей удаётся оправдать благодаря своему богатому профессиональному опыту и блестящим способностям. Наряду с профессиональными победами героиня справляется с превосходящими её физически противниками благодаря своей необычной способности превращаться в Женщину-Халк – Дженнифер невысокого роста, обычного «человеческого» телосложения, в то время как Женщина Халк обладает идеальной спортивной фигурой и смотрит на всех исключительно сверху вниз. Если в образе Доктора Стрэнджа человеческое начало отступает при появлении сверхспособностей, то в образе супергероини Халк показана напряжённая борьба двух сущностей героини и её попыткам принять себя в едином образе.

Подобно Доктору Стрэнджу, Дженнифер приобретает суперсилу, пытаясь вытащить кузена из попавшего в аварию автомобиля. Девушка превращается в зелёного гиганта, похожего. Через контакт с кровью кузена Дженнифер Уолтерс обретает не только свои сверхспособности и силу, но и возможность интегрировать их в свою повседневность.

Как и доктор Стрэндж, Дженнифер – опытный боец рукопашного боя, её лично обучал Капитан Америка.

Образы супергероев и злодеев контрастируют как на художественном, так и на вербальном уровне, о чём говорят их имена – Женщина-Халк (*She-Hulk*) в переводе означает «неуклюжая женщина-гигант», персонаж Доктор Стрэндж (*Dr. Strange*) был назван так специально для участия в «*Strange Tales*», имя злодея Мерзость (*Abomination*) переводится как «отвращение», Леший (*Man-Thing*) можно перевести как «нечто-человек», или же «нечто», а имя Дэдпул (*Deadpool*) означает «мёртвый бассейн» в дословном переводе и наводит на то, что персонаж на самом деле мёртв, или не может умереть.

Выводы. Образы супергероев занимают важное место в современной массовой культуре и, особенно, кинодискурсе. Современные персонажи отличаются от традиционных образов своим прошлым, приобретают сверхспособности в процессе жизни, обычно попадая в чрезвычайные ситуации; живут среди обычных людей и вступают в личные отношения. Сюжет современных историй о супергероях основан на клишированной фабуле, а протагонисты обладают набором положительных качеств, характерных для героев триллеров и детективных романов, что делает их более человечными, понятными и доступными для понимания и подражания. В структуре образа супергероя преобладают

визуальный и поведенческий аспекты, в то время как вербальный аспект отходит на второй план, раскрывая преимущественно личностные качества персонажа, проявляющиеся в отношениях с обычными людьми, в то время как суперспособности реализуются в борьбе с врагами.

Список использованных источников

1. Борботько, В. Г. Общая теория дискурса. Принципы формирования и смыслопорождения / В. Г. Борботько. – Краснодар, 1998. – 250 с.
2. Гурочкина, А. Г. Понятие дискурса в современном языкознании / А. Г. Гурочкина. – Рязань, 1999. – 234 с.
3. Дмитриева, Д. Г. Америка глазами Супермена: к вопросу о социокультурной функции комикса о супергерое / Д. Г. Дмитриева. – Москва, 2013. – С. 278 – 281.
4. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5–15.
5. Ковалева, Л. С. Образ супергероя в современном американском кинокомиксе / Л. С. Ковалева. – Москва : Артикульт, 2018. – С. 104–108.
6. Криничная, И. А. Массовая культура и ее отличительные особенности / И. А. Криничная // Материалы IV Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум». – 2012. – URL: <https://rae.ru/forum2012/274/1623>. (дата обращения: 10.03.2023).
7. Ревзина, О. Г. Дискурс и дискурсивные формации / О. Г. Ревзин. – Новосибирск, 2005. – С. 5–8.
8. Цыркун, Н. А., Логос, пафос и этос / Н. А. Цыркун. – Москва, 2010. – URL: <http://kinoart.ru/archive/2010/05/n5-article21>. (дата обращения: 10.03.2023).

УДК 811.411.21.02

АНТРОПОНИМИЧЕСКОЕ ПОЛЕ АРАБСКОЙ РУКОПИСИ СОБРАНИЯ СКАЗОК «ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ»: СОЦИАЛЬНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ АРАБСКОГО ВОСТОКА

К. Э. Умерова,

*старший преподаватель кафедры восточной филологии, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет»
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена анализу антропонимического пространства арабской рукописи коллекции сказок «Тысяча и одна ночь». В ходе исследования были использованы следующие методы: исторический, описательно-аналитический и метод сплошной выборки. В результате проведенного исследования установлено, что антропонимы арабских сказок Ночей отличаются характеризующим, социальным и

культурно-историческим компонентами. Кроме того, некоторые имена несут в себе информацию о месте жительства героя, одновременно являясь важной характерной чертой, без которой не обходится образ героя.

Ключевые слова: «Тысяча и одна ночь», фольклор, антропоним, антропонимия, арабский язык, арабская литература.

Summary. The article is devoted to the anthroponyms of the Arabic manuscript of “The Arabian Nights”. The historical method, the descriptive and the analytical methods, the sampling method were used during this research. As a result of the study, it has been found out that the anthroponyms of the Arabic fairy tales have characterizing, historical and cultural components. In addition, some proper names have information about the place of residence, at the same time manifesting itself as an important characteristic feature.

Key words: “Arabian Nights”, folklore, the anthroponyms, the Arabic language, the Arabic literature.

Введение. Фольклор, как жанр словесности, раскрывает социальное и национальное богатство Арабского Востока ярче, чем любое другое явление культуры. В свою очередь, антропонимическое поле устного народного творчества всегда было и остается одним из главных аспектов лингвистического исследования. Это объясняется тем, что имена главных и второстепенных героев, кроме первичной своей функции – назывной, несут также вторичную, то есть денотативную. Дополнительная информация может рассказать лингвисту и пытливому уму простого обывателя о многом – это и внутренняя характеристика персонажа, это происхождение или выделяющаяся черта внешности.

Целью настоящей статьи является анализ антропонимического пространства арабской рукописи коллекции сказок «Тысяча и одна ночь». Поставленная цель предполагает решение следующих **задач:**

- определить антропонимы в арабских сказках «Тысяча и одна ночь»;
- классифицировать выделенные антропонимы с семантической точки зрения;
- проанализировать особенности функционирования определенных антропонимов.

Объектом исследования выступает текст арабской рукописи сборника сказок «Тысяча и одна ночь».

Предметом исследования являются антропонимы сказок «Тысяча и одна ночь».

Методы исследования: исторический, описательно-аналитический и метод сплошной выборки.

Нами были рассмотрены имена, хорошо известные и для далекой от арабского языка и культуры арабов аудитории, и для тех, кто не искушен в филологии: *Аладдин*, царевна *Будур*, рассказчица *Шахразада*. Кто эти герои и о чем нам могут поведать их имена? В данном исследовании нами была осуществлена попытка внести ясность в этот вопрос.

«Антропоним (греч. *ἄνθρωπος* ‘человек’, *ὄνομα* ‘имя’) собственное имя человека: личное имя, фамилия, отчество, прозвище, псевдоним.

Антропонимика. Отрасль ономастики, изучающая антропонимы» [3, с. 3]. По мнению О. Г. Горбачевой, на основную – языковую – функцию говорящих имён накладывается эстетическая [2, с. 8].

Прежде всего, стоит отметить, что структурно коллекция арабских сказок «Тысяча и одна ночь» отличается историей в истории. Следовательно, нашему вниманию представлены две группы героев: герои, составляющие основу сборника и повторяющиеся из ночи (сказки) в ночь (сказку), и герои самих сказок, с которыми нас знакомит рассказчица Шахразада. Условно мы разделяем их на две группы. Рассмотрение антропонимического поля арабской рукописи коллекции сказок «Тысяча и одна ночь» мы начнем со «скелета», то есть, с основных и главных героев.

Шахразада (Шахерезада) شهرزاد – с персидского языка «горожанка», «дитя города», «благородное дитя». شهر – город [4, с. 518]. زاد – благородное происхождение, благородная, благородное дитя [4, с. 461]. Главная героиня сказок «Тысяча и одна ночь» демонстрирует свои отвагу и принципиальность с первых строк своего появления на страницах «Ночей». Дочь везира (советника) царя Шахрияра и старшая сестра Дуньязады.

Дуньязад (Дуньязада, Динаразад, Динаразада) دنيازاد – с персидского языка «дитя мира». دنيا – мир [4, с. 427]. زاد – благородное происхождение, благородная, благородное дитя [4, с. 518]. Младшая сестра царицы Шахразады. Именно благодаря ей в первую ночь Шахразде удается воплотить свой план в действие и предотвратить собственную казнь. Утром Дуньязад, приведенная в покои сестры, чтобы попрощаться, просит ее рассказать продолжение истории. Впоследствии становится женой младшего брата царя Шахзамана.

Джафар جعفر – имя собственное, имя арабского происхождения [1, с. 131]. Везирь царя Шахрияра, отец Шахразады и Дуньязад. Примечательно, что вероломный волшебник из истории об Аладдине назван в честь данного героя.

Шахрияр شهریار – с персидского языка «царь», «царь царей» [4, с. 501].

Шахзаман (Шах Заман, Шахзеннан) شاهزمان – с персидского языка «царь времени», «царь времен» [4, с. 462]. Правитель Самарканда и брат царя Шахрияра.

Рассмотрев имена главных героев собрания «Тысяча и одна ночь», мы можем сделать несколько заключений. Во-первых, персидское происхождение оных указывает на то, что коллекция сказок «Тысяча и одна ночь» в процессе составления и становления, прежде чем основательно закрепилась в умах лингвистов, как плод арабоязычного мира сделала длинный путь, и имеет, в том числе, персидские корни. Во-вторых, значение имен говорит нам о высоком статусе и благородном происхождении персонажей главной арки.

Далее нами проделан обзор некоторых имен главных героев сказок Шахразады.

Ахмед أحمد – с арабского языка «наиславнейший», «достойный похвалы» [1, с. 194]. Ахмед младший из трёх сыновей царя Индии. Обладает особенным предметом, волшебным шатром, раскрыв который, можно укрыть целую армию, а собрав, спрятать ее в карман. Ахмед отправляется в Самарканд раздобыть яблоко, вдохнув запах которого, можно излечиться от любой болезни. Принц Ахмед спасает принцессу Парибану.

Парибану (Перибану, Пери Бану, Перибанон) پريبانو – с персидского языка «сказочная дева», «дева джинн». پری – волшебная, сказочная [4, с. 185], بانو – девушка, девочка [4, с. 129].

Аладдин علاء الدين – с арабского языка данное имя обозначает «благородство религии», где علاء – возвышение [1, с. 536], а الدين – религия [1, с. 271]. Несмотря на то, что сказка об Аладдине и волшебной лампе не является оригинальной сказкой первоначальной арабской рукописи, данный персонаж один из наиболее известных среди прочих.

Али Шар علي شار – с арабского языка элемент его имени شار обозначает «покупающий» [1, с. 403], форма действительного причастия арабского языка, علي распространенное арабское имя собственное Али [1, с. 537], по сюжету Али Шар, унаследовав большое состояние после гибели своего отца, растрачивает его, то есть постоянно что-то покупает.

Бадрульбудур (принцесса Будур, Бадр аль-Будур) الأميرة بدر البدور – с арабского языка переводится, как «луноликая принцесса», «луна из лун». بدر – полная луна, البدور множественная форма слова «полная луна», в переносном смысле «красавица» [1, с. 59]. По сюжету была довольна избалованная и капризная девушка, дочь правителя Китая, на которой женится Алладин. В арабских сказках часто воспевались луноликие, круглолицые юноши и девушки, данная черта внешности считалась красивой, соответственно, имя данной принцессы говорит также о ее внешних данных.

Касим قاسم – с арабского языка данное имя обозначает «делящий», «разделяющий», форма имени является действительным причастием [1, с. 637]. Старший брат известного героя сказок Али Баба, жадный и богатый, был убит 40-ка разбойниками. Что парадоксально, он был предан смерти жестоким способом: разрублен, разделен на 4 части.

Марджана مرجانة – с арабского языка переводится, как «жемчужина», «маленькая жемчужинка» [1, с. 749]. Марджана по сюжету «Тысяча и одна ночь» – невольница Касима из рассказа о Али Баба и 40 разбойниках, очень умная девушка, благодаря которой Али Баба несколько раз остается в живых.

Нурнигар (Нур ан-Нагар) الأميرة نور النهار – с арабского языка обозначает «свет дня», نور – «свет» [1, с. 837], النهار – «день» [1, с. 833]. Принцесса, дочь царя Индии.

Зайн Аль-Аснам زين الأصنام – где с арабского زين переводится, как «прекрасный», «украшенный» [1, с. 341], а الأصنام является множественной формой слова صنم, что, в свою очередь, обозначает «идол», «кумир» [1, с.

447]. Зайн аль-Аснам является одноименным персонажем сказки о Зайн аль-Аснаме. Будучи сыном султана Басры, после смерти отца он растрачивает все добро и пренебрегает собственными обязанностями. Чудом избежав смерти от взбунтовавшего народа, он видит сон, в котором ему господин велит отправиться в Египет, во втором сне он узнает, что ему необходимо найти потайную комнату в своем доме, где уже наяву он находит 8 статуй из золота. Также в потайной комнате он находит ключ и сообщение, гласящее, что ему необходимо разыскать раба Мубарака в Каире. Мубарак приводит его на райский остров, где Зайн встречает короля джиннов. Джинн дает ему зеркало, которое остается чистым, если в него смотрится добродетель, и омрачается, если попадает в руки неверного человека. Король джиннов говорит ему, что отдаст 9-ую статую в обмен на чистую девушку. Зайн находит чистую девушку и женится на ней, но король джиннов не отказывает ему в сделке, потому что эта девушка и является 9-ой статуей. И джинн дарит ее ему же с условием, что Зайн останется верным и любящим. Имя главного героя заключает в себе идолов, и в сказке сюжет строится вокруг 8-ми статуй из золота и 9-ой, молодой девушки.

Султан Индиш سلطان جزر الهند – с арабского языка султан индийского острова.

Юнан الملك يونان – с арабского языка король Греции.

Цирюльник из Багдада المزين البغدادي – с арабского языка дословно переводится, как багдадский цирюльник [1, с. 341]. Герой одноименной сказки о цирюльнике из Багдада, обманом обвинен в краже, в попытке сохранить свою жизнь рассказывает халифу о своих 6-ти братьях-калеках по прозвищам: *Горбатый, Беззубый, Слепой, Одноглазый, Ленивый* и тот, что с заячьей губой.

Приведя ряд имен персонажей сказок Шахразады, мы можем условно разделить их на следующие группы. Для коллекции сказок «Тысяча и одна ночь» характерен характеризующий компонент. Это говорящие имена, содержащие в своей структуре компоненты, отражающие черты характера или же внешние или внутренние особенности героев, которые их носят. Помимо характеризующего компонента, мы так же можем отметить социальный компонент. Социальный компонент раскрывает род занятий и социальный статус персонажей. Следует отметить присутствие культурно-исторического компонента, который подразумевает наличие культурной и исторической информации. Нельзя не упомянуть апеллятивы, сопровождающиеся топонимами. Данные имена содержат в себе информацию о месте жительства героя, одновременно являясь важной характерной чертой, без которой, как правило, не обходится образ героя. Антропонимы арабских сказок, как и сами герои, исповедующие ислам, связаны с мусульманскими понятиями и терминами.

Выводы. В результате проделанного нами исследования мы можем сделать вывод, что антропонимическое пространство арабской рукописи

коллекции сказок «Тысяча и одна ночь» представлено говорящими именами, семантическая структура которых включает в себя компоненты, которые указывают на личностные особенности персонажа, такие как внешность, характер, социальный статус и место жительства. Кроме того, имена могут нести в себе историческую и культурную информацию. Изучение антропонимов и расшифровка скрытых импликаций, которые несут в себе смысловые имена, позволяют воссоздать Восток таким, какой он запечатлен на страницах Ночей. Лексико-семантический анализ антропонимов, обладающих смысловой нагрузкой приоткрывает завесу сказочного подтекста, который, в свою очередь, предстает перед читателем произведением, требующим вдумчивого чтения, сложным по своей структуре и неразрывным с культурным и историческим прошлым арабоязычного народа.

Список использованных источников

1. Баранов, Х. К. Арабско-русский словарь / Х. К. Баранов. – Москва : Издатель Валерий Костин, 2007. – 944 с.
2. Горбачева, О. Г. Ономастическое пространство русских народных и авторских сказок : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ольга Геннадьевна Горбачева ; Орловский гос. ун-т. – Брянск , 2008. – 24 с.
3. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии / Ж. Ж. Варбот, А. Ф. Журавлев ; Ин-т русского языка имени В. В. Виноградова РАН. – Москва, 1998. – URL: https://etymolog.ruslang.ru/doc/etymology_terms.pdf. (дата обращения: 15.03.2023).
4. Персидско-русский словарь / М. Е. Радовильский, Г. А. Восканян, А. М. Шойтов ; под ред. М. Е. Радовильского. – Москва : Русский язык, 1985. – 796 с.

УДК 811.111: 811.161.1

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ РЕАЛИЙ В РОМАНЕ «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» (ЧАСТЬ ПЕРВАЯ) М. Ю. ЛЕРМОНТОВА НА АНГЛИЙСКИЙ И КРЫМСКОТАТАРСКИЙ ЯЗЫКИ

А. З. Халитова¹, Л. Ш. Кубединова²,

*¹обучающаяся 3-го курса кафедры английской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

*²кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник НИИ
«Прикладная семиотика» АН Татарстана, Казань*

Аннотация. Цель исследования – выявление особенностей передачи реалий первой части романа «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова в

переводе с русского языка на английский и крымскотатарский языки. В статье рассматриваются классификации реалий и способы их передачи на язык перевода. Проведен сопоставительный комплексный анализ особенностей передачи реалий в переводах данного произведения на английский и крымскотатарский языки, в чем и заключается научная новизна данной работы. В результате проведенного исследования были определены, что наиболее продуктивные методы перевода реалий – гипо-гиперонимический, функциональный переводы, калькирование, которые позволяют переводчику наиболее точно передать смысл и колорит реалии.

Ключевые слова: реалия, этнографическая реалия, калькирование, гипо-гиперонимический перевод, функциональный перевод.

Summary. The purpose of the study is to identify the features of transferring the realia from the first part of the novel “The Hero of Our Time” by M. Y. Lermontov in translation from Russian into the English and Crimean Tatar languages. The article deals with the classifications of realia and methods of their transferring into a foreign language. A comparative comprehensive analysis of the features of the transfer of realia in the translations of this work into the English and Crimean Tatar languages is carried out, which constitutes the scientific novelty of this work. As a result of the study, it was defined that the most productive methods of translating the realia are hypo-hypernomic translation, functional translation, replication, which allow the translator to convey the meaning and coloring of the realia most accurately.

Key words: realia, ethnographic realia, replication, hypo-hypernomic translation, functional translation.

Введение. Перевод художественного текста, насыщенного реалиями, является одним из ключевых для успешной международной коммуникации. «Реалия – предмет, понятие, явление, характерное для истории, культуры, быта, уклада того или иного народа, страны и не встречающееся у других народов, реалия – слово, обозначающее такой предмет, понятие, явление; также словосочетание (обычно – фразеологизм, пословица, поговорка, присловие), включающее такие слова. В произведениях литературы реалии являются носителями местного и исторического колорита, и передача их составляет специфическую трудность при переводе на другой язык» [цит. по 10, с. 227]. Художественные произведения иностранных писателей помогают понять сущность другого народа, а именно: его быт, историю, традиции, менталитет. Зачастую реалии не имеют точных соответствий в другом языке, поэтому требуют особого внимания. Перед переводчиком стоит задача не потерять и не изменить смысл конкретной реалии, а передать идентичность образа, дать объяснение её для зарубежного читателя.

Для успешного перевода реалии непременным условием является обладание этнографическими знаниями. Существует ряд способов передачи реалий на иностранный язык, такие как: транскрипция/транслитерация, неологизм (калька, полукалька, освоение, семантический неологизм), приближительный перевод (гиперонимический

способ, функциональный аналог, перифрастический (описательный, дескриптивный) перевод), контекстуальный перевод.

Однако не каждый из перечисленных способов позволяет передать сущность реалии. Для выявления наиболее подходящих и точных методов перевода, которые позволяют не утратить национальный колорит, требуется тщательное изучение и анализ каждого из них в разных контекстах.

Проблемы передачи реалий, их значимость в отображении национального сознания на протяжении многих лет привлекают интерес российских и зарубежных ученых (Ф. М. Турсунов, М. И. Сивохо, А. А. Кретов, Н. В. Дмитриева и др.).

Целью данного исследования является выявление особенностей передачи реалий в первой части романа «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова в переводе с русского языка на английский и крымскотатарский языки.

Для достижения данной цели нами были поставлены следующие задачи: 1) изучить основные понятия по исследуемой теме; 2) рассмотреть классификации реалий, приемы их передачи на иностранный язык; 3) выявить все виды реалий в исследуемом произведении; 4) проанализировать способы передачи отобранных реалий на английский и крымскотатарский языки; 5) провести сопоставительный анализ особенностей передачи реалий на английский и крымскотатарский языки в исследуемом произведении.

Основными методами исследования являются: этимологический метод, сравнительно-описательный и сопоставительный методы.

Результаты исследования. Проведенный анализ реалий произведения, позволяет сделать вывод о том, что реалии придают произведению историческую ценность и колоритность. В ходе исследования было выявлено, что роман насыщен реалиями русского и кавказских народов. Это дополнительно усложняет задачу переводчика, так как необходимо донести до читателя, что представленная реалия является чуждой и для автора.

Перевод реалий представляет собой особую сложность, так как предметы быта, жилищные условия, меры и деньги, общественно-политическая жизнь, административно-территориальное устройство и др. отличаются друг от друга в разных странах. Возникает необходимость подобрать в языке перевода наиболее соответствующий образ, который максимально близок по своим характеристикам к реалии оригинала.

Приведем пример перевода русской этнографической реалии, описывающей быт: «К которой *избе* не пойдем – занята». На крымскотатарский язык данное предложение было переведено следующим образом – «Анги *эвге* янашсакъ – толгъан.», а на английский – «All *the cottages* we stopped were occupied».

В данном примере речь идет о виде жилья. В оригинале произведения представлена реалия *изба* – «деревянный крестьянский дом,

а также жилая часть такого дома» [9]. Я. Куркчи и О. Амит для перевода этой реалии на крымскотатарский язык используют слово *эв*, которое имеет значение «дом» как обозначение общего понятия жилого здания. В Крыму не строили деревянных срубных домов, что значительно усложняет задачу для объяснения данного образа крымскотатарскому читателю. Переводчикам не удалось сохранить смысл и идентичность реалии, так как был использован гиперонимический способ перевод. В переводе на английский язык М. Паркер применяет слово *cottage* – «небольшой сельский дом крестьянина или фермера, построенный из камня или кирпича, с прилегающим небольшим садом» [16]. Таким образом, М. Паркер использовал функциональный аналог, руководствуясь небольшим размером и простотой постройки, хотя визуально эти жилища абсолютно разные.

Приведем пример перевода этнографической реалии, характеризующей денежную единицу: «Я тебе дам *восьмигривенный* на водку...». На крымскотатарский язык данное предложение было переведено следующим образом: «Мен санъа ракъылыкъ *сексен капик акъча* берерим...», а на английский язык – «I'll tip you *eighty kopecks...*».

Реалия *восьмигривенный* до сих пор является нумизматической загадкой М. Ю. Лермонтова. В данном примере восьмигривенный обозначает 80 копеек серебром, но стоит отметить, что русской монеты с таким номиналом не существовало. Ю. Федосюк в своей книге «Что непонятно у классиков» пишет, что такая монета была распространена на Кавказе и это была персидская серебряная монета в 4 абазы (аббасы) [1, с. 288]. Остается загадкой почему лакей был очень недоволен «таким скромным обещанием», когда в России XIX века такая сумма была довольно большой. Приведем пример из «Исторического обзора деятельности Министерства народного просвещения: 1802–1902»: «Университетский устав 1863 года установил плату со студентов за слушание лекций в размере 50 рублей серебром в год в столичных университетах и 40 рублей – в прочих вузах» [5, с. 421].

Переводчики Я. Куркчи и О. Амит перевели реалию *восьмигривенник* как *сексен капик* («80 копеек»), удачно применив перифрастический способ перевода для описания номинала монеты, так как в Крыму также данной монеты не было в употреблении.

В переводе на английский язык М. Паркер тоже переводит *восьмигривенник* как *eighty kopecks*, остановившись на перифрастическом переводе, поясняя что такое *восьмигривенник*. Но, даже в этом случае, для иностранного читателя сложно понять, что именно подразумевается под словом «kopecks» и требуется дополнительное пояснение в силу незнания денежных единиц Российской империи.

Обратимся к общественно-политическим реалиям данного произведения, которые относятся к военным реалиям, а именно – оружейным. В предложении «Послушай, Казбич, – говорил, ласкаясь к нему, Азамат, – ты добрый человек, ... и я сделаю все, что ты хочешь,

украду для тебя у отца лучшую его винтовку или *шашку*, что только пожелаешь, – а *шашка* его настоящая гурда ...» реалия *шашка* на крымскотатарский язык была переведена как «кылыч», а на английский язык двумя вариантами: «sword» и «sabre».

«Динъле, Казбич! Сен мераметли адамсынъ, сен къараман джигитсинъ, ... мен сенинъ ичюн бабамнынъ энъ яхшы винтовкасыны, я да *кылычыны* хырсызларым, джанынъ не истей – онынъ *кылычы* темиз гурда ...».

«Listen, Kazbich,» Azamat coaxed him. «You are a good man and a brave warrior... Give me your horse and I'll do anything you want, I'll do anything you want, I'll steal for you my father's best musket or *sword*, whatever you wish – and his *saber* is a real Gurda.»

На первый взгляд, такие эквиваленты достаточно ясно передают смысл реалии, однако если рассмотреть их более детально, то можно обнаружить немало различий между этими реалиями.

Кылыч был представлен тюркскими оружейниками в ранние средние века (VI–VII века). Он представлял собой не широкий, изогнутый, односторонний меч (специфический вид сабли) и отличался от другого холодного оружия изгибом клинка, благодаря которому был способен оказывать на предмет как рубящее, так и режущее действие. В последствии популярность и эффективность кылыч (the kilij) как оружие кавалерии распространилась по всей Азии и Европе. Считается, что именно кылыч является предком современной сабли [14]. «Термин «кылыч» ... представляет собой турецкое слово, обозначающее вообще меч, не указывая, как и арабское «сайф» или персидское «шамшир», на какой-либо конкретный тип» [11, с. 223]. В крымскотатарском языке слово *кылыч*, обозначая основной вид холодного оружия в Крыму, также имеет общее понятие «меч», вид которого схож с шашкой, появившейся значительно позже. На наш взгляд, переводчики применили единственно верный в данном случае гиперонимический способ перевода.

Понятие *шашка*, колющее и рубящее оружие с длинным слабоизогнутым однолезвийным клинком, впервые появилось к XII она заметным образом отличались от сабель (не имела гарды, отличалась конфигурацией лезвий, легче по весу), хотя и была в определенной мере похожа на них. Шашка, как оружие, появилось на Кавказе из Персии и было в последствии заимствовано в российскую армию.

На английский язык реалия *шашка* в одном предложении была переведена двумя вариантами: «sword» и «sabre». На наш взгляд, *sabre* (сабля) подходит больше для отражения реалии *шашка*, так как имеет схожую с ней форму. Слово sword («меч»), являющееся в настоящее время обобщённым понятием для всех видов мечей, изначально возникло в Европе для обозначения холодного оружия именно с прямым односторонним или двусторонним клинком. Таким образом, при использовании реалий *кылыч* и *sabre* в переводе на крымскотатарский и

английские языки удалось передать именно тот вид холодного оружия, который имел ввиду М.Ю. Лермонтов в своем романе.

В главе «Тамань» М. Ю. Лермонтов использовал мифологическую реалию *ундина*: «И вот вижу, бежит опять в припрыжку моя *ундина*...». Хотя у славян мифологические водные существа женского пола называли русалками, М. Ю. Лермонтов использует мифологический образ европейской традиции (*undine*) – дух воды женского пола – водная нимфа, которая превращается в человека, если она влюбляется в человека, но она обречена на смерть, если он не будет ей верен [12; 13]. Несмотря на то, что данный образ был не чужд германской мифологии, переводчик предпочел с помощью гиперонимического перевода выбрать более привычный образ русалки – *mermaid*: «A short while later my *mermaid* came skipping along again.».

В крымскотатарской мифологии не зафиксированы существа подобные русалкам, в результате чего переводчики предпочли данную реалию транслитерировать и дать сноску с пояснением: «Ве бир даа бакъсам, меним ундидам секире-секире чапып келе...».

Выводы. В исследуемых главах первой части произведения М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» было выявлено 113 реалий. Исследование показало, что наиболее употребляемыми реалиями являются этнографические (56) и географические реалии (31), тогда как общественно-политические реалии насчитывают только 26 единиц. Среди этнографических реалий львиную долю составляют бытовые реалии (34), тогда как общественно-политические реалии в силу того, что действия в романе происходят на Кавказе во время Кавказской войны (1817–1864), представлены в большинстве своём военными реалиями (20).

В результате проведенного исследования было выявлено, что наиболее употребляемыми приёмом перевода реалий в произведении «Герой нашего времени» на английский язык является приблизительный перевод (гиперонимический перевод (26), функциональный аналог (20) и перифрастический перевод (14)). Транскрипция/транслитерация была применена в 20 случаях, 19 из которых – географические реалии. Данные результаты свидетельствуют о том, что переводчик мало уделил внимание сохранению национального колорита произведения.

Что касается перевода на крымскотатарский язык, то переводчики Я. Куркчи и О. Амит наиболее часто применяли такие приёмы перевода как неологизм (калька (28), освоение (15)), а также приблизительный перевод: функциональный перевод (12), гиперонимический перевод (11), перифрастический перевод (7). На наш взгляд, для перевода военных реалий на английский язык были использованы гиперонимический и функциональный виды перевода в силу того, что Великобритания имеет развитую структуру и организацию армии, что позволяет производить соответствующую замену военных реалий с наименьшей потерями их смысла. В переводе на крымскотатарский язык, напротив, для передачи военных реалий (кроме оружия) в 90% использованы способы

калькирования, так как организация армии Крымского ханства была полностью заменена на таковую российской армии. При переводе видов оружия на крымскотатарский язык чаще используется гиперонимический перевод, но, в некоторых случаях, совместно с калькированием (винтовка – тюфек, винтовка).

Тот факт, что определённая часть реалий в романе этимологически восходит к тюркским языкам, объясняет то, что перевод этих реалий на крымскотатарский язык выглядит как транслитерация или транскрипция, когда как, на самом деле, это полный эквивалент, так как реалии в крымскотатарском языке имеют такую же этимологическую основу (мулла – молла, Коран – Къуран, джигит – джигит, кунак – къонакъ, базар – базар и др.).

Исходя из рассмотренных примеров можно сделать вывод о том, что перевод различного рода реалий – сложная задача, при выполнении которой необходимо учитывать множество факторов. Сравнение двух вариантов перевода романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» показал, что в обоих случаях переводчики допускали ошибки при переводе, но в переводе на крымскотатарский язык лучше сохранен колорит произведения, чем в переводе на английский язык.

Список использованных источников

1. Акопян, А. В. Метрология и названия серебрянных монет Гянджинского ханства / А. В. Акопян // Проблемы истории, филологии, культуры. – Казань. – № 2. – 2016. – С. 285–301. – URL: <file:///C:/Users/user/Downloads/metrologiya-i-nazvaniya-serebryanyh-monet-gyandzhinskogo-hanstva.pdf>. (дата обращения: 09.02.2023).
2. Вернигорова, В. А. Перевод реалий как объекта межкультурной коммуникации / В. А. Вернигорова // Молодой ученый. – 2010. – № 3. – С. 184–186.
3. Википедия. Шашка (оружие). – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A8%D0%B0%D1%88%D0%BA%D0%B0_\(%D0%BE%D1%80%D1%83%D0%B6%D0%B8%D0%B5\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A8%D0%B0%D1%88%D0%BA%D0%B0_(%D0%BE%D1%80%D1%83%D0%B6%D0%B8%D0%B5)). (дата обращения: 08.02.2023).
4. Горбунов, В. Длинноклинковое оружие тюркской конницы / В. Горбунов // Журнал Общества исторического оружиеведения. – № 2. – 2015. – С. 28–45. – URL: <file:///C:/Users/user/Downloads/dlinnoklinkovoe-oruzhie-tyurkskoy-konnitsy.pdf>. (дата обращения: 08.02.2023).
5. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802–1902 / Сост. С. В. Рождественский. – Санкт-Петербург : М-во нар. прос., 1902. – С. 785, С. 421.
6. Лермонтов, М. Ю. Герой нашего времени / М. Ю. Лермонтов ; ред. В. Галий, тех. ред. Е. Триско. – Москва : ЗАО «ЭКСМО-Пресс», 2002.
7. Лермонтов, М. Ю. Заманымызнынъ Къараманы / М. Ю. Лермонтов ; пер. с рус. на крымтат. Я. Куркчи и О. Амит ; ред. Ю. Болат, тех. редактор А. Бондаренко, ответств. коррект. О. Кумалаяк, худ. А. Варфоломеев. – Симферополь : ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2017. – 184 с.

8. Лермонтов, М. Ю. The Hero Of Our Time / М. Ю. Лермонтов ; пер. с рус. на англ. М. Паркер. – Санкт-Петербург : КАРО, 2017. – 288 с.
9. Лингвострановедческий словарь. Изба. – URL: <https://lingvostranovedcheskiy.academic.ru/203/%D0%98%D0%97%D0%91%D0%90>. (дата обращения: 10.02.2023).
10. Рыкова, Е. Б. Понятие «Реалия» в научно-методической литературе и в текстах Национального корпуса русского языка / Е. Б. Рыкова // Вестник СПбГУ. – Сер. 12. – Вып. 3. – 2011. – С. 52–56.
11. Шихабас-Сарраф. Оружие ближнего боя в период ранних Аббасидов: палцы, секиры и мечи / Шихабас-Сарраф // Studia Culturae. Hermeneutica. С. 213–230. – URL: <http://iculture.spb.ru/index.php/stucult/article/viewFile/306/305>. (дата обращения: 10.02.2023).
12. The Collins Dictionary. Undine. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/undine>. (дата обращения: 10.02.2023).
13. Encyclopedia Britannica. Undine. – URL: <https://www.britannica.com/topic/undine-mythology>. (дата обращения: 10.02.2023).
14. Heritage Arms Society. Kilij – The Sword of Vlad the Impaler. – URL: <https://heritagearmssa.com/2017/11/10/kilij-the-sword-of-vlad-the-impaler/>. (дата обращения: 11.02.2023).
15. Wikipedia. Cottage. – URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Cottage>. (дата обращения: 11.02.2023).
16. Wikipedia. Kilij. – URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Kilij>. (дата обращения: 12.02.2023).

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В АНГЛИЙСКОМ НОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ

Н. А. Хлыбова¹, Н. А. Вовк², К. И. Роженцова³,

*¹кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой
иностранных языков № 2, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

*²старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт
филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

*³обучающаяся 4-го курса, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматриваются имена собственные (далее – ИС) в английском новостном дискурсе. Основная цель исследования – проанализировать специфику подачи ИС в новостных сообщениях. Эта цель предполагает постановку следующих задач: 1) охарактеризовать термин «ономастика»; 2) представить классификации ИС; 3) дать определение термина «медиадискурс»; 4) рассмотреть специфику использования онимов в новостях.

В ходе исследования применялись аналитический и сопоставительный методы, методы сплошной выборки, деривационного и дискурсивного анализа.

Ключевые слова: имя собственное, новостной дискурс, медиадискурс, новостное сообщение, оним, антропоним, топоним, эргоним, фирмоним.

Summary. The article considers proper names (further – PN) in the English news discourse. The purpose of the research is to analyze the specific character of proper name giving in the news items. The purpose stipulates the formulation of the following tasks: 1) to characterize the term “onomastics”; 2) to present the PN classifications; 3) to define the term “mediadiscourse”; 4) to analyze the special character of the onym usage in the news items.

During the research there were involved the analytical, comparative, continuous sampling methods, the method of derivational and discourse analysis.

Key words: proper name, news discourse, mediadiscourse, news item, onym, anthroponym, toponym, ergonym, firmonym.

Изучением имён собственных занимается особый раздел лингвистики – ономастика. Эта наука посвящена классификации онимов, истории их возникновения и преобразования, а также изучению их значений и многообразия. Предметом изучения ономастики является «оним – слово, словосочетание или предложение, которое служит для

выделения именуемого им объекта среди других объектов, его индивидуализации и идентификации» [4, с. 7]. В пределах данной науки ему противопоставляется апеллятив – имя нарицательное. Таким образом, если в общей системе языка имени собственному противопоставляется имя нарицательное, то в ономастике ониму – апеллятив.

Многогранность ономастики позволяет классифицировать ИС, опираясь на различные параметры, например, на их предметную соотнесенность. Данная характеристика представляется самой значительной, так как в соответствии с ней получают свое название отдельные области, на которые подразделяется ономастическое пространство. Существует несколько классификаций ИС по данному признаку, например, классификация Адольфа Баха, ставшая основой для классификации А. В. Суперанской. Она разделяет имена собственные на следующие категории: антропонимы – обозначения людей (в т. ч. индивидуальные и групповые); зоонимы – обозначения животных; топонимы – обозначения географических объектов (в т. ч. оронимы, гидронимы, урбанонимы и т. д.); собственные имена природных явлений (ветров, сезонов, стихийных бедствий и т. п.); космонимы – названия небесных объектов; хронимы – названия временных отрезков или точек; фитонимы – имена собственные растений; хрематонимы – обозначения уникальных предметов; ойконимы – собственные имена населенных пунктов (село, поселок, город); этнонимы – собственные имена народов, наций; наименования гипотетических объектов, или гипотетионимы; теонимы – имена Богов; названия произведений литературы и искусства; названия интернет-сайтов; названия товаров и торговых марок [6, с. 144–145]. Также есть классы эргонимов – названий деловых союзов людей – и фирмонимов – наименований коммерческих предприятий.

Антропонимы представляют собой имена собственные людей, их фамилии, прозвища и так далее. В английском языке (далее – АЯ) эта категория ИС представлена именем личным (first name, Christian name, given name) и именем фамильным (last name, surname). Подавляющее большинство английских личных имен тесно с христианской традицией. Фамилии образуются от личных имен, названий профессий, названий животных, цветообозначений [3].

Что касается топонимов, то их существует несколько классов: гелонимы – названия болот, заболоченных мест (англ. *Lindow Moss*); лимнонимы – названия озёр (англ. *Loch Ney, Llyn Cerrig Bach*); океанонимы – названия океанов (англ. *Pacific ocean*); пелагонимы – названия морей (англ. *The North Sea, The Irish Sea*); потамонимы – названия рек (англ. *Severn, Thames, Great Ouse*).

Термин «эргоним» определяется Н. В. Подольской как разряд онимов, деловой союз людей. Это может быть организация, учреждение, корпорация, предприятие, общество, заведение, кружок и т. д. [5, с. 151].

Фирмоним, который является гипонимом по отношению к эргониму, это – «разряд эргонимов, собственное имя коммерческого предприятия, в

том числе промышленного или торгового, которое обладает правами юридического лица. Данный разряд эргонимов зачастую употребляется со словом-гиперонимом. Среди гиперонимов можно упомянуть само слово фирма (firm), а также разновидности коммерческих предприятий, такие как компания (company), концерн (concern), акционерное общество (joint stock company), трест (trust), холдинг (holding), хозяйственное общество (economic union), арендноепред-приятие (leasing enterprise), акционерное предприятие (incorporated enterprise) и т. д.» [1, с. 211].

Имена собственные имеют определенную специфику употребления в медиадискурсе. По определению Е. А. Кожемякина медиадискурс – это «тематически сфокусированная, социокультурно обусловленная речемыслительная деятельность в масс-медийном пространстве» [2, с. 14]. Среди типов медиадискурса исследователь выделяет и новостной.

В ходе исследования выявлены такие классы ИС в новостных сообщениях на АЯ:

- антропонимы (*Meghan Markle; Prince Andrew; Prince Harry; Queen Elizabeth II*). Нижеприведенные контексты могут проиллюстрировать использование этой категории ИС:

“The survey found even less support for Prince Andrew to attend, with 46% saying he should not be there, 36% saying he should, and 17% saying they did not know” [8].

“...and his military titles and royal patronages were returned to Queen Elizabeth II” [8].

- топонимы (*Great Britain; California; Texas*). В следующем предложении употребляется эта категория англоязычных онимов:

“There’s a ton of differences between what’s going on in California and what was happening Texas four decades ago, but concentration risk is the big harmony” [7].

- фирмонимы (*Bloomberg; Deltapoll; Silvergate Capital Corp.; Silicon Valley Bank*). Использование имен собственных этого класса можно проследить в таком случае:

“The collapse of Silvergate Capital Corp. this week and now the takeover of Silicon Valley Bank by the government aren’t a repeat of the Texas banking crisis of the 1980s, but they sure do rhyme” [7].

ИС разных категорий могут употребляться в рамках одной синтаксической единицы:

“The survey was conducted by Deltapoll with 1,060 people in Great Britain between February 24 and 27” [8].

В англоязычных новостных сообщениях возможно наличие вариантов представления антропонимов:

- Prince Andrew – Andrew (*“Andrew was forced to step back from public duties in 2019”* [8]);

- Prince Harry – Harry (*“The poll said that if Harry did attend, 43% said she should stay home”* [8]);

- Meghan Markle – *his wife Meghan* (“before it was confirmed that Prince Harry and his wife Meghan had received an invitation” [8]); *the Duchess of Sussex* (“The results were less positive for the Duchess of Sussex” [8]).

Также для обозначения принца Гарри и Меган Маркл могут использоваться и такие генерализированные понятия, как *the duke and duchess*: «“An immediate decision on whether the duke and duchess will attend will not be disclosed by us at this time,” according to a spokesperson for the couple» [8].

Варианты были выявлены и у фирмонимов АЯ: *Silicon Valley Bank – SVB* (“The common problem for both Silvergate and SVB has been a flood of outgoing deposits” [7]).

Интересный случай образования варианта следует отметить у фирмонима *Silvergate*. Полное название банка – *Silvergate Bank*. Этот банк находится в Калифорнии. Он был основан в 1988 году. Компания начала предоставлять услуги для пользователей криптовалюты в 2016 году. Первичное размещение акций, производимое в тот момент, когда происходит преобразование фирмы в открытое акционерное общество, было проведено в 2019 году. В ноябре 2022 года возникли опасения в отношении состояния банка «Сильвергейт». За этим последовало падение цены на криптовалюту и банкротство FTX, онлайн-сервиса, который осуществлял обмен цифровых валют. В марте 2023 года банк объявил о планах по прекращению деятельности и ликвидации.

Вариант *Silvergate* образовался усечением второго слова *Bank*. В проанализированном новостном сообщении полный вариант употребляется только в названии Интернет-ссылки:

<https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2023-03-10/svb-and-silvergate-bank-tumult-in-california-has-echoes-in-texas-crisis?srnd=opinion> [7].

В тексте самой статьи употребляется именно усеченный вариант. Это можно объяснить тем, что *Silvergate* перекликается с именем собственным *Watergate*, названием гостиницы в США, где велось незаконное прослушивание. Впоследствии этот оним стал еще и названием одноименного скандала. Вторая основа этого англоязычного ИС *-gate* была отделена носителями АЯ для того, чтобы присоединять ее к различного рода словам для образования лексемы, передающей какой-либо кризис, например, *Irangate*, *Monicagate*. Таким образом, имя собственное *Silvergate* похоже на перечисленные слова, с той лишь разницей, что оно уже содержит морфему *-gate*, которая придает отрицательные коннотации этому слову.

Для употребления имен собственных в новостных сообщениях характерны некоторые особенности. Например, в следующем случае имеет место противопоставление антропонимов:

“*Brits Say Prince Harry Should Attend Coronation, But Meghan Markle and Prince Andrew Should Stay Away*” [8].

Топонимы также могут противопоставляться:

“*Tech-obsessed California isn't Texas, but there are similarities*” [7].

Прием метонимии используется в рамках такого контекста:

“When small banks grow fast driven by a booming local industry and then the bubble bursts, you can be sure it’ll cause some mayhem. Just ask Texas” [7].

В данном случае имеют место отношения целого и его части: штат США и его население.

Следует обратить внимание на случай использования притяжательного падежа с титулом и именем монарха Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии Карла III: *“More British people want Prince Harry to attend King Charles III’s coronation”* [8].

Следующий контекст иллюстрирует использование фирмонимов в качестве определения в препозиции к слову *survey*: *“A Bloomberg/Deltapoll survey showed 41% of people support Prince Harry attending the coronation”* [8].

Таким образом, на основе анализа можно сделать следующие выводы:

- Ономастика изучает ИС, которое может быть словом, словосочетанием или предложением. Оним служит для того, чтобы выделять именуемый им объект среди других, индивидуализировать его и идентифицировать.

- Существует несколько классификаций имен собственных по предметному признаку. Онимы разделяются на такие категории: антропонимы; зоонимы; фитонимы; топонимы; ИС природных явлений; космонимы; хронимы; хрематонимы ойконимы; этнонимы; наименования гипотетических объектов, или гипотетонимы; теонимы; названия произведений литературы и искусства; названия интернет-сайтов; названия товаров и торговых марок; эргонимы; фирмонимы.

- ИС употребляются в медиадискурсе, который определяется как речемыслительная деятельность в масс-медийном пространстве, которая сфокусирована тематически и обусловлена социокультурно. Среди типов этого дискурса присутствует и новостной.

- В ходе исследования в англоязычных новостных сообщениях выявлены такие классы ИС: антропонимы; топонимы; фирмонимы. У онимов (антропонимов и фирмонимов) в медиадискурсе на АЯ могут быть варианты. Также было выявлено противопоставление имен собственных и метонимия. Фирмонимы могут использоваться в английском языке и в качестве определения в препозиции.

Список использованных источников

1. Вовк, Н. А. Признаки, формирующие значение фирмонима в лингвострановедческом словаре / Н. А. Вовк // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т. 24 (63). – № 3. – С. 210–215.

2. Кожемякин, Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования / Е. А. Кожемякин // Научные ведомости Белгородского государственного университета, серия «Гуманитарные науки». – 2010. – № 2 (73). – Вып. 11. – С. 13–21.

3. Леонович, О. А. В мире английских имен : учебное пособие по лексикологии / О. А. Леонович. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : ООО «Издательство АСТ» ; ООО «Издательство Астрель», 2002. – 160 с.
4. Мезенко, А. М. Теория имени собственного : учебное пособие / А. М. Мезенко, В. М. Генкин, А. Н. Деревяго ; под общ. ред. А. М. Мезенко. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2022. – 202 с.
5. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская / Н. В. Подольская. – 2-е изд. – Москва : Наука, 1988. – 192 с.
6. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская ; отв. ред. А. А. Реформатский. – 3-е изд., испр. – Москва : Книжный дом «Либроком», 2009. – 368 с.
7. Davies Paul, J. SVB and Silvergate Tumult Has Echoes in Texas Bank Crisis [Electronic Resource] / Paul J. Davies. – Access mode: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2023-03-10/svb-and-silvergate-bank-tumult-in-california-has-echoes-in-texas-crisis?srnd=opinion>. (Access date: 05.03.2023).
8. Quilty-Harper, C. Brits Say Prince Harry Should Attend Coronation, But Meghan Markle and Prince Andrew Should Stay Away [Electronic Resource] / Conrad Quilty-Harper. – Access mode: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-03-06/brits-say-prince-harry-should-attend-coronation-but-meghan-and-prince-andrew-should-stay-away>. (Access date: 07.03.2023).

УДК 811.111'42+32

ПРОПАГАНДА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

О. С. Холодняк¹, Н. А. Вовк², Е. Е. Овчинникова³,

¹*ведущий специалист кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

²*старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

³*обучающаяся 4-го курса, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Политический дискурс (далее – ПД) тесно взаимосвязан с пропагандой. Основная задача политиков состоит в том, чтобы убедить широкие слои населения той или иной территории или страны в том, что народные избранники представляют собой сугубо положительные

личности, которые могут принести обществу много пользы. Цель статьи заключается в том, чтобы проследить корреляцию двух явлений: ПД и пропаганды. Эта цель обуславливает постановку следующих задач: 1) охарактеризовать термины «политический дискурс» и «пропаганда»; 2) проанализировать понятие «пропаганда» в диахронии; 3) перечислить приемы манипуляции, которые используются пропагандой в ПД; 4) рассмотреть технологии манипуляции, которые воздействуют на эмоциональную и подсознательную составляющие целевой аудитории. В ходе исследования использовались аналитический и сопоставительный методы.

Ключевые слова: политический дискурс, пропаганда, прием манипуляции, технология манипуляции.

Summary. The political discourse (further – PD) is closely connected with propaganda. Politicians' main task is to persuade ordinary people of a territory or country that the representatives elected by people are purely positive figures who can do community or society only good. The purpose of the article is to observe the correlation of these two phenomena: PD and propaganda. The purpose stipulates the following tasks: 1) to characterize the terms “political discourse” and “propaganda”; 2) to analyze the notion “propaganda” in diachrony; 3) to enumerate the manipulation methods being used by propaganda in PD; 4) to consider the manipulation technologies which affect the emotional and subconscious constituents of the target audience. During the research there were used the analytical and comparative methods.

Key words: political discourse, propaganda, manipulation method, manipulation technology.

Политический дискурс является важной сферой жизни любого общества. С. В. Кузьмина определяет этот термин как «способ толкования социальной реальности в ключевых терминах политики» [2]. Этот дискурс характеризуется своим особым словарем, базовыми абстракциями и метафорами. У ПД есть типовые контексты употребления слов и способы структурирования суждений.

Политический дискурс можно разделить на два вида. Первый из них – институциональный дискурс. Он относится лишь к текстам, которые созданы политиками. Эти тексты представлены интервью политических лидеров, публичными выступлениями и т.д. Вторая разновидность ПД – это дискурс массмедийной направленности. Он охватывает тексты, которые созданы журналистами и распространяются с помощью печатных СМИ и сети Интернет [2, с. 54–56].

Таким образом, успех или неудача любого политического деятеля зависит от создаваемого им и СМИ имиджа, который, в свою очередь, влияет на восприятие целевой аудитории и масштабы его популярности. Политик получит признание в зависимости от того, как умело внедряется и продвигается необходимый образ в сознание масс. Также важно и то, насколько качественно была применена методика манипулирования

сознанием, которая называется пропаганда. Это слово произошло от латинского «propaganda – то, что следует распространить» [1].

У термина «пропаганда» много определений. Одно из них сформулировано таким образом: «это особый род социальной деятельности, основной функцией которой является распространение определенных идей и знаний, иной информации с целью формирования конкретных взглядов, представлений и эмоциональных состояний, а через них более эффективное влияние на жизненную позицию людей и их поведение в тех или иных ситуациях» [5].

В следующем определении понятия «пропаганда» два значения:

«1. Распространение и углублённое разъяснение каких-либо идей, учения, знаний среди широких масс населения или круга специалистов.

2. Политическое или идеологическое воздействие на широкие массы; органы и средства такого воздействия» [1].

Во второй дефиниции это слово приобретает «политический» оттенок, связанный именно с воздействием на людей.

Феномен пропаганды зародился гораздо раньше, чем сам термин. Ее использование восходит своими философскими и теоретическими корнями ещё к Элладе и встречается, в том числе, в преамбуле к Вавилонскому Своду законов Хаммурапи (1750 гг. до н.э.). Этот сборник законов позиционировался как инструмент для защиты слабых от сильных. На самом деле он был направлен на то, чтобы защитить интересы состоятельных слоёв населения за счёт бедных жителей.

Пропаганда имела широкое применение во времена Римской империи и в период Реформации. На протяжении всей своей истории пропаганда использовала каждый новый способ коммуникации как шанс усовершенствоваться и повысить свою эффективность. Например, благодаря появлению печати Мартин Лютер в краткие сроки, всего за четырнадцать дней, смог распространить свои девяносто пять тезисов по всей Германии, в результате обнародования которых произошла Реформация. Радио, телевидение, интернет также широко используются как информационное пространство для реализации различных приемов пропаганды.

Каждая система массовой коммуникации помогала устанавливать связь с общественностью, обходя при этом традиционные институты социализации, представленные семьей, школой, церковью и т.д. Средства масс медиа использовались теми, кто пытался навязать массовой аудитории свои цели.

Понятие пропаганды претерпело значительные изменения за всю свою историю. Изначально это слово было нейтрально окрашенным. Во времена Французской революции этот термин приобрел политическое значение. Это связано с тем, что возникли тайные политические общества. Они стремились распространить свои идеи через эмиссаров в других странах. В Энциклопедическом словаре Эфрона можно найти такую информацию: «Пропаганда состоит в планомерном использовании любых средств общения для воздействия на ум, чувства и поведение данной

группы людей с определенной, имеющей общественное значение целью» [6, с. 449, ст. 1]. В литературе социал-демократии начала XX века пропаганда трактовалась уже как «передача комплекса идей» [4, с. 539]. В советской политологии пропаганда рассматривалась как исторически обусловленная «деятельность по распространению в массах идеологии и политики определенных классов, партий и государств» [4, с. 539], а в самой политике использовалась в качестве компрометации оппонентов.

В современном понимании слово «пропаганда» чаще всего употребляется в негативном значении, имеет прямую связь с манипуляцией, ложью и понимается как навязывание той или иной точки зрения при помощи определенных техник и методик. В действительности пропаганда подразделяется на белую, серую и черную, в зависимости от источника и достоверности информации, а потому не всегда является ложью. Основной психологической целью пропаганды является воздействие на систему идейных, политических и общественных установок, с тем чтобы изменить их, усилить или ослабить.

Сегодня успех пропаганды зависит от того, насколько она незаметна для своей целевой аудитории, которая должна верить, что все происходящее планомерно и неизбежно. Как упоминалось выше, пропаганда преимущественно реализуется при помощи средств массовой коммуникации и, в особенности, СМИ, а потому «отношение к проблемам и явлениям, даже сам подход, что считать проблемой или явлением, во многом предопределены теми, кто контролирует коммуникации» [3, с. 216].

Исследователи выявили конкретные приемы манипуляции, которые используются в повседневной практике политического дискурса. Среди них выделяют:

1. преобразование информационного потока:

- полное или частичное искажение информации;
- специальный подбор фактов с исключением тех, что могли бы подорвать продвигаемую идею;
- определенная постановка фактов, где каждый из фактов может быть верным, но в сочетании они дают искаженное восприятие политической действительности;
- замалчивание;

2. перевод части политической информации в категорию секретной;

3. создание информационного шума;

4. технологии манипуляции, направленные на воздействие на эмоции и подсознание целевой аудитории.

Последние приемы подразделяются на ряд технологий манипулирования, некоторые из которых могут быть наиболее эффективными при создании имиджа политического актора или партии. Рассмотрим некоторые из них подробнее.

Гало-эффект, или эффект ореола – это когнитивное искажение, которое выражается в поспешном суждении человека о личности другого,

основываясь на одной (часто – самой яркой) черте и перенося её качества на всю личность. Иными словами, если политик успешен в одной сфере, то его с большей вероятностью будут считать успешным или способным на многое и в других областях (сумел построить крепкую семью – значит, скорее всего, он способен и снизить уровень безработицы). Хотя многочисленные факты доказывают, что это лишь заблуждение, именно этот прием часто используется бизнес-рекламой и в предвыборных кампаниях стран западного и восточного блоков.

Ситуация, иллюстрирующая гало-эффект, присутствует в статье, которая посвящена политической жизни в Австралии. В следующем контексте содержится такая информация: “The loss is likely to spark questions about the performance of Liberal Party leader and former Defence Minister Peter Dutton after less than one year in the role. Dutton has generally stuck to the script of an opposition leader, regularly rejecting government policies, including increased action on climate change” [11]. Лидер Либеральной партии Питер Даттон в прошлом был министром обороны. Выбор этого политика на руководство партии был сделан, исходя из логики, что он показал себя ответственным государственным служащим. Если он сумел контролировать работу министерства, то тогда у него получится возглавить и политическое объединение. Но, судя по содержанию цитаты, у него есть проблемы с выполнением своих обязанностей. Он все больше становится лидером оппозиции и стать главой партии, которая возглавляла бы государство, у него не получается.

Кластеризация предвыборной программы – это дробление общей предвыборной программы на элементы (кластеры, как их называют в американской политике), каждый из которых направлен на конкретный социальный слой (женщины, пенсионеры, родители, инвалиды, медики, столяры и т.д.). Применяется для привлечения большего внимания к «скучным» и «сухим» темам из кампании нужного кандидата и для привлечения большего количества симпатизирующих избирателей.

Примерами кластеризации может служить цитата из статьи о бывшем губернаторе Арканзаса Асе Хатчинсоне, который является членом Республиканской партии: “Hutchinson has also spoken about the need to bridge the growing divide between rural America and urban areas in the US” [7]. Это было сказано в ходе одного из интервью. А. Хатчинсон ставит целью объединить американцев. Для этого он кластеризирует их на сельских и городских жителей. С его точки зрения необходимо найти способ объединить эти две группы граждан.

В преддверии выборов американские политики предпринимают различные попытки завоевать поддержку той или иной группы американского социума. Камала Харрис, например, ставит целью привлечь на свою сторону афроамериканское население США. Для этого она совершила поездку в Африку: “Harris Turns Africa Trip Into Political Boost With Black Voters” [8]. К. Харрис в ходе общения уделяла особое внимание связям с Африкой, в том числе, ссылаясь и на историю своей семьи.

Опосредование межличностной коммуникации. В конце 40-х гг. американские социологи Э. Кац и П. Лазарсфельд разработали двуступенчатую модель потока коммуникации, при которой идеи распространяются от средств массовой коммуникации сначала к «лидерам мнений», или «медиаторам», а уже от них – к самой целевой аудитории [9]. Так, информация проходит через «переработку» межличностным общением, ее содержание интерпретируется ситуативными лидерами мнений и передается целевой аудитории через актора, наиболее авторитетного в конкретной среде. Сам по себе факт, представленный в СМИ, по мнению Лазарсфельда, неспособен изменить установку отдельной личности.

Примером такой технологии является статья, связанная с обвинениями вокруг Дональда Трампа. По его призыву за сутки было собрано четыре миллиона долларов США. В качестве «лидера мнений» выступил предвыборный штаб (the Trump campaign) бывшего американского президента с таким заявлением: «“This incredible surge of grassroots contributions confirms that the American people see the indictment of President Trump as a disgraceful weaponization of our justice system by a Soros-funded prosecutor,” the Trump campaign said in a press release on Friday» [10]. Доверенные лица выразили мнение американского народа, которое заключалось в порицании обвинений против Д. Трампа. Соответственно, широкие слои населения через посредников получили установку, как относится к сложившейся ситуации.

Также далее в статье команды бывшего президента уточняет, что «The former president’s team also touted that more than 25 percent of contributions came from first-time donors, claiming it confirmed his status as “the clear frontrunner in the Republican primary”» [10]. Четверть всех пожертвований пришла от доноров, которые спонсируют кампания Трампа в первый раз. Эта часть статьи через слова медиаторов нацелена на манипулирование новыми сторонниками Дональда Трампа.

Повторение является одним из самых эффективных способов пропаганды, применяющимся для достижения целей из разных сфер. Человеку всегда кажется более убедительным то, что он запомнил, даже если запоминание произошло в ходе механического манипулирования.

Проиллюстрировать эту технологию можно с помощью материала о премьер-министре Соединенного Королевства Риши Сунаке и Консервативной партии. Автор статьи негативно настроен по отношению к Тори. Основная идея состоит в том, что успехи нынешнего премьер-министра не смогут убедить людей снова голосовать за него. Этот лейтмотив повторяется в рамках всей статьи, начиная с заголовка: “Sunak’s Successes Can’t Blot Out Tory Track Record in Office” [12]. Далее эта мысль выражается уже в подзаголовке: “For all the British prime minister’s recent success, the division and failed policies of his Conservative Party weigh on his prospects at the ballot box” [12]. Весь разные части статьи содержат повторение этой идеи теми или иными словами.

Таким образом, современный политический процесс во многом построен на пропагандистских и манипулятивных приемах. Пропаганда, позитивная (продвигающая) и негативная (компрометирующая), играет главную роль в формировании общественного мнения и установок, влияет на поведение граждан. Использование манипулятивных приемов для создания имиджа в значительной степени повышает шансы политика на успех.

Выделяют такие приемы манипуляции в политическом дискурсе: преобразование информационного потока; перевод части политической информации в категорию секретной; создание информационного шума; технологии манипуляции, направленные на воздействие на эмоции и подсознание целевой аудитории (гало-эффект, или эффект ореола; кластеризация предвыборной программы; опосредование межличностной коммуникации; повторение).

Список использованных источников

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 1998. – URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B0&all=x>. (дата обращения 05.03.2023).
2. Кузьмина, С. В. Политический дискурс как неотъемлемая часть политической коммуникации / С. В. Кузьмина // Известия Саратовского университета. – 2011. – Вып. 2. – С. 54–56.
3. Паренти, М. Демократия для немногих / М. Паренти. – Москва : Прогресс, 1990. – 504 с.
4. Правоторов, В. Ф. Пропаганда / В. Ф. Правоторов // Философский энциклопедический словарь. – Москва : Советская энциклопедия, 1983. – С. 539.
5. Пропаганда. – URL: <https://ksc.krasn.ru/upload/medialibrary/586/9ioazb7o6tgl1bjtmg0me1hswfnlr0.pdf>. (дата обращения 05.03.2023).
6. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XXV (49). Праяга – Санкт-Петербург : Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1898. – 492 с. – URL: <https://runivers.ru/bookreader/book10180/#page/463/mode/1up>. (дата обращения 10.02.2023).
7. Czuczka, T. Arkansas Ex-Governor Hutchinson Enters GOP Presidential Race [Electronic Resource] / Tony Czuczka. – Access mode: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-04-02/arkansas-ex-governor-hutchinson-enters-2024-presidential-race?srnd=politics-vp>. (Access date: 28.03.2023).
8. Gardner, A. Harris Turns Africa Trip Into Political Boost With Black Voters [Electronic Resource] / Akayla Gardner – Access mode: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-04-02/harris-turns-africa-trip-into-political-boost-with-black-voters?srnd=politics-vp>. (Access date: 25.03.2023).

9. Katz, E. Personal Influence: the Part Played by People in the Flow of Mass Communications / E. Katz, P. Lazarsfeld. – New York : Free Press, 1965. – 434 p.
10. Shapero, J. Trump's fundraising efforts after indictment pay off, with over \$4 million raised [Electronic Resource] / Julia Shapero. – Access mode: <https://thehill.com/homenews/campaign/3928828-trumps-fundraising-efforts-after-indictment-pay-off-with-over-4-million-raised/>. (Access date: 29.03.2023).
11. Westcott, B. Australia's Government Strengthens Grip With By-Election Win [Electronic Resource] / Ben Westcott. – Access mode: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-04-01/australia-s-government-strengthens-grip-with-by-election-win?srnd=politics-vp>. (Access date: 26.03.2023).
12. Wickham, A. Sunak's Successes Can't Blot Out Tory Track Record in Office [Electronic Resource] / Alex Wickham, Kitty Donaldson. – Access mode: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-04-01/rishi-sunak-aides-fear-uk-tory-party-won-t-shake-off-election-record?srnd=politics-vp>. (Access date: 01.04.2023).

УДК 81'373.231

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ПОВЕСТИ ДЖОНА ФАУЛЗА «БАШНЯ ИЗ ЧЕРНОГО ДЕРЕВА»: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Д. М. Храбскова¹, Н. А. Вовк², А. С. Агиевич³,

¹кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой романской и классической филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

³обучающаяся 4-го курса, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается функционирование имен собственных (далее – ИС) в повести Джона Фаулза «Башня из черного дерева». Актуальность исследования обусловлена интересом исследователей к творчеству этого писателя и недостаточной степенью изученности использования ИС в произведениях Дж. Фаулза.

Исследование позволяет сделать вывод, что поэтонимы в произведении «Башня из черного дерева» выполняют номинативную, аллюзивную, характерологическую функции, функцию характеристики художественного пространства. Последние две представляют собой разновидности характеризующей функции.

В ходе исследования использовались аналитический и сопоставительный методы, методы сплошной выборки и тезаурусного анализа.

Ключевые слова: ономастика, имя собственное, поэтоним, антропоним, топоним, Джон Фаулз, «Башня из черного дерева», функциональный аспект.

Summary. In the article the functioning of the proper names (further – PN) in the novelette “The Ebony Tower” by John Fowles is analyzed. The relevance of the research is stipulated by the scientists’ interest to the writer’s creative work and insufficient degree of studies devoted to PN using in the belles-lettres works by J. Fowles.

The research allows to make a conclusion that the poetonyms in the literary work “The Ebony Tower” fulfil the nominative, allusion, characterological functions, the function of belles-lettres space. The latter two ones are the subtypes of the characterizing function.

During the study there were used the analytical, comparative, continuous sampling, and thesaurus methods.

Key words: onomastics, proper name, poetonym, anthroponym, toponym, John Fowles, “The Ebony Tower”, functional aspect.

Имена собственные в художественной литературе представляют интерес для множества исследователей и в теоретическом, и в практическом аспектах. Это специфическое направление ономастики получило название литературной ономастики, либо поэтической.

Изначально в ходе анализа ИС в художественных текстах использовались такие термины, как «имя собственное» или «имя». В течение долгого периода наиболее часто используемым термином для идентификации ИС в литературных произведениях был термин «литературный антропоним». Он охватывал весь перечень имен собственных, используемых в том или ином произведении для обозначения персонажей. М. В. Карпенко придерживалась другой точки зрения по этому вопросу и считала, что литературные антропонимы должны отображать лишь ИС, которые автор произведения посчитал нужными ввести, при этом исключая имена исторических лиц, реально существовавших [1, с. 34]. Впоследствии это условие не было принято научным сообществом.

Тем не менее, оставалась необходимость в наличии более универсального термина, который был бы способен охватывать все существующие разряды имен собственных, которые используются в художественной литературе. Актуализировался термин «поэтоним». До этого его использовали в случае необходимости обозначить условные ИС экзотического или мифологического плана, то есть те имена, которые обладали конкретным поэтическим смыслом [3, с. 152]. Впоследствии поэтическая ономастика стала расширять границы семантического содержания данного термина. «Словарь ономастической терминологии» предлагает интерпретировать данное понятие следующим образом:

«Поэтическое имя (поэтоним) – имя в художественной литературе, имеющее в языке произведения, кроме номинативной, характеризующую, стилистическую и идеологическую функции. Как правило, относится к категории вымышленных имен, но часто писателем используются реально существующие имена или комбинация тех и других» [2, с. 108]. Если необходима видовая конкретизация ИС, то используются такие термины, как «поэтический зооним», «поэтический топоним», «поэтический антропоним» и т. д.

Поэтонимы в художественном произведении могут выполнять ряд функций, среди которых символическая, идеологическая, эстетическая, номинативная, характеризующая.

В ходе анализа ИС из произведения «Башня из черного дерева» были выявлены следующие функции поэтонимов. Первая из них – номинативная, то есть назывная. В следующем предложении имена собственные употребляются в этой функции:

“He had already drafted the introduction, he knew pretty well what he was going to say; there were the major catalogue essays, especially that for the 1969 Tate Retrospective... the British art establishment's belated olive-branch; those for the two recent Paris shows, and the New York; Myra Levey's little monograph in the Modern Masters series, and the correspondence with Matthew Smith; a scatter of usable magazine interviews” [4, с. 11].

Это антропонимы «Майра Ливи» (“Myra Levey”), «Мэтью Смит» (“Matthew Smith”), топонимы «Париж» (“Paris”), «Нью-Йорк» (“New York”), идеоним «Ретроспектива Галереи Тейт за 1969 год» (“the 1969 Tate Retrospective”).

Следующая функция поэтонимов – характерологическая. Они подчеркивают ту или иную черту личности персонажей. Эта функция реализуется поэтонимами в произведении Джона Фаулза «Башня из черного дерева» с помощью прозвищ, которые актуализируют личные качества. Диана, которую Генри называет Мышкой, спокойная по характеру, старается вести себя незаметно. Анна, которую Бресли именуется Фрик, отличается странным мышлением и характером, поэтому это прозвище так сильно подходит ей. Генри таким образом характеризует Мышку:

“‘Thinks she's Lizzie Siddal. Which makes me that ghastly little Italian fudger damn' insulting, what?’ — David laughed. ‘I did notice a certain Breasley raised his eyes to the ceiling. ‘My dear man. You've no idea. Still. Gel’” [4, с. 19].

Он сравнивает ее с Лиззи Сиддал (Lizzie Siddal) (Элизабет Элеонор Сиддал; Elizabeth Eleanor Siddal). Элизабет была известной британской натурщицей, писала стихи и рисовала картины. Она сильно повлияла на Братство прерафаэлитов. Спокойствие Мышки уравновешивается ее амбициями.

Функция характеристики художественного пространства также присуща именам собственным. Она выражается через использование

топонимов. Анализ топонимов в романе «Башня из черного дерева» показывает такую ситуацию. В следующем контексте упоминается французская историческая местность «Бретань» (Brittany):

“That allowed David to be polite; sincerely so, about his newfound enthusiasm for Brittany and its landscapes” [4, с. 21].

Диана и Анна, Мышка и Фрик, отправились за едой во французскую деревню Плелан:

“The two girls, it seemed, were already up and out – to Plélan, the nearest village, to shop for food... and incidentally, or so David guessed, to allow the old man time to prove his penitence” [4, с. 58].

Английские топонимы также употребляются в повествовании:

“Meanwhile, in the here and now, he felt a violent desire to punish — himself, the girl so close, Beth far away in the London night” [4, с. 116].

Но в этот момент Лондон далек от Дэвида Уильямса, так как он находится во Франции и вспоминает этот топоним лишь в связи с Бет, своей невестой.

Аллюзивная функция поэтонимов также реализуется в повести. В произведении «Башня из черного дерева» Джон Фаулз использует аллюзию на свое произведение «Маг»:

“He could read the title of the Freak's book: The Magus” [4, с. 68].

Роман «Волхв» (“The Magus”; есть еще перевод «Маг») был впервые опубликован в Англии в 1965 году. Исходя из хронологии, это – третий роман автора, но написан он был первым. Как видно из цитаты, этот роман читает девушка по прозвищу Фрик.

Исследование позволяет сделать такие выводы:

1. ИС в художественных произведениях формируют пласт литературной, или поэтической, ономастики. Поиск исследователями наименования единицы этого уровня, который был бы способен охватывать все существующие разряды имен собственных в литературе привел к актуализации термина «поэтоним».
2. Поэтонимы в художественном произведении могут выполнять ряд функций, среди которых символическая, идеологическая, эстетическая, номинативная, характеризующая.
3. В ходе анализа ИС из произведения «Башня из черного дерева» были выявлены следующие функции поэтонимов: номинативная, аллюзивная, характерологическая, функция характеристики художественного пространства. Последние две являются подвидами характеризующей функции.

Список использованных источников

1. Карпенко, Ю. А. Имя собственное в художественной литературе / Ю. А. Карпенко // Филологические науки. – 1986. – № 4. – С. 34–40.
2. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – Москва : Наука, 1978. – 198 с.

3. Суперанская, А. В. Языковой знак и имя собственное / А. В. Суперанская // Проблемы языкознания : Докл. и сообщ. сов. ученых на X Междунар. конгр. лингвистов. – Москва, 1967. – С. 152–156.
4. Fowles, J. The Ebony Tower / J. Fowles. – London : Vintage Classics, 1998. – P. 3–128.

УДК 81'33

КАК СООТНОСЯТСЯ РАЗЛИЧНЫЕ КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ РАЗРЯДОВ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Т. С. Чабаненко,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать значимость различных критериев отнесения имен существительных к конкретным, абстрактным, вещественным или собирательным. Несмотря на то, что выделение лексико-грамматических разрядов основывается в первую очередь на семантических особенностях, именно этот критерий описан неоднозначно и недостаточно точно. Деривационный критерий, хотя и представлен в незначительном количестве слов, превалирует над синтагматическим и грамматическим. Последний наименее показателен.

Ключевые слова: имя существительное, лексико-грамматический разряд, критерий, семантика.

Summary. The article attempts to analyze the significance of various criteria for attributing nouns to concrete, abstract, material or collective. Although the allocation of lexico-grammatical categories is based primarily on semantic features, it is this criterion that is described ambiguously and insufficiently accurately. The derivational criterion, although presented in a small number of words, prevails over the syntagmatic and grammatical. The last criterion is the least revealing.

Key words: noun, lexico-grammatical category, criterion, semantics.

Лексико-грамматические разряды имен существительных, на первый взгляд, хорошо изученная и описанная категория. Относя существительное к тому или иному лексико-грамматическому разряду, мы учитываем его семантику, грамматические свойства, деривационные особенности. Однако нередко эти критерии в применении к тому или иному существительному не согласуются между собой, в результате чего возникает вопрос, какой из критериев считать главным, определяющим, а какой – второстепенным.

Цель нашего исследования – показать, какую роль играют разные критерии в определении лексико-грамматического разряда имен существительных.

В лингвистической литературе XX века, в том числе в справочниках и вузовских учебниках, традиционно при распределении существительных на лексико-грамматические разряды основное внимание уделялось описанию их грамматических свойств и деривационных особенностей (труды А. А. Шахматова, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, А. Н. Гвоздева, А. А. Реформатского). Лишь в некоторых научных работах (А. М. Пешковского, Л. О. Чернейко, В. Ф. Васильевой, Н. К. Демьяненко и др.) лексико-грамматические разряды описываются с опорой на логико-философские категории, внимание акцентируется на смысловых признаках существительных.

Деривационный критерий используется в основном при описании собирательных существительных, многим из которых характерны специальные суффиксы: *профессура, родня, ивняк, беднота, деканат, зверь[jo]* и др. Также особые суффиксы *-ин-, -инк-* свойственных единичным существительным: *снежинка, пушинка, горошина, жемчужина* и под. Однако этот критерий не применим для всех собирательных или всех единичных существительных. К непроеизводным собирательным существительным принадлежат такие слова, как *мусор, хлам, хвоя* и др. Единичность может выражаться не только особыми суффиксами, но и противопоставлением сингулятивов собирательным существительным: *студент – студенчество, лист – листва* и др.

В качестве основного грамматического критерия выступает способность существительного иметь формы единственного и множественного числа. Однако, во-первых, этот признак позволяет лишь противопоставить конкретные существительные всем остальным, но не разграничить абстрактные, вещественные, собирательные существительные. Во-вторых, ограниченность числовой парадигмы неконкретных существительных в речи часто преодолевается, не только в индивидуально-авторских употреблениях, но и на регулярной основе. Ю. А. Вольская, экспериментальным путем исследуя эффективность использования этого критерия в разграничении абстрактных и конкретных существительных, приходит к выводу, что «функционирование абстрактных имен в форме множественного числа – часто встречающееся явление в современном русском языке», «морфологический критерий разграничения ЛГР не стабилен и не может применяться для всех слов» [1, с. 125].

Следующий критерий, который используется в определении лексико-грамматического разряда, – сочетаемостные возможности существительных. Так, только конкретные и единичные (если таковые выделять как отдельных разряд) существительные способны определяться количественными числительными: *два шкафа, пятьсот машин, десять столов*, но недопустимо **две воды, *три молодежи, *четыре глины, *три*

справедливости. Вещественные, собирательные, абстрактные существительные обычно характеризуются как несочетающиеся с количественными числительными. Но это не всегда так. К примеру, собирательные существительные, называющие совокупность растений, типа *ельник*, *ивняк* свободно употребляются с количественными числительными, не меняя своего лексического значения: *И луговая трава и тощая озимь уж поблекли от морозов, лиственные деревья оголели, только один ельник сохранял зеленый свой цвет* (П. И. Мельников-Печерский).

Вещественным существительным характерно сочетание со словами, выражающими меру, в том числе словами *много*, *мало*: *три литра молока*, *ведро воды*, *много алмазов*. Собирательные существительные также могут сочетаться с неопределенно-количественными словами: *много листвы*, *мало профессуры*, но обычно описываются как несочетающиеся со словами, выражающими единицы измерения. Однако те собирательные существительные, которые называют совокупность предметов, растений, могут употребляться с единицами измерения: *В Подмосковьи пытались ввезти 7 тонн мебели под видом сантехники* (<https://podmoskovye.bezformata.com/>); *На территории Подмосковья до конца нынешнего года в рамках санитарных мероприятий будет вырублено более восьми тысяч гектаров ельника* (https://dmitrov.bezformata.com); *Как правило, в сушильной машине можно за один раз высушить от 5 до 7 килограммов белья (в зависимости от модели)* (<https://zoom.cnews.ru/>).

Как видим, синтагматический критерий также не является достаточно регулярным, последовательным для того, чтобы быть основным для распределения существительных по лексико-грамматическим разрядам. Но все же синтагматические закономерности нарушаются значительно реже, чем способность употребляться в формах единственного и множественного числа. Так, формы множественного числа вещественных существительных *воды*, *масла* не употребляются с количественными числительными, как и формы единственного числа *вода*, *масло*; формы множественного абстрактных существительных *радости*, *заборы*, *красоты* если и употребляются в сочетании с количественными существительными, то намного реже, чем без них.

Мы не охарактеризовали еще один критерий – семантический. С одной стороны, описание лексико-грамматических разрядов существительных начинается именно с описания семантики каждого разряда, с другой стороны, этому аспекту, на наш взгляд, уделяется недостаточно внимания. Посмотрим, как описывается семантика лексико-грамматических разрядов существительных в хорошо известном учебнике «Современный русский язык» Н. М. Шанского, А. Н. Тихонова: «конкретные существительные обозначают предметы, которые существуют в виде отдельных экземпляров или особей»; «отвлеченные (абстрактные) существительные обозначают абстрактные понятия –

свойства, качества, а также действия и состояния»; «вещественные существительные обозначают однородные по составу вещества (однородную массу чего-либо), материалы, которые делятся на части, сохраняющие свойства целого, и которые можно измерять (но не считать)»; «собирательные существительные обозначают неопределенное множество предметов или лиц как одно неделимое целое» [4, с. 102–103]. Подобные характеристики сохраняются и в учебниках XXI века, например: абстрактные «обозначают разного рода нематериальные сущности, т. е. действия, признаки, качества, свойства, а также отвлеченные понятия» [3, с. 89]; вещественные «обозначают предметы, лишённые определенной формы и точных границ» [3, с. 87]; «собирательные существительные обозначают совокупность однородных предметов и лиц как неделимое целое» [3, с. 85]. Практика показывает, что разграничение вещественных и собирательных существительных с опорой на подобные дефиниции вызывает ряд затруднений. Например, непонятно, к какому разряду относить существительные, называющие ягоды каких-то растений (например, *смородина, рябина, клубника*), которые, с одной стороны, называют плоды растений, т. е. должны принадлежать к вещественным, как и вещественные, сочетаются с единицами меры (килограмм, грамм), с другой стороны, представляют собой совокупность предметов (ягод), зачастую имеют помету «собир.» в толковых словарях. Легко усомниться в однородности супа, если, конечно, речь не идет о супе-пюре, хотя слово *суп* обычно характеризуют как вещественное существительное. Не до конца ясно, принадлежат ли к собирательным слова типа *народ, группа, полк, табун, коллектив* и под., называющие множество людей или животных, но характеризующиеся сочетаемостными особенностями конкретных существительных. В решении подобных спорных вопросов исследователи апеллируют в первую очередь к семантике. Например, Л. В. Калинина рассуждает так: «зачем считать студентов в студенчестве, если это не важно для идеи собирательности? Важным является другое: собирательность предполагает такое сущностное, значимое качество, которое отличает данный класс от объектов другого класса», «категория собирательности находится на ином, более высоком уровне абстракции по сравнению с названиями конкретных предметов», «если подойти с этой точки зрения к словам типа *толпа, стадо, полк, отряд, табун, группа*, то их «ментальный образ» вполне можно представить, потому что они характеризуют совокупность лишь количественно, без перехода “количества в качество”», «поэтому рассматриваемые слова целесообразно признать конкретными» [2, с. 65]. Как видим, автор отталкивается именно от семантики исследуемых единиц.

Таким образом, разграничение лексико-грамматических разрядов существительных опирается в первую очередь на их семантику, поэтому она должна быть точно охарактеризована. В то же время именно семантический анализ является наиболее сложным для обучающихся. Следующим, на наш взгляд, по важности является синтагматический

критерий. Самой малоинформативной, чаще всего преодолеваемой оказывается способность/неспособность существительных употребляться в формах единственного и множественного числа. Особое место у деривационного критерия. Хотя с его помощью можно положительно охарактеризовать лишь немногие существительные, он оказывается более показательным, точным, чем синтагматические или грамматические особенности слова.

Список использованных источников

1. Вольская, Ю. А. Морфологический критерий разграничения абстрактных и конкретных существительных: экспериментальный подход / Ю. А. Вольская // Ученые записки казанского университета ; Серия «Гуманитарные науки». – 2021. – Т. 163. – № 1. – С. 119–129.
2. Калинина, Л. В. К вопросу о критериях выделения и отличительных приметах лексико-грамматических разрядов имен существительных / Л. В. Калинина // Вопросы языкознания. – 2007. – № 3. – С. 55–70.
3. Богданов, С. И. Морфология современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / С. И. Богданов, В. Б. Евтюхин, Ю. П. Князев и др. – Санкт-Петербург : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 634 с.
4. Шанский, Н. М. Современный русский язык : В 3 ч. Ч. 2. Словообразование. Морфология / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. – Москва : Просвещение, 1981. – 270 с.

УДК 81'373.7

СЕМАНТИКА АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ИМЕНАМИ СОБСТВЕННЫМИ

С. Е. Чернобай¹, Е. С. Бут²,

¹старший преподаватель кафедры английской филологии,

*Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

²обучающаяся кафедры английской филологии,

*Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье представлен семантический анализ фразеологических единиц с именами собственными в современном английском языке. В ходе работы были применены методы синтеза и анализа, метод компонентного анализа, метод семантического анализа и описательный метод. На основе интегральных сем были выделены фразеологические группы, представляющие «эмоциональное состояние человека», «выражение чувств и эмоций» и «характеристику человека».

Ключевые слова: фразеологическая единица, имя собственное, сема, интегральные и дифференциальные семы.

Summary. The article presents a semantic analysis of phraseological units with proper names in Modern English. In the course of the work the following methods were applied: synthesis, analysis, method of the componential analysis, method of the semantic analysis and the descriptive method. On the basis of the integral semes such phraseo-semantic groups were identified: “the emotional state of a person”, “expressing feelings and emotions”, and “characteristics of a person”.

Keywords: phraseological unit, proper name, seme, integral and differential semes.

Введение. В современной речи фразеологизмы достаточно популярны в силу своей образности и выразительности. В текстах художественного или публицистического жанра используются фразеологические единицы, чтобы ярче описать события, человека или его эмоции. Фразеологические единицы с именами собственными становились объектом изучения многих лингвистов. Исследуя английские фразеологизмы, в составе которых присутствуют имена собственные, Е. В. Годунова отмечает, что «знание фразеологизмов – необходимое условие для овладения любым языком <...> семантика таких фразеологизмов связана с этимологией имен собственных, первичная сфера употребления которых часто связана с именами литературных героев, с прототипами конкретных людей, с библейскими персонажами, мифологическими героями, а также с отдельными именами и фамилиями, неотносящимися к конкретному индивиду» [1].

Б. Р. Султанов, Н. Р. Бахтиёрова и С. Р. Абдуллаев попытались «определить суть и природу семантики» [4] в составе фразеологических единиц с использованием имен собственных. Авторы пришли к выводу, что «метонимия играет важную роль в семантике фразеологических единиц с именами собственными» [4], это связано с тем, что в реальном мире существует «прототип» (влиятельный, знаменитый человек), на которого направлено сравнение. Также исследователи обращают внимание на тот факт, что «интенционал или интегральный компонент может иметь разные экстенционалы или окказиональные компоненты» [4]. А. В. Шитова предлагает классификацию именных фразеологических выражений английского языка согласно их происхождению, а также при рассмотрении типов фразеологизмов проводит семантический анализ наиболее употребляемых. Ученая выделяет фразеологизмы, в состав которых входят: 1) персонажи и явления библейской мифологии; 2) персонажи и явления античной мифологии; 3) имя собственное, связанное с фольклором и бытом; 4) реальная антропонимика и 5) имена литературных персонажей [5].

Н. С. Ильющенко занимается анализом структуры фразео-семантической группы и определением ее главных элементов – «центра и периферии». Автор описывает структуру фразеологического значения в

английских и русских антропоморфных фразеологизмах, а также выявляет и анализирует устойчивые семантические корреляции между ними и на этой основе определяет характерные типы англо-русских фразеологических межъязыковых соответствий [2]. Также в наши дни появляются новые фразеологизмы, включающие имена собственные; это связано с появлением культовых сериалов и книг-бестселлеров, персонажи которых становятся частью метафорических выражений. Более того, нельзя не заметить, что язык постоянно находится в динамике, а это означает, что появляются новые фразеологические единицы, которые требуют изучения. Все вышеизложенное определяет **актуальность** выбранной темы. **Научная новизна** исследования состоит в проведении комплексного анализа английских фразеологических единиц с компонентом имени собственного.

Цель работы заключается в изучении семантики английских фразеологизмов с именами собственными. Для достижения цели необходимо решить следующие **задачи**: 1) уточнить сущность понятия «фразеологическая единица»; 2) изучить понятие «имя собственное»; 3) дать определение термина «сема»; 4) рассмотреть классификацию сем; 5) провести семантический анализ фразеологических единиц с компонентом имени собственного в английском языке. Для достижения поставленных задач применяются следующие **методы** исследования: общенаучные методы синтеза и анализа, метод компонентного анализа, метод семантического анализа и описательный метод.

Материалом исследования стали фразеологические единицы с компонентом имени собственного, отобранные методом сплошной выборки из английских фразеологических словарей [7; 8].

Рассмотрев определения фразеологической единицы, представленных в трудах лингвистов, мы понимаем под фразеологизмом группу слов, объединенных смыслом, и представляющую собой единую, целостную структуру. Главным отличающим признаком фразеологизма является его целостность. Устойчивость употребления, экспрессивность и образность также являются основными характеристиками фразеологической единицы. Имя собственное – это «имя существительное, обозначающее слово или словосочетание, предназначенное для называния конкретного, вполне определённого предмета или явления, выделяющее этот предмет или явление из ряда однотипных предметов или явлений. Имя собственное противопоставляется имени нарицательному. В отличие от других слов, имя собственное не связано непосредственно с понятием, его основное значение заключается в его связи с обозначаемым» [6]. Сема обозначает «минимальную, предельную единицу плана содержания. Семы представляют собой элементарные отражения в языке различных сторон и свойств обозначаемых предметов и явлений действительности» [6].

Помимо этого, семантический анализ фразеологических единиц базируется на выделении интегральных и дифференциальных сем во фразеологическом значении, поэтому рассмотрим их подробнее. Первые

передают общую информацию для группы фразеологических единиц, в то время как дифференциальные семы выполняют отличительную функцию в пределах тех же групп, например: *to be slow/ quick on the uptake* – быстро/медленно соображать. Интегральная сема – способность соображать, дифференциальная сема – степень сообразительности [3, с. 98–101].

Проведя семантический анализ исследуемых фразеологических единиц, на основе интегральных сем были выделены фразеологические группы, обозначающие «эмоциональное состояние человека», «выражение чувств и эмоций», «характеристика человека». Приведем некоторые примеры.

Фразеологическая группа «эмоциональное состояние» представлена следующими фразеологическими единицами:

1. «*Olympian calm*» – «*calmness*; полное спокойствие». Дифференциальная сема – «состояние равновесия».
2. «*As pleased as Punch*» – «*satisfied, very pleased*; довольный человек, которого все устраивает». Дифференциальная сема – «степень удовлетворенности».
3. «*As happy as Larry*» – «*extremely happy*; быть на седьмом небе». Дифференциальная сема – «состояние счастья».
4. «*Bob's your uncle*» – «*everything is or will turn out all right*; все будет хорошо». Дифференциальная сема – «надежда на лучшее».
5. «*Keep up with the Joneses*» – «*to always want to own the same expensive objects and do the same things as your friends or neighbours, because you are worried about seeming less important socially than they are*; жить как все». Дифференциальная сема – «стремление произвести впечатление на окружающих».

Фразеологическая группа «выражение чувств и эмоций» включает следующие фразеологические единицы:

1. «*To grin like a Cheshire cat*» – «*used to say about someone who are smiling very widely*; широко улыбаться». Дифференциальная сема – «способность искренне улыбаться, выражая позитивные эмоции».
2. «*To send smb to Coventry*» – «*to refuse to speak to somebody, as a way of punishing them for something that they have done*; игнорировать». Дифференциальная сема – «способ наказания».
3. «*Dutch courage*» – «*courage or confidence that you get by drinking alcohol*; быть храбрым только под воздействием алкогольного опьянения». Дифференциальная сема – «минутная храбрость» (употребляется чаще всего в негативном ключе).

Данные фразеологизмы можно подразделить две группы в зависимости от их коннотативного значения: положительного или отрицательного. К фразеологическим единицам с положительной окраской относятся: «*to grin like a Cheshire cat*», «*as happy as Larry*», «*Bob's your uncle*», «*Olympian calm*», «*as pleased as Punch*». Фразеологизмы с отрицательной коннотацией представлены следующими единицами: «*to send smb. to Coventry*», «*keep up with the Joneses*», «*Dutch courage*».

Проанализировав дифференциальные семы исследуемых фразеологизмов, можно сделать вывод, что большая часть фразеологизмов с именами собственными выражает положительные эмоции и чувства.

Рассмотрим фразео-семантическую группу «характеристика человека»:

1. «Jekyll and Hyde» – «a person who has two very different parts of their character, one good and one bad; человек, имеющий противоположные стороны в его характере». Дифференциальная сема – «противоречивый характер человека».

2. «Simple Simon» – «a foolish man or boy; глупый мальчик или мужчина». Дифференциальная сема – «глупость человека».

3. «Good Samaritan» – «someone who helps people in trouble; альтруист». Дифференциальная сема – «доброта и великодушие человека».

4. «Nervous Nellie» – «a person characterized by worry, insecurity and timidity; человек, который вечно переживает». Дифференциальная сема – «тревожность».

5. «As patient as Job» – «very peaceful, placid; спокойный человек». Дифференциальная сема – «долготерпение».

6. «A Nosey Parker – overly curious; чересчур любопытный». Дифференциальная сема – «любопытство».

7. «Jack Horner» – «a very superior young man; самодовольный молодой человек». Дифференциальная сема – «высокомерие».

Учитывая коннотативное значение анализируемых фразеологизмов, их можно подразделить на две группы. К группе с положительной коннотацией относятся следующие фразеологизмы: «as patient as Job», «good Samaritan». Отрицательное коннотативное значение имеют такие фразеологизмы: «Jekyll and Hyde», «simple Simon», «nervous Nellie», «a Nosey Parker», «Jack Horner».

Выводы и перспективы. На основе интегральных сем исследуемые фразеологические единицы с именем собственным в английском языке выделены в следующие фразео-семантические группы: «эмоциональное состояние человека», «выражение чувств и эмоций», «характеристика человека». Дифференциальные семы помогают определить коннотативное значение фразеологизма; исследуемые фразеологические единицы имеют как положительную, так и отрицательную окраску. Перспективным в изучении семантики английских фразеологизмов с именами собственными видится в расширении исследуемого практического материала, а также рассмотрении функционирования данных фразеологизмов в англоязычном дискурсе различного типа.

Список использованных источников

1. Годунова, Е. В. Имена собственные в составе английских фразеологических единиц / Е. В. Годунова // Современное педагогическое образование. – 2020. – № 11. – С. 234–236.

2. Ильющенко, Н. С. Семантические корреляции в системе английских и русских антропоморфных фразеологизмов / Н. Л. Ильющенко. – Москва : Университетская книга, 2013. – 169 с.
3. Кунин, А. В. Фразеология современного английского языка: монография / А. В. Кунин. – Москва : Международные отношения, 1972. – 289 с.
4. Султанов, Б. Р. Семантическая проблематика фразеологических единиц с именами собственными английского языка / Б. Р. Султанов, Н. Р. Бахтиёрова, С. Р. Абдуллаев. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskaya-problematika-frazeologicheskikh-edinit-s-imenami-sobstvennymi-angliyskogo-yazyka>. (дата обращения: 02.07.2021).
5. Шитова, Л. Ф. Идиоматический ребус: именные идиомы, их классификация, происхождение и семантические особенности / Л. Ф. Шитова, А. В. Шитова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idiomaticheskiiy-rebus-imennyye-idiomy-ih-klassifikatsiya-proishozhdenie-i-semanticheskie-osobennosti>. (дата обращения: 02.03.2021).
6. Ярцева, В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь : [сайт] / В. Н. Ярцева. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/118131#cite_note2. (дата обращения: 04.10.21).
7. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English / ed. By A. P. Cowie, R. Mackin, I. R. McCaig. – London : Oxford University Press, 1984. – 1082 p.
8. Longman Dictionary of English Idioms / ed. by T. H. Long, Ltd Staff Laurence Urdang Associate. – London : Longman, 1980. – 402 p.

УДК 81'373.7

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

С. Е. Чернобай¹, Т. И. Ибраимова²,

*¹старший преподаватель кафедры английской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

*²обучающаяся 4-го курса кафедры английской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Цель работы – охарактеризовать функции английских фразеологизмов в публицистическом дискурсе. В исследовании применяются методы анализа и синтеза, метод контекстуального анализа и описательный метод. В ходе работы выявлено, что наиболее распространенными функциями являются коммуникативная, номинативная и стилистическая, которая представлена экспрессивно-

образной. В контексте фразеологизмы подвергаются окказиональным модификациям.

Ключевые слова: фразеологизм, английский язык, функция, дискурс, публицистический дискурс.

Summary. The aim of the paper is to characterize the functions of the English phraseologisms in publicistic discourse. The methods of analysis and synthesis, the method of contextual analysis and the descriptive method are applied. While researching, it has been exposed that the most spread functions are communicative, nominative and stylistic ones, the latter being represented by the expressive-figurative function. In the context phraseologisms go through occasional modifications.

Keywords: phraseologism, the English language, function, discourse, publicistic discourse.

Введение. Фразеологические единицы являются объектом изучения многих отечественных и зарубежных ученых. Однако исследования по функционированию английских фразеологизмов в публицистическом дискурсе немногочисленны; этот факт обуславливает актуальность данной работы. **Цель** исследования – охарактеризовать функции фразеологизмов в контексте англоязычного публицистического дискурса. Для достижения цели поставлены следующие **задачи:** 1) дать определение фразеологизма; 2) рассмотреть функции, которые фразеологические единицы могут выполнять в контексте; 3) провести анализ функций, которые фразеологизмы выполняют в публицистическом дискурсе. Для достижения поставленных задач применяются общенаучные **методы** анализа и синтеза, метод контекстуального анализа и описательный метод.

Под фразеологией понимают раздел языкознания, изучающий устойчивые образные сочетания слов с обобщённо-целостным значением. Н. М. Шанский даёт следующее определение: «Фразеологический оборот – это воспроизводимая в готовом виде языковая единица, состоящая из двух или более ударных компонентов словного характера, перманентная (то есть постоянная) по своему значению, составу и структуре» [5, с. 54]. В. И. Албакова определяет фразеологизм как единицу языковой системы, для которой характерны такие второстепенные признаки как метафоричность, эквивалентность и синонимичность слову [1, с. 3]. Но, по мнению Н. М. Шанского, метафоричность присуща многим словам, а эквивалентность – далеко не всем устойчивым сочетаниям. Поэтому включение этих второстепенных и зависимых признаков в определение фразеологизма не совсем корректно. Ученый подчеркивает, что «правильная дефиниция фразеологизма невозможна без учета его отличий от слова и свободного сочетания» [5, с. 33].

Фразеологизмы могут иметь различную стилистическую окраску, поэтому распространены в текстах различного стиля, что представляет несомненный интерес для лингвистики. Публицистические тексты содержат значительное количество экспрессивных средств, выраженных единицами различных языковых уровней, включая фразеологизмы.

Использование фразеологизмов является неотъемлемой частью при передаче образности, выделении отдельных фрагментов информации.

Что касается функционального аспекта фразеологизмов, то они делятся на две группы [5, с. 68]: 1) *номинативные фразеологизмы* – названия предметов, явлений, процессов окружающей действительности; 2) *изобразительно-выразительные фразеологизмы* – ФЕ, для которых характерны такие черты, как художественная изобразительность, высокая степень обобщенности значения и эмоционально-экспрессивная окраска. Данные фразеологические обороты встречаются чаще всего в бытовой речи, художественных и публицистических текстах.

В свою очередь, каждая ФЕ выполняет определённую функцию. Под функцией понимают «роль, которую элемент играет в деятельности той структуры, часть которой он составляет. У фразеологизмов имеется определенная «программа» функционирования, которая предопределена самой их сущностью» [2, с. 58]. Также отмечается, что одни функции являются константными (постоянными), которые присущи всем ФЕ в любых условиях их реализации, другие же – вариативными, которые свойственны только некоторым разрядам фразеологизмов. К константным относятся коммуникативная и номинативная функции.

Коммуникативную функцию выполняют ФЕ, служащие средством общения или сообщения. Так, общение предполагает взаимный обмен высказываниями, а сообщение подразумевает передачу информации без обратной связи с читателем или слушателем [2, с. 58]. Например, ФЕ «never say never» имеет значение «не говорите, что что-то никогда не произойдет или вы никогда этого не сделаете, потому что все возможно». Данная ФЕ использована в заголовке: «*'Never say never': Ash Barty refuses to rule out returning to tennis in future*» [6]. ФЕ «better safe than sorry» со значением «лучше перестраховаться, чем потом сожалеть» использована в заголовке: «*The Guardian view on a Covid Christmas: better safe than sorry*» [9]. В статье автор подчеркивает, что правительству необходима новая политика, направленная на благополучие граждан: в разгар пандемии лучше перестраховаться, чем сожалеть.

Номинативная функция ФЕ заключается в их соотнесенности с объектами реального мира, включая и ситуации, а также в замене этих объектов в речевой деятельности их фразеологическими наименованиями. Для номинативной функции фразеологизмов характерно заполнение лакун в лексической системе языка. Это свойственно подавляющему большинству фразеологизмов, так как у них нет лексических синонимов [2, с. 58]. Например, ФЕ «the first lady», обозначающая «супругу президента/губернатора (штата)», использована в заголовке: «*Venezuela's first lady Cilia Flores: US kidnapped my nephews over drug charges*» [10].

С целью достижения оригинальности в публицистике фразеологизмы подвергаются модификациям с заменой некоторых компонентов. В новом контексте они обретают большую экспрессивную и эмоциональную окраску. В этом случае реализуются стилистические функции

фразеологизмов. Стилистическая функция – это особая, по сравнению с нейтральным способом выражения, целенаправленность языковых средств в целях достижения... стилистического эффекта при сохранении общего интеллектуального содержания высказывания [2, с. 60].

Как утверждает Д. Э. Розенталь: «Фразеологические обороты широко используются во всех речевых стилях, но в различной функции <...> в публицистических произведениях, в разговорной речи на первый план выдвигается экспрессивно-стилистическая сторона фразеологизмов книжного и разговорно-бытового характера с их большими выразительными возможностями» [3, с. 68]. А. В. Кунин выделяет следующие стилистические функции: эмоционально-экспрессивную, экспрессивно-образную, функцию лаконизации речи, гиперболизации и интенсивности [2, с. 60]. Наряду с вышеуказанными функциями выделяют экспрессивные, эмотивные, оценочные компоненты коннотативного значения ФЕ [2, с. 92–97].

«Watford in *seventh heaven* as Gerard Deulofeu hat-trick sinks Cardiff» [11]. В заголовке статьи используется ФЕ «*seventh heaven*» – «быть очень счастливым», которая выполняет эмоционально-экспрессивную функцию, а также имеет положительную коннотацию. В статье повествуется о победе английской футбольной команды «Уотфорд» и описываются ощущения наивысшей радости членов команды. ФЕ вновь встречается в тексте: «Sol Bamba grabbed a consolation for Cardiff with 10 minutes to go, but Deeney had the last laugh as he completed a close-range double *to send Watford into seventh*». ФЕ изменяется при помощи опущения компонента *heaven* и добавления глагола *to send*, образуя новое выражение *to send into seventh* – «привести в состояние наивысшего счастья».

Изучение изолированного слова или фразеологизма не даёт представления о многообразии связей, в которые оно вступает в контексте, и о добавочном смысле, который оно приобретает при окказиональном использовании. Кроме того, фразеологизмы допускают в речи разнообразные структурно-семантические изменения, в том числе и сложнейшие преобразования, невозможные в словах. При понимании устойчивых сочетаний слов следует принимать во внимание специфику контекста, в котором они используются. Под контекстом понимают отрезок текста, вычленимый и объединенный языковой единицей или речевой единицей, которые детерминированы актуализатором при узуальном или окказиональном использовании [4, с. 40]. Многим английским ФЕ свойственна полисемия, что осложняет их понимание, а в некоторых случаях и перевод.

В газетном заголовке «*Tiger Wins the Day, Not the Night*» содержится фразеологизм *to win the day* со значением «выиграть бой, сражение». В данном случае фразеологизм *to win the day* расширен словосочетанием *not the night* [7]. Использование противопоставления *the day – the night* привлекает внимание к заголовку. В русском языке эквивалентом ФЕ будет «выиграть бой, но не войну». На языке оригинала заголовки

построен на противопоставлении *the day – the night*, а на языке перевода он будет построен на отделении частного от общего: *бой – война*. Следовательно, на русском языке данный газетный заголовок будет звучать следующим образом: «Тайгер выиграл бой, но не войну» (речь идет о Тайгере Вудзе, игроке в гольф).

В целом, использование фразеологических единиц может сделать текст статьи гораздо более живым и наглядным. Так, в предложении: «This doesn't always work as well as it should but it is a better attitude than *sticking one's head in the sand*» [8] использован фразеологизм *to stick one's head in the sand* – «прятать голову в песок», который основан на метафоре, поведение человека сравнивается с поведением испуганного страуса. Метафорический фразеологизм вызывает в сознании реципиента соответствующий образ. Эффект наглядности, несомненно, пропадет, если вместо ФЕ будет употреблено синонимичное ей выражение.

Выводы. С целью достижения наиболее высокого эстетического эффекта в публицистическом дискурсе в статьях и заголовках журналисты обращаются к оригинальным языковым приемам, включая фразеологизмы, которые являются отличным средством передачи отношения автора к происходящему, показывают его заинтересованность в ситуации. Определяющее значение при выявлении преобразований фразеологизмов имеет контекст. Стилистическая окраска того или иного фразеологизма может меняться в зависимости от контекста. В тексте фразеологизмы претерпевают окказиональные преобразования.

Список использованных источников

1. Албакова, В. И. Фразеологизм как рекламный слоган. Рекламный слоган как фразеологизм / В. И. Албакова // XV ежегодная научная сессия аспирантов и молодых ученых : Материалы Всероссийской научной конференции. – Вологда : Вологодский государственный университет, 2021. – С. 3–7.
2. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – Москва : Высшая школа ; Дубна : Изд. центр «Феникс», 1996. – 200 с.
3. Розенталь, Д. Э. Практическая стилистика русского языка / Д. Э. Розенталь. — Москва : Высшая школа, 1974. – 352 с.
4. Туарменская, А. В. К вопросу о различиях в языковых картинах мира (на примере английских и русских фразеологизмов) / А. В. Туарменская, В. В. Туарменский // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы IV Международной научной конференции / под общей редакцией С. В. Беспаловой. – Донецк : Донецкий национальный университет, 2019. – С. 40–42.
5. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – Санкт-Петербург : Специальная литература, 1996. – 192 с.

6. 'Never say never': Ash Barty refuses to rule out returning to tennis in future [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.theguardian.com/sport/2022/mar/24/ash-barty-refuses-to-be-drawn-on-sporting-future-but-retired-tennis-star-excited-for-next-chapter>. (Access date: 08.03.2023).
7. Arts, Briefly: Tiger Wins the Day, Not the Night [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.nytimes.com/2005/04/12/arts/arts-briefly-tiger-wins-the-day-not-the-night.html> (Access date: 08.03.2023).
8. Immigration is here to stay. Our job is to make it work [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.telegraph.co.uk/news/uknews/immigration/11450120/Immigration-is-here-to-stay.-Our-job-is-to-make-it-work.html>. (Access date: 08.03.2023).
9. The Guardian view on a Covid Christmas: better safe than sorry [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/dec/15/the-guardian-view-on-a-covid-christmas-safe-not-sorry>. (Access date: 08.03.2023).
10. Venezuela's first lady Cilia Flores: US kidnapped my nephews over drug charges [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.theguardian.com/world/2016/jan/13/venezuelas-first-lady-cilia-flores-us-kidnapped-my-nephews-over-drug-charges>. (Access date: 08.03.2023).
11. Watford in seventh heaven as Gerard Deulofeu hat-trick sinks Cardiff [Electronic Resource]. – Access mode: https://www.theguardian.com/football/2019/feb/22/cardiff-city-watford-premier-league-match-report?CMP=gu_com. (Access date: 08.03.2023).

УДК 372.881.111

**ПРИМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «BUSUU» В ПРАКТИКЕ
ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В УСЛОВИЯХ
ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ**

М. В. Чернышова¹, Ю. А. Петрова²,

¹кандидат педагогических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²магистр кафедры теории языка, литературы и социолнгвистики, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности использования различных социальных сетей, в особенности социальной сети «Busuu», направленных на обучение иностранным языкам. Такие платформы являются интерактивными многопользовательскими сайтами,

которые представляют собой один из аспектов использования новых технологий в обучении иностранному языку. Цель исследования – изучить социальную сеть «Busuu», используемую для обучения иностранным языкам, описать её особенности, а также рассмотреть преимущества её использования в формате дистанционного обучения. Задачи исследования: определить сущность понятия «социальные сети» и рассмотреть их основные характеристики; исследовать социальную сеть «Busuu»; выявить преимущества использования данной социальной сети во время дистанционного обучения. В процессе исследования были охарактеризованы различные социальные сети, рассмотрены возможности социальной сети «Busuu» и способы её внедрения в процесс обучения иностранным языкам в условиях дистанционного обучения.

Ключевые слова: социальная сеть, многопользовательский сайт, дистанционное обучение, общение, межкультурная коммуникация.

Summary. This article discusses the features of using various social networks, in particular “Busuu” social network, aimed at teaching foreign languages. Such platforms are interactive multi-user sites, which are one of the aspects of the use of new technologies in teaching a foreign language. The purpose of the research is to study “Busuu” social network used for teaching foreign languages, describe its features, and also consider the advantages of using it in the distance learning format. Research objectives: to determine the essence of the concept of “social networks” and consider their main characteristics; explore the social network “Busuu”; identify the benefits of using this social network during distance learning. In the course of the study, various social networks were characterized, the possibilities of “Busuu” social network and ways of its implementation in the process of teaching foreign languages in distance learning were considered.

Key words: social network, multi-user site, distance learning, communication, intercultural communication.

В настоящее время все чаще поднимается вопрос о важности и целесообразности использования социальных сетей и Интернет-ресурсов в сфере обучения иностранным языкам, так как, в связи с развитием компьютерных и интернет-технологий, многие сферы жизни претерпевают изменения, включая и сферу образования. Современные методики обучения иностранному языку непосредственно имеют тесную связь с непрерывным техническим прогрессом и технологическим обновлением процесса обучения. Данный вопрос основан и на анализе применения современных технологических средств, и в том числе на изучении положительных и отрицательных сторон использования инновационных форм и методов обучения.

Один из самых новых аспектов использования информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе – применение возможностей глобальной сети Интернет. Одной из форм сетевого пространства являются виртуальные социальные сети, которые представляют собой интерактивные многопользовательские сайты,

контент которых нацелен на формирование особого коммуникативного пространства с определенной целью для его посетителей.

Использование социальных сетей в процессе обучения иностранному языку на данный момент является ресурсом формирования всех речевых навыков. Помимо этого, социальные сети предоставляют возможность практиковать и развивать свои коммуникативные навыки в процессе общения с иноязычными представителями, что позволяет улучшить знание языка в целом. Более того, во время пандемии коронавируса, начавшейся в 2019 году, актуальность использования социальных сетей, направленных на обучение иностранным языкам, периодически возрастает в связи с появлением необходимости проводить полное или частичное обучение дистанционно.

Языковые социальные сети можно классифицировать по специализации, доступности информации и географическому принципу [1, с. 35].

К характерным чертам социальной сети можно отнести создание личных профилей, в которых часто требуется указывать реальные личные данные и информацию о себе, предоставление полного спектра возможностей для обмена информацией, возможность устанавливать и поддерживать список других пользователей [4].

По мнению Е. Д. Патаракина, существуют две категории социальных сетей: во-первых, сети, в которых основные типы узлов связаны с участниками и их профилями или страницами участников («Facebook», «ВКонтакте», «LinkedIn» и т.д.); во-вторых, сети, в которых наиболее важны узлы, представляют собой цифровые объекты – статьи, программы, видео, закладки (Википедия, YouTube, Flickr, Delicious и т.д.) [3, с. 536–552].

Языковые социальные сети имеют ряд значительных преимуществ: они ускоряют процесс обучения, способствуют росту интереса учащихся к английскому языку, совершенствуют умения письменной речи, помогают совершенствовать умения аудирования и чтения на основе звуковых файлов и мультимедийных средств, совершенствуют умения поддерживать диалоги и дискуссии, позволяют пополнять свой словарный запас современной лексикой, позволяют индивидуализировать процесс изучения языка, позволяют избежать субъективной оценки [2, с. 46].

Результаты опроса учащихся 10-11 классов школы с углублённым изучением иностранных языков в 2021 году показали, что количество людей, использующих социальные сети в изучении английского языка, возросло в сравнении с 2019 годом. Вынужденное дистанционное обучение создало необходимость дополнительного изучения некоторых предметов, в том числе, английского языка. Результаты опроса, проведённого в 9-11 классах общеобразовательной школы в 2022 году, продемонстрировали, что около 65% обучающихся знают о существовании социальных сетей, направленных на изучение иностранных языков, а около 30% обучающихся когда-либо использовали их самостоятельно.

Таким образом, мы видим, что в использовании таких социальных сетей заинтересованы ученики и педагоги не только специализированных школ, но также и общеобразовательных.

Исследование сегмента интернета, связанного с изучением английского языка, позволило нам охарактеризовать наиболее популярные социальные сети, ориентированные на изучение и обучение иностранным языкам. К данному виду ресурсов относят «Busuu», «Lang-8», «English, Baby!», «Easy language exchange», «HelloTalk». В каждой из данных социальных сетей также приветствуется и самостоятельное изучение языков. Все из рассматриваемых социальных сетей имеют функции обучения и изучения. Ряд ресурсов предлагают аудио- и видеоматериалы, некоторые ограничиваются текстовым форматом. Лидирует по популярности социальная сеть «Busuu». Многие пользователи предпочитают именно эту социальную сеть, так как только в ней присутствуют все рассматриваемые аспекты (функция обучения, функция изучения, текстовый формат, аудио- и видеоматериалы, система тестирования).

Busuu [5] – крупнейшее языковое сообщество в мире, поэтому на данной платформе речь идет не только об обучении английскому языку, но и испанскому, немецкому, французскому, итальянскому, португальскому, русскому, польскому, турецкому, китайскому, арабскому. На платформе существует два уровня изучения языка: начальный и средний, каждый уровень включает в себя несколько единиц.

Интерактивные уроки содержат несколько блоков: 1. Словарь (единичные слова представлены в виде последовательных фрагментов изображений, выражающих слова, в качестве примера приводится предложение); 2. Диалог (небольшой отрывок из диалога с его переводом. После того, как вы прочтаете диалог, вам будут заданы простые и короткие вопросы, чтобы определить ваше понимание текста); 3. Написание (блок показывает вам 3 картинки из урока лексики и просит вас описать их полезными и связными предложениями); 4. Разговор: (поскольку вы не единственный на сайте, у вас есть возможность поговорить с другими людьми, чей родной язык является языком, который вы пытаетесь выучить); 5. Аудиозапись (вас попросят прочитать текст и записать свой голос, а затем отправить его другим участникам, чтобы они исправили и оценили выполнение задания); 6. Экзамен (вам предлагается проверить и закрепить новые знания). На сайте есть дополнительные интерактивные функции. Также в «Busuu» размещено несколько индикаторов, которые следят за развитием ваших языковых способностей и мотивируют вас делать больше, изучая их.

На современном этапе языковые социальные сети не используются в системе традиционного образования, однако в данном вопросе важна инициатива и заинтересованность учителя. В процессе обучения иностранному языку интерес к социальным сетям уже является априорным, потому что обучающиеся заинтересованы в использовании

уже распространенных средств общения для изучения иностранного языка. Обучающиеся обращаются к социальным сетям по собственному желанию, что подтвердили результаты опроса учащихся 9-11 классов различных школ. Конечно, социальные сети не могут быть единственным средством сетевого образования, тем не менее, их образовательные возможности сильно недооцениваются.

Кроме того, в процессе традиционного обучения учитель является главным лицом и наставником, а при использовании языковых социальных сетей преподаватель берет на себя роль координатора. Общение с учениками характеризуется как непрямое, увеличивается самоконтроль и независимость ученика. Помимо привычных заданий, у учеников есть возможность пообщаться с носителями иностранных языков. Учеников привлекает общение не только на темы, которые даны в учебниках, но также и на свободные темы, что характерно для учащихся 9-11 классов в связи с их возрастными психологическими особенностями.

Вливаясь в среду общения на иноязычном сайте, ученик попадает в естественную языковую среду носителей определенного языка. Помимо классического иностранного языка, которому обучают в школе, ученик также обучается особенностям разговорной речи или сленга. Задача учителя в данной ситуации – тщательно отбирать варианты социальных сетей, чтобы сленг и разговорный иностранный язык стали плюсами, а не минусами коммуникации с носителями языка в определенной социальной сети.

Таким образом, социальные сети, ориентированные на обучение иностранным языкам, имеют большой образовательный потенциал. Они представляют собой популярный, удобный и практичный инструмент для организации учебного процесса в аудитории и вне ее, а внедрение подобных социальных сетей в процесс обучения имело бы положительный эффект.

Список использованных источников

1. Гришакова, Е. С. Социальные сети и их классификация / Е. С. Гришакова ; Нижегородский национальный исследовательский университет имени Н. И. Лобачевского. – Москва : [б. и.], 2012.– 35 с.
2. Косьянова, А. Языковые социальные сети / А. Косьянова. – 2011. – 46 с.
3. Патаракин, Е. Д. Использование викиграм для поддержки совместной работы в сети / Е. Д. Патаракин. – Международный электронный журнал «Образовательные технологии и общество», 2012. – С. 536–552.
4. Социальная сеть / Википедия : бесплатная электронная энциклопедия : на русском языке. – URL: <http://ru.wikipedia.org>. (дата обращения: 15.01.2021).
5. Социальная сеть «Busuu». – URL: <https://www.busuu.com/dashboard#/timeline>. (дата обращения: 15.01.2021).

АСТРОНОМИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В ЦИКЛЕ РОМАНОВ СЕРГЕЯ ЛУКЪЯНЕНКО «СОГЛАШЕНИЕ»

Т. Г. Чернышова¹, Е. А. Жужулина²,

*¹кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории языка,
литературы и социолингвистики, Институт филологии,*

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

²аспирант, Физико-технический институт,

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Рассмотрено употребление астрономических терминов в цикле романов «Соглашение» выдающегося российского писателя-фантаста Сергея Васильевича Лукьяненко. Сформулированы основные группы астрономических терминов, а также установлена их функциональная принадлежность.

Ключевые слова: астрономия, терминология, Сергей Лукьяненко.

Summary. The usage of astronomical terms in the cycle of novels “Agreement” by the outstanding Russian science fiction writer Sergei Vasilyevich Lukyanenko is considered. The main groups of astronomical terms are formulated, and their functional affiliation is established.

Key words: astronomy, terminology, Sergey Lukyanenko.

Сергей Лукьяненко – один из наиболее известных и популярных российских писателей-фантастов. В современной русской фантастической литературе имя этого автора стоит особняком: он не только популярен как автор книг, но и весьма успешен как писатель, чьи произведения активно экранизируют. Мало кто из современных читателей и кинозрителей не знает о существовании «Дозоров» – шести романов и двух фильмов, ставших визитной карточкой творчества Сергея Лукьяненко. Его называют человеком, вернувшим отечественной фантастике прежнюю мировую известность и славу, его книги переводятся на все основные европейские языки и выдерживают все новые и новые переиздания, его фантастические миры порождают такие же ролевые сообщества, как некоторое время назад – миры Средиземья, созданные Джоном Роналдом Руэлом Толкиеном.

Книги Сергея Лукьяненко привлекают читателя не только за счёт выдающегося литературного таланта автора, но и благодаря широкой эрудиции автора и обширному багажу знаний, вследствие чего его книги несут не только развлекательную, но и просветительскую функции. Особенно стоит отметить жанр космической фантастики, зародившийся в нашей стране усилиями Ивана Ефремова и братьев Стругацких, и впоследствии поддержанный и развитый Сергеем Лукьяненко, считавшим себя их учеником [1].

В 2019 году увидел свет роман «Порог» [2], написанный в жанре космического эпоса в рамках цикла романов «Соглашение». В 2021 году вышло продолжение – роман «Предел» [3], а в 2022 году автор начал работу над третьим романом цикла – «Прыжок» [4]. В данном цикле романа автор попытался изобразить возможное будущее человечества, порассуждать на тему природы разума человека, истоков и причин бессмысленного насилия и агрессии, сопровождающих человечество на протяжении всей его истории, попытался разобраться в вечной теме – подталкивает ли цивилизацию к гибели разум, создающий всё более смертоносные средства уничтожения. Критики отмечали тщательный подход писателя к описанию фантастического мира, создаваемого воображением писателя, хотя и упрекали автора за избыточный, по их мнению, антропоцентризм.

Особую достоверность данному циклу романов придаёт грамотное использование научно-технической терминологии, в частности, астрономических терминов. Писатель умело использует астрономическую терминологию для обозначения космических объектов и способов их взаимодействия, мастерски сочетая известные астрономические термины с фантастическими, тем самым придавая им (а, следовательно, и миру в целом) особенную притягательность. Несмотря на то, что Сергей Лукьяненко не имел отношения к профессиональной астрономии, в употреблении этих терминов нет ни единой серьёзной ошибки. Однако некоторые термины, к сожалению, употреблены не совсем точно. Задачей данного исследования является изучение употребляемых в романе астрономических терминов и обсуждение точности их использования.

Классификация астрономических терминов в цикле романов «Соглашение» позволяет определить, что астрономические термины выполняют различные функции в произведении. Поэтому эти термины можно разделить на несколько групп:

- 1) термины, связанные с системой измерения расстояний в астрономии (световой год, парсек);
- 2) термины, связанные с названиями малых тел солнечной системы (метеорит, астероид, планетоид);
- 3) термины, связанные с астрономическими процессами (активность звезды, магнитная буря, превращение в голубой сверхгигант).

Первая группа терминов используется писателем следующим образом: «*Настоящий космос ужасно далеко, до него световые годы, парсеки и мегапарсеки*». Следует отметить точность автора – расстояния ранжированы по возрастанию. Световой год – это расстояние, которое проходит свет за один год, и равен примерно $9.5 \cdot 10^{12}$ км. Парсек – это такое расстояние, с которого одна астрономическая единица (равная расстоянию от Земли до Солнца) видна под углом в 1 угловую секунду (то есть годичный тригонометрический параллакс удалённого на расстояние 1 парсек объекта равен одной угловой секунде). Отсюда и название этой

единицы измерения, образованное от слов ПАРаллакс и СЕКунда. Парсек примерно равен $3.1 \cdot 10^{13}$ км или 3.26 светового года.

Парсек – это очень большая величина, которую трудно представить в земных масштабах. Расстояние от Земли до Солнца равно примерно 0.000005 парсек, самый удалённый от земли искусственный объект – космический аппарат «Вояджер-1», запущенный в 1977 году за пределы Солнечной Системы, удалился за 45 лет от Земли на расстояние 0.0008 парсек. Диаметр облака Оорта (гипотетической сферической области вокруг Солнечной системы, которая является источником долгопериодических комет) – 0.6 парсек. И, наконец, диаметр нашей Галактики – примерно 30 тысяч парсек.

В романах цикла соглашение действие происходит в одной-единственной Галактике, на что указывают многочисленные цитаты: *«Особенности развития дуальных цивилизаций Галактики», «присоединится к галактической семье», «кто-то прилетел из глубин Галактики», «Галактике грозила межзвездная война»*. Почему же в романе упомянуты мегапарсеки (да ещё во множественном числе) – расстояния, которые в десятки раз превышают диаметр всей Галактики? Мы полагаем, что здесь употреблён художественный приём под названием «гипербола» – стилистическая фигура явного и сознательного преувеличения, призванная усилить выразительность доносимой мысли об огромных размерах космоса. Именно это ощущение невероятной бездны космоса испытывает читатель после прочтения данной фразы.

Вторая группа терминов также употребляется довольно часто: *«Небо над ней было черным, но не ночной темнотой обитаемых планет, а, скорее, бездонной тьмой лишенных атмосферы планетоидов. Звезды над головой казались одновременно ярче и меньше, чем ожидаешь увидеть с поверхности планеты, такими они выглядят с безатмосферных планетоидов», «Два крохотных планетоида из пояса астероидов, миллионы лет разделенные миллионами километров», «допускали существование еще не открытых, но достойных зачисления в разряд планет, а не планетоидов и астероидов»*.

Термин «планетоид» не является официальным астрономическим термином, однако в научно-популярной литературе нередко используется в качестве синонима термину «малая планета». До 2006 года этот термин являлся синонимом термина «астероид», однако международное астрономическое сообщество уточнило понятие термина планета, и отныне малой планетой стало считаться небесное тело, вращающееся по орбите вокруг солнца, однако не способное расчистить свою орбиту от других небесных тел. В эту группу попадают почти все достаточно крупные небесные тела, начиная от бывшей планеты Плутона и заканчивая астероидами размерами свыше 30 метров (объекты меньше этого размера называются метеороидами). Не является ли тавтологией употребление словосочетания *«планетоидов и астероидов»*? По всей видимости, нет – тут употреблён особый стилистический приём. Автор подразумевает, что

есть достаточно большие небесные тела и не столь большие, но вместо долгого описания размеров рисует эту картину в воображении читателя при помощи одной лаконичной фразы.

Третья группа терминов используется в данном цикле романов редко, однако в достаточно важных сюжетобразующих моментах. «*Я не учел активность звезды*», «*включение отражателей во время магнитной бури*» – на первый взгляд, эти два описания одного и того же процесса никак не связаны. Активность звезды – это повышенное количество вспышек, то есть выбросов вещества из звёздной короны. Однако исследования Солнца показали, что причиной солнечных вспышек являются резкие изменения магнитного поля Солнца, вызывающее сжатие вещества солнечной плазмы, что вполне можно назвать магнитной бурей. Тут употреблён перифраз – не прямое описание объекта, указывающее лишь наиболее важную, сюжетобразующую характеристику. Также чуть ранее упоминается «*магнитное поле планеты*», которое не имеет отношения к активности звезды, однако смещает выброшенные во время вспышек звезды частицы к полюсам (благодаря чему северные сияния видны преимущественно в высоких широтах).

Фраза «*Законы астрофизики вели звезду к неизбежному концу – превращению в голубой сверхгигант, затем – в красный сверхгигант и взрыву сверхновой*» в краткой и сжатой, но совершенно правильной форме описывает этапы эволюции звёзд главной последовательности, к которым и принадлежит описанный в романе голубой гигант. «*Вот только Ракс этого не требовалось. Они выжимали энергию из звезды, удерживая ее от природной эволюции, и звезда смирялась, превращаясь в белого карлика*». С помощью данного художественного приёма автор подчёркивает мощь цивилизации, способной изменить в своих интересах даже этапы звёздной эволюции.

Подводя итог, хотелось бы отметить важность междисциплинарного взаимодействия, в частности, между астрономами и литераторами. Астрономы способны помочь литератору максимально точно употреблять соответствующие термины, а литератор, особенно столь талантливый, как Сергей Васильевич Лукьяненко – способен объяснить сложнейшие астрономические процессы простым и доступным языком, заинтересовывая и привлекая подростков к этой прекрасной профессии.

Список использованных источников

1. Чертков, А. В. Время учеников : антология / А. В. Чертков. – Москва : АСТ ; Санкт-Петербург : Terra Fantastica, 1996.
2. Лукьяненко, С. В. Порог / С. В. Лукьяненко. – Москва : АСТ, 2019.
3. Лукьяненко, С. В. Предел / С. В. Лукьяненко. – Москва : АСТ, 2021.
4. Лукьяненко, С. В. Прыжок / С. В. Лукьяненко. – URL: <https://author.today/work/217854>. (дата обращения: 08.02.2023).

ОСНОВЫ ЭФФЕКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ И СЛЕНГ В ИТ

Т. Г Чернышова¹, С. О. Родивилов²,

¹кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²аспирант кафедры природообустройства и водопользования, Академия строительства и архитектуры, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Современная ИТ разработка – это прежде всего работа в команде, где собраны преимущественно разные по специализации и опыту люди. И для эффективной реализации проекта им необходимо находить общий язык между собой, что поможет не только успешно завершить разработку, но и улучшить психологический климат и комфорт в коллективе.

Ключевые слова: ИТ разработка, эффективная ИТ команда, сленг в ИТ, особенности коммуникации в ИТ.

Summary. Modern IT development is, first of all, teamwork, which brings together mainly people of different specializations and experience. And for the effective implementation of the project, they need to get along well, which will help not only successfully complete the development, but also improve the psychological climate and comfort in the team.

Key words: IT development, effective IT team, slang in IT, features of communication in IT.

Когда мы говорим о работе ИТ специалиста, мы в первую очередь думаем о хард скилах (hard skills – профессиональные технические навыки), о том, как работать с теми или иными языками программирования, компиляторами и специализированными программами, какие использовать базы данных, платформы и фреймворки (framework – набор готовых инструментов разработчика, упрощающих работу).

Но это только одна сторона медали, потому что современная ИТ разработка – это прежде всего работа в команде. Одиночек в системе крупных и средних ИТ проектов практически не существует, более того, раскрученные одиночки – это, как правило, бренды, имеющие свою команду, где в бекграунде (background, то есть на заднем плане) работают группы из десятков или сотен людей [1].

ИТ индустрия отличается от классического бизнеса и государственных корпораций. И главные отличия заключаются в системе организации работы команд, а именно, разработчики напрямую общаются с заказчиками, которые довольно часто меняют и уточняют техническое задание к продуктам. Кроме того, в процессе работы над проектами, одна

ИТ команда тесно взаимодействует с другими ИТ командами (в некоторых группах присутствуют программисты, дизайнеры, тестировщики, администраторы баз данных, системные администраторы и т.п.). При этом, если в классическом предприятии люди для выполнения задач группируются преимущественно с одним профессиональным навыком и похожим опытом, то ИТ команда очень разнородна и формируется из разносторонне развитых людей.

Стоит отметить, что в системе ИТ разработки члены группы разделяются также и по квалификации:

- тимлид (team leader) – специалист, который руководит командой разработчиков;
- сеньоры (senior), самые опытные разработчики в команде;
- мидлы (middle), это основные разработчики, которые выполняет поставленные задачи среднего уровня сложности;
- джуниоры (junior), младшие специалисты, которые могут выполнить задачу если есть четкие инструкции;
- стажеры и прочие [2].

Кроме того, в ИТ командах у ее членов всегда присутствуют разные обязанности. Кто-то занимается фронтендом (frontend), то есть разработкой презентационной части системы – это может быть верстка сайта, разработка интерфейса программы и ее компонентов; кто-то бекендом (back-end), то есть разработкой программно-аппаратной части проекта, которая скрыта от пользователя. Другими словами, специалисту по базам данных необходимо быть в контакте с ui/ux-дизайнером, системному администратору с php-программистом и т.п.

В ИТ командах также собраны люди с разным опытом. Кто-то только выпустился из университета и делает первые шаги в программировании, кто-то уже долго работает в проекте и многие вещи ему уже очевидны.

При этом, ИТ компаний много, и особенность их функционирования заключается в том, что сотрудники, которые работают в одном проекте ранее могли работать в других компаниях с другой культурой, традициями и обычаями, что также не добавляет простоты в общении.

Задачи, которые выполняет ИТ команда сложно поддаются описанию и стандартизации, они постоянно новые и не повторяющиеся, поэтому большую часть времени сотрудники будут делать то, что не делали ранее. Кроме того, обычно ИТ разработка не подразумевает наличие каких-либо должностных инструкций, которым можно следовать, поэтому можно с уверенностью утверждать, что в ИТ разработке преобладает творческий подход к решению проблемы [3].

В процессе становления ИТ специалиста, очень важную роль играет такая черта характера как коммуникабельность, которая сопровождает его во всех сферах взаимоотношений.

Так, при устройстве в ИТ компанию соискатель первым встречается с интервьюером, которому необходимо предоставить о себе максимально правдивую и полную информацию, а также сделать так, чтоб он понял, что

вы тот самый человек, которого он ищет. При этом надо понимать, что интервьюер не всегда может разбираться в тонкостях ИТ разработки.

В процессе работы над проектом большую часть времени вы будете общаться с коллегами. При этом, для эффективного взаимодействия вам необходимо понимать, чем занимаются люди, с которыми вам необходимо взаимодействовать, а они в свою очередь должны знать, чем занимаетесь вы.

Очень важно также правильно выстраивать отношения с менеджментом, у которого преимущественно цели отличаются от ваших. Стоит также отметить, что именно в этой плоскости отношений чаще всего возникают конфликты.

Еще одна сторона коммуникаций – это отношения с клиентами, с которыми необходимо выстраивать нормальные рабочие отношения, основанные на доверии и понимании.

При выстраивании отношений необходимо понимать следующие моменты:

1. Взаимодействие затратное. В случае, когда вы обращаетесь к человеку с просьбой что-либо объяснить, он при этом должен остановиться, поставить на паузу то, что делает в текущий момент, и потратить на вас полчаса-час времени. Ваш консультант тратит время на вас, вместо выполнения своих обязанности, то есть тратит свои ресурсы.

2. Взаимодействие в команде в сумме дает прибыль, т.е. затраты одного меньше прибыли другого. При этом, можно самостоятельно посмотреть код, разобраться в нем, но пропустить важные детали и не понять основной задумки, потратив на разработку несколько дней, и на выходе получить что-то не совсем адекватное и применимое. Вместо этого лучше подойти к человеку, автору идеи или задумки, проговорить основные идеи и узнать направление разработки и перспективные планы, а также предложить свои решения вопросов в случае необходимости. Потратив на обсуждение час-два времени, возможно в перспективе сэкономят дни разработки.

На выходе получается, что после взаимодействия эффект для команды больше, и все участники процесса будут только в выигрыше. При этом подразумевается, помощь должна быть обязательно взаимной, если к вам обратились за разъяснение какого-либо вопроса. В случае отказа кого-либо из команды в помощи вам или наоборот, проект может затормозится, а внутренний климат в коллективе будет ухудшаться [4].

В виду вышеизложенного формируется оптимальная стратегия поведения «ты – мне, я – тебе», которая стимулирует нас на взаимовыгодное сотрудничество.

Miscommunication – это ситуация, возникающая когда мы либо неправильно считываем сигнал, либо неправильно его посылаем. Это проявляется на собеседовании, при общении с коллегами, в процессе code review (код-ревью – проверка кода на ошибки, неточности и общий стиль программирования), при написании e-mail (писать необходимо аккуратно и

вежливо, используя знаки препинания и смайлы, которые смягчают острые углы в общении).

Кроме того, это относится к техзаданию, которое может быть неправильно сформулировано или неправильно прочитано.

Мискьюнионикэйшен возникает по следующим причинам:

1. Предположения. Мы считаем, что все обо всем знают, а на самом деле это не так. У разных людей разная информация.

2. Непонимание. Не всегда удается сформулировать мысль правильно и корректно.

3. Спешка. При быстром и поспешном принятии решений, мы иногда поступаем необдуманно и не доносим истины до коллег.

4. Глухота (в смысле «меня это не касается»). Бывают моменты, когда человек не расположен что-то делать (проблемы в семье, со здоровьем и т.п.).

При возникновении проблем в коммуницировании необходимо понимать, что не все зависит от вас.

Стратегия «ты – мне, я – тебе» очень чувствительна к неправильным считываниям. И в виду того, что в процессе реализации проектов происходит очень много взаимодействий, конфликт неизбежен [1].

Решение конфликта может быть осуществлена двумя способами:

1. Сменой работы или проекта. Из положительных сторон можно отменить наличие нового коллектива, новых знакомств, отсутствие текущих проблем на первом этапе. Из минусов – необходимо заново строить отношения в коллективе, низкая эффективность работы в первое время, в виду чего возникает недовольство собой, что рано или поздно приводит к профессиональному выгоранию.

2. Поменять или улучшить стратегию взаимоотношений и практиковать т.н. «прощение» со ссылкой на неправильное считывание взаимных сигналов.

В заключении стоит отметить, что, несмотря на стремление к успешной коммуникации, все равно рано или поздно в любом коллективе возникают конфликты. Для нивелирования таких ситуаций необходимо рассматривать каждый случай как частный и своевременно принимать меры по его урегулированию. Большая ответственность за поддержание нормального психологического климата в ИТ команде лежит прежде всего на его руководителе, и преимущественно от его поведения, действий и способности принимать своевременные и правильные решения по управлению коллективом зависит не только успешное завершение проекта, но и сплоченность рабочей группы.

Список использованных источников

1. Кузнецов, В. Онлайн лекция на тему «Особенности коммуникации в ИТ» / В. Кузнецов. – 2020. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tbED1zg1DME>. (дата обращения: 01.10.2022).

2. Личный блог Сергея Немчинского. – URL: <https://nemchinsky.me/>. (дата обращения: 01.02.2023).
3. Войнова, Е. Как ИТ-специалисту развить навыки коммуникации. 20+ полезных материалов / Е. Войнова. – URL: <https://habr.com/ru/company/ncloudtech/blog/653243/>. (дата обращения: 01.10.2022).
4. Галло, К. iПрезентация. Уроки убеждения от лидера Apple Стива Джобса / Кармин Гало. – 2012. – URL: <https://avidreaders.ru/read-book/i-presentaciya-uroki-ubezhdeniya-ot-lidera.html>. (дата обращения: 16.01.2023).

УДК 372.881.111.1

ИЗУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЕТЬМИ ПОСРЕДСТВОМ ОБУЧЕНИЯ ПРОГРАММИРОВАНИЮ

Т. Г. Чернышова¹, А. В. Шеремет²,

*¹кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории языка,
литературы и социолингвистики, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

*²аспирант кафедры математического анализа,
Физико-технический институт, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В данной статье рассмотрена взаимосвязь игрового программирования и английского языка. Представлены примеры в популярных средах, которые используются для обучения детей основам программирования.

Ключевые слова: английский язык, программирование, программный код, игровое программирование, языки программирования, Tynker, визуальные редакторы.

Summary. This article discusses the relationship between game programming and the English language. Examples are presented in popular environments that are used to teach children the basics of programming.

Key words: English, programming, program code, game programming, programming languages, Tynker, visual editors.

Английский язык занимает особое место в программировании. На нем пишут основную документацию по языкам программирования, многие синтаксические конструкции программного кода содержат в себе английские слова, например это можно увидеть в C, C++, Python, Java, LISP и прочих языках программирования. Наряду с изучением программирования дети погружаются в английский язык. Нами была рассмотрена популярная образовательная платформа Tynker [2], занимаясь на которой дети могут осваивать программирование с нуля. Tynker

используют более 60 миллионов учеников, а также тысячи школ и преподавателей по всему миру. Благодаря интерактивному обучению, представленному в игровой форме, дети с легкостью способны осваивать основы программирования при помощи простых задач. Начинающие пользователи пишут свои первые программы с помощью интуитивно понятных блоков, прежде чем плавно перейти к изучению сложных языков программирования, таких как JavaScript и Python. Все задания на платформе Tynker представлены на английском языке, но благодаря отличной визуализации они понятны даже для детей, которые только начинают изучать английский язык. В связи с этим представляется возможность изучать английский язык параллельно с обучением программированию. Особый интерес представляют визуальные блоки, с которых начинают маленькие дети свое знакомство с программированием. Нами был рассмотрен следующий визуальный код (рис.1).

В данном примере персонаж ходит влево-вправо, пока пользователь не остановит его. Разберем подробнее команды, которые используются в данной программе.

On start («при запуске») – обозначает начало программы в данной программной среде.

Set rotation style («установка стиля вращения») – персонаж движется в заданном направлении.

Forever («всегда») – бесконечный цикл, который прекращает свою работу с окончанием работы программы.

Animate («анимировать») – установка анимации данного персонажа

Move 10 pixels («переместить 10 пикселей») – переместиться в направлении "взгляда" персонажа на 10 пикселей на экране.

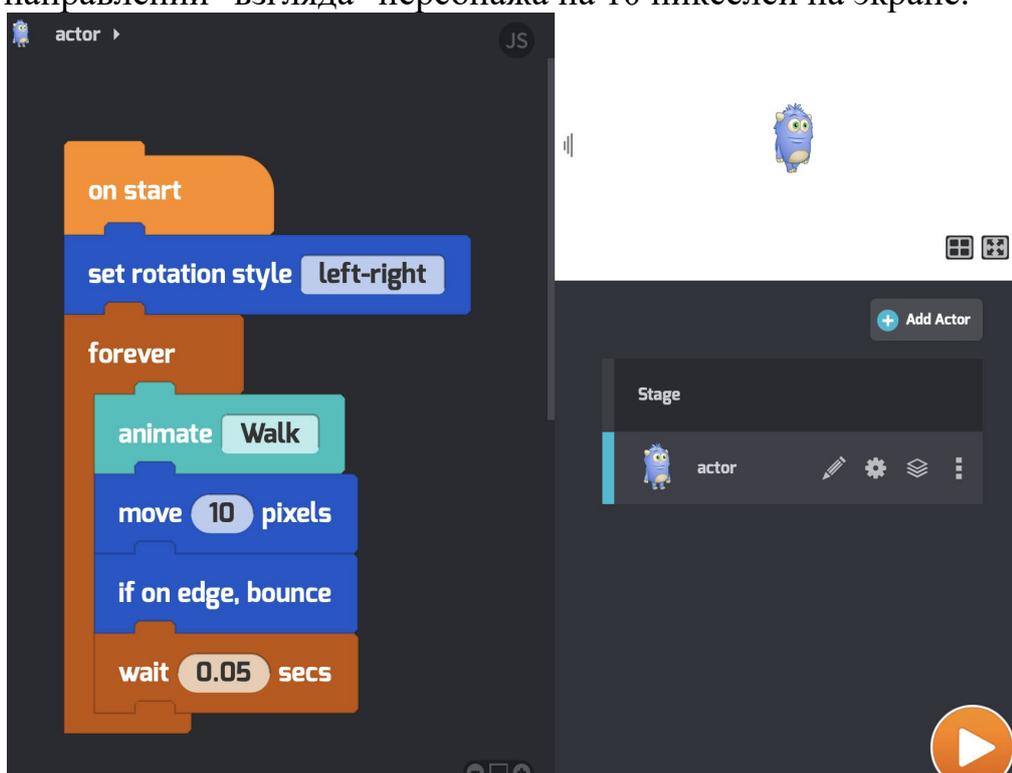

Рис.1.

Визуальный код в Tynker

If on edge, bounce («если на краю, отскок») – задает условие, при котором при достижении границы экрана персонаж меняет направление “взгляда”

Wait 0.05 secs («ожидать 0.05 секунды»). Данная команда чисто техническая и ограничивает скорость персонажа

Если необходимо будет задать управление персонажем с помощью стрелок на клавиатуре, то можно воспользоваться следующей командой *when (up/down/left/right) arrow pressed* («когда стрелка (вверх/вниз/влево/вправо) нажата»). Можно также задать некоторое действие, которое будет выполняться при выполнении некоторого условия с помощью команды *when condition occurs* («когда условие произойдет»), где *condition* заменяется на один из представленных вариантов в конструкторе.

Как видно из данного примера, ребенок, который будет обучаться программированию в Tynker с помощью визуальных блоков, также может узнать новые для себя английские слова. Запуская программу, он может убедиться в пошаговом выполнении заданных команд и лучше запомнить данные слова при интерактивном формате обучения.

Также наряду с платформой Tynker для обучения детей программированию широко используется среда игры Minecraft [1] с установленным модом ComputerCraft Edu, который загружает все необходимые компоненты для программирования.

Написание программ в среде Minecraft осуществляется в визуальном редакторе либо в редакторе исходного кода в другом окне. Рассмотрим графический редактор программ. При наведении курсора на значок команды можно увидеть ее полное название на английском языке. Например, при выборе значка блока (рис. 2) появляется выпадающий список со следующими вариантами команды для расположения блока: *Place, Place Up, Place Down*. Если навести курсор на команду REP, то отобразится *Repeat* («повторять»).

Необходимо обращать внимание детей на некоторые команды без значка для того, чтоб они понимали их предназначение и без картинки. К таким относятся, например, *While* (цикл «пока»), *For* (цикл «для»), *If* (условие «если»). Данные синтаксические конструкции присутствуют во многих языках программирования.

Рассмотренные примеры показывают, что игровое программирование делает возможным погружение детей в изучение английского языка и является некоторым методическим приемом для освоения базовых команд программ на английском языке.

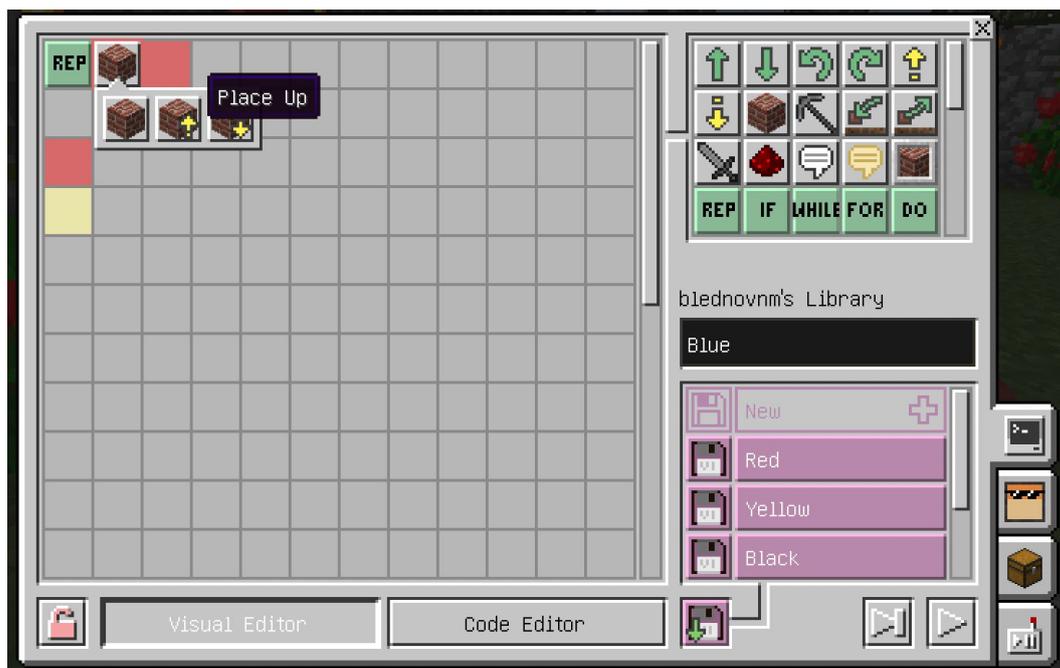

Рис. 2. Визуальное представление в среде Minecraft

Список использованных источников

1. Minecraft. Welcome to the Minecraft Official Site. – URL: <https://www.minecraft.net/ru-ru/about-minecraft>. (дата обращения: 03.10.2022).
2. Tynker. Coding For Kids and Teens Made Easy. – URL: <https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage>. (дата обращения: 06.10.2022).

УДК 821.161.2

ІНТЕРПРЕТАЦІЯ ТЕКСТУ ДАВНЬОРУСЬКОЇ ДРАМИ «МИЛОСТЬ БОЖА» ЛЮДМИЛОЮ СТАРИЦЬКОЮ- ЧЕРНЯХІВСЬКОЮ: ТРАДИЦІЇ ТА НОВАТОРСТВО

В. С. Швец,

*доцент кафедри української філології, Інститут філології,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье впервые анализируется текст исторической пьесы Людмилы Старицкой-Черняховской «Милость Божья». Это историко-драматическое произведение является продолжением темы Хмельницкого и Дорошенка, которую вместе с отцом, М. Старицким, прорабатывала писательница, проявляя при этом себя как выдающийся художник. Пьеса «Милость Божья» – новаторская не только по форме, но и по содержанию. Это художественно-литературное полотно относится к лучшим историческим пьесам украинской драматургии начала XX века.

Ключевые слова: драма, тема, текст, підтекст, персонажи, конфлікт, історическіе произведения, театр, авторство, произведение.

Summary. The article analyzes the text of Lyudmila Staritskaya-Chernyakhovskaya the historical play “The Mercy of God” for the first time. This historical-dramatic work is a continuation of the theme of Khmelnytsky and Doroshenko, which, together with her father, M. Starytskyi, revealing herself as an outstanding artist. The play “The Mercy of God” is innovative not only in form, but also in content. This artistic and literary canvas belongs to of the best historical plays of Ukrainian drama at the beginning of the 20th century.

Key words: drama, theme, text, subtext, characters, conflict, historical works, theatre, authorship, work.

Людмила Старицька-Черняхівська в своїй творчості використовувала різноманітні способи творення драматичного твору. Поряд із оригінальними драмами: історичними, соціальними, чи то драматичними діями, письменниця зверталася до досвіду інтерпретації. Інтерпретація передбачає переробку поетичного чи прозового твору для постановки його на сцені. Це давало можливість пристосувати до вимог сцени й актуалізувати до потреб часу малопритатний текст, по-новому, відповідно до громадсько-політичних реалій доби, інтерпретувати дещо архаїчний матеріал вертепної чи шкільної драми.

Мета праці – на прикладі історичної драми «Милость Божа» з’ясувати особливості інтерпретації тексту в драматургії письменниці, визначення характерних рис творчої манери та філософсько-світоглядних переконань авторки, особливостей засобів їх вираження у творі.

Досягнення визначеної мети маємо вирішити за допомогою висвітлення таких питань:

- з’ясування причини звернення Людмили Старицької-Черняхівської до історичної тематики, особливо до драматургії початку XVIII століття;
- виділення історичного тла тексту та його інтерпретація у драматичному творі, їхньої функціональної ролі у п’єсі;
- осмислення художнього поєднання минулого з його проекцією на майбутнє з орієнтацією на модерністські настанови.

Дослідники зазначали, що Л. Старицька-Черняхівська, «пройшовши шлях від мелодрами до драми психологічної, соціально-філософської, опанувала різні способи жанрово-композиційного оформлення змісту: від ліричної драми, етюдну на одну дію до класичної повноактної драми та такої нетрадиційної жанрово-композиційної організації тексту, як «п’єса в п’єсі» [2, с. 187].

Іван Франко в статті, присвяченій Михайлові Старицькому, багато уваги надав його талантові створювати цікаві інсценізації. Ці здібності перейняла і його дочка Людмила [6, с. 142]. Відомий дослідник української драматургії і театру Яків Мамонтов у статті «Українська драматургія передреволюційної доби» вбачав у цій п’єсі лише вияв «театрального досвіду і хисту авторки», яка відобразила історію в «історичному

оздоблені», наснаживши її «театральним пафосом і гумором на театральному фоні» [2, с. 187].

П'єса «Милость Божа» Л. М. Старицької-Черняхівської має різночасові історичні виміри. Першим таким виміром, як зазначає авторка в ремарці є 1728 рік, другий – визвольна війна українського народу під проводом Богдана Хмельницького. Третій – це доба Центральної Ради, коли писалася п'єса.

Сюжетно і композиційно ця п'єса складається із трьох частин, кожна з яких становить окрему текстову завершеність, у якій є свій власний конфлікт. В інтрмедіях і власне «Милості Божій», що є п'єсою в п'єсі, присутні готова конфліктна модель, яку Людмила Старицька-Черняхівська бере без будь-яких змін. Обрамлення є власним текстом авторки, відтак конфлікт у ньому є суто авторським. Його реалізація чітко простежується в таких аспектах: проблемно-тематичному (показ доби гетьмана Данила Апостола), сюжетно-подієвому та образно-структурному. Власне, останній аспект дає можливість залучити до глибшого трактування конфлікту наявні інтертекстуальні вплетення.

Основні, сказати б, зовнішні події відбуваються в Києво-Могилянській академії, на сцені якої ставиться п'єса на честь приїзду до навчального закладу полковників і самого гетьмана Данила Апостола (1728 рік). Драматург з першої ж репліки героїв вводить тогочасну урочисту лексику, пересипаючи її тогочасною книжною українською мовою. До речі зазначити, що письменниця ще замолоду виявила глибоке знання барокового українського літературного стилю XVII–XVIII століть. Першою вдалою спробою його застосування в оригінальному творі була «Вірша просительная», жартівливий і водночас урочистий текст, присвячений історику Володимирі Антоновичу, який Людмила Старицька написала у 27 років. Цим умінням проникнути в мовний стиль минулих століть драматург користувалася при написанні більшої частини своїх п'єс.

Такий лінгвістичний прийом у п'єсі «Милость Божа» доречний, адже надає текстові особливого колориту й істотно вирізняє її з-поміж інших українських п'єс початку XX століття, а також наближає інсценізацію до оригіналу, водночас по-новому розставляючи потрібні акценти.

Учні колегіуму живуть світським життям, і автор із незлобливим гумором передає їхні перенасичені латинізмами репліки, в котрих оповідається про бешкетництво молодих людей. У той же час колегіанти складають осанну гетьману Данилу Апостолу: «О преславний і презацний гетьмане, того бо Даниїла дав еси нам Господь, да прославить він заплакану отчизну матку нашу, да укротить ненатлих ворогів, левів рикаючих» [4, с. 337].

Ця оригінальна форма в українській драматургії початку XX століття, вибрана і витворена авторкою, робила своєрідний ідейний місток між часами, тобто була синхронічним та діахронічним «зрізом» твору. Микола Сулима зазначає: «Звернення Л. М. Старицької-Черняхівської саме до «Милості Божої» було продиктоване, очевидно,

схожістю піднесення, яке намітилося в Україні за царювання Петра I, і піднесення, яке панувало в Україні в 1918–1919 рр., коли з'явилася можливість дістати Україні незалежність» [3, с. 297].

Зі сцени до спудеїв колегіуму, гостей і самого гетьмана промовляють Україна й Богдан Хмельницький, нагадуючи про славні минулі часи, намагаючись підняти їхній дух.

Ще одна особливість п'єси Людмили Старицької-Черняхівської «Милость Божа» полягає в тому, що вона, згідно із законами шкільного театру, високий пафос вистави переплітає комедійним змістом інтермедій, в яких все ж дослідники відзначають «не лише багатогранність, а й серйозність поставлених там проблем» [1, с. 50].

У п'єсі «Милость Божа» паралельно простежується інтимна лінія – дочка полковника Граб'янки Настя закохується в молодого спудея Києво-Могилянського колегіуму Романа. Кохання взаємне, але ситуація ускладнюється тим, що батьки хочуть віддати Настю за старого й негарного бригадира.

Сюжетна колізія п'єси в п'єсі тягнеться дещо одноманітно й монотонно продовжується – монологи гетьмана Хмельницького, котрі мали би викликати, відповідно до авторського задуму, рецепцію в тогочасному оспалому українському громадянстві. Авторкою показано розпад об'єднавчих християнських релігійних тенденцій у XVII столітті, коли християни-поляки християн-українців «жидом арендують».

Драматург шукає альтернативу українському історичному безсиллю, прославляючи у виставі про Хмельницького мілітарну силу, розправу над гнобителями: «Ляхів в склепах і в домах із свічками шукає..., всіх на пень стинає, не жалує нікого» [4, с. 364]. Можна стверджувати, що п'єсу пронизують не лише антиімперські настрої взагалі, а конкретно антипольські.

Інтимна лінія сюжету п'єси дістає новий розвиток (хоч у цьому творі ця лінія, звісно, схематична, характери дійових осіб пунктирні й, на нашу думку, дещо деіндивідуалізовані). Настя та Роман упевнюються у взаємному коханні, але намір батька-полковника видати дочку заміж за бригадира не змінився. Не слухаючи Настиних благань, стара полковниця аргументує доцільність такого вибору: «Хіба ти не знаєш, що вони з нами зроблять, аби ми не послухали? І сама загинеш, і батька, і матір загубиш» [4, с. 370]. Окрім того, Людмила Старицька-Черняхівська, хай і поверхово, змальовує класове розшарування в суспільстві, котре існує при всіх суспільних формаціях. Бачимо в інсценізації водночас і назрівання однієї із найпоширеніших модифікацій класичного протистояння – «батьки й діти»: «Богослов? Щоб полковникова дочка та за якогось сірого пішла, щоб у злиднях щодня купатись, та на ступі день у день танцювати?» [4, с. 370]].

Треба відзначити, що, попри виразні аналогії між історичними площинами зовнішньої й внутрішньої дії п'єси, автор іноді свідомо чи несвідомо протиставляє минуле подіям, коли відбувається п'єса, помітно

ідеалізуючи добу Хмельниччини. Писар у своєму монологі виголошує культові фрази щодо гетьмана:

Будуть убо вітії скрізь тебе славити,
Будуть і римотворці діла твої піти
З гисторіоографами... [4, с. 377].

Остання дія п'єси розпочинається панегіриком України Всевишньому. Символічний образ Божого «смотріння», Господнього ока в білій античній одежі закликає до пошани вченості й політичних діячів, хор прославляє Богдана Хмельницького:

В похвалах твоїх язик наш безцілен,
Ублажить бо тя достойно не сілен,
Будеш хіба ти возвелічен в небі
Яко єсть требі! [4, с. 383]

На мажорному й святковому акорді п'єса в п'єсі завершується.

Дія-обрамлення могла би становити окрему п'єсу без відповідних ускладнюючих компонентів, оскільки вона має своїх героїв і схематично окреслене конфліктне поле: складна ситуація в колегіумі й любовний трикутник. Обидві ситуації вирішуються, не досягши істотного розвитку. Пояснити це можна тим, що авторка намагалася якомога точніше відтворити тогочасну добу з урахуванням специфіки сприймання сучасного їй реципієнта. Тобто головною метою було показати структуру давнього українського театру, а не перевести давньоукраїнську п'єсу в сучасну площину й відповідно надати персонажам якогось символічного підтексту.

«Внутрішня п'єса» становить варіант «Милості Божої», написаної 1728 року. Тобто авторка намагається відтворити шляхом драматичного дійства першу постановку п'єси. Вона вводить у неї Теофана Трофимовича, який є одним із ймовірних авторів цієї драми. Прорив «четвертої стіни» відбувається всередині п'єси в п'єсі, адже герої коментують побачене, Трофимович звертається до аудиторії, та й загалом монологи персонажів більше орієнтовані на реципієнта, а не для реалізації драматичної дії чи скерування на інших персонажів. Складним є і моделювання самих персонажів, адже частина з них виконує подвійні ролі: у власній реальній дії й у п'єсі, яку вони ставлять. Відбувається постійне втручання «зовнішньої» п'єси у «внутрішню» через коментарі персонажів стосовно «внутрішньої» дії. Інтермедії окремо до уваги не беремо, адже вони є частиною «внутрішньої» дії. Відтак спостерігаємо чітко розмежовані дві драматичні структури – зовнішню і внутрішню з постійним втручанням першої в другу.

«Внутрішня п'єса» виступає інтертекстуальним вплетенням, тому що «Милость Божа» як давня п'єса подана практично без суттєвих змін. У конкретному випадку це явище можна віднести до метатекстуальності [5, с. 33]. Це інтертекст-переказ із дописуванням «чужого» тексту, не розрахований на впізнавання, адже тогочасний глядач, очевидно, не був знайомий з «Милостью Божою», написаною у 1728 році. Власне авторка й

мала на меті ознайомити його з цією п'есою, тому вона виходила не з потреби впізнання, а з потреби ознайомлення. Єдиним компонентом впізнання є мова персонажів, яку ми докладно аналізували вище. Тобто саме мовні особливості вказують на час та умови дії, подекуди виступаючи класифікатором не тільки часу дії, а й приналежності персонажів до того чи іншого соціального стану.

Отже, п'еса-інтерпретація «Милость Божа», незважаючи на подекуди гумористичну оболонку, що, як ми вже зазначили, пояснюється певними традиціями давньої української літератури, несла серйозне ідейне навантаження, зіставляючи дві доби, два періоди історії України. Легкий, іноді майже оперетковий сюжет, – це лише її зовнішній лик. Твір порушує важливі проблеми української історії, зіставлення українського, російського та польського менталітетів. Підсумовуючи, можна констатувати, що історичну п'есу «Милость Божа» Людмили Старицької-Черняхівської можна віднести до кращих, вивершених художньо й чітких ідейно історичних творів письменниці. П'еса «Милость Божа» є авторською інтерпретацією історичних подій не лише за формою, але й за змістом.

Список використаних джерел

1. Козлов, А. В. Украинская дооктябрьская драматургия: Эволюция жанров : учеб. пособие для пединститутов спец. 02.19.00 «Укр. яз. и лит.» / А. В. Козлов. – Киев : [б. и.], Высшая школа, 1991. – 197 с.
2. Мамонтов, Я. Українська драматургія передреволюційної доби (1900–1917). Історичний огляд / Я. Мамонтов // Червоний шлях. – 1926. – № 11 – 12. – С. 176–203.
3. Сулима, М. М. Українська драматургія XVII–XVIII ст. / М. М. Сулима. – Київ : [б. и.], ПЦ «Фоліант» ; ВД «Стилос», 2005. – 368 с.
4. Старицька-Черняхівська, Л. М. Драматичні твори. Проза. Поезія. Мемуари / Л. М. Старицька-Черняхівська // вступ. стаття, упорядкув. та приміт. Ю. М. Хорунжого. – Київ : [б. и.], Наукова думка, 2000. – 848 с.
5. Фатеева, Н. А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи / Н. А. Фатеева // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. – 1998. – Т. 57. – № 5. – С. 25–38.
6. Франко, І. З останніх десятиліть XIX віку / І. Франко // Зібр. творів : у 50 т. – Т. 41. – Київ : [б. и.], Наукова думка, 1984. – С. 471–529.

КОНЦЕПЦИЯ КОИДЕНТИФИКАЦИИ ГОВОРЯЩИХ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОФОНЕТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

В. Г. Шевель,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена концепции коммуникативной идентификации говорящих в рамках социофонетической компетенции. Данная концепция объединяет элементы пятикомпонентной модели межкультурной компетенции М. Байрем и ядра неядерных фонологических факторов Д. Дженкинс, способствующих пониманию проблемы. Цель данной работы заключается в описании коидентификационных маркеров собеседников, указывающих на фонологические, социальные, культурные, мотивационные, экзистенциальные факторы. Предлагается трактовка коидентификации собеседников.

Ключевые слова: социофонетика, социофонетическая компетенция, концепция идентификации говорящего, коидентификационные маркеры собеседников, коммуникативная адаптация собеседников.

Summary. The article is devoted to the construct of speakers' identification within the framework of sociophonetic competence. The given construct is aimed at multidimensional speakers' verification. The model combines the elements of intercultural competence of M. Byram and non-nuclear phonological factors that contribute communicative process of J. Jenkins. The purpose of the given work is to introduce a complex of adaptive contexts: phonological, social, cultural, motivational and existential, aimed at coidentification, to contribute acknowledged participation in communicative situations. The definition of speakers' coidentification is set forward.

Key words: sociophonetics, sociophonetic competence, communicative identification, the concept of speakers' identification, markers of interlocutors' communicative coidentification.

Осуществление коммуникативного взаимодействия в иноязычной среде зачастую происходит в рамках ситуативной вариативности основных параметров данного процесса и подразумевает спорадическую множественность контекстов его реализации [2, с. 420–432]. Овладение языковым кодом, необходимым для реализации частного коммуникативного намерения, напрямую связано с осведомлением о широком спектре вероятных социальных условий [1, с. 55–58], сопровождающих процесс коммуникативного взаимодействия, и составляющих полиморфную иерархию предпосылок фонового культурного характера, а также просоциальных мотивов общения.

Компоненты внешних факторов влияния на процесс передачи и интерпретации смысла представляют важность для социолингвистических и социофонетических исследований, в частности для определения характеристик маркированности общения [6, с. 270–273].

Так, процедурная специфика социолингвистических исследований подразумевает многоступенчатую идентификацию коммуникантов, что в контексте освоения и применения коммуникативной компетенции, способствует выявлению факторов поддержания общения, продуктивности в процессе коммуникативного взаимодействия, в то же время, составляет идиосинкразическое единство самовыражения и самоопределения в его рамках, в обществе.

Характерные особенности лингвистических навыков наряду с дифференциальными признаками фонематических процессов анализа и синтеза, осведомленность в отношении коммуникативных паттернов поведенческого порядка, культурный климат и социальные предпосылки, нацеливающие говорящего на сохранение коммуникативного контакта в условиях взаимной восприимчивости, составляют экстралингвистическую и лингвистическую проблематику в сфере социофонетики, социофонетической компетенции как элемента вербализации и концептуализации механизма взаимодействия факторов социальной и субстанционально-лингвистической природы.

Поиск таких идентификационных маркеров собеседников и их последующая верификация способствует осознанному участию в коммуникативном процессе, в особенности в условиях культурной вариативности и разнообразия ситуативной нагрузки [5, с. 234–236].

Социофонетическая компетентность подразумевает наличие в репертуаре говорящего артикуляционных, акустических, перцептивных, средств, представляющих аккумулятивное единство способов сообщения (о передаваемом и наблюдаемом), направленных на получение, распознавание и декодирование информации, нередко культурно-интерпретируемой, трактуемой в условиях культурного многообразия [9, с. 8].

Реализация речепроизводства в данном контексте включает в себя контаминацию предшествующего семиотического культурного опыта, представлений и понятий говорящего, вербализованных в необходимом объеме.

С учетом факторов, составляющих модель межкультурного коммуникативного взаимодействия (информационная ресурсность; навыки ориентирования и истолкования; критическое культурное мышление; открытость к общению и заинтересованность в нем; способность постигать навыки общения, принимая во внимание фактор культурного многообразия, и оперировать ими в рамках синхронно-коммуникативной вариативности), и относящихся к реализации возможности достижения взаимопонимания [3, с. 26], а также дуальности ситуативной коннотации в отношении социальных и культурных факторов, согласующихся с

передачей и получением информации, посредством многовекторной личностной интерпретации говорящего [5, с. 237–238], вводится концепция идентификации говорящего. Предлагаемая концепция предполагает осведомление о характере фонематически-перцепционных, социальных, культурных, мотивационных и экзистенциальных предпосылок индивидуального и коллективного генеза, отождествляемых с говорящими, для верификации лингво-социального ландшафта коммуникации, валидности наделения смыслов, ознакомления с концептуализированными значениями с целью достижения понимания в процессе общения, коидентификации и последующей адаптации к возможностям участников коммуникативной ситуации.

Данная модель коммуникативной коидентификации собеседников в рамках социофонетической компетенции объединяет элементы пятикомпонентной матрицы межкультурной компетенции М. Байрем и ядра неядерных факторов Д. Дженкинс [7, с. 13–14], способствующих пониманию, направленность которой характеризуется поддержанием взаимодействия, осуществляемого в и вне части, касающейся речепроизводства и распознавания речи, и представлена маркерами адаптивности фонематически-перцепционного, социального, культурного, мотивационного и экзистенциального порядка.

Далее описываются предварительные результаты исследования, проведенного в коммуникативной среде видеоблогеров в рамках синхронной неподготовленной коммуникации, а также посредством анкетирования в социальной сети Instagram.

Содержание профиля фонематически-перцепционной коидентификации заключается в восприимчивости к дифференциальным характеристикам речепроизводства собеседников, отличительным особенностям их навыков анализа и синтеза речи, выражаемых в способности определять, характеризовать, разделять и комбинировать звуки. Определенные модификации индивидуальных параметров представляют аккумулятивную совокупность реализаций, не создающих препятствий для понимания, среди которых: особенности влияния словесного ударения на акцентную структуру фразы ['maɪndɪŋ θə aɪ'diə ju: wə: 'lɜ 'tu:], в том числе в двусложных словах: viral [vaɪə'rəl:], busting [bu:s'tɪŋ]; количественная и качественная редукция: we have to address at once ['wi: həv tu ə'drəs ət wʌns], malpracticing could become a key ['mæl'præktɪsɪŋ kəd bɪ'kəm ə ki:], media event [mædiə ə'vɛnt], participant [pɑ:'tɪsɪpənt], predominant [prə'dɔ:mɪnənt].

Кроме того, следующие варианты реализаций системы вокализма отождествляются с беспрепятственным смыслоразличением: переход диграфа [au] в долгий лабиализованный дифтонгоид [u:] перед d, th в анлауте: cause [ku:z], browse [bru:z]; взаимозамещение дифтонгов [ei – aɪ] в инлауте: notification [ˌnəʊtɪfɪ'keɪʃən:], determination [dɪ.tə:mɪ'naɪʃən], debate [dɪ'baɪt]; реализация долгого лабиализованного монофтонга заднего ряда [ɔ:] вместо гласного звука смешанного ряда среднего подъёма [ə]:

determined [dī'tɔ:mīnd], reversed [rī'vɔ:st]; дифтонгизация краткого монофтонга высокого подъема [ī-aī]: retreat [raī'tri:t], filling ['fāilīŋ], albeit [ɔ:l'biaīt]; реализация полудолгого нелабиализованного монофтонга переднего ряда [æ] вместо долгого нелабиализованного монофтонга заднего ряда [a:-æ]: dance [dæns], glance [glæns]; переход редуцированного [ə] к [ʌ] монофтонгу в ауслауте: however [hau'evʌ], together [tə'geθʌ]; переход краткого нелабиализованного монофтонга [ī] в краткий нелабиализованный монофтонг [ʌ]: eleven [ʌ'levn], pit [pɪt].

Продолжительное коммуникативное взаимодействие подразумевает участие говорящих, осведомленных о комплексе дополнительных факторов, оказывающих влияние на процесс диалогического общения [8, с. 18–19]. Так, содержание профиля социальной адаптации относится к сфере установления намерения, относящегося к определению маркеров коллективной идентификации с учетом социо-прагматического спектра взаимодействия, сочетающихся с направленностью и восприимчивостью к ситуативным факторам, побуждая себя и собеседника к ассимиляции к условиям коммуникативной ситуации.

Культурная адаптация сводится к комплексной осознанной ретроспективной способности к осмыслению содержания культурного паспорта собеседника, его предшествующего опыта, значимости, приписываемой объектам и субъектам с культурной составляющей посредством языкового кода, готовности пересмотреть собственные убеждения, желанию адаптироваться к культурным особенностям участников коммуникации, коллаборативно реагировать на возникаемые трудности.

Содержание профиля мотивационной адаптации может быть реализовано в условиях модификационной дуальности самомотивируемой коадаптации и/или коадаптации, обусловленной ситуативными факторами. Необходимо отметить следующие составляющие, направленные на повышение организации и укрепление связи: руководство к действию, управляемое желанием причислять себя к социальному результату последующего коммуникативного процесса, заключающееся в самопродвижении, самопрезентации, извлечении благ, ассоциируемых с принадлежностью к определенной группе, приобретением статуса посредством такой идентификации (руководствуясь внешней мотивационной направленностью) или следование намерению удовлетворить личностную интровертированную потребность (руководствуясь внутренней мотивационной направленностью).

Формирование мотивационного портрета коммуникативного процесса может носить комплексный характер и осуществляться в условиях функциональной конвергенции и синергии. Кроме того, может отмечаться сопутствование стимула внутренней природы в отношении прилагаемых усилий по отношению к долгосрочным целям, нежели краткосрочным, и выражение большей степени готовности к продолжительному взаимодействию, развитию повышенной ситуативной

осведомленности; проявлению мотивационного фаворитизма к регистрам, используемым собеседниками, в том числе с целью социальной и групповой идентификации, повышения результативности. Наряду с этим, личностные индикаторы и дискрипторы, понимания и концепты, заключающиеся в восприятии себя и других, особенностях взаимоидентификации в отношении факторов экзистирующего порядка, гносеологического существования, рефлексивного самопостижения, сочетаемые с намерением взаимодействовать, коррелируют с содержанием профиля экзистенциальной адаптации [4, с. 2–4].

Предлагается трактовка коидентификации собеседников, обращенная к активации фонематически-перцепционных механизмов, с учетом идентификационной номенклатуры маркеров группового, социального, культурно обусловленного, мотивационного и экзистенциального порядка с целью организации, артикуляции, продуцирования, регулирования и поддержания речевого взаимодействия в условиях взаимной восприимчивости, в рамках протокольного или ситуативно-модифицируемого общения.

Список использованных источников

1. Петренко, А. Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии : монография / А. Д. Петренко. – Киев : Рідна мова, 1998. – 254 с.
2. Петренко, А. Д. Социолингвистические проблемы вариативности языка как целостной структуры : монография / А. Д. Петренко, М. В. Ласкова, В. А. Лазарев, Д. А. Петренко, Д. М. Храбскова, К. А. Мележик. – Москва : Издательство «Перо», 2015. – 491 с.
3. Byram, M. From foreign language education to education for intercultural citizenship / M. Byram // *Multilingual Matters*. – 2008. – P. 26.
4. Civilizations Exchange and Cooperation Foundation: [web site]. – Maryland, 2001. – URL: <https://cecf-net.org/>. (дата обращения: 10.10.2022).
5. Gumperz, J. J. Contextualization and understanding / J. J. Gumperz // Stanford University. – 1992. – P. 229–252.
6. Hymes, D. H. On Communicative Competence / D. H. Hymes // Harmondsworth : Penguin. – 1972. – P. 269–293.
7. Jenkins, J. (Un)pleasant? (In)correct? (Un)intelligible? ELF Speakers' Perceptions of Their Accents / J. Jenkins, A. Mauranen, E. Ranta // *English as a Lingua Franca : Studies and Findings*. – 2009. – P. 10–36.
8. Kramsch, C. Language and Culture / C. Kramsch // Oxford : Oxford University Press. – 1998. – P. 19.
9. Rowe, K. National Inquiry into the Teaching of Literacy / K. Rowe // Department of Education, Science and Training. – 2005. – P. 8.

БРЕНДЫ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Н. В. Шевченко¹, Н. А. Вовк², М. А. Охотникова³,

¹старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

²старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

³обучающаяся 4-го курса, Институт филологии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Основная цель статьи – рассмотреть функционирование брендов в рекламном дискурсе (далее – РД). Эта цель обуславливает постановку следующих задач: 1) охарактеризовать термин «рекламный дискурс»; 2) перечислить особенности понятия «бренд»; 3) выявить функции, которые бренды выполняют в РД.

Авторы пришли к выводу, что бренды в рекламном дискурсе реализуют воздействующую, социальную, информационную и экономическую функции.

В ходе исследования были использованы аналитический и сопоставительный методы, а также метод сплошной выборки и метод дискурсивного анализа.

Ключевые слова: бренд, рекламный дискурс, рекламное объявление, функционирование.

Summary. The main purpose of the article is to analyze brand functioning in the advertising discourse (further – AD). The purpose stipulates the formulation of the following tasks: 1) to characterize the term “AD”; 2) to enumerate the peculiarities of the notion “brand”; 3) to define the functions fulfilled by brands in the AD.

The authors came to the conclusion that the brands in the advertising discourse realize persuasion, social, information and economic function.

During the research there were used the analytical, comparative, continuous sampling, and discourse analysis methods.

Key words: brand, advertising discourse, advertisement, functioning.

Рекламный дискурс динамичным образом аккумулирует все изменения, происходящие на разных уровнях языка. РД – это сложное социокультурное явление, которое является элементом социальной интеракции. Научная литература содержит много дефиниций этого понятия, что говорит о полисемантическойности самого термина и разнообразии подходов, используемых для его анализа.

РД рассматривается функциональной лингвистикой как «сложная открытая нелинейная система смыслов, постоянно взаимодействующая с внешней средой – языковой системой, сознанием участников дискурса (потенциальных потребителей услуг и товаров), а также коммуникативной ситуацией, на фоне которой происходит развертывание дискурса» [3, с. 175–176].

Для рекламного дискурса характерно наличие конкретных целей и ценностей. РД использует определенные стратегии, жанры и задачи. В рекламе реализуется ряд функций и дискурсивных форм. Значимыми функциями РД являются воздействующая, социальная, информационная и экономическая. В рамках первой функции выделяют когнитивный, аффективный, суггестивный и коннотативный уровни манипуляции [2, с. 172].

Любой текст рекламы содержит прагматическую установку, которая оказывает воздействие на адресата и мотивирует его к конкретному действию. Для стилистических средств РД характерна четкая прагматическая направленность, которая определяет стилевую ориентацию дискурса.

В рекламном дискурсе употребляются наименования брендов. РД ставит целью формирование длительного предпочтения со стороны покупателей к определенному бренду. Отдельные впечатления, которые формируют устойчивую картину, связанную с представлениями потребителя о товаре, его марке, называют брендом (от англ. *brand* – клеймо, марка, производить впечатление). Бренд – это образ марки конкретного товара (услуги), который покупатель выделяет среди конкурирующих продуктов.

Потребителю представляются достоинства того или иного товара или услуги, которые сравниваются с похожими предлагаемыми продуктами. В сознании потребителя формируются устойчивые ассоциации и впечатления, которые связаны с конкретным брендом [1, с. 96].

Бренды как элемент РД могут выполнять те же функции, что и сам рекламный дискурс. Реализация воздействующей функции достигается разными способами. Один из них – это использование местоимений второго лица, таких как *you* (личное) и *your* (притяжательное) в рекламных объявлениях с брендами:

“MICHAEL KORS’S PICNIC TRIPPER

How can *you* not be inspired by the optimism of **Michael Kors’s** spring/summer’15 collection? (Which was shown to the tune of Be my baby.) **You** can’t wait to wear **your** floral skirts – printed or embellished – with breezy white T-shirts and flats” [4, с. 95].

В этом контексте с брендом *Michael Kors* два раза употреблено местоимение *you*: в вопросительно-отрицательном и в отрицательном предложениях. В обоих из них употребляется модальный глагол *can*, который оказывает воздействующий эффект на того, кто читает эту

рекламу. Также в предложении использовано и притяжательное местоимение *your*. Составитель этого текста с помощью *you* и *your* ставит реципиента на место обладателя одежды от бренда *Michael Kors*, тем самым вызывая желание приобрести юбки, футболки и туфли без каблучков.

В следующей рекламе вместе с брендом *Victoria Beckham* также используются оба местоимения *you* и *your*:

“VICTORIA BECKHAM’S CAREER WOMAN

Fitted sheath dresses are ***your*** workwear default, so this season ***you***’re looking to shake things up by easing into a more relaxed silhouette. A consummate multi-tasker, ***you*** actually use all the apps on ***your*** smartphone and there’s never more than one unread email in ***your*** inbox. ***Your*** favourite Spice Girl was Posh. Obviously” [4, с. 95].

Название бренда присутствует в заголовке рекламы. Местоимения содержатся в тексте объявления. Первый случай употребления *your* несет отрицательные коннотации и показывает, что у реципиента проблемы с рабочей одеждой. Потом через использование *you* и *your* в других контекстах автор рекламы показывает, как можно изменить ситуацию и достичь идеальных результатов. Все контексты направлены на то, чтобы личность осознала, что с одеждой от *Victoria Beckham* все в деловом мире будет идеально. Также для понимания содержания этого рекламного объявления надо знать значение словосочетания *Spice Girl*. Это аллюзия на ранний период карьеры Виктории Бэкхем, которая пела в женском коллективе «Спайс Гёрлз».

Социальную функцию можно проследить в рекламе бренда часов **Longines** [4, с. 33]. Рекламное объявление на развороте содержит фото известной английской актрисы Кейт Уинслет, обнимающей лошадь, на которой написано название **Longines**. Под изображением Кейт находится слоган этой марки часов: “Elegance is an attitude”. Под девизом поставлена подпись актрисы, сопровождаемая именем и фамилией *Kate Winslet*. Под часами внизу написана фраза “Conquest Classic”. Можно сделать вывод, что использование образа К. Уинслет показывает, что тот, кто собирается приобрести часы **Longines** должен иметь высокий социальный статус или стремиться к нему.

Информационная функция реализуется в следующем контексте:

“CHANEL INVENTS HYDRA BEAUTY MICRO SÉRUM, A REVOLUTIONARY SERUM WITH EXCLUSIVE CAMELLIA MICRO-DROPLETS. THEIR ACTION: PROTECT THE NEW CAMELLIA OIL EXTRACT AND FUSE WITH THE SKIN TO REVEAL EXCEPTIONAL HYDRATING AND PLUMPING POWER. THE RESULT: SKIN INFUSED WITH MOISTURE, SMOOTH AND REPLENISHED, GLOWING WITH YOUTH” [4, с. 51].

В этом рекламном объявлении представлена информация о новом продукте бренда «Шанель». Это сыворотка, которая содержит микрокапли

камелии. Также описывается то, как это вещество влияет на кожу и каковы результаты этого воздействия.

Экономическая функция представлена в надписях к фотографиям с тем или иным товаром, где наименование бренда комбинируется с названием продукта и его ценой. В ряде случаев даются ссылки на электронные каталоги в сети Интернет:

“**Aurélie Bidermann** necklace, \$810” [4, с. 82].

“**Polo Ralph Lauren** poncho, \$1,500, from www.stylebop.com” [4, с. 82].

“**Etro** dress, \$4,995, from www.Net-A-Porter.com” [4, с. 82].

“**Bally** wedges, \$1,595” [4, с. 82].

“**Chloé** sunglasses, \$335, from David Jones” [4, с. 82].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Для РД характерна аккумуляция всех изменений, которые происходят на разных уровнях языка. Этот тип дискурса является сложной открытой нелинейной системой смыслов, которая постоянно взаимодействует с внешней средой. Последняя включает языковую систему, сознание участников дискурса и коммуникативную ситуацию, которая служит фоном развертывания дискурса.

2. Значимыми функциями РД являются воздействующая, социальная, информационная и экономическая. В рекламном дискурсе употребляются бренды. Бренд – это образ марки конкретного товара (услуги), который покупатель выделяет среди конкурирующих продуктов. Бренды как элемент РД выполняют те же, что и рекламный дискурс.

3. Реализация воздействующей функции достигается, например, за счет использование местоимений второго лица (*you* (личное) и *your* (притяжательное)) в рекламных объявлениях с брендами. Социальная функция реализуется с помощью упоминания вместе с брендом имени известного человека, который имеет высокий социальный статус. Информационная функция воплощается с помощью размещения в рекламе данных о свойствах того или иного продукта. Экономическая функция представлена в надписях к фотографиям с тем или иным товаром, где вместе представлены наименование бренда, название продукта и его цена.

Список использованных источников

1. Бурыкин, Е. С. Алгоритм использования конкурентных преимуществ продукта в рекламных коммуникациях / Е. С. Бурыкин // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте ; Серия 1: Экономика и управление. – 2019. – № 2 (29). – С. 94–100.
2. Жирков, А. В. Проблемы манипулятивного воздействия в рекламе / А. В. Жирков // Рекламный дискурс и рекламный текст: монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева. – Москва : ФЛИНТА, 2021. – С. 172–191.
3. Храмченко, Д. С. Ирония как средство активизации синергичных процессов прагма-семантической самоорганизации английского делового дискурса / Д. С. Храмченко // Вестник Самар. гос. ун-та. Гуманитарная серия. – 2009. – № 1(67). – С. 175–180.

УДК 81'1/4

**REFLECTION OF EXISTING ETHNIC STEREOTYPES IN THE
LEXICAL SYSTEM OF MODERN ENGLISH**

A. N. Shimanovich¹, L. G. Avanesova²,

*¹ PhD in Philology, docent of the Department of Theory of Language,
Literature and Sociolinguistics, Institute of Philology, V. I. Vernadsky Crimean
Federal University, Simferopol*

*² student of the Department of Theory of Language, Literature and
Sociolinguistics, Institute of Philology, V. I. Vernadsky Crimean Federal
University, Simferopol*

Аннотация. Каждый этнос рассматривает окружающий мир через призму своего менталитета. В лексической системе отражается субъективный образ окружающего мира, осмысленный этническим сознанием. Для лексической системы характерной является этническая мотивированность возникновения номинации, которая соответствует специфике культурных традиций. В данной работе исследуются вопросы изменения лексической системы современного английского языка под влиянием существующих этнических стереотипов. Объектом исследования являются этнонимы как особый пласт лексики, служащий для именования различных этносов, а предметом являются словообразовательные и структурно-семантические особенности этнонимов.

Ключевые слова: этноним, этнический стереотип, этнофолизм, лексическая система.

Summary. Ethnonyms constitute a specific segment of the world's linguistic worldview. Each ethnic group views the surrounding world through the prism of its mentality. The lexical system reflects the subjective image of the world around, comprehended by ethnic consciousness. This paper examines the role of the ethnic factor in the process of enrichment of the lexical system of English.

Key words: ethnonym, ethnic stereotype, ethnopholism, lexical system.

The relevance of the work is determined by the general focus of modern linguistic research on determining the features of knowledge representation by language means, namely, the tendency to study semantics issues.

There is a wide interest of researchers in derogatively marked ethnonyms, the ways of their word formation, their structural and semantic features, as well as the features of their functioning in modern English-language periodicals.

The purpose of this study is to determine the role of existing ethnic stereotypes and their impact on the lexical system of modern English.

This goal requires solving the following tasks:

- analyze existing ethnic stereotypes;
- determine the reflection of ethnic stereotypes at the level of the lexical system of modern English;
- define the concepts of ethnonym and ethnopholism;
- to study the word-forming and structural-semantic features of the ethnonyms selected for analysis.

The research is based on the Merriam-Webster online dictionaries, Dictionary.com.com, Fine Dictionary, Lexico, Longman Dictionary of Contemporary English, Oxford Learner's Dictionaries, Urban Dictionary; electronic database of ethnopholisms The Racial Slur Database, from which 436 ethnonyms of the modern English language were selected for analysis.

Research methods. In accordance with the tasks set, the following methods were used in this scientific research: the method of analyzing dictionary definitions, the method of componential analysis, structural and semantic analysis, the method of conceptual analysis, as well as the method of continuous sampling.

One of the most common types of stereotypes is ethnic stereotype. An ethnic stereotype is a type of social stereotype that is “a schematized image of one's own or someone else's ethnic community, which reflects simplified (sometimes one-sided or inaccurate, distorted) knowledge about the psychological characteristics and behavior of representatives of particular people, and on the basis of which a stable and emotionally colored opinion of one nation about another or about itself is formed” [3, p. 133].

According to V. V. Krasnykh, a stereotype is interpreted as “a minimized and concretized, super-fixed and super-stable representation of an object or phenomenon that is associated with a certain concept” [2, p. 232]. “A type of ethnic stereotype is an ethnic prejudice, which is a stable, negative, and most often unfounded opinion about representatives of a particular ethnic group. Ethnic stereotyping and prejudice find their linguistic materialization and lead to the appearance of ethnic labels, nicknames, epithets, which appear as stable, negatively colored names of representatives of any ethnic group, expressing a disparaging, pejorative, or ironic assessment of this ethnic group” [1, p. 12]. Ethnic nicknames contain the definition of a basic feature that is typical for a particular ethnic group.

Ethnic nicknames are the subject of study for linguists and sociologists, as they allow us to better understand the phenomena that occur both in the language and in society. Ethnopholisms represent the reflection of the social organization of society, a marker of its development, which can be used in assessing and preventing the escalation of conflicts in order to interact effectively with different cultures.

The grounds for using ethnic nicknames are stereotypes, prejudices, negative or even hostile attitudes towards representatives of other ethnic groups. The scientific significance of these lexical units was questioned.

Let us consider examples of lexical units that exist in the English-speaking cultural space, which are the result of verbalization of the meanings of

ethnic stereotypes. All examples are taken from “The Oxford Dictionary of Slang by John Ayto” [8]. In this study 436 ethnonyms were selected for analysis. Using the method of analysis of dictionary definitions and the method of componential analysis, the final sample consisted of 395 figuratively motivated lexical units, which are ethnic nicknames, mostly denoting offensive, contemptuous names of representatives of other linguistic and cultural communities.

The British Empire has developed its own form of social consciousness over the course of its existence. This form is a complex system of behavioral norms, moral guidelines, socio-political values, and psychological attitudes. This tradition-established British snobbery, a practice of centuries-old colonial rule, is anchored in the dictionary by lexical units (*buck* – (n) [from the English name for the skin of deer or antelope, from which the Indians sewed moccasins and trousers], an offensive nickname for an Indian or black man; *coon* (n) derogatively labeled ethnonym, short for *raccoon*; *chink* – “shellfish catcher”, also *chinki*, *chinky*, *chinkie*, *chinka*, *chinkapoo* or *chinker* is a contemptuous, insulting nickname of a Chinese person) [8, p. 35].

Thus, the features of the appearance of representatives of other ethnic groups determine, for example, the following ethnic nicknames: *pigtail* – (n) derogatively marked ethnonym, a nickname in relation to the Chinese; *slant*–pejoratively, derogatively marked ethnonym, an abbreviation of *slant-eye*, applied in a broader sense to any representative of the Asian people [8, p. 36]. Among lexical units with derogatory meaning the following ethnic insults are fixed: *chink* (Chinese), *dago* (Italian, Spanish, Portuguese), *frog* (French), *greaser* (Italian, Spanish-speaking), *hunkie* (white), *kike* (Jewish), *nigger* (African-American), etc. For many years, the use of such nominative units was sanctioned on the screen in the same way as obscene scenes, when they were “socially significant” or “were an integral part of the storyline” [7, p. 20].

The following ethnic stereotypes refer to representatives of different ethnic groups by their place of residence, for example: *guinea*, *ginny*, *guinny* – ethnopholism, used pejoratively in relation to an immigrant of Italian or Spanish origin; previously these ethnonyms had the meaning – “a person of mixed black, white and Indian origin”; abbreviation for Guinean black – “a slave imported from Guinea or other locations on the West Coast of Africa”; *gippy*, *gygyppie*, *gyppy*, *gippo*, *gyppo*, *gyppo* – ethnonym, applied in relation to the Egyptian soldier; abbreviation from *Egyptian*; *wetback*, *wet* – applied to an illegal immigrant from Mexico to the United States and, consequently, to any illegal immigrant; from the habit of traveling along the Rio Grande to get to the United States [8, p. 37].

Examples of ethnic stereotypes, that reveal specific features of an ethnic group's culture, are: *spag* – pejoratively, applied to an Italian immigrant; short or for spaghetti; *spiggoty spiggity*, *spigotti*.

Research results. The study revealed that the main reasons for using ethnic nicknames or ethnopholisms are stereotypes, prejudice, hostility, and the desire to humiliate. Ethnic stereotypes are based on a disparaging, pejorative, or

ironic assessment of an ethnic group. The subjective nature of a person's worldview and thinking, and especially the subjective aspect of interethnic relations in society, determines the emergence of derogatively-marked ethnonyms. Many scientists (R. D. Abrahams, I. L. Allen, F. B. Cohn, A. Dundes, L. Dunkling, P. Dixon, G. L. Mencken, E. Partridge, D. Pilgrim, M. Waters, L. R. N. Ashley and others), in their scientific works, record thousands of insults and hundreds of their variants used.

Conclusions. The process of stereotyping and ethnic stereotypes themselves are not entirely negative phenomena of modern social life. At the same time, the formation of prejudices that express negative attitude towards others and lead to increased interpersonal tension seems to be a significant obstacle to mutual understanding between people. Knowledge and analysis of ethnic nicknames are necessary for understanding the current state of interethnic relations. Ethnic nicknames based on stereotypical ideas characterize the attitude of one ethnic group to representatives of other ethnic groups. Thoughtless use of such disparaging, derogatory names of other peoples can lead to hostility, let alone all sorts of ethnic conflicts.

Ethnic stereotypes are reflected in the lexical system of modern English through the mentality of colonial powers in the past, which demonstrates the attitude of residents of highly developed English-speaking countries towards immigrants from economically disadvantaged zones. Many ethnic groups with which the British and Americans had contacts received ethnic nicknames. Thus, in the English language, one can detect a tendency to demonstrate stereotypes at the lexical level. At the same time, the image-motivational base is the main one in the process of forming ethnic nicknames in modern English.

References

1. Горшунова, Е. Ю. Межкультурная коммуникация, этнические стереотипы и ярлыки англоговорящего сообщества / Е. Ю. Горшунова, Ю. В. Горшунов. – Москва : Проспект, 2017. – 110 с.
2. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – Москва : Гнозис, 2003. – 375 с.
3. Крысько, В. Г. Этническая психология : учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. Г. Крысько – Москва : Издательский центр «Академия», 2002. – С. 320.
4. Прохоров, Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю. Е. Прохоров. – Москва : Издательство ЛКИ, 2008. – 224 с.
5. Allen, I. L. The Language of Ethnic Conflict: Social Organization and Lexical Culture / I. L. Allen – New York : Columbia University Press, 1983. – 51 p.
6. Glover, W. H. Is the Ethnic Mascot Controversy Over? [Electronic Resource] / W. H. Glover. – Access mode: <https://www.lexisnexus.com/legalnewsroom/lexis-hub/b/commentary/posts/is-the-ethnic-mascot-controversy-over>. (Access date: 10.04.2023).
7. Manchel, F. Film Study: an analytical bibliography / F. Manchel – New Jersey : FDU Press, 1990. – Vol. 4. – P. 2847.

8. The Oxford Dictionary of Slang / ed. by John Ayto. – New York : Oxford University Press Inc, 1998. – 474 p.

УДК 811.161.1

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ЭМОЦИИ *ГНЕВ* В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ КАК КОГНИТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Л. Ф. Щербачук¹, О. И. Андрейченко²,

*¹кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и
общего языкознания, Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

*²кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и
социально-экономических дисциплин,
Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия», Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей метафорического моделирования эмоции *гнев* в русской фразеологии как когнитивного процесса. Антропоцентрический характер метафор репрезентирован фразеологическим воплощением эмоционального концепта *гнев* в качестве единицы когнитивно-эмоциональной сферы человека, которая обеспечивает его познавательную и коммуникативную деятельность. Предложенный анализ подтверждает, что процесс метафорического моделирования переносит информацию из базисной структуры в новую, вторичную, и составляет непрерывную цепь национального фразеобразования.

Ключевые слова: эмоциональный фразеологизм, внутренняя форма, эмоция *гнев*, когнитивная метафора, метафорическая модель, сфера-источник, сфера-цель, сакральность.

Summary. The article is devoted to the study of the features of metaphorical modelling of the emotion *anger* in Russian phraseology as a cognitive process. The anthropocentric nature of metaphors is represented by the phraseological embodiment of the emotional concept of anger as a unit of the cognitive-emotional sphere of a person, which provides their cognitive and communicative activity. The proposed analysis confirms that the process of metaphorical modelling transfers information from the basic structure to a new, secondary one, and forms a continuous chain of national phraseology.

Key words: emotional phraseology, internal form, emotion anger, cognitive metaphor, metaphorical model, sphere-source, sphere-goal, sacrality.

Введение. Эмоции являются специфической формой постижения и отражения окружающего нас мира, так как человек при выражении своих чувств через эмоции является и объектом, и субъектом познания.

Существование человека в мире побуждает его к осмыслению окружающего мира. Процесс и результат такого взаимодействия отражается в сознании Homo sapiens посредством чувств и эмоций, которые пронизывают всю деятельность человека. Через эмоции человек выражает свое отношение к жизни, к себе и обществу. Безусловно, всё изобилие мира эмоций отражается в языке и речи.

Актуальность исследования. Анализ когнитивной метафоры и описание её конкретных моделей в различных видах дискурса – одно из интенсивно развивающихся направлений современной когнитивной лингвистики, которое позволяет увидеть новые грани в, казалось бы, хорошо известном феномене.

Объектом исследования являются эмоциональные фразеологизмы русского языка. *Предмет исследования* – фразеологическая метафоризация эмоции *гнев* в русском языке.

Цель исследования – характеристика особенностей метафорического моделирования эмоции *гнев* в русской фразеологической картине мира как когнитивного процесса.

Для достижения поставленной цели, основываясь на когнитивно-прагматическом и структурном подходе, в работе был использован описательный метод, который позволил выделить исследуемые единицы во фразеологической системе русского языка и на основании внутренней формы, семантики и компонентного анализа охарактеризовать особенности их метафорического моделирования.

Изложение основного материала. Чувства и эмоции репрезентируются в языке в основном единицами вторичной номинации и через метафорическое определение объектами других структур: основой выражения эмоций является переосмысление реальных (практических и физических) процессов и действий, а также перенос определенных наименований в сфере психической деятельности человека. Особое внимание учёные уделяют эмоциональным концептам, экстраполирующим «архетипические основы в языковом сознании человека и отражающим специфику национальной концептосферы» [3, с. 128].

Методологической основой предлагаемого анализа послужили труды известных ученых в области фразеологии и лингвокультурологии (Н. Ф. Алефиренко, А. Вежбицкая, М. Л. Ковшова, О. В. Ломакина, В. А. Маслова, В. М. Мокиенко, А. И. Молотков, В. Н. Телия, Н. М. Шанский и др.), в области когнитивно-эмоциональной сферы человека и когнитивной метафоры (Н. Д. Арутюнова, Ю. Д. Апресян, К. Э. Изард, В. И. Карасик, Н. А. Красавский, В. В. Красных, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, З. Д. Попова, Н. А. Сегал, И. А. Стернин, А. П. Чудинов и др.).

Исследование метафорических моделей, в которых представляется эмоциональная сфера, открывает лингвокогнитивный механизм деятельности человеческого сознания. Наблюдая и изучая метафорические исходные формы, в которых обнаруживаются скрытые связи между

различными явлениями мира, человек может открыть для себя новые знания об окружающем его мире и научиться лучше понимать свой внутренний мир. Эмоциональный концепт (по М. А. Красавскому) – это «этнически, культурно обусловленное структурно-содержательное, как правило, лексически и / или фразеологически вербализированное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя, помимо понятия, образ, оценку и культурную ценность, и функционально замещающие человеку в процессе рефлексии и коммуникации однопорядковые предметы (в широком смысле слова), вызывающие пристрастное отношение к ним человека» [7, с. 25]. Такой подход позволяет рассматривать метафору как феномен взаимодействия языка, мышления и культуры.

Важное место в исследовании эмоций принадлежит К. Э. Изарду [см. 6]. Учёный считает, что эмоция – это нечто, что может переживаться как чувство, которое формирует, мотивирует и направляет восприятие человека, его деятельность и мышление. Эмоция задерживает энергию, и эта энергия в некоторых случаях чувствуется человеком как стремление к совершению какого-либо действия. Эмоция руководит мыслительными и физическими процессами человека и направляет их в определенное русло. Например, если вы преисполнились *гневом*, то вы не броситесь бежать, а если вы перепуганы, то вряд ли прибегнете к агрессии [6, с. 12].

Гнев – это одна из базовых эмоций человека. «В синонимический ряд с доминантой *гнев*, согласно словарям, включены следующие номинанты эмоций: *гнев, раздражение, ярость, бешенство, негодование, возмущение*» [7, с. 127]. Базовая эмоция *гнев* достаточно подробно изучена отечественными и зарубежными психологами, лингвистами и описана нами в статье «Концептуализация эмоции *гнев* как порока характера человека в славянских языках (на материале русской, украинской и польской фразеологии)» [11, с. 415]. Конститутивными признаками *гнева* психологи считают враждебность, высокий уровень напряжения и импульсивности, мобилизацию энергии для самозащиты и предоставление индивиду ощущения активности и силы, что может актуализировать как отрицательные, так и положительные функции гнева [11, с. 416].

Когнитивный подход к исследованию метафоры, по нашему мнению, является ключом к пониманию форм репрезентации знаний. Создавая образ и апеллируя к воображению, метафора порождает понимание, воспринимающееся разумом. В рамках когнитивного подхода метафоризация понимается нами как специфическая операция над знаниями, передача информации от одного концептуального поля (источник) в другое концептуальное поле (цель). Преимущества когнитивного понимания традиционных метафорических переносов состоят в новом подходе к самому механизму создания метафоры: очень важны разнообразные и сложные формы взаимопроникновения различных сфер человеческого бытия (концептуальной, научной, речевой, художественной и т. п.) [2, с. 188]. Согласно теории концептуальной

метафоры, в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знания (фреймами и сценариями) двух концептуальных доменов – это области (сферы)-источники и области (сферы)-цели. В результате однонаправленной метафорической проекции из области-источника в область-цель, которые сформировались в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром, элементы области-источника структурируют менее понятную концептуальную область-цель, и это является сущностью когнитивного потенциала метафоры. Безусловно, когнитивная метафора выступает важнейшим способом миромоделирования, что находит отражение в языковых структурах, обладающих семантической двуплановостью, к которым относятся фразеологизмы. По мнению А. П. Чудинова, особой частью национальной языковой картины мира является метафорическая модель – существующая и / или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить в виде определенной формулы: X – это Y [10, с. 27].

В ходе анализа исследуемого материала нами были выявлены метафорические модели русских фразеологизмов, репрезентирующих эмоцию *гнев*, со сферами-источниками **огонь, природная стихия, цвет, вместилище, действия, игра, сакральность**.

Метафорическая модель «гнев – это огонь». Эмоция *гнев* – это импульсивная реакция, сопровождаемая физическими и словесными действиями для решения определенных проблем и физической защиты от угрозы. Ассоциирование рассматриваемой эмоции с огнём и последствиями его воздействия обуславливается архетипическим характером огня, который имеет свои производные – физические действия: *гореть, обжигать* и др.: «**горячий на руку** кто. Прост. Экспрес. Вспыльчивый, несдержанный человек, способный в состоянии гнева ударить кого-либо» [9, с. 153]; «**под горячую руку**. Разг. Экспрес. В состоянии гнева, злости, раздражения» [9, с. 586].

Метафорическая модель «гнев – это природная стихия». В данной модели реализуется ассоциация поведения человека в *гневе* с непредсказуемым явлением природы – стихией, подчеркивая деструктивный характер гневных действий человека, его опасность в таком психоэмоциональном состоянии для окружающих, например: «**метать громы и молнии**. Экспрес. Ирон. Распекать, отчитывать кого-либо (чаще без достаточных причин, оснований); говорить гневно, раздражённо, чрезмерно упрекая кого-либо или угрожая кому-либо» [9, с. 370]; «**метать перуны** против кого. Книжн. Экспрес. Сердиться, гневаться на кого-либо» [9, с. 371]; «**громы и молнии**. Разг. Экспрес. Выражение гнева, упрёков, резкой критики кого-либо» [9, с. 159]. Главный признак, который лежит в основе данного сопоставления – опасность и сила молнии как атрибута грозы. Смысловое наполнение данной модели является отголоском первобытного мышления антропоморфного анимистического сознания – веры в одушевлённость всей природы.

Метафорическая модель «гнев – это изменение пигментации лица». Цветовая метафора в целом присуща для характеристики *гнева*. Это объясняется тем, что феномен цвета по сравнению с иными раздражителями психологически релевантен для постижения человеком окружающей действительности. Эмоции *гнева*, кроме внутренних проявлений, имеют и внешние выражения, отражающиеся на лице. В русской фразеологии состояние *гнева* оформлено через номинанты зеленого и белого цветов: «*позеленеть от ярости*. Разг. Экспрес. Внезапно разгневаться, разъяриться» [9, с. 490]; «*доходить до белого каления*. Экспрес. Приходить в исступление; терять самообладание» [9, с. 209]. Как видим, в основе метафоризации *гнева* используются цветовые характеристики. Традиционно символика *гнева* ассоциируется с красным цветом – цветом огня и крови. В русской фразеологической картине мира *гнев* репрезентируют и другие цвета: зеленый и белый.

Метафорическая модель «гнев – это резервуар с жидкостью». Данная модель представлена двумя фреймами:

1) **фрейм «гнев – это сосуд»** репрезентирует представление о *гневе* как сосуде с жидкостью, который является субъектом / объектом разных действий: он может закипать, лопаться, разрушаться, и т. п.: «*лопаться / лопнуть от злости*. Прост. Экспрес. Быть в состоянии гнева, сильного раздражения» [9, с. 354]. Исследуемый материал подтверждает, что в русской фразеологии состояние *гнева* оформлено также через номинант-соматизм *сердце*, аккумулирующий эмоциональное состояние человека и выполняющий роль вместилища чувств, а не разума: «*приходить в сердце / прийти в сердце*. Устар. Гневаться, испытывать раздражение» [9, с. 530]; «*в крайнем сердце*. Устар. Экспрес. В порыве гнева, раздражения, сильно рассердившись» [9, с. 609]; «*сердце берёт на кого / сердце взяло на кого*. Устар. Прост. Кто-либо злится, сердится, гневается на кого-либо» [9, с. 610]; «*с сердцем*. Прост. Экспрес. В гневе, сердито (сказать или сделать что-либо)» [9, с. 613]; «*с сердец*. Устар. Прост. 1. В порыве гнева, раздражения» [9, с. 613]; «*срывать сердце на ком, на чём / сорвать сердце на ком, на чём*. Разг. Экспрес. Вымещать свой гнев, раздражение, ярость и т. п.» [9, с. 650];

2) **фрейм «гнев – это жидкость».** Внутренняя форма фразеологизма «*изливать желчь на кого, излить желчь на кого*. Устар. Срывать на ком-либо раздражение, гнев» [9, с. 273] базируется на метафорическом переносе, основанном на физиологических изменениях в организме человека и связанном с агрессивным воздействием желчных кислот на желудочно-кишечный тракт. Нередко в русских фразеологизмах сердце как вместилище *гнева* «приобретает» состояние жидкой кипящей субстанции, когда человек пребывает в чрезвычайном возбуждении, неуравновешенности, горячности, что ассоциируется со стадией «кипения»: «*сердце кипит / сердце закипело*. Разг. Экспрес. Кто-либо испытывает страстное желание; кого-либо переполняет гнев, возмущение, обида, раздражение и т. п.» [9, с. 611]; «*накипало на сердце у кого /*

накипело на сердце у кого. Разг. Экспрес. Кто-либо полон гнева, обиды; едва сдерживает негодование» [9, с. 392]. Основой для метафорического переноса служат такие свойства жидкости, как изменение уровня жидкости, бурление и разрушение самого резервуара при повышении температуры в ёмкости.

Метафорическая модель «гнев – это действие». Пребывая в гневном эмоциональном состоянии, человек редко может оставаться неподвижным; зачастую ему свойственны определённые реакции: негодование, действия, указания и т. д. Эмоция, которая наполняет его, проявляется в жестах, мимике, трудно контролируемых и неконтролируемых движениях: «*держат гнев* на кого. Устар. Сердиться, гневаться на кого-либо» [9, с. 192]; «*со двора долой!* Устар. Экспрес. Гневный резкий приказ удалиться из чьего-либо дома» [9, с. 204]; «*выступить / выступить из себя.* Устар. Приходить в состояние крайнего раздражения; выходить из себя» [9, с. 21]. Данное психоэмоциональное состояние человека не стабильно, поэтому может происходить его резкая смена: «*менять гнев на милость.* Разг. Переставать сердиться, гневаться» [9, с. 365]; «*сменить гнев на милость.* Экспрес. Перестать сердиться» [9, с. 632].

Метафорическая модель «гнев – это игра на музыкальных инструментах»: «*играть на нервах.* Экспрес. Неодобр. Намеренно раздражать кого-либо» [9, с. 265]. Внутренняя форма фразеологизма связана с древним анатомическим открытием нервов (составной части нервной системы человека), которые ассоциируются со струнами музыкальных инструментов. Иногда неумелая игра на струнных инструментах может вызывать раздражающее воздействие.

Метафорическая модель «гнев – это агрессивное животное» основана на ассоциации состояния человека в *гневе* с агрессивным поведением животных: «*дразнить гусей / раздражить гусей.* Ирон. Вызывать гнев, раздражать» [9, с. 210]. Человек в состоянии *гнева* не контролирует себя, поэтому очень часто ведет себя как опасный зверь, отражая все присущие ему повадки: «*скалить зубы.* Прост. Экспрес. 1. Огрызаться, сердиться, выражая в резкой или грубой форме своё негодование, возмущение» [9, с. 620]; «*скрежет зубовный.* Экспрес. Негодование, ненависть, неудержимая злоба» [9, с. 622]; «*грызть зубы.* Прост. Экспрес. 1. на кого. Гневаться, сердиться на кого-либо, стремясь принести вред, неприятность» [9, с. 160]; «*сверкать глазами* на кого / *сверкнуть глазами* на кого. Разг. Экспрес. Выражать взглядом чувство гнева, возмущения» [9, с. 597]. В подобных фразеологизмах «звериную сущность» человека в состоянии *гнева* репрезентируют «соматические» глагольные компоненты: *скалить (зубы)*, *грызть (зубами)*, *сверкать (глазами)* и т. д. Иллюстративные примеры показывают, что животные и их агрессивное поведение представляют собой достаточно богатую сферу для осмысления гневного поведения людей. А. Вежбицкая считает, что есть четыре первичные эмоции, которые основываются на физиологии: *страх*,

гнев, печаль и удовлетворение. При этом обоснованием первичности этих эмоций служит тот факт, что их можно наблюдать у многих животных [4].

Метафорическая модель «гнев – это сакральность». «Вполне закономерно, что при расширительном понимании сути сакрального в фокус интерпретации попадают как языковые единицы религиозного (и шире – культового, обрядового) содержания, так и демонологическая лексика и идиоматика как два полюса одного феномена» [5, с. 30]. Вместе с Н. А. Воробьевой, для квалификации идиоматических выражений как сакральных нами учитывалось два критерия: а) наличие в устойчивом сочетании маркеров сакральности (ангел, чёрт, Бог, Христос, леший, дьявол, нечистая сила и др.); б) наличие в словарной дефиниции идентификаторов и / или релятивных компонентов, с помощью которых осуществляется семантизация сакрального и отдельных его аспектов [5, с. 30]. Исходя из вышесказанного в исследуемой метафорической модели выделяем три фрейма:

1) **фрейм «гнев – это недовольство Бога».** «Гнев Божий – Божественное действие, производимое как реакция на грех, направленное на подавление зла, субъективно воспринимаемое разумно-свободными существами, объектами этого действия, как гнев» [8]. Русская фразеология отражает народное отношение к негативным эмоциям сквозь призму сакральности: «*не гневи бога (господа).* Устар. Прост. Употребляется в ответ на выражение недовольства кем-либо или чем-либо» [9, с. 139]; «*ничего бога гневить.* Устар. Прост. Не следует, нет причин жаловаться; грешно, несправедливо обижаться» [9, с. 139]; «*гневить бога.* Устар. Прост. Без достаточных оснований жаловаться, упрекать кого-либо; напрасно сетовать на судьбу» [9, с. 139]. Наши предки верили, что многие беды и разрушения определялись гневом Божиим: «*вавилонская башня.* Книжн. Об очень высоком здании, строении. В тот день океан устроил людям подлинное побоище... Эфир был полон сообщениями об аварийном состоянии судов многих стран. Под ударами рухнула «вавилонская башня» наших дней – циклопическое сооружение, вознёсшееся над океаном на мощных опорах-ногах, – буровая платформа (В. Шмыгановский. Сага о капитане Ольсене). В сравнении. Живёт Василий неважно... Этаж высокий – идёшь, идёшь, словно на башню вавилонскую (Н. Потапов. Блудный сын). – От библейской легенды о сооружении в древнем Вавилоне башни до небес с целью добраться до Бога; разгневанный Бог разрушил её и смешал языки людей, строивших башню, чтобы они не могли понять друг друга» [9, с. 19];

2) **фрейм «гнев – это нечистая / тёмная сила».** Потусторонние тёмные силы, ад всегда ассоциировались у человека с чем-то страшным, невежественным, ужасным: «*чёртово семя.* Прост. Бран. О человеке, вызывающем раздражение, негодование, гнев» [9, с. 608];

3) **фрейм «гнев – это тьма».** Метафорический перенос, представленный лингвистически в двухкомпонентной логико-семантической модели, связан с пониманием света (белого света, Божьего

света) в русской народной традиции как Вселенной. Это воплощение действительности, миропорядка, красоты и т. п.: «*невзвидеть света*. Разг. Экспрес. Внезапно ощутить острейшую боль, сильный гнев, страх и т. п.» [9, с. 403]; «*свету белому не рад* кто. Разг. Экспрес. Кто-либо остро ощущает боль, гнев, страх и т. п.» [9, с. 553]. Анализируемые фразеологизмы обладают большими эмоциональными, экспрессивными и оценочными возможностями.

Исследование подтверждает, что метафоризация как когнитивный процесс, по мнению М. Ф. Алефиренко, состоит из следующих мысленных шагов: а) выбора самого яркого и общеизвестного аналога (источники сопоставление); б) переноса соответствующей части знаний, части эмпирического опыта из сферы базиса, или источника, на участок объекта познания и именованя; в) порождение новых смыслов вследствие взаимодействия двух идей [1, с. 53].

Таким образом, метафоризация, основываясь на использовании знаков одной концептосферы на обозначение другой, выступает одним из самых активных образно-семантических факторов фразеобразования в русской языковой картине мира. Основными коррелятами концептуального референта *гнев* в метафорических моделях являются *огонь, природная стихия, цвет, резервуар с жидкостью, действие, свирепый зверь, игра на музыкальных инструментах, сакральность* и т. д.

Проведённый анализ дает лишь фрагментарное представление о возможных метафорических воплощениях эмоции *гнев* в русской фразеологической картине мира. Применение предложенной методики на паремиологическом материале составляет перспективы дальнейших исследований.

Список использованных источников

1. Алефиренко, Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры : монография / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Academia, 2002. – 394 с.
2. Андрейченко, О. И. Фразеологическая объективация гастрономической метафоры в сфере искусства (на материале современного публицистического дискурса) / О. И. Андрейченко, Л. Ф. Щербачук // Языковые образы: лингвокреативные символы этнокультурной духовности : сб. научн. трудов по итогам 5-й Международной научной конференции, посвященной 75-летию Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора Н. Ф. Алефиренко. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2021. – С. 186–193.
3. Бородкина, Г. С. Концепты «Angst» и «Freude» в семантическом пространстве языка (на материале немецкого языка и его австрийского варианта) / Г. С. Бородкина // Вестник ВГУ. – 2004. – №1. – С. 128–131.
4. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / Анна Вежбицкая ; [пер. с англ. отв. ред. М. А. Кронгауз]. – Москва : Русские словари, 1997. – 412 с.

5. Воробьева, Н. А. Аспекты изучения русской сакральной идиоматики : монография / Н. А. Воробьева. – Екатеринбург : ФГБОУ ВПО «УрГПУ», 2014. – 130 с.
6. Изард, К. Э. Психология эмоций / К. Э. Изард. – Санкт-Петербург : Питер, 1999. – 464 с.
7. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах : монография / Н. А. Красавский. – Москва : Гнозис, 2008. – 374 с.
8. Райкен, Л. Словарь библейских образов / Л. Райкен, Д. Уилхойт, Т. Лонгман ; [пер. Б. А. Скороходов, О. А. Рыбаков]. – Санкт-Петербург : Библия для всех. – 1424 с. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-biblejskih-obrazov/130>. (дата обращения: 20.03.2023).
9. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Фёдоров. – Москва : Астрель, 2008. – 878 с.
10. Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии : монография / А. П. Чудинов ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2013. – 176 с.
11. Щербачук, Л. Ф. Концептуализация эмоции *гнев* как порока характера человека в славянских языках (на материале русской, украинской и польской фразеологии) / Л. Ф. Щербачук // *Общая и русская фразеология: из прошлого в будущее : Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Валентина Ильича Зимина* / под общ. ред. О. И. Авдеевой. – Москва : МПГУ, 2022. – С. 413–421.

УДК 82.091

АЙДЕР ОСМАННЫНЪ ЭДЕБИЙ-ТЕНКЪИДИЙ БАКЪЫШЛАРЫНЫНЪ ХУСУСИЕТЛЕРИ

Ш. Э. Юнусов,

кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье подвержены анализу литературно-критические работы видного представителя крымскотатарских «шестидесятников» Айдера Османа. В этом контексте рассмотрены вопросы его роли и места в эволюции крымскотатарской критической мысли, где акцентированы «ступени роста» как сверстников писателя, так и начинающих авторов, дебют которых пришёлся на начало 80-х гг. XX века. Методами исследования выступили: сравнительно-исторический, историко-генетический и биографический.

Ключевые слова: преемственность, литературная критика, поэтика, тематика, дебют.

Summary. The article analyzes the literary and critical works of a prominent representative of the Crimean Tatar “sixties” Aider Osman. In this context, the issues of his role and place in the evolution of Crimean Tatar critical thought are considered, where the “stages of growth” of both the writer’s peers and novice authors, whose debut occurred in the early 80s of the twentieth century, are emphasized.

Key words: succession, literary criticism, poetics, thematics, debut.

Кириш. Миллий эдебиятмызда кечкен асырнынъ алтмышындыкы сенелери пейда олгъан несиль арасында Айдер Османнынъ айрыджа ери бардыр. Эсерлериндеки халкъчанлыгъы, ерине коре мергин фикирлери, бедий терджимелериндеки назиклик, идареджиликтеки аталыгъы, юксек босагъаларда халкъыны къайгъырмасы онынъ хатырамызда бир ферасетли инсан киби сакъланып къалмасына весиледир. Албуки, истидатлы несирджи, журналист, «Йылдызнынъ» баш муаррири, Языджылар Бирлигининъ ребери оларакъ о, яшагъан девирининъ набызы ве маджераларыны бир башкъаджа сезген ве бунъа даир бир чарелер корьмек кереклигини дуйгъандыр. Бу сырада къадери онъа буюк несиль иджаткярларындан варислик мисали корьмеге къысмет эткендир ки, бу тесир Айдер Османнынъ эм бедий эсерлеринде, эм тенкъидий макъалелеринде дуюла. Олар вастасынен о, яшдашлары ве яшча иджаткярларгъа мураджаат эткен. Онынъ несир эсерлери диссертацияларда диккъат объектине чеврильди [1; 6], кель-келелим «Саба ола, хайыр ола» повестиндеки Хатидже образынынъ там ачылып-ачылмаювы меселеси исе окъуйдыджылар арасында агъзавий тартышувларгъа себеп олды. Сонъкиси, барсын, айры макъаленинъ мевзусы олсун... Бугунъки ишимиз Айдер Османнынъ эдебий тенкъит саасындаки хызметине багъышланаджакътыр ки, бу ерде бир бошлукъ мевджут.

Макъале язмакътан **макъсадымыз** анъылгъан иджаткярнынъ эдебий-тенкъидий мирасынынъ эсас нокъталарыны бельгилемектир ки, буннынъ черчивесинде ашагъыдаки **вазифелер** къоюла:

- бедий эдебиятымызнынъ ХХ асырнынъ экинджи ярысындаки инкишафы саесинде онынъ тенкъидий ишлерининъ эмиетини бельгилемек;
- ишлерининъ спецификасы ве конкрет эсерлерге мураджаат этмесининъ себеплерини косьтермек.

Теткъикъатымызнынъ **объекти** Айдер Османнынъ эдебий тенкъитке багъышлангъан макъалелеридир.

Теткъикъатымызнынъ **предмети** шу макъалелерде назаргъа алынгъан меселелернинъ талилидир.

Теткъикъат **усуллары:** къыясий-тарихий, тарихий-генетик, биографик.

Семерели тенкъит мисаллерини Айдер Осман сексенинджи сенелернинъ ильк ярысында берип башласа керек, артыкъ бу вакъыткъа

келип онынъ «Биз бир дюньяда яшаймыз», «Инсанлыкъ алы», «Кузь ели», «Маалле бекчиси я да динозаврнынъ битирилюви», «Расткелиш» икяелери, даа сонъра «Тутушув», «Саба ола, хайыр ола» адлы бегенилип окъулгъан повестълери пейда оладжакъ. Бу такъым эсерлер саесинде артыкъ баягъы эдебий теджрибеге саип олгъан несирджининъ башкъаларгъа, башта бир энди-энди иджат къапысыны ачаяткъан генчче къалемлерге ёл-ёрукъ косьтермеге акълыдыр. Ери экен, 1983 сенеси «Йылдыз»да басылгъан «Дедиль адымлар (Яшлар яратыджылыгъына бир назар)» макъалесини къайд этейик. 1982 сенеси Ташкентте нешир этильген **«Къарылгъачлар»** джыйынтыгъы чыкъмасы ве анъылгъан меджмуада эсерлери басылмасы мунасебетинен язылгъан бу макъалесинде анъылгъан тенкъитчи яшларгъа бабаджасына янашып, яшлар белли бир джесюрлик косьтергенлерине шадлана. Булар даа тюневин «кимсеге белли олмагъан адлар олып, вакъыт кечтикче» танылып баргъан Шукри Аппазов, Решид Мурад, Айше Кокиева, Гульзар Дерменджи, Исмаил Керимов, Венера Ибраимова, Наджие Аметова ве Юнус Кандымовлардыр ки, Айдер Осман оларнынъ эсерлерине къыймет кесерек, бу несиль «эм сайыджа, эм мааретче гурьдели осьмекте» олгъаныны къайд эте. Бу сырада хусусан Шукри Аппазовнынъ «шиирлери мундеридже ве шекиль бирлигининъ узвийлигинен айрылып тургъаны», яшча олса да, язгъан эсерлеринде пишкинлиги корюнгини, «онынъ эр бир шииринде терен мана, оригиналь ифаде шекли бар» олгъаныны, «сёзнинъ къуветини яхшы билъгини» [2, с. 141] къайд этип, эсеринден мисаллер кетире. Айны бунынъ киби макъаленинъ муэллифи конкрет шаирлернинъ конкрет эсерлеринде токъталып, олар илериде гузель махсулат береджеклерине ишана. Булардан бири Юнус Кандымовдыр ки, эгер онынъ ильк шиирлеринде араштырув руху сезильген олса, шимди о, «эдебиятта ёлуны тапкъан, муреккеп фикирлерини муреккеп шекильде, мантыкъий бирликте беян этмеге икътидары еткен шаир киби иджат эткени» айтыла [2, с. 143–144]. Затен тек метх этмекнен сынъырланмайып, тенкъитчи айны заманда «яшларнынъ шиирлери бедий ве гъаевий джиэттен бир севиеде» олмагъаныны, «базы шиирлерде айтыладжакъ фикир кереги киби конкретлештирильмегини, (...) базыларында исе эсерден чыкъарылгъан хуляса бираз чыпкакъ олып, тек къафие ичюн язылгъан бош къафие, къуру тасвир, аятий фактларны къайд этип кечюв, фикир къаршылыкълыгъы я да тарлыгъы, фикирни туманлаштыргъан риторика расткельгини» [2, с. 144] ургъулай. Анъылгъан истидат саиплерине мураджаат этеркен, Айдер Осман олардан биринде «мевзунынъ тарлыгъы я да бир тарафлылыгъы корюнгини, бир мевзуда чокъ шиир язув шаирнинъ озъюни текрарлавгъа алып келеджегини, бундан къачынмакъ кереклигини» хатырлата.

Кель-келелим бу усулны тенкъитчи эдебият алеминде чокътан темеллешкен, яни бедий иджаткъа алтмышынды-етмишинджи сенелери буюрып башлагъанларгъа да нисбетен къуллана. Джумледен, Мамбет Алиевнинъ икяелерини козьден кечиргенде, бу языджи миллий тиль

инджеликлерини бол-бол кьуллангъаныны косътерип, о, эвель заманнынъ чынълашувларына бенъзеген шейлер, бир сыра фольклор нумюнелерини сыкъ-сыкъ кьуллангъаныны кьайд этип, «автор шекиль кьурбаны олып кьаладжагъыны» хатырлата. Дей ки, бу хусусиет Мамбет Алиев «эсерлерининъ умумий кьыйметине эки тюрлю тесир эткени козьге чарпа: биринджиден, аталар сёзлерини семерели файдаланувнен автор беяннынъ, тасвирнинъ, диалогларнынъ кьуветлешмесине, образлы олмасына ирише; экинджиден, оларны чокъ кьулланувнен текстни агъырлаштыра, (олар) эсерде эсас сюжет линиясынынъ инкишафына кедер эте, базы алларда исе мундеридже ибарелер кьурбаны олып кьала, персонажлар исе бири-бирлеринен аталар сёзлерини, фразеологизмлерни билюв саасында ярышлашаяткъан киби келелер» [3, с. 163–164] деп ала. Даа бир макъалесинде тенкъитчи Ибраим Паши «базы алларда характерлерни ачувда деталлерни ве эпизодларны суныйлештирип, эсассыз психологизм догъургъаныны» [3 с. 213–214], Билял Мамбет исе балалар тарафындан севилип окьулса да, «бабалар ичюн язылгъан ширий эсерлернинъ сатырлары, кьафиелери толу, текмиль олмакъ ве енгиль окьулмакъ кереклигини» хатырлатып, о, «базы алларда сатырларны «сындыргъаныны», текмиллемегенини, сатырлыр бир нефеснен окьулмагъаныны» кьайд эте [4, с. 119].

Корьгенимиз киби, Айдер Осман-тенкъитчи эм акъранлары, эм яшча иджаткярларнынъ конкрет эсерлерини козьден кечире. Эбет, яш кьалемлернинъ «коллектив суретте нешир этильген ильки китабына умумен поэзия огюне кьойылгъан талаплар эсасында кьыймет кесмек догъру олмайджагъыны» да анълап, бу иджаткярлар илериде «эминликнен кьанат кереджеклерине» уют козюнен бакъа... Анъылгъан яш иджаткярларнынъ аман-аман эр бири сонъра макъале муэллифининъ ишанчыны олдукъча акълап, земаневий эдебиятымызны даа юксекче басмакъкъа котергенлерининъ бугунъде-бугунъ шаатыдырмыз.

Айдер Осман анъылгъан макъалелерини кьаралагъанда, шу девирде гурь илерилеген бедий эдебиятымыз бундан сонъ да гузель махсулат берип тураджагъына ишангъандыр, ишанмакъ да дегиль, буны табий ал сангъандыр, чюнки докъсанынджы сенелернинъ башында асыл олгъан вазиятте укюм сюрген алгъа ола бизим де «кьалабалыкълы вазиятимизни» корип, бир макъалесинде о, «патлай» да, «ал-азырда, эдебиятымызда шашыладжакъ дереджеде кьарышыкъ, кьалабалыкълы вазият укюм сюрмекте. Дерсинъ, чалгъы-чагъанасыны чалдыра-чалдыра дургъунлыкъ девири кене кьайтып кельди ве эр кесни токътатты. Театр пьеса истей, ойналаджакъ киби пьеса ёкъ. Языджылар, журналистлер бар, амма эсер язмагъа адам ёкъ. Патта-сатта язылгъан эсерлернинъ исе не ичюн язылгъаны, муэллиф не демек истегени анълашылмай. Кимерде исе о дередже аджеми, сатхий эсерлер языла ки, басмагъа эсер тапылмагъаны алда оларны кьайтармага меджбур оламыз» [5, с. 178], деп, кьасеветке дала.

Бойле этип, эдебий эсанаснынъ ичинде озю иштирак эткен Айдер Осман чаресине коре эдебий тенкьит юкюни де чекип, девир эдебиятындаки гузель алларны кьайд этмекнен бир сырада иджаткяр насыл олмалы, неден кьачынмалы, неге ынтылмалы мевзуларындаки «дерслерини» быракъып кете. Бунынъ черчивесинде башлангъыч **хулясамыз** шудыр:

– эдебиятшынаслыгъымыз тарихында Айдер Османнынъ айрыджа ери бардыр ки, кенди макъалелеринде о, яшдашлары ве эсерлерини ХХ асырнынъ сексениджи сенелери такъдим этип башлагъан генч къалемлернинъ «осюв басамакъларыны» козьден кечире;

– айры яызджыларнынъ эсерлеринде мундеридже ве бедийи шекиль, эсернинъ гъаеси киби меселелерни талиль этеяткъан ишбу тенкьитчи олар бири-биринен сесленмек кереклигини хатырлата, мевзу меселесине кельгенде исе оларны текрарлавдан кьачынмакъ кереклигини айта, чюнки мевзунынъ текрарланмасы «озь-озюни текрарлавгъа алып келир» дей.

Нетидже. Айдер Османнынъ эдебий-тенкьидий мирасынынъ ильмий джеэттен огренильмеси эдебиятшынаслыкъ фикиримизнинъ ХХ асырнынъ экинджи ярысындаки инкишафына даир бильгимизни кенишлетир. Онынъ ишлеринде эм айры иджаткярлар, эм оларнынъ «джыйма портрети» талиль этилип, бугуньки кунюмизде де муимлигини джоймагъан фикирлер бильдириле.

Къулланылгъан эдебият

1. Джемилева, А. А. Поэтика повествования в крымскотатарском рассказе 70-80 годов ХХ века : монография / А. А. Джемилева. – Саратов : Амирит, 2022. – 168 с.
2. Осман, А. Дедиль адымлар / А. Осман // Йылдыз. – 1983. – № 3. – С. 140–144.
3. Осман, А. Осюв басамакълары / А. Осман. – Ташкент : Гъ. Гъулам адына эдебият ве санаат нешрияты, 1984. – 224 с.
4. Осман, А. Земаневийлик ве шаир / А. Осман // Йылдыз. – 1984. – № 3. – С. 113–122.
5. Осман, А. Шимдики эдебиятымыз акъкъында тюшюнджелер / А. Осман // Йылдыз. – 1993. – № 3. – С. 177–179.
6. Сеферова, Ф. А. Этические идеалы крымскотатарской прозы 60-80 гг. ХХ века : монография / Ф. А. Сеферова. – Симферополь : «Доля», 2009. – 208 с.

**ДИСКУРСИВНАЯ СТРУКТУРА МЕДИЦИНСКОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ДИССЕРТАЦИЙ
XIX ВЕКА)**

Л. В. Ягенич,

кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой иностранных языков № 4, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Вопрос сохранения жизни и здоровья человека не теряет актуальности на протяжении столетий. Описание профессионального опыта, направленное на оказание помощи пациенту, является востребованным в современном мире. Целью данной статьи является изучение дискурсивной структуры письменного научного медицинского текста на материале англоязычных диссертаций XIX века, иллюстрирующих научные достижения того времени. Представлена дискурсивная структура текста, связанная с содержательными и структурными элементами текста. Цитирование, которое является отсылкой к временным рамкам, работам учёных и ранее выполненным исследованиям, связано с прагматизмом и диалогизмом медицинского дискурса. В работе применяется описательный метод, а также интерпретативный подход к структурной организации текста с целью выполнения прагматического анализа природы письменного научного медицинского текста.

Ключевые слова: медицинский текст, письменный научный текст, англоязычная диссертация, дискурс.

Summary. The problem of saving human life and health has been relevant for centuries. The description of professional experience is always patient-oriented and it is demanded in the modern world. The purpose of this article is to study the discursive structure of a written scientific medical text on the material of 19th century English dissertations which illustrate scientific achievements of that time. The highlighted discursive elements of the text are connected with the content and some structural elements of the text. The discursive structure is expressed by lexical units and graphical objects. The quotation is related to the pragmatism and dialogism of medical discourse. Medical discourse is formed by the written English medical text which is referred to the time, it shows the obtained results and it is based on previous scientific researches. The descriptive method is used, and the interpretive approach is also used to the structural text organization in order to perform a pragmatic analysis of the written scientific medical text.

Key words: medical text, written scientific text, English dissertation, discourse.

На современном этапе развития общества антропоцентрический подход к лингвистическим исследованиям определяет сферы изучения человеческой деятельности. Медицина постоянно вызывает интерес, поскольку возникает необходимость получения информации о сохранении здоровья и продлении качественной и активной жизни человека. Медицинская деятельность многогранна и её результаты фиксируются в разных жанрах текста. В рамках данной работы медицинский текст, представленный в форме диссертаций, служит предметом лингвистического и дискурсивного исследования. При этом, научный компонент является неотъемлемой составляющей профессиональной деятельности врача, что делает актуальным изучение лингвистического оформления письменного медицинского текста. Существующие работы в языкознании недостаточно полно раскрывают особенности формирования медицинского текста и его функционирование в письменном дискурсе.

Письменный научный медицинский дискурс формируется в результате осуществления научной деятельности медицинскими работниками и представляет результаты исследовательских работ в монографиях, диссертациях, статьях – в форме письменного научного текста в сфере медицины. В качестве объекта исследования данной статьи рассмотрим письменный научный медицинский текст на английском языке с описанием жанровой дифференциации, один из видов которой является предметом исследования: англоязычная медицинская диссертация XIX века. Полагаем целесообразным обозначить, что Ф. Л. Косицкая, М. В. Матюхина выделяют следующие речевые жанры английского научно-медицинского дискурса: монография, лекция, текст выступлений на конференциях и семинарах, научная статья, научный обзор, справочник, реферат, диссертация [1, с. 44–48]. В рамках данной работы монографию, диссертацию и статью рассматриваем как первичные жанры письменного научного медицинского текста.

Основные характеристики научной монографии описаны с указанием композиционно-содержательной структуры современной монографии, которой свойственны завершенность, логичная содержательность с определенными лексическими, грамматическими и стилистическими маркерами, что соответствует канонам научного стиля текста [8]. Ряд исследований посвящены характеристикам научных статей, определены дискурсивные маркеры для передачи логико-смысловых связей в тексте с указанием особенностей авторского стиля [6; 7].

Рассмотрим медицинский текст как специализированную информацию в письменной форме, содержание которой непосредственно связано с вопросами здоровья человека, где может находить обоснование и аргументированное изложение двух и более точек зрения [4], поэтому письменный научный медицинский текст является диалогичным. Полагаем целесообразным отметить, что проявления диалогичности имеет такие параметры как адресованность и ответственность или интерактивность текстов, когда адресант делится опытом и представляет полученные данные в

результате проделанной научной работы. Письменный текст основан на визуально воспринимаемой устойчивой фиксации языковых конструкций с языковыми маркерами. При этом, текст имеет дистантный характер и может сохранять значение обозначенной информации в течение длительного времени. Научные труды развернуты, структурированы, логически организованы и связаны; представленные данные в тексте могут передаваться со значительной временной отсрочкой, не теряя актуальности информации. Вслед за Е. И. Галяшиной считаем, что письменный текст сложнее по морфологическому составу устной неподготовленной речи, превосходит ее по индексу субстантивной адъективности, автосемантической, индексу лексического разнообразия, более высокой степени лексико-грамматических средств и определяется сложностью и многогранностью изложения [2]. Ж. Н. Макушева определяет восприятие текста посредством временных и пространственных рамок, поэтому находим подтверждение, что текстовая иллюстрация функционирования информации определённого периода формирует письменный дискурс [3, с. 9–13].

При этом следует отметить, что письменный научный медицинский текст формируется под влиянием экстралингвистических факторов, к которым относится: образованность адресата (выбор текстовых тактик и стратегий, в процессе текстообразования), языковая компетенция адресата, степень зрелости учёного, стереотипность мышления врача-исследователя, временные и пространственные условия создания текста. Таким образом, в научном медицинском дискурсе присутствует текстовое выражение прагматической и диалогической симметрии.

Актуальным жанром медицинского текста является англоязычная медицинская диссертация. С диссертационными исследованиями по медицине XIX века можно ознакомиться по ссылке: <https://archive.org/search?query=Medicine+++dissertation>.

Примерами данных работ, подлежащих анализу, являются:

1) Callaway, Th. A dissertation upon dislocations and fractures of the clavicle and shoulder-joint [Electronic Resource] / Th. Callaway. – London : S. Highley, 1849. – 209 p. – Access mode: <https://archive.org/details/adissertationup00callgoog>.

2) Souter, J. A dissertation on infanticide, in its relation to physiology and jurisprudence [Electronic Resource] / J. Souter. – London, 1821. – 114 p. – Access mode: <https://archive.org/details/b28269597/page/n1/mode/2up>.

Интересным фактом представляется издание рукописных коллективных диссертаций на соискание доктората наук Медицины, например: University of Maryland School of Medicine-Dissertations, Doctor of Medicine, Manuscripts. – 1874. – 946 p. – URL: <https://archive.org/details/univers74bnse/page/n373/mode/2up>.

В рамках выполнения этого исследования рассмотрим дискурсивные элементы диссертационных исследований XIX века. Данные работы имеют чёткую логическую структуру, что иллюстрируется обоснованными

переходами между абзацами, параграфами и разделами, присутствием сносок, указаний на полях, пояснений [9, с. 4–5] (см. Рис. 1).

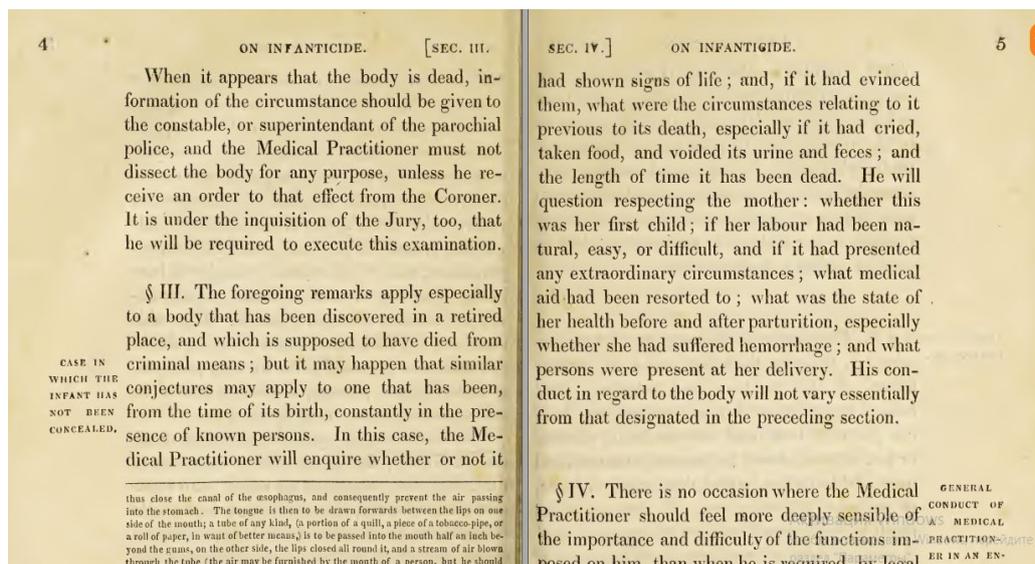

Рис. 1.

Очевидна обоснованность представления научных проблем с последующим раскрытием актуального вопроса, поскольку, например, находим анатомическое описание сокращения мышц, которое детально было изучено в XIX веке [10, с. 22] (см. Рис. 2);

The coraco-acromial is a strong, firm band of fibres, stretched between the coracoid and acromion processes; in form it is triangular, having its base attached to the coracoid process; its direction is somewhat horizontal; it forms a very important barrier to any violence from above, and would prevent any dislocation upwards and forwards. Some anatomists have described an aponeurotic lamina as being given off from its edge, and separating the deltoid from the joint: the clear demonstration of this would depend upon the development of the bursa intervening between the capsular ligament of the shoulder-joint and the under surface of the acromion process.

Рис. 2.

В описательной части диссертации встречается информация, имеющая отношение к морально-нравственным нормам и легитимности условий выполнения исследования [9, с. 99] (см. Рис. 3):

The crime of simple exposure of infant children is punished by an arbitrary penalty which does not materially differ from that attached to it by the English statute-law under similar circumstances; the nature of the delinquency being contemplated in the same manner by the legal institutes, and similar rules of moral and presumptive evidence directing the juridical verdict, in both nations.

Рис. 3.

Когерентность текстов научных работ иллюстрирует смысловую связность текста – логически изложенный план-содержание диссертации, что подтверждает целостность текста. В диссертациях встречаем указательную дистантность во времени, например: присутствует временная отсылка к периоду выполнения исследования с опорой на полученные ранее результаты [9, с. 30; 10, с. 102] (см. Рис. 4, 5).

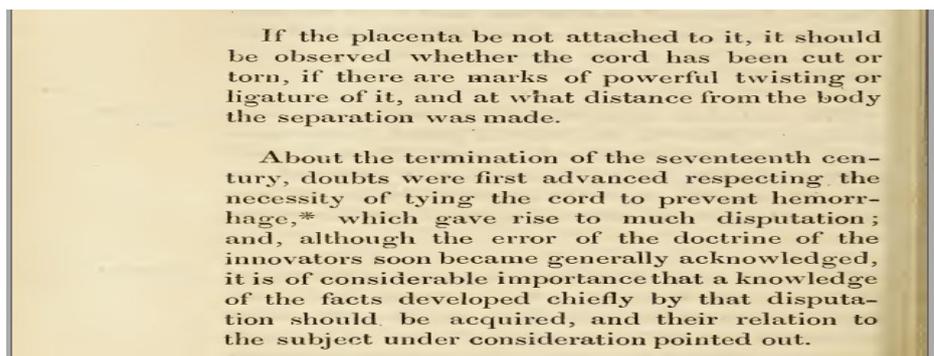

Рис. 4

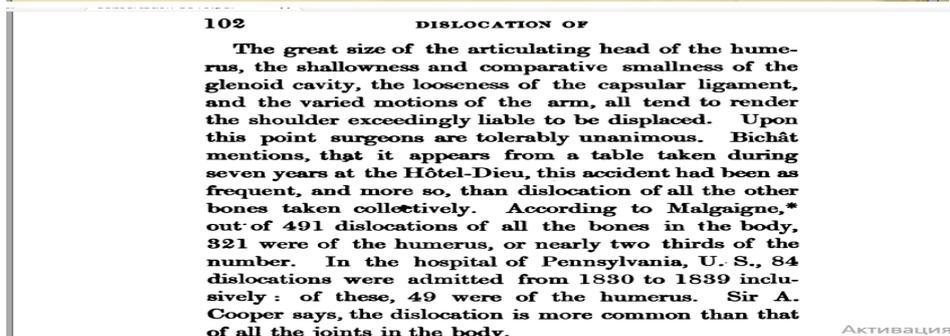

Рис. 5

Экстралингвистические факторы объединяют совокупность научных, культурных, социальных условий и факторов создания письменного специального текста [5], поэтому рассматриваем описание в тексте диссертации актуальных для XIX века инструментов и оборудования для выполнения медицинских манипуляций, употребление новых слов (зачастую связано с появлением терминов), а также представления состояния изученности анатомических явлений – указывают на период представления выполненного научного исследования, например: «The thoracic cavity maybe exposed in the ordinary way, only it will be better to make the division of the ribs with Scissars than with a scalpel. But, before any correct inferences can be drawn from inspection of the organs of this cavity, it is necessary that the peculiarities of the circulation of the blood and state of the lungs in the fetus, – the changes effected in the lungs and their blood-vessels by respiration, – the theory of the several tests to which the lungs have been exposed in relation to the subject of this dissertaton, – and the appearances produced in the same organs by drowning, and respiration of deleterious gases, be well understood. These subjects I shall, therefore, now take into consideration» [9, с. 38].

Цитирование определяет прагматизм (отсылка к более ранним работам учёных) и диалогизм, как внутренний, так и внешний, с равноценно осведомленным адресантом, показывающим полноту изученности темы и глубину представления обозначенной проблемы в диссертации, например: «This was proved by Camper. «In order to Ascertain» he says «to what degree putrefaction would advance in an infant before its lungs would float in water, I made different experiments, at Amsterdam, on this subject; and I have found that, in those who had died before birth, the head may be so far decomposed by putrefaction, that the slightest force was sufficient to detach the bones of it from each other, as well as those of the arms and legs, before the lungs, which now began to participate in the putrefaction, would float

in water.”* (ссылка на источник в тексте) These observations are derived from expositions of the bodies of infants in water as well as to the air on land» [9, с. 46].

Графики и таблицы с полученными данными, а также рисунки и иллюстрации анатомических явлений встречаются в медицинских диссертациях, что способствует пониманию проблемы через визуализацию результатов научного исследования посредством использования изображений, шрифтов, иконических печатных символов – всё это является графическим оформлением вербального текста, указывающего на правила оформления диссертационных исследований определённого исторического периода [10, с. 53; 10, с. 103] (см. Рис 6, 7).

Рис. 6

* Institutes. † Operative Surgery.
 ‡ Op. cit. § Sur les Os.
 || Archiv. de Méd., t. iii, p. 356. ¶ Archiv. Général, 1845.

Ages.	Spring.		Autumn.		Summer.		Winter.		Sex.		Total.
	M.	F.	M.	F.	M.	F.	M.	F.	M.	F.	
5—10	...	...	1	1	...	...	...	...	1	1	2
10—15	...	...	1	...	...	...	...	...	1	...	1
15—20	3	...	3	...	3	...	4	1	13	1	14
20—25	4	...	4	...	5	...	4	1	17	1	18
25—30	4	...	2	2	3	5	5	2	14	7	21
30—35	4	1	2	1	4	1	3	1	13	4	17
35—40	1	...	5	3	...	1	5	2	11	6	17
40—45	8	1	3	...	3	2	8	1	22	4	26
45—50	5	1	3	2	9	2	8	5	25	10	35
50—55	9	2	4	3	6	3	8	3	27	11	38
55—60	9	2	6	1	5	2	8	1	28	16	44
60—65	8	3	4	5	5	2	6	5	33	15	48
65—70	5	1	4	2	2	2	10	3	21	8	29
70—75	4	1	2	2	1	3	2	1	9	7	16
75—80	1	1	...	1	1	...	4	3	6	5	11
80—90	1	1	...	...	1	...	...	...	2	1	3
Total	66	14	44	23	48	21	75	29	333	87	420

* Octobre 1841.

Рис. 7

Таким образом, англоязычный (в данном случае) медицинский текст формирует письменный научный дискурс в сфере медицины посредством вербального выражения результатов исследований с временными и пространственными параметрами. Для полного анализа текста диссертации необходимо учитывать также лингвистические характеристики текста, обусловленного при создании прагматикой и дискурсом.

Таким образом, письменный научный медицинский текст имеет дискурсивную структуру, которая строится как взаимосвязанная последовательность приемов описания, аргументированного доказательства с графическим подтверждением и представления экспериментальных данных определённого научно-исторического периода. Выделенные дискурсивные элементы медицинского текста связаны с содержательными и структурными элементами. Функционирование данного текста в этом типе дискурса характеризуется логическим последовательным изложением материала, четкой структурированностью, цитированием, временными отсылками в тексте, строгим и однообразным стилем, новыми словами определённого периода развития медицинской науки.

Список использованных источников

1. Косицкая, Ф. Л. Английский медицинский дискурс в сфере профессиональной коммуникации / Ф. Л. Косицкая, М. В. Матюхина // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2017. – Вып. 6 (183). – С. 44–48.
2. Косицкая, Ф. Л. К вопросу о жанровой палитре медицинского дискурса / Ф. Л. Косицкая, М. В. Матюхина // Вестник ТГПУ. – 2018. – № 7 (196). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-zhanrovoy-palitre-meditsinskogo-diskursa>. (дата обращения: 12.02.2023).
3. Макушева, Ж. Н. Аксиология научного медицинского дискурса в английском языке / Ж. Н. Макушева // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2016. – Вып. 2 (167). – С. 9–13.
4. Серова, Т. С. Диалог и диалогичность научных текстов в условиях письменного вербального общения / Т. С. Серова, Д. С. Белова // Вестник ПНИПУ : Проблемы языкознания и педагогики. – 2015. – № 2 (12). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialog-i-dialogichnost-nauchnyh-tekstov-v-usloviyah-pismennogo-verbalnogo-obscheniya>. (дата обращения: 21.02.2023).
5. Шамилов, Р. М. Экстралингвистические факторы специального перевода: коммуникативно-функциональный подход / Р. М. Шамилов // Вестник ВГУ : Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2016. – № 4. – С. 108–112.
6. Шамара, И. Ф. О некоторых метаморфозах жанра научной медицинской статьи / И. Ф. Шамара // Теория языка и межкультурная коммуникация : Научный рецензируемый журнал. – 2014. – № 2 (16). – С. 52–58. – URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/016-009.pdf>. (дата обращения: 10.03.2018).
7. Шамара, И. Ф. Научная статья: эволюция жанра и современный стандарт / И. Ф. Шамара // Известия Юго-Западного государственного университета : Серия «Лингвистика и педагогика». – 2017. – Том 7. – № 1(22). – С. 47–53.
8. Ягенич, Л. В. Характеристика англоязычных научных медицинских монографий XXI века / Л. В. Ягенич // Преподаватель XXI века. – 2019. – № 1–2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-angloyazychnyh-nauchnyh-meditsinskih-monografiy-xxi-veka>. (дата обращения: 08.02.2023).
9. Callaway, Th. A dissertation upon dislocations and fractures of the clavicle and shoulder-joint [Electronic Resource] / Th. Callaway. – London : S. Highley, 1849. – 209 p. – Access mode: <https://archive.org/details/adissertationup00callgoog>. (Access date: 10.01.2023).
10. Souter, J. A dissertation on infanticide, in its relation to physiology and jurisprudence [Electronic Resource] / J. Souter. – London, 1821. – 114 p. – Access mode: <https://archive.org/details/b28269597/page/n1/mode/2up>. (Access date: 18.01.2023).

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

УДК 811.133.1

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ НА СТРАНИЦАХ СМИ

Абсеметова Э. С.¹, Шибаетова И. В.²,

¹ обучающаяся 4-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

² старший преподаватель кафедры романской и классической филологии
Института филологии ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

absemetova.elnara@mail.ru

Введение. В наш век зародилась и совершенствуется новая разновидность журналистики – цифровое медиа. Способ передачи информации посредством интернет-СМИ представляет собой качественно новое культурное явление, которое формирует информационное пространство каждого человека. Интернет-издания в настоящее время обладают огромной аудиторией, а также широкими возможностями влияния на нее. Именно в связи с этим изучение лингвистических особенностей интернет-коммуникации на страницах СМИ представляется **актуальным.**

Цель исследования заключается в изучении лингвистических особенностей речи участников интернет-коммуникации во французских новостных СМИ. Для достижения цели необходимо выполнить ряд **задач**: рассмотреть определение понятия «интернет-дискурс»; выявить и проанализировать языковые особенности новостных сообщений в интернет-СМИ.

Методы исследования. В работе использовались такие методы, как описание, структурный и контекстный анализ, метод сплошной и случайной выборки.

Результаты исследования. Интернет-дискурс – это «устойчивый тип текста, форму, которую принимают конкретные проявления речевой деятельности в сфере компьютерно-опосредованной коммуникации» [1, с. 20]. Новостные сообщения в интернет-СМИ имеют некоторые лингвистические особенности.

Среди фонетических особенностей можно выделить:

1. Эмфатическое ударение (перенос ударения на первый слог) подчеркивает важность отдельных слов фразы или выполняет функцию их экспрессивного выделения [5, с. 27]: «*Si vous passez souvent à côté de la Porte **Saint-Martin** et bien **rester attentif***» [Le Parisien, 18.02.23].

2. Геминация согласных (более продолжительное их произношение). Как объясняет Габриэль де Брогли, «эта особенность связана с

«гиперкоррекцией» со стороны ведущих» [3, с. 10]: «*La provocation assumé*» [Le Parisien, 18.02.23]; удлинение согласных с приставками il-, ir-: «*illégal*», «*illettré*», «*irrégulier*» подчеркивает противоположность значения слова и его основы.

3. Произношение беглого «е»: «*On peut se lever le lundi*», «*Et comment vous voyez l'avenir du financement participative*» (хотя «е» не произносится, когда оно находится между двумя произносимыми согласными, за которыми следуют гласные) [TV5MONDE, 3.12.21].

4. Связывание. В речи дикторов новостных сообщений соблюдаются все обязательные связывания. Однако под влиянием разговорного языка факультативные связывания, которые характерны для публичного выступления, практически никогда не делаются: «... *mais aujourd'hui, il vaut mieux privilégier le covoiturage, que chacun soit individuellement*» (отсутствие факультативное связывание после «mais», «soit») [TV5MONDE, 10.08.21].

5. Неразличение гласных звуков, что приводит к неправильному произношению слов в разговорной речи интервьюируемого: «... *le premier a eu lieu le 28 juin*» (произношение гласного [u] вместо [y]) [TV5MONDE 17.01.21]; «*Aujourd'hui, notre logique va vers...*» (произношение звука [o] вместо [u]) [TV5MONDE 3.12.21].

6. Темп речи. Темп речи диктора будет зависеть от места проведения новостных программ, функционально-жанрового типа текста или вида интернет-издания. В репортаже или при опросе на улице речь журналиста более беглая, эмоционально приближенная к разговорной. Наблюдается эффект форматирования речи в «непрерывную информацию» [2]: «... *il s'agit en effet de la station cachée Saint-Martin situé à 100 mètres des arrêts Républiques et Strasbourg Saint-Denis*» [Le Parisien, 18.02.23]. Напротив, речь диктора, ведущего новости в студии, более медленная с официальной, возвышенно-торжественной тональностью: «*Alors, au cours de ces vingt dernières années, il y a déjà eu de nombreux mouvements de protestation en Iran*» [TV5MONDE, 11.01.23].

Из морфо-синтаксических особенностей следует отметить:

1. Употребление временных форм глагола:

1) в настоящем времени изъявительного наклонения, в сложном прошедшем времени, в прошедшем времени несовершенного вида и «относительное отсутствие простого будущего, сослагательного наклонения, простого прошедшего времени» для передачи информации или хроники [4, с. 245]: «*Moi, je pense que la société civile, elle a un rôle important ...*»; «*Le gouvernement a présenté ses premiers axes, sa planification écologique en parlant ...*»; «*Jusqu'ici, le temps était au romantisme*» [TV5MONDE, 24.11.22].

2) в настоящем времени вместо сложного прошедшего времени (нарушение временной соотнесенности глагольных форм) в разговорной речи интервьюируемого: «*Et moi j'aime pas trop dire ce que vous dites tout à l'heure ...*» [TV5MONDE, 10.08.21].

2. Употребление условного наклонения для принятия мер предосторожности, когда ссылаются на: один источник, противоречивые источники, наличие риска дезинформации: «*D'autres paquets pourraient toutefois être découverts dans les prochains jours, a expliqué lors d'un point de presse le magistrat...*» [Le Parisien, 3.03.23].

3. Применение неопределенно-личного местоимения «on» для выражения субъективности: «*On en parle dans un instant avec Vincent Ricordeau...*» [TV5MONDE, 3.12.21].

4. Использование в заголовках эллипса для привлечения внимания к содержанию сообщения: «*Karima Delli: pour une économie de partage*» [TV5MONDE, 10.08.21].

5. Употребление оборота:

1) «с'est» или «il y a» вместо других глагольных форм: «*C'est assez simple, en fait. C'est une manière*»; «*En fait, il y a des leviers ... Et bien sûr, il y a des leviers...*» [TV5MONDE, 3.12.21].

2) «il y a» в сокращенной форме (опущение подлежащего) в разговорной речи участника интервью: «*Y'a dans les collections... y'a des choses extrêmement lourdes ...*» [TV5MONDE, 22.02.22].

6. Опущение первой отрицательной частицы «ne», что характеризует разговорный язык: «*Et moi j'aime pas trop dire ce que vous dites tout à l'heure ...*» [TV5MONDE, 10.08.21].

К лексическим и синтаксическим особенностям относят:

1. Значительное количество восклицательных предложений с употреблением частиц, междометий, повторов для придания речи разговорной окраски: «*Bah, ils perdent, ils perdent peut-être des passagers...*», «*Ah, il faut faire, hein...*» [TV5MONDE, 10.08.21].

2. Преобладание имен собственных, числительных, дат, названием организаций, учреждений: «*Dans un communiqué commun, la CGT Isère, Solidaires Isère, l'UNEF Grenoble, le NPA 38 et l'Union communiste libertaire de Grenoble*» [Le Parisien, 2.03.23]

3. Широкое использование английских слов, несмотря на существование их перевода во французском языке: «*sur le début du crowdfunding*», «*...c'est vraiment le driver numéro 1 qui motive les gens*» [TV5MONDE, 3.12.21].

4. Тенденция к использованию слов-связок для организации аргументированного высказывания: «*... cette idée, en fait, que d'abord il faut se perdre ...*» [TV5MONDE, 22.02.22].

5. Наличие эмоциональной и оценочно-экспрессивной лексики (употребление метафор, фразеологических оборотов, паремий): «*La mobilisation de plusieurs syndicats et organisations antifascistes a porté ses fruits*» [Le Parisien, 2.03.23]; «*Elle doit mettre son nez dedans*» (разг., неодобрительное) [TV5MONDE, 10.08.21].

Выводы. Итак, язык интернет-СМИ обладает определенными фонетическими, грамматическими и лексическими особенностями. С одной стороны, разговорный язык интервьюируемых и необходимость в

быстрой публикации журналистами новостной информации, приводят к отклонению от норм французского языка. С другой стороны, журналисты и дикторы используют эталонную речь и различные языковые приемы, которые обеспечивают доступность и яркость восприятия информации. Следовательно, становится очевидным сосуществование, взаимодействие и дополнение друг другом современного французского языка и языка электронных СМИ.

Список литературы

1. Щипицина, Л. Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации : монография / Л. Ю. Щипицина // Министерство образования и науки Российской Федерации ; Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Архангельск : Поморский университет, 2009. – 238 с.
2. Biasi, P.-M. Rythme, intensité, accent : comment les médias formatent la voix [Ressource électronique] / P.-M. Biasi. – Mode d'accès: <https://larevuedesmedias.ina.fr/rythme-intensite-accent-comment-les-medias-formatent-la-voix>. (дата обращения: 06.03.2023).
3. Broglie, G. Les médias électroniques et la langue française / G. Broglie // Communication & Langages. – 1997. – № 112 – P. 4-14.
4. Garric, N. Aspects syntaxiques et discursifs d'un français parlé des médias : «le discours d'information télévisé» / N. Garric, I. Léglise // Le français parlé des medias. – Stockholm : Acta Universitatis Stockholmiensis, 2007. – P. 243–258.
5. Godement-Berline, R. La focalisation prosodique dans la parole interprétée en français: linguistique : thèse de doctorat / Rémi Godement-Berline ; Université Sorbonne Paris Cité. – Paris, 2018. – 274 p.

УДК 159.942

PSYCHOPHYSIOLOGICAL FEATURES OF EMOTIONAL RESPONSE

Aleksandrova V. V.,
*postgraduate student of the Institute "Tauric Academy",
V. I. Vernadsky Crimean Federal University*

veronica-aleksandrova-1996@mail.ru

Introduction. Recently, there has been a significant increase in the number of studies devoted to the neurophysiological foundations of human emotional reactions. According to modern psychological and physiological theories, emphasizing the differentiated structure of emotional reactions there is the perception of emotionogenic information, which includes decoding external (sound, visual, tactile, etc.) and internal (cognitive and interoceptive) emotional signals and assessing its significance for the individual. At the next stage, the

actual experience of the emotion that has arisen occurs, i.e. its real occurrence in the individual, accompanied by additional activation of somatic and vegetative systems.

Psychophysiology features of the emotional response that provide human emissions is a study of the mechanisms reflected in the electroencephalogram.

The study of psychophysiology emotions is connected with the analysis of the brain organization of emotional phenomena, their brain mechanisms.

Emotional response can be caused by a sensual reflection of objective reality in the human mind.

The features of emotional response are also associated with individual typological features, that is, with the features of the person's temperament.

Emotions affect the efficiency of cognitive processes, physical well-being and human activity in general.

The study is the analysis of the spectral and coherent characteristics of the EEG during the performance of various tasks associated with emotional experiences.

The problem of the psychophysiology of emotional response in the literature has been emphasized by many authors, both physiologists and general psychologists (R. J. Davidson, 2003; P. Ekman, 1999; A. R. Luria, 2002; P. V. Simonov, 1981; E. P. Ilyin, 2001).

The aim of is to study and to define electroencephalographic indicators in response to the peculiarities of emotional reactions when perceiving various objects of emotional stimuli.

Based on the purpose of the study, the following **the objectives** were set: to study the main approaches to the analysis of human emotions and psychophysiological mechanisms of its formation; to identify differences between the components of the EEG, induced features of the emotional response of visual stimuli of different valence; to distinguish the relationship of the selected individual and typological characteristics with the characteristics of the response to emotional stimuli; to analyse the frequency changes in the rhythm of the EEG when perceiving various objects.

The research methods the psychophysical methods of direct assessments and paired comparisons were used to analyse emotional reactions at the subjective level, the electroencephalogram (EEG) registration method, the test analysis method.

Main ideas and results. This study is an opportunity to obtain a difference between the components of the EEG and the objects of various emotional reactions to stimuli.

The results obtained indicate the specifics of emotionogenic reactions to visual stimuli, which allow us to evaluate and analyze the frequency changes in the rhythm of the EEG when perceiving various objects. As a result of the analysis, data were obtained on the psychophysiological features of emotional reactions, which can contribute to the methodology for the development of diagnostics of personal characteristics of emotional reactions.

Conclusion. In this work, the evoked potentials of the brain that arise in response to the presentation of visual images and emotionally significant situations were considered.

Emotional differences in the response to visual stimulation should be reflected in the electrical activity of the brain, in particular, in its spectral characteristics and the manifestation of emotional reactions in the human electroencephalogram during the perception of emotionally significant and emotionally neutral stimuli.

The object of the study demonstrates the psychophysiology correlates of various aspects of emotionally significant information and the perception of emotional stimuli.

These studies allow us to evaluate the features of the EEG during the perception of emotional stimuli of various valences affecting the emotional response.

References

1. Ильин, Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. – Санкт-Петербург : 2001. – 752 с.
2. Лурия, А. Р. Основы нейропсихологии : учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / А. Р. Лурия. – Москва : Издательский центр «Академия», 2003. – 384 с.
3. Симонов, П. В. Эмоциональный мозг / П. В. Симонов. – Москва : 1981. – 216 с.
4. Ekman, P. Basic emotions : Handbook of cognition and emotion / P. Ekman. – New York : Wiley, 1999. – 285 p.

УДК 371.32

ФОРМИРОВАНИЕ ФОНЕТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ С ПРИМЕНЕНИЕМ МЕДИАТЕХНОЛОГИЙ У УЧАЩИХСЯ 5-6 КЛАССОВ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Алмазова Э. А.,
*обучающаяся 4-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»*

Научный руководитель: ст. преп. Чернобай С. Е.

eleonora777e.a@gmail.com

Введение. Работа посвящена изучению формирования фонетической компетенции в процессе обучения английскому языку школьников 5-6 классов с использованием медиатехнологий. **Актуальность** исследования обусловлена тем, что в связи с активным развитием новых технологий необходимо постоянно совершенствовать формы преподавания.

Традиционное обучение фонетике не полностью обеспечивает ее продуктивное формирование, следовательно, учащиеся не могут понять иностранную речь и не всегда могут правильно воспроизводить звуки. Использование медиатехнологий на уроках английского языка является одним из важных условий формирования фонетических навыков обучающихся.

Цель данного исследования – охарактеризовать медиатехнологии, применяемые для формирования и совершенствования фонетических навыков учащихся на английском языке в средней школе. Для достижения поставленной цели выполнены следующие **задачи**: 1) определить место и роль медиатехнологий в процессе обучения иностранному языку; 2) проанализировать звуки, которые вызывают трудности при произношении; 3) рассмотреть УМК *Spotlight* на предмет наличия материалов и упражнений, необходимых для совершенствования фонетических навыков.

Методы исследования: для достижения поставленной цели в работе применены методы синтеза, анализа и описательный метод.

Результаты исследования. Медиатехнологии стали неотъемлемой частью жизни современного человека в различных сферах, включая образование. Современные преподаватели иностранных языков сталкиваются с новыми вызовами и задачами, которые ставит перед ними новая эпоха. С развитием новых технологий, включая мультимедийные, способы преподавания английского языка были усовершенствованы. Под мультимедийными технологиями понимаются компьютерные интерактивные приложения, игры, использующие программное обеспечение, позволяющие людям делиться своими идеями и информацией (это сочетание текста, графики, анимации, видео и звука) [1].

Учителя могут использовать мультимедийные технологии для создания более красочных и увлекательных заданий для уроков английского языка. Принцип обучения должен заключаться в том, чтобы применять новые технологии, не ограничивая традиционные методы обучения [3]. Изучение английского языка и развитие фонетики с помощью компьютерных программ представляет большой интерес для учащихся.

Существует множество компьютерных обучающих программ, которые помогают учащимся при овладении иностранным языком. Такие программы имеют много преимуществ перед традиционными методами обучения. Они позволяют тренировать различные виды речевой деятельности и сочетать их в разных комбинациях, помогают понять языковые явления и сформировать лингвистические способности [2]. Многие обучающие программы предусматривают режим работы с микрофоном. После прослушивания слова или фразы учащийся повторяет за диктором и на экране появляется графическое изображение звука диктора и учащегося, при сравнении которых видны все неточности. Учащийся стремится добиться графического изображения произнесенного звука максимально приближенного к образцу.

Как правило, наибольшую трудность для учащихся 5-6 классов представляют межзубные согласные звуки [θ] и [ð], так как в русском языке нет таких фонем. Недостаточно освоенная артикуляция, которая необходима в этом случае, приводит к часто звучащим в речи [с], [з] и даже [ф]. Сочетание букв «th» и передаваемые им звуки встречаются в речи постоянно. Необходимо приложить усилия и запомнить, как правильно произносятся слова the, this, that и многие другие. Учебник *Spotlight* в общеобразовательных школах достаточно хорошо справляется с задачей улучшения произношения благодаря упражнениям и аудиозаписям на диске. Мы можем отметить модульное построение тем учебника, что характерно для современных УМК по обучению иностранным языкам, основанных на коммуникативной методике. В каждом модуле УМК представлены пять разделов, целью которых является задействовать каждый вид речевой деятельности, а также проработать отдельные ее аспекты: например, совершенствование письменных навыков (*Writing Skills*); употребление грамматических конструкций (*Grammar in Use*); знакомство с художественной литературой (*Literature*); упражнения на аудирование и развитие навыков говорения (*Listening & Speaking Skills*) и чтения (*Reading Skills*). Модульный подход позволяет использовать различные виды и формы обучения, осуществлять всестороннее развитие учащихся с учётом их индивидуальных способностей и возможностей восприятия и проработки учебного материала, развивать навыки самоконтроля и самооценки [1].

Разнообразие упражнений, песен, стихов и игр помогает учащимся легче запомнить изучаемый материал, а также расширяет их кругозор. УМК «*Spotlight*» использует обучение чтению методом целых слов «от буквы к звуку», при котором минимальной единицей обучения чтению является слово. Такой подход рассчитан на тесную взаимосвязь чтения с аудированием и хорошую память учащихся. Учащиеся должны быть на уроке внимательными и дома дополнительно прослушивать аудиозаписи. Начиная с первого модуля, вводятся правила чтения некоторых букв и буквосочетаний и транскрипционные знаки. В состав УМК входят следующие медиа компоненты: видеокурс на DVD (DVD-video), электронное приложение для компьютера (DVD-ROM), программное обеспечение для интерактивной доски, электронное приложение к учебнику с аудиокурсом для самостоятельных занятий дома. УМК «*Spotlight*» насыщен текстами для прослушивания и чтения, проектами, обучающими компьютерными программами, что служит повышению интереса к изучению английского языка.

Выводы. Применение медиатехнологий в процессе развития фонетических навыков на уроках английского языка способствует побуждению интереса к изучению иностранного языка и повышению эффективности в формировании языковых навыков. УМК *Spotlight* отвечает всем требованиям для отработки сложных английских звуков, что способствует формированию правильного произношения учащихся. Новые

технологии и средства телекоммуникационной связи при изучении иностранного языка становятся привычным инструментом в руках учителей, которые, в свою очередь, обучают учащихся технологиям будущего.

Список литературы

1. Киселев, Г. М. Информационные технологии в педагогическом образовании : учебник / Г. М. Киселев, Р. В. Бочкова. – Москва : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2012. – 300 с.
2. Федоров, А. В. Медиаобразование в педагогических вузах : методические материалы и программы учебных курсов для педагогических вузов для специализации 03.13.30 («Медиаобразование») / А. В. Федоров. – Таганрог, 2003. – 76 с.
3. Гончарова, Н. Л. Формирование иноязычной фонетико-фонологической компетенции у студентов-лингвистов: на материале английского языка : специальность 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования» : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Нина Львовна Гончарова ; Северо-кавказский гос. техн. университет. – Ставрополь, 2006. – 71 с.

УДК 82-21

МИФ О ЛЕДЕ И ЛЕБЕДЕ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ У. Б. ЙЕЙТСА

Аметова П. М.,
обучающаяся 2-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Научный руководитель: зав. кафедрой английской филологии,
к. филол. н., доцент Полховская Е. В.

ametova.polina@mail.ru

Введение. Один из знаменитых древнегреческих мифов о Леде и Лебеде имеет большое количество различных толкований. Поэты, писатели, художники и другие деятели искусства до сих пор ведут творческие дискуссии о трактовке данного мифа. Стихотворение Уильяма Батлера Йейтса «Леда и Лебедь» построено на аллюзии на одноименный миф, что позволило великому ирландскому поэту найти художественное выражение идеи пагубности любого насилия.

Целью данного исследования является интерпретация стихотворения У.Б. Йейтса «Леда и Лебедь» и определение средств художественной выразительности, использованных автором. **Задачи** исследования: определить лексическое значение термина «аллюзия»; рассмотреть сюжет мифа о Леде и Лебеде; выявить лингво-стилистические средства, используемые Йейтсом для трактовки данного мифа.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие подходы и методы: метод стилистического анализа, описательный метод, мифологический подход, метод интертекстуального анализа.

Результаты исследования. Вслед за Н. Ю. Русовой под аллюзией как стилистической фигурой мы понимаем «употребление какого-либо слова, фразы, цитаты в качестве намека на общеизвестный литературный, бытовой или общественно-политический факт» [1, с. 32].

Согласно сюжету древнегреческого мифа, могучий бог неба Зевс был очарован красотой смертной девушки Леды. Несмотря на то, что Леда состояла в браке с Тиндареем, царем Спарты, Зевс жаждал заполучить Леду любой ценой. Желая физически овладеть юной красавицей, Зевс превратился в белого лебедя. Поскольку бог неба не предстал перед Ледой в своем истинном облике, девушка родила от него не простого ребенка, а снесла яйцо. Из одного из таких яиц на свет появилась Елена, будущая супруга царя Спарты, похищение которой стало основной причиной начала Троянской войны.

Несмотря на то, что миф о Леде и Лебеде зачастую трактуют как любовную связь, в интерпретации Уильяма Батлера Йейтса физическая связь между Зевсом и Ледой является не порывом страсти, а насилем, о чем свидетельствует лексика, использованная автором (“helpless breast”, “dark webs”, “terrified vague fingers”, “burning roof”, “brute blood” [3, p. 132]).

Помимо лексических средств художественной выразительности, стоит обратить внимание и на синтаксические. Во второй строфе с помощью риторических вопросов автор усиливает эмоциональное впечатление от описываемой картины, подчеркивая беспомощность лирической героини: “How can those terrified vague fingers push / The feathered glory from her loosening thighs?” [3, p. 132].

Изображая жестокую сцену насилия над Ледой, Уильям Батлер Йейтс ведет читателя к главной идее произведения – частное насилие порождает насилие мировое.

Именно поэтому в третьей строфе произведения автор ссылается на миф о падении Трои. Родив на свет Елену, из-за которой разразилась Троянская война, Леда имела косвенное отношение к произошедшим событиям. Агамемнон, которого упоминает автор (“The broken wall, the burning roof and tower / And Agamemnon dead” [3, p. 132]), был супругом Клитемнестры (рожденной от Леды) и пал от ее руки по возвращении с поля битвы победителем.

С помощью синтаксического параллелизма “The broken wall, the burning roof and tower” [3, p. 132] автор проводит параллель между горящей Троей и брошенной Зевсом Ледой, которая испытывает такие же жуткие чувства, как и поверженные жители знаменитого города.

Выводы. Таким образом, интерпретация У. Б. Йейтсом древнегреческого мифа о Леде и Лебеде отлична от традиционного

представлення. Автор використовує різноманітні лінгво-стилістическіє засади для втілення основної ідеї.

Список літератури

1. Русова, Н. Ю. От аллегории до ямба. Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению / Н. Ю. Русова. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2018. – 305 с.
2. O'Donnell, W. H. The poetry of William Butler Yeats / W. H. O'Donnell. – The Ungar Publishing Company, 1986. – 187 p.
3. Yeats, W. B. The Collected Works of W. B. Yeats. Leda and the Swan / W. B. Yeats. – Macmillan Publishing Company, 1989. – 567 p.

УДК 811.161.2:81'373.7:165.194

КОГНІТИВНИЙ АСПЕКТ ДОСЛІДЖЕННЯ ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЬ НА ПОЗНАЧЕННЯ ІНТЕЛЕКТУАЛЬНИХ ЗДІБНОСТЕЙ ЛЮДИНИ

Андреева Т. М.,
обучающаяся 4-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Дехтярева Е. В.

smile.smile@mail.ru

Вступ. Мова є універсальним засобом для передачі певної інформації та культурно-історичного досвіду нації Фразеологія – це одна з вагомих складових у мовній культурі слов'янського народу. Коріння фразеології вбирають у себе символізм, образність, метафоризм, індивідуалізм, які є основними ознаками фразеологічної одиниці (далі ФО). Пошуки відмінних і схожих рис шляхом порівнянь і зіставлень сприяють розумінню того, як і наскільки людина пов'язана з навколишньою природою речей, яке місце посідає в центрі світобудови. Дослідження ФО на позначення інтелектуальних здібностей людини дозволяють відобразити своєрідність мови, моральні та матеріальні цінності, менталітет народу. Тому актуальність роботи не викликає сумніву.

Мета дослідження – проаналізувати фразеологічні одиниці української мови на позначення інтелектуальних здібностей людини в когнітивному аспекті. Реалізація поставленої мети передбачає розв'язання таких завдань: 1) описати стан дослідження фразеологізмів у когнітивному аспекті; 2) виявити склад фразеологізмів української мови на позначення інтелектуальних здібностей людини; 3) здійснити аналіз зафіксованих ФО в когнітивному аспекті.

Методи дослідження. Досягнення поставленої мети зумовило використання описового методу (для виділення фразеологізмів, їх членування та інтерпретації); структурного методу, зокрема в застосуванні методики компонентного аналізу (для визначення специфіки значення ФО), методу узагальнення, за допомогою якого були зроблені висновки до роботи.

Результати дослідження. Останнім часом фразеологія досліджується в тісному зв'язку з буттям людини, її свідомістю, мисленням, духовним світом. Звідси особлива увага до менталітету певного етносу, до виявів духовного життя народу (див. праці В. В. Жайворонка, М. Л. Ковшової, О. П. Левченко, В. М. Мокієнка, В. А. Маслової, В. М. Телія тощо).

Фразеологізми, що характеризують інтелектуальні здібності людини, становлять значну частину мовної картини світу українського етносу. «Інтелектуальна діяльність людини є однією з тих сфер процесуально-буттєвого світу, що “притягують” до себе значну кількість метафор, які володіють у плані асоціативно-образних зв'язків великою доцентровою силою» [1, с. 298]. Когнітивний аспект дослідження дозволяє розглядати ФО як наявність накопичених знань і досвіду, зафіксованого в мові, що відображає сукупність людської пізнавальної діяльності.

Серед зафіксованих ФО, що характеризують інтелектуальні властивості людини, були виявлені ті, що позначаються позитивною та негативною конотацією. Найбільша кількість фразеологізмів містять у собі лексему *голова*, що має переносне значення ‘розумові здібності, розум, свідомість’ [3, с. 109]. До позитивно-оцінної характеристики інтелектуальних здібностей людини належать такі: **золота голова, світла (ясна) голова, мати голову на плечах (на в'язах, на карку і т. ін.), держати розум в голові, голова варить, мати тямку (тямку) в голові, думка б'ється в голові** тощо. Представлені фразеологізми мають загальні значення, що характеризують людину як розумну, кмітливую, здібну. Використання цих ФО в мові, обумовлюють наявність у людини характерних особливостей, що дозволяють вважати індивіда інтелектуально розвиненим. До негативно-оцінної характеристики інтелектуальних здібностей відносять фразеологізми **вітер в голові (грає, віє, свище, посвистує і т. ін.), голова з вухами, дурна голова, капустяна (куряча) голова, порожня (пуста) голова, без царя в голові, жуки в голові, дубова голова, не мати однієї клепки в голові** тощо. Подані ФО характеризують людину яка погано розвинену, нерозумну, нетямущу, дурнувату, тобто визначають індивіда інтелектуально обмеженим.

Варто відзначити наявність таких фразеологізмів, як **повний лоб, ходячий довідник, мозком ворухити (поворухнути), з'їсти собаку (вовка, муху), бог розум послав, палата розуму (ума)**, що відбивають позитивну конотацію відповідно до інтелектуальних особливостей людини та характеризують індивіда розумним, освіченим, тямущим та ін. Також негативну конотацію репрезентують ФО, що характеризують індивіда як нерозумного, обмеженого, неосвіченого, дурнуватою: **курячий мозок,**

ходити з темними очима, розсохлися клепки, набитий (битий, непоправний, безнадійний, заплішений) дурень, бог розумом зобидив (обділив), пеньок (пень) з очима, умом убогий тощо. Отже, фразеологія містить та зображує особливості людини, пов'язані з її інтелектуальними здібностями. Сфера асоціювання (мотивації) досліджуваних одиниць зумовлюється як загальнолюдською, так і національною культурою.

Висновки. Проаналізовані ФО свідчать про багатий, своєрідний, метафоричний мовний світ українського народу. Фразеологізми, що позначають інтелектуальні здібності людини, ілюструють моральні та етичні особливості кожної людини та суспільства в цілому. Аналіз фразеологічного складу мови – це шлях до пізнання ментальності народу, його психології, культури, релігії, уявлень про світ і сприйняття особистості в цьому світі. А тому дослідження ФО на позначення інтелектуальних здібностей людини в когнітивному аспекті є актуальним та перспективним.

Список літератури

1. Воронина, Т. М. Интеллектуальная деятельность человека в образном представлении (на материале глагольной метафоры) / Т. М. Воронина // Язык. Система. Личность : сб. ст. – Екатеринбург, 2000. – С. 298–306.
2. Селіванова, О. О. Нариси з української фразеології (психологічний та етнокультурний аспекти) : монографія / О. О. Селіванова. – Київ : Брама, 2004. – 376 с.
3. Словник української мови : в 11 томах : словник / За ред. І. К. Білодіда. – Київ : Наукова думка, 1970-1980.
4. Фразеологічний словник української мови : [у 2-х кн.] / [упоряд. В. М. Білоноженко та ін.]. – Київ : Наукова думка, 1993. – 984 с.

УДК 821.111

PSYCHOLOGICAL PORTRAITS OF HAZEL AND AUGUSTUS IN THE NOVEL *THE FAULT IN OUR STARS* BY JOHN GREEN

Asanova M. R.,

*1st year master's student of the Institute of Philology,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University*

Research supervisor: PhD in Philology, docent Lukinova M. Y.

meryem.asanova2000@mail.ru

Introduction. Based on the novel *The Fault in Our Stars*, the work explores the artistic method of describing the image of a teenager by John Green, one of the brightest representatives of modern American literature for “young adults”. The unique personality traits of adolescents with serious

illnesses who fight for their lives every day, or count the days to live, are highlighted. It is the adolescence that is considered the most difficult period, which is universal in its numerous physical and social changes that determine the development of the personality. However, adolescents with cancer are constantly exposed to various psychological and physical damage, which destroys them from the inside. Some features of the psychological portrait of a teenager are noted, which make it possible to form this individual as an adult-minded person. So, already at such a young age, they have negative thoughts about life and death, they begin to appreciate every moment spent with loved ones more. This work describes the psychological portraits of teens with cancer through the strong characters of Hazel and Augustus based on the novel *The Fault in Our Stars* [1].

The aim of this work is to consider and analyse of the psychological state of teenage cancer patients Hazel and Augustus in John Green's novel *The Fault in Our Stars*. The objectives of the work are as follows: 1) to define the psychological characteristics of the 16-year-old girl Hazel; 2) to describe the unique personality traits of 17-year-old Augustus that changed Hazel's outlook; 3) to analyse Augustus and Hazel's romantic relationship at a difficult time in their lives.

The **methods** which were used in this paper are the method of textual analysis and the method of descriptive analysis.

Main ideas and results. Hazel Grace Lancaster is a 16-year-old girl with short brown hair and brown eyes who suffers from stage IV thyroid cancer with lung metastases and is kept alive by the (fictitious) drug Phalanxifor. Her lungs are so badly damaged from cancer that she cannot breathe without an oxygen tank that is connected to her nostrils, which she carries with her at all times wherever she goes. From the age of thirteen, she spent her entire childhood in the hospital and at home, because of this she no longer has friends. Hazel is such a smart girl with her own personal opinions and beliefs, an adult outlook on life, with such a wonderful sense of humor and the ability to support people around her. It cannot be said that she is a fighter, because she knows perfectly well that sooner or later she will die and there is simply no point in fighting, but she has to go to an oncological support group only for the sake of her mother, who cares about the spiritual state of her daughter. It says the following: «*There is only one thing in this world (worse) than biting it from cancer when you're 16, she explains, and that's having a kid who bites it from cancer*» [2, p. 7]. Hazel physically weakened as the novel progressed, which is explained by the scene where she climbs the stairs at the beginning of the novel, and at the end of the novel takes the elevator, as her physical condition worsens. Throughout the novel, Hazel is obsessed with her death and how it affects those close to her, so she is afraid to get close to someone so as not to hurt them. Her biggest fear is related to her mother, because when Hazel was on the verge of death, her mother said that she would no longer be a mother, and this thought haunted Hazel all the time: «*...and that I hope she never finds out that I did hear. She said, I won't be*

a mom anymore. It gutted me pretty badly» [2, p. 25]. Hazel couldn't accept the fact that her parents were upset and were hiding something from her [2].

But, oddly enough, it was in such a difficult period of life that Hazel met Augustus Waters – the sweetest, funniest, most interesting and simply charming young man and his future boyfriend. Augustus is the exact opposite of the type of guy Hazel dreamed of. Due to illness, he lost one leg and walks on a prosthesis, but he has no complexes from this. They are both truly complete individuals who hate being treated “specially” because of their terminal illness, hate being pitied and made concessions in certain situations, and generally hate being dependent on someone. But only the cheerful Augustus manages to live the way he wants, and the pessimistic Hazel is all gloomy, for her the world is in darkness. Everyone understands her, because every day she was preparing to die for several years, and this is not at all funny. Fortunately, Augustus Waters, with her irresistible charisma, returns colors to her life. It is he who is the reason that for the first time in many years she really wanted to live, and she began to hope, if not for a complete recovery, then at least to open her eyes tomorrow and live this day unforgettably. Hazel's outlook on life and death changes because of her love for Augustus. It was thanks to Augustus that she stopped thinking negatively and began to cherish and feel gratitude for the time they spend together [1]. Even after death Hazel began to believe in the continuation of love and relationships after death. The word “Yes” represents the symbolic marriage that takes place through Hazel's memory: *«I do, Augustus. / I do»* [2, p. 51].

When it comes to the romantic relationship between Augustus and Hazel, we can say that they were connected by illness, but we believe that the moment of their coexistence in its entirety was a joint discussion of the book *The Royal Affliction*, because the passion with which they spoke cannot but affect their future relationship. One of the manifestations of Hazel's own feelings was also reading this very book: *«As he read, I fell in love the way you fall asleep: slowly, and then all at once»* [2, p. 106]. For years, Hazel kept repeating: *«I'm a grenade and at some point I'm going to blow up and I would like to minimize the casualties, okay?»* [2, p. 214]. – thinking it will break his heart and he will be disappointed. That is why for a long time she had no friends, no boyfriend, not even pets. Rarely does a person have such courage, such willpower and generosity: despite the loneliness and longing, the heroine was ready to sacrifice everything so that people close to her would not feel the pain that she experiences at the age of 17. Augustus understood this perfectly well and once said in response: *«Oh, I wouldn't mind, Hazel Grace. It would be a privilege to have my heart broken by you»* [2, p. 238]. Someone considers it stupidity, someone courage, for the majority it is a very romantic act, for the rest it is just a childhood hobby that will quickly pass. We see faith in the best of this approach, because it is direct evidence that pure love really exists [3].

Conclusion. In conclusion, in the novel *The Fault in Our Stars*, John Green portrayed the changing psychological state of adolescents, not only from physical deterioration in health, but also from love which changed their outlook on life. The psychological profile of a teenager with cancer describes him as

limited in his activities, socially isolated and constantly feeling overprotected. Such teenagers may experience regular fear and pain, not only physical, but also emotional. Their life is made up of many struggles with themselves, emotional complications that can lead to anxiety, depression and, ultimately, a lack of interest in life. Parents of these teenagers can learn to support their psychological needs in the same way that Hazel's parents supported her in her dreams [3].

References

1. Dzhumaeva, D. A. The problems of John Green's novel *The Fault in Our Stars* [Electronic resource] / D. A. Dzhumaeva. – Access mode: <https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/21566/1/141-142.pdf>. (Access date: 26.02.2023).
2. Green, J. *The Fault in Our Stars* / John Green. – USA, 2012. – 288 p.
3. Jebaselvi, M. John Green's *The Fault in Our Stars*: a psychological review of adolescents with cancer / M. Jebaselvi // *Journal of Positive School Psychology*. – 2022. – № 2. – P. 4209–4213.
4. Zelichenok, A. A. Features of John Green's work (on the rise of the novel *The Fault in Our Stars* [Electronic resource] / A. A. Zelichenok – Access mode: https://kpfu.ru/portal/docs/F_535185157/156_2_gum_20.pdf. (Access date: 26.02.2023).

УДК 811.51

ОБРАЗЫ ЖИВОТНЫХ В СКАЗКАХ КРЫМСКИХ ТАТАР

Ахтемова А. Э.,
обучающаяся 3-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Научный руководитель: зав. кафедрой английской филологии,
к. филол. н., доцент Полховская Е. В.

amenna13@mail.ru

Введение. В данной работе рассматриваются основные образы в крымскотатарских сказках о животных. Выделены образы и описаны их характеристики и способы описания.

Актуальность работы заключается в том, что изучение образов животных в сказках позволит выявить пути формирования менталитета народа, архитипичных образов.

Целью данного исследования является выявление особенностей способов создания и образа животных в крымскотатарских сказках. Данная цель обусловила постановку следующих задач: 1) определить систему сказочных персонажей сказок на крымскотатарском языке; 2) на примере

выбранных для исследования произведений рассмотреть специфику образов животных.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: типологический и культурно-исторический подходы, сопоставительный метод, дескриптивный метод, метод нарративного анализа, метод стилистического анализа.

Результаты исследования. Одними из наиболее ранних по происхождению и социально значимых явлений любого фольклора, и в том числе крымскотатарского, являются сказки о животных. По мнению многих исследователей, в происхождении сказок о животных того или иного народа огромную роль сыграли тотемистические воззрения первобытного человека. Изучая и наблюдая за животными, первобытный человек сопоставлял их действия и поведение с собственными.

Персонажи, даже если это животные, чаще всего являются носителями различных характеров. Одни из них сильные физически, другие, наоборот, – слабые, третьи – хитрые, четвёртые – коварные и т.д. Некоторые черты характера, которыми наделены животные в крымскотатарских сказках, сходны с характеристикой этих же животных в мировом фольклоре. Так, волк выглядит, как правило, глупым и жадным, лиса – коварной, хитрой и расчётливой, заяц – трусливым.

Одним из наиболее часто встречающихся образов животных в крымскотатарской культуре является образ лисы. Во многих культурах лисам приписывают такие человеческие качества, как: способность думать, говорить и разумно действовать. Помимо перечисленных качеств, лиса пользуется доверчивостью, находит слабые стороны недругов или друзей в своих корыстных целях. Однако, стоит отметить, что лиса использует свой ум и изворотливость не только ради шалостей. В сказках крымских татар лиса использует свою хитрость и изворотливость в пользу добра. В сказке «Бешсалгъым бей» лисица своей хитростью исполняет желания пастуха взамен того, что ей сохранят жизнь. В сказке «Авджы яш» лисица с помощью своей находчивости и дальновидности, уговаривает молодого охотника сохранить ей жизнь. Затем лиса объединяет других обитателей леса, чтобы помочь молодому охотнику преодолеть испытания на его пути.

Другой образ, встречающийся в сказках крымскотатарской культуры – образ волка. В крымскотатарской культуре образ волка раскрывается с отрицательной стороны. Волку приписывают такие качества как наивность, безволие и слабость, в частности из-за того, что волк не способен отказаться от своих инстинктов и привычек. Так, в сказках «Ахмакъ къашкъыр» и «Сказка о волке, который хотел пойти в Каабу» волк из-за отсутствия силы воли не сдержал своё обещание не съедать других зверюшек. Также волк попадал в передраги из-за своей наивности, злонамеренности, излишнего доверия другим, более смышлённым сказочным персонажам.

Выводы. Крымскотатарские сказки о животных, при всей их схожести с таким же жанром фольклора других народов, имеют свою

специфику, которая заключается в трактовке некоторых образов. Таким образом, лиса может проявлять положительные качества и служить помощником сказочному персонажу, а волк воспринимается безвольным и глупым.

Список литературы

1. Библиотека кримськотатарської літератури. Народна творчість : казки, легенди, епоси / упоряд. : С. Кандимова, Н. Умеров ; пер. укр. Д. Кононенко, В. Гуменюка. – Львів : Світ, 2012. – 640 с.
2. Усеинов, Л. Б. Семантика образа в крымскотатарских сказках о животных / Л. Б. Усеинов // Культура народов Причерноморья. – 2001. – № 25. – С. 100–102.

УДК 81'255

GENRE PECULIARITIES IN THE TRANSLATION OF FICTION (BASED ON THE NOVEL *WINTER PEOPLE* BY JENNIFER MACMAHON)

Babenko K. V.,
*1st year Master's student of the Institute of Philology,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University*

Research supervisor: PhD in Philology, docent Lukinova M. Y.

kristina.neyman.2000@mail.ru

Introduction. The study of the theory of literary genre in the aspect of the translation of a literary text is **relevant** nowadays. Genre itself is an essential element of cross-cultural communication. It is especially important thus to take into account its features in the process of translating a text. The thriller genre is popular in contemporary fiction. Jennifer Macmahon is an outstanding representative of the modern genre of thriller. Her works are considered to be bestsellers around the world. The study examines her novel *Winter People* published in 2014 and its official Russian translation by V. A. Grischechkin.

The aim of this paper is to study the influence of the genre component on the aspect of the translation of fiction on the example of the thriller genre.

The objectives of the work are as follows: to define the genre; to characterize the thriller genre; to analyze the influence of the genre elements on the translation of a literary text by analyzing the selected study material.

The research methods are the comparative method, the contextual method, the method of analysis and the descriptive method.

Main ideas and results. In study, literature genre is defined as «a group of literary works united by common formal and informative features» [3]. Consequently, the base of any genre is the idea of a standardized structure of

works. M. V. Norets suggested the cell theory of genre formation. The philologist stated that the mother genre, which has basic and static characteristics, gives life to genre varieties, or new genres, that are filled with new features [4]. The thriller genre evolved from the detective.

The thriller genre doesn't have clear boundaries and can be modified. The main characteristics of this genre are storylines, archetypal characters, reflection of mortal and vital reality, sense of fear, setting, pseudo-real chronotope, state of suspense, psychologism, detective morality, mystery.

The communicative goal is an integral component of the literary genre. The main aim of the thriller genre is suggestive effect on the reader. It must be transferred in the translated text.

«I was up exploring in the woods, near the Devil's Hand, where Papa had forbidden us to play» [1, с. 7] – *«Я гуляла на холме неподалеку от Чертовых Пальцев, хотя папа строго-настрого запрещал нам с братом ходить туда без взрослых»* [2, с. 13] – in this case, the translation is not successful, because the name of the object does not awaken a sense of fear in the Russian variant.

The important element of the genre is also an image of characters. It is created through their portrait, details, belongings, author characteristics, habits, speech, etc. The authors use both implicit and explicit means.

«No one knew where the egg lady was» [1, с. 253] – *«Никто на рынке не знал, куда девалась торговка яйцами и где ее можно найти»* [2, с. 335] – in this case the translator used a word «торговка» and created another association with negative connotations.

Conclusion. The analysis of the work revealed that the genre component plays a significant role in the process of the translation of fiction. Knowledge of specific features of genres contributes to the successful adaptation of the text to a foreign culture.

References

1. McMahon, J. *Winter People* / J. McMahon. – United States, Mass : Penguin Random House LLC, 2014. – 467 p.
2. McMahon, J. *People of Winter* [trans. by V. A. Grischechkin] / J. McMahon. – Moscow : Eksmo, 2022. – 608 p.
3. Nikolaev, A. I. *Fundamentals of literary studies : a textbook for students of philological specialties* / A. I. Nikolaev. – Ivanovo : LISTOS, 2011.
4. Norets, M. V. “Cellular” model of genre formation as the basis of the spy novel genre / M. V. Norets // *Philological notes*. – 2015. – Vol. 1. – № 13. – P. 229–237.

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ В 7 КЛАССЕ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Баранова С. А.,
обучающаяся 2-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Научный руководитель: к. пед. н., доцент Георгиади А. А.

sofibaranova2020@gmail.com

Введение. В современной школе обучению иноязычному письму отводится особая роль, так как овладеть им значит научиться осуществлять сложное речевое действие. Вместе с тем в программах средней общеобразовательной школы письмо считается средством обучения и не рассматривается как основная цель обучения [1, с. 85]. Оно предусматривает как овладение учащимися графической и орфографической системами иностранного языка для фиксации речевого и языкового материала, формирование каллиграфических и пунктуационных навыков, так и выражение мыслей в графической форме [2, с. 187]. Наличие сформированных иноязычных письменных навыков обеспечивает точность выражения мысли и является признаком способности выполнять коммуникативную функцию в целом.

Целью данного исследования является описание комплекса упражнений, направленного на формирование навыков письменной речи в 7 классе средней школы.

Задачи исследования: уточнить требования к уровню сформированности навыков письменной речи в 7 классе средней школы; выявить трудности, возникающие перед учащимися при обучении письменной речи; на основе изученных теоретических и методических материалов разработать комплекс упражнений и заданий для овладения иноязычной письменной речью.

Методы исследования. В работе использованы методы теоретического анализа, обобщения и сравнения.

Результаты исследования. Согласно требованиям федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования, изучение предметной области «Иностранные языки» должно обеспечить обогащение активного и потенциального словарного запаса, развитие у обучающихся культуры владения иностранным языком в соответствии с требованиями к нормам устной и письменной речи, правилами речевого этикета на допороговом уровне [3]. Поскольку 7 класс является серединой пути в достижении целей обучения в основной школе,

можем предположить, что к этому моменту учащиеся должны овладеть навыками иноязычной письменной речи на уровне А1 [4].

При обучении письменной речи в большинстве случаев учащиеся сталкиваются с трудностями в овладении графемно-фонемной системой изучаемого языка: расхождение между звуковым и графическим планом речи; наличие графико-орфографических особенностей в иностранном языке (нечитаемые буквы, слова-омофоны); использование учащимися ограниченного словарного запаса; наличие определенного уровня социокультурной компетенции [1, с. 83].

Овладение письменными навыками требует использования целого комплекса мер, которые позволят устранить причины затруднений. Изучение методической литературы позволило уточнить, что важным для преодоления трудностей является подбор учителем учебных пособий, имеющих значительное количество тренировочных практических упражнений для освоения лексико-грамматической или графико-орфографической системы [5, с. 192]. Упражнения для обучения письменной речи делятся на репродуктивные, репродуктивно-продуктивные и продуктивные. Усвоение правописания в значительной степени происходит непроизвольно, благодаря комплексной подаче материала [1, с. 91].

Таблица № 1. Тематическое распределение упражнений по обучению письму в 7 классе средней школы [6]

Тема	Задания на обучение письму из учебника Spotlight 7
Vanished (Он исчез!) – написание истории (100 слов)	Учебник: с. 20 упр. 3 Your school magazine is holding a(n) adventure/humorous/ mystery story competition. Write your story (about 100 words). Think about: characters, place; time; events in order; climax event; feelings;
Against all odds (Вопреки всему) – написание заметки о человеке в школьную газету	Учебник: с. 30 упр. 6 Write an article about a person you admire for the school magazine. Use the paragraph plan in Ex. 5 to help you and the text in Ex. 1 as a model. (80-100 words)
A whale of a time! (Замечательное время) – написание открытки другу	Учебник: с. 60 упр. 7 You are spending a week at a holiday resort. Write a postcard to your English penfriend. Write about where you are, what you have done so far and if you like it there
Born free (Рожденные свободными) – написание статьи о животных	Учебник: с. 80 упр. 6 Use the ideas in Ex.5 to write an essay about the pros/cons of keeping wild animals as pets. Start your essay with a direct question

Doctor, doctor! (Врача!) – Письмо другу о здоровье	Учебник: с. 100 упр. 5 Use you answers in Ex.4 to write a letter of advice to Computer Freak.(60-80 words)
--	--

Выводы. Обучение письму в 7 классе средней школы направлено на достижение уровня А1, предполагающего умение написания простых коротких текстов (записок друзьям, открыток, писем и сообщений) при помощи словаря с учетом пройденного лексико-грамматического материала. Предложенный комплекс упражнений позволит совершенствовать графические, каллиграфические, орфографические и пунктуационные навыки, направляя обучение на общение, познание и творчество на практике.

Список литературы

1. Бредихина, И. А. Методика преподавания иностранных языков: обучение основным видам речевой деятельности : учебное пособие / И. А. Бредихина ; М-во образования и науки Рос. Федерации ; Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 104 с.
2. Шехтер, Ю. И. Живой язык / Ю. И. Шехтер. – Москва : РЕКТОР, 2005 (Киров : Дом печати – Вятка). – 240 с.
3. Соловова, Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций : пособие для студентов пед. вузов и учителей / Е. Н. Соловова. – Москва : Просвещение, 2002. – 239 с.
4. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования : официальный сайт. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/>. (дата обращения: 12.02.2023).
5. Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка : официальный сайт. – URL: https://vk.com/doc58168585_454480663?hash=G0uzZh3h6EUZtJrtzK17prXnYu0c1Gzv03hNncTMHYs&dl=nAa6lxqJFQmnwarXDAwgUbKZQJgLE0ZyLqoS5Kb6RV8. (дата обращения: 12.02.2023).
6. Щукин, А. Н. Методика преподавания иностранных языков / А. Н. Щукин, Г. М. Фролова. – Москва : Издательский центр «Академия», 2015. – 288 с.
7. Ваулина, Ю. Е. Календарно тематическое планирование. Английский язык. Spotlight 7 класс (102 часа) / Ю. Е. Ваулина, Дж. Дули. – URL: <https://videouroki.net/razrabotki/kaliendarno-tiematichieskoie-planirovaniie-7-klass-anghliiskii-iazyk-vaulina.html>. (дата обращения: 12.02.2023).

ЮСУФ БОЛАТНЫНЪ «АЛИМ» РОМАНЫНДА КЪАРАМАНЛАР СИСТЕМАСЫ ВЕ ЭСЕРНИНЪ ПРОБЛЕМАТИКАСЫ

Баталова Э. Р.,
магистрант 2-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Юнусов Ш. Э.

schew.yunusoff2010@yandex.ru

Введение. В работе рассматриваются вопросы авторского отношения к акцентированным проблемам посредством расстановки центральных героев и их взаимоотношений. Будучи первым крымскотатарским историческим романом советского периода, это произведение зафиксировало как творческий уровень автора названного романа в данном направлении, так и литературно-художественный потенциал крымскотатарской прозы довоенного и поствоенного времени. В романе, посвящённом жизни легендарного крымскотатарского героя Алима Айдамака – символа борьбы за справедливость, система образов становится доминирующим «индикатором» дальнейшего становления главного героя как борца за социальное равенство, что и позволяет говорить об **актуальности** нашей работы.

Ишимизнинъ макъсады анъылгъан роман къараманлары арасында укюм сюръген мунасебетлер вастасынен озъ невбетинде муэллифнинъ шу персонажларгъа мунасебетини айдынлатмакътыр ки, бунынъ черчивесинде ашагъыдаки **вазифелер** мейдангъа чыкъарыла: 1) «Алим» романында къараманларнынъ эсернинъ жанры ве тюрюне коре тасвирленмеси; 2) роман джылтларында баш къараманнынъ насыл ачылгъаныны косътермек; 3) эсернинъ проблематикасыны аныкъламакъ.

Методы исследования. Ишимизде типологик ве тарихий-къыясий усуллар къулланылып, олар миллий эдебиятымызнынъ тарихий инкишафыны коръмеге ве конкрет языджынынъ иджадындаки умумий ве хусусий алларны айырмагъа ярдым этти.

Тедкъикъат нетиджелери. Белли олгъаны киби, Юсуф Болатнынъ анъылгъан романында тарихий кечмишимиздеки ичтимаий кергинлик тасвирге алынып, бу меселе Алим Айдамакъ, онынъ артында тургъан авам халкъ ве зенгин табакъаларнынъ векиллери арасындаки мунасебет ачыла: эгер романнынъ биринджи томында Алимнинъ та балалыкъ ве осьмюрлик чагъы тасвирленип, о, санки экинджи планда къалдырылгъандайын олса, артыкъ экинджи джылтында биз онынъ о девирнинъ ичтимаий аятында насыл муим роль ойнагъаныны коремиз. Романнынъ башында муэллиф

Алимнинъ яшайышында буюк роль ойнагъан, онынъ тербиеси кямиллешмеси ве дюнъябакъышы кенишлемесинде муим эмиетке малик олгъан Ресуль эфендининъ портретини бойле ача: «Ресуль эфенди, шубесиз, динге иманыны джойгъан бир адам дегиль эди, хайыр, о тап балалыкътан фанатик инсан олмакънен, эр тюрлю икътидарларгъа, дин хадимлерининъ эр сой телькъинлерине иман этип кельген бир адам эди. Лякин шимди озю оларнынъ сыраларына кечип телькъинджи олгъан сонъ, озь арекетини тюшюнип-ташынмагъа башлады. Тюшондже исе бинъ тюрлю шубелерге гъыда догъурды. О къафасында къайнашкъан шубелерден кимерде бир озю биле къоркъа эди. Бу тюшонджелерден башыны арытмакъ ниетинен сыкъы-сыкъы койлюернен сёйлеше, я да шимдики киби чименликке я да орманлыкъкъа баш ура эди. Лякин оны излер тюшонджелер бир анъ биле ташламай эдилер» [1, с. 14-15].

Алчакъгонъюлли Ресуль эфенди озюнинъ табиатынен Алим киби илериде сербестлик огърунда курешеджек адамларнынъ ирадели, намуслы олмаларына тесир косътере. Бунынъ ичюн «муэллиф реаль табиий эпизодларгъа эмиет бере» [2, с. 104]. Месея, Мемиш агъанынъ йылан чакъып ольдюрген сыгъыры ерине кой байы онынъ сыгъырыны чекип ала. Алим исе шу йыланни къыдырып тапа ве ольдюре. Бойле эпизодлар Алимнинъ къоркъубильмез бала олгъаныны косътере. Айны заманда онынъ мераметли, алчакъгонъюлли бала олгъаныны коремиз. Бу табиат чизгилери Февзи достуны озгъаргъанда, озгъарып къайтаткъанда, ёлда Ваня Айвазовскийнен расткелишип, достлашмаларында корюне.

Романда мырза табакъасына аит образлар яхшы ачылгъан. Месея, Атай Ширинскийнинъ портрети, этрафындакилерге мунасебети, топлашув вакътында мырзалар тарафындан къаршыланмасы, киббарлыгъы, джемиетни идаре эте бильмеси гъает реалистик сызылгъан.

Эсерде меркезий образлардан бири Джентемир мырзанынъ образыдыр ки, бу адам мырзалар тарафындан губернаторнынъ адына язылгъан арзуалда башта имзасыны къойса да, сонъ тезден муфти Сеит-Муртаза эфендининъ эвине барып, юзь берген вакъиаларны онъа тариф эте ве озюни онынъ акъикъий досту киби такъдим эте. Сонъ Джентемир мырза керчектен де бу адам тарафында арекет этип, муфти олмакъны арз эткен Сеит-Джелильнинъ ишлерини чаналатмакъ макъсадынен арекет эте, чюнки онынъ шимдики муфтиден менфааты бар – Сеит-Муртаза эфенди онъа топракълар ишандыра. Онынъ бу адамнынъ эвине сыкъ-сыкъ барып турмасынынъ даа бир себеби андаки ёсмалар Джумази ве Тензилени корьмектир ки, биринджи томнынъ финалында Тюркиеге къачып кетяйткъан Сеит-Муртаза эфендининъ янына алып кетилеяткъан бу бикечлерден бирини – Джумазиени – Джентемирнинъ айдутлары ат устюнде алып къачалар.

Сеит-Муртаза эф-нъ кене муфти сайланмасына Ресуль эфенди чокъ арекет япа. Амма чокълукъ рейинен кене бу тахткъа отургъан Сеит-Муртаза эфенди артыкъ Ресуль эфендиге сыджакълыкъ косътермей, атта Алимни окъумакъ ичюн Тюркиеге ёлламакъ мерамындан къаба сюретте

вазгече. Бундан нефретленген Ресуль эфенди артыкъ мырзалар, руханийлер ве байлар, шу джумледен Сеит-Муртаза эфендининъ озю чапкъын ве яланджы олгъанларыны бетлерине урып, буны халкъкъа да айтаджагъыны бильдире. Шунунъ ичюн губернатор оны – Ресуль эфендини – къады Сеит-Джелиль мырзанынъ мулязасынен делиханеге сокъа.

Бойле эип, муэллиф кенди окъуйджысыны халкъымызнынъ XIX асырнынъ орталарындаки миллий-тарихий муитине далдырып, «мисильсиз джесарет ве джанбазлыкъ саиби Алим акъкъында» [3, с. 5] икяе эте. Бу тариф артында муэллифининъ кенди къараманына яхшы мунасебети ифаде этиле.

Нетидже. Юсуф Болатнынъ эки томдан ибарет «Алим» романы тарихий романдыр ки, мында тиллерде дестан олгъан халкъ къараманы Алим Айдамакънынъ та балалыгъындан башлап, кет-кете джиддий куреш ёлуна кечкени тариф этиле. Макъалемизде бу къараманнынъ къокъубильмез инсан киби къавийлешмеси ёлунда кимлер ве нелер кечкенини, олар бири-бирине насыл мунасебетте олгъанларыны къыскадан косътермеге тырыштыкъ. Тедкъикъатымыз косътергени киби, Алим кескин ичтимай зыддиет муитини коре-коре осе, бу аллар исе онынъ дюньябакъышы къавийлешмеси ве илериде адалет сафларында курешмесине алып келе. Муэллиф озюнинъ бу къараманларгъа мунасебетини шу къараманлар системасы ве оларнынъ аркетлери вастасынен косътере.

Список литературы

1. Болат, Ю. Алим / Ю. Болат. – Симферополь : Тарпан, 2009. – 384 с.
2. Нагаев, С. Роман ве заман / С. Нагаев // Ыылдыз. – 1984. – № 6. – С. 103–106.
3. Фазыл, Р. Алим – Къырым йигити (Алим – крымский джигит) / Р. Фазыл. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2005. – 308 с.

УДК 81'25

PRAGMATIC ASPECTS OF TRANSLATION OF YOUNG ADULT LITERATURE

Bakholdina O. A.,

*1st year master's student of the Institute of Philology,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University*

holdinaolga@mai.ru

Introduction. Young Adult literature is mainly orientated on readers from 12 y.o. to 20 y.o. However, this range is quite arbitrary, since the subject of these works can touch readers of any age. Young adult literature is highly

popular among youngsters due to the fact that it unravels serious topics (bullying, conflicts in the family, spiritual searches, self-acceptance etc.) in a simple form. The translator has to express the paradigmatic aspect of the work and make these themes comprehensible to the foreign reader.

The aim of this work is to consider ways and tactics of translation of Young Adult literature.

The work objectives include: to define the genre of Young Adult, to point out the main translation approaches of Young Adult novels.

The methods which were used in this paper are the comparative method, the method of textual analysis, the method of opposition.

Main ideas and results. Young-adult novels are mainly anthropocentric. The story occupies a protagonist or a group of characters. Due to this, understanding of the protagonist is the main paradigmatic objective of a work's translation. The choice of a translation strategy depends on the age factor. Works in this genre are either adapted according to the translation strategies of children's literature or equated with works written for adults. The emotional, intellectual, and psychological development of the target audience always influences the translating process.

This idea is supported by Riitta Oittinen who says that a young viewer cannot be considered deprived and unable to understand any of the topics laid down by the author of the original. She also states that it is up to a translator to pay much attention to the original source of the work: "collaboration with publishers is a key to progress in the translation field, not only to improve translation in practice but also to further research on translation" [3, p. 182].

Another factor is the specific features of the language of adolescents, which is characterized by fluidity and variability. It develops through times and requires constant study and update of translation strategies. This idea was expressed in the work of Saskia Tempert. Her point was that the problem of adjusting youth language occurs once the translation has been published: "Depending on the youth language that is featured in a novel, the translation may become severely outdated in less than ten years" [4, p. 31].

The next criterion for a high-quality translation of Young Adult literature is the translation of realia. Loana Griguță contributed this issue, by stating that while working with any cultural elements, translator has to resort to a bicultural approach. Göte Knigberg shared this opinion and expressed the idea that localization is the most ineffective method of adapting adolescence's literature. Consequently, a young reader loses the opportunity to get acquainted with something new, learn about other cultures and countries of the world.

Conclusion. The current research revealed that while translating a Young Adult literary work, a translator deals with the lexical, stylistic, and syntactic features of the work. It is important to state that the Young Adult literature tends to be gradually changing linguistically. This means that following the modern development of the language is a key to a high-quality translation of Young Adult books.

References

1. Grigută, L. *Translating Young Adult Literature: Problems and Strategies* / Loana-Dora Grigută. – Romania, Cluj-Napoca, 2013. – 82 p.
2. Klingberg, G. *Kinder und Jugendliteraturforschung* / Göte Klingberg. – Graz : Hermann Böhlaus Nachf, 1973. – 249 p.
3. Oittinen, R. *Translating For Children* / Riitta Oittinen. – New York and London : Garland Publishing, 2000. – 205 p.
4. Tempert, S. *Translating Young Adult Literature. The High Circulation Rate of Youth Language and Other Related Translation. Problems in *The Catcher in the Rye* and *The Outsiders** / Saskia Tempert. – Utrecht, 2013. – 133 p.

УДК 811.111-26

РОМАН Д. МИТЧЕЛЛА «ОБЛАЧНЫЙ АТЛАС» В КОНТЕКСТЕ ПОНИМАНИЯ И ПЕРЕДАЧИ АВТОРСКОГО СТИЛЯ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Безверхняя А. И.,
обучающаяся 2-го курса магистратуры Института филологии
ФГАОУ «КФУ имени В. И. Вернадского»

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Лукинова М. Ю.

a.bezverkhniaya2000@yandex.ru

Введение. Работа посвящена исследованию идиостиля Дэвида Митчелла в романе «Облачный атлас», а также стратегиям его перевода на русский язык. Исследование является **актуальным** по своей значимости, так как изучение специфики авторского стиля помогает выявить некоторые неочевидные на первый взгляд черты характера персонажей и их отношения друг с другом. Более того, в данном романе используется огромное количество различных лингвостилистических приемов, которые также требуют детального изучения как в переводческом контексте, так и в плане понимания авторской интенции. В работе кратко представлен творческий путь Дэвида Митчелла и критическая оценка его работ.

Целью данного исследования является выявление специфики авторского стиля Дэвида Митчелла (на материале романа «*Cloud Atlas*»). **Задачи:** 1) дать определение авторскому стилю и рассмотреть его основные характеристики; 2) изучить творческий путь Д. Митчелла и дать обзор критической рецепции его романов, а также выявить тематику и проблематику романа «*Cloud Atlas*»; 3) определить художественные и лингвостилистические особенности повествования и наметить стратегии перевода произведений Митчелла с учетом их передачи на русский язык.

Применялись следующие **методы и подходы**: метод нарративного анализа, метод стилистического анализа, интертекстуальный подход, типологический подход.

Результаты исследования. На основе проведенного теоретического анализа автор выделяет некоторые стратегии и тактики перевода, которые можно использовать для передачи авторской интенции на язык перевода. В первую очередь необходимо произвести анализ текста на языке оригинала, чтобы определить идею, хронотоп, вычленить незнакомые для будущего читателя реалии. После того, как переводчик проведет данный анализ, он сможет выработать свою систему перевода, которая обычно будет включать огромное количество различных тактик и техник для выполнения главной цели перевода – достижения понимания читателем происходящих в произведении событий [3, с. 182].

Далее переходим к практическому анализу произведения и выделяем черты авторского стиля Д. Митчелла в произведении «Облачный атлас». К такому относим жанровую стилизацию, использование различных аллюзий и реминисценций, а также сравнение как стилистический прием [1, с. 42]. С их помощью Митчеллу удастся выстроить отношения с читателем, где первый выступает в роли проводника в событийный ряд произведения. Все это, конечно, используется еще и для того, чтобы передать авторский замысел более точно – читатель должен понять героев, узнать в них себя или людей, которых он знает, выделить проблему и конфликт внутри произведения. Помимо этого, Митчелл использует и интертекстуальность – прием, который позволяет ему создать абсолютно уникальный по формату текст, соотносящийся сам с собой в различных аспектах [2, с. 23].

В итоге, переходим к переводу романа «Облачный атлас» как к функциональной единице идиостиля. Обратим внимание на различные тактики перевода, такие как калькирование, транскрибирование, лексические и грамматические трансформации – антонимический перевод, описательный перевод, прямой перевод и так далее. Также, выделяются некоторые проблемы передачи идиостиля писателя на русский язык. Во-первых, одной из таких проблем является перевод реалий, а также перевод различных устойчивых словосочетаний, идиом, сленга и так далее – вернее, выбор правильной стратегии их перевода [4]. Переводчик должен четко представлять себе языковую картину мира своих читателей для того, чтобы правильно подобрать стратегию и помочь читателям понять, что конкретно имел в виду автор [3, с. 181]. Конечно же, существует и другая проблема – влияние личности переводчика на перевод. Переводчик в какой-то мере пропускает произведение через себя, видоизменяя его, что не совсем допустимо в контексте передачи авторской задумки на язык перевода [3, с. 182].

Выводы. В данной работе освещены как теоретические основы изучения авторского стиля, так и его практическое воплощение в произведении «Облачный атлас» Д. Митчелла. Считаем, что Д. Митчелл

формирует в произведении свой собственный стиль с помощью разных лексико-грамматических приемов, и для их перевода специалисту требуется предварительно проанализировать произведение и наметить различные тактики, которые помогут ему передать изначальную задумку автора близко к оригиналу.

Список литературы

1. Безверхняя, А. И. Стратегии передачи идиостиля Дэвида Митчелла на русский язык на материале романа «Облачный атлас» / А. И. Безверхняя. – 2023.
2. Бойчук, Е. И. Идиостиль и ритм текста : коллективная монография / Е. И. Бойчук, И. А. Воронцова, Е. В. Шляхтина, О. В. Беляева. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. – 184 с.
3. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для студентов и фак. иностр. яз / В. Н. Комиссаров. – Москва : Высшая школа, 1990. – 253 с.
4. Стратегии переводчика. – URL: <http://www.langinfo.ru/stati-dlja-perevodchika/tehnika-perevoda/strategija-perevodchika.html>. (дата обращения: 22.02.2023).
5. Mitchell, D. Cloud Atlas / David Mitchell. – New York : Random House Trade Paperbacks, 2004. – 509 p.

УДК 811.411.21

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И НЕМОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАНИЯ ГЛАГОЛА ЕГИПЕТСКОГО ДИАЛЕКТА

Бекиров Р. А.,
*кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры восточной филологии Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

rbekirov@mail.ru

Введение. В египетском диалекте глагол имеет три простые временные формы: прошедшего времени, настоящего (настояще-будущего) времени и будущего времени. В диалекте есть глаголы с такими значениями, которых нет в литературном языке. Но в своей массе они являются глаголами литературного языка и потому аналогичным образом изменяются по виду и значениям благодаря десяти глагольным формам – породам, которые образуются от трехсогласного корня посредством добавления определенных согласных букв и огласовок. Отличия диалектальных и литературных форм преимущественно фонетического характера.

Целью данного исследования является выявление особенностей морфологических и неморфологических средств выражения отрицания глагола египетского диалекта.

Задачи исследования:

- определить на основе трудов как отечественных, так и зарубежных исследователей функционирование глагола египетского диалекта;
- выявить как морфологические, так и неморфологические средства выражения отрицания.

Методы исследования. В данном исследовании использованы описательный и сравнительный методы исследования.

Результаты исследования. Для образования отрицательной формы глагола в прошедшем времени, как правило, перед личными формами глаголов всех лиц ставится отрицательная частица «ма – ما», а в конце глаголов – слитное окончание ش, обозначающее звуки [sh] или же [shi]. Например: глагол «ga جَه – придти» (в форме прошедшего времени):

Единственное число

- أَنَا مَا جِئْتُش - 1-е лицо (я не пришёл)
- إِنْتِ مَا جِئْتُش - 2-е лицо м.р. (ты не пришёл)
- إِنْتِي مَا جِئْتِي - 2-е лицо ж.р. (ты не пришла)
- هُوَ مَا جِئْتُش - 3-е лицо м.р. (он не пришёл)
- هِيَ مَا جِئْتُش - 3-е лицо ж.р. (она не пришла)

Множественное число

- إِحْنَا مَا جِئْنَاش - 1-е лицо (мы не пришли)
- إِنْتُو مَا جِئْتُوш - 2-е лицо (м.р. и ж.р.) (вы не пришли)
- هُمَّ مَا جِئْتُوш - 3-е лицо (м.р. и ж.р.) (они не пришли)

Если морфема ش отрицания ما...ش находится в контактной позиции с конечным звуком ز, ص, س, то он ассимилируется с последним:

«ma hliss ما خلصش – он не кончился»,

«matgawwizi samiya ما اتجوزش سامية – он не женился на Сами».

Но:

«ma bassish ما بصش – он не посмотрел» [49, с. 38].

Реже используется отрицательная частица «mush/mish – مش», которая также ставится перед глаголами, но в этом случае в конце глаголов нет окончаний [sh/shi]. Примеры:

«huwwa mish amal haga هو مش عمل حاجة – он ничего такого не сделал, не совершил, не совершал»;

«ana mush amal haga انا مش عملت حاجة – я ничего такого не сделал, не совершил, не совершал».

В египетском диалекте глагольная форма прошедшего времени литературного арабского языка типа «лям йафаль لم يفعل» не используется.

При спряжении глагола египетского диалекта в настояще-будущем времени появляется также и префикс «ب», что отличает его от глагола литературного арабского языка.

Префикс «ب» сохраняется в отрицательных формах глаголов настоящего (настояще-будущего) времени.

Так:

«ma byimshish مَ بَيِّمُ شِيشْ – он не уходит, он не едет»,

«ma btifhamshi مَ بَتِّفَمُ شِيشْ – ты не понимаешь»,

«ma bigish مَ بِيْجُ شِيشْ – он не едет, не приходит».

Данные примеры иллюстрируют способ образования отрицания у глаголов в настоящем (настояще-будущем) времени, то есть посредством отрицательной частицы «ма ما» и той или иной личной формой глагола в настоящем (настояще-будущем) времени с добавлением к концу глагольной формы характерной для египетского диалекта морфемы «шин – شِيشْ», изображающей звуки [sh/shi].

Выводы. Среди морфологических средств выражения отрицания глагола египетского диалекта как прошедшего, так и настоящего-будущего времени следует выделить суффикс «شِيشْ», при этом перед глаголом ставится частица отрицания «ما». Неморфологические средства выражения отрицания обнаруживаются лишь в прошедшем времени, при котором, наряду с уже указанными морфологическими средствами, находит применение отрицательная частица «mush/mish – مَشْ».

Список литературы

1. Гранде, Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении / Б. М. Гранде. – Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – 592 с.
2. Мишкур, Э. Н. Типологическая характеристика арабского языка / Э. Н. Мишкур. – Москва : Изд-во военного института, 1977. – 77 с.
3. Мишкур, Э. Н. Основы теоретической грамматики современного арабского языка : курс лекций / Э. Н. Мишкур. – Москва : Изд-во военного института, 1978. – 238 с.
4. Фролова, О. Б. Учебник арабского диалектного языка Египта. Фонетико-грамматический очерк, тексты, словарь / О. Б. Фролова. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2009. – 224 с.

OCCASIONALISMS AND PECULIARITIES OF THEIR TRANSLATION

Bekirova Z. S.,
*1st year Master's student of the Institute of Philology,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University*

Research supervisor: PhD in Philology, the Head of the Department of
Theory and Practice of Translation Norets M. V.

zumbul.bekirova@bk.ru

Introduction. The vocabulary of the language is an open system due to the direct connection with the constantly changing reality. A new item for a certain culture or a new term in the corresponding language does not initially have a name, and the message about the item is only a detailed description, consisting of already known words. Some new words are fixed in dictionaries, acquiring the status of neologisms, others remain occasionalisms. Occasionalisms are difficult to translate, because an author who creates a new word puts a certain meaning into it, a positive or negative connotation, stylistic colouring.

The aim of this paper is identifying the difficulties that arise in the translation of occasionalisms, and determining the factors that play a major role in choosing one or another translation option.

The objectives of the work are as follows: to define the factors that play a major role in the process of translating occasionalisms; to analyse the features of the translation of occasional words; to find out the ways of translating such words.

The research methods include the method of textual analysis, the method of stylistic analysis, defining analysis, descriptive method.

Main ideas and results. The translation of occasionalisms presents a particular difficulty because of the specificity of the occasionalisms themselves. Occasionalism is not just a new word created by the author for a specific stylistic task; looking at it a little more broadly, we see that it is a new meaning enclosed in a new form for the language.

There are three main ways of translating occasionalisms:

1) Transliteration and transcription – quasi-translational methods of transmission of occasionalisms. They are named so because when using these techniques, the act of translation is somehow bypassed and replaced by the act of borrowing the sound (during transcription) or graphic (during transliteration) form of the word along with the meaning [1].

2) Tracing as a technique for creating an equivalent is akin to a literal translation – the equivalent of a whole is created by simply adding the

equivalents of its constituent parts. It follows that only occasionalisms of a compound word are subject to tracing [1]. For example, the word “*precrime*” consists of *pre* and *crime*, both separately can be translated as “*before*” and “*crime*”, when they are added, “*precrime*” is obtained.

3) Descriptive equivalents refer to non-calculating ways of conveying neologisms and fundamentally differ from tracing paper in that in descriptive ways of conveying neologisms, the translation invariant is precisely the meaning of a foreign language unit, regardless of the nature of its connections with the external structure of the word [1]. For example, the word “*humanoidist*” can be translated into Russian using transliteration – «*гуманоидист*». However, such a translation does not reveal the meaning of this word. In this case, a descriptive translation would be the most appropriate technique. So the translation of the word “*humanoidist*” will sound like this: “*a fighter for the rights of humanoids*”.

After analyzing the translation of the famous novel by George Orwell 1984, made by the Russian translator of Anglo-American literature V. P. Golyshev, the following features of the translation of occasionalisms can be noted:

MALREPORTED – «*превратно*». The prefix “*mal*” means “*bad*” (*MAL*ignant, *MAL*icious, *MAL*evolent), “*to report*” – to transmit, tell. However, given the context in which the word “*malreported*” is used (ciphered text on a small piece of paper, intended exclusively for one person), the meaning of the word should not be completely clear, the word should sound fragmentary, incomprehensible. In this case, we believe that the translator did the right thing by translating the verb “*malreported*” as «*превратно*» [2, p. 1109].

FULLWISE – «*сквозь*». If we analyze the entire list of definitions for the adverb *FULLY*, we will not find any of them that have the meaning «*сквозь*». The *WISE* suffix is quite rare and occurs in more complex English words: *CLOCKWISE* (по часовой стрелке), *EDGEWISE* (по ширине), *LEASTWISE* (по меньшей мере), *FLATWISE* (плашмя). It can be concluded that the translation «*сквозь*» is most appropriate in this text: the connotation of the word does not contradict the content of the novel, the translation was made taking into account the morphemic features of the word in the original and its main meaning [2, p. 1109].

Conclusion. In conclusion, it should be noted that occasionalisms are an integral element of any novel with a fictional plotline. Much more attracted to a world created from nothing by a spark of fantasy than one dusty and gray in which the reader experiences the same routine day after day. Fictional worlds are a “favorable environment” for the emergence of occasionalisms.

Occasionalisms are a serious challenge for the translator and are not always fully translated into another language. The reason lies in the fact that occasionalism contains a lot of the author's, individual, and one can not find such correspondences in the language of translation.

References

1. Бабенко, Н. Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ : учебное пособие / Н. Г. Бабенко. – Калининград : Калинингр. ун-т., 1997. – С. 5-33.
2. Shichkina, M. G. Ways of translating occasionalisms (on the example of George Orwell's novel *1984*) [Electronic resource] / M. G. Shichkina. – Access mode: <https://moluch.ru/archive/107/25530/>. (Access date: 04.03.2023).

УДК 821.161

**РОМАН С. ИНГ «ВСЕ, ЧЕГО Я НЕ СКАЗАЛА»
И ТРАДИЦИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ПРОЗЫ:
ПОЭТИКА УМОЛЧАНИЯ**

Беспалова Е. К.,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии, ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

korelkon1975@mail.ru

Введение. Ввиду того, что в конце XX – начале XXI столетий англоязычная университетская проза вступила в наиболее продуктивный период развития, поэтика многих современных произведений английской и американской литературы рассматривается сквозь призму принадлежности к ней. Независимо от жанровой разновидности, университетские романы все чаще появляются на книжных прилавках, а позднее становятся материалом литературоведческих исследований. Более ранние образцы указанного жанра уже давно изучаются как зарубежными, так и отечественными литературоведами [1; 2].

Современная американская писательница китайского происхождения Селеста Инг (р. 1980) в представлении не нуждается. Она успешный автор множества рассказов, а также трех романов, последний из которых был опубликован в прошлом году. С. Инг – номинант и призер многих литературных премий, сценарист и продюсер. Наиболее интересным в свете изучаемой проблемы представляется ее первый роман, ставший одним из самых громких литературных дебютов последнего времени, – «Все, чего я не сказала» (2014). После публикации книга мгновенно стала бестселлером и была переведена на 16 языков мира, включая русский.

Целью данного исследования является поэтологический анализ романа С. Инг «Все, чего я не сказала» в контексте литературной традиции американской университетской прозы.

Задачи:

- определить основные черты «университетского романа» в произведении С. Инг;

- выявить принципиальные отличия данного романа от канонических образцов жанра;
- обозначить роль поэтики умолчания в исследуемом романе.

Методы исследования. В данной работе использованы следующие методы: историко-литературный, типологический и структурный.

Результаты исследования. В романе С. Инг «Все, чего я не сказала» были обнаружены как черты университетской прозы, так и весьма существенные отличия от канона: так, фокус внимания автора, не понаслышке знакомого с университетской средой, смещается с кампуса на семью и дом преподавателя. В то же время необходимая для данного романного жанра локация (аудитории, в которых осуществляется лекционный процесс, территория, прилегающая к учебным корпусам, где происходят ключевые события произведения, а также общаются основные действующие лица) частично сохраняется. Более того, выбор учебного заведения и поступление в колледж – одна из наиболее частых тем разговоров героев-подростков, которые мысленно уже видят себя студентами. Эротическая тема, столь свойственная ранней университетской прозе, в романе также присутствует, однако она представляет собой лишь весьма сдержанные, вполне целомудренные эпизодические упоминания, а не откровенные пассажи, как это было принято в университетских романах первого десятилетия XXI века.

Эта противоречивость распространяется и на жанровую принадлежность романа. Книга начинается с очень удачно найденной автором фразы, которая мгновенно фиксирует и потом долгое время удерживает внимание читателя, представляя собой вполне детективный зачин: «Лидия мертва. Но они пока не знают. 3 мая 1977 года, половина седьмого утра, никто не знает ничего, кроме безобиднейшего факта: Лидия опаздывает к завтраку» [3, с. 7]. Поэтому жанр данного романа может поначалу быть определен как детектив, однако по мере погружения в сюжет становится очевидно, что это не совсем корректное восприятие: перед читателем разворачивается настоящая семейно-психологическая драма, если не сказать трагедия. Однако в отличие от формульного детективного сюжета, где истина постепенно выходит на поверхность, вся структура анализируемого романа подчинена приему умолчания, начиная с названия и заканчивая мотивами поведения всех без исключения героев повествования. Поэтика умолчания обуславливает также финал произведения: до самой последней страницы романа причина смерти героини так и не проясняется, а об обстоятельствах произошедшего с ней можно лишь строить догадки и предположения. И даже по завершении чтения читатель остается в сомнениях. Одно несомненно: в истории, где все скрывают свои истинные чувства и мысли, искупительной жертвой становится самый искренний человек.

Все выявленные особенности (как сходные с канонами жанра, так и отличительные) подтверждают мысль, высказанную отечественным теоретиком данного литературного феномена О. Ю. Анцыферовой, о том,

что «важнейшим принципом создания художественного образа в университетской прозе, с самых первых ее образцов, становится игра со стереотипами, их переосмысление» [1, с. 265]. Переосмысливая стереотипы детективного жанра, С. Инг, подобно Достоевскому, поднимает романное повествование на иную художественную высоту, где вопрос о причинах произошедшей трагедии и поиск виновных в ней отходят на второй план, а на первое место выдвигаются необходимость прощения и принятия ближнего, а также экзистенциальная проблема выбора дальнейшего жизненного пути.

Выводы. Роман «Все, чего я не сказала», принадлежащий перу С. Инг, может быть отнесен к университетской прозе, однако не к классическому ее варианту, а к более свободному типу университетской романистики писателей младшего поколения. В данном романе речь идет не столько об академических буднях преподавателей и студентов (хотя они и присутствуют в повествовании), сколько о семье университетского профессора и о трагедии, произошедшей в ней и полностью изменившей его жизнь и мировоззрение.

Список литературы

1. Анцыферова, О. Ю. Университетский роман: жизнь и законы жанра / О. Ю. Анцыферова // Вопросы литературы. – 2008. – № 4. – С. 264–295.
2. Беспалова, Е. К. Университетская проза В. Набокова / Е. К. Беспалова // Ученые Записки Крымского Федерального Университета имени В. И. Вернадского. Филологические Науки. – Том 6. – № 3 (72). – 2020. – С. 117–134.
3. Инг, С. Все, чего я не сказала. Роман / С. Инг – Москва : Фантом Пресс, 2022. – 320 с.

УДК 372.881.161.1

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

Билялова Э. Д.,
*обучающаяся 1-го курса магистратуры Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: к. пед. н., доцент Аржанцева Т. В.

[*lenarab@inbox.ru*](mailto:lenarab@inbox.ru)

Введение. Исследование посвящено проблеме изучения текстов русских народных сказок в аудитории иностранных обучающихся.

Актуальность выбранной темы обоснована необходимостью знакомства инофонов с сюжетами русских народных сказок в практическом курсе РКИ с целью формирования у них не только общеязыковой, но и лингвокультурологической, страноведческой и фразеологической компетенций.

Кроме того, психолингвисты сходятся в мнении о том, что одним из главных условий успешного обучения русскому языку является внутренняя (интринсивная) мотивация, связанная не с внешними обстоятельствами, а с самим содержанием учебной деятельности. В этом плане привлечение необычного дидактического материала, использование нестандартных заданий, которые позволяют вызвать интерес и к содержанию учебного материала, и к формам работы на практических занятиях, вовлечение обучающихся в игровую деятельность (например, театрализация сказочных сюжетов) – это именно те приёмы, которые способствуют возникновению интринсивной мотивации изучения русского языка.

Лингводидактические миниатюры со сказочным сюжетом востребованы и в неаудиторной работе преподавателя РКИ, например, при проведении вечеров, олимпиад и недель русского языка. Однако опыт применения русских народных сказок как в аудиторной, так и в неаудиторной деятельности не систематизирован, используемые сюжеты далеко не всегда способны заинтересовать обучающихся настолько, чтобы сформировать устойчивую интенсивную мотивацию познавательной деятельности, что определяет актуальность проведения исследований по выбранной теме.

Цель данного исследования состоит в анализе особенностей методики изучения русской народной сказки на занятиях по русскому языку как иностранному.

Методы научного исследования, применяемые для раскрытия выбранной темы: анализ научно-методической литературы, обобщение, описание.

Результаты исследования. В научных трудах лингводидактов, посвящённых исследуемой проблеме [1; 2; 3; 4; 5], описана работа по приобщению иностранных граждан к русской духовной культуре посредством знакомства с текстами народных сказок, «проанализирован лингвокультурологический потенциал русских народных сказок, доказана рациональность использования фольклорного материала на занятиях по русскому языку в иностранной аудитории ввиду своего богатого содержания, отражающего быт, историю, нравственные ценности русского народа [3, с. 19]. Однако в связи с инициативами российского правительства относительно поддержки и продвижения русского языка как языка межнационального общения за рубежом, а также в соответствии с назревшей необходимостью в этих условиях выработки конкретных методических рекомендаций по успешному восприятию русского языка иноязычным сознанием перед преподавателями РКИ стоят актуальные

задачи: с одной стороны, «максимально широко и с положительной точки зрения представить на занятиях по русскому языку Россию и ее национальные культурные ценности, достижения науки, литературы и др. [3, с. 20], с другой стороны, развеять уже сложившиеся у иностранных граждан, обучающихся в России, стереотипы неверного представления о духовных ценностях, традициях, культуре русского народа. Решение этих задач приобретает особое значение именно сейчас, когда в странах СНГ 2023 год объявлен Годом русского языка. Привлечение русских народных сказок в качестве материала для чтения и аудирования полностью соответствует решению этих задач.

Как отмечает О. А. Игошина, «данный фольклорный жанр обладает большим лингвокультурологическим потенциалом, так как в сказках отражены духовные ценности, менталитет, особенности поведения и бытовой жизни русских людей [4, с. 391]. Именно поэтому основной дидактической целью изучения данного типа текстов в лингводидактике принято считать обучение инофонов пониманию смысла жемчужин русского сказочного фольклора в соответствии с традиционными культурными ценностями русского народа. Такой подход даёт возможность обучающимся правильно оценить культурно-языковое своеобразие фольклорных текстов с вымышленным сказочным сюжетом.

Представителям иных культур с уже сложившейся национальной картиной мира нелегко представить некоторые сказочные образы, например, «ковёр-самолёт», «скатерть-самобранка», «гусли-самогуды» «избушка на курьих ножках» и др. Кроме того, в русских сказках описываются незнакомые культурные концепты, например, «мать-сыра земля», непонятные обряды (благословение, венчание, крещение) и действия (целовать землю, бить челом, кланяться в пояс), незнакомый пейзаж (ясное небо, золотая нива, широкое поле, дремучий лес, березовая роща, тёмная дубрава), загадочные герои (Баба-Яга, Кощей Бессмертный, Старичок-лесовичок, Русалка, Леший). Поэтому преподавателю необходимо прибегать к различным методическим приёмам, сочетая перевод с объяснением, демонстрацией иллюстраций, комментированным просмотром экранизаций и театральных постановок русских сказок, театрализацией сказочных сюжетов самими обучающимися. В данном контексте важное значение приобретает сравнение героев и сюжетов русских сказок с фольклорными героями и сюжетами иных культур.

Использование сказочных сюжетов на уроках русского языка, по мнению Т. В. Аржанцевой, способствует развитию познавательной активности, творческих способностей обучающихся, повышает уровень положительных эмоций, позволяет объединить обучающихся совместной познавательной деятельностью, что улучшает микроклимат в группе [2].

Выводы. Поскольку в практике преподавания РКИ важное значение имеет не только собственно языковая подготовка, но и знакомство с историей России, народным творчеством и культурными ценностями, изучение текстов русских народных сказок, обладающих высоким

лингвокультурологическим потенциалом, приобретает важное значение, так как даёт возможность приобщить иностранцев к русской культуре, познакомить с богатыми традициями и многовековыми ценностями русского народа, а значит, сформировать интерес и положительное отношение к стране изучаемого языка и её народу, вызвать желание активно распространять русский язык и культуру за рубежом. В этом контексте русские народные сказки в процессе обучения РКИ используются не только в качестве учебного материала и средства овладения языком, но и как художественно-эстетическое явление русской культуры.

Лингвокультурологический потенциал русских народных сказок, отражающих национальные особенности изучаемого языка, специфику мышления его носителей, ценностные ориентиры русского народа, с успехом используется для пополнения словарного запаса обучающихся, обогащения грамматического строя их речи, знакомства с фразеологизмами, а также позволяет осуществлять обучение инофонов в контексте диалога культур.

Список литературы

1. Арзамасцева, Н. Ю. Лингвокультурологический потенциал русской народной сказки в практике преподавания русского языка как иностранного / Н. Ю. Арзамасцева // Ученые записки ; Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2019. – № 4(52). – С. 171–176.
2. Аржанцева, Т. В. Использование лингвистических сказок на уроках русского языка как эффективный прием формирования познавательной мотивации / Т. В. Аржанцева, Ю. В. Гончарова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского ; Филологические науки. – 2016. – № 4. – С. 116–126.
3. Гаранина, С. Н. Приобщение обучающихся в России иностранных студентов к русским духовным ценностям / С. Н. Гаранина, В. Э. Матвеевко, И. Ю. Шабаета // Современная высшая школа: инновационный аспект. – 2017. – Т. 9, № 2(36). – С. 19–25.
4. Игошина, О. А. Этапы работы с текстом русской народной сказки в иностранной аудитории / О. А. Игошина // Русский язык в полиэтническом образовательном пространстве военного вуза : материалы III Межвузовской научно-методической конференции. – Санкт-Петербург : Военная академия связи им. Маршала Советского Союза С. М. Буденного, 2021. – С. 391–395.
5. Матвеевко, В. Э. Лингвокультурологический потенциал экранизированных русских народных сказок в преподавании русского языка как иностранного / В. Э. Матвеевко // Русская грамматика 4.0 : Сборник тезисов Международного научного симпозиума ; под общей редакцией В. Г. Костомарова. – Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2016. – С. 866–869.

ЛИНГВОКОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕДИАДИСКУРСА НОВОЗЕЛАНДСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Вагапова З. Л.,
обучающаяся 2-го курса магистратуры Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Рыжикова М. Д.

marinaryzhikova@yandex.ru

Введение. На сегодняшний день английский язык как основа межкультурной коммуникации с широким ареалом распространения и разнообразием этнического состава представляет собой разветвленную систему национальных вариантов, каждый из которых характеризуется национально-культурной спецификой функционирования языковых единиц в информационном пространстве, где большую роль играет процесс толкования языка и культуры в качестве сложного механизма, охватывающего все виды деятельности и существования человека. Богатое жанровое разнообразие медиадискурса позволяет говорить о многочисленных подходах к подаче информации и возможности регулирования / приведения в соответствие особенностей того или иного национального варианта английского языка.

Целью работы является установление общих способов реализации лингвокультурной специфики в лексических единицах новозеландского варианта английского языка (далее – NZE) в жанрах медиадискурса. **Задачи** предполагают отбор и классификацию указанных лексем, изучение предположительного потенциала их использования.

Методика исследований включает в себя метод аналитического описания языковых фактов, функциональный и сопоставительный методы.

Изучение лингвокультурного своеобразия медиадискурса новозеландского варианта английского языка заключается, в большей мере, в рассмотрении лексико-семантических особенностей данного языка. Весь спектр национальной лексики, образующей национальную языковую картину мира Новой Зеландии, включает в себя два основных сектора: наименования объектов действительности и имена концептов языкового сознания.

Материалом для данного исследования послужили более 100 лексических единиц, являющиеся маркерами NZE, отобранные методом сплошной выборки из выпусков теленовостей (*1 News*), развлекательных и образовательных телепередач (*Biggest and Baddest, The Amazing Race u Police Ten Seven, Tickled, Breaking Bad*), а также из интернет-влогов.

Результаты исследований позволяют утверждать, что наиболее распространенным способом кодирования лингвистической и экстралингвистической информации в исследуемых жанрах медиадискурса является использование топонимов, антропонимов и реалий.

Проанализированные топонимы NZE, фигурирующие в рамках рассматриваемого материала, можно разделить на следующие группы:

1. Собственные наименования Новой Зеландии (*Aotearoa* – в переводе с языка маори «страна длинных белых облаков», *Australasia* – «Австралазия», *Maoriland* – «земля Маори» или «Маорилэнд», *Pig Islands* – «Поросячий остров» или «Пиг-Бич», *God's own country* – «Божья земля»).

2. Маорийские наименования (*Akaroa* – «Акароа», *Awanui* – «Авануи», *Hari Hari* – «Хари-Хари», *Hawera* – «Хаера»). Многие маорийские заимствования в новозеландском варианте английского языка относятся к сфере традиций.

Помимо топонимов, немалая роль в медиадискурсе отводится и антропонимам. Данные единицы отразились в NZE, в частности, в качестве собственных наименований людей, например: *Aus* – «австралийка», *base walloper* – «военнослужащий», *beach bum* – «бездельник», *bludger* – «бездельник», *boong* – «темнокожий», *forty* – «вор», *homey* – «британец», *reatread* – «вернувшийся из отпуска рабочий», *strine* – «австралиец».

В состав ономастических реалий культуры и общества входят названия произведений литературы и искусства, исторические события и факты из жизни страны. К этой группе также относятся названия газет и журналов, радиостанций и телеканалов, праздников и элементов обычаев. В контексте телевизионных эфиров данные единицы выполняют функцию формирования исторического и национального колорита, например: *Capertain* – «капертианский период», *Dog Tax Rebellion* – «Бунт против налога на содержание собак, 1899 г.», *Ekka Day* – «день семьи», *Floriade Festival* – «праздник цветов», *Hawke's Bay Earthquake* – «землетрясение в Хокс-Бэй, самое разрушительное в Новой Зеландии», *Surf Carnival* – «карнавал серфинга».

Особое значение как одному из аспектов воссоздания национального колорита отводится цветообозначению. В определенном контексте цвет также может выступать субъективной характеристикой объекта, например:

1. Коричневый цвет используется для обозначения названий объектов действительности, например: *brown brother* – «житель Папуа-Новой Гвинеи» (цвет соответствует оттенку кожи).

2. Красный цвет обладает наибольшим спектром сфер употребления, в большей степени за счет символичности и метафоричности, например: *red as a lobster* – «смущенный»; в качестве части ономастических реалий, *Red Centre* – «Красный центр», *Red Heart* – «засушливые районы».

3. Синий цвет специфичен для эндемиков флоры и фауны, например: *bluebell* – «новозеландская трава с голубыми колокольчиками», *blue duck* – «горная утка»; для абстрактных явлений: *blue* – «ссора, провал», *blue fit* –

«шок»; для наименования отдельных субъектов: *blue pugaree* – «полицейский».

4. Черный цвет используется в основном в отрицательной коннотации, в особенности, если речь идет об исторических событиях, например: *Black Saturday* – «Черная суббота», *Black War* – «Черная война». Следует отметить, что встречаются и наименования эндемиков флоры и фауны с единицей *black*, например: *black box* – «черный эвкалипт», *black wallaby* – «черный валлаби». Отдельную группу образуют единицы, указывающие на этническую / социальную принадлежность человека, например: *blackfellow* – «абориген», *black hat* – «иммигрант», *black sander* – «золотоискатель».

Выводы. Проведенный анализ жанров медиадискурса подтверждает, что новозеландский вариант английского языка характеризуется рядом лексических единиц (топонимами, антропонимами и реалиями), отражающих национально-культурную специфику. Наиболее эффективным способом передачи национального колорита в исследуемом материале является антропонимы, что объясняется влиянием исторического, культурного, территориального, экономического и политического экстралингвистических факторов.

Список литературы

1. Добросклонская, Т. Г. Язык средств массовой информации / Т. Г. Добросклонская. – Москва : КДУ, 2012. – 116 с.
2. Обдалова, О. А. Дискурс как единица коммуникативного и речемыслительного процесса в коммуникации представителей разных лингвокультур / О. А. Обдалова, Л. Ю. Минакова, А. В. Соболева // Язык и культура. – 2017. – С. 205–228.

УДК 81.373

ЗАГАДКА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Вознюк А. В.,
обучающаяся 2-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Забашта Р. В.

anna.voznyuk.04.04@mail.ru

Введение. В данной работе загадка рассматривается как номинативная единица особого типа, иносказательный способ обозначения предмета в условиях игры. Будучи одним из древнейших жанров русского фольклора, загадка вместе с пословицами и поговорками представляет образец народной мудрости, имеющий общий источник происхождения –

быт и культуру древних славян. В данной статье проводится анализ вторичной номинации на материале русских загадок о природных явлениях. Актуальность данной работы обусловлена тем, что в языкознании при изучении текстов малых фольклорных жанров уделяется большое внимание первичному значению паремий, а номинативный аспект загадки, т.е. иносказательного способа манифестации сигнификата в особой позиции, исследован в меньшей степени.

Цель – исследование загадки как номинативной единицы, в частности, анализ соотносительных семантических компонентов текстовой структуры загадки и её отгадки-денотата. Данная цель обусловила постановку следующих задач: 1) рассмотреть работы ученых о загадке в номинативном аспекте; 2) охарактеризовать структуру загадок определенного тематического поля и их содержание; 3) выполнить анализ соотносительных семантических компонентов текстовой структуры загадки, относящейся к тематическому полю «явления природы», и её отгадки-денотата.

Методика исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: описательный метод; функциональная методика, позволяющая соотнести понятие-сигнификат с различными средствами ее номинации; элементы компонентного анализа для выявления соотносительных признаков денотата-отгадки и образной структуры загадки-номинации; экспериментальный метод; полевой метод.

Загадка – разновидность паремий, которая отличается своим содержанием и структурой. В отличие от пословиц и поговорок, она имеет диалогическую форму, которая выражается в игровой сущности загадок. Структура загадок отличается от иных малых фольклорных жанров определённой спецификой, «поскольку сама двухчастная структура паремии подразумевает деление её семантической структуры на смыслопорождающую (отгадка) и переосмысленную (загадка)» [1, с. 178]. Здесь характерно присутствие переосмысленного образа, который заключён в мировоззренческом представлении сущности, выражаемой метафорическим образом.

Для называния загадываемого предмета используют принцип вторичной номинации. Первичная номинация характеризуется присвоением имени объекту, который ещё не имеет названия. Такой вид на современном этапе изучения языкознания встречается редко, так как этот процесс проявляется при создании новых лексем. Под вторичной номинацией понимают процесс передачи завуалированной информации о предмете, который уже имеет название. Здесь и употребляется загадка. Результаты образной номинации воспринимаются как производные по морфологическому составу или же по смыслу. Варианты иносказательной номинации различают в зависимости от языковых средств, используемых при создании новых имён, а также от соотношения «имя – реальность» [3, с. 26].

В основе всех видов вторичной номинации лежит ассоциативный характер мышления человека. Во вторичной номинации устанавливаются ассоциации по сходству или по смежности между некоторыми свойствами элементов внеязыкового ряда (такие элементы отображены в уже существующем значении имени) и свойствами нового обозначаемого (такое обозначаемое именуется путём переосмысления его значения). Переосмысление значений в процессах вторичной номинации происходит в соответствии с логической формой тропов (метафоры, метонимии и т. п.) и функционального переноса. Ассоциативные признаки, реализующиеся в процессе вторичной номинации, могут совпадать с компонентами значения, которые могут соотноситься с фоновым видением носителей языка о какой-либо реалии. Переосмысление таких значений в процессе иносказательной номинации происходит в соотношении с логической формой тропов. Это означает, что могут использоваться различные стилистические фигуры.

Результаты исследования. Одним из типичных тропов в загадках является олицетворение, которое используют для формирования иносказательности загадки: *Белые мухи на землю садятся* [4]. Ответом-денотатом являются «снежинки». Снежинки – «кристаллики льда в виде шестиугольной пластинки или шестилучевой звёздочки» [2]. В данной загадке снежинки сопоставляются с живым существом: с мухами, которые садятся на землю. Однако «белые мухи» – это словосочетание, который означает снегопад. Так как в упоминаемом компоненте акцент ставится именно на внешнем виде мух, можно говорить о соотношении семантической структуры отгадки «кристаллики льда».

Встречаются также метафорические образы:// Крашено коромысло через реку повисло // . Ответом-денотатом является «радуга». В словаре под ред. А. П. Евгеньевой предложено следующее толкование: «Разноцветная дугообразная полоса на небе, образующаяся вследствие преломления солнечных лучей в дождевых каплях» [2]. В древности в быту очень часто использовали коромысло, которое было дугообразной формы, как и радуга. Для более точного описания используется причастие «крашено», которое соотносится с семантической структурой отгадки – «разноцветная полоса».

Загадкам присущи некоторые особенности, одна из которых – наличие индивидуальных сем. Такое явление в формулировке загадки не сравнивается с лексическим значением отгадки. Обратимся к примеру: // Встанет – выше лошади, ляжет – ниже курицы // [4]. Ответом-денотатом является «пыль». Компонент «встанет» соотносится с толкованием «взвешенные в воздухе» [2], так как при поднятии в атмосферу мелкие частицы остаются в воздухе; «ляжет» – останется на поверхности, соотносится с компонентом из толкования: «осевшие на поверхность». Перечисленные семы являются основными. Однако присутствуют индивидуальные признаки, которые не входят в состав лексического значения отгадки: «выше лошади» – «ниже курицы», так как это

мельчайшие твёрдые частицы, скопление которых способно охватить большую территорию или осесть на поверхность.

Выводы. Таким образом, важность номинации в языке заключается в поисках вербального соответствия тому или иному факту действительности для называния предметов, выражения мыслей, желаний и т.п. В рамках вторичной номинации изучаются ассоциации по сходству и различию между различными признаками элементов внеязыкового ряда и признаками нового обозначаемого. Загадка – особый вид номинации, воспроизводимый в условиях игры и специфической наивной (традиционной) картины мира.

Список литературы

1. Артёменко, С. Е. Вопросы семантики пословиц сравнительно с семантикой собственно фразеологизмов / С. Е. Артёменко // Вопросы семантики фразеологических единиц. – Москва, 1971. – 484 с.
2. Евгеньева, А. П. Словарь русского языка : В 4-х т. / А. П. Евгеньева // РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – Москва : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 1. А–Й. – 702 с.
3. Лозовой, А. Ю. К проблеме номинации. Особенности современной эргонимии / А. Ю. Лозовой, И. А. Названова. – 2013. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20448730>. (дата обращения: 26.02.2023).
4. Подюков, И. А. Русские народные загадки Пермского края: сборник фольклорных текстов с комментариями и истолкованиями / И. А. Подюков, А. В. Черных. – Санкт-Петербург : Издательство «Маматов», 2012. – 256 с.

УДК 81.373

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ КАК МОДЕЛЬ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО АКТУАЛИЗИРОВАННОЙ ЧАСТИ ЛЕКСИКОНА

Гаркавенко А. В.,
*обучающаяся 2-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Забашта Р. В.

garkavenko.asya@mail.ru

Введение. В работе рассматриваются вопросы, посвященные изучению основ психолингвистических исследований вербальных ассоциаций в современный период развития национального русского языка. Исследование организации и структурирования ассоциативных

полей помогает обнаружить множество общих закономерностей в их устройстве. Как правило, ассоциации представляют собой лексические объединения, задаваемые и организуемые словом-стимулом. Это подтверждает тот факт, что в наиболее общей структуре ассоциативного поля все элементы как по отношению к слову-стимулу, так и друг другу объединяются на основе собственно тематических отношений. Актуальность работы определяется возросшим за последние десятилетия интересом к проблематике организации лексикона человека, включая ряд вопросов, посвященных изучению современной языковой картины мира в целом и национальной языковой картины и ассоциативных полей в частности.

Целью данного исследования является краткое описание основных результатов комплексного анализа ассоциативных экспериментов (АЭ) и выяснения некоторых вопросов, связанных с природой вербальных ассоциаций. Данная цель обусловила постановку следующих задач: 1) рассмотреть теоретические основы изучения ассоциативного поля; 2) выявить, систематизировать и проанализировать номинативные единицы с компонентом значения 'прецедентный текст' и определить особенности их функционирования.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: описательный метод, который включал в себя анализ, сравнение и классификацию эмпирического материала и основных теоретических положений, метод семантической интерпретации, компонентного и контекстуального анализа, а также метод дистрибутивного анализа.

Результаты исследования. Исследование лексической системы языка в настоящее время сводится к объединению уже структурированных и описанных лексико-семантических полей, заполнению лакун, возникших между рассмотренными парадигмами, объединению последних в межуровневые семантические поля. Единицы семантического поля характеризуются понятийной соотнесенностью. Обычно единицей семантического поля выступает лексико-семантический вариант или все слово в случае его однозначности. Ввиду того, что ассоциации отражают некоторые существенные связи между объектами и явлениями действительности, а, следовательно, и между понятиями, то логично подчеркнуть их важную роль в строении лексической системы языка.

Язык представляет собой скрытую сущность, поэтому выражение возможно через проявленное слово, вербально, т.е. через речь. «Тем самым термин «язык», «языковое» должен использоваться в нашем случае в широком понимании как «вербальное средство выражения, т.е. равнозначно с термином «речь», «речевое»» [2, с. 274].

Ассоциативный эксперимент – это приём, направленный на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте. По справедливому утверждению Е. И. Горошко, «в свободном ассоциативном эксперименте требуется как можно быстрее ответить

первым пришедшим в голову словом-реакцией на предъявленное слово-стимул» [1, с. 132].

А. Н. Леонтьев отмечал, что на ассоциации, полученные при проведении свободного ассоциативного эксперимента, одновременно оказывают влияние два фактора: лингвистический (определенные характеристики слова-стимула) и прагматический (личность самого испытуемого и его жизненный опыт) [3, с. 12].

Ассоциативный эксперимент в современных психолингвистических исследованиях представляется надежным и высокоэффективным инструментом изучения и моделирования языкового сознания личности и языковой картины мира, выявления закономерностей их изменения в процессе развития.

Ассоциативные поля можно рассматривать как тематически однородные лексические объединения, задаваемые и организуемые словом-стимулом. Это говорит о том, что на наиболее общем уровне организации ассоциативного поля все его элементы как по отношению к слову-стимулу, так и по отношению друг к другу, объединяются на основе собственно тематических отношений.

Для подтверждения актуальности выбранной нами номинативной единицы с компонентом значения «прецедентный текст» (на примере рассказа А. П. Чехова «Дама с собачкой») и верифицируемости предположения о том, что культурно значимые элементы с региональным компонентом значения 'художественные тексты о Крыме' обладают прецедентностью, было проведено социолингвистическое анкетирование в форме свободного ассоциативного эксперимента, так как с его помощью можно определить прецедентные единицы, языковые стереотипы, фоновые знания, лингворегionalную компетенцию опрашиваемых и др.

В ходе проведенного эксперимента мы получили следующие вербальные реакции: для номинативного стимула 'Дама с собачкой' было получено 52 ассоциативные реакции, из которых ядро ассоциативного поля составили слова с максимальным количеством повторов среди реакций информантов, таковой для номинативного стимула явилась реакция *Ялта* (9). Ближнюю периферию составили слова, которые попали в центр ассоциативного поля, но оказались ниже по количеству реакций ядер поля, для номинативного стимула 'Дама с собачкой' – это *Чехов, книга* (5), *литература, красота* (3). Дальнюю периферию составило большее количество реакций. Для номинативного стимула – это *море, Крым, солнце, любовь, женщина, мужчина, собака, богатство, тепло, волны, променад, вечер, искусство, романтика, измена, ложь, пудель, произведение, душа, страсть, мимолётность, мгновение, больница, собачница, роскошь, золото, гламур, журнал, пейзаж, картина* (1).

Результаты эксперимента иллюстрируют уровень лингворегionalной компетенции крымчан, который можно определить как удовлетворительный (выше среднего).

Выводы. Таким образом, исследование особенностей организации и структурирования ассоциативных полей позволяет выявить целый ряд общих закономерностей в их устройстве. Ассоциативный эксперимент, в свою очередь, в современных психолингвистических исследованиях является надежным и эффективным инструментом изучения и моделирования языкового сознания и языковой картины мира, выявления закономерностей их изменения в процессе развития.

Список литературы

1. Горошко, Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента / Е. И. Горошко. – Харьков : Ра-Каравелла, 2001. – 320 с.
2. Тарасов, Е. Ф. Исследование ассоциативных полей представителей разных культур / Е. Ф. Тарасов, М. Е. Тарасова. – Москва, 1997. – 345 с.
3. Леонтьев, А. А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах / А. А. Леонтьев // Словарь ассоциативных норм русского языка. – Москва : МГУ, 1977. – 192 с.

УДК 372.881.111.1

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОГНИТИВНОГО КОМПОНЕНТА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ

Георгиади А. К.,

*старший преподаватель кафедры теории языка, литературы и
социолингвистики Института филологии ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И.
Вернадского»*

alexandros.georgiadi2012@gmail.com

Введение. Социокультурные аспекты обучения иностранным языкам вызывают интерес лингвистов, психологов, педагогов и социологов, исследования которых направлены как на изучение влияния культурных различий на процесс овладения языком, так и на влияние, которое язык оказывает на культуру и межкультурную коммуникацию. В контексте будущей профессиональной деятельности студент-филолог должен познать традиции и культуру стран изучаемых языков, поскольку это помогает более полно интерпретировать лингвистические и литературные тексты, имеющие общие и отличающиеся от других культур элементы. Кроме того, изучение культуры и традиций других стран расширяет кругозор филолога, позволяет ему лучше понимать и воспринимать другие культуры и менталитет, лучше адаптироваться в новой культурной среде и работать над международными проектами.

Целью данного исследования является освещение практических аспектов формирования когнитивного компонента социокультурной компетенции в обучении студентов-филологов.

Задачи исследования: уточнить сущность и компонентный состав социокультурной компетенции; охарактеризовать способы ее формирования у студентов-филологов на примерах интеграции медиаконтента.

Методы исследования. В работе использованы методы анализа и обобщения.

Результаты исследования. В самом общем виде социокультурная компетенция рассматривается как способность человека эффективно взаимодействовать с представителями других культур и адаптироваться к различным социальным и культурным контекстам [1]. Она включает в себя знание традиций, обычаев, языка, истории и культурных норм других народов, а также умение находить общий язык с ними. Ключевые компоненты социокультурной компетенции включают: 1) знания о культуре и традициях других стран и народов; 2) умение находить общий язык с представителями других культур; 3) готовность к адаптации к различным социальным и культурным контекстам; 4) умение уважительно относиться к представителям других культур и их традициям; 5) умение работать в межкультурной группе [4].

Социокультурная компетенция является необходимой для успешной работы в мире, который становится все более глобальным и мультикультурным. Она помогает людям преодолевать различия и конфликты, связанные с культурными различиями, и создавать условия для дальнейшего развития мировых отношений.

Формирование социокультурной компетенции осуществляется путем интеграции в обучение иностранному языку: 1) текстов и информации о культуре и традициях стран, где говорят на изучаемом языке (литература, статьи, фольклорные материалы, исторические данные и т.д.); 2) бесед на занятиях об особенностях культуры и традициях различных стран (детальное изучение праздников, традиционных блюд, национальных обычаев и т.д.); 3) видео- и аудиоматериалов, которые рассказывают о культуре и традициях других стран; 4) организацию экскурсий в места, где можно познакомиться с культурой и традициями на практике (например, поездка в ресторан национальной кухни, посещение музея, выставки или культурного центра); 5) выполнение проектов, связанные с культурой и традициями других стран (презентации, сочинения и т.д.) [2, с. 250].

Очевидно, что в современном контексте оптимальным решением является интеграция в обучение социокультурного медиаконтента на иностранном языке. Существует несколько способов интеграции медиаконтента в обучение культуре на иностранном языке: 1) использование фильмов и сериалов (например, отрывков из фильмов или сериалов, чтобы показать студентам различные аспекты культуры, такие как традиции, обычаи, музыку, танцы и т.д.; также можно использовать

субтитры для освоения новых лексических и грамматических структур); 2) использование аудио и видеотекстов (интервью с известными людьми, чтобы показать студентам, как они используют язык в повседневной жизни, дать студентам возможность услышать и понять различные акценты и диалекты); 3) использование социальных сетей и веб-сайтов (в Instagram, YouTube или TikTok можно найти короткие видео о культуре). Важно помнить, что использование медиаконтента должно быть умеренным и целенаправленным, чтобы не отвлекать студентов от основных задач обучения языку. Кроме того, важно учитывать уровень знаний студентов и подбирать материал соответствующий их уровню и интересам.

Осуществление анализа медиатекста о социокультурных аспектах обучения иностранному языку целесообразно использовать следующим образом:

1. Определить тип медиатекста: статью, видео, аудиозапись, презентацию и т.д.

2. Изучить контекст публикации: автора, издание, целевую аудиторию, время публикации и тематику.

3. Проанализировать содержание текста на предмет упоминания социокультурных аспектов обучения иностранному языку, таких как культурные различия, создание мотивации для изучения языка, использование реалий и т.д.

4. Оценить точку зрения автора на данные аспекты и соответствие ее современным трендам и подходам в обучении языку.

5. Сделать выводы о том, какие социокультурные аспекты важны для эффективного обучения иностранному языку, основываясь на анализе медиатекста [3, с. 144].

Поскольку анализ медиатекста требует навыков критического мышления и обширных знаний в области изучаемого языка и культуры, эффективность работы требует ознакомления студентов с соответствующим контекстом. Например, 1) при анализе новостного репортажа об акциях детей в поддержку климатической справедливости социокультурные компоненты могут включать общественный интерес к экологической устойчивости, активность молодежи, а также политические и социальные последствия протестов; 2) анализ телешоу о моде и красоте предполагает обсуждение стандартов красоты и моды, политические и социальные последствия использования определенных продуктов и практик; 3) анализ фильма о расизме в Америке может включать изучение исторических и культурных факторов, обусловленных расовыми различиями, вопросы социальной справедливости, и перспективы преодоления проблем; 4) анализ рекламного объявления о продукте для похудения позволит уточнить информацию о стереотипах относительно красоты и здоровья тела, маркетинговых стратегиях и методах повышения продаж.

Выводы. Такой подход к формированию когнитивного компонента социокультурной компетенции послужит не только расширению кругозора будущих филологов относительно культуры стран изучаемых языков, но будет способствовать критическому осмыслению сущности актуальных в современном мире проблем, формированию собственной гражданской позиции.

Список литературы

1. Азимов, Э. Г. Словарь методических терминов (теоретическое и практическое преподавание языков) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – Санкт-Петербург : Златоуст, 1999. – 334 с. – URL: <http://learnteachweb.ru/articles/azimov.pdf>. (дата обращения: 02.02.2023).
2. Гальскова, Н. Д. Методика обучения иностранным языкам : учебное пособие / Н. Д. Гальскова, А. П. Василевич, Н. В. Акимова. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2017. – 350 с.
3. Георгиади, А. А. Подготовка будущих учителей филологических специальностей к профессиональной деятельности с применением медиа-образовательных технологий : специальность 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования» : дисс. ... канд. пед. наук / Александра Анатольевна Георгиади. – Ялта, 2014. – 255 с.
4. Сафонова, В. В. Лингводидактические размышления о медиативном образовании преподавателя-исследователя в системе языковой подготовки к международному партнерству и сотрудничеству / В. В. Сафонова // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. – 2021. – Вып. 1 (838). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvodidakticheskie-razmyshleniya-o-mediativnom-obrazovanii-prepodavatelya-issledovatelya-v-sisteme-yazykovoy-podgotovki-k/viewer>. (дата обращения: 02.02.2023).

УДК 81`23

ФЕНОМЕН РЕКЛАМЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Германенко В. О.,
*обучающаяся 2-го курса магистратуры Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Пономарёва А. В.

vika.germanenko.99@bk.ru

Введение. Психолингвистическая сущность рекламного сообщения выражается в воздействии на психику реципиента посредством языка, следствием чего является формирование установок, убеждений, регулирование поведения как отдельного индивида, так и общества в

целом. **Актуальность** данного исследования заключается в необходимости детального изучения специфики вербального компонента речевого воздействия.

Целью данного исследования является выявление психологических и лингвистических особенностей рекламного текста. Данная цель обусловила постановку следующих **задач**: 1) определить место рекламного текста в психолингвистике; 2) описать психологические особенности рекламного текста; 3) проанализировать лингвистические особенности рекламного текста на графико-фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях.

Методы исследования. В данном исследовании использованы дескриптивный метод и метод семантического анализа.

Результаты исследования. Анализируя текст с психолингвистической точки зрения, в центре внимания исследователя находится языковая личность и процесс речемыслительной деятельности индивида при восприятии и продуцировании текста. Текст исследуется как способ отражения действительности в сознании человека сквозь призму языковой системы.

Доминирующей функцией рекламы как направления в маркетинге является воздействие на аудиторию, что и определяет связь рекламы с психолингвистикой [3, с. 523].

Психологические особенности рекламного текста представлены когнитивным (информирование); аффективным (убеждение); суггестивным (внушение); конативным (побуждение) уровнями. На когнитивном уровне происходит передача определённого объёма информации, описание товара или услуги. На уровне аффективного воздействия происходит трансформация информации о товаре или услуге в систему установок, принципов и мотивов адресата сообщения. На уровне суггестии происходит воздействие на сознание и бессознательное потребителя. На конативном уровне маркетологами преследуется цель побуждения потенциального потребителя к приобретению товара.

Лингвистические особенности рекламного текста представлены на графико-фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях. Задачей адресанта рекламы является грамотный подбор языковых средств для достижения максимальной эффективности на каждом из уровней.

На фонетическом уровне учитывается влияние звуков на восприятие рекламного сообщения. Так, аллитерация (“Food, folks, fun”), звукоподражание (“Snap! Crackle! Pop!”) и графоны (“Sooper class model”) помогают привлечь внимание потребителя. Графическое выделение частей слова может быть использовано для создания эффекта двойного прочтения фразы (“aRMadillo An Internet First Mover”). Рифма используется для облегчения запоминания информации о товаре (“Nicorette, Nicorette, you can beat the cigarette”). Игра слов создает позитивный образ товара или услуги (“Pink positive”) [2, с. 47].

Особенности рекламного текста на морфологическом уровне представлены спецификой использования различных частей речи в рекламе. Имя существительное выполняет информативную функцию: конкретные существительные описывают характеристики товара (“Masters of detail”), абстрактные – обобщённые концепции и понятия (“Power. Beauty. Soul”). Глагол придаёт тексту динамичность, описывает те функции, которые выполняет рекламируемый товар (“We repair what your husband fixed”, “Every woman wears it her way”). Использование императивов обеспечивает реализацию воздействующей функции рекламного текста (“Just do it”, “Think different”). Имена прилагательные описывают свойства и признаки рекламной продукции. Часто используются прилагательные в превосходной степени (“The happiest place on earth”) [1, с. 280]. Личные местоимения в рекламных текстах делают повествование более доверительным, устанавливают контакт с потенциальным потребителем (“You’re in good hands”, “Because you’re worth it”).

Особенности выбора лексики в рекламных текстах обеспечивают эффективную реализацию воздействующей функции. В рекламных текстах часто наблюдается смешение стилей. Реклама может состоять из литературных или нейтральных слов и при этом включать разговорную лексику и сленговые слова, если она ориентирована на молодёжную аудиторию (“Gotta catch ’em all!”, “It’s Finger Lickin’ Good”). На лексическом уровне существует две основные тенденции: терминологичность и использование заимствований. Терминологичность позволяет охарактеризовать рекламируемый объект ёмко и компактно, а использование заимствований делает рекламу уникальной и повышает экспрессивность текста.

На синтаксическом уровне основное внимание уделяется структуре рекламного текста. В рекламе используется ряд стилистических фигур, обеспечивающих эффективность текста: анафора (“Never Stop. Never Settle”, “Have a break. Have a KitKat”), эпифора (“Keep Going And Going”, “What happens in Vegas, Stays in Vegas”), антитеза (“Never copy, always create”, “The Best or Nothing”). Риторические вопросы позволяют поставить вопрос, сообщить о проблеме, а затем предложить её решение (“Is It Love?”, “Have you ever had a bad time in Levi’s?”). Восклицательные предложения позволяют выделить определённые отрезки текста или целые предложения с целью усиления смыслового содержания (“You don’t have to pay anymore!”, “You decide what to wear!”). Также активно используется прием градации, что обеспечивает ритмичность и воздействующую функцию рекламного текста (“Luxury. Intelligence. Technology”, “The Few. The Proud. The Marines”). Внимание потенциального потребителя могут также привлечь инверсия (“Impossible is nothing”) и парцелляция (“Mustang Jeans never die. They just fade away”).

Выводы. Воздействие рекламы на психику потенциального потребителя осуществляется на когнитивном, аффективном,

суггестивном и конативном уровнях. Лингвистические особенности рекламного текста представлены на графико-фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях. Задачей адресанта рекламы является грамотный подбор языковых средств для достижения максимальной эффективности на каждом из уровней.

Список литературы

1. Дудникова, Л. В. О роли морфологических средств в рекламном тексте (на материале английского и французского языков) / Л. В. Дудникова, М. С. Шевченко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. – 2021. – Т. 21. – Вып. 3. – С. 277–281.
2. Аникина, Т. В. Фоностилистические особенности англоязычной и русскоязычной интернет-рекламы / Т. В. Аникина. // Филология : научные исследования. – 2021. – № 1. – С. 41–56.
3. Герасимова, А. П. Экспрессивные средства рекламного текста / А. П. Герасимова. – 2016. – № 17 (121). – С. 523–525.

УДК 371.398

РОЛЕВАЯ ИГРА В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ОНЛАЙН

Гриценко В. Ф.,
*обучающаяся 4-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Бондаренко Л. В.

v.gricenko21@mail.ru

Введение. Онлайн-обучение является неотъемлемым элементом образовательной системы XXI века. Интеграция технологий онлайн-платформ и интернет ресурсов способствует модернизации и трансформации методики преподавания и позволяет говорить о становлении личностно-ориентированного подхода. В рамках данного подхода ролевая игра получает широкое применение в качестве метода и средства обучения. Роль учителя трансформируется в помощника, супервайзера, гида, устанавливающего правила и обеспечивающего организацию образовательного процесса. **Актуальность** работы обусловлена недостаточным количеством методических разработок, демонстрирующих применение ролевой игры в обучении английскому языку онлайн.

Целью данного исследования является разработка комплекса заданий для обучения английскому языку онлайн с использованием ролевой игры и определение эффективности ее применения в обучении

иностранным языку. Данная цель обусловила постановку следующих **задач**: 1) изучить понятие ролевой игры, ее структурных элементов и этапов реализации; 2) рассмотреть особенности онлайн обучения; 3) выделить методические условия организации и проведения ролевой игры онлайн; 4) разработать комплекс заданий с использованием ролевой игры онлайн; 5) описать и проанализировать результаты опытно-экспериментального обучения.

Методы исследования. В данном исследовании использованы общие эмпирические методы – констатирующий и формирующий эксперименты, методы наблюдения и беседы, метод статистической обработки данных.

Результаты исследования. Ролевая игра, определяемая Р. П. Мильрудом, как «методический прием, относящийся к группе активных способов обучения практическому владению иностранным языком» [2], является эффективным средством создания мотивации к иноязычному общению. В структуре ролевой игры принято выделять **роли: социальные** (определяющие место в системе социальных отношений) и **межличностные** (обусловленные местом в системе межличностных отношений); **ролевые действия** и **исходную ситуацию**, включающую в себя субъект (участник разговора), объект (предмет разговора), отношение субъекта к предмету разговора, условия речевого акта. Исходная ситуация определяет такие виды ролевой игры, как *контролируемую, умеренно-контролируемую и свободную*. Умеренно-контролируемая и свободная ролевые игры предоставляют широкие возможности применения онлайн-платформ и интернет ресурсов [3].

Модели 3D формата с обзором 360 градусов, представленных на платформе *sketchfab.com* [5], позволяют ввести элемент визуализации и спонтанности в привычный формат ролевой игры. Так, использование 3D модели *100-Mega-Pack Low Poly Rigged People Characters* предполагает самостоятельный анализ возрастных, профессиональных и поведенческих составляющих, из которых складывается коммуникативная ситуация. Данная модель была применена для отработки темы *Professions* и времени *Present Simple*, в группе из трех учеников. Подготовительный этап заключался в случайной выборке представителей трех профессий (*pilot, officer, stewardess, worker, engineer, businessman, chef, waiter, doctor, nurse, teacher*) и самостоятельном распределении учениками ролей. Основным этапом представлял собой презентацию профессии, описание необходимых качеств и умений, диалог между представителями одной или нескольких профессий (описание рабочего дня). Модель 3D формата *Low Poly Rooms Interior 2 Low-poly 3D model* была использована на занятии в группе из двух человек для закрепления и активизации лексики по теме *House&Furniture, Prepositions of place* и грамматической конструкции *There is / There are*. Подготовительный этап заключался в распределении ролей (продавец дома, потенциальный покупатель). Основным этапом представлял собой диалог между агентом по продаже недвижимости и покупателем, целью которого являлось развитие коммуникативных

навыков в данном контексте и овладение актуальной лексикой: *Types of buildings (detached house, semi-detached, cottage, villa); Types of built-up environment (residential area, green area, housing estate, suburbs, outskirts); The exterior (back, front, balcony, chimney, letter box, gate, porch, patio, path); The interior (appliance, cooking/sleeping/ eating area); Adjectives (spacious, airy, cozy, furnished, with all modern conveniences, well-maintained, secure)* 3D модели *Low Poly City* и *Simple Poly City* были использованы в группе из двух человек для освоения навыка *Asking for directions* и закрепления лексического материала по темам *Places in town*.

Продуктивно использование видео популярного формата *Talking to strangers* также известного, как *Street interview*. Главным преимуществом является раскрытие личности говорящего: его социальных характеристик, общекультурного уровня, типа речевой культуры: коммуникативной компетентности, речевых навыков и предпочтений, коммуникативных намерений и даже настроения, состояние здоровья в момент речи [1]. В основу легли видео американского видеоблогера *Colby Martel (Why You Should Never Shop on Black Friday)*; видео британских каналов *Delescen Outights (What Is Your Favourite Movie? What Is Your Favourite Book?)* и *English Conversations with Jake (What do you do for a living? How has Covid affected your work? What do you do in your free time? English Conversation about your Work-Life Balance! What's your hometown like? If you could travel anywhere, where would you go?)* Подготовительный этап заключался в просмотре видео, отборе и освоении тематической лексики, самостоятельном распределении участниками ролей и формировании кластера вопросов. Основной этап представлял собой диалог на заданную тематику, позволивший освоить модель интервью и совершенствовать навыки диалогической и спонтанной речи с использованием новых лексических единиц.

Формат интервью был адаптирован для ученицы, посещающей индивидуальные занятия. Задание по видео *Jenna Ortega Reveals Wednesday's Best Outfits* [4] было ориентировано на интересы ученицы, актуальность изучаемого материала по теме *Casual Clothes & Special Outfits*. Подготовительный этап заключался в просмотре видео, разборе тематической лексики, обработке видео искусственным интеллектом *twee.com* [6] и составлении им 10 открытых вопросов. На основном этапе ученица в роли актрисы сериала давала развёрнутые ответы, используя названия предметов одежды (*fencing costume, wetsuit, dance dress*); деталей (*stitching, patterns, patchwork, buttons, classic silhouette, cut-out*); описательные прилагательные (*light, airy, stylish, creative*); устойчивые выражения (*stand out, be on the same page, boost confidence*). Видео данного формата были использованы и в обратном варианте. Ученику предлагалась роль интервьюера, предполагающая самостоятельное составление вопросов.

Заслуживает внимания формат *Hot News*, больше подходящий для учеников уровня *Pre-intermediate* и выше. Подготовительный этап

предполагал предварительный просмотр видеоматериала одним из учеников группы, выбранным на роль репортёра. На основном этапе его задача заключалась в презентации новости, в то время как другие ученики высказывали свое мнение. Игра была направлена на развитие кругозора и социальной включенности, активизацию аргументированной речи.

Выводы. Применение ролевых игр способствует эффективному использованию иностранного языка во всех его аспектах, повышает уровень мотивации, развивает память, мышление и воображение. Использование разработанного комплекса ролевых игр с применением интернет ресурсов показало, что ученики, изучающие иностранный язык в активной, игровой форме, в совершенстве овладевают грамматическими конструкциями и осваивают в среднем 70-80% нового лексического материала, групповой показатель превышает 80%. Обучающиеся приобретают навыки коммуникативного использования лингвистических ресурсов иностранного языка в различных прагматических контекстах.

Список литературы

1. Матьяш, О. И. Межличностная коммуникация: теория и жизнь / О. И. Матьяш, В. М. Погольша, Н. В. Казаринова, С. Биби, Ж. В. Зарицка. – Санкт-Петербург : Речь, 2011. – 560 с.
2. Мильруд, Р. П. Компетентность в изучении языка / Р. П. Мильруд // Иностранные языки в школе, 2004. – № 7. – С. 30–36.
3. Ролевая игра как средство развития умения диалогической речи на среднем этапе обучения иностранному языку (английскому). – URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/25097/1/RSVPU_2018_147.pdf. (дата обращения: 11.01.2023).
4. Jenna Ortega Reveals Wednesday's Best Outfits [Electronic Resource]. – Access mode: <https://m.youtube.com/watch?v=93kjX4lmHuE>. (Access date: 10.02.23).
5. Sketchfab [Electronic Resource]. – Paris, 2012. – Access mode: <https://sketchfab.com/>. (Access date: 15.01.2023).
6. Twee [Electronic Resource]. – New York, 2023. – Access mode: <https://twee.com/>. (Access date: 10.02.23).

ПЕРСПЕКТИВЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОБЛЕМЫ СВЕРХТЕКСТА КАФЕДРЫ РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Гришина С. А.,
*обучающаяся 1-го курса магистратуры Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: д. филол. н., доцент Курьянов С. О.

grishinasophia@gmail.com

Введение. Кафедра русской и зарубежной литературы Института филологии ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского» в последние годы активно исследует проблему сверхтекста. Современная теория сверхтекста требует сегодня не столько целостного осмысления, сколько новой систематизации и уточнения понятий и границ их значений, обусловленных современным уровнем литературоведческих исследований. Научно-исследовательская группа кафедры занимается выработкой методологических приёмов формирования научной рефлексии над результатами творческой литературной деятельности.

Целью данного исследования является выявление особенностей комплекса методологических приемов изучения сверхтекста как способа рефлексировать над результатом творческой деятельности креативного художественного сознания, эксплицированного в художественном произведении.

Данная цель обусловила постановку следующих задач: определение приёмов, используемых исследователями кафедры русской и зарубежной литературы, формирующих способность адекватно рефлексировать над литературным художественным произведением в рамках отдельных областей литературоведческой науки, а именно над вопросами: различных форм сверхтекстов; проблематики и поэтики классической и современной прозы; изучения жизни и поэтического наследия стихотворцев; традиций и новаторства в драматургии; трансатлантизма в мировой литературе.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие подходы и методы: биографический метод, социально-культурный подход, мифологический подход, структуралистский подход, интертекстуальный подход.

Результаты исследования. Современная теория сверхтекста претерпевает систематизацию, уточнение понятий и границ значений, обусловленных современным уровнем литературоведческих исследований. Научно-исследовательская группа доцентов и профессоров кафедры, а также обучающиеся старших курсов бакалавриата, магистранты и

аспиранты в рамках реализации государственной программы стратегического академического лидерства Приоритет–2030 представляют свои результаты и перспективы будущих исследований.

С. О. Курьянов, Н. П. Иванова, В. В. Курьянова в статье «Актуальные вопросы теории сверхтекста: литературоведческий аспект. Ассоциативно-смысловый сверхтекст» [3] предлагают уточненную классификацию сверхтекстов, определяют краткую характеристику структуры сверхтекстов разного типа и предлагают дефиниции сверхтекстов, относящихся к разному структурно-семантическому типу. При этом впервые в литературоведческой науке выделяют два вида сверхтекста – ассоциативно-смысловый сверхтекст и текстовое единство.

В статье М. А. Новиковой и С. О. Курьянова «Ифигениев текст как субтекст крымского (таврического) сверхтекста русской литературы (О формировании Ифигениевого мифа)» [4] впервые рассматривается миф об Ифигении как основа Ифигениевого сверхтекста. Данный миф и сформированный на его основе сверхтекст до настоящей работы в отечественной гуманитаристике не выделялись и не исследовались.

Исследование Н. П. Ивановой «Мифопоэтическая основа бахчисарайского текста» [2, с. 253–259] посвящено проблемам реализации восточного и райского вариантов крымского мифа в бахчисарайском тексте, а также аксиологической значимости данного топоса для отечественной культуры. Указанные мифопоэтические структуры эксплицированы на лексическом уровне и на уровне образной системы, что позволяет сделать вывод об очевидной аксиологической значимости топоса Бахчисарая в рамках отечественной культуры, а значит, – о возможности выделения данного вида сверхтекста.

А. А. Ильницкая и С. О. Курьянов в рамках публикации «Миф о Франции и французах в литературном наследии Н. А. Некрасова» [1, с. 273–278], обращаются к двум важным проблемам современной гуманитаристики: проблеме мифа и константных мифологизированных представлений; проблеме имагологических изысканий – восприятия чужого в художественном тексте.

И. В. Александрова исследовала цикл М. Н. Загоскина «Вечер на Хопре» как текстовое единство [2]. Основным результатом изысканий стало положение: целостность цикла задается авторским замыслом, тематической общностью составных частей циклического образования, их общей подчиненностью сквозной авторской идее, стилистическим единством и совокупной модальностью.

В своих работах последних лет Е. К. Беспалова выступает в качестве первооткрывателя в отечественном литературоведении проблемы трансатлантизма в литературе. В статье «Трансатлантизм как проявление мультивекторности в англоязычной литературе: итоги и перспективы» [1, с. 92–96] предпринята попытка рассмотреть феномен трансатлантической литературы. Трансатлантизм в англоязычной литературе представляет собой сложный, неоднородный межлитературный и кросскультурный

процесс, обладающий множеством характеристик, особенностей и черт, в частности, мультивекторностью.

Выводы. Практическая значимость исследований проблемы сверхтекста научно-исследовательской группы кафедры русской и зарубежной литературы заключается в том, что сформированные методики работы с художественным произведением применимы в организации научных исследований обучающихся. Перспективы научных исследований данной темы можно разделить по следующим направлениям: классификация различных форм сверхтекстов; уточнение проблематики и поэтики классической и современной прозы; изучения взаимосвязи жизни и поэтического наследия стихотворцев; выявление традиций и новаторства в драматургии; формирование концепции трансатлантизма в мировой литературе.

Список литературы

1. Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация : Материалы VII Международной междисциплинарной научной конференции. – Том 1 / под общ. ред. проф. А. Д. Петренко. – Симферополь : 2022. – 736 с.
2. Курьянов, С. О. Актуальные вопросы теории сверхтекста: литературоведческий аспект. Текстовое единство как сверхтекст / С. О. Курьянов, И. В. Александрова, Н. П. Иванова, В. В. Курьянова // *Litera*. – 2022. – № 12. – С. 33–51.
3. Курьянов, С. О. Актуальные вопросы теории сверхтекста: литературоведческий аспект. Ассоциативно-смысловой сверхтекст / С. О. Курьянов, Н. П. Иванова, В. В. Курьянова // *Litera*. – 2022. – № 11. – С. 124–136.
4. Курьянов, С. О. Ифигениев текст как субтекст крымского текста (О формировании Ифигениевого мифа) / С. О. Курьянов, М. А. Новикова // *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. – 2022. – № 4(41). – С. 121–130.

МОСКВА КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ И КОНЦЕПТ В РОМАНЕ Н. ФОН ШИРАХА «BLASSE HELDEN»

Демидова Д. А.,
обучающаяся 2-го курса магистратуры Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Перепечкина С. Е.

darya.demidova2000@mail.ru

Введение. Художественный образ является одним из ключевых понятий в литературоведении, представляющим универсальный способ познания окружающей действительности с эстетической позиции автора. Развитие когнитивного подхода в современных исследованиях привело к увеличению числа работ по концептуальному анализу литературных произведений. Вследствие этого возникло понятие «художественный концепт», которое наряду с художественным образом входит в состав литературных констант. Вопрос о содержании и взаимоотношениях представленных понятий является дискуссионным.

Актуальность работы заключается в недостаточной изученности термина «художественный концепт», отсутствии чётких разграничений между концептом и образом в рамках литературоведческих исследований.

Цель исследования заключается в описании характера взаимоотношений художественного образа и концепта на примере города Москва в произведении Норриса фон Шираха «Blasse Helden». Поставленная цель предполагает выполнение следующих **задач**: 1) разграничить понятия «художественный образ» и «художественный концепт»; 2) провести сопоставительный анализ художественного образа Москвы и его содержания как концепта; 3) сделать вывод по полученным результатам исследования.

Методы исследования. В данной работе были применены следующие методы исследования: сравнительно-сопоставительный метод, метод концептуального анализа, метод стилистического анализа.

Результаты исследования. Изучение множественных подходов к понятию «художественный образ» позволило установить, что под ним понимается конкретная, но в то же время обобщенная картина действительности, созданная автором при помощи вербальных средств и художественно-композиционных приёмов, и обладающая эстетической ценностью. Художественный концепт – это сложная ментальная единица индивидуального и коллективного сознания, зафиксированная в культурной памяти и вербализованная в авторском тексте.

И художественный образ, и концепт, бесспорно, являются единицами авторского сознания, формирующими художественную картину мира. Однако отождествление данных понятий является ошибочным ввиду имеющихся между ними различий.

Отличия образа от концепта могут быть представлены в качестве следующих положений:

1) художественный образ наделён целостностью и неделимостью, концепт же обладает многослойной структурой;

2) образ – это первая ступень познания действительности, в то время как концепт воспринимается на более глубоком ментальном уровне;

3) по типу репрезентации образ получает своё значение в процессе картинного (образного) мышления, а концепт – в результате формально-логического восприятия;

4) художественный образ всегда присутствует в тексте, а концепт можно лишь реконструировать по тексту;

5) художественный образ может рассматриваться как языковая репрезентация концепта, что обуславливает различие образа и концепта как видового и родового понятия [1].

Художественный образ Москвы в романе Н. фон Шираха раскрывается с помощью двух картин, которые то сменяют друг друга, то описываются параллельно, формируя целостное восприятие. С одной стороны, Москва – это нестабильный город, который пытается пережить 90-е годы всеми возможными способами, среди которых и ведение незаконного бизнеса, и растущий бандитизм, и распространение запрещённых веществ. С другой стороны, Москва – это «самый прекрасный из всех городов» [2, с. 36], который не забывает о своём культурном наследии, цитирует Толстого и Достоевского, и всё ещё способен жить, чувствовать, любить. Два разных видения одного города олицетворяют душевное состояние главного героя, который приехал в Москву, чтобы «найти лёгкость, которую он ... никогда не испытывал» [2, с. 11], но оказался одним из действующих лиц в происходящем хаосе. Москва полна противоположностей и конфликтов и, в первую очередь, – это конфликт эпох. Ностальгия по стремительно распавшемуся Советскому Союзу граничит с ожиданием «нового мира», который, на самом деле, уже приступил к установлению собственного порядка.

В тексте произведения Москва как художественный концепт находит языковую репрезентацию на различных слоях концепта. Предметный слой города представлен образами многочисленных промышленных предприятий (*der metallurgische Kombinat, die großen Stahlwerke, die Rohstoffabteilung, Tausende mit Stahl beladene Eisenbahnwagens*), малоосвещённых улиц (*schwach beleuchtete Trottoirs, der unbeleuchtete Innenhof*), шумных вечеринок (*regelmäßige Partys in der Stadtwohnung, Lärm des feuchtwarmen Zimmer, Dutzenden von Flaschen, die vielen Leute, die schlechte Luft und die importierte Popmusik*).

Предметный слой позволяет выделить составляющие понятийного слоя: «предприятия», «освещение», «улицы», «квартира», «жители города», «алкоголь», «музыка».

Образный слой концепта основывается на контрастном восприятии Москвы, которая иногда предстаёт холодной и тёмной, но способна «проясняться». Городской пейзаж также противоречив: он складывается из громоздких предприятий и роскошных зданий советского классицизма. Неоднозначность города проецируется и на людских взаимоотношениях: одни проявляют сочувствие и жалость, другие лишь ищут возможности позабавиться.

Ассоциативный слой взаимодействует с символическим, где Москва представлена как набор стереотипных образов-символов, олицетворяющих Россию и русскоязычное пространство в целом. Так, в тексте присутствуют «типичные» для русской культуры реалии: водка, медведь, Жигули, разбойные банды, заводы, холод, социальная опасность и политическая нестабильность.

Все описанные нами слои формируют на ценностно-оценочном уровне индивидуально-авторское видение Москвы как хаотичного, непостоянного, но живого и преобразующегося пространства постсоветского периода.

Выводы. Художественный образ и художественный концепт являются взаимодействующими и взаимодополняющими единицами авторского сознания. Они различны по своей природе и структуре, но рассмотрение их в комплексе позволяет на более глубоком уровне познать окружающую действительность, зафиксированную автором в художественной картине мира.

Список литературы

1. Тарасова, И. А. Образ или концепт? К вопросу о категориях авторского сознания / И. А. Тарасова. – Текст : электронный // cyberleninka.ru : [сайт]. – 2009. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-ili-kontsept-k-voprosu-o-kategoriyah-avtorskogo-soznaniya>. (дата обращения: 13.02.2023).
2. Schirach, N. Blasse Helden : Roman / Norris von Schirach. – München : Penguin Verlag, 2022. – 318 S.

ПОСТМОДЕРНИСТСКОЕ ВИДЕНИЕ ПРОБЛЕМ БЫТИЯ В ПЬЕСЕ ТОМА СТОППАРДА «ТРУДНАЯ ЗАДАЧА»

Дюсекеева М. Р.,
обучающаяся 4-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Научный руководитель: зав. кафедрой английской филологии,
к. филол. н., доцент Полховская Е. В.

dysekeeva_madina@mail.ru

Введение. После 9 лет творческого молчания в 2015 году выдающийся английский драматург Том Стоппард представляет пьесу «Трудная задача», в которой он рассуждает о тревожащей современных мыслителей проблеме сознания. Его интерес к данной теме обусловлен изучением работ Дэвида Чалмерса, выдающегося австралийского философа в области сознания.

Целью данного исследования является выявление особенностей постмодернистского видения проблем бытия в пьесе «Трудная задача».

Задачи исследования:

- изучить постмодернистскую эстетику;
- рассмотреть проблемы бытия, поднимаемые в пьесе;
- исследовать постмодернистское видение проблем бытия Томом Стоппардом.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие подходы и методы: культурно-исторический подход, метод интертекстуального анализа, метод символической интерпретации, метод стилистического анализа.

Результаты исследования. В постмодернизме курс взгляда смещен в сторону внутреннего мира человека. Его парадоксы, особенности становятся центральной темой обсуждения. Человек пытается раскрыть секрет собственного существования, однако, несмотря на достижения научного прогресса, многие аспекты остаются выше нашего понимания. Так, Том Стоппард, который известен своим необычным творческим подходом, в котором он отваживается рассмотреть феномены неподвластные научной и философской парадигмам, обращается к проблеме сознания.

В труде «The Conscious Mind» Д. Чалмерс выдвигает теорию о существовании трудной и легкой проблем в области исследования сознания. Легкая проблема остается прерогативой ученых, а трудная должна быть решена мыслителями. В первом виде проблем рассматривается механизм работы сознания. К трудной проблеме же

относится вопрос о том, для чего человеку нужно сознание: «Why is all this processing accompanied by an experienced inner life?» [1, с. 9]. Рассматривая феномен дуалистически, можно говорить о метафизическом и физиологическом происхождении сознания. Согласно первой идее, есть некоторая энергия, данная сверх-существом, Богом, а материалистическая теория предполагает, что существует физическое объяснение возникновения сознания, которое нами еще не открыто.

Том Стоппард же не останавливается на этом и размышляет о ценности сознания и сопутствующих понятиях, которыми руководствуется человек. Хилари, главная героиня пьесы, выбирает между двумя подходами к изучению человеческого сознания. Так, уже классическая система бинарных персонажей Стоппарда отображается в Спайке, который не способен задать важных вопросов, обходится простыми и понятными объяснениями («Flame – finger – brain; brain – finger – ouch. Consciousness» [2, с. 11]), и Лео. Последний посвящает свою жизнь изучению проблемы сознания и не принимает легких ответов: «...cognition – reasoning, imagining, believing...that’s hard. How does the brain do self-consciousness? – reference? – metaphor? <...> Where does it happening? How?» [2, с. 36].

Хилари также отличается смелостью в выдвижении гипотез, которые ставят ее репутацию ученого под сомнение. Она пишет статью под названием «Is God the Last Man Standing?», идея которой заключается в следующем: Бога нельзя отвергнуть за неимением другого рационального объяснения. Том Стоппард прямо говорит о том, что, несмотря на предубеждения современного материалистичного мира, искрой, порождающей сознание, могут в равной степени быть и некий неизведанный физиологический процесс и Бог.

В постмодернизме привычные устои морали и этики подвергаются сомнению. Стоппард так же задается вопросом, что же в действительности является злом или добром, и, рождается ли человек добрым или наоборот. Так, в произведении противопоставляются две идеи. Первая говорит о тотальном эгоизме человека и рассматривается на примере классической задачи из теории игр, «дилемме заключенного». Вторая же идея заключается в существовании подлинного альтруизма, примером которого является самоотверженная любовь матери к своему ребенку. Несмотря на то, что Спайк отвергает существование подобного феномена, Хилари не может позволить себе такого, глубоко переживая о своей дочери, которую она когда-то оставила, поэтому героиня не соглашается с профессором.

Типичный постмодернистский прием игры со смыслами проявляется на всех уровнях пьесы. Те темы, которые поднимаются персонажами, отображаются в их поступках и событиях. Так, «дилемма заключенного» косвенно опровергается поступками персонажей. Когда Бо подтасовывает результаты исследования для хорошей статистики и признается в этом Хилари, то главная героиня принимает весь удар на себя. Она видит потенциал Бо в области психологии и научных исследований, а также искренность ее намерений, поэтому действует против своей выгоды,

поступая благородно, что показывает несостоятельность «дилеммы заключенного». К тому же, в их совместном исследовании показано, что дети рождаются добрыми, становясь злее по мере взросления. Однако главная героиня в самом начале пьесы вспоминает о ее школьной банде и их жестоких поступках по отношению к другим детям. Так, автор не дает окончательного решения этической проблемы о врожденности или приобретенности доброты.

Тем не менее, Стоппард вновь обращается к сложной системе хаоса, в котором проступает еле заметный паттерн. Судьбы Хилари и ее потерянной дочери Кэтрин все же связываются причудливым образом, будто показывая, что молитвы и вера главной героини помогли ей найти верный путь.

Выводы. Том Стоппард не оставляет за собой последнее слово. Проблемы морали и сознания для него еще не решены, поэтому главная героиня также не высказывает ответа на свои вопросы, а только намечает путь, на котором она надеется найти ответы. В последней сцене она решает податься на философский факультет в Нью-Йорк, тем самым показывая, что верное решение трудной проблемы может быть найдено только в данной области. В постмодернизме философия и наука так тесно переплетаются, как никогда прежде, чтобы ответить на важный вопрос о сознающем уме. На примере духовного пути героини Стоппарда можно проследить, что проблема сознания может быть решена только при применении физических законов и их философского осмысления.

Список литературы

1. Chalmers, D. The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory [Electronic Resource] / Tom Stoppard. – Access Mode: [The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory : David J. Chalmers : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive](#). (Access date: 18.02.2023).
2. Stoppard, T. The Hard Problem [Electronic Resource] / Tom Stoppard. – Access mode: [The hard problem : Stoppard, Tom, author : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive](#). (Access date: 18.02.2023).

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО РОМАНА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ Д. ТАРТТ)

Ермолаева Э. К.,
обучающаяся 3-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Ломакина И. Н.

ermolaeva.elina3@gmail.com

Введение. Данное исследование посвящено выявлению особенностей жанра «университетский роман» на основе прозы американской писательницы Донны Луизы Тартт. Материалом исследования послужил роман «Тайная история» (*The Secret History*), изданный в 1992 г. **Актуальность** исследования обусловлена интересом отечественных и зарубежных учёных к жанру «университетский роман» и творчеству Донны Тартт, а также значимостью изучения жанрового своеобразия художественной литературы.

Целью исследования является выявление особенностей жанра университетского романа и изучение жанрового своеобразия «Тайной истории» Донны Тартт. В соответствии с поставленной целью предполагается решить следующие **задачи**: изучить понятия «жанр» и «род» в отечественном и зарубежном литературоведении; описать особенности жанра «университетский роман»; выявить жанровые особенности романа «Тайная история».

Методы исследования. В исследовательской работе используются метод текстового анализа, герменевтический подход, общепhilософские методы анализа и синтеза.

Результаты исследования. В «Научной энциклопедии терминов и понятий» описываются два способа выделения типов литературных произведений: «1) основываясь на разновидностях, сложившихся исторически; 2) опираясь на теоретическое осмысление возможностей словесного искусства» [1, Стб. 882–884]. В отечественном литературоведении закрепились гегелевская концепция понятия «род». Гегель (вслед за Жан-Полем) характеризовал эпос, лирику и драму с помощью категорий «объект» и «субъект»: «...эпическая поэзия – объективна, лирическая – субъективна, драматическая же соединяет эти два начала» [цит. по 3, с. 419–420]. Однако в современном литературоведении иногда выделяют четвёртый смешанный род – лироэпический. Жанры принято разделять по отношению к родам. Стоит выделить устоявшееся на сегодняшний день определение жанра: «Жанр – исторически сложившаяся, удостоверенная традицией и тем самым

наследуемая совокупность определённых тем и мотивов, закреплённых за определённой художественной формой, связывающая их между собой узнаваемыми чувствами и мыслями» [2].

Университетский роман – особая разновидность жанра «роман», в котором действие произведения происходит в кампусе университета, поэтому в английском литературоведении жанр называется ‘campus novel’. В основу общепринятой версии истории возникновения жанра положено мнение британского писателя Дэвида Лоджа [4]. Считается, что поджанр «университетский роман» возник в начале 1950-х гг., когда американская писательница Мэри Тереза Маккарти написала роман «Академические кущи» (*The Groves of Academe*, 1952), в котором она изобразила вымышленный колледж Джойслин.

Жанр университетского романа имеет свои особенности. Во-первых, это микросреда кампуса образовательного учреждения. В романе Донны Тартт «Тайная история» рассказчик делится своим первым впечатлением при виде колледжа: «Hampden College, Hampden, Vermont. Even the name had an austere Anglican cadence <...> I looked at a picture of the building they called Commons. It was suffused with a weak, academic light – different from Piano, different from anything I had ever known – a light that made me think of long hours in dusty libraries, and old books, and silence» [5, с. 12].

Вторая особенность жанра «университетский роман», которая очевидна и в «Тайной истории», – это то, что главными героями являются люди, проживающие в кампусе. Это студенты и преподаватели: Ричард Пейпен, Генри Винтер, Джуди Пуви, Джулиан Морроу, Эдмунд Коркоран, Джулиан Морроу, Камилла Маколей. Рассказчиком в произведениях этого жанра также чаще всего выступает студент или преподаватель учебного заведения. В анализируемом романе им является Ричард Пейпен – студент колледжа в Вермонте. Ещё одна важная черта «университетского романа» – персонажи проходят переосмысление себя и своих убеждений.

Так, например, Ричард Пейпен в «Тайной истории» вспоминает, как глуп и наивен он был в 20 лет, когда лежал в больнице из-за проблем с лёгкими: «The emergency room doctor told me that Henry had saved my life. This was a dramatic and gratifying thing to hear – and one which I repeated to a number of people – but secretly I thought it was an exaggeration. In subsequent years, however, I've come to feel that he might well have been right. When I was younger I thought that I was immortal» [5, с.103]. Здесь герой проходит переосмысление своего отношения к жизни, он осознаёт её хрупкость. Более того, он понимает, что его легко обмануть: «People don't pay attention to ninety percent of what they see» [5, с. 209–210].

Стоит также обратить внимание на скрытую критику образовательной системы, что присуще жанру «университетский роман»: подчеркивается непрактичность выбранной специальности (вплоть до того, что её закрывают после отъезда Джулиана, т. к. вести занятия просто некому), неспособность колледжа найти достойную замену профессору Морроу. Да и студенты Хэмпдена больше заинтересованы в вечеринках,

нежели в учебе, а администрация закрывает глаза на непрекращающуюся продажу наркотиков на территории кампуса. Спортсменам из братства также многое прощается, поскольку их родители состоят в попечительском совете.

«Тайная история» представляет собой синтез жанров, имеет черты романа-инициации, университетского детектива, триллера, романа-нуар и психологического романа. Многие исследователи отмечают наличие античного кода в произведении Д. Тартт и выделяют интертекстуальность романа как его важную характеристику в анализе жанровой специфики «Тайной истории».

Выводы. Жанровое своеобразие «университетского романа» заключается в следующих особенностях: 1) преимущественно университетский сеттинг произведения; 2) герои произведения – студенты и преподаватели; 3) рассказчиком является также студент, обучающийся в учебном заведении, в котором разворачивается сюжет; 4) становление героя под влиянием академической среды. «Тайная история» Донны Тартт – яркий пример университетского романа. Однако в этом произведении можно выделить также черты др. жанров.

Список литературы

1. Род литературный // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. – Институт научной информации по общественным наукам РАН : Интелвак, 2001. – Стб. 882–884. – 1596 с.
2. Энциклопедия Кругосвет. – URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/ZHANR.html. (дата обращения: 27.11.2022).
3. Эстетика / под ред. В. Ф. Георга ; в 4 т. – Т. 3. – Москва : «Искусство», 1973. – 667 с.
4. Lodge, D. Exiles in a Small World / David Lodge // The Guardian [Electronic Resource]. – Access mode: <http://books.guardian.co.uk/review/story/0,12084,1211200.00.html>. (Access date: 25.10.2022).
5. Tartt, D. The Secret History / Donna Tartt. – New York : Alfred Knopf, 1992. – 524 p.

УДК 811.166.1'42

**ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ А. А. АХМАТОВОЙ)**

Звонникова В. В.,
*обучающаяся 2-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Забашта Р. В.

vika.zvonnikova.04@mail.ru

Введение. В данной работе рассматриваются вопросы, посвящённые исследованию проблемы восприятия, интерпретации и понимания художественного текста как средства регуляции, т.е. речевого воздействия на читателя с помощью трансляции авторской идеи. Актуальность исследования заключается в необходимости выработки единой для различных направлений филологических исследований методики описания и интерпретации текста с учетом его функциональных качеств.

Целью данного исследования является иллюстрация действенности методики функционального описания и интерпретации художественного текста применительно к стихотворениям А. А. Ахматовой. Данная тема обусловила постановку следующих **задач**: охарактеризовать основные филологические подходы к анализу текста; сравнить и выявить различия между регулятивными, коммуникативными и эстетическими функциональными качествами художественного текста; очертить круг теоретических вопросов, включаемых в проблематику лингвистической герменевтики; охарактеризовать методику стилистического анализа текста Н. А. Рудякова; проиллюстрировать гносеологическую ценность такой методики применительно к интерпретации стихотворений А. А. Ахматовой.

Методика исследования. Нами были применены следующие методы лингвистического анализа: описательный метод, который был использован для раскрытия функциональных качеств художественного текста; метод стилистического анализа художественного текста, применённый для анализа и интерпретации поэтических текстов; контекстологический анализ, использованный для анализа словесного окружения интерпретируемых единиц; интерпретационный анализ, применяемый с целью истолкования как отдельных фрагментов текста, так и для решения задачи понимания идеи индивидуально-авторского отношения к предмету изображения; элементы позиционного видения поэтического текста, заключающиеся в попытке выявления в тексте типичных сильных позиций, а также языковых средств, занимающих такие

позиции; лексикографический метод, позволяющий выявить значения лексических единиц.

Результаты исследования. Текст рассматривается как первичная данность и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины [1, с. 12], в частности, как функциональная система, которая выполняет некую социально значимую функцию.

В 1970-х гг. Н. А. Рудяков разработал методику стилистического анализа текста, которую позже А. Н. Рудяков обосновал как функциональную по своим гносеологическим основам. Функциональный подход рассматривает естественный язык в качестве динамичного явления, особого средства воздействия на сознание человека (регулятивная функция): «Функциональный подход, исследуя отношения объектов к среде, изучает их роль в контексте целого» [2, с. 10]. Задача функционализма состоит в объяснении языковой формы через ее функцию, а «специфика художественного текста обусловлена сложностью и своеобразием содержания, которое этот текст выражает» [3, с. 153].

Художественное произведение появляется в результате «глубокого осмысления автором предмета, изображения, открытия в нём признака, неизвестного до этого момента или на периферии наших знаний о предмете. Этот признак, который автор считает истинным, возникает в художественном произведении как реакция на отражение предмета в обыденном сознании, как его отрицание.

Таким образом, Н. А. Рудяков и строит процедуру анализа художественного текста, которая используется при анализе лирического произведения:

1. Определение композиции, то есть исходной части произведения, в которой изображается факт объективной действительности, как он отражается в обыденном сознании, и основной части, выражающей отношение автора к изображаемому объекту, предмету, явлению;

2. Определение соотнесенности языковых средств в исходной, и с другой стороны, в завершающей частях произведения, – соотнесенности в результате которой в этих средствах возникает новый образный смысл;

3. Определение этого нового, образного смысла. Для этого, прежде всего, выявляется, стержневой элемент стиля лирического произведения, затем с помощью толкового словаря выявляется значение в общепринятом употреблении соотнесенной языковой единицы, выступающей в исходной части стихотворения, а затем выяснение семантического признака, который актуализируется в понятийном содержании слов, составляющих текст, и который обуславливает появление нового, образного смысла в соотнесенной языковой единице, выступающей в основной части стихотворения [Цит. по: 1, с. 49–50].

С целью иллюстрации особенностей исследовательских шагов с использованием методики стилистического анализа текста, предложенной Н. А. Рудяковым, обратимся к краткому разбору стихотворения А. А. Ахматовой «Родная земля». Слово сочетание «родная земля» имеет

значение 'место, где родился и вырос человек'. В начале стихотворения формируется образ людей, которые не ценят саму землю и чье отношение к ней является бытовым, лишено сакрального смысла. Данная мысль заключает в себе обыденный взгляд на предмет изображения в анализируемом стихотворении: автор использует глагольные формы с частицей НЕ, которые конкретизируют утилитарные отношения к родной земле: *«О ней стихи навзрыд не сочиняем, / Наш горький сон она не бередит, Не кажется обетованным раем. / Не делаем ее в душе своей / Предметом купли и продажи, / Хвоя, бедствуя, немотствуя на ней, / О ней не вспоминаем даже»*. Таким образом, предметом изображения в стихотворении является 'отношение человека к своей родной земле', которую, если принимать за исходный пункт рассуждений систему обыденных представлений о мире, он воспринимает лишь как место, где он родился и вырос. Строки *«Да, для нас это грязь на калошах, / Да, для нас это хруст на зубах. / И мы мелем, и месим, и крошим / Тот ни в чем не замешанный прах»* подтверждают ту мысль, что для людей родная земля – лишь грязь и прах. Но они не задумываются, забывают о том, что сами состоят из этого праха.

Индивидуально-авторский взгляд выражают последние две строки. Родная земля – это почва-прах, в которой человек будет похоронен после смерти и которой он станет после неё. Именно поэтому человек может назвать её своей. В анализируемом стихотворении стержневым элементом являются такие языковые единицы, выражающие понятие 'родная земля'.

Таким образом, в тексте выражена мысль о том, что родная земля – это не то место, где человек родился и вырос, а то место, где он умер и будет похоронен. То есть своей земля становится не в силу происхождения, а по праву быть в ней похороненным, вернувшись к истокам.

Выводы. Функциональный подход к анализу и интерпретации художественного текста рассматривает естественный язык в качестве динамичного явления, особого средства воздействия на сознание человека. Данный метод предполагает, что художественное произведение появляется в результате «глубокого осмысления автором предмета, изображения, открытия в нём признака, неизвестного до этого момента или на периферии наших знаний о предмете» [2]. Проанализировав художественный текст А. А. Ахматовой «Родная земля», мы выявили стержневой элемент, выражающий динамику развития авторского отношения к предмету изображения, а также иные средств словесной экспликации, подготавливающие семантическую соотнесенность единиц. Стихотворение может быть интерпретировано следующим образом: родная земля – это не то место, где человек родился и вырос, а то место, где он умер и будет похоронен.

Список литературы

1. Дорофеев, Ю. В. Функциональный анализ художественного текста / Ю. В. Дорофеев. – Симферополь : РИО ТЭИ, 2004. – 150 с.

2. Забашта, Р. В. «Ускорение сознания»: основы функционально-семантического описания поэтического текста : учебно-методическое пособие / Р. В. Забашта. – Симферополь : КРИППО, RISON, 2019. – 116 с.
3. Рудяков, А. Н. Топоры и тексты. Лингвистическая инструментология : учебное пособие / А. Н. Рудяков. – Москва : ФЛИНТА ; Наука, 2013. – 312 с.

УДК 82-1/-9

**ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ДЕТСКОГО ФЭНТЕЗИ
НА ПРИМЕРЕ ЦИКЛА КНИГ КОРНЕЛИИ ФУНКЕ
«ЧЕРНИЛЬНАЯ ТРИЛОГИЯ»**

Зеленская А. А.,
*обучающаяся 2-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Перепечкина С. Е.

kay.selebro@yandex.ru

Введение. В работе рассматривается жанр детского фэнтези в немецкой литературной среде, его разновидности и значимость. Творчество известных писателей-фантастов XX – XXI века, в частности, произведения Корнелии Функе, играют важную роль в эволюции детской литературы и помогают более полно восстановить историю этого жанра в Германии.

Актуальность работы заключается в выявлении жанрового своеобразия и тематических особенностей детского фэнтези на примере малоизученной, представляющей один из образцов литературы современности, серии книг Корнелии Функе «Чернильная трилогия» («Die Tintenwelt-Trilogie»).

Целью данного исследования является раскрытие специфики и характерных черт жанра детского фэнтези на примере «Чернильной трилогии» Корнелии Функе. Данная цель обусловила постановку следующих **задач**: 1) рассмотреть жанровые разновидности современных немецких произведений и их особенности; 2) раскрыть основные тенденции жанра фэнтези в Германии; 3) проанализировать основные литературные приемы и художественные традиции автора, используемые в «Чернильной трилогии»; 4) определить проблематику и жанровое своеобразие фантастических романов Корнелии Функе.

Методы исследования. В данном исследовании использованы методы лингвистического и литературоведческого анализа, сравнительно-

сопоставительный метод, метод семантического анализа, типологический подход.

Результаты исследования. Особенность немецкоязычной литературы заключается в ее глубине, качестве, а также в жанровом своеобразии. Говоря о немецкой фантастике, можно с уверенностью заявить, что она не занимается острыми насущными проблемами, поиском социальной истины (за исключением А. Эшбаха и Г. Франке) и путями спасения человечества (как русская фантастика).

Детская литература жанра фэнтези характеризуется ярким, образным стилем, что коррелирует с возрастными особенностями читателей [1, с. 160]. Особенной популярностью пользуется творчество Корнелии Функе – немецкой писательницы, автора более 50 детских книг и лауреата множества наград. Широко известны такие произведения как: «Повелитель драконов», «Король воров», «Чернильная трилогия». Функе даже называют немецкой Джоан Роулинг, и можно уверенно сказать, что она – один из самых популярных авторов немецкого фэнтези в современном мире [2, с. 343].

В своих произведениях Корнелия Функе продолжает литературные сказочные традиции Германии. «Чернильная трилогия» характеризуется по-настоящему богатым фантастическим миром, умением заинтриговать и пониманием психологии потенциальных читателей.

Фэнтезийный мир романов «Чернильное сердце», «Чернильная кровь» и «Чернильная смерть» наделен уникальными свойствами и существует на равных с реальным миром внутри книги, что сближает его с реальностью читателей. При помощи ярких образов и ряда литературных приемов писательница поднимает на страницах своих книг извечные вопросы о любви и дружбе, добре и зле, а также семейных ценностях. Для полного погружения в атмосферу Чернильного мира автор использует такие литературные приемы как персонификация, антитеза, сравнение, психологический параллелизм, эпитеты и ряд метафор.

Прием персонификации используется для характеристики природы, окружающей героев и мест, в которых они находятся: «*Die Häuser lehnten sich aneinander, als hielten sie einander in dem Arm; Regen trommelte immer noch mit nassen Fingern*».

Немаловажное место занимают сравнения. Они служат для выделения или подчёркивание явления или предмета, обращают на него внимание читателя: «*die Sonne hing blass am Himmel, wie eine Münze...; Häusern am Ufer flammten die ersten Lichter auf, wie Glühwürmchen oder herabgefallen Sterne*».

Метафоры в произведениях помогают привлечь внимание читателей к достаточно важным деталям, создать интересные психологические портреты героев: «*dieser Bücherarzt fuhr niemals ohne seine Tochter zu seinen Patienten*». Данная метафора отображает близкие отношения между переплетчиком книг (Мо) и его дочерью (Мэгги). Для описания способностей Огненного Танцора (Сажерука) К. Функе так же пользуется

метафорой: *Streichholzfressender*. Для изображения мрачного образа злодея Каприкорна автор включает в описание следующие метафоры: «*Totlachen; Knopfaugen; des schwarzen Mantels der Nacht*».

Использование в тексте эпитетов помогает усилить выразительность и образность языка произведения. Наиболее часто они встречаются при описании персонажей, например: «*blasse Augen; rußschwarze Jacke; farblose Lippen; käferkleinen Lächeln; nadelspitze Zähne*».

Отдельно стоит отметить роль интертекстуальности. Каждую главу «Чернильной трилогии» автор предваряет цитатой из произведений мировой литературы. Следует пояснить, что префиксация цитат представляет собой сознательное вмешательство автора в процесс чтения реципиента. Открытие каждой главы посредством эпитафии из известных литературных произведений (преимущественно для детей и подростков) потенциально должно вызвать интерес юных читателей к данным книгам.

Выводы. В современной немецкой литературе продолжают появляться новые идеи и образы, зарождающиеся в творчестве писателей-фантастов, которые часто способствуют трансформации старых и становлению новых научных и культурных традиций. Наибольших успехов немецкоязычные авторы добиваются в сфере детской и молодёжной литературы. Литературные приемы и яркие художественные средства «Чернильной трилогии» отображают продуманный фантастический мир с четкой логикой и законами, а также раскрывают образы главных героев. Трилогия носит не только развлекательный, но и воспитательный характер с элементами философии. Автор использует концепт «книги внутри книги», приближая мир «Чернильного сердца» к миру читателя, стирая границы между реальностью и вымыслом, а также помещая их на одном уровне бытия. Данное произведение представляет большой интерес с точки зрения лингвистического анализа и литературоведения и будет актуально не только для юных читателей, но и для более зрелой целевой аудитории.

Список литературы

1. Розинкина, Т. А. К вопросу о реализации образности и наглядности в детской литературе / Т. А. Розинкина // Опыт и перспективы обучения иностранным языкам в евразийском образовательном пространстве. – Барнаул, 2016. – С. 159–165.
2. Иванова, Е. А. Книги о книгах в литературе фэнтези / Е. А. Иванова // Известия Саратовского университета. – 2018. – № 18 (3). – С. 342–346.

**ПОЭМА А. БЛОКА «ДВЕНАДЦАТЬ»:
СОЦИАЛЬНОЕ И ФИЛОСОФСКОЕ**

Зябрева Г. А.¹, Ишин А. В.²,

¹ кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии, ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

² доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России

Института «Таврическая академия»,
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Введение. Вот уже более ста лет поэма А. Блока «Двенадцать» вызывает оживленные дискуссии. Истоки этих дискуссий следует искать в эпохе Великой русской революции, когда сформировалось непосредственное впечатление о произведении. Одни современники поэта были убеждены, что он создал оду революции (И. Бунин), другие, напротив, полагали, что это сатира на нее (М. Горький), и лишь немногие считали, что в поэме автор представил объективную картину «вздыбленной» реальности (К. Чуковский). В контексте этих мнений весьма показательной является точка зрения самого Блока, который в 1920 году с полной определенностью заявил: «...те, кто видят в «Двенадцати» политические стихи, или очень слепы к искусству, или сидят по уши в политической грязи, или одержимы большой злобой» [1, с. 474].

В данном признании чрезвычайно важным является акцент на том, что искусство есть один из ключевых способов познания сущего, который позволяет проникать в скрытые истоки происходящих процессов. А. Блок был в высшей мере одарен художественной интуицией, которая и помогала ему ощущать первопричины тех грандиозных тектонических сдвигов, которые совершались в мировой истории.

Целью работы является реинтерпретация поэмы А. А. Блока «Двенадцать».

Методы исследования. В качестве инструмента исследования используются дискурсивный анализ и принципы литературной герменевтики, позволяющие переосмыслить ключевые образы произведения, чем определяется **актуальность** и **научная новизна** публикации.

Постановка проблемы. Для того, чтобы понять истинное звучание поэмы «Двенадцать», нужно в первую очередь обратиться к образу, венчающему произведение, а именно: к образу Иисуса Христа. Напомним, что этот образ породил множество литературно-критических трактовок. Одни интерпретаторы видели в Христе личность, возглавляющую революцию, ведущую красногвардейцев вперед. Другие полагали, что в

лице Христа представлен Искупитель людских грехов, Который вновь берет на Себя это тяжкое бремя. Третьи приходили к выводу, что впереди двенадцати идет лжехристос, т.е. его подмена – антихрист.

Опять-таки ключ к пониманию финального образа поэмы дает сам Александр Блок. Обычно широко цитируют произнесенные им слова о том, что он недоволен фигурой Христа, возникающей в конце поэмы. Но в действительности автор отстаивал правомерность появления Христа на последних, по сути кульминационных, страницах произведения. «Я, – писал он 10 марта 1918 года, – только констатировал факт: если взглядеться в столбы метели на этом пути, то увидишь "Исуса Христа"» [2, с. 330]. Это высказывание находит подтверждение в воспоминаниях Корнея Чуковского. «Помню, – свидетельствовал он, – как-то в июне в 1919 году Гумилев в присутствии Блока, читал в Институте Истории Искусств лекцию о его поэзии и между прочим сказал, что конец поэмы <...> кажется ему искусственно приклеенным, что внезапное появление Христа есть чисто литературный эффект.

Блок <...> по окончании лекции сказал <...>, словно к чему-то присушиваясь:

– Мне тоже не нравится конец «Двенадцати» <...> Когда я кончил, я сам удивился: почему Христос? Но чем больше я вглядывался, тем яснее я видел Христа. И я тогда же записал у себя: к сожалению, Христос» [3, с. 409].

Таким образом, решение автора было вполне незыблемым, хотя и не свободным от сожаления.

Что же вызвало это сожаление? Ответ на этот вопрос, по нашему убеждению, содержат финальные строчки поэмы, где ключевое значение приобретают, как минимум, пять деталей, оригинальная трактовка которых и составляет **результаты проведенного исследования**.

Первое. Христос «от пули невредим». Как известно, такое состояние было Ему присуще после крестной смерти (во гробе и после воскресения из мертвых), что находит подтверждение во второй ключевой детали.

Сын Божий в «белом венчике из роз». Вполне очевидно, что венчик здесь – элемент погребального облачения, характерного для православной традиции.

Третье. Важнейшая деталь заключается в том, что Христос «за вьюгой невидим», т.е. Его видит только поэт, который самой миссией летописца обречен на объективное освещение происходящего. Следовательно, Христос, по определению, не может выступать ни вождем, ни искупителем нераскаянных убийц и погромщиков (свидетельством нераскаянности является главный императив их поведения: «идут без имени святого», «эх, эх, без креста». «пальнем-ка пулей в Святую Русь», «ко всему готовы, ничего не жаль»).

Четвертое. Христа мы видим с «кровавым», а не с красным флагом, что знаменует не романтическое упоение революционной стихией, а – ужас и трагедию происходящего.

И, наконец, пятое: Христос именуется Исусом с одной буквой «и», что характерно для «дониконовской», или той самой «Святой» Руси, которая ранее была воспета самим Блоком в цикле «На поле Куликовом».

Все перечисленные детали являются прямой аллюзией на пребывание Христа во аде, когда телом Он почивал во гробе, а духом сошел в бездну, чтобы вывести оттуда чаявших Его пришествия. Однако герои поэмы лишены возможности Его видеть, что само по себе становится наказанием и явным знаком духовной отверженности (как тут не вспомнить блоковское – «на спину б надо бубновый туз!»).

Неопределенный маршрут, по которому движутся строители нового мира, приобретает символический характер метаисторического растворения в нескончаемой апокалиптической вьюге, сметающей и пронизывающей всех и вся. А образ последней выступает скрытой, не вполне осознанной самим Блоком, но точной аллюзией на последний круг ада в поэме Данте Алигьери «Божественная комедия».

Выводы. На основании вышесказанного в работе удалось уточнить сущность авторской позиции Блока по отношению к исторической России и «новому миру», социальные и духовные ориентиры поэта; а также доказать, что посредством художественной интуиции он сумел постичь основной конфликт эпохи и выступить ее объективным летописцем.

Список литературы

1. Блок, А. А. Собрание сочинений в восьми томах / А. А. Блок. – Том 3. – Москва ; Ленинград , 1963.
2. Блок, А. А. Собрание сочинений в восьми томах / А. А. Блок. – Том 7. – Москва ; Ленинград , 1963.
3. Чуковский, К. Сочинения в двух томах / К. Чуковский. – Том 2. – Москва, 1990.

УДК 821.161.1

«ВЕЛИКОЕ ПЯТИКНИЖИЕ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО КАК ТЕКСТОВОЕ ЕДИНСТВО

Зябрева Г. А.¹, Шмигельская Л. Р.²,

¹ кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

² обучающаяся 4-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

linashmigelskaya@gmail.com

Введение. Одним из ключевых направлений современного литературоведения является изучение сверхтекстовых образований: их генезиса, специфики, типологии. На этом пути обозначились не только

серьезные достижения, но и определенные проблемы. Важнейшая из них связана с выделением особого структурно-семантического феномена – текстового единства. Если функционирование и особенности таких конструкторов, как топические, именные, событийные сверткесты уже получили достаточно емкое научно-теоретическое осмысление, то параметры и даже само существование текстовых единств вызывают острые дискуссии.

Понятно, что для объективного разрешения возникших споров, необходимо привлечение широкого круга разнородных литературно-творческих материалов, имеющих отношение к явлению сверткеста и его разновидностям, но не анализированных в этом качестве. Подобные материалы, без всякого сомнения, содержат прозаическое наследие Ф. М. Достоевского, в частности, пять романов писателя 1860-х – 1870-х годов.

Неслучайно получившие метафорическое определение «Великого пятикнижия», «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы» вполне обоснованно могут интерпретироваться как некая смысловая и образно-поэтическая «генерация», порожденная общностью религиозно-философских мотивов, психологических характеристик героев, идеологических универсалий, сюжетно-композиционных приемов и средств их художественного воплощения. Примечательно, что в науке о Достоевском концепция типологического «родства» произведений классика имеет давнюю историю, однако прежде они никогда не рассматривались в качестве целостного формально-смыслового комплекса, то есть сверткеста. В настоящей публикации впервые реализуется эта **цель**, чем и обусловлена **актуальность и научная новизна** работы.

Выдвинутая гипотеза подтверждается использованием **методик** культурно-исторического, структурно-семантического, концептного анализа, что позволяет аргументировать взгляд на совокупность итоговых романов автора как «циклоидное» формообразование – синоним текстового единства. Последнее же идентифицируется нами в качестве «авторской системы интегрированных текстов, которая характеризуется отчетливо выраженной единой модальной установкой и тождественно воспринимается авторским и читательским сознанием благодаря общности культурного кода» [3, с. 47].

Результаты исследования. Главным фактором, связующим отдельные «звенья» «Великого пятикнижия» в структурно-семантическую общность являются два мыслеобраза Достоевского: «подполье» и «живая жизнь», диалектически сложно соотнесенные между собой. При этом под мыслеобразом, то есть концептом, понимается «базисная категория мировоззрения писателя, запечатленная в художественной ткани его произведений» [2, с. 3–33].

Будучи контрастными по своему смысловому наполнению («подполье» знаменует искажение сущего, а «живая жизнь» – идеал

одухотворенного бытия), оба концепта предельно сближаются в функциональном отношении (обнадеживающий выход из подполья, по Достоевскому, возможен только в подлинную, то есть живую жизнь) и тем самым образуют содержательно-композиционный феномен, к которому одинаково логично применимы термины «концепт-оппозиция» и «концепт-пара». Именно этот феномен видится осью, которая обеспечивает текстовое единство романистики писателя, вовлечение ее конкретных «слагаемых» в несобранный, но объективно сложившийся художественный цикл.

«Подполье» представляет собой открытый художником индивидуально-авторский концепт, который по мере развертывания в его наследии обретает такую коннотационную насыщенность, что закономерно пополняет собой состав общелитературных концептов, а потом и культурно-исторических идеологем. Идея «живой жизни», напротив, не является оригинальной, а воспринимается мастером из зарубежной (немецкая) и отечественной (творчество славянофилов) словесности. Однако под пером классика она развивается в неповторимый, трансформированный в свете его собственных воззрений мыслеобраз, который в процессе художественной коммуникации приобретает статус общелитературной универсалии.

Содержание концепта «подполье» отражает глубокую ущербность человеческой природы вследствие некоего социально-психологического излома и включает в себя «...не только постоянную готовность “расплеваться со всеми”, забиться в свой идейный “угол”, но и вечную зависимость от взглядов, суждений, реакций другого... Это последовательная смена страданий от зависти, от неудачных попыток обратить на себя внимание, от сознания своего морального падения, от бесплодных раскаяний и угрызений совести» [4, с. 107–108].

Содержание концепта «живая жизнь» базируется на представлениях о «непосредственности», «действительности», «иррациональности» текущего бытия, его принципиальной умонепостижимости, чужеродности бесплодному теоретизированию. В отличие от предшественников, Достоевский сакрализует понятие «живая жизнь», видя ее основанием веры в Бога и мысль о бессмертии. «Элемент веры в живой жизни есть честь, совесть, человеколюбие, источник всего – Христос» [1, Т. 24, с. 256]. Отсюда проистекает поэтизация жертвенности, связи с землей, исповедания правды, самоотреченного материнства, любви ко всему Божьему творению.

Конструктивно-смысловая роль концепт-пары «подполье» – «живая жизнь» заметно повышается в случае корреляции ее компонентов с иными мыслеобразами Достоевского. Важнейшие из них – «беспорядок», «богатырство», «двойничество». «Беспорядок», декодируемый как «бесовский порядок», символизирует мрачный метафизический итог добровольного сокрытия в подполье. «Богатырство», расшифрованное как феномен духовного бытия, знаменует борьбу за Христову истину и

приобщение к ней в формах живой жизни. «Двойничество» открывает возможности расколотых души и сознания или «горняя мудрствовати и горних искати» [1, Т. 14, с. 66], или же навсегда погрузиться в преисподнюю подполья, где под видом упорядоченности царит бесовский хаос.

Выводы. Как видим, реализация стержневой концепт-оппозиции Достоевского и ее вариантов в пространстве «Великого пятикнижия» предают ему структурно-семантическую системность. А это позволяет доказательно рассматривать романистику писателя в качестве текстового единства.

Список литературы

1. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / Ф. М. Достоевский // АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); [редкол. : В. Г. Базанов (гл. ред.), Г. М. Фридендер (зам. гл. ред.), В. В. Виноградов и др.]. – Наука. Ленинградское отделение, 1972–1990.
2. Зябрева, Г. А. «Концепт» в литературоведческом дискурсе (на материале творчества Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского) / Г. А. Зябрева, С. В. Капустина // Концепт: грани понятия в современной науке [коллективная монография]. – Ногинск : АНАЛИТИКА РОДИС, 2015. – С. 4–44.
3. Курьянов, С. О. Актуальные вопросы теории сверхтекста: литературоведческий аспект. Текстовое единство как сверхтекст / С. О. Курьянов, И. В. Александрова, Н. П. Иванова, В. В. Курьянова // *Litera*. – 2022. – № 12. – С. 33–51.
4. Щенников, Г. К. Достоевский и русский реализм / Г. К. Щенников. – Свердловск : Издательство Уральского университета, 1987. – 349 с.

УДК 8-81.26

МЕМЕТ НУЗЭТНИНЪ ЭСЕРЛЕРИНДЕ ШИВЕ ХУСУСИЕТЛЕРИ («КЪЫРЫМНЫНЪ ЧЁЛЬ АЯТЫНДАН» ШИИРИ ЭСАСЫНДА)

Ибраимова З. С.,
обучающаяся 3 курса Института филологии
ФГАОУ «КФУ имени В.И. Вернадского»

Научный руководитель: ст. преп. Меджитова Э. Н.

Zera_ibraimovaaa@mail.ru

Кириш. Тюрлю язиджылар озь эсерлерини озь шивелеринде язалар. Къырымтатар язиджысы Мемет Нузэт истисна дегиль. Бу иште онынъ

эсерлеринде олгъан базы шиве хусусиетлерини кыскъадан бакъып чыкаджакъмыз.

Ишнинъ актуаллиги. Къырымтатар тилининъ земаневий алы шивелеримизнинъ терен огренилювине мухтадж. Бу къырымтатар тилининъ шивелеринде сакъланып къалгъан уникаль шекиллернинъ сакълап къалмасы ичюн керектир. Мемет Нузэтнынъ эсерлеринде бир чокъ шиве хусусиетлерини расткетиремиз. Бу шиве хусусиетлерининъ огренилюви ве талили ишнинъ актуаллигини тертип эте.

Ишимизнинъ макъсады Мемет Нузэтнынъ «Къырымнынъ чель аятындан» шииринде шиве хусусиетлерини бельгилемектир. Макъсадымызгъа коре бойле **вазифелерни** чезеджекмиз: 1) шиве сёзлерининъ микъдарыны тайинлемек; 2) шиве сёзлерининъ кысмий фонетик, грамматик ве лексик талилини япмакъ; 3) шиве сёзлерини эдебий тилиндеки сёзлернен кыясламакъ.

Усуллар. Бу иште тенъештирюв методы (усулыны) къулландыкъ.

Чыкъарылгъан хулясалар. «Къырымнынъ чель аятындан» шииринде Мемет Нузэт бир чокъ шиве сёзлерини къуллана. Бу шиве сёзлери къырымтатар тилининъ шималь (чель) шивесине аиттир.

Айванларнынъ ады чешитине «чыбын» сёзю кирсетиле. Эдебий тильде онынъ шекли «чибин». Мында биз фонетик денъишмесини коремиз. Сёзнинъ тамырында «**ы**» сеси «**и**» сесине денъишти.

Невбеттеки чешит – арекет бильдирген фииллери. «*Ич ойланмаз куфлю ерден инсан нелер къазаныр*» шиир сатырында «*ойланмаз*» сёзюни расткетиремиз. Эдебий тильде бу сёзнинъ манасы – тюшюнмез. Яни, «акъылына кельмез» деген манасында къулланыла. Мында биз лексик денъишмесини коремиз.

Бундан гъайры, «**дий**» сёзю бар. Шу сёз эдебий тилинде «айта» киби терджиме этиле. Мында да лексик денъишмеси къайд этиле.

Шиирининъ даа бир сатырында «*джашамакъ*» сёзю расткеле. Эдебий тилинде бу сёз «яшамакъ» киби къулланыла. Бу сёзде биз фонетик денъишмесини коремиз. Сёзни эдебий тильге чевиргенде, шиве сёзнинъ башындан «дж» сеси къулланылмай ве эдебий тильде «яшамакъ» шекли къулланыла.

Къартлар джолун, баба джуртун мукъаддес деп танырлар. Бу шиирнинъ сатырында шималь шивесине аит эки сёзни расткетиремиз: *джол* ве *джурт*. «*Джол*» сёзю эдебий тилинде *ёл* демектир. Фонетик денъишмесининъ нетиджесинде «дж» къулланылмай ве эдебий тилинде *ёл* ола. «*Джурт*» сёзюнинъ талили тамам бойле. Мында да сёзнинъ башындаки «дж» сеси тюшип къала ве эдебий тильде «юрт» сёзю пейда ола.

Энди исе эв ве онынъ элементлери, къурув ходжалыгъы, къуруджылыкъ мальземелери чешитине кечемиз. Бу чешиттен шиирде «*уй*» сёзю расткеле. Эвельден халкънынъ зенаатлары эвнен багълы олгъан. «Эв» сёзюнинъ манасы тедкъикъ эткен шивемизде, яни чель шиведе *уй/ий*

деп кьулланыла. «Уй» сёзю кьыпчакъ тилине аит. Огъуз тиллерине ве кьадимий абиделерине еб > эв шекилинде келе.

Нетидже. Шиирнинъ фонетик, морфологик ве лексик талили эсасында Мемет Нузэтнинъ эсерлернинъ тили парлакъ шиве шекилини ташыгъаныны коремиз. Афсус ки, ишимизнинъ колеми Мемет Нузэтнинъ бир чокъ эсерлерини талиль этмеге имкян бермей. Шунунъ ичюн, биз бир шиирни талиль эттик. Бу шиирден мисаль ичюн еди сёзнинъ талиллерини япылды.

Кьуллангъан эдебият

1. Нузэт, Мемет. Кьырымнынъ чель аятындан : Сайлама эсерлер джыйынтыгъы / Мемет Нузэт ; [Н. С. Сейтягъев (тертип этиджи, изаатларнынъ муэллифи)]. – Симферополь : Доля, 2003. – 238 с.
2. Меджитова, Э. Н. Основные черты северного (степного) диалекта крымскотатарского языка в области словообразования и словоизменения / Э. Н. Меджитова // XV всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы диалектологии народов России». – Уфа : 2015. – С. 166–167.

УДК 81'367.623

ПОТЕНЦИАЛ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИДИСКУРСА КАК ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОГО РЕСУРСА В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА РУССКОЯЗЫЧНЫМ СТУДЕНТАМ

Ибраимова Ф. А.,

*преподаватель кафедры иностранных языков № 2 Института
филологии*

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

fatima.ibraimova.98@mail.ru

Введение. Данное исследование направлено на изучение способов и перспективы применения материалов СМИ как одного из эффективных средств поддержки естественной языковой среды в обучении русскоязычных студентов. В исследовании также рассматривается потенциал применения англоязычного медиадискурса в преподавании английского языка.

Актуальность работы заключается в раскрытии потенциала англоязычного медиадискурса как информационно-методического ресурса в преподавании английского языка русскоязычным студентам.

Целью данного исследования является рассмотрение способов применения материалов СМИ для обучения английскому языку. Данная цель обусловила постановку следующих **задач**: 1) обратиться к теоретическим основам и к практическим вопросам включения

информационно-методического ресурса СМИ в материалы обучения студентов; 2) определить преимущества и недостатки применения англоязычного дискурса в качестве информационно-методического ресурса в преподавании

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: дескриптивный метод, сравнительно-сопоставительный метод и метод интерпретации.

Результаты исследования. Изучение иностранных языков занимает значимое место в современном глобализированном обществе. Как следствие, научно-педагогические работники ищут эффективные методики и материалы для подготовки обучающихся к современному общению в постоянно меняющемся мире.

Использование различных видов медиатекстов в обучении иностранным языкам является разумным выбором по ряду причин. Во-первых, средства массовой информации предоставляют аутентичный «живой» языковой образец носителей языка для обучающихся. Они способствуют практическому подражанию естественной языковой среде. Студенты усваивают новый словарный запас и грамматические конструкции в контексте, т.е. в естественных словосочетаниях, что оказалось гораздо более эффективным, чем запоминание отдельных слов из словаря. Студенты соприкасаются с «настоящим» языком, не очищенным от нестандартных выражений и сленга.

Информационно-методический материал СМИ может быть «адаптированным» под разный уровень знаний обучающихся. Этот материал можно упростить до уровня чуть выше уровня студентов, что соответствует общепризнанным методикам преподавания иностранных языков. Кроме того, он может быть адаптированным для удовлетворения конкретных потребностей и интересов обучающихся. В данном случае материал СМИ является источником для одновременного развития навыков чтения, письма, разговорной речи и аудирования, отработки уже усвоенного материала, а также пополнения словарного запаса и грамматики. Первыми очевидными развиваемыми навыками являются чтение и аудирование. Согласно В. Тафани, «тексты СМИ также способствуют широкому чтению вне аудитории, давая учащимся уверенность, мотивацию и возможность продолжать чтение вне класса» [1].

Целесообразность изучения материалов СМИ на уроках заключается еще и в том, что СМИ признаются «четвертой властью». В век информационных технологий и мультимедийного воздействия обучение студентов в соответствии с требованиями современного мира обязательно предполагает развитие медиаграмотности, критического мышления и аналитических навыков.

Примечательно то, что ресурсы средств массовой информации являются идеальным материалом для изучения изменений, которые претерпевает язык. С одной стороны, средства массовой информации

точно отражают изменения, а с другой, исследователи признают большой вклад средств массовой информации в формирование новых норм языка. Английский язык в этом отношении очень динамичный язык, т.к. он особенно богат активными тенденциями заимствования и использования сленга. Русскоязычные студенты могут найти английский язык в средствах массовой информации эмоциональным, выразительным, насыщенным игрой слов и аллюзиями на историю и литературу, что значительно затрудняет восприятие оригинальных текстов СМИ без соответствующей подготовки студентов.

Планирование и подготовка к занятию занимают определенное время, а также требуют значительный творческий потенциал преподавателя. Преподаватель должен быть хорошо осведомлен во всех аспектах языкознания и культуры.

Помимо ряда преимуществ применения медиадискурса в качестве информационно-методического ресурса в преподавании английского языка, существуют также недостатки данного подхода. В. Бхуванесвари и Дж. Кристофер относят к сложностям применения материалов медиадискурса следующие: 1) такие удобства, как Smart Board, ЖК-проектор, подключение к Интернету, звуковая система могут быть доступны не во всех аудиториях; 2) преподаватели должны быть компетентны в обращении с технологиями; 3) вероятность того, что обучающиеся превращаются в пассивных наблюдателей, а не в активных участников занятия; 4) планирование и подготовка требуют дополнительного времени.

Тем не менее, положительные стороны преобладают над отрицательными. Вышеуказанные преимущества использования медийного текста на занятиях воспринимаются не только с точки зрения преподавателей, но и студентов. Студенты в целом положительно оценивают этот метод обучения и опрос об эффективности средств массовой информации в обучении английскому языку, проведенный В. Бхуванесвари и Г. Кристофером это доказал. Студенты согласились с тем, что использование средств массовой информации в обучении английскому языку разрушает монотонность и делает занятия более интересными.

Выводы. Применение англоязычного медиадискурса как информационно-методического ресурса в преподавании английского языка русскоязычным студентам имеет огромный потенциал. Так, студенты, обучаясь на материалах медиадискурса, оттачивают навык восприятия живой английской речи, а также расширяют фоновые знания посредством изучения аллюзий и игры слов в аутентичной англоязычной речи.

Список литературы

1. Манаенко, Г. Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку / Г. Н. Манаенко // Межвузовский сборник научных статей ; Серия «Язык. Текст. Дискурс». – Ставрополь : Пятигорск, 2003. – Вып. 1. – С. 26–40.
2. Dede, C. J. Six Challenges for Educational Technology [Electronic resource] / C. J. Dede. – Cambridge : Harvard Graduate School of Education, 2000. –

Access mode:
<http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.24.9345&rep=rep1&type=pdf>. (Access date: 10.02.2023).

3. Emmanuel, Iroh. The use of the mass media in teaching English language in secondary schools in Obingwa Local government area [Electronic resource] / Iroh Emmanuel. – Access mode: <https://www.masscomjournal.com/article/18/1-2-22-718.pdf>. (Access date: 12.02.2023).

УДК 821.161.1

ГРИНОВСКИЙ ТЕКСТ В РУССКОЙ ЛИРИКЕ XX ВЕКА КАК ПЕРСОНИЧЕСКИЙ СВЕРХТЕКСТ

Иванова Н. П.,
*доктор филологических наук, профессор кафедры
русской и зарубежной литературы Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

N-P-Ivanova@yandex.ru

Введение. Сверхтекстовый характер прозы А. С. Грина обусловил оформление в русской поэзии гриновского текста, являющегося, согласно классификации С. О. Курьянова [4], такой разновидностью именного сверхтекста, как персонический.

Целью исследования является анализ специфики указанного сверхтекстового образования как средства экспликации гриновского мифа.

Задачи исследования:

- 1) дать определения понятий «гриновский текст» и «гриновский миф»;
- 2) проанализировать результаты процесса мифологизации личности писателя, отраженные в гриновском тексте.

Методы исследования. В ходе проведенного исследования применялись методы литературной герменевтики и рецептивной эстетики, а также мифопоэтический метод литературоведческого анализа.

Результаты исследования. Современные авторы диссертационных исследований, в частности, Е. А. Козлова в работе «Принципы художественного обобщения в прозе А. Грина: развитие символической образности», Т. А. Парамонова в диссертации «Проза А. С. Грина как сверхтекстовое единство» указывают на возможность рассмотрения творческого наследия писателя как целостного сверхтекстового образования, породившего определенные «константные мифологизированные представления» (термин С. О. Курьянова [4]), которые легли в основу гриновского текста – разновидности персонического варианта именного сверхтекста, «базирующегося на

”тексте жизни” писателя (художника, учёного, политика и т.п.), значимого для общественного сознания и воспринимаемого в качестве либо всемирно, либо национально, либо культурно и проч. значимого персонического концепта, являющегося ядром свертхтекста»[5].

Вслед за М. В. Загидуллиной [1] и Т. Г. Шеметовой [12], давшими определение пушкинского мифа, мы можем определить гриновский миф как совокупность реакций на творчество и личность А. С. Грина. Однако, в отличие пушкинского мифа, сутью которого является признание А. С. Пушкина первым русским поэтом, анализируемый миф не имеет столь явного и бесспорного смыслового ядра. Процессы мифологизации личности А. С. Грина оказываются весьма разнонаправленными. Специфика тематики и поэтики гриновского творчества породила не только так называемый «романтизм критики» (В. Е. Ковский [2]), но и романтический характер рецепции личности писателя, нашедшей отражение в лирике русских поэтов XX века.

Мечта о море, зародившаяся в детстве после прочтения «Путешествий Гулливера» Дж. Свифта, разбилаясь о рутину матросского быта, поэтому шестнадцатилетний А. С. Гриневский был моряком всего около года и совершил только одно дальнее плавание, но мифологема «моряк» стала неотъемлемой частью гриновского мифа: в стихотворениях Вс. Рождественского «Капитан» и Г. Шенгели «Памяти Грина» он назван капитаном, а стихотворение Н. Мамаева начинается словами «*Великий Грин! Скиталец, флибустьер...*» [9].

Однако несбывшаяся мечта нашла свое осуществление на страницах книг и определила характер гриновского творчества, что оказалось ничуть не менее романтично, о чем очень точно сказал Б. Чичибабин в стихотворении «Памяти Грина»: «*По камушкам морским он радости учился, / весь застлан синевою, – уж ты ему прости, / что в жизни из него моряк не получился, умевшему летать к чемушеньки грести...*» [11, с. 378] Этот порыв к радости, полету и несбыточному вызвал к жизни еще одну мифологему – «сказочник», содержание которой с предельной полнотой раскрыл В. Стоянов в стихотворении «Грин»: «*Он жил среди нас, этот сказочник странный, / Создавший страну, где на берег туманный / С прославленных бригав бегут на заре / Высокие люди с улыбкой обманной, / С глазами, как отсвет морей в янтаре, / С великою злобой, с могучей любовью, / С соленой, как море, бунтующей кровью, / С извечной, как солнце, мечтой о добре*» [10, с. 216]. Указанную мифологему встречаем также в стихотворениях Л. Хаустова «Памяти А. С. Грина» («сказочник»), В. Куковякина «Город спрятан в листьях свежих...» («добрый сказочник»), Б. Чичибабина «Памяти Грина» («сказочник бездомный, небесную лазурь пронесший сквозь содом»). Эта же составляющая гриновского мифа реализована в следующих вариантах: «небывалой страны властелин» в упомянутом стихотворении В. Стоянова, «поэт» (М. Лисянский «Корзина белых роз»), «поэт» и «фантаст» (В. Смиренский «Песня о Грине»), «поэт» и «творец» (С. Марков «Рукопожатье Грина»), «собрат великого

Эдгара» (С. Марков «Александр Грин») – знаменитого представителя американского романтизма, чье творчество оказало весьма значительное влияние на А. С. Грина и чей портрет, как известно, висел в его доме.

Романтизации образа писателя способствовали мифологема «загадочный нездешний человек» и мифема «сердце Грина», характеризующие личность творца «блистающего мира». О «*русском сердце»* и «*бесхитростном сердце»* пишет В. Стоянов, о «*неумолчном сердце»* – А. Коваленков в стихотворении «Памяти Александра Грина». «*Таинственного Грина»* упоминает С. Марков. «*Он был особый, как никто, / И назывался – Грин... Он мог повелевать цветам / Цвести в снегах зимы. / Как будто жил он где-то там, / Где не бывали мы»* [8], – утверждает В. Смиренский. «*Всю жизнь он прожил там, и ни минуты здесь, / а нам и невдомек, что был он весь ОТТУДА»* [11, с. 378], – вторит ему Б. Чичибабин.

В то же время наряду с процессом романтизации личности писателя имел место процесс ее деромантизации, породивший мифологему «бродяга». Весьма далекий от романтического образ завсегдатая кабака и умирающего под забором гения создан в написанном от первого лица стихотворении С. Маркова «Александр Грин». «*В глухих углах морских таверн / Он встретил свой рассвет, – Контрабандист и браконьер, / Бродяга и поэт»* [9], – так характеризует писателя В. Смиренский. М. Лисянский объединяет мифологемы, свидетельствующие об указанных разнонаправленных процессах рецепции личности писателя: «*Поэт и путешественник, бродяга и матрос»* [6]. Так поступает и Б. Чичибабин, соединяя слова о нездешности и надмирности со следующей характеристикой: «*кабацкий бормотун, невдалый бедолага...*» [11, с. 378].

Выводы. Таким образом, гриновский (персонический) свертхтекст эксплицирует особенности рецепции личности А. С. Грина в русской лирике XX в., реализуя гриновский миф, оформляющийся посредством мифологем «моряк», «сказочник», «загадочный нездешний человек», отражающих процесс романтизации образа писателя. Однако мифологема «бродяга» свидетельствует о наличии обратного процесса – деромантизации указанного образа, что говорит не только о его неоднозначности и многоплановости, но и о необходимости разграничения бытийного и ментального уровней рецепции личности художника.

Список литературы

1. Загидуллина, М. В. Классические литературные феномены как историко-функциональная проблема (Творчество А. С. Пушкина в рецептивном аспекте): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / М. В. Загидуллина. – Екатеринбург, 2002. – 24 с.
2. Ковский, В. Е. Романтический мир Александра Грина / В. Е. Ковский. – Москва : Наука, 1969. – С. 11.
3. Козлова, Е. А. Принципы художественного обобщения в прозе А. Грина: развитие символической образности : специальность 10.01.01 : автореф.

- дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Козлова ; Псковский гос. пед. ин-т им. С. М. Кирова. – Псков, 2004. – 18 с.
4. Курьянов, С. О. «Тайный ключ русской литературы»: формирование и становление крымского текста в русской литературе X–XIX веков : монография / С. О. Курьянов. – Москва : ИНФРА-М, 2019. – 308 с.
5. Курьянов, С. О. Актуальные вопросы теории сверхтекста: литературоведческий аспект. Ассоциативно-смысловый сверхтекст / С. О. Курьянов, Н. П. Иванова, В. В. Курьянова // Litera. – 2022. – № 11. – С. 124–136. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39200. (дата обращения: 01.03.2023).
6. Лисянский, М. Избранная лирика / М. Лисянский. – URL: https://royallib.com/read/lisyanskiy_mark/izbrannaya_lirika.html#0. (дата обращения: 12.02.2023).
7. Парамонова, Т. А. Проза А. С. Грина как сверхтекстовое единство : специальность 10.01.01 : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Парамонова ; Самарский гос. пед. ун-т. – Самара, 2004. – 20 с.
8. Смиренский, В. Грин / В. Смиренский // Волжская новь : Литерат.-худож. альм. – Куйбышев, 1940. – С. 250.
9. Стихотворения памяти Грина. – URL: <http://www.newfoundglory.ru/pamyat/stihotvoreniya-pamyati-grina.html>. (дата обращения: 12.02.2023).
10. Стоянов, В. М. Стихотворения и поэмы / В. М. Стоянов. – Москва : Советский писатель, 1966. – 472 с.
11. Чичибабин, Б. А. В стихах и прозе / Б. А. Чичибабин. – Москва : Наука, 2013. – 567 с.
12. Шеметова, Т. Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. Г. Шеметова. – Москва, 2011. – 48 с.

**ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПОРТРЕТИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ
ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ
ИНТЕРВЬЮ С РУССКОЯЗЫЧНЫМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ
ЭТНОСОВ КРЫМА)**

Ильясова К. Р.,
*обучающаяся 4-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Забашта Р. В.

karinailya16@gmail.com

Введение. Проблема лингвистического портретирования является весьма развивающейся в исследованиях отечественных ученых. К данной теме обращались В. И. Карасик, М. В. Панов, Н. Н. Розанова, М. В. Китайгородская, Л. П. Крысин, Г. Г. Матвеева, Т. М. Николаева, Т. П. Млечко, С. В. Леорда, Р. В. Забашта, А. Н. Рудяков, Е. В. Осетрова, Т. П. Тарасенко, В. Я. Парсамова, Р. Ф. Пауфошима, С. В. Мамаева, Е. А. Земская, Н. В. Варнавских, Л. К. Чурилина, Е. А. Гончарова, Е. А. Иванова, Ю. Н. Курганов, М. В. Пьянова, и многие другие. Стоит заметить, что исследователей при создании такого рода портрета интересуют политические и научные деятели, представители различных профессий и определенного языкового коллектива. Становились объектом изучения и художественные персонажи. В фокусе нашего исследования находится речевой портрет представителей различных этносов Крыма, а именно: русского, украинца и крымского татарина. Полученные с помощью интервьюирования тексты позволяют выявить типичные и особенные черты, свойственные именно тем языковым личностям, которые проживают в Крыму, считают себя крымчанами и являются яркими представителями своего этноса.

Актуальность изучения темы лингвистического портретирования представителей этносов Крыма заключается в том, что на данный момент методики составления портретов людей конкретных национальностей в определенном регионе является недостаточно разработанными, однако позволяющими определить и охарактеризовать связь между языковой идентичностью и особенностями региональной языковой ситуации.

Наше исследование затрагивает анализ нескольких языковых уровней личности, в отличие от работ многих других авторов. Например, М. В. Панов делал акцент именно на фонетической составляющей. Данная работа позволяет выявить особенности крымского речевого портрета в двух направлениях: изучении вербальных реакций информантов и стилистическом анализе речевых структур в текстах-интервью.

Цель – охарактеризовать лингвистическое портретирование как способ описания языкового сознания и применить его программу к интервьюированию, позволяющему выявить основные признаки лингвистического портрета. Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

1. охарактеризовать понятия «лингвистический портрет», «уровни реализации речевой личности», «метод интервьюирования», «спонтанная речь»;

2. разработать программу интервьюирования, содержащую лингвистические признаки, которые отражают конститутивные характеристики языковой личности Крыма;

3. провести интервьюирование с четырьмя информантами – представителями различных этносов Крыма: русского, украинского, крымско-татарского, белорусского;

4. описать вербальные реакции информантов и построить на этой основе лингвистический портрет каждого из информантов;

5. выявить отношение информантов к родному и русскому языкам, языковой политике в регионе, тенденциям развития языка;

6. охарактеризовать уровень владения родным и русским языками информантов, особенности формирования и оформления ими собственной речи;

7. определить особенности стилевого и жанрового мышления информантов, вербализованных в текстах-интервью.

Методику исследования образует концепция социолингвистического описания языковой деятельности, некоторые положения георусистики, а также метод интервьюирования как основной прием получения языкового материала. Также в данном исследовании были применены следующие методы лингвистических исследований: сопоставительный метод, описательный метод, обобщение и систематизация известных данных, элементы статистического метода.

Среди вопросов, входящих в программу интервью, особое внимание было уделено следующим: отношение к родному языку, отношение к русскому языку, объем использования родного и русского языков. Это позволило выявить нам сходства и различия в представлениях о языке и культуре людей разных национальностей по отношению к реальной языковой деятельности индивида – представителя определенного этноса.

Результаты исследования. В ходе проведения интервьюирования с представителями трех этносов Крыма мы выявили особенности формирования суждений и оформления речи информантов. Полученные сведения позволили нам описать вербальные реакции информантов и построить на этой основе лингвистический портрет каждого из них.

Было выявлено, что все информанты высоко оценивают значимость русского языка для людей, проживающих в Крыму, и сами владеют, по их мнению, данным языком на высоком уровне. Мы выявили общие характеристики при описании русского языка в текстах-интервью: для

информантов это язык бытового и делового общения, язык повседневного чтения и просмотра ТВ, язык, необходимый для создания комфортных условий проживания в обозначенном регионе. Что же касается отношения к родному языку, то его также выделили такими характеристиками: язык бытового и делового общения, язык повседневного чтения. Однако родной язык, по мнению информантов, оказался неподходящим в качестве языка чтения и просмотра ТВ, поскольку каналы и книги в Крыму выпускаются в основном на русском.

Состояние родного и русского языков было охарактеризовано всеми информантами как неудовлетворительное: интервьюируемые связали русского языка с употреблением нецензурной лексики, стилистически сниженной и заимствованной лексики. Информанты посчитали, что большое значение имеет культура молодежи, поскольку именно люди этого поколения в большей степени негативно влияют на развитие языка. Эти наблюдения действительно важны, поскольку информанты отличаются по возрасту, статусу, национальности, месту рождения и частичного проживания и жизненным обстоятельствам, сформировавшим у них собственную систему ценностей.

На заключительном этапе исследования мы провели стилистический анализ структур в текстах-интервью. Здесь мы обратили внимание на особенности словарного запаса информантов, их способность грамотно и логично выстраивать диалог, отметили присутствие сложных предложений и вводных конструкций. В данной части работы мы отметили, насколько отличается понимание вопросов и строение ответов у людей разных национальностей. Информант, для которого родным языком является крымско-татарский, не смог ответить на все вопросы или же дал весьма сжатые и неинформативные ответы в ряде случаев, несмотря на достаточно высокий уровень владения языком. Мы выявили, что запинки в ответе могут быть связаны с конкретными чертами характера информанта, его пониманием вопроса и знанием терминологии, возрастными и национальными особенностями. Таким образом, мы изучили не только содержание взятых интервью, но и роль спонтанной речи в контексте данных интервью.

Выводы. Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о перспективности данной работы. Лингвистическое портретирование еще долгое время будет являться актуальной областью, поскольку объекты для исследования могут быть самыми разнообразными: от неординарных личностей и до групп, объединенных по самым разнообразным признакам.

Наша же область исследования, связанная с описанием лингвистических портретов представителей разных этносов Крыма, еще имеет перспективу дальнейшей успешной реализации: во-первых, речевому портретированию крымчан посвящено не так много работ; во-вторых, выбор людей различных национальностей позволяет рассмотреть отличия между представлениями о языке и культуре в условиях одного и

того же региона у представителей разных этносов, выявить общие черты и охарактеризовать особенности языковой идентичности.

Список литературы

1. Забашта, Р. В. Речевое портретирование как способ описания русского языкового сознания / Р. В. Забашта // Крымский гуманитарный вестник : сборник научных статей ; отв. ред. А. Н. Рудяков ; ГБОУ ДПО РК «КРИППО». – Симферополь : ИП «Минакир И. Л.», 2021. – С. 33–39.
2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность : учебное пособие / Ю. Н. Караулов. – Москва : Наука, 2004. – 264 с.
3. Седов, К. Ф. Речевое поведение и типы языковой личности / К. Ф. Седов // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург, 2000. – С. 298–312.
4. Тарасенко, Т. П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций / Т. П. Тарасенко. – Краснодар, 2007. – 280 с.

УДК 82.09

ИССЛЕДОВАНИЕ ЖАНРА КОМЕДИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В РАБОТАХ И. В. АЛЕКСАНДРОВОЙ

Келембетов Д. В.,
*обучающийся 1-го курса магистратуры Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: д. филол. н., профессор Александрова И. В.

dmitrykelembetov@mail.ru

Введение. Вопрос о художественных особенностях отечественной комедии достаточно активно поднимается как в русском, так и в зарубежном литературоведении. На сегодняшний день существует большое количество работ, рассматривающих эту проблему, но ученые еще далеки от окончательного осмысления данного феномена. Исследование произведений как популярных, так и менее известных драматургов позволяет расширить границы данного вопроса и проследить за тенденциями в зависимости от эпохи.

Целью данного исследования является анализ научных публикаций И. В. Александровой об особенностях жанра комедии в русской литературе. Задачи исследования работ И. В. Александровой о жанре комедии в русской литературе: выделение ключевые этапы развития жанра, рассмотрение творческой эволюции ключевых авторов, определение особенностей комедии как литературного жанра.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие подходы и методы: методика описания, сопоставительный метод, сравнительный подход, интертекстуальный подход.

Результаты исследования. Исследование жанра отечественной комедии имеет свои особенности в каждый период развития. Обратимся к статье «Проблема положительного героя в русской комедии 1800–1820-х годов» [4] И. В. Александровой, чтобы выявить ключевые имена и направления развития жанра.

В отечественной «высокой» комедии XVIII века разделение образности на негативную и позитивную осуществлялось на уровне слова: путем создания героя-идеолога, резонера, «прикрепленного» к сфере слова, обладающего высоким понятийным смыслом, формирующего бытийный уровень, в противовес герою-антагонисту, соотносённому со словесным воплощением пластической сферы быта, вещного мира.

В комедии начала XIX века эта стратегия сохраняется, хотя и претерпевает некоторые изменения, например, обнаруживается патриотизм героев. Начало XIX века принесло и новые принципы создания позитивных характеров. Ощущая эстетическую неравноценность образов отрицательных и положительных персонажей (последние по большей части схематичны, пассивны, основанная их функция – служить выражению авторских идей), драматурги первостепенную задачу видят в создании добродетельного героя, принимающего деятельное участие в развёртывании комедийного сюжета. Традиционная для комедии строгая этическая поляризация героев в первые десятилетия XIX в. не всегда выдерживается.

В статье «Комедиография 1800–1830-х годов и русская комедийная традиция XVIII века» исследовательница продолжает выявлять закономерности развития жанра комедии в первой трети XIX в. Обосновывается актуальность комедий XVIII века – постоянные постановки на сцене пьес Д. И. Фонвизина, В. В. Капниста, П. А. Плавильщикова, Я. Б. Княжнина и др., так и переиздания известных комедийных текстов.

В пьесах начала XIX в. широко распространены комедийные вариации обмана с «переодеваниями», неузнавания, ситуации *quiproquo*. Композиционный прием развернутой экспозиции конфликта – обсуждение слугами положения дел в доме – тоже был подсказан комедийной традицией XVIII в. Продуктивным оказывается прием удвоения, и не только на уровне любовной интриги, но и вне ее пределов, в сфере характеристики персонажей. Следование традиции обнаруживается на уровне текстовых и надтекстовых связей. Обнаруживаются и отступления от канонической схемы, что воспринимается как постепенно крепнущая тенденция (изменение роли любовной интриги в сюжете, трансформация системы персонажей, усложнение комедийного характера, средств выражения авторской оценки). Метатеатральность и театрализация

становятся неизменными чертами комедийного жанра, что окончательно определяет вектор развития драматургии этого периода [3].

Иной сферой интересов И. В. Александровой можно считать исследование жанра комедии в XX веке, тому подтверждением служит статья «Комедия Ю. Семенова «два лица Пьера Огюста де Бомарше»: принципы создания образа творческой личности» [2]. Уникальность данного исследования заключается в том, что впервые была проанализирована данная работа Ю. С. Семенова. Рассмотрена специфика воплощения в пьесе фактов биографии французского комедиографа, решения проблем «творец и общество», «художник и власть».

Исследовательница обнаруживает, что Ю. С. Семенов переосмысляет элементы жанровой модели историко-биографической драмы, сюжет которой основывается на рецепции жизненного пути автора «Женитьбы Фигаро», и дополняет ее жанровыми свойствами сатирической комедии с элементами фарса. Изучая проблему авторского метода драматурга, выявляется горькая авторская ирония, пронизывающая комедию. Такая черта соответствует наметившейся тенденции, характерной для национальной жанровой традиции: соединения в пространстве одной пьесы комических и драматических начал. Статья раскрывает и другие важные особенности данной комедии: для создания художественного образа автор привлекает приемы двойничества, металитературности и метатеатральности, а также весомый интертекстуальный пласт (цитаты из пьес и «Мемуаров» Бомарше, из А. П. Чехова, из либретто оперы Дж. Россини «Севильский цирюльник»).

Выводы. Исследования, проводимые И. В. Александровой в области определения особенностей жанра комедии в русской литературе, охватывают не только наиболее продуктивные и значимые эпохи, но и открывают науке и читателям новые имена и произведения, которые остались без внимания общественности. Жанр комедии на протяжении эпох сохраняет основополагающие категории, но при этом продолжают трансформироваться герои и ситуации, однако, намного медленнее, чем в лирике или эпосе.

Список литературы

1. Александрова, И. В. Комедиография 1800–1830-х годов и русская комедийная традиция XVIII века / И. В. Александрова // Русский язык в поликультурном мире : Сборник научных статей II Международного симпозиума ; отв. редактор Е. Я. Титаренко. – Ялта : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография Ариал», 2018. – С. 349–357.
2. Александрова, И. В. Комедия Ю. Семенова «два лица Пьера Огюста де Бомарше»: принципы создания образа творческой личности / И. В. Александрова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского: Филологические науки. – 2022. – Т. 8. – № 4. – С. 3–14.

3. Александрова, И. В. Метатеатральность и театрализация жизни в русской комедии первой трети XIX века / И. В. Александрова // Драма как феномен литературы и театра. – Симферополь : ИП Рубинчук А. Ю., 2018. – С. 15–27.

4. Александрова, И. В. Проблема положительного героя в русской комедии 1800–1820-х годов / И. В. Александрова // Межкультурные коммуникации: русский язык в современном измерении : тезисы докладов участников международной научной конференции ; отв. редактор Г. Ю. Богданович. – Симферополь : Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2020. – С. 165–168.

УДК 821.111

**РУССКИЕ РЕАЛИИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ
«ИЗ РОССИИ С ЛЮБОВЬЮ» ЯНА ФЛЕМИНГА**

Колодий М. И.,
*обучающаяся 4-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Мазина Е. Н.

kolodiy.mariya2002@gmail.com

Введение. В любом языке присутствуют лексические единицы, которые содержат в своей семантике ярко выраженный культурный компонент. Одним из таких классов слов являются реалии, которые писатели часто используют в своих произведениях для воссоздания необходимого этнического колорита.

Целью данного исследования является выявление типов и функций реалий в произведении Яна Флеминга «Из России с любовью» (“From Russia with Love”, 1957).

Задачи исследования:

- изучить сущность понятия «реалия»;
- рассмотреть классификации реалий;
- охарактеризовать типы реалий в произведении Яна Флеминга «Из России с любовью» и определить их функции.

Методы исследования. В данном исследовании использованы описательный и сравнительный методы, а также методы семантического и количественного анализа.

Результаты исследования. Анализом природы реалий занимался ряд отечественных ученых, среди которых О. С. Ахманова и Г. Д. Томахин. Из зарубежных исследователей следует упомянуть болгарских филологов С. Влахова и С. Флорина, которые сформулировали

детальную дефиницию этого термина: «Реалии – это слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому, будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, и, следовательно, не поддаются переводу на общем основании, требуя особого подхода» [2, с. 55].

Г. Д. Томахин выделяет такую специфику использования реалий в сравнении разных языков и культур: 1) реалия присутствует в одном языковом коллективе, но отсутствует в другой; 2) реалия используется в обоих языковых коллективах, однако в одном из них у нее возникает дополнительное значение; 3) сходные функции могут осуществляться в разных социумах с помощью разных реалий; 4) семантика сходных реалий может разлиться в разных сообществах [4, с. 14].

Вопросами классификации реалий также занимались различные филологи. В текущий период отсутствует единая классификация культурно-маркированных единиц. Например, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, используя эмпирический материал русского языка, распределили такие слова и словосочетания в рамках семи групп [1, с. 60]. Довольно подробно представлено деление реалий в предметной классификации С. Влахова и С. Флорина, хотя эти ученые не включают в нее имена собственные, многие из которых несут историческую и/или национальную окраску.

В этом исследовании, изучая русские реалии в романе Яна Флеминга «Из России с любовью», мы отталкивались от классификации Г. Д. Томахина. Всего методом сплошной выборки было отобрано 47 реалий. Все русские реалии были подразделены на группы, а именно: ономастические, реалии быта, общественно-политические реалии и реалии культуры.

Ономастические реалии являются основной группой, которая включает в себя много подвидов, среди которых:

- антропонимы: *Stalin, Lenin, Bulganin, Beria, Ivan Aleksandrovitch Serov*, например, «...these were a portrait of *Stalin* over the door, one of *Lenin* between the two windows...» [5, с. 18];

- марки сигарет (*Moskwa-Volga cigarettes*). Согласно классификации А. В. Суперанской – это фирменные названия [3, с. 193]. Например, «‘Let us smoke.’ General G. took out a packet of *Moskwa-Volga cigarettes* and lit one with an American Zippo lighter» [5, с. 20];

- почетные звания: *the Soviet Rifle Champion* («Colonel *Arkady Fotoyev*, father of the modern Soviet spy, and completed his small-arms instruction at the hands of Lieutenant-Colonel *Nikolai Godlovsky*, the Soviet Rifle Champion» [5, с. 16]);

- топонимы: *Moscow, Crimea, Feodosiya, Yalta*, например, «The villa was on the south-eastern coast of the Crimea, about half way between Feodosiya and Yalta» [5, с. 10]. Примечательно использование топонимов-прозвищ:

the Russian Riviera («It was one of many official holiday *datchas* along the favourite stretch of mountainous coastline that is part of the Russian Riviera» [5, с. 10]. Это перифрастическое прозвище приморской части Республики Крым, а само слово «ривьера» означает зону отдыха и туризма международной значимости.

В отдельную группу входят этнографические реалии, реалии быта. К их числу можно отнести культурно-маркированное слово *datcha*, которое является реалией быта и служит для обозначения национально-специфического жилища: «It was one of many official holiday *datchas*...» [5, с. 10]

Следующая группа формируется общественно-политическими реалиями. В ходе анализа был выявлен ряд реалий, относящихся к подгруппам «Исполнительные ведомства» и «Общественные учреждения»; их использование обусловлено спецификой жанра романа (шпионский детектив). Например, «He was the Chief Executioner of *SMERSH*, the murder *apparatus* of the *MGB*...» [5, с. 9]; «...the famous predecessors of the *MGB* – the *Cheka*, the *Ogpu*, the *NKVD* and the *MVD* – was in every respect a bigger man than Beria» [5, с. 22].

Неоднократно в романе были использованы реалии культуры, которые можно отнести к подгруппе «Театр и кино», например, «...her favourite prelude to *Boris Goudonov* being played by the Moscow State Orchestra on the radio...» [5, с. 37].

Выводы. В романе британского писателя Яна Флеминга «Из России с любовью» (“From Russia with Love”) были выявлены русские реалии из таких групп, как этнографические реалии (5 единиц (11%)), общественно-политические реалии (9 единиц (19%)), реалии культуры (3 единицы (6%)), ономастические реалии (30 единиц (64%)). Автор использует эти лексические единицы для реализации ряда функций: во-первых, это создание темпорального колорита. Воссоздается эпоха Советского Союза, что обуславливает употребление большого числа имен собственных, которые соотносятся с тем периодом. Во-вторых, с помощью топонимов создается географический колорит.

Список литературы

1. Верещагин, Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Москва : Русский язык, 1983. – 269 с.
2. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – Москва : Международные отношения, 1986. – 416 с.
3. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – Москва : URSS, 2007. – № 2. – 193 с.
4. Томахин, Г. Д. Реалии в языке и культуре / Г. Д. Томахин // Иностранная языки в школе. – 1997. – № 3. – С. 13–18.
5. Fleming, I. From Russia with Love [Electronic Resource] / I. Fleming. – Access mode: <https://www.fadedpage.com/books/20160104/html.php>. (Access date: 01.0.2023).

ЭРРАТИВЫ КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ПЕРЕДАЧИ ВЕРБАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В МЕМЕ

Корниюк Д. Д.,
*обучающаяся 3-го курса Института общественных наук и
международных отношений ФГАОУ ВО «Севастопольский
государственный университет»*

Научный руководитель: ст. преп. Цицкун В. В.

korniyuk02@mail.ru

Введение. Современные лингвисты определяют «мем» как единицу информации или смысла, которые передаются читателям (пользователям интернет-пространства) посредством образов и ассоциаций, музыкальных фраз, крылатых выражений – из одного сознания в другое. При таком подходе даже отдельное слово может проявлять себя как «мем», поскольку наделено конкретным смыслом, подвержено многократному воспроизведению и способно к быстрому распространению. А если слово экспрессивно окрашено (подобно эрративу), да ещё сопровождается «картинкой», то его действие на сознание, эмоции человека будет усилено в несколько раз.

В данной работе рассматриваются вопросы употребления эрративов как средств передачи словесной информации в меме, определяются условия их функционирования в мемах, а также устанавливается, насколько такое функционирование целесообразно с точки зрения литературной нормы. **Актуальность** нашего исследования обусловлена тем, что феномен мемов, несмотря на их широкую популярность в настоящее время, все ещё остается малоизученным, как, впрочем, и феномен эрратива. Новизна исследования заключается в попытке описания закономерностей сосуществования двух этих феноменов и их взаимодействия в условиях современной коммуникации.

Целью данного исследования является определение роли эрратива в процессе передачи словесной информации в меме как информационно-смысловой единице. Данная цель обусловила постановку следующих **задач**: 1) изучить средства передачи вербальной информации в меме, особое внимание уделив эрративу; 2) определить условия функционирования эрративов в меме; 3) установить целесообразность их употребления в меме; 4) изучить вероятность влияния мема на популяризацию эрратива.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: метод наблюдения, метод семантического описания и метод семантического анализа.

Результаты исследования. В современном интернет-пространстве всё больше набирают популярность такие информационно-смысловые единицы, как мемы. По мнению М. Эпштейна, «мемы – это смысловые гены или вирусы, передатчики не биологической, а культурной информации» [3]. Через слово, фразу, сопровождающие изображение, транслируются сведения о культуре отдельного носителя языка, группы, страны, в которой мем родился и стал распространяться.

Следовательно, невербальное изображение в меме всегда должно сопровождаться вербальным сообщением. При этом словесный образ занимает в этом союзе приоритетное место. Одна и та же «картинка», подписанная по-разному, транслирует неодинаковую смысловую информацию. Зачастую смысл мема меняется в зависимости от таких факторов, как мировосприятие человека, его эрудиция, культурные ценности, уровень образования и т.п. Словесный образ является стержнем мема, благодаря которому последний не только живёт в определённом социокультурном пространстве, но и существует в принципе. Если убрать информационный посыл, мем исчезнет. М. Эпштейн считает, что «слово – это и есть главный мем, самый заразительный из всех инфовирусов». Именно слово, по утверждению ученого, способно «путешествуя из сознания в сознание» насаждать там «корни будущих мыслей и дел» [3].

В качестве средств передачи вербальной смысловой информации в меме употребляются как единицы языка, так и единицы речи. Создатели мемов обращаются к лексико-фразеологическому богатству родного языка как к источнику речевой экспрессии и выразительности, активно используют стилистические возможности фонетики, синтаксиса, словообразования, играют со словом, придумывают каламбуры, новые слова и устойчивые обороты. Анализ мемных словесных образов показал, что часто в интернет-мемах встречаются различные виды эрративов, которые помогают, с одной стороны, упрощать и ускорять коммуникацию, с другой – используются в качестве игрового приёма (например, для передачи скрытого смысла) и/или для создания комического эффекта. Эрративы популярны в мемах, так как сами по себе эти единицы уже содержат определённую информацию. Они, являясь «отзеркаленной» версией литературной нормы, т.е. подвергшись такой графической обработке, при которой написание, закреплённое правилами русской орфографии, уступает место написанию, регулируемому эрративной нормой, выступают в речи как художественные средства для выражения экспрессии [2, с. 80].

Следуя принятой в научной литературе классификации эрративов на первичные и вторичные, мы выявили, что каждый 5 мем (около 95%) содержит в себе эрративную лексику, относящуюся к первичной стадии искажения письменной нормы. Например, «*шакалатка на акции*». В данной фразе ошибки допущены намеренно, слова письменно воспроизведены так, как они произносятся. В меме «*Mr бутенброд уходит нас об наружели*» тоже используются эрративы, но, в отличие от

предыдущих, они не являются полными: в слове «*бутенброд*» в середине корня буква «р» изменена на «н», а буквы, при написании которых можно допустить ошибку, не искажены; слово «*об наружели*», более подвергнувшееся деформации, тоже неполный эрратив (отдельно написана приставка «об» (не «ап»), суффикс «и» заменен на «е»). А вот в меме «*Хммм гдежэ мыш...*» оба эрратива – полные, первичные.

Выводы. Эрративы в мемах востребованы: с их помощью (за счёт сочетания антинормированного текстового материала и экспрессивно выраженного изображения) осуществляется гиперболизация словесного образа, закладываемого в меме для передачи конкретной информации. Мем, «заряженный» эрративом, выполняет сразу несколько функций: информирования, трансляции, репрезентации, не говоря уже об эмоциональной и фатической функциях. Такой словесный образ легче запоминается и быстрее воспроизводится при определённых речевых ситуациях. Проблема заключается в том, что с популяризацией мема растёт и популяризация используемого в нём эрратива, создаётся угроза выхода его за пределы микрогруппы, что в принципе недопустимо. Но, поскольку процесс творчества нельзя остановить, надо стремиться к тому, чтобы литературная норма была закреплена у носителей языка на подсознании. И в этом, как ни парадоксально, может помочь мем в качестве вспомогательного инструмента образовательного процесса.

Список литературы

1. Бочаров, А. Б. Мемы, мем-вирусы: их сущность и распространение в инфосфере и медийном пространстве / А. Б. Бочаров, М. О. Демидов // Управленческое консультирование. – 2020. – № 9 (141). – С. 92–100.
2. Корниук, Д. Д. Влияние эрративов на речь современной молодежи / Д. Д. Корниук, В. В. Цицкун // Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения. – 2023. – № 16. – С. 75-84.
3. Эпштейн, М. «Слово управляет царствами...»: Лексикология как идеология нашего времени / М. Эпштейн. – URL: https://www.emory.edu/INTELNET/dar_slovo_delo.html. (дата обращения: 01.03.2023).
4. Blackmore, S. The Meme Machine / Susan Blackmore. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 99 p.

ТОПОГРАФИЯ ЛОНДОНА В НЕОВИКТОРИАНСКОЙ ПРОЗЕ САРЫ УОТЕРС

Кохан О. Н.,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2 Института
филологии ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

olgakokhan03@mail.ru

Введение. Сара Уотерс (Sara Waters) – современная британская писательница, автор трех неовикторианских романов – «Tipping the velvet» («Бархатные коготки», 1998), «Affinity» («Нить, сотканная из тьмы», 1999), «Fingersmith» («Тонкая работа», 2002). Интервью с Сарой Уотерс свидетельствуют о ее глубоком интересе к истории и культуре Лондона, его социальной жизни. При этом Лондон понимается ею в духе современной геокритики: и как непосредственное переживание опыта нахождения в городской среде со своей топографией и своим динамичным социальным ландшафтом, и как городской палимпсест, несущий на себе разнообразные знаки прошлого; и как лондонский текст, целая семиосфера, содержащая в себе литературный и культурный интертекст.

Целью данного исследования является анализ лондонской топографии в неовикторианских романах Сары Уотерс.

Методология данного исследования базируется на культурно-историческом подходе с элементами геокритики.

Результаты исследования. В интервью Сара Уотерс неоднократно комментирует свое отношение к Лондону: «Я живу в Лондоне, я люблю Лондон и чувствую привязанность к лондонским местам, топографии города; мои персонажи, как правило, тоже... Сами географические локации Лондона говорят о социальных реалиях своего времени, о том, как именно были расположены улицы, Ист-Энд по отношению к Вест-Энду» [2, с. 49]. Образ палимпсеста возникает в словах писательницы: «Вы не можете идти по городской улице, не осознавая слоев истории...» [2, с. 49].

Прежде всего, следует отметить топографическую разметку пространства романа Уотерс «Tipping the Velvet». В тексте произведения присутствует немало культурных и топографических маркеров Лондона. Они представлены различными названиями, которые характеризуют и делают узнаваемой британскую столицу: названия улиц и районов – Strand (Странд), Whitehall (Уайтхолл), Pall Mall (Пэлл-Мэлл), Haymarket (Хеймаркет), Camden Town (Камден-Таун), West End (Уэст-Энд), East End (Ист-Энд) и др.; названия станций метро – Charing Cross (Чаринг-Кросс), Marylebone (Марилебон); названия достопримечательностей – Trafalgar Square (Трафальгарская площадь), National Gallery (Национальная галерея), Leicester Square (Лестер-Сквер); названия театров – Alhambra (Альгамбра),

Empire (Эмпайр), Criterion (Критерион), London Pavilion (Лондон Павильон), Prince's Theatre (Театр принца) и др.

Знакомство главной героини с Лондоном представлено как впечатляющее зрелище. Поездка по центральным улицам с известными мюзик-холлами – Пэлл-Мэлл (Pall Mall), привлекающим внимание светскими заведениями, и Хеймаркет (Haymarket), славящимся одноименным театром (Haymarket Theatre) и «Театром ее величества» (Her Majesty's Theatre) – не могла не впечатлить юную провинциалку: ««Театр ее величества». – Мистер Блисс кивнул влево, где показалось красивое здание. «Хеймаркет... «Критерион», или «Кри», – чудо-театр, построен целиком под землей... И наконец ... «Эмпайр» и «Альгамбра» – лучшие мюзик-холлы в Англии, где выступают сплошь звезды...» [3, с. 72].

Двойное, но в то же время сильное впечатление Нэнси от британской столицы как будто характеризует жизнь города, великолепного, но в то же время порочного: «Я не подозревала, что подобные театры вообще существуют на свете. Не знала даже, что существуют такие площади – одновременно грязные и роскошные, уродливые и величественные, где бок о бок стоит, прогуливается, слоняется всякий мыслимый и немыслимый люд» [3, с. 73]. В интервью Сара Уотерс отметила: «Я прекрасно понимаю свои отношения с городом и отношения с ним других людей, других сообществ, других этнических групп, то, как мы все используем город, и как у каждого из нас своя его версия. Я нахожу это интересным. Имеющая возможность переодеваться, чтобы свободно бродить по улицам героиня “Tipping the Velvet” в полном смысле ощущает этот опыт жизни других на улице» [2, с. 49].

В тексте романа также присутствуют названия мостов – London Bridge (Лондонский мост), Battersea Bridge (мост Баттерси), Lambeth Bridge (Ламбетский мост). Литературоведы говорят о значимой роли мостов в художественных произведениях, особенно когда речь идет о Лондонском мосте (London Bridge). Концепт «London Bridge» является весомым для организации лондонского текста английской литературы, реализуя в нем как негативные признаки – мост словно бы следит за жителями Лондона, подстерегает их, – так и семантический компонент «жизненный путь». Лондонский мост, являясь своеобразным символом города, порой выступает в роли безмолвного свидетеля поступков его жителей [1, с. 208]. Изображение мостов в романе Уотерс говорит о судьбоносных переменах, случившихся в жизни главной героини в британской столице: «Мы ходили к реке, стояли на Лондонском мосту, мосту Баттерси и на других мостах, расположенных в промежутке... Любуясь прогулочными лодками под Ламбетским мостом, я испытывала странный трепет при мысли о том, что совершила путешествие против течения: путь от неугомной столицы до сонного незамысловатого Уитстейбла я проделала в обратном направлении» [3, с. 97]. Лондон в романе «Tipping the Velvet» можно назвать пространством перемен и самопознания, местом проявления скрытой сущности, обретения призвания и своей социальной позиции.

В романе «Affinity» Лондон предлагается читателю как пространство, в котором имеются локации для осуществления самых смелых социальных и гендерных проектов и грез. Желание бегства в «грезу», стремление к пересечению границ встречается в настойчивом упоминании вокзалов (Waterloo station (вокзал Ватерлоо), Victoria Station (вокзал Виктория), Pimlico (причал Пимлико) и моста Albert bridge (мост Альберта). Траектории движения героинь друг к другу самым любопытным образом высвечивают постоянную проницаемость социальных пространств. Читатель оказывается в центральных районах «лоскутного» Лондона, в социальном отношении весьма неоднородных: здесь трущобный Bethnal Green (Бетнал-Грин) и фешенебельный Chelsea (Челси), официальный Kensington (Кенсингтон) и судейский Holborn (Холборн), «итальянский» Clerkenwell (Клеркенуэлл), соседствующий с беднейшими кварталами Farringdon (Фаррингдон) и Islington (Ислингтон). Упоминаются восхитительный Sydenham (Сиденхем), рабочий Хакни (Hackney) и респектабельный Highbury (Хайбери).

Лондонский ландшафт романа «Fingersmith» представлен, прежде всего, беднейшими районами «социального дна», находящегося в самом сердце города. London Borough of Southwark (Саутварк) и его Lant Street (Лэнт-стрит), на которой некогда жил Чарльз Диккенс. Район, несомненно, знаком всякому современному жителю мегаполиса по до сих пор работающему пабу с «викторианской» вывеской The Gladstone Arms (Паб «Гладстон» на Лэнт-стрит назван по имени премьер-министра Уильяма Гладстона (1868-1874)). Так и в романе Уотерс сами названия улиц мгновенно вызывают в сознании читателя и непосредственную городскую топографию с ее полихромным социальным ландшафтом, и комплекс интеллектуальных ассоциаций, исторических и литературных отсылок к викторианской эпохе, буквально пронизывающих городскую палимпсест.

Выводы. Топография Лондона в неовикторианской прозе Сары Уотерс представлена в исторически точных локациях городской топографии, при этом наименования районов, улиц, площадей, парков, названия публичных пространств (мюзик-холлов, тюрем, выставок, музеев и др.) всегда имеют функциональное значение и для концепции романов, и для уточнения его социальной проблематики.

Список литературы

1. Шурупина, О. С. Культурное пространство Лондонского текста английской литературы / О. С. Шурупина, Г. И. Коротина ; Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2013. – № 8 (26). – С. 207–209.
2. Dennis, A. Sarah Waters on neo-Victorian narrative celebrations and why she stopped writing about the Victorian era / Abigail Dennis. – Neo-Victorian Studies 1:1. – 2008. – P. 41–52.
3. Waters, S. Tipping the Velvet / Sarah Waters. – London : Virago, 1999. – P. 542.

СЛОГАН КАК РЕГУЛЯТИВНАЯ ЕДИНИЦА (НА ПРИМЕРЕ РЕКЛАМНЫХ НОМИНАЦИЙ РОССИЙСКИХ КИНОФИЛЬМОВ)

Кривенко Ю. Ю.,
обучающаяся 2-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Забашта Р. В.

Juliana.kr777@mail.ru

Введение. В данной работе представлено лингвистическое описание кинематографического слогана, который считается одним из примеров форм проявления рекламной коммуникации. Слоган анализируется с опорой на регулятивную функцию: характеристика композиционных частей текста ориентирована на обнаружении структуры слогана, способной отразить наиболее важное содержание кинофильма, кроме того, анализ того, какие языковые средства и приемы способны обеспечивать эффективный результат воздействия на реципиента.

Влияние маркетингового слогана на сознание человека оставляет в нем образ, отличающийся своей выразительностью и особой яркостью, способный побуждать к каким-либо действиям. Актуальность данной работы заключается в обращении к анализу соотносительности компонентов слогана и компонентов особого текста – сюжетного синопсиса, что позволяет выявить понятийную полноту слогана и степень воздействия на аудиторию.

Цель исследования – проанализировать рекламный слоган как регулятивную единицу и показать его манипулятивный потенциал на материале слоганов из сферы кинематографа. Данная цель обусловила постановку следующих задач: охарактеризовать слоган как регулятивную единицу; на основе комплекса функционально-композиционных и номинационно-стилевых признаков текста провести анализ слоганов и определить их основные структурные и прагматические свойства.

Методика исследования. В данной работе использован описательный, лексикографический методы и функциональный подход к устройству рекламного слогана.

Существует много течений в лингвистической теории функционализма. В Крымской школе функциональной лингвистики ее теоретическая основа представлена в регулятивной теории: «текст есть инструмент воздействия на картину мира партнера по социальному взаимодействию... любое орудие обладает универсальной структурой и состоит из острия и рукояти... двумя основными частями текста есть острие и рукоять» [1, с. 5].

Для рекламы прежде всего характерна регулятивная природа языка, поскольку рекламные тексты создаются для того, чтобы повлиять на людей и чтобы заинтересовались определенной продукцией, т.е. в каком-то смысле управлять поведением людей. Инструмент воздействия в рекламе кинофильмов – это слоган: «Слоганом является самостоятельное рекламное сообщение, которое может существовать изолированно от других рекламных продуктов и представлять собой свернутое содержание рекламного текста. Цель рекламного слогана – вызвать положительную ассоциацию у потребителя по отношению к имиджу компании, продукту или услуге и впоследствии привлечь его как потребителя» [2, с. 278].

Результаты исследования. В данном исследовании мы применили номинационно-стилевой (анализ структурно-синтаксической, номинативно-стилистической характеристик, экспрессивной маркированности слогана) и функционально-композиционный анализ (учет прагматической пресуппозиции и регулятивной организации слогана).

Покажем на примере анализа слогана «Какой мир ты выбираешь?» к кинофильму «Черновик» действенность используемой методики:

1. Номинационно-стилевой анализ:

- 1) Структурно-синтаксическая характеристика. Слоган состоит из одного простого двусоставного распространенного вопросительного предложения.
- 2) Номинативно-стилистическая характеристика. Номинативная природа предложений выражает характеристику мира: его непостоянство и неограниченность. Прошлая жизнь и мир главного героя сравнивается с черновиком, потому что все его данные, воспоминания близких о нем, имущество – пропадает. Всё, что у него было до этого – всего лишь черновик перед сложной миссией: стать проводником между параллельными мирами, где ждёт его светлое будущее [3].
- 3) Экспрессивная маркированность. В данном слогане отсутствуют словные эмоционально-оценочные значения, но в предметном содержании текста закодирована возможность выбора между различными мирами. Поэтому слоган несет в себе потенциально положительную оценку.

2. Функционально-композиционный анализ:

- 1) Прагматическая пресуппозиция. Осознавая смысл данного слогана, реципиент обращается к уже имеющимся знаниям о мире, полученных в результате чтения различных текстов. Соотнеся слоган с названием («Черновик»), реципиент также обращается к имеющимся знаниям о том, что любому творению, даже черновику, есть автор. В совокупности вышесказанного утверждается теория о том, «что есть творец миров».
- 2) Регулятивная организация: композиционные особенности. Исходная часть слогана – «какой мир», основная часть – «ты выбираешь». Основная часть слогана обладает манипулятивным потенциалом, обращен непосредственно к подсознанию реципиента, то есть он находится на стадии вовлечения. Вовлечение через слоган означает, что человек осознает, что слоган обращается именно к нему и начинает причислять

себя к целевой аудитории кинофильма, даже если ранее он к ней не принадлежал. Способствует вовлечению использование местоимения «ты». Сосредотачивая внимание реципиента на том, что существует множество миров и среди них можно выбрать любой.

Выводы. Таким образом, слоган обладает функциональными качествами, которые позволяют оценить его регулятивную предназначенность и эффективность в определенном типе дискурса. Анализ кинематографических слоганов показал, что для лучшего понимания содержания кинофильма слоган нужно рассматривать в комплексе с названием кинофильма, так как самый распространенный тип слоган в данной сфере – связанный. Слоганы, состоящие из побудительного или вопросительного предложения, обращенные непосредственно реципиенту, увеличивают манипулятивный потенциал текста.

Список литературы

1. Рудяков, А. Н. Топоры и тексты. Лингвистическая инструментология : учебное пособие / А. Н. Рудяков. – Москва : ФЛИНТА, 2013. – 312 с.
2. Скнарев, Д. С. Языковые средства создания образа в рекламном дискурсе: семантический, прагматический, маркетинговый аспекты : дис. ... канд. филол. наук / Д. С. Скнарев. – Челябинск, 2015. – 390 с.
3. Черновик (фильм 2018) // Википедия. – URL: <http://www.wikipedia.org>. (дата обращения: 20.01.2023).

УДК 398.1 + 316.7 + 008

ОСОБЛИВОСТІ ІНТЕРПРЕТАЦІЇ НАРОДНОМАГІЧНОГО ХРОНОТОПУ В СУЧАСНІЙ ПОПУЛЯРНІЙ КУЛЬТУРІ (НА ПРИКЛАДІ МУЛЬТИПЛІКАЦІЙНОГО ФІЛЬМУ «КОРАЛІНА У СВІТІ КОШМАРІВ»)

Крутиков А. П.,
*магістрант I курсу Інституту філології
ФГАОУ ВО «КФУ імені В. І. Вернадського»*

Научный руководитель: к. филол. н., ассистент Кривенко О. В.

krutik0ff_official@mail.ru

Вступ. Дослідження інтерпретації фольклорного хронотопу в авторських наративах наприкінці ХХ – початку ХХІ століть набувають особливої популярності. Однак, якщо раніше з цією метою переважно використовувалися сюжетно-образні включення, то зараз «відбувається наскрізна репрезентація його у творі, “втягування” читача до магічного світогляду і погляд звідти (зсередини) на події» [3, с. 135; 4, с. 57].

Показовим у цьому плані є знятий за однойменною повістю Ніла Геймана мультфільм «Кораліна у світі кошмарів».

Метою дослідження є вияв особливостей авторської інтерпретації традиційного народномагічного хронотопу в сучасній популярній культурі на прикладі зазначеного мультиплікаційного фільму.

Основним завданням дослідження є визначення схожих та відмінних рис фольклорного та сучасного авторського бачення магічного часопростору.

Методи дослідження. У дослідженні використано переважно культурно-історичний та порівняльний підходи до вивчення наративів.

Результати дослідження. З 2005 по 2010 роки на світові прокатні екрани виходять «недитяче» дитяче мультиплікаційне кіно, яке по-новому інтерпретує фольклор. Їхню основу становлять перекази старих казок та міфів на новий лад. До таких відносимо, наприклад, мультфільми «Дев'ять» (2009), «Кораліна у світі кошмарів» (2009), «Труп нареченої» (2005) та інші.

За сюжетом мультфільму «Кораліна у світі кошмарів» події відбуваються одночасно в двох світах – реальному та «іншому». Така концепція є традиційною й для уснопоетичної творчості. Портал між світами знаходиться в будинку, до якого нещодавно в'їхала родина Кораліни. Щоб потрапити до порталу, треба відкрити чарівні двері. У мультфільмі вони зображені маленькими, які більше підходять для зросту дитини, що й логічно, бо «інший-світ» більше спрямований на дітей, аніж на дорослих. Натомість у книзі їх зображують інакше, роблять акцент на розмірі: вони величезні [2, с. 15]. На початку оповіді портал не працює. За ним – цегляний мур. Портал активується лише вночі, щоб головну героїню до реального світу.

У мультфільмі та в книзі обидва світи, на перший погляд, дуже схожі. Однак реальний світ, протягом майже усієї стрічки, виглядає блідо та сіро. Усіма можливими засобами створюється враження, що в ньому нудно й нема чого робити. За вікном постійно йде дощ або висить густий туман, через що головну героїню не випускають на вулицю погуляти [5, хронометраж 7:47-8:58; 30:20-30:45; 1:03:57-1:04:25]. У книзі та ж сама погода. З активізацією порталу такий хронотоп починає контрастувати з «іншим-світом», де все навпаки: там немає дощу, погода завжди *приємна*. Робимо акцент саме на слову «приємна», бо найголовніша функція цього світу – зачаровування дітей, щоб зрештою заволодіти їхньою душею назавжди. Саме душі дітей є енергією для підтримання та функціонування «іншого» виміру. Через те в ньому *приємна* погода, а дощ іде тільки тоді, коли цього хоче або дитина, що потрапила у цю пастку, або антагоністка, що є творцем «іншого світу». У перший раз, коли Кораліна потрапляє до того виміру, там панує ніч. Однак навіть вночі все рясніє кольорами. Ніч не виглядає страшно. Навпаки, вона повертає до себе, бо вона таємнича, гарна, кольорова. Ще більше це враження посилюється, коли героїня вдруге приїде до цього світу [5, хронометраж 34:15-36:05]. У книзі це

протиставлення не таке сильне: погода там майже така сама, як і у реальному світі, тільки немає дощу [2, с. 45].

«Інший-світ» – це великий капкан із позолотою, в якому є все те, чого бракувало дітям в реальному житті: і люблячі батьки, які приділяють увагу тільки їм, і смачна їжа, і безкінечні подарунки. На перший погляд той вимір – мрія, втілена в життя, де здійснюється все, що тільки можна забажати. Однак, навіть попри це, той світ не ідеальний. Він доволі обмежений в буквальному розумінні. Хоч і безкінечний, але з малим «діаметром» «іншої-земної-кулі». Сила «іншого-світу» – це сила антагоністки, яка, в свою чергу, обмежена ресурсом поневолених нею душ дітей. Наприклад, для Кораліни увесь той світ – будинок її батьків та невеличка територія навколо нього, а саме садочок і невеличка гущавина, що має вести до криниці у реальному світі – тут ця гущавина обривається на півдороги. У книзі ця територія трошки більша: додається занедбаний тенісний корт, однак це не суттєво, головне, що світ має свої межі, за якими нічого нема [2, с. 85–86]. Також у цьому вимірі живуть не лише «інші-батьки» дитини, а й усі сусіди та люди, які подобаються тому, хто втрапив до цієї пастки. Так, наприклад, у мультфільмі Кораліна мала єдиного друга поруч із будинком – Вайбі, який також присутній в «іншому-світі». Однак головна мета «інших-батьків» – показати лише хороші та суб'єктивно *приємні* риси цих людей, прибираючи усе те, що не подобається дитині. Тому Вайбі в «іншому вимірі» не розмовляє, пан Б запрошує героїню подивитися на виступ мишей, які у реальному світі до цього ще не готові, бо вони тільки вчать новий номер, а сусідки міс Примула та міс Форсібїлла (у мультфільмі пані Птич та пані Силоміць) повністю змінюють свій образ, стаючи молодими та гарними жінками. Тобто «інший-світ» має вигляд великої та красивої пастки, в якій є все те, чого не вистачає в реальному житті певній дитині. Однак, коли вона потрапляє туди, все швидко змінюється: після запропонованої антагоністкою угоди. В образі Кораліни та інших персонажів тут також обігрується традиційний для багатьох народнопоетичних уявлень мотив дводушника [1, с. 128].

Висновки. Отже, традиційний для фольклору паралельний часопростір обігрується у зазначеному авторському наративі з акцентуванням певних його особливостей. Так, зокрема, портал між реальним та ірреальним світами працює лише тоді, коли вже створена «інша-реальність». Поки її нема, замість порталу буде лише мур, який не дасть можливості навіть зазирнути, що знаходиться за ним. У мультфільмі портал зображений краще і там він працює лише вночі, однак потім, коли героїня розчарується у реальному світі, портал почне працювати і вдень. У книзі так само, тільки саме протиставлення слабкіше [2, с. 34]. Тобто портал залежить від «іншого-виміру» більше, аніж від реального. Сам «інший-світ» має свого творця, який облаштовує кожен раз цей світ під конкретну дитину. Він має свої певні межі та не може бути великим за

обсягом: зазвичай має лише дім та невеличку територію коло нього, а саме ту частину, яка більше симпатизує жертві в реальному житті.

Список літератури

1. Войтович, В. Українська міфологія / В. Войтович. – Київ : Либідь, 2002. – 664 с.
2. Гейман, Н. Коралина [повість] / Нил Гейман ; ил. Крис Ридделл ; пер. с англ. Е. Кононенко. – Москва: Издательство АСТ, 2022. – 192 с., илл.
3. Кривенко, О. В. Магічний код у повісті Марії Матіос «Черевички Божої Матері» / О. В. Кривенко // Учёные записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского ; Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2014. – Т. 27 (86). – № 4. – С. 135–139.
4. Кривенко, О. В. Магічні коди творів Марії Матіос / О. В. Кривенко // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. – Том 1. – Филологические науки. – № 1 (67). – 2015. – С. 57–62.
5. UA film. Коралина у світі кошмарів. – 2009. – URL: <https://uafilm.tv/6172-koralna-u-svt-koshmarv.html>. (дата звернення: 09.02.2023).

УДК 811.133.1

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТРАНСФОРМИРОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЛИТЕРАТУРНЫХ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Кудишин Г. А.¹, Шибаетова И. В.²,

¹обучающийся 4-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

²старший преподаватель кафедры романской и классической филологии
Института филологии ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

kudicha76@gmail.com

Введение. Поскольку художественный и публицистический стиль предполагают взаимодействие с обществом и иногда приближенность содержания к разговорному стилю, становится понятно, что именно в данных источниках концентрация фразеологизмов будет наиболее высокой. С их помощью часто можно ярко и лаконично выразиться по поводу разных вопросов таким образом, чтобы это было легко воспринимаемо обычным читателем.

Актуальность исследования заключается в том, что, желая выразиться как можно четче и экспрессивнее, писатели и публицисты нередко прибегают к различным типам трансформаций фразеологических единиц (ФЕ), изучение которых поможет осмыслить авторскую интенцию и, возможно, игру с читателем.

Цель работы состоит в рассмотрении функционирования трансформированных ФЕ во французской художественной литературе и СМИ. Для осуществления поставленной цели были определены следующие **задачи**: 1) рассмотреть понятие «трансформация ФЕ»; 2) изучить виды структурно-семантических и семантических трансформаций ФЕ; 3) рассмотреть и проанализировать примеры функционирования трансформированных ФЕ; 4) рассмотреть стилистическую роль ФЕ в литературных и публицистических текстах.

Методы исследования: анализ, синтез, описательный метод, метод контекстуального анализа, метод фразеологической идентификации и метод стилистического анализа.

Результаты исследования. По мнению Т. С. Гусейновой явление трансформации фразеологизма – это «любое отклонение от общепринятой нормы, закреплённой в лингвистической литературе, а также импровизированное изменение в экспрессивно-стилистических целях» [2, с. 11].

Л. Г. Ефанова определяет трансформации ФЕ как «окказиональные изменения в форме и/или значении устойчивых сочетаний слов, которые позволяют сохранить единство фразеологизма, т. е. оставляют его узнаваемым» [3, с. 124].

Взяв за основу определение Л. Г. Ефановой, необходимо добавить, что изменения лексической и/или семантической структуры устойчивого выражения происходят с целью эффективно внедрить ФЕ в рамки повествования и экспрессивно и стилистически обогатить речь.

В данном исследовании за основу принимается наиболее полная классификация трансформаций ФЕ Н. М. Шанского [4] и отдельных видов трансформаций в публицистике, рассматриваемых В. В. Горловым [1].

В рамках исследования авторские преобразования ФЕ были разделены на 2 категории:

I. Структурно-семантические трансформации ФЕ:

1) Эллипсис знаменательных частей речи

«Les Gourmands du Matin...**c'est bon comme le pain**» (RGJ, 27 novembre 2020, p. 32).

Выражение «**bon comme le bon pain**» характеризует человека как чрезвычайно доброго и мягкого. В представленном заголовке это оборот «**c'est**» вносит изменение в его значение, тогда как выпадение повторяющегося прилагательного «**bon**» не повлияло на смысл фразеологизма.

2) Эллипсис служебных частей речи

«**J'en ai rien à cirer**»: comme un credo qui accompagne une triste routine, le commentaire du Français Benoît Paire était nihiliste après sa nouvelle défaite au premier tour d'un tournoi, dimanche au Masters 1000 de Monte-Carlo» (SudOuest, 14 avril 2021).

В выражении «Je (n)'en ai rien à cirer» («мне все равно» (разг.)) автор опустил отрицательную частицу «ne», чтобы передать разговорный стиль речи интервьюируемого.

3) Расширенные конструкции ФЕ

«Eh bien! **Je me suis drôlement fait avoir...**» (S. de Beauvoir, *Le sang des autres*).

Фразеологизм «se faire avoir» («позволить одурачить себя») расширен в приведенном примере путем добавления наречия «drôlement» («забавно, глупо; странно»). Автор таким образом придает эффект комичности: герой осознает всю абсурдность ситуации. Без добавления данной лексемы этот эффект сложно было бы достичь только устойчивым выражением, потребовалась бы помощь контекста.

4) Контаминация ФЕ

«Pierrette traina avant d'aller au lit. C'est **une femme de tête et de coeur plus que de ventre**» (R. Vailland, *Beau Masque*).

В данном примере происходит объединение однородных по структуре фразеологизмов с общим начальным словом «une femme» – «une femme de tête» («женщина с сильным характером») и «une femme de coeur» («добрая женщина») и последующее соединение частей ФЕ сочинительным союзом.

5) Замена одного элемента или нескольких лексических компонентов ФЕ

«**Tempête dans un verre de vin**» (Le Canard enchainé, mercredi 24 février 2021, p. 5).

Заголовок статьи из сатирического журнала полностью состоит из ФЕ, которая в узуальном варианте имеет форму «tempête dans un verre d'eau» («буря в стакане воды; шум из-за пустяков»). Поскольку в статье идёт речь о скандале из-за клеветы о вредном составе вина производства Бордо, автор конкретизировал ФЕ заменой существительного «eau» («вода») контекстуальным синонимом «vin» («вино»), таким образом давая намёк на содержание статьи.

II. Семантические трансформации ФЕ:

1) Буквализация

«C'est à ce moment que nous avons réalisé que nous assistions à une attaque terroriste de grande ampleur. Les types sont entrés dans l'établissement et ont continué de semer la terreur en **tirant au hasard**» (Le Parisien, 28 novembre 2008).

В статье рассказывается о террористическом акте и стрельбе. Фразеологическое выражение «tirer au hasard» («говорить наобум»), употребленное автором в данной примере, теряет своё образное и принимает буквальное значение («стрелять наобум»). Компоненты-лексемы ФЕ подстроились под контекст, возобновили дистрибутивные связи и актуализировались.

2) Преобразование по цели высказывания

«Meghan Markle et Harry **ont-ils coupé les ponts** avec la famille royale?» (Ouest France, 17 décembre 2020).

На данном примере мы видим, какой заголовок дает автор к статье с помощью ФЕ. Выражение «couper les ponts» («окончательно разорвать контакты с кем-то») повышает выразительность заголовка, а вопросительная форма повышает интригу, так как речь идёт о британской королевской семье.

3) Двойная актуализация

«Il s'agit de gagner de vitesse une interminable mauvaise saison dont on ne voit jamais la fin et qui survient toujours trop tôt; pendant laquelle en tout cas on sera obligé de **faire feu de tout bois**» (J. Carrière, *L'épervier de Maheux*).

«Faire feu (или flèche) de tout bois» («пускать в ход все средства»). В данном примере компоненты ФЕ приобрели ещё и буквальное значение из-за контекстной ситуации, так как речь идёт о борьбе с морозами при помощи дров и огня.

Выводы. Таким образом, авторы как литературных, так и публицистических текстов на французском языке активно используют трансформированные ФЕ. В ходе исследования было отмечено, что наиболее продуктивными видами трансформаций у писателей являются те, что помогают реализовать игру слов, стилистически окрасить повествование и речь героев: эллипсис, расширенные конструкции, контаминация, буквализация и двойная актуализация. Журналисты же чаще всего используют трансформации, помогающие конкретизировать информацию, достичь лаконичности и привлечь читателя: эллипсис, расширенные конструкции, замена компонентов и преобразование по цели высказывания.

Список литературы

1. Горлов, В. В. Фразеологизмы как средство выразительности на страницах газет / В. В. Горлов // Русский язык в школе. – 1992. – Вып. 5/6. – С. 35–37.
2. Гусейнова, Т. С. Трансформация фразеологических единиц как способ реализации газетной экспрессии: на материале центральных газет 1990-1996 гг. : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Татьяна Султанзиядовна Гусейнова ; Дагестанский педагогический университет. – Махачкала, 1997. – 23 с.
3. Ефанова, Л. Г. Фразеологические трансформации в речи и тексте / Л. Г. Ефанова // Вестник ТГПУ. – 2005. – № 3. – С. 123–127.
4. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – Москва, 1985. – 149 с.

**АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ОБЛАСТИ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В
ШКОЛЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТ Т. В. АРЖАНЦЕВОЙ)**

Кудусова Э. Р.,
*обучающаяся 1-го курса магистратуры Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: к. пед. н., доцент Аржанцева Т. В.

ms.kudusova@mail.ru

Введение. Российским обществом все отчетливее осознается, что нынешнее состояние языковой и культурной среды требует принятия срочных и эффективных мер. Все чаще звучит мысль о необходимости возрождения лучших традиций отечественной школы, о воспитании любви к русскому языку и классической русской литературе. Проблемы филологического образования постепенно выходят на передний план и отождествляются с вопросами формирования будущего страны, духовного облика ее народа. Осознание этого факта послужило поводом для выбора темы исследования, посвящённого анализу основных направлений научно-методической деятельности кандидата педагогических наук, доцента Т. В. Аржанцевой, в сферу научных интересов которой входит проблема совершенствования методики преподавания русского языка в общеобразовательной школе на современном этапе.

Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью модернизации российского образования в целом и школьного обучения в частности. В полной мере это касается предметной области «Русский язык».

Цель данного исследования состоит в изучении научно-методических работ Т. В. Аржанцевой, выявлении основных направлений проводимых ею исследований в области методики преподавания русского языка в школе и популяризации методического наследия учёного.

Поставленная цель определила необходимость решения ряда **задач**, а именно:

- анализ научно-методических работ Т. В. Аржанцевой, посвящённых проблеме совершенствования методики преподавания русского;
- выявление основных методических аспектов, ставших предметом изучения исследователя;
- описание способов решения актуальных проблем методики преподавания русского языка в работах учёного;
- выявление значимости научных работ Т. В. Аржанцевой для совершенствования методики преподавания русского языка.

Методы исследования, применявшиеся для достижения поставленной цели, следующие: анализ методологической и научно-методической литературы, изучение и обобщение методического опыта, описательный метод.

Результат проведённого анализа научно-методических трудов Т.В. Аржанцевой даёт основание утверждать, что круг методических интересов учёного довольно широк.

В центре внимания исследователя прежде всего анализ программ, учебников и учебных пособий по русскому языку с целью выявления причин снижения грамотности и культуры речи школьников. Ценность результатов такого анализа состоит в том, что они дают возможность учителю разобраться в потоке новых учебных пособий, порой содержащих немало методических ошибок, а также критически подойти к оценке методических инноваций, еще не подвергшихся достаточной экспериментальной проверке.

В своих исследованиях учёный много внимания уделяет вопросу реализации принципа преемственности-перспективности, выявляя случаи его нарушения в программе по русскому языку и действующих учебниках, развивает мысль о необходимости пересмотра содержания школьного обучения с учётом последовательной реализации данного принципа и современных тенденций в развитии лингвистики, методики и педагогики.

В ряде статей Т. В. Аржанцевой рассматриваются вопросы классификации речевых ошибок, проводится анализ причин их возникновения в устной и письменной речи школьников, предлагаются эффективные способы предупреждения речевых недочётов [1; 2; 3]. В большинстве своём это научно-методические статьи, в которых анализируются актуальные проблемы обучения синтаксису как основе коммуникации.

На основе анализа типичных ошибок учащихся исследователь выявляет в русском синтаксисе то, на что должно быть обращено наибольшее внимание словесников, делает акцент на тех синтаксических нормах современного русского литературного языка, которые чаще всего нарушаются учащимися. Результаты поиска способов предупреждения ошибок посредством совершенствования методических подходов к процессу обучения школьников синтаксису, выявление активных педагогических методов и эффективных методических приёмов способствуют повышению методической грамотности учителей русского языка [4; 5].

Основную причину недостаточно высокого уровня грамотности и низкой речевой культуры выпускников общеобразовательных школ Т. В. Аржанцева видит в неосознании учащимися роли русского языка (и языка вообще) в их повседневной жизни и будущей профессиональной деятельности. Средством устранения этой причины считает повышение

мотивации изучения языка, уточнение содержания школьного курса русского языка и совершенствование методики его преподавания.

Учёный уделяет внимание поиску активных методов обучения и эффективных приёмов мотивирования обучающихся к учебной деятельности, привлечения их к творческой работе, в ходе которой у каждого возникает осознанная необходимость прилагать интеллектуальные усилия [6; 7; 8].

Заслуживают внимания также работы Т. В. Аржанцевой, в которых обобщается методический опыт профессорско-преподавательского состава кафедры методики преподавания филологических дисциплин [9; 10], в феврале 2020 года вошедшей в состав Института филологии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» и переименованной в кафедру русского языка и культуры речи. По мнению автора, накопленный кафедрой методический опыт уникален, так как это единственная структура университета, которая многие годы является площадкой для тесного взаимодействия трёх сфер: школьное обучение русскому языку, вузовская подготовка учителей-русистов и обучение русскому языку иностранных граждан (преподавание русского языка как иностранного, или РКИ).

Выводы. Научная деятельность Т. В. Аржанцевой включает в себя многогранные исследования в области методики преподавания русского языка и вносит определённый вклад в развитие методической теории. Выявление актуальных проблем преподавания русского языка в общеобразовательной школе на современном этапе её развития даёт преподавателям верный ориентир в профессиональной сфере. Предложенные учёным приёмы воспитания у школьников интереса к изучению русского языка и методы формирования высокой культуры русской речи имеют практическую ценность.

Список литературы

1. Аржанцева, Т. В. Актуальные проблемы совершенствования письменной речи учащихся 5-х классов (научная статья) / Т. В. Аржанцева, Е. Ю. Петлюченко // Современная картина мира: крымский контекст : коллект. моногр. / Т. В. Аржанцева, Г. Ю. Богданович, С. С. Дикарева и др. ; [под ред. Г.Ю. Богданович]. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. – 384 с.
2. Аржанцева, Т. В. Причины ошибок в предложениях с однородными членами и способы их предупреждения / Т. В. Аржанцева // Русский язык в поликультурном мире : Сборник научных статей VI Международного симпозиума ; В 2-х томах / Редколлегия : И. П. Зайцева, Е. М. Маркова, Т. С. Чабаненко, Е. М. Шахова [и др.]. – Симферополь : КФУ имени В. И. Вернадского, 2022. – С. 83–87.
3. Аржанцева, Т. В. Причины нарушений в построении предложений с деепричастным оборотом и способы их предупреждения / Т. В. Аржанцева // Методические студии – 2019 : Сборник научно-методических работ / отв. ред. Г. Ю. Богданович. – Симферополь : КФУ имени В. И. Вернадского, 2019. – С. 5–112.

4. Аржанцева, Т. В. Логико-структурные схемы как средство активизации познавательной деятельности школьников при изучении однородных членов предложения / Т. В. Аржанцева, А. Б. Сырбул // Диалог культур : лингвокультурологическая база гуманитарного образования : V Международная научно-практическая конференция : Сб. науч. статей / отв. ред. Е. Я. Титаренко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 117–124.
5. Аржанцева, Т. В. Система практических методов, направленных на совершенствование навыков постановки знаков препинания в предложениях с однородными членами / Т. В. Аржанцева, А. Б. Сырбул // Методические студии – 2015 : сборник научно-методических работ. – Симферополь, 2015. – С. 132–141.
6. Аржанцева, Т. В. Использование лингвистических сказок на уроках русского языка как эффективный прием формирования познавательной мотивации / Т. В. Аржанцева, Ю. В. Гончарова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2016. – Т. 2 (68). – № 4. – С. 116–126.
7. Аржанцева, Т. В. Реализация проекта «сокровищница праздников народов Крыма» как метод развития творческого познавательного мышления обучающихся / Т. В. Аржанцева, С. А. Дроздова // Русский язык в поликультурном мире : сборник научных статей III Международного симпозиума : 2-х томах ; ответственный редактор Е. Я. Титаренко. – Ялта : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2019. – С. 8–12.
8. Аржанцева, Т. В. Формирование интринсивной мотивации познавательной деятельности как условие успешного обучения русскому языку / Т. В. Аржанцева, Ю. В. Гончарова // Ученые записки КФУ имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2016. – Т. 2 (68). – № 4. – С. 73–80.
9. Аржанцева, Т. В. Методическое наследие Эливиры Михайловны Сапожниковой / Т. В. Аржанцева // Методические студии – 2013 : сборник научно-методических работ. – Симферополь, 2013. – С.168–170.
10. Аржанцева, Т. В. Кафедра русского языка и культуры речи: традиции, новации, перспективы / Т. В. Аржанцева // Преподавание русского языка в Крыму: исторический и этнокультурный контекст : коллективная монография / Под редакцией Л. А. Ореховой, Т. В. Аржанцевой. – Симферополь : КФУ имени В. И. Вернадского, 2022. – С. 74–105.

СПЕЦИФИКА ДИСКУРСА ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРВЬЮ

Купченко Д. О.,
обучающаяся 4-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Научный руководитель: зав. кафедрой английской филологии,
к. филол. н., доцент Полховская Е. В.

d.kupchenko17@gmail.com

Введение. Речевое поведение государственных лиц постоянно находится в центре внимания общественности: начиная с интервью, инаугурационных речей и заканчивая пресс-конференциями. Ярче всего языковая личность прослеживается в интервью, так как этот жанр имеет элемент спонтанности и тем самым дает возможность наблюдать весь спектр особенностей устной формы политического дискурса.

Цель данного исследования – выявление и анализ различных видов речевого воздействия на широкую публику.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

- уточнить содержание понятия «коммуникативная стратегия» и «коммуникативная тактика»;
- определить виды стратегий и тактик воздействия;
- установить наиболее типичные для каждой тактики речевые средства.

Методы исследования. В данной работе используется системный подход, применяется описательный метод, дискурс-анализ, методы контекстуального и лингвостилистического анализа.

Результаты исследования. Одной из главных задач любого политика является воздействие на существующую в сознании электората картину мира. Для этих целей они прибегают к использованию различных коммуникативных стратегий и тактик.

А. В. Ланских определяет коммуникативную стратегию как «генеральную макроинтенцию, определяющую организацию речевого поведения коммуниканта в соответствии с коммуникативными / некоммуникативными целями говорящего и специфическими условиями общения» [1, с. 5].

Коммуникативная стратегия определяется коммуникативными тактиками. «Коммуникативная тактика – это локальная речевая интенция, которая задает фактический смысл определенному речевому поведению в разворачивающемся ситуативном, социальном и культурном контексте» [1, с. 5].

В данной работе мы взяли за основу классификацию О. Н. Паршиной, которая выделяет такие стратегии, как: 1) стратегия самопрезентации; 2) манипулятивная стратегия; 3) стратегия самозащиты; 4) стратегия формирования эмоционального настроения адресата; 5) агитационная стратегия [2].

Имидж и образ играют важную роль в популярности и успешности политика, поэтому стратегия самопрезентации занимает первое место по важности и частоте использования. Стратегия самопрезентации включает в себя такие тактики как: тактика отождествления и тактика солидаризации. Языковыми средствами реализации этих тактик являются: частое использование местоимения «мы» и выражение согласия с оценкой, предположительно имеющейся у адресата: *«I think **all of us** share a **deep sense of outrage** that the United States Supreme Court took a constitutional right from the women of America»* [3].

В данном примере вице-президент использует и тактику отождествления (***all of us***) и тактику солидаризации (***deep sense of outrage***). Таким образом, она подчеркивает свою принадлежность ко всем женщинам США, пострадавшим от введения нового ограничивающего закона, и говорит, что она разделяет их чувства.

Манипулятивная стратегия включает в себя демагогические приемы и манипулятивную тактику. В языковом плане они достигаются преимущественно оперированием пропозициями на текстовом уровне. Например, вице-президент США пытается манипулировать слушателями, пугая их тем, что если они не изберут больше демократов, то их свободы могут быть отобраны: *«I think that people should pay close attention to the fact that there's an agenda at play that really is about **taking away the individual right** to make private decisions»* [3].

Стратегия самозащиты включает в себя тактики оспаривания и оправдания. Часто политические деятели объединяют тактику оправдания и тактику отождествления, чтобы снять с себя личную ответственность. Избегая местоимения «я», политики ассоциируют себя со своей партией или даже с народом: *«**We're** always going to be a **compassionate country**, it's something that **we're** all very proud of. And that's why drafting the law is not straightforward, and **we're** taking the time to get it absolutely right»* [4].

В данном примере Риши Сунак ассоциирует себя и с народом Великобритании (***We're** always going to be a **compassionate country***) и с государством (***we're** taking the time to get it absolutely right*). Эта тактика помогает ему стать ближе к гражданам, заслужить их расположение, а также снять с себя ответственность и снизить градус критики в свою сторону за то, что реформа миграционной политики продвигается слишком медленно и не приносит никаких видимых для простого обывателя результатов.

Стратегия формирования эмоционального настроения адресата реализуется с помощью тактики единения, тактики обращения к эмоциям адресата и тактики учета ценностных ориентиров адресата. В рамках этих

тактик политики часто употребляют позитивно окрашенную лексику, большое количество прилагательных, интенсификаторов, метафор и гипербола, чтобы создать у избирателя определенное отношение к их словам: «*Even though it was going to be a **nightmare job** for all the reasons that you outlined, I felt that I could make a difference, and I was **the best** person to make a difference at that moment*» [4].

В данном фрагменте премьер-министр использует гиперболу «*a **nightmare job***», подчеркивая то, что его работа действительно тяжела, и избирателю стоит относиться к нему более лояльно, а также интенсификатор «*the **best***», указывая на то, что в данный момент он является лучшим кандидатом, способным справиться с кризисом.

Агитационная стратегия включает в себя тактику обещания и тактику призыва. В речи эта тактика реализуется с помощью синтаксического параллелизма и анафоры, метафор, форм будущего времени, а также использования сослагательного наклонения: «*I can make it better and **I will** make it better. **That's what** I said, **that's what** I'm working day and night to do, **that's why** I put myself forward for this*» [4].

Использование будущего времени дает слушателям чувство уверенности в политике и в будущем страны, а последующие предложения, в которых присутствует анафора, лишь подкрепляют это ощущение.

Выводы. Любая стратегия общения реализуется в речевых тактиках, которые представляют собой выбор и последовательность речевых действий, характеризующихся своей задачей в рамках избранной коммуникативной стратегии. Выбор стратегии является определяющим фактором в выборе тех способов и средств, которые использует политик для достижения поставленной цели.

Список литературы

1. Ланских, А. В. Речевое поведение участников реалити-шоу: коммуникативные стратегии и тактики : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Анна Владимировна Ланских ; Уральский государственный университет им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2008. – 22 с.
2. Паршина, О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : специальность 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... канд. филол. наук. / Ольга Николаевна Паршина ; Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2006. – 325 с.
3. Brennan, Margaret. Vice President Kamala Harris on “Face the Nation with Margaret Brennan” [Electronic Resource] / Margaret Brennan. – Access mode: <https://www.youtube.com/watch?v=g9s7nKL0FrY>. (Access date: 21.02.2023).
4. Morgan, Piers. Piers Morgan Interviews Rishi Sunak [Electronic Resource] / Piers Morgan. – Access mode: <https://www.youtube.com/watch?v=z8xZltdG5v4>. (Access date: 21.02.2023).

СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ЛИЧНОСТИ-АЙДОЛА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЛАЙФСТАЙЛ ДИСКУРСЕ

Курбанова Н. М.,
обучающаяся 4-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Бондаренко Л. В.

knmknm24knm@gmail.com

Введение. Образ-айдол представляет собой сочетание вербального и невербального компонентов, образующих комплексные модели для подражания. По типу имиджа и вербального контента выделяют *западный, азиатский* и *смешанный* образы. В зависимости от прототипа образы можно разделить на *реальные* и *виртуальные* (образы-айдолы). Последние характерны, преимущественно, для азиатской культуры и являются полностью контролируемыми, в отличие от «реальных», прототипами которых выступают реальные личности. В процессе создания реальных и виртуальных образов широко применяются вербальные и невербальные средства, к которым относятся внешний вид, манеры, поведение и образ жизни айдола, в то время как вербальными средствами являются слоганы (в заголовках статей, блогов и других публикаций), использование лексики ограниченного употребления (сленг, термины), слов и словосочетаний с положительными или отрицательными коннотациями, экспрессивной лексики с идеологическим подтекстом, тропов (метафоры, сравнения, эпитеты, каламбур).

Термины «лайфстайл дискурс», «лайфстайл медиа», «дискурс потребления» в отечественной филологической науке появились сравнительно недавно. Эти понятия комментирует в своих работах Е. Н. Молодыченко. Особенности и функции лайфстайл коммуникации представлены в трудах отечественных (Е. Н. Молодыченко, С. В. Иванова) и зарубежных (Т. А. Ван Дейк, М. Тэлбот) ученых, в которых анализируются проблемы создания образов в лайфстайл-медиа и их влияние на массовую аудиторию. Однако, процесс создания образов-моделей обсуждается достаточно поверхностно, не обозначены стратегии и способы формирования образов, что является основанием для выбора темы данного исследования и определяет его **актуальность**.

Целью данной работы выступает выявление основных особенностей и способов формирования образов-айدолов в лайфстайл дискурсе англоязычных СМИ.

Данная цель обусловила постановку следующих **задач**: 1) выделить основные типы образов-айдолов; 2) рассмотреть стратегии формирования

образов; 3) выявить основные вербальные и невербальные средства создания образов-айدолов в англоязычном лайфстайл-дискурсе.

Методы исследования. Исследование проводилось с использованием метода семантического анализа, методов структурного и лингвокогнитивного анализа, применялся метод дискурс-анализа.

Результаты исследования. Под образом понимают действительность, адекватно отраженную в сознании человека и сформированную непосредственно в процессе познания объективной реальности. Образ есть результат сложившихся в сознании человека представлений об объекте. Имидж рассматривается как образ какого-либо объекта, который был сформирован целенаправленно с целью оказания эмоционально-психологического воздействия на аудиторию.

Выделяют три основных типа образов: *массовый*, основывающийся на наиболее распространенных социальных стереотипах и коллективных мнениях; *целевой*, ориентированный на конкретные социальные группы; *креативный*, отвергающий стереотипные и привычные образы. По типу имиджа и лингво-когнитивного контента образы также можно разделить на *западный*, *азиатский* и *смешанный* (образ-микс). Среди многочисленных образов, создаваемых в лайфстайл-дискурсе, преобладают *реальный* и *виртуальный*. К виртуальным образам относятся, так называемые, айдолы, появившиеся в южнокорейской коллективной поп-культуре (к-пор). «Образ корейского к-пор айдола стремительно набирает популярность, о чем свидетельствует расширение интернет контента за счет размещения в сети различных продуктов (музыкальных, кинематографических), а также создание сайтов и фан-сообществ» [1, с. 85], и, как следствие, их имидж активно распространяется и эксплуатируется в западном лайфстайл дискурсе, в то время как западная лингво-когнитивная традиция проникает в образ южнокорейских к-пор айдолов. Примером образа-микса может служить южнокорейская супермодель и актриса Чон Хоён, ставшая популярной во всем мире благодаря известному сериалу «Игра в кальмара». Успешный образ немногословной, скрытной и готовой на все ради семьи «старшей сестры» Кан Сэ Бёк прочно закрепился за актрисой, о чем свидетельствует использование в следующих заголовках *ключевой фразы* – короткой фразы, нацеленной на мгновенное привлечение внимания аудитории к характерным для данного образа характеристикам и деталям, отличающим личность: «*Squid Game Breakout Jung Ho-yeon's Battle to Stay Grounded*» [3]; «*Inside the rise of Squid Game star: Hoyoen Jung*». После выхода сериала, восходящая звезда стала чаще появляться на обложках таких крупных лайфстайл-изданий как *VOGUE*, *Cosmopolitan*, *Elle*. Фотосессии для мировых модных брендов (*Adidas*, *Louis Vuitton*, *Gucci*) помогли создать актрисе стильный аватар (имидж). Чон Хоён становится частым гостем различных шоу, а в интервью и статьях реализуется вербально-когнитивный аспект ее реального образа, кардинально отличающийся от виртуального. Эмоциональное воздействие на читателя достигается

посредством использования оценочной лексики: «*We were drawn to her energy, her professionalism, and, of course her personality,*» *Ghesquière says*. «*Hoyeon was so very special. She was super generous and friendly*»; разговорных выражений и сленга: «*Always independent, Hoyeon grew up a self-described “tomboy” who adored exploring the mountains and valleys and streams to the east of Seoul*»; стилистических приемов: «*the Netflix thriller starring Jung Ho-yeon the made history as the streamer's “biggest series launch ever” with 111 million viewers*» (гипербола).

При позиционировании личности СМИ часто обращаются к образам-архетипам, прочно закрепившимся в сознании масс. Примером такого западного образа может послужить австралийский актер Джейкоб Элорди (*Jacob Elordi*), стремительно набравший популярность благодаря роли в популярном американском сериале «Эйфория», в котором он сыграл роль грубого и эгоистичного школьника, однако, его реальный образ, представленный в лайфстайл-медиа, не совпадает со сценическим («*5 reasons Jacob Elordi is nothing like his Euphoria character, Nate Jacobs*»). Основной стратегией при формировании образа актера была опора на создание архетипа «славный малый». В видео от журнала *Vogue* «*24 Hours With Euphoria's Jacob Elordi*» [4] актер показывает свой дом, играет с собакой (золотой ретривер – одна из наиболее дружелюбных пород), ест мороженое и посещает местный кинотеатр. Цветовая гамма видео в основном теплая: преобладают бежевый, зеленый, оранжевый цвета. В речи актер использует ироничные высказывания: «*Actor, Jacob Elordi plummets to his death from Hollywood sign*»; разговорную лексику: «*'cause*», «*Listen pal*», «*I gotta be better*»; дискурсивные маркеры: «*you know*», «*just*», «*like*». С помощью данных приемов создается образ открытого, простодушного и доброго человека.

Ярким примером целевого азиатского образа выступает участник популярной южнокорейской музыкальной группы BTS – Ким ТэХён (*Kim Tae-hyung*), основной целевой аудиторией которого являются девушки от 10 до 23 лет. Так, заголовок-интрига, апеллирующий к мнению знаменитости, несомненно привлечет внимание данной возрастной группы: «*BTS' V's sultry photoshoot sends ARMY into meltdown, J-Hope reacts: 'He knows his power'*». В лайфстайл-изданиях артиста называют «иконкой стиля»: «*BTS member V aka Taehyung's fashionable looks prove why he is the ultimate style icon for the ARMY*» [5]. Романтический образ «корейского дэнди» раскрывается в множестве фотосессий ТэХёна для многочисленных модных изданий и брендов. Недавно айдол снялся для журнала *Weverse*. На снимке ТэХён был одет в атласное пальто *Yves Saint Laurent* и рубашку *Valentino*, а также ожерелье *Luisaviaroma LVR Sustainable Spoon Necklace*, что сделало образ не только романтическим, но и дорогим. Проанализировав имидж артиста, можно прийти к выводу, что его основой послужил архетип «любовник», представители которого трепетно относятся к эстетике, моде, стремятся окружать себя дорогими и роскошными деталями. Речь айдола соответствует его имиджу – в своих

интервью ТэХён выражается витиевато, используя метафоры: «*My train of thought never stops when I'm in such moments, surrounded by tranquility*» и каламбур: «*When you have something sweet, you want to have it with something bitter or salty*» [2].

Выводы. Рассмотрев различные типы образов-айدолов и стратегии их создания, заключаем, что образ популярной личности состоит из визуального (имидж) и вербального контента, который отражает основные черты языковой личности прототипа. Вербальная составляющая образа, в отличие от визуальной, не всегда создается в соответствии с ключевой фабулой образа, которой большей мере присуща спонтанность, неопределенность, непредсказуемость, что отличает образы реальных топ-личностей от айдолов (аватаров). Содержание аватаров определяется заранее разработанным сценарием и полностью контролируется.

Список литературы

1. Летина, Н. Н. Idol как феномен современной корейской культуры / Н. Н. Летина, И. В. Логинова // Верхневолжский филологический вестник. – 2017. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idol-kak-fenomen-sovremennoy-koreyskoj-kultury>. (дата обращения: 25.02.2023).
2. Eunyoung, S. V being V [Electronic Resource] / Eunyoung Sohn. – Access mode: <https://www.vogue.co.kr/2022/09/19/그저-지금의-뷔-2/>. (Access date: 26.02.2023).
3. Ford, R. Squid Game Breakout Jung Ho-yeon's Battle to Stay Grounded [Electronic Resource] / Rebecca Ford. – Access mode: <https://www.vanityfair.com/hollywood/2022/08/awards-insider-squid-game-breakout-jung-ho-yeon-interview>. (Access date: 26.02.2023).
4. Specter, E. 24 Hours of Film Noir and Coffee Talk with Jacob Elordi [Electronic Resource] / Emma Specter. – Access mode: <https://www.vogue.com/article/24-hours-of-film-noir-and-ice-cream-with-jacob-elordi>. (Access date: 26.02.2023).
5. Varma, E. BTS member V aka Taehyung's fashionable looks prove why he is the ultimate style icon for the ARMY [Electronic Resource] / Ekta Varma. – Access mode: <https://www.pinkvilla.com/photos/bts-v/bts-member-v-aka-taehyungs-fashionable-looks-prove-why-he-ultimate-style-icon-army-538547>. (Access date: 26.02.2023).

THE ROLE OF FUNCTIONAL ASYMMETRY OF THE BRAIN IN THE FORMATION OF SOCIAL BEHAVIOUR OF PRESCHOOL CHILDREN

Kutsova V. V.,
*postgraduate student of the Institute "Tauric Academy",
V. I. Vernadsky Crimean Federal University*

Research supervisor: Doctor of Biological Sciences,
professor Pavlenko V. B.

vkucova68@gmail.com

Introduction. The role of interhemispheric asymmetry in the formation of individual personality traits is currently widely discussed by specialists in various fields of science. However, there are issues that have not yet received sufficient explanation.

In addition, the dissimilarity of the psyche of some left-handers and right-handed people is evidenced by the data obtained as a result of studying the clinic of focal brain lesions. Attention in the domestic psychological literature is paid to the study of the role of functional asymmetry in the formation of the features of the human mental makeup, as well as in the implementation of complex forms of mental activity.

It should be noted that with all the variety of studies in the direction of interest to us, the problem of the relationship of individual manifestations of functional asymmetry with the features of emotional states and the totality of their influence on social behavior remains poorly understood.

Modern studies indicate that the problem of the brain organization of mental functions and the features of their formation in childhood appears as a problem of functional asymmetry of the cerebral hemispheres (A. R. Luria, 1973; T. V. Akhutina, 1998; T. M. Maryutina, 1999; M. M. Bezrukikh, 2004, 2009; V. P. Leutin, E. I. Nikolaeva, 2005; L. S. Tsvetkova, 2006; A. V. Semenovich, 2008, etc.).

Currently, there is a persistent interest of researchers in the problem of interhemispheric asymmetry (L. V. Efimova, E. D. Khomskaya, 1997; D. Kimura, 1993; M. Annett, 1995; T. A. Dobrokhotova, N. N. Bragina, 2004; M. M. Bezrukikh, A. V. Khryanin, 2004; G. A. Kuraev, et al., 2004; T. A. Stroganova et al., 2004; N. P. Rebrova, M. P. Chernysheva, 2004; Y. I. Zeldovich, 2004; A. M. Prokhorova, 2005).

At the same time, in the scientific world there is no consensus on the methods of determining the individual profile of functional asymmetry and its description (N. N. Bragina, T. A. Dobrokhotova, 1988; V. P. Leutin, E. I. Nikolaeva, 1988; E. D. Chomskaya et al., 1995; V. P. Leutin,

E. I. Nikolaeva, 2005, etc.), although there is a sufficient accuracy of the results of functional tests (E. D. Chomskaya et al., 1995; N. N. Bragina, T. A. Dobrokhotova, 1988; V. F. Fokin, N. V. Ponomareva, 2004).

The object of research: interhemispheric asymmetry, expressed in the form of an individual profile of the lateral organization (ASO) of the brain and features of emotional states in preschool children.

The subject of research: the relationship of the individual profile of the lateral organization of the brain with the peculiarities of emotional states in preschool children.

The purpose of the study: to study the relationship of the individual profile of the lateral organization of the brain as a manifestation of functional asymmetry, with the peculiarities of the emotional state of preschool children.

Based on the purpose of the study, the following **tasks** were set;

- to analyze scientific publications on the problem of interhemispheric asymmetry and its relationship with the peculiarities of social behavior;
- to identify the relationship between the type of lateral organization profile and the features of the manifestations of emotional states in preschool children;
- to base on the registration of an electroencephalogram (EEG), to study the influence of the type of lateral organization profile on the individual characteristics of the social behavior of preschool children;
- to assess the relationship between the forms of functional asymmetry of the brain and the process of shaping the social behavior of preschool children.
- according to the results of the study, to determine the main directions of correctional psychological and pedagogical measures for working with preschool children.

Research methods: methods for determining human motor and sensory asymmetries: determination of manual asymmetry (TOMA), tests for determining the asymmetry of hearing (“Whisper”, “Ticking of the clock”), tests for determining visual asymmetry (“Blinking”, “Looking into the telescope”, “Map with a hole”), determining the profile of lateral organization in accordance with the classification of E. D. Chomskaya and I. V. Efimova.

Methods for determining the features of emotional states in accordance with the parameters of modality, emotional attitude to the subject-object, direction and productivity of activity, relevance of experiences (questionnaire of behavior of young children M. Rothbart and the projective method “House, Tree, Man”); color selection method.

Conclusion. As it is the initial stage of the research the following generalizations must be made, this material will make a certain contribution to the development of approaches to the study of interhemispheric asymmetry and the definition of the prerequisites for successful mental development in preschool children. As a result of the study, it will be possible to identify the parameters of emotional states that can influence the successful formation of social behaviour of preschoolers.

References

1. Ananiev, B. G. Psychology of hay knowledge / B. G. Ananiev. – Moscow : Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR., 1960. – 156 p.
2. Balonov, L. Functional asymmetry of the brain in the organization of speech activity / L. Balonov, Ya. Deglin, T. V. Chernigovskaya. – St. Petersburg : Publishing House of Leningrad State University, 1985. – P. 99–115.
3. Deglin, V. L. On the role of the dominant hemisphere in the regulation of emotional states / V. L. Deglin, N. N. Nikolaenko // Human Physiology. – 1975. – V. 1, № 3 (418). – 426 p.
4. Luria, A. R. Fundamentals of neuropsychology / A. R. Luria. – Moscow : Moscow University Publishing House, 1973. – 373 p.
5. Luria, A. R. Higher functions of the cerebral cortex / A. R. Luria. – Moscow : Moscow University Press, 1969. – 503 p.

УДК 821.161.1

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ СТРУКТУРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА ПОВЕСТИ В. С. МАКАНИНА «ЛАЗ»

Кучер А. М.,
*обучающаяся 2-го курса магистратуры Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: д. филол. н., профессор Иванова Н. П.

kucher.al@icloud.com

Введение. В художественном тексте категории пространства и времени занимают наиболее значительное место. Характеризуя эти формы бытия, принято говорить об их непосредственном взаимодействии в произведении. Подобное взаимодействие рождает понятие единства времени и пространства, обозначаемое в литературоведческой науке категорией «хронотоп». В работах М. М. Бахтина, который ввел это понятие в литературоведение, оно определяется как «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [1]. Категории пространства и времени являются концептуально значимыми. Пространственно-временная структура художественного мира выстраивается в тесной связи с художественным конфликтом и идейной составляющей произведения.

Цель исследования заключается в выявлении специфики пространственно-временной структуры художественного мира повести В. С. Маканина «Лаз».

Исходя из цели исследования, были поставлены следующие задачи: 1) рассмотреть вопрос о двухчастной структуре художественного мира повести «Лаз»; 2) выделить соответствующие пространственные и временные оппозиции.

Методами исследования выступили структурный метод, призванный выявить формы реализации пространственно-временных оппозиций в повести, а также метод литературной герменевтики.

Результаты исследования. Повесть В. С. Маканина «Лаз» (1991) рассматривается литературоведами как произведение сложное в жанровом отношении. В анализе этого художественного текста мы будем опираться на определение, данное автором (сам писатель поместил повесть в сборник «Антиутопия», вышедший в 2011 году).

Для текстов антиутопий характерно совмещение жизненной реальности и фантастического, зачастую гротескное изображение действительности, что безусловно отражено и в организации пространственно-временной структуры произведения. А значит, и категория хронотопа непосредственно обусловлена идейно-содержательной стороной художественного текста.

В отношении повести «Лаз» можем говорить о двухчастной структуре пространства: разрушенный город, погруженный в тьму, и светлое подполье, в котором находят себе место бывшие интеллигенты. Особым образом эти два пространства имеют соединяющий их лаз, представляющий собой некий промежуточный хронотоп. Верхний и нижний мир содержат в себе множество пространственных и временных антиномий: «свет – тьма», «здесь – там», «рациональное – иррациональное» и др.

Оппозиция «свет – тьма» интересна тем, что мир представляется перевернутым с ног на голову: верхний мир погружен в тьму, вне зависимости от времени она создает ощущение полного мрака, а мир подполья, напротив, освещен искусственным, очень ярким светом. Спускаясь под землю, главный герой Ключарев оказывается в «погребке-ресторане», проходит сквозь «длинный подземный коридор с великолепным мягким освещением», замечает фонари, сделанные под старину «прекрасных пушкинских времен», и восторгается: «Да, освещение здесь – чудо» [3, с. 288–296]. Мир над землей, напротив, слишком мрачен. Как таковых источников света в верхнем мире не так много, зачастую герой пользуется фонариком. Свет встречался лишь в закрытых пространствах автобуса, квартир, в городе освещением выступали лишь некоторые неразбитые витрины и «мерно мигающий светофор». Населяющие город люди плотно закрывают шторы, чтоб «их не выдал свет в окнах» [3, с. 293].

Другая оппозиция «здесь – там» присутствует в речи героя. Несмотря на то, что герой и его семья живут в верхнем мире, мир подполья представляется ему более близким: об этом говорит наречие «здесь». Говоря о городе, Ключарев использует наречие «там»: «Он вспоминает,

как совсем недавно заблудился там, на близких от дома темных улицах (тут его сбило с пути обилие света и рекламы – там отсутствие света и тьма). Он всего-то и хотел на той темной улице добыть свечку» [3, с. 363].

Оппозиция «рациональное – иррациональное» вновь организует пространство и время. Подполье, наполненное интеллектуальными разговорами, размышлениями о судьбе страны, творчестве, прошлом и будущем, скорее будет «рациональной» составляющей антиномии. Напротив, мир верхний связан с какими-то животными инстинктами, все в нем обусловлено выживанием: «Сейчас в ходу состояние индивидуума на уровне ощущений. Почти зоология» [3, с. 372]. Личное противопоставляется толпе, так часто появляющейся в описаниях города («огромная толпа заливает её», «толпа густеет, их начинает сминать», «толпа напирает») [3].

Антиномии, организующие пространственно-временную структуру повести, непосредственно содержат в себе и идейную составляющую. Привычные координаты «верх» и «низ» наполнены иным смыслом. В повести мир «подземный» идеализирован: это тихое и мирное пристанище интеллектуалов. Ключарев, опускаясь туда, стремится вновь очутиться в мыслящей атмосфере, пропитанной «высокими словами». В «наземном» мире он ощущает хаотичность и инстинктивность всего происходящего вокруг него. Несмотря на то, что в нижнем мире герой чувствует себя гораздо лучше, этот мир полон искусственной жизни, он всего лишь создает иллюзию умиротворения. Город, расположенный над ним, остается более реальным, наполненным смыслом существования (для героя это ответственность за семью), именно поэтому он выбирает остаться там.

Выводы. Таким образом, двухчастная структура художественного мира повести В. С. Маканина «Лаз» подразумевает деление на «наземный» мир города и «подземный» мир, эти пространства связаны между собой средним пространством «лаза». В связи с этим выделяются пространственно-временные оппозиции, присущие этим двум элементам художественного мира: «свет – тьма», «здесь – там», «рациональное – иррациональное».

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1975. – С. 234–407.
2. Коваленко, А. Г. Очерки художественной конфликтологии: Антиномизм и бинарный архетип в русской литературе XX века : монография / А. Г. Коваленко. – Москва : РУДН, 2010. – 492 с.
3. Маканин, В. С. Лаз / В. С. Маканин. – Москва : Эксмо, 2018. – 384 с.
4. Маркова, Т. Н. Современная проза: конструкция и смысл (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин) : монография / Т. Н. Маркова. – Москва : Изд-во Моск. гос. обл. ун-та, 2003. – С. 226.

5. Токаренко, А. А. Художественный конфликт в повести В. С. Маканина «Лаз» / А. А. Токаренко // Вестник РУДН ; Серия Литературоведение ; Журналистика. – 2014. – № 1. – С. 31–32.

УДК 811.112.2

ЖАНРОВЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКИХ МУЗЫКАЛЬНЫХ РЕЦЕНЗИЙ

Лапин Д. В.,
обучающийся 4-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Перепечкина С. Е.

reallysadcat@yandex.ru

Введение. Интенсивное расширение направлений общественного интереса привело к постепенному расслоению журналистской деятельности на отдельные профессиональные сферы. Так, художественная журналистика, к которой принадлежит и журналистика музыкальная, обращена к искусству как главному объекту своего внимания. Музыкальная журналистика может служить способом выхода музыкальной критики – художественно-оценочной по своей природе, направленной на осмысление творческой составляющей современного для каждого журналиста музыкального процесса.

Актуальность исследования обусловлена тем, что музыкальная рецензия как жанр пока находится на периферии лингвистических исследований.

Цель исследования – выявить и описать жанровые и языковые особенности современных немецких музыкальных рецензий.

Задачи исследования:

- 1) обобщить сведения о классификации, видах и особенностях рецензии как жанра;
- 2) провести анализ отдельных музыкальных рецензий на наличие стилистических и лексических особенностей;
- 3) исследовать динамику развития жанра музыкальной рецензии.

Методы исследования. В ходе исследования использовались следующие методы: критический анализ научной и методической литературы по изучаемой проблеме, метод сплошной выборки, описательный метод, дискурсивный анализ, метод обобщения.

Результаты исследования. Выбранные в ходе исследования музыкальные рецензии в соответствии с их объемом можно отнести к типу «мини-рецензий», в которых содержится основная информация о

музыкантах, кратко анализируется музыкальное произведение, а также описывается общее впечатление автора. Также рассмотренные тексты являются «монорецензиями», так как в качестве объекта рецензирования выступает одно-единственное произведение или событие.

Одна из ярких лексических особенностей музыкальных рецензий кроется в их заголовках – иногда в них содержится или перефразируется какая-нибудь известная пословица или поговорка, приводится аллюзия к какому-либо известному событию или произведению. Так, одна из рассмотренных рецензий, критикующая оперную постановку, носит красноречивый заголовок «*Alles für die Katz*» [3]. Часто используются эллиптические конструкции («*Ja, Panik*» [4] – как емкое описание зловещего звучания альбома Nine Inch Nails «*Ghosts VI: Locusts*»), хотя порой в качестве заголовка выступают целые предложения («*Matt Bellamy zündelt, aber es ist ihm egal, woran*» [5] – автор иронизирует над содержанием текстов песен альбома «*Will of the People*» группы Muse). Цель подобных приемов – привлечь внимание читателей.

В рецензиях довольно часто встречается музыкальная терминология, характеризующая музыкальные инструменты, техники, жанры: «*Keyboard*», «*Growl*», «*Dark-Jazz*», «*Riff*», «*Opener*» и др. Примечательно то, что большинство из них составляют англицизмы. Также авторы зачастую останавливаются на истории создания альбома или особенностях в организации концерта. При этом отмечается большой процент имен собственных: топонимов, антропонимов, названий учреждений и организаций и т. д.

Практически в каждой музыкальной рецензии можно встретить различные интертекстуальные элементы, которые в основном используются в тексте для того, чтобы выявить связи одного исполнителя или произведения с другими узнаваемыми, знаковыми музыкальными работами, явлениями или исполнителями.

В рассмотренных текстах встречается много слов с патетической окраской, которые могут использоваться как для выражения восхищения, так и в качестве злой иронии. Так, активно употребляются эпитеты: качественно-оценочные прилагательные («*zappenduster*», «*intensiv*», «*eingängig*») и суперлятивы («*die stärksten*», «*die erdrückendsten*», «*das bekömmlichste*»). Иногда критики прибегают к механизму синестезии. Таким образом звук определяется, например, в категориях вкуса («*ein labberiges Irgendwas...*») или осязания («*...das selbst die übelste Teenie-Romanze als zu schleimig abweisen würde*» [5]).

Практически во всех проанализированных текстах прослеживается установка на новизну, проявляющаяся в широком использовании метафор («*ein schwarzes, gefräßiges Noise-Ungeheuer*» [4]), аллюзий («*sie wirkt wie ein Apostel der Apokalypse*» [4]), приема сравнения («*glibberig wie ein Blobfisch*» [5]) и т. п. Важную роль играет ирония, скрывающая за собой социальную оценку даже при кажущейся объективированной подаче факта.

В рецензиях присутствуют лексические и стилистические средства, придающие тексту свойства интерактивности и диалогичности: «*Soweit die Kurzkritik. Für diejenigen, die weiterlesen wollen: hier die Details*» [3].

Современным музыкальным рецензиям свойственны жаргонизмы, разговорная и даже ненормативная лексика. Для изданий, посвященных рок-музыке, употребление подобной лексики весьма характерно. На других ресурсах лексика такого рода используется для создания определенного эмоционального эффекта, для выражения иронического отношения или даже откровенного сарказма и недовольства автора. Можно утверждать, что язык благодаря сниженным и нелитературным лексическим единицам становится живее и разнообразнее.

Выводы. Всеобщая доступность информации стала мощным толчком развития профессиональной критики и журналистики в области культуры. В медиапространстве появляется все большее количество интернет-платформ, которые медленно, но уверенно вытесняют печатные издания. Под влиянием постоянного технического прогресса и изменения направления спроса и предложения видоизменяются также форма и содержание рецензии. Она становится значительно компактнее по объему и работает скорее на презентацию события, чем на его анализ. Кроме того, углубляются и расширяются процессы развития оценочности, постепенно входят в обиход ранее не распространенные пласты лексики.

Список литературы

1. Кройчик, Л. Е. Система журналистских жанров / Л. Е. Кройчик // Основы творческой деятельности журналиста / под редакцией С. Г. Корконосенко. – Санкт-Петербург : Изд-во «Знание», 2000. – 272 с.
2. Тертычный, А. А. Аналитическая журналистика: познавательно-психологический подход / А. А. Тертычный. – Москва : Изд-во «Гендальф», 1998. – 256 с.
3. Büning, E. Alles für die Katz [Elektronische Ressource] / Eleonore Büning. – Zugriffsmodus: <https://van-magazin.de/mag/daphne-staatsoper-unter-den-linden/>. (Zugriffsdatum: 27.02.2023).
4. Heinecker, F. Ja, Panik [Elektronische Ressource] / Felix Heinecker. – Zugriffsmodus: <https://www.plattentests.de/rezi.php?show=16802>. (Zugriffsdatum: 17.02.2023).
5. Kabelitz, S. Matt Bellamy zündelt, aber es ist ihm egal, woran [Elektronische Ressource] / Sven Kabelitz. – Zugriffsmodus: <https://www.laut.de/Muse/Alben/Will-Of-The-People-119032>. (Zugriffsdatum: 13.02.2023).

ВІДОБРАЖЕННЯ ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЬ З КОМПОНЕНТОМ «ЖИТТЯ» У ХУДОЖНІХ ТВОРАХ УКРАЇНСЬКИХ ПИСЬМЕННИКІВ

Левченко С. И.,
*обучающаяся 4-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Дехтярева Е. В.

sonkalev@mail.ru

Вступ. У ХХІ ст. підсилюється інтерес дослідників до пізнання поняття «життя», його сутності та особливостях реалізації та інтепретації у різних мовах. Життя розуміється людиною по-різному, тому існують різні точки зору щодо цього поняття. Таке різне сприйняття світу акумулюється у фразеологічних одиницях з компонентом «життя». Українська художня спадщина пронизана темою життя в різні історичні періоди розвитку суспільства, що підкреслюється використанням у творах фразеологічних одиниць (далі ФО) з компонентом «життя».

Актуальність роботи полягає у недостатньому вивченні та осмисленні фразеологізмів з компонентом «життя» у творчості українських письменників.

Метою дослідження є розгляд фразеологічних одиниць з компонентом «життя», які використовуються у творах українських письменників.

Реалізація поставленої мети зумовлює виконання наступних **завдань**:

- 1) зафіксувати фразеологізми з поданим компонентом у творах українських письменників;
- 2) описати семантику та прагматику фразеологічних одиниць з компонентом «життя».

Методи дослідження. У дослідженні використані наступні методи: описовий, семантичний та порівняльний.

Результати дослідження. У лінгвістичних працях другої половини ХХ – поч. ХХІ ст. спостерігаємо посилення уваги науковців до проблем, пов'язаних із функціями, лінгвостилістичними потенціями, текстотвірними можливостями, прагматикою ФО як компонентів мовної тканини художніх творів, зокрема, праці Л. Г. Авксентьєва, І. С. Гнатюк, Ю. І. Кохана, Л. Г. Скрипник, А. П. Супрун, Л. Ф. Щербачук та ін.

Тема життя, яка передається за допомогою багатьох засобів, одним із яких є фразеологізми з компонентом «життя», широко використовується у творах українських письменників усіх століть, адже їх твори наповнені

життєвою філософією, колорит якої передає саме фразеологічна спадщина. Більшість таких ФО виконує експресивну та стилістичну функції, підкреслюючи ставлення народу до життя, адже воно вважається найціннішим.

У ході дослідження зафіксовані ФО розподілені на тематичні групи:

1. Життя як персоніфіковане явище.

Розуміння того, що життя – миттєвість, змушує людей цінувати його, застерігає від легковажного ставлення до нього, спонукає прислухатися до його філософії, що робить саме поняття «життя» у свідомості народу персоніфікованим явищем: наприклад, твір Панаса Мирного «У черницях», де у мові Матушки гуменя, яка звертається до Марусі, використовується персоніфікована ФО *життя повернулося гострим боком*, що має семантику “Хто-небудь зазнав труднощів, невдач, потрапив у скрутне становище”: *«Ти ще молода така, до тебе життя повернулося своїм гострим боком, непривітною стороною, то ти думаєш і все так буде. Пройде рік-другий, болячі виразки підгояться, серце захоче знову жити»* [1, с. 295].

2. Життя у контексті бінарної опозиції життя / смерть.

Поняття «життя» тісно пов'язане з поняттям «смерть», тому що останнє є завершенням існування живої істоти, тобто кінцем життя, і тому ці два явища можна розглядати як бінарну опозицію. Михайло Коцюбинський в етюді «Цвіт яблуні» застосував у межах вербальної опозиції життя / смерть ФО *життя обірвалося* має семантику “Хто-небудь перестав існувати, помер”: *«Мені здається, що зараз станеться щось незвичайне: проникне крізь вікно якась істота з великими чорними крилами, просунеться по хаті тіль, або хтось раптом скрикне – й обірветься життя»* [1, с. 295].

У творі «Полярна ніч» Лесі Українки фіксуємо ФО *позбутися життя*, тобто “Померти, загинути”: *«Коли хочеш позбутися життя, то вийди з хати, – понуро перший відказав і змовк»* [1, с. 662].

3. Життя як найцінніший дар.

Найважливішим для людини є її життя. Це те, що вона цінує понад усе та намагається зберегти за будь-яких обставин, наприклад: у вірші Лесі Українки «Хотіла б я тебе, мов плющ, обняти..» ФО *дати життя* “Класти початок життю, існуванню чого-небудь; народжувати, породжувати когось, щось”: *«Плющ їй дає життя, він обіймає, Боронить від негоди стіну голу»* [1, с. 206].

У творі Олесь Гончара «Перекоп» також цінність життя відображає ужита ФО *дарувати життя*, тобто “Залишати живим (засудженого до страти або переможеного в бою, поединку); щадити”: *«Червоноармієць страшний ворогові в бою, а лежачого ми не б'єм. Якщо здастися, ми даруємо життя»* [1, с. 220].

4. Життя як різноплановість існування.

У кожної людини життя – це індивідуальний шлях існування. Він, як і люди, різний. За філософськими уявами життя схоже на течію: може бути

спокійним, легким, а може бути важким та безрадіним. Прикладом використання ФО на позначення 'безрадінного, нецікавого, у горі та нестатках життя' є фразеологізм *волочити життя* у творі Панаса Мирного «Хіба ревуть воли, як ясла повні»: «Сумне й недоладне прийшлося січовикові *волочити життя на старість*» [1, с. 145].

Децо інший сенс має фразеологізм, який використав Іван Франко у творі «Петрії й Довбушуки», *прикликати до життя*, що має семантику "Виводити кого-небудь з неприємності, депресії, забуття і т. ін.": «*Ніхто не йшов їй на порятунок, аж дощ, що пустився коло півночі, прикликав її до життя*» [1, с. 694].

Висновки. У результаті дослідження було виявлено, що твори українських письменників наповнені ФО з компонентом «життя». Усі зафіксовані фразеологізми було поділено на тематичні групи. Національно-культурна своєрідність фразеологізмів полягає в тому, що вони містять в собі комплекс наївних уявлень носіїв мови про той чи інший еталон, стереотип, концепт національної культури. Фразеологізми з компонентом «життя» відображають ставлення народу до життя, особливості обрядів та традицій.

Список літератури

1. Фразеологічний словник української мови : [у 2-х кн.] / [упоряд. В. М. Білоноженко та ін.]. – Київ : Наукова думка, 1993. – 984 с.

УДК 81'373.7

СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С НУМЕРАТИВНЫМ КОМПОНЕНТОМ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Лиховидова И. В.,
обучающаяся 4-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Научный руководитель: ст. преп. Чернобай С. Е.

lihovidova.2012@mail.ru

Введение. Общеизвестным фактом является способность фразеологического фонда языка отражать мировоззрение народа, его культуру и традиции. Фразеологизмы с нумеративным компонентом представляют особый интерес для изучения, что обусловлено частотой их употребления, а также отношением народа к числам, которые, кроме количественного содержания, соотносятся с определенными национально-культурными символами и стереотипами. Фразеологические единицы английского языка с нумеративным компонентом становились объектом исследования ученых в сравнительно-сопоставительном аспекте на

материале английского, французского, франко-канадского и немецкого языков [1; 3], а также в когнитивном и лингвокультурологическом аспектах на материале английского и русского языков [2; 4]. **Актуальность** работы обусловлена необходимостью представления характеристики семантики английских фразеологизмов с компонентом числа в синхроническом аспекте.

Цель работы – охарактеризовать семантику английских фразеологических единиц с нумеративным компонентом. Для достижения цели поставлен ряд **задач**: рассмотреть основные характеристики фразеологических единиц, их классификации, описать семантику фразеологических единиц с компонентом числа в современном английском языке.

Методы исследования. В ходе работы применяются следующие методы: методы семантического и компонентного анализа, описательный метод. Материалом исследования стали фразеологические единицы с нумеративным компонентом, отобранные методом сплошной выборки из фразеологических словарей [5; 6].

Результаты исследования. Под фразеологическими единицами ученые понимают устойчивые словосочетания, которые являются постоянными по своему составу, структуре и значению. Основным характерным признаком фразеологизма является его воспроизводимость в готовом виде, среди второстепенных признаков выделяют метафоричность, образность, эквивалентность и синонимичность слову. Ученые отмечают, что семантика фразеологизмов с нумеративным компонентом отличается определенными особенностями, так как «с одной стороны, имя числительное может сохранять свое первоначальное значение, т.е. реализовывать свою первичную знаковую функцию, с другой стороны, оно может обозначать какой-либо символ и таким образом реализовывать свою вторичную языковую функцию» [3, с. 582].

Исследуемые фразеологизмы условно можно разделить на две большие группы. В первую входят фразеологизмы, выражающие значение «количество», а ко второй относятся фразеологические единицы с полностью переосмысленным значением.

Фразеологические единицы с нумеративным компонентом, объединенные значением «количество», можно разделить на следующие фразео-семантические группы:

1. «Измерение количества»: «*one in a thousand*» – «*один из тысячи*», «*million and one*» – «*очень много*», «*hundred to one chance/shot*» – «*очень маленький шанс*».

2. «Умственная деятельность»: «*know a trick or two*» – «*знать пару хитростей*», «*two heads are better than one*» – «*ум хорошо, а два лучше*».

3. «Количество людей в группе»: «*Two's company, three's a crowd!*» – «*третий лишний*»; «*it takes two to tango*» – «*один в поле не воин*».

4. «Временной промежуток»: «*at the eleventh hour*» – «в самый последний момент».

5. «Финансовые отношения»: «*go fifty-fifty (on something)*» – «делить поровну».

6. «Профессиональная деятельность»: «*ten percent guideline*» – «принцип 10-ти процентов» (принцип аналитиков по муниципальным облигациям в США, согласно которому выпуск ценных бумаг на сумму более 10% оценочной стоимости налогооблагаемой недвижимости считается чрезмерным); «*ten minute rule*» – «десятиминутный регламент в прениях по новому законопроекту в палате общин»; «*ten o'clock rule*» – «правило десяти часов» (об окончании работы парламента не позднее десяти часов вечера).

Фразеологические единицы с нумеративным компонентом, которые подверглись метафорическому переосмыслению, можно разделить на следующие фразео-семантические группы:

1. «Эмоциональное состояние»: «*like a dog with two tails*» – «рад-радешенек»; «*in seventh heaven*» – «на седьмом небе от счастья»; «*on cloud nine*» – «на девятом облаке или на седьмом небе от счастья»; «*to knock for six*» – «ошеломить; привести в изумление».

2. «Внешность»: «*dressed to the nines*» – «элегантно одетый»; «*look like a million dollars*» – «выглядеть на все сто».

3. «Физические способности»: «*to have two left feet*» – «не уметь танцевать; быть неуклюжим».

4. «Профессиональная деятельность»: «*fourth estate*» – «четвертое сословие» (так в Англии называют журналистов); «*second fiddle*» – «вторая скрипка в оркестре» (т.е. быть в подчинении, на низкой должности или занимать низкое положение).

5. «Жизненные ситуации»: «*catch 22 situation*» – «безвыходное положение».

Выводы. Таким образом, фразеологизмы с нумеративным компонентом могут выражать как буквальное количественное значение, так и переосмысленное, включая эмоции людей, описание их внешности, физические способности, жизненные ситуации и профессиональную деятельность. Перспективным является изучение функционирования данных фразеологизмов в различных типах дискурса.

Список литературы

1. Высторопец, Е. В. Имена числительные *two* и *zwei* в составе фразеологических единиц в английском и немецком языках: структура и семантика/ Е. В. Высторопец// Актуальные вопросы. Филология. – 2019. – №. 1. – С. 21–23.

2. Пелипенко, Л. М. Когнитивная репрезентация нумеративных фразеологических единиц с компонентами *one, two, three* / один, два, три / Л. М. Пелипенко // Вестник АГУ. – 2015. – Вып. 3 (164). – С. 60–64.

3. Теганюк, В. В. Семантика фразеологизмов с нумерологическим компонентом (на примере франко-канадского, французского и английского

языков) / В. В. Теганюк, С. Г. Каримова // Вестник Марийского государственного университета. Филологические науки. – 2022. – Том 16. – № 6. – С. 582–588.

4. Цатурян, М. М. Образно-символические характеристики числительных one, two, three (один, два, три) в английской и русской лингвокультурах / М. М. Цатурян, Л. М. Пелипенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 5 (71). – Ч. 1. – С. 166–170.

5. Longman Dictionary of English Idioms / ed. by T. H. Long, Ltd Staff Laurence Urdang Associate – London : Longman, 1980. – 402 p.

6. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English / ed. by A. P. Cowie, R. Mackin, I. R. McCaig. – London : Oxford University Press, 1984. – 1082 p.

УДК 373.1.02:372.8

РЕЧЕВЫЕ НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКИЕ ЭТИКЕТНЫЕ ФОРМУЛЫ С ЛЕКСЕМОЙ «СВЕТ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Лободина Ю. В.,
*обучающаяся 4-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: д. филол. н., профессор Петров А. В.

yulialobodina13@gmail.com

Введение. Речевой этикет регулирует речевое поведение, связан с развитием и культурой общества. Формулы речевого этикета постоянно развиваются, видоизменяются, включаются в игровую стихию, приобретают новые значения, десемантизируются или исчезают из лексикона под воздействием и влиянием массовой культуры, исторических условий, уровня образования и расслоения по возрастному признаку в обществе. Всё чаще речевые формулы становятся отдельным объектом исследования. По своей сути речевой этикет – это совокупность регламентирующих устойчивых правил речевого поведения, речевых формул, обязательных для членов общества, с учётом национальной специфики и разговорного стиля речи. Речевыми формулами этикета считаются лексические единицы приветствия, вежливости, благодарности, прощания. Они появились в процессе развития человеческого общества и связаны с ритуалами и обычаями того или иного этноса. Исследованием русского речевого этикета занимались такие учёные, как А. Г. Балакай, Н. С. Гребенщикова, Н. И. Формановская и др.

Целью исследования является изучение речевых народно-поэтических формул русского этикета с лексической единицей «свет».

Задача исследования – описать варьирование народно-поэтических этикетных формул с лексемой «свет».

При подготовке работы были использованы следующие методы: описательный, метод моделирования с опорой на интернет-ресурсы, контекстологический анализ, дистрибутивный и компонентный анализ.

Результаты исследования. Было рассмотрено семантическое развитие лексемы «свет», появление этикетной номинации в русском языке. Впервые семы *приветствия / обращения* и *ласкательности* фиксируются у лексической единицы в «Словаре Академии Российской». Значение квалифицируется как переносное, входит не в основную словарную статью, а в дополнение к ней [3, с. 374–376].

В «Словаре русского речевого этикета» А. Г. Балакая зафиксирована статья с вершиной «свет», дано определение этикетной формуле «свет мой», выделены пометы *прост.*, *нар.-поэт.* и приведены варианты функционирования компонента «свет» в формулах речевого этикета: «**Свет.** *Прост, нар.-поэт.* Ласковое, приветливое обращение. Может употребляться самостоятельно, но чаще – в составе осложненных формул обращения» [1, с. 460].

В словарной статье приводятся также следующие конструкции: «мой свет, свет ты мой, свет (ты) мой ясный, свет (ты) мой ненаглядный, свет моё солнышко, Свет государь (имя и отчество), Свет честна(я) вдова, Свет очей моих, (Имя полное) свет (отчество), светик (ты мой), светушка (ты мой), Батюшки-светы».

Этикетные формулы с лексемой «свет» активно употребляются в классической и современной литературе, при этом наблюдается широкий диапазон варьирования их компонентного состава. Встречается в текстах и усечённая формула: «свет + мой». Усиление основного значения происходит благодаря включению дополнительных народно-поэтических обращений, распространителями которых являются имена существительные и прилагательные: *радость моя; любовь моя; радость очей моих, голубонька Машенька; дитя моё милое, голубица ты моя; моё дитячко; любушка; сестрица моя; родная; сокол сизокрылый; ясный; тихий.*

Речевая этикетная формула с лексемой «свет» употребляется по отношению к мужчине и женщине равнозначно. Видоизменяется лексема и в деривационном аспекте: свет → светик, свет → светушка, образуются сложные слова с пре- и постпозицией компонента «свет».

Выводы. Слово «свет» относится к основному словарному фонду русского языка, зафиксировано во всех толковых, этимологических и культурологических словарях. С течением времени в лексической единице развилась полисемия.

Прямое значение сочетается с переносными – этикетными значениями приветственного обращения, передающими ласку, а также значение «милый, любезный, сердечный» по отношению к лицам мужского и женского пола.

В речевой этикетной формуле с компонентом «свет» наблюдается варьирование компонентов и порядка слов. Кроме этого, зафиксировано расширение состава этикетного комплекса за счет включения слов народно-поэтического регистра.

Список литературы

1. Балакай, А. Г. Словарь русского речевого этикета / А. Г. Балакай. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : АСТ-ПРЕСС, 2001. – 672 с.
2. Гребенщикова, Н. С. История русского приветствия (на восточно славянском фоне) : монография / Н. С. Гребенщикова. – Гродно : ГрГУ, 2004. – 306 с.
3. Словарь Академіи Россійской : в 6-ти ч. – Санктпетербургъ : Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1789–1794. – Ч. 5: отъ Р. до Т. – 1794. – 702 с.
4. Формановская, Н. И. Благопожелание как концепт в основе речевого этикета / Н. И. Формановская // Речевое общение: специализированный вестник ; под ред. А. П. Сковородникова. – Красноярск, 2011. – Вып. 12 (20). – С. 69–76.

УДК 821.14'06

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «ГРЕЧЕСКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ» (НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОПЛОЩЕНИЯ ОБРАЗА ИОАННА КАПОДИСТРИИ)

Люшин И. П.,

*обучающийся 2-го курса магистратуры Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Банах Л. С.

sentjoko@rambler.ru

Введение. В работе рассматривается личность правителя независимой Греции и министра иностранных дел Российской Империи Иоанна Антоновича Каподистрии и его образ в произведениях Никоса Казандзакиса «Каподистрия» («Καποδίστριας», 1944), Тасоса Афанасиадиса «Путешествие в одиночестве» («Ταξίδι στη μοναξιά», 1944). Актуальность темы определяется повышенным интересом современных лингвокультурологов к теме отображения этнокультурного типажа в произведениях литературы. Научная новизна работы обусловлена тем, что впервые в отечественном литературоведении исследуется типаж «греческого интеллигента» на примере лирической хроники «Путешествие в одиночестве» Тасоса Афанасиадиса.

Целью данного исследования является рассмотрение лингвокультурного типажа «греческий интеллигент» на примере

художественной личности Иоанна Каподистрии. Задачи исследования: 1) выделить смысловые составляющие и содержание понятия «интеллигент»; 2) провести анализ образа И. Каподистрии в романе «Путешествие в одиночестве» Т. Афанасиадаса и в трагедии «Каподистрия» Н. Казандзакиса.

Методы исследования. Исследование проводилось при помощи культурно-исторического, сравнительно-исторического, типологического, герменевтического методов, метода тщательного прочтения.

Результаты исследования. Лингвокультурный типаж (ЛКТ) – это вид лингвокультурного концепта, что является узнаваемым обобщённым типом личности. Лингвокультурный типаж обладает тремя характеристиками: понятийность, образность и ценностность. При анализе ЛКТ часто рассматривается языковая личность (человек, создающий и воспринимающий тексты, обладающий своим идиостилем).

Интеллигенты – это социальная группа, профессионально занимающихся умственным трудом людей, характеризующихся образованностью и манерностью в повседневной жизни. В 19-м веке образ интеллигентного человека включал в себя следующие качества: знание собственной профессии, общих дисциплин, иностранных языков, умения ясно и чётко выразить свои мысли в дискуссии, чётких предпочтений в творческой среде. «Интеллигент» является этнокультурным типажом, поскольку несёт в себе эмоциональную окраску и содержание в зависимости от культуры и политической ситуации определённой страны.

ЛКТ «интеллигента» неоднократно рассматривался в работах В.И. Карасика [2], О. А. Дмитриевой, Е. В. Бобырёвой [1], однако преимущественно это касалось лишь русских и английских интеллигентов, как наиболее знаковых для отечественной и зарубежной культур.

Историческая фигура и образ Иоанна Каподистрии связаны как с Российской Империей, так и с независимой Грецией. В романе-хронике «Путешествие в одиночестве» Тасоса Афанасиадаса описывается жизнь Каподистрии в период его службы в России [3]. В этом романе Иоанн Антонович представлен как успешный молодой дипломат, проявляющий великодушие и доброжелательность к своему окружению. Каподистрия выглядит скромно: серый и простой сюртук, характерный белый шарф, который также изображается на портретах, а также греческие черты лица. Сторона талантливого дипломата раскрывается в диалогах И. Каподистрии с Разумовским, другим дипломатом на службе России, где он осторожно выбирает слова и склоняет на свою сторону этого человека. Император признаёт Каподистирию ценным советником во внешнеполитических вопросах. Дипломатом движут патриотизм по отношению к греческому государству и амбиции помочь борьбе за независимость Греции, которые он должен скрывать, находясь на службе другому государству.

Рассматривая языковой портрет Каподистрии, можно выделить богатый словарный запас, речь является обязательно вежливой и уважительной, изобилует размышлениями вслух. Многократно в романе

подчёркивается мягкий, спокойный голос Каподистрии и знание иностранных языков. Данная историческая характеристика целиком соответствует этнокультурному типу «греческого интеллигента» дореволюционного периода, имея соответствующие понятийные, образные и ценностные качества: 1) опрятность и простота одежды, 2) высокая образованность, 3) активная политическая позиция, 4) высокий уровень нравственности, 5) наличие самоконтроля в словах, привычках и поступках, 6) патриотизм, 7) независимый взгляд на происходящие политические события, 8) человеколюбие, доброжелательность, 9) скромность.

В трагедии Никоса Казандзакиса «Каподистрия» развитие получает система многоуровневого конфликта И. Каподистрии с его окружением в последние дни жизни правителя Греции. Макрияннис (Иоаннис Триантафиллу), руководитель исполнительной власти Пелопонесса и Колокотронис, главнокомандующий войсками Мореи, предупреждают правителя о том, что на него готовится покушение. Правитель не желает отдавать приказ об аресте своих будущих убийц, распускает охрану несмотря на попытки Колокотрониса убедить его этого не делать и оказывается убитым на ступенях церкви Св. Спиридона. Со стороны России, Каподистрия представляется мучеником, исполняющим свою миссию, в то время, как со стороны Европы его воспринимают как тирана. Конфликт образцового правителя и порочного окружения становится центральным в пьесе Казандзакиса. Правитель Греции остаётся верным до конца своему государству: «Κι εγώ κι εσείς αγωνιστές και αρχόντοι νογώ στα σωθικά την γκρεμισμένη ετούτη τη ρέμπλη, τυφλή και αδερφοφάδα Ελλάδα. Όμως νογώ και τη μελλούμενη, και μόνο γι' αυτή δουλεύω και πονώ και θα πεθάνω» («И вы, и я, господа и военачальники, осознаём, что живём в разрушенной, ослепшей, раздираемой враждой Греции. Но я думаю о будущей стране, и лишь ради неё работаю, страдаю и умру») [4, с. 39].

Выводы. ЛКТ «интеллигент» является этнокультурным типажом, означающим образованного и вежливого человека с активной политической позицией и интеллектуальной профессиональной деятельностью. ЛКТ «греческий интеллигент» ярко раскрывается на примере исторического и художественного образа И. Каподистрии, обладающего следующими характеристиками: 1) понятийная сторона: образованность, политическая деятельность, полиглоссия, возможность заниматься умственным трудом; 2) образ и стереотипно-идейная составляющая: аккуратно одетый человек в костюме, вежливый, доброжелательный и обходительный, способный поддерживать дискуссию; 3) ценностное содержание: «хранитель культуры», который является олицетворением национальных идей и продвижения их, патриот, политически независимый от власти и диктующий свою политическую позицию.

Список литературы

1. Бобырева, Е. В. Лингвокультурный типаж «интеллигент» в западноевропейской и русской картинах мира / Е. В. Бобырева, О. А. Дмитриева // Вестник Тюменского государственного университета ; Гуманитарные исследования ; Humanitates / главный редактор Н. Н. Белозёрова. – Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2018. – Т. 4. – № 1. – С. 29–42.
2. Карасик, В. И. Лингвокультурный типаж «Русский интеллигент» / В. И. Карасик // Аксиологическая лингвистика. Лингвокультурные типы : [сб. науч. тр.]. – Волгоград, 2005. – С. 25–61.
3. Αθανασιάδης, Τάσος. Ταξίδι στη μοναξιά. Λυρικό χρονικό απ' τη ζωή του Καποδίστρια / Τάσος Αθανασιάδης. – Αθήνα : Βιβλιοπωλείον της «Εστίας» Ιωαννου Δ. Κολλάρου&Σιας, 2001. – 180 σ.
4. Καζαντζάκης, Νίκος. Θέατρο Γ'. Τραγωδίες με διάφορα θέματα. Καποδίστριας, Χριστόφορος Κολόμβος, Σόδομα και Γόμορρα, Βούδας / Νίκος Καζαντζάκης. – Αθήνα : Εκδ. Ελ. Καζαντζάκη, 1971. – 768 σ.

УДК 811.11: 811.16

ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА СЕМАНТИЧЕСКОГО ДИФФЕРЕНЦИАЛА ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ МОТИВАЦИОННЫХ УСТАНОВОК ПОТРЕБИТЕЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ)

Мамедлаева А. Ф.,
*обучающаяся 4-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: зав. кафедрой английской филологии,
к. филол. н., доцент Полховская Е. В.

moonisha211@gmail.com

Введение. Издавна известная всем поговорка о названии корабля, который будет плыть так, как его назовешь, пожалуй, хорошо вписывается в реалии современного предпринимательства. Процесс выбора названия для организации достаточно кропотливый. Важно знать, что продавать и для кого, свою целевую аудиторию. Также достаточно важно, чтобы название не имело отрицательную коннотацию. Данные тезисы относятся и к названиям предприятий общественного питания – трофонимам. **Актуальность** работы заключается в выявлении наиболее привлекательных для потребителей названий предприятий общественного питания на основании определения различных мотивационных установок жителей разных возрастов Республики Крым.

Целью данного исследования является выявление при помощи метода семантического дифференциала мотивационной установки потребителей относительно названий кафе, баров, ресторанов. Данная цель обусловила постановку следующих задач: 1) рассмотреть мотивационную установку эргонимов в целом; 2) использовать метод семантического дифференциала для проведения социального опроса; 3) провести анализ потребительских предпочтений на основе полученного социального опроса.

Методы исследования. В данном комплексном исследовании использованы следующие методы: анализ и синтез, дефинитивный метод, метод лингвистического описания, сопоставительный метод, метод опроса информантов.

Результаты исследования. Достаточно важным, если не важнейшим, моментом при выборе названия организации является его мотивационная установка. Многие маркетологи говорят о том, что потребностями нужно управлять, а не прогнозировать (В. Тамберг, А. Бадьин). Для этого трофоним должен стать неким отражением ценностей потребителей. А большинство ценностей в мире являются общими, такие как: сытость, безопасность, стабильность, доход, самореализация и т. д. Иными словами, личностная ценность – это «основа для успешного подхода к мотивации» [1, с. 114].

Самая популярная на сегодняшний день и широко используемая в менеджменте и маркетинге мотивационная теория – «теория мотивации человека» Абрахама Маслоу, на основании которой им была создана пирамида человеческих потребностей. Классификация человеческих потребностей стала базой для различных классификаций.

В своем диссертационном исследовании, М. Г. Курбанова, основываясь на классификации Маслоу, выдвигает собственную для названий фирм, предприятий и учреждений, эргонимов [1, с. 125]. Считаем необходимым упомянуть, что к эргонимам относятся названия агентств, банков, отелей, аптек, парикмахерских, и многие другие. Мы же изучаем организации сферы общественного питания, поэтому вслед за Е. М. Кирсановой будем использовать термин «трофоним» (с греч. троφη «пища», «еда») [2, с. 15]. Ниже представлена мотивационная классификация М. Г. Курбановой и примеры отобранных нами трофонимов.

1) информативность – прямое указание на сферу деятельности, напр. пиццерия «ПиццаМания», бар «Beerhouse»;

2) уверенность – указание на первенство компании, лидерство: кафе «Мастер вкуса», ресторан «Pomodoro Royal»;

3) доступность (о ценах) – кафе «Добрый Шаурмишка», кафе «Как дома»;

4) принадлежность к определенной группе – гендерная, социальная, этническая, возрастная: ресторан «Govindas», ресторан «Восточная кухня»;

5) эстетика восприятия – использование антропонимов, зоонимов и т.д.: ресторан «Клод Моне», кафе «Ирбис»;

6) возможность выбора – о широте ассортимента: кафе «Радуга Вкуса», ресторан «Gallery Kitchen»;

7) самовыражение – мотивированные новизной, высшим качеством оказываемых услуг: ресторан «21 век», сушитерия «Best roll».

Для того, чтобы выявить возникающие на подсознательном уровне ассоциации, связанные с восприятием тропонимов, нами был проведен социальный опрос с использованием метода семантического дифференциала (СД), разработанный в 1952 Ч. Осгудом. СД «применяется в исследованиях, связанных с восприятием и поведением человека, с анализом социальных установок и личностных смыслов. Метод СД является комбинацией метода контролируемых ассоциаций и процедур шкалирования» [1, с. 49]. Соцопрос в формате анкетирования был проведен среди жителей г. Симферополь, мужчин и женщины от 18 лет и старше. Всего опрошено 37 человек. Был дан перечень тропонимов иного города России (в целях беспристрастного оценивания) с различной мотивировкой. Для точности результата данные мотивационные установки не были продемонстрированы респондентам. Респондентам были розданы анкеты в виде таблицы для оценки характеристик тропонимов по пятибалльной шкале, где 1 – минимальное значение, 5 – максимальное.

После подсчета итоговых оценок были выведены следующие среднестатистические результаты: информативность – 3,5 баллов, уверенность – 3 балла, доступность – 3,5 баллов, принадлежность к определенной группе – 3,1 балла, эстетика восприятия – 3,2 балла, возможность выбора – 3,2 балла, самовыражение – 3,1 балла.

Выводы. Как показали результаты исследования, на выбор респондентов большее влияние оказали такие мотивационные установки как информативность и доступность. Немного меньше баллов набрала эстетика восприятия. Наименее эффективной оказалась мотивационная установка «Уверенность». Итак, на основании результатов исследования можем заключить, что метод СД может быть использован предпринимателями, маркетологами и нейминговым агентствам для проверки эффективности тропонима (запоминаемости), создания названия из предложенного перечня, а также составления портрета целевых групп как одна из схем наиболее успешного выбора названия для своей организации.

Список литературы

1. Курбанова, М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Малика Гумаровна Курбанова ; Астраханский государственный университет. – Волгоград, 2015. – 25 с.
2. Кирсанова, Е. М. Прагматика единиц семантического поля «ПИЩА»: системный и функциональный аспекты (на материале английского и

русского языков) : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : дис. ... канд. филол. наук / Елена Митрофановна Кирсанова ; Московский государственный лингвистический университет. – Москва, 2009. – 294 с.

3. Даудрих, Н. Психосемантические методы в исследованиях брендов / Н. Даудрих. – Текст : электронный // Энциклопедия маркетинга : [сайт]. – 2003. – URL: <https://www.marketing.spb.ru/lib-comm/brand/psychosem.htm>. (дата обращения: 02.02.2023).

4. Osgood, C. E. The Measurement of Meaning / C. E. Osgood, G. Suci, P. Tannenbaum. – University of Illinois Press, 1957.

УДК 821

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ИДИОМАТИЧНЫХ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ В. И. ДАЛЯ)

Марченко Э. С.,
*магистрант 1-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: д. филол. н., профессор Петров А. В.

emtmatar@mail.ru

Введение. В статье рассмотрены особенности производных слов с идиоматичной семантикой в художественных произведениях В. И. Даля. Описаны способы подачи идиоматичных производных слов в «Толковом словаре живого великорусского языка». **Актуальность** исследования связана с изучением проблем, лежащих на стыке лексикологии, словообразования и фразеологии, с описанием производных слов с идиоматичным значением.

Цель исследования – проанализировать словообразовательную структуру и семантику производных имён существительных, лексическое значение которых не равно сумме морфем, составляющих слово. Поставленная цель обусловила постановку следующих **задач**: выявить производные слова с идиоматичной семантикой в художественных текстах В. И. Даля; рассмотреть и прокомментировать словообразовательную структуру и семантику производных лексических единиц; разделить выявленные идиоматичные слова на тематические группы. Картотека языковых фактов была составлена на основе художественной прозы В. И. Даля. Фактический материал был ограничен производными со значением лица.

Методы исследования – описательный, морфемный и словообразовательный анализ, применяющиеся при описании структуры производных слов, компонентный и контекстологический анализ необходимый для установления семантической структуры многоморфемных лексических единиц.

Результаты исследования. М. В. Панов понимал «идиоматичность» («фразеологичность») слова как значимость целого, не равная сумме значимостей его частей, [4, с. 129–165]. Различные аспекты фразеологизации лексем рассматривает Т. А. Сидорова. Например, расширение лексического значения корня применительно к фразеологизированной лексеме «писатель» («тот, кто пишет профессионально художественные произведения») [7, с. 7–50]. Согласно научным исследованиям А. В. Кунина, О. С. Ахмановой, В. М. Мокиенко, понятие «идиома» является синонимом термину «фразеологизм» [6, с. 84–88]. О. П. Ермакова исследует характеристику идиоматичности слова как фразеологичность семантики того или иного деривата [3, с. 57–63]. Мы придерживаемся понимания «идиоматичности», сформулированного М. В. Пановым, как невыводимости целого лексического значения производного слова из суммы семантического содержания его структурных элементов – морфем. В художественной прозе В. И. Даля встречаются простые и сложные по структуре субстантивные производные лексемы с идиоматичной семантикой. Например, к простым словам относятся лексические единицы «смотритель», «извозчик», «понукалка», сложными по структуре являются дериваты «блюдолиз», «навей-ветер» и др.

Прокомментируем простые по структуре производные субстантивы. Так, слово с идиоматичной семантикой «смотритель» в Словаре В. И. Даля толкуется как «смотритель чего, над чем, надзиратель, блюститель, наблюдатель, начальник, приставленный для надзору, порядку; исполнитель» [1]. Лексема «смотритель», означающая определённую должность, образована от основы мотивирующего глагола «смотреть» с помощью суффикса -и/тель-. Семантические компоненты слова не отражены в его структуре (например, профессиональная деятельность, подразумевающая наблюдение за порядком, отдачу распоряжений и т.д.). Образ смотрителя почтовой станции представлен в произведении А. С. Пушкина «Станционный смотритель». Анализируемая лексическая единица встречается в контексте произведения В. И. Даля «Болгарка»: «...лежит при последнем издыхании унтер-офицер, заведовавший тут **должностью смотрителя**» [2].

В Словаре В. И. Даля глагол «понукачь кого» означает: «побуждать (понуждать), погонять, торопить, заставлять, нудить торопя, нукать» [1]. Зафиксированы в данной словарной статье также имена существительные *понукальщик, понукальщица, понукала, понукалка, понужала* («кто понукает») [1]. Лексема «понукалка» образована от основы глагола «понукачь» в результате суффиксации. Мотивирующий глагол образован

от междометия «ну-ка» ('давай, берись, делай, ну что ли') в результате префиксально-постфиксального способа словообразования [1]. «Нукать, нукнуть, нукивать, понукать» означает: 'понуждать, нудить, гнать, торопить, погонять, ободрять покрикивая...' [1]. Исследуемое производное слово находим в произведении «Павел Алексеевич Игривый»: «...лицо это было известно в доме под должностным званием **понукалки**...» [2].

В словарной статье с вершиной «извозить» ('промышлять перевозкою, доставкой товаров на лошадях') находятся лексические единицы со значением: «извозничать», «извозничанье», «извозник», «извозничий», «извозчик» [1]. Производное слово «извозчик» также содержит сему 'профессия', не отражённую в его структуре. Анализируемая лексема образована от основы существительного «извоз» ('действие того, кто извозит; промысел гужевой доставки, перевозки товаров') в результате суффиксального способа словообразования [1]. Суффикс -чик- вносит значение лица, связанного с определённой деятельностью. Лексема «извоз» образована в результате усечения основы мотивирующего глагола «извозить» ('промышлять перевозкою, доставкой товаров на лошадях') [1]. Компоненты лексического значения деривата «извозчик» ('промышлять', 'имея транспортное средство и лошадь') не выражены в структуре слова [1]. Исследуемое слово с идиоматичным значением зафиксировано в тексте произведения «Двухаршинный нос»: «...ну, **извозчик**, теперь мы с тобой выехали на простор: за рогаткой не будет езды такой, как в городе, и разговориться тебе свободно: сказывай же!», «...вот он и пойдет наряжать тебя раз в раз, как требуют **извозчика** в часть, глядеть, когда над нашим братом расправа бывает, за какую провинность...» [2].

Выводы. В художественной прозе В. И. Даля встречаются простые по структуре лексические единицы с идиоматичной семантикой. Производные слова имеют значение лица. Дериваты с идиоматичным значением необходимо отличать от производных, образованных на базе фразеологических оборотов. Отфразеологические единицы наследуют идиоматичную семантику образного характера своих мотиваторов.

Список литературы

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – 2023. – URL: <https://gufo.me/dict/dal>. (дата обращения: 24.03.2023).
2. Даль, В. И. Владимир Иванович Даль / В. И. Даль // LibCat.ru: [сайт]. – 2023. – URL: <https://libcat.ru/user/%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80+%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87+%D0%94%D0%B0%D0%BB%D1%8C/>. (дата обращения: 24.03.2023).
3. Ермакова, О. П. Фразеологичность семантики производных слов различных словообразовательных структур / О. П. Ермакова // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1975. – С. 57–63.

4. Панов, М. В. О слове как единице языка / М. В. Панов // Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потёмкина. – Т. 51. – Вып. 5. – Москва, 1956. – С. 129–165.
5. Петров, А. В. Отфразеологическая деривация сквозь призму базовых понятий словообразования / А. В. Петров // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Вып. 9. – Донецк : Изд-во «Донеччина», 2004. – С. 242–264.
6. Савицкий, В. М. Речевая идиоматичность и речевой идиоэтизм / В. М. Савицкий // Поволжский педагогический вестник. – Самара : СГСПУ, 2016. – С. 84–88.
7. Сидорова, Т. А. Проблема мотивированности слов фразеологизированной морфемной структуры в современном русском языке (системно-функциональный и когнитивный аспекты) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. А. Сидорова. – Нижний Новгород, 2007. – 51 с.

УДК 81'373.7

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С АНТРОПОНИМИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В ПЕРИОДИКЕ

Масель Е. И.,
*обучающаяся 4-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: ст. преп. Чернобай С. Е.

Anel.masel@mail.ru

Введение. Благодаря современным техническим средствам (мобильным телефонам, смартфонам, ноутбукам и компьютерам) все больше людей постоянно подключены к сети Интернет и имеют доступ к средствам массовой информации. При этом далеко не всегда главной функцией СМИ, представленных на различных интернет-сайтах и в социальных сетях, является информативная. Все чаще реализуется прагматическая функция медийного дискурса, цель которого воздействовать на сознание людей и формировать их мировоззрение. Немаловажную роль при этом играет использование фразеологизмов. Образность и экспрессивность фразеологизмов обуславливают их широкое распространение в дискурсе медиа. Фразеологические единицы с антропонимическим компонентом становились объектом исследования ученых в семантическом и этимологическом аспектах на материале английского языка [2], в сравнительно-сопоставительном аспекте [3], а также в функциональном аспекте на материале русскоязычных медиатекстов [1]. **Актуальность** данной работы обусловлена

недостаточной изученностью фразеологизмов с антропонимическим компонентом в англоязычном медиадискурсе.

Цель работы – определить функции фразеологических единиц, выполняемые в англоязычных медиатекстах. Для достижения цели поставлен ряд **задач**: рассмотреть основные характеристики фразеологических единиц, их классификации, описать функции фразеологических единиц в английской периодике.

Методы исследования. В ходе работы применены следующие методы: методы семантического и контекстуального анализа, описательный метод.

Результаты исследования. Пресса является важной составляющей медиадискурса. Тематика публикаций в англоязычных газетах и журналах охватывает разнообразные события прошлого и современности, происходящие как внутри страны, так и за рубежом. Основной функцией публицистического дискурса является прагматическая, которая в свою очередь включает в себя различные функции. Так, фразеологические единицы междометного характера реализуют экспрессивно-эмотивную функцию. Фразеологизм «by Jove» (в значении «Клянусь! Честное слово!») для передачи удивления, досады, восклицания) используется в заголовке статьи, посвященной столетней годовщине Амьенского сражения в 1918 году во время Первой мировой войны. Данное сражение стало переломным в ходе военной кампании и позволило войскам Антанты прорвать оборону германского фронта. Цитата с использованием фразеологизма, представленная в заголовке, представляет собой выражение радостных чувств солдат, которые понимали, что скоро наступит конец войне: «‘By Jove, the war’s coming to an end’: Battle of Amiens remembered» [5].

Фразеологизмы в периодике выполняют аттрактивную функцию, когда авторы привлекают внимание читателей к какой-либо проблеме. Так, например, в статье [4] речь идет о том, что Мохаммед Нуру, директор общественных работ в Сан-Франциско, был арестован и обвинен ФБР во взяточничестве, мошенничестве с использованием электронных средств связи и коррупции: «San Francisco’s “Mr. Clean” Arrested By FBI For Alleged Porta Potty Scandal As Human Waste Reports Spike To New High». Фразеологизм ‘Mr Clean’ обозначает порядочного человека с чистой совестью. В данном заголовке фразеологизм также выполняет экспрессивно-образную функцию, так как представляет образ человека, который имел кристально чистую репутацию в обществе.

Фразеологизмы выполняют функцию манипулятивного воздействия на читателя. ФЕ ‘a proper Charlie’ апеллирует к периоду правления Карла II, который отправлял на «пенсию» солдат, не подходящих для службы. Сегодня фразеологизм используется, если речь идет о человеке, которому не хватает здравого смысла. В английской периодике встречается следующий пример употребления ФЕ: «If you had come to doubt Boris Johnson’s competence as Foreign Secretary, you must be feeling a proper Charlie now» [7]. Автор использует категоричную форму убеждения

читателей в компетентности Бориса Джонсона, сообщая, что надо быть настоящим глупцом, чтобы сомневаться в его дипломатических методах.

Фразеологические единицы реализуют оценочную функцию, данные ФЕ могут иметь как негативную, так и положительную коннотацию, опираясь на определенный контекст и проходя через призму авторского восприятия ситуации. Фразеологизм 'Barbie doll' характеризует человека (женщину или мужчину), который является привлекательным внешне, но не наделен интеллектуальными способностями, глуп. Данная идиома относится к оценочным единицам. Это наглядно прослеживается в следующем газетном заголовке: «The Hunger Games' Katniss gets the Barbie doll treatment» [6]. В контексте описываемой ситуации речь идет о Катнисс Эвердин, героине фильма «Голодные игры», которая является полным антиподом куклы Барби. Актриса задается вопросом, почему она стала источником вдохновения для создания новой игрушки Барби, выпущенной фирмой Mattel.

В периодике также встречаются примеры дефразеологизации, когда на основе фразеологизма возникает лексическая единица. ФЕ Lady Bountiful (персонаж пьесы Джорджа Фаркара, ирландского драматурга XVII века) в современном английском языке обозначает «благодетельницу; женщину, которую любит показывать людям, как она добра и щедра». На основе данного фразеологизма автор создает лексему 'lady-bountiful', которая является эпитетом и выполняет ироническую функцию: «... but Madonna is no ordinary interviewee – and after days of controversy over the motives and manner of her lady-bountiful gesture, this was no ordinary interview» [8]. Автор статьи подчеркивает, что популярная певица Мадонна согласилась дать эксклюзивное интервью, и это был благородный жест с ее стороны.

Выводы. Таким образом, фразеологические единицы с антропонимическим компонентом в периодике выполняют различные функции (прагматическую, экспрессивно-эмотивную, аттрактивную, экспрессивно-образную, манипулятивного воздействия, оценочную и ироническую), делая тексты статей более выразительными и запоминающимися читателям.

Список литературы

1. Беспалова, Е. А. Библиейские фразеологизмы с антропонимическим компонентом в современных медиатекстах / Е. А. Беспалова, А. В. Ельникова // Научный диалог. – 2021. – № 6. – С. 29–42.
2. Курицкая, Е. В. Фразеологические единицы с антропонимом в английском языке / Е. В. Курицкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Том 12. – Выпуск 1. – С. 51–55.
3. Маркевич, В. И. Национально-культурная специфика фразеологизмов с компонентом-антропонимом в русском, белорусском и немецком языках / В. И. Маркевич // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – №. 7–2. – С. 136–139.

4. Andrzejewski, A. San Francisco's "Mr. Clean" Arrested By FBI For Alleged Porta Potty Scandal As Human Waste Reports Spike To New High [Electronic Resource] / A. Andrzejewski. – Access mode: <https://www.forbes.com/sites/adamandrzejewski/2020/01/31/san-franciscos-mr-cleanarrested-by-fbi-for-alleged-porta-potty-scandal-as-human-waste-piles-up/?sh=48f0b9f163cc>. (Access date: 05.02.2023).
5. Boffey, D. 'By Jove, the war's coming to an end': Battle of Amiens remembered [Electronic Resource] / D. Boffey. – Access mode: <https://www.theguardian.com/world/2018/aug/08/by-jove-the-wars-coming-to-an-end-battle-of-amiens-remembered>. (Access date: 05.02.2023).
6. Child, B. The Hunger Games' Katniss gets the Barbie doll treatment [Electronic Resource] / B. Child. – Access mode: <https://www.theguardian.com/film/2012/mar/26/hunger-gameskatniss-barbie-doll>. (Access date: 05.02.2023).
7. Norman, M. I, for one, am glad that Boris Johnson and Michael Gove are now de facto running the country. What could possibly go wrong? [Electronic Resource] / M. Norman. – Access mode: <https://www.independent.co.uk/voices/boris-johnson-michael-gove-brexit-letter-theresa-maycontrol-disaster-a8050911.html>. (Access date: 05.02.2023).
8. Sutcliffe, T. Awestruck Kirsty lets Madonna off the hook [Electronic Resource] / T. Sutcliffe. – Access mode: <https://www.independent.co.uk/news/media/awestruck-kirsty-lets-madonnaoff-the-hook-422573.html>. (Access date: 05.02.2023).

УДК 821.222.1

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК СКАЗКИ «МАХПАРЕ»

Минин В. А.,

*старший преподаватель кафедры восточной филологии Института
филологии ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

mininva@cfuv.ru

Введение. Выдающегося иранский писатель Садек Чубак (1916–1998) оставил после себя обширное литературное наследие. Его произведения пользуются популярностью среди читателей и в настоящее время, а книги регулярно переиздаются. Но исследователи творчества Чубака в первую очередь обращают внимание на его художественные произведения, однако писателю принадлежит и ряд переводов, которые тоже нуждаются в тщательном изучении. Особого внимания заслуживает последняя опубликованная книга автора – «Махпаре». **Актуальность**

исследования заключается в раскрытии особенностей перевода книги и ее адаптации для иранского читателя.

Целью исследования является выявление лингвистических особенностей текста, а также приемов, использованных автором при переводе. Для достижения цели решаются следующие задачи: 1) анализируется происхождение исходного текста, 2) исследуются специфические особенности переведенного текста на фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: дескриптивный, сопоставительный, сравнительно-исторический.

Результаты исследования. Изданная в 1991 году книга Садека Чубака «Махпаре» является переводом с английского языка книги «A Digit of the Moon», которая впервые была опубликована в 1898 г. На титульной странице английского издания было написано что это перевод с санскрита, а в качестве переводчика был указан Френсис Уильям Бэйн (Francis William Bain). Английский вариант книги стал довольно популярным среди читателей, но позже выяснилось, что это не перевод, а литературная мистификация – английский писатель написал свое произведение в индийском стиле и придумал занимательную историю обнаружения рукописи, якобы послужившей источником для перевода. Позже Бэйн опубликовал еще ряд произведений, которые он называл переводами с санскрита, однако никаких оригиналов на санскрите исследователям так и не удалось обнаружить.

Садек Чубак, познакомившись с «A Digit of the Moon» на английском языке, решил перевести книгу на персидский. Однако он не проверял источники и считал, что книга действительно переведена на английский с санскрита. Писатель очень серьезно относился к этому переводу. Он старался сделать его максимально близким к английскому тексту по смыслу, ни слова не упустить и ничего лишнего не добавить, тщательно подбирал слова и выражения, стараясь как можно более точно передать индийскую атмосферу сказок. «A Digit of the Moon» была написана Бэйном в форме обррамленной повести, где разрозненные рассказы объединяются общей сюжетной «рамкой». Этот жанр хорошо знаком каждому иранцу по классической персидской прозе. Культура, природа, жизнь и быт Ирана и Индии намного ближе друг к другу, чем к английским реалиям. Возможно, поэтому в устах Чубака книга приобрела новое звучание. Для персоязычного читателя она намного ближе по духу и звучанию, чем английский вариант для западной аудитории.

Для того, чтобы отразить в персидском произведении атмосферу древнеиндийской сказки, Чубак прибегает к ряду простых, но весьма эффективных стилистических приемов. Рассмотрим использованные ресурсы на разных уровнях языка.

На уровне синтаксиса не заметны какие-либо серьезные отклонения от норм современного литературного персидского языка. Используются

как простые, так и сложные предложения. Сложные предложения могут содержать элементы, характерные для книжно-письменных стилей: определительные конструкции, причастные обороты, однородные члены предложения и т.п. Четко соблюдается порядок расположения составных членов предложения. Служебные слова (предлоги, союзы и союзные слова) не опускаются.

На фонетическом уровне нет никаких отличий от литературной нормы. Это является одним из стилистических ресурсов, позволивших Чубаку приблизить стиль «Махпаре» к средневековым персидским дастанам. В современной персидской прозе, особенно после начала процесса демократизации языка (нач. XX в.), серьезно изменилась речь героев художественных произведений. Придерживаясь литературных норм в словах автора, писатели вкладывали в уста своих героев живую разговорную речь, пытаясь даже письменно изобразить просторечную фонетику. Это требует некоторых нарушений орфографических норм, поскольку нормативное правописание не позволяет передать колорит живого языка. Чубак, который точно таким же образом поступал в других своих произведениях, в «Махпаре» отошел от этого, заставив своих героев изъясняться в манере средневековых персидских дастанов.

На лексическом уровне заметно использование стилистически окрашенных слов. К их числу можно отнести многочисленные стилистические синонимы, использованные вместо нейтральных слов. Например, вместо глагола *guš kardan* он использует *guš farādāštan*, что абсолютно не характерно для нейтральных или просторечных высказываний. В значениях «старший» и «младший» используются устаревшие слова *kahtar* и *mehtar*, и т.п.

На уровне морфологии заметно использование устаревших грамматических форм, которые придают повествованию оттенок возвышенности. В частности, послелог *gā* может использоваться в притяжательной функции, а также вместо предлога *be* для управления глаголом *goftan*. Простое прошедшее время глаголов нередко образуется с использованием устаревшей ныне приставки *be*. Также в качестве частицы отрицания в некоторых случаях используется *ta* вместо *na*.

Выводы. Произведение, которое в Иране считается индийской сказкой, на самом деле является литературной мистификацией. Несмотря на то, что оригинал был написан изначально на английском языке, талантливый иранский писатель, находясь в неведении, сумел создать прекрасный образец переводной литературы именно в том виде, как он выглядел бы при переводе с санскрита или хинди.

Список литературы

1. История персидской литературы XIX–XX веков. – Москва : Издательская фирма «Восточная литература РАН», 1999. – 535 с.
2. Тамимдари, А. История персидской литературы / Ахмад Тамимдари. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2007. – 240 с.

3. A Digit of the Moon. A Hindoo Love Story [Translated from the original MS by F. W. Bain]. – London : Methuen & Co. Ltd 36 Essex Street W.C., 1919. – xviii + 118 p.

4. مهپاره چوبک / صادق چوبک / Текст : электронный – URL: <http://kalam.se/t-chubak-mahpareh.htm>. (дата обращения: 09.03.2023).

УДК 821.16.1-992.09 (Грибоедов)

ОТ -МАНИИ ДО -СФЕРЫ: ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФАМИЛИИ ГРИБОЕДОВ

Минчик С. С.¹, Козлова Д. Д.²,

¹кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

²обучающаяся 3-го курса Института филологии

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

sersermin@ukr.net

Введение. Наука об А. С. Грибоедове эволюционирует уверенно и неотступно. Количество публикаций, посвященных этому представителю классики, растет, круг вопросов, привлекающих внимание экспертного сообщества, ширится, комментаторов писательской жизни и творчества с каждым годом становится все больше – равно как и трудностей, с которыми сталкивается грибоедоведение. В том числе, при формировании собственного тезауруса, складывающегося в процессе развития любой системы знаний.

Номенклатура, которая удовлетворяла бы потребность в обозначении понятий, касающихся создателя «Горя от ума», в настоящее время скудна. Составляют ее всего три слова: «грибоедоведение» с производным от него «грибоедовед», а также «грибоедовиана». **Цель** представленного повествования – восполнить выявленный пробел в глоссарии, ассоциируемом с писателем-дипломатом.

Задачи исследования предполагают определение ряда «грибоедовских» явлений, нуждающихся в номинации, изучение аналогичных случаев в иных отраслях литературоведения, а также опыт соответствующей деривации. В работе используются **методики** и **методы** наблюдения, описания, сопоставления, речевого эксперимента, языкового соотнесения и словообразовательного моделирования.

Результаты. Традиционным и потому наиболее распространенным в отечественной биографистике является набор из всего четырех терминов, относящихся к тому либо иному деятелю. Это изучающая его наука (лексема образуется путем присоединения к основе исходного слова, то

есть к фамилии классика в именительном падеже, интерфикса с корнем *-вед-*, суффиксом *-ениј-* и флексией *-е* либо суффиксов *-ист-* и *-ик-* с *-а*), ее представители (используются интерфикс и корень *-вед-* либо суффикс *-ист* с нулевыми флексиями), а также совокупность их творчества вместе с писательским наследием (суффикс *-иан-* с флексией *-а*) и дискуссия между ними (суффикс *-иад-* и флексия *-а*). Отсюда, например, пушкиноведение и пушкинистика, пушкиновед и пушкинист, пушкиниана и пушкиниада. Принимая во внимание устойчивость приведенных принципов деривации посредством аффиксов, можно предположить, что в случае с автором «Горя ...» в словообразовательном процессе задействуется корень *грибоедов-*. Следовательно, и все производные от данной морфемы примут следующий вид: *грибоедов-ист-ик-а*, *грибоедов-иад-а* и т. п. Исключение составляет лишь ситуация с *грибоед-о-вед-ени-ем*, где в целях языковой экономии первый корень слова (видимо, ввиду наличия второго) за счет слияния соседних *-ов-* на стыке прерванных интерфиксом основ усекается.

Так обстоят дела с общепринятыми в отечественной биографистике понятиями и способами их приложения к писательскому лексикону. Что же до деривационного потенциала фамилии сочинителя «Горя ...», увидеть таковой помогает иноязычный опыт.

Чаще всего Грибоедова сравнивают с Ж.-Б. Мольером (по причине того, что оба создали лучшие в истории родных литератур комедии). Однако тезаурус, связанный с французским драматургом, обширнее номенклатуры, примеры которой были продемонстрированы выше [1–5].

Богат мольеровский словарь, во-первых, вследствие изобилия касающихся автора бессмертного «Тартюфа» смыслов. Во-вторых, на лицо разнообразие морфемного инструментария, который задействован в процессе соответствующей номинации. Так, во французском языке любителей Мольера (*les moliérophiles*) отличают от его поклонников (*les moliéromanes*), последователей (*les moliéreux*) – от подражателей (*les moliérisantes*), а вместе с профильными исследователями (*les moliéristes*) всех их объединяют в лагерь почитателей писательской личности (*les moliérologues*). Отдельно говорят о мольеровском стиле (*moliéresque*), а обожание этого классика (*le moliérolâtrie*) и восхищение им (*le moliérisme*) противопоставляется неприятию (*le moliérophobie*). Как видно, в приведенном материале особо выделяются слова с прерванной основной, части которых употребимы в русской речи, а значит, могут быть привлечены к созданию грибоедовского глоссария в первую очередь. Это морфемы *-phil*, *-mane*, *-logue* и *-phobi*. Будучи корнями, при образовании лексем с помощью интерфикса *-о-* они испытывают действие закона экономии языковых средств и, как результат, соединятся не с основной *грибоедов-*, а с ее усеченной формой. Хотя необходимость использования сконструированных таким образом единиц тезауруса очевидна не во всем. В частности, вопрос вызывает будущее терминов *грибоед-о-фили-я* (при наличии более благозвучного аналога в виде *грибоед-о-мани-и*) и *грибоед-о-фоби-я* (ввиду отсутствия соответствующего явления в культуре).

Перспектива *грибоед-о-лог-и-и* (подразумевающей совокупность исследователей и поклонников сочинителя «Горя ...»), напротив, видится бесспорной. Равно как и лингвистический потенциал понятия о стиле мастера, которое в рассмотренной номенклатуре выразилось в прилагательном с суффиксом *-esque* и по причине отсутствия других эквивалентов позволяет ввести в оборот существительное «грибоедов-*щин-а*» (см. достоевщина). Также достоин внимания опробованный составителями словаря Мольера опыт семантической субординации, предполагающий выстраивание некой иерархии значений (см. мольерология). Таковой побуждает сгруппировать дериваты, относящиеся к автору «Горя ...», и дать образованному ими пространству отдельное наименование – в качестве дежурного избрав вариант *грибоед-о-сфер-а* (см. концептосфера).

Выводы. Алгоритмов образования слов, производных от фамилии русского литератора-дипломата, целых два. В случае с простой основой аффиксы присоединяются прямо к ней, тогда как при добавлении интерфикса исходная форма усекается до первых семи букв. Выявленный механизм позволяет расширить грибоедовский глоссарий за счет нескольких актуальных терминов: обозначающих науку о сочинителе «Горя», дискуссию о нем, а также его поклонников, их союз с исследователями и, в целом, совокупность всего, что касается писательской личности. При этом обновляется актив соответствующих понятий посредством ограниченного круга морфем: включающего три корня (*-мани-*, *-лог-*, *-сфер-*) и такое же количество продуктивных суффиксов (*-ист-*, *-иад-* и *-щин-*).

Список литературы

1. Le complot Molière [Electronic Resource]. – Access mode: https://www.lemonde.fr/livres/article/2012/02/16/le-complot-moliere_1643991_3260.html. (Access date: 13.02.2023).
2. Lecercle, F. La molierophobie du théâtraphobe : à propos de l'abbé de La Tour [Electronic Resource] / F. Lecercle. – Access mode: https://obvil.sorbonne-universite.fr/corpus/_proceedings/haine-moliere/HDM_Francois-Lecercle.html. (Access date: 15.02.2023).
3. Les adjectifs tirés de patronymes [Electronic Resource] // Au domicile des mots dits et écrits. – Access mode: <http://monsu.desiderio.free.fr/curiosites/patronymes.html>. (Access date: 10.02.2023).
4. Molière [Electronic Resource] // Википедия. – Access mode: <https://fr.wikipedia.org/wiki/Molière>. (Access date: 20.02.2023).
5. Molierisme [Electronic Resource] // La langue française. – Access mode: <https://www.lalanguefrancaise.com/dictionnaire/definition/molierisme>. (Access date: 19.02.2023).

МИФОЛОГЕМА СУДЬБЫ В ПОЭЗИИ ЯННИСА РИЦОСА

Михайлова Ю. С.,
обучающаяся 4-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Кожуховская Ю. В.

mikhaylova_juliana@mail.ru

Введение. В рамках когнитивного подхода в работе рассматривается мифологема судьбы в поэзии Янниса Рицоса: стихотворения строятся вокруг концептов, которые имеют несколько слоев – образный, понятийный, ценностно-оценочный [3]. **Актуальность** работы заключается в изучении мифологемы судьбы в поэзии Янниса Рицоса, что позволит интерпретировать основные мотивы, связанные с предопределенностью, выбором и роком.

Целью данного исследования является выявление мифологемы судьбы в творчестве греческого поэта Янниса Рицоса. Для решения данной проблемы, требуется решить следующие **задачи**: 1) рассмотреть идею рока в поэзии Я. Рицоса, 2) выявить специфику реализации идеи выбора и идеи неизбежности борьбы и потерь.

Методы исследования. Изучение мифологемы судьбы проведено с помощью когнитивного подхода [2]. Когнитивная лингвистика – это направление в языкознании, задачей которой является выявление соотношения языка и сознания, роль языка в осмыслении и категоризации мира. В основе концептуальной системы лежат исходные концепты, из которых развиваются другие концепты когнитивной сферы. В работе также используются мифологический подход, интертекстуальный подход.

Результаты исследования. В стихотворении Я. Рицоса «Πρωινές συσχετίσεις» (Утренние ассоциации) [1] представлен концепт ГОРОД, реализуемый через образ нависания тяжелого бремени и ожидания чего-то зловещего. По первой строчке можно понять, что город загружен (*με πολλά τρένα, πολλά μαχαζιά, τροχονόμους* [1]), тут же мы видим повторение лексемы «πολλά», а «τροχονόμους» указывает нам на напряженность в городе, что представляет ценностно-оценочный слой концепта. Яннис Рицос обращается к мифу о Филомеле и Терее: как Терей, мечтавший завладеть Филомелой, обманом заставил ее выйти за него замуж, сказав, что его жена, Прокна, которая также являлась сестрой Филомелы, умерла. Но, узнав правду, Филомела грозит рассказать всем об этом, однако Терей отрезает ей язык. Тогда она вышивает свою историю на полотне и отправляет сестре. На зловещую недосказанность указывает ряд факторов: можем увидеть анафору, повтор прилагательного «странный» (*Παράξενο*),

метафору (*μυρίζουν αόριστο γαλάζιο*), которая указывает на холодную правду (даже от фруктов веет холодом). Также можно увидеть две плохие приметы (свист девушки и вытряхивание простыни в окно).

В стихотворении Рицоса «Золотое руно» (*Το χρυσόμαλλο δέρας*) [1] прослеживается идея неизбежности борьбы за цель и потерь, что представляет один из аспектов мифологемы судьбы. Это прослеживается в фрагментах из мифов: (*Συμπληγάδες, σκοτωμοί· κι ο Ηρακλής στη Μυσία λησμονημένος κι ο ωραίος Ύλας πνιγμένος στην πηγή· κι ούτε κουπί καινούργιο κι ούτε ξεκούραση* [1]). Основной концепт в стихотворении – ЗОЛОТОЕ РУНО, который вербализуется с помощью схемы «источник-путь-цель». Перечислены разные эпизоды путешествия аргонавтов за золотым руном. Тему можно разделить на три части: в первой части мы можем увидеть тернистый путь к цели, во второй – Ясона с золотым руном, как уязвимую цель или же мишень, третья часть описывает горечь утрат и размышление о том, стоила ли та цель таких жертв.

В стихотворении «Орфею» (*Στον Ορφέα*) [1] темой является роковая ошибка, трагизм и безысходность ситуации: (*Τότε, απ' το ακατόρθωτο σκυμμένος, κήρυξες στη λύρα τη μοναξιά σαν την ύστατη αλήθεια* [1]), выраженный через концепт ЛИРА. Благодаря ей, Орфей становится известным, околдовывает Аида и Персефону, чтобы вывести из подземного царства свою любимую, и его же лиру Музы повесили среди звезд после его смерти. В образном слое можем увидеть четыре риторических вопроса, в которых прослеживается проблема веры в себя: стоило ли ему преодолевать этот путь, если Орфей все равно не верил в свои силы и не справился (*Ποιά η δικαίωση, λοιπόν, του τραγουδιού σου;* [1]).

В стихотворении «Выбор» (*Η εκλογή*) [1] представлен одноименный концепт ВЫБОР: основная идея заключается в тщеславии и роковом выборе, как писал Рицос (*ποιά εκλογή χωρούσε ανάμεσα στα δυο τα χείριστα;*). Речь идет о знаменитом путешествии Одиссея, а точнее о его возвращении на Родину через остров Кирки-Цирцеи. Тему можно разделить на две части: в первой наблюдается трагизм выбора, а также гибельные знания, во второй же, мы видим предсказанные потери и горькую славу. В образном слое мы видим риторический вопрос (*ποιά εκλογή χωρούσε ανάμεσα στα δυο τα χείριστα;* [1]), который нам показывает сложность и неизбежность выбора; образный слой представлен и другими тропами – сравнениями и метафорой.

Выводы. В поэзии Я. Рицоса мифопоэтический компонент представлен символами перехода, в частности лестницей, кораблем и деревом [4], что является основополагающим в реализации идеи судьбы. В работе рассмотрена мифологема судьбы в четырех стихотворениях Рицоса. В «Утренних ассоциациях» через концепт ГОРОД выражено ожидание чего-то зловещего. Идея неизбежности борьбы и потерь выявлена в стихотворении «Золотое руно», построенном на сюжете о путешествиях, препятствиях и их преодолении аргонавтами. Роковая ошибка и потеря из-за нее любимого человека рассматривается в стихотворении «Орфею»:

Судьба жестоко распоряжается с Орфеем. В стихотворении «Выбор» мифологема судьбы раскрывается через роковой и трагический выбор, случайных жертв.

Список литературы

1. Αρχαϊόθεμα Γιάννη Ρίτσου [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.greek-language.gr/>. (дата обращения: 02.02.2023).
2. Janda, L. A. Cognitive linguistics [Electronic resource] / L. A. Janda // Glossos. – 2006. – № 8. – Access mode: <https://seelrc.org/glossos/>. (Access date: 02.02.2023).
3. Кожуховская, Ю. В. Вербализация слота «человек» фрейма ПУТЕШЕСТВИЕ КОРАБЛЕМ в новогреческой поэзии XX века / Ю. В. Кожуховская // Журнал филологических исследований. – 2021. – № 1 (6). – С. 33–39.
4. Кожуховская, Ю. В. Концептуальное выражение дихотомии «прошлое и будущее» в стихотворениях Янниса Рицоса с мифопоэтическим компонентом / Ю. В. Кожуховская, Ю. С. Михайлова // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2022. – № 2 (25). – С. 64–67.

УДК 371.32

СИСТЕМА УПРАЖНЕНИЙ, НАПРАВЛЕННАЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С ПРИМЕНЕНИЕМ ГЕЙМИФИКАЦИИ

Некрасова К. Д.,
*обучающаяся 4-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: ст. преп. Чернобай С. Е.

ksusha.metel@gmail.com

Введение. Работа посвящена анализу упражнений по грамматике, представленных на платформах для изучения английского языка, которые можно использовать в игровой форме в младшей школе для формирования и совершенствования грамматических навыков. **Актуальность** исследования заключается в том, что в связи с активным развитием новых технологий и ранним изучением иностранного языка в общеобразовательной школе существует необходимость в совершенствовании преподавания иностранного языка, а также применении игровых методик для вовлечения в учебный процесс учащихся младшей школы.

Цель исследования – охарактеризовать упражнения, направленные на формирование грамматических навыков учащихся младших классов на английском языке, с применением геймификации. Для достижения цели поставлены следующие **задачи**: 1) определить место и роль геймификации в процессе обучения иностранному языку; 2) проанализировать систему грамматических упражнений с применением компьютерных технологий.

Методы исследования. Для достижения поставленной цели в работе применены методы синтеза, анализа и описательный метод.

Результаты исследования. Современные компьютерные технологии стали неотъемлемой частью повседневной жизни человека. В связи с этим в сфере образования их применение становится все более частым явлением. Одним из инновационных подходов в образовании стала геймификация, смысл которой заключается в применении игровых методик в неигровых ситуациях [1]. Целью геймификации является повышение интереса и мотивации учащихся, использование новых компьютерных технологий для изучения иностранного языка [5]. Компьютерные игры, направленные на изучение английского языка, обычно имеют либо разделы, посвященные различным аспектам языка, например, игры на грамматику или на лексику, либо уроки, включающие определенный лексический и грамматический материал, который усложняется по мере прохождения уровней. За выполнение задания или прохождения уровня игрок получает вознаграждение в виде определенных баллов, которые открывают доступ к следующим заданиям. Существуют также платформы, где пользователи могут создавать задания для определенной категории учащихся самостоятельно и загружать их в общий доступ.

В данной работе рассматриваются такие сервисы, как British Council Learn English Kids [3], islcollective.com [4], Liveworksheets.com [5]. Данные сервисы являются наиболее комфортными для работы в начальной школе, так как учитель имеет возможность самостоятельно подбирать учебный материал, не опираясь на систему прохождения уровней как на большинстве платформ.

Платформа British Council Learn English Kids [3] содержит широкий спектр упражнений, которые помогают отработать все аспекты языка, а именно грамматику, лексику, чтение и письмо. Задания классифицируются в соответствии с уровнем ученика. Упражнения уровня Level 1 подойдут для учащихся 2-го класса, Level 2 – для 3-го класса, Level 3 – для 4-го. Грамматические упражнения представлены в соответствии с вышеприведенной классификацией. Согласно ФГОС для начальной школы подойдут упражнения, направленные на отработку таких тем, как Present Simple, Past Simple, Future Simple и Present Continuous, а также степеней сравнения прилагательных и конструкции There is/There are. На платформе представлены такие виды заданий, как множественный выбор, постановка правильного порядка слов, а также упражнения на раскрытие скобок, в

которых необходимо поставить глагол в правильной грамматической форме в соответствии с требуемым временем.

Сайт islcollective.com [4] предназначен для изучения разных иностранных языков. Учителя со всего мира загружают на него электронные материалы в виде презентаций, видео-уроков с заданиями и подборок различных упражнений. Учитель может выбрать уровень, тему и формат урока в настройках сайта и подобрать материал в соответствии с возрастной группой и интересами учащихся. Учитель также может подобрать упражнения в виде рабочих листов как дополнение к теоретической части урока. Рабочие листы включают грамматические упражнения на постановку глагола в правильную грамматическую форму, расстановку слов в правильном порядке и множественный выбор. Для учащихся в младшей школы разработаны грамматические игры в виде презентаций. Данный формат упражнений вызывает еще больший интерес на уроке, так как грамматическое задание приобретает интерактивность и превращается в квест для учащихся. Благодаря наличию в большинстве школ интерактивных досок, ученики могут самостоятельно выбирать правильные варианты и проходить грамматические игры на широком экране, что повышает их мотивацию к изучению иностранного языка.

Платформа [Liveworksheets](http://Liveworksheets.com) [5] является аналогом islcollective.com [4] и имеет большее разнообразие заданий. Использование данного сервиса проще, так как не требуется регистрация, однако задания нельзя скачать в PDF формате. Тем не менее, всегда можно сделать скриншот любого задания или открыть ссылку с заданием в нужное время, благодаря наличию в школах хорошего интернет соединения. Грамматические задания представлены различными темами. Так, для начальной школы подойдут грамматические темы Present Simple, Past Simple, Future Simple и Present Continuous, степени сравнения прилагательных и конструкции There is/There are. Достоинством данной платформы является ее большая интерактивность. Задания на множественный выбор и конструирование предложений представлены в виде блоков. На интерактивных досках ученики могут самостоятельно выполнять данные задания с помощью стилуса, ставя блоки в нужные места или проводя линии. Интерактивные задания повышают интерес учащихся к изучаемой теме и способствуют лучшему усвоению материала.

Выводы. Применение геймификации на уроках английского языка в младшей школе эффективно, так как положительно сказывается на образовательном процессе. Грамматические игры повышают интерес и мотивацию учащихся, способствуют быстрому усвоению материала и совершенствованию учебного процесса.

Список литературы

1. Апетян, М. К. Использование игровых методов для обучения иностранному языку в младшем школьном возрасте / М. К. Апетян // Молодой ученый. – 2014. – № 14. – С. 258–260.

2. Степанова, О. А. Теория и методика игры : учебник и практикум для академического бакалавриата / О. А. Степанова, М. Э. Вайнер, Н. Я. Чутко ; под редакцией Г. Ф. Кумариной, О. А. Степановой. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрайт, 2019. – 265 с.
3. British Council Learn English Kids [Electronic Resource]. – Access mode: <https://learnenglishkids.britishcouncil.org/>. (Access date: 05.03.2023).
4. Islcollective [Electronic Resource]. – Access mode: <https://en.islcollective.com>. (Access date: 05.03.2023).
5. Liveworksheets [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.liveworksheets.com/worksheets/en>. (Access date: 05.03.2023).

УДК 82

ЧЕРТЫ АНГЛИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ОБРАЗЕ ДЖЕЙМСА БОНДА В РОМАНЕ ЯНА ФЛЕМИНГА «КАЗИНО РОЯЛЬ»

Онуфриев Д. С.,
*обучающийся 3-го курса Института филологии,
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Бондаренко Л. В.

onufriev_02@mail.ru

Введение. Особенности английского национального характера привлекают культурологов, антропологов, литературоведов, писателей, режиссеров и социологов, психологов и философов. Особое внимание уделяется образу англичанина в викторианской колониальной и пост-колониальной литературе. Особенности английской личности проявляются в характерах таких литературных героев как Дэвид Копперфилд, мистер Дарси, Шерлок Холмс и доктор Уотсон, делая их образы классическим воплощением английской национальной идентичности, которая как явление социокультурное неизбежно подвергается эволюционным изменениям. Данная тема представлена в работах как отечественных авторов (Е. С. Коршуновой [3], Е. Г. Сатюковой [4], С. А. Гарушьян [1]), так и зарубежных ученых, таких как А. Клив «В поисках британской идентичности» и К. Фокс «Наблюдая за англичанами [5], в которых рассматривается своеобразие английской ментальности. Тем не менее, проблема эволюции английского характера и ее отражение в образах современной массовой литературы, к которой относится серия романов английского писателя Я. Флеминга о Джеймсе Бонде, недостаточно подробно освещена, что определяет **актуальность** данной работы.

Цель исследования – выявить черты национального английского характера и способы их выражения в образе Дж. Бонда. В основе исследования лежит сочетание культурно-исторического анализа, структурного и сопоставительного методов.

Результаты исследования. Романы Яна Флеминга о Джеймсе Бонде – «Казино Рояль» (1952), «Живи и дай умереть» (1954) и «Лунный гонщик» (1955) относят к жанру шпионского романа. Автор «бондианы» отмечал, что на создание образа суперагента-боевика повлияли произведения Р. Чандлера, Д. Хэммета, Э. Эмблера. По мнению Умберто Эко, личность Дж. Бонда стала не только отражением жизни и профессиональной карьеры автора, но и собирательным образом «нового английского героя-боевика», впитавшего главные черты английского характера – способность сохранять невозмутимость и внешнее спокойствие в экстремальных ситуациях, преданность делу, вежливость и хорошие манеры. Так, агент 007 неизменно спокоен, и когда ему сопутствует удача, и когда весь мир вокруг рушится и его пытаются убить с помощью многочисленных специально разработанных изощренных способов. В общении с коллегами, начальством и женщинами Бонд подчеркнуто вежлив, ироничен, немногословен. Однако, за внешней холодностью иногда скрываются пылкие чувства героя, как, например, к девушке по имени Линд, которая была его партнером по операции в казино Рояль. После предательства Линд, Бонд больше не доверяет женщинам.

Образ главного героя в романе раскрывается преимущественно через его действия, авторское описание, мнения коллег и противников; эпизодические описания внешности, чувств, ощущений, физического и душевного состояния героя. Немногочисленные диалоги Бонда в романе акцентируют внимание на английской вежливости – в разговоре с М., своим начальником, протагонист подчеркнуто вежлив: *“It’s very kind of you, sir. I’d like to do it. But I can’t promise to win”* [6, с. 23]. По-английски иносказательно Бонд предупреждает боса о смертельной опасности: *“The odds at baccarat are the best after ‘trente-et-quarante’ – even if except for the tiny ‘cagnotte’, but I might get a bad run against me and get cleaned out...”* [6, с. 23].

Англичан всегда отличало особое отношение к удаче и случаю – Джеймс Бонд – азартный игрок: *“Bond has always been a gambler”* [6, с. 42]. *“He liked being an actor and a spectator <...> on a fifty-fifty chance”* [6, с. 42]. Однако, как истинный англичанин, «агент 007» предпочитает полагаться не на удачу, а на самого себя: *“...the deadly sin is to mistake bad play for bad luck”* [6, с. 42]. Карточная игра в казино выступает не только сюжетным центром и ключевой фабулой произведения, но и когнитивной метафорой, с помощью которой автор раскрывает такую черту английского характера, как любовь к риску. Через сравнение с цветами, кричащими от боли, когда их срывают, писатель неожиданно показывает человеческие качества Бонда, его способность чувствовать боль. Во время прогулки с Галой Бонд замечает: *“You wouldn’t do it if you knew that flowers*

scream when they are picked” [6, с. 115]. Оказывается, даже самому сильному и твердому английскому характеру не чужды некоторые слабости, что делает образ Дж. Бонда более реальным и гуманистичным.

Выводы. Романы Яна Флеминга о Джеймсе Бонде продолжают традицию английского шпионского романа, представляя «новый» тип национальной идентичности в образе главного героя, для которого служение делу превалирует над законами чести и морали. Являясь воплощением большинства традиционных качеств английского характера, таких как хладнокровие, выносливость, вежливость, ирония, Джемс Бонд представляет собой полу-биографичный образ спецагента – новый тип протагониста, ставшего традиционным в современной англоязычной литературе данного направления.

Список литературы

1. Гарушьян, С. А. Проблема национальной идентичности в Эссеистике Джона Фаулза / С. А. Гарушьян. – 2009. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-natsionalnoy-identichnosti-v-esseistike-dzhona-faulza/viewer>. (дата обращения: 08.03.2023).
2. Ерофеев, Н. А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских / Н. А. Ерофеев. – Москва : Наука, 1982. – 320 с.
3. Коршунова, Е. С. Типичный англичанин как литературный образ / Е. С. Коршунова. – 2011. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipichnyy-anglichanin-kak-literaturnyy-obraz/viewer>. (дата обращения: 07.03.2023).
4. Сатюкова, Е. Г. Englishness: Взгляд изнутри (Дж. Фаулз «Быть Англичанином, а не Британцем», Дж. Пристли «Англичане») / Е. Г. Сатюкова. – 2010. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/englishness-vzglyad-iznutri-dzh-faulz-byt-anglichaninom-a-ne-britantsem-dzh-pristli-anglichane/viewer>. (дата обращения: 05.03.2023).
5. Fox, K. Watching the English. The hidden rules of English behavior / Kate Fox. – London : Hodder & Stoughton, 2004. – 424 p.
6. Fleming, I. Casino Royale / Ian Fleming. – London : Thomas & Mercer, 2012. – 188 p.

АРХЕТИПНИЙ СИМВОЛ «ДОЛЯ» У ФРАЗЕОЛОГІЧНІЙ СИСТЕМІ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ

Оскома Л. П.,
аспірантка кафедри української філології Інституту філології
ФДАОЗ ВО «КФУ імені В. І. Вернадського»

Науковий керівник: к. філол. н., доцент Дехтярєва О. В.

oskoma-lyuda@mail.ru

Вступ. У роботі розглядається вербалізація архетипного символу *доля*, обґрунтовується твердження про те, що фразеологічні одиниці з компонентом-символом *доля* репрезентують характерологічні риси світобачення, які виступають складовою частиною поняття «менталітет», впливають на соціальну психологію етносу та формують національний характер. **Актуальність** роботи визначається підвищеним інтересом до етнічної історії, джерел духовної культури та релігійності, що спонукає до вивчення елементів символіки в системі української духовної спадщини.

Метою дослідження є розкриття особливостей використання архетипного символу *доля* у складі фразеологічних одиниць (далі ФО) української мови. Поставлена мета передбачає реалізацію таких **завдань**: 1) виявити механізми вербалізації архетипного символу *доля* у фразеологічній системі української мови; 2) проаналізувати семантичні особливості ФО із компонентом *доля*; 3) виявити способи відображення етнокультурної інформації у фразеологізмах із компонентом-символом *доля*.

Методи дослідження. У запропонованому дослідженні використані наступні методи: порівняльно-зіставний метод і метод семантичного аналізу.

Результати дослідження. Ментальність кожного етносу проявляється в його характері, психології, культурних традиціях та звичаях, обрядах та віруваннях, архетипних уявленнях, які, взаємодіючи між собою, відображають складну картину національного буття.

На думку С. Кримського, історія – спіраль, яка накручується на універсальні цінності, що відтворюються, збагачуються, змінюють сучасність. Ці універсальні цінності й уявлення автор називає архетипами [2, с. 80]. Архетипні уявлення українського народу найповніше збережені у фразеологічній системі мови. У компонентах-символах, що є основою ФО, відбивається матеріальне і духовне життя українців, втілюється історичний досвід, репрезентується етнокультурна цілісність.

Слово-поняття *доля* усвідомлюється нині як абстрактне, позбавлене предметної співвідносності й конкретності. Проте *доля*, пропущена крізь

призму історичної української демонології, сприймається зовсім по-іншому – як фантастично-поетичний образ із більш-менш визначними рисами реальної особи. З одного боку, образ долі має спільне походження з давнім поняттям фатуму, тобто приречення, що бере назву від латинського божества Фата, із грецькими богинями долі Мойрами, жорстокими і невблаганними істотами, що породжують смерть, забуття. З іншого боку, українська доля – більш м'яка, вона пов'язана з поняттями не лише зла, а й добра, її можна розжалити, вона піддається вмовлянням. За народними уявленнями, *доля* – діюча сила. Образ долі персоніфікується, вона виконує дії, властиві лише людині. *Доля* надає можливості вибору, відкриває шлях для добрих справ, а вже від людини залежить, як складається її життя. На жаль, можна й занепасти свою долю; тоді оцінка знижується, з'являються елементи зневаги. Отже, народна культурна традиція розрізняє *долю добру* і *долю злу*; якщо людині не поталанить, доля переслідує її; фактично доля і недоля зливаються в одне, стають взаємозамінними.

Слово-поняття *доля* розглядається в декількох аспектах: 1) у дохристиянських віруваннях – божество-неминучість, божество-фатум; 2) доля – талан; 3) як народнопісенне звертання до коханої людини; 4) бажане, щасливе життя; 5) щастя-доля [1, с. 192–194].

Архетипний символ *доля* розкриває уявлення українців про існування вищої сили, яка наділяє кожну людину щасливим життям: *щастя й доля (щастя та доля)* – життя, що приносить задоволення, радість [3, с. 970]; або нещасливим життям: *лиха доля* – 1) *чия* хто-небудь нещасливий, безталанний; 2) горе, нещастя [3, с. 215]. Саме вона за принципом випадковості визначає головний вектор життєвого шляху людини, не зважаючи на його власні прагнення і бажання: *випасти/випадати на долю кому, кого, чию* – 1) дісталось щось кому-небудь; 2) стати неминучим у чьому-небудь житті [3, с. 79].

Аналіз фактичного матеріалу показує, що ФО української мови зі складником *доля* можна поділити на три групи: з позитивно-оцінним значенням, з негативним забарвленням, із нейтральним незабарвленим значенням.

Позитивні реалії відображають фразеологізми зі значенням:

– **задоволення від життя:** *доля маслом губи змастить кому, рідко* – пощастило в житті кому-небудь [3, с. 260]; *доля послужила кому і без додатка, заст.* – пощастило, поталанило в житті кому-небудь [3, с. 261]; *доля усміхається / усміхнулася кому* – для кого-небудь складаються сприятливі життєві обставини; таланить, щастить у житті кому-небудь [3, с. 261]; *жити і долю хвалити кому і без додатка* – бути повністю задоволеним життям [3, с. 294]; – **ворожіння:** *вилити з воску [талан] долю* – ворожити [3, с. 18].

Негативні реалії відображають фразеологізми зі значенням:

– **горе, нещастя:** *чорна доля* – тяжке, трагічне життя у кого-небудь [3, с. 261]; *щербата доля* – 1) у кого, *чия* нещасливий, безталанний хто-

небудь; 2) *чия* тяжке, нещасливе, безрадісне життя у кого-небудь; 3) горе, нещастя [3, с. 215]; *гірка доля* – 1) *у кого, чия* нещасливий, безталанний хто-небудь; 2) *чия* тяжке, нещасливе, безрадісне життя у кого-небудь; 3) горе, нещастя [3, с. 261];

– **невдача, крах надій**: *доленька відливається кому чия* – хто-небудь з часом терпить, страждає за свої погані чи необачні вчинки [3, с. 260]; *втопити голову (долю)* – знівечити, занапастити життя собі або комусь [3, с. 159]; *доля підставила ногу кому, ірон.* – хто-небудь зазнав у своєму житті великої невдачі, краху [3, с. 261];

– **ризик, небезпека**: *попитати долі* – спробувати зробити що-небудь нове, розраховуючи на успіх; відважитися, ризикнути [3, с. 543]; *випробувати долю* – наражатися зайвий раз на небезпеку [3, с. 98]; *попитати щастя-долі* – спробувати зробити що-небудь нове, розраховуючи на успіх; відважитися, ризикнути [3, с. 543].

Нейтральне незабарвлене значення фіксуємо у фразеологізмах, що вказують на **неминучість життя**: *доля привела кого до чого* – у кого-небудь склалися певним чином життєві обставини; судилося, довелося [3, с. 261]; *доля судила кому, що* – склалося, здійснилося щось, у кого-небудь певним чином [3, с. 261]; *доля випала кому яка* – склалися певним чином життєві обставини у кого-небудь; судилося що-небудь комусь [3, с. 260].

Висновки. Фразеологічна система української мови зафіксувала найвагоміші з погляду народу аспекти значення архетипу *доля*, тісно пов'язані з типовими рисами характеру й світогляду етносу. Коли виходити зі змісту фразеологізмів, для українців *доля* символізує задоволення від життя, неминучість життя, а також горе, нещастя, крах надій. Отже, архетипний символ *доля* – сакральний сегмент україномовного простору, репрезентант лінгвокультурної фонові інформації.

Список літератури

1. Жайворонок, В. В. Знаки української етнокультури : словник-довідник / В. В. Жайворонок. – Київ : Довіра, 2006. – 703 с.
2. Кримський, С. Архетипи української культури / С. Кримський // Вісник НАН України. – 1998. – № 7. – № 8. – С. 74–87.
3. Фразеологічний словник української мови в двох томах [уклад. : В. М. Білоноженко та ін.] – Київ : Наукова думка, 1993. – Кн. 1–2.

ПРИЁМ КОНТРАСТА В РАССКАЗАХ Д. Г. ЛОУРЕНСА

Павлухина А.-М. Н.,
обучающаяся 4-го курса Института Филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Научный руководитель: зав. кафедрой английской филологии,
к. филол. н., доцент Полховская Е. В.

ampavluhina@mail.ru

Введение. На сегодняшний день Д. Г. Лоуренс считается одним из самых влиятельных писателей 20-го века. Творчество Лоуренса – существенный вклад не только в английскую, но и в мировую литературу новейшего времени. В своих произведениях автор поднимает различные вопросы, которые до сих пор не теряют свою злободневность.

Известно, что важной частью творчества писателя является его идиостиль, к каким художественным средствам выразительности обращается автор при написании произведений. Использование приема контраста играет важную роль в создании работ Лоуренса. Исследование контраста в трудах Д. Г. Лоуренса интересно с точки зрения изучения авторского идиостиля в произведениях малого жанра.

Цель исследования – выявить способы реализации контраста как художественно-стилистического приема в творчестве Д. Г. Лоуренса и определить роль контраста для экспликации основной идеи писателя.

Данная цель обусловила постановку следующих **задач**: 1) изучить творчество Лоуренса; 2) рассмотреть место Д. Г. Лоуренса в английской литературе 20 века; 3) выявить специфику идиостиля писателя и тематическую направленность его произведений; 4) проанализировать роль контраста в произведениях Д. Г. Лоуренса малого жанра; 5) изучить способы реализации контраста в произведениях Д. Г. Лоуренса на различных уровнях текста.

Методы исследования. В данном исследовании используются следующие подходы и методы: культурно-исторический подход, структурный подход, метод текстового анализа и метод лингвистического анализа.

Результаты исследования. Контрасту, как принципу построения текста и выделения отдельных значимых для него фрагментов, уделяется значительное внимание в рамках изучения языка художественной литературы и образно-смысловой коммуникации. В художественном тексте контраст усиливает различие в характеристиках образов и делает их единство более выразительным. Кроме того, контраст выступает как одно из средств формирования художественного текста, принцип создания

системы образов и эффективности использования специально подобранных языковых средств.

Антитеза описывается в терминологическом словаре-тезаурусе Н. Ю. Русовой как «со- или противопоставление отдельных понятий, высказываний или образов» [1]. Целью антитезы является усиление впечатления от сказанного или написанного.

«Как правило, в лингвистике оппозиция понимается как контраст» [2]. Само же учение о контрастах принадлежит Николаю Сергеевичу Трубецкому. Суть учения заключается в том, что «противопоставление осуществляется не только по признакам, которыми отличаются члены оппозиции, но и по признакам, которые являются общими. Такие признаки можно рассматривать как основание для сравнения» [2].

Дэвид Герберт Лоуренс применяет контраст на нескольких уровнях текста. Что касается образного и композиционного уровня, то автор использовал противопоставление характеров, внешности, контраст формы и содержания, контраст символов. Например, в рассказе «Солнце» автор сопоставляет двух персонажей: мужа главной героини и фермера. Он сравнивает этих двух персонажей с точки зрения внешности и характера. Муж Джульетты был довольно скромным и застенчивым, худощавым мужчиной лет сорока. «... *standing there in his grey felt hat and dark-grey city suit. He looked pathetically out of place*» [3, p. 20]. Крестьянин, напротив, был тучным, бодрым и энергичным мужчиной лет тридцати. Он сразу же пришелся по душе главной героине: «*She knew the pleasant by sight: a man somewhere over thirty, broad and very powerfully set*» [3, p. 20].

В данном рассказе прием контраста реализует авторскую идею превосходства естественного человека, живущего в единстве с природой, над слабым человеком, продуктом цивилизации, потерявшим силу и мужественность.

Лоуренс также сделал акцент на противопоставлении желания и реальности. Главная героиня влюбилась в фермера и хочет иметь от него детей, однако её мечте не суждено сбыться, у нее есть муж, который возвращает ее в суровую реальность.

Данную тенденцию в использовании контраста также можно заметить в рассказе Д. Г. Лоуренса «Дочери Викария». Произведение построено на сравнении персонажей, их отношения к жизни, их мышления, а также их моральных принципов. Мэри и Луиза – два главных персонажа рассказа «Дочери Викария». Именно вокруг этих двух героинь и их отношений с противоположным полом автор и строит повествование. Даже с точки зрения внешности они были абсолютно разными: «*Miss Mary, the eldest, was the leader. She was a long, slim thing with a fine profile and a proud, pure look of submission to a high fate*» [4, p. 6], «*Miss Louisa, the second, was short and plump and obstinate-looking. She had more enemies than ideals*» [4, p. 6].

Относительно лингвистического и стилистического уровня, мы обнаружили, что Лоуренс использует различные художественные приемы

для выражения контраста, а именно контрастную лексику, антитезу, оксюморон, анадиплосис и контекстуальные антонимы. Например: «*It stood like a guardian looking to the sea; or a candle whose huge flame was darkness against light: the long tongue of darkness licking up at the sky*» [3, p. 8]. В этом предложении мы видим, что для достижения определенного художественного образа автор использовал антонимы *darkness* и *light*, а также оксюморон «*huge flame was darkness against light*».

Выводы. Для большинства произведений Лоуренса характерна схожая структура сюжета, повествования, образности и выбора темы. В ходе исследования мы выяснили, что контраст является важной частью идиостиля Дэвида Герберта Лоуренса. Этот прием позволил автору отразить противоречивость времени, человеческих взаимоотношений и эмоций, а также самой жизни. Контраст делает произведения Лоуренса намного ярче и вызывает у читателя чувство полного погружения в сюжет. Мы проанализировали роль контраста в произведениях Д.Г. Лоуренса малого жанра и изучили способы реализации контраста на образном, композиционном и лингво-стилистическом уровне.

Список литературы

1. Русова, Н. Ю. От аллегории до ямба : терминологический словарь-тезаурус по литературоведению / Н. Ю. Русова – Москва : Флинта ; Наука, 2004. – 301 с.
2. Трубецкой, Н. С. Основы Филологии / Н. С. Трубецкой. – Москва : Аспект Пресс, 2000. – 352 с.
3. Lawrence, D. H. The Woman Who Rode Away / David Herbert Lawrence. – Phoenix Classics Ebooks, 2021. – 368 p.
4. Lawrence, D. H. Daughters of the Vicar / David Herbert Lawrence. – Feedbooks, 1914. – 60 p.

УДК 821.161.1

ИРОНИЯ И ГРОТЕСК В ПОЭЗИИ А. А. ВОЗНЕСЕНСКОГО

Палеева М. С.,

*обучающаяся 2-го курса магистратуры Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: зав. кафедрой русской
и зарубежной литературы, д. филол. н., доцент Курьянов С. О.

mz_work@bk.ru

Введение. Русская поэзия 60-х годов – это непростое и в то же время противоречивое явление, которое в действительности требует глубокого

научного осмысления. Особого внимания заслуживают такие художественные приемы как ирония и гротеск.

Широкую известность период «оттепели» в отечественной культуре получил благодаря шестидесятникам – поколению советской интеллигенции, частью которой был и Андрей Вознесенский. Деятельность поэта не ограничивалась одной только поэзией, свое место он также нашел в публицистике, живописи и архитектуре. Исследовательский интерес к творчеству поэта может быть обусловлен уже хотя бы тем, что именно благодаря ему в нашу жизнь прочно вошло такое новое направление в искусстве как визуальная поэзия.

Цель исследования заключается в выявлении таких художественных приемов как ирония и гротеск в поэзии Андрея Вознесенского в период с 1950-х по 1970-е годы.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: 1) рассмотреть теоретические основы понятий «ирония» и «гротеск»; 2) проанализировать, каким образом и с какой целью данные приемы реализуются в поэтических текстах автора.

Методами исследования выступили метод описательной поэтики, прибегнув к которому был проведён качественный анализ реализации таких приемов как ирония и гротеск в стихотворениях автора, а также структурный метод для систематизации этих приемов в соответствии с поставленной исследовательской задачей.

Результаты исследования. В рамках данной работы нами были выбраны поэтические произведения Андрея Вознесенского в период с 1950-х по 1970-е годы.

При написании исследовательской работы мы ставили перед собой задачу не просто проанализировать, каким образом реализуются ирония и гротеск в стихотворениях автора, но проследить, как менялись его взгляды на социальную-политическую жизнь общества, которые в свою очередь находили свое отображение в творчестве поэта.

Своеобразие любого художественного текста связано в первую очередь с эстетической его функцией и достигается при помощи различных художественных приемов, в том числе сатирических, в частности, при помощи иронии и гротеска.

Ирония – это сатирический прием, в котором истинный смысл скрыт или противоречит (противопоставляется) явному смыслу [3]. Гротеск – способ художественного формообразования, а также отдельный жанр в искусстве, в котором комически или трагикомически обобщаются и заостряются жизненные отношения посредством причудливого и контрастного сочетания реального и фантастического, правдоподобия и карикатуры, гиперболы и алогизма [3].

Стремясь к формированию наиболее точного образа, Андрей Вознесенский сочетает не только разные виды иронии, но также иронию и гротеск, а нередко и ироничное и гротесковое описание с иными видами

художественного выражения, такими, как метафора и метонимия, что усиливает и иронию, и гротеск.

Так в сборнике «Ахиллесово сердце» в «Монологе Мерлин Монро» наблюдается смешение прямой иронии с самоиронией, принадлежащей героине, и всё это представляет собой одну развёрнутую метафору:

*Невыносимо, когда раздеты
во всех афишах, во всех газетах,
забыв,
что сердце есть посередке,
в тебя наворачивают селедки,
глаза измяты,
лицо разорвано... [1].*

В стихотворении «Киж-озеро» ирония (самоирония лирического героя) формирует метафору, в которой заключена скрытая антитеза прошлого и будущего, несчастья и счастья:

*Мы – Кижы,
Я – киж, а ты – кижиха.
Ни души.
И все наши пожитки –
Ты, да я, да простенький плащишко,
да два прошлых,
чтобы распротиться! [1].*

А в стихотворении «Свадьба» (сборник «Парабола») ирония сочетается с метонимией:

*Выходит замуж молодость
Не за кого — за что.
Себя ломает молодость
За модное манто [2].*

В том же стихотворении иронический модус формируется за счёт антитезы образа чистой и хрупкой девушки («И ты в прозрачной юбочке, / Юна, бела»), который поддерживается сравнением («Дрожишь, как будто рюмочка / На краешке стола»), и образа богатства и благополучия, ради которого она выходит замуж («За золотые горы / И в серебре виски» [2]).

У Андрея Вознесенского гротеск при всей его нарочитой фантазмагоричности всегда наполнен нравственным смыслом:

*Мы — поколение лишнее.
Мы — маски без лица.
В любви мы знаем лифчики
И никогда — сердца.
Стареющие женщины
Учили нас любви.
Отсюда горечь желчная
И пустота в крови [2].*

Как и большинство поэтов-шестидесятников, А. Вознесенский вызывал резкое неприятие у части советской литературной

общественности. Его считали просто «модным поэтом», о чем открыто и заявляли.

Тем не менее, и в период «оттепели», и значительно позднее поэзия Вознесенского оказывала мощнейшее воздействие на общественное сознание. И гротеск с иронией играли в этом вопросе не самую последнюю роль. Именно благодаря этим достаточно острым приемам автору удавалось приковывать внимание читателей, поднимать важные темы и облекать их в «легкую и модную» форму повествования.

Выводы. Художественные приемы иронии и гротеска были неотъемлемой частью поэзии Андрея Вознесенского, особенно в 1960-е годы, и способствовали его формированию как социально значимого поэта, актуального и в настоящее время.

Список литературы

1. Вознесенский, А. А. Ахиллесово сердце : стихи. / А. А. Вознесенский ; худож. В. Медведев ; послесл. Л. Скорино. – Москва : Художественная литература, 1966. – 280 с.
2. Вознесенский, А. А. Парабола : стихи / А. А. Вознесенский. – Москва : Советский писатель, 1960. – 90 с.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. – Институт научной информации по общественным наукам РАН : Интелвак, 2001. – 1596 с.

УДК 81-25

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА В ГЕРМАНИИ

Петренко Д. А.¹, Соловьева К. К.²,

¹кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии, заведующий кафедрой немецкой филологии Института филологии ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

²аспирант кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института филологии ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

christina.solowjowa@hotmail.com

Введение. В работе рассматриваются современные словосочетания, употребляемые молодежью Германии, на материале различных публикаций. Каждый индивидуум, принадлежащий к какой-либо группе, использует несколько определенных комбинаций произносительных стилей, которые, в свою очередь, зависят от различных обстоятельств. Исследуя вопрос о разговорном стиле, важно отметить, что активному изменению способствуют такие факторы, как материальный и, конечно же, социальный прогресс общества, тесные контакты народов, изменение

состава носителей языка, распространение различных культур. К внешним факторам развития языка можно отнести миграцию людей, а также влияние других языков. **Актуальность** работы заключается в рассмотрении и изучении новых фразеологических особенностей молодежного сленга в Германии. Изучая данный пласт лексики, можно проследить что является на данный момент актуальным и каким способом молодежь пытается выразить свою мысль.

Целью данного исследования является доказать, что норма не отличается стабильностью: она допускает варьирование языковых средств. Включая в себя все возможности языкового общения на данном языке, норма находится в тесном контакте, взаимосвязи с комплексом экстралингвистических факторов, ситуацией общения, коллективом людей, различающихся своим территориальным и социальным происхождением и положением. Данная цель обусловила постановку следующих **задач**: 1) рассмотреть новые фразеологические единицы и понять в каком контексте они используются; 2) описать происхождение и смысл определенных фразеологизмов.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: дескриптивный метод, сравнительно-сопоставительный метод и метод семантического анализа.

Результаты исследования. Язык молодежи вызывает интерес при изучении и рассмотрении данной темы. Лексика, которую выбирает молодое поколение, очень динамичная. Молодежный язык описывает речевые паттерны и особенности речи.

Способы речи, которые разные группы подростков используют в разное время, в разных ситуациях и в разном возрасте. Таким образом, не существует единого определения молодежного языка. Вместо этого существует множество „микроязыков“, которые используются разными группами в разных ситуациях общения. В современном молодежном языке в целом значительную роль играют преувеличения, юмор, смешение слов. Многие молодежные слова, которые уже были популярны в последние годы, по-прежнему активно используются в 2023 году. Например, „Sheesh!“ – восклицание, которое с 2018 года фигурирует в списках молодежных слов, выражающих удивление или раздражение.

В ходе данного исследования было выявлено 30 фразеологических единиц, которые удалось условно поделить на три группы. Первая группа фразеологизмов связана с обозначением времени, например, *ab und zu*, *hin und wieder* и *dann und wann* обозначают время от времени. Вторая группа фразеологизмов обозначает эмоции людей, часто при обозначении эмоционального состояния, молодежь использует слово *die Haut*, что в переводе с немецкого означает – *кожа*. Например, *aus dem Häuschen vor Glück sein* (быть вне себя от счастья), *aus der Haut fahren* (выйти из себя), *Feuer und Flamme für etwas sein* (страстно увлечься), *durch die rosarote Brille sehen* (смотреть сквозь розовые очки), *Laufraß geben* (давать волю эмоциям), *am Boden zerstören sein* (быть ужасно подавленным), *aus allen*

Wolken fallen (огорчиться), ein Stein vom Herzen fallen (кто-либо чувствует душевное облегчение), Kragen platzen (терпение лопается).

Третья группа фразеологизмов содержит в себе 18 единиц, большинство из которых имеет негативное значение, например, Mund halten (помалкивать), Hau doch ab! (исчезни!), Sich an der Nase rumführen (водить себя за нос), die Schuld in die Schuhe schieben (с больной головы на здоровую валить), ein Vogel haben (быть не в своём уме), durch den Kakao ziehen (поднять на смех). Второй подгруппой являются действия, например, aufs Ganze gehen (идти до конца), den Hof machen (ухаживать), in den Wind schlagen (не придавать значения хорошим советам), ein Theater machen (ломать комедию), kapieren (понимать), eine lange Leitung haben (быть непонятливым), schmutzige Wasche waschen (выносить сор из избы), alles auf eine Karte setzen (рисковать всем). Третья подгруппа выражает состояние человека, например, den Kater haben (иметь похмелье), ins Wasser fallen (окончиться безрезультатно), wohnen, wo der Pfeffer wächst (жить у чёрта на куличках), in der Tinte sitzen (очутиться в затруднительном положении).

Выводы. Подводя итоги, можно предположить, что собранный и проанализированный материал мог бы стать в дальнейшем базой для проведения дальнейших, более расширенных исследований. Актуальность студенческого сленга обусловлена в первую очередь, тем, что он активно развивается и является важнейшим средством общения людей одной возрастной и социальной категории. Изучая любой иностранный язык, важно знать его любые тонкости, в том числе и лексические особенности определенных социальных групп для лучшего понимания разговорной речи.

Список литературы

1. Маковский, М. М. Язык как феномен : Избранные статьи по общему языкознанию, лингвокультурологии, германистике, топонимике и грамматике / М. М. Маковский. – Москва : Ленанд, 2014. – 264 с.
2. Петренко, А. Д. Социофонетические аспекты языковой вариативности / А. Д. Петренко, Д. А. Петренко / Научный журнал «Известия Южного федерального университета». – № 4. – Ростов на Дону : ЮФУ, 2014. – С. 150–157.
3. Петренко, Д. А. Особенности социолектов Германии / Д. А. Петренко, К. К. Соловьева // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы ; Материалы III Международного научного конгресса. – Симферополь, 2018. – С. 89–94.

К ОПЫТУ ХРАНЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ С ПОМОЩЬЮ ОБЛАЧНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Потапова Р. К.¹, Потапов В. В.², Горбунов П. И.³,

¹ доктор филологических наук, профессор, директор института прикладной и математической лингвистики ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»

² доктор филологических наук, старший научный сотрудник филологического факультета ФГБОУ ВО «МГУ имени М. В. Ломоносова»

³ младший научный сотрудник, соискатель ученой степени кандидата филологических наук ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»

rkpotapova@yandex.ru, pete.spw@yandex.ru

Введение. Стремительное развитие информационных технологий существенно повлияло на большую часть научных дисциплин, в числе которых оказалась и прикладная лингвистика. Получив новый исследовательский инструментарий, а также материал для проведения научных изысканий, она обозначила целый ряд проблемных вопросов, представших перед миром науки в эпоху цифровизации.

Одним из них стал вопрос межличностного взаимодействия людей в области сетевой Интернет-коммуникации. На фоне конфликтной природы этого процесса доктором филологических наук, профессором, директором Института прикладной и математической лингвистики ФГБОУ ВО МГЛУ Потаповой Родмонгой Кондратьевной был инициирован научно-исследовательский проект № 22-28-01050, поддержанный Российским научным фондом и посвященный выявлению герменевтической типологии семиотико-семантических паттернов «токсичности» в сетевой коммуникации.

Целью проекта является исследование поликодового цифрового контента, содержащего экспликацию параметра «токсичность» («вредоносность»), влияющего на когнитивное реформатирование картины мира со стороны перцепиентов - участников социально-сетевой коммуникации (ССК) [7].

Одной из задач, поставленных перед участниками проекта, стал сбор масштабной мультимодальной поликодовой лингвистической базы данных мемов с применением технологий обработки больших данных (Big data) и ранее предложенной д-р филол. наук, проф. Потаповой Р.К. системы глубинного аннотирования поликодовых текстов. Источником данных послужили русскоязычный, англоязычный и немецкоязычный сегменты Интернета [6].

Методы исследования и, в частности, решения задачи по сбору лингвистического материала из сети Интернет, основаны на уже имеющихся средствах обработки больших данных (Big data) при помощи современных облачных сервисов. Среди них – как программные продукты крупнейших мировых IT-корпораций (Microsoft, Google), так и разработанные в Институте прикладной и математической лингвистики ФГБОУ ВО МГЛУ в результате предыдущих проектных работ цифровые инструменты, позволяющие эффективно вести работу с устными и письменными текстами [4, 5].

Результаты исследования. В рамках выполнения задачи по формированию лингвистической базы данных, к началу 2023 года сформированы аннотированные корпуса малых форм интернет-постингов (мемов). Проведены аннотирование и статистическая обработка собранного материала.

Выводы. Картина мира человека обретает свои очертания в зависимости от информационных цифровых потоков, окружающих его как пользователя сети Интернет. Благодаря междисциплинарно-конвергентному герменевтическому подходу исследователи получают возможность наиболее тщательно изучить проблему функциональной зависимости между неявным смысловым контентом образцов цифровой мем-коммуникации и его влиянием на изменение картины мира у пользователей всемирной сети [1, 2, 3].

Современный цифровой инструментарий предоставляет гибкие возможности по обработке лингвистической информации. Применительно к описанному выше научно-исследовательскому проекту, он позволяет использовать не только стандартные опции программ по формированию и анализу текстовых корпусов, но и проводить аннотирование собранных баз данных, работая с метаданными и подстраиваясь под конкретные исследовательские цели.

Список литературы

1. Потапова, Р. К. Интернет-меметика как эмоциогенная среда сетевой коммуникации / Р. К. Потапова, В. В. Потапов // Известия РАН ; Серия литературы и языка. – Том 81. – № 2. – Москва : РАН, 2022. – С. 78–91.
2. Потапова, Р. К. Аддитивная трансформация личности в эпоху цифровой коммуникации / Р. К. Потапова, В. В. Потапов // Сборник «Речевая коммуникация в сетевых структурах: между глобальным и локальным». – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – С. 5–27.
3. Потапова, Р. К. Features of modern multilingual memetics / Р. К. Потапова, В. В. Потапов // Вестник Московского государственного лингвистического университета ; Гуманитарные науки. – Вып. 11 (866) – Москва : ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», 2022. – С. 190–211.
4. Gordeev, D. Automatic Meme Generation with an Autoregressive Transformer / D. Gordeev, V. Potapov // In : Meiselwitz, G. (eds) ; Social Computing and Social Media : Design, User Experience and Impact ; Lecture

Notes in Computer Science. – Vol. 13315. – Cham : Springer Cham, 2022. – P. 309–317.

5. Potapova, R. The modern problem of accessibility and complexity of Big Data Communication and Intelligent Systems / R. Potapova, V. Potapov, P. Gorbunov // H. Sharma, V. Shrivastava, K. Kumari Bharti, L. Wang (eds) ; Communication and Intelligent Systems ; Lecture Notes in Networks and Systems series. – Vol. 461. – Singapore : Springer Singapore, 2022. – P. 863–872.

6. Potapova, R. The Brain Activity of the Bilingual Code-Switching Communication / R. Potapova, V. Potapov, P. Gorbunov // In : S. Wen, C. Yang (eds) ; Biomedical and Computational Biology ; Lecture Notes in Computer Science series. – Vol. 13637. – Cham : Springer Cham, 2023. – P. 274–281.

7. Potapova, R. Acoustic Correlates of the Native Language Speaker Identity / R. Potapova, V. Potapov, I. Kuryanova // Vestnik Moskovskogo Universiteta ; Seriya 9. – Moscow : Moscow State University, 2022. – P. 39–49.

УДК 821.161.1

САКРАЛЬНОЕ И ПРОФАННОЕ В ПОЭМЕ «ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН» В. МАЯКОВСКОГО

Приходько Ю. А.,
обучающаяся 4-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Зябрева Г. А.

prixodko,yuliana@mail.ru

Введение. Вопросы реализации авторского сознания в произведениях одного из самых ярких представителей советской литературы, В. В. Маяковского, неоднократно поднимались исследователями. В творчестве поэта наблюдается определенная преемственность православных традиций, несмотря на его социально-политическое и атеистическое настроения.

Установлено, что одним из уникальных последствий начала XX века стало смешение смысловых ориентиров, из-за чего становится зыбкой граница между святым и земным, небом и землей, «верхом» и «низом». Дезориентация воззрений обнаруживается в художественном творчестве авторов, у которых нечетки взгляды, относящиеся к вере. Так, в художественных произведениях В. В. Маяковского прослеживается перекодировка понятий «сакральное» и «профанное». Под пером поэта они меняются местами. Анализ этого феномена позволяет переоценить творчество видного певца советской эпохи с позиций современной науки.

Поэтому **актуальность** нашего **исследования** обусловлена необходимостью переосмысления творческого наследия В. В. Маяковского: анализа сакрального и профанного.

Цель работы заключается в изучении явления сакрализации и профанизации в поэме «Владимир Ильич Ленин».

Результаты исследования. Будучи певцом революции, Маяковский стремится воплотить свою идеологию, символически опираясь на религиозную тематику, интерес к которой возрастает всё в большей и большей степени.

Вера – признание чего-либо без каких-либо объяснений, что является естественным свойством человека. Удивительно, но и самый убежденный атеист верит в объективную реальность, существующую вне человеческого сознания. Так, коммунисты-большевики не являются исключением. Их верования направлены на вождя, приближенного, в их понимании, к «Создателю».

Поэма «Владимир Ильич Ленин» является весьма зримым аргументом в пользу сказанного, в ней жизнеописание революционера составляет параллель с Библией. В. Маяковский признается в поэме, как трудно осознавать потерю того, кому посвящено произведение: *«резкая тоска стала ясною осознанною болью»*, хотя *«Ленин и теперь живет всех живых»*. Сопоставим с цитатой Евангелия от Луки: *«20. 38. Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы»* [2, с. 765]. Святая Православная Христианская Церковь исповедует, что смерть не прекращает жизни человека, поскольку душа бессмертна. В. И. Ленин не является исключением, его труды, идеи останутся в памяти навсегда.

Иисус Христос неразрывно связан с церковью. Это образ целостной, единой любви, в которой Христос является главой Церкви: *«...и все покорил под ноги Его, и поставил Его выше всего, главою Церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего всё во всё»* (Еф 1:22). В поэме церковь – это партия большевиков: *«Партия и Ленин – близнецы братья, кто более матери – истории ценен? Мы говорим Ленин, подразумеваем – партия, мы говорим партия, подразумеваем – Ленин»*. Однако, несмотря на кажущееся единство, Владимир Ильич Ленин «меж равными первейший». Причем автор произведения совершает беспрецедентный шаг в своем творчестве, определяя место лирического двойника как второстепенного персонажа, отдавая предпочтение не абстрактному «мы», а конкретному человеку – Ленину. Дистанция между лирическим героем и основным действующим лицом поэмы говорит о безмерном преклонении перед его авторитетом, то есть обожествлении.

Выводы. Таким образом, проанализировав поэму «Владимир Ильич Ленин» В. Маяковского, мы обнаружили прямую сакрализацию советского политического и государственного деятеля, которая раскрывается посредством аллюзий к Священному Писанию. То есть земной человек возводится на уровень, где сакральное и профанное меняются местами. В сознании поэта присутствует искренняя вера в истину, озвученную

В. И. Лениным. Он предстает идеалом руководителя, является образом божества, вера в которого не угасает в сердце и памяти.

В поэме «Владимир Ильич Ленин» В. Маяковского обнаруживается мистическое содержание, далекое, однако, от православно-христианской позиции. Это содержание становится кардинальной деформацией священного, то есть вторичной сакрализацией по И. Есаулову. Перемещение сакрализуемого объекта, ранее устремленного вверх, к небу, вниз, на земную плоскость, глубоко символично.

Список литературы

1. Аникин, А. В. Элементы сакрального в русских революционных теориях (к истории формирования советской идеологии) / А. В. Аникин // Отечественная история. – 1995. – № 1. – С. 78-92.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – Москва : Изд-во «Российское библейское общество», 2006. – 137 с.
3. Есаулов, И. А. Литературоведческая аксиология: опыт обоснования понятия / И. А. Есаулов // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Петрозаводск : Изд-во «Петрозаводского ун-та», 1994. – С. 52–68.
4. Есаулов, И. А. «Мистика в русской литературе советского периода (Блок, Горький, Есенин, Пастернак)» / И. А. Есаулов. – Тверь : Изд-во «Тверской университет», 2002. – 66 с.
5. Маяковский, В. В. Маяковский. Стихотворения и поэмы / В. Маяковский. – Москва : Карелия, 1982. – 288 с.

УДК 81'25

ПЕРЕВОД СЛОЖНОСОСТАВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ОБРАЗНОЙ СЕМАНТИКОЙ

Рейнова А. В.,

*обучающаяся 1 курса магистратуры Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: зав. кафедрой английской филологии,
к. филол. н., доцент Полховская Е. В.

nasty36511@mail.ru

Введение. Лексико-грамматический разряд имени прилагательного по своей природе обладает особыми экспрессивными свойствами, вызванными заложенными в его семантике оценочными значениями, что позволяет давать характеристику предметам по мере восприятия человеком признака. При передаче эмоционально-эстетической информации могут происходить семантические сдвиги, влияющие на

переносное переосмысление прилагательного, выраженного скрытыми тропами. Перевод таких языковых единиц требует применения особых трансформаций для адекватной передачи образности и воссоздания стилистического эффекта оригинала.

Целью исследования является изучение способов перевода английских сложносоставных прилагательных, семантика которых отличается особой образностью, обусловленной заложенными в них скрытыми тропами. Для достижения данной цели были поставлены следующие **задачи**: 1) проанализировать существующие скрытые средства выражения образности в сложносоставных прилагательных; 2) определить стилистические особенности перевода образных компонентов различных видов с английского языка на русский.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие подходы и методы: дескриптивный, семантического анализа и сопоставления.

Результаты исследования. «Опыт языковой практики показывает насколько ощущается потребность в языковых единицах, которые не только называют признак какого-либо предмета, но и обладают оценочным эмоционально-экспрессивным зарядом, выражая личное отношение говорящего. Такие потребности в большом объеме покрываются именно единицами словообразовательной системы, сложносоставными прилагательными, образованными путем соединения нескольких основ в одно целое» [2, с. 42]. Прилагательные в процессе словообразования подвергаются специфическим структурно-семантическим преобразованиям. Экспрессивная яркость и выразительность переносного переосмысления качественных сложносоставных прилагательных усиливается скрытыми тропами. Поскольку они выполняют особую функцию образных языковых средств (стилистическую), перевод подобных языковых единиц требует особых трансформаций, с помощью которых возможно сохранить или модифицировать исходную эмоционально-оценочную информацию, воспроизвести необходимый стилистический эффект оригинала при переводе.

«Основой такого стилистического средства как *метонимия* могут служить пространственные, понятийные, синтагматические и логические отношения между различными категориями, которые принадлежат действительности, и их отражение в сознании» [1, с. 939]. К наиболее распространенным способам перевода метонимии относят:

1) *полный перевод* метонимического оборота (используем в случае полного совпадения языковых и культурных традиций выражения индивидуальных свойств). Однако специфика словообразовательной структуры английских сложносоставных прилагательных иногда требует использования иных грамматических структур в языке перевода, перехода одной части речи в другую или добавления семантических компонентов в пределах того же лексико-семантического поля: *gnashing-teeth attitude* – скрежетать зубами, *furrowing-eyebrows attitude* – хмурить брови;

2) использование *аналога* или *новой единицы*, характерной для языка перевода (используется в том случае, когда полный перевод невозможен): *close-fisted person* – скупой человек, *spine-chilling horror film* – леденящий душу фильм ужасов;

3) *полное преобразование* исходной метонимии – происходит восстановление прямого именованя (используется при существенном расхождении культурных традиций, когда исходное метонимическое слово не существует в языке перевода): *fat-burning day* – разгрузочный день, *stiff-upper-lip attitude* – неприязнь.

Метафора является средством индивидуально-авторской оценки, состоящей в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основе аналогии, сходства. Рассмотрим примеры перевода сложносоставных прилагательных с метафорическим значением:

1) использование *полного эквивалентного соответствия* метафоры: *brehtaking view* – захватывающий дух вид, *life-giving river* – животворящая река;

2) использование *вариативных соответствий* (лексических соответствий, зависящих от контекста): *half-dead economy* – полумертвая экономика (или «полуживая», т.е. использование антонимического перевода);

3) *трансформация* метафоры (перефразирование): *eye-catching advertisement* – реклама, привлекающая внимание, *break-breaking job* – непосильный труд;

4) *калька* (важное условие – прозрачность образа, заложенного в языке оригинала): *multi-channel brain* – мультиканальный мозг.

В основе **гиперболы** лежит преувеличение качественных или количественных свойств предметов, явлений, процессов. Нами выявлены следующие способы перевода сложносоставных прилагательных со скрытой гиперболой:

1) использование *полного эквивалентного соответствия*: *scared-to-death child* – напуганный до смерти ребенок, *vitaly-important question* – жизненно важный вопрос;

2) *опущение семантических компонентов* (при переводе опущению подвергаются слова, являющиеся семантически избыточными, а также в случае употребления «парных синонимов», когда необходимо заменить два компонента одним): *lightning-fast horse* – молниеносная лошадь, *everlasting show* – вечное шоу.

С помощью образного **сравнения** автор показывает сходство двух объектов, сравниваемые объекты не идентичны, однако они обладают некоторыми схожими признаками, на основе которых и строится данный стилистический прием. При переводе сложносоставных прилагательных со скрытым сравнением можно использовать:

1) *полный перевод*: *Thumbelina-like girl* – девочка-Дюймовочка, *moon-faced boy* – луноликий мальчик;

2) *аналог: slow-as-a-snail person* – медленный как черепаха человек.

Выводы. В результате анализа приемов перевода образных языковых средств установлено, что не существует универсального способа передачи стилистически маркированных единиц, однако учет общих закономерностей полезен на практике для преодоления переводческих трудностей. Переводчик может сохранять или не сохранять образность при переводе, применяя дословный или описательный перевод, используя соответствия в языке перевода, создавая новые образные элементы, осуществляя поиск иных средства для передачи образной конструкции.

Список литературы

1. Аношкова, Т. А. Особенности перевода образных средств в англоязычном научном стиле / Т. А. Аношкова // Молодой ученый. – 2014. – Вып. 8. – С. 938–941.
2. Князева, Н. А. Экспрессивная вариативность английских сложносоставных прилагательных / Н. А. Князева // Научное периодическое издание «IN SITU». – 2017. – Вып. 4. – С. 41–45.

УДК 81'38

ИССЛЕДОВАНИЕ ИГРЫ СТИЛЕЙ В РАБОТАХ Е. Н. МАЗИНОЙ И Е. В. ПОЛХОВСКОЙ

Рейнова А. В.,
*обучающаяся 1 курса магистратуры Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: зав. кафедрой английской филологии,
к. филол. н., доцент Полховская Е. В.

nastyas36511@mail.ru

Введение. Работа посвящена рассмотрению смешения стилей как игрового феномена в работах Е. Н. Мазиной и Е. В. Полховской. Исследование является **актуальным** по своей значимости, поскольку понятие «игра стилей» (ИС) не имеет четкой теоретической определенности и является одной из «наименее изученных проблем современной лингвистики и стилистики текста» [3, с. 88].

Целью данного исследования является рассмотрение проблемы ИС в трудах Е. Н. Мазиной и Е. В. Полховской и освещение значимых результатов исследований. **Задачи:** 1) выявить тенденции рассмотрения понятия ИС в лингвистике; 2) рассмотреть критерии дифференциации игрового и неигрового смешения стилей; 3) изучить основополагающие принципы создания игровой ситуации.

Применялись следующие методы исследования: сопоставительный, описательный и дескриптивный.

Результаты исследования. Анализируя различные подходы к рассмотрению проблемы смешения стилей, Е. Н. Мазина и Е. В. Полховская отмечают, что в отечественной лингвистике можно выделить две наиболее заметные тенденции. «Первая, сложившаяся во второй половине XX века в работах таких исследователей, как М. Н. Кожина, Н. М. Разинкина, А. Стоянович, Е. С. Троянская и др., состоит в изучении данного вопроса с позиций функциональной стилистики. Особый интерес ученых вызывают сложные “гибридные образования”, представляющие собой сочетание черт двух и более стилей в одном текстовом пространстве» [4, с. 228]. «Признавая, что способность функциональных стилей к синтезу, взаимопроникновению является проявлением их эстетических качеств, а также возможности решать творческие задачи, ученые, тем не менее, практически полностью игнорируют игровой потенциал такого смешения» [4, с. 229]. «Вторая тенденция, наметившаяся в трудах Г. В. Векшина, Е. А. Земской, В. З. Санникова и др., заключается в том, что сочетание стилей рассматривается как способ реализации языковой (стилевой) игры в ее широком понимании» [4, с. 229]. Так, Е. А. Земская в понятие языковой игры включает «явления, когда говорящий “играет” с формой речи», и свободное отношение к ней «получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное» [4, с. 229].

На основе проведенного теоретического анализа, Е. Н. Мазина и Е. В. Полховская приходят к выводу, что ИС можно определить как: «разновидность речевой творческой деятельности, основанной на принципах вкрапления, комбинации контрастных в стилевом плане ресурсов языка / речи и на имитации наличных стилей (исторических, индивидуальных и коллективных)» [1, с. 92]. Авторы предлагают «новый подход к типологизации игры стилей – разделение видов игры проводится путем совмещения концептуальных полей понятий “игра” и “стиль”» [5, с. 70] и рассматривают «случаи инкорпорирования в сферу стилистики двух конститутивных игровых принципов – комбинаторного и имитативного» [5, с. 70]. Комбинаторная игра стилей состоит в «расширении нормативной стилевой сочетаемости, т.е. намеренном смешении языковых единиц с контрастными стилистическими маркировками. Это могут быть вкрапления иностилевых элементов, диффузия функциональных стилей, соединение текстовых фрагментов возвышенного и сниженного стилистического тона и т.п.» [2, с. 148–149]. Имитативная игра стилей – это «подражание, стилизация, травестирование, пародирование чужого стиля» [2, с. 149].

Авторы выделяют следующие признаки, характеризующие ИС: «1) аномальность и интенциональность, т.е. намеренная ломка стереотипов, устоявшихся стилевых норм; 2) элитарность, т.е. предуготовленность восприятию исключительно эрудированного читателя, обладающего

тонким стилистическим чутьем; 3) эклектичность, т.е. соединение разнородных в стилевом плане фрагментов текста; 4) интертекстуальность, т.е. обыгрывание стилей прецедентных текстов; 5) экспериментальность, т.е. направленность на поиск новых способов имитации, новых вариантов сочетаний наличествующих стилей; 6) экспрессивность, т.е. достижение повышенной выразительности текста стилиевыми средствами; 7) гедонистичность, т.е. возможность получения удовольствия от стилиевого оформления текста» [2, с. 149].

Е. Н. Мазина и Е. В. Полховская представляют противопоставление неигрового и игрового смещения стилей в самом обобщенном виде посредством следующих оппозиций: «1) целесообразность (направленность на решение конкретных прагматических задач) vs отсутствие прямой целесообразности (установка на развлечение); 2) рациональность (ориентация на стереотипы, незначительность отклонений от стилистической нормы) vs интуитивность (высвобождение сознания от стереотипов, значимость творческого поиска); 3) закономерность (логичность форм сочетания) vs нетривиальность, непредсказуемость (спонтанность самовыражения, пересмотр представлений о сочетаемости); 4) органичность, эстетичность vs эмоциональная насыщенность, «настроение игры» (Й. Хейзинга)» [4, с. 232].

Выводы. В своих работах Е. Н. Мазина и Е. В. Полховская не только освещают теоретическое представление о видах стилистической игры в трудах отечественных лингвистов, но и выводят четкое определение структуры понятия ИС и определяют ее основные признаки, выявляют приемы стилиевой игры, создаваемые ресурсами различных функциональных стилей, и принципы ее реализации в художественном тексте.

Список литературы

1. Мазина, Е. Н. Игра стилей: осмысление проблемы в филологической науке советского и постсоветского периодов / Е. Н. Мазина, Е. В. Полховская // Научное периодическое издание «IN SITU». – 2015. – Вып. 4. – С. 88–94.
2. Мазина, Е. Н. Игра стилей: теоретический аспект исследования / Е. Н. Мазина // Дни науки КФУ им. В. И. Вернадского : сборник тезисов участников II научной конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых. – Симферополь : Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2016. – С. 148–149.
3. Мазина, Е. Н. О некоторых приемах игры стилей: функционально-стилистический аспект / Е. Н. Мазина, Е. В. Полховская // Конвергентные технологии XXI : вариативность, комбинаторика, коммуникация : Материалы II Международной междисциплинарной научной конференции. – Симферополь : Общество с ограниченной ответственностью «Антиква», 2018. – С. 88–91.

4. Мазина, Е. Н. Смешение стилей как игровой феномен / Е. Н. Мазина, Е. В. Полховская // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы : Материалы III Международного научного конгресса. – Симферополь : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2018. – С. 228–233.
5. Мазина, Е. Н. Игра стилей: проблема типологизации / Е. Н. Мазина, Е. В. Полховская // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2022. – Т. 8, Вып. 3. – С. 70–77.

УДК 811.112

СОЦИОФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО ГОРОДСКОГО ПРОСТОРЕЧИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА КЁЛЬН)

Рудяков Л. А.,

*аспирант 2-го года обучения кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: д. филол. наук, профессор Петренко А. Д.

leonid.rudyakov@mail.ru

Введение. Одним из актуальных вопросов социолингвистики является проблема социально обусловленной вариативности языка и языковой интерференции. В частности, в рамках Научной школы социофонетики и фоностилистики профессора А. Д. Петренко особое внимание уделяется проблеме звуковой интерференции, которая может выражаться в отклонении от фонологической системы и произносительной нормы второго языка под влиянием родного языка носителя. Изучение речевого поведения носителей городского просторечия позволяет определить показатели фонологических переменных в разных речевых ситуациях

Цели и задачи исследований. Целью работы является выявление и исследование произносительных особенностей речи носителей городского просторечия (на материале речи жителей города Кёльн) на сегментном уровне. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: 1) сформулировать критерии отбора информантов и принципы разделения группы людей на подгруппы по возрасту, уровню образования и половой принадлежности; 2) изучить особенности произношения, характерные для носителей немецкого языка региона постоянного проживания

информантов; 3) выявить вариативность в реализации сегментного состава фонетики немецкого языка в различных ситуациях общения информантов.

Методы исследования. Выбор методов социофонетического анализа обусловлен поставленной в исследовании целью. В качестве методов сбора социолингвистической информации использовались: метод наблюдения для выявления особенностей речевого поведения информантов; метод скрытого наблюдения, метод включенного наблюдения, метод опроса (анкетирование и интервью) – с целью сбора практического речевого материала и фактических данных; аудитивный и аудиторский методы, которые предоставляют возможность анализировать, идентифицировать и интерпретировать собранный фонетический материал, ситуативный метод для изучения речевых особенностей информантов. Анализ речи информантов проводился на сегментном уровне.

Результаты исследований. Актуальность исследования определяется ростом интереса лингвистов к вопросам социально обусловленной вариативности языка, проблемам стратификации стилей, в том числе и произносимых; к исследованиям, направленным на поиск истоков звуковых изменений, наблюдение за их развитием в динамике. В работе отражены такие актуальные темы, как: влияние внеязыковых факторов (возраст, половая принадлежность и род профессиональной деятельности) на речевое поведение информантов, зависимость выбора определенного произносительного стиля от социальных характеристик говорящего, сравнение произносительных особенностей представителей разных подгрупп внутри единой социальной группы, изменение речевого поведения в зависимости от ситуации общения. Актуальность работы вызвана также возрастающим интересом к городским языкам в современном мире.

Вывод. Речь носителей городского просторечия в городе Кёльн отмечается вариативностью сегментного состава немецкого языка, которая является следствием изменения ситуации общения информантов.

Различия в произношении носителей городского просторечия в городе Кёльн наблюдаются в пределах произносительной нормы современного немецкого языка и составляют варианты реализации, вызванные внеязыковыми факторами: социальным положением, возрастом, уровнем образования говорящих, половой принадлежностью

В условиях плотной взаимосвязи регионального и социального факторов, что является одной из основных отличительных черт языковой ситуации в регионе, происходит процесс формирования особенностей формы выражения городского языка, который на сегодняшний день значительно влияет на функционирование и развитие регионального варианта немецкого языка. Значительное количество реализаций сегментных единиц фонетического уровня в речи носителей городского просторечия в городе Кёльн является, таким образом, характерной для рурского произносимого варианта немецкого языка.

Список литературы

1. Иванов, В. В. Лингвистика третьего тысячелетия / В. В. Иванов. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 208 с.
2. Петренко, А. Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии / А. Д. Петренко. – Киев : Рідна мова, 1998. – 254 с.
3. Петренко, А. Д. Фонологическая переменная как базисная единица социофонетики / А. Д. Петренко // Вестник СевГТУ : Филология. – 2003. – Вып. 45. – С. 127–135.
4. Labov, W. The Social Stratification of English in New York City / W. Labov. – Second edition. – Oxford University Press, 2006. – 485 p.

УДК 81'276:1

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА ХРИСТИАНСКИХ САЙТОВ ШВЕЙЦАРИИ

Семейкина И. С.,
*обучающаяся 3-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Бридко Т. В.

ira.i.kot@mail.ru

Введение. В работе рассматриваются социолингвистические особенности немецкого языка христианских сайтов Швейцарии. Изучение языка в современной религиозной сфере характеризуется как непосредственно теоретической, так и значительной практической ценностью, поскольку направлено на выявление аспектов взаимодействия лингвистики и теологии. В качестве примера и источника практического материала был выбран сайт немецкоязычной швейцарской католической церкви kath.ch.

Актуальность работы заключается в недостатке структурированного изучения вариативности немецкого языка в религиозном дискурсе, в частности, направленного на описание религиозной картины мира, а также в потребности в установлении языковых, когнитивных и дискурсивных особенностей, способствующих религиозной и конфессиональной идентификации и самоидентификации.

Целью данного исследования является рассмотрение немецкоязычного религиозного дискурса, отражающего современную религиозную ситуацию в немецкоязычной среде Швейцарии, с точки зрения социолингвистики. Данная цель обусловила постановку следующих **задач**: 1) выявить основные лексические единицы, характерные для

религиозных сайтов; 2) раскрыть особенности смысловой структуры лексического состава религиозных немецкоязычных сайтов.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: метод сплошной выборки, метод статистических и количественных подсчётов и метод семантического анализа.

Результаты исследования. Материалом исследования послужил корпус собранных языковых единиц, в структуре значения которых эксплицирована принадлежность к религии. Этот корпус получен в результате сплошной выборки из сайта немецкоязычной христианской организации kath.ch.

Для анализа методом сплошной выборки были отобраны 172 слова с интернет-сайта немецкоязычной швейцарской католической церкви kath.ch. Всего было проанализировано 17 интернет-страниц. В ходе исследования отобранные лексические единицы были проанализированы и классифицированы по тематической направленности. Были выявлены следующие тематические категории: имена собственные, аббревиатуры, заимствования, церковная лексика, кроме того, встречаются ссылки на другие сайты.

Обнаруженный набор категорий лексических единиц можно разделить на смысловые группы. Имена собственные: имена людей (*Josef Stübe, Papst Franziskus, Matthäus*), географические названия (*Schweiz, Vatikan, Zürich, Sibirien*), наименования организаций (*Sehen und handeln, Evangelische-reformierte Kirche Schweiz, Charta Oecumenica*), названия религиозных строений (*Berner Münster, Kloster St. Elisabeth*). Аббревиатуры: наименования организаций (*AGCK, UN*), сокращение отдельных слов (*TV, bzw*). Заимствования: из английского (*Podcast, Blogs, Jobplattform*), из латинского (*Charta Oecumenica, Ut unum sint*), из греческого (*Ökumene*), из французского (*Dossiers*). Церковная лексика: конфессиональные прилагательные (*katholische, christliche, religiös*), церковные должности (*Papst, Bischof, Kardinal*), библейские слова (*Bibel, Engel, Evangelium*), организации и мероприятия (*Pastoralrat, Eucharistischen Kongress, Synodale Räte*) и др. Наибольшее число составили слова церковной лексики (80 единиц).

В число наиболее частотных слов входят лексические единицы из категории церковной лексики (*Bischof* употребляется 16 раз, *Kirche* – 18 раз, *Bistum* – 11 раз) и имён собственных (*Josef Stübe* – 12 раз, *Schweiz* – 17 раз). Кроме того, некоторые заимствования (6 единиц) встречаются на каждой из 17 страниц (*News, Highlights, Blogs, Abo, YouTube, Dossiers*).

Выводы. Рассмотренная лексика религиозного сайта kath.ch имеет свои особенности. В частности, из 172 отобранных лексических единиц было выявлено 68 имён собственных (37 имён людей, 23 географических названия, 6 наименований организаций, 2 названия религиозных строений), 6 аббревиатур (4 наименования организаций, 2 сокращения отдельных слов), 14 заимствований (10 из английского, 2 из латинского, 1

из греческого, 1 из французского), 4 названия других интернет-сайтов и 80 единиц церковной лексики.

В дальнейшем планируется провести сравнительный анализ лексического состава интернет-сайтов церквей Швейцарии, представляющих различные направления христианства.

Список литературы

1. Плисов, Е. В. Немецкий религиозный текст в условиях поликонфессиональности : монография / Е. В. Плисов. – Новгород : НИУ РАНХиГС, 2013. – 160 с.

2. kath.ch : [сайт]. – Обновляется в течение суток. – URL: <https://www.kath.ch/>. (дата обращения: 27.02.2023).

УДК 81'32:36

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «УСПЕХ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ КРЫМСКИХ ВУЗОВ

Семенова А. С.,

*обучающаяся 2-го курса магистратуры Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: д. филол. наук, доцент Сегал Н. А.

saurovaal@mail.ru

Введение. Для современной науки важным и обоснованным является интегративный подход, предполагающий одновременное исследование одного и того же объекта с помощью различных методов и методик. В частности, методов и методик, лежащих на пересечении гуманитарных исследований. Так, актуальным сегодня является психолингвистика, сочетающая в себе методы и приемы как лингвистической науки, так и психологии. Наше исследование выполняется в рамках данного научного направления, поскольку ассоциативная методика предполагает знание и психологии испытуемого, и особенностей реализуемых им языковых факторов. Ассоциативный эксперимент широко применяется в психолингвистике и показывает нам языковую картину мира какого-либо языкового коллектива. На основе эксперимента мы можем говорить об особенностях культуры, мировоззрения, менталитета языковой личности и общества. Будучи одним из самых доступных средств изучения языкового сознания человека, ассоциативный эксперимент послужил основой для целого ряда современных лингвистических исследований, в центре которых находятся проблемы взаимосвязи языка и мышления, языка и культуры. Тема нашей работы посвящена рассмотрению основных аспектов истории развития ассоциативного эксперимента как метода

лингвистических исследований, проведению ассоциативного эксперимента в рамках одной социальной группы (студенты). Ассоциативный эксперимент позволяет установить актуальные ассоциативные связи слова-стимула.

Актуальность работы определяется расширением семантического поля единицы «успех». Ассоциативные поля, полученные в рамках проведения свободного ассоциативного эксперимента, могут представить определённую научную ценность при составлении ассоциативного словаря русского языка. Ассоциативный эксперимент позволяет выявить актуальные семантические компоненты в полевой структуре слова-стимула.

Цель исследования. Перед собой мы поставили цель – смоделировать ассоциативное поле успех в языковом сознании крымской молодежи (студентов ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»). Данная цель обусловила постановку следующих задач: 1) изучить теоретическую составляющую такого метода психолингвистических исследований, как свободный ассоциативный эксперимент; 2) разработать содержательную часть экспериментального задания; 3) провести свободный ассоциативный эксперимент и собрать данные для дальнейшего анализа и систематизации; 4) сформировать ассоциативное поле единицы «успех» на основании полученных материалов, представленных в таблице; 5) установить психические образования и внешние факторы, влияющие на возникновение ассоциаций в сознании человека.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: описательный метод, интерпретационный метод, ассоциативный эксперимент, элементы количественного анализа.

Результаты исследования. Ассоциативный эксперимент является одним из наиболее эффективных методов психолингвистического исследования, который активно используется с целью всестороннего изучения феномена языкового (вербального) сознания, его структуризации и моделирования. Психолингвистические исследования – важнейшие источники для понимания и последующего изучения достаточно значимых в антропоцентрической научной парадигме понятий (языковая картина мира, языковая личность, национальное языковое сознание, социокультурный стереотип и других). В ходе исследования были выявлены психические образования и внешние факторы, влияющие на возникновение ассоциаций в сознании человека. К этим факторам можно отнести личный опыт, социальный статус, образование, уровень развития, ценности (культурные и духовные), устои общества, исторические события, ощущения, восприятие, идеи. Ассоциативный эксперимент направлен на изучение опыта и знаний испытуемого в разных гранях его жизни, а также изучения значений слова-стимула. В эксперименте приняли участие 150 носителей русской лингвокультуры, возраст которых варьируется от 17 до 26 лет, к этому периоду завершается становление «языковой личности», в ассоциациях находит отражение

сформировавшаяся языковая способность участника эксперимента, а относительная стабильность языковой способности носителей языка (в частности словарный запас, ценностные и прагматические установки, формально-комбинаторные возможности) может служить основой для характеристики массового сознания в обществе на ближайшие 20-30 лет, то есть на период, когда нынешние испытуемые будут составлять активное ядро общества. Для реализации данной цели мы проводили эксперимент, который включал в себя следующие задания: 1) написать ассоциации на слово-стимул «успех»; 2) написать ассоциации на слово-стимул «неудача»; 3) написать прилагательные для слова-стимула «успех»; 4) дать определение слову-стимулу «успех». Наш ассоциативный эксперимент состоял из нескольких этапов. Первый этап включал в себя проведение анкетирования среди студентов. На втором этапе происходил сбор, анализ и систематизация полученных ответов. На третьем этапе собранные реакции мы объединили в таблицу. Наиболее частотными ответами для слова-стимула «успех», как показал анализ, были: деньги, счастье, достижение цели; карьера, радость, удача, самореализация, труд, уверенность, власть, известность, слава, упорство, везение, признание (обществом), независимость и другие. Для противоположного по семантике слова-стимула «неудача» наиболее частотными были следующие ответы: грусть, поражение, провал, невезение, проигрыш, разочарование, жизненный урок, ошибка, жизненный опыт, огорчение, попытка, промах, лень и другие.

Выводы. Таким образом, современную ассоциативную методику можно представить как важную составляющую моделирования языковой картины мира носителей русской лингвокультуры, требующей своего дальнейшего изучения. Проводимая работа может стать основой для моделирования ассоциативного поля «успех» как важного фрагмента русского языкового сознания.

Список литературы

1. Горошко, Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента / Е. И. Горошко. – Москва : РА – Каравелла, 2001. – 320 с.
2. Джанаева, В. В. К вопросу о свободном ассоциативном эксперименте. Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики / В. В. Джанаева. – Владикавказ : СОГУ, 2008. – Выпуск X. – С. 14–20.
3. Уланович, О. И. Психолингвистика / О. И. Уланович. – Минск : БГУ, 2010. – 67 с.
4. Фрумкина, Р. М. Психолингвистика: что мы делаем, когда говорим и думаем / Р. М. Фрумкина. – Москва : ГУ ВШЭ, 2004. – 24 с.
5. Ярошевский, М. Г. История психологии от античности до середины XX в. : учебное пособие / М. Г. Ярошевский. – Москва, 1996. – 416 с.

**ОЦЕНОЧНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО
ТИПАЖА «МИГРАНТ» В РОМАНАХ ДЖ. ЛАНЧЕСТЕРА
“CAPITAL” И С. ФОЛКСА “A WEEK IN DECEMBER”**

Симоненко А. В.,
обучающаяся 4-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Мазина Е. Н.

iskusstvo2712@mail.ru

Введение. В системе гуманитарных наук в конце XX века появилась необходимость более полного и комплексного изучения человека. Лингвокультурология как отрасль современной лингвистики сосредоточила усилия на изучении человека в языке или «языковой личности» [2]. Одна из основных целей лингвокультурологических исследований – раскрытие характеристик той или иной индивидуальной личности либо конкретного типа личностей. В фокус внимания ученых попадают художественные образы, которые воплощают в себе индивидуально-специфические и коллективно-типические характеристики людей, при этом типическое принято трактовать как характеризующее существенные черты поведения определенных групп людей в заданных обстоятельствах. В. И. Карасик ввел термин «лингвокультурный типаж» в 2005 году. Под «лингвокультурным типажом» понимается обобщенное представление о человеке, основанное на актуальных объективных этнических и социально значимых особенностях поведения [1]. Иными словами, «лингвокультурный типаж» – узнаваемый образ представителей определенной культуры.

Актуальной задачей современного литературоведения является изучение лингвокультурного типажа «мигрант» для выявления сложившихся в западном общественном сознании стереотипных представлений как о самом миграционном процессе, так и о его участниках.

Целью данного исследования является выявление оценочных характеристик лингвокультурного типажа «мигрант» в романах Дж. Ланчестера *Capital* (2012) [5] и С. Фолкса *A Week in December* (2009) [4].

Основными методами исследования выступили типологический, сравнительный и описательный, социологический и культурно-исторический методы, метод вербального анализа.

Результаты исследования. Анализируя романы *Capital* (2012) Дж. Ланчестера и *A Week in December* (2009) С. Фолкса, повествующие о

жителях Лондона до и во время финансового кризиса конца 2000-х годов, мы отталкивались от существующих классификаций миграции [3; 6], что позволило нам разделить персонажей-мигрантов рассматриваемых произведений на иммигрантов первого и второго поколения. Иммигрантов первого поколения можно классифицировать:

1) **по целям** на:

– *экономических* (Збигнев Томачевски – иммигрант из Польши, строитель; Матя Балату – иммигрантка из Венгрии, работающая няней; Фредди Камо – футболист из Сенегала, переехавший в Лондон, чтобы играть в Премьер-лиге; Тадеуш Боровски – новый игрок высокорейтинговой английской футбольной команды родом из Польши; Оля – украинская фотомоделль);

– *политических* (Квентина Мкфеси – беженка из Зимбабве, которая была вынуждена покинуть свою родину из-за несогласия с ее политическим режимом);

– *семейных* (Патрик Камо – отец Фредди, приехавший в Лондон ради спортивной карьеры сына; Камаль – выходцы из Пакистана, переезжавшие в Лондон постепенно, брат за братом);

2) **по временным признакам** на:

– *постоянных* (семья Камаль, Квентина Мкфеси, Матя Балату, Оля);

– *временных* (Фредди и Патрик Камо, Збигнев Томачевски);

3) **по формам** на:

– *добровольных* (семья Камаль, Фредди и Патрик Камо, Збигнев Томачевски, Матя Балату, Тадеуш Боровски, Оля);

– *принудительных / вынужденных* (Квентина Мкфеси);

4) **по правовому отношению** на:

– *легальных* (семья Камаль, Фредди и Патрик Камо, Збигнев Томачевски, Матя Балату, Тадеуш Боровски, Оля);

– *нелегальных* (Квентина Мкфеси, нелегально работающая инспектором дорожного движения).

Среди иммигрантов второго поколения: Дженни Форчун – машинистка метро, дочь британки и иммигранта из Африки (родилась в Великобритании); Фарук аль-Рашид – владелец крупной компании, производящей консервы, приехал в Великобританию из Пакистана в возрасте 13 лет вместе со своей семьей по экономическим причинам; Хассан аль-Рашид – сын Фарука, студент (родился в Великобритании); Шахла Хаджиани – студентка престижного университета, дочь британской еврейки и успешного иранского бизнесмена (родилась в Великобритании).

Анализ романов *Capital* (2012) Дж. Ланчестера и *A Week in December* (2009) С. Фолкса показал, что авторы, будучи представителями западноевропейской англоязычной культуры, отражают сложившиеся в своем обществе распространенные стереотипные мнения о представителях тех или иных этносоциальных групп:

1) уроженцы стран Восточной Европы (в основном молодые люди) нередко стремятся покинуть страны, в которых родились и выросли, и переехать в более развитые государства в поисках более высокооплачиваемой работы и более высокого уровня жизни. Именно так поступили Збигнев Томачевски, Матя Балату, Тадеуш Боровски и Оля. При этом, многие из таких иммигрантов имеют высшее образование (Матя Балату, Тадеуш Боровски), но работают не по специальности. Тем не менее, отношение коренных британцев к иммигрантам с высшим образованием отличается большей степенью уважения;

2) этнотип «пакистанец» преимущественно ассоциируется с коммерческой деятельностью – выходцы из этой страны (в романах это семьи Камаль и аль-Рашид), как правило, начинают заниматься бизнесом на новом месте жительства. Отношение британцев к таким семьям положительное как к людям деятельным и полезным для общества. Фарук аль-Рашид был даже удостоен награды, которую ему вручили члены британской королевской семьи;

3) в романах наблюдается тенденциозное восприятие весьма привлекательных внешне девушек-славянок, иммигрировавших из стран бывшего СССР – с большей долей вероятности, по мнению авторов, они будут пытаться заработать в секс-индустрии (Оля). И даже те из них, кто устраивается на работу, никак не связанную с проституцией, все равно продолжают ассоциироваться с потенциальной возможностью быть вовлеченными, например, в эскорт-услуги (Матя Балату);

4) иммигранты-мусульмане (Шахид Камаль, Хассан аль-Рашид) преимущественно изображаются как лица, прямо или косвенно вовлеченные в террористическую деятельность исламских организаций, которые руководят своими членами как в режиме онлайн, так и посредством собраний. Данный стереотип окончательно сформировался в западной англоязычной культуре после трагических событий 11 сентября 2001 года и обуславливает предвзятое отношение к представителям данной этносоциальной группы в обществе;

5) в романах также отражено типизированное представление об иммигрантах-африканцах как о выходцах из беднейших семей. Они вынуждены бежать из своих стран по причине межплеменной розни и продовольственного кризиса (Квентина Мкфеси). Очевидно, что общественная оценка определяется официальным статусом мигрантов – негативная для нелегальных; положительная для талантливых людей, которые были замечены европейскими скаутами и приглашены на работу в западные компании (футболист Фредди Камо);

6) иммигранты второго поколения, рожденные в моноэтнических семьях и сохранившие культуру своего народа (Фарук и Хассан аль-Рашид), ощущают себя так, будто не вписываются в стандарты общества, состоящего преимущественно из представителей коренного населения. Дети из межэтнических семей (Дженни Форчун, Шахла Хаджиани), как правило, более ассимилированы в британском обществе.

Выводы. Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно заключить следующее: все иммигранты являются выходцами из стран с более низким уровнем жизни. Среди них – временные иммигранты, которые приезжают в Великобританию на заработки с целью повышения уровня своего благосостояния и последующим возвращением на родину. Другой тип иммигрантов – постоянные. Они приезжают в новую страну, иногда из-за угрозы смертельной опасности на родине, с целью остаться. Многие иммигрируют нелегально. В единичных случаях люди переезжают за границу, получив выгодное предложение по работе. Иммигранты второго поколения, имеющие гражданство Великобритании и с детства знакомые с британской культурой, не всегда принимаются коренными британцами за равных в случае демонстрации ими культурных и религиозных традиций своего народа.

Неоднозначность оценки слоя мигрантов в обществе обусловлена неоднородностью его состава. Оценочные характеристики, на наш взгляд, формируются из следующих факторов: легальность пребывания в Великобритании, трудовой и финансовый статус, наличие образования, степень культурной адаптации, экономическое положение страны, из которой прибыл мигрант, его личные качества.

Несмотря на этностереотипизацию персонажей, в современных британских романах не прослеживается откровенно недоброжелательного и явно снисходительного отношения авторов к изображаемым представителям разных национальностей, что во многом обусловлено изменением умонастроений под влиянием кампании за политическую корректность.

Список литературы

1. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – Текст : электронный // <https://zavantag.com> [сайт]. – 2007. – URL: <https://zavantag.com/docs/427/index-2015799.html>. (дата обращения: 10.03.2022).
2. Лутовинова, О. В. «Лингвокультурный типаж» в ряду смежных понятий, используемых для исследования языковой личности / О. В. Лутовинова. – Текст : электронный // <https://cyberleninka.ru> [сайт]. – 2009. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-tipazh-v-ryadu-smeznyh-ponyatiy-ispolzuemyh-dlya-issledovaniya-yazykovoy-lichnosti/viewer>. (дата обращения: 25.02.2023).
3. Организация Объединенных Наций. Беженцы и мигранты. Определения : [сайт]. – URL: <https://refugeesmigrants.un.org/ru/definitions>. (дата обращения: 10.02.2022).
4. Faulks, S. A Week in December / S. Faulks. – London : Penguin Random House UK, 2009. – 392 p.
5. Lanchester, J. Capital / J. Lanchester. – London : Faber and Faber Ltd, 2013. – 577 p.

6. The International Organisation for Migration. UN Migration. Key Migration Terms : [сайт]. – URL: <https://www.iom.int/key-migration-terms>. (дата обращения: 10.02.2022).

УДК 81'276:1

ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В РЕЧИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Слушаенко Д. Р.,
*обучающийся 3-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Бридко Т. В.

dariy.3009@gmail.com

Введение. Современные социолингвистические исследователи постоянно расширяют сферу своих интересов, тем не менее в её центре всегда остаётся вариативность языка под влиянием каких-либо социальных факторов. В данной работе рассматривается вариативность немецкого языка на примере речи музыкальных исполнителей, выходцев из русскоговорящих стран.

Актуальность данной темы заключается в том, что, несмотря на обширные исследования социолингвистической вариативности немецкого языка, особенности немецкого языка музыкантов из русскоговорящих стран до сих пор рассмотрены не были.

Целью данного исследования является выявление основных индивидуальных особенностей немецкого языка в группе русско- и англоязычных исполнителей, выступающих на немецком языке.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие **задачи**:

- 1) определить целевую группу русскоязычных музыкантов, имеющих репертуар, исполняемый на немецком языке;
- 2) выявить и проанализировать отличия немецкого языка в речи русскоязычных музыкальных исполнителей от фонетических норм стандартного немецкого – Hochdeutsch, указанного в словаре Дуден.

Методика исследования определяется целями и задачами работы. Для осуществления поставленных задач в данной работе используется комплексный метод исследования, включающий в себя описательный, сопоставительный и сравнительно-исторический методы.

Результаты исследования. Практический материал составили аудио- и видеозаписи с выступлениями трёх русскоговорящих музыкантов, найденные на сайте www.youtube.com.

Первым информантом была немецкая певица Х. Фишер. Она переехала в Германию в возрасте 3 лет. Благодаря этому у неё не возникло проблем с освоением немецкого языка. Приняв во внимание возраст на момент переезда, а также изучив интервью и видеоклипы с участием Х. Фишер, было выявлено отсутствие в её немецкой речи фонетических особенностей, в сравнении с фонетическими нормами, указанными в словаре немецкого произношения Дуден.

Следующим респондентом являлся Л. Моносзон. В 25 лет он переехал в Германию. В ходе анализа практического материала, были отмечены некоторые отличия от стандартного варианта немецкого языка, указанного в словаре немецкого произношения Дуден. В произношении Л. Моносзона четко слышится альвеолярный дрожащий согласный [r], который редко встречается в речи носителей стандартного немецкого. Альвеолярный дрожащий согласный [r] данный исполнитель произносит твердо и звонко, очень похоже на русский постальвеолярный дрожащий согласный [r].

Третьим исполнителем, чьи фонетические особенности речи были подвергнуты анализу, стала Л. Мондрус. Данная исполнительница эмигрирует в Германию в возрасте 30 лет. В 1974 году выходит ее первый альбом «Die Herzen singen». Изучив его, было выявлено, что альвеолярный дрожащий согласный [r], как и у предыдущего информанта, произносится более похожим на русский постальвеолярный дрожащий согласный [r]. Также было отмечено, что, в позиции перед гласной в слове “singen”, вместо звонкого альвеолярного спиранта [z], что является фонетической нормой, реализуется глухой альвеолярный спирант [s], напоминающий русскую глухую мягкую денто-альвеолярную согласную [c']. К 1977 году, Л. Мондрус обретает популярность в Европе. В ее поздних работах уже не так различимы перечисленные выше особенности произношения. Однако, все же, они не соответствуют стандартному немецкому произношению, указанному в словаре Дуден.

Выводы. Фонетические различия между стандартным вариантом немецкого языка и языковыми особенностями немецкой речи русскоговорящих музыкальных исполнителей обусловлены влиянием родного языка музыкантов на немецкий.

В дальнейшем будет увеличено количество информантов и проведен более тщательный анализ вариативных особенностей их немецкого языка.

Список литературы

1. Беликов, В. И. Социоллингвистика : учебник для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2001. – 315 с.
2. Словарь Duden [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.duden.de/>. (дата обращения: 23.02.2023).
3. Степанов, Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи : монография / Г. В. Степанов. – Москва : Наука, 1976. – 224 с.

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО
ДИСКУРСА В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТ Т. В. АРЖАНЦЕВОЙ)**

Соборова К. В.,
*обучающаяся 1-го курса магистратуры Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: к. пед. н., доцент Аржанцева Т. В.

stkarisb@gmail.com

Введение. В научно-методических работах кандидата педагогических наук, доцента Т. В. Аржанцевой, посвященных проблемам преподавания РКИ, освящаются вопросы обучения иностранцев лексике и грамматике русского языка, разрабатываются конкретные методические рекомендации по успешному восприятию современного русского языка иноязычным сознанием. В частности, разрабатываются приёмы работы по аудированию текстов краеведческой тематики [1], предлагаются алгоритмы декодирования скрытых смыслов коротких аутентичных юмористических рассказов и языковых анекдотов XXI века с учётом лингвистических, когнитивных, культурологических, коммуникативных, социальных нюансов [2].

Актуальность обращения к проблеме анализа лингвистических особенностей современных языковых анекдотов и исследования возможности реализации их обучающего потенциала в практике преподавания РКИ обусловлена противоречием между осознанием лингводидактами важности понимания инофонами семантического механизма, посредством которого создаётся юмористический эффект, и отсутствием определённого методического подхода к проблеме толкования лингвистического юмора, а также незначительным количеством научных работ, в которых исследуется обозначенная проблема.

Цель работы, посвященной исследованию описанных Т. В. Аржанцевой механизмов декодирования скрытых смыслов современного русского юмора, состоит в выявлении и описании наиболее эффективных приёмов работы с короткими аутентичными юмористическими текстами лингвистических анекдотов в практике преподавания русского языка как иностранного.

Методы научного познания, применявшиеся для достижения поставленной цели: анализ научно-методической литературы по исследуемой проблеме, классификация методических приёмов, описательный метод.

В результате проведённого анализа научно-методической работы Т. В. Аржанцевой [2], посвященной проблеме выявления механизма создания комического эффекта с помощью языковых средств разных уровней и обоснованию эффективных приёмов работы с короткими аутентичными текстами юмористического характера на занятиях по РКИ, было установлено, что функциональным ядром, порождающим имплицитный смысл лингвистических (языковых) анекдотов как специфической разновидности юмористического дискурса, является не бытовая ситуация, а особая языковая игра. Единицам языковой игры может быть часть слова, слово, словосочетание, высказывание, в котором реализовалась установка говорящего на языковую игру. Именно эти единицы языковой игры и порождают двуплановость смысла аутентичных русских лингвистических анекдотов.

Приёмы работы с текстами таких анекдотов на занятиях по русскому языку как иностранному, предлагаемые Т. В. Аржанцевой, позволяют инофонам освоить алгоритм декодирования скрытых смыслов русского юмора, предполагающий определённую последовательность действий, а именно:

- «выявление конкретной единицы языковой игры, создающей эффект комического;
- раскрытие семантики этой единицы, выяснение этимологии, выявление социологической либо культурологической составляющей или других особенностей игрового компонента (в зависимости от ситуации);
- анализ языкового средства или явления, которое оставляет функциональную основу языковой игры» [2, с. 42].

Такая последовательность действий ведёт к пониманию инофонами не однозначного смысла языкового анекдота и, как следствие, к возникновению эмоционального отклика, который и является показателем того, что смысл прочитанного или услышанного юмористического текста понят.

Выводы. Научно-методическая работа Т. В. Аржанцевой по изучению лингвистического потенциала юмористического дискурса в аспекте преподавания русского языка как иностранного расширяет научные представления о феномене языковой игры и вносит определённый вклад в развитие теории юмора. Практическая ценность состоит в возможности применения полученных результатов на занятиях по РКИ.

Наиболее эффективным методическим приёмом формирования у обучающихся умения выявлять способы реализации семантического механизма, посредством которого создаётся юмористический эффект в современных русских дингвоанекдотах, является разработанный учёным алгоритм декодирования их имплицитных смыслов.

Целенаправленная работа с аутентичными юмористическими текстами помогает иностранным учащимся легче усваивать теоретические сведения о языке, а также воспринимать информацию страноведческого и социокультурного характера в позитивном эмоциональном ключе, что,

безусловно, повышает интерес к стране изучаемого языка, способствует пополнению словарного запаса обучающихся и обогащения грамматического строя их речи.

Список литературы

1. Аржанцева, Т. В. Краеведческий материал как фактор мотивации изучения русского языка: аудирование / Т. В. Аржанцева, Г. Ю. Богданович // Современная картина мира: крымский контекст : коллективная монография / под ред. Г. Ю. Богданович. – Том 3. – Симферополь : Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2020. – С. 45–60.
2. Аржанцева, Т. В. Лингвистические особенности современных русских языковых анекдотов в аспекте преподавания РКИ / Т. В. Аржанцева // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация : Материалы VII Международной междисциплинарной научной конференции / под общ. ред. проф. А. Д. Петренко. – Том 1. – Симферополь : Издательский дом КФУ, 2022. – С. 33–39.

УДК 87'19

NATIONAL REPRESENTATIONS IN AMERICAN SONG GENRE

Spiridonov I. V.,
*4th year student of the Humanitarian Pedagogical Academy,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University*

Research supervisor: PhD in Philology, docent Dronyakina N. V.

sigorspiridonov@yandex.ru

Introduction. The relevance of the study of the stated topic is due to the fact that in the present period of time the concept “image” is actively used in various spheres of human life, both in scientific and everyday life.

In the majority of cases an image is understood as one of carriers of information, therefore researchers are interested in gnoseological function of the given formation, and first of all, meaning of an image from the point of view of its visual perception, and also perception by means of memory, thinking and imagination.

The aim of this paper is to identify a linguocultural image, which in this case would be as follows: a linguocultural image is a visual representation by a speaker of a certain linguoculture of what is represented by this image, and in this case both the linguocultural affiliation of the one in whose mind a linguocultural image is formed and the image itself are important, as different images will have cardinal differences from each other [1].

Song discourse is seen as the text of songs in the totality of their relationship with the author, the performer and the listener.

The research methods are the method of textual analysis, the method of stylistic analysis, the hermeneutic and typological approaches.

Main ideas and results. Examples of national imagery in American song discourse include the following: American eagle, cowboy, sheriff, biker, gangster, etc. Undoubtedly, there are many more such images than listed above, and their study is worthy of a monographic work [2].

The national images in the English-language song discourse are formed at different linguistic levels of the analysed text: denotative, associative, stylistic. However, although the denotative and associative levels have fewer means of forming national imagery compared to the stylistic level, they are nevertheless quite productive and together provide almost half of the analysed examples.

Starting out by quoting or cultivating traditional melodies, American composers soon came to reconstruct and reflect in their works features of musical thinking characteristic of different peoples, thereby capturing the essence - the musical mentality of Americans. There are features that characterise the national style of American music, such as bluesy complex expressive means, a responsive and varied type of musical composition, ballads, country and spiritual melodies typical of traditional white and black music in the USA, jazz rhythms, etc. [3].

Conclusion. In conclusion, it should be noted that national imagery in the American song genre is a reflection of the linguistic culture of the American people. An analysis of the features of national imagery in American songs will provide a deeper understanding of American culture, not only contemporary, but also going back to older times.

References

1. Raph, Th. The American Song Treasury. 100 Favorites / Th. Raph. – New York : Dover Publications, 1986. – 406 p.
2. Osman, A. H. If you feel like singing / A. H. Osman, J. McConochie. – New York : USIA, 1993. – 95 p.
3. Commager, H. S. The American Mind: An Interpretation of American Thought and Character Since the 1880's / H. S. Commager. – London : Oxford University Press, 1950. – 476 p.

**АПЕЛЛЯТИВАЦИЯ АНТРОПОНИМОВ
(НА ПРИМЕРЕ ФАМИЛИЙ ЗВЕЗД
СОВРЕМЕННОЙ ЭСТРАДЫ)**

Султанова Д. В.,
обучающаяся 2-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Чабаненко Т. С.

dariasultanova17@mail.ru

Введение. В работе рассматривается процесс перехода имен собственных в разряд имен нарицательных. Такой переход принято называть апеллятивацией. Его суть заключается в том, что имена собственные приобретают сигнификативные значения, которые ранее не были свойственны им в языке. Чаще всего апеллятивация возникает тогда, когда денотат имени собственного обретает большую известность у всех членов определенного языкового коллектива.

Актуальность выбранной темы обусловлена активностью процесса апеллятивации в современном русском языке. Слова, образованные на базе прецедентных имен, становятся ярким выразительным средством, которое участвует в создании языкового образа носителя языка, а также является частью языкового портрета той известной личности, имя которой послужило словообразовательной базой для апеллятивов.

Целью данного исследования является анализ новых слов, образовавшихся в результате перехода фамилий звезд современной российской эстрады в разряд имен нарицательных, осложненного аффиксацией. Данная цель обусловила постановку следующих **задач**: 1) определить, фамилии каких звезд послужили основами для образования слов; 2) описать, каким способом образовались слова.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: дескриптивный метод, метод описания, метод наблюдения.

Результаты исследования. Образование нарицательных существительных на базе имен собственных распространено в русском языке давно, нередко оно сопровождается аффиксацией. Анализируя закрепившиеся в языке апеллятивы, можно выделить ряд наиболее продуктивных словообразовательных моделей. Так, на протяжении многих лет продуктивно добавление к фамилии суффикса *-щин-*: *фамусовщина, хлестаковщина, базаровщина, обломовщина, маниловщина, чичиковщина*. Производящей основой для перечисленных слов являются фамилии персонажей из произведений художественной литературы.

В современном русском языке особую популярность обретает образование слов, производящей основой для которой стали фамилии звезд современной эстрады. Остаются популярными уже существующие словообразовательные модели аффиксации онимов, а также появляются новые. Так, от фамилии Аллы Борисовны Пугачевой суффиксальным способом образовались следующие существительные: *Пугачиха, Пугачище, пугачевщина*. *Пугачихой* артистку прозвали в народных массах еще в 1970 – 1980-е годы. Однако одноклассница звезды в одном из интервью сообщила, что *Пугачихой* народную артистку называли в школьные годы. Причем, как она уверяла, никакого негативного оттенка эта видоизмененная фамилия в себе не несла [1]. *Пугачище* – оскорбительное прозвище, данное певице. *Пугачевщина* – это традиции, установленные Аллой Пугачевой на сцене, эпоха ее популярности. Суффикс *-щин-* придает слову отрицательную коннотацию.

По такой же модели образовались слова *бузовщина, билановщина, нагиевщина, малаховщина, сябитовщина, гузеевщина, басковщина, киркоровщина, газмановщина, пьеховщина*. Все они представляют собой негативную характеристику обобщенного явления. Отрицательная коннотация вносится суффиксом *-щин-*.

Примечательны слова, которые Филипп Киркоров лично образовал от своей фамилии. «Интернет был недавно взорван информацией о том, что Филипп Киркоров открыл в Ижевске зефирный завод «Зефирьки». Но мы должны вам сообщить еще одну радостную новость – в ближайшее время мы откроем в Удмуртии завод по производству сухариков, которые будут называть «Киркорки», – поделился он [2]. «Зефирьки» и «Киркорки» – процесс перехода из одного разряда онимов в другой. С личностью Филиппа Киркорова связано еще несколько новых слов. *Киркоровизмом* в разговорной речи называют деградацию и нравственный упадок. *Киркорятиной* называют деятельность народного артиста, реже – самого Филиппа Киркорова. С помощью таких же суффиксов образовались слова *лолтятина, лободятинна, джигурдятина*.

Не столь разнообразны процессы образования глаголов от онимов. Суффиксальным способом образовался глагол *кабзонить*. В контексте он обретает следующее значение: «менять свою внешность, теряя при этом индивидуальность». Суффиксально-постфиксальным способом образуются такие глаголы, как *пугачиться, биланиться, меладзиться, киркоровиться, газманиться*. Лексическое значение включает в себя сему «подобный кому-то».

Выводы. В современном русском языке все больше аффиксов вовлекается в процесс образования апеллятивов, они, как правило, передают отрицательную коннотацию, что является одним из проявлений возрастающей роли оценочной лексики в русском языке.

Список литературы

1. Гордеева, Е. «Какие прозвища были у Аллы Пугачевой» / Е. Гордеева. – 2019. – URL: <https://news.rambler.ru/other/41624948-kakie-prozvischa-byli-u-ally-pugachevoy/>. (дата обращения: 05.03.2023).
2. Корнеев, Д. «Филипп Киркоров планирует запустить производство сухариков в Удмуртии» / Д. Корнеев. – 2022. – URL: <https://www.izh.kp.ru/online/news/4625831/>. (дата обращения: 05.03.2023).
3. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – Москва : Наука, 1973. – 189 с.
4. Черняк, А. З. Семантика референции и значения собственных имен / А. З. Черняк. – Москва : Ленанд, 2020. – 400 с.

УДК 81`255.2

THE PROBLEM OF ADEQUACY OF POETIC TRANSLATION FROM RUSSIAN INTO ENGLISH

Tarasevich A. R.,
*1st year Master's student of the Institute of Philology,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University*

Research supervisor: PhD in Philology, docent Pasekova N. V.

nasty_a_tarasevich0305@mail.ru

Introduction. The adequacy of translation lies in the choice of language signs in the target language that correspond to a certain dimension in the source language. The adequacy of translation of a poetic text lies in the selection of lexical equivalents of both primary and secondary figurativeness. The translator's task is to carefully choose the means of expression to convey the author's thoughts, consistently adhering to the goal of translation.

The aim of this paper is the analysis of the main problems in achieving the adequacy of poetic translation.

The objectives of the work are as follows: to define the concept of "adequacy" in the theory of translation; to analyse the main difficulties in translating a poetic text; to identify the problem of adequacy of translation of a poetic text; to describe the features of poetic translation.

The research methods which were used in this paper are the comparative analysis method, structural-semantic and contextual analysis.

Main ideas and results. The adequacy of a translation is usually defined as the correspondence of a translation to the requirements and conditions of a particular act of interlingual communication.

A poetic work is an artistic and semantically structured text that functions according to extralinguistic, pragmatic, sociocultural, psychological and other

factors, as a result of which it is able to accumulate all kinds of meanings - from purely linguistic and cultural to unique subjective ones.

L. T. Idiatullina believes that a poetic work is a certain complex of elements that includes such concepts as rhythm, melody, stanza and style. When these elements interact with each other, a “certain synthetic effect” arises in the mind of the reader [1, p. 46].

First of all, the translation of a poetic text is hampered by the fact that a significant role in this process is played by the talent of a translator, since a poetic text is a rather difficult and unsteady matter.

The second factor complicating the translation process is the presence of formal elements in the poetic text: phonetic (paronomasia, alliteration); morphological (the scarcity of inflections in the English language makes it difficult to translate and select rhymes); syntactic (the lack of a fixed order of words in Russian, in relation to a strictly regulated order in English). It is also worth noting that the average word length in the original language and in the target language significantly affects the difficulty of selecting language equivalents in poetic translation.

Thus, the average length of a word in Russian is 1–2 syllables, while in English it is 2–3. This difference in the length of the word significantly affects the length of the verse.

Virginia Woolf in the article “On not knowing Greek” emphasizes the destructiveness of translating Russian poetry into English: “Only a rough, vulgarized, belittled version of the meaning remains alive. After that, Russian classics look like people who have lost their clothes as a result of an earthquake or a train wreck” [3, p. 89].

The translator faces the problem of preserving language elements. In difficult cases, he is faced with the decision to preserve either content elements or form elements. In some cases, it is impossible to preserve the full meaning, the size and the rhyme at the same time. Some of the poets focus on the transfer of the semantic and stylistic characteristics of the original text.

There is also an opposite approach to poetic translation, in which content elements are omitted to preserve the formal elements of the poem. Many famous Russian poets followed this strategy. For example, B. L. Pasternak, while translating the works of P. B. Shelley, deviates from the original and creates new works with a distorted meaning. For example, the poem “One word is too often profaned...” [2, p. 93], in which the content elements are stored only in the first line. However, with a detailed analysis, one can see that B. L. Pasternak retained not only the size and rhyme, but also the intonation of the author.

Conclusion. It should be noted that in the process of poetic translation, it is permissible to omit both elements of content and elements of form. However, the mood and intonation of the original should remain unchanged. The adequate poetic translation leaves the selected linguistic elements which are the most relevant for a particular poetic work. That is why the translator should strive to ensure that in each individual case, to preserve what is essential for a given place and release the secondary.

References

1. Idiatullina, L. T. The problem of poetry's translation in the works of the modernscientists / L. T. Idiatullina. – 2010. – Vol. 1. – No. 1. – P. 44–49.
2. Pasternak, B. L. I understood the purpose of life : stories, poems, translations / B. L. Pasternak. – Moscow : Eksmo. 2008. – 528 p.
3. Tsvetkova, M. V. Concept ENGLISHNESS: basic constants. The problem of national identity in the culture and education of Russia and the West / M. V. Tsvetkova. – Voronezh : Voronezh. Univer. 2000. – 430 p.

УДК 81'276:1

ЧИЛИЙСКИЙ ВАРИАНТ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Тимошенкова С. А.,
*обучающаяся 3-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Бридко Т. В.

belinskayainna1004@mail.ru

Введение. Вопросы вариативности немецкого языка в бывших колониях Германии вызывают интерес со стороны лингвистов. Учеными рассматриваются проблемы вариативности немецкого языка в таких современных немецкоговорящих регионах как США (штат Пенсильвания), поселения в Южной Бразилии, Парагвае (Новая Германия) и в Южном Чили.

Актуальность исследования обусловлена тем, что, несмотря на многочисленные исследования диалектов немецкого языка (А. Д. Петренко, У. Аммон), чилийский вариант немецкого языка (Лауна-дойч) детально не рассматривался до настоящего момента.

Цель данного исследования заключается в определении специфики языковой ситуации в Чили, выявление особенностей немецкого языка на лексическом, грамматическом, фонетическом уровнях в речи немецкоязычного поселения в Чили. Задачи исследования:

- выявить особенности языковой ситуации в Чили;
- проанализировать вариативность чилийского немецкого языка.

Методы исследования. В данной работе были использованы методы сбора материала, а именно метод спонтанной выборки, анализ собранной информации, а также документальных, аудио и видео источников. Для выявления сходств между произношением носителей немецкого и носителей чилийского немецкого диалекта, был использован метод сопоставления норм стандартного немецкого произношения (словарь

немецкого произношения Дуден) с фактическим чилийским произношением носителей немецкого диалекта.

Результаты исследования. Анализ современной языковой системы в Чили позволяет охарактеризовать ее как экзоглоссную сбалансированную языковую ситуацию. Она считается таковой из-за того, что входящие в ее состав языки функционально не имеют одинаковый статус и не равнозначны.

Ученые отмечают, что Лауна-дойч (нем. Launa-Deutsch; от исп. laguna, также нем. Lagunen-Deutsch) – это разновидность немецкого языка, используемая немецкоговорящим населением в Чили, проживающим в районе озера Льянкиуэ. Лауна-дойч представляет собой вариант немецкого языка с использованием некоторой лексики испанского языка [1].

Большинство носителей Лауна-дойч живут вокруг озера Llanquihue. Этот вариант немецкого языка интегрировал не только лексемы, заимствованные из испанского языка, но и перенес значение испанских слов на немецкие.

Как известно, большинство носителей Лауна-дойч являются потомками немецкоязычных иммигрантов из Европы в 19 и 20 веках. Влияние немецкой иммиграции девятнадцатого века на юг Чили было таково, что Вальдивия некоторое время была испано-немецким двуязычным городом с «немецкими вывесками и плакатами наряду с испанскими» [1]. Престиж немецкого языка заставил его приобрести качества суперстрата на юге Чили [1].

Необходимо отметить, что Лауна-дойч легко понимается немцами, однако испанская лексика может привести к путаницам. Так, слово examen в Лауна-дойч соответствует не Prüfung или Examen, а ärztliche Untersuchung; слово kompetenz (от competencia) соответствует немецкому Konkurrenz (например: dieses international operierende Unternehmen macht uns starke Kompetenz). Ряд слов (letschern = melken, pape = Kartoffel, pastelería = Bäckerei, vacke = Kuh и др.) и вовсе не понимается носителями стандартного немецкого языка [1].

Данный вариант (Лауна-дойч) интегрировал элементы испанского языка и постоянно находился под влиянием стандартного верхненемецкого языка, который преподавался в немецких школах в этом районе. От этого диалекта некоторые лексические элементы перешли в чилийский испанский язык, в частности названия кулинарных рецептов, таких как kuchen и strudel. Подобное явление фиксируется, например, в спанглише, смеси американского английского с испанским, употребляемого в Соединенных Штатах Америки. В случае с Лауна-дойч происходят типичные морфологические интерференции, что делает этот вариант своего рода редкостью, берущей понемногу от каждой культуры. В этот немецкий язык привносятся некоторые кастильские глаголы, которые затем адаптируются к немецкому языку. Типичной ситуацией в этом регионе, как отмечают лингвисты, является так называемое переключение

кодов, которое представляет собой взаимозаменяемое использование обоих языков в одном и том же предложении.

Выводы. В результате можно отметить, что хоть стандартный немецкий язык и чилийский немецкий язык имеют существенные различия, они также во многом похожи. Различия между литературным немецким языком и чилийским диалектом заключаются лишь во влиянии чилийского испанского языка на немецкий. В целом же, лексику, фонетику и синтаксис чилийский немецкий язык позаимствовал и стандартного литературного немецкого языка.

В дальнейшем будет проведено более подробное исследование Лауна-дойч на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях языка.

Список литературы

1. Verzeichnis: Außereuropäische Varietäten des Deutschen. Chile (Launa-Deutsch) (на немецком языке). – URL: <http://Викисловарь>. (дата обращения: 18.02.2022).

УДК 81'42

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОМПРЕССИИ КАК СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАГОЛОВКОВ РОССИЙСКИХ СМИ)

Толстова А. С.¹, Валеева Л. В.²,

¹ обучающаяся 1-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

² кандидат филологических наук, доцент кафедры русского,
славянского и общего языкознания Института филологии ФГАОУ ВО
«КФУ имени В. И. Вернадского»

tasia4r13@gmail.com

Введение. Фактор компрессии играет первостепенную роль в процессе формирования особенностей языка современных массмедийных текстов и наиболее полно представлен в заголовках. Явление компрессии способствует реализации таких особенностей языка современных СМИ, как сжатость изложения и связанная с ней экономия средств выражения, повышенная экспрессивность и образность.

Актуальность исследования заключается в построении алгоритма создания одновременно интересного, нестандартного, оригинального, интригующего заголовка, позволяющего в огромном информационном потоке обратить внимание читателя на тот или иной материал. Правильно подобранный заголовок должен быть кратким и «играть» с потребителем

информации, для этого авторы массмедийных задействуют закон речевой экономии в его различных формах.

Целью данного исследования является выявление и моделирование особенностей компрессии как средства языковой игры в заголовках современных российских СМИ. Данная цель обусловила постановку следующих задач: 1) выявить и систематизировать особенности использования компрессии в заголовках современных СМИ; 2) представить алгоритм актуализации особенностей компрессии как эффективного средства языковой игры в заголовках СМИ.

Методы исследования. В работе использовались описательный (с его компонентами – наблюдением, обобщением, интерпретацией, классификацией), сопоставительный, контекстуальный, структурно-функциональный, метод дискурса-анализа.

Результаты исследования. Языковая игра – это нестандартное использование любых языковых единиц и категорий с целью создания остроумных высказываний и нестереотипных предметно-языковых ассоциаций. Компрессия в системе языка – проявление действия закона языковой экономии, в результате которого «наблюдается сокращение текстового пространства за счет преобладания объема означаемого над объемом означающего» [1, с. 243]. Языковая компрессия как средство языковой игры наиболее активно применяется в массмедийных заголовках.

Заголовок – это формально-семантический автономный знак, «являющийся обязательной частью текста и имеющий в нем фиксированное положение» [2, с. 92]. Заголовок выполняет назывную и собственно информационную функции, а также функцию экспрессивную, поскольку является средством привлечения внимания читателя к материалу статьи.

Одним из наиболее распространенных моделей построения эффективного заголовка является сочетание различных видов компрессии, формирующее семантическую актуальность.

Языковая игра основывается на разрушении определенной языковой нормы для создания экспрессивной речевой структуры. Такие деструкции могут происходить на грамматическом, семантическом уровнях и связаны с преодолением автоматизма и клишированности в образовании заголовка. Традиционное название дает ответы на вопросы *что? когда?*, а благодаря игре слов ответ на эти вопросы можно завуалировать и представить так, чтобы действительно привлечь внимание читателя.

В заголовке «*Китайский вызов гегемону*» («Крымская газета» 27.12.2022) прием элиминации порождает многозначность смыслов языковых доминант *китайский вызов* и *гегемон*. В данной статье речь идет о противостоянии Китая и США по тайваньскому вопросу. Языковая компрессия актуализирует стремление потенциального читателя заполнить смысловые лакуны «неизвестности»: кто является противником Китая и кто, по мнению автора, является гегемоном. Более того, смысловая структура заголовка порождает новые вопросы, такие как «В чем суть

противостояния?». Подобные заголовки вызывают большой интерес у читателя своей неоднозначностью и реализацией скрытых смыслов.

В официальных заголовках чаще всего задействованы алгоритмы построения языковой игры на основе компрессии, актуализирующие коммуникативные цели сообщения. В этом случае не используются скрытые смыслы, структура более четкая: «*Министр за столом: Вместе с Олегом Матыциным подводим спортивные итоги года и говорим о планах на 2023-й*» («Российская газета» 28.12.2022). В первой части заголовка дано указание на то, что статья посвящена деятельности министра, затем раскрывается сфера деятельности министра и конкретизируется информационная составляющая статьи.

Экспрессивная модель заголовка, построенная на основе компрессии, может строиться, например, благодаря рифмовке частей названия и апелляции к прецедентному тексту: «*Первый клич, первый зов – «Будь готов!»*» («Правда» 22.12. 2022). Выражение *Будь готов!* отсылает читателя к известному лозунгу советской эпохи.

Распространена модель, представляющая обыгрывание устойчивых сочетаний с сопутствующим семантическим переосмыслением.

«*Всем женам по серьгам: что известно о новом «ювелирном» деле Захарченко*» («Известия» 10.01.2023) – фразеологизм «*всем сёстрам по серьгам*» означает, что каждый получил свое. В данном случае изменено слово *сестрам* на *женам*, так как в статье речь идет о двух женах Захарченко. Семантическая переключка свободного сочетания с фразеологизмом, актуализация омонимии и создание стилистического контраста – все это в совокупности порождает дополнительные смыслы, вовлекает данную заголовочную конструкцию в область языковой игры;

Главная задача заголовка «*Воздушные замки: ПВО России уничтожили 60% целей в зоне спецоперации*» («Известия» 27.12.2022) – привлечь внимание читателя несочетаемым сочетанием фразеологического выражения со значением «придумывать несбыточные, бесплодные мечты, фантазии» и синтаксически развернутой конструкции о системах ПВО.

Выводы. Языковая компрессия является не только средством языковой экономии, а также выполняет смысловую, коммуникативную, экспрессивную, манипулятивную и другие функции. Эффективность заголовка и, соответственно, интерес потенциального читателя к тексту зависит от успешной организации языковой игры с помощью компрессии. Анализ использования компрессии как средства языковой игры в заголовках СМИ выявил продуктивность моделей сочетания различных видов компрессии, обращения к средствам языковой экспрессии, коммуникативно обусловленных моделей.

Список литературы

1. Валгина, Н. С. Теория текста : учебное пособие / Н. С. Валгина. – Москва : Логос, 2003. – 280 с.

2. Лукин, В. А. Художественный текст: основы лингвистической теории. Аналитический минимум / В. А. Лукин. – Москва : Издательство «Ось-89», 2005. – 560 с.

УДК 81'28.373.48(=512.19)

СОЗДАНИЕ СБОРНИКОВ КРЫМСКОТАТАРСКИХ ПОСЛОВИЦ: ИСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИЙ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Усеинов Т. Б.,

*профессор кафедры крымскотатарской филологии Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

useinovtb@mail.ru

Введение. Крымскотатарский пословично-поговорочный материал не исследован с диалектологической точки зрения. Отсутствие правильно составленных лексикографических изданий препятствует дальнейшему развитию отмеченной области.

В последние годы крымскотатарская паремиология активно развивается, наблюдаются попытки создания качественных сборников и словарей крымскотатарских паремий. Вышесказанное обуславливает **актуальность** проделанной работы.

Цель исследования – рассмотрение процесса создания сборников крымскотатарских пословиц и истории публикаций лексикографических изданий.

Методы исследования. В данной работе использованы следующие методы: сравнительно-сопоставительный метод и метод семантического анализа.

Результаты исследования. Крымскотатарский паремиологический фонд, с точки зрения диалектологии, остаётся недостаточно исследованным и по сей день. Вопрос же об издании качественных сборников паремий вообще не стоит на повестке дня.

Некоторый прогресс в данном вопросе наблюдался в самом начале XX века, а затем уже на рубеже XX-XXI веков. Указанное положение объясняется историческими событиями в жизни крымскотатарского народа: смутное революционное время начала XX в., Вторая мировая война, депортация народа.

В 2000-ных отечественные исследователи активно начали разрабатывать данную тематику. Так, в библиотеках СНГ, Турции и Румынии были обнаружены по меньшей мере восемь наиболее значимых, правильно составленных сборников крымскотатарских пословиц и поговорок:

1. *Пословицы, поговорки и приметы крымских татар, собранные А. А. Боданинским, Э. Л. Мартино и О. Мурасовым* / Под ред. А. Н. Самойловича и П. А. Фалева. – Симферополь : Типография Таврического губернского земства, 1914. – 67 с.;
2. *Ata sözleri ve özlü sözler* / Haz. Y. Kerimof, B. Şişmanoğlu. – Sofya : “D. Blagoef” Devlet poligrafi kombinat, 1960. – 153 s.;
3. *Dobruca’daki Kirim Turklerinde Atasozleri ve Deyimler* / Hazirlayan M. Ulkusal. – Ankara : Universitesi Basimevi, 1970. – 253 s.;
4. *Къайда бирлик, анда тирилик: Къырымтатар аталар сёзлери* / Терт. эт. Р. Фазыл; Ред. А. Дерменджи. – Ташкент : Эдебият ве санъат нешр., 1971. – 192 с.;
5. *Аталар сёзлери ве айтымлар* / Топлагъан ве терт. эт. Ш. Асанов. – Симферополь : Къырымдевокъувпеднешир, 2013. – 208 с.;
6. *Керичке кетсенъ, Къазантинке тие кет* (Керич ярымадасы къырымтатарларынынъ аталар сёзлери ве айтымлары) / Топлагъанлар С. Вапиев, К. Къонъуратлы (Усеинов), Ф. Джеппарова – Симферополь : Оджакъ, 2004. – 76 с.;
7. *Къырымтатарларнынъ аталар сёзлери. Пословицы и поговорки крымских татар* / Сост. предисл., пер. на рус. яз. Р. И. Музафаров. – Симферополь : Тарпан, 2007. – 144 с.;
8. *Айтымлар лугъаты* / Сост. Э. Озенбашлы – Симферополь : «Оригинал-М», 2008. – 120 с.

Отмеченные издания можно разделить на одноязычные (крымскотатарские) и на двуязычные (крымскотатарско-русские, крымскотатарско-турецкие).

Среди известных нам, первый сборник паремий был издан в 1914 году. В нем собраны пословицы и поговорки крымских татар, проживавших на тот момент в степной части полуострова.

Говоря о территориальной локализации лексики паремий, необходимо выделить Феодосийский, Перекопский, Евпаторийский и Керченский районы, в то время как сами собиратели были родом из степной части Крыма.

Пример:

Атай баласы, алтмышкъа кельми, акъыл балыкъ болмас – Отцовский ребёнок не повзрослеет, не достигнув шестидесяти;

Ашыкъкъан къыз къоджагъа барса, джалчымас – Девушка, поспешно вышедшая замуж, не будет покладистой;

Бабагъа ушакъ ул туумас, анагъа ушакъ къыз туумас – Для отца не рождается сын-лакей, для матери не рождается дочь-служанка.

Отметим, что принцип документирования и паспортизации фольклорно-диалектологического материала в данном издании не соблюдается.

В более поздних изданиях авторы ограничиваются лишь отсылкой на крымскотатарское происхождение языковых клише, не делая акцент на территориальной локализации.

Налицо ещё одна погрешность составителей – языковые единицы видоизменяются и “превращаются” из фольклорно-диалектологического материала в стандартный литературный крымскотатарский текст.

Открытым остаётся и вопрос включения в сборники обценной лексики, являющейся неотъемлемой составной частью крымскотатарского паремиологического фонда.

Выводы. На сегодняшний день отсутствуют сборники крымскотатарских паремий, полностью соответствующие нормам сбора и систематизации.

Диалектологическую ценность представляют собой сборники-словари крымскотатарских паремий следующих составителей: А. А. Боданинского, Э. Л. Мартино, О. Мурасова, М. Улькюсала, С. Вапиева, К. Кьоньуратлы и Ф. Джеппаровой.

Наличие правильно составленных лексикографических изданий даст возможность изучить территориально локализованный языковой материал.

Список литературы

1. Усеинов, Т. Б. Гендерная стереотипизация, отражающая кровное родство по прямой линии в пословицах степных крымских татар рубежа XIX–XX вв. / Т. Б. Усеинов // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. – 2022. – Выпуск 14. – С. 67–72.
2. Усеинов, Т. Б. Гендерные стереотипы и гендерное неравенство в пословицах степных крымских татар рубежа XIX–XX вв., отражающих семейные отношения / Т. Б. Усеинов // Филология : научные исследования. – 2019. – № 6. – С. 156–165.
3. Усеинов, Т. Б. Крымскотатарские календарные пословицы рубежа XIX–XX вв. / Т. Б. Усеинов // Сибирский сборник : сборник научных статей / под ред. З. А. Тычинских. – Вып. 4. – Тобольск : Тобольская типография, 2019. – 540 с.
4. Dobruca'daki Kırım Türklerinde Atasözleri ve Deyimler / Hazırlayan M. Ülküsal. – Ankara : Üniversitesi Basımevi, 1970. – 253 s.

ЮСУФ БОЛАТНЫНЪ ИКЯЕЛЕРИНДЕ ЭМОЦИОНАЛЬ-ЭКСПРЕССИВ РЕНКЛИ ЛЕКСИКАНЫНЪ КЪУЛЛАНУВЫ

Усеинова А. Л.,
обучающаяся 4 курса Института филологии
ФГАОУ «КФУ имени В. И. Вернадского»

Научный руководитель: зав. кафедрой крымскотатарской филологии, к.
филол. н., доцент, Меметова Э. Ш.

bayramgazieva_a@mail.ru

Кириш. Юсуф Болатнынъ икяелеринде умумен услубий ренкли лексикасы зияде къулланылып. Муэллифнинъ икяелерини талиль этюв нетиджесинде бир сыра чешит эмоциональ-экспрессив ренкке аит олгъан сёзлерни къайд этмеге мумкюн.

Ишнинъ актуаллигини бугуньки куньде белли язиджыларымызнынъ эсерлери услубий джеэттен толусынен огренильмегени тасдикълай.

Ишимизнинъ макъсады: Юсуф Болатнынъ икяелеринде эмоциональ-экспрессив ренкли лексиканы къайд этмек. Макъсадымызгъа коре бойле **вазифелерни** чезеджекмиз: 1) эмоциональ-экспрессив ренкли лексиканы айырмакъ; 2) ишбу лексика эмоциональ-экспрессив ренкининъ анги чешитлерини акс эттиргенини огренмек.

Усуллар. Ишимизни язгъанымызда тасвирий усул иле файдаландыкъ.

Чыкъарылгъан хулясалар. «Эмоциональ-экспрессив ренкнинъ чешит тарафлары, адети узьре, эки буюк – мусбет ве менфий – болюкке айырылалар. Шу болюнме анъылгъан адисеге сёйлеиджининъ мусбет я да менфий мунасебетинен багълыдыр. Мусбет мунасебетли сёзлер тантаналы, котеринки ... ве котеринки-назмиевий... чешитлерине айырылалар. Мында акс олунгъан тасвирий ренкнинъ дереджеси умумий» [2, с. 160]. Юсуф Болатнынъ тили адден ашыр ифаделик иле айрылып турмакъта. Мында эм мусбет ренкли сёзлерни, эм менфий ренкке аит олгъан лексемаларны къайд этмеге мумкюн. Икяелеринде исе эмоциональ-экспрессив лексикасы зияде къулланылып: *езитлер, мельун, будала, мерданем, зампара бешарет, керата, къарт пезевенк, къызматабан, масхара, зырзон эриф, шартмек, ачкозь обюр, джинабет, топал, лафазан, кёр сохта, ахмакъ, фармазон джинабет, хулиган эриф, алем масхарасы, къарт обюр, джинасир.*

Юкъарыдаки эмоциональ-экспрессив ренкли сёзлер Юсуф Болатнынъ «Табиатым ойле» [1] адлы икяелер джыйынтыгъындан алынгъандыр. Ишбу сёзлер чокъусы алларда эмоциональ-экспрессив

ренкни контекстте алгъанларындан себеп, ашагъыдаки джумлелерни кетиремиз: *Бильмиш олунъыз, езитлер, бутюн мал-мулькюнъизни берсенъиз де бу азиз ананынъ сиз ичюн чеккен заметлерини одеп оламазсынъыз* [1, с. 5]; *Йиберинъ мельуны, тюкянгъа баишта о кирсин, – деди мераметли къадынлардан бири* [1, с. 88]; *Чокъ тикилип бакъма, будала, – деди мерданем, – назарынъ тиер* [1, с. 65]; *Зампара! – деди бир данем къайтадан когерип* [1, с. 65]; *Бакъ, бешаретке, – деди бир данем сабыры тюкенип, – окълав юткъан адам киби сусты да къалды*[1, с. 65]; *Ялан язгъан эллери къопып тюшкейди, кератанынъ, – деди Къуртсеит акъайнынъ Гульшерфеси* [1, с. 61]; *Ольген сонъ мезарында окюрсин, къарт пезевенк...*[1, с. 61]; *Яшлар киби къызматабан олма, – деди о* [1, с. 50]; *Не япайым, бутюн алемге масхара олсам да, беклемек керек олды* [1, с. 50]; *Зырзоп эриф ойле бир тез ишлей ки, мына сана деген бояджынъ да онынъ ерине беш капик* [1, с. 38]; *Илле десенъ анавы шартмек Шавер – Ачкозь обюрге барып айтынъ, меним аккордеонымны къайтарып берсинъ, – деген* [1, с. 30]; *Бойле деп тюшюнген сонъ, шу джинабетнинъ гармоныны балабан бир шалгъа сардым да, бу къар алымда оны сыртыма урып, та Акътёпе базарына алкеттим...* [1, с. 31]; *Мында яхшы бир софра донатылсын, – деди тонал Къуртвели, лафазан достыны болип* [1, с. 108]; *Инатлама, кёр сохта, бутюн тюкянджылар балджыдыр* [1, с. 79]; *Ахмакъ! – деп къычырды манъа* [1, с. 74]; *Гут-гутынъ къуругъайды, фармазон джинабет, – деп алып кочъти Хорай* [1, с. 118]; *Юмрукъларынынъ джый, хулиган эриф, – деди бирден «эджебий» адам татарджа* [1, с. 118]; *Бакъ сен бу алем масхарасына, мышыкъны менден алгъаныны да унуткъан* [1, с. 32]; *Мерамет чарпсын сени, къарт обюр, сен онынъ башыны кетменнен урып эзгенсинъ* [1, с. 30]; *Къапыны ачып бакъсакъ, не корейик, джинасирнинъ янакълары чёюнде къызартылгъан чибереклер киби пускалашкъан* [1, с. 77].

Белли олгъаны киби: «Лексиканынъ услубий ренклери – тарихий денъишкен адиседир. Денъишмелер эм эмоциональ-экспрессив, эм де функциональ-услубий ренклернинъ даиресини къаплап ала. Онынъ ичюн лексик системасында бир сёз айны вакъытта бир къач услуб ренкли олувы сыкъ расткельген алдыр. Месея, *тоймаз* (лакъырды ве нефрет), *делиль* (китабий ве публ.)» [3, с. 40].

Нетидже. Бутюн, къайд этильген услубий ренкли лексиканынъ чешитлери, эльбетте, услубий битараф лексика узеринде къурула, контекст шараитлеринен багълы ве услубий усулларда пейда ола. Лугъатнынъ буюк къысмыны теркип эткен битараф лексика, адети узьре, озюнинъ эсас маналарында ве умумкъулланылгъан шараитлерде къуллана. Лугъатта бу сёзлер озь вазифелеринде битараф ола билелер. Онынънен берабер, “джанлы” къулланувда, хусусан агъзавий-лакъырды, бедий ве публицистик нуткъунда битараф сёзлер чешит тюрлю ве бекленильмеген эмоциональ-экспрессив ренклерни къабул этелер. Бойледже бу сёзлер битараф чешитлеринден услубий ренкли я да эмоциональ-экспрессив ренклилерге айланалар.

Эмоциональ-экспрессив лексиканынь охшав, мыскбыл, шакый, алгышылы, алгышсыз, опыкели киби чешитлери айырыла. Шу ренкке аит олгъан сёзлер чокъусынен лакъырды тилинден алынгъандыр.

Къулланылгъан эдебият

1. Болат, Ю. Табиатим ойле. (Икяелер) / Ю. Болат. – Ташкент : Гъафур Гъулам адына бедий эдебий нешрияты, 1977. – 137 с.
2. Меметова, Э. Ш. Къырымтатар тилининъ услубий ренкли лексикасы / Э. Ш. Меметова // Культура народов Причерноморья. – 1999. – № 6. – С. 160–163.
3. Меметова, Э. Ш. Къырымтатар тилининъ услубиети / Э. Ш. Меметова. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2001. – 144 с.
4. Русско-крымскотатарский, крымскотатарско-русский словарь / сост. С. М. Усеинов. – Симферополь : Издательский дом «Тезис», 2007. – 640 с.

УДК 45.03.01

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА В ПУБЛИКАЦИЯХ ЭКС-ПРЕЗИДЕНТА США ДОНАЛЬДА ТРАМПА В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ “TWITTER”

Хаванская Э. А.,
*обучающаяся 2-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: зав. кафедрой английской филологии,
к. филол. н., доцент Полховская Е. В.

evelinahavanskaya@yandex.ru

Введение. Социальные сети – неотъемлемая часть современного общества. С каждым днем все больше людей не просто общаются посредством социальных сетей, но и делятся собственным профессиональным и личным опытом. Важным является тот факт, что в нынешнее время большинство людей заменило живое общение на интернет-коммуникацию. Кроме того, стоит отметить, что даже политики, бизнесмены и мировые лидеры вынуждены прибегнуть к использованию социальных сетей и различных интернет-платформ с целью мгновенной передачи информации в общественные массы, а также формирования некоего имиджа.

Важной составляющей при анализе виртуального общения является особенность лексики пользователей. Зачастую для выражения собственных мыслей употребляется эмоционально-оценочная лексика, которая характерна для разговорного, художественного и публицистического

стилей речи в связи с созданием экспрессивности и выражением оценочной коннотации в отношении того или иного события или предмета.

Целью данного исследования является выявление эмоционально-оценочной лексики в публикациях экс-президента США Дональда Трампа в социальной сети “Twitter”.

Для достижения данной цели нами были поставлены следующие **задачи**:

- 1) определить влияние социальных сетей и возможности интернет-коммуникации в современном мире;
- 2) изучить понятие и виды эмоционально-оценочной лексики;
- 3) охарактеризовать особенности передачи информации Дональдом Трампом посредством текстовых публикаций в интернет-пространстве;
- 4) провести семантико-стилистический анализ публикаций экс-президента США на социальной платформе “Twitter” с целью выявления эмоционально-оценочной лексики с положительной коннотацией.

Методы исследования. В данной работе используется системный подход. Применяются такие методы исследования как: метод лексического анализа, дефинитивный метод, дескриптивный метод, метод семантического анализа и сопоставительный метод.

Результаты исследования. Рассмотрев основные способы выражения эмоций в тексте, исследуемые рядом учёных (С. В. Чернышовым [2], Д. А. Романовым [1], В. И. Шаховским [3] и др.), было выявлено, что экспрессивная функция языка является одной из важнейших, тесно связанных с коммуникативной, так как выражение эмоций и чувств – одна из первостепенных целей общения. Кроме того, анализ способов выражения эмпатийности в опосредованной коммуникативной среде показал, что их можно разделить на две большие группы: графические (визуальные) и языковые и словообразовательные средства.

Проанализировав публикации экс-президента США Дональда Трампа в социальной сети “Twitter” на предмет эмоционально-оценочной лексики с положительной коннотацией, была выявлена следующая специфика выражения эмоций, а именно: при помощи аббревиаций (Repunlicans will hopefully confirm to the FCC ASAP!), восклицаний (Respect his memory!!!), парцелляции, в качестве разновидности которой выступают заглавные буквы как сигнал о фазовом ударе (Brown who is a Patriot and Great Leader), использовании эпитетов и выделение их заглавными буквами (Biggest and Fastest Financial Recovery In History. Next year be the best ever...).

Таким образом, экс-президент США Дональд Трамп использовал как визуальные, так и языковые и словообразовательные средства для выражения положительных эмоций в своих публикациях.

Выводы. Проанализировав публикации экс-президента США Дональда Трампа в социальной сети “Twitter” на предмет эмоционально-оценочной лексики с положительной коннотацией, была выявлена

следующая специфика, а именно: использование лексики с яркой эмоциональной окраской (эпитетов) (68%), восклицаний (70%), парцелляций (34%), аббревиаций (14%). Следует отметить, что использование лексики такого вида формирует положительный образ в глазах избирателей.

Так, можно заключить, что лексика, содержащая критерий оценки, является основой для создания стойких положительных или негативных коннотаций и ассоциаций в связи с упоминанием политического лидера, то есть некоего имиджа.

Таким образом, вышеизложенный материал показывает, что исследование эмоционально-оценочной лексики в контексте социальных сетей имеет колоссальное значение, позволяя анализировать текст с точки зрения наличия в нем слов, конструкций и графических средств, выражающих оценку.

Список литературы

1. Романов, Д. А. Языковая репрезентация эмоций: уровни, функционирование и системы исследований (на материале русского языка) : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореф. дис. ... д. филол. наук / Д. А. Романов. – Белгород, 2004. – 52 с.
2. Чернышов, С. В. Эмотивно-концептная модель обучения иностранным языкам в лингвистическом ВУЗе : специальность 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания» : автореф. дис. ... д. пед. наук / С. В. Чернышов. – Нижний Новгород, 2016. – 47 с.
3. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе (на материале английского языка) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : дис. ... д. филол. наук / В. И. Шаховский. – Москва, 1988. – 402 с.
4. Mehrabian, A. Nonverbal communication / A. Mehrabian. – 1-st pub. – Chicago : Aldine Publishing Company, 1972. – 248 p.

**ПРОБЛЕМА ПРЕДМЕТНО-ЯЗЫКОВОГО
ИНТЕГРИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ
(CLIL - CONTENT AND LANGUAGE INTEGRATED LEARNING)
В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ**

Харченко М. А.,
*старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3
Института филологии ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

kharchenkomariia88@gmail.com

Введение. Интернационализация высшего образования, глобальная студенческая мобильность и возрастающая популярность дистанционного обучения привели к тому, что многие университеты предлагают программы обучения, использующие английский в качестве второго языка (Я2). Университеты, предлагающие международные программы, сталкиваются с языковыми проблемами, связанными с использованием английского как языка обучения (АЯО) [4, с. 502], среди которых: низкий уровень владения английским языком сотрудниками, административным и вспомогательным персоналом. Недавние исследования показывают, что многие преподаватели лишены возможности интегрировать предметно-языковые курсы в процесс обучения вследствие недостаточных лингвистических знаний [3, с. 264], что затрудняет процесс преподавания, в частности тем студентам, чей уровень английского языка слишком низкий. Двухязычные программы сочетают использование письменных ресурсов на английском языке с лекциями и дискуссиями на родном (первом) языке (Я1).

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выдвинуть CLIL (Content and Language Integrated Learning) на передний план в качестве ориентира для курсов повышения квалификации в институциональной среде.

Целью исследования является рассмотрение процесса интеграции языка и предметно-ориентированного (ПО) контента в программу CLIL путем сравнения убеждений и методических подходов преподавателей английского языка и преподавателей ПО курсов. Данная цель обусловила постановку следующих задач: 1) рассмотреть основные принципы концептуализации методов интеграции содержания ПО курсов и языка в CLIL; 2) провести сопоставительный анализ подходов к обучению CLIL в институциональной среде.

Методы исследования обусловлены вышеизложенными целями и задачами и включают в себя: метод тематического анализа, метод наблюдения, метод опроса, анкетирования, интервьюирования.

Данные были собраны посредством полуструктурированных интервью с 6 преподавателями (3 преподавателя английского языка, преподающих курс зарубежной литературы и лингвострановедения на английском языке и 3 преподавателя-предметника с уровнем владения английским языком B2 по CEFR — The Common European Framework of Reference for Languages), проходившими курс повышения квалификации в процессе подготовки к экзамену ТКТ (The Teaching Knowledge Test) CLIL в г. Ростов-на-Дону. Полуструктурированные интервью содержали в общей сложности 10 вопросов, которые использовались в качестве ориентира. Вопросы были разделены на следующие группы: 1) краткие сведения о преподавателе (образование, опыт работы, должность); 2) убеждения преподавателей о целях и методах CLIL; 3) используемые методические ресурсы; 4) языковая политика преподавателей-предметников в процессе преподавания ПО курсов; 5) общее отношение к CLIL, отображающее, по их мнению, преимущества и недостатки.

Результаты исследования. Согласно анализу ответов преподавателей CLIL, английскому языку отводится роль «инструмента» в процессе изучения контента ПО курса. По мнению одного из преподавателей-предметников, понимание Я2 и способность использовать его на занятиях возможны лишь в том случае, когда английский является только инструментом в процессе достижения основной цели: «Я не считаю, что повышение уровня владения языком на занятиях является моей целью или задачей. Моя цель — усвоение материала, предусмотренного программой курса». Преподаватель английского языка, читающий курс по лингвострановедению, также поддержал мнение, что английский язык является инструментом для изучения ПО курсов. Однако, по его мнению, изучение ПО курса в контексте CLIL невозможно без одновременного изучения английского языка: «I often try to make them [students] aware of the English language and language use, always with content as an excuse. We learn something new and the way, or the tool, is English».

Метод наблюдения позволил провести анализ методических подходов преподавателей в контексте CLIL. Влияние языкового input со стороны преподавателя (получаемых студентами входных данных) напрямую влияло на возможный output (выходные данные, производимые в ответ на входные данные) студентов в процессе занятия. Стратегии ведения занятий, выбранные преподавателями для разных ПО курсов CLIL, были напрямую связаны с input и output показателями [2]. Преподаватель-предметник следовал традиционному методу ведения занятия — teacher-centered (ориентированному на преподавателя), подразумевающему подробное разъяснение информации, долгую монологическую речь и использование вспомогательных визуальных материалов на Я1. Стоит отметить, что данный подход не ориентирован на развитие у студентов навыков письма или говорения на иностранном языке. Преподаватель английского языка придерживался подхода, в большей степени ориентированного на студентов (student-centered

approach), при котором предлагались различные input ресурсы в виде аудиовизуальных материалов или текстов на Я2. На его занятиях по лингвострановедению использовался подход, основанный на разрешении поставленных задач (task-based approach) таких как написание статьи, создание видео-ролика, составление веб-страницы города и подразумевающий работу в группах.

Выводы. Результаты данного исследования подтверждают, что CLIL является «зонтичным» термином [1, с. 244], включающим в себя множество вариантов. Фактически преподаватели адаптируют CLIL согласно своим реалиям и используют те методические подходы, которые считают приемлемыми в конкретной педагогической практике, создавая свой вариант CLIL. Выбранные методические подходы сформированы под влиянием убеждений о роли языка в CLIL. Дополнительным источником отличий в выборе методического подхода может стать конкретный преподаваемый курс, отличающийся по своим целям, ожидаемым результатам, факультативному или обязательному статусу.

Список литературы

1. Cenoz, J. Critical analysis of CLIL: Taking stock and looking forward [Electronic Resource] / J. Cenoz, F. Genesee, D. Gorter // Applied Linguistics. – 2013. – Vol. 35, no. 3. – P. 243–262. – Access mode: <https://doi.org/10.1093/applin/amt011>. (Access date: 28.02.2023).
2. Dalton-Puffer, C. Discourse in Content and Language Integrated Learning (CLIL) classrooms [Electronic resource] / C. Dalton-Puffer. – John Benjamins Publishing Company, 2007. – 330 p. – Access mode: <https://doi.org/10.1075/llt.20>. (Access date: 28.02.2023).
3. Macaro, E. Exploring the role of language in English medium instruction [Electronic resource] / E. Macaro // International Journal of Bilingual Education and bilingualism. – 2020. – Vol. 23. – P. 263–276. – Access mode: <https://doi.org/10.1080/13670050.2019.1620678>. (Access date: 28.02.2023).
4. Pecorari, D. At the crossroads of TESOL and English medium instruction [Electronic resource] / D. Pecorari, H. Malmström // TESOL Quarterly. – 2018. – Vol. 52, no. 3. – P. 497–515. – Access mode: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/tesq.470>. (Access date: 28.02.2023).

**ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ
ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК РОДНОМУ И КАК
ИНОСТРАННОМУ (НА МАТЕРИАЛЕ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИХ
РАБОТ Т. В. АРЖАНЦЕВОЙ)**

Хлус А. Б.,
*обучающаяся 1-го курса Института филологии
ФГАОУ «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: к. пед. н., доцент Аржанцева Т. В.

a.xlus@bk.ru

Введение. Совершенствование методики преподавания русского языка как родного и как иностранного – ведущее направление в научно-методической деятельности кандидата педагогических наук, доцента Т. В. Аржанцевой. В своих исследованиях учёный много внимания уделяет изучению приёмов повышения познавательной мотивации обучения русскому языку, поскольку в современной образовательной системе роль преподавателя не сводится к роли транслятора знаний, а заключается в мотивировании обучающихся к учебной деятельности, в привлечении их к активной творческой работе, в ходе которой у каждого возникает осознанная необходимость прилагать интеллектуальные усилия.

Актуальность исследуемой Т. В. Аржанцевой темы определяется тем, что проблема формирования мотивации изучения русского языка его носителями и инфонами еще недостаточно разработана как на теоретическом, так и на практическом уровнях. Несмотря на то, что современные психологи, педагоги, методисты и лингводидакты едины в том, что качество обучения русскому языку во многом зависит от мотивационного обеспечения учебного процесса, проблема формирования познавательной мотивации не нашла еще должного освещения в работах по методике преподавания русского языка как родного и как иностранного.

Цель данной работы – исследовать и систематизировать способы формирования мотивации познавательной деятельности в процессе обучения русскому языку как родному и как иностранному, описанные в научно-методических работах Т. В. Аржанцевой.

Задачи:

- анализ научно-методических работ Т. В. Аржанцевой, посвящённых проблеме формирования познавательной мотивации обучения русскому языку;
- выявление и описание средств, педагогических методов, методических приёмов, которые позволяют формировать учебные мотивы обучающихся, изучающих русский язык как родной и как иностранный.

Для достижения поставленной цели применялись следующие **методы теоретического уровня познания**: анализ методической литературы по исследуемой проблеме, изучение и обобщение передового педагогического опыта, классификация педагогических методов, методических приёмов, описательный метод.

Материалом исследования послужили научно-методические работы Т. В. Аржанцевой [1; 2; 3; 4; 5], посвященные проблеме формирования познавательной мотивации обучения русскому языку как родному и как иностранному (см. Список литературы).

В результате проведённого анализа научно-методических трудов учёного и методиста-практика Т. В. Аржанцевой было установлено, что определяющую роль в выборе словесником конкретных мер педагогического воздействия на обучаемых должно играть выявление характера учебной мотивации обучающихся и смысла учения. Мотивация Т. В. Аржанцевой понимается как побуждение к действию. В её исследованиях мотивация рассматривается как динамический процесс психофизиологического плана, управляющий процессом обучения русскому языку. Поскольку именно мотивация определяет способность индивида деятельностно удовлетворять свои потребности, то для успешного обучения русскому языку словеснику необходимо прежде всего пробудить у обучающихся познавательный интерес.

Т. В. Аржанцевой различается внутренняя (интринсивная) и внешняя (экстринсивная) мотивация [1, с. 74]. Экстринсивная не связана с содержанием учебной деятельности, но обусловлена внешними по отношению к субъекту обстоятельствами, например, обещанием какого-либо поощрения в том случае, если обучаемый хорошо усвоит определенные правила и способы действий. Интринсивная связана не с внешними обстоятельствами, а с самим содержанием учебной деятельности.

По мнению учёного ведущую роль в обучении русскому языку должна играть интринсивная мотивация, поскольку в её основе лежит не столько жажда познания нового, сколько интерес к русскому языку, неудержимое стремление познать его законы, понять особенности, раскрыть секреты. При такой мотивации обучающиеся с большей лёгкостью справляются с трудностями в изучении современного русского языка.

Внутренняя мотивация формируется в процессе игровой и исследовательской деятельности. Атмосферу исследовательской деятельности можно создать посредством правильной организации проблемного диалога с учащимися или эвристической беседы с элементами дискуссии. Именно эти приёмы рассматриваются в качестве наиболее эффективных средств активизации мышления обучающихся. Суть активности, достигаемой в процессе проблемного диалога и эвристической беседы, заключается в том, что обучающийся анализирует

фактический материал и оперирует им так, чтобы самостоятельно получить необходимую теоретическую информацию.

Ценно, что в работах Т. В. Аржанцевой приводятся конкретные примеры проблемных уроков русского языка, а также описываются эффективные приёмы организации эвристической беседы с обучающимся.

В научных статьях по методике преподавания русского языка как родного Т. В. Аржанцевой освещаются также нетрадиционные подходы к формированию интринсивной мотивации [2; 3; 5], такие, например, как постижение обучающимся языковых явлений посредством чтения сочинённых ею лингводидактических сказок, в которых языковые единицы предстают перед читателем в виде сказочных персонажей, вступающих между собой во взаимоотношения, аналогичные тем, какие существуют в языковой системе между её единицами [2]. Фантастические сюжеты лингводидактических сказок отражают языковые законы, орфографические и пунктуационные правила, которые при таком подходе становятся понятны и вызывают искреннее желание их познавать.

В научно-методических работах по методике преподавания русского языка как иностранного исследователь предлагает включать в процесс обучения короткие тексты юмористического характера и современные лингвистические анекдоты, в которых механизмом создания комического эффекта является особая языковая игра. В качестве приёма декодирования имплицитного смысла современных юмористических текстов Т. В. Аржанцева предлагает использовать созданный её особый алгоритм [5, с. 45], дающий обучающимся возможность получить представление о том, каким образом осуществляется трансляция комического. С помощью этого алгоритма формируется умение декодировать скрытый смысл игровых речевых текстов. Целенаправленная работа с аутентичными текстами лингвоанекдотов даёт возможность иностранным учащимся воспринимать теоретические сведения о языке, а также информацию страноведческого и социокультурного характера в позитивном эмоциональном ключе, что, несомненно, повышает познавательный интерес к стране изучаемого языка и внутреннюю мотивацию изучения русского языка.

Выводы. В своих научно-методических работах Т. В. Аржанцева придерживается той точки зрения, что формирование познавательной мотивации необходимо потому, что именно она (мотивация) придаёт деятельности обучающихся особый личностный смысл, благодаря чему изучение русского языка приобретает для них самостоятельную ценность. Учёный отстаивает убеждение в том, что наиболее значимой для обучения русскому языку является интринсивная (внутренняя) познавательная мотивация. Формирование интринсивной мотивации познавательной деятельности рассматривается как условие успешного обучения русскому языку. Чтобы повысить мотивацию обучающихся, заинтересовать их учебным материалом, следует преподносить теоретическую информацию так, чтобы вызвать её эмоциональное

восприятие. Для этого предлагается сопоставлять неожиданные факты, обнаруживать противоречия, вызывать у обучающихся удивление, недоумение, вопрос, который побуждает к поиску истины, то есть необходимо применение проблемного изложения знаний, при котором освещение каждого вопроса ведется путем создания ситуации затруднения, выявления заключенных в нем противоречий и последовательного разрешения.

Теоретическая значимость исследовательской работы Т. В. Аржанцевой по изучению способов повышения познавательной мотивации обучения русскому языку как родному и как иностранному состоит в том, что её результаты расширяют научные представления о механизмах порождения интринсивной мотивации и вносят определённый вклад в развитие методической теории. Практическая ценность – в возможности применения полученных результатов в практике преподавания русского языка как родного и как иностранного.

Список литературы

1. Аржанцева, Т. В. Формирование интринсивной мотивации познавательной деятельности как условие успешного обучения русскому языку / Т. В. Аржанцева, Ю. В. Гончарова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2016. – Т. 2 (68). – № 4. – С. 73–80.
2. Аржанцева, Т. В. Использование лингвистических сказок на уроках русского языка как эффективный прием формирования познавательной мотивации / Т. В. Аржанцева, Ю. В. Гончарова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2016. – Т. 2 (68). – № 4. – С. 116–126.
3. Аржанцева, Т. В. Реализация проекта «сокровищница праздников народов Крыма» как метод развития творческого познавательного мышления обучающихся / Т. В. Аржанцева, С. А. Дроздова // Русский язык в поликультурном мире : сборник научных статей III Международного симпозиума : 2-х томах / отв. ред. Е. Я. Титаренко. – Ялта : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2019. – С. 8–12.
4. Аржанцева, Т. В. Кафедра русского языка и культуры речи: традиции, новации, перспективы / Т. В. Аржанцева // Преподавание русского языка в Крыму: исторический и этнокультурный контекст : коллективная монография / под ред. Л. А. Ореховой, Т. В. Аржанцевой. – Симферополь : Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2022. – С. 74–105.
5. Аржанцева, Т. В. Лингвистические особенности современных русских языковых анекдотов в аспекте преподавания РКИ / Т. В. Аржанцева // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация : Материалы VII Международной междисциплинарной научной конференции / под общ. ред. проф. А. Д. Петренко. – Том 1. – Симферополь, 2022. – С. 39–48.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ РЕМАРОК В ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛЕСИ УКРАИНКИ

Хребтович К. А.,
аспирант 3-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Гладкая И. С.

ks.alexandrovna.work@gmail.com

Введение. Ключевым формальным выразителем авторской речи в драматическом тексте является ремарка. Традиционно ремарки служат важным ориентиром для режиссера и актера в их работе по материализации текста пьесы в пространстве сцены. Однако в модернистских произведениях «ремарка постепенно приобретает многофункциональный характер. Она выступает как органичный компонент драматического произведения, активно участвует в развертывании образов и установлении межтекстовых связей произведения, в выражении авторской точки зрения» [1, с. 214]. Таковыми являются и ремарки в драматических произведениях Леси Украинки, выходящие за пределы только вспомогательного, служебного элемента.

Цель данного исследования – описать стилистические функции ремарок в драматургии Леси Украинки. Данная цель обусловила постановку следующих **задач**: рассмотреть природу ремарки как элемента драматического произведения, представить стилистические функции ремарки, обнаружить и описать ее стилистический потенциал в пьесах украинского драматурга.

В данном исследовании использованы следующие **методы**: описательно-аналитический, текстологический, семантико-стилистического анализа.

Результаты исследования. Существуют различные подходы к классификации ремарок и их функций. Так, среди ремарок выделяют открытые и закрытые, паратекстуальные и метатекстуальные, имплицитные и эксплицитные, ремарки внутри диалогов и за их пределами и т. д. Наряду с этими обобщенными типологиями исследователи предлагают другие классификации, исходя из функций ремарок. Так, опираясь на ряд работ предшественников Л. В. Чалова выделяет четыре категории стилистических функций ремарок: нарративная, дескриптивная, экспланаторная и характерологическая. С нарративной функцией связаны авторские вставки, синтаксической структурой сходные с художественными произведениями не только драматических жанров. К таким ремаркам относятся, как правило, иницирующие ремарки,

описывающие дислокацию персонажей. С дескриптивной функцией связаны объектные ремарки, описывающие различные нюансы во внешности, поведении, эмоциональном состоянии персонажей. Экспланаторную функцию выполняют ремарки, которые вносят дополнительную информацию об упомянутых ранее предметах и явлениях, объясняют действия героев. Характерологическую функцию выполняют ремарки, подчеркивающие профессиональную принадлежность, социальный уровень персонажа и т. п. [3, с. 125–127].

В пьесах Леси Украинки нарративную функцию часто выполняют пейзажные и интерьерные ремарки. В некоторых случаях эти ремарки достаточно объемны, состоят из группы предложений, в том числе с «лишней» для режиссера информацией и метафорической образностью, как, например, во вступительной ремарке в драме «Одержима»: *«Берег понад озером Гадаринським. Далеко на горизонті ледве мріють човни коло берега і чорніє люд, що хмарою заліг далекий берег»* [2, с. 123]. К ремаркам этого типа можно причислить и авторские вставки, конкретизирующие место и время действия: *«Діється в самі новітні часи»* («Блакитна троянда») [2, с. 39], *«У клубі»* («Прохання») [2, с. 217]. Таким образом, для данных ремарок характерна повествовательность и «статус» ремарки для чтения.

Дескриптивные ремарки в произведениях Леси Украинки описывают физические данные и внешность, нюансируют эмоции персонажей по манере их речи и ее тональности (акустические ремарки): *«...Ще не стара, але дуже бліда, з сивуватим волоссям і сумними, втомленими очима»* [2, с. 43]. Данные ремарки часто эмотивны, характеризуются наличием художественных средств выразительности. Их роль заключается не столько в подсказке костюмерам, сколько в предании эмоциональной окраски реплике, в углублении характеристики.

Ремарки, выполняющие экспланаторную стилистическую функцию, у Леси Украинки указывают на различные действия, которые совершает персонаж, произнося слова, и указывают на лицо, к которому обращена речь персонажа: *«Дивиться служебці в очі», «Пастух махає рукою і, здвигнувши плечима, йде собі геть. Служебка з підпасками наступують, будівничий і робітники одбиваються; спершу борються голими руками, потім ідуть в діло палиці, кілки й каміння»* («Осілля казка») [2, с. 198, 203].

Ремарки, указывающие на психологическое состояние персонажей, движения персонажей, манеру речи, характеризующие персонажей в психологическом аспекте, выполняют характерологическую стилистическую функцию: *«Жінка помалу затихає під його поглядом і безсило схиляється на руки до товаришок, що підтримують її»* («В катакомбах») [2, с. 241]. Подобную функцию выполняют и авторские комментарии к выходу и уходу персонажей, имеющие большое количество синонимов: *«вбігає», «крадеться», «кидається», «вибігає», «зникає»; к*

акту коммуникации: «голосить», «волає», «гукає», «кричить», «зітхає», «звертається», «порікує».

Выводы. Драматические произведения Леси Украинки демонстрируют, что ремарки, которые автор вводит в текст, как правило, характеризуют персонажей, но не открыто, а имплицитно, через использование правильно подобранных стилистических средств и стилистически окрашенной лексики.

Список литературы

1. Толчеева, К. В. Семантико-структурные и функциональные особенности паратекста в модернистской и постмодернистской драматургии: на материале французского языка : дис. ... канд. филол. наук / К. В. Толчеева. – Воронеж, 2007. – 220 с.
2. Українка, Леся. Повне академічне зібрання творів : у 14 томах. Том 1. Драматичні твори (1896–1906) / Леся Українка ; ред. Т. Левчук ; передм. Е. Соловей ; упоряд., комент. О. Вісич, С. Кочерга, Р. Тхорук. – Луцьк : Волинський національний університет імені Лесі Українки, 2021. – 512 с.
3. Чалова, Л. В. Стилистические функции ремарок в пьесах Б. Шоу / Л. В. Чалова // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2010. – № 2. – С. 123–128.

УДК 81'373.421(=512.161)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Челебиев Д. Э.,

старший преподаватель кафедры восточной филологии Института филологии ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

dilyaver.chelebiev@mail.ru

Введение. В работе рассматриваются теоретические вопросы изучения синонимии в лингвистике; понятие синонимии; выделяются признаки синонимичности; проводится разграничение фразеологической синонимии. При описании фразеологии разных языков лингвистами предлагаются классификации фразеологических синонимов, основанные в основном на структурной, семантической и стилистической характеристиках.

Актуальность. В тюркских языках синонимия широко изучена на материале карачаево-балкарского, татарского, узбекского, хакасского и других языков. Однако в турецком языке категория синонимии рассмотрена фрагментарно, особенно вопросы структурно-грамматической характеристики фразеологических единиц.

Целью данного исследования является рассмотрение различных точек зрения относительно определения сущности фразеологической

синонимии, определение типов фразеологических единиц с точки зрения структурно-грамматической характеристики. Данная цель обусловила постановку следующих **задач**: 1) осуществить критический обзор состояния изученности проблемы и анализ основных исследовательских подходов к ней в общем и тюркском языкознании; 2) определить критерии синонимичности изучаемых лексических единиц, структурные типы фразеологических синонимов; 3) систематизировать полученные результаты, сделать выводы.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие методы: сравнительно-сопоставительный метод и метод компонентного анализа.

Результаты исследования. В исследованиях, посвященных фразеологии, еще не выработано единое мнение по определению фразеологических синонимов. Существуют различные точки зрения на понимание сущности фразеологических синонимов. По мнению М. И. Фоминой, фразеологические синонимы, будучи сходными с лексическими, характеризуются следующими параметрами: 1) предельно семантически сближаясь, они, как правило, имеют различия в оттенках значения, сфере употребления, стилевой принадлежности, экспрессивно-стилистической роли; 2) соотносятся с одной и той же частью речи; 3) бывают сходными и различными по структурно-грамматическим признакам; 4) отличаются одинаковой или сходной лексической (или синтаксической) сочетаемостью [3, с. 332].

Необходимо обратить внимание на то, что большинство ученых при определении фразеологических синонимов отмечают оттеночность значения. По мнению И. И. Чернышевой, фразеологическими синонимами являются разноструктурные или одноструктурные фразеологические единицы, имеющие одинаковое значение при неадекватности образной мотивированности единиц и возможных различиях в семантических оттенках значения, функционально-стилистической принадлежности и сочетаемости [4, с. 81].

Ряд ученых под синонимами понимают фразеологизмы, выражающие одно и то же или близкие понятия, относящиеся к одной и той же части речи, но отличающиеся друг от друга либо оттенками значений, либо эмоционально - стилистической окраской, либо обоими этими признаками одновременно [1, с. 4; 2, с. 10].

По мнению А. М. Эмировой, фразеологические синонимы – это «фразеологические единицы, выражающие одно и то же или смежные понятия, близкие по значению, но имеющие разную образную основу (внутреннюю форму), отличающиеся смысловыми и / или стилистическими оттенками, а также обладающие разной эмоционально-экспрессивной окраской» [5, с. 91]. Синонимы образуют двучленные и многочленные синонимические ряды.

Синонимический фразеологический ряд – это совокупность фразеологизмов, объединенных по близости или сходству значений. Во

главе синонимического ряда находится доминанта – фразеологическая единица, наиболее полно отражающая значение ряда и нейтральная в эмоциональном и стилистическом отношении. Как правило, все члены синонимического ряда относятся к одному и тому же частеречному разряду.

Структурные типы фразеологических синонимов различаются по своей принадлежности к той или иной структуре и по количеству членов в синонимическом ряду.

Фразеологические единицы первого типа бывают одноструктурными и разноструктурными. Среди них выделяются: 1) однокомпонентные, у которых совпадает один компонент: *baş eğmek – boyun eğmek* ‘склонить голову, не сопротивляться’, *başı bağlı olmak – baş göz olmak* ‘быть засватанным, женатым или замужем’, *başı dara düşmek – başı daralmak* ‘оказаться в трудном положении’, *aceleye getirmek – dara getirmek* ‘делать поспешно, не выделить достаточно времени’; 2) одномодельные, т. е. имеющие одинаковую структуру, один вид связи между компонентами: *beyni atmak – auranı kabarmak* (сущ. + гл.) ‘разозлиться, взбеситься’, *eli açık – eli bol* (сущ. + пр.) ‘щедрый’, *akıl kutusu – akıl kumkuması* (сущ. + сущ.) ‘умный’, *el kadar – bacak kadar* (сущ. + послелог) ‘маленький. мелкий’ и др.; 3) сходномодельные: *iple çekmek – burnunda tütme – dört gözle beklemek* (зависимое сущ. + гл.) ‘ждать с нетерпением’, *benden günah gitti – benden söylemesi* (зависимое мест. + гл.) ‘все что требовалось я сделал’ и др.

Разноструктурных синонимических вариантов намного больше одноструктурных. Они построены по разным моделям: *bir deri bir kemik (olmak) – canlı cenaze* (сущ.+ гл. и прил. + сущ.) ‘худой, тощий’, *bey gibi yaşamak – bir eli yağda bir eli balda* (сущ. + послел. + инфин. и числ. + сущ.) ‘жить в достатке’, *barut fıçısı gibi – tepesi atmak* (сущ. + послел. и сущ. + гл.) ‘разозлиться’ и др.

Большая часть синонимических рядов представлена двумя членами, реже встречаются многочленные ряды, потому что фразеологизмы имеют очень сложную структуру и семантику. Примеры двучленных синонимических рядов: *arkası pek* (букв. «сзади крепкий») – *sirtı pek* (букв. «спина прочная») с общим значением ‘имеющий поддержку, покровителя’, *ateş pahasına* (букв. «по цене огня») – *raha biçilmez* (букв. «не имеющий цену») с общим значением ‘очень дорого’.

Трехчленный синонимический ряд *ağızdan laf çekmek* (букв. «вытянуть из рта слово») – *ağızdan söz çalmak* (букв. «украсть из рта слово») с общим значением ‘мастерски выудить, вытянуть информацию из кого-то’. Значения вышеуказанных фразеологических единиц отличаются внутренней формой и степенью проявления состояния.

Следующий четырехчленный синонимический ряд представлен разноструктурными идиомами с общим значением ‘быть смелым, отважным’: *tangal gibi yüreği olmak* (букв. «у него сердце как жаровня») –

(*onun*) *başı dik olmak* (букв. «он ходит с высоко поднятой головой»). Они отличаются внутренней формой и понятийными оттенками [6].

Выводы. Основываясь на опыте изучения явления синонимии в отечественной лингвистике, нами определены признаки синонимичности фразеологических единиц. При выделении типов фразеологических синонимов в турецком языке мы опирались на такие параметры как структурно-грамматическая характеристика, типы связи между компонентами фразеологизмов.

Список литературы

1. Жуков, В. П. Русская фразеология / В. П. Жуков – Москва : Высшая школа, 1986. – 158 с.
2. Коркина, Ю. Е. Синонимические отношения фразеологических единиц и слов в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. / Ю. Е. Коркина. – Великий Новгород, 2005. – 273 с.
3. Фомина, М. И. Современный русский язык. Лексикология : 4-е изд., испр. / М. И. Фомина. – Москва : Высшая школа, 1990. – 415 с.
4. Чернышева, И. И. Фразеология современного немецкого языка / И. И. Чернышева. – Москва : Высшая школа, 1970. – 199 с.
5. Эмирова, А. М. Основы крымскотатарской фразеологии : учебное пособие для студентов филологических специальностей высших учебных заведений / А. М. Эмирова. – Симферополь : КРП «Издательство “Крымучпедгиз”», 2012. – 168 с.
6. Adıgüzel, H. Türkçe deyimler sözlüğü / H. Adıgüzel. – İstanbul : Bilgeoğuz Yayınları, 2016. – 256 s.

УДК 82

DISCLOSURE OF SONMI'S IMAGE IN FICTION (BASED ON D. MITCHELL'S NOVEL *CLOUD ATLAS*)

Checheneva O. A.,
*1st year student of the Institute of Philology,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University*

Research supervisor: PhD in Philology, docent Pasekova N. V.

olyachecheneva@mail.ru

Introduction. The paper examines the image of one of the main characters of David Mitchell's novel *Cloud Atlas* – Sonmi. In the center of the artwork is a character, an artistic image that helps the reader to determine the author's intent. It is for this reason that it is important to determine the ways that allow the most complete transmission of the author's idea and message, which,

first of all, are realized in a literary text due to the characteristics of the character.

The aim of this paper is to identify the features of revealing the image of one of the key characters of D. Mitchell's novel *Cloud Atlas* – Sonmi, as well as the influence of expressive means of language on the formation of the considered artistic image.

The objectives of the work are as follows: analyze the author's methods of character description (appearance, speech, character), trace the disclosure of the character's image with the development of the plot, determine the significance of the character Sonmi for the plot of D. Mitchell's novel *Cloud Atlas*.

The research methods are the method of textual analysis and the descriptive method.

Main ideas and results. According to V. V. Vinogradov, «*The correct reading of a literary text does not always depend only on an attentive and sharp eye, but also on an understanding of the writer's style*» [2, p. 326]. In this work, the author uses many stylistic devices to describe the characters: metaphors, similes, metonymies and others. The author's style is multifaceted; it takes into account the historical features of each time interval. The language is filled with colourful expressions, diverse homogeneous words and gives the impression of a grandiose idea that the author really managed to realize.

One of the key characters of this work is Sonmi-451. She is a clone artificially created to do work at Papa Song's restaurant. All clones like Sonmi took the so-called «soap», which suppressed their curiosity and erased unnecessary words: «*Orientation teaches us the lexicon we need for our work, but Soap erases extra words we acquire later*» [2, p. 167]. Next we will consider the author's methods of character description:

1) The author pays not so much attention to the description of the character's appearance. Sonmi has Asian facial features. One of its important features is a birthmark: «*I was frightened of incriminating myself, but only my birthmark provoked any passing comment, between my collarbone and shoulder blade*» [2, p. 177].

2) The character's speech is especially remarkable, when creating the image of Sonmi, the author pays a lot of attention to it. Sonmi has a wonderful speech, which is noticed by others: «*You speak like an aesthete sometimes, Sonmi*» [1, p. 190]. As an example, we can cite her descriptions of nature, where she uses metaphors and personifications: «*The road upzigged through woodland. Trees, their incremental gymnastics and noisy silence, yes, and their greenness, still mesmerize me. Soon we arrived on the plateau campus. Cuboid buildings clustered: young purebloods paced narrow walkways where litter drifted and lichen yeasted*» [2, p. 278]. And also: «*Secondly, my language evolved: for xample, if I meant to say good, my mouth substituted a finer-tuned word such as favorable, pleasing, or correct. In a climate when purebloods thruout the Twelve Cities were reporting fabricant deviations at the rate of*

thousands a week, this was a dangerous development, and I sought to curtail it» [2, p. 271].

3) Describing the character of Sonmi, it should be noted that she tried in every possible way to develop her horizons: «*I didn't mean to look skeptical, Sonmi. Your mind, speech, your...self, show your dedication to learning»* [2, p. 186].

In addition, she was quite intelligent, and even being a weak-willed clone, she had the ability to build logical chains: «*Certainly. A dinery server behaving like a pureblood attracts trouble; trouble attracts blame; blame demands a scapegoat»* [2, p. 169].

With the development of the plot, Sonmi turns from a clone into a revolutionary: «*I was a well-orientated server in those days, you see, not the evildoer, the threat to civilization, I am now»* [2, p. 172]. Under the influence of a harsh, gloomy world, a girl who has not seen anything in her life has to change. She's starting to notice more important things: «*Huamdonggil is a noxious maze of low, crooked ramshacks, flophouses, pawnshops, drug bars, and comfort hives, covering perhaps five square miles southeast of Old Seoul Transit Station»* [2, p. 279] and she is aware of the need for change.

Sonmi's influence on the world of *Cloud Atlas* is difficult to overestimate. She is fighting with the rotten, corrupt government for the benefit of all the «unblooded». Sonmi leaves her own legacy in the form of commandments, which are of great importance for the sixth story. In this story the actions unfold in the distant future, where Sonmi becomes a deity and her commandments are a kind of Bible.

Conclusion. In conclusion, it should be noted that in the novel by the modern English writer D. Mitchell *Cloud Atlas*, an important role is assigned to the character Sonmi, which is revealed as the plot develops. Expressive means of language play a key role in revealing the image of the character of a work of art and make the artistic text attractive to the reader and the image of the character is bright and memorable.

References

1. Vinogradov, V. V. The problem of the author's image in fiction [Electronic resource] / V. V. Vinogradov. – Access mode: <https://danefae.org/lib/vvv/ojaxl/iv.htm>. (Access date: 08.03.2023).
2. Mitchell, D. *Cloud Atlas* / D. Mitchell. – London : Random House Trade Paperbacks, 2004. – 509 p.

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПЬЕСЫ КРИСТОФЕРА МАРЛО «ДОКТОР ФАУСТ»

Швец К. Н.,
обучающаяся 3-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Научный руководитель: зав. кафедрой английской филологии,
к. филол. н., доцент Полховская Е. В.

Karina.shvets.03@bk.ru

Введение. С пьесами Кристофера Марло на английской сцене впервые появляется настоящий драматический герой – сильная, яркая личность, обуреваемая страстями. Главное достоинство драм Марло – в поэтическом языке, прекрасной и лирической проникновенности и пафосной риторике. Благодаря творчеству Марло елизаветинская драма обрела свободу и многообразие выражения. Ярким тому примером является пьеса: «Трагическая история доктора Фаустуса».

В творчестве Марло получила более глубокое развитие концепция трагического. До этого трагическое понималось внешне, как изображение всякого рода злодейств, вызывающих страх и ужас. На этой позиции стоял и сам Марло, создавая «Тамерлана» и «Мальтийского еврея», однако «Фаустус» превосходит обе эти драмы тем, что здесь трагическое выражается не столько во внешнем, сколько во внутреннем конфликте в душе героя, и в пьесе сочетаются элементы различных литературных жанров.

Целью данного исследования является изучение жанровых особенностей пьесы Кристофера Марло «Трагическая история доктора Фаустуса».

В процессе достижения цели исследования, были выделены следующие **задачи**:

- 1) знакомство с творчеством драматургов Елизаветинской драмы;
- 2) характеристика Кристофера Марло как основного представителя драматургов того времени;
- 3) изучение литературных жанров, характерных для Елизаветинской эпохи;
- 4) проведение анализа жанрового своеобразия пьесы Кристофера Марло «Трагическая история доктора Фаустуса».

Методы исследования. В данной работе были использованы следующие подходы и методы исследования: типологический подход, культурно-исторический подход, герменевтический подход, метод стилистического анализа.

Результаты исследования. Ознакомившись с теоретическими наработками по теме исследования, что были сделаны такими авторами как Н. П. Михайловская, Г. В. Аникин [1], Н. В. Захаров [2], Н. Ш. Ленкова [3] и др., а также проанализировав ряд особенностей пьесы о докторе Фаустусе, было выявлено, что произведение сочетает в себе сразу несколько литературных жанров. Сама по себе пьеса трагична, однако, с другой стороны, в ней присутствуют явные элементы фарса – вида комедии. Некоторые сцены написаны в характере жанра моралите, когда о судьбе героя спорят Порок и Добродетель. Кроме этого, пьеса Марло также является и гуманистической пьесой с ярко-индивидуалистическим героем, так как посредством сопоставления двух образов – Фауста и Бога, отражается гуманистическая тенденция восприятия личности как «человекобога», а исчерпанность индивидуалистической концепции личности выражается с помощью метафоры: «Обломана жестоко эта ветвь».

Выводы. Пьеса Кристофера Марло «Трагическая история Доктора Фаустуса» оставила явный след в истории английской драматургии Елизаветинской эпохи. Литературные жанры, актуальные в то время, достигли успеха на сцене английского театра.

Проанализировав жанровое своеобразие пьесы, был сделан вывод, что Кристоферу Марло удалось создать яркого, своеобразного героя с внутренним конфликтом, принципами, целями и особым видением мира, а вместе с тем и показать атмосферу не только трагедии, но и комичности вокруг него, что было оценено по достоинству, ведь какое-то время на английской сцене трагический образ Фауста уступал комичному, способному выделить гротескный характер истории доктора.

Список литературы

1. Аникин, Г. В. История английской литературы : учебник / Г. В. Аникин, Н. П. Михайловская. – Москва : Издательский центр «Академия», 1998. – 512 с.
2. Захаров, Н. В. Елизаветинцы / Н. В. Захаров // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 4. – С. 278–282.
3. Ленкова, Н. Р. Фаустианская тема в Английской Литературе XX века : специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья (западноевропейская литература и литература США)» ; дис. ... канд. филол. наук / Нина Рашидовна Ленкова ; Башкирский государственный университет. – Уфа, 2015. – 193 с.

ОСКОРБЛЕНИЕ КАК ОСНОВНОЕ СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ЯВНОЙ ИНВЕКТИВЫ

Шемякина Е. В.,
*обучающаяся 4-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Мазина Е. Н.

katya2002katya@mail.ru

Введение. Инвектива – часто применяемая коммуникативная тактика в современном политическом дискурсе. Она используется для дискредитирования соперников коммуниканта. Агрессивная инвектива наиболее активно реализуется благодаря разным видам оскорбления. Их изучение позволяет распознать коммуникативные намерения политика, нарушающего общепринятые нормы общения, а также определить влияние инвективного речевого поведения на его имидж.

Целью данного исследования является выявление и анализ оскорблений в качестве средства реализации явной инвективы, используемых в речи Дональда Трампа.

Задачи исследования:

- изучить определения и виды инвективы;
- охарактеризовать сущность понятия «оскорбление»;
- выявить и проанализировать виды оскорбления, используемые для реализации явной инвективы в речи Дональда Трампа.

В данном исследовании использованы дефинитивный и структурный методы, дескриптивный дискурс-анализ, а также метод контекстуального анализа.

Материалом исследования являются транскрипты записей президентских дебатов в США 2016 и 2020 годов. Из них было выбрано 46 контекстов из речей Дональда Трампа.

Результаты исследования. Н. С. Заворотищева дает следующее определение инвективе: «любая номинативная единица, употребленная с целью оскорбить, задеть, обидеть, унижить, дискредитировать адресата и имеющая пейоративную экспрессию неодобрения, пренебрежения, презрения, содержащая явно негативную оценку, общественно осознаваемая и воспринимаемая адресатом как оскорбительную или клеветническую характеристику» [2, с. 7]. Исследователи выделяют несколько особенностей инвективы.

И. В. Заложная выделяет два вида инвективы исходя из лексического подхода:

1. *Эксплицитная (явная) инвектива.* Явная инвектива подразумевает использование негативно окрашенных лексических единиц, интерпретируемых обществом как запрещенные или нежелательные к употреблению и направленные по отношению к объекту с целью оскорбить и/или унизить.

2. *Имплицитная (скрытая) инвектива.* Скрытой инвективой исследователь называет «негативно-оценочную информацию о лице, выраженную без использования особых лексических единиц, воспринимаемых носителями языка как инвективные, а также негативную фактологическую информацию о лице, не имеющую эксплицитного выражения» [3].

В ходе исследования было выявлено, что Дональд Трамп преимущественно использует явную инвективу в своей речи (89,1% из всех контекстов, найденных в речи этого политика; примеры скрытой инвективы составляют лишь 10,9%). Для ее реализации Трамп прибегает к отраженным высказываниям (реализуемым согласно формуле «X сказал, что Y “подлец”»), общей бранной лексике, а также междометной эксплетиве, при этом, как показывает исследование, наиболее часто он использует оскорбления.

Г. В. Дмитриенко отмечает, что оскорбление – это «форма вербальной агрессии, осуществляемая с помощью обвинения оппонента в нарушении им норм национально-культурного поведения, пренебрежении определенными культурными ценностями или «демонстрации» его физической или умственной «неполноценности» по сравнению с инвестором и другими членами социума» [1, с. 5].

Оскорбления могут классифицироваться по принципу направленности. Они могут быть направлены на: 1) непосредственно субъект; 2) родственников адресата, чей статус мыслится в соответствующей культуре как приоритетный; 3) максимально сакральный мифологический субъект в культуре [1, с. 6].

В ходе исследования было выявлено, что политик обращается к оскорблениям, направленным на своего оппонента, и к оскорблениям, направленным на родственников адресата. Также были выделены основания для оскорбления в речи Д. Трампа: умственная или физическая «неполноценность» /некомпетентность, а также нарушение этических норм поведения.

В ходе исследования было установлено, что президент Трамп применяет оскорбления как средство реализации явной инвективы гораздо чаще, чем другие средства (65,85% из 46 контекстов, выбранных из дебатов).

Оскорбления, направленные на родственников оппонента, составляют 14,63% («*He is the Vice President of the United States, and his son, his brother and his other brother are getting rich, they're like a vacuum cleaner*» [4]). Политик применяет лексемы, которые вне данного контекста имеют нейтральную эмоциональную окраску. Однако при помощи

сравнительного оборота коммуникант создает для слушателей негативные ассоциации.

Оскорбления, направленные на оппонента, составляют 51,22% от общего количества средств реализации эксплицитной инвективы. («*Excuse me. Because she has been a **disaster as a senator. A disaster***» [4]). Дональд Трамп использует негативно окрашенную лексику с целью отрицательно охарактеризовать работу Хиллари Клинтон.

Посредством оскорбительных высказываний об умственной или физической неполноценности оппонента Трамп говорит о непригодности своих противников для поста президента и отмечает их некомпетентность. Для этого политик использует отрицательные конструкции с упоминанием положительных качеств человека: «***Did you use the word “smart”?** So you said you went to Delaware State, but you forgot the name of your college. You didn't go to Delaware State. You graduated either the lowest or almost the lowest in your class. **Don't ever use the word “smart” with me. Don't ever use that word***», «*Because you know what? **There's nothing smart about you, Joe. 47 years you've done nothing***», «*She doesn't have the look. **She doesn't have the stamina***» [4].

Трамп также отмечает нарушение противниками этических норм поведения. Использование экспрессивной лексики (“viciously”) создает желаемый перлокутивный эффект, а лексические повторы слов “raped” и “laughing” акцентируют внимание на недопустимость поведение оппонента. («***Hillary Clinton attacked those same women and attacked them viciously. Four of them here tonight. One of the women, who is a wonderful woman, at 12 years old, was raped at 12. Her client she represented got him off, and she's seen laughing on two separate occasions, laughing at the girl who was raped***» [4]). Такие оскорбления позволяют дискредитировать своих противников, создать отрицательный образ оппонентов для своих избирателей.

Вывод. Анализ оскорбительных высказываний в речах Дональда Трампа показал, что наиболее часто политик применяет оскорбления, направленные на оппонента, основанием которых выступают умственная и физическая неполноценность противников, а также нарушение ими этических норм. Применение оскорблений показывает, что целью политика является создание негативного впечатления избирателей от оппонентов кандидата в президенты. Использование инвективы не идет вразрез с образом Трампа как сильного политика, не терпящего церемоний.

Список литературы

1. Дмитриенко, Г. В. Вербальная инвектива в англоязычном лексическом субстандарте : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Глеб Владимирович Дмитриенко. – Пятигорск, 2007. – 20 с.
2. Заворотищева, Н. С. Инвективы в современной разговорной речи (на материале пиренейского национального варианта испанского языка и

американского национального варианта английского языка) : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Наталья Сергеевна Заворотичева. – Москва, 2010. – 27 с.

3. Заложная, И. В. Имплицитная инвектива в современном русском языке : структурно-семантические и коммуникативно-прагматические характеристики : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ирина Васильевна Заложная. – Ставрополь, 2011. – 23 с.

4. Debate transcripts / The commission on Presidential Debates [Electronic Resource]. – 2020. – Access mode: <https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/>. (Access date: 19.02.2023).

УДК 821.51

МЕМЕДЕМИН ЯШАРНЫНЬ ШИИРЛЕРИНДЕ ПОЭТИКА ХУСУСИЕТЛЕРИ

Шерфединова Л. Р.,
обучающаяся 3-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Джемилева А. А.

sherfedinovalenara@gmail.com

Кириш. Къырымтатар эдебияты тарихынынъ зенгин бир пытагы сайылган къырымтатар иджрет эдебияты халкъымызнынъ ве медениетимизнинъ тарихыны темелли огренмеге хызмет эткен эдебияттыр. Эдебиятымызнынъ бу пытагыны илерилетмеге иссе къошкъан Мемет Ниязий, Мустеджиб Улькусал, Исмаил Отар, Мемет Севдияр, Мемедемин Яшар киби муэллифлернинъ иждадий фаалиетлери гъает семерели ве меракълыдыр.

Къырымтатар иджрет эдебияты назм эсерлернен зенгиндир. Иджрет эдебиятында халкъ агъыз иждадынынъ анъанелери девам эттирилгендир. Иджрет эдебияты гъурбет иллерде яшагъан къырымтатар халкъынынъ джанлы тарихыны, миллий рухуны, анъыны айдынлаткъан эдебияттыр.

Ишимизнинъ макъсады. Мемедемин Яшарнынъ бала шиирлеринде поэтика хусусиетлерини бельгилеп, огюмизде пейда олган проблемаларны огренип, оджалар, алимлер, яызджылар тарафындан теклиф этильген фикирлерни талиль этерек, кенди фикирлеримизнен пайлашмакътыр. Макъсащдымызгъа коре чезген **вазифелеримиз:** 1) берильген мевзуны мумкюн дереджеде кенъ ве толусынен огренмек;

- 2) Мемедемин Яшарнынъ аятыны ве иджадыны талиль этмек;
- 3) Мемедемин Яшарнынъ шиирлериндеки мевзуларны косътермек.

Усуллар. Къоюлгъан макъсадымызгъа иришмек ичюн яzydжынынъ аяты ве фаалиети огрениле ве талиль этиле. Бу иште библиографик, тасвирий усуллардан файдаландыкъ.

Чыкъарылгъан хулясалар. Сонъки вакъытларда Къырымда ве четэль мемелекетлерде, яни Романия, Булгъаристан, Тюркиеде топлу яшагъан тюрк–татарлар арасында гъайрыдан къурулгъан медений копюр – миллий маариф, тиль, эдебият, фольклор, тарих киби сааларнынъ кенъишленмесине себеп олды.

Бунынъ мисали, Э. Озенбашлынынъ “Къырым мухаджирлери”, Э. Къуртумер ве муэллифдешлерининъ “Къырымтатар иджрет эдебияты”, М. Улькусалнынъ “Кырым тюрк-татарлары: дюню, бугуни, ярыны”, З. Карадавутнынъ “Кырымтатар фольклоры”, П. Кадри-заденинъ “Кырым-Романия”, Х. Кырымлынынъ “Тюркиедеки къырымтатар ве ногъай кой ерлешимлери”, Н. Махмутнынъ “Романия тюрк-татар эдебияты”, Н. Бакырджынынъ “Къырымтатар масаллары”. Эписи бу кетирильген ишлер иджрет эдебиятыны даа да терен огренмеге имкян берелер.

Янъы девир къырымтатар эдебиятыны Мемедемин Яшарсыз тасавур этмек мумкюн дегиль. Хусусан назмда кимсе онынъ киби салмакълы ве семерели иджат этмеди. Онынъ эсерлери бизим ичюн бир дерслик, нумюне олды.

Мемедемин Яшарнынъ аяты акъкъында малюмат пек аз. Къырымтатар эдебиятында шу малюматларны Т.Б. Усеинов тарафындан язылгъан «Народный стих Мемедемина Яшара» китабындан тапмакъ мумкюн [4].

Мемедемин Яшар 12 март куню 1936 сенеси Констанца (Костендже) шеэринде дюньягъа келе. 1957 сенеси Констанцада юкъары педагогик мектебининъ мезуны ола. 1962 сенеси Бухарест университетининъ филология факультетини (шаркъшынаслыкъ болюгини) битире. Т.Б. Усеинов бильдиргени киби, 1962 сенесинден башлап, Мурфатлар коюнде озюнинъ педагогик фаалиетини башлай. Яzydжынынъ ильк шиирлери ве икяелери «Ренклер» меджмуасында басылгъан. Бу меджмуа «Критерион» нешриятынынъ алтында эди. Бундан да гъайры, М. Яшар «Эмель» (Анкара), «Кирим» (Анкара), «Кокоризы» (Измир) меджмуаларынен ишбирлик япа. 1999 сенесинден башлап Романия яzydжылары Бирлигининъ азасы ола [3].

Мемедемин Яшарнынъ шиирлери чокъусы дидактик, лирик ве ичтимий мевзуларында олып, терен фельсефий фикирлернен ашлангъан. О, Добруджада тюрк эдебиятынынъ энъ ватанпервер тимсальджилеринден биридир. Шиирлеринде тарих, миллет, халкъ, тиль, Ватан ве Къырым мевзулары ачыкъ-айдын корюнемкте. Шаирнинъ иджадында Ватан, Миллет мевзулары, бирлик гъаеси муим ер тута. Онынъ «Тувгъан тиль», «Джанкой», «Керек», «Инанам», «Салгирнинъ сырлары», «Ватан» шиирлери де ичтимаий лириканынъ надир нумюнелери джумлесине кире.

Мемедемин Яшар инсаннын тамыры – онын Ана-Ватаны, ата-анасы ве ана тили олгъаныны эминликнен тасдыкълай.

Иджретте догъган ве яшагъан шаир, Къырымнын аджайип табиат манзараларыны ве дегерликлерини озь шиирлеринде юксек бедий меаретнен тасвир эте. Табиат зенгинлигини, Ана-юртнын текрарланмаз озьгюнликлерини окъуйдыжыгъа косътермек ичюн къалем саиби мубалягъа, джанландырув, къыяславлар киби тасвирий васталарны кенъ къуллана. Шиирлер терен фельсефий фикир узеринде къурулгъан, муэллиф озь мунасебетини бильдире, макъсадыны анълата, арекетке чагъыра.

Нетидже. Шаирнин эсерлери татлы тиль иле миллетнин дертлерини, аджджыларыны, нешэлерини айдынлата, онын сатырлары миллетни агълата, тюшондире ве силькиндире, базан исе шадландыра, джоштыра, арекетке кетире. Шиирлернин эр бир сатырларында джан сыкъынтысы, Ватангъа асрет чекмеси сезиле.

Список литературы

1. Къуртумеров, Э. Э. Къырымтатар иджрет эдебияты : учебное пособие / Э. Э. Къуртумеров – Симферополь, 2002. – 240 с.
2. Усеинов, Т. Б. Автобиографические стихи Мемедемина Яшара / Т. Б. Усеинов // Культура народов Причерноморья. – 2014. – № 267. – С. 177–180.
3. Усеинов, Т. Б. Лирические стихи Мемедемина Яшара / Т. Б. Усеинов // Учёные записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского ; Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2014. – Том 27 (66). – № 3. – С. 314–319.
4. Усеинов, Т. Б. Народный стих Мемедемина Яшара : монография / Т. Б. Усеинов. – Симферополь : КРП Издательство «Крымучпедгиз», 2009. – 160 с.

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ ГОВОРЕНИЯ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В 7 КЛАССЕ В ШКОЛЕ С УГЛУБЛЕННЫМ ИЗУЧЕНИЕМ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Широколава А. А.,
*обучающаяся 3-го курса Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: ст. преп. Чернобай С. Е.

annshirokolava@mail.ru

Введение. Одной из основных целей на уроке иностранного языка в средней школе является практическая, которая подразумевает овладение всеми видами речевой деятельности в пределах, определенных на государственном уровне программой, обязательной для всех образовательных учреждений. Для обучающихся средней школы с углублённым изучением английского языка рекомендован учебно-методический комплекс «Звёздный английский» («Starlight») [1]. Данные материалы способствуют достижению личностных, метапредметных и предметных результатов обучения.

Актуальность исследования заключается в необходимости совершенствования иноязычной коммуникативной компетенции учащихся средних школ, одной из составляющих которой является говорение.

Цель исследования – выявить наиболее эффективные способы формирования навыка говорения на уроках английского языка в 7 классе в средней школе с углубленным изучением иностранных языков. Для достижения цели поставлены следующие **задачи**: 1) рассмотреть формирование навыка говорения на иностранном языке у школьников среднего звена; 2) описать задания в УМК “Starlight” [1], направленные на формирование навыка говорения; 3) разработать дополнительные задания с использованием медиатехнологий, направленные на совершенствование навыка говорения на английском языке у учащихся 7 класса.

Методы исследования. В работе использованы следующие методы: анализ, синтез, дедукция, критический анализ научной и методической литературы по исследуемой проблематике, описательный метод.

Результаты исследования. Говорение – это продуктивный вид речевой деятельности, состоящей из предмета, результата, средств и способов осуществления. Оно характеризуется сложной мыслительной деятельностью, которая опирается на речевой слух, память, прогнозирование и внимание. Период обучения в средней школе считается стрессовым и «неизбежно связан с изменениями функционального и психического состояния организма ребёнка и, как следствие, со снижением

успеваемости» [3, с. 6]. Из-за нервно-эмоционального напряжения умственная работа приводит к повышенному эмоциональному возбуждению. Ввиду психофизиологических особенностей подростки на уроках могут испытывать трудности с концентрацией внимания, мотивационной сферой и соблюдением дисциплины. Одновременно с этим повышается желаемый уровень самостоятельности, учащиеся осознают себя взрослыми личностями с определенными интересами и увлечениями. На данном этапе возрастает важность зрительной и вербальной наглядности в процессе обучения. «Использование аудиовизуальных наглядных пособий ... влияет на эмоциональную сферу и, таким образом, способствует формированию мотивации к обучению» [2, с. 45]. Из-за возросших речевых потребностей аудиовизуальные материалы необходимы для соблюдения принципа ситуативности при развитии навыка говорения.

В ходе анализа УМК «Starlight» [1] выделены следующие типы заданий на развитие навыка говорения: 1) обобщение и группировка лексики из текста в письменном виде, презентация текста от лица автора с опорой на записи в тетради [1, с. 8]; 2) ответ ученика на вопрос по определённой теме в письменном виде и последующая устная презентация ответа [1, с. 33]; 3) тренировка диалогической речи с партнёром по предложенному плану [1, с. 13] или с опорой на изученный на уроке текст [1, с. 15]; 4) устное монологическое высказывание по шаблону до 10 реплик с содержательной, смысловой, вербальной и/или изобразительной опорой [1, с. 23]; 5) тренировка памяти через устную презентацию фактов и утверждений, которые запомнились ученику в конце урока после изучения текста по соответствующей теме [1, с. 42]. В итоге рассмотрения типов предложенных заданий было выявлено, что навык устной речи в большинстве случаев отрабатывается через развитие навыка письменной речи или чтения, а не с помощью визуальных или аудиовизуальных средств, что было бы более эффективно с методической точки зрения для данной возрастной группы.

Так как для учащихся средней школы важна ситуативная обусловленность говорения и наглядность, главным стимулом является воссоздание жизненных ситуаций, наиболее соответствующих реальному устному общению. Этот эффект достигается посредством динамической модели коммуникации. Это означает, что для успешного овладения навыком недостаточно тренировки диалогической и монологической речи по шаблону, необходимо владеть навыками, позволяющими перехватывать инициативу общения и менять тему в ходе разговора. Для развития данных навыков на этапе мотивации учебной деятельности на уроке по теме Антарктика [1, с. 44–45] можно показать отрывок из мультфильма «Happy Feet» («Делай ноги») [5], изображающий школу пингвинов в Антарктике. С помощью сайта с возможностью встроить разные типы интерактивных заданий в видео просмотр может быть дополнен различного типа вопросами, а также последующей дискуссией в парах или группах.

Повышенная эмоциональность предложенного эпизода и интерактивные задания способствуют большему интересу и вовлеченности учащихся. При изучении темы об экстремальных видах спорта [1, с. 46–47] подобным мотивирующим средством может выступать видео о 10 самых странных видах спорта [4]. В работе с видео учитель поощряет учащихся к обсуждению предпочтений друг друга и личного опыта.

Выводы. Исходя из психофизиологических особенностей учащихся 7 класса, важным является применение интерактивных методов обучения и использование аудиовизуальных средств при формировании навыков говорения на занятиях по английскому языку. Это позволит сохранить коммуникативную направленность уроков, поможет в их индивидуализации и соблюдении ситуативности и функциональности.

Список литературы

1. Баранова, К. М. Английский язык. Звездный английский. Starlight. 7 класс : учебник для общеобраз. учреждений и шк. с углубл. изучением англ. яз. / К. М. Баранова, Д. Дули, В. В. Копылов [и др.]. – Москва : Express Publishing ; Просвещение, 2014. – 184 с.
2. Кайбуллаева, З. Т. Использование аудиовизуальных средств при обучении иностранному языку / З. Т. Кайдуллаева // Достижения науки и образования. – 2018. – №19 (41). – С. 45–46.
3. Тяпкина, А. Д. Особенности адаптации учащихся среднего звена школы к учебному процессу / А. Д. Тяпкина, Т. Р. Ковригина // Norwegian Journal of development of the International Science. – 2021. – № 64. – С. 6–8.
4. 10 Most Unusual Sports From Around The World [Electronic Resource]. – Access mode: https://www.youtube.com/watch?v=K4FAs95PM4s&ab_channel=4EverGreen. (Access date: 6. 03. 2023).
5. Happy Feet [Electronic Resource]. – Access mode: <https://en.islcollective.com/english-esl-video-lessons/listening-comprehension/deep-listening-focus-on-meaning/happy-feet-part-1/489088>. (Access date: 6. 03. 2023).

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ЛИНГВИСТИКЕ

Шиян М. В.,
соискатель Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Научный руководитель: д. филол. н., профессор Петренко А. Д.

pantyushenkom@mail.ru

Введение. Язык, как и любое другое динамичное явление действительности, постоянно изменяется. Во все времена развития языка лингвисты многих стран изучали и анализировали различные процессы внутривидовых языковых изменений. Как известно, язык имеет двунаправленный характер. С одной стороны, говорящие не только воспринимают, но и осмысливают окружающую внеязыковую действительность. С другой стороны, элементы языка в своей совокупности направлены на отражение внутреннего, духовного мира индивидуума. Следовательно, в языке тесно взаимодействуют две сферы: материальная и духовная. Язык воссоздает материальный мир в его вторичном – идеальном проявлении.

Актуальность. Изменения, происходящие в языке, наблюдаются на всех уровнях его системы. Проследить пути «вторжения» новых элементов в систему языка на разных уровнях его организации, изучить вопрос о причинах, протекании и механизме языковых изменений – актуальные задачи современной лингвистики.

Целью данного исследования является выявление внутриязыковых и внеязыковых факторов, ставших причиной изменения и развития языков.

Задачи работы. К основным задачам настоящей работы относится попытка автора определить как динамику языковых изменений, так и факторы, послужившие тем или иным импульсом к этому; проанализировать и сопоставить лингвистические концепции известных языковедов.

Методы исследования. В данном исследовании использованы следующие подходы и методы: логический, сравнительный и исторический анализ.

Результаты исследования. Языки на протяжении длительного времени своего существования претерпевают глубокие изменения, пребывают в процессе постоянного развития или постепенно исчезают. Как отмечал Вильгельм фон Гумбольдт, «язык следует рассматривать не как мертвый продукт, а как созидательный процесс» [1, с. 69]; «язык – одно из тех явлений, которые стимулируют человеческую духовную силу к постоянной деятельности» [1, с. 52].

Каждый день в языках фиксируются инновации в области вокабуляра, развиваются другие семантические значения, формируются иные грамматические конструкции. Новые лексические единицы являются, как правило, следствием высокой человеческой вовлеченности в новую деятельность, а создание новых разговорных аббревиатур нередко ассимилируется в неофициальной коммуникации, что ускоряет процесс взаимодействия и обмена информацией.

Согласно теории Э. Косериу о синхронии и диахронии, изменения в языке неизбежны, поскольку человеческий язык никогда не находился в состоянии стагнации. Всецелое изучение английского языка регистрирует происходящие изменения и совершает попытку объяснить т.н. «упрощение языка», которое наблюдается при общении разных его носителей на различных континентах [2, с. 41].

Э. Сепир справедливо отмечает, что «подобно культурам, языки редко бывают самодостаточными». Как известно, греческая культура оказала мощное влияние на Римскую империю, которая, в свою очередь, донесла ее до Европы, а латинский алфавит стал основой письменности многих современных языков. Контактное взаимодействие языков без сомнения связано процессами культурного взаимовлияния [5, с. 61].

А. Д. Петренко отмечает, что на изменения языка в значительной степени влияют внутренние факторы, которые помогают адаптировать изменения и приспособить их к существующей системе и структуре языка [4, с. 91]. На основе анализа языкового поведения можно сделать вывод о том, что структура и лексическая системы стремятся к упрощению: происходит унификация многих форм региональных диалектов, облегчение произношения, упрощение грамматических форм. Основные позиции занимают сокращения, в частности аббревиатуры, что является следствием избыточности информации и развития языка по «принципу наименьшего усилия» или «закону экономии речевых средств» [2, с. 57].

Английский язык претерпел множество изменений. Причиной трансформаций словарного состава являются преобразования, которые происходят в социуме на локальном и международном уровнях. В настоящее время наблюдается очевидная тенденция дальнейшего развития подобных изменений, которые затрагивают все сферы языковой и внеязыковой деятельности. Основным потоком изменений направлен на расширение коннотаций одного и того же слова, нередко, в связи с процессами интеграции и глобализации [3, с. 274].

Выводы. Очевидно, что указанные изменения неоднозначно влияют на язык и его использование. С одной стороны, вариативность реализации языковых приемов и средств заметно увеличилась, что создает свободу в коммуникации и делает общение более простым и понятным. С другой стороны, данная унификация и упрощение существующих правил, структур и лексической составляющей лишают язык его уникальности, вносят некую неясность при общении, размывают границы между

территориальными диалектами, между официальным и разговорным стилями общения.

Список литературы

1. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт // Пер. с нем. под ред., с предисл. [С. 5-33, и примеч.] Г. В. Рамишвили. – Москва : Прогресс, 1984. – 397 с.
2. Косериу, Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения) / Э. Косериу // Новое в лингвистике. – 1963. – Вып. 3. – С. 123–343.
3. Петренко, А. Д. Актуальные проблемы языковой вариативности в аспекте мировой интеграции и глобализации / А. Д. Петренко [и др.] ; под ред. д-ра филол. наук, проф. А. Д. Петренко. – Симферополь : Феникс, 2011. – 274 с.
4. Петренко, А. Д. Языковые изменения в аспекте социально ориентированной фонетики / А. Д. Петренко [и др.] ; Иностранные языки в высшей школе. – Вып. 2(41). – Рязань, 2017. – С. 90–104.
5. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – Москва : Издательская группа «Прогресс» ; «Универс», 1993. – 656 с.

УДК 811.161.1

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АНТИЧНОЙ МИФОЛОГИИ В ТЕКСТАХ СМИ

Щербачук Л. Ф.¹, Мухаммаднабиева О. Б.²,

¹кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания Института филологии, «КФУ имени В. И. Вернадского»

²обучающаяся 4-го курса Института филологии ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Lidiya_shchl@mail.ru

Введение. Изучение фразеологии современной прессы является важным аспектом современной лингвистики, ведь СМИ являются активным языкотворческим фактором общества. Фразеологические единицы (ФЕ), репрезентирующие античную мифологию, активно используются в текстах СМИ разных жанров с целью оживления речи, усиления её выразительности и эмоциональности.

Актуальность работы. Проблема функционирования в текстах СМИ фразеологизмов с античными маркерами и целесообразность их использования актуальна на современном этапе развития информационного общества, поскольку журналистские тексты являются

активным источником распространения информации и формирования общественного мнения.

Цель данного исследования – охарактеризовать ФЕ, репрезентирующие античную мифологию в текстах современных СМИ.

Данная цель предполагает решение следующих задач: 1) выявить фразеологизмы, репрезентирующие античную мифологию, в текстах современных СМИ и определить их функцию; 2) охарактеризовать виды и функции трансформаций данных ФЕ в текстах СМИ.

В предложенном исследовании использованы следующие **методы**: описательный, семантический, а также контекстуальный анализ.

Результаты исследования. Текст в периодических изданиях обладает своими специфическими признаками. Языковые единицы, активно функционирующие в текстах СМИ, являются предметом исследования в контексте функционально-стилистических подходов как отечественных, так и зарубежных исследователей, среди которых А. Вежбицкая, Н. Д. Арутюнова, Н. Ф. Алефиренко, В. М. Мокиенко и др. По мнению учёных, фразеологизмы – одно из самых ярких и действенных языковых средств влияния на читателя. Они активизируют его внимание и мышление. Античная мифология значительно обогатила русскую фразеологию. Трансформация ФЕ как семантическое или структурно-семантическое видоизменение фразеологизмов служит достижению коммуникативно-информационной цели.

Для анализа нами были определены фразеологизмы с компонентами, репрезентирующими антропонимы античной мифологии: *ахиллесова пята*, *дамоклов меч*, *сизифов труд*, *подвиг Геракла (Геркулеса)*.

Ахиллесова пята – «наиболее уязвимое, слабое место у кого-либо. Из греческого мифа об Ахиллесе, тело которого было неуязвимо, за исключением пятки, за которую его держала мать, богиня Фетида, погружая в чудодейственную священную реку Стикс. Именно в эту пятку и был смертельно ранен Ахиллес стрелой Париса» [2, с. 551]. В текстах СМИ данная ФЕ зафиксирована в заголовках в традиционной форме и значении: «*Ахиллесова пята врагов России: почему русских невозможно сломить?*» (Царьград ТВ. 11.03.2023); «*Новая тактика российской пропаганды и ахиллесова пята Запада*» (ИноСМИ 02.05.2015); «*Ахиллесова пята Ассанжа: как главред WikiLeaks остался без интернета*» (RT. 19.10.2016). В некоторых заголовках авторы с целью актуализации вторичной номинации фиксируют данную ФЕ в кавычках: «*Россия метит в «ахиллесову пятку» западных стран*» (Рамблер. 27.09.2016); «*Немецкие СМИ рассказали об «ахиллесовой пятке» Путина*» (Репортер. 26.01.2021); «*Немецкие СМИ назвали "ахиллесову пятку" Турции*» (РИА новости. 25.07.2016).

Дамоклов меч – «постоянно угрожающая кому-либо опасность. Выражение возникло из древнегреческого предания о сиракузском тиране Дионисии Старшем (432-367 гг. до н.э.), который, чтобы проучить одного из своих приближённых, Дамокла, завидовавшего его положению, посадил

этого человека во время пира на своё место, повесив над головой Дамокла острый меч на конском волосе как символ тех опасностей, которые неминуемо грозят тирану. Дамокл понял, как мало счастлив тот, кто находится под вечным страхом» [2, с. 371]. В большинстве зафиксированных примеров в текстах СМИ ФЕ **дамоклов меч** употребляется в кодифицированном значении, но в некоторых случаях расширяет свои грамматические связи: «Обзор зарубежных СМИ: над Путиным висит "дамоклов меч"» (Рамблер. 18.10.2017); «Очень сейсмоопасны горы по южному краю Сибири – например, в Туве. Над остальной же территорией страны, казалось бы, не висит дамоклов меч природы» (Известия. 15.02.2013). В словаре современной русской фразеологии кодифицирована модифицированная ФЕ «**под дамокловым мечом** (быть, находиться, жить и т. п.). По данным экономистов, порядка 70 % подобных предприятий находятся в «серой» зоне и фактически нелегальны. А значит, функционируют под ежедневным дамокловым мечом многочисленных проверок и по «доброй воле» десятка проверяющих, рассматривающих предпринимателя как корову, которую не кормить – доить надо! Михаил Барщевский. Малый бизнес России: от слов – к делу! Цель и средства. Российская газета, 29 ноября 2007 (№ 267)» [1, с. 92].

Заголовок в СМИ – это акцентированная позиция, потому что именно название в первую очередь привлекает внимание реципиента. Часто в заголовках СМИ авторы используют ФЕ, отражающие подвиги античных героев. Например, Геракл – персонаж древнегреческих мифов, наделенный невероятной доблестью и силой. В заголовках СМИ нами зафиксирована кодифицированная ФЕ с компонентом, репрезентирующим данного античного героя, **подвиг Геракла**: «Спектакль в МХТ для меня как очередной подвиг Геракла» (Известия. 24.10.2012). Встречаются в текстах СМИ и трансформации подобных ФЕ: а) расширение компонентного состава именем числительным с указанием количества совершённых подвигов: «Поэтому, наверное, так неожиданно и свежо прозвучала на минувшей неделе передача "Три подвига Геракла" (ТВЦ)» (Труд. 10.01.2002); «Шесть подвигов в духе Геракла» (Советский спорт. 11.06.2010); б) аллюзия: «Ряд... подвигов, достойных Геракла» (Труд-7. 16.09.2008); «Совершать подвиги, словно Геракл» (Советский спорт. 17.11.2008); в) контаминация: «Гераклов сизифов труд. Невозможно ничего в России улучшить, когда никто даже и не ставит такую цель» (Yablog.ru. 26.01.2023). Как подтверждает пример, в тексте соединены две ФЕ: 1) **сизифов труд** – «о трудной и бесплодной работе (по имени древнегреческого мифического царя Сизифа, осужденного богами вечно вкатывать на гору камень, который, достигнув вершины, каждый раз скатывается обратно вниз)» [3, с. 258] и **гераклов подвиг** – «о чем-л., потребовавшем необыкновенных усилий, труда» [3, с. 240].

Выводы. Метафоричность, эмоциональность, экспрессивность исследуемых ФЕ придают языку СМИ образности и выразительности. Активно авторы используют данные языковые единицы в заголовках

статей. Оказиональные фразеологизмы обновляют традиционные по содержанию и форме высказывания. В языке СМИ трансформации ФЕ вполне мотивированы, поскольку позволяют достичь дополнительной экспрессии, актуализируют известную ФЕ для описания новых общественно-политических процессов.

Список литературы

1. Жуков, А. В. Словарь современной русской фразеологии / А. В. Жуков, М. Е Жуков. – Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. – 416 с.
2. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. – 3-е изд., испр. – Москва : Астрель : АСТ, 2008. – 878 с.
3. Фразеологический словарь современного русского литературного языка [в 2 т.] / сост. : А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов ; под ред. А. Н. Тихонова. – Москва : Флинта ; Наука, 2004. – Т. 1 : (А–П). – 831 с.

УДК 811.512.145'33

АСАН ЧЕРГЕЕВНИНЪ «АДЖЫ ИСЛЯМ МОЛЛА» ПЬЕСАСЫНЫНЪ ТАЛИЛИ: (ФОНЕТИК, МОРФОЛОГИК ВЕ ЛЕКСИК АСПЕКТЛЕРИ)

Эбасан С. Р.,

*обучающаяся 1-го курса магистратуры Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Бекирова Л. И.

ebasansusanna@yandex.ru

Кириш. Инкъиялтан эвель тюркшнаслыкънынь мутебер темсильджилерден бири В.В.Радлов академиги Къырым этнографиясы ве фольклор, къырымтатар шивелер боюнджа чокъ малюмат топлап, белли бир низамгъа къойып, «Шималь тюрклери халкъ эдебиятынынь нумюнелери» китабына нешир этти. В.В.Радловнынь шу иши 1886 сенеси Къырым ярымадасында кезювнинъ екюнидир.

Ишимизнинъ актуаллиги. Земаневий тиль шивелерининъ алыны огренмек ичюн, базы алимлернинъ ильмий ишлеринен таныш олмакъ керек. Къырымтатар диалектлеринен багълы олгъан тедкъикъатларнынь сайысы чокъ дегиль. Бу саада В.В.Радлов, А. Олесницкий, А.Н. Самойлович, А. Меметов, С. Изидинова, ве дигер алимлер иджат эткен эдилер. Къырымтатар шивелерине багъышлангъан биринджи диссертация 1982 сенеси Изидинова С.Р. тарафындан къорчаланды. Озь диссертациясында муэллиф чель, орта ёлакъ ве ялы бою шивелерининъ фонетик, морфологик ве лексик хусусиетлерини ачыкъламагъа арекет этти.

Ишимизнинъ макъсады. Асан Чергеевнинъ «Аджы Ислям молла» пьесаны талиль этмек, бу макъсадымызгъа иришмек ичюн огюмизге ашыгъыдаки вазифелерни къойдыкъ:

1. «Аджы Ислям молла» пьесанынъ мундериджесини бильмек;
2. Пьесада Судагъ агъызда къулланылгъан сѣзлерни тапып, оларны эдебий тильге чевирмек ве оларнынъ арасында олгъан денъишмелерни косьтермек.

Ишимизнинъ методологиясы - макъсадымызгъа иришмек ичюн талиль этюв, тасвирий, къыяслав киби усулларны къулландыкъ.

Асан Чергеевнинъ «Аджы Ислям молла» пьесада озь деврине келишкен мунджериджели эсердир. Бу пьеса шаир Абдурефий Алтанлы тарафындан тапылгъан эди, ве 1971 сенеси биринджи кере «Ленин байрагъы» газетасында нешир этильди.

*«Веермеенлер ахрет куню,
лябит отта янаджакъ,
Бу дюньянынъ ичерсинде
кимлер ольмей къаладжакъ.»*

Фонетик денъишмелер.

Судакъ агъызда - Эдебий тильде – Денъишмелер.

Банъа – Манъа - Сѣз башындаки янъгъыравукъ Б эдебий тил. сонор М сеске кечти – фон.денъишме.

Идейим – Этем - Суд.агъыз. биринджи эджада созукъ огсыра И сеси эдеб.тильде созукъ огсыра Е [э] сеске денъише – фон.денъишме.

Дикип – Тикип - Сѣз башындакиянъгъыравукъ Д сеси эдеб.тильде сагъыр Т сеске кече – фон.денъишме.

Гендинъе – Кендима - Сѣз башындаки янъгъыравукъ Г сеси эдеб.тильде сагъыр К сеске денъише – фон.денъишме.

Вер – Бер - Сѣз башындаки янъгъыравукъ В сеси эдеб.тил. янъгъыравукъ Б сеске кечти – фон.денъишме.

Бильмеюр – Бильмей - Суд.агъыз. созукъ Ю сеси эдеб.тильде туткъ Й сеске денъише – фон. Денъишме; Р сеси тюшип къала.

Гидерим – Кетерим - Сѣз башындаки янъгъыравукъ Г сесиедеб.тильде сагъыр К сеске денъише – фон.денъишме; Суд.агъыз. биринджи эджада созукъ огсыра И сеси эдеб.тильде созукъ огсыра Е [э]сеске денъише – фон.денъишме.

Вермеенлер – Бермегенлер - Сѣз башындаки янъгъыравукъ В сеси эдеб.тил. янъгъыравукъ Б сеске кечти – фон.денъишме; –Ен ялгъамасы ерине эдеб.тильде –Ген ялгъамасы ишлетиле –морф.денъишме.

Морфологик денъишмелер.

Судакъ агъызда - Эдебий тильде – Денъишмелер.

Япмыш – Япкъан - Суд.агъыз. –Мыш ял. эдеб.тил. –Къан ялгъамагъа денъишти – морф.денъишме.

Оланлар – Олгъанлар - –Ан ялгъамасы ерине эдеб.тильде –Гъа ялгъамасы ишлетиле –морф.денъишме.

Чыкъмыш – Чыкъкъан - Суд.агъыз. –Мыш ял. эдеб.тил. –Къан ялгъамагъа денъишти – морф.денъишме.

Къалмыш – Къалгъан - Суд.агъыз. –Мыш ял. эдеб.тил. –Гъан ялгъамагъа денъишти – морф.денъишме.

Къарыя – Къарыгъа - Догъ.келиш. –Я ялгъамасы ерине эдеб.тильде
Догъ.келиш. –Гъа ялгъамасына кече –морф.деньишме.

Сизе – Сизге –Е ялгъамасы ерине эдеб.тильде –Ге ялгъамасы
ишлетиле –морф.деньишме.

Апакъая – Апакъайгъа - Догъ.келиш. –Я ялгъамасы ерине
эдеб.тильде Догъ.келиш. –Гъа ялгъамасына кече –морф.деньишме.

Лексик деньишмелер.

Судакъ агъызда - Эдебий тильде – Деньишмелер.

Сейлер – Айтар - Лексик деньишме.

Ходжа – Акъай - Лексик деньишме.

Сейлейим – Айтайым - Лексик деньишме.

Арар – Къыдырыр - Лексик деньишме.

Сейлемединъ – Айтмадынъ – Лексик деньишме.

Нетидже. Тилимиз шивелернен зенгиндир. Шивелер тильнинъ
байлыгыны косьтерелер. Шивешынаслыкъ эдебий тильнинъ тарихыны
кечимини ве огренювинде энъ буюк иссени къоша. Шивелер бизге
тильнинъ тарихыны огренмеге ярдым этелер, чюнки шивелерде
сёзлернинъ энъ къадимий шекиллери сакъланып къала.

Къулланылгъан эдебият

1. Берберова, Р. А. Некоторые особенности диалектов крымскотатарского
языка / Р. А. Берберова // Qasevet. – 2005. – № 13. – С. 20–21.

2. Изидінова, С. Р. Фонетичні особливості діалектів кримськотатарської
мови
/ С. Р. Изидінова // Східний світ. – 1995. – № 1.

3. Меджитова, Э. Н. Методы исследования крымскотатарских диалектов /
Э. Н. Меджитова // Учёные записки ТНУ. – Том 18 (57) Филология. –
2005.

4. Мурахас, М. С. Некоторые грамматические особенности ускутского
говора / М. С. Мурахас // Ученые записки Таврического национального
университета им. В. И. Вернадского ; Серия «Филология. Социальные
коммуникации». – 2010. – Т. 23 (62). – № 3. – С. 69–73.

**ЭМПАТИЯ И КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ
В РАМКАХ КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНОГО ПОДХОДА
К ПРЕПОДАВАНИЮ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТ И. Н. ЛИТВИНЧУК)**

Юрченко В. Ю.,
*обучающаяся 1-го курса магистратуры Института филологии
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Научный руководитель: к. филол. н., доцент Литвинчук И. Н.

natura02@rambler.ru

Введение. Основными направлениями научно-исследовательской работы кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка и культуры речи И. Н. Литвинчук являются психолингвистика, социоллингвистика, прагмалингвистика, коммуникативная лингвистика, психосемантика, социальная психология, социология.

Кандидатская диссертация И. Н. Литвинчук на тему «Прагматика эмотивного текста (экспериментальное психосемантическое исследование)» по специальности «Общее языкознание», как и большинство её научных работ, посвящены исследованию влияния эмоционального фактора и языковой интерференции на процесс обучения иностранному языку.

Своеобразным итогом научных изысканий И. Н. Литвинчук в этом направлении можно считать статьи [1; 2; 3; 4], рассматривающие проблемы эмпатия и культурно-языковой интерференции в рамках когнитивно-коммуникативного подхода к преподаванию иностранного языка.

Актуальность работы заключается в исследовании гипертрофикации эмоциональной эмпатии, которая может не только затруднять обучение иностранному языку, но и отрицательно влиять на конкретные коммуникативные ситуации. Таким образом, в выборе иностранцами той или иной стратегии эмпатического поведения находим подтверждение их способности к индивидуальной психологической системе адаптации к чужой культуре и овладению иностранным языком. Реализуется это посредством языковых и речевых ресурсов (вербальных и невербальных) с помощью логотенов и имагенов метатекста.

Целью данного исследования является анализ научных работ И. Н. Литвинчук, посвященных изучению эмпатии и культурно-языковой интерференции, для выявления роли эмоционального состояния обучающихся в процессе усвоения иностранного языка, а также поиска способов преодоления культурно-языковой интерференции в

профессиональном общении обучающихся и обучаемых (с учетом этнической культуры каждой из взаимодействующих сторон и господствующих в той или иной культуре ценностей).

Методы исследования. Для достижения поставленной цели применялся метод анализа научно-методической литературы по исследуемой проблеме и описательный метод.

Материалом для анализа послужили научно-методические работы И. Н. Литвинчук [1; 2; 3; 4], посвященные проблеме данного исследования.

Результаты исследования. По мнению большинства современных лингводидактов, аффективный компонент является наиболее значимой составляющей межкультурной компетенции современного человека. Его основными составляющими являются эмпатия и толерантность. Функционирование механизмов эмпатии в учебном процессе во многом определяется культурно-опосредованными когнитивными процессами. Особенно важным является получение обучающимися, представителями различных культурных общностей, уникального опыта эмпатии в процессе освоения иностранного языка. В рамках коммуникативно-когнитивного подхода делается акцент на психоэмоциональном взаимодействии преподавателя и обучающихся.

В своих исследованиях И. Н. Литвинчук подтверждает выдвинутую ею гипотезу о том, что эмоциональная составляющая эмпатии гипертрофируется, будучи усиленной такой чертой личности, как нейротизм, который, однако, затрудняет не только оптимальное осуществление обучения в целом, но и освоение конкретных коммуникативных ситуаций.

Исследователь акцентирует внимание на том, что работа с эмотивными текстами позволяет интенсифицировать эмоциональное поле взаимодействия преподавателя и обучающихся как представителей различных культур, создавая тем самым максимальный уровень прагматики учебной коммуникации.

В статье, посвященной исследованию эмпатии и культурно-языковой интерференции, рассматриваемых учёным в аспекте когнитивно-коммуникативного подхода к преподаванию русского языка как иностранного [2], представлены результаты пилотажного исследования, в ходе которого были выявлены типы эмпатического поведения в системе «преподаватель – обучающиеся», формирующиеся в процессе интерпретации текстов с эмотивной семантикой. Учёным предпринята попытка выявить соотношение между различными эмпатическими реакциями, типом темперамента, уровнем нейротизма, эмоциональной устойчивости, экстраверсии / интроверсии и вербальным и невербальным поведением обучающихся русскому языку как иностранному (различные стратегии реагирования, качество коммуникативной инициативы и реакции в различных коммуникативных ситуациях). При этом соотнесение семантических контекстуальных проекций логотенов и имагенов, употребляемых субъектами речевой деятельности (с индивидуальными

психологическими характеристиками последних) позволяет повысить потенциал проектирования эффективного учебного процесса в сфере обучения иностранному языку.

Выводы. Результаты проведённых исследований позволяют заключить, что И. Н. Литвинчук рассматривает эмпатию как важнейшую детерминанту любого педагогического взаимодействия, определяя его успех или неудачу. Отсутствие у обучающихся эмпатических способностей не позволяет распознать их психоэмоциональный настрой, «создать общее поле смыслов и сформировать благоприятный фон интеракции» [2, с. 191], в то время как развитие навыков эмпатической коммуникации в дискурсе изучения иностранных языков, напротив, способствует оптимизации процесса декодирования культурной семантики, заложенной в текстах художественной литературы, которые используются в качестве учебных. Результаты проведённого И. Н. Литвинчук экспериментального исследования способствуют совершенствованию психолого-педагогических основ лингводидактики.

Список литературы

1. Литвинчук, И. Н. Реализация феномена эмпатии в восприятии эмотивных текстов: экспериментальный подход / И. Н. Литвинчук // Филологический аспект. – № 10. – Нижний Новгород, 2016. – С. 50–56.
2. Литвинчук, И. Н. Эмпатия и культурно-языковая интерференция в рамках когнитивно-коммуникативного подхода к преподаванию иностранного языка / И. Н. Литвинчук // Сборник трудов III Научной конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых «Дни науки КФУ имени В. И. Вернадского». – Симферополь : Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2018. – С. 191–195.
3. Литвинчук, И. Н. Феномен эмпатии и практика преподавания РКИ: экспериментальный подход / И. Н. Литвинчук // «Дни науки КФУ имени В. И. Вернадского : Сборник тезисов участников III научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых. – Симферополь : Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2017. – С. 853–854.
4. Литвинчук, И. Н. Когнитивно-коммуникативный подход к преподаванию русского языка как иностранного и эмпатия / И. Н. Литвинчук // Довузовская подготовка иностранных граждан: проблемы и перспективы : сборник научных материалов. – Казань : Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2021. – С. 96–98.

Научное издание

**ФИЛОЛОГИЯ.
СОЦИАЛЬНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ
ВАРИАТИВНОСТЬ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ**

Материалы конгресса

Подписано в печать 06.10.2023 г.
Формат 60x84/16. Усл. п. л. 7,7.
Тираж: 28 экз. Заказ № 109/1.
Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать цифровая.

Издательский дом ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского».
295051, Республика Крым, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7,
тел.: +7 978 823 14 29, e-mail: print@cfuv.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета ИП Зуева Т.В.
297564, Республика Крым, Симферопольский район,
с. Кизилкое, ул. Верхне-Кизиловая, 2, кв. 61.